

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

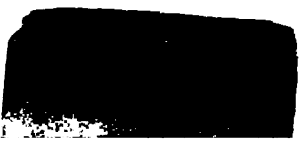
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 1-я.

МАЙ 1874

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1879.

	Стр.
I.—ПЪЗЪ ГЕТЕ. — I. Амуръ. — II. Римъ. — Н. В. Гербеля	5
II.—ПСИХОМОТОРНЫЕ ЦЕНТРЫ У ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ. — Ив. Р. Тарханова	7
III.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. Слѣзѣть. — II. Вотъ скоро сметутся наносы, мители. — III. Въ началѣ жизненной дороги. — С. А. Андреевскаго.	59
IV.—СПЕЦИАЛИСТЪ. — Страница изъ женской жизни. — К. Накулиной.	63
V.—ФИЛОСОФСКАЯ ДРАМА ГЕНАНА—„КАЛИБАНЪ“. — К. К. Арсеньева.	95
VI.—ГОРЕ-ЗЛОСЧАСТЬЕ.—Драма въ пяти дѣйствіяхъ. — В. А. Крылова	126
VII.—СОЦІАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ГЕРМАНИИ. — Историческій очеркъ. — Л. А—въ	205
VIII.—ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМѢРЕНІЕ И СПИРИТИЗМЪ. — По поводу статей гг. Цѣльнера и Бутлерова. — А. В. Г.	253
IX.—ЗНАТНЫЙ БАРИНЪ ПРОШЛАГО ВѢКА. — Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова, составленный внукомъ его гр. В. Орловымъ-Давидовымъ.—А. В—тъ.	272
X.—НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ.—Письмо девятое. — А. Реньера.	287
XI.—ХРОНИКА.—Образованіе и обезпеченіе быта рабочихъ въ Россіи. — П. Абрамова	321
XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новыя книги русской и иностранной литературы.	379
XIII.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—XLIV.—Современная драматическая сцена. — Эм. Зола.	405
XIV.—НЕКРОЛОГЪ. — Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. — М. С.	436
XV.—ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА. — Январскіе выборы и рѣчь Гамбетты.	440
XVI.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Исторія славянскихъ литературъ. Т. I. А. Пыпина и В. Спасовича. — Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. I.—Русская Вибліотека, т. IX: Гр. Л. Н. Толстой.—Робертъ Гринъ, изслѣдов. Н. Стороженко. — Историческіе этюды русской жизни. Т. I. Ва. Михневича.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—VIII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1879 г. см. ниже, на оберткѣ.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ XXXVIII — ТОМЪ XXXI. — 1/18 МАЯ 1874.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

9.147

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казанск. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

17

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
253702

(71)

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ

И

ЕГО ШКОЛА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Джонъ Стюартъ Милль, какъ современный социологъ.—Оригинальная сторона его школы.—Примирительный ея характеръ.—Милль, какъ нравственная личность.—Биографическія свѣдѣнія объ его воспитаніи.—Умственное и нравственное вліяніе его отца.—Вліяніе его жены.—Литературно-политическая дѣятельность Милля.

Вся жизнь Дж. Ст. Милля заключена въ его научныхъ трудахъ, а потому и задача біографіи сводится главнымъ образомъ въ тому, чтобы указать развитіе идей этого знаменитаго ученаго въ связи съ его личными судьбами ¹⁾. Самъ Милль, какъ то по-

¹⁾ Списокъ трудовъ Дж. Ст. Милля:

Dissertations and Discussions; 1840, три тома (одно изданіе).

A System of Logic, ratiocinative and inductive; 1843, два тома (восемь изданій).

Principles of Political Economy; 1848, два тома (семь изданій и одно народное, дешевое).

On Liberty; 1859 (четыре изданія и одно народное).

Considerations on Representative Government; 1861 (три изданія и одно народное).

Utilitarianism; 1862 (три изданія).

Examinations of Sir William Hamilton's Philosophy; 1865 (выдержало съ тѣхъ поръ четыре изданія).

называетъ его «Автобіографія», смотрѣлъ на свои житейскія событія именно съ этой же стороны. Обо всемъ, что ничѣмъ не касается до его умственного и нравственного развитія, или до его ученой дѣятельности, Милль, какъ составитель своего жизнеописанія, ничего не говоритъ. Въ этой книгѣ нѣтъ, напримѣръ, ни одного слова объ его матери, а о братьяхъ и сестрахъ только два слова — о томъ, что онъ обучалъ ихъ, будучи самъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ, и что они любили его отца больше, чѣмъ самъ Джонъ. Но за то, все, что можетъ хоть сколько-нибудь объяснить какой-либо умственный или нравственный фактъ въ развитіи его личнаго характера и проявленіяхъ его ученой или политической дѣятельности—все это покойный Стюартъ Милль разсказалъ съ полной откровенностью, съ нѣкоторыми современными біографическимъ наброскамъ поясненіями. Большая часть «Автобіографіи» была написана въ 1861 году, а остальная въ 1870.

Милль важенъ и поучителенъ для современнаго ему человѣчества и для многихъ будущихъ поколѣній какъ своею умственною дѣятельностью, такъ и нравственнымъ характеромъ. Это былъ не только великій ученый, но и безукоризненно честный человѣкъ.

Главнымъ предметомъ изученій и изслѣдованій Милля были общественныя явленія: явленія политической, экономической, нравственной и умственной жизни людей—соціальная природа человѣка, взятая во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Милль былъ соціологъ, и въ этой сферѣ науки рядомъ съ нимъ нашъ вѣкъ можетъ поставить развѣ одного Огюста Конта. Въ Англіи тѣми же науками, но далеко не съ такимъ успѣхомъ и не съ тою логическою послѣдовательностью въ своихъ выводахъ, занимались Спенсеръ и Бокль; въ Германіи въ продолженіи всего XIX-го вѣка было очень много философовъ, занимавшихся разными діалектиче-

Двѣ статьи объ Огюстѣ Контѣ въ «Westminster Review» 1865, за апрѣль и іюль. Inaugural address at the university of St. Andrews; 1867 (два изданія и одно дешевое).

The Subjection of Women; 1869 (три изданія).

Autobiography (изданіе посмертное) 1873.

Біографическія сочиненія о Миллѣ:

John Stuart Mill: Notices of his life and work (составленныя учеными почитателями Милля и напечатанныя въ журналѣ «Examiner» 17-го мая 1873).

Death of M-r. Mill, статья Джона Морли въ издаваемомъ имъ журналѣ: «Fortnightly Review», за іюнь 1873.

John Stuart Mill, par Louis Blanc, въ «Rappel» за 16-е и 17-е мая 1873.

NB. Годы обозначены по времени перваго изданія.

скими тонкостями, и ни одного социолога; во Франціи, было, правда, и кромѣ Конта, нѣсколько мыслителей, изучавшихъ социологию какъ одно цѣлое, и старавшихся рѣшить вопросъ о новой общественной системѣ, но подъ всѣми ихъ разсужденіями нѣтъ ни серьезной научной подкладки, ни дѣйствительно научнаго метода.

Есть мнѣніе, что при всей своей многосторонней учености и проницательномъ критическомъ талантѣ, Милль все-таки не былъ *оригинальнымъ* мыслителемъ, потому что ему не удалось создать ничего цѣлаго, никакой особенной системы, никакого широкаго обобщенія, которое бы обнимало разомъ всю область общественныхъ наукъ. Это правда: Милль не создалъ ни одной социологической системы, и не нашелъ общаго принципа объясненія всѣхъ сторонъ человѣческой природы. Но развѣ кто-нибудь другой нашелъ его и создалъ систему на строгихъ научныхъ началахъ? Системы и теоріи общественной жизни людей сочинялись и пропагандировались многими,—самъ Огюстъ Контъ сочинилъ одну, и весьма остроумную—но при первомъ соприкосновеніи съ научною критикою всѣ онѣ оказываются несостоятельными: вмѣсто оригинальностей мы получаемъ только однѣ эксцентричности! Рождается даже вопросъ: можно ли вообще, при настоящемъ состояніи научныхъ знаній, создать требуемую социологическую систему и открыть ея принципъ? Ошибки прежнихъ творцовъ подобныхъ системъ значительно поубавили охоту къ такого рода открытіямъ, отчасти повредивъ въ простодушномъ общественномъ мнѣніи даже достоинству серьезныхъ изслѣдованій въ этой области науки. Не оригинальнѣе ли, поэтому, было поступить, какъ поступилъ Милль: вмѣсто того, чтобы открывать новые принципы и систему, онъ свелъ все, что сдѣлано въ новомъ періодѣ развитія наукъ (съ XVII и даже XVI вѣка), въ полные своды знанія, очищенные тщательною научною критикою отъ всякихъ постороннихъ наносовъ и временныхъ вѣяній разныхъ историческихъ эпохъ. Къ сожалѣнію, его жизни не хватило, чтобы сдѣлать *все* въ этомъ направленіи, но то, что онъ сдѣлалъ, показываетъ довольно ясно, что онъ зналъ, *что* и *какъ* нужно дѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите любую область его изысканій: вездѣ онъ отыскивалъ что-нибудь пропущенное другими, вездѣ нападалъ на новыя соображенія, словомъ—вездѣ оставлялъ слѣды своей плодотворной дѣятельности. А кто умѣетъ не только обрабатывать чужія изысканія въ свое собственное стройное направленіе идей, но и открывать пропуски въ ученыхъ работахъ, или новыя доказательства, или новые методы изслѣдованія, или на-

мѣчать новыя, болѣе обширныя, цѣли, въ которыхъ слѣдуетъ стремиться въ объясненіяхъ добытаго знанія,—тотъ, разумѣется, не можетъ не знать всего объема всѣхъ методовъ изслѣдуемаго имъ знанія, и, слѣдовательно, долженъ быть способенъ къ самостоятельному творчеству въ этой наукѣ, если только наука находится въ томъ періодѣ накопленія и разработки матеріаловъ, когда въ ней является возможность всеобъемлющихъ выводовъ и обобщеній.

Какъ бы то ни было, Милль имѣетъ еще другое право на признаніе его оригинальнымъ писателемъ. Кромѣ своего обширнаго знанія и разныхъ мелкихъ открытій въ разныхъ областяхъ социологіи, Милль проявляетъ замѣчательныя способности въ обработкѣ собраннаго имъ матеріала, въ самомъ способѣ изложенія, въ формѣ доказательствъ и оборотахъ логической мысли. Это тотъ безпристрастный, искренній и примирительный тонъ, который господствуетъ въ его сочиненіяхъ, и который много способствовалъ въ Англіи, по увѣреніямъ лучшихъ англійскихъ критиковъ, значительному умѣренію страстей въ самыхъ жгучихъ вопросахъ, раздѣлявшихъ на враждебные лагери разные политическія и общественныя партіи.

Примирительный тонъ, о которомъ мы говоримъ, заключается не въ какихъ-нибудь ловкихъ и увертливыхъ фразахъ, не въ податливости языка, и нашимъ, и вашимъ, но въ самомъ способѣ изложенія и доказательства научныхъ выводовъ и истинъ. Вступая въ споръ съ какою бы то ни было партіей, Милль направлялъ свои удары не на слабыя или недобросовѣстныя стороны противника, но на самыя существенныя, на непоколебимость которыхъ разсчитывалъ его соперникъ. При этомъ Милль постоянно старался показать противнику, что онъ вполне понимаетъ его мысль, и говорилъ такимъ языкомъ, чтобы противникъ могъ понять его самого. Чтобы вести подобную полемику, нужно вполне усвоить себѣ образъ мыслей своего противника, нужно умѣть представить ему предметъ спора такъ, какъ бы онъ смотрѣлъ на него самъ. Милль не считалъ важнымъ дѣломъ доказать, что его противникъ неправъ; самую важную задачу полемики было для него убѣдить самого противника въ справедливости всего, что было справедливо. Благодаря этому обстоятельству, изложеніе какъ полемическаго, такъ и всякаго другого вопроса является изъ-подъ пера Милля въ формѣ, лишенной всѣмъ извѣстнаго полемическаго задора. Милль разсуждаетъ о каждой вещи, о каждомъ вопросѣ какъ бы полный хозяинъ всего, что о ней извѣстно ему самому и особенно его противнику. Для него всего

важнѣе въ спорѣ интересы оспариваемой истины, и онъ употребляетъ всегда всѣ свои усилія къ тому, чтобы ни одна часть ея, въ какомъ бы замаскированномъ видѣ она ни представлялась, не была утрачена въ напрасныхъ препирательствахъ полемики. Истина для всѣхъ важна, и потому въ вопросахъ мнѣнія слѣдуетъ прежде всего заботиться объ интересахъ истины. Въ необходимости такого отношенія къ полемикѣ Милль убѣдился изученіемъ многихъ консервативныхъ писателей, особенно Кольриджа, Карлейля и нѣмецкихъ философовъ, которые всѣ были самыми отчаянными противниками того образа мысли, въ которомъ Милль воспитывался съ дѣтства. Несмотря на то, при внимательномъ изученіи этихъ писателей, Милль нашелъ у нихъ среди массы ошибокъ и много истины, скрывавшейся отъ взглядовъ ихъ противниковъ подъ покровомъ «трансцендентальной и мистической фразеологіи». Милль не одобряетъ злыхъ или наветныхъ нападокъ на кого-либо главнымъ образомъ потому, что изъ-за этихъ нападокъ забывается главный предметъ спора — истина, и самый споръ не только ничего не разъясняетъ, но лишь возбуждаетъ въ партіяхъ страсти, не имѣющія ничего общаго съ разумнымъ изслѣдованіемъ спорнаго вопроса. Уже въ 1840 году, въ своей статьѣ о Кольриджѣ ¹⁾ онъ старается убѣдить своихъ соотечественниковъ измѣнить форму всей полемики. Говоря о необходимости реформъ въ землевладѣніи, и упоминая объ ярыхъ нападеніяхъ на землевладѣльцевъ, Милль замѣчаетъ: «Пусть тѣ, кто желаетъ этихъ реформъ, спросятъ сами себя, желательно ли имъ, чтобы эти классы (т.-е. землевладѣльцы) были и оставались—всѣ какъ одинъ человекъ — соединенными противъ нихъ; и можно ли ожидать успѣха отъ иныхъ средствъ, кромѣ возбужденія въ умахъ этихъ самыхъ классовъ подготовительнаго процесса къ воспріятію реформъ не непрактичнымъ способомъ обращенія ихъ изъ консерваторовъ въ либералы, но приведеніемъ ихъ къ усвоенію одного либеральнаго мнѣнія за другимъ, какъ отдѣльныхъ частей самого консерватизма». Въ другомъ мѣстѣ той же статьи Милль подтверждаетъ свои мысли ссылкой на исторію. «Всегда были, говоритъ онъ, два соперническихъ образа мысли, изъ которыхъ одинъ стремился дать одной и той же истинѣ слишкомъ широкое мѣсто, а другой слишкомъ узкое;—исторія мнѣній постоянно колебалась между этими обѣими крайностями. Вслѣдствіе несовершенства человѣческихъ способностей, даже въ умахъ знаменитыхъ мыслителей рѣдко случалось, чтобы ихъ частный взглядъ

¹⁾ Dissertations and Discussions, т. I.

на какой-либо предметъ цѣнили его по достоинству и никакъ не выше. Но если допустить даже, что въ умѣ мудреца сохранялось справедливое равновѣсіе въ оцѣнѣхъ, оно не сохранится ни у его учениковъ, и тѣмъ менѣе въ общемъ мнѣніи. Мудрый учитель не можетъ не допустить, чтобы то, что есть новаго въ его ученіи, и на чемъ, какъ на новомъ, онъ долженъ настаивать всего сильнѣе,—чтобы это новое не произвело излишняго, непропорціональнаго впечатлѣнія. Движущая сила, необходимая для одолѣнія препятствій, возстающихъ противъ всякой новизны въ мнѣніяхъ, рѣдко не успѣваетъ увлечь общественный умъ почти также далеко въ противоположную сторону. Такимъ образомъ, каждый излишекъ въ обоихъ направленіяхъ оканчивается соотвѣтствующею реакціею, и улучшеніе состоитъ лишь въ томъ, что колебаніе съ каждымъ разомъ отходитъ все ближе къ центру, причемъ проявляется все возрастающее стремленіе упрочиться въ немъ окончательно*.

Приведенныя нами объясненія Милля показываютъ, что если онъ держался примирительнаго тона въ своихъ сочиненіяхъ, то не изъ какой-либо личной боязни, а вслѣдствіе твердаго, опытного исторіи подтверждаемаго убѣжденія въ полезности подобныхъ приѣмовъ для торжества истины. Милль былъ жаркій приверженецъ прогресса, но онъ всегда соразмѣрялъ свою дѣятельность съ законами условій прогресса; служить успѣхамъ человѣческаго развитія онъ хотѣлъ не иначе, какъ со всѣми предосторожностями, необходимыми для этого дѣла, и такой благоразумный способъ дѣйствія едва ли не заслуживаетъ самой высшей похвалы: здѣсь мужество соединилось съ терпѣніемъ, потому что имъ руководилъ просвѣщенный разумъ, а не гнѣвъ, или личная опасность, или слѣпая самоувѣренность. Если Милль чего страшился, то повредить хорошему дѣлу какимъ-либо несвоевременнымъ или крайнимъ заявленіемъ. Хорошее дѣло или полезную мысль онъ умѣлъ обставлять столь благопріятными условіями со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, что противникамъ приходилось только молчать или отговариваться несвоевременностью ихъ исполненія. Будучи во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ одинаково терпѣливымъ и благоразумнымъ, и будучи вполне состоятельнымъ и послѣдовательнымъ въ своихъ мнѣніяхъ по всѣмъ вопросамъ, о которыхъ ему приходилось писать, Милль, благодаря своему замѣчательному методу, побуждалъ своихъ противниковъ къ внимательному изученію всѣхъ его мнѣній, даже самыхъ крайнихъ, а съ другой стороны, убѣждая ихъ въ одномъ какомъ-либо пунктѣ, принуждалъ ихъ тѣмъ самымъ признавать справедливость и многихъ другихъ, тѣсно

связанныхъ съ первымъ, или даже совсѣмъ подпадать подъ его умственное вліяніе. Правда, все то, чему онъ училъ, было впервые создано не имъ самимъ, и даже то направленіе, въ которое онъ увлекалъ своихъ читателей, существовало и до него, но все-таки Миллю принадлежитъ починъ въ изложеніи всѣхъ научныхъ учений прогрессивной школы въ самой удобной для воспріятія формѣ: этимъ методомъ онъ не только сѣялъ терпимость въ средѣ всѣхъ партій, но и поднималъ общій уровень нравственного, умственного и политическаго образованія своей страны.

Примирительное направленіе въ сочиненіяхъ Милля не ограничивается однимъ лишь изложеніемъ изслѣдуемыхъ вещей или вопросами дня, но проходитъ чрезъ все содержаніе, чрезъ весь предметъ. Исходя изъ той основательной и справедливой мысли, что прогрессивное развитіе науки, какъ общественный прогрессъ вообще, совершается не урывками, но въ довольно строгой послѣдовательности, преемственно отъ одного поколѣнія къ другому, — Милль въ самомъ изложеніи научныхъ предметовъ старался сохранить этотъ преемственный порядокъ, то-есть преданія того направленія мысли, котораго строгимъ послѣдователемъ онъ считалъ себя. Мы говоримъ здѣсь не объ историческомъ или хронологическомъ порядкѣ, гдѣ числа и годы объясняютъ все; мы говоримъ здѣсь о преданіяхъ извѣстнаго *направленія мысли*. Милль держался такъ-называемаго «опытнаго» направленія, и онъ старался поэтому объединить въ своихъ сочиненіяхъ всѣ взгляды этого направленія. Изучая философію своихъ соотечественниковъ, а также Франціи и Германіи, Милль, какъ онъ рассказываетъ въ своей статьѣ о Кольриджѣ, былъ сильно пораженъ странною враждою между учеными, которые всѣ держались одного направленія, не сходясь между собою только по нѣкоторымъ, иногда неважнымъ пунктамъ. Эта вражда вредила не только имъ самимъ, но и важнѣйшимъ интересамъ науки, и побуждала ихъ представлять другъ друга въ совершенно извращенномъ видѣ. Понимая всю нелѣпость подобнаго положенія вещей, Милль постарался, въ своихъ руководствахъ, представить лишь то, что есть солиднаго и дѣльнаго въ цѣломъ рядѣ писателей одного направленія, то-есть, стремящихся къ утвержденію однихъ и тѣхъ же положеній или законовъ. Такимъ образомъ, вы получаете въ книгахъ Милля выводы, которые прошли въ умѣ автора чрезъ всестороннюю критику цѣлаго ряда его знаменитыхъ предшественниковъ: въ доказательствахъ Милля передъ вами воскресаетъ то рядъ философовъ, въ родѣ Бэкона, Гоббса, Локка, Броуна, Гэртля, то рядъ политико-экономовъ: Адама Смита, Мальтуса, Ри-

кардо и социалистовъ; то рядъ моралистовъ: Эпикура, французскихъ философовъ XVIII вѣка, Бентама и т. п. Всѣ эти люди сходились между собою въ одномъ общемъ методѣ изслѣдованія; въ своихъ ученыхъ выводахъ всѣ они предпочитали ссылаться на опытъ, а не на преданія, какъ бы почтенны послѣднія ни были. Это сходство, разумѣется, крупной важности, хотя оно нисколько не мѣшало имъ приходить въ разныхъ вопросахъ къ разнымъ мнѣніямъ, и различіе въ ихъ мнѣніяхъ казалось имъ столь великимъ, что они не узнавали другъ друга и считались нерѣдко непримиримыми врагами. Будь у нихъ болѣе ясное представленіе о значеніи общаго метода, которымъ они руководствовались въ своихъ изысканіяхъ, и вникни они поглубже въ сущность спорныхъ вопросовъ, они могли бы безъ особеннаго труда убѣдиться, что между ними не можетъ быть «кровныхъ» споровъ, что всѣ они идутъ къ истинѣ однимъ и тѣмъ же путемъ. Соединяя въ своихъ сочиненіяхъ лишь хорошо передуманные, отборные взгляды и мнѣнія всѣхъ своихъ предшественниковъ въ одинъ и тотъ же непрерывный кругъ убѣжденій, Милль надѣялся — и весьма основательно — примирить людей, одного и того же плодотворнаго направленія по крайней мѣрѣ настолько, чтобы они понимали, что между ними нѣтъ непримиримыхъ противорѣчій, и чтобы они не забывали изъ-за сравнительно мелкихъ споровъ своего главнаго дѣла: общественной и научной правды, и своихъ общихъ враговъ: суевѣрій и предрасудковъ, реакціи всякаго рода. Въ Англіи, авторитетъ сочиненій Милля въ общественныхъ и религіозныхъ вопросахъ былъ, благодаря этому примирительному направленію, столь силенъ, что способствовалъ ослабленію вражды между рабочими и работодателями, и возбудилъ въ землевладѣльцахъ податливость относительно земледѣльческаго вопроса въ Ирландіи; слова: «стачка», «крестьянское землевладѣніе», «рабочая ассоціація», имѣли въ Англіи, до появленія «Политической Экономіи» Милля, какой-то угрожающій, чуть не революціонный смыслъ, а теперь всѣ эти слова уже вошли въ составъ законодательства, не карательнаго, но покровительствующаго, и ни одинъ англійскій консерваторъ не думаетъ считать эти учрежденія исключительно либеральными.

Традиціи опытнаго направленія заключаются въ сочиненіяхъ Милля не случайно; напротивъ, какъ видно изъ его «Автобіографіи», введеніе ихъ туда составляло чуть ли не главную работу автора. Такъ, о своей «Логикѣ» онъ говоритъ: «я не ожидалъ, чтобы книга встрѣтила многихъ читателей или сторонниковъ, или имѣла значительное практическое вліяніе, за исключеніемъ лишь

поддержки *традицій того*, что я считалъ лучшею философіей...» О другомъ крупномъ сочиненіи: «Принципы Политической Экономіи», Милль отзывался въ томъ же духѣ: «оно стало столь полезнымъ вслѣдствіе *примиренія умовъ*, возмущенныхъ прежними способами изложенія». Обычные экономисты спутывали законы производства богатства съ способами его распредѣленія, и отсюда выходилъ тотъ ложный выводъ, что условія распредѣленія будто бы также неизмѣнны, какъ условія производства. Но это неправда, такъ какъ условія распредѣленія подлежатъ не законамъ природы, непоколебимымъ и постояннымъ, но находятся въ зависимости отъ человѣческой воли, и потому могутъ измѣняться съ успѣхами общественнаго совершенствованія. Этотъ фактъ знанія Милль извлекъ изъ сочиненій сен-симонистовъ; послѣ Милля его признали всѣ лучшіе экономисты нашего времени. Въ «Логикѣ» Милль тоже сдѣлалъ немаловажное примиреніе ученыхъ разнаго направленія, доказавъ, что индукція и дедукція (наведеніе и выводъ) не два различныхъ процесса, но части одного цѣлаго, и что вездѣ, во всѣхъ наукахъ, наведеніе и выводъ всегда дѣйствуютъ вмѣстѣ; что, наконецъ, всѣ науки стремятся въ концѣ-концовъ сдѣлаться выводными (дедуктивными). Этотъ взглядъ на логику принять теперь всѣми, кто считаетъ логику дѣйствительно полезною наукою въ практическомъ смыслѣ: въ Англіи за него высказались и люди одного съ Миллемъ направленія, напримѣръ Гершель, и противоположнаго, какъ Уэвелль.

Изъ всѣхъ нашихъ объясненій достоинствъ Милля, какъ писателя и ученаго, мы приходимъ къ убѣжденію, что Миллю нельзя отказать въ той доли самостоятельности и независимости мнѣній, которая доступна не всякому свѣдущему человѣку, какими бы широкими знаніями онъ ни обладалъ. Къ такой цѣльной и основательной обработкѣ научныхъ фактовъ, традицій извѣстнаго направленія, и мнѣній цѣлой массы замѣчательныхъ мыслителей разныхъ школъ, способенъ лишь крупный, недюжинный умъ, — умъ, поражающій васъ чѣмъ-то особеннымъ во всякой работѣ, хотя бы вся она состояла изъ заимствованныхъ элементовъ. Это — умъ обаятельный, оригинальный.

Обаяніе Милля становится еще сильнѣе, когда вы узнаете, что, при своихъ замѣчательныхъ умственныхъ способностяхъ, онъ соединялъ съ ними и возвышенный нравственный характеръ. «Онъ былъ, говорить Луи-Бланъ ¹⁾, не только глубокой мыслитель,

¹⁾ Le Rappel, 16 mai 1873.

проницательный экономистъ и образцовый писатель,—онъ былъ характеръ, характеръ столь же прелестный, какъ и сильный, составленный, не знаю, изъ какой чудесной смѣси спокойствія и возбуждаемости, неодолимой твердости и почти женской чувствительности. Въ немъ соединялись въ одно гармоническое цѣлое самыя разнообразныя способности, стремленія крайне трудно согласимыя и самыя различныя вкусы. Искренность его ума нисколько не ослабляла его душевной теплоты. Никогда трибунъ не испытывалъ столь жгучаго негодованія, какъ этотъ мирный философъ. Этотъ утонченный мыслитель обладалъ геройскимъ складомъ духа. Этотъ апостолъ утилитарнаго ученія былъ рыцарь. Этотъ чловекъ, отлично знакомый съ практическимъ дѣломъ и преданный умозрительнымъ изслѣдованіямъ, былъ во многомъ поэтъ и артистъ: онъ обожалъ цвѣты; онъ проявлялъ въ птицамъ нѣжность благовоспитаннаго дитяти (*des enfants bien-nés!*), онъ страстно занимался изученіемъ растений, изъ которыхъ нѣсколько открыты имъ самимъ и носятъ его названіе; онъ занимался также естественною исторіею и понималъ музыку. Любовь къ книгамъ предполагаетъ привычку къ сидячей жизни, но онъ, поглотившій цѣлыя библіотеки, находилъ возможность и время совершать прогулки, которыя были скорѣе путешествіями: такъ сильно природа прельщала и привлекала его.»

Весь этотъ восторженный отзывъ французскаго поклонника, во всѣхъ главныхъ подробностяхъ, вполне подтверждается, какъ мы увидимъ ниже, фактами изъ дѣйствительной жизни Милля. Поведеніе Милля тѣмъ еще особенно замѣчательно, что «оно, какъ говоритъ англичанинъ Морли ¹⁾, является простѣйшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ возвышеннымъ протестомъ противъ наиболѣе унижительныхъ качествъ (англійскаго) общества. Никто не понималъ столь живо, какъ Милль, важность всего того, что придаетъ прелесть и достоинство человѣческой жизни; но искренность этого пониманія наполняла его отвращеніемъ ко всякому дѣланному достоинству роскошнаго и искусственнаго общества. Не питая ни горечи, ни дерзости, онъ оставался въ сторонѣ отъ обычныхъ взаимныхъ сношеній, ложно именуемыхъ общественнымъ долгомъ. Не впадая ни въ цинизмъ, ни въ неприличія, онъ не соглашался участвовать въ канатной пляскѣ, которую наши высшіе классы признаютъ за жизнь. Въ немъ, при чрезвычайныхъ умственныхъ приобрѣтеніяхъ, былъ еще даръ твердаго и постояннаго самоуваженія, который, въ несчастію, не всегда бываетъ у нихъ. Онъ пони-

¹⁾ Fortnightly Review, за іюнь 1873.

малъ настоящую дѣйствительность вещей, и доступъ въ нему доставался рабочему человѣку легче, чѣмъ принцессѣ. Люди, говорящіе наилюбезнѣйшимъ образомъ, что «мы всѣ изъ одного мяса и изъ одной крови» (*фраза Гладстона*), не всегда бываютъ застрахованы противъ тѣхъ таинственныхъ чаръ высшего ранга, которыя столь много способствуютъ укрѣпленію недостойныхъ воззрѣній на жизнь въ англійскомъ обществѣ;—есть много людей, способныхъ принять общественные принципы Милля и заключающіеся въ нихъ теоретическіе доводы, но готовыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ порицать мужественную откровенность и строгую состоятельность Милля въ руководствѣ своими принципами. Слишкомъ общее стремленіе среди насъ къ нравственной распущенности и праздное довольство самымъ легкимъ протестомъ противъ зла, находять себѣ постоянный укоръ въ дѣятельности его жизни».

Жизнь Милля была небогата событіями, но развивалась при довольно хорошей обстановкѣ, вліянію которой онъ приписываетъ всѣ важнѣйшіе результаты своей умственной дѣятельности. Что касается до его природныхъ способностей, Милль относится къ нимъ съ замѣтнымъ пренебреженіемъ. Онъ не обладалъ ни чрезвычайной остротой соображенія, ни крайне точною и твердою памятью, ни особенно дѣятельнымъ и энергическимъ характеромъ; «во всѣхъ этихъ природныхъ дарахъ, говоритъ онъ, я былъ скорѣе ниже, чѣмъ выше средняго уровня; что я могъ дѣлать, могъ бы навѣрное совершить любой мальчикъ или дѣвочка среднихъ способностей и здороваго физическаго тѣлосложенія». Свое умственное превосходство Милль приписываетъ исключительно тому воспитанію, которымъ онъ обязанъ своему отцу, Джемсу Миллю, весьма извѣстному демократическому писателю и важному политическому вождю въ первыя десятилѣтія нашего вѣка. Другимъ важнымъ вліяніемъ было раннее знакомство съ тою замѣчательною во всѣхъ отношеніяхъ женщиною, которая стала впоследствии его женою и которую онъ пережилъ 15-ю годами ¹⁾. Кромѣ этихъ замѣтныхъ и постоянныхъ вліяній, Милль испытывалъ еще благотворное дѣйствіе знакомствъ съ лучшими представителями своего молодого поколѣнія, сдѣлавшимися впоследствии замѣчательными писателями, юристами, политическими дѣятелями и т. п., каковы, на примѣръ, были Гротъ, два брата

¹⁾ Милль умеръ 8-го мая 1873 года, а родился 20-го мая 1806. Жена его умерла въ 1858 году.

Остина (Austin): Джонъ и Чарльзъ, Тукъ, сынъ извѣстнаго экономиста, Эллисъ, Робертъ, лордъ Ромильи, а впоследствии Пиквилль, французскіе сен-симонисты и многіе другіе. Милль велъ довольно обширную переписку съ Огюстомъ Контонъ, но въ личное знаѡмство они не вступали. Кромѣ молодежи, на него имѣли значительное вліяніе и другія лица: Бентамъ, Ривардо, радикалъ Юмъ и французскій экономистъ Сэ.

Но самымъ важнымъ орудіемъ къ развитію его умственныхъ способностей были заботы и труды его отца, который самъ обучалъ всѣхъ своихъ дѣтей и преимущественно Джона, какъ старшаго. Милль самъ не помнитъ, когда его начали учить по-гречески, — ему сказали потомъ, что съ трехлѣтняго возраста. Съ 8-ми лѣтъ его сажаютъ уже за латынь и ариметику. Его постоянно заставляли читать и переводить классическихъ авторовъ, такъ что на 14-мъ году отъ роду онъ былъ уже хорошо знакомъ со всѣми замѣчательными произведеніями древняго міра, не исключая ни философскихъ, ни политическихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ шло обученіе и англійскому языку и такое же чтеніе лучшихъ историческихъ и географическихъ сочиненій объ Англіи и другихъ государствахъ всѣхъ частей свѣта; тутъ же, между дѣломъ, маленький Милль успѣвалъ восхищаться и произведеніями фантазіи: «Робинзономъ Крузо» Дефо, Арабскими сказками, «Донъ-Кихотомъ» и т. п. Чтеніе грековъ, римлянъ и англійской литературы сопровождалось обыкновенно изложеніемъ прочитаннаго на бумагѣ или устнымъ разсказомъ. Со временемъ это изложеніе стало исполняться съ такою охотою, что на 11—12-лѣтнемъ возрастѣ Милль уже писалъ цѣлыя компилятивныя «исторіи» по многимъ источникамъ разомъ, просто изъ любви къ искусству, а отецъ, между тѣмъ, старался разъяснить ему всѣ стороны политической жизни и политическое направленіе разныхъ авторовъ. Разъясненія всего чаще происходили во время ежедневныхъ прогулокъ по полямъ и лугамъ окрестностей Лондона. Отецъ постоянно объяснялъ все, въ чемъ затруднялся сынъ, но эти объясненія слѣдовали обыкновенно лишь послѣ того, когда сынъ истощалъ всѣ свои умственные средства: отецъ всегда требовалъ, чтобы Милль дѣлалъ «не только то, что могъ сдѣлать, но и то, чего онъ никакъ не могъ»; однако не слѣдуетъ думать, что эти требованія доходили до излишняго напряженія умственныхъ силъ мальчика въ ущербъ общему здоровью. Отецъ, напротивъ, всегда давалъ много времени для отдыха и забавы, хотя не допускалъ ни одного праздника, ни воскресныхъ дней, опасаясь ослабленія привычки къ труду и пріобрѣтенія склонности къ праздности.

Воспитаніе, впрочемъ, было вообще строгое, и отецъ его въ своихъ нравственныхъ отношеніяхъ съ дѣтьми всегда отличался «недостаткомъ нѣжности». Но Милль «колеблется» признать, выигрывалъ ли онъ отъ суровости отца, или проигрывалъ. «Я не думаю,—говоритъ онъ,—чтобы мальчиковъ можно было привлечь къ энергическому и—что еще труднѣе—постоянному занятію сухими и трудными предметами, одною силою убѣжденія и нѣжныхъ словъ. Многое должно быть сдѣлано и многое должно быть выучено дѣтьми, къ чему средствами служить строгая дисциплина и знакомая подверженность наказанію... Я полагаю повтому, что страхъ, какъ элементъ воспитанія, не долженъ быть устраненъ совсѣмъ; но я полагаю также, что онъ не долженъ быть главнымъ элементомъ». Милль хвалитъ новое направленіе въ педагогикѣ, стремящееся облегчить учащимся доступъ къ знаніямъ посредствомъ легкихъ и интересныхъ методовъ, но онъ опасается, что, привыкнувъ къ такого рода методамъ, учащіеся не приобретутъ достаточной энергіи въ изученіи предметовъ трудныхъ и непріятныхъ... Эти объясненія, впрочемъ, довольно слабы, такъ какъ педагогика для того и существуетъ, чтобы, съ одной стороны, трудные и непріятные предметы дѣлать болѣе пріятными и доступными, а съ другой, отсрочивать изученіе такихъ предметовъ до того времени, когда ученики будутъ уже сами понимать полезность изученія предметовъ трудныхъ и непріятныхъ. Разумѣется, при нынѣшнемъ, довольно жалкомъ, состояніи педагогическаго искусства, даже въ Англіи, мало такихъ дѣльныхъ наставниковъ, которые способны держать дѣтей въ дисциплинѣ, не прибѣгая къ суровому обращенію; однако потворствовать массѣ учителей, не умѣющихъ обходиться безъ суровостей, тоже не слѣдуетъ, хотя бы въ числу этихъ учителей принадлежалъ и отецъ Милля, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ заслуживающій не только уваженіе, но и удивленіе, тѣмъ болѣе, что эта суровость отца объясняется довольно просто: «его раздражительнымъ темпераментомъ» и довольно мрачнымъ возрѣніемъ на жизнь и человѣческую натуру. Джемсъ Милль, воспитанный въ шотландскомъ пресвитеріанствѣ своего отца, мелкаго крестьянина, хотя и дошелъ въ послѣдствіи до другихъ, почти атеистическихъ убѣжденій, однако оставался пуританиномъ до конца жизни: даже въ поэзіи онъ считалъ величайшимъ поэтомъ Мильтона, и издѣвался надъ поклоненіемъ Шекспиру, онъ давалъ Шекспира сыну для изученія однихъ лишь историческихъ пьесъ, отъ которыхъ тотъ, разумѣется, перешелъ и къ другимъ.

Съ 12-лѣтняго возраста отецъ начинаетъ уже развивать

мыслительныя способности сына. Послѣ изученія геометріи и алгебры, является на сцену логика, сперва въ образѣ Бэконова «Organon», а потомъ въ формѣ Гоббсова «Computatio sive Logica»; вмѣстѣ съ тѣмъ шли практическія упражненія въ отыскиваніи ошибокъ въ доказательствахъ вѣрности какой-либо мысли. Но особенно важное значеніе имѣли въ изученіи логики замѣчанія столь ловкаго и умнаго діалектика, какимъ былъ Джемсъ Милль. Сынъ его убѣжденъ, что хорошее изученіе логики принесло ему умственнымъ способностямъ гораздо болѣшую пользу, чѣмъ изученіе математики, «такъ какъ въ математическихъ процессахъ не встрѣчается ни одной дѣйствительной трудности правильного умозаключенія». Одновременно съ логикою началось чтеніе древнихъ ораторовъ, особенно Демосоена, но съ цѣлью уясненія *мыслей*, а не *языка*. Отецъ обращалъ вниманіе сына на то обстоятельство, что по этимъ рѣчамъ можно составлять мнѣніе объ аѳинскихъ учрежденіяхъ и принципахъ тамошняго законодательства и правленія; мало того, — онъ указывалъ на ловкость и искусство оратора пользоваться всѣми обстоятельствами для воздѣйствія на умы слушателей въ тотъ самый моментъ, когда они всего болѣе расположены принять совѣты оратора, и какъ Демосоевъ умѣлъ постепенно и разными намеками вводить въ умы аудиторіи такія мысли, которыя, выраженные прямо, возбудили бы сопротивленіе съ ихъ стороны. Милль сознается, что многія мысли отца въ этихъ объясненіяхъ были не по силамъ его юному уму. Такому же серьезному чтенію подверглись потомъ Тацитъ, Ювеналь и Квинтиліанъ, и затѣмъ діалоги Платона. Съ другой стороны, юный Милль самъ, своею охотою, сталъ читать естественно-историческія книги, а также руководства физики и химіи, между тѣмъ какъ отецъ принялся объяснять сыну, во время ихъ обычныхъ прогулокъ вдвоемъ, основные принципы политической экономіи, а сынъ долженъ былъ излагать на другой день письменно всѣ эти объясненія, которыя впоследствии сдѣлались для Джемса Милля замѣтками, по которымъ онъ составилъ свои «Элементы политической экономіи». Въ это же самое время къ нимъ часто приходилъ другъ отца, Рикардо, новое ученіе котораго о рентѣ и другихъ экономическихъ предметахъ возбуждало восторгъ въ Джемсѣ; и вотъ онъ потребовалъ отъ сына, чтобы тотъ прочелъ сочиненія Рикардо вмѣстѣ съ классическою книгою Адама Смита, и открылъ все, что было ложнаго въ доказательствахъ Смита и ошибочнаго въ его заключеніяхъ. Такія задачи имѣли, разумѣется, огромное вліяніе на развитіе мыслительныхъ способностей мальчика, хотя рѣшеніе ихъ далеко не всегда удавалось.

Послѣ изученія логики и политической экономіи, обученіе сына считалось оконченнымъ, и для совершенствованія во французскомъ языкѣ его отправили во Францію, гдѣ въ Академіи въ Монпелье онъ слушалъ лекціи химіи, зоологіи, высшей математики и логики; послѣднюю читалъ тамъ Жергонъ, «отличный представитель метафизики восемнадцатаго вѣка.»

Во Франціи Милль пробылъ годъ и, вернувшись въ Англію въ 1821 году, принялся за изученіе психологіи и нравственныхъ наукъ: Бондильякъ, Ловель, Гельвецій и Гертлей были его первые учителя въ психологіи, а Бентамъ—въ нравственныхъ и юридическихъ наукахъ. Послѣдній писатель произвелъ на юнаго Милля столь глубокое вліяніе, что онъ считаетъ чтеніе «Трактата о законодательствѣ» *эпохою* своей жизни, первымъ «поворотомъ въ его умственной исторіи.» Сдѣлавшись окончательно бентамистомъ, 16-лѣтній Милль выступаетъ впервые на литературное поприще, въ газетѣ «The Traveller», съ двумя письмами въ защиту теоріи его отца и Ривардо, а спустя еще два года, въ началѣ 1825-го, онъ уже является издателемъ и редакторомъ сочиненія Бентама: «Rationale of Judicial Evidence», дѣлаетъ въ немъ нѣкоторыя поправки и добавленія, пишетъ предисловіе и составляетъ возраженія противъ нападокъ на прежнія сочиненія Бентама. Около того же времени, въ 1823 году, онъ вступаетъ на службу въ Остъ-Индскую компанію, гдѣ отецъ его, какъ авторъ замѣчательной исторіи Остъ-Индіи, получилъ весьма важный постъ. Съ этихъ поръ, можно сказать, для Джона Стюарта Милля начинается почти совершенно самостоятельная жизнь. Умственный капиталъ, съ которымъ онъ выходилъ въ житейскую борьбу, былъ, какъ мы видѣли, весьма великъ. Посмотримъ теперь, что далъ ему отецъ въ нравственномъ отношеніи.

Въ нравственномъ вліяніи на чей-либо характеръ играетъ важнѣйшую роль не столько нравственное или религіозное поученіе, сколько нравственный примѣръ. Такіе примѣры въ жизни Джона Стюарта Милля долженъ былъ подавать, конечно, его отецъ. Мы уже говорили, что Джемсъ Милль отличался невеселымъ взглядомъ на жизнь; въ этомъ взглядѣ былъ эпикурейскій элементъ, и циническій, и стоическій—въ классическомъ значеніи этихъ названій. Критерій нравственности былъ эпикурейскій: справедливое отъ ложнаго отличалось какъ удовольствіе отъ боли, но въ удовольствіямъ, какъ истый циникъ, старикъ Милль никакой вѣры не имѣлъ; значительную часть неудачъ своей жизни онъ приписывалъ тому, что придавалъ наслажденіямъ слишкомъ большую важность. Итакъ, *умпренность во всемъ* стала девизомъ

его жизни. Человѣческая жизнь, когда пройдетъ юность и неудовлетворенная любознательность, становится, по его мнѣнію, вещью жалкою. Иногда онъ говорилъ, что жизнь могла бы стать драгоцѣнною при хорошемъ образованіи и управленіи, но объ этой возможности онъ никогда не говорилъ даже съ чѣмъ-либо похожимъ на воодушевленіе. Умственные наслажденія онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ, даже просто какъ наслажденія, независимо отъ ихъ дальнѣйшихъ благодѣяній; что же касается до страстныхъ движеній всякаго рода, онъ относился къ восхваленіямъ ихъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Чувства сами по себѣ не заслуживаютъ ни похвалы, ни порицанія: справедливое и ложное, доброе и дурное онъ разсматривалъ исключительно какъ качества поведенія: дѣйствій и бездѣйствій. Чувства же и сама совѣсть могутъ вести человѣка безразлично и къ дурному, и къ хорошему. Дурной поступокъ онъ не одобрялъ ни въ какомъ случаѣ, еслибъ даже побужденіемъ къ нему было чувство долга: онъ не допускалъ оправданія инквизиторовъ въ преслѣдованіи еретиковъ, хотя они преслѣдовали по долгу совѣсти. Честность намѣреній имѣла для него вѣсь лишь въ оцѣнкѣ характеровъ. Однако онъ ненавидѣлъ всякаго фанатика, преданнаго дурному дѣлу, съ тою же силою или даже сильнѣе, чѣмъ человѣка, дѣйствующаго изъ эгоизма, потому что полагалъ, что въ практическомъ отношеніи фанатикъ вреднѣе эгоиста. Однимъ словомъ, старый Милль влагалъ свои чувства въ свои мнѣнія, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ отличался нетерпимостью; напротивъ—онъ всегда умѣлъ уважать противника и цѣнить *весь* его характеръ, хотя, разумѣется, онъ не могъ не желать, чтобы въ борьбѣ мнѣній его сторона была бы всегда въ лучшемъ составѣ и крѣпче силами, какъ умственными, такъ и нравственными.

Въ качествѣ нравственнаго проповѣдника, Джемсъ Милль долженъ былъ производить еще болѣе безотрадное впечатлѣніе. Въ религіозныхъ вопросахъ это былъ полный скептикъ: бросивъ пресвитеріанство, онъ вскорѣ разстался и съ натуральною религіей, и наконецъ, не найдя себѣ мѣста даже въ деизмѣ, попалъ въ крайне затруднительное состояніе, такъ какъ догматическій атеизмъ онъ тоже считалъ нелѣпостью; наконецъ, онъ успокоился на убѣжденіи, что относительно начала вещей никакое знаніе невозможно. Замѣчательно еще то, что онъ переходилъ всѣ эти различныя степени религіознаго скептицизма въ силу не умственныхъ доводовъ, но нравственныхъ. Онъ находилъ, что въ мірѣ слишкомъ много зла, чтобы онъ могъ быть дѣломъ Создателя, соединяющаго въ себѣ безконечную силу съ совершенною добро-

тою и справедливостью; ему казалось даже, что лучше было бы принять Манихееву теорію двухъ началъ: Добра и Зла, борющихся между собою изъ-за власти надъ міромъ, — ему казалось, что эта гипотеза была согласнѣе съ фактами, и что въ ней нѣтъ ничего деморализующаго. Особенное негодованіе возбуждало въ немъ обычное для толпы представленіе объ адѣ, которое онъ считалъ просто униженіемъ и позоромъ самого Божества. Однако старикъ Милль не полагалъ, что деморализующія вліянія, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ формахъ христіанства, производятъ непремѣнно всю ту деморализацію, какую они произвели бы, если бы вѣрующіе принимали эти вліянія въ ихъ полной логической послѣдовательности. Но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе разнообразія догматовъ многочисленныхъ христіанскихъ вѣроученій, «нравственность принуждена стать частью науки или остаться дѣломъ слѣпыхъ традицій, не получая отъ религіи ни одного основательнаго принципа, даже ни одного прочнаго руководящаго чувства».

Какъ бы то ни было, мы видимъ однако изъ мнѣній старика Милля, что сынъ его долженъ былъ остаться безъ всякой религіозной вѣры. Отецъ не хотѣлъ въ воспитаніи сына отступить отъ полной искренности, но за то онъ все-таки постарался о томъ, чтобы сынъ зналъ все, что мыслило человѣчество объ этихъ непроницаемыхъ проблемахъ, и уже въ самомъ раннемъ возрастѣ, съ восьми лѣтъ, въ рукахъ младшаго Милля явились такія книги, какъ «Исторія Церкви» Мозгейма, жизнь Джона Нокса и «Исторія Квakersовъ» Сьюелля и Ротти. Искренность отца въ религіозныхъ вопросахъ встрѣчаетъ одобреніе со стороны сына, но съ оговоркою: «предлагая мнѣ — говоритъ онъ — мнѣніе, противное мнѣнію окружавшаго насъ міра, мой отецъ считалъ необходимымъ замѣтить, что признаваться въ этомъ мнѣніи передъ посторонними людьми было бы неблагоприятно: этотъ урокъ удерживать мои мысли въ своемъ умѣ, преподанный въ тотъ ранній періодъ моей жизни, имѣлъ свои нравственныя неудобства, и хорошо еще, что отецъ такъ ограничивалъ мои сношенія съ посторонними людьми, что мнѣ почти никогда не приходилось попадать въ этотъ выборъ между признаніемъ и лицемѣріемъ».

Итакъ, Джонъ Стиуартъ Милль является передъ нами «однимъ изъ весьма немногихъ въ Англіи, который не отказывался отъ религіозной вѣры, но никогда не имѣлъ ея». Онъ смотрѣлъ на современныя религіи совершенно одинаково, какъ на древнія, — какъ на нѣчто, что до него не касалось: онъ былъ равно чуждъ какъ вѣрованіямъ англійскаго народа, такъ и вѣрованіямъ людей, о которыхъ онъ читалъ у Геродота. Это фактъ во всякомъ

случаѣ замѣчательный, и такъ какъ Милль пребывалъ въ продолженіи всей своей жизни превосходнымъ, честнымъ человѣкомъ, и всегда отличался замѣчательною терпимостью къ религіознымъ мнѣніямъ, никогда не впадая въ догматическій атеизмъ, и напротивъ, какъ мы покажемъ въ другомъ мѣстѣ нашей статьи, создавалъ въ своемъ умѣ понятіе о будущей, всемірной религіи, — то изъ этого факта можно заключить, что при строгомъ и умственномъ образованіи и хорошемъ чисто-нравственномъ воспитаніи умный мальчикъ можетъ, сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, достигать своими собственными средствами весьма высокаго нравственнаго уровня: такъ прочны, такъ крѣпки нравственные начала въ умномъ и основательно развитомъ человѣкѣ...

Кромѣ образовательнаго и нравственнаго вліянія на сына, Джемсъ Милль имѣлъ на него еще политическое вліяніе, какъ тогдашній вождь англійскихъ демократовъ, называвшихъ себя «философскими радикалами» и признававшихъ высшимъ наставникомъ своимъ — Бентама. Около отца Милля группировались тогда, вмѣстѣ съ его сыномъ, многіе молодые люди, которые съ восторгомъ принимали политическіе совѣты этого испытаннаго демократа, умѣвшаго прекрасно говорить и убѣждать, встати позабавить интереснымъ анекдотомъ, и отъ души посмѣяться въ живой компаніи. Съ другой стороны, онъ привлекалъ къ себѣ молодое поколѣніе своими обширными знаніями, силою своихъ убѣжденій и благородными цѣлями своихъ стремленій; каждый сторонникъ этого человѣка столь горячо привязывался къ нему, что дорожилъ каждымъ его одобреніемъ и стыдился его порицаній. Юный Милль столь сильно увлекался идеями отца, что служилъ ему самымъ пылкимъ пропагандистомъ. Впослѣдствіи, когда онъ сталъ замѣчать, что проповѣдь отца не всегда ладитъ съ его собственною натурою, юный Милль сталъ искать другихъ идеаловъ. Но его отецъ былъ не изъ тѣхъ политическихъ вождей, съ которыми возможно спокойное и полное объясненіе по фундаментальнымъ вопросамъ партіи; — оспаривающаго эти вопросы онъ считалъ бы дезертиромъ демократическаго или утилитарнаго знамени. Сынъ понималъ, поэтому, что изъ преній по такимъ вопросамъ могутъ происходить лишь одни непріятности, и умалчивалъ о своихъ мнѣніяхъ до тѣхъ поръ, пока отецъ не заходилъ въ своемъ порицаніи одобряемыхъ юнымъ Миллемъ воззрѣній за такіе предѣлы, когда молчаніе можно было признать за лицемеріе. Однако, изъ уваженія къ старику и его общественнымъ и частнымъ заслугамъ, юный Милль хотя съ неудовольствіемъ, но терпѣливо переносилъ до самой смерти Джемса Милля (1836 г.) это политическое давленіе отца.

Если всмотрѣться попристальнѣе въ только-что описанныя взаимныя отношенія между сыномъ и отцомъ, и сравнить эти отношенія съ направленіемъ дѣятельности младшаго Милля, то не трудно признать громадное вліяніе отца. И своими обширными знаніями, и направленіемъ своей ученой дѣятельности, и даже честностью своего характера младшій Милль обязанъ въ значительной степени своему отцу. Но съ другой стороны, суровое обращеніе, мрачное воззрѣніе на достоинство человѣческой жизни, пренебреженіе къ воспитанію чувства и фантазій, и рѣшительный скептицизмъ въ религіи вмѣстѣ съ отсутствіемъ здраваго пониманія важности поэзіи для жизни, — все это наложило столь глубокій отпечатокъ на характеръ сына, что, несмотря на всѣ его усилія перевоспитать себя въ этихъ отношеніяхъ, все-таки нѣкоторая доля этихъ вредныхъ вліяній сказалась въ дѣятельности Джона Стюарта Милля. Такъ, онъ остался сторонникомъ суровой системы воспитанія мальчиковъ, — онъ требовалъ изъ экономическихъ видовъ, чтобы бѣдные люди воздерживались отъ вступленія въ бракъ, — онъ возставалъ противъ тайной подачи голосовъ на выборахъ, ставя такимъ образомъ опять же забытыхъ и бѣдныхъ людей въ полное политическое закабаленіе богатыми и вліятельными особами, — онъ заявилъ себя сторонникомъ тѣлесныхъ наказаній противъ лицъ, признанныхъ виновными въ изнасилованіи женщинъ и гароттерствѣ, — наконецъ, онъ даже защищалъ смертную казнь передъ лицомъ британскаго парламента. При этомъ послѣднемъ случаѣ младшій Милль говорилъ о цѣнѣ человѣческой жизни съ тѣмъ же пренебреженіемъ, какъ и его отецъ. «Только изнѣженность (сказалъ онъ) можетъ ужасаться лишенія для человѣка жизни болѣе, чѣмъ лишенія всего того, чѣмъ жизнь становится желательною и драгоцѣнною (*намекъ на отчужденную каторгу*). Развѣ смерть величайшее изъ всѣхъ золъ? Развѣ умереть, въ самомъ дѣлѣ, такъ ужасно? Развѣ воспитаніе человѣка, съ древнихъ временъ и до настоящей поры, не приучало къ презрѣнію смерти, — развѣ оно не учило насъ считать ее зломъ, во всякомъ случаѣ, неизбѣжнымъ и имѣть нашу жизнь въ нашихъ рукахъ въ полной готовности отдать ее или рискнуть ею для достиженія достаточно благородной цѣли?.. Древніе люди мало заботились о смерти; они жертвовали своею жизнью и отнимали ее отъ другихъ съ одинаковою безпечною. Мы находимся въ опасности иного рода: мы ужасаемся смерти вообще и въ отвлеченной мысли до такой степени, что способны придавать ей слишкомъ важное значеніе даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы призваны жертвовать жизнью... Говорятъ, что нелѣпо ожидать отъ другихъ

уваженія къ человѣческой жизни, если мы сами уничтожаемъ ее. Но развѣ тотъ же самый аргументъ не прилагается (*нѣтъ!*) съ одинаковою силою ко всѣмъ другимъ наказаніямъ? Не человѣческая жизнь сама по себѣ должна быть для насъ священною, а человѣческія чувства. Мы должны уважать не простую способность существованія, а способность человѣка подвергаться страданіямъ. И если насъ спросить кто-нибудь, какимъ образомъ можемъ мы научить людей не наносить другъ другу страданій, нанося ихъ сами, то я отвѣчу на это, что *устрашать* посредствомъ страданій отъ нанесенія страданій не только возможно, но и составляетъ дѣйствительную цѣль карательнаго правосудія».

Въ самой жизни Милля мы находимъ реакцію противъ этой суровой стороны его характера, и хотя реакція эта произвела значительный переворотъ въ его мысляхъ, однако, къ сожалѣнію, она не успѣла привести къ окончательному торжеству гуманныхъ побужденій надъ жестокими. Кризисъ, которому подвергся характеръ Милля, случился осенью 1826 года, когда Милль уже выступилъ на литературное поприще въ политическомъ журналѣ «Wesminster Review». Изучивъ около того времени важнѣйшія сочиненія Бентама и найдя въ нихъ удовлетворительный для своего юнаго честолюбія идеалъ, Милль вообразилъ себя реформаторомъ міра, и съ этою реформаторскою дѣятельностію соединилъ въ своемъ умѣ все счастье своей жизни. Въ продолженіе трехъ-четырехъ лѣтъ реформаторское призваніе удовлетворяло его, но вдругъ въ одинъ прекрасный день онъ впадаетъ въ нервное разстройство, и ему приходитъ такая мысль: «Положимъ, что всѣ твои стремленія осуществлены, что всѣ реформы въ учрежденіяхъ и мнѣніяхъ, тобою задуманныя, исполнены,—но доставитъ ли тебѣ этотъ успѣхъ полную радость и счастье?—*Нѣтъ!*», отвѣчалъ его внутренній голосъ, и вмѣстѣ съ этимъ искреннимъ «нѣтъ» сразу пошатнулась и потомъ совершенно разрушилась его вѣра въ достиженіе личнаго счастья путемъ реформы всего міра. Онъ понималъ тогда, что его воспитывали одностороннимъ образомъ, хотя руководились повидимому утилитарнымъ принципомъ, который ставитъ себѣ цѣлью образованіе и развитіе наисильнѣйшихъ умственныхъ сочетаній благотѣльнаго свойства: сочетаній наслажденія или удовольствія со всѣми предметами, полезными для общества или человѣчества, и сочетаній непріятности или болѣзненнаго чувства со всѣми вредными предметами. Для этой цѣли необходимо воспитаніе не только ума, но и чувствъ; между тѣмъ, отецъ Милля занимался главнымъ образомъ развитіемъ лишь однихъ аналитическихъ способностей ума, ибо главными орудіями

его воспитанія были все тѣ же старыя средства: похвала и порицаніе, награда и наказаніе. Чувства удовольствія и непріятности сочетались, такимъ образомъ, въ умѣ юнаго Милля лишь съ понятіями о внѣшнихъ вліяніяхъ, между тѣмъ какъ личныя чувства оставались неразвитыми. Но аналитическія способности ума, ведя человѣка къ истинѣ, къ разбору и критикѣ всего, что попадаетъ имъ на пути, дѣйствуютъ разрушительно не только на разные предразсудки и на сочетанія такихъ мыслей, которыя соединяются другъ съ другомъ лишь случайно, но и на всякія другія, и даже на тѣ, которыя принадлежатъ къ области, такъ-называемаго, *чистаго* чувства. Аналитическія способности полезны благоразумію и проницательности, но онѣ подтачиваютъ въ самомъ корнѣ какъ страсти, такъ и добродѣтели, а также всѣ желанія и наслажденія, за исключеніемъ физическихъ и органическихъ. Миллю казалось, что онъ находился какъ разъ въ этомъ несчастномъ положеніи, и что изъ-за этихъ физическихъ и органическихъ удовольствій не стоить жить;—онъ приходилъ даже къ тому убѣжденію, что не перенесетъ и гѣда столь мучительной жизни, въ которой не-эгоистическія наслажденія невозможны, а эгоистическія противны. Но не прошло и полгода, какъ слѣдующій фактъ убѣдилъ его, что не все еще пропало. Онъ читалъ случайно «Мемуары» Мармонтеля, и дошелъ до того мѣста, гдѣ авторъ рассказываетъ о смерти своего отца, и гдѣ мальчикъ, подъ внезапнымъ воодушевленіемъ, которое возбудило въ немъ несчастное положеніе всей семьи, вдругъ почувствовалъ и заставилъ всѣхъ другихъ почувствовать, что онъ можетъ стать для нея всѣмъ и замѣнить ей все, что она потеряла. Эта сцена расстрогала Милля до слезъ, и онъ понялъ, что онъ еще «не палеа и не камень», что въ немъ есть еще матеріалы, изъ которыхъ создается все достоинство человѣческаго характера и всѣ способности къ счастью,—онъ понялъ, что въ его умѣ есть еще заботы о судьбахъ человѣчества вообще, и что эти судьбы сопряжены тамъ неразрывно съ его личнымъ счастьемъ. Одновременно съ испытаніемъ всѣхъ мучительныхъ думъ и ощущеній этого періода, и самая цѣль жизни приняла другую форму. Милль пересталъ соединять свое личное счастье съ успѣхами своей реформаторской дѣятельности, и пошелъ къ счастью косвеннымъ путемъ, не дѣлая изъ него непосредственной цѣли жизни. «Только тѣ счастливы»,—думалъ онъ съ тѣхъ поръ,—«умъ которыхъ занятъ какимъ-либо предметомъ независимо отъ ихъ личнаго счастья: счастьемъ другихъ, улучшеніемъ человѣчества, или даже какимъ-либо искусствомъ или профессією, преслѣдуемой не какъ средство, но какъ сама

идеальная цѣль;—въ стремленіи къ такой цѣли они находятъ счастье по дорогѣ».

Мысль о томъ, что счастье возможно, побудила Милля искать средствъ къ выходу изъ мрачнаго состоянія духа, и онъ ищетъ ихъ въ упражненіи и развитіи чувствъ путемъ музыки, поэзіи, и вообще искусства. Онъ читаетъ Байрона, но самъ Байронъ мучился тѣми же сомнѣніями, и потому Милль не нашелъ въ немъ никакого утѣшенія. Затѣмъ ему попадаетъ подъ руки Уордсвортъ—поэтъ природы и душевныхъ волненій, возбуждаемыхъ созерцаніемъ красоты. Милль называетъ его «поэтомъ непоэтическихъ натуръ, обладающихъ спокойными и созерцательными вкусами», а онъ самъ одна изъ такихъ натуръ, и потому Уордсвортъ сталъ его утѣшителемъ. Изъ нѣкоторыхъ стихотвореній этого поэта Милль понялъ, что самъ Уордсвортъ въ свое время испытывалъ то же самое, то-есть, что «первая свѣжесть юношескаго наслажденія жизнью не вѣчна», и затѣмъ искалъ утѣшенія въ томъ, чѣмъ утѣшался повидимому и Милль. Однако въ другомъ мѣстѣ своей «Автобіографіи» Милль говоритъ, что описанный уже мрачный вопросъ снова нападалъ на него и не разъ, продолжая мучить юношу по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, такъ что полное уничтоженіе хандры не наступило вѣроятно ранѣе того времени, когда Милль впервые познакомился съ тою очаровательною и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательною женщиною, которая стала потомъ его женою. Это знакомство началось съ 1830 года, когда она была уже замужемъ за Тейлоромъ, умершимъ только въ 1849 году. Милль говоритъ, что хотя послѣ его представленія господамъ Тейлоръ прошли годы, прежде чѣмъ его знакомство съ нею приняло «характеръ интимный или откровенный» (*intimate or confidential*), онъ самъ *«весьма скоро»* почувствовалъ, что она самая удивительная особа изъ всѣхъ, которыхъ онъ когда-либо зналъ». Это *чувство*, по всей вѣроятности, играло въ оживленіи и смягченіи его характера если не гораздо большую, то по крайней мѣрѣ равную роль съ поэзіей Уордсворта. Только послѣ смерти жены Милль является защитникомъ смертной казни.

Увлеченіе Милля было почти безпредѣльное; оно продолжалось и послѣ смерти жены до самой послѣдней минуты его жизни. Страницы, которыя посвящены ей въ «Автобіографіи», восхваляютъ ее во всемъ до полного совершенства, такъ что нѣкоторыя похвалы отзываются даже приторностью. Въ одномъ мѣстѣ онъ сравниваетъ ее съ извѣстнымъ поэтомъ Шелли: «въ общей душевной характеристикѣ, а также по темпераменту и

организациі» она была въ своей юности второй Шелли, но, по мысли и уму, Шелли былъ «ребенкомъ въ сравненіи съ тѣмъ, до чего она въ концѣ-концовъ достигла!» Она была дѣйствительно умна,—обладала такимъ чувствомъ и фантазіей, какія создаютъ великаго артиста; по своему краснорѣчію, пылости и нѣжности души, она могла бы стать великимъ ораторомъ, у нея былъ и практическій тактъ, который сдѣлалъ бы ее великою въ средѣ правителей человѣчества. Нравственности она была также весьма примѣрной: и не эгоистична, и полна симпатіи, и страстно справедлива и т. д., и т. д. Изъ фактовъ, которые приводитъ Милль въ доказательство своихъ похвалъ, мы видимъ дѣйствительно, что жена его была недюжиннаго характера, что она, быть можетъ, не уступала ему ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, но все-таки ея роль была второстепенная: не она писала его сочиненія, а самъ Милль. Положимъ, что она много помогала ему совѣтами, что она значительно смягчила и умѣрила его порывы въ разныхъ вопросахъ науки и жизни, но его «Логика» написана безъ ея содѣйствія, а между тѣмъ это сочиненіе нисколько не уступаетъ всѣмъ прочимъ и составляетъ краеугольный камень его будущей славы. Всѣ большія сочиненія, которыя онъ напечаталъ послѣ смерти жены, были написаны при ея жизни и подвергались ея пересмотру и критикѣ; — но Милль написалъ потомъ еще много мелкихъ, занимаясь въ то же время парламентскою дѣятельностью и возбуждая нѣкоторыя политическія и соціальныя агитаціи, и во всемъ этомъ нельзя сказать, чтобы онъ дѣлалъ крупныя промахи или былъ невѣренъ своимъ лучшимъ убѣжденіямъ, если не ставить ему въ укоръ его защиты смертной казни. Разумѣется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что жена производила на Милля благотворное вліяніе, но приписывать ей почти все лучшее въ дѣлахъ его жизни — это преувеличенно. Такое податливое въ чужую сторону безпристрастіе заслуживаетъ за свое благородство всякой похвалы, но въ выводахъ его все-таки слышенъ голосъ чувства, а не разсудка.

Впрочемъ, Милль никогда не отличался ни излишнимъ самолюбіемъ, ни напраснымъ чванствомъ, и къ самопожертвованію своимъ литературнымъ значеніемъ онъ всегда былъ склоненъ. Онъ самъ былъ не особенно высокаго мнѣнія о своихъ литературныхъ дарованіяхъ: «Я былъ способенъ—писать онъ въ своей «Автобіографіи» — быть толкователемъ оригинальныхъ мыслителей и посредникомъ между ними и публикою; ибо я всегда былъ невысокаго мнѣнія о своихъ способностяхъ, какъ оригинальнаго мыслителя, за исключеніемъ области отвлеченной науки (логики,

философін и теоретическихъ началъ политической экономіи и политики), но считалъ себя гораздо выше большинства моихъ современниковъ въ готовности и способности поучиться у другихъ.» Эта готовность простиралась иногда столь далеко, что онъ помогалъ дѣльнымъ авторамъ въ изданіи сочиненій, въ которыхъ мысли самого Милля подвергались оспариванію. Извѣстный англійскій философъ Гербертъ Спенсеръ рассказываетъ ¹⁾, на примѣръ, что когда въ 1866 году, послѣ значительныхъ потерь, понесенныхъ имъ отъ изданія его философской системы, онъ заявилъ подписчикамъ, что принужденъ съ новымъ томомъ прекратить печатаніе своей философіи, Милль вскорѣ послѣ объявленія прислалъ ему письмо съ предложеніемъ гарантировать издателю расходы по изданію дальнѣйшихъ томовъ сочиненій Спенсера. «Такое предложеніе было бы замѣчательно,—говоритъ Спенсеръ,—даже если бы было между нами полное согласіе въ мнѣніяхъ, но оно было тѣмъ замѣчательнѣе, что Милль зналъ, что между нами существуютъ нѣкоторые фундаментальныя различія, открыто заявленныя». Другой интересный фактъ равнодушія къ литературной славѣ сообщаетъ ²⁾ товарищъ его по службѣ въ Остъ-Индской компаніи, Торнтонъ. Въ 1858 году, когда британское правительство рѣшилось взять управленіе Остъ-Индіей въ свои руки, Милль составилъ знаменитую петицію въ парламентъ, въ которой компанія протестовала противъ намѣренія правительства. Случилось такъ, что въ присутствіи Милля и Торнтона, въ одномъ изъ собраній акціонеровъ, одинъ изъ директоровъ компаніи заявилъ, что это онъ, директоръ, писалъ петицію. Торнтонъ былъ взбѣшенъ подобною наглостью, но Милль оставался спокойнымъ. Когда потомъ Торнтонъ упрекалъ Милля, зачѣмъ онъ не протестовалъ, то Милль отвѣчалъ, что директоръ былъ правъ, такъ какъ онъ дѣйствительно участвовалъ въ составленіи петиціи. «Какъ такъ?» воскликнулъ Торнтонъ: «да развѣ вы не знаете, что каждое слово въ ней писано вами». — «Нѣтъ,—возразилъ Милль,—цѣлая строка на второй страницѣ написана директоромъ!» Самъ Торнтонъ не разъ вступалъ въ литературныя споры съ Миллемъ, своимъ начальникомъ по службѣ, но, несмотря на то, всегда встрѣчалъ съ его стороны самыя добрыя отношенія, а однажды, не вступивъ за него Милль, онъ лишился бы своего мѣста въ компаніи за то, что по причинѣ нервной ослабленности почти цѣлый годъ не могъ ничего работать.

¹⁾ John Stuart Mill's notices, стр. 26, 27.

²⁾ Тамъ же, стр. 20—21.

Съ великодушiемъ и терпимостью обыкновенно соединяется безворыстiе. Такъ было и въ Миллѣ. Одинъ фактъ дешеваго «народнаго» изданiя столь важныхъ сочиненiй, какъ «Принципы политической экономiи», «О свободѣ», «Размышленiй о представительномъ правленiи» и «Вступительный адресъ университету въ Сент-Андрюзѣ», достаточно доказываетъ, что Милль, ради народнаго просвѣщенiя, готовъ былъ подрывать собственными руками выгодную для него продажу упомянутыхъ сочиненiй въ обычномъ изданiи, за которое ему платили вдесятеро и вшестеро дороже народнаго. Однако результатъ получился совершенно другой и вовсе неожиданный: не только народныя изданiя выдержали нѣсколько перепечатокъ, но и обычные шли все такъ же, какъ прежде. Приведемъ еще одинъ разсказъ Торнтона, въ которомъ безворыстiе Милля проявляется съ полною силою. Когда Милль, послѣ закрытiя Остъ-Индской компанiи, совершенно отказался отъ всякой службы по остъ-индскимъ дѣламъ, бывшiе товарищи и подчиненные, по предложенiю Торнтона, рѣшились поднести ему, въ знакъ памяти, серебряную чернилицу въ 50—60 фунтовъ стерлинговъ. Когда Милль узналъ объ этомъ, онъ сильно разсердился на Торнтонa, и объявилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не приметъ ея: «въ такихъ подпискахъ—сказалъ онъ— всегда найдется нѣсколько лицъ, которыя участвуютъ въ ней лишь потому, что не любятъ отказываться».

Добрыя нравственныя и умственныя качества, которыми обладалъ Милль, сказались въ полной силѣ въ литературно-политической дѣятельности, которая отражаетъ въ себѣ всѣ главныя перемѣны въ его характерѣ: сперва, когда Милль находился подъ влiянiемъ отца, онъ является передъ нами суровымъ и пылкимъ бентамистомъ; позже, когда въ его жизни произошелъ описанный нравственный переломъ, онъ впадаетъ въ реакцiю и становится противникомъ чистой демократiи; наконецъ, когда реакцiя грозила уже зайти очень далеко, Милль сближается съ будущею женою и приобретаетъ склонность къ социализму, отъ крайностей котораго тоже сдерживаетъ жена. Въ первомъ и второмъ періодѣ ареной дѣятельности служилъ журналъ «Westminster Review», который былъ основанъ самимъ Бентамомъ, при главномъ содѣйствiи Джемса Милля и подъ редакторствомъ Боуринга, въ 1824 году;—въ третьемъ періодѣ созданы всѣ главныя сочиненiя нашего автора, изданныя въ отдѣльности. Въ 1828 году юный Милль уже отказывается отъ участiя въ демократическомъ и бентамистскомъ «Westminster Review». Французская революцiя 1830 года снова толкаетъ его въ политическую печать, и онъ пишетъ

цѣлый рядъ статей въ радикальной газетѣ «Examiner», ѣдетъ въ Парижъ, знакомится съ Лафайетомъ и главными вождями народной партіи. Возвратившись быстро въ Англію, онъ недолго увлекается французскими дѣлами и потомъ снова пишетъ статьи о разныхъ англійскихъ вопросахъ въ разныхъ либеральныхъ журналахъ, подумывая однако постоянно о томъ, какъ бы начать изданіе собственнаго органа въ видахъ сгруппированія либеральныхъ людей въ одну плотную политическую партію съ дѣльнымъ и смѣлымъ вождемъ. Въ 1834 году ему предложили сдѣлаться самому редакторомъ и издателемъ «Westminster Review», и Милль взялся съ цѣлю проводить въ немъ свои новыя идеи; отецъ его умеръ въ 1836 году, и Милль сдѣлался наконецъ совершенно свободнымъ въ своей литературной дѣятельности. Какъ разъ около этого времени въ либеральномъ министерствѣ произошелъ раздоръ, и лордъ Доргэмъ, либеральнѣйшій изъ всѣхъ, вышелъ изъ министерства. Милль тотчасъ намѣтилъ его въ вожди радикаловъ. Между тѣмъ въ Канадѣ поднялось возстаніе изъ-за конституціоннаго спора съ метрополіей. Министерство, не зная что дѣлать, прибѣгло къ помощи Доргэма, и онъ отправился мирить канадцевъ съ британскимъ правительствомъ, окруживъ себя людьми радикальнаго лагеря. Но вскорѣ одна изъ его тамошнихъ мѣръ не встрѣтила одобренія въ Лондонѣ, — Доргэмъ тотчасъ подалъ въ отставку и возвратился въ Англію. Милль все время защищалъ Доргэма и уговаривалъ всѣхъ либераловъ радикальнаго оттѣнка сгруппироваться около него, но неудачно: такъ радикальной партіи и не составилось, да ея нѣтъ въ Англіи и въ настоящее время. Убѣдившись въ невозможности достигнуть своей главной политической цѣли и считая болѣе полезнымъ посвятить себя ученымъ трудамъ, Милль передалъ свой журналъ въ 1840 году Гиссону. Съ тѣхъ поръ онъ не принималъ почти никакого участія въ текущей политикѣ своего отечества до вступленія его на парламентскую арену въ 1866 году, гдѣ его дѣятельность была особенно полезна тѣмъ, что онъ вынесъ на свѣтъ такіе вопросы, которые безъ него оставались бы еще долгое время подъ спудомъ: представительство меньшинства, женское избирательное право, общая городская дума для всего Лондона. Къ этому же времени относятся два важныхъ факта, въ которыхъ Милль показалъ себя весьма дѣльнымъ и ревностнымъ политическимъ дѣятелемъ.

Первый фактъ—это безпорядки въ Гайдъ-паркѣ. Консервативному правительству Дизраэли вздумалось недозволить непріятную для него сходку рабочихъ въ упомянутомъ лондонскомъ паркѣ, но дѣйствительнаго закона на этотъ предметъ не существовало.

Правительство ввело за рѣшетку парка полицію, которая заперла всѣ ворота, но народъ сломалъ рѣшетку, вошелъ въ паркъ и по слѣ свалки съ полиціей разошелся. Затѣмъ рабочіе заявили, что они не успокоятся на этомъ и въ такой-то день произведутъ тамъ новую сходку. Существовало опасеніе, что на этотъ разъ агитаторы явятся съ оружіемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Уолъполь, подстрекаемый своей партіей въ парламентѣ и прессѣ, чувствовалъ необходимость поддержать свое правительство тоже вооруженною силою. Между тѣмъ радикальные члены парламента, и въ томъ числѣ Милль, были приглашены на совѣщаніе съ вождями рабочихъ, которые объявили, что сами они не надѣются успокоить свою партію. Кромѣ Милля, было въ то время въ Англіи только еще два человѣка, способныхъ уговорить взволнованныхъ рабочихъ: Гладстонъ и Джонъ Брайтъ, но послѣдняго не было въ Лондонѣ, а Гладстону, какъ вождю оппозиціи, было на-руку это страшное затрудненіе консервативнаго министерства. Милль рѣшился предупредить кровопролитіе и, созвавъ рабочихъ, сказалъ имъ, что ихъ новая сходка поведетъ непременно къ кровавой стычкѣ съ полиціей и войскомъ; но вызывать подобную стычку было бы благоразумно только въ такомъ случаѣ, еслибъ положеніе дѣлъ требовало революціи, и еслибъ они считали себя способными совершить ее. Этотъ чисто - революціонный доводъ оказался достаточнымъ для успокоенія агитаціи, и Милль на другой день уже объявлялъ Уолъполю, что сходки не будетъ. «Я никогда не забуду—говоритъ Милль—его глубокаго облегченія и его горячихъ выраженій признательности».

Второй политическій и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскій подвигъ Милля касается усмиренія негровъ ямайскимъ губернаторомъ, Эйромъ. Это усмиреніе было самаго варварскаго свойства: тамъ жгли цѣлыя деревни, сѣкли чуть не до смерти женщинъ и мужчинъ и, наконецъ, губернаторъ самъ подписалъ смертный приговоръ надъ однимъ изъ депутатовъ ямайскаго законодательнаго собранія, который не только не принималъ никакого участія въ возстаніи, но, напротивъ, старался предупредить его; и этотъ смертный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ Англіи поднялся страшный протестъ противъ подвиговъ этого новаго Гайнау, и правительство вызвало его въ Англію, гдѣ онъ и до сихъ поръ пребываетъ въ отставкѣ. Увольненіемъ Эйра, разумеется, воспользовалась консервативная партія, которая, прикрываясь предлогомъ будто бы защиты правительственнаго достоинства, стала всячески оправдывать свирѣпаго губернатора. Либералы, съ другой стороны, требовали преданія губернатора суду

за противозаконный смертный приговоръ. Для этой послѣдней цѣли составилаь, наконецъ, цѣлая коммиссія изъ лицъ разнаго званія; однимъ изъ членовъ ея былъ Милль. Милля выбрали потому въ предсѣдатели коммиссіи, и на него такимъ образомъ пала обязанность употребить всѣ средства для приведенія Эйра на скамью подсудимыхъ. И Милль, одушевляемый идеей справедливости и пользою охраненія жизни честныхъ гражданъ отъ своеволія бездушнаго губернатора, вель возложенное на него порученіе съ замѣчательною ревностью и настойчивостью, но неудачно. Два года сряду онъ вторгался во всѣ щели англійскаго судопроизводства, то съ нѣкоторымъ торжествомъ, то опять безуспѣшно. Въ Лондонѣ, и мировой судъ въ Боу-Стритъ и Королевская Скамья одобрили требованіе Милля,—лордъ главный судья Скамьи, Александръ Ковборнъ, даже произнесъ превосходную рѣчь въ пользу законной защиты свободы. Но когда дѣло попало, наконецъ, въ руки провинціальныхъ судей въ одномъ изъ самыхъ торійскихъ графствъ, куда удалился на жительство Эйръ, то эти почтенные защитники консерватизма отвергли его. Какъ бы то ни было, работы Милля въ «Ямайскомъ комитетѣ» пропали не даромъ: урокъ былъ данъ не только Эйру, но и всѣмъ другимъ начальникамъ въ колоніяхъ, которые считали себя до тѣхъ поръ совершенно безконтрольными передъ англійскимъ обществомъ.

Необычайное рвеніе, обнаруженное Миллемъ въ преслѣдованіи Эйра, произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на всѣ консервативные классы, которые никакъ не ожидали столько настойчивости и «мести» въ прежнемъ серомномъ «философѣ», вступившемъ уже въ седьмой десятокъ. Еще нѣсколько другихъ нападеній на интересы торіевъ, а затѣмъ сопротивленіе Милля введенію тайной подачи голосовъ, которой сильно сочувствовали либералы, въ особенности же подпись Милля подъ сборомъ денегъ въ пользу избранія рабочихъ кандидатовъ въ члены парламента, и между ними въ пользу открытаго атеиста Брэдлафа (Bradlaugh),—всѣ эти тактическія погрѣшности избирательной агитаціи доставили противникамъ Милля столько удобнаго матеріала для возбужденія недовѣрія въ прежнихъ избирателяхъ Милля, что когда въ 1867 году состоялись новые выборы, консервативный соперникъ его, книгопродавецъ Смитъ, при помощи щедрой раздачи денегъ, успѣлъ одержать побѣду. Миллю тотчасъ же предложили избираться въ трехъ другихъ избирательныхъ округахъ, но онъ рѣшительно отказался, радуясь, что ему можно снова предаться своимъ спокойнымъ и тихимъ занятіямъ. Замѣчательно, что и первое избраніе состоялось почти противъ

его воли. Когда въ 1865 году избиратели Уэстминстерскаго округа предложили ему кандидатуру, онъ заявилъ, что, пожалуй, приметъ ихъ предложеніе, если они возьмутся вести всю агитацію сами и на свой собственный счетъ, не требуя отъ него ничего, кромѣ заявленія своихъ политическихъ принциповъ. Они согласились, и онъ, издавъ свой политическій манифестъ, явился на сходку избирателей. Когда кто-то коснулся его религіозныхъ убѣжденій, Милль отвѣчалъ, что онъ согласенъ вступить въ парламентъ не ради религіозной дѣятельности, а ради политической, и потому ни на какіе религіозные вопросы отвѣчать не желаетъ. Другой избиратель замѣтилъ, что Милль въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ объ англійскихъ рабочихъ, что хотя они стыдятся лжи, но сами тѣмъ не менѣе обыкновенно лгутъ. «Правда ли это?»—спросили многіе. «Да,—отвѣчалъ Милль,—это правда». Этотъ прямой отвѣтъ возбудилъ всеобщее одобреніе, и вся сходка сильно и долго рукоплескала. Одинъ изъ вождей рабочихъ, Оджеръ, самъ тоже рабочій, сейчасъ же отвѣчалъ Миллю, что рабочіе классы всегда готовы допустить, чтобы имъ говорили все объ ихъ недостаткахъ, такъ какъ они ищутъ друзей, а не льстецовъ.

Во время той же самой избирательной агитаціи, консерваторы старались противопоставить Миллю его критику религіозныхъ вопросовъ въ появившемся въ то время сочиненіи о философіи Гамильтона;—консерваторы распространяли среди невѣжественной половины избирателей, что Милль—атеистъ. Милль не отвѣчалъ на эти обвиненія ни однимъ словомъ, но за него вступились три извѣстныхъ англиканскихъ священника: Чарльзъ Кингслей, Морисъ, епископъ Сентъ-Давидса, и деканъ Уэстминстера, Стэнли. Всѣ трое объявили, что обвиняемый въ атеизмъ отрывокъ они считаютъ не только не-атеистическимъ, но «основаніемъ всякой истинной религіи» (слова Стэнли). Въ этомъ отрывкѣ Милль говоритъ, что онъ никогда не рѣшится обожать, какъ доброе существо, существо лишенное тѣхъ качествъ, которыя человѣческой разумъ соединяетъ съ идеею о добротѣ, и что если за это рѣшеніе ему погрозили бы адомъ, онъ пошелъ бы въ адъ, но не отказался бы отъ своего рѣшенія...

Остановимся на этой общей характеристикѣ Джона Стюарта Милля, какъ человѣка, какъ автора, какъ нравственной личности, и перейдемъ теперь къ главному предмету нашего изслѣдованія, а именно, къ изложенію и анализу его ученія.

Юр. Россель.

ИЗЪ МОЕЙ ЗАПИСНОЙ КНИГИ

НА ЮГѢ ИТАЛІИ *).

Wie die Wellenschaumgeborene
..... in Schönheitglanz.

Heine.

Въ Неаполѣ необходимо чувствовать себя особенно уютно въ своемъ отелѣ, такъ какъ воспѣтому, препрославленному и превознесенному городу можно приписывать какія угодно качества, —но только не уютность. Странный долженъ быть тотъ человѣкъ, который чувствовалъ бы себя привольно въ этихъ длинныхъ, узкихъ, кривыхъ, косыхъ, большею частію круто идущихъ въ гору, обрамленныхъ высокими и некрасивыми домами, улицахъ и переулкахъ, по которымъ съ утра до ночи снуютъ толпа народа, среди оглушительнаго, раздрающаго уши гвалта! Странный тотъ человѣкъ, кому было бы привольно на этихъ безконечныхъ набережныхъ, среди безтолковой суматохи, царящей въ гавани и на пристаняхъ, гдѣ—то длинный, то короткій молъ врѣзывается въ море, а тутъ возвышается крѣпость, тамъ глазъ наталкивается на таможеню, или ворота диковиннаго стиля, придвинувшіяся къ самому морю и очевидно служащія простой кулисой, и гдѣ вездѣ—на большомъ и маленькомъ молѣ, на набережной, вдоль которой красуются гордые корабли, и на песчаныхъ отмеляхъ, по

*) См. выше: апр. 760 стр.

которымъ валяются полустгнившія лодки на солнечномъ припекѣ,— повсюду снуютъ мѣръ оборванцевъ и лѣнтаевъ!

Уже одно то обстоятельство, что такъ трудно составить себѣ ясное до извѣстной степени понятіе о Неаполѣ,—невыгодно для добросовѣстнаго путешественника и не можетъ содѣйствовать тому, чтобы онъ чувствовалъ себя привольно. И при этомъ я говорю не о нравственной, такъ сказать, фізіономіи города, но о его физическомъ расположеніи, его топографіи.

The mountains look on Salamis,
And Salamis looks on the sea.....

говорилъ лордъ Байронъ; но если бы кто вздумалъ въ настоящемъ случаѣ вольно перевести это такъ:

Горы созерцаютъ Неаполь,
А Неаполь созерцаетъ море—

тотъ могъ бы рѣшительно настаивать на правдивости своего описанія, и приводить въ примѣръ каждую каменную глыбу въ отдѣльности и весь рядъ горъ вмѣстѣ взятыхъ,—а между тѣмъ на дѣлѣ его описаніе не только ничего не разъяснило бы, но еще породило бы совершенно ложное представленіе!

Кто, напримѣръ, не описывалъ Неаполя въ видѣ красивой подковы, раскинувшейся вокругъ залива? А между тѣмъ это представленіе совершенно невѣрно, такъ какъ городъ со стороны моря имѣетъ рѣшительно форму гигантскаго Z, и поэтому отъ глазъ того, кто стоитъ на верхнемъ (меньшемъ) изгибѣ—скажемъ на *Chiaja*—совершенно скрыто все то, что лежитъ въ нижнемъ, большемъ, изгибѣ—*Castell dell' Ovo*—и обратно. Кто не воображалъ, судя по картѣ, что тотъ, кто глядитъ изъ Неаполя на море, долженъ смотрѣть къ западу? А уже Францъ Циглеръ, въ своихъ превосходныхъ путевыхъ письмахъ, обращаетъ вниманіе на то, что «Неаполь съ запада обращенъ спиной къ горамъ, съ востока же глядитъ на свой заливъ» ¹⁾.

Но все это не то; суть, сколько мнѣ кажется, заключается въ томъ, что Неаполь не представляетъ однородной величины, какъ какой-нибудь Саламинъ, Берлинъ, Шпандау и проч., а является, такъ сказать, понятіемъ собирательнымъ или правильнѣе собирательнымъ «представленіемъ», цѣлымъ рядомъ представленій, которыя мгновенно воскресаютъ въ душѣ, когда произнесено волшебное слово, и которыя тщетно профаны стараются сосредото-

¹⁾ Franz Ziegler. Gesammelte Novellen u. Briefe, III, стр. 221.

чить въ одной картинѣ. Неаполь ни съ какого пункта не представляетъ сплошной картины... Онъ даетъ цѣлую галерею привлекательныхъ, великолѣпныхъ по краскамъ и очертаніямъ, восхитительныхъ картинъ, такъ что глазъ зрителя, ослѣпленный блескомъ, опьяненный красотой, неустанно переносится съ одной картины на другую. Тутъ, такъ сказать, никогда не слышится одного какого-нибудь тона, или одного какого-нибудь инструмента, одного голоса..... тутъ раздается торжественный хоръ, съ аккомпаниментомъ всего оркестра. Это отнюдь не одинъ сплошной городъ, а цѣлый рядъ небольшихъ, отдѣльныхъ городовъ, мѣстечекъ, виллъ, руинъ, разбросанныхъ у самаго моря, на возвышенностяхъ, на горахъ. Этотъ-то извилистый берегъ и эти возвышенности, эти горы, тѣснящіяся вокругъ моря въ видѣ громадной, необозримой подковы, эта обширная, сверкающая ровнымъ блескомъ, или взбороенная бѣлыми волнами морская поверхность и—*last not least*—острова, разбросанные по заливу, то ярко выступающіе и одѣтые туманомъ, то скрывающіеся въ туманѣ: Прочида, Искія, Капри, все это,—или такъ какъ всего этого нельзя объять разомъ съ одного какого-нибудь пункта, —то тѣ подробности, которыя можно усмотрѣть съ даннаго пункта — это-то и есть Неаполь!

Я протестую однако противъ того, кто вздумалъ бы приписать мнѣ гордую мечту достичь невозможнаго и такъ описать Неаполь, или, лучше сказать, Неаполитанскій заливъ, чтобы знакомый съ нимъ остался доволенъ, а незнакомый могъ сказать: ну, теперь я знаю, въ чемъ дѣло! Можно самому цѣлыми недѣлями бродить вокругъ Неаполя, и все-таки не освоиться съ нимъ. Пониманіе приходитъ лишь постепенно и не прежде того, какъ перебиваешь не только на всѣхъ пунктахъ, въ самомъ Неаполѣ, съ которыхъ открываются различные виды, но и осмотришь всѣ мѣста, начиная съ Мизенскаго мыса и до *Punta della Campanella*, которыя являются отдѣльными голосами въ общемъ хорѣ. И вездѣ придется бороться съ одной и той же трудностью, а именно: тамъ, гдѣ вы всего болѣе рассчитываете найти обширный видъ, тамъ-то именно и нѣтъ выхода для глаза, или видъ ограниченъ. И все это потому, что въ этомъ громадномъ кругѣ каждый пунктъ, на которомъ только возможно было прилѣпиться человѣческимъ поселкамъ, съ теченіемъ столѣтій неизбѣжно заселился, начиная съ краевъ скалистыхъ вершинъ, вдающихся въ море перпендикулярными громадами въ нѣсколько сотъ футовъ вышины, и кончая плоскимъ берегомъ, о который волны, играя, разбиваются. И эти поселки, будутъ ли то дворцы или руины, дома или хижины,

апельсинные сады или выложенныя сводами отверстія влоакъ, или что другое—торчатъ всюду и повсемѣстно между крутыми и плоскими берегами моря и тѣмъ пунетомъ, на которомъ находится падкій до хорошихъ видовъ странникъ. Сознавая непосредственную близость всѣхъ красотъ, которыя такъ безжалостно загораживаются у него передъ глазами, всякій мало-мальски нервный человѣкъ терпитъ мученія Тавтала, а при рѣшительно холерическомъ темпераментѣ просто приходитъ въ отчаяніе! Къ этому присоединяется еще одно зло, о которомъ я весьма неохотно упоминаю, но не могу умолчать, потому что оно неразлучно съ общимъ впечатлѣніемъ картины. Если, наконецъ, наблюдателю удастся проникнуть до самаго моря, то онъ встрѣтитъ не священныя волны, изъ которыхъ могла выйти Венера, «изъ пѣны рожденная», но, какъ напримѣръ близъ Неаполя, всякіе возможные и невозможные отработки человѣческой производительности: они грязнятся на разстояніе нѣсколькихъ саженъ дѣйственную чистоту прекрасной стихіи, и сама пѣна волнъ приобрѣтаетъ нечистый цвѣтъ, а обоняніе поражается такъ жестоко, что у сколько-нибудь прихотливаго наблюдателя захватываетъ духъ. Конечно, стоить только такому наблюдателю слегка раскинуть умомъ, и онъ скажетъ себѣ, что такъ быть должно и не можетъ быть иначе, даже и тогда, если всѣ слухи дѣйствительно вѣрны, и если другіе стоки городскихъ нечистотъ засорены нераціональными постройками въ гавани; тѣмъ необыкновенно важнымъ для всякаго города полемъ,—которое сельскіе хозяева величаютъ для отличія отъ другихъ полей «заливнымъ» и котораго несчастные берлинцы ищутъ въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ своей столицы и не могутъ найти, а если бы нашли, то должны были бы купить цѣною золота, — такимъ, говорю я, полемъ для счастливыхъ обитателей береговъ этого прекраснаго моря служить оно само, это прекрасное море.

Но все это печальныя, экономическія соображенія, которыми не слѣдуетъ туманить радость, доставляемую зрѣлищемъ чистѣйшей красоты. И въ самомъ дѣлѣ, эта чистѣйшая красота сіяетъ и блещетъ, какъ красота молодой нищей дѣвушки, въ англійской балладѣ о королѣ Кофетуа, сквозь всѣ лохмотья и грязь, которыми неаполитанецъ стремится себя и *hoc genus omne* изуродовать; сверкаетъ, и сіяетъ, и блещетъ часто съ такою мощью, съ такой силой, что охватываетъ внезапно неподготовленнаго наблюдателя, прежде чѣмъ онъ успѣетъ опомниться,—какъ какое-то откровеніе. И въ самомъ дѣлѣ она является откровеніемъ.

Я пережилъ такую минуту, которой вѣкъ не забуду и которую попытаюсь, насколько съумѣю, описать.

На третій или на четвертый день нашего пребыванія въ Неаполѣ, однимъ, хотя не дождливымъ, но пасмурнымъ утромъ сѣли мы въ экипажъ, чтобы объѣхать западную часть залива отъ Неаполя до Мизенскаго мыса. Черезъ Позилипскій гротъ мы прямо отправились въ Баньоли, изъ Баньоли вдоль морского берега въ Пуццоли, и усердно осмотрѣли тамошній амфитеатръ и другія святыни. Затѣмъ снова направили свой путь вдоль пыльной однообразной дороги, на которой солнце, пробившееся тѣмъ временемъ сквозь дымку тумана, жестоко насъ беспокоило. Видъ *Monte Nuovo*, сахаробразный конусъ котораго въ 1538 г., вслѣдствіе вулканическаго изверженія, длившагося въ теченіи восьми дней, выросъ отъ основанія до верхушки, также не могъ разсѣять наше нѣсколько унылое настроеніе, какъ и видъ кругообразнаго Аверискаго озера съ его воронкообразными, низкими, поросшими кустарникомъ берегами, а до него мы скоро добрались. Мы знали, что здѣсь древняя повзія помѣщала входъ въ подземный міръ. Мы могли навзгустъ перечестъ всѣ тѣ ужасы, которые это уединенное мѣсто рисовало классически-образованнымъ умамъ, но сами не ощущали и тѣни чего-нибудь подобнаго. Солнце, которое теперь достигло своего зенита, очевидно не благопріятствовало поэтически-историческимъ воспоминаніямъ. Геліосъ царилъ въ полной силѣ и блескѣ, и хотя мы были бы весьма благодарны, если бы подземное царство, на порогъ котораго мы находились, подарило намъ немного тѣни — но доступъ въ него былъ и оставался закрытымъ. Въ безмятежно-спокойныхъ водахъ отражались солнечные лучи, словно въ металлическомъ зеркалѣ, ни малѣйшій вѣтерокъ не колебалъ верхушекъ камыша, росшаго по берегамъ и... *avanti, cocchiere, avanti!* И снова потянулася пыльная, лишенная всякой тѣни дорога мимо *Arvo felice*, древней, великолѣпной, увитой зеленью арки, служившей нѣкогда для віадукъ, входившаго въ черту города Кумы. Мы знаемъ, что направо дорога ведетъ къ скуднымъ развалинамъ этой первой изъ всѣхъ греческихъ колоній въ Италіи. Мы освѣжаемся, подъ тѣнью зонтиковъ, свои историческія воспоминанія съ помощью путеводителя, и намъ становится очевиднымъ, что мы провинимся въ государственной измѣнѣ, если не посѣтимъ этого древняго и почтеннаго мѣста. Но у насъ нѣтъ больше силъ на какое бы то ни было рѣшеніе; въ насъ живетъ только одно желаніе: какъ можно скорѣе спастись отъ тягости подобной про-

гулки и найти хорошій отель въ Байяхъ, а въ хорошемъ отелѣ тѣнистую комнату, а въ тѣнистой комнатѣ сносный обѣдъ.

Наконецъ дорога раздвигается, а то подъ конецъ она сдузилась—было въ лощину. Довольно большое, продолговатое озеро,—берега котораго увѣнчаны лѣсомъ, а на маленькомъ островкѣ, въ узкой части озера, высится небольшой замокъ,—и такъ дружески киваетъ онъ намъ, что мы не можемъ утерпѣть, чтобы не оглянуться на него. Это *Lago del Fusaro*, древнее Ахерузское озеро, а небольшой замокъ—королевскій дворецъ. Онъ заперъ всѣ свои зеленныя жалюзі, точно глазамъ его, такъ же какъ и нашимъ, больно отъ сверкающаго блеска голубовато-стальной, неподвижной, водяной поверхности. Внезапно дорога сворачиваетъ влѣво и идетъ вверхъ на крутизну, въ которой она прорѣзана еще во времена римлянъ, а теперь отдѣляетъ насъ отъ моря. Мы выходимъ изъ экипажа, чтобы облегчить трудъ бѣднымъ, покрытымъ потомъ лошадямъ. Мы подвигаемся, во избѣжаніе пыли, медленными шагами и время отъ времени оглядываемся на озеро, которое все также дружески улыбается намъ. Но вдругъ останавливаемся, какъ вкопанные: надъ лѣсистымъ берегомъ темно-голубого озера показалась узкая свѣтло-голубая полоска—озеро надъ озеромъ. Мы спѣшимъ впередъ. Свѣтло-голубая полоска становится все шире и шире, песчанистые берега тянутся смѣлой дугой къ сѣверу... это Кумская бухта, это море, святое, именно, по тому блеску, съ которымъ оно мечется намъ въ глаза,—море!

Мы съ трудомъ можемъ оторваться отъ этого зрѣлища: дѣйствіе его можно сравнить съ усиливающимся интересомъ драматической сцены, начавшейся съ идилліи, изъ которой неожиданно развивается драматическое положеніе. И при этомъ зрѣлище такъ же прекрасно, какъ и величественно. Темная лазурь прекраснаго овала Фузарскаго озера окаймлена, точно бронзовой рамкой, зелеными деревьями, залитыми солнечными лучами,—а далѣе, по ту сторону, великолѣпная дуга Кумской бухты, по мѣрѣ того какъ мы взбираемся выше, расширяется въ необъятный заливъ Гаэты, и, межъ тѣмъ какъ мы ясно различаемъ бѣлый прибой волнъ въ песчаному берегу, взоръ проникаетъ дальше на край горизонта, гдѣ безоблачное небо сливается съ темнозеленымъ моремъ.

Экипажъ тѣмъ временемъ достигъ вершины маленькаго прохода и остановился; мы слѣдуемъ за нимъ и добираемся до самой вершины, откуда дорога, также глубоко высѣченная въ горѣ, спускается по другую сторону... и крикъ изумленія вылетаетъ у насъ изъ груди съ такимъ единодушіемъ, какъ будто крикъ одного человѣка... крикъ глубокаго, до глубины души проникающаго

щаго восторга, котораго не въ силахъ передать нѣкакія слова. Передъ нами, непосредственно передъ нашими глазами, синѣетъ море, но гуще, яснѣе, а по ту сторону обширной водной поверхности блещутъ и сверкаютъ скалистые берега. Картина, открывшаяся передъ нами, не имѣетъ въ себѣ ничего сверхъестественнаго: то бухта Байй, а позади нея весь Неаполитанскій заливъ вплоть до горъ Сорренто: мы ожидали увидѣть все это, и тѣмъ не менѣе оно показалось намъ какимъ-то волшебнымъ сномъ.

Точно сонъ въ солнечный полдень, точно *Fata-Morgana* въ тропическомъ поясѣ! И словно во снѣ, словно увлекаемые рукой волшебницы, бѣжимъ мы, карабаемся, летимъ по боковой тропинкѣ на крутизну, и оттуда созерцаемъ то, что я не могу иначе назвать, какъ откровеніемъ.

И это откровеніе заключалось въ томъ, что, межъ тѣмъ какъ глаза мои однимъ взглядомъ обнимали чарующую красоту ландшафта, которая въ безконечной простотѣ своей была бы повидимому доступна даже дѣтскому уму,—темная лазурь моря сіяла по ту и по сю сторону, изъ этой темной лазури выплывали залитые солнечнымъ свѣтомъ, бѣлые, какъ мраморъ сверкающіе, скалистые берега, здѣсь, по близости, и тамъ вдаль, а надо всѣмъ этимъ колебался безоблачный эфиръ!..—Я призналъ не только за истину то, о чемъ я слышалъ въ школѣ, и затѣмъ читалъ въ тысячахъ книгахъ, но увидѣлъ мысленными очами передъ собой: стройные, мраморные столбы храма, и прекраснаго Зевеса съ Юноной Лувовизи, и мимо плывущіе, прекрасно оснащенные корабли, на которыхъ странствовалъ Одиссей и его спутники, и тѣхъ волищцевъ, которые за тысячу лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія основали Кумы; я призналъ, что эти и тому подобныя дѣянія искусства и отчаянной храбрости могли совершиться здѣсь и только здѣсь... здѣсь, на этихъ голубыхъ водахъ, прекрасныхъ, какъ сирена, здѣсь, на этомъ сверкающемъ взморьѣ, подъ этимъ лучезарнымъ небомъ.

Это впечатлѣніе длилось одно лишь мгновеніе и не часто повторялось во время моего путешествія, и даже всего одинъ только разъ проявилось съ такой изумительной мощью и красотой... Но что же? великіе моменты всегда бываютъ рѣдки какъ въ жизни, такъ и въ путешествіи. Да будетъ благодаренъ всякій, кого боги допустили хотя разъ возсѣдать въ ихъ обществѣ за золотымъ столомъ въ домѣ ихъ отца, и вмѣстѣ съ ними наслаждаться амброзіей и нектаромъ.

Листьямъ въ дубравахъ древесныхъ подобны сныи человѣковъ:
Вѣтеръ одинъ по землѣ развѣваетъ, другіе дубрава,
Вновь разцвѣтая, рождается, и съ новой весной возрастаетъ;
Такъ человѣки: сіи нарождаются, тѣ погибаютъ.

Гомеръ, Илиада. Пѣснь VI.

Для современнаго путешественника весьма сомнительнымъ преимуществомъ является то, что онъ заранѣе такъ много слышать, читать и даже видѣлъ изъ того, что ему предстоитъ лицезрѣть. Даже наилучшія фотографіи даютъ ложное представленіе. Имъ во всякомъ случаѣ недостаетъ красокъ, освѣщенія и, кромѣ того, что касается предметовъ крупныхъ размѣровъ, особенно что касается ландшафтовъ, онѣ даютъ совершенно фальшивое понятіе, вслѣдствіе невѣрной перспективы. Картины масляными красками, разумѣется, богаты цвѣтами и зачастую въ излишествѣ, и не всегда тѣми, какими слѣдуетъ. Рѣдкіе, весьма рѣдкіе художники имѣютъ мужество проводить свои мнѣнія и осмѣливаются, на примѣръ — не намѣреваясь и не умѣя, быть можетъ, рисовать заходы солнца *à la* Клодъ Лорренъ и проч. — изображать вещи, какъ подобаетъ современнымъ реалистамъ, то-есть такими, какими онѣ должны быть по ихъ внутреннему убѣжденію и какими онѣ, судя по ихъ первымъ эскизамъ, имъ дѣйствительно представлялись. Какъ скоро дѣло дойдетъ до выполненія, — они, самъ не знаю какимъ образомъ, утрачиваютъ вѣру въ природу и вмѣстѣ съ ней пониманіе ея красотъ. Словно какой-то злорадный Асмодей подмѣшиваетъ какіе-то странные ингредиенты въ ихъ карминъ и ультрамаринъ, вслѣдствіе чего ихъ произведенія пріобрѣтаютъ какой-то условный, односторонній, рассчитанный на предубѣжденія массы, кокетливый, бьющій на эффектъ, лакированный и прилизанный видъ. А описанія путешественниковъ! Призываю васъ во свидѣтели, любезный читатель, допуская, разумѣется, что вы сами составляете исключеніе.... но другіе — сознайтесь — мы теперь наединѣ и насъ никто не слышитъ!.. Какъ всѣ они краснорѣчивы, и при этомъ никто изъ нихъ не рѣшится называть вещей по ихъ имени! Каждый спѣшитъ сообщить о такихъ впечатлѣніяхъ и мысляхъ, испытанныхъ имъ будто бы на самомъ мѣстѣ, которыя припили ему въ голову не прежде, чѣмъ онъ вернулся домой, въ свой кабинетъ, и окружилъ себя топографическими планами, фотографическими видами, иллюминированными картами тѣхъ городовъ, странъ, морей, которые онъ объѣздилъ и осмотрѣлъ! Конечно, легко быть краснорѣчивымъ и поражать сво-
ей ученостью, съ помощью полу-дюжины ученѣйшихъ *Vade*

тесит! Но чтобы все это создалось на самомъ мѣстѣ! Положа руку на сердце, любезный странникъ!—развѣ тамъ, на мѣстѣ, ты былъ такъ же краснорѣчивъ и ученъ! не былъ ли ты скорѣе разсѣянъ, молчаливъ и въ сущности столь же мало ученъ, какъ и твои неученные спутники, которые не прочитали и половины, и четверти того, что ты съ такимъ усерднымъ рвеніемъ проштудировалъ? Мало того: ты завидовалъ отсутствію въ нихъ начитанности, ты завидовалъ той непосредственности, съ какою они воспринимали впечатлѣнія. Ты говорилъ себѣ, что совершилъ длинное путешествіе вовсе не затѣмъ, чтобы сохранять ложныя представленія о вещахъ, но чтобы исправить ихъ и, если нужно, совершенно преобразовать. И какъ часто это повторяется! почти непрерывно, почти повсемѣстно! И поэтому у тебя, конечно, есть причины безмолвствовать, сосредоточиться въ самомъ себѣ и не надоедать спутникамъ своей ученостью. Но къ чему стыдиться такого естественнаго, такого понятнаго состоянія? зачѣмъ прикидываться, будто ты пронесся черезъ всѣ страны, какъ нѣкій богъ, и будто страны, моря и всѣ твари земныя привѣтствовали тебя: Эванъ! Бахусъ! Эвое! Зачѣмъ принимать видъ какаго-то Цезаря, которому стоить только показаться, чтобы побѣдить? Кому думаешь ты угодить этой комедіей? Тѣ, кто былъ тамъ вмѣстѣ съ тобой или раньше тебя, замѣтятъ бѣлыя нитки и сочтутъ тебя тѣмъ, чѣмъ ты являешься въ дѣйствительности (по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ): комедіантомъ! а твои краснорѣчивыя описанія фразѣрствомъ! Тѣмъ же, которые придутъ послѣ тебя, ты приносишь вредъ: ты разжигаешь въ ихъ груди страстное желаніе, которое можетъ доходить до болѣзненности, и набиваешь имъ голову ложными представленіями, такъ что они не узнаютъ вещей, когда станутъ съ ними лицомъ къ лицу, и станутъ проклинать обманщика (то-есть тебя и тебѣ подобныхъ), который заманилъ ихъ въ такую западню.

И при этомъ ты вдвойнѣ неправъ, такъ какъ предметы сами по себѣ, взятые такъ, какъ они есть, гораздо интереснѣе и но большей части гораздо красивѣе твоихъ приторныхъ описаній, въ правдивость которыхъ ты самъ не вѣришь и не можешь вѣрить, и которые въ концѣ-концовъ оттого у тебя такъ пестры и размазаны, что ты не хочешь отстать отъ другихъ, подобныхъ тебѣ шарлатановъ.

Откуда явились во мнѣ всѣ эти соображенія? Мнѣ кажется, что они пришли въ голову, когда я вспоминалъ о часахъ, проведенныхъ нами въ Помпѣѣ, и пытался воспроизвести впечатлѣніе, произведенное на меня городомъ развалинъ. Дѣло происходило

въ одинъ изъ первыхъ дней нашего пребыванія въ Неаполѣ. Дождь шелъ хотя и не постоянно, но все-же больше, чѣмъ это было желательно. При этомъ, порою, дулъ довольно сильный вѣтеръ: всѣ мы единодушно рѣшили, что въ Берлинѣ мы наслаждались болѣе благораствореннымъ апрѣлемъ. Намъ было на этотъ разъ четверо, и я въ душѣ считалъ себя весьма счастливымъ, что для предстоящей экспедиціи, которая служить такимъ тяжелымъ пробнымъ камнемъ учености путешественниковъ, мы насчитывали въ своей средѣ двухъ такихъ основательныхъ ученыхъ, какъ профессоръ Б. и д-ръ О., о которыхъ я зналъ, что хотя они и не археологи-спеціалисты, но хорошо знакомы съ римскими древностями, какъ основательные и дѣльные юристы и преподаватели римскаго права. Что касается меня самого, то хотя нѣкогда, въ шестомъ классѣ гимназій, я и былъ награжденъ *Gallus*’омъ Беккера, и знавалъ «Помпею» Овербека, раньше, чѣмъ она появилась въ печати, изъ лекцій, которыя этотъ превосходный ученый читалъ въ Лейпцигѣ передъ избраннымъ кружкомъ; хотя нѣсколько своеобразный ходъ моихъ занятій и заводилъ меня порою въ эти сферы (не говорю уже о романахъ Бульвера и проч.), но я едва ли могъ или скорѣе только и могъ сказать, что—*militavi*.

И вотъ, однако, торжество остроумія и учености, на которое мы, профаны, имѣли двоякую причину рассчитывать, не осуществилось вовсе. Я смутно припоминаю лишь о краткой лекціи, прочитанной профессоромъ Б. въ домѣ Пансы (римскаго всадника, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его испанскимъ тезкой, который нареченъ былъ при св. крещеніи Санхо, и который отнюдь не былъ всадникомъ и вообще не отличался героизмомъ) о положеніи рабовъ въ римскомъ экономическомъ бытѣ въ ту эпоху, когда Везувій безъ разбора похоронилъ подъ пепломъ и рабовъ и господъ въ Помпеевѣ. Да затѣмъ д-ръ О. угостилъ насъ на одномъ перекресткѣ, гдѣ дулъ сильный вѣтеръ, небольшимъ разсужденіемъ о государственныхъ должностяхъ въ Римѣ вообще и о думвирахъ и эдилахъ въ частности. Наконецъ я самъ нашелъ случай блеснуть своими познаніями и цитировалъ тѣ два знаменитыя письма, въ которыхъ Плиній-Младшій описываетъ Тациту смерть своего дяди и свои собственныя походы во время катастрофы. Меня интересовали эти письма, какъ образчикъ мастерскаго описанія природы, которымъ отличались древніе. Но этими скромными попытками мы и ограничились. Само собой разумѣется, что мы старались освоиться съ планомъ города и расположеніемъ домовъ въ Помпеевѣ — которое еще стереотипнѣе,

чѣмъ расположеніе домовъ въ Берлинѣ;—мы не преминули посѣтить храмы, бани, театры и другія публичныя мѣста.

Но, въ концѣ-концовъ, каждый изъ насъ былъ въ душѣ главнымъ образомъ занятъ тѣмъ, чтобы безмолвно переработать въ самомъ себѣ то странное впечатлѣніе, которое производитъ это диковинное мѣсто на каждого мало-мальски впечатлительнаго человѣка, если только можно назвать переработкой проносящіяся смутныя картины и всплывающія размышленія, которыя никогда не получаютъ закопченнаго вида. По крайней мѣрѣ я могу за-вѣрить, что не далеко ушелъ въ теченіи тѣхъ четырехъ или пяти часовъ, которые мы пробыли среди развалинъ. Разъ мнѣ представилось точно какое-то видѣніе. Я уже говорилъ, что день былъ сѣренькій и что время отъ времени шелъ дождь; непріятный рѣзкій вѣтеръ дулъ въ пустыхъ улицахъ. Вдругъ, въ ту минуту, какъ мы сворачивали съ улицы, называемой «*Dell'abondanza*», въ узенькій, кривой переулокъ, этотъ послѣдній представился мнѣ на всемъ протяженіи, которое могъ обнять взоръ, залитымъ красноватыми лучами вечерней зари; надъ нимъ разстилось безоблачное небо, видѣвшееся изъ-за кровель маленькихъ домиковъ. И я видѣлъ маленькіе домики довольно мизернаго и бѣднаго вида, со стѣнами, лишенными оконъ, но обитаемыми. На каменныхъ порогахъ узкихъ дверей сидѣли и стояли хорошенькія, смуглыя дѣвушки, и погонщикъ ослонъ шелъ мнѣ прямо на встрѣчу съ своимъ нагруженнымъ ослонъ. Это странное видѣніе длилось съ полной ясностью и отчетливостью не долѣе, конечно, какъ съ секунду, быть можетъ менѣе того! быть можетъ, только сотую долю одной секунды... затѣмъ разсѣялось, и я отлично помню, что прежде всего исчезъ погонщикъ ослонъ вмѣстѣ съ ослонъ; затѣмъ поблѣднѣли дѣвушки и домики снова превратились въ руины; всего долѣе держалось теплое вечернее освѣщеніе; мнѣ еще все представлялось, что я вижу его, когда относительно всего остального я уже пришелъ въ полное сознаніе сѣрой, дождливой дѣйствительности. И еще разъ или два, въ то время какъ мы странствовали изъ улицы въ улицу и изъ дома въ домъ, зажигалось красное вечернее освѣщеніе, но все слабѣе и слабѣе, подобно тому, какъ порою человѣка преслѣдуетъ воспоминаніе о ночномъ сновидѣніи, пока, наконецъ, день и дневной трудъ не вступаютъ въ свои права. Я былъ пораженъ, когда открылъ позднѣе — черезъ нѣсколько уже дней — на планѣ Помпей, что эта улица называлась: «*Vico dei lupanari*».

Вообще я того мнѣнія, что посѣтителѣ Помпей, когда ихъ воображеніе разыграется въ извѣстномъ направленіи, черпаютъ

материалъ для картинъ города минувшаго времени изъ современной, я хочу сказать—итальянской дѣйствительности. Я по крайней мѣрѣ убѣжденъ, что площадь и улицы Помпеи представляли почти то же самое зрѣлище весною 79 г. по Р. Х., какое я созерцалъ весною 1873 г. на улицахъ и площадяхъ маленькихъ городковъ Италіи и Сициліи. Да, позднѣе, проходя по узкимъ тѣнистымъ переулкамъ этихъ городковъ съ ихъ бѣлыми или грязно-сѣрыми домиками безъ оконъ, или почти что безъ оконъ, я всегда вспоминалъ про Помпею. Конечно, въ тѣ времена церкви назывались храмами, и храмы имѣли нѣсколько иной видъ, чѣмъ церкви, но то, что совершалось внутри храмовъ, довольно сходно съ тѣмъ, что происходитъ внутри католическихъ церквей. Конечно, зажиточный и образованный человѣкъ того времени носилъ тогу, между тѣмъ какъ теперь носить фракъ (быть можетъ съ розой въ петлицѣ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы), но ливрея бѣднаковъ и немущихъ никогда и ни въ какія времена не была подчинена модѣ. Тѣмъ болѣе въ Италіи, гдѣ каждую минуту, на каждомъ заборѣ, на каждомъ шестѣ, выставленномъ изъ окопика, а также и на спинахъ дѣтей, женщинъ и мужчинъ (въ особенности стариковъ) видишь такіа лохмотья, которыя, если и не тождественны съ тѣми, какія носили предки этихъ дѣтей, женщинъ и мужчинъ за двѣ тысячи лѣтъ передъ симъ, то непосредственно происходятъ отъ нихъ. И бѣдный рыбакъ въ 79 г. навѣрное такими же смуглыми, голыми ногами (съ такой же фригійской шапкой на черномъ затылкѣ) шагаль въ пѣнистыхъ волнахъ и съ помощью товарищей вытаскивалъ свою лодку на песокъ. И пастухъ изъ горъ, съ такою же козлей шкурой на плечахъ и въ такой же широкополой шляпѣ и въ такихъ же сандаляхъ приходилъ въ городокъ и, пугливо поглядывая на прохожихъ своими темными глазами, дѣлалъ свои небольшія закупки въ небольшихъ, открытыхъ лавочкахъ на перекресткахъ улицъ. Такимъ образомъ, короче говоря, вся эта обложенная налогами часть населенія (включая сюда ословъ, муловъ и лошаковъ) дошла до насъ, по прошествіи цѣлаго ряда столѣтій, почти въ томъ же видѣ, за немногими измѣненіями, о которыхъ едва стоить упоминать. Но и перемѣна, совершившаяся во внѣшности (о внутреннихъ качествахъ я не позволяю себѣ судить) незначительнаго меньшинства счастливыхъ собственниковъ, не особенно велика, такъ что фантазія права, когда, слѣдуя естественному закону, старается пополнить и восстановить мало извѣстное и совсѣмъ неизвѣстное по аналогіи съ тѣмъ, что ей извѣстно.

Да и что же, наконецъ, влечетъ тѣ тысячи людей, которые

изъ года въ годъ, изъ дня въ день стекаются со всѣхъ странъ свѣта сюда, и черезъ узкія ворота проходятъ на помпейскій форумъ и бродятъ по узкимъ улицамъ, мечтая о быломъ,—что влечетъ ихъ? Антиварски-научный интересъ, конечно, привлекаетъ многихъ, но огромное большинство привлекается диковинной мыслью узрѣть городъ, въ которомъ каждый камень повѣствуетъ одну и ту же повѣсть, а именно: какъ ходили и бродили люди, жившіе здѣсь за тысячу восемьсотъ, за двѣ тысячи лѣтъ передъ симъ, такъ точно и мы ходимъ и бродимъ здѣсь въ настоящее время. Всемогущее время оказалось безсильно надъ нами. Мы связываемъ исторію тѣхъ дней непосредственно съ исторіей нашихъ дней. Да! мы говоримъ себѣ, — собственно не существуетъ ни сегодня, ни завтра, не только для этого солнца, которое только что скрывалось за черной тучей, а теперь, въ тотъ моментъ, какъ мы оставляемъ безмолвѣйшій городъ въ мірѣ черезъ узкія ворота, дружески озаряетъ старыя стѣны и растущія на нихъ молодыя розы; не только для мощнаго властелина здѣшняго края, вулкана, который и въ настоящую минуту удерживаетъ мрачное, синеватое покрывало, въ которое кутался весь день,—но и для васъ, сыны человѣческіе! За двѣ тысячи лѣтъ передъ симъ свѣтило вамъ это солнце, угрожала гора, благоухали розы; двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ проходили вы черезъ эти узкія ворота. Вы только позабыли объ этомъ, съ тою дѣтской забывчивостью, которая заставляетъ дѣтей принимать сегодня за новую куклу ту, которую мать вчера спрятала отъ нихъ, и радоваться сладкому печенью, которое они уже такъ часто ѣдали, и горевать о сломанной игрушечной лошадекѣ. Но таковы вы и такими останетесь, хотя бы двухтысячелѣтніе камни открывали истину, которую жрецы Саиса скрывали подъ покрываломъ (я чуть-было не сказалъ подъ пепельнымъ дождемъ). И хорошо, что вы именно такіе, а не другіе, потому что міръ не перестанетъ существовать, жить, любить, трудиться сегодня, какъ вчера, и завтра, какъ сегодня, хотя бы время отъ времени какой-нибудь посѣдлый Талейранъ и замѣчалъ съ злой улыбкой: «Je n'en vois pas la nécessité».

Was Ander's suche zu beginnen,
Des Chaos wunderlicher Sohn. *

Goethe's Faust.

Это было на другой день послѣ нашей поѣздки въ Байи. Апрельское солнце ярко сіяло на голубомъ небѣ, волны весело прыгали на широкой поверхности моря, которое разстигалось передъ нашими окнами, отдѣленное лишь шоссе *Riviera di Chiaja* и узкимъ садомъ *Villa Nazionale*. Все обѣщало прекрасный день, такой, какого можно только желать, когда сэндвичи, свернутые пледы, *Capri rosso* и остальные принадлежности, необходимые при подъемѣ на Везувій, давно уже уложены въ карманы трехконнаго экипажа, который уже цѣлый часъ дожидается у подъѣзда нашего отеля. Не то, чтобы мы опоздали на цѣлый часъ—а, съ тѣхъ поръ какъ себя только помню, никогда не опаздывалъ ни на какое *rendez-vous* — но у итальянскихъ кучеровъ существуетъ странная привычка всегда пріѣзжать за цѣлый часъ до назначеннаго срока.

За то потомъ—какъ бы для того, чтобы наверстать потерянное, по милости неаккуратныхъ иностранцевъ, время—они гонятъ лошадей крупной рысью, зачастую переходящей въ галопъ,—по гладкой мостовой изъ лавы, по направленію къ гавани вдоль безконечной набережной, которая называется тутъ *Porta militare*, тамъ *Porta grande*, далѣе *Spiaggia della Marinella*, а далѣе еще иначе. Справа идутъ: молъ, таможенные дома, корабельныя мачты, корабли всякаго рода, арсеналы, насыпи, верфи, песчаные отмели, на которыхъ безпомощно лежатъ лодки, опрокинутыя на одинъ бокъ, разбѣвается тряпье, укрѣпленное на веревкахъ, играютъ полуобнаженные или и совсѣмъ нагіе, смуглые ребяташки; загорѣлые мужчины занимаются починкой своихъ штановъ, и въ перемежку со всѣмъ этимъ болѣе или менѣе значительные клочки голубого моря, которое вызвало и постоянно поддерживаетъ всю эту дѣятельность. По лѣвую руку тянутся дома, дома, все дома: сначала богатые отели съ великолѣпными подъездами и швейцарами, въ ливреяхъ съ золотыми галунами, затѣмъ болѣе скромныя, но все еще приличные жилища частныхъ лицъ; наконецъ, напротивъ того мѣста, гдѣ собственно начинается гавань, и гдѣ стоятъ на якоряхъ корабли со всего свѣта и лаззарони поддерживаютъ сообщеніе между ними и твердой землей, идутъ опять дома и дома, но уже представляющіе рѣзкій контрастъ съ первыми: гаваньскіе кабачки, жилища лоцмановъ, харчевни матро-

совъ, хижины рыбаковъ — диковинный сумбуръ построекъ, похожихъ другъ на друга, какъ одни лохмотья на другія, и символъ ихъ, тряпье, виситъ и качается во всѣхъ окнахъ на веревкахъ, протянутыхъ съ одной стороны рамы на другую, на низкихъ, желѣзныхъ перилахъ, на шестахъ и проч. Въ окнахъ, которыя, въ сравненіи съ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, озаряющимъ дома, кажутся ужасно черными и неуютными, показывается время отъ времени люди — очень рѣдко ребенокъ или женщина, развѣшивающіе тряпье. Однажды — это было уже, сколько мнѣ помнится, въ Портичи — показался въ окнѣ совсѣмъ голый мужчина, макаронный пекаръ, который искалъ прохлады, какъ намъ сказалъ кучеръ. Я полагаю, что это было въ Портичи, но дѣло могло также происходить и въ безконечномъ неаполитанскомъ гаваньскомъ предмѣстьѣ или въ Резинѣ: я уже замѣтилъ раньше, что человѣкъ, плохо знакомый съ мѣстностью, приметъ все это за различныя наименованія одной и той же безконечной улицы, застроенной домами съ обѣихъ сторонъ. Въ особенности удобно тутъ созерцать интимную жизнь бѣдныхъ людей, въ подвальныхъ этажахъ домовъ, гдѣ черезъ широкое отверстіе дверей, занимающее почти цѣлую стѣну, какъ въ нашихъ торговыхъ складахъ, въ рембрантовскомъ полусвѣтѣ эта жизнь предстаетъ во всей своей наготѣ. Тамъ, слѣва, идутъ деревянные нары, служащія собственно постелью; матрацъ или одѣяло плотно свернуты, и очистившійся такимъ образомъ конецъ постели служить вмѣсто стула или стола; тамъ стоитъ, въ глубинѣ комнаты, комодъ — мебель, которую можно найти во всякой итальянской комнатѣ, хотя бы въ немъ и ничего не лежало.... Надъ комодомъ виситъ маленькое зеркальце, если только оно не находится въ употребленіи въ данную минуту, что почти всегда бываетъ, какъ читатель увидитъ ниже. Рядомъ, слѣва, буфетъ, освященный въ день любимаго святого, направо небольшое распятіе. Вотъ и все убранство, кромѣ одной скамейки, на которой сидитъ *pater familias*, занятый какимъ-нибудь ремесломъ, и другой, выдвинутой на передній планъ сцены, такъ сказать, на самой рамѣ, и всего ярче освѣщенной солнцемъ. Да, она и нуждается въ самомъ сильномъ освѣщеніи, потому что на ней совершаютъ необыкновенно важная операція. На этой скамѣ възсѣдаетъ молодая и хорошенькая дѣвушка, и съ глубокомысленнымъ и отчасти покорнымъ выраженіемъ въ лицѣ, которое можно наблюдать въ каждомъ *Salon pour la coupe des cheveux*, и только тамъ — глядитъ себѣ въ колѣни, на которыхъ держитъ, схвативъ обѣими руками, небольшое зеркальце (см. выше). Можно побожиться, что покор-

ное выраженіе ея лица непритворно, ибо волосы ея густотой могутъ сравниться съ первобытнымъ лѣсомъ, и при этомъ очень длинны, не взирая на то, что круто выются на лбу и на спинѣ, а гребень, съ помощью котораго сестра или сосѣдка обрабатываетъ эти длинные, густые, курчавые волосы, навѣрное не досчитывается всѣхъ своихъ зубьевъ; и при этомъ приходится безпрестанно прерывать чесанье, приглаживанье и плетение косъ потому что... потому что... Боже мой! какъ объяснить это въ различныхъ выраженіяхъ, въ особенности, когда говоришь о хорошенькой, молодой дѣвушкѣ! Да! еслибы обладать классической непринужденностью этой молодой дѣвушки, которая въ тотъ моментъ какъ мы, проѣзжая мимо, становимся невольными зрителями одной изъ катастрофъ, поднимается черныя рѣсницы, и свѣтло улыбается намъ своими темными глазами и, быть можетъ, посылаетъ намъ вслѣдъ веселое *buon'giorno, signor...*

Въ Портичи чаще попадаются со стороны моря красивыя виллы, служащія лѣтней резиденціей для неаполитавцевъ, потому что на многихъ приклеены объявленія со словами: *a locare*, которыя изрѣдка смѣняются словами: *to let* или *à louer*. Черезъ садовую стѣну, отдѣляющую садъ отъ улицы, видѣются розы, а не то въ открытую дверь можно окинуть бѣглымъ взглядомъ большіе и маленькіе садики, обращенные къ морю... Охотно позавидовалъ бы счастливымъ, обитающимъ въ этихъ виллахъ, если бы не припомнилъ впору для сохраненія душевнаго міра, что не только подъ пальмами, но и на берегу рокочащаго Неаполитанскаго залива нельзя гулять безнаказанно.

Однако, несмотря на виллы и видъ на море, не взирая на королевскій замокъ, черезъ который ведетъ дорога, какъ мнѣ кажется, тамъ, гдѣ Портичи переходитъ въ Резину — и не смотря на разнообразіе сценъ, которыя можно наблюдать въ узкихъ и уже замѣтно крутыхъ улицахъ Резины (нищіе неотступно преслѣдуютъ медленно двигающійся экипажъ), мы очень довольны, когда наконецъ, оставивъ позади себя людскія жилища, попадаемъ въ область вина и плодовъ, садовъ съ овощами, оливковыхъ плантацій и кактуса, который растетъ вездѣ, гдѣ ничего лучшаго не произрастаетъ. Но для путешественника зрѣлище растущихъ на свободѣ гигантскихъ кактусовъ, которые онъ привыкъ видѣть лишь въ теплицахъ, да и то въ микроскопическихъ размѣрахъ, имѣютъ свой интересъ, хотя въ сущности трудно представить себѣ что-нибудь болѣе безобразное. Къ тому же это дикинниное растеніе, подобно разнымъ другимъ чудачкамъ, имѣетъ свои весьма полезныя свойства. Оно приноситъ обильный плодъ,

который охотно употребляется въ пищу поселянами, а пуще всего оно вездѣ беретъ на себя роль смѣлаго піонера, котораго крестьянинъ всегда посылаетъ впередъ, когда нужно отвоевать клочекъ владѣній у мрачнаго властелина и разрушителя. Извѣстно, что лава образуетъ такую почву, которую растенія очень любятъ, и послѣднія роскошно процвѣтаютъ на ней, но, конечно, она должна первоначально вывѣтриться и превратиться въ землю. А это было бы вдвойнѣ трудно подъ этими благорастворенными небесами, еслибы кактусъ не являлся на помощь дождю и воздуху и не пускалъ своихъ грубыхъ, выносливыхъ корней въ малѣйшія трещины, которыя даетъ черная, вѣрпкая какъ стекло масса, образуемая лавой, пока, наконецъ, маленькія трещины не станутъ большими, и въ одинъ прекрасный день гордая глыба не рассыплется прахомъ. Тогда виноградная лоза пускаетъ свои усики, и оливковое дерево начинаетъ расправлять свои сучковатые члены; наконецъ появляется пальма и распускаетъ свои перистыя вѣтви, точно побѣдные флаги надъ благополучно завоеванной областью, и... кто теперь станетъ думать о бѣдномъ кактусѣ!

Конечно:

Leicht ist's folgen den Wagen,
Den Fortuna führt,
Wie der gemächliche Tross
Auf gebesserten Wegen
Hinter des Fürsten Einzug...

Конечно! но самому властителю — кто улучшилъ, кто расчистилъ, кто приготовилъ путь! Преклонимся же передъ грубымъ, колючимъ, некрасивымъ, диковиннымъ чудачкомъ! Преклонимся передъ честнымъ кактусомъ!

Путнику здѣсь наверху предстоить еще много дѣла и даже больше, чѣмъ онъ въ состояніи совершить при всемъ своемъ прилежаніи, потому что мы достигли теперь той области горы, гдѣ лава царитъ безусловно.

Печальное царство, которое могло дать отличный матеріалъ Данту для самыхъ страшныхъ главъ его ужасающаго Ада; мрачное царство, гдѣ не произрастаетъ ни единого дерева, ни единого растенія; арена битвы буйныхъ и дикихъ сыновъ земли, желавшихъ взять небо приступомъ, и которыхъ грозный сынъ Крона низвергъ и разгромилъ своими громовыми стрѣлами, разгромилъ и обуглилъ, такъ что теперь попадаетъ то тамъ, то сямъ ужасная голова, узловатая рука, гигантская нога или кулакъ, который «вотще злобно сжимается». Разгромилъ и навалилъ другъ на друга, высоко, съ цѣлую гору, подобно тому,

какъ сами они навалили Пеліонъ на Оссу, между тѣмъ какъ ихъ густая, красная кровь медленно стекала черезъ ущелья и наконецъ вытекла и окаменѣла.

Тамъ же, наверху, довольный своей побѣдой, «улыбается развеселившійся Зевесъ», и высокопарящій Геліосъ льетъ свои сверкающіе лучи на черное кладбище и на вышку неразрушенной крѣпости бунтовщиковъ, темный флагъ которыхъ все еще дерзко развѣвается у трона Кронона, и внизъ на набожную землю, на виноградники и оливковыя рощи и плодовые сады, которые стелются по склонамъ до самаго моря и вездѣ усѣяны ярко сверкающими на солнцѣ бесѣдами, обвитыми виноградной лозой, вилами, деревьями, домами, которые все многочисленнѣе, все гуще сдвигаются внизъ, пока наконецъ не образуютъ вокругъ залива сплошного ожерелья, въ которомъ самой крупной жемчужиной является Неаполь. А на заднемъ планѣ прекрасный заливъ, съ его красивыми, излучистыми берегами и его островами: Капри, Искіей и Прочидой... которые одинъ другого краше.

И все обширнѣе становится видъ съ каждымъ поворотомъ, который дѣлаетъ дорога вокругъ глыбъ лавы. Горячимъ зносомъ обливаешь солнце черные, сверкающіе камни, и между ними шмыгаютъ взадъ и впередъ зеленовато-золотистыя ящерицы, бояливо помахивая хвостикомъ въ то время, какъ остальное туловище уже спряталось въ спасительную скважину «въ сокрушеніи великомъ о милыхъ мертвыхъ; но, радуясь въ сердцѣ, что сами спаслись отъ смерти», — «милыхъ мертвыхъ» убилъ бичомъ злобный бездѣльникъ, кучеръ.

И вотъ, наконецъ, достигаемъ мы знаменитаго пустынноческаго свита съ его мнимымъ пустынникомъ, волнистая, сѣдая борода котораго никогда не превратитъ въ настоящія *Lacrimae Christi* темно-желтую жидкость въ пузатой флажкѣ, которую онъ взбалтываетъ въ рукахъ. Поэтому мы ничего не требуемъ отъ его свита, кромѣ тѣни для экипажа, сидя въ которомъ поѣдаемъ превосходный завтракъ, привезенный нами изъ отеля: сэндвичи, которые нѣмцы называютъ бутербродами, *Capri Rosso* и апельсины, которые, особенно когда они зрѣлы, весьма пріятный фруктъ, и составляютъ неотъемлемую принадлежность каждаго итальянскаго завтрака, въ особенности въ настоящее время года. Затѣмъ мы отправляемся въ обсерваторію, гдѣ мнѣ съ величайшимъ трудомъ удастся отдѣлаться отъ нахальнѣйшаго изъ погонщиковъ муловъ. Восемнадцатилѣтній субъектъ — которому было бы гораздо приличнѣе воспитать въ себѣ такую развращенность въ какомъ-нибудь берлинскомъ подвалѣ — преслѣдуетъ насъ

еще гораздо дальше обсерваторіи по дорогѣ, покрытой золою отъ лавы, доходящей до колѣнъ и тамъ-и-сямъ поросшей кустарникомъ, и вымаливаетъ на всѣ лады сигару, которую я курю, пока наконецъ энергическое обращеніе къ нему не обращаетъ его въ бѣгство.

Мы остаемся одни, и подъ жидкой тѣнью одного куста можемъ наблюдать за путешественниками, предпринимающими поднятіе на Везувій, и которыхъ собрался цѣлый караванъ у подножія его вершины. Мы находимся съ ними почти на одной высотѣ, и дорога отъ насъ къ нимъ ведетъ по хребту длиннаго уступа, который огibaетъ подошву вершины, а на другомъ, довольно круто-наклонномъ, концѣ его стоитъ обсерваторія. Насъ отдѣляетъ около 1000 метровъ отъ каравана, и пока мы находимся на одной плоскости съ ними, мы видимъ только смутную суету, точно въ небольшомъ лагерѣ, который собираются снять. Но когда они, забирая нѣсколько вправо, начинаютъ подъемъ, то съ помощью нашихъ превосходныхъ биноклей мы можемъ различать детали, отличить женщинъ отъ мужчинъ, проводниковъ отъ путешественниковъ, и сколько у каждаго изъ нихъ проводниковъ. Линія растягивается все больше и больше; нѣкоторые рѣшительно отстаютъ; довольно значительная кучка держится со-обща, но пять или шесть человекъ, которые постоянно шествовали во главѣ колонны, уходятъ все выше и выше и съ изумительной быстротой карабкаются по крутизнамъ. Вотъ они, точно какіе-то пигмеи, причемъ фигуры ихъ рѣзко выдѣляются на горизонтѣ, появляются на крутомъ склонѣ горы, и вотъ, наконецъ, они на самой верхушкѣ пирамиды, срѣзанной сверху; фигуры ихъ выдѣляются менѣе рельефно, чѣмъ передъ тѣмъ, такъ какъ фономъ имъ служитъ дымъ, непрерывно клубящійся, но все же ихъ можно различить, какъ движущіяся точки.

Было бы бесполезно отрицать, что мы отъ души имъ завидуемъ, потому что «чего только не откроетъ наблюдатель, поднявшись всего однимъ этажемъ выше», какъ замѣчаетъ поэтъ, когда общество въ «*Wahlverwandtschaften*» бродитъ по лѣсамъ новаго дома; а эти счастливцы стоятъ на 500—600 метровъ выше насъ, и достигли туда меньше, чѣмъ въ часъ! И мы неоднократно выдѣлывали такія же ловкія штуки въ Швейцаріи и Тироли; но я чувствовалъ себя уже нѣсколько дней не совсѣмъ здоровымъ и такимъ образомъ, хотя съ тяжелымъ сердцемъ, но намъ пришлось отказаться отъ этого удовольствія. «Взглядъ на западъ, подобно цѣлебной ваннѣ, разгоняетъ боль отъ напряженія и усталость», говорится въ путешествіи Гете.

Онъ былъ на вершинѣ Везувія и сдѣлалъ это скорѣе, чѣмъ всякій другой. Такъ точно и Шинкель стоялъ тамъ, наверху, и своими артистическими глазами любовался яркостью красокъ и красотою формъ. Такъ стояли раньше нихъ и послѣ нихъ многіе великіе и добрые люди, и многіе великіе, но недобрые, и не одинъ добрый, но не великій человѣкъ, и вуча народа, которые не добры и не велики; будемъ надѣяться, что въ тѣ моменты, которые они провели тамъ наверху, они узрѣли отблескъ «безконечнаго свѣта».

Съ различныхъ бельведеровъ обсерваторіи даже профанъ легко можетъ ориентироваться. Онъ видитъ, что стоитъ на полуостровѣ среди моря лавы. Онъ видитъ также, что существуетъ собственно двѣ горы, и что вторая, которую только теперь разглядываешь, какъ слѣдуетъ, *Monte di Somma*, окружаетъ главу Везувія словно громаднымъ воротникомъ *à la Stuart*, только разумѣется воротникъ находится на одной высотѣ съ головой. На самомъ дѣлѣ *Monte di Somma* старѣе Везувія, и послѣдній есть только новый конусъ въ кратерѣ стараго волкана и, по всей вѣроятности, возникъ впервые лишь во время приснопамятнаго изверженія 79 года. Между головой и воротникомъ изливались, при различныхъ изверженіяхъ, почти всѣ потоки лавы на хребетъ, на которомъ стоитъ обсерваторія. Здѣсь они раздѣлялись: менѣе значительные потоки направлялись влѣво, и это тѣ, по которымъ мы прибыли. Главнѣйшіе же текли между Везувіемъ и хребтомъ обсерваторіи съ одной стороны, и крутыми склонами *Monte di Somma* съ другой. И съ ужасомъ и сожалѣніемъ видя, какъ эти потоки, въ особенности послѣдній, проложившій себѣ путь въ 1872 г., безжалостно стремился по плантаціямъ, оливковымъ рощамъ, виноградникамъ, плодовымъ садамъ и дальше внизъ между двумя деревнями Санъ-Себастьяно и Масса, изъ которыхъ онъ разрушилъ большую часть, и хотя уже не съ такой силой, но проникъ до третьей деревушки, которая едва-едва избѣжала совершеннаго истребленія. Намъ описывали ужасающія сцены, происходившія въ мѣстечкахъ, обреченныхъ погибели, а также траги-комическую ярость, съ которой женщины осыпали бранью своихъ святыхъ, въ которымъ только-что взывали съ мольбой, — когда убѣдились, что моленія ихъ бесплодны.

Дѣло идетъ къ вечеру. Солнце склоняется, и все гуще становятся фіолетовыя отбѣнки великолѣпнаго *Monte St. Angelo*, возвышающагося на Кастелламаре, и всей береговой цѣпи, которая тянется налѣво вдоль залива, до самаго Сорренто. Яркими розовыми пятнами выдѣляются на темной зелени оливковыхъ рощъ

и виноградниковъ виллы, домики, деревушки, селенія, безчисленные перлы, отдѣлившіеся отъ сплошнаго жемчужнаго ожерелья городовъ, окаймляющаго заливъ. Море одѣвается въ болѣе темный пурпуръ, и каждый парусъ, проносящійся по немъ, окрашивается нѣжнымъ розовымъ цвѣтомъ, а острова, которые все еще окутаны легкимъ туманнымъ покровомъ, рельефнѣе выступаютъ «чернымъ щитомъ на туманистомъ морѣ», какъ говоритъ Одиссей, когда съ плота усматриваетъ землю Феакійцевъ; но только Искія, лежащая нѣсколько поодаль, похожа на щитъ, между тѣмъ какъ Капри теперь поразительно напоминаетъ сфинкса, голова, шея и грудь котораго въ обломкахъ, между тѣмъ какъ гигантское туловище совершенно цѣло. И вотъ, взоры наши прикованы къ чарующему зрѣлищу и не могутъ отъ него оторваться, хотя возница нашъ уже давно помахиваетъ и пощелкиваетъ бичомъ надъ головами несчастныхъ лошадей. Еще разъ остаемся мы глухи къ лстивымъ рѣчамъ мнимаго отшельника, который встряхиваетъ у насъ передъ глазами подозрительную жидкость своей пузатенькой бутылки. Еще разъ прогоняю я неспособнаго бездѣльника, который забѣгаетъ сбоку, впередъ экипажа, выклиная милостыню.

Хочу воспѣть сыновъ Атрея,
И славу Кадыма...

Анакреонтъ.

Въ Неаполѣ большая ярмарка, и сравнительно пустая въ обыкновенное время, безконечная улица буквально биткомъ набита народомъ изъ окрестныхъ деревень и изъ предмѣстствъ—Портичи и Резина, не что иное, какъ предмѣстья Неаполя,—возвращающимся домой раннимъ вечеромъ. Безпрерывно одна за другой слѣдуютъ болѣе или менѣе значительныя толпы людей, безпрерывно обгоняютъ нашъ экипажъ тѣ двуконныя повозки, которыя состоятъ изъ безпорядочной пирамиды людей, влекомой одной лошадыо: двухколесной телѣги, на которой сидятъ, стоятъ, лежатъ, висятъ, цѣпляются, карабкаются люди, а по временамъ облако пыли, позолоченное солнцемъ, окутываетъ и телѣгу, и людей, и лошадь. Всего удивительнѣе при этомъ то, что, во-первыхъ, лошадка не только ухитряется тащить весь этотъ грузъ, но еще бѣжитъ крупной рысью, зачастую переходящей въ галопъ, а во-вторыхъ, что люди очевидно по цѣлымъ часамъ и безъ утомленія пребываютъ въ такихъ положеніяхъ, какія вся-

кому другому показались бы нестерпимыми черезъ нѣсколько минутъ. Я не могъ найти удовлетворительнаго объясненія для этой крайне замѣчательной способности итальянцевъ низшихъ классовъ, хотя неустанно наблюдалъ за такимъ важнымъ обстоятельствомъ: для меня также непостижима неумолимость и выносливость ихъ вычухныхъ животныхъ. Я увѣренъ, что хорошо знаю, чего можно требовать отъ лошади; мнѣ случалось неоднократно въ своей жизни совершать путешествія въ экипажѣ и верхомъ, при которыхъ не щадились силы ни їздока, ни коня; но передъ рысью, какою однажды домчала насъ пара чалыхъ лошадей изъ Тиволи, черезъ Кампанью, въ Римъ, я окончательно теряюсь. Что хорошее состояніе большинства итальянскихъ путей: шоссѣ, проселочныхъ дорогъ и т. д., равно какъ и мостовой въ городахъ, очень облегчаетъ животнымъ ихъ трудъ — это, конечно, несомнѣнно; но они изумительно ведутъ себя и на дурныхъ дорогахъ.

Да и зачастую хорошее состояніе дорогъ только усложняетъ дѣло, какъ, напримѣръ, въ Неаполѣ, гдѣ безпрестанно случается лошадямъ падать на гладкихъ квадратахъ изъ лавы, въ особенности при крутыхъ спускахъ или подъемахъ. Берлинская извозицья лошадь, когда ее постигнетъ такое несчастье, поступаетъ въ девяти случаяхъ изъ десяти такъ: она растягивается во всю длину, опускаетъ, при первой возможности, голову на мостовую и остается глуха ко всемъ усиліямъ, внушеніямъ, брани, толчкамъ, ударамъ кучера: самое большее, если она издастъ при этомъ стонъ, который можетъ заставить неопытнаго зрителя подумать, что лошадь находится при послѣднемъ издыханіи; пока, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ судорожныхъ движеній задними ногами, она полуприподниметъ туловище, поглядитъ изумленными глазами на окружающихъ, вытанетъ переднія ноги и разомъ поднимется на ноги, побуждаемая къ этому похвальному рѣшенію ударами бича и пинками (которые обильно сыплются на нее въ это время). Совсѣмъ иначе ведетъ себя ея неаполитанская сестра! Если бы я не былъ такимъ врагомъ всякихъ преувеличеній, то сказалъ бы: она вскакиваетъ на ноги, прежде чѣмъ упадетъ! Но изъ десяти случаевъ въ девяти будетъ чистой правдой, если мы скажемъ, что упасть и встать на ноги для неаполитанской лошади дѣло одной минуты. Неаполитанская лошадь по большей части маленькая и хорошенькая, и, конечно, ея выносливость есть дѣло расы и темперамента; нѣтъ сомнѣнія даже, что раса играетъ тутъ очень важную роль, также какъ климатъ и кормъ, но надо сказать

еще и то, что итальянецъ — превосходный кучеръ. Я увѣренъ, что «благородная вѣтвь Капанея», когда онъ —

Всгѣдъ за Тидидомъ царемъ, на коняхъ звукогонныхъ повесся,
Пламенный... Тотъ же Киприду преслѣдовалъ мѣдью жестокой...

не могъ лучше управлять конями среди жарко кипѣвшей брани, чѣмъ римскій или неаполитанскій кучеръ, пробирающійся сквозь сумятицу и толкотню, царствующую на Корсо или въ Толедской улицѣ, не говоря уже объ узкихъ переулкахъ, гдѣ иногда кажется невозможно двумъ экипажамъ развѣхаться; и при этомъ какъ необыкновенно рѣдко случаются какія-нибудь несчастія, чтобы столкнулись, напримѣръ, два экипажа или кого-нибудь раздавили! Изумительно, просто!

Но за то итальянецъ страстно любитъ ѣзду. Ежедневные бѣга, устраивающіеся въ каждомъ итальянскомъ городѣ, извѣстны всѣмъ, и рысистые бѣга съ парі играютъ такую же значительную роль въ жизни *jeunesse dorée*, какъ и скачки съ парі у сѣверянъ. Держать лошадей и экипажъ въ наилучшемъ, сравнительно, видѣ, и всячески ихъ изукрашать — кажется святой обязанностью для итальянца высшихъ и низшихъ классовъ. Великолѣпной каретѣ, въ которой знатный римлянинъ ѣдетъ на Пинчіо, служить буклическимъ *pendant* двухколесная, деревянная телѣжка, которую сицилійскій крестьянинъ раскрашиваетъ краснымъ и желтымъ цвѣтами до самого дышла, не упуская размазывать бока телѣжки страшными изображениями изъ исторіи мучениковъ и разбойниковъ. Даже извозчики — и это особенно характеристично — раздѣляютъ эту общую всѣмъ итальянцамъ страсть. Если въ Италіи попадутся плохія, растрепанныя дрожки, то можно быть увѣреннымъ, что извозчикъ негодный человѣкъ. Въ противномъ случаѣ онъ старается о томъ, чтобы экипажъ, упряжь и лошадь, все было въ наилучшемъ видѣ, какого только можно достигнуть при тщательномъ уходѣ. При этомъ нельзя не упомянуть, что эти люди чрезвычайно привѣтливы, любезны, общительны, разговорчивы, если вы этого пожелаете, и не особенно корыстолюбивы. Намъ за все путешествіе по Италіи всего одинъ только разъ случилось позвонить съ кучеромъ *voiture de remise*, между тѣмъ какъ въ Берлинѣ распря между публикой и кучерами дрожжекъ никогда собственно не прекращается. «За то мы такъ дешевы», сказали мнѣ разъ одинъ изъ этихъ послѣднихъ, который сваливалъ всю бѣду, даже присущую кучерамъ грубость, на низкую таксу. Но и въ Италіи ѣзда стоить недорого, иногда даже поразительно дешево, и при всемъ этомъ васъ хорошо возятъ и съ вами любез-

ни, даже черезъ-чуръ любезны. Кто изъ путешественниковъ не вспоминаетъ съ удовольствіемъ о пальцахъ, которые вопросительно выставлялись ему пробѣжающими кучерами, или при выходѣ его изъ отеля, извозчиками, стоящими на биржѣ, какъ потомъ двое-трое изъ нихъ отдѣлялись отъ остальныхъ, и какъ, наконецъ, владѣлецъ бѣлой лошади одерживалъ верхъ надъ своими конкурентами, возвращавшимися на свое мѣсто, въ надеждѣ, что на слѣдующій разъ они будутъ счастливѣе... А не то, бывало, идешь и спрашиваешь себя со вздохомъ усталой души: неужели же для усерднаго пѣшехода не существуетъ правосудія на небѣ и дрожекъ въ Римѣ?.. и вдругъ внезапно, подобно грифу, спускающемуся изъ-подъ безоблачнаго поднебесья Африки на упавшаго верблюда, въ дали, у Санта-Марія-Маджіоре показывается темная точка, которая съ быстротою молніи несется на тебя вдоль длинной *Via delle quattro Fontane*, только съ той разницей, что это не грифъ, а дрожки, зоркій возница которыхъ высмотрѣлъ тебя издали, среди снующей толпы народа и призналъ въ тебѣ чловека, которому слѣдуетъ помочь.

Въ Неаполѣ, даже неутомимому пѣшеходу, — нападаютъ же на чловека такіе героическіе моменты, — надѣдаетъ навязчивость, съ какой кучера, большею частію одноконныхъ экипажей, предлагаютъ ему свои услуги, неотступно слѣдуя за своей жертвой и неотвязно взывая, то жалобнымъ, то убѣдительнымъ, то ласкающимъ, то угрожающимъ: «синьоръ! мусью! синьоръ! мусью!» и зачастую простирая свою дерзость до того, что пересѣкаетъ ему дорогу, заграждая дальнѣйшій путь и наѣзжая на ноги. Ругать его ровно ни къ чему не служить, потому что едва успѣешь умолкнуть, чтобы перевести духъ, или истощивъ весь запасъ итальянскихъ словъ, какъ онъ уже снова загибаетъ надъ самымъ ухомъ: «синьоръ! мусью! синьоръ! мусью!..»

Положить конецъ этому испытанію, нестерпимому для многихъ нервныхъ людей, можно только не говоря и не глядя на преслѣдователя. Еще дѣйствительнѣе въ подобныхъ случаяхъ насмѣшка, хотя бы даже въ дѣйствіи; такъ, напримѣръ, не худо прибѣгнуть въ этомъ затруднительномъ положеніи къ старинной шуткѣ, употреблявшейся въ Кѣльнѣ во время карнавала, а именно: войти черезъ одну дверцу коляски (всегда открытой) и выйти черезъ другую. Такія вещи всегда производятъ свое дѣйствіе на неаполитанца; его смуглое лицо немедленно раздвигается, и онъ выказываетъ всѣ свои бѣлые зубы, затѣмъ выпускаетъ странное, протяжное, горловое междометіе, которымъ, по всей вѣроятности,

еще во времена благочестиваго, Энея погонялись лошади, ослы и мулы, и скрывается въ ближайшемъ переулкѣ.

Пока я занимался гиппологическими изученіями, наступилъ вечеръ; послѣ чая, я отправился снова гулять, чтобы подышать болѣе свѣжимъ воздухомъ послѣ жаркаго дня, и отправился одинъ, потому что въ этотъ поздній часъ дамы исчезаютъ изъ улицъ и съ площадей Неаполя, и безконечная Толедская улица, куда выносить меня потокъ, представляетъ диковинное, совсѣмъ иное, чѣмъ днемъ, зрѣлище. Улица заливается, такъ сказать, мужчинами: старики, молодые люди, подростки, изящные кавалеры, честные бюргеры, ремесленники, оборванцы шествуютъ группами, парами, рѣдко поодинокѣмъ, и такимъ образомъ весь этотъ людъ фланируетъ, скрещивается, сталкивается, окруженный облаками дыма отъ сигаръ и папиросъ. Особенно густо толпится народъ близъ кофеенъ, черезъ открытыя двери и окна которыхъ виднѣется перспектива мраморныхъ столовъ и красивыхъ креселъ и дивановъ, усѣянныхъ посѣтителями, читающими газеты, болтающими или ничего не дѣлающими. Разумѣется, это все мужчины; мужчины же наполняютъ погребки, тускло освѣщенные лампами, гдѣ продается дешевое вино, и мужчины же толпятся вокругъ продавца лимонада, размѣстившагося съ своей лавочкой на перекресткѣ и время отъ времени взбалтывающаго сосудъ съ лимонадомъ... отъ скуки ли, или затѣмъ, чтобы послѣдній не скисъ, не знаю. Сирокко, отъ котораго мы уже такъ много натерпѣлись, снова подулъ; воздухъ тяжелъ до того, что просто задыхаешься, а вокругъ газовыхъ фонарей виднѣется грязно-желтый ореолъ, и освѣщенные тамъ-и-сямъ окна домовъ, глядящихъ на насъ иногда съ необычайной высоты, тускло мерцаютъ среди густой атмосферы, точно звѣзды среди тумана. Тихо несомый людскимъ потокомъ, глазѣешь по сторонамъ въ полутемныя, боковыя улицы, гдѣ стоятъ и ходятъ люди съ какой-то, очевидно, опредѣленной цѣлью, которой однако никакъ не угадать. Вдругъ усматриваешь переулокъ, который круто ведетъ внизъ по ступенькамъ въ таковой, повидимому, диковинный міръ, что въ первую минуту невольно спускаешься съ двухъ-трехъ ступенекъ и также быстро поднимаешься наверхъ, не отдавая себѣ хорошенько отчета въ томъ: дѣйствительно ли видѣлъ то, что представилось твоимъ глазамъ, или это не что иное, какъ порожденіе фантазіи, нѣсколько разгоряченной дѣйствіемъ сирокко. Чувствуешь себя близкимъ къ обмороку, оглядываешься, не подоспѣтъ ли къ тебѣ на выручку коляска... и только теперь спохватываешься, что въ этой толпѣ замѣчается такое же отсутствіе извозчиковъ, какъ и женщинъ.

Ужъ въ самомъ дѣлѣ не рехнулся я? Какъ? Здѣсь, на этой самой улицѣ, которая днемъ кишитъ извозчиками, на которой ежечасно, ежеминутно опасаясь быть раздавленнымъ... ни одного экипажа, ни одной лошади! Да куда же они дѣвались? Куда попрятались? «Пропали», отвѣчаютъ садовникъ въ паркѣ Путбуса, когда я спросилъ его: куда дѣвались миллионы маленькихъ лягушекъ, которыми за день передъ тѣмъ были покрыты всѣ дорожки?—Но вѣдь лошади не могутъ же пропасть, какъ маленькія лягушки! И не могутъ же онѣ, подобно женщинамъ, забраться на четвертый, пятый, шестой, седьмой этажи и пребывать въ тѣхъ комнатахъ, освѣщенные окна которыхъ теперь тускло мерцаютъ, и тамъ засѣдать за чайнымъ столомъ или у колыбели своихъ дѣтей! Да и не могутъ же эти тысячи курильщиковъ всю ночь фланировать, гулять, бродить; должны же они, наконецъ, укрыться на ночь подъ крышу этихъ домовъ, въ которыхъ, не смотря на ихъ восемь этажей, врядъ ли найдется также мѣсто и для лошадей, для безчисленныхъ неаполитанскихъ лошадей.

Я ломаю свой отуманенный мозгъ надъ рѣшеніемъ этой задачи, между тѣмъ какъ мнѣ удалось счастливо выбраться изъ толпы, снующей по Толедской улицѣ и очутиться въ сравнительно тихихъ улицахъ Кіайи. Но вдругъ, огибая колоссальный домъ, — занимающій собою повидимому цѣлый кварталъ, — съ опущенной долу головой, я останавливаюсь въ испугѣ и хватаюсь за голову, желая удостовѣриться, не брежу ли я. Это навѣрное обманъ чувствъ! какъ могли лошади, которыхъ я не вижу больше на землѣ, очутиться подъ землею, глубоко подъ мостовой, которая обыкновенно звенитъ подъ ударами ихъ копытъ? Въ большомъ городѣ... въ особенности въ Берлинѣ, видишь многое, очень многое подъ мостовой, черезъ четырехугольныя окна подваловъ; овощныя, молочныя, сливочныя, сырныя, и другія лавочки; пивныя погребки съ ихъ обычными посѣтителями... но лошадей! лошадей, стоящихъ смирно въ стойлахъ и спокойно поѣдающихъ свой кормъ, помахивающихъ хвостомъ, погромыхивающихъ недоуздами, и время отъ времени испускающихъ тихое ржаніе, въ знакъ своего удовольствія, или же осторожно покашливающихъ, когда овесъ попадетъ имъ не въ то горло. Это мракъ!.... Я усталъ и страстно желаю найти извозчика, и вотъ я вижу, слышу и даже обоняю лошадей, подобно тому, какъ мучимому жаждой путешественнику въ пустынѣ грезится вода. Стоитъ взглянуть въ ближайшее подвальное окно, и видѣніе разсѣется! Но не тутъ-то было! Я вижу снова лошадей, помахивающихъ хвостами, звенящихъ недоуздами, но только на этотъ

разъ я видѣлъ рыжихъ и гнѣдыхъ, между тѣмъ какъ въ первомъ, оконѣ—бѣлыхъ и вороныхъ!

Хорошо! миражъ упоренъ! но вотъ я одхожу къ третьему окну, и въ немъ усматриваю восьмерку лошадей, причемъ одна изъ нихъ растаялась! Мнѣ приходится покориться судьбѣ, ибо, заглядывая въ цѣлый рядъ оконъ, я усматриваю десятки, сотни лошадей, пока не огибаю всего громаднаго зданія, и наклонясь къ окну, выходящему на поперечную улицу, вижу то же самое зрѣлище, которое, не смотря на свой идиллическій характеръ, производитъ нѣсколько странное впечатлѣнiе, благодаря безконечному однообразію и скудному освѣщенію, которое представляется сверхъ-естественнымъ.... по крайней мѣрѣ не видишь, откуда оно происходитъ. Возможно ли, чтобы это было не что иное, какъ колоссальныя конюшни, а видѣнныя мною лошади — тѣ самыя, которыя вчера и сегодня возили насъ по неаполитанской мостовой, или ихъ братья и сестры?—да! это возможно! Но развѣ невозможно также, чтобы то были тѣни усопшихъ неаполитанскихъ кѣней, которые, честно отбывъ свой трудъ на землѣ, сошли въ подземный міръ къ своимъ предкамъ... но не на классическіе луга, а какъ подобаешь современнымъ лошадямъ, въ рационально-устроенныя, комфортабельныя конюшни, гдѣ онѣ наслаждаются овсомъ изъ никогда не оскудѣвающихъ яслей. Каждый создаетъ себѣ рай по вкусу! И почему бы мнѣ, съ дѣтства любившему лошадей и ежедневно оплакивавшему тотъ адъ, который люди устрояютъ для этихъ благородныхъ животныхъ на землѣ, не удостоиться въ добрый часъ созерцанія ихъ рая!

„Я живу на бульварѣ Капуцинокъ, и когда бываю дома, то живу у окна.“

Октавъ Фелльс.

Въ моихъ неаполитанскихъ воспоминаніяхъ балконное окно нашего салона въ милой *Albergo d'Inghilterra* играетъ значительную роль. Часто, очень часто уличаю я свою душу въ томъ, что, облекшись прозрачной оболочкой моего я, она засѣдаетъ на зеленомъ бархатномъ креслѣ у этого окна, и то вооруженными, то простыми глазами, то жадно, то мечтательно, то подъ вліяніемъ цѣлаго роя мыслей, то совсѣмъ машинально глазѣтъ въ окно на улицу. Я не могу упрекнуть мою душу за это. Мало, сравнительно, оконъ на землѣ, богатой окнами, изъ которыхъ видно было бы такъ много, такъ много, что даже одно воспоми-

наніе о томъ можетъ радостно оживить человѣка въ печальную минуту жизни, и оправдываетъ восторженное замѣчаніе Гёте: «кто побывалъ въ Неаполѣ, тотъ никогда не можетъ быть совсѣмъ несчастнымъ».

Какъ забыть первый вечеръ, въ который мы спаслись бѣгствомъ изъ ужаснаго отеля Г. и радовались завоеванному нами чудесному убѣжищу. Бурный дождь, лившій все утро, нѣсколько стихъ послѣ полудня, а вечеромъ и совсѣмъ прекратился. Среди городского шума и гвалта мы почти не замѣтили бури, происходившей въ природѣ, и поэтому, когда, прибывъ домой и удалясь въ свою комнату, подошли къ окну, то очарованіе зрѣлища, открывшагося передъ нашими глазами, охватило насъ со всей силой.

На Кіайѣ, какъ разъ подъ нашими окнами, еще катились нѣсколько экипажей, но въ саду *Villa Nazionale*, который узкой и длинной полосой тянется между Кіайя и моремъ, уже гуляли, освѣщенные газовыми фонарями, ярко сверкавшими среди весенней зелени деревьевъ и кустовъ, многочисленные фланеры, наслаждаясь вечеромъ, который для всѣхъ явился неожиданнымъ подаркомъ. Безчисленные огни зажигались также и направо, тамъ, гдѣ Кіайя переходитъ въ *Riviera di Chiaja*, а послѣдняя рѣзкимъ изгибомъ сливается съ улицей *Mergellina* и затѣмъ снова идетъ по возвышенному берегу до Позиллипо и далѣе.— Огни горѣли и налѣво, гдѣ дуга, менѣе крутая, оканчивается у самаго *Castello dell'Ovo*. Послѣдній съ мрачной угрозой вдается далеко въ море своей мощной громадой и закрываетъ отъ нашихъ глазъ другую часть города: до насъ изъ большой дали, какъ слабыя и обособленные точки, доходятъ огни Соррентскаго Серега. Море, взбудораженное сильнымъ дождемъ, колыбалось и пѣнилось. Мы могли явственно разглядѣть его волны, озаряемыя тускло-краснымъ свѣтомъ факеловъ, горѣвшихъ на нѣкоторыхъ лодкахъ, плывшихъ по темно-сверкающему зеркалу моря отъ *Mergellina* къ *Castello dell'Ovo*.

Но вотъ зарево, показавшееся нѣсколько минутъ тому назадъ позади *Castello dell'Ovo*, все сильнѣе и сильнѣе разгорается; все рѣзче вырѣзается мрачная каменная громада на мягко-освѣщенномъ фонѣ; башни, зубчатая стѣна и растущія тамъ-и-сямъ кущи большихъ деревьевъ, теперь внезапно освѣщаются, а нѣсколько секундъ позднѣе полная луна выплываетъ съ тихимъ величіемъ на небо и озаряетъ своими кроткимъ сіяніемъ небо, землю и море.

И когда я, проснувшись среди ночи, подхожу на минуту къ окну, то вижу, что луна уже перешла съ западной части неба

на восточную. Она стала меньше и ярче и затмила собой всѣ огни не только на землѣ, но и на небѣ; и слегка волнующаяся морская поверхность сверкаетъ и искрится подъ ея лучами, подобно тому, какъ она сверкала передъ очами бодрствующаго Одиссея, межъ тѣмъ какъ его спутники, завернутые въ плащи, спали сномъ праведныхъ на берегу, въ ожиданіи восхода «младой съ перстами пурпурными Эосъ».

И вотъ, наконецъ, встаетъ ясное утро, и весь береговой изгибъ, начиная съ Позилиппо и до *Castello dell'Ovo* — со скалами и деревьями, еустарниками, развалинами и домами, мбломъ и гаванью, со всѣми ихъ удивительными очертаніями и красками — всплываетъ передъ нами; а на голубомъ морѣ перекрещиваются рыбацкія лодки, и мы можемъ наблюдать за пароходомъ, который, прибывъ изъ Генуи или изъ Марсели, виднѣется у Искіи, и за другимъ, отправляющимся въ Сицилію или на Востокъ, и красующимся на широкомъ пространствѣ между мысомъ Минервы и Капри. Но вотъ, взоры наши переносятся издали на ближайшіе предметы, привлеченные оригинальнымъ явленіемъ, происходящемъ на водѣ, между рыбацкими лодками, которыя отплыли уже на довольно далекое разстояніе отъ берега: изъ воды внезапно всплываетъ какая-то темная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и блестящая масса, которая, пробывъ нѣкоторое время на поверхности, исчезаетъ и снова появляется на другомъ мѣстѣ; одновременно она появляется на многихъ мѣстахъ... насъ озаряетъ внезапное вдохновеніе, и мы дѣлаемъ гениальное открытіе, что то рѣзнящаяся рыбы, или... святой Оріонъ! это дельфины!

Но вотъ наступаетъ часъ *Ave Maria*, когда сады *Villa Nazionale* наполняются гуляющими; на узкой дорожкѣ, предназначенной для всадниковъ, между садомъ и широкой улицей, все чаще и чаще показываются изящные кавалеры на красивыхъ лошадяхъ и подъ нашими окнами гулянье развертывается во всемъ великолѣпнѣи и блескѣ. Какъ гордо киваютъ головами вороныя лошади, запряженные въ большую, украшенную гербомъ, фамилію коляску, въ которой на переднемъ мѣстѣ возсѣдаетъ мать съ старшей дочерью, а на заднемъ младшая дочь и отецъ, который, не взирая на свой воинственный видъ, потонулъ въ тяжелыхъ шелковыхъ складкахъ платьевъ своихъ дамъ! Какъ ударяютъ въ гладкую мостовую копыта пѣони, запряженного въ маленький шарабанъ, которымъ управляетъ господинъ, одѣтый въ черное и съ букетомъ фіалокъ въ петлицѣ и въ свѣтло-лиловыхъ перчаткахъ. Увѣренной рукой править онъ, стараясь завоевать новое мѣсто въ ряду экипажей, какъ разъ возлѣ коляски, въ

второй все лилового цвѣта: и обивка, и упряжь, и ливреи ку-
чера и лакея, и платья обѣихъ дамъ—хорошенькихъ и молодень-
кихъ, и ихъ шляпки и ихъ перчатки; въ рукахъ онѣ держатъ
по гигантскому буфету фіалокъ, которые должно быть стоили до-
роже двадцати франковъ господину въ шарабанѣ...

Солнце садится позади Искіи, ряды экипажей рѣдѣютъ, вскорѣ
ихъ остается весьма немного; наконецъ, и эти послѣдніе исчеза-
ютъ и послѣ шума настаетъ пріятная тишина. Мы все еще си-
димъ у открытаго окна, когда слуга вноситъ зажженную лампу
и зажигаетъ свѣчи на столикахъ передъ зеркалами. Вдругъ до
нашего слуха долетаютъ слишкомъ хорошо знакомые звуки. То
пѣвецъ, обходящій каждый вечеръ всѣ отели на Кіайѣ и каж-
дому безпристрастно, удѣляя три цвѣтка изъ своего вѣнка, кото-
рый вѣроятно очень богатъ, хотя цвѣтки остаются несомнѣнно
одними и тѣми же: арія изъ новой оперы Верди, въ которой я
не могъ открыть никакой прелести, даже при настоящей обста-
новкѣ; похвалу *Bella Napoli* съ ритмомъ вальса и безпрестанно
повторяющимся *refrain*, какъ и подобаетъ народной пѣснѣ; и,
наконецъ, третья... наступающая послѣ длинной паузы, которая
одна уже исполняетъ слушателя ожиданіемъ... главная пѣсня,
которая насъ преслѣдовала по всей Италіи отъ Венеціи и до
Сиракузъ... *Santa Lucia!* Кто была эта святая — я не знаю. Я
не могъ рѣшиться заставить себя пересказать весь текстъ, доле-
тавшій до насъ лишь отрывками отъ начала до конца. Чего доб-
раго оказалось бы, что это была въ самомъ дѣлѣ святая, и я
лишился бы одной изъ своихъ иллюзій, а вѣдь ихъ и безъ того
такъ мало въ мои годы. Я не думаю, чтобы пѣвецъ, молодой
еще малый, въ темномъ плащѣ и съ длинными волосами, на-
сколько мы можемъ разглядѣть при свѣтѣ фонарей отеля, когда
онъ снимаетъ широкополую шляпу... не думаю, чтобы у него
было много такихъ внимательныхъ слушателей, какъ мы. Голосъ
его, не смотря на молодость, уже нѣсколько тронулся и страшно
вибрируетъ. Но мы приходимъ въ пріятное романтическое воз-
бужденіе, какъ только раздадутся первые дребезжащіе звуки его
гитары, а при звукахъ *Santa-Lucia* непреодолимо подходимъ къ
окну, точно будто онъ воспѣваетъ насъ, то-есть жену, хочу я
сказать! Да и Богъ вѣсть, не такъ ли оно въ самомъ дѣлѣ, по
крайней мѣрѣ съ того момента интонація его голоса становится
еще нѣжнѣе, онъ чаще поднимаетъ голову вверхъ, и когда нѣ-
сколько завернутыхъ монетъ падаютъ къ его ногамъ, съ неиз-
мѣнной, кокетливой меланхоліей восклицаетъ: «*grazie, signora*»,

хотя очень хорошо видить, что не синьора, а синьоръ бросаетъ ему деньги.

Да! то было милое, благословенное окно въ уютномъ салонѣ прекраснаго *Albergo d'Inghilterra*, на великолѣпной Кіайѣ, въ *Bella Napoli*, но—странно сказать—въ послѣднее время мы не могли почти безъ нѣкотораго тайнаго болѣзненнаго нетерпѣнія глядѣть въ него, хотя въ него и развертывалась такая дивная картина, какъ видъ на весь Неаполитанскій заливъ съ Капри на заднемъ планѣ. Но это была только картина—наведенная лакомъ картина, какъ говоритъ Вертеръ, а мы съ Вертерскою страстью рвались къ природѣ, къ полной жизни на лонѣ природы. Я самъ не могъ тогда хорошенько понять того нетерпѣнія, которое наполняло мою душу: только теперь понять я его, и мнѣ стало ясно, отчего мы никакъ не могли вполнѣ отдаться всей прелести этого города сирень: въ нашей душѣ еще царили великія,—я почти готовъ сказать святыя, воспоминанія о Римѣ. Какъ могли мы послѣ этой торжественной трагедіи заинтересоваться тѣмъ эффектнымъ дивертиссементомъ, который зовется Неаполемъ? И здѣсь также жили боги; мы это хорошо знали, и видали ихъ въ Национальномъ Музеѣ, гдѣ даже послѣ Венеры Капитолійской нельзя не удивляться Венерѣ Каллипигѣ; мы не прошли равнодушно мимо помпейскихъ фресокъ, и мнѣ довелось не безъ волненія простоять въ бронзовой залѣ передъ изумительнымъ Меркуріемъ. Но разъ увидишь Юнону Лудовизи, то право необходимо опомниться, прежде чѣмъ снова станешь впечатлительнымъ къ наслажденію древними искусствами. Когда же для разнообразія мы попробовали обратиться къ современному, родственному искусству—музыкѣ, то на наше несчастіе театръ Санъ-Карло угостилъ насъ новѣйшей оперой Верди *Aida*, въ которой все,—за исключеніемъ декорацій, дѣйствительно великолѣпныхъ—текстъ, музыка, исполненіе оказались ниже всякой посредственности, даже самый балетъ, которымъ, какъ намъ говорили, неаполитанцы особенно гордятся. Нѣтъ! чудеса Рима могутъ быть побѣждены лишь чудомъ изъ чудесъ, передъ которымъ все блѣднѣетъ! Послѣ Рима, и на долгое время, можно найти удовлетвореніе лишь въ природѣ, лишь въ созерцаніи неба и звѣздъ, созерцаніи тѣхъ чудесъ, которыя такъ набожно воспѣты авторомъ 104 псалма.

И вотъ, мы съ облегченіемъ вздохнули, когда наконецъ небо, хмурившееся въ теченіе двухъ или трехъ дней надъ *Bella Napoli*, разгулялось въ одно прекрасное утро, и солнце весело выглянуло изъ безоблачнаго эмира и озолотило гребни волнъ, взды-

измемых свѣжимъ вѣтеркомъ и освободило отъ туманнаго покрова, окутывавшаго его, островъ-сфинекъ, Капри, который рѣзко и ярко выступилъ изъ моря во всѣхъ своихъ дивныхъ очертаніяхъ.

«Рекомендуется ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Каstellамаре, со станціи въ экипажѣ въ Сорренто, здѣсь переночевать. Рано утромъ на лодкѣ плыть въ Капри. Прогулка требуетъ отъ двухъ до трехъ дней...» Такъ значитъ на томъ знамени, за которыми мы слѣдуемъ.

Отъ трехъ до четырехъ дней до Капри! То былъ, бы слишкомъ краткій срокъ для такой долговременной любви!

Острова, моремъ вдали сокровеннаго, скоро достигнулъ,
Съ зноби широко туманной на твердую землю поднявшись...

Гомеръ. Одиссея. Пѣстъ V.

Мы пробыли десять дней на Капри — несоразмѣрно долгое время, если принять во вниманіе, что на всю Италію, включая сюда и Сицилію, предполагалось употребить отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ; но я радуюсь каждому дню, проведенному тамъ... и хвалю каждый день и каждый часъ, хотя выдавались и такіе дни, и такіе часы, которыхъ никакъ нельзя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ назвать похвальными.

Мы снисходительны къ тѣмъ, кого любимъ, а я уже говорю, что Капри — моя старинная любовь. Я прочиталъ въ юности что-то и гдѣ-то объ этомъ островѣ; я совсѣмъ не помню, что это именно было, но оно навѣки приковало мое сердце. Самое имя звучало для меня чѣмъ-то волшебнымъ. Капри всегда играло большую роль въ моихъ мечтахъ объ Италиі; оно долгіе годы удерживало свое мѣсто на ряду съ Римомъ и Венеціей... и мною овладѣло страшное волненіе, когда я впервые уврѣлъ въ пресловутое окно *Albergo d'Inghilterra* островъ моихъ мечтаній, vyplывающій изъ тумана и явственно обозначающійся во всѣхъ своихъ странныхъ очертаніяхъ...

И такимъ представлялся онъ мнѣ всѣ эти дни, постоянно мѣняясь, мѣняясь, мѣняясь съ каждымъ часомъ, съ каждой почти минутой, и между тѣмъ все оставаясь однимъ и тѣмъ же... какъ сама жизнь! Раза два онъ совсѣмъ скрывался изъ глазъ за дождевой завѣсой, и мнѣ становилось такъ же больно, какъ рыцарю Тоггенбургу, когда однажды дорогое лицо не показывалось цѣлый день въ окнѣ.

То была старая любовь, или, вѣрнѣе, старая любовь въ новой формѣ, то-есть, какъ извѣстно, худшій оборотъ, каковой только можетъ принять болѣзнь. •

То была старая любовь къ шуму волнъ, разбивающихся объ утесистые берега, къ криву чаеѣ, носящихся надъ бурунами, къ терпкому запаху соленой пѣны, которою вѣтеръ обдастъ лицо, любовь къ вѣтру, который все крѣпчаетъ и сильнѣе завываетъ въ ухахъ, между тѣмъ какъ старикъ Петеръ Лахмундъ старается объяснить: почему судно, едва примѣтное на горизонтѣ, англійское, а не голландское, и барка, а не корабль!

Старый, честный Петеръ Лахмундъ! тебѣ пришлось въ молодые годы оставаться дома, чтобы содержать своихъ престарѣлыхъ родителей и младшихъ сестеръ, и поэтому тебѣ не довелось, какъ другимъ, постранствовать по бѣлу-свѣту. Всѣ путешествія твои ограничились на востокъ—Петербургомъ, а на западъ—Копенгагеномъ, и когда другіе повѣствовали о своихъ странствованияхъ по чужимъ, дальнимъ морямъ и о томъ, что они вынесли и претерпѣли—ты улыбался полу-недовѣрчиво, полу-смущенно, точно хотѣлъ сказать—да ты и говорилъ это подѣ-часъ: все это могло быть, а могло и не быть, но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что переживаетъ человѣкъ, который добрыхъ пятьдесятъ лѣтъ плаваетъ по Балтійскому морю!.. Послѣ этого ты перекладывалъ табакъ изъ-за лѣвой щеки за правую съ видомъ человѣка, высказавшаго такую вещь, истина которой очевидна для всякаго здравомыслящаго человѣка.

Добрый старикъ! ему я обязанъ тѣмъ, что умѣю обращаться съ парусомъ и управлять рулемъ; что сказалъ бы ты о пяти смуглыхъ, босоногихъ малыхъ, изъ которыхъ состоитъ экипажъ большой лодки, долженствующей отвезти насъ на островъ? Полагаю, что ты съ презрѣніемъ отнесся бы къ нимъ, равно какъ и къ этой водѣ, цвѣтомъ сходной съ водою въ прачешной лоханкѣ, когда въ ней распустили синьку—съ тою только разницей, что она отсвѣчиваетъ еще тѣмъ-то яркимъ, чего нѣтъ въ прачешной лоханкѣ! И если бы тебя убѣждали согласиться, что эти ярео-голубыя, свѣтящіяся воды суть «настоящее» море, то, полагаю, тебѣ было бы очень трудно отвѣчать на это категорическимъ *да*.

И со всѣмъ тѣмъ ты былъ бы не правъ: эти воды могутъ выполнить все, чего только можно ожидать отъ водъ, не принадлежащихъ «открытому океану» — въ этомъ я вполне убѣдился, не смотря на мое кратковременное знакомство съ ними. Мало того: по многимъ своимъ свойствамъ, далеко не любезнаго характера, по своей прихотливости, по неправильности своего прибоа

онѣ весьма сходны съ нашими сѣверными, средиземными морями. А что касается смуглыхъ, босоногихъ малыхъ, — я поразскажу тебѣ о нихъ много кое-чего со временемъ, — теперь же скажу тебѣ: въ одномъ отношеніи они перещеголяли тебя, а именно: пузатенькая фляжка, каждые полчаса обходящая по рукамъ, содержитъ только одну воду! — Да! не качай сѣдой головой, это ни въ чему не поведетъ!.. — только воду, безъ малѣйшей примѣси рому или коньяку; и водою они довольствуются во все время нашего продолжительнаго плаванія! Да, да, дружище! въ этомъ отношеніи они перещеголяли тебя!

Дѣло было въ первый день нашего прибытія на островъ. Мы немедленно сѣли на маленькихъ лошадокъ, — съ которыми смуглыя женщины и дѣвочки или мальчики съ утра до ночи караулятъ иностранцевъ у дверей гостинницъ — и отправились на виллу «Тимберія», какъ упорно называютъ капрійцы виллу Тиберія. Намъ удалось мимоходомъ обозрѣть тѣ сокровища, которыми обладаетъ островъ: крутые, усаженные низкими кактусовыми изгородями, скалистыя тропинки; виноградники, раскинувшіеся внизъ и вверхъ по горамъ; бѣленькіе домики съ плоскими крышами, по стѣнамъ которыхъ, не знаящимъ оконъ и залитымъ солнцемъ, ползаетъ виноградная лоза или тѣнь фиговаго или оливковаго дерева; скалы устланы безчисленными обломками, и громоздятся одна на другую съ таковой фантастической неправильностью, что человѣкъ, смѣтливый по природѣ и на практикѣ привычій осваиваться съ топографическими трудностями, приходитъ очень скоро въ совершенное смущеніе... а намъ предстоитъ теперь рѣшить: смотримъ ли мы изъ-за скалистыхъ зубцовъ съ юга или съ сѣвера на море, которое сверкаетъ изъ глубины, и что виднѣется тамъ, на горизонтѣ, залитое пурпурнымъ свѣтомъ: скалистый берегъ Сорренто или, наоборотъ, берега Искіи?.. Пройдя нѣсколько шаговъ далѣе, мы убѣждаемся въ одномъ: что находимся на самомъ краю скалы, которая совсѣмъ отвѣсно спускается въ море на сотни дѣй метровъ внизъ, а направо и налево висятъ новыя скалы, утесы, зубцы, и нужно имѣть крѣпкую голову, чтобы провѣрить собственными глазами, что большой камень, брошенный проводникомъ, упалъ не въ бурунь, пѣнящійся непосредственно подъ нашими ногами, но на полъ-пути разбился объ эти гладкія скалы.

Эти, и тысячи другихъ подробностей, которыя такъ же трудно сразу объять, какъ трудно пересчитать отдѣльные камешки въ мозаичной картинѣ, а между тѣмъ необходимо объять, чтобы составить себѣ или передать другимъ вѣрное представленіе объ

этомъ дивномъ островѣ, приковывали наши очарованные, смущенные взоры, и мы чувствовали рѣшительную потребность уклониться часа на два отъ богатства впечатлѣній, доставляемыхъ каждымъ шагомъ и каждымъ взглядомъ, и поглядѣть на нашъ Капри — онъ уже сталъ нашимъ — съ моря, подобно тому, какъ Гретхенъ въ «Фаустѣ», ослѣпленная первымъ взглядомъ на сокровища, содержащіеся въ шкатулкѣ, захлопываетъ крышку и задумчиво осматриваетъ шкатулку, скрывающую эти сокровища.

Конечно, мы уже многое видѣли вчера, когда прибыли на пароходѣ изъ Сорренто и сначала остановились передъ 'Голубымъ гротомъ, а затѣмъ были высажены въ *Marina Grande* — видѣли даже, самъ Голубой гротъ... Но слѣдуетъ, по возможности, избѣгать того, чтобы осматривать впервые предметы, которые живо интересуютъ, и возбуждаютъ любопытство или восторгъ, въ чересъ-чуръ большомъ обществѣ; а не то рискуешь, что интересъ возбудится лишь въ половину, восторгъ окажется машинальнымъ, а любопытство останется неудовлетвореннымъ. Но вотъ пароходъ останавливается передъ крутыми, скалистыми берегами, на томъ мѣстѣ, которое уже издали однимъ числомъ лодокъ, качавшихся тамъ на голубыхъ волнахъ, возвѣщало, что здѣсь входъ въ знаменитый гротъ. Пароходъ поворачивается и идетъ правымъ галсомъ къ острову. Всѣ бросаются на правый бортъ, отчего онъ глубоко опускается въ воду... чересъ-чуръ глубоко, по мнѣнію одной старой дамы, которая съ блѣднымъ лицомъ вопрошаетъ: все ли благополучно? Маленькія, жалкія на видъ, и управляемыя зачастую совсѣмъ старыми, несчастными людьми, лодки тѣснятся къ пароходу и забираютъ пассажировъ, по-двое, по-трое... смотря по величинѣ лодки. Черезъ нѣсколько минутъ, пять, шесть, десять лодокъ уже полны народомъ, за ними слѣдуютъ другія пять, шесть, десять лодокъ; въ одно мгновеніе ока узкое пространство между пароходомъ и скалистымъ берегомъ покрывается цѣлой флотиліей маленькихъ лодокъ, тѣснящихся къ полу-круглому отверстию, которое только теперь становится замѣтнымъ и которое собственно и есть входъ въ гротъ. Невольно припоминается отверстіе улья, въ которое влетаютъ одна, двѣ, три пчелы, одна за другой, и подвергаются жестокому испытанію терпѣніе дюжины другихъ пчелъ, нагруженныхъ медомъ и стремящихся въ улей. Мы оказываемся далеко не первыми и далеко не послѣдними, и почти натываемся на другую лодку, выбравшую, чтобы выплыть изъ грота, тотъ самый моментъ, когда мы наконецъ протискиваемся къ его отверстию. Слѣдуетъ обмѣнъ крѣпкихъ словъ между нашимъ лодочникомъ и лодочникомъ противной партіи, которая со смѣхомъ

кидасть намъ нѣсколько словъ, заглушаемыхъ шумомъ волнъ и бранью человѣческихъ голосовъ. Неужели это дѣйствительно входъ въ извѣстную всему міру *Grotta azzura*? Или это балаганъ на лейпцигской ярмаркѣ, гдѣ показывается великанша и трехголовый телѣнокъ? Мы, слѣдуя совѣту лодочника, согнулись въ лодкѣ, которая, наконецъ, попала въ рядъ... качнулась взадъ и впередъ, сѣрпыя ударились боками и бортомъ о скалы, и вотъ мы очутились на одно мгновеніе въ темнотѣ, а затѣмъ... передъ нашими глазами открывается чудная фантазмагорія ярко-голубого, окруженнаго скалами пространства воды... ярче и свѣтлѣе при входѣ, темнѣе и сѣрѣе у краевъ грота. На этомъ пространствѣ плаваютъ четыре или пять лодокъ, кромѣ нашей, и къ нимъ вскорѣ присоединяется еще новая, которая проскальзываетъ въ отверстіе... затѣмъ еще другая; пассажиры послѣдней въ тотъ моментъ, какъ они съ хохотомъ выпрямляются изъ своего согбеннаго положенія, выпускаютъ громкій вопль... предполагаю затѣмъ, чтобы испробовать эхо въ гротѣ... и затѣмъ къ крикамъ мужчинъ присоединяется визгъ женщинъ, испуганныхъ видомъ совсѣмъ лысаго, уродливаго старика, который спуетъ между лодками въ ярко-голубой водѣ, почти совсѣмъ раздѣтый.

Нашъ соррентскій попутчикъ, любезный голландскій офицеръ изъ колоній, присоединился къ нашей новой поѣздкѣ сегодня по утру. Вчера онъ вынесъ точно такое же полу-фантастическое, полу-отталкивающее впечатлѣніе изъ грота, какъ и мы, поэтому мы порѣшили вновь попытать счастья съ Голубымъ гротомъ. Соррентскій пароходъ, конечно, уже видѣется вдали, но у насъ полчаса времени впереди, и мы можемъ выбрать любую изъ маленькихъ лодокъ, тѣснящихся у входа.

Сегодня волшебство очаровательнаго зрѣлища природы по-дѣйствовало на насъ совсѣмъ иначе! Сегодня мы увидѣли впервые, что не только вода отсвѣчиваетъ неописаннымъ ярко-голубымъ цвѣтомъ, но также и низкій куполь, и стѣны грота отдаютъ тѣмъ же цвѣтомъ. Затѣмъ гротъ, который показался намъ не-пріятно маленькимъ вчера, когда въ немъ тѣснились лодки и кричали люди, сегодня показался значительно просторнѣе... почти такимъ, какимъ его себѣ представляешь по рисункамъ... и въ концѣ-концовъ, достойнымъ своей всемірной славы. Вчерашній страшный, лысый старикъ также еще не появлялся на своемъ мѣстѣ—уступѣ скалы на темномъ заднемъ планѣ, на которомъ онъ, вытѣвши изъ воды и дрожа отъ холода, стоитъ, когда сходить «со сцены». Между тѣмъ въ программу входитъ, чтобы кто-нибудь плавалъ, и нашъ лодочникъ—люди здѣсь всегда къ

этому готовы—предложи́лъ намъ свои услуги. Я бы охотно по-мѣнялся съ нимъ ролями и выполнилъ бы лучше его, потому что онъ съ трудомъ держался на водѣ, и совсѣмъ не умѣлъ ни плавать, ни нырять, что онъ обѣщалъ намъ подъ великими клятвами. Тѣмъ временемъ минуты пролетали, и когда онъ, наконецъ, облекся въ платье и мы приблизились къ выходу, то увидѣли, что этотъ послѣдній запертъ какою-то темной массой, изъ которой поднялись три фигуры, оглашая воздухъ криками: гооо! гооо! Пароходъ пришелъ; вонъ, мы видимъ, онъ стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, на какомъ мы его видѣли вчера... между тѣмъ, какъ пассажиры—ихъ могло быть сегодня слишкомъ сто—бросаются въ лодки и на свой остроумный ладъ привѣтствуютъ нимфу грота.

«Радуюсь въ сердцѣ, что спаслся отъ смерти», продолжали мы наше плаваніе, котораго, впрочемъ, какъ оно ни было восхитительно, я никому не совѣтую предпринимать, кому не милы «мореходныя дѣла», какъ выражается Гомеръ. А это однимъ людямъ дано отъ природы, а другимъ отказано. Я могу даже представить себѣ, что многимъ это, трех- или четырехъ-часовое плаваніе вдоль скалистаго берега показалось бы монотоннымъ, скучнымъ, тагостнымъ, благодаря жарѣ и ослѣпительному солнцу,—не говоря уже о морской болѣзни—и за исключеніемъ нѣсколькихъ интересныхъ подробностей, совсѣмъ неблагоприятнымъ дѣломъ. Я нашелъ плаваніе (которое повторилъ впослѣдствіи два раза) восхитительнымъ. Оно напоминаетъ плаваніе вокругъ Гельголанда, съ тою только разницей, что здѣсь все,—за исключеніемъ моря, которое уступаетъ нашему сѣверному въ величинѣ и мощи,—гораздо величественнѣе: скалистыя стѣны, воздымающія свои вершины буквально къ самому небу, скалистыя ворота, въ которыя свободно можетъ проходить корабль на всѣхъ парусахъ, гроты въ скалистыхъ стѣнахъ, которые такъ велики, что могутъ служить жилищемъ изгнаннымъ богамъ.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ скалы поднимаются справа и слѣва надъ морскою поверхностью, а въ отверстіи, образуемомъ ими, шумитъ бурунь, разбиваясь бѣлой пѣной, стоитъ маякъ, какъ-бы затѣмъ, чтобы предостеречь отъ негостепріимной бухты; мѣстами гдѣ скалы тѣснятся ближе и не открываютъ вида на обработанную землю, зрителемъ тѣмъ не менѣе овладѣваетъ предчувствіе возможности того, что гдѣ-нибудь неподалеку живутъ люди. Но затѣмъ природа, какъ-бы устыдясь этого послабленія, сдвигаетъ снова гладкія гигантскія стѣны и нагромождаетъ такой хаосъ зубцовъ, пиковъ, обломковъ, что пассажирами, сидящими

въ маленькой лодкѣ, овладѣваетъ мучительное сознаніе своего ничтожества передъ природой, которая, повидимому, имѣла въ виду всѣхъ и все, кромѣ людей, и дружелюбно настроена ко всѣмъ тварямъ, кромѣ опять-таки людей. «Безжалостная» — вотъ названіе, приличное здѣсь природѣ; но оно выражаетъ лишь суровость гладкаго чела и непривѣтливость бока, съ какими природа обращается къ тѣмъ, кто прибѣгаетъ къ ней за помощью, но не ту ярость, страсть къ разрушенію, съ какой она выхватываетъ безъ разбора своихъ жертвъ, и разрываетъ, разбиваетъ, разсѣиваетъ ихъ — точно Полифемъ спутниковъ Одиссея. По истинѣ онъ могъ обитать гдѣ-нибудь здѣсь по близости, гигантскій сынъ «земли колебателя», такъ какъ передъ нами высатся изъ моря нѣсколько обломковъ утеса, о которые съ пѣной и шумомъ дробятся волны и которые какъ-будто сейчасъ только брошены сюда. Онъ ихъ всѣхъ «отъ вершины горы отломилъ» и кинулъ вслѣдъ убѣгавшимъ; они же «всѣ, нагнувшись, разомъ ударили въ весла».

И хорошо сдѣлали! Мы вотъ уже три или четыре часа какъ плывемъ мимо скалистыхъ стѣнъ, которыя отражаются солнечными лучами, точно въ раскаленной печи: позади насъ, возлѣ насъ тянется ярко-голубое море, въ которомъ они отражаются точно въ металлическомъ зеркалѣ. Мы страшно томимся подъ нашими зонтиками, но головы смуглыхъ лодочниковъ солнце безжалостно припекаетъ; болтовня ихъ давно прекратилась, все чаще передается изъ рукъ въ руки пузатенькая бутылка... но вотъ уже съ полчаса, какъ она осушена... все вялѣе и вялѣе дѣлаются эти такъ еще недавно веселые малые, все лѣнивѣе и лѣнивѣе шевелятъ они веслами.

Но существуетъ одно средство, одно волшебное слово, которое, я знаю, ободритъ каждаго изъ нихъ. Я махаю зонтикомъ и кричу: «Coraggio! massaroni!»

И словно наэлектризованные, встрепенулись всѣ лодочники; темные глаза ихъ снова засверкали, они «разомъ ударили въ весла», они буравятъ море, такъ что оно пѣнится, и дружно выпускаютъ крикъ, подхватываемый эхо: «Coraggio! massaroni! coraggiouoo!»

Treue! ein schöner Titel!

Lessing's Nathan.

Qui si sana! Здѣсь выздоравливаютъ! такъ называется нашъ отель на Капри и называется не даромъ, по крайней мѣрѣ для меня, потому что я очень нуждаюсь, кромѣ хорошаго благораспорядка климата, еще и въ хорошемъ, благоустроенномъ отелѣ: самъ того не подозревая, я выѣхалъ больнымъ, надыхавшись нездоровымъ воздухомъ Неаполя, а палящій зной солнца, которому мы сегодня подвергались въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, не могъ улучшить моего состоянія.

Федерико замѣтилъ это, когда поздно утромъ увидѣлъ, какъ я, собравшись на прогулку, вышелъ на веранду, гдѣ онъ, болтая ногами, сидѣлъ на низкой изгороди и глядѣлъ на крутые скаты *Monte-Solaro*; надъ которымъ начинали собираться темныя облака: у насъ ночью будетъ *burrasca*, а черезъ нѣсколько минутъ буря съ дождемъ. Когда надъ *Solaro* такъ стемнѣетъ, то это признакъ вѣрный. Куда мы забрались? Мы спрашиваемъ, гдѣ тѣ утесы, которые господинъ Полифемъ швырялъ вслѣдъ кораблю господина Одиссея, и которые сегодня утромъ насъ такъ заинтересовали? Федерико не слыхалъ про этихъ господъ; они во всякомъ случаѣ никогда не останавливались въ отелѣ *Qui si sana*; но быть можетъ жили въ отелѣ *Pagano*. Ему ничего также не извѣстно на счетъ швырнанія утесовъ... быть можетъ, онъ меня не совсѣмъ вѣрно понялъ... хотя я и прекрасно говорю по-итальянски? Быть можетъ, тутъ какое-нибудь недоразумѣніе въ словахъ? Мы смѣемся; Федерико не смѣется—онъ вообще рѣдко смѣется,—но обводитъ насъ кругомъ веранды въ заднемъ фасадѣ дома, гдѣ мы еще никогда не бывали и отсюда открывается великолѣпный видъ на долину, разстилающуюся къ морю, справа и слѣва обрамленную высокими скалистыми мысами, увѣнчанными руинами, и покрытую фруктовыми садами, полями, оливковыми плантаціями, бесѣдами. Совсѣмъ по близости, у лѣваго мыса мы видимъ, какъ торчатъ вершины нашихъ утесовъ, которые мы тотчасъ же узнаемъ. Это извѣстные всему свѣту *Faraglioni*, объявляетъ намъ Федерико; на хорошей лошади можно въ полчаса доѣхать до *Punta Fragara*, юго-восточной оконечности острова... гдѣ ихъ увидишь непосредственно передъ собой. Но *pioggia* не заставитъ себя ждать, можетъ даже набѣжать *in'acquazone*, а у меня видъ не хорошій... Неаполь никому пользы не приноситъ... И мы вѣдь не то, что ежедневно налетающія

тучи варваровъ, которыя сегодня здѣсь, а завтра уѣхали, чтобы только похвастаться передъ людьми, что тоже бывали на Капри... Мы поспѣемъ еще увидѣть то, что хотимъ!

Такъ говорилъ Федерико своимъ жирнымъ, гортаннымъ голосомъ, и глядѣлъ при этомъ на меня сострадательно своими добрыми, меланхолическими, не особенно умными, темными глазами. Жена моя уже напрасно толковала мнѣ то же самое; я заупрямился; я хотѣлъ видѣть то мѣсто, съ котораго «нечестивое чудовище» швыряло утесы... И вотъ мы тотчасъ же отправились въ путь, лежавшій почти въ горизонтальномъ направленіи по одной изъ верхнихъ террасъ долины, террасами нисходившей къ морю, и съ видомъ на море до самаго того пункта, который, конечно, настолько интересенъ, что заслуживаетъ вниманія самъ по себѣ.

Это отнюдъ не высшій пунктъ мыса, который, напротивъ того, высится еще сотни на двѣ футовъ вверхъ, усыпанный обломками скалъ; это не болѣе какъ уступъ, но уже настолько высокій и крутой, что родъ небольшой стѣны, которою его обвели, весьма кстати. Прислонившись къ стѣнѣ, глядишь внизъ на море и видишь непосредственно подъ собою три утеса, выдающіеся изъ моря. Съ этого возвышеннаго пункта они казались еще выше, чѣмъ вчера, когда мы глядѣли на нихъ съ моря; они казались теперь такими огромными, что мы должны были признать за символомъ колебателя земли еще больше силы и мощи, чѣмъ мы ему до сихъ поръ приписывали въ своемъ воображеніи. И тамъ, гдѣ сегодня утромъ разбивался бѣлой пѣной бурунь, теперь бурлили волны, подгоняемыя сѣверо-западнымъ вѣтромъ, который крѣпчалъ съ каждой минутой. Между утесомъ, ближайшимъ къ берегу и соединеннымъ съ нимъ узкой полосой земли, находится очень маленькая, замкнутая со всѣхъ сторонъ бухта, въ которую мы заплывали сегодня утромъ. Мы нашли тогда, что вода въ ней до того тиха, что дѣти могли бы спускать на ней свои бумажныя лодочки. Теперь же она съ силой бьется о стѣнки утесовъ, точно хищный звѣрь въ клѣткѣ. Мы не можемъ устоять передъ желаніемъ поближе посмотрѣть на это зрѣлище, мы лѣземъ, карабаемся по крутымъ, порою головокружнымъ, едва обозначеннымъ уступамъ въ скалѣ, между тѣмъ какъ бурный вѣтеръ рветъ наши платья и посылаетъ намъ въ лицо нѣсколько капель дождя. Но мы не унываемъ... и вотъ мы стоимъ, наконецъ, на узкомъ скалистомъ мостикѣ между берегомъ и первымъ изъ утесовъ, который, какъ башня, обломомъ сѣдой старины, возвышается передъ нами; слѣва отъ насъ мечется дикій звѣрь въ клѣткѣ, справа открытый, ревущій пѣнящійся бурунь, разбиваю-

пѣйся о берегъ, въ теченіи тысячеклѣтій размываемый бурями и дождевыми потоками, и который былъ бы видѣнъ намъ во всемъ своемъ протяженіи до ближайшаго мыса, если бы глаза наши не ослабѣлились бурей и дождемъ и не ограничивались ближайшими предметами. Но то, что мы видимъ по близости, слишкомъ интересно для страстнаго любителя природы и поклонника Гомера. Сегодня утромъ намъ казалось, что мы видимъ Сциллу; теперь мы въ самомъ дѣлѣ ее видимъ.

Метрахъ въ двадцати отъ насъ, въ скалѣ, которая была бы гладкой, если бы не была словно пробуравлена глубокими, неправильными, болѣе или менѣе перпендикулярными выемками, находится довольно большая пещера. Скала, которая выше всѣхъ остальныхъ, доступна всей ярости буруна. Волна за волной устремляется на него и кипитъ, и пѣнится, и стремится вверхъ, словно силась достигъ пещеры, темное жерло которой злобѣще зияетъ надъ бѣлой пѣной. И вотъ, вдругъ вся скала до самой пещеры и самая пещера исчезаютъ подъ громадной волной, которая вскорѣ отпращивается назадъ, и въ то же самое время изъ чернаго жерла вырывается пѣнистый валъ, главная масса котораго устремляется въ морскую бездну, а остальная змѣится бѣлой линіей между выемками. И вотъ уже въ слѣдующій моментъ снова повторяется ужасающее зрѣлище, которое должно было поразить пѣвца XII-ой пѣсни Одиссеи,—говорю: *должно*, потому что онъ только списывалъ съ природы на своемъ грандіозно-геніальномъ языкѣ, и въ стихахъ, казавшихся намъ на школьной скамейкѣ такими мистически-ужасными и которые въ сущности не что иное, какъ воплощеніе самой природы.

«...Двѣнадцать

Двигается спереди лапъ у нея; на плечахъ же косматыхъ
Шесть подымается длинныхъ, изгибистыхъ шей; и на каждой
Шеѣ торчитъ голова, а на челюстяхъ въ три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкаютъ;
Вдвинувшись задомъ въ пещеру и выдвинувъ грудь изъ пещеры,
Всѣми глядѣть глазами изъ лога ужасная Сквилла.
Лапамъ шаря кругомъ по скалѣ, обливаемой моремъ,
Ловить дельфиновъ она, тюленей и могучихъ подводныхъ
Чудъ, безъ числа населяющихъ хладную зыбь Амфитриты.
Мимо ея ни одинъ мореходецъ не могъ невредимо
Съ легкимъ пройти кораблемъ; всѣ зубастыя пасти раздвинувъ,
Разомъ она по шести человекъ съ корабля похищаетъ».

Намъ приходится искать убѣжища подъ выступомъ скалы. И вотъ мы прикурнули тамъ, межъ тѣмъ какъ дождь и соленныя брызги сыплются на насъ, посылаемые буруномъ. Вѣтеръ обду-

васть насъ, но тѣмъ не менѣе мы чувствуемъ себя невыразимо счастливыми отъ сознанія, которое будетъ совершенно ненонятно тѣмъ, у кого оно не рождается въ подобные моменты, но которое мнѣ, въ комъ оно живетъ особенно сильно, тутъ становится какъ-бы осязательнымъ; а именно: что мы, люди, — какъ ни ослабѣла благодаря культурѣ связь, соединяющая насъ съ природой, — все же родные братья и сестры тому непокорному утесу и волнѣ, омывающей его, и бурному вѣтру и дождю; и что мы лишь на мгновеніе выдѣляемся изъ диваго хоровода, который ими водится, чтобы убѣдиться, что мы не долго можемъ просуществовать внѣ его, и затѣмъ снова вернуться въ него и водить эти хороводы съ своими братьями и сестрами до скончанія вѣка.

— Я говорю вамъ, — бормочетъ Федерико, когда часъ спустя, вымоченные насквозь и выбившіеся изъ силъ, мы — по крайней мѣрѣ могу сказать это о себѣ, — отряхивали на верандѣ воду изъ платья. — У васъ нездоровый видъ, синьоръ... *ma... qui si sana!*

И онъ указалъ съ меланхолической улыбкой и тѣмъ добродушіемъ, которое краситъ и итальянскаго кельнера, на дверь, черезъ порогъ которой мы собирались переступить.

Qui si sana! здѣсь выздоравливаютъ тѣ, кому вообще угодно держаться нѣсколько поодаль отъ участія въ хороводѣ природы, принявъ во вниманіе, что до скончанія вѣка мы еще успѣемъ снова сблизиться съ нею. Здѣсь выздоравливаютъ, должны выздоравливать! здѣсь, въ этомъ бѣломъ, двухъэтажномъ домѣ, съ его простыми, бѣлыми опутатуренными, убранными простой мебелью, комнатами, которыя своими окнами, верандами и балконами на югъ и на сѣверъ, на востокъ и западъ, и во всѣхъ направленіяхъ флюгера, выходятъ на самые красивые пункты въ той общей чудной картинѣ, которая именуется Капри. Особенно хорошъ видъ на юго-востокъ и на сѣверо-западъ, гдѣ, между мысами, «открытое море» сливается съ горизонтомъ. Съ сѣверо-запада (передній фасадъ дома) глаза не могутъ оторваться отъ зрѣлища, принадлежащаго собственно уже не Капри, но Африкѣ, на два градуса широты южнѣе: зрѣлище, которое я не берусь описывать и о которомъ могу только сказать, что оно, переданное талантливѣйшимъ живописцемъ, представляло бы только кучу бѣлыхъ, освѣщенныхъ солнцемъ домовъ и круглый куполъ зданія, которое никакъ не можетъ быть христіанскимъ храмомъ, уже судя по тѣмъ пальмамъ, которыя тамъ и сямъ воздымаютъ свои стройные стволы между бѣлыми стѣнами и, кромѣ того, содержать все то, что только можетъ дѣлать

скалистый островъ подъ этимъ небомъ, по части кустовъ и растеній и усѣянныхъ камнями скатовъ горъ и высокихъ скалъ.

Здѣсь выздоравливаютъ! Хотя на западѣ, надъ самой высокой изъ этихъ скалъ, надъ гордымъ *Monte Solaro*, непрерывно лѣжитъ темно-сѣрое облако и, спускаясь по его склонамъ, пролетаетъ надъ Капри, поднимая бурю и проливая дождь въ теченіи двухъ-трехъ дней и ночей безъ перерыва, которые я провожу или въ постелѣ, или у камина, въ которомъ горитъ каменный дубъ, и то вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, то уныло потухаетъ. Я пользуюсь тѣмъ временемъ, чтобы съ книгою въ рукахъ, которую я отвопаля въ библіотекѣ для чтенія, побывать въ Венеціи, на площади св. Марка, и на Ріальто, и побродить по узкимъ улицамъ и темнымъ дворамъ, въ церквахъ и блистательныхъ концертныхъ залахъ, по слѣдамъ существа, которое было мнѣ дорого со дней моей юности. Прекрасная, стройная дѣвушка, съ темными, полными души глазами, съ чистымъ, богатымъ голосомъ и чуднымъ, широкимъ сердцемъ: Консуэло! И подумать только, что жребій вашъ, прекрасныя созданія, выпадающій вамъ на долю въ романахъ и, — ахъ! такъ часто въ жизни! — это тратить свою любовь на безпутныхъ, пустоголовыхъ Анцолето или безплодныхъ мечтателей, какъ Альберъ! Милая, печальная повѣсть о гениальной женщинѣ, пересказанная другой гениальной женщиной! Какое своеобразное наслажденіе доставляетъ чтеніе этой повѣсти больному на этомъ волшебномъ островѣ, омраченномъ бурей и дождемъ! Вы, благородные мечтатели, убаюкивающіе себя золотыми снами! придите и взгляните: вотъ какова сѣрая и голая дѣйствительность!

Но нѣтъ, она не такова! Первый солнечный лучъ, пробивающій сѣрую облака, доказываетъ противное. А солнечный лучъ превращается въ солнечный блескъ, озаряющій большой садъ нашего *Qui si sana!* По срединѣ сада пробѣгаетъ дорожка, надъ которой раскинулась бесѣдка изъ виноградной лозы, а по обѣимъ сторонамъ ея растутъ апельсиновые и лимонныя деревья, и въ темной листвѣ горятъ золотыя плоды. Солнце Капри сушитъ быстро; вскорѣ мы идемъ гулять и не можемъ удержаться, чтобы не сорвать на свой страхъ и счетъ штуки двѣ апельсиновъ, которые манятъ своей райской красой, и идемъ дальше по узкой тропинкѣ къ высокой садовой стѣнѣ, увитой виноградной лозой, къ которой приставлена лѣстница. Я влѣзаю на нее и заглядываю черезъ стѣну сада... Вдали, въ концѣ темной котловины, синѣетъ море, а надъ вѣн, возлѣ мыса, торчатъ изъ голубой воды великолѣпныя скалы циклопа *Faraglioni*, сверкая подъ лучами

солнца ослѣпительнымъ, но не такимъ бѣлымъ цвѣтомъ, какъ та пѣна, которая влѣбится у ихъ подножія.

Здѣсь должны выздоравливать! Этотъ міръ слишкомъ прекрасенъ, чтобы въ немъ быть больнымъ, и даже самая меланхолія должна была бы здѣсь существовать только какъ контрабанда. Но, къ удивленію, здѣсь, въ этой завидной *Qui si sana*, она въ модѣ. Я уже не говорю о Федерико: я полагаю, что онъ только распылся, такъ какъ онъ вовсе не изъ породы Гамлетовъ; но также нельзя отнюдь назвать веселымъ Гораціо молодого англійскаго дипломата, который по цѣлымъ утрамъ просиживаетъ въ дверяхъ своей комнаты, выходящей на веранду, развалился въ *easy chair*, между тѣмъ какъ ноги его покоятся на соломенномъ стулѣ, стоящемъ на верандѣ. Онъ говоритъ на всѣхъ возможныхъ языкахъ: но это только слухъ, передаваемый Федерико, котораго я зачастую видѣлъ присѣвшаго на корточкахъ возлѣ *easy chair* и ведущаго оживленную бесѣду съ дипломатомъ. Богъ вѣсть, о чемъ они говорятъ; жена моя полагаетъ, что они говорятъ по-капрійски, и я въ самомъ дѣлѣ думаю, что дипломатъ упражняется въ языкѣ, такъ какъ за столомъ онъ обыкновенно рта не развѣваетъ. Даже съ своимъ давнишнимъ сосѣдомъ съ лѣвой стороны, высокимъ, красивымъ американцемъ, съ великолѣпной, бѣлокурой бородой и стройной, изящной женой, которая, съ ея роскошными свѣтло-каштановыми волосами, ея темно-кариими глазами и тонкими, хотя нѣсколько рѣзкими чертами должно быть была очень хороша лѣтъ десять тому назадъ, да и теперь еще очень недурна. Его занятіе заключается въ томъ, чтобы ѣздить по бѣлу-свѣту и охотиться за львами, тиграми и другой благородной и рѣдкой дичью. Жена сопровождаетъ его повсюду. Она, по манерамъ, лицу, одеждѣ, похожа на англичанку и говоритъ по-нѣмцеи съ англійскимъ акцентомъ, но я готовъ побожиться, что она наша соотечественница, да еще землячка, то-есть уроженка Голштиніи, Мекленбурга или недалеко оттуда; что она была нѣкогда актрисой и что она до сихъ поръ не миссисъ N и никогда ею не будетъ. Конечно, это одно предположеніе, но оно подходитъ къ понятію, которое я составилъ себѣ объ охотникѣ на львовъ и которымъ объясняется печаль въ его большихъ, голубыхъ глазахъ и грустныя линіи вокругъ рта хорошенькой женщины.

Напротивъ нихъ сидитъ старый купецъ изъ Манчестера съ своей старой женой. Они не могутъ отрицать своего происхожденія, такъ какъ не забыли еще своего родного языка во время тридцатилѣтняго пребыванія на чужбинѣ, да и не научились хорошо и англійскому. По крайней мѣрѣ они говорятъ на немъ

съ нѣмецкимъ, или, лучше сказать, съ нѣмецко-еврейскимъ акцентомъ, который рѣжетъ даже мое ухо, а нашего сосѣда съ правой стороны приводитъ въ неописанное состояніе. Старый манчестерскій купецъ вообще некрасивъ, антипатиченъ и угрюмъ, да это и понятно, такъ какъ онъ страдаетъ многими болѣзнями, отъ которыхъ тяжело приходится ему самому, его старухѣ-женѣ и нашему сосѣду съ правой стороны. Послѣдній также и сосѣдъ по комнатѣ старой четы, и забавно рассказываетъ, какъ они ссорятся даже по ночамъ.

У нашего сосѣда съ правой стороны чрезвычайно саркастическое выраженіе лица, и я подозреваю, что словцо, которое онъ приписываетъ другому застольному гостю, принадлежитъ собственно ему: что онъ не чувствовалъ бы себя ловко, еслибы состоялъ должникомъ стараго манчестерскаго купца. Конечно, и тотъ другой могъ это сказать, такъ какъ до той поры, пока онъ не купилъ патента на капитанскій чинъ и не женился на единственной дочери бирмингемскаго фабриканта ножей, онъ, разумѣется, былъ въ долгу, какъ въ шелку. Теперь онъ находится здѣсь съ своей молодой женой и тестемъ, бирмингемскимъ фабрикантомъ и тещей. Мужчины намѣреваются стрѣлять перепелокъ и всякую другую дичь, какая только попадется имъ въ горахъ и долинахъ, и горюють, что непогода отняла у нихъ уже три дня, что имъ тѣмъ непріятнѣе, что у нихъ въ распоряженіи всего только три мѣсяца для жизни на Капри.

Это, конечно, вывѣдалъ нашъ сосѣдъ съ правой стороны.

Онъ не только очень остроумный человѣкъ, но у него весьма тонкія чувства, въ особенности слухъ. Мы сначала считали его за соотечественника охотниковъ на перепелокъ, и весьма удивились и обрадовались, узнавъ, что онъ, по рожденію, нѣмецъ, съ чисто-нѣмецкой фамиліей, и что мы знаемъ многихъ изъ его родственниковъ въ Берлинѣ и въ Гамбургѣ. Онъ любитъ свое новое отечество, куда пріѣхалъ очень юнымъ, и владѣетъ языкомъ, какъ туземецъ, но не забылъ и родину и родной языкъ. Путешествуя нѣсколько лѣтъ тому назадъ для собственнаго удовольствія вокругъ свѣта, и запасаясь въ Сантъ-Франциско чтеніемъ на время плаванія по Тихому океану, онъ приобрѣлъ полное собраніе сочиненій одного нѣмецкаго писателя, чтобы наказать себя за то, что никогда до той поры не слыхалъ о человѣкѣ, который писалъ такъ много. Наказаніе оказалось довольно мягкимъ и даже имя автора оставило ему такіа пріятныя воспоминанія, что, увидѣвъ адресъ письма, лежавшаго возлѣ его сосѣда съ лѣ-

вой стороны, онъ обратился къ нему съ вопросомъ: — извините, милостивый государь, не вы ли тотъ... — Котораго, вы встрѣтили сегодня въ *Arco naturale*? — Таѣъ точно. — Я не то хотѣлъ спросить; я желаю знать, не тотъ ли вы, который..... и онъ, улыбаясь, указалъ на адрессъ письма. Такъ какъ я, поглядѣвъ впервые въ умное лицо моего сосѣда, не нашелъ никакого основанія прикидываться далѣе нѣмымъ и глухимъ, то и отвѣчалъ — ему «да». Господинъ L. рассказалъ мнѣ тутъ, когда и гдѣ онъ познакомился со мною; и когда мы вышли изъ-за стола, то условились не разставаться больше во все остальное путешествіе по Италіи и вмѣстѣ посѣтить Пестумъ, Амальфи и Сицилію. — Но прежде вы должны дозволить намъ провести еще нѣсколько дней на Капри, сказалъ я; нездоровье мнѣ помѣшало многое видѣть; я еще не видѣлъ Анакапри и не всходилъ на Соларо. — Развѣ это нужно? спросилъ г. L. — Обязательно. — А вы, сударыня? Впрочемъ, что же я спрашиваю? Я, конечно, отнынѣ и навсегда останусь при всѣхъ разногласіяхъ меньшинствомъ; я долженъ болѣе, чѣмъ когда-либо, искать опоры у Катароцци. — А кто такое Катароцци? — Изъ всѣхъ курьеровъ курьеръ, и отнынѣ — съ вашего позволенія, я устрою это — и вашъ. Вы останетесь имъ довольны и даже болѣе того. Вы будете удивляться ему, полюбите его, потому что хотя капризная судьба опредѣлила ему странствовать по бѣду-свѣту во образѣ Санхо *Doré*, но онъ, если и не рыцарь, то человекъ безъ страха, а курьеръ — безъ упрека.

И за горами живутъ люди.

Народная поговорка.

Если выйти въ ворота, которыя днемъ всегда открыты, и въ которыхъ тѣсняются ослы съ своими погонщиками, ночью же замыкають доступъ въ милое убѣжище, называемое *Qui si sana*, то попадешь на маленькую улицу, восьми футовъ шириной и по обѣимъ сторонамъ которой вначалѣ тянутся сады и высокія ограды, а затѣмъ уже идутъ дома. Въ садахъ и надъ оградами колышутся тамъ-и-сямъ темныя вѣтви съ золотыми плодами, порою же верхушки пальмъ. Дома снабжены низкими дверями, ведущими въ комнату, куда болѣею частію приходится спускаться по нѣсколькимъ ступенькамъ; нѣсколько повыше расположены отверстія, слыущія за окна..... Но... когда мы проходимъ по

этимъ лиллипутскимъ, узкимъ улицамъ—въ особенности въ жаркій день—то нами овладѣваетъ какое-то ощущеніе полной запустѣлости и безнадежнаго одиночества, которое не покидаетъ посетителя Помпеи, какъ сильный запахъ не выходитъ изъ платьевъ. Конечно, говоришь себѣ, что люди потому построили эти улицы такими узкими, а дома такими низкими, чтобы укрыться отъ солнца, которое уже въ концѣ апрѣля палитъ нестерпимо, а въ августѣ должно быть совсѣмъ невыносимо, — что они съ охотой ушли бы еще глубже въ землю или бы прятались въ скалы, чтобы избѣжать солнца..... Но куда подѣвались сами люди? Вѣроятно попрятались въ каменныхъ и известковыхъ глыбахъ, какъ кролики въ прорытыхъ ими переходахъ въ пескѣ? Но почему они не показываются оттуда, даже и теперь, когда наши шаги звонко раздаются въ пустой улицѣ? По многимъ несомнѣннымъ признакамъ, они еще недавно были здѣсь. Но къ чему они попрятались теперь и разыгрываютъ вымершій городъ? Развѣ вчера вечеромъ не видали мы просторныхъ церквей, биткомъ набитыхъ мужчинами и женщинами, и съ усердіемъ преклонявшихъ колѣна и крестившихся, и развѣ мы не слышали пѣнія дѣтскихъ голосовъ, звучавшаго такъ рѣзко и жидко, точно пѣвцы были длинноносими чайками!

Но вотъ здѣсь рыночная площадь, которая имѣетъ совершенно такой же видъ, какъ итальянскія рыночныя площади на скелѣ маленькихъ, но хорошо устроенныхъ придворныхъ театровъ, и по размѣрамъ немногимъ больше такой площади, и вотъ здѣсь мы видимъ людей: трехъ передъ скромной почтовой конторой, четырехъ передъ открытыми лавками, гдѣ продаются овощи и вино, и человекъ пять или шесть сидящими на ступеняхъ каменной лѣстницы, ведущей съ рынка въ другую, болѣе возвышенную часть города. И можно быть увѣреннымъ, что проходя черезъ узкія ворота, которыя—какъ и подобаетъ театральной декорации—ведутъ прямо съ рыночной площади черезъ полу-разрушенную городскую стѣну, прямо въ поле, что встрѣтишь на площади, близъ воротъ, во всякое время дня, полагаю даже и ночи, людей. По крайней мѣрѣ мы всегда ихъ встрѣчали, да оно и понятно, потому что болѣе восхитительнаго мѣстечка трудно найти даже на этомъ островѣ, изобилующемъ восхитительными мѣстечками. Это собственно не площадь, но какъ-бы большой балконъ при городѣ, подобно тому, какъ дѣлаютъ балконы у домовъ. Онъ снабженъ каменной балюстрадой. Прислонясь къ этой балюстрадѣ, видишь непосредственно подъ собою перешеекъ, которымъ Капри соединяется съ Анакапри. Направо, гдѣ видъ открытый для глазъ—

наѣво онъ нѣсколько затрудняется перешейкомъ — синѣтъ море, позади виноградниковъ и плодовыхъ садовъ и виллъ: надъ моремъ плаваютъ то въ розовомъ, то въ лиловомъ туманѣ Искія и Прочіада и берега залива отъ Мизенскаго мыса до Неаполя. Въ солнечные дни кажется, что различаешь каждый отдѣльный домъ... и Везувій, съ его парикомъ изъ бѣлыхъ облаковъ надъ головой... и жемчужную цѣпь городовъ и городковъ у его подножія... Это, какъ я уже сказалъ, дивная картина, по богатству формъ и красокъ, и отъ нея не легко оторвать взоры. Отъ этой картины глазъ переносится къ мощной скалистой стѣнѣ, заграждающей перешеекъ, соединяющій Капри съ Анакапри.

Но не высота скалы, не ея крутизна и недосыгаемость привлекаетъ взоры. Чтѣ за дѣло, что она такъ крута? Мало ли крутыхъ горъ, взбираться на которыя мы не чувствуемъ ни малѣйшей охоты... Но... и это главное, — за этими горами живутъ также люди; за этой скалистой стѣной лежитъ Анакапри, то-есть большая половина всего острова, называемаго Капри... Лежатъ обширныя поля, виноградники, апельсинные и лимонные сады, оливковыя плантаціи и цѣлый городокъ съ двумя церквами, и живетъ около двухъ-тысячъ человѣкъ... А ты живешь, такъ сказать, однимъ этажемъ выше, но ничего не знаешь о нихъ, словно они обитатели луны или Сириуса.

Между тѣмъ мы уже два раза объѣхали вокругъ всего острова и, слѣдовательно, вокругъ Анакапри; однако, когда глядишь съ площадки Капри на скалистую стѣну, отдѣляющую Капри отъ Анакапри — *Monte-Solaro* — и образующую самую возвышенную часть Анакапри, то существованіе Анакапри и его обитателей представляется загадочнымъ и невѣроятнымъ, и трудъ людей, которые проводятъ родъ шоссѣ отъ воротъ Капри, или, лучше сказать, отъ той площадки, на балюстраду которой мы опираемся, черезъ перешеекъ, ведущій въ Анакапри, представляется попросту безумнымъ.

Даже и тогда, когда гуляешь по той части дороги, которая уже готова и по которой мы гуляемъ ежедневно, — такъ какъ она заслуживаетъ вниманія!.. какъ скоро оставишь позади себя послѣдніе дома Капри, то слѣва открывается видъ на открытое море, между тѣмъ какъ справа виднѣтся весь Неаполитанскій заливъ до Кастелламаре и весь берегъ отъ Сорренто до мыса Мивервы. Дорога, которая шла до сихъ поръ въ горизонтальномъ направленіи, становится круче.

Было бы жалъ лошади — единственной на всемъ Капри, включая сюда и Анакапри, да и къ тому же это лошадь *ad hoc*, —

которая тащитъ двухколесную телѣжку, нагруженную камнемъ, по неровной поверхности вновь пролагаемой дороги, если бы не считалъ нужнымъ обратить все чувство состраданія на женщинъ и дѣвушекъ, которыя раздѣляютъ этотъ тягостный трудъ съ лошадей, и таскаютъ на головѣ изумительныя тяжести. Ахъ! а между тѣмъ головки эти по большей части очень хорошенъкія, многія даже рѣшительно прекрасныя — помѣстить на эти головки вазу, корзину съ цвѣтами, кувшинъ съ водой, вмѣсто острыхъ, грязныхъ камней,—и вотъ прекраснѣйшая картина уже готова, такъ что съ точки зрѣнія эстетической и экономической рѣшительно грустно ихъ видѣть. Но прекрасныя поденщицы, очевидно, и не подозреваютъ объ этомъ, потому что черные глаза ихъ сверкаютъ, когда на ихъ возгласъ: «*un soldo, signor! un soldo, signor!*» я возражаю, что у меня карманы должны были бы биткомъ быть набитыми *soldi*, если бы я вздумалъ подносить ихъ каждой хорошенькой дѣвушкѣ, которую я встрѣчу на Капри, и что мнѣ лучше хочется размѣнять *soldi* на франки. Тутъ двѣнадцатилѣтній, кудравый мальчишка, который тоже вопилъ: *un soldo, un soldo!* и который теперь убѣждается, что я не только понимаю по-итальянски, но и умѣю пошутить при случаѣ, начинаетъ декламировать: «*Kennst du das Land, wo die Zitronen b-l-u-e-n!*» и получаетъ франкъ за удачную цитату, а ею онъ, безъ сомнѣнія, обязанъ живописцу, которому онъ въ первый день показывалъ дорогу, на второй несъ ящикъ съ красками, а на третій служилъ моделью. Мы собираемся продолжать нашъ путь, но тутъ къ намъ подходитъ господинъ съ свернутой картой подъ мышкой и замѣчаетъ намъ, что дальше работаютъ его рудокопы и путь становится опаснымъ. Я прошу его сказать мнѣ, куда ведетъ эта дорога, упирающаяся, повидимому, въ скалу. Онъ вѣжливо свертываетъ свой планъ и показываетъ намъ, какъ эта дорога вьется зигзагами по скалѣ и т. д. Боже милостивый! на высотѣ трехсотъ двадцати метровъ надъ уровнемъ моря!—Да, синьоръ! здѣсь наше шоссе примыкаетъ къ древней лѣстницѣ, которая испоконъ вѣка вела отъ *Marina-Grande* черезъ 786 ступенекъ. Но теперь она употребляется лишь по воскресеньямъ, такъ какъ мы взрываемъ утесы подъ ней и суживаемъ проходъ, не говоря уже о томъ, что падающіе внизъ обломки весьма затрудняютъ путь.—Однако, эта лѣстница все еще служить?—Да, для анакапрійцевъ, и вы увидите завтра—такъ какъ завтра воскресенье—какъ они будутъ карабкаться по этой крутизнѣ. Я не совѣтовалъ бы синьорѣ пускаться по этому пути, да и вамъ также, синьоръ!

Мы поблагодарили вѣжливаго чиновника, который въ трехъ словахъ разрѣшилъ намъ загадку.—Одно, последнее слово! Итакъ, Анакапри недоступенъ для иностранца, если только онъ не па-стухъ, привыкшій карабкаться по утесамъ? — О, нѣтъ, синьоръ! можно пристать съ моря, когда погода хороша.

И вотъ, на слѣдующее утро мы стоимъ на площадкѣ Капри и глядимъ на то мѣсто, которое намъ указалъ архитекторъ, и видимъ въ бинокль, какъ время отъ времени миниатюрныя фигурки двигаются вверхъ и внизъ, большею частью съ какою-нибудь по-шею на головѣ; всего явственнѣе видны онѣ, когда огибають острый уголъ скалы и вырѣзаются на фонѣ яснаго неба, и на минуту становится страшно видѣть ихъ на высотѣ тысячи футъ надъ поверхностью моря, и голова кружится при мысли, что эти крохотныя фигурки принадлежать не кобольдамъ, но настоящимъ людямъ, которые «живутъ за горами».

Какой все это имѣетъ видъ? Я вовсе не намѣренъ рассказывать сказки, но это похоже на сказку. Не то, чтобы оно поражаало своимъ великолѣпьемъ, какъ *Arco naturale* въ его шутливой красотѣ, или дворецъ Тиберіа въ его мрачномъ величій. Даже *Monte-Solaro* не кажется величественнымъ съ этой стороны. Онъ смахиваетъ на гобеленовые обои, когда его обогнешь; но день такъ дивно хорошъ! мягкій воздухъ такъ сладокъ, небо сияетъ надъ нашими головами въ такой безоблачной прелести, а море подъ нашими ногами сверкаетъ такой яркой синевой, и къ тому еще маленькіе, бѣленькіе домики и узкія, залитыя солнцемъ, улицы мѣстечка, черезъ которыя мы проходили, чтобы осмотрѣть церковь, которая, разумѣется, не стоить осмотра... и старый, разрушенный, покінутый замокъ, куда насъ провожаетъ толпа оборванныхъ, маленькихъ, босоногихъ, черноголовыхъ ребятишекъ, которые присоединились къ намъ Богъ вѣсть какъ, и Богъ вѣсть зачѣмъ!... И зачѣмъ обѣдъ въ трактирѣ, называвшемся *Il paradiso*—и не безъ основанія, потому что яблоки съ древа познанія добра и зла не могли быть спѣлыѣ, чѣмъ апельсины, которые мы сорвали съ темной листьы для десерта, послѣ дивнаго, по истинѣ, сладкаго пирога... Зачѣмъ прогулка внизъ по горѣ черезъ безконечныя виноградники, поля, и оливковыя плантаціи въ маяку, гдѣ нашъ челнокъ прыгаетъ на волнахъ, а волны, пѣнясь, разбиваются о берегъ, и со стороны лодочника требуется необыкновенная ловкость, а съ нашей стороны нѣсколько смѣлыхъ прыжковъ, чтобы благополучно попасть въ лодку... Конечно, во всемъ этомъ нѣтъ ничего особеннаго, но все это такъ прекрасно, такъ гармонично, какъ это бываетъ лишь въ прекрасной сказкѣ!

И хотя дни, которые мы должны провести на Капри, сочтены, хотя мы должны разстаться съ смирнымъ Федериго, съ вѣчнымъ буруномъ, разбивающимся объ утесы *Piccoli Marina*, съ гордымъ *Arco naturale* и манчестерскимъ купцомъ, которому не желать бы задолжать его соотечественникъ, охотникъ на перепёлокъ.... но тѣмъ не менѣе мы рады, что настоящій день былъ послѣднимъ, который мы провели на Капри. И это блестящее солнце должно закатиться! мы это хорошо знаемъ! но пусть оно закатится во всей прелести и красѣ, какими оно сіяло намъ въ этотъ послѣдній день, когда наши босоногіе, смуглые пріятели подвезли насъ къ берегу.

— Что съ вами, синьора? Солнце ослѣпляетъ васъ? *Coraggio!*
Coraggio!

Ф. Р. ШПИЛЬГАГЕНЪ.

ПЕРЕДЪ СУДОМЪ

И з ъ Г ё т е.

Кто *онъ*?!—вамъ того никогда не узнать:

То тайна—и тайна моя!

Хотя вы и вправѣ меня обижать —

Все-жъ честная женщина я!

Оставьте меня: не скажу ничего!

Желанный—онъ въ сердцѣ моемъ:

Колеблются перья на шляпѣ его

И цѣпь золотая на немъ.

Вамъ нуженъ позоръ мой: пусть люди, кляня,

Меня покрываютъ стыдомъ...

Я знаю его и онъ знаетъ меня,

И знаетъ Всевышній о томъ.

Почтенные судьи, къ чему мы тоимъ

Другъ друга—къ чему всѣ труды?

Дитя это было и будетъ моимъ—

И вамъ не поправить бѣды...

Н. ГЕРВЕЛЬ.

ПОИСКИ КЛИПЕРА „ИЗУМРУДЪ“

ЗА Н. Н. МИКЛУХОЙ-МАКЛАЕМЪ.

I

Отъѣздъ. — Новая-Гвинея и ея обитатели. — Отношенія ея къ образованному міру. — Первые достовѣрные свѣдѣнія о Новой-Гвинее. — Колонизація и причины ея неуспѣшности: географическое положеніе, неудовлетворительныя условія, въ которыя поставлены натуралисты, описывающіе Новую-Гвинею; пути сообщенія и рѣки. — Изслѣдованія д-ра Мейера. — Н. Н. Миклуха-Маклай. — Миссіонеры. — Заботы Голландіи о Новой-Гвинее.

Начнемъ, какъ говорится, сначала. Еще въ исходѣ 1870 года корветъ «Витязь» отправился въ кругосвѣтное плаваніе. На этомъ суднѣ ѣхалъ напѣ извѣстный путешественникъ и естествоиспытатель Н. Н. Миклуха-Маклай, имѣвшій въ виду высадиться для научныхъ наблюденій на одномъ изъ пунктовъ сѣверо-восточнаго берега Новой-Гвинеи, острова во всѣхъ отношеніяхъ мало извѣстнаго и до сихъ поръ. Это обстоятельство придавало большой интересъ нашему плаванію, которое пришлось, кромѣ того, совершать не обыкновеннымъ путемъ — около мыса Доброй Надежды, а чрезъ Магеллановъ проливъ и далѣе, по направленію къ Новой-Гвинее, мимо всѣхъ почти острововъ Южнаго Тихаго океана. «Витязь», послѣ благополучнаго плаванія по Атлантическому и Тихому океанамъ, по крайне опасному и мало изслѣдованному Корал-

ловому морю, достигъ благополучно береговъ Новой-Гвинеи (бухта Астролябія). Здѣсь Маклай, несмотря на угрозы со стороны дикарей, видѣвшихъ въ лицѣ русскихъ почти первыхъ бѣлыхъ людей, высадился съ двумя слугами: Вильсономъ (шведъ, бывшій матросъ на купеческомъ суднѣ) и канакомъ Бойемъ (житель острововъ Кука). Постоянно мучимый жестокими припадками гвинейской лихорадки, среди всевозможныхъ лишеній, онъ прожилъ тамъ потомъ въ продолженіи пятнадцати мѣсяцевъ. Спустя годъ послѣ того, какъ мы разстались съ Маклаемъ, разнесся слухъ по китайскому и японскому берегамъ, что Маклай умеръ. Объ этомъ сообщено было въ Петербургъ, откуда наше морское вѣдомство немедленно распорядилось послать на поиски за Маклаемъ другое судно—клиперъ «Изумрудъ». «Витязю», какъ уже знакомому съ мѣстностью, было бы удобнѣе всего отправиться въ эту экспедицію; но онъ въ это время носилъ флагъ адмирала, командовавшаго эскадрой Тихаго океана, т.-е., кромѣ штатнаго экипажа, вмѣщалъ въ себѣ и штабъ, который пришлось бы оставить на другомъ суднѣ, если «Витязю» отправиться въ плаваніе къ берегамъ Новой-Гвинеи. «Изумрудъ» не могъ вмѣстить въ себѣ всего штаба, а «Боярипъ», принадлежавшій къ той же эскадрѣ, былъ въ это время у береговъ Камчатки. Итакъ, рѣшено было отправить въ Новую-Гвинею «Изумрудъ». Я съ «Витязя» былъ назначенъ на «Изумрудъ», какъ уже разъ побывавшій въ Гвинее и болѣе или менѣе знакомый съ такими подробностями мѣстности, которыхъ нельзя искать ни на какой картѣ. Однимъ, напримѣръ, витязянамъ было извѣстно, гдѣ зароетъ Маклай; на случай смерти, свои вещи и документы.

На пути къ бухтѣ Астролябія, гдѣ мы оставили Маклая, нашъ клиперъ посѣтилъ Гонъ-Конгъ, Маниллу, Тернате и Дорей, и наконецъ судьба привела меня вторично въ мало извѣстную, но въ высшей степени интересную страну. О Новой-Гвинее и ея обитателяхъ такъ мало до сихъ поръ писано, особенно у насъ въ Россіи, что я, не имѣя специальныхъ знаній по естественнымъ наукамъ и антропологии, тѣмъ не менѣе беру на себя смѣлость разсказать все видѣнное и замѣченное мною по пути. Отъ миссіонеровъ я узналъ многое о Дорей; отъ Маклая о жителяхъ бухты Астролябія.

Новая-Гвинея населена малоизвѣстнымъ народомъ — папуасами, рѣзко отличающимся, какъ наружнымъ видомъ, такъ и нравами, образомъ жизни и характеромъ отъ микронезійцевъ, полинезійцевъ, малайцевъ и австралійцевъ. Натуралисты находятъ, что почти такое же племя существуетъ и на другихъ островахъ,

лежащихъ неподалеку отъ Новой-Гвиней, но только подъ другими названіями, какъ-то: на Новой-Ирландіи, Новой-Британіи, на Молуккскомъ архипелагѣ (Gillolo), гдѣ они были первобытными жителями, на сѣверо-восточной части Целебеса и даже на Филиппинскихъ островахъ, подъ названіемъ негритосовъ (negritos). Они вездѣ находятся на столь низкой степени развитія, что избѣгаютъ всякихъ сношеній не только съ бѣлыми, но и съ другими полудикими племенами и, вслѣдствіе такой несообщительности, мало извѣстны. О гвинейцахъ рассказываютъ, что они коварны, свирѣпы, отличаются особымъ нерасположеніемъ къ европейцамъ и мѣстами даже людоеды. Все это, впрочемъ, преувеличено, а послѣднее, кажется, выдумка ¹⁾, потому что до сихъ поръ ничего подобнаго не было доказано фактически. Люди, долгое время жившіе между ними и успѣвшіе познакомиться съ ними ближе, хвалятъ ихъ смѣлость, энергію, находчивость — качества, рѣдко встрѣчающіяся у сосѣдей ихъ, вѣчно полусонныхъ канаковъ и вилыхъ малайцевъ, уже давно знакомыхъ съ европейцами.

Новая-Гвинея или Папуа открыта около 1526—28 годовъ испанцами, хотя эту честь оспариваютъ у нихъ португальцы, приписывая ее своему соотечественнику Менезесу (Meneses). Понятно, что сосѣднія малайскія племена гораздо раньше знали о существованіи этого огромнаго острова и посѣщали на своихъ прау ²⁾ его западный берегъ. Название острову (Papua) далъ Ортезъ-де-Рецъ (Ortez-de-Rez) по сходству курчавыхъ волосъ у папуасовъ съ африканскими неграми. Послѣ него, въ XVII столѣтіи, различные пункты Гвиней посѣтили: Торресъ, Виль, Шуттенъ, Карстенсъ, Поль, Абель, Тасманъ, Кейтъ, и въ XVIII столѣтіи: Дампіеръ, Гильвинкъ, Кертеретъ, Бугенвилль, Торресъ, Кукъ, Макъ-Клоръ, Бомптонъ и др. Всѣ эти знаменитые мореплаватели, открывшіе множество острововъ, лежащихъ неподалеку отъ Новой-Гвиней, и главные изъ ея выдающихся пунктовъ, хотя и описали ихъ, дали свои названія, но эти описанія могутъ только отчасти замѣнить лоцію ³⁾ для моряка, и никакъ не даютъ ясныхъ понятій о жителяхъ: съ населеніемъ острововъ эти знаменитые мореходы весьма рѣдко сходились, а иногда были встрѣчаемы враждебно и удалялись съ потерей части, а иногда и цѣлаго эки-

1) Мейеръ (о которомъ будетъ рѣчь впереди) говоритъ, что они ѣдятъ человѣчье мясо.

2) Туземная лодка.

3) Описаніе береговъ какой-либо страны и омывающихъ ихъ морей.

пажа. Безпристрастная исторія должна сообщить при этомъ о варварствѣ не однихъ варваровъ.

Если европейцы дѣйствовали жестоко, опрометчиво, не выбирая лучшихъ средствъ къ сближенію съ дикарями, которыхъ можно винить меньше всего, то слѣдуетъ помнить, что починъ перваго знакомства въ большинствѣ случаевъ принадлежалъ купеческимъ судамъ, каптены и штурманы которыхъ и до сихъ поръ не отличаются ни особымъ образованіемъ, ни гуманностью. Въ прошломъ столѣтіи большинство открытій совершенно тѣми же купеческими судами, каптены которыхъ, пользуясь своимъ превосходствомъ и боязливостью жителей, эксплуатировали послѣднихъ, какъ хотѣли, т.-е. брали, что понравится, включая сюда даже предметы, почитаемые туземцами за священные, въ обмѣнъ же давали, что вздумается; въ случаѣ сопротивленія брали силою какъ вещи, такъ и людей, которыхъ увозили заложниками и вообще обращались съ ними жестоко. Конечно, дикари, видя подобныя насилія со стороны пришельцевъ, лишавшихъ ихъ необходимаго, подѣ-часть священнаго, не могли питать къ нимъ особенной пріязни и, по мѣрѣ возможности, оплачивали тою же монетою: нападали на беззащитныя суда, вовсе не желавшія причинить имъ никакого вреда, безжалостно грабили, а иногда и убивали малочисленный экипажъ на геройски взятомъ призѣ. Невозможно требовать отъ дикарей, чтобы они разсуждали, кто изъ бѣлыхъ виновенъ, а кто нѣтъ; для нихъ достаточно факта, что приходила какая-то огромная лодка съ бѣлыми людьми, причинившими вредъ ихъ хозяйству, нарушившими ихъ спокойствіе и убившими многихъ изъ ихъ родныхъ и близкихъ. Приходитъ потомъ такая же лодка, и дикарь поджидаетъ ее съ заранѣе готовымъ планомъ нападенія для убійства экипажа и разграбленія судна. Подобныхъ примѣровъ много въ исторіи острововъ Тихаго океана, а сколько такихъ случаевъ, которые до насъ не дошли;—и все это потому, что какой-нибудь каптенъ надѣлавъ неудовольствій туземцамъ, благоразумно промолчить о томъ, а дикарей аттестуетъ: *extremely savage* (чрезвычайно свирѣпы). Впрочемъ, многимъ удавалось приманить папуасовъ разными вещами, имѣющими для нихъ большой интересъ: бумажной матеріей, ножами и разной утварью, такъ что съ перваго же раза устанавливались самыя дружескія отношенія, происходила мѣна вещей и даже взаимное угощеніе. Но подобныя случаи бывали и бываютъ рѣдко, да и вообще эксплуатация европейцами даже болѣе цивилизованныхъ народовъ, такихъ, напримѣръ, какъ индусы, китайцы, жители Малайскаго архипелага и даже японцы, сопровождается страшными крова-

выми эпизодами. Они видятъ въ европейцѣ не благодѣтеля своего, а плута, готоваго ихъ обмануть при всякомъ удобномъ случаѣ. Какъ примѣръ, показывающій непріязнь дикихъ къ бѣлымъ, приведу рассказъ каптена, командовавшаго небольшою шхуною, на которой онъ ходилъ по разнымъ островамъ Тихаго океана для мѣны кокосовъ, трепангъ, раковинъ и пр., на ножи, коленкоръ, бусы и другія мелочи. Въ одно изъ своихъ плаваній онъ вздумалъ посѣтить мало эксплуатируемый до сихъ поръ восточный берегъ Гвинеи и, желая произвести мѣну, приблизился къ одной изъ деревень, но былъ встрѣченъ туземцами крайне враждебно. Они грозили ему и знаками показывали, чтобы онъ удалился; но видя, что плывучая масса подходитъ все ближе и ближе, они начали пускать свои стрѣлы, послѣ чего каптенъ открылъ огонь изъ ружей и тѣмъ заставилъ дикарей убѣжать въ лѣсъ. И послѣ всего этого онъ же рассказывалъ, что народъ этотъ *very dangerous* (очень опасный) и ѣстъ человѣческое мясо.

Только въ XIX-мъ столѣтіи были составлены карты и собраны нѣкоторые свѣдѣнія о Новой-Гвинее, преимущественно для мореплавателей. Дю-Перре (Du Perrey, 1822—25) составилъ карту сѣвернаго ея берега съ прилежащими къ нему островами. По этой картѣ и до сихъ поръ плаваютъ нѣкоторые удалцы, хотя она далеко не подходитъ подъ современныя требованія мореходнаго искусства. Натуралисты, сопровождавшіе экспедицію Дю-Перре, описали по возможности туземцевъ и растительное царство. Послѣ него были многія голландскія суда, занятые преимущественно выборомъ мѣста для колоніи. Такъ, лейтенантъ Кольфъ въ 1826 году изслѣдовалъ съ этою цѣлью западный берегъ Гвинеи; а въ 1828 году корветъ «Тритонъ», сдѣлавшій для науки весьма много, занялъ Гвинею отъ Торрессова пролива до Дорея, а впослѣдствіи до меридіана Гумбольдтова залива и основалъ портъ Да-Басъ (Da Bas), но видя, что служащіе мрутъ бесполезно, какъ мухи, оставилъ его около сороковыхъ годовъ. Съ тѣхъ поръ на Гвинею нѣтъ постоянныхъ бѣлыхъ жителей, исключая миссіонеровъ; но тѣмъ не менѣе сѣверо-западная часть ея и до сихъ поръ признается номинально голландскимъ владѣніемъ.

Дюмонъ-Дюрвилль въ два свои извѣстныхъ путешествія, въ 1826—29 и 1839 годахъ, опредѣлилъ болѣе точными средствами кораблевожденія на сѣверномъ, южномъ и юго-западномъ берегахъ острова многіе пункты, въ томъ числѣ бухты: «Гумбольдта» и «Астролябіи», но онъ не могъ зайти въ нихъ, не имѣя якорей, и тѣмъ самымъ отложилъ знакомство здѣшнихъ дикарей съ бѣ-

лыми до прихода нашего корвета «Витязь». Экспедиція «Этны», самая замѣчательная и принесшая пользы больше всѣхъ экспедицій, ей предшествовавшихъ, была совершена въ 1858 году преимущественно съ научною цѣлью. Она посѣтила юго-западный берегъ (Adie), открыла Каруфа, рѣку или проливъ Маргариты, сдѣлала съѣмки Камрао, Аргуни и бухты Тритона; была на сѣверномъ берегу въ Дорей, пробралась на Ароракскія горы и дошла до Гумбольдтовой бухты. Во время этой экспедиціи были составлены рѣдкія коллекціи, обогатившія естествознаніе. Весь трудъ изслѣдованія напечатанъ въ отдѣльномъ томѣ съ рисунками. Эта книга есть лучшее изъ всего, что было до сихъ поръ писано о Новой-Гвинее. Она съ величайшей ясностью и опредѣленностью говоритъ о посѣщенныхъ экспедиціей мѣстностяхъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ пунктовъ острова, Дорей особенно славится мягкимъ климатомъ. Отсюда ходятъ небольшія шхуны для мѣны въ Гильвинескую бухту, гдѣ недавно поселились миссіонеры и иногда появлялись натуралисты, но далѣе къ сѣверному берегу и къ востоку никто еще не ходилъ.

Но всѣ эти осмотры произведены только мѣстами; они поверхностны и кратковременны. Кажется страннымъ, что въ нашъ вѣкъ, когда пароходы снуютъ по всѣмъ направленіямъ, когда изъ Китая въ Европу можно сдѣлать переѣздъ въ 45 дней; когда народы, ища золота, роются и проникаютъ въ нѣдра земли, заводятъ торговныя сношенія съ отдаленными краями, мѣняя наши мануфактурныя произведенія на сырыя; строятъ огромные цвѣтущіе города, заводятъ факторіи, колонизуютъ всевозможныя страны, близкія къ Новой-Гвинее (Австралія, Новая-Зеландія, Вандименова Земля), что въ это время ничего подобнаго не было предпринято на Новой-Гвинее. Съ перваго взгляда кажется непонятнымъ, что такой богатый и огромный островъ совершенно неизвѣстенъ, забытъ и покрытъ дѣвственными лѣсами. Причина этому кроется въ положительномъ невѣдѣніи свойствъ страны. Цивилизація не можетъ зародиться благодаря усиліямъ однихъ ученыхъ и натуралистовъ, особенно въ такой странѣ, какъ Гвинея; она дѣйствуетъ по большей части порознь и не обладаетъ средствами, необходимыми для такой великой цѣли. Колоніи же не устраиваются потому, что подлѣ острова множество прекрасной земли (Австралія, Новая-Зеландія, Новая-Каледонія и вообще вся Полинезія), притомъ съ благодатнымъ климатомъ, чего нѣтъ въ Гвинее, гдѣ свирѣпствуютъ жестокія лихорадки, зарождающіяся въ дремучихъ, дѣвственныхъ лѣсахъ, чрезъ листву которыхъ почти

не проникаютъ лучи даже тропическаго солнца. Съ почвы этихъ лѣсовъ, покрытой толстымъ слоемъ листьевъ, падающихъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ съ исполинскихъ тропическихъ деревьевъ, и пропитанной влагой тропическихъ ливней, поднимаются зловредныя міазмы; въ нихъ-то, по всей вѣроятности, и кроется причина лихорадки. На нашихъ судахъ переболѣлъ лихорадкой почти весь экипажъ, несмотря на кратковременное пребываніе. Случалось, что двѣ-трети его лежали въ лихорадкѣ, а остальнымъ приходилось выполнять всѣ трудности морскаго похода. Если не прекратить скоро лихорадки, то придется имѣть дѣло съ ея смертельными послѣдствіями — beriberi. Во время нашей стоянки, на голландскомъ пароходѣ больныхъ beriberi'ей было до 15 человѣкъ; всѣ они, конечно, были помѣщены на берегу. Болѣзнь начинается опухолью ногъ; опухоль безъ всякой боли постепенно поднимается вверхъ. Больной понемногу лишается возможности ходить. Дойдя до сердца, опухоль причиняетъ смерть. Изъ 100 человѣкъ больныхъ beriberi'ей вылечиваются не болѣе 10. Необходимо было бы осушить мѣста предполагаемаго заселенія, истребить въ нихъ лѣса; но на это потребны тысячи рукъ и сотни жертвъ, неизбѣжныхъ при этомъ, такъ что немногіе рискнуть на столь опасное дѣло, не предвидя въ будущемъ богатаго вознагражденія. До сихъ поръ на островѣ не найдено ни благородныхъ, ни другихъ металловъ, имѣющихъ извѣстную способность, несмотря ни на какія препятствія и болѣзни, привлекать людей, и мало надежды найти что-нибудь подобное въблизи береговъ. Если бы было возможно легко добывать ихъ, то жители не замедлили бы примѣнить этотъ твердый и удобный матеріалъ для своего вооруженія, украшеній и домашней утвари. Правда, внутри страны и особенно по южному ея берегу можно допустить существованіе золота, такъ какъ эта часть острова по своему геологическому строенію подходитъ къ близъ-лежащей Австраліи, столь извѣстной своими золотыми приисками. Но оно можетъ существовать только въ розсыпяхъ, разработка которыхъ для дикарей, конечно, невозможна. Итакъ, въ Гвинее торговля должна ограничиваться предметами, не имѣющими значительной цѣны, какъ-то: чучелы райскихъ птицъ, трепанги, раковины, жемчугъ, мазаи. Подобныя вещи не могутъ, конечно, привлечь крупныхъ промышленниковъ. Перевозкой ихъ заняты небольшія парусныя шхуны и малайскія прау; онѣ отправляются съ попутнымъ сѣверо-западнымъ муссономъ изъ Тернате, Амбоины и Серама въ Дорей и далѣе, по Гильвинкскому заливу, до мыса Дюмонъ-Дюрвиля, дальше котораго къ востоку онѣ уже не ходятъ, потому что да-

лѣ нѣтъ даже и этихъ малоцѣнныхъ предметовъ мѣнового торга; приходится довольствоваться кокосами, да и то при сильной конкуренціи со стороны малайскихъ и арабскихъ купцовъ. Такимъ образомъ, развитіе колонизаціи Новой-Гвинеи чрезъ посредство торговли будетъ подвигаться весьма медленно. Къ сожалѣнію, этотъ островъ не имѣетъ и выгоднаго географическаго положенія. Правда, по южному его берегу, чрезъ Торресовъ проливъ, идетъ пароходная линія судовъ между Австраліей и восточной Азіей, и англичане сдѣлали по ней промѣръ и безукоризненную съёмку, но этотъ путь не можетъ имѣть вліянія на развитіе страны, такъ какъ Новая-Гвинея не можетъ быть станціей на немъ.

Главный путь купеческихъ парусныхъ судовъ, идущихъ вокругъ Австраліи въ Китай и Японію, пролегаетъ далеко восточнѣе ея—близъ Соломонова Архипелага, Новой-Каледоніи, Каролинскаго и Маріанскаго архипелаговъ, и такимъ образомъ оставляетъ ее въ сторонѣ; оттого-то сѣверный ея берегъ такъ мало извѣстенъ и мало эксплуатируванъ гидрографическими работами, которыя столь необходимы для безопаснаго плаванія судовъ, а слѣдовательно, и для развитія страны. Карты этого берега или, лучше сказать, нѣкоторыхъ его пунктовъ принадлежать къ XVII и XVIII столѣтіямъ; теперь онѣ окончательно непригодны и исправлены только съ проходомъ нашихъ судовъ «Витязя» и «Изумруда».

Будь на Новой-Гвинее колонія или станція, натуралисты имѣли бы исходную точку, откуда могли бы пускаться во внутрь страны, могли бы дѣлать болѣе продолжительныя экскурсіи, запасаясь болѣе подходящей для этой цѣли прислугой, провизіей и т. п., наконецъ, въ случаѣ болѣзни вернуться на мѣсто, гдѣ можно найти скорое пособіе. Теперь же этимъ труженикамъ науки приходится отправляться изъ Тернате, Амбоины и другихъ отдаленныхъ мѣстъ на малайскихъ прау, платя весьма дорого какъ слугамъ, такъ и за проѣздъ и провозъ провизіи и другихъ припасовъ, необходимыхъ для себя и для слугъ, а все это стоить очень дорого. Чтобы пробраться къ востоку далѣе Дорея, необходимо нанимать цѣлое судно со всѣми принадлежностями для плаванія. Сухимъ же путемъ изъ Дорея невозможно двинуться, потому что въ дѣйственныхъ лѣсахъ путешественникъ не встрѣтитъ ни дороги, ни тропинки; а случись болѣзнь или какая-либо неудача — приходится возвращаться въ то же Тернате. Въ Новой-Гвинее чувствуется большой недостатокъ въ рѣкахъ и озерахъ, которыя такъ служатъ для ознакомленія со

страною. Правда, здѣсь есть рѣки, и даже пирогія, но вся бѣда въ томъ, что онѣ какъ быстро-наполняются водою отъ обильныхъ ливней, такъ быстро и высыхаютъ отъ постоянно вертикальнаго паденія солнечныхъ лучей; кромѣ того попадаются камни, даже пороги, которые не далѣе какъ на 40—50 верстъ отъ устья дѣлаютъ плаваніе даже на пирогахъ не только не безопаснымъ, но даже невозможнымъ. Такъ, напримѣръ, изслѣдованіе рѣки Амберно (Amberno) на небольшомъ голландскомъ пароходѣ оказалось безуспѣшнымъ. Проникнуть же въ глубь страны по тропинкамъ можно недалеко; такъ, въ Дорей только до Ароравскихъ горъ, а въ Астролябии Мавлай могъ достигнуть по нимъ до высоты 1600 футовъ по барометру. Далѣе этихъ пунктовъ не существуетъ ни дорогъ, ни тропинокъ, и изслѣдователю приходится топоромъ прорубать себѣ путь черезъ дремучій, дѣвственный лѣсъ, перевитый льянами, или черезъ поляны, покрытыя высокою колючей травой.

Изъ натуралистовъ Дорей посѣтили: Валисъ, написавшій много о флорѣ и фаунѣ Новой-Гвиней, Розенталь, Мейеръ, Альберти и Бекари.

Итальянскіе натуралисты, Альберти и Бекари, не выдержавъ жестокаго климата, удалились очень скоро.

Докторъ Адольфъ Бернгардъ Мейеръ отправился изъ Тернате и, посѣтивъ Дорей, направилъ свой путь на острова: Мафоръ, Мисоре, Жюби (Mafoor, Mysore, Jobi), гдѣ онъ стоялъ долго и изслѣдовалъ мѣстность по всѣмъ направленіямъ. Съ Жюби онъ направился къ гвинейскому берегу къ устью рѣки Амберно, затѣмъ поплылъ къ югу, бросая въ различныхъ мѣстахъ якорь до Руби (Rubi), гдѣ онъ пытался перейти перешеекъ, но безъ успѣха. Зато ему удалось перейти другой перешеекъ къ заливу Макъ-Клюра (Mac-Cleuer bay), съ большими опасностями и лишеніями. Последняя большая и трудная его экспедиція была въ Ароравскія горы, гдѣ онъ добрался до 6000 ф. вышины, и познакомился съ малоизвѣстными горными жителями и вовсе неизвѣстною мѣстностью. Вообще онъ посѣтилъ многіе пункты, незнакомые не только ученымъ, но и вообще европейцамъ, сдѣлалъ много интересныхъ открытій и утвердилъ шаткія познанія объ этой части Новой-Гвиней по части зоологіи, антропологіи и этнографіи. Ему удалось собрать хорошія коллекціи животныхъ, между которыми есть много новыхъ видовъ, коллекціи череповъ и т. д., словомъ, экспедиція увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Много приходилось ему бороться съ трудностями и лишеніями, среди свирѣпыхъ жителей, къ тому-жъ еще ожесточенныхъ малайцами, затѣявшими

тамъ торговлю невольниками. Туземцы, по увѣреніямъ Мейера, ѣдятъ человѣчье мясо. Они часто выказывали къ нему неприязнь, а на островѣ Жоби онъ подвергся дѣйствительному нападенію, но отдѣлался отъ опасности довольно счастливо; только двое изъ его людей были ранены стрѣлами. Въ свою предпоследнюю экспедицію, при переходѣ черезъ перешеекъ, онъ заболѣлъ лихорадкой, которая его долго не покидала и сильно изнурила. Она сократила его обширные планы. Въ августѣ 1873 года онъ принужденъ былъ вернуться въ Тернате и скоро уѣхалъ въ Европу. Несмотря на болѣзнь, Мейеру многое удалось сдѣлать. Кромѣ особой книжки объ этомъ путешествіи, изданной Мейеромъ, есть еще въ журналѣ «Das Ausland» краткій обзоръ этого путешествія, подъ заглавіемъ «Ueberschau der neuesten Forschungen auf dem Gebiete der Natur und Völkerkunde» (1873 г. № 50) и также въ отчетѣ Мейера вѣнскому географическому обществу.

Таковы были предшественники нашего Маклая. Но онъ избралъ поприще для изслѣдованій въ Новой-Гвинее самое трудное въ томъ отношеніи, что вблизи отъ него нѣтъ ни одного европейца, какъ, напримѣръ, въ Дореѣ.

Въ Дореѣ, съ конца 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, поселились голландскіе миссіонеры, которые, пользуясь значительными субсидіями отъ своего правительства, расширили свои дѣйствія, открыли многія миссіонерскія станціи, построили при нихъ школы, церкви. Надо отдать справедливость, они пользуются большимъ уваженіемъ среди туземцевъ. Въ настоящее время голландское правительство снова начинаетъ обращать вниманіе на забытую имъ одно время Новую-Гвинею. Такъ, въ Дореѣ два раза въ годъ ходятъ пароходы, для которыхъ здѣсь устроенъ угольный складъ. Во время нашей стоянки пароходъ «Дассунъ» ходилъ въ Гильвиньскую бухту съ правительственнымъ комиссаромъ для осмотра мѣстности. Теперь вокругъ всей Новой-Гвиней на фрегатѣ «Кумпанъ» затѣвается большая экспедиція, въ которой по приглашенію будетъ участвовать и нашъ Маклай. Онъ, несмотря на свое еще не совсѣмъ окрѣпшее здоровье, ждетъ ее съ большимъ нетерпѣніемъ; такъ что нашимъ ученымъ еще долго, вѣроятно, придется ждать, пока Маклай издастъ свои пятнадцатитысячные труды въ Астролябии. Единственное препятствіе для этой экспедиціи—война Голландіи съ ея коричневыми подданными ачемцами, для которой пущены въ ходъ всѣ морскія силы колоніальнаго правительства. По послѣднимъ письмамъ Маклая извѣстно, что онъ, чтобы не терять даромъ времени, хо-

четь въ исходѣ ноября отправиться на островъ Амбоину. Этотъ островъ недавно посѣтили итальянскіе ученые; но совѣтъ каптена малайца—не высаживаться по причинѣ свирѣпства дикихъ, принудилъ ихъ вернуться обратно. Малай поидетъ туда безъ всякихъ каптеновъ, съ однимъ слугою Ахматомъ.

II.

Приходъ клипера «Изумрудъ» въ Дорейскую бухту.—Видъ бухты и ея природы.—Дорейцы на клиперѣ.—Ихъ наружность.—Женщины.—Одежда дорейцевъ.—прическа, украшенія.—Хижины дорейцевъ.—Убранство жилищъ.—Пища.—Нравы и занятія дорейцевъ.—Оружіе.—Кузницы.—Нравы.—Браки.—Роды.—Похороны.—Религія.—Преданія о происхожденіи.—Политическое положеніе дорейцевъ.—Отношенія къ сосѣдямъ.—Арораки или Алоруры.—Власть тидорскаго султана. Торговля сношенія съ другими народами.—Миссіонеры.—Дѣятельность Гассельта.—Одиссея итальянскихъ натуралистовъ.—Картина изъ жизни въ Дорей.—Прибытіе, голландскаго парохода.—Уходъ «Изумруда».

Въ Тернате, этомъ гостепріимномъ мѣстечкѣ, гдѣ мы встрѣтили самое горячее сочувствіе нашему дѣлу, мы, между прочимъ, запаслись лоцманами: одинъ изъ нихъ былъ каптенъ шхуны, человѣкъ, бывавшій уже не разъ въ Коралловомъ морѣ, въ томъ числѣ въ бухтахъ Дорейской и Гильвинеской и, слѣдовательно, знакомый съ прихотями ново-гвинейскаго берега и прилежащихъ къ нему острововъ. Второй былъ одинъ изъ придворныхъ тидорскаго султана, малаецъ, каптенъ Эдришъ. Тидорскій султанъ считается владѣтелемъ сѣвернаго берега Новой-Гвиней, въ томъ числѣ и Дорея, а потому подобный каптенъ, снабженный фирманомъ султана, былъ намъ не бесполезнымъ человѣкомъ при сношеніяхъ съ дикарями. Черезъ него же было дано приказаніе дорейскимъ властямъ дать необходимое количество угля, котрымъ надо было наполнить угольные ящики клипера.

19-го ноября 1872 года клиперъ вошелъ въ бухту Дорей и сталъ на якорь почти у самаго берега. Мы всѣ смотрѣли на берегъ въ бинокли и трубы, жаждаая увидѣть жилие туземцевъ, ихъ самихъ или, вообще, что-нибудь интересное; но ничего подобнаго намъ не представилось. При мертвой тишинѣ, изрѣдка нарушаемой кваканьемъ лягушекъ, все окружающее представляло дѣвственный дремучій лѣсъ, прикрытый густымъ туманомъ, какъ пеленою. Только на слѣдующее утро, пасмурное и туманное, какъ здѣсь обыкновенно бываетъ въ это время года, намъ удалось

разсмотрѣть детали бухты. Бухта довольно обширна и состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, глубоко врѣзывающихся въ берегъ. Она защищена отъ вѣтра почти со всѣхъ сторонъ, и только лишь два рифа, лежащіе внутри ея, и большая глубина мѣшаютъ назвать ее вполне удобной и способной помѣстить много кораблей. Последнее обстоятельство принуждаетъ ихъ становиться почти у самого берега. Самые берега не высоки, и горы начинаются только отступя отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе, и образуютъ возвышенность отъ 300 до 500 футовъ. На заднемъ фонѣ изъ-за облаковъ виднѣется контуръ Ароракскихъ горъ (7000 ф.), отстоящихъ къ югу отъ берега на 6—10 миль. Насколько хватаетъ глазъ, не видно ни малѣйшаго открытаго или обработаннаго мѣста; все это—одна сплошная масса густого тропическаго лѣса, оживленнаго только рѣзкимъ крикомъ разноцвѣтныхъ попугаевъ, вакаду и другихъ красивыхъ, но не пѣвучихъ тропическихъ птицъ. Мѣстами деревья, переплетенныя со своими вѣтвями, льянами и другими ползучими растеніями, нагибаются надъ самою водою, образуя такимъ образомъ цѣлые своды и скрывая отъ глазъ береговую черту.

Съ ранняго утра дорейцы на своихъ долбленыхъ челнокахъ съ противовѣсомъ окружили клиперъ; они предлагали луки, стрѣлы, раковины, фрукты и проч., за ножи, деньги (серебро), матеріи и т. п., запрашивая въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ потомъ отдавали. Видно было, что они не впервые видятъ европейцевъ и ихъ заманчивые предметы торговли. Мужчины роста средняго, хорошо сложены; цвѣтъ кожи варьируетъ между свѣтло- и темно-коричневымъ, волосы черные, курчавые, растутъ небольшими пучками; это одна изъ отличительныхъ особенностей дорейцевъ. Лицо продолговатое, носъ рѣдко бываетъ острый и правильный, губы толстыя, лобъ, вслѣдствіе особенной оригинальной прически, кажется выше нормальнаго. Носятъ небольшія бороды и усы. При всѣхъ этихъ признакахъ лицо, однако, никакъ нельзя назвать безобразнымъ. Иногда попадаются субъекты, подходящіе подъ наше понятіе о красотѣ; это по большей части молодые люди. Выраженіе лица осмысленное, хитрое, иногда чрезвычайно симпатичное, доброе, хотя все-таки въ немъ проглядываетъ нѣкоторое лукавство; но лица звѣрскія попадаются рѣдко.

На клиперѣ бывали одни только мужчины; женщинамъ строго запрещено посѣщать иностранныхъ суда, къ тому же онѣ очень боязливы и ихъ трудно увидѣть даже въ деревнѣ; съ при-

ходомъ незнакомца онѣ убѣгаютъ, прячутся, иногда останавливаются изъ любопытства, но всегда на приличной дистанціи. Женщины, даже молодыя, сколько мы ихъ ни видѣли, сравнительно съ мужчинами, не красивы, а старухи положительно безобразны. Хотя у обоихъ половъ черты лица тѣ же, но выраженіе у женщинъ глупѣе, можно сказать, животнѣе. Ихъ значительно портитъ стрижка волосъ. Вѣроятно, и въ дѣйствительности онѣ уступаютъ мужчинамъ въ умственныхъ способностяхъ; это объясняется уже тѣмъ, что онѣ никогда не вступаютъ въ сношенія съ иностранцами, совершенно изолированы ¹⁾ и подавлены физической работой; на нихъ лежитъ выполнение самыхъ трудныхъ хозяйственныхъ обязанностей, какъ-то: собираніе и выноска дровъ изъ густого лѣса, сборъ овощей, приготовленіе пищи и проч. Вслѣдствіе такого труда, онѣ изнуряются, теряютъ юношескую свѣжесть и полноту, скоро старѣются, становятся исхудалыми и безобразными.

Вся одежда папуасовъ состоитъ изъ одного пояса приличія; у женщинъ поясъ длиннѣе и достигаютъ до коленъ. Дѣлаютъ его изъ древесныхъ волоконъ, а иногда также изъ бумажной матеріи, и въ Дорей я видѣлъ двухъ или трехъ человекъ, одѣтыхъ въ европейскую рубашу и штаны. Голова ихъ была повязана платкомъ въ видѣ чалмы, вѣроятно по магометанско-малайской модѣ.

Волосы составляютъ главное украшеніе мужчинъ. На уборку ихъ папуасы тратятъ не меньше времени, трудовъ и вниманія, чѣмъ наши дамы. Значительно отросшіе волосы взбиваются вверху, туго перевязываются надъ головою, и затѣмъ расходятся въ видѣ вѣера во всѣ стороны, образуя массу въ два или три раза больше самой головы. Нѣкоторые франты какъ-то особенно умѣютъ ихъ взбивать, такъ что каждый волосокъ какъ-бы отдѣленъ отъ прочихъ и при ходьбѣ всѣ волосы красиво волнуются. Этотъ своеобразный головной уборъ украшенъ еще бамбуковыми гребнями; они закалываются сзади или сбоку чуба, и разубраны разноцвѣтными перьями. Папуасы любятъ красный цвѣтъ волосъ и считаютъ его за особенную красоту. Они достигаютъ того, что волосы ихъ принимаютъ любимый цвѣтъ, многократнымъ смазываніемъ помадою, составленною изъ толченой извести съ кокосовымъ масломъ; затѣмъ предоставляютъ голову дѣйствію солнечныхъ лучей, вслѣдствіе чего волосы выгораютъ и

¹⁾ При появленіи первыхъ бѣлыхъ людей въ заливѣ Гумбольдтовомъ в Астролябіи, женщины были спрятаны.

становятся рыжими. Пристрастіе къ такому цвѣту волосъ, кромѣ Новой-Гвиней, можно встрѣтить на Новой-Ирландіи, Новой-Британіи и даже на многихъ островахъ Полинезіи. Напротивъ, женщины нисколько не занимаются украшеніемъ головы. Волосы хотя красять въ рыжій цвѣтъ, но стригутъ ихъ очень коротко, даже подъ гребенку.

Считается также украшеніемъ — смазываніе всего тѣла коcosовымъ масломъ, отчего кожа получаетъ особый блескъ. У нѣкоторыхъ кожа покрыта лишаями и разными струпьями; но они не обращаютъ на это никакого вниманія, не перевязываютъ ихъ и предоставляютъ дѣйствию солнца.

Ожерелья, браслеты, серьги и другія украшенія распространены какъ между мужчинами, такъ и женщинами; браслеты дѣлаются изъ раковинъ, серебра и желѣза, плетутся изъ потанга. Плетенный браслетъ на лѣвой рукѣ мужчины служитъ предохраненіемъ при стрѣльбѣ изъ лука. Ожерелья и серьги дѣлаются изъ зубовъ акулы, небольшихъ восточекъ, раковинъ и бусъ. Въ носу хотя не носятъ кольца, но видно для него отверстіе въ носовой перегородкѣ.

Непремѣнную принадлежность всякаго, какъ украшеніе, составляетъ сумба, висящая черезъ плечо. Она плетется весьма искусно изъ потанга и служитъ для храненія принадлежностей жеванія бетеля (пеперь, орѣхъ арековой пальмы, известь). Отъ жеванія бетеля зубы чернѣютъ, губы и десны принимаютъ кроваво-красный цвѣтъ. Въ этой же сумкѣ лежитъ табакъ, добываемый внутри страны. Они курятъ его охотно, причемъ бумагу замѣняютъ сухіе листья.

Татуировка встрѣчается только у женщинъ на тѣлѣ и мѣстами по лицу.

Дорейскую бухту съ востока прикрываетъ островъ Мансіамъ на немъ находится главная миссіонерская станція и деревня дорейцевъ. Кромѣ этой деревни, есть еще нѣсколько по берегу. Всѣ онѣ не отличаются большимъ количествомъ хижинъ. Замѣчательно то, что хижины строятся всегда надъ водою въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Подобныя характерныя постройки встрѣчаются по западному и сѣверному берегамъ острова Новой-Гвиней до Гумбольдова залива включительно. Они строятъ свои дома такимъ образомъ для того, чтобы удобнѣе было смотреть вдаль и своевременно дать отпоръ нападенію враговъ, которому они такъ часто подвергались отъ своихъ сосѣдей съ Гильвинкской бухты, отличающихся еще и до сихъ поръ особенной свирѣпостью. Хижины могутъ вмѣстить 10 или болѣе семействъ.

и, въ случаѣ нападенія, дѣйствуя соединенными силами, могутъ съ большимъ успѣхомъ отражать нападающаго. Кромѣ того, у нихъ есть еще одна причина строить дома надъ водою—они убѣждены, что злые духи совершаютъ прогулку по берегу, но на воду никогда не рѣшится идти.

Хижины строятся въ разстояніи 75—150 футовъ отъ берега, съ которыми соединены мостами; длина ихъ 50—75 ф., вышина и ширина 15—25 футовъ.

Постройка производится такимъ образомъ.

Прежде всего вбиваются въ воду колья такой высоты, чтобы основаніе дома, укрѣпленное на нихъ, отстояло отъ поверхности полной воды фута на два, на три. Это основаніе крѣпко связывается съ кольями льянами или другими древесными волокнами. Стѣны и полъ хижинъ дѣлается обыкновенно изъ цѣльнаго бамбука, а иногда и расщепленного, въ нѣсколькихъ мѣстахъ перевязаннаго съ другими бамбуками. Бамбуковый полъ отличается своею эластичностью, и ходить по немъ удобно только привычному дорейцу. Крыша имѣетъ овальный видъ, въ родѣ яйца, разрѣзаннаго по длинной оси; концы ея пускаются до половины высоты стѣнъ, образуя спереди и сзади навѣсы, что вмѣстѣ съ продолженнымъ поломъ образуетъ балконы. Часть крыши, обращенная къ берегу, всегда выше. Домъ длиною своею всегда располагается перпендикулярно къ берегу, то-есть вдоль берега расположенъ боковой фасадъ или ширина. Во всю длину дома идетъ корридоръ, отъ котораго въ обѣ стороны идутъ стѣны, перпендикулярно къ длинѣ, и образуютъ цѣлый рядъ каморокъ, изъ которыхъ въ каждой живетъ отдѣльное семейство. Какъ стѣны корридора, такъ и междукаморныя переборки дѣлаются изъ бамбука, досокъ, а иногда просто изъ цыновокъ. Въ каждую изъ каморокъ ведетъ дверь или просто отверстіе, всегда закрытое плотною цыновкою, такъ что, идя по корридору, нельзя видѣть, что дѣлается внутри. Понятно, что для диварей, работающихъ несовершенными инструментами, подобное сооруженіе можетъ казаться громаднымъ, и потому строится всегда сообща, то-есть не только людьми, предполагающими жить во вновь устроенномъ домѣ, но и другими, приглашенными изъ сосѣднихъ домовъ и даже деревень. Такимъ образомъ постройка идетъ быстро; люди, предполагающіе жить въ немъ, даютъ поровну матеріаловъ, и впослѣдствіи весь домъ дѣлится между ними на равныя части. Сосѣди-помощники получаютъ отъ хозяевъ хорошей пирь, и когда сами будутъ нуждаться въ помощи, то имъ, конечно, не будетъ отказано. Этотъ общественный духъ дорейцевъ достоинъ

замѣчанія. Подобную общность труда можно встрѣтить во многихъ мѣстахъ Новой-Гвиней, особенно въ заливахъ Гумбольдтовомъ и Астролябии. Здѣсь всѣ трудныя работы, какъ: постройка домовъ, обработка полей, постройка большихъ пирогъ и проч. — производятся обществами, причемъ каждый участвующій имѣетъ равное право на пользованіе плодами трудовъ. Поэтому неудивительно видѣть у нихъ такія громадныя постройки, сдѣланныя первобытными орудіями. Въ этомъ отношеніи они опередили даже малайцевъ.

Убранство хижинъ, т.-е. корридора и каморокъ весьма простое: по стѣнамъ перваго виситъ всякаго рода оружіе, барабаны, деревянная посуда, удочки, съѣстные припасы и проч., въ жилыхъ каморкахъ полъ устланъ циновками, которыя служатъ постелью; въ одномъ изъ угловъ каморки помѣщается очагъ, на двухъ-трехъ камняхъ.

Всѣ домашнія работы совершаются преимущественно на задней площадѣ (т.-е. на ближайшей къ берегу, на которую вступаешь, пройдя мостикъ, соединяющій хижину съ берегомъ). Здѣсь же находятся глиняные горшки собственного издѣлія, для варки пищи. Подобная площадка подъ навѣсомъ находится и на переднемъ фасѣ, обращенномъ къ морю; на ней, кромѣ другихъ работъ, производится уженіе рыбы и купанье. Обѣ площадки — общее достояніе всѣхъ живущихъ въ домѣ семействъ. Нѣсколько подобныхъ домовъ вмѣстѣ составляютъ деревню. Около большихъ домовъ иногда строятся дома меньшихъ размѣровъ и предназначаются для вдовъ и сиротъ.

Пищу туземцевъ составляютъ: саго, получаемое изъ пальмы того же имени, растущей въ большомъ количествѣ у Ароравскихъ горъ, кукуруза, таро, бананы, кокосы, рыба. Куры и свиньи имѣются въ ограниченномъ количествѣ и употребляются только въ торжественныхъ случаяхъ. Кромѣ живности и саго, всѣ остальные предметы разводятся на огородахъ, попеченіе о которыхъ специально возложено на женщинъ. Саговая пальма, плоды которой замѣняютъ туземцамъ хлѣбъ, не встрѣчается у берега, а растетъ въ изобиліи у подножья Ароравскихъ горъ, жители которыхъ исключительно заняты обработкой саго и съ большимъ успѣхомъ обмѣниваютъ его на разные мелочные предметы, рыбу и проч., доставляемые имъ береговыми жителями. Процессъ добыванія саго здѣсь тотъ же, что и на Молукескихъ островахъ: срубленную саговую пальму разрубаютъ по длинѣ на двѣ половины; внутренность ствола, состоящую изъ древесной клетчатой массы, наполненную мучнистымъ составомъ, разбиваютъ,

выдавливаютъ и кладутъ въ сито (въ которомъ вѣтчатое дно дѣлается изъ волоконъ кокосовой пальмы). Чтобы отдѣлить мучнистую питательную часть отъ сердцевинъ, черезъ сито, наполненное сердцевиною пальмы, пропускаютъ нѣсколько разъ воду, съ которой осаживается мучнистая часть въ заранѣе поставленный подъ сито сосудъ. Полученной массѣ даютъ отстояться нѣкоторое время, потомъ, сливъ воду, сушатъ ее. Приготовленное анораками саго свѣтло-сѣраго цвѣта, сыровато и имѣетъ кислый запахъ. Для храненія и переноски они сбиваютъ его въ куски вѣсомъ въ 20—30 фунтовъ и, завернувъ въ листья, крѣпко перевязываютъ древесными волокнами.

На обязанности мужчинъ, кромѣ другихъ работъ, лежитъ выдѣлываніе идоловъ, охота за птицами для добыванія красивыхъ перьевъ и рыбная ловля; иногда послѣднюю занимаютъ женщины и юноши. Единственная принадлежность ловли—острога футовъ въ 10—15 длиною съ желѣзнымъ наконечникомъ или съ бамбуковыми зубцами. Замѣтивъ плавающую около кольевъ рыбу, кто-нибудь изъ охотящихся, ловко направивъ острогу въ избранную жертву, стремительно бросаетъ ее. Острога втыкается въ рыбу. Рыба подскакиваетъ къ поверхности воды, и тогда за часть древка, находящуюся надъ поверхностью воды, вытаскиваютъ острогу вмѣстѣ съ добычею. Иногда конецъ остроги вмѣстѣ съ рыбой погружается въ илистое дно или же весь снарядъ погружается совсѣмъ въ воду, такъ что рукою нельзя его достать; тогда достаютъ его ногою, взявшись двумя пальцами, большимъ и указательнымъ, за остріе. Если же острога отклонится въ сторону, такъ что ее нельзя достать ни рукою, ни ногой, то всегда найдутся любители-пловцы изъ молодежи, которые съ большимъ удовольствіемъ нырнуть и вытаскать снарядъ.

Еще съ дѣтства дорейцы привыкаютъ къ водѣ и выучиваются отлично плавать, нырять и управлять своими маленькими долблеными челноками. Поэтому они рѣдко ходятъ пѣшекомъ, развѣ только на охоту или близко около дома, всѣ же остальные передвиженія совершаютъ на шлюпкахъ и съ большой охотой принимаютъ дальнія морскія путешествія. Шлюпки, по своему назначенію, бываютъ двухъ родовъ. Ближнія—состоятъ изъ одного выдолбленнаго ствола, снабженнаго противовѣсомъ или балансомъ, на подобіе пирога Полинезіи, развѣ только отдѣлка поглубже. Въ такой шлюпкѣ можетъ помѣститься отъ 4—5 человѣкъ гребцовъ; но и однимъ человѣкомъ она можетъ легко управляться. Всѣ гребцы снабжены гребками или лопатками. Онѣ употребляются для домашнихъ надобностей, ловли

рыбы, переѣзда на ближайшій берегъ. Дальнія шлюпки—гораздо большихъ размѣровъ, состояются изъ нѣсколькихъ долбленыхъ деревъ, плотно связанныхъ между собою, снабжены мачтой съ парусомъ и каютой изъ тонкихъ цынововъ для предохраненія путниковъ отъ дождя и непогоды. Носъ и корма ихъ значительно приподняты и украшены перьями, раковинами и разноцвѣтными доскутками. На такой пирогъ можетъ помѣститься человекъ 30. Прежде онѣ употреблялись для военныхъ дѣйствій и грабежа; и при возвращеніи изъ похода волосы убитыхъ враговъ развѣшивались на возвышенномъ носѣ и кормѣ. Теперь же онѣ служатъ преимущественно для торговыхъ сношеній съ дальними краями, напримѣръ съ Тернате (750 итальянскихъ миль), куда онѣ прибываютъ въ 14—20 дней, конечно съ попутнымъ муссономъ и въ виду береговъ. Посредствомъ ихъ миссіонеры сообщаются между собою.

Дорейцы сами не выдѣлываютъ ни оружія, ни другихъ военныхъ доспѣховъ, а вымѣниваютъ ихъ у жителей Гильвинской бухты и острововъ Жоби и Варапина за разные европейскія бездѣлушки, привозимыя въ Дорей. Оружіе ихъ составляютъ: лукъ, стрѣлы, копье, щитъ и ножъ (klewang). Сюда же можно отнести и барабаны. Больше всего цѣнятся ими клевангъ—большой ножъ съ деревянною рукою. Семи- или девяти-футовый лукъ дѣлается изъ эластичнаго дерева; тетива его—изъ лучшей очищенной бамбуковой коры; пяти- или семи-футовые стрѣлы готовятся изъ бамбука; концы ихъ снабжаются острыми желѣзными или костяными наконечниками. Копья дѣлаются изъ желѣзнаго дерева; концы ихъ бывають рѣзные и заострены, иногда украшены перьями. Щитъ—простой кусокъ выдолбленнаго дерева съ рукою. Барабанъ (tifa) выдалбливается изъ дерева въ видѣ неправильнаго цилиндра; бока его, къ которымъ прикрѣпляются ручки, часто рѣзные, одно изъ основаній его затягивается шкурою ящерицы—monitor. Для произведенія звука ударяють по кожѣ прямо рукою. Несмотря на то, что многіе европейскіе инструменты получили уже здѣсь право гражданства, оружіе и утварь вообще въ Дорей далеко не такъ изящны, какъ это мы увидимъ впоследствии у астролабцевъ.

Благодаря дѣятельности миссіонеровъ, дорейцы имѣють кузницы, преимущественно на Мансіамѣ, въ которыхъ они куять нужныя домашнія вещи изъ желѣза. Въ нихъ туземцы приспособили оригинальный раздувательный мѣхъ своей выдумки. Два бамбука, длиною въ 5—6 футовъ, въ діаметръ $\frac{1}{2}$ фута, поставлены вертикально, нижніе концы ихъ плотно забиты въ землю

и имѣютъ съ боковъ небольшія отверстія, направленные на топливо. Внутри бамбуковъ ходятъ на деревянныхъ штокахъ поршни, снабженные набивкой изъ тряпокъ; верхніе концы соединены между собою рычагомъ такимъ образомъ, что когда одинъ штокъ опускается и выкидываетъ сильную струю воздуха, другой поднимается и втягиваетъ необходимое количество воздуха для посылки его на топливо при слѣдующемъ его опусканіи—настоящая воздушная помпа. Наковальню замѣняетъ судовая баластина. Въ такой кузницѣ можно при случаѣ исправлять вещи большихъ размѣровъ, чѣмъ принадлежности оружія и утвари.

Нравы дорейцевъ, можно сказать, лучше, чѣмъ у другихъ народовъ. Обманъ и воровство почти не встрѣчаются между ними и считаются большимъ преступленіемъ. Хотя они сами дѣятельны и трудолюбивы только въ крайнихъ случаяхъ, но уважаютъ въ другихъ эти качества.

Главою общества считаются всегда старшіе и болѣе опытные; они пользуются большимъ уваженіемъ и почетомъ. Въ случаѣ распри между отдѣльными лицами, а иногда и между семействами, недоразумѣнія разрѣшаются подобными старшинами, и какъ бы ни былъ строгъ ихъ приговоръ, ему безусловно подчиняются. Съ невольниками, купленными на другихъ островахъ или взятыми въ плѣнъ на полѣ битвы, обращаются также, какъ и съ прочими членами семейства. Своею нравственностью не только дорейцы, но и всѣ вообще папуасы могутъ похвастаться передъ кѣмъ угодно; супружеская невѣрность почти немыслима; измѣнившую вмѣстѣ съ соблазнителемъ можно убить.

Въ прежнія времена, до брака, юноши жили въ особомъ зданіи на Мансіамѣ, называемомъ *gumsvam*. Это родъ обширнаго храма, въ которомъ помѣщалось множество идоловъ и разныхъ фигуръ, между которыми часто попадались далеко не нравственнаго содержанія. Теперь этого зданія болѣе не существуетъ, но по берегамъ Гумбольдтовой бухты и въ Астролябіи попадаются еще подобныя зданія. Родители часто сговариваютъ своихъ дѣтей еще въ дѣтскомъ возрастѣ, причемъ условливаются о цѣнѣ невѣсты; часть этой цѣны родители жениха тутъ же обязаны уплатить. Для этой цѣли употребляется желѣзо, ножи, топоры, бумажная матерія и т. п. Остальная часть условленной обоюдно платы производится женихомъ или его родителями постепенно, и въ день свадьбы должна быть уплачена сполна. Такъ какъ плата за жену для нихъ сравнительно не малая, то жениху иногда приходится ждать очень долго. Отецъ невѣсты съ своей стороны обязывается держать дѣвушку строго, не позволяетъ сходиться ей

съ мужчинами, отвѣчаетъ за ея цѣломудріе и въ назначенный по условію день свадьбы долженъ доставить дѣвственную невесту. Въ случаѣ невыполненія условій отецъ невесты обязанъ возратить всѣ взятые заранѣе вещи и, кромѣ того, заплатить штрафъ, размѣръ котораго опредѣляется старшинами семействъ. Подобные случаи весьма рѣдки и считаются большимъ позоромъ.

Въ замужество вступаютъ обыкновенно около 15—18 лѣтъ. Прежде дорейцы брали одну жену, но въ послѣднее время, когда торговые сношенія съ магометанами-малайцами усилились, стали появляться, несмотря на просьбы и увѣщанія миссіонеровъ, примѣры многоженства. Они охотно покупаютъ себѣ по нѣскольку женъ въ другихъ мѣстахъ, если только позволяютъ средства. Полигамія въ особенности развита по западному берегу, какъ ближайшему къ магометанскому центру. Здѣсь многіе уже приняли исламъ отъ купцовъ, приѣзжающихъ съ Серама, Амбоины и другихъ мѣстъ. Принятіе это выражается только внѣшними формами магометанства, въ томъ числѣ и многоженствомъ; самыя же догматы не исполняются, да врядъ ли и понимаются, какъ слѣдуетъ. Въ Новой-Гвинее исламъ имѣетъ больше шансовъ привиться, чѣмъ христіанство, потому что изнѣженному климатомъ народу навѣрно болѣе понравится взять подлюжины женъ и блаженствовать между ними, чѣмъ выполнять рекомендуемыя правила христіанства: трудъ, любовь къ ближнему и пр.

При свадьбѣ существуютъ различные обряды, съ выполнениемъ которыхъ союзъ дѣлается дѣйствительнымъ. Такъ, разуверенная по всѣмъ правиламъ искусства невеста, съ приданнымъ, въ сопровожденіи другихъ женщинъ, отправляется къ хижинѣ жениха, гдѣ всѣ онѣ очень настойчиво требуютъ остатокъ платы за невесту и потомъ передаютъ приданое. Послѣ этого невеста возвращается въ хижину своихъ родителей и ожидаетъ прибытія своего нареченнаго. Когда онъ явится, то его сначала нѣкоторое время не пускаютъ въ домъ, и только послѣ многократныхъ и усиленныхъ просьбъ сдаются; тогда онъ входитъ и садится рядомъ съ невестой передъ домашнимъ идоломъ (Kogwar); подошедшій старшина соединяетъ руки молодыхъ, объясняетъ имъ взаимныя обязанности и даетъ свой мудрый совѣтъ въ предстоящей имъ жизни. Затѣмъ, покушавъ вмѣстѣ саговой кашки и пожевавъ бетель, церемонію оканчиваютъ. Далѣе слѣдуетъ пиршество для родныхъ и знакомыхъ, продолжающееся до разсвѣта. Во все продолженіе этого пира молодые обязаны присутствовать на немъ.

Во время родовъ сосѣди обязаны оказать помощь роженицѣ.

Помощь заключается въ довольно сильныхъ, можно сказать, героическихъ средствахъ, такъ, напримѣръ, смачиваніе головы холодной водой и сажаніе матери послѣ родовъ передъ сильнымъ огнемъ. Они считаютъ все это средствами, облегчающими страданія больной. Новорожденныхъ дѣтей, подобно гавайцамъ, никогда не убиваютъ.

Послѣ смерти одного изъ членовъ семьи, собравшіеся родственники и сосѣди обмываютъ его, завертываютъ въ кусокъ матеріи или цыновку и хоронятъ, кладя съ нимъ (если мужчина) оружіе, утварь и украшенія, чтобы и на томъ свѣтѣ онъ могъ, какъ подобаешь всякому, добыть себѣ пищу. За покойникомъ несутъ всегда домашняго бога (Kogwa), котораго предъ опусканіемъ тѣла въ могилу упрекаютъ въ томъ, что онъ позволилъ умереть полезному члену семьи. Надъ могилой дѣлаютъ крышу и кругомъ ея ограду, внутри которой ставятъ горшокъ и идола. Погребеніе всегда заканчивается поминками, на которыхъ весьма употребительно саговое вино. Родственники еще нѣкоторое время навѣщаютъ могилу и оплакиваютъ потерю свою. При погребеніи старшаго въ семьѣ мужчины или старшаго сына, церемонія бываетъ гораздо продолжительнѣе, чѣмъ при погребеніи младшаго члена семьи или женщины. Дорейцы вѣрятъ, что послѣ смерти душа продолжаетъ жизнь въ крови и витаетъ вблизи своего дома, имѣя притомъ большое вліяніе на судьбу земныхъ дѣлъ родныхъ покойнаго. Вотъ почему главнымъ образомъ и снабжаютъ его при погребеніи необходимыми инструментами для добыванія пищи.

Богъ Корваръ есть духъ умершаго. Во всѣхъ важныхъ жизненныхъ вопросахъ дорейцы обращаются къ нему съ просьбой и за совѣтомъ, принимая всякое незначительное движеніе или случайное явленіе, часто только кажущееся вслѣдствіе сильнаго возбужденія нервовъ, за знакъ, даваемый богомъ и указывающій на благоприятный или неблагоприятный исходъ предпринимаемаго дѣла. Безъ благоприятнаго знака дореецъ не рѣшится предпринять постройку дома, пироги, пуститься въ путешествіе или заключить условія брака. Вѣруютъ они также въ различныя предзнаменованія и примѣты, гадаютъ по полету птицъ, разрѣзу потанга и т. п. Кромѣ домашнихъ боговъ, существуютъ добрый и злой духъ: первый называется Navoge и имѣетъ свою резиденцію на большихъ деревьяхъ туманныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, гдѣ ему иногда дѣлаютъ жертвоприношенія. Второй, называемый Manuvel, боящійся свѣта, почему гуляетъ преимущественно по ночамъ; вслѣдствіе этого дорейцы выходятъ ночью на берегъ

только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ и всегда съ огнемъ, чтобы быть гарантированнымъ отъ злого духа. По той же самой причинѣ въ очагѣ хижины всю ночь поддерживается огонь. Когда «Изумрудъ» входилъ вечеромъ въ бухту, то жители испугались свѣта отличительныхъ фонарей (зеленый и красный) и шума машины, и побѣжали съ факелами къ миссіонерамъ за разъясненіями о прибывшемъ чудовищѣ. Тѣ объяснили имъ въ чемъ дѣло и успокоили суевѣрныхъ дикарей.

О происхожденіи папуасовъ существуетъ слѣдующее преданіе: пришли они съ восточнаго острова въ Гильвинскую бухту. На какомъ-то островѣ Біакъ жилъ нѣкто Мангунди; для выдѣлки саговаго вина онъ удалился въ Мціокованди, гдѣ, при помощи утренней зари—Замфари, добылъ чудотворный жезлъ Марисбонъ; этотъ жезлъ онъ бросилъ въ хорошенькую дѣвушку, которая отъ его удара родила сына Конори, чрезвычайно умнаго и свѣдущаго. Онъ открылъ тайну рожденія дѣтей своей матери, переселился вмѣстѣ съ ней на островъ Мафоръ, гдѣ они сдѣлались родоначальниками папуасовъ.

Дорейцы не имѣютъ начальниковъ, выбранныхъ изъ своей среды и по своему усмотрѣнію; это право предоставляется тидорскому султану, который назначаетъ старшинъ въ каждую деревню и требуетъ отъ нихъ выполненія своихъ приказаній. Но на власть тидорскаго султана и его намѣстниковъ весьма мало обращаютъ вниманія. Власть надъ членами семейства сосредоточена въ рукахъ старшаго изъ нихъ. Всѣ споры и недоразумѣнія всегда разрѣшаются старшими въ родѣ или людьми наиболѣе опытными. Въ настоящее время многіе въ подобныхъ случаяхъ обращаются къ миссіонерамъ, убѣдившись долголѣтнимъ опытомъ въ ихъ умѣ, добротѣ и безпристрастіи. На войнѣ начальствуютъ лица, ранѣ отличившіяся въ боевой жизни и затѣмъ, по окончаніи войны, ихъ власть прекращается. Итакъ, мы видимъ, что дорейцы пользовались всегда независимостью и свободой въ своихъ дѣйствіяхъ. Этому отчасти можно приписать столь прекрасно сложившуюся общественную жизнь и взаимныя отношенія. Они избѣжали всякаго господства и рабства, которое столь развито у ихъ сосѣдей малайцевъ, гдѣ райя и султаны пользуются неограниченною властью казнить или миловать, по своему личному усмотрѣнію.

Что касается до ихъ отношеній къ жителямъ прилежащихъ къ Новой-Гвинее острововъ и живущихъ по берегу большой Гильвинской бухты, а также къ ароракамъ, то они вовсе не благоприятны и не пріязненны. Жители острова Жоби и Гильвинской

бухты, не признающіе никакой власти, не имѣющіе ни страха, ни совѣсти, свирѣпые и коварные, часто, пользуясь отсутствіемъ части дорейцевъ, отправившихся по торговымъ дѣламъ, нападали безъ всякой видимой причины на ихъ беззащитные дома, на оставшихся женъ и дѣтей. Они уводили ихъ въ плѣнъ со всѣмъ имуществомъ и принуждали къ самымъ тяжкимъ работамъ. Возвратившіеся дорейцы, видя, что все разграблено и истреблено неизвѣстно кѣмъ, набрасывались на неповинныхъ арораковъ и производили такія же жестокости. Эти папуасы называются арораками по горамъ, въ которыхъ они живутъ. Путешественники называютъ ихъ иногда алорурами, но подобное названіе въ Дорей неизвѣстно. Ихъ деревни находятся въ горахъ на высотѣ 1000 и болѣе футовъ по барометру, и отстоятъ отъ Дорея на 4—6 миль. Счастливый случай далъ мнѣ возможность видѣть нѣсколькихъ человѣкъ изъ этой породы папуасовъ, пришедшихъ въ Дорей для продажи саго. Они нѣсколько выше ростомъ, чѣмъ дорейцы, худощавы, цвѣтъ кожи темнѣе, волосы короткіе некрашенные и безъ всякой искусственной причеки. Черты лица тѣ же, но выраженіе менѣе осмысленное; бѣлокъ глазъ какъ-то особенно поражаетъ своею бѣлизною. Держатся они очень смиренно и почти не вступаютъ въ разговоръ. Тѣ, которые были одѣты въ повязку и разукрашены браслетами на рукахъ, имѣли при себѣ копья и клеванги. Въ послѣднее время арораки стали часто посѣщать дорейцевъ, которые считаютъ арораковъ своими подчиненными. Арораки приносятъ имъ готовое саго и разныя огородныя овощи, разводимыя у нихъ съ большимъ успѣхомъ и искусствомъ, и промѣниваютъ на желѣзо, бумажную матерію, топоры и ножи.

Кажется, что при подобныхъ условіяхъ дорейцы должны бы ихъ считать своими благодѣтелями, кормильцами, но' этого нѣтъ. Въ послѣднее время они хотя и не трогаютъ арораковъ, но считаютъ ихъ какъ-бы своими данниками, обязанными доставлять имъ пищу, табакъ и довольствоваться за все это тѣмъ, что имъ дадутъ. Миссіонеры, живя здѣсь уже нѣсколько лѣтъ, не рѣшились ни разу побывать у нихъ, за отсутствіемъ хорошихъ удобопроходимыхъ тропинокъ. Но изъ участвовавшихъ въ экспедиціи «Этна» нашлись смѣльчаки и побывали въ ихъ деревняхъ. Дома ихъ отличаются своею высотой, и будучи построены на колыяхъ, представляютъ не мало затрудненій человѣку, непривыкшему лазить. Хотя арораки отличаются тихимъ нравомъ, но въ то же время питаютъ большую любовь къ свободѣ.

Еще въ XVI столѣтіи тидорскіе султаны постепенно завоевали себѣ сѣверный берегъ Новой-Гвиней отъ мыса Буру до Аримоа, включая сюда Дорей и прилежащіе къ нему большіе и малые острова (Waigiu, Salawati, Jobi и др.), и подчинили эти части своему неограниченному владычеству. Въ это столѣтіе султаны или короли Молуккскихъ острововъ, благодаря огромнымъ барышамъ, получаемымъ отъ торговли пряностями и другими драгоценными продуктами тропическихъ странъ, нажили большія богатства. Они легко привлекали къ себѣ смѣлыхъ и опытныхъ людей изъ другихъ государствъ, особенно изъ Китая, цивилизація котораго была тогда наиболѣе высокой на отдаленномъ востоѣ. При помощи этихъ авантюристовъ и нѣкоторыхъ наиболѣе опытныхъ изъ своихъ малайцевъ султаны снаряжали цѣлые флоты прау, извѣстные подъ именемъ Hengie (Razzios), и отправляли ихъ для покоренія новыхъ народовъ. Гдѣ только появлялись эти громадныя флотиліи, вездѣ онѣ наводили страхъ и ужасъ на дикарей, не видавшихъ дотолѣ ничего подобнаго. Да и было отчего. Они грабили и предавали огню имущества невинныхъ туземцевъ, увозили лучшихъ въ плѣнъ, а оставшихся принуждали платить вѣчную дань султану и признавать его верховную власть. Такимъ образомъ, Новая-Гвинея подпала подъ власть тидорскаго султана, удаленнаго отъ нея на 750 итальянскихъ миль. Послѣ покоренія папуасы стали совершать плаванія въ Тидоръ съ данью. Малѣйшее подозрѣніе въ неисправномъ платежѣ денегъ, малѣйшая неаккуратность со стороны побѣжденных — и султаны посылали свои ужасныя экспедиціи. Затѣмъ, конечно, водворялся должный порядокъ, и дорейцы долго помнили о великой власти тидорскаго султана. Около тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія голландское правительство забрало султана въ свои руки, и власть его на сѣверномъ берегу Новой-Гвиней сдѣлалась только номинальною. Туземцы признаютъ ее вѣроятно только по привычкѣ. Съ переходомъ власти въ другія руки подобныя экспедиціи, конечно, прекратились. Въ прежнее время власть султановъ была безгранична, и они могли совершать надъ своими подданными всякія жестокости, напримѣръ, бросать, для своего развлеченія, въ костры и т. п. Теперь хотя тамъ и не бываетъ ничего подобнаго, да и быть не можетъ, папуасы все-таки посылаютъ выборныхъ отъ времени до времени, для засвидѣтельствованія султану своихъ вѣрноподданическихъ чувствъ, и посылаютъ ему въ подарокъ нѣсколько чучелъ райскихъ птицъ. Все это дѣлается по преданію и по привычкѣ.

Но кромѣ того, въ Тидорѣ ихъ влечетъ любопытство, желаніе отправиться въ дальнее плаваніе, увидѣть новый край, позаимствоваться отсюда кое-чѣмъ, и, насладившись созерцаніемъ новой обстановки, рассказывать дома о видѣнныхъ чудесахъ и тѣмъ возбуждать молодое поколѣніе совершать такіе же подвиги. Для нихъ побывать въ Тидорѣ все равно, что провинціалу побывать въ столицѣ.

Всѣ необходимые предметы, какъ-то: топоры, ножи, желѣзо, матеріи, бусы и въ ограниченномъ количествѣ серебро дорейцы приобрѣтаютъ себѣ мѣнковой торговлей отъ европейцевъ, а отчасти чрезъ малайскихъ и арабскихъ купцовъ. Въ обмѣнъ на это дорейцы даютъ: чучель райскихъ птицъ, черепахъ (caget), кору дерева мазаи, трепангъ, раковины, жемчугъ, ковосы и отчасти оружіе. Производится эта торговля амбоинскими, сарамакскими и бугинскими торговцами (малайцы, арабы, бугисы), отправляющимися на туземныхъ прау въ декабрѣ, январѣ и февралѣ съ попутнымъ сѣверо-западнымъ муссономъ къ Новой-Гвинее и прилежащимъ островамъ; здѣсь они остаются сколько бываетъ необходимо для успѣшной торговли, въ большинствѣ случаевъ до іюля, августа и сентября, и тогда уходятъ обратно съ юго-восточнымъ муссономъ, который въ эти мѣсяцы вступаетъ здѣсь въ свои права. Подобной же торговлей занимаются европейцы на небольшихъ шхунахъ.

Мы были въ Дорей во время дождливаго сезона, т.-е. когда купцы окончили свою мѣнковую торговлю и ушли, взявъ съ собою всѣ собранные запасы произведеній Новой-Гвинее; если же кое-что и оставлено было ими, то папуасы увезли въ Тернате и въ другія мѣста, такъ что мы ничего не видѣли изъ вышепоименованныхъ предметовъ торговли, за исключеніемъ нѣкоторыхъ менѣе удачныхъ экземпляровъ райскихъ птицъ, да и то только однихъ желтыхъ и притомъ по такой цѣнѣ, какая существуетъ въ Тернате, т.-е. 5—6 флориновъ. Эти райскія птицы не совсѣмъ желты, хотя и называются желтыми, — крылья у нихъ темно-коричневые, длинный желтый хвостъ съ золотымъ отливомъ и темно-золотисто-зеленая шея. Это самая красивая порода; — красныя попадаются рѣдко. Дорей не есть настоящее мѣсто райской птицы. Здѣсь она встрѣчается въ весьма ограниченномъ количествѣ и то только желтая. Водится же она преимущественно внутри острова и доставляется къ берегу въ видѣ чучель, весьма плохо сдѣланныхъ, часто безъ ногъ. Большую часть ихъ дорейцы добываютъ у жителей Соловати, Батанта и на материкѣ въ Амбербаки, гдѣ онѣ водятся въ большомъ количествѣ. Жители этихъ мѣстъ специально

занимаются охотою за ними. При несовершенствѣ оружія и пугливости птицъ охота на нихъ сопряжена съ большими трудностями. Къ нимъ надо подбираться съ большою осторожностью, и иногда охотнику приходится сидѣть по нѣскольку дней у дерева, любимого птицами, чтобы выждать появленіе одной птицы и убить ее. Стрѣляютъ обыкновенно тупыми стрѣлами, чтобы не повредить перьевъ. Во время пребыванія нашего клипера въ Дорейской бухтѣ, многіе изъ папуасовъ были на такой охотѣ за райскими птицами, т.-е. подсиживали ихъ въ любимыхъ ими мѣстахъ.

Болѣе успѣшно вымѣнивали мы оружіе, барабаны, украшенія и пр. за бутылки, преимущественно бѣлыя, изъ-подъ сельтерской воды, военныя пуговицы, ножи и бритвы. Въ ножахъ и бритвахъ они знали толкъ и могли отличить желѣзо отъ стали. Привозили къ намъ также красныхъ попугаевъ и бѣлыхъ съ желтымъ хохломъ какаду, и уступали ихъ очень дешево.

Обратимся теперь къ цивилизаторамъ Дорей, переселившимся туда изъ Европы; я говорю о миссіонерахъ. Первая мысль о миссіи въ Новую-Гвинею явилась у берлинскаго пастора Гостнера. Первые миссіонеры Гейзлеръ и Оттонъ прибыли сюда въ 1855 году, и въ сравнительно короткій промежутокъ времени, при самыхъ тяжелыхъ трудахъ и лишеніяхъ, успѣли внушить туземцамъ любовь, уваженіе и довѣріе къ себѣ. Надо удивляться той настойчивости, съ которою эти сравнительно мало образованные люди (миссіонеры болѣею частью—ремесленники) достигли своей великой цѣли—принести по возможности существенную пользу туземцамъ. Послѣ тяжелаго морского переѣзда изъ Тернате, они поселились въ сараѣ на островѣ Мансіамѣ. Снабженные фирманомъ тидорскаго султана и проводникомъ для переговоровъ съ начальниками, они были въ безопасности отъ суроваго нрава туземцевъ, но нисколько не были гарантированы отъ лихорадки, которая ихъ встрѣтила при первомъ вступленіи на землю. Вскорѣ лихорадка обратила ихъ въ подобіе скелетовъ и не откуда было ждать помощи. Дивари смотрѣли на нихъ безучастно и относились къ пришельцамъ недружелюбно. Въ это тяжелое для нихъ время, они собственными руками, при помощи слуги, десятилѣтняго мальчика, привели въ должный видъ свой сарай и собственными руками построили шлюпку. Главное обстоятельство, ихъ затруднявшее, кромѣ лихорадки, было еще незнаніе языка и трудность его изученія. А трудно его изучить было потому, что они, спрашивая и записывая названія различныхъ предметовъ, получали различные отвѣты, происходящіе отъ

выговора, удареній или же просто недоразумѣній. Когда миссіонеры, указывая на какое-нибудь дерево, спрашивали, какъ оно называется, то получали нѣсколько совершенно различныхъ отвѣтовъ, — просто потому, что одинъ дореецъ говорилъ родовое названіе дерева, другой—видовое, третій называлъ кору и т. п. Вслѣдствіе этого миссіонерамъ было трудно ориентироваться, приходилось записывать названіе одного и того же предмета по нѣсколькимъ разъ и затѣмъ уже по догадкамъ узнавать, какое изъ названій настоящее. Въ то же время они старались сблизиться съ туземцами, заслужить ихъ довѣріе и любовь. Уже въ 1857 году они достигли этого настолько, что своимъ эзструпничествомъ спасли отъ вѣрной смерти людей, взятыхъ туземцами въ плѣнъ съ разбившагося у береговъ Новой-Гвиней судна.

Въ 1857 году прибылъ изъ Тернате еще одинъ миссіонеръ и привезъ съ собою 5 человекъ мастеровыхъ, съ помощью которыхъ Гейзлеръ и Оттонъ построили порядочный домъ, школу и церковь на островѣ Мансіамъ.

Около этого времени прибылъ извѣстный миссіонеръ Іозерихъ; онъ пробылъ здѣсь 1864 годъ и уѣхалъ по болѣзни. Въ 1860 году миссіонеры, при помощи составленнаго ими лексикона въ 1500 словъ, перевели на туземный языкъ *Gesangbuch*, употребляя латинскія буквы. Вскорѣ они открыли при церкви школу, которую охотно посѣщали дѣти и юноши, нисколько не встрѣчая препятствій со стороны родителей. Родители сами посѣщали какъ школу, такъ и церковь, гдѣ слушали проповѣди по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Содержаніе проповѣдей миссіонеровъ не заходитъ слишкомъ далеко, но благоразумно примѣняется къ понятіямъ дикарей. За всѣ эти труды и особенно за составленіе словаря, оказавшаго громадныя услуги экспедиціи «Этна», голландское правительство, въдобавокъ къ получаемому содержанію отъ Утрехтскаго миссіонерскаго общества, назначило имъ отъ себя отдѣльное денежное пособіе.

Когда миссіонеры достаточно ознакомились съ языкомъ и нравами туземцевъ, они нашли возможнымъ расширить кругъ своей дѣятельности, раздѣлившись для этой цѣли такъ: Гейзлеръ остался въ главной миссіонерской станціи на Мансіамъ, а Оттонъ переселился на берегъ Новой-Гвиней, гдѣ также устроилъ школу на тѣхъ же началахъ, какъ и въ Мансіамъ. Но въ 1862 году лихорадка, въ числѣ другихъ жертвъ, похитила и этого энергичнаго и молодого дѣятеля (ему было 35 лѣтъ). Послѣ этого Гейзлеръ оставался совершенно одинъ до 1863 года. Въ это время къ нему на помощь прибыли три голландскихъ миссіонера: Гассельтъ,

Класенъ и Отерспоръ (Hasselt, Klasen и Otterspoor). Съ этого времени дѣятельность миссіонеровъ расширилась; число станцій увеличилось. Въ 1866 году прибыли нѣмецкіе миссіонеры и устроили отдѣльную станцію. Самый составъ миссіонерскихъ общинъ здѣсь мѣнялся очень часто; такъ, Гейзлеръ, сдѣлавшій столь много для своей общины и туземцевъ, въ 1869 году отправился въ Европу хлопотать о нѣкоторыхъ преимуществахъ для себя и своихъ товарищей, и тамъ умеръ. Многіе покинули Дорей по болѣзни; другіе умерли, а остающіеся тамъ надолго должны были отъ времени до времени покидать его и ѣхать въ болѣе благоприятный климатъ, въ Тернате или Амбоину, чтобы возстановить тамъ свои утраченныя силы.

За все время пребыванія здѣсь, миссіонеры основали шесть станцій. Главная изъ нихъ на островѣ Мансіамъ съ прекраснымъ домомъ, церковью и при ней школою. Въ ней живетъ старшій миссіонеръ Гассельтъ. Двѣ станціи въ Дорей, гдѣ мы стояли; здѣсь находится нѣмецкій миссіонеръ Бауеръ; при ней порядочный домъ и школа. Третья станція—въ Андаи, внутри бухты, въ разстояніи 2—3 часовъ ѣзды отъ Мансіама. Четвертая въ Мунувави. Пятая въ Гильвинской бухтѣ, на берегу материка, противъ небольшого острова Рунъ, и шестая на островѣ Меосваръ. Всѣ миссіонеры со своими женами живутъ въ предназначенныхъ для нихъ станціяхъ. Они — члены Утрехтскаго миссіонерскаго общества; отъ него они получаютъ по 720 флориновъ въ годъ жалованья. При отправленіи они условливаются съ обществомъ, которое отправляетъ ихъ не менѣе, какъ на десять лѣтъ; путевыя издержки, конечно, выплачиваются обществомъ. Если кто-либо изъ нихъ пожелаетъ вернуться домой раньше срока, хотя бы по болѣзни, то онъ можетъ ѣхать, но не иначе, какъ на свой счетъ. Постройка домовъ, церквей, школъ, высылка учебныхъ и другихъ жизненныхъ пособій производится также на счетъ общества. Последнія иногда получаютъ черезъ агентовъ въ Батавіи, Амбоинѣ, Сирабаѣ (Syraabaya). Самыя необходимыя вещи высылаются изъ Тернате два раза въ годъ при первой возможности. Такъ, напримеръ, мы доставили имъ на клинерѣ множество нужныхъ предметовъ отъ агентства общества въ Тернате. Конечно, черезъ тѣхъ же агентовъ, миссіонеры могутъ выписывать необходимыя предметы лично для себя на свой счетъ.

•Чтобы быть миссіонеромъ, необходимо надо слушать лекціи въ Утрехтской духовной коллегіи и получить дипломъ. Хотя они изучали богословіе въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, однако священниками на голландскихъ пароходахъ быть не могутъ, а

на своемъ постѣ, въ Новой-Гвинее могутъ проповѣдывать, крестить и вообще исполнять всѣ требы священническаго сана. Изъ шести дорейскихъ миссіонеровъ, два вовсе не были въ коллегіи; они простые ремесленники—кузнецъ и плотникъ; носятъ санъ помощниковъ миссіонеровъ и получаютъ меньше жалованья. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ существуютъ правительственные миссіонеры, получающіе по 1200 флориновъ жалованья, но ихъ назначаютъ только туда, гдѣ уже крещены туземцы. Гассельтъ послѣднее обстоятельство объясняетъ тѣмъ, что правительство не желаетъ подвергаться укорамъ отъ другихъ лицъ въ навязываніи своей религіи и въ томъ, что будто оно стремится пріобрѣсти вліяніе на туземцевъ. Гассельтъ, не будучи правительственнымъ миссіонеромъ, получаетъ отъ него за свои десятилѣтніе тяжкіе труды 1200 флориновъ въ годъ. Ему скоро оканчивается срокъ, но тѣмъ не менѣе онъ такъ сроднился съ Дореемъ, что желаетъ еще остаться. Это весьма образованный, преданный своему дѣлу человекъ; онъ много сдѣлалъ для своихъ станцій. Кромѣ того, зная порядочно естественныя науки и этнографію и постоянно пополняя свои знанія отъ пріѣзжающихъ натуралистовъ, онъ составляетъ богатое изданіе о Дорей и дорейцахъ, которое, можно надѣяться, будетъ имѣть большой успѣхъ въ средѣ ученыхъ.

При его содѣйствіи дополненъ и исправленъ первоначальный словарь, составленный Гейзлеромъ, а также переведена часть Новаго Завѣта, краткій катехизисъ и псалтырь съ нотами для пѣнія. Кромѣ всего этого, при его же содѣйствіи составлена хорошая азбука съ легкими рассказами для чтенія. Всѣ вновь написанныя на дорейскомъ языкѣ книги печатаются въ Утрехтѣ латинскими буквами, и присылаются въ Дорей въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

Дорейское нарѣчіе папуасскаго языка нельзя назвать бѣднымъ, конечно, сравнительно съ нарѣчіями другихъ австралійскихъ племенъ. Оно имѣетъ до 2000 самостоятельныхъ словъ, исключая вошедшихъ въ употребленіе малайскихъ. При переводѣ часто недоставало дорейскихъ словъ, чтобы выразить какое-нибудь понятіе, совершенно новое для дорейцевъ; тогда переводчики или употребляли малайскія слова, или выражались иносказательно на дорейскомъ нарѣчіи.

Это нарѣчіе въ ходу не далѣе какъ на 100 миль въ окрестности.

Миссіонерскій домъ на Мансіамѣ довольно обширенъ, построенъ въ европейскомъ вкусѣ, съ окнами, ставнями и выгравированъ. Снаружи онъ смотритъ очень уютно. Онъ снабженъ всѣми

удобствами и пристройками европейских домовъ въ жаркомъ климатѣ. Намъ это сначала очень удивило, такъ какъ мы не предполагали встрѣтить въ Новой-Гвинее домъ, въ которомъ соединялись бы всѣ удобства европейской жизни. Около дома разведенъ садъ, а въ саду разгуливали наши домашнія животныя. Внутренность дома соответствовала наружности: чистая, бѣлая стѣны, украшенныя гравюрами и фотографическими картинами, прекрасная удобная мебель въ достаточномъ количествѣ, занавѣски, красивыя лампы, даже этажерки съ книгами, альбомами и разными бездѣлушками, дѣлали квартиру вполне комфортабельной. Понятно, что все это стоило большихъ хлопотъ и отняло не мало времени. Когда же среди такой обстановки любезная хозяйка угостила насъ отличнѣйшимъ кофе со сливками, то мы совершенно забыли, что находимся въ первобытной землѣ праотца своего Адама, а представляли себя—дома.

Большой поддержкой въ жизненныхъ тревоженіяхъ служатъ миссіонерамъ жены; въ минуту жизни трудной есть, по крайней мѣрѣ, съ кѣмъ поговорить и посоветоваться.

Вокругъ дома лѣсъ вырубленъ и, кромѣ сада и цвѣтниковъ, устроенъ хорошій огородъ, который круглый годъ обеспечиваетъ имъ необходимые продукты. Отъ вырубленныхъ и очищенныхъ лѣсовъ мѣстность вокругъ него представляется открытой. Прислуга у нихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ туземныхъ женщинъ. Церковь—большое, хорошо выстроенное зданіе изъ бамбука, крытое пальмовыми листьями. Внутри ея полукругомъ выведена изъ камня каеэдра; она же замѣняетъ алтарь. Остальная часть зданія устлана низенькими скамейками въ два ряда, для прихожанъ обоюго пола. Въ церкви можетъ помѣститься до 250 человекъ. Гассельтъ рассказывалъ, что только иногда въ воскресные и праздничные дни тамъ собирается до 100 слушателей.

Хотя миссіонеры трудятся здѣсь около 20-ти лѣтъ, но пока еще ни одинъ изъ туземцевъ не крещенъ. Миссіонеры полагаютъ, что это совершенно бесполезно, при такомъ невысокомъ уровнѣ развитія папуасовъ; они хотя и выполняютъ всѣ внѣшніе обряды, но не могутъ понять ни сущности религіи, ни ея значенія и требованій. Пока туземцы не будутъ готовы къ этому, миссіонеры не будутъ насиловать ихъ къ неосмысленному выполненію внѣшнихъ обрядовъ. Приготовленіе къ этому заключается въ привитіи къ нимъ идей, развивающихъ человека нравственно и религіозно, въ искорененіи нечѣстныхъ обычаевъ и предрасудковъ, обученіи ремесламъ и сообщеніи свѣдѣній, могущихъ развить дорейцевъ умственно и сдѣлать ихъ образъ жизни болѣе разумнымъ.

Нельзя не удивляться труду и усердію, нельзя не уважать такихъ людей, какъ здѣшніе миссіонеры. Люди съ небольшими средствами подвергаютъ себя болѣзнямъ этого пояса земли, удаляются отъ всего свѣта и такъ ревностно трудятся для блага человѣчества, нисколько не крича о себѣ и не прославляя себя цифрами крещеныхъ, какъ это дѣлаютъ другіе миссіонеры, проповѣдующіе нравственность народу и не выполняющіе ее сами, и тѣмъ подающіе пастырь примѣръ распущенности. Они не перебиваютъ другъ у друга прихожанъ, какъ это дѣлаютъ другіе миссіонеры, у которыхъ обращенные перебѣгаютъ отъ одного къ другому, часто мѣняя даже исповѣданіе. Толпа, ничего не понимая въ этихъ интригахъ, дѣлаетъ самое благоразумное, никому не вѣря, и перебѣгаетъ туда, гдѣ можно видѣть что-нибудь интересное, эффектное, можно получить крестикъ, рубаху или книгу. Въ этомъ отношеніи примѣромъ намъ можетъ служить островъ Ротума, гдѣ миссіонеры разныхъ исповѣданій ведутъ ожесточенныя народныя войны, собственно не изъ-за религіозныхъ принциповъ, но изъ зависти къ матеріальному перевѣсу одной изъ сторонъ. Надъ островомъ Ротумой висѣла подобная гроза во время посѣщенія его «Витяземъ», и только благодаря вмѣшательству командира нашего корвета разрѣшилась благополучно для обѣихъ недовольныхъ сторонъ. Школа находится возлѣ церкви; подъ ея навѣсомъ, здѣсь поставлены столы, скамейки, черная доска и сундукъ. Уроки посѣщаютъ до 20-ти человѣкъ обоюго пола, занимаясь преимущественно чтеніемъ. Читаютъ и пишутъ 7—8-лѣтніе дѣти. Къ ученію не очень склонны и занимаются вообще не охотно, конечно, по незнанію цѣли его и результатовъ. Лучше всѣхъ занимается одна дѣвочка, и прекрасно передаетъ все слышанное и прочитанное. Прежде родители препятствовали дѣтямъ посѣщать школу и брали съ миссіонеровъ плату за обученіе, воображая, что дѣти ихъ хожденіемъ въ школу приносятъ миссіонерамъ большія выгоды. Самого процесса обученія мы не могли видѣть, такъ какъ всѣ дѣти были заняты нагрузкой угля на клиперъ.

Недолго до прихода нашего клипера въ Дорей, тамъ были два итальянскіе натуралиста: Альберти и Бекари, о которыхъ я упоминалъ выше. Они хотѣли изслѣдовать внутренность страны, но жестокая лихорадка принудила ихъ удалиться на Амбоину; но и туда они не высадились, наслушавшись рассказовъ о свирѣпости туземцевъ. Сначала они имѣли намѣреніе посѣтить южный берегъ Новой-Гвиней (Torres Street), но сильныя противныя вѣтры заставили ихъ вернуться на Салавати и Серамъ. Съ по-

мощью властей этого острова имъ удалось, при большихъ неудобствахъ плаванія на туземныхъ прау, перебраться въ Дорей. Островъ Мансіамъ, удобный для житія, не представлялъ обширнаго поприща дѣятельности для изученія флоры и фауны; они поселились въ Андау у Ароравскихъ горъ. Не долго они тамъ пробыли: болѣзнь Альберти принудила ихъ въ началѣ ноября 1872 года покинуть Дорей и искать болѣе удобнаго мѣста для направленія истощенныхъ силъ.

Во время нашей 10-ти-дневной стоянки мы не могли жаловаться на скуку. Постоянно новыя впечатлѣнія, интересныя лица, посѣщеніе миссіонеровъ на Мансіамъ, прогулки по деревнямъ, наконецъ, охота, доставляли каждому развлеченіе по его вкусу и дѣлали пребываніе даже пріятнымъ. Мы преимущественно посѣщали матерой берегъ, гдѣ расположена деревня въ пять хижинъ. Здѣсь же находится домъ миссіонера и шеола. Это зданіе хотя уступаетъ величиной и отдѣлкою мансіамскому, но тѣмъ не менѣе довольно сносно для житія. Около него есть также садъ и огородъ. Тутъ же стоитъ полуразвалившійся столбъ съ нидерландскимъ гербомъ, и вокругъ его написано: «Нидерландская Индія»; это, кажется, единственный признакъ теперешней власти Голландіи въ Новой-Гвинее. У самаго берега находится угольный складъ, изъ котораго нагружали нашъ клиперъ. Такъ какъ не слѣдовало подвергать нашу команду подобной работѣ въ такое неблагоприятное время года (въ чемъ мы уже убѣдились на опытѣ), то наняты были туземцы. Работали преимущественно дѣти 11—15 лѣтъ; взрослые выбирали себѣ болѣе легкія работы, предоставляя тяжелыя маленькимъ. Работали лѣнливо, не торопясь, съ чувствомъ собственного достоинства, не допуская никакихъ понуканій. Каптанъ Эдришъ, желая чѣмъ-нибудь показать свое рвеніе, наблюдалъ за ними для порядка; но они его не слушались, несмотря на то, что онъ былъ снабженъ фирманою тидорскаго султана. Гораздо полезнѣе въ этомъ отношеніи оказался его слуга Пала, расторопный и веселый малый, не рѣдко забавлявшій клиперскую команду. Самъ работая усердно, онъ уговаривалъ работавшихъ быть прилежными, суля имъ за это желѣзныя горы. Для уплаты имъ было куплено у Гассельта большое количество ножей, матеріи и пр. Все это было отдано тремъ избраннымъ изъ среды работавшихъ. Они, по обыкновенію, сначала ломались, говоря, что мало, надѣясь получить больше, но скоро успокоились и принялись за дѣлежъ. Мы думали, что это не обойдется безъ интересныхъ эпизодовъ, даже дракъ, но, къ стыду нашему, все обошлось благополучно. Ребята получили

по ножу, старшіе по куску матеріи, большіе же куски желѣза были даны тѣмъ, которые, по общему голосу команды и туземцевъ, трудились больше всѣхъ. Эта счастливая добыча выпала на долю двухъ парней, которые, получивъ ее, съ радости бросились бѣжать домой, мечтая, вѣроятно, о своихъ красавицахъ, отъ которыхъ, можетъ быть, ихъ отдѣлялъ кусокъ желѣза.

Поразительное безпристрастіе и честность при раздѣлѣ заработанныхъ вещей поразили даже матросовъ.

Передъ нашимъ уходомъ возвратился изъ экспедиціи по рѣкѣ Амберно голландскій пароходъ «Дассунъ». Цѣль экспедиціи не увѣнчалась успѣхомъ; они прошли вверхъ по рѣкѣ миль на 20, но далѣе отливы, сильное теченіе, а главное—пороги, не позволили проникнуть внутрь страны. Потомъ они хотѣли пройти въ Гумбольдтовъ заливъ, но недостатокъ угля принудилъ вернуться назадъ въ Дорей. На «Дассунѣ» былъ правительственный комиссаръ и наслѣдный принцъ тидорскаго султана. Каптанъ Эдришъ не замедлилъ, конечно, засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, пригласилъ его на клиперъ, гдѣ ему было показано все до мельчайшихъ подробностей. Принцъ довольно пріятной наружности, одѣтъ во фракъ и чалму. При прощаніи онъ просилъ побывать у него въ Тидорѣ, что и было исполнено. Тамъ мы встрѣтили самый радушный пріемъ.

Распростившись съ Дореемъ 28-го ноября, мы снялись съ явора и пошли вдоль сѣвернаго берега Новой-Гвиней къ заливу Астролябии. Нашею единственною цѣлью было отыскать Милуху-Маклая, и если онъ окажется живымъ—оказать ему всевозможныя пособія для возвращенія; а на худой конецъ—собрать о немъ свѣдѣнія и отыскать его вещи и бумаги.

А. Р.

СПѢТАЯ ПѢСНЯ

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

БАРСКІЙ, СЕРГѢЙ ПАХОМОВИЧЪ, богатый землевладѣлецъ, добродушный, раз-
мѣтливый либеральный болтунъ 40-хъ годовъ. Говорить порывисто; при каждомъ
удобномъ и неудобномъ случаѣ со всѣми цѣлуется; за 50 лѣтъ.

САРМАТОВЪ, КНЯЗЬ АДРИАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, „одно изъ славныхъ русскихъ
лицъ“, у котораго наивность близко граничитъ съ цинизмомъ, и острое слово
замѣняетъ дѣло. Поверхностный зубоскалъ изъ самыхъ безопасныхъ; демократъ
и въ то же время лежебокъ и бѣлоручка; 35-ти лѣтъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА, его жена, дочь Барскаго, 26-ти лѣтъ.

ЛЮБОЧКА, ея незамужняя сестра, 20-ти лѣтъ.

АРКАДІЙ, сынъ Барскаго, неудавшійся кавалеристъ, въ отставкѣ.

БАЛКАШИНЪ, ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ общественный дѣятель; за 30 лѣтъ.

ИВАНИЦКІЙ, молодой юристъ, дѣлающій карьеру.

АГАФЬЯ МАРКОВНА БУЛАНОВА, степная помѣщица.

АБУЕВЫ—тетка и племянница, обѣ старыя дѣвы съ состояніемъ.

ӨЕДЯ ПЕТРОВЪ и ПЕТЯ ӨЕДОРОВЪ, темныя личности изъ купеческихъ сынковъ,
съ двусмысленной репутаціей шлетниковъ и нѣчто среднее между шулерами
и исполнителями шансонетокъ.

ПОЯРКОВЪ, ИВАНЪ ИЛЬИЧЪ, прогорѣвшій помѣщикъ, слышущій подъ названіемъ
„дикаго барина“. Нѣсколько глухъ и много пьетъ.

ГУСТАВЪ ӨОМИЧЪ, кумисный докторъ.

БОЛЬНОЙ.

МАРКЪ, старый слуга Барскаго, бодрый 70-ти-лѣтній старикъ.

ДУНЯША, горничная Любочки.

Кумисники и слуги.

Первые два акта—въ провинціи, остальные въ Петербургѣ. Между первымъ и вторымъ
дѣйствіями проходитъ мѣсяцъ, между вторымъ и третьимъ—полгода, и годъ между
третьимъ и четвертымъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Одна изъ внутреннихъ комнатъ въ квартирѣ Сарматовыхъ. Три двери — по бокамъ и прямо. ВѢРА и ИВАНИЦКІЙ сидятъ въ разныхъ углахъ; онъ — машинально перелистываетъ фотографическій альбомъ; она полулежитъ на кушеткѣ.

Молчаніе.

СЦЕНА I.

ИВАНИЦКІЙ и ВѢРА.

ВѢРА — быстро откидываясь въ сторону Иванецкаго.

А долго вы намѣрены молчать?

ИВАНИЦКІЙ.

А долго вы намѣрены сердиться?

Встаетъ.

Пора намъ всѣмъ за правило принять:
Лишь станетъ съ нами женщина скучать,
Тогда всего умнѣе — удалиться.

ВѢРА.

Я не препятствую. Вотъ дверь.

ИВАНИЦКІЙ — беретъ шляпу.

Я ухожу.

ВѢРА — привскакивая.

Не смѣйте уходить!

ИВАНИЦКІЙ.

Никакъ не угожу:

Вы существо капризнѣйшее въ мірѣ!
Но научите же — какъ быть мнѣ возлѣ васъ,
И въ то же время въ собственной квартирѣ?
Ни взадъ и ни впередъ.

ВѢРА.

Вотъ уже битый часъ
 Со мною будто бы играете вы въ жмурки.
 Нѣтъ, сударь, нѣтъ и нѣтъ!
 И какъ вы ни увертливы, ни юрки,
 Мнѣ дать должны одинъ прямой отвѣтъ:
 Вамъ Люба нравится?

ИВАНИЦКІЙ.

Она мила, конечно.

ВѢРА.

Вы любите ее? Отвѣйте напрямикъ.

ИВАНИЦКІЙ.

Да вамъ-то спрашивать о томъ безчеловѣчно!
 Нѣтъ, Вѣра, полноте. Вашъ гнѣвъ, ей-Богу, дивъ...
 Подумайте, когда вы замѣчали,
 Чтобъ съ вашею сестрой провелъ я лишній часъ?
 Не тотъ ли я, какимъ я былъ вначалѣ?
 О, женщины! кто образумитъ васъ!
 Когда у нихъ на сердцѣ нѣтъ печали,
 Онѣ ее придумаютъ сейчасъ.

ВѢРА.

Вы лжете, наконецъ! Нѣтъ болѣе терпѣнья...
 Мнѣ все—поймите—все передала сестра:
 Вы сдѣлали не дальше, какъ вчера
 Формальное почти ей предложенье.
 Вы отпереться смѣете?

ИВАНИЦКІЙ.

Ничуть!

О, какъ наивны, Вѣра, вы однако.
 Нѣтъ, чтобъ на вещи просто вамъ взглянуть
 И оцѣнить весь смыслъ такого брака.

Что возмущаетъ васъ? Какая въ томъ бѣда?
 Меня-жъ любили вы, не думая о мужѣ?

Такъ почему же
 И мнѣ нельзя жениться?

ВѢРА.

Никогда!

ИВАНИЦКІЙ.

Я вижу, что на васъ находятъ полосами
 Затмѣніе, но съ глазъ спадетъ туманъ,
 И помогать начнете вы мнѣ сами
 Безъ всякой щепетильности мѣщанъ.
 Послушайте! Отъ васъ я истины не скрою:
 Не скрою, что меня влечетъ
 Къ союзу съ вашею сестрою
 Единственный, практическій расчетъ.
 Я не богатъ, а двинуться впередъ
 Въ нашъ вѣкъ нельзя на крошечныя средства.

ВѢРА.

А у сестры въ виду хорошее наслѣдство?

ИВАНИЦКІЙ.

Минуточку терпѣнья. Дайте мнѣ
 Вамъ высказаться смѣло и вполне.
 Хочу разбогатѣть я для того-ли,
 Чтобъ броситься въ бездѣлье, въ мотовство?

Позвуча.

Меня къ себѣ влечетъ задача высшей доли:
 Общественнаго дѣятеля поле,
 Общественнаго блага торжество,
 То славное, гуманное призванье,
 Гдѣ человѣкъ не для себя живетъ,
 Но самъ въ себѣ таитъ народное сознанье,
 И чувствуетъ, что въ немъ нуждается народъ,
 Народъ забытый, слабый, безотвѣтный...
 Я хлопочу—повѣрьте мнѣ—о чемъ?

Чтобъ для него во тьмѣ глубокой, безразсвѣтной
Быть истины, добра и знанія лучомъ.

Но чтобъ на это поприще явиться
Во всеоружіи, я долженъ быть богатъ,
Иначе на просторъ мнѣ не пробиться
Сквозь тысячу препятствій и преградъ.
Вотъ почему я и хочу жениться,
Для блага общаго пожертвовать собой...

ВѢРА.

И—позабыли кончить вы—судьбой
Моей сестры. Не такъ ли? Но—довольно!
Я людямъ все прощу, но пошлость ихъ и грязь
Мнѣ видѣть отвратительно и больно.
Передо мной ихъ скрыть не потрудясь,
Вы высказались вольно, иль неволью,
Но одного не приняли въ расчётъ,
Что ваше сватовство къ добру не приведетъ.
Во-первыхъ, Любочка откажетъ вамъ...

ИВАНИЦКІЙ.

Кто знаетъ!

Вода по каплѣ камень пробиваетъ.

ВѢРА.

А во-вторыхъ, моя любовь
Къ вамъ обратится въ полное презрѣнье.
Вы никогда и не мечтайте вновь,
Какъ мужъ моей сестры, искать со мной сближенья.

ИВАНИЦКІЙ.

Но, ВѢра, выслушай...

ВѢРА.

Идите вонъ сейчасъ!
Ни слова болѣе. Васъ видѣть, слушать васъ
Мнѣ ненавистно. Поняли вы?

ИВАНИЦКІЙ.

Вѣра!

Я понялъ лишь, что дорогѣ одна
На свѣтъ для меня...

ВѢРА—прерывая его.

Блестящая карьера,
Которую вамъ сдѣлаетъ жена.

ИВАНИЦКІЙ—становясь на колѣни.

Ну, помиримся же. Прости меня. Кто слишкомъ
Волнуется, какъ ты, тотъ любить, говорить.
Не правда-ль?

ВѢРА.

Свойственно такъ думать всѣмъ мальчишкамъ.

ИВАНИЦКІЙ.

Но я беру слова свои назадъ,
Какъ вающійся грѣшникъ!...

Хочетъ ее обнять; она вырывается. САРМАТОВЪ показывается въ дверяхъ.

САРМАТОВЪ—тихо.

Невпопадъ!

Скрывается.

ВѢРА—указывая на дверь.

Мужъ!... Встаньте же...

ИВАНИЦКІЙ.

Богъ съ нимъ, Богъ съ цѣлымъ свѣтомъ!

Пока не заключимъ мы мировой,
Не встану я... Я безраздѣльно твой.

Намъ ссориться въ чему? Подумай ты объ этомъ!
Тебя-ль мнѣ потерять? Да я съ ума сойду!

ВЪРА.

Вы не уходите? Такъ я сама уйду.

Уходить нѣтъ.

СЦЕНА II.

ИВАНИЦКІЙ—встаетъ и кружевнымъ платкомъ, оставленнымъ Вѣрой на кушеткѣ, страхиваетъ пыль на кобняхъ.

Ужъ эти барыни съ ихъ крошечной моралью!

Онѣ подъ ней, какъ подъ вуалью,

Грѣшковъ таинственныхъ скрываютъ цѣлый рядъ,

И, часто щекотливыя не кстати,

Готовы разрѣшить себѣ развратъ,

Когда благопристойность есть въ развратѣ.

Онѣ не знаютъ — очень жаль —

Что думалъ Мирабо, такъ женщинъ изучившій:

Онѣ имъ бы объяснилъ, что мелкая мораль —

Врагъ нравственности высшей.

Бросая платокъ на прежнее мѣсто.

А я-то, самъ-то я!... Ну, признаюсь, хорошъ!

О, пентюхъ первоклассный!

Такая прямота для женщинъ — острый ножъ,

И съ ними путь кривой — путь самый безопасный.

Чѣмъ хочешь, иногда ихъ огорошъ,

Но только не подобнымъ оборотомъ.

И вотъ за то, минутъ пятнадцать счетомъ,

Стоялъ я подъ дождемъ

Капризныхъ выходовъ и гнѣвныхъ выражений.

Но подождемъ:

Терпѣніе — есть тотъ же самый геній.

Идти и въ дверяхъ сталкивается съ САРМАТОВЫМЪ.

СЦЕНА III.

ИВАНИЦКІЙ и САРМАТОВЪ.

САРМАТОВЪ.

Стой, не пушу!

ИВАНИЦКІЙ.

Нѣтъ времени.

САРМАТОВЪ.

Куда?

ИВАНИЦКІЙ.

По дѣлу, князь, по спѣшному. Приѣду,
Быть можетъ, вечеромъ...

САРМАТОВЪ.

А, какъ всегда, къ обѣду?

ИВАНИЦКІЙ.

Едва ли... Постараюсь, впрочемъ...

УХОДИТЬ.

СЦЕНА IV.

САРМАТОВЪ—одинъ.

Да,

Какъ видно, у тебя, любезнѣйшаго хвата,

Съ моей супругой дѣло плоховато,

И ты, какъ прежніе, ей стать надобѣдать.

А, впрочемъ, вѣдь и то сказать:

Подобная размова

У барынь ихъ обычная уловка.

Помучаютъ слегка, отставкой пригрозятъ,

Чтобъ страсть разжечь въ иномъ губернскомъ Чайльдъ-Гарольдѣ,

За этимъ гнѣвъ свой въ милость обратятъ,

И снова молодца гоняютъ, какъ на кордѣ.

Во всякомъ случаѣ я въ этомъ—сторона,

И не моя вина,

Что былъ свидѣтелемъ ихъ милого разлада.

Я мудраго придерживаюсь взгляда:

Чтобъ не видать любовныхъ пантомимъ

Своихъ дражайшихъ половинокъ,

Должны мы нѣсколько секундъ, по крайней мѣрѣ,
И шаркать и шумѣть, касаясь къ ручкѣ двери;
А тутъ замѣтить даже не хотять
Въ супругѣ деликатности подобной.

Ужъ я ли, кажется, не мужъ, вполне удобный?
Фиктивный мужъ, какъ нынче говорятъ.

Лѣниво садится и, развернувъ газету, такъ ея закрывается, что входящимъ
справа видны только одни его ноги.

СЦЕНА V.

САРМАТОВЪ И ВѢРА.

ВѢРА—останавливаясь въ дверяхъ.

Онъ еще тутъ!

Подходя къ Сарматову, вырываетъ изъ его рукъ газету.

Вы смѣли здѣсь остаться?

Обоюдное недоумѣніе.

Ахъ, Адрианъ!... Тебя я приняла

За...

САРМАТОВЪ.

Иваницкаго? Позволь мнѣ догадаться.

Его, какъ видно, такъ ты проняла,

Что кѹбаремъ онъ выскочилъ отсюда.

Скажи-ка, ну, за что ты обошлась съ нимъ худо?

ВѢРА.

Такъ... глупостей онъ мнѣ наговорилъ.

САРМАТОВЪ.

Помилуй, матушка, тебѣ ли это странно?

Да глупости онъ мелеть постоянно:

Едва влетѣлъ, и вздоръ загородилъ

И, главное—пространно.

Терпѣть я не могу подобныхъ дураковъ

И этотъ ихъ проклятый недостатокъ.

Дуракъ быть долженъ вратокъ:

Совралъ, и былъ таковъ.

А эта усыпительная тюря
 Съ апломбомъ, хоть весь день, какъ, воть, глазёнки щуря,
 Пока не пересохнетъ ротъ,
 Безъ устали трещить и безъ умолку врётъ;
 А, впрочемъ, многіе въ немъ признають толковость.

ВЪРА.

Тебѣ о немъ могу сказать я новость.
 Сейчасъ мнѣ Иваницѣй объявилъ,
 Что онъ не прочь на Любочѣхъ жениться
 И моего содѣйствія просиль.

САРМАТОВЪ—тихо.

А вы извоили за это разсердиться!
 Вотъ штука въ чемъ! [иромко] Хорошій же юристъ!
 Не въ ту инстанцію онъ сунулся съ прошенъемъ.
 Ну, что же—ты ему дала открытый листъ
 Для сватовства?

ВЪРА.

Онъ пользуется мнѣньемъ
 Не лестнымъ у сестры.

САРМАТОВЪ.

Могу предполагать.
 Но при его отвагѣ
 Зачѣмъ же и протекціи искать?
 Ему бы прямо Любѣ отослать
 Признаніе въ любви на гербовой бумагѣ.

ВЪРА.

Онъ объяснялся съ ней.

САРМАТОВЪ.

Рискнулъ на сватовство
 И провалился?

ВѢРА.

И мнѣ не по сердцу подобное родство,
 Хоть въ сущности онъ чѣмъ бы не годился
 Для Любочки? Карьеру началъ лишь,
 И ужъ впередъ пошелъ довольно быстро;
 Есть связи у него...

САРМАТОВЪ—тихо.

Лжешь, мать моя, хитришь!

ВѢРА.

И на счету хорошемъ у министра.

САРМАТОВЪ.

Прибавь: и на отличнѣйшемъ счету
 У здѣшнихъ дамъ. Вертлявъ, болтливъ, пригожъ онъ...

ВѢРА.

Хватаю на лету:
 Въ мой огородъ, навѣрно, камень брошенъ?

САРМАТОВЪ.

Избави Богъ! Все дѣло, видишь, въ томъ:
 Во вкусахъ разошлись мы почему-то:
 Какъ я твоихъ друзей погналъ бы всѣхъ гуртомъ,
 Такъ и моихъ знакомыхъ очень круто
 Ты съ удовольствіемъ метлой бы прогнала.

ВѢРА.

Жаль, что мететь не всякая метла;
 Но, право, Адріанъ Петровичъ,
 Изъ всѣхъ твоихъ пріятелей любой—
 То доѣзжачій словно, то поповичъ.
 Томъ III.—Май, 1874.

САРМАТОВЪ.

По виду не суди. Сегодня-жъ предъ тобой
 Хочу я щегольнуть пріятелемъ хорошимъ;
 Онъ явится сюда того-гляди.
 Въ столицахъ, матушка, гордится молодежь имъ.
 Увидишь—тамъ сама суди:
 Наружность, умъ, начитанность и честность—
 Не знаешь въ немъ, что больше предпочесть.
 И ужъ лѣтъ въ двадцать-шесть
 Такую получилъ громадную извѣстность,
 Что взапуски вездѣ его бранять,
 А нынче брань—похвальный аттестатъ
 Для всякой личности, изъ ряду выходящей.

ВѢРА.

Портретъ хорошъ,
 Когда хоть нѣсколько съ оригиналомъ схожъ.

САРМАТОВЪ.

Не вѣришь въ мой портретъ, взгляни на настоящій:
 Его ты въ «Иллюстраціи» найдешь.

Перебираетъ на столѣ газеты.

ВѢРА.

Но чей же онъ?

САРМАТОВЪ.

Балкашина. Слыхала?

ВѢРА—тихо съ удивленіемъ.

Балкашина?

САРМАТОВЪ.

О немъ кричать не мало.
 А, вотъ и сей любезный гражданинъ!
 Взгляни.

ВѢРА поспѣшно беретъ у него журналъ.

СЦЕНА VI.

ТѢЖЕ и СЛУГА.

СЛУГА.

Петръ Николаичъ Балкашинъ.

САРМАТОВЪ.

Съ друзьями старыми въ чему доклады эти!
Гдѣ онъ? Проси сюда.

СЛУГА.

Они ждутъ въ кабинетѣ.

Уходить.

САРМАТОВЪ.

Давайте мнѣ его!

Уходить въ среднюю дверь.

СЦЕНА VII.

ВѢРА—одна, разсматривая портретъ.

Да, это онъ. Въ семь лѣтъ
Его черты почти не измѣнились,
Но самъ онъ измѣнился, или нѣтъ?
Я думаю... Мы навсегда простились,
И вотъ опять случайность сводитъ насъ.
Зачѣмъ? Къ чему? Въ дурной, или добрый часъ?
Они уже идутъ... О, нѣтъ, теперь я сразу
Не въ состояннн справиться съ собой.

Уходить направо.

СЦЕНА VIII.

САРМАТОВЪ и БАЛКАШИНЪ.

САРМАТОВЪ.

Тебя встрѣчать приходится журьбой:

Три дня, какъ здѣсь, и не покажетъ глазу:
Не дѣлаютъ такъ старые друзья.

БАЛКАШИНЪ.

Возьми журьбу назадъ. Вчера лишь только я
Нечаянно узналъ, что поселился
Ты въ этомъ городѣ, сталъ бариномъ большимъ
И на большой красавицѣ женился.

САРМАТОВЪ.

А ты?

БАЛКАШИНЪ.

Въ послѣднемъ я непогрѣшимъ,
Да и тебѣ, признаться, подивился.
Мнѣ думалось, что ты рожденъ холостякомъ,
Бездомнымъ чудакомъ, кочующимъ цыганомъ,
Считавшемъ тяжестью не только, что домкомъ,
Но даже собственнымъ обзавестись диваномъ.

САРМАТОВЪ.

По внѣшности ты не суди слегка.
Хотя не обо мнѣ, но вообще сказать бы:
Бываетъ, братъ, что жизнь холостяка
И начинается съ дня свадьбы.

БАЛКАШИНЪ.

Все тотъ же буршъ, какимъ ты былъ всегда,
И любишь поражать по прежнему, какъ боксомъ,
Нелѣпо-милымъ парадоксомъ.

САРМАТОВЪ.

Все тотъ же я! Вотъ въ томъ-то и бѣда!
Быть буршемъ цѣлый вѣкъ—куда какъ некрасиво!
Въ числѣ ненужныхъ ртовъ блаженствую лѣниво;
Живешь и думаешь: учили насъ чему?

БАЛКАШИНЪ.

А хоть тому,
Чтобы на дѣлѣ въ жизни убѣдиться,
Что нужно съизнова учиться.

САРМАТОВЪ.

Пойдетъ ли только въ прокъ?
Ты вотъ впередъ ушелъ въ короткій срокъ,
А какъ на насъ-то
Захочешъ посмотрѣть, такъ и рукой махнешъ...
На свѣтѣ лѣтъ десятокъ проживешь,
А перепортишься лѣтъ на сто.

БАЛКАШИНЪ.

Ну, что жъ ты дѣлаешь, мой безшабашный другъ?
Вѣдь мы, дѣйствительно, не видѣлись лѣтъ десять.

САРМАТОВЪ.

Да такъ живу, что нужно бы на крюкъ
Меня за эту жизнь подвѣсить.
Женатъ, богатъ, вполне лѣнтяемъ сталъ;
Невиннѣйшій губернскаго либераль,
Почитываю книжки на досугѣ;
Надежды прежде подавалъ,
Теперь же подаю платки своей супругѣ.
Веду съ крѣпостниками въ земствѣ бой,
Какъ старый резонёръ, питаюсь зубоскальствомъ,
А въ сущности доволенъ самъ собой,
И ближними, и земствомъ, и начальствомъ.

БАЛКАШИНЪ.

Кто самъ себя ругаетъ на повалъ,
Тотъ, значитъ, не совсѣмъ еще пропасть.

САРМАТОВЪ.

Но интереснаго въ моей персонѣ мало,
Разсказывай ты о себѣ сначала.

БАЛКАШИНЪ.

Дай время отдохнуть. Немного погода,
 Про новое житье, про старину вспоманемъ,
 И за бесѣдой душу отводя,
 До третьихъ пѣтуховъ засиживаться станемъ.
 Отъ всѣхъ заботъ, отъ всѣхъ условныхъ формъ
 Подѣннаго труда я сорвался, какъ съ цѣпи,
 И полетѣлъ на отдыхъ въ глушь и степи,
 Сюда, въ провинцію, къ вамъ, на подножный кормъ.

САРМАТОВЪ.

И вздумалъ хорошо. Кто къ намъ пріѣдетъ лысымъ,
 Черезъ годъ очутится съ курчавой головой.
 Тебя закрормимъ мы и отпоимъ кумысомъ,
 Водой опрыскаемъ и мертвой, и живой,
 И, развлекая всѣмъ попеременно,
 Чѣмъ только здѣсь награждены Творцомъ,
 Тебя отпустимъ мы откормленнымъ тельцомъ...

СЦЕНА IX.

ТѢЖЕ и ВѢРА—входятъ при послѣднихъ словахъ мужа.

ВѢРА.

И—женимъ непремѣнно.

Сарматовъ и Балкашинъ съ изумленіемъ оглядываются; ВѢра подаетъ Балкашину руку.

Не правда-ль, Балкашинъ, я удивила васъ?

БАЛКАШИНЪ.

Своимъ глазамъ не вѣрю. Это вы ли?

ВѢРА.

Вы и меня не меньше удивили.

САРМАТОВЪ.

Ей-Богу, точно сцена на заказъ!
 Знакомы вы? На что-жъ это похоже:
 Ни слова мнѣ!

БАЛКАШИНЪ.

Но угадать могъ кто же,
 Что вмѣстѣ васъ свела счастливая звѣзда?
 А съ Вѣрою Сергѣевной я встрѣчался
 У бабушки еще.

ВѢРА.

Ахъ, мнѣ про тѣ года
 Не вспоминайте лучше никогда;
 И въ вашей памяти, я думаю, остался
 О тѣхъ годахъ едва-ль хорошій слѣдъ.

БАЛКАШИНЪ.

Напротивъ, ничего печальнаго въ нихъ нѣтъ.
 Ошибки самыя дней молодости стали
 Мнѣ дороги, какъ старыя печали.

САРМАТОВЪ.

Скажите! Корчить старика!..
 О немъ заботу всякую пока
 Я, Вѣра, на тебя охотно возлагаю.
 Знакомить васъ, сближать—предполагаю—
 Напрасный трудъ;
 А я пойду и нѣсколько минутъ
 Обѣдомъ позаймусь: нельзя же не провѣдать!
 Я, братецъ, какъ всегда, люблю попить, поѣсть,
 И, право, жаль, что въ сутки пообѣдать
 Нельзя разъ пять, иль шесть.

Уходить.

СЦЕНА X.

БАЛКАШИНЪ и ВѢРА.

ВѢРА.

Васъ такъ нечаянно судьба намъ подарила,
 Что и теперь еще въ себя я не пришла;
 Хотя предчувствіе давно мнѣ говорило,
 Что встрѣтиться должны мы, и—ждала
 Я этой встрѣчи рано или поздно.
 Предъ вами я неправа, Балкашинъ!

БАЛКАШИНЪ.

Шутя вы говорите, иль серьезно?
 Винить себя вамъ вовсе нѣтъ причинъ.

ВѢРА.

А прошлое?

БАЛКАШИНЪ.

Забудьте о прошедшемъ.

Вы были искренни, я недогадливъ былъ,
 Я принималъ за страсть свой юношескій пылъ,
 Казался вамъ смѣшнымъ и сумасшедшимъ,
 А сумаспешествовать нельзя же цѣлый вѣкъ.
 Вы не сочтете этого измѣной,
 Но отъ себя давно ужъ я отсѣкъ,
 Какъ руку, пораженную гангреной,
 Свою мертворожденную любовь,
 Которую и вы давно забыли.
 Оставьте же мертвыхъ спать въ могилѣ,
 Когда ихъ воскресить намъ невозможно вновь...
 Но, прежнюю горячкою не боленъ,
 Я тѣмъ не меньше счастливъ и доволенъ,
 Что вижу васъ, и какъ? Всѣ милыя черты
 Еще прекраснѣе... Хоть лестъ мнѣ не привычна,
 Но подъ влияньемъ вашей красоты,
 Я, кажется, готовъ влюбиться въ васъ вторично.

ВѢРА.

Попробуйте.

БАЛКАШИНЪ.

Увы! обжегся разъ,
 А послѣ неудачнаго дебюта,
 Успѣхъ балуетъ рѣдко насъ.
 Но вотъ ужъ не одна прошла минута,
 Сижу я съ вами вмѣстѣ; почему-жъ
 Мнѣ не расскажете, какъ вы сюда попали
 Отъ бабушки, съ Литейной, въ эту глушь,
 И какъ княгинею Сарматовою стали?

ВѢРА.

Исторія моя, какъ сказка для дѣтей,
 Безъ всякихъ романическихъ затѣй:
 Оставили вы насъ, тамъ бабушка скончалась,
 Потомъ я переѣхала къ отцу,
 Потомъ съ Сарматовымъ случайно повстрѣчалась,
 Пошла съ нимъ, какъ вы знаете, къ вѣнцу
 И обвѣнчалась.

БАЛКАШИНЪ.

Бракъ по любви,—могу о томъ спросить?

ВѢРА.

Не знаю, какъ назвать его.

БАЛКАШИНЪ.

Однако? .

ВѢРА.

Всего вѣрнѣй—такъ просто: бракъ для брака.
 Вѣдь нужно же намъ замужъ выходить.

БАЛКАШИНЪ.

Печальныя слова!

ВѢРА.

Нисколько! Въ жизни все такъ,
 И срокъ людскаго счастья кратокъ,
 А я и не несчастлива къ тому жъ:
 Меня ни въ чемъ стѣснять не любить мужъ,
 И мы живемъ, какъ большинство, другъ съ другомъ:
 Во многомъ расходясь, но все-таки въ ладу.

БАЛКАШИНЪ.

Такіе браки, можетъ быть, въ ходу,
 Но слушаю съ невольнымъ васъ испугомъ.

ВѢРА.

Напрасно! Какъ крутомъ я погляжу:
 Всѣ свадьбы въ мірѣ не безъ риска,
 А про себя вамъ искренно скажу,
 Что я—авантюристка.
 Мнѣ нужны перемѣны мѣстъ, людей,
 Картинъ и чувствъ, и нравовъ и идей;
 Все неизвѣстное всегда меня манило
 Въ вихрь новыхъ ощущеній; въ самый адъ
 Сошла-бъ я, кажется, когда-бъ возможно было.
 Не потому-ль и въ пропасть, говорятъ,
 Влечетъ всѣхъ насъ невѣдомая сила?
 Вы видите, я откровенна такъ,
 Какъ въ старину.

БАЛКАШИНЪ.

И слишкомъ безпощадны
 Къ самой себѣ,—но это добрый знакъ.
 А къ новизнѣ всѣ люди очень жадны.
 Безъ этого нѣтъ въ мірѣ и житья,
 И жизнь считали-бъ мы за скучный и за гадкій
 Процессъ спанья, обжорства и питья,
 Когда-бы многое въ ней не было загадкой.

СЦЕНА XI.

ТѢЖЕ, БАРСКІЙ и САРМАТОВЪ.

ВѢРА.

Папаша! Балкашинъ! извѣстенъ уже былъ
Тебѣ давнымъ-давно онъ, кажется, заочно.

БАРСКІЙ—обнимая Балкашину.

Еще бы! Точно, точно!

Слыхалъ и уважалъ, читалъ и оцѣнилъ.

Хоть самъ я старъ и поотсталъ, но все же
Гляжу и радуюсь успѣхамъ молодежи.

Мы, старики, предъ вами нынче—пастъ!

И гдѣ прорветесь вы, тамъ ляжемъ мы въ растяжку...

Прошу любить и жаловать; для васъ

У насъ душа и двери на распашку.

Я, батюшка, и самъ въ сороковыхъ годахъ
Изъ кожи просто лѣзъ, забывши всякій страхъ,
За то же самое, что вамъ теперь такъ любо...
Ну, здравствуй, Вѣрочка, цѣлуй меня.

ВѢРА.

Гдѣ-жъ Люба?

САРМАТОВЪ.

Навѣрно съ ребятишками опять

Пустилась терпѣливо толковать

О прелестяхъ труда и выгодъ ученья,

И прививаетъ имъ таблицу умноженья,

Когда бъ полезнѣй оспу прививать.

БАРСКІЙ.

Не то, не то! Ни свѣтъ и ни заря

Въ судъ окружной, какъ птица улетѣла,

И слушаетъ тамъ дѣло—

Грабежъ съ убійствомъ. Строго говоря:

Что интереснаго? Разстроишь только нервы;
 А женщинъ нынѣшнихъ возьмите, напимѣрь, вы!
 У нихъ и вкусъ, и складъ теперь другой.
 Въ Михайловскій театръ зови ихъ—ни ногой,
 За то пойдутъ дежурить хоть дня на три
 Въ анатомическомъ театрѣ.

БАЛКАШИНЪ.

И это васъ дивить? Пускай туда идутъ:
 Стыдливость въ дѣлѣ не у мѣста.

САРМАТОВЪ.

А то, бывало, со смѣху всѣ мрутъ:
 До свадьбы вѣрила назрѣвшая невѣста,
 Что дѣти не родятся, а пекутъ
 Ихъ всѣхъ изъ сахарнаго тѣста.

БАРСКІЙ.

Дай обниму! Не долго помолчать,
 А скажетъ, такъ рублемъ навѣрно подарить...
 Ахъ, батюшки мои! Нѣтъ памяти ни крошки!
 Подарокъ и тебѣ я, Вѣрочка, припасъ:
 Заѣхалъ въ магазинъ, смотрю—камея въ брошеѣ;
 Влюбился—и купилъ.

ВѢРА.

Папá, ты каждый разъ
 Не можешь въ намъ пріѣхать безъ подарка.

БАРСКІЙ—хватаясь за карманы.

Да что же я ищу!.. Онъ долженъ быть у Марка...
 Нѣтъ, вы, друзья, послушайте! Меня
 Старикъ прибралъ къ рукамъ, совсѣмъ взялъ подъ опеку,
 Съ глазъ не пускаетъ, какъ калѣку,
 Муштруетъ день отъ дня.
 Я безъ него ни шагу, ни движенія;
 Всѣ деньги отобралъ, бумажникъ, портсигаръ,

Оставивъ мнѣ одну свободу мнѣнья.
Вотъ и теперь...

Кричить у двери.

Маркъ! варваръ, ягуаръ!
Тигръ лютый!

СЦЕНА XII.

ТѢЖЕ и МАРКЪ—кланяется всѣмъ почтительно, но съ достоинствомъ.

МАРКЪ.

Что приважете?

БАРСКІЙ.

А ну-ка
Поразскажи ты имъ, что дѣлаешь со мной.
Повѣрите-ль, какая мнѣ съ нимъ мѣха:
Безъ спора не даетъ когѣйки мнѣ одной.

МАРКЪ.

Мнѣ, сударь, все равно. Я вашимъ капиталомъ
Не пользуюсь, а васъ же только жалъ,
Не углядишь, какъ за ребенкомъ малымъ.

БАРСКИИ.

Ну, ну, злодѣй! Кусай меня, жги, жалъ!

МАРКЪ.

И будь не я, вы весь бы свой достатокъ
Растратили по молодости лѣтъ.

БАРСКІЙ.

Каковъ! Прислушайтесь: ему и дѣла нѣтъ,
Что мнѣ уже пошелъ шестой десятокъ.

МАРКЪ.

Будь честный, или плутъ,
 Знакомый, первый встрѣчный,
 Всѣмъ деньги раздаютъ
 По добротѣ сердечной:
 Того гляди, какъ липсу обдерутъ.
 Вѣдь вашему сѣятельству извѣстно,
 Каковъ народецъ нынѣ повсемѣстно:
 Подлецъ - народъ! У всѣхъ рука теперь
 Какъ истая лопата загребаста!

БАРСКІЙ.

Ну, обругалъ и—баста!
 А мнѣ подай покупку, хищный звѣрь,
 Да вынь очки.

Раскрываетъ передъ Вѣрой футляръ.

Смотри! Молиться надо!
 Довольна? Говори.

ВѢРА.

Папаша, очень рада,
 Когда не слишкомъ дорого ты далъ.

САРМАТОВЪ.

Маркъ скажетъ...

БАРСКІЙ—Марку.

Цыцъ! Ни-ни! Чтобъ слова не слышать!
 Чтѣ толковать объ этакой бездѣлѣ,
 Не въ цѣнности все дѣло, а въ отдѣлѣ.

Балкашину.

Вы не знатокъ?

БАЛКАШИНЪ.

Немного смыслю.

БАРСКІЙ.

Да,
 О пользѣ вы одной печётесь, господа,

Какъ будто отъ искусства пользы мало!
 Вотъ мы такъ не могли прожить безъ идеала.
 Утаивать не стану,—для чего-жь?—
 Въ кружкѣ своихъ товарищей, бывало,
 Подвыпьешь—марсельезу пропоешь;
 Когда-жь, подь-часъ, возьметъ тебя кручина,
 Найдеть печальный стихъ,
 Поплачешь надъ стихами Ламартина
 Тихонько отъ пріятелей своихъ.
 А нынче къ вамъ прійдешь только въ Питеръ,
 Какой о немъ услышишь приговоръ,
 О Ламартинѣ-то?

БАЛКАШИНЪ.

Въ поэзіи—кондитеръ,
 Въ политикѣ—бездарный фантазёръ.
 О комъ и вспоминать охота вамъ пришла же!
 Когда во Франціи его забыли даже,
 Такъ намъ и Богъ велѣлъ давно о немъ забыть.

БАРСКІЙ—меланхолически.

Да, новый вѣкъ и мнѣнья въ немъ другія!
 И имена, намъ прежде дорогія,
 Теперь, пожалуй, могутъ насмѣшить.
 Ушли впередъ вы въ жизни и въ наукѣ...
 Что-жь! вамъ и книги въ руки!

БАЛКАШИНЪ.

Утѣштесь же! Недалекó
 Ушло и наше поколѣнье,
 Хоть обмануться было всѣмъ легко
 Комедіей повального движенія,
 Боторое, немного лѣтъ назадъ,
 Насъ неожиданной горячкѣю охватило
 И неожиданно остыло,
 А въ головахъ остался только чадъ
 Болѣзненно-похмѣльнаго задора,
 Да горечь затаеннаго укора.
 А, между тѣмъ, давно-ль насъ вихремъ увлекалъ

Какой-то бѣшеный и дивій карнавалъ

Консервативно-стриженныхъ овецъ,
Эксплуаторовъ подъ маской либеральной,
Наёмныхъ болтуновъ, фиглярства образецъ,
Борцевъ передовыхъ съ подкладкой феодальной,
Въ наукѣ приживалокъ, маскарадъ

Переодѣтыхъ юсовъ, міроѣдовъ,
И то же самодурство старыхъ дѣдовъ
Подъ лоскомъ пустозвонства ихъ внучать —
Ораторовъ трибунъ и праздничныхъ обѣдовъ...
И вотъ иллюзія, какъ смутный сонъ, прошла:
Недвижность прежняя на насъ ярмомъ легла,
И, сбитые обманомъ общимъ съ толку,
Умѣемъ мы теперь для отраженья зла
Негодовать изъ-за угла,
Или хихикать въ тихомолку.

БАРСКИЙ.

Вотъ угоди на всѣхъ! Одни о томъ скорбятъ;
Что не впередъ идемъ мы, а назадъ,
Другіе же кричатъ: «попридержите возжи!
Прогрессъ намъ нуженъ, — такъ, но... нѣсколько попозже...»

Оборачиваясь къ Марку.

Ты здѣсь еще, мучитель мой, палачъ?
Тебя совсѣмъ я скоро избалую.
Прочь съ глазъ моихъ!

Останавливаетъ его.

Дай прежде поцѣлюю,
А то еще ударишься ты въ плачъ
И обратишься весь въ ручей слезотекущій.

МАРКЪ—ко всѣмъ.

Докладывалъ я вамъ: какъ есть, ребенокъ сущій.

Уходить.

С Ц Е Н А XIII.

ТѢЖЕ безъ МАРКА.

БАРСКІЙ.

Нѣтъ, Адріанъ, какъ всѣхъ ты не васти,
А есть еще на бѣломъ свѣтѣ люди.

САРМАТОВЪ.

Васъ только, тестюшка милѣйшій мой, пусти,
Вы каждому готовы хоть на блюдѣ
Патентъ на добродѣтель поднести.
Хорошъ у васъ и Маркъ,—онъ нянчить васъ, лелѣетъ,—
И каждый, кто вредилъ вамъ только цѣлый вѣкъ...
Не добрый тотъ, повѣрьте, человѣкъ,
Который злиться не умѣетъ.

БАРСКІЙ.

Голубчикъ, пощади хоть изъ родства!
Самъ знаю: простота опаснѣй воровства.
Въ природѣ на умы большая нынче скупость.

САРМАТОВЪ.

За то и умъ подчасъ—ужаснѣйшая глупость,
И въ мірѣ не найдетъ пріюта и угла.

БАЛКАШИНЪ.

Понёсъ свое! Закусить удила
И удержи ему нѣтъ никакого.

БАРСКІЙ.

А злости столько въ немъ, какъ перцу въ поташѣ:
На языкѣ—ругательное слово
И кротость агнца—на душѣ.
Томъ III. — Май 1874.

СЦЕНА XIV.

ТѢЖЕ и СЛУГА.

СЛУГА.

Пожалуйте, готово кушать!

БАРСКІЙ.

Это дѣло!

Предлагаетъ Вѣра руку и снова отступаетъ.

Ты молчалива что? Ты отчего блѣдна?

Сарматову.

Да у тебя здорова ли жена?

САРМАТОВЪ.

Ложится поздно спать.

БАРСКІЙ.

Иль времечко приспѣло?

А! Вѣра! Избрала благуя часть?

Пора мнѣ изъ отцовъ и въ дѣдушки попастьъ.

Могу тебя поздравить?

ВѢРА — съ упрекомъ.

Нанана!

БАРСКІЙ.

Ну, ну, ну! Не Богъ вѣсть, что сказалъ.
 Голубка, поцѣлуй меня. Она вѣдь
 Совсѣмъ у насъ святая!

Съ Вѣрой и Балкашскимъ идти въ среднія двери.

САРМАТОВЪ—сзади ихъ, замедливъ на авансценѣ.

Угадалъ!

Уходить.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена представляет часть сада кумыснаго заведенія. Прямо—лицевая сторона курзала; въ срединѣ—входныя двери; по бокамъ ихъ террасы въ зелени подъ легкими колоннами, со столиками для посѣтителей. Такіе же столики съ дачными стульями разставлены въ саду по обѣимъ сторонамъ авансцены. Нѣкоторые изъ безмолвныхъ гостей въ продолженіи акта проходятъ черезъ садъ на террасы, гдѣ имъ подаютъ кумысъ. ПОЯРКОВЪ въ лѣтнемъ архаикѣ военнаго покроя, въ бѣлой фуражкѣ, съ дорожной сумкой черезъ плечо, стоитъ передъ курзаломъ, набивая, трубку. Онъ до самаго конца дѣйствія или сидитъ на террасѣ или уходитъ въ кумысное заведеніе.

СЦЕНА I.

ПОЯРКОВЪ.

Эй, кто-нибудь!.. Тыфу, прѣнасть!.. Человѣкъ!..
И слушать не хотятъ, кричи благимъ хоть матомъ.

Входитъ СЛУГА.

Тебя, любезный мой, звать надобно съ набатомъ.

Поддай-ка... Нѣтъ постой; въ нашъ вѣкъ

На «ты» нельзя быть съ вашимъ братомъ,

И если нужно побранить,

Слугѣ приходится докладывать, внушая:

Почтительно «вамъ» смѣю доложить,

Что «вы» свинья и бестія большая.

Такъ, что-ли?

СЛУГА.

Что прикажете?

ПОЯРКОВЪ.

Опять

Того же самаго: я пью одну простую.

Да рюмкамъ счетъ прошу не забывать:

Въ буфетѣ выпито ихъ пять,—

Неси теперь шестую.

СЛУГА.

А буттербротцевъ съ свѣжимъ балыкомъ
Угодно будетъ для закуски?

ПОЯРКОВЪ.

Я, братъ, по-русски,
Закусываю прямо языкомъ.

Слуга уходитъ. Поярковъ садится на террасѣ.

СЦЕНА II.

ОЕДЯ ПЕТРОВЪ и ПЕТЯ ОЕДОРОВЪ—выходятъ съ правой стороны сада.

ПЕТРОВЪ—оглядываясь и разводя руками.

Ну, ужъ кумысники! Въ подобную погоду
Въ квартирахъ по щелямъ засѣли, какъ сверчки;
Играть умѣютъ только въ дурачки,
Пьютъ не вино, а молоко, да воду,
И съ докторомъ войну ведутъ за пятачки.

ОЕДОРОВЪ.

Да, Оедя, не дадутъ намъ здѣсь съ тобою ходу,
Придется и назадъ оглобли повернуть.

ПЕТРОВЪ

Такъ, но куда?

ОЕДОРОВЪ.

Куда-нибудь,
Гдѣ жизнь повеселѣй и кошельки потуже.

ПЕТРОВЪ.

Исторію найдешь вездѣ одну и ту же:
То скука смертная, то, просто, западня:

Иль женить невзначай, иль цапнуть въ передёржеѣ;
 Такъ нужно, братецъ, ножки
 Протягивать теперь намъ по одёжеѣ.

ПОЯРКОВЪ—съ террасы.

Эй, ч-е-а-е-к-ъ, огня!

ОЕДОРОВЪ.

А, дикій баринъ! Тутъ какъ тутъ онъ!
 До самой маковки въ долгахъ своихъ запутанъ,
 Пьетъ мертвую.

ПЕТРОВЪ—громко.

Иванъ Ильичъ!

Которую?

ПОЯРКОВЪ.

Пока еще шестую.

ОЕДОРОВЪ.

Эй, хватить параличъ!

ПОЯРКОВЪ.

Ну, что-жъ, тогда и забастую.
 Тѣ, у которыхъ шея коротка,
 И жить должны на свѣтѣ покороче.

СЛУГА—подавая Оедорову письмо.

Къ вамъ есть письмо-съ.

Уходить.

ПЕТРОВЪ.

Ну, чтó? отъ старика?

ФЕДОРОВЪ—взглянувъ на конвертъ.

Да, кажется, что бабкина рука.

Пробѣгаетъ письмо.

Вотъ такъ живучій чортъ! Три дня былъ и три ночи—

Безъ чувствъ, безъ языка,

Семью наслѣдствомъ обнадѣжилъ

И—на зло всѣмъ намъ—ожилъ.

Вѣдь это подлость! Тьфу!..

СЦЕНА III.

ТѢЖЕ и ВѢРА—торопливо выходить изъ курзала.

ПЕТРОВЪ.

Княгиня и—одна!

Съ ней случаи такіе очень рѣдки.

Оба кланяются.

ВѢРА.

Вы не видали здѣсь Балкашина?

ПЕТРОВЪ.

Недавно былъ въ саду.

ФЕДОРОВЪ.

У розовой бесѣдки.

ВѢРА уходитъ въ садъ направо.

ПЕТРОВЪ.

Вотъ женщина!

ФЕДОРОВЪ.

Превкусная!

ПЕТРОВЪ.

Ходокъ,

Знать, этотъ Балкашинъ: съ ума свелъ, лишь явился.

ФЕДОРОВЪ.

Надолго ли? Въ короткій самый срокъ
 И этотъ улетитъ, какъ прочіе. Возился
 Сперва съ ней Брандтъ, залётный кирасиръ,
 Потомъ одинъ артистъ, потомъ какой-то свитскій
 И, наконецъ, губернскихъ дамъ кумиръ —
 Несчастный этотъ Иваницкій.

ПЕТРОВЪ.

Да, этотъ франтъ межъ двухъ сестёръ,
 Какъ межъ двухъ стульевъ провалился.

Оба уходить въ залъ.

СЦЕНА IV.

БАЛКАШИНЪ—появляется съ лѣвой стороны сада.

Вотъ какъ распространенъ ея позоръ!
 И еслибъ самъ я въ немъ не убѣдился,
 То счелъ бы низкой, черной клеветой
 Столь дружный приговоръ общественнаго мнѣнья.
 Такой ли женщиной, безнравственной, пустой,
 Готовой каждый день на новое паденье,
 Надѣялся я Вѣру встрѣтить вновь?..
 Чего боялся я, то все теперь открылось...
 О. первая моя, заветная любовь,
 Въ какія ты лохмотья обратилась!..

СЦЕНА V.

БАЛКАШИНЪ и САРМАТОВЪ.

САРМАТОВЪ.

Скажи мнѣ, что съ тобой? Вѣдь это вонъ изъ рукъ!
 Который день блуждаешь, какъ бирюкъ,
 И смотришь выгнаннымъ въ отставку бюрократомъ,
 Иль женихомъ, оставшимся за штатомъ.

БАЛКАШИНЪ.

Почти!

САРМАТОВЪ.

Что такъ? Нельзя ли поясѣй!

БАЛКАШИНЪ.

Ахъ, самому мнѣ многое не ясно!

САРМАТОВЪ.

Иль старая привязанность?

БАЛКАШИНЪ.

Богъ съ ней!

САРМАТОВЪ.

Такъ новая? Послушай, ты напрасно
 Себя сомнѣнными какими-то крушишь:
 Гдѣ пужно дѣйствовать, тамъ виснеть и молчать.
 Отъ Любы безъ ума ты? Ну, признайся.

БАЛКАШИНЪ.

Хотя-бъ и такъ, но, Адріанъ, сознайся,
 Что до меня-то ей и дѣла вовсе нѣтъ.
 Ты могъ замѣтить самъ.

САРМАТОВЪ.

Воображеніе! Бредъ!

Себя я не связалъ молчанія обѣтомъ
 И кое-что тебѣ поразкажу объ этомъ

Когда-нибудь,

А самъ-то, между тѣмъ, ты прозорливѣй будь.

Не дѣвушка же станетъ, въ самомъ дѣлѣ,

Къ намъ вѣшаться на шею, если мы
 Намѣка про любовь ей сдѣлать не сумѣли.

Ужъ эти мнѣ серьёзные умы!
Ораторы съ кафедръ, Сократы въ кабинетѣ,
А передъ дѣвочкой теряются, какъ дѣти.

БАЛКАШИНЪ.

Однако, князь, ты долженъ же понять...

САРМАТОВЪ.

Опять!

Я сотню разъ просилъ тебя, мой милый:
Отъ титула меня избавь ты и помилуй.
Зачѣмъ же человѣка такъ ругать?

ПОЯРКОВЪ—съ террасы.

Его сіятельству челомъ бью! По сосѣдству
Не выпить ли? Прибѣгните, ей-ей,
Вы къ этому цѣлительному средству
Отъ всѣхъ недуговъ, бѣдствій и скорбей.
Пожалуй, здѣсь я даже зазимую:
Такъ мнѣ пошло лекарство это въ прокъ...
Эй, малый, принеси-ка мнѣ—восьмую.

САРМАТОВЪ.

Не пью, сосѣдь!

ЛЮБОЧКА показывается въ глубинѣ сада.

САРМАТОВЪ—Балкашину.

Постой здѣсь на часокъ.

Идетъ къ террасѣ.

ПОЯРКОВЪ.

А я отъ всѣхъ болѣзней средство знаю:
Отъ радости я пью, а съ горя—запиваю.

БАЛКАШИНЪ.

На этотъ счетъ мой докторъ очень строитъ.

ПОЯРКОВЪ.

Кто вѣрить докторамъ! Они всѣ вздоръ городятъ.
Мы съ вами не въ ребяческой порѣ.

СЦЕНА VI.

БАЛКАШИНЪ, САРМАТОВЪ и ПОЯРКОВЪ—на террасѣ, и ЛЮБОЧКА.

БАЛКАШИНЪ—идеть ей навстрѣчу.

Когда гора къ намъ не подходитъ,
Подходимъ сами мы къ горѣ.
Я васъ давно искалъ.

ЛЮБОЧКА.

Меня найти не трудно:
Мы ежедневно видимся теперь.

БАЛКАШИНЪ.

Да, въ обществѣ, когда кругомъ насъ людно,
Не то—едва войду, и скроетесь вы въ дверь;
А, между тѣмъ, вотъ уже мѣсяць ровно
Я видѣть хладнокровно не могу,
Что съ первыхъ встрѣчъ ко мнѣ относитесь вы, словно,
Какъ къ вашему заклѣтому врагу,
И я для васъ...

ЛЮБОЧКА.

Пока ни другъ, ни врагъ.

БАЛКАШИНЪ.

И искренно вы думаете такъ?
Въ мою привязанность вы вѣрить не хотите?

ЛЮБОЧКА.

Признаніе въ любви?

БАЛКАШИНЪ.

Смѣшно вамъ?

ЛЮБОЧКА.

Погодите!

Отъ удивленья внѣ себя,
 Должна я изумляться безпрестанно:
 Какъ это вы, одну сестру любя,
 Съ другой проводите все время постоянно.

БАЛКАШИНЪ.

И это странно вамъ?

ЛЮБОЧКА.

Конечно, очень странно!

БАЛКАШИНЪ.

Но, кромѣ васъ самихъ, кто-жъ въ этомъ виновать?
 Подумайте, припомните, скажите:
 Заговорю я съ вами—не впопадъ,
 Останусь вмѣстѣ—вы бѣжите,
 Съ другими веселы, а мнѣ двухъ словъ сказать
 Вамъ некогда...

ЛЮБОЧКА.

Обычай есть давнишній:
 Гдѣ двое сходятся, тамъ третій уже лишній,
 И я, какъ лишняя, боялась вамъ мѣшать.

БАЛКАШИНЪ.

Что общаго межъ мной и вашею сестрою?
 Мы оба ужъ не тѣ и—я отъ васъ не скрою—
 Присматриваясь къ Вѣрѣ день отъ дня,
 И взвѣшивая каждую въ ней малость,
 Къ ней чувство сохранилось у меня
 Единственное — жалость.

Общее молчаніе.

Любовь Сергѣевна! Къ искреннимъ словамъ
 Уже вы не имѣете довѣрья?
 Скажите мнѣ!

ЛЮБОЧКА.

Я довѣряю вамъ.

БАЛКАШИНЪ.

Такъ высказать хочу всю душу вамъ теперь я.
 Я слишкомъ много жилъ; живу до этихъ поръ
 Не для себя, и отдаю всѣ силы:
 И умъ, и знанья всѣ, и молодой задоръ
 Общественному дѣлу. До могилы,
 Чѣмъ жизнь бы ни пугала, мнѣ грозя,
 Я такъ пойду впередъ путемъ своимъ обычнымъ.
 Но въ то же время развѣ намъ нельзя
 Подумать и о нашемъ счастьѣ личномъ?
 Нѣтъ, вы не испытали никогда,
 Какъ тяжело для сердца безучастье,
 И безраздѣльность горечи и счастья,
 И одиночество холоднаго труда.

ЛЮБОЧКА—съ легкой ироніей.

Но трудъ, всѣ говорить, есть наслажденье.
 И въ немъ уже лежитъ вознагражденье.

БАЛКАШИНЪ.

Увы! не въ наши, можетъ быть, года!
 Со всею жаждой пользы иногда,
 Со всею страстностью живого увлеченья
 Работаешь; вотъ—цѣль уже близка
 И—подвигъ многихъ лѣтъ отъ одного толчка
 Становится безплоднымъ и ненужнымъ;
 И близко нѣтъ души, нѣтъ въ мірѣ уголка,
 Гдѣ-бъ встрѣтили тебя однимъ привѣтомъ дружнымъ
 И лаской нѣжности... Мани людей, зови,—
 Откликнуться едва ли кто рѣшится,
 А жгучее желаніе любви
 Еще мучительнѣе въ сердцѣ шевелится.
 Куда ни загляни—вездѣ ты чуждый гость,
 И—чаще—непріятель ненавистный,

Котораго общественная злость
Язвить съ поспѣшностью упорно-безкорыстной.

ЛЮБОЧКА—тихо.

Да, онъ таковъ, какимъ казался мнѣ.

Согласна съ вами я; но развѣ не встрѣчали
Вы женщины, которая вполне
Была-бъ достойна васъ?

Громко.

БАЛКАШИНЪ—протягивая ей руку.

Да, встрѣтилъ, и едва ли
Другую ей подобную найду.
Здѣсь въ первый разъ, наединѣ въ саду
Я сердце вамъ раскрылъ, Любовь Сергѣвна,
И вы меня не оттолкнете гнѣвно.

СЦЕНА VII.

ТѢЖЕ и ВѢРА съ ИВАНИЦКИМЪ; во время разговора Балкашина съ Вѣрой, Иваницкій и Любочка прогуливаются на заднемъ планѣ сцены, то показываясь, то скрываясь за деревьями.

ВѢРА.

Вотъ, наконецъ, и вы! я васъ давно ищу
И отъ себя на шагъ теперь не отпущу.

БАЛКАШИНЪ.

Хотя бы и насильно?

ВѢРА.

Да, хотя бы!
О женщинахъ недаромъ говорятъ:
Мы сильны, потому что очень слабы,
А слабость непременно поощаждать.

БАЛКАШИНЪ.

Но только покорятся ей едва-ли.

Я это правило отжившее не чту,
И силу слабости навѣрно предпочту.

ВѢРА.

Вы это говорите мнѣ? Приму же
Я въ свѣдѣнью урокъ. Зачѣмъ, скажите, вдругъ
Со мною видѣться вы стали лишь при мужѣ,
А безъ него...

БАЛКАШИНЪ.

Вашъ мужъ мой лучшій другъ.

ВѢРА—оглядываясь. Сцена пуста.

Иль въ прошломъ ничего для васъ не свято?

Балкашинъ пожимаетъ плечами.

Петръ Николаичъ! вспомните: когда-то
Меня любили вы!..

БАЛКАШИНЪ.

Что было—безъ возврата
Давно прошло.

ВѢРА.

Гдѣ былъ конецъ для васъ,
Тамъ для меня начало.
Нѣтъ, все, что я отъ васъ до сей поры скрывала,
Вы выслушать должны сейчасъ.
Я васъ люблю...

БАЛКАШИНЪ.

Прервать васъ мнѣ нельзя ли?
Минутные капризы принимали
За искреннія чувства вы всегда,
А потому безъ всякаго труда
И безпрестанно ихъ смѣняли.

ВѢРА.

О прошломъ вправѣ такъ судить вы, Балкашинъ.

Чего мы, женщины, не сдѣлаемъ отъ скуки
 И праздности! Соблазны свѣта, мѹки
 Несбывшихся надеждъ, завѣтныхъ нашихъ сновъ,
 Которыхъ мѣръ заманчивъ такъ и новъ,
 Могильной тишины для насъ дороже.
 Мы жадно рвемся къ нимъ—и что-же?
 Жить хочется, а не умѣешь жить.
 Безумно отдаваясь первымъ встрѣчамъ,
 Зовешь любовь, а некого любить,
 И пустоту души пополнить въ жизни нечѣмъ.
 Измѣна, ложь и подогрѣтый пылъ,
 Страстей придуманныхъ холодное искусство—
 Вотъ плата намъ за искреннее чувство,
 За трату молодыхъ и свѣжихъ силъ.
 То было и со мной. А годы шли, не ждали,
 Такъ проходила жизнь моя:
 Одни меня безжалостно бросали,
 Другихъ бросала я,
 О нихъ не вспоминая даже послѣ...

БАЛКАШИНЪ.

Припомните—и мнѣ не довелось ли
 Игрушкой быть такой
 Подъ вашей избалованной рукой?

ВѢРА.

Вы злы!.. Вы человѣкъ единственный, быть можетъ,
 Къ которому любовь меня спасетъ,
 Какъ мой послѣдній жизненный оплотъ,
 И связь съ прошедшимъ темнымъ уничтожить...
 Постойте! не спѣшите отвѣчать,
 Иначе я на все могу рѣшиться.

Увидя подходящаго Иваницкаго

Ахъ, этотъ Иваницкій здѣсь опять,
 Какъ муха неотвязная, вертится;
 Но вамъ должна еще я многое сказать.

ИВАНИЦКІЙ.

Не помѣшалъ ли вамъ я?

ВѢРА.

Угадали.

БАЛКАШИНЪ—не скрывая почти презрѣнія.

Пожалуйста,—не мнѣ!

ИВАНИЦКІЙ.

Но почему вы впали
Въ высокомерный тонъ? Нельзя ли мнѣ узнать.

БАЛКАШИНЪ.

Вы мнѣ ни въ чемъ не можете мѣшать:
Мы съ вами на одной дорогѣ не сойдемся
Нигдѣ и никогда.

ИВАНИЦКІЙ.

Надѣюсь!

ВѢРА.

Но постойте, господа!
Того гляди дуэли мы дождемся.
Вы на дуэль пошли бы, Балкашинъ,
При случаѣ?

БАЛКАШИНЪ.

Есть случай не одинъ:
Нелѣпо хоть и гадко,
А станешь на барьеръ...

ИВАНИЦКІЙ.

Законныхъ нѣтъ причинъ!
Намъ, представителямъ легальности, порядка,
Въ принципѣ отвергающимъ дуэль,
Едва ли позволительно бретѣрство.

БАЛКАШИНЪ.

Къ тому же, если мѣтять въ цѣль,

Небезопасно это ратоборство.

Чѣмъ кончится дуэль—впередъ не угадать;
Покойнѣй засѣдать вамъ на судейскомъ стулѣ,

Чѣмъ падать отъ свинцовой пули,
Иль въ обморокъ отъ страха упадать.

ВѢРА—Иваницкому.

Буда вы дѣли Любу?

ИВАНИЦКІЙ.

Ей дороже

Уединеніе бесѣдъ моихъ: ушла,

Меня же къ вамъ любезно прогнала.

ВѢРА.

Такъ знайте, что и я васъ прогоняю тоже,

Хоть прогонять и жаль

Въ подобный жаръ и духоту дневную:

Пожалуйста, возьмите эту шаль

И принесите мнѣ мантилью кружевную.

ИВАНИЦКІЙ.

Взгляните вверхъ: собирается гроза.

ВѢРА.

Пускай! Вы насъ найдете подъ горою.

Подавая Балкашину руку.

Вы мнѣ должны отереть теперь...

БАЛКАШИНЪ.

Глаза.

И я вамъ ихъ отерю.

Уходя въ нагѣво.

СЦЕНА VIII.

ИВАНИЦКІЙ—одинъ; смотреть на шаль и поётъ съ комической грустью.

«Гляжу, какъ безумный, на чёрную шаль
«И хладную душу терзаетъ печаль»...

Уходить нагѣво.

СЦЕНА IX.

САРМАТОВЪ и ПОЯРКОВЪ—на террасѣ, потомъ БАРСКІЙ, ЛЮБА и АРКАДІЙ.

ПОЯРКОВЪ.

Эхъ, бросьте всякія діеты и купанья.
Кто выпить для компаньи запретить!
Недаромъ говорятъ, что жидъ
И удавился даже для компаньи.

САРМАТОВЪ.

Ну, я методы этой не держусь,
И если мнѣ придется охота удавиться,
То я безъ компаньона обойдусь.

Входить БАРСКІЙ, ЛЮБОЧКА и АРКАДІЙ.

ЛЮБОЧКА.

Но чѣмъ же такъ, отецъ, успѣлъ ты огорчиться.
По земству что-нибудь? Въ глазахъ твоихъ испугъ...

БАРСКІЙ—сильно встревоженный, безпрестанно оглядывается.

Не то, не то!

ЛЮБОЧКА.

Не получалъ ли писемъ
Какихъ дурныхъ?

БАРСКІЙ.

Не то!

АРКАДІЙ.

Иль отыскалась вдругъ
Метреска юныхъ дней? Я знаю—попадись имъ,
Хоть лѣтъ чрезъ пятьдесятъ,
Такъ стараго дружка живьемъ онъ съѣдать.

БАРСКІЙ.

Не то, не то! Все пустяки ты мелешь:
Въ умѣ лишь
У самого бабѣ одно, а тутъ
Отца-то твоего, хоть не злодѣй, не воръ онъ,
Того гляди скрутятъ, да и махнуть
Туда, куда и воронъ
Не заносилъ своихъ костей.

САРМАТОВЪ—подходя.

Что за исторія? Какихъ это гостей,
Сергѣй Пахомычъ, ждете вы?

АРКАДІЙ.

Чудачить!
Мерещится ему, что у властей
Сталъ поперекъ онъ горла: вредный, значить!

БАРСКІЙ.

Тссъ!.. Ради Господа, такъ громко не трещи!
И безъ тебя мнѣ жутко, братецъ...

САРМАТОВЪ.

Все же

Я ровно ничего не понимаю.

ЛЮБОЧКА.

И я тоже.

БАРСКІЙ.

Ты, Адріанъ, мнѣ самъ разгадку отыщи.

Уже который день я замѣчаю—

Гдѣ только я иду:

По площади, по улицѣ, въ саду,

Сюда ли заверну кумысу выпить, чаю,

За мной вездѣ слѣдитъ исподтишка

Преподозрительная рожа,

Но чья—не разсмотрѣлъ издалека,

А отъ наушниковъ насъ всѣхъ избави, Боже!

САРМАТОВЪ.

И вы волнуетесь отъ этихъ пустяковъ?

Не знаешь самъ, гдѣ посмѣешься.

Во-первыхъ, батюшка, и климатъ нашъ таковъ,

Что безъ наушниковъ никакъ не обойдешься,

А, во-вторыхъ, ужъ вамъ ли трусить ихъ?

БАРСКІЙ.

Не говори! Съ годовъ сороковыхъ

Я на дурномъ счету за смѣлость многихъ мнѣній.

Была такая, видишь-ли, среда...

Конечно, какъ теперь, не смѣли мы тогда

Критиковать властей и ихъ распоряженій,

Но все-таки болтали подъ шумокъ,

Запретныя брошюры получали,

И, хоть законъ былъ строгъ,

На улицахъ курить сигары рисковали.

САРМАТОВЪ.

При этакихъ грѣхахъ вамъ можно мирно спать,

Кого вы ими нынче удивите?

БАРСКІЙ.

Отъ клеветы, родной, святымъ не убѣжать,

Не только намъ, въ житейскомъ, скромномъ бытѣ;

Не гласность есть у насъ, а ябеда одна,
 Предательствомъ газеты наши дышутъ,
 Младенцы даже въ наши времена
 Во чревѣ матери уже доносы пишутъ.
 Такъ какъ тутъ не струхнуть съ подобными людьми?
 Вотъ, напримѣръ, хоть давеча возьми:
 Отъ дому самага и по аллеямъ парка
 За мною кто присматривалъ? Къ чему?

ЛЮБОЧКА.

А развѣ ты и позабылъ про Марка?

САРМАТОВЪ.

Кому и быть, какъ не ему!

АРКАДІЙ.

Охота поднимать тревогу изъ-за вздора.

БАРСКІЙ.

Не то, не то! не можетъ быть!

ЛЮБОЧКА.

Легко

Намъ въ этомъ убѣдиться очень скоро:
 Маркъ, вѣроятно, здѣсь не далеко.

САРМАТОВЪ.

Пойдемъ искать въ кустахъ—кто онъ, виновникъ спора.

Сарматовъ и Любочка уходятъ.

СЦЕНА X.

БАРСКІЙ и АРКАДІЙ.

АРКАДІЙ.

Все это пустяки! Ты вотъ что мнѣ скажи:

При деньгахъ ты? Такимъ я долгомъ скрученъ,
Что полѣзай хоть на ножи.

БАРСКІЙ.

Опять!

АРКАДІЙ.

Постой! Какъ моралистъ, ты скученъ.
Пойми, что я остался безъ гроша.

БАРСКІЙ.

Да гдѣ-жъ мнѣ денегъ взять, моя душа?
Я купъ порядочный послалъ тебѣ давно-ли?
Вотъ, развѣ, Маркъ... У Марка попроси.

АРКАДІЙ.

Да какъ тебѣ не стыдно? На Руси
У своего лакея жить въ неволѣ!
Могу сказать: хорошъ!

БАРСКІЙ.

Кто виновать, коль самъ баклуши бьешь!
Чай, на плечахъ ты голову таскаешь.

АРКАДІЙ.

А я скажу, и понимай, какъ знаешь:
При средствахъ голова еще туда-сюда,
Безъ нихъ же съ ней—одна бѣда,
Какъ разъ придумаешь какую-нибудь мерзость.
Да, нынче жить безъ денегъ—просто, дерзость.

Уходить въ заѣ.

БАРСКІЙ.

Ну, набрался же мудрыхъ ты идей,
Годъ проходя подъ мѣдной каской.

СЦЕНА XI.

БАРСКІЙ, САРМАТОВЪ и ЛЮБОЧКА.

САРМАТОВЪ.

Вотъ и трагедія съ комической развязкой!

БАРСКІЙ.

Ну что?

САРМАТОВЪ.

Конечно, Марья.

БАРСКІЙ.

Ахъ, варваръ! ахъ, злодѣй!

И впрямь онъ на меня гладитъ, какъ на ребенка.

Ну, будетъ же ему сегодня гонка!

Начинають показываться „кумысьники“; одни проходятъ въ зданіе, другіе усаживаются на террасѣ. Иваницкій выходитъ съ мантилей на рукѣ.

СЦЕНА XIII.

ТѢЖЕ и ИВАНИЦКІЙ.

САРМАТОВЪ—указывая на Иваницкаго.

Весь вѣкъ торопится, чтобъ поспѣвать вездѣ:

То утренній визитъ, то въ клубъ засѣданье,

Въ острогѣ слѣдствіе, витѣйство на судѣ,

А въ паркѣ вечеромъ любовное свиданье,

Гдѣ насъ, мужей, нисколько не боясь,

Мѣшаетъ съ дѣломъ милое бездѣлье.

ИВАНИЦКІЙ.

А ты всегда безпечно весель, князь!

Завидно мнѣ подобное веселье.

САРМАТОВЪ.

А хочешь дамъ рецептъ? Подъ небомъ двухъ столицъ

Въ комедіи житейской, или драмѣ,
 Въ разрядѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ
 Желаете блестять вы непременно сами.
 А я такой профессіи боюсь,
 Не вѣрю переменчивой карьерѣ,
 Но въ ролѣ зрителя, покойно сѣвъ въ партерѣ,
 Смотрю на васъ и весело смѣюсь.

ИВАНИЦКІЙ.

Одностороннее, по-моему, лекарство:
 Вольно же находить вездѣ одно фиглярство.
 Любовь Сергѣевна! слушая нашъ споръ,
 Кто правъ, кто виноватъ—вы не рѣшите-ль?

ЛЮБОЧКА.

И я скажу, что умный зритель
 Все-жъ лучше, чѣмъ плохой актеръ.

БАРСКІЙ.

По истинѣ, мудрѣйшій приговоръ,
 За что прими отцовское лобзанье.
 А вы, сударь, присядьте къ намъ въ партеръ:
 Чась наступилъ кумысоиспиванья
 И сходится народъ...

САРМАТОВЪ—Иваницкому.

Гляди, вотъ, напрімѣръ,
 Идутъ Абуевы—племянница и тѣтка;
 Заговорятъ, такъ что твоя трещѣтка;
 Двѣ дѣвы старыя, бездѣтныя притомъ,
 Имѣютъ деньги, въ Тулѣ домъ,
 Чтò, вмѣстѣ взятое, для жениховъ находка.

ЛЮБОЧКА.

Находка, Иваницкій, и для васъ:
 Вы въ сватаньяхъ искать привыкли счастья.
 Вотъ случай: у одной получите отгазъ,
 Пожалуй, дастъ другая вамъ согласье.

СЦЕНА XIV.

ТѢЖЕ и АБУЕВЫ—показываются въ глубинѣ сцены и идутъ, оправляясь.

ТЕТКА.

Куда какъ весело съ тобой таскаться мнѣ!
Съ ума сойдешь!

ПЛЕМЯННИЦА.

Еще бы! Есть причины!
У васъ, какъ на яву, такъ и во снѣ,
Въ умѣ одни мужчины.

ТЕТКА.

Безстыжая! Сама
При видѣ одного мужского платья,
Къ нему готова липнуть, какъ чума.

ПЛЕМЯННИЦА.

Молчите лучше вы! У насъ одни понятя
И тѣ же самые грѣхи.
Недаромъ писаны какіе-то стихи:
У христіанъ всѣ люди—братья,
У старыхъ дѣвъ всѣ люди—женихи.

ТЕТКА—въ виду постороннихъ.

Сварливостью своей кому ты не извѣстна!
Меня хоть при народѣ не срами.

Мѣняя тонъ.

Ты знаешь, топъ аміе,
Что безъ тебя мнѣ скучно повсемѣстно.

Проходить въ курзалъ.

САРМАТОВЪ—провожая ихъ глазами.

Будь сказано обѣимъ не во гнѣвъ:
На перебой онѣ трещать, лишь только встанутъ—
Цвѣты, растенія и даже уши вянутъ.

Проектъ есть у меня: подобныхъ старыхъ дѣвъ
Въ Ташкентъ особымъ транспортомъ отправить.

БАРСКІЙ.

За чѣмъ это?

САРМАТОВЪ.

Чтобъ партію составить.
Тамъ въ женщинахъ замѣтный недочѣтъ:
Другая хоть стара, уродищемъ зовется,
А съ выгодой окончить свой походъ:
Поѣдетъ горничной, а барыней вернется.

ИВАНИЦКІЙ—Любочка. Оба стоять поодаль.

Мнѣ обвинять васъ, право, не грѣшно;
Съ злодѣемъ, даже съ тѣмъ, вѣдь такъ не поступаютъ!

ЛЮБОЧКА.

Вы въ прокуроры мѣтите давно,
А прокуроры вѣчно обвиняютъ.
Забудьте обо мнѣ, пожалуйста, скорѣй,
Въ томъ вы успѣете при крошечномъ усилии:
Теперь же о своей
Припомните мантили.

Иваницкій ударяетъ себя по лбу, бѣжитъ и едва не сплѣскаетъ съ ногъ
Булановой.

СЦЕНА XVI.

ТѢЖЕ, безъ ИВАНИЦКАГО, и БУЛАНОВА—за ней ливрейный мальчикъ.

БУЛАНОВА.

Фу, Господи ты мой! Кто этотъ сумасбродъ?
Чуть съ ногъ меня не сплѣбъ! Онъ угорѣлый, что ли?

САРМАТОВЪ.

Агаѣя Марковна! До свадьбы заживетъ!

БУЛАНОВА.

Князь, здравствуйте! [*Мальчику*] Столъ отодвинь, уродъ!

Садится.

И то сказать—это насъ сюда несётъ?

Охота пуще, батюшка, неволи.

Кумысь поправить, думала, меня;

Пью вотъ недѣли двѣ, а мнѣ все хуже, хуже:

Одышка, ревматизмъ,—ну, просто, смерть моя.

Хорошъ и докторъ здѣсь! Пойдите, отпою же

Ему рацею я.

БАРСКІЙ.

А мнѣ помогъ,—и съ первыхъ же бутылокъ

Поправился я такъ, такъ бодръ сталъ, даже пылокъ,

Что, глядя на другихъ, хотѣлось бы подчасъ

И самому пуститься въ плясъ.

БУЛАНОВА.

Да, какъ кому! Иной пьетъ, пьетъ, а чахнетъ.

А запахъ-то каковъ? Хотъ зажимайте носъ:

Не то кумысь, не то навозъ.

САРМАТОВЪ.

«То русскій духъ, то Русью пахнетъ!»

Какъ примѣсь кровную, его вездѣ найдешь:

Границу русскую едва перешагнешь,

Зажмуривши глаза, хотя бы въ дни морозной

И лютой нашей сѣверной зимы,—

Уже одинъ родной букетъ навозный

Даетъ почувствовать—куда попали мы.

БУЛАНОВА.

Любовь Сергѣевна, мать моя! Неужто

И вы постриглись въ эти... какъ бышь кличуть тѣхъ,

Которыя кричатъ, что мужъ, законный мужъ-то,

Имъ пугала смѣшнѣй?.. И повторять-то грѣхъ!

ЛЮБОЧКА.

Не стриглась я, а такъ причесана.

БУЛАНОВА.

А я-то

Васъ заподозрила. Простите, виновата.

А то взглянуть, такъ срамъ

На барышень теперешнихъ и дамъ:

Безъ юбокъ всѣ, въ очкахъ, простоволосы...

Какъ это прихоть женскую постичь!

Когда-то въ деревняхъ, судъ кончивъ и разспросы,

Мы дѣвкамъ въ наказанье стригли косы,

А нынче барыни ихъ сами стали стричь,—

За то ихъ на людяхъ, Богъ вѣсть, какъ и поносить!

БАРСКІЙ.

Бѣда не отъ волосъ. Кто хочетъ, такъ и носить!

САРМАТОВЪ.

Оставьте вы ее! Не то отъ женскихъ косъ

Агаѣя Марковна, пожалуй, до волосъ

И нашихъ доберется,

И плохо намъ тогда придется.

БУЛАНОВА—мальчику.

А ты, что фыркать сталъ? Сверчокъ курносый, дрянъ!

Пошелъ, вонъ тамъ, подальше стань.

Съ народомъ этимъ то же: понемножку

Отбились всѣ отъ рукъ,—безпутство, грубость, лѣнь...

Адъ сущій сталъ. Мѣняй ихъ каждый день,

Такъ все равно, что изъ кулька въ рогожку:

Нѣтъ никакого ладу и житья.

Когда не катаньемъ—мытьемъ насъ доѣзжаютъ...

Зато въ губерніи у насъ и нанимаютъ

Ихъ съ уговоромъ лишь: съ битьемъ, иль безъ битья.

САРМАТОВЪ.

И этотъ мальчуганъ «съ битьемъ» у васъ?

БУЛАНОВА.

Немало

Я и съ такимъ условьемъ нанимала,
 А прокъ какой? Ну, всѣ, какъ на подборъ:
 Бей, иль не бей—то пьяница, иль воръ.
 Пришелъ ко мнѣ такой. Носъ сизый, замѣчаю:
 «Пьешь, говорю, куриный сынъ?»
 Клянется, бестія: въ годъ разъ всего одинъ,
 Когда говѣю, разрѣшаю.
 Повѣрила, взяла и—зареклась:
 Въ недѣлю-то семь разъ,
 Разгавливаясь, онъ не могъ вязать и лыка.
 Терпѣнїе у насъ, могу сказать, велико...

БАРСКІЙ—клянется, про себя.

Вѣдь это ужасъ, варварство, позоръ!

САРМАТОВЪ.

Чего волнуетесь вы, юноша маститый?
 Выходите, что битые прислуги дѣло сихъ поръ
 У насъ вопросъ нисколько не избитый,
 И также, какъ и встарь, небитыхъ возить битый
 На крѣпкой и выносливой спинѣ.

СЦЕНА XVII.

ТѢЖЕ и ДОКТОРЪ—говорить съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ.

САРМАТОВЪ.

А, вотъ и эскулапъ нашъ знаменитый!

БУЛАНОВА.

Подите-ка вы, батюшка, ко мнѣ.

ДОКТОРЪ.

Я, господа, въ услугамъ вашимъ...

БУЛАНОВА.

Такъ-ли?

Смотри, расшаркался, какъ будто на спектаклѣ!

Взгляните на меня: полмѣсяца лечусь,

Пью ваше пойло мерзкое кобылье,

Какой-то мазью трусь,

А толкъ какой? Съ постели безъ усилъя

Встать не могу.

ДОКТОРЪ.

Сударыня, но все-жъ

Вамъ лучше нѣсколько: и видъ, и пульсъ хорошъ.

БУЛАНОВА—вырывая у него руку.

Да вы въ меня влѣзали, сударь, что-ли?

Распухла вся, не сплю, грудныя боли,

Злюсь день и ночь, а онъ еще поѣтъ:

Поправилась! Грѣхъ, батюшка, народъ

Вамъ, лекарямъ нѣмецкимъ, такъ морочить

ДОКТОРЪ.

Агаѣя Марковна! врачей легко порочить!

БУЛАНОВА.

А что-жъ кумысь?

ДОКТОРЪ.

Давно готовъ.

БУЛАНОВА.

Взгляну

Пойду, каковъ онъ нынче.

Прикиривая на зазѣвавшагося мальчика.

Ну!

Уходить.

СЦЕНА XVIII.

ТѢЖЕ, безъ ВУЛАНОВОЙ.

ДОКТОРЪ.

Вотъ посреди подобнаго татарства
Извольте всѣхъ лечить и помощь подавать!
Одна отъ злости требуетъ лекарства,
Другая мужа просить прописать;
У третьяго давно нѣтъ лёгкаго въ поминѣ,
Умреть—кто виновать? Опять все тотъ же врачъ!
Ей-Богу, та же каторга. Хоть плачь,
Иль шарлатанствуй только въ медицинѣ.

БАРСКІЙ.

Махните вы на эту брань рукой.

САРМАТОВЪ.

А я такъ пуще брани
Боюся похвалы одной людской:
Услышу—и ужъ думаю заранѣ:
Не сдѣлалъ ли я пакости какой?

БАРСКІЙ—вставая.

Однако, Любушка, намъ тоже не пора-ли
Источника всѣхъ благъ идти хлебнуть въ курзалѣ.

Уходить.

СЦЕНА XIX.

САРМАТОВЪ и ДОКТОРЪ.

ДОКТОРЪ.

Что, князь, берете ванны?

САРМАТОВЪ.

Вотъ те-на!

Я ванны внутрь беру изъ краснаго вина.

Насчетъ лекарствъ сомнѣнья всѣ разсѣявъ,

Я къ выводу пришелъ дорогою прямой,

Что лучший докторъ мой

Виноторговецъ Елисеѣвъ.

ДОКТОРЪ.

Открыть ли вамъ секретъ? Тантъся не хочу,

Хоть и не слѣдъ врачу:

Я самъ бы медицинскія всѣ книжки

Давно забросилъ въ печь, а вотъ лечу

Людей лѣтъ двадцать по наслышкѣ.

Что тутъ подѣлаешь? Всѣмъ надо пить и ѣсть.

СЦЕНА XX.

ТѢЖЕ и БОЛЬНОЙ—котораго привозятъ въ креслѣ.

ДОКТОРЪ.

Что вижу я? Да вы совсѣмъ воскресли:

Въ постели, слышалъ я, а нахожу васъ въ креслѣ.

БОЛЬНОЙ.

Какое! пролежалъ, какъ пласть, я сутокъ шесть,

Да и теперь дышу на ладонѣ.

ДОКТОРЪ.

Для всѣхъ часъ смерти, батюшка, не гаданъ:

Полѣчитесь, оправитесь опять.

БОЛЬНОЙ.

Меня вы не волнуйте безъ причины:

Не все-ль равно: лечь на кровать

И терпѣливо ждать кончины,
Иль умирать
По правиламъ новѣйшей медицины.

ДОКТОРЪ.

Однако же, кумысь...

БОЛЬНОЙ.

Кумысь вашъ проклять будь!
Уѣду—съ силами лишь соберусь немного.

Слугѣ.

Вези меня на солнце, ради Бога!

ДОКТОРЪ.

Ну, что-жъ, и съ Богомъ въ путь;
И можете вы слово помянуть:
Здоровымъ въ городѣ васъ встрѣчу въ сентябрѣ я.

Больного увозать.

Того гляди умереть,—ужъ ѣхалъ бы скорѣе.

Въ курзалѣ слышенъ шумъ.

Еще что за бѣда?

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Гдѣ, докторъ? Къ намъ его! Эй, доктора сюда!

ДОКТОРЪ.

Не мѣла ли? Со всѣми будь ты ласковъ,
Всѣ дерзости сноси, и тамъ, и здѣсь поспѣй...
Хоть разорвись на нѣсколько частей
И нѣсколько участвовъ!..

СЦЕНА XXI.

ТѢЖЕ и БУЛАНОВА, ПОЯРКОВЪ, АБУЕВЫ, ПЕТЯ ФЕДОРОВЪ и ФЕДЯ ПЕТРОВЪ, и цѣлая группа кумысниковъ. Во время суматохи изъ сада выходятъ БАЛКАШИНЪ и остается въ сторонѣ безмолвнымъ зрителемъ сцени.

БУЛАНОВА.

Да что вы, сударь мой, со свѣту, что-ли сжить
Хотите насъ?

Томъ III.—Мѣй, 1874.

ПОЯРКОЕЪ.

Ступай-ка на расправу!

БУЛАНОВА.

Да мы о васъ такую пустимъ славу,
Что вамъ себѣ придется яму рыть.

ӨЕДОРОВЪ.

Составимъ протоколъ!

ПЕТРОВЪ.

Однимъ протестомъ общимъ
Въ газетахъ прокричимъ!

ДОКТОРЪ.

Повѣсьте хоть сейчасъ:
На что вы ропщете—не понимаю васъ!

БУЛАНОВА.

Какъ будто невдомѣкъ, на что мы ропщемъ!
Прикинулся казанской сиротой.

Нѣтъ, батюшка, постой!

Какое намъ здѣсь предлагаютъ пойло?

Во-первыхъ, вонъ такая, какъ изъ стойла,

Хоть носъ завязывай платкомъ,

А во-вторыхъ, кумысъ вашъ разбавляютъ

Кабацкимъ коньякомъ.

ДОКТОРЪ.

Всѣ медики—специалисты знаютъ,
Что съ примѣсю такой вдвойнѣ полезнѣй онъ:
Я такъ лечу семнадцатый сезонъ.
Напрасно вы, сударыня, шумите!

БУЛАНОВА.

У васъ и возражать еще хватаетъ прйти!
 Вѣдь за свои я денежки шумлю.
 Я знаю цѣну каждому рублю,
 Что съ насъ деруть изъ нѣмцевъ лекаришки,
 Вотъ почему и правду имъ рублю:
 На вашихъ дачахъ здѣсь ни дна нѣтъ, ни поберышки...

ФЕДОРОВЪ.

Неслыханно! Лить въ молоко коньякъ!

ПЕТРОВЪ.

Кумысъ имъ отравлять! Да это безпримѣрно!

ПОЯРКОВЪ.

А можно посмотре́ть и такъ:
 Вѣдь и коньякъ кумысомъ портить скверно!

БУЛАНОВА.

Нѣтъ, надо мной никто такъ не шутилъ.
 И я дойду до всякаго начальства.
 Мнѣ полицмейстеръ зять, мой мужъ не дослужилъ
 Лишь только трехъ недѣль до генеральства.
 Я, сударь, духъ перевозжу едва,
 Хвативши вашего отравленнаго зелья.

АБУЕВА-тетка.

У насъ у всѣхъ кружится голова!

ПОЯРКОВЪ.

Я самъ какъ-будто бы съ похмѣлья!

ДОКТОРЪ—Сарматову.

Представьте: я и въ этомъ виноватъ!

АБУЕВА-племянница—падала на руки Пети Ѳедорова.

Мнѣ дурно! Ахъ, мой Боже!..

АБУЕВА-тетка.

Мнѣ дурно... дурно тоже...

Падаеть и поддерживается Ѳедей Петровымъ.

ѲЕДОРОВЪ.

Стаканъ воды сюда!

ПЕТРОВЪ.

Графинъ воды!

ПОЯРКОВЪ.

Ушать!

Убѣгаетъ.

Общее движеніе. Обѣ дамы при послѣднихъ словахъ быстро приходятъ въ себя; за ними ухаживаютъ ихъ кавалеры. Докторъ, пользуясь суматохой скрывается.

СЦЕНА XXII.

ТѢЖЕ, безъ ПОЯРКОВА и ДОКТОРА.

БУЛАНОВА.

Вотъ мастерицы падать безъ ушиба!
 Прически не сомнуть на волосокъ одинъ:
 Раскинутся на креслѣ мягкомъ, либо
 Очутятся на шеѣ у мужчинъ.
 А гдѣ Густавъ Ѳоимичъ? Ну, такъ и есть, далъ тягу.
 Нѣтъ, нѣмчура, палишь!
 Ужъ я скорѣй въ постель больная слягу,
 А отъ меня не убѣжишь.

Уходить; всѣ за ней, кромѣ Абуевыхъ съ ихъ кавалерами. Балкашинъ и Сарматовъ остаются на авансценѣ.

СЦЕНА XXIII.

ТѢЖЕ, безъ ВУЛАНОВОЙ.

БАЛКАШИНЪ.

Знать доктору не улизнуть отъ бури.

САРМАТОВЪ.

Да, въ этой барынѣ вся Русь въ миниатюрѣ!
 Вездѣ у насъ, и вдоль и поперекъ,
 Ругательствъ дождь на пришлыхъ нѣмцевъ льется,
 А чуть за дѣло взаться намъ придется —
 Безъ нѣмцевъ мы, какъ бы безъ рукъ, безъ ногъ.

Оба уходятъ въ залъ.

СЦЕНА XXIV.

ТѢЖЕ, безъ САРМАТОВА и БАЛКАШИНА.

АБУЕВА-тетка.

Такъ завтра утромъ ждемъ васъ непременно.

АБУЕВА-племянница.

А вечеромъ смотрѣть на солнечный закатъ
 Поѣдемъ.

ПЕТЯ ѲЕДОРОВЪ.

Наше слово неизмѣнно.

ѲЕДЯ ПЕТРОВЪ.

Въ часъ явимся...

Абуевы уходятъ.

Ну, братъ,
 Убили мы бобра! Вѣдь съ ними хороводясь,
 Людей всѣхъ добрыхъ можно насмѣшивать.

ПЕТЯ ѲЕДОРОВЪ.

Ты погоди, не плюй въ колодезь:
Придется, можетъ быть, и въ немъ воды испить.

Уходить.

СЦЕНА XXV.

ВѢРА и ИВАНИЦКІЙ—являются съ другой стороны.

ИВАНИЦКІЙ.

Я васъ не узнаю. Гдѣ ваша гордость, ВѢра?
Положимъ, онъ вамъ милъ, но, вѣдь, на все есть мѣра.
За нимъ гоняетесь вы всюду день-деньской,
Рискуя, наконецъ, стать сказкой городской.

Онъ этого, клянусь вамъ, недостойнъ!

Ему до васъ и дѣла нѣтъ...

На все онъ смотритъ такъ, какъ будто цѣлый свѣтъ
Для одного его устроень.

ВѢРА—взволнованная.

О комъ онъ говорилъ? Кто нравится ему?

Онъ любитъ, но кого же?

ИВАНИЦКІЙ.

Знать хотите?

ВѢРА.

Шипите всѣ, злословьте, клеветайте!

Я не повѣрю никому.

ИВАНИЦКІЙ.

Ну, такъ назадъ скорѣе посмотрите.

Баллашникъ и Любочка проходятъ черезъ сцену, говоря тихо, но съ увлеченіемъ.

ВѢРА.

Сестра! Опять она, вездѣ она одна
 Становится мнѣ поперекъ дороги!
 И я до этихъ поръ была ослѣплена
 Упорной скрытностью дѣвченки-недотроги?

ИВАНИЦКІЙ.

Меня вы называли пошлякомъ
 За то, что я искалъ невѣсты съ состояньемъ,
 Такъ полюбуйте же—съ какимъ теперь стараньемъ
 Вашъ protégé трезвонитъ языкомъ
 Передъ Любовъ Сергѣевной!... Вѣрно, тоже,
 Онъ, корифей и слава молодежи,
 Онъ, безкорыстный дѣятель, не прочь,
 Забывъ демократизмъ, и день и ночь
 За выгодной невѣстою гоняться.

ВѢРА—насмѣшленно смѣется.

Нѣтъ, быть не можетъ, чтобъ могла
 Она такъ надо мною насмѣяться.
 Я все должна узнать. Идемъ!

ИВАНИЦКІЙ—слѣдуя за ней.

Мои дѣла

Отлично начинаютъ поправляться.

Оба уходятъ. Сцена пустая.

СЦЕНА XXVI.

ПОЯРКОВЪ—въ курзалѣ.

Всѣ разошлись. Шаромъ хотъ покати...
 Густавъ Ѳомичъ! И онъ удраль... Вотъ трусъ-то!
 Однако, у меня давно въ желудкѣ пусто:
 Ну, что бъ изобрѣсти?

Садится на авансценѣ у ближайшаго столика.

Эй, человѣкъ!

Слуга входитъ.

Поди-ка въ сковородѣхъ
 Селянку рыбную въ буфетѣ мнѣ спроси.
 Изъ нѣтъ, постой! Ужъ лучше принеси
 Сперва сюда графинчикъ водки.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ общей петербургской квартирѣ Барскихъ и Сарматовыхъ. Три двери; каминъ. У средней двери МАРКЪ дремлетъ на стулѣ. Изъ этихъ же дверей входитъ АРКАДІЙ.

СЦЕНА I.

АРКАДІЙ.

Ну, ужъ семья! Бѣги хоть безъ оглядки:
Пробудешь съ нею день, такъ свѣта истомить.

У всѣхъ на языкѣ какія-то загадки;

Родимый батюшка дурить,
Не только что людей, но даже стѣнъ боится;
Сестрицы—два врага, князь на жену косится,

Жена все на зло дѣлаетъ ему,
И до меня нѣтъ дѣла никому.

Увидѣ Марю.

Ба! даже нашъ семейный аргусъ, церберъ
Уснулъ... Куда бы мнѣ теперь махнуть?
Иль къ Эрберу?... Въ долгъ вѣрить только Эрберъ.
Быть можетъ, тамъ и встрѣчусь съ кѣмъ-нибудь.

Уходитъ.

СЦЕНА II.

БАРСКІЙ—выходитъ изъ кабинета, слѣза.

Всю ночь не спалъ, да и теперь не спится,
Какъ будто подъ бока толкаетъ кто рукой,
Какъ будто на душѣ и Богъ вѣсть грѣхъ какой,
Который не даетъ и полчаса забыться.

Смотритъ на Марю.

Бѣдняга! Шутеа-ли!—до поздняго утра
Со мною провозился онъ, какъ нянька,—
Вотъ и заснулъ... Старикъ, послушай, встань-ка,
Да лягъ поди въ постель. Чай, со вчера
Совсѣмъ ты сбился съ ногъ...

МАРКЪ—очнувшись.

Охъ, Господи помилуй!

Попуталъ, знать, лукавый врагъ:

Сонъ, сударь, одолѣлъ, и самъ не знаю какъ.

БАРСКІЙ.

Иди же, отдохни. Ты старичина хилый,
Не мнѣ чета.

МАРКЪ.

Какой тутъ, сударь, сонъ!

Порядковъ этихъ еще нигдѣ не видно;

А чтó вздремнулъ—и самому мнѣ стыдно;
И брата нашего за то гоняють вонъ.

БАРСКІЙ.

Не то! Иди ты спать.

МАРКЪ.

Какъ будетъ вамъ угодно,

А мнѣ на старости не знать порядковъ—срамъ.

Ужъ если служишь господамъ, —

Въ часъ неурочный дрыхнуть непригодно.

БАРСКІЙ—махая рукой.

Поставить на своемъ! Ну, не желаешь лечь,

Такъ разбирать давай вчерашнія бумаги.

Тащи ихъ всѣ сюда.

МАРКЪ.

Зачѣмъ же?

БАРСКІЙ.

Во избѣжанье всякой передраги.

Къ камину—вотъ сюда ихъ и валяй.

МАРКЪ.

Забаву новую себѣ еще нашли.

Уходить.

СЦЕНА III.

БАРСКІЙ—одинъ.

Обузу съ плечъ долой, и дѣло будетъ глаже.
 Конечно, не держу зловредныхъ я бумагъ,
 Книгъ, недопущенныхъ къ продажѣ,
 Но все-таки вѣрнѣе сдѣлать такъ.
 Подъ-часъ и обвинять, хоть всѣ улики слабы;
 Недаромъ же сказалъ одинъ умнѣйшій плутъ:
 Нѣтъ слова, за которое нельзя бы
 Отдать подъ судъ.

СЦЕНА IV.

БАРСКІЙ и МАРКЪ—съ картономъ бумагъ.

БАРСКІЙ—садится къ камину.

Поставь-ка вотъ сюда, чтобъ мнѣ не наклоняться.

Маркъ кладетъ картонъ на кресло.

Да, какъ подумаешь—къ кому нельзя придраться

И первымъ вольнодумцемъ въ мірѣ счесть!

Вѣдь тотъ, кто азбуку рѣшилъ изобрѣсть,

Въ иныхъ глазахъ опаснымъ могъ казаться:

Придумалъ буквы онъ сперва,

Изъ буквъ пошли слова,

Изъ словъ слагаться стали рѣчи,

А рѣчи многія опаснѣе картечи...

Нѣтъ, я теперь не тотъ, съ лѣтами поостылъ

И чутокъ сталъ, какъ сѣтеръ:

Лишь вернись, да около перемѣнился вѣтеръ,

И самъ я по-вѣтру поплылъ.

Куда бороться съ силою соломѣ!..

Давай же, Маркъ, бумаги истреблять.

МАРКЪ.

Не нужны вамъ онѣ, зачѣмъ же ихъ сжигать?
Бумажка всякая понадобится въ домѣ.

БАРСКІЙ—перебирая бумаги.

И думать не моги:
Что буду отдавать, бросай въ каминъ и жги.
Какъ время-то идетъ, скажите, Бога ради!
Все собрано назадъ лѣтъ двадцать-пять:
Статейки, письма, старыя тетради...
Вотъ и съ стихами разными тетрадь:
Всѣ писаны рукой покойной Лиды.
Вотъ Пушкина «Деревня» и «Кинжалъ»:

Декламируя.

«Лемносскій богъ тебя сковаль
«Для рукъ безсмертной Немезиды».
Вотъ и мои грѣшки на тотъ же ладъ
И нѣсколько въ скабрѣзномъ тонѣ...
Всю юность вижу, будто на ладони...
Жги разомъ все!.. Оглянись назадъ,
И тяжело равно — приходится сознаться —
Какъ старыя бумаги разбѣирать,
Такъ въ собственной душѣ своей копаться.

СЦЕНА V.

ТѢЖЕ и ВѢРА.

БАРСКІЙ.

А, Вѣрочка!

ВѢРА.

Ты, cher рара, одинъ?

БАРСКІЙ.

Ну, Маркъ, ступай; да лягъ, прошу я снова.

Маркъ уходитъ.

ВѢРА.

•Сейчасъ за мною будетъ Балкашинъ:
Скажи же, наконецъ, рѣшительное слово
И приготовься — отказать.

БАРСКІЙ.

Да гдѣ же словъ рѣшительныхъ мнѣ взять?
Ни въ чемъ отказывать я не умѣю людямъ
Съ двухъ первыхъ фразъ. Къ тому-жъ,
Хоть Любѣ онъ неподходящій мужъ,
О немъ мы, кажется, ужъ слишкомъ строго судимъ:
Талантъ и знанья есть, съ три короля ума...
Не имъ-ли увлекалась ты сама?

ВѢРА.

Да, прежде, не теперь; то было заблужденіе.
А ты... ты обо всѣхъ отличнѣйшаго мнѣнья:
У васъ и Кашкаревъ былъ принятъ точно свой.

БАРСКІЙ.

Чѣмъ онъ не человѣкъ? Почтенный, дѣловой,
Въ жандармахъ былъ сначала,
Теперь посредникъ мировой.
А Балкашинъ... Конечно, онъ не мало
Заносится, прослылъ за радикала...

ВѢРА—горячо.

Нѣтъ, мало этого: виситъ на волоскѣ!
Онъ съ репутаціей погибшей невозвратно,
И очень скоро, вѣроятно,
Куда-нибудь проскачетъ на-легкѣ.
Не то что женихомъ — ужели вамъ не ясно? —
Но какъ знакомаго, дрожа за всякій часъ,
Его и принимать не безопасно:
Вѣдь, по знакомствамъ судятъ и о насъ.

БАРСКИЙ—тревожно прохаживается.

Еще бы! Всѣ! Нѣтъ, я такого брака
Не допущу. Чтобъ не нажить хлопотъ,
Избавь насъ Богъ отъ этакихъ господъ.
Жаль мнѣ его и сильно жаль, однако
Себя намъ прежде всѣхъ приходится беречь.
А Любу... ни-ни-ни! могу предостеречь:
Проси, хоть не проси, не поведу и ухомъ.

ВЪРА.

Хоть въ жизни разъ будь твердъ...

Уходить.

СЦЕНА VII.

БАРСКИЙ, потомъ БАЛКАШИНЪ.

БАРСКИЙ—одинъ.

Да, да, прямая цѣль!
Чтобъ долго не тянуть такую канитель,
Все залпомъ выпалю, скажу единымъ духомъ.
И я подь-часъ бываю крутъ. Да, крутъ!..

Входитъ Балкашинъ.

БАЛКАШИНЪ—про себя.

Какимъ бы воздухомъ теперь ни пахло тутъ,
Еще послѣдній опытъ, и—довольно.

БАРСКИЙ.

Петръ Николaicъ. Милости прошу!

БАЛКАШИНЪ.

А, можетъ быть, вамъ помѣшалъ невольно?

БАРСКИЙ.

И—что вы, полноте! Какъ вы, я не спѣшу
И жить за пaтерыхъ, и думать, и трудиться.

Подъ старость кто на силы не скупится!
А ваши какъ дѣла? Я слышалъ—не безъ бѣдъ.

БАЛКАШИНЪ.

Какъ быть, Сергѣй Пахомычъ!
Пока не унываю.

БАРСКІЙ.

Ну, Богъ въ помочъ.

БАЛКАШИНЪ.

Работа ладится, съ людьми вотъ ладу нѣтъ.

БАРСКІЙ.

А кто же виновать? Вы, господа, вы сами!
Земля стоитъ уже не первый годъ,
И все идетъ подъ небесами,
Хоть потихоньку, да впередъ.
А вы торопитесь, нѣтъ сдержки нетерпѣнью.
У большинства пріемъ каковъ?
Чтобъ цапъ-царапъ, по пучьему велѣнью,
И былъ корабль готовъ.
Нѣтъ, дѣло дѣлайте, а вмѣстѣ и карьеру!
Чтобъ избѣжать непухлой кутерьмы,
Вы поступайте такъ, какъ поступали мы:
И отрицайте въ мѣру
И—сохраняйте вѣру.

БАЛКАШИНЪ.

Талантъ двойной и очень дорогой!
Но трудно совмѣстить такіе два удѣла:
И Бога, и мамона быть слугой.
Позвольте одному ужъ лучше дѣлать дѣло,
А пусть карьеру дѣлаетъ другой.

БАРСКІЙ.

Слыхали, сударь мой, все это мы слыхали,—

И знаемъ хорошо, чѣмъ многіе кончали.
 Всѣ люди не о двухъ же головахъ.
 Мой родственникъ одинъ куда какъ пѣтушился,
 Былъ въ молодости бритвой на словахъ,
 Россію цѣлую перекроить грозился,
 И что же? въ участковыхъ приставахъ
 Недавно очутился.

БАЛКАШИНЪ.

Примѣры были разные.

БАРСКІЙ.

Такъ, такъ!
 Но мнѣ о нихъ и заикаться страшно.
 Кто самъ себѣ не лиходѣй, не врагъ,
 Чья голова не вовсе базшабашна,
 Тотъ на носу бы долженъ зарубить:
 Излишнюю-то прыть—
 Поукротить.

БАЛКАШИНЪ.

О чемъ-нибудь другомъ молить намъ нужно Бога,
 А укротителей-специалистовъ много
 И безъ того.

БАРСКІЙ.

Тѣмъ хуже для всѣхъ васъ.
 Петръ Николаичъ! Эхъ, пора остепениться!

БАЛКАШИНЪ.

Самъ думаю. И вотъ на первый разъ
 Хочу начать съ того, чтобы жениться.

БАРСКІЙ.

Жениться? Говорилъ-бы кто пной.

Вы знаете, какая есть примѣта:
Хорошій дѣатель,—такъ семьянинъ дурной.
Вы моего послушайте совѣта:
Повремените-ка!

БАЛКАШИНЪ.

Жду не совѣта я,
А вашего отцовскаго согласья.
Я вашу дочь люблю, и наше счастье
У васъ въ рукахъ.

БАРСКІЙ—тихо.

Вотъ Богъ послалъ въ зятя!
Дай, Господи, мнѣ крутости и силы!..

Громко.

Любушина судьба—особая статья:
Кому такія дочери не милы.
Красавица, умна не по годамъ,
И голову имѣетъ золотую.
Но чтобъ на ней жениться—вамъ,
Сказать вамъ откровенно—протестую.

БАЛКАШИНЪ.

Благодарю!

БАРСКІЙ.

Постойте! Видитъ Богъ:
Ни одного мгновенія не могъ
О васъ и помышлять я, какъ о мужѣ,
О человѣкѣ скверномъ, но—вы хуже:
Вы слишкомъ честный человѣкъ,—
Который думаетъ, что въ пору
Ему схватить и сдвинуть гору,
А та гора стоитъ уже не первый вѣкъ.

БАЛКАШИНЪ.

И въ самыхъ похвалахъ у васъ излишки!

БАРСКІЙ.

Еще сказать вамъ болѣе рѣшусь:
Въ исторіи, въ любой хорошей книжкѣ,
Подобной личностью, какъ вы, я умилиюсь,
А вотъ, принять въ семью свою—боюсь.

СЦЕНА VI.

ТѢЖЕ и ЛЮБОЧКА.

ЛЮБОЧКА—въ дверяхъ.

Нѣтъ, медленность, я вижу, не у мѣста.

Подходить къ отцу.

Папаша, для тебя здѣсь нѣтъ людей чужихъ;
Рекомендую: вотъ женихъ,
И вотъ его невѣста;
А чтобъ и ты для насъ былъ тоже не чужимъ,
То оба мы тебя благословимъ.

БАРСКІЙ.

Быстра! Все шиворотъ на выворотъ рѣшила.
Но шутки брось, не въ нихъ теперь вся сила.

ЛЮБОЧКА.

Я и сама нисколько не шучу.
Не слушайся ты никого, папаша,
И дай свое согласье.

БАРСКІЙ—скороговоркой.

Не хочу!

Балкашину.

Какъ знаете, рѣшайте,—дѣло ваше.
А вамъ отъ всей души я высказалъ свой взглядъ,
Что съ вашимъ направленьемъ не жениться,
Но если даже былъ женатъ,
То нужно разводиться;

Томъ III.—Май, 1874.

И мой одинъ рѣшительный отвѣтъ:
Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

ЛЮБОЧКА.

Ты съ трусостью своей впадаешь, просто, въ дѣтство

БАЛКАШИНЪ.

Страшать васъ клеветы какія-то однѣ.

БАРСКІЙ.

Пойдешь наперекоръ, лишу тебя наслѣдства.

ЛЮБОЧКА.

Пожалуйста, его не нужно мнѣ!

БАРСКІЙ—тихо.

Еще одна минута—я спасую
И крылья опущу.

Громко.

Въ домъ ни ногой къ себѣ до смерти не пущу,
На старости запью, печатно обрисую
Скандалъ такой, въ судѣ процессъ начну...

ЛЮБОЧКА.

Ахъ, на себя ты самъ клеветашь!.. Ну,
А если я уже на все готова?
Отецъ, да образумься!

БАРСКІЙ.

Проклянута!

Тихо.

О, Господи! прости мнѣ это слово.

Убѣгаетъ въ кабинетъ.

СЦЕНА VIII.

БАЛКАШИНЪ и ЛЮБОЧКА.

БАЛКАШИНЪ.

Не узнаю его! Напуганъ, возбужденъ...
И будь здѣсь кто чужой, онъ, просто, озадачить.

ЛЮБОЧКА.

Бѣдняжка, право, онъ!
Насильно сердится, а самъ едва не плачетъ.

БАЛКАШИНЪ.

Такъ дай же, Люба, руку.

ЛЮБОЧКА.

Вотъ она!

БАЛКАШИНЪ.

Пора!

Все сдѣлано, что сдѣлать было нужно.

ЛЮБОЧКА.

Тссъ! Помни, что сестра
Еще не вовсе безоружна.

СЦЕНА IX.

ТѢЖЕ и САРМАТОВЪ.

САРМАТОВЪ.

Ну что, я правъ?

БАЛКАШИНЪ.

Отказъ!..

САРМАТОВЪ.

Такъ поспѣши.

Старикъ нашъ если перетрусить слишкомъ, —
 Ему хоть колъ на головѣ теши;
 А дасть перегорѣть сомнѣннѣямъ всѣмъ и вспыхнемъ,
 Такъ послѣ самъ радъ будетъ отъ души.
 Ну, дѣйствуй.

БАЛКАШИНЪ.

До свиданья.

Уходитъ.

САРМАТОВЪ—Любѣ.

А ты поди къ себѣ, принарядись:
 Нельзя же ѣхать такъ.

Любочка уходитъ.

СЦЕНА X.

САРМАТОВЪ, потомъ ИВАНИЦКІЙ.

САРМАТОВЪ.

Какой же я сюрпризъ
 Супругъ приготовлю въ назиданье!..
 Пускай посердится, перчатки разорветъ,
 Иль кружевной платокъ на мелкіе кусочки,
 Потомъ начнетъ скучать и въ берега войдетъ,
 И снова Иваницкаго начнетъ
 Водить, какъ москву, на пшурочекъ.

ИВАНИЦКІЙ входитъ.

И самъ онъ на лицо. Сказать бы я ему:

И лёгокъ по уму
 И лёгокъ на поминѣ.

ИВАНИЦКІЙ.

Замерзъ! Вотъ кстати-то: огонь еще въ каминѣ!..

САРМАТОВЪ.

Ну, Цицеронъ, откуда и куда?

Но, впрочемъ, твой отвѣтъ я подскажу заранѣ:
 По Невскому прошелся, какъ всегда,
 Позавтракалъ въ Татарскомъ ресторанѣ,
 Судилъ, радилъ, двухъ въ каторгу упѣлъ,
 И, съ чистой совѣстью, мѣшая съ дѣломъ шутки,
 Желаетъ попокантнѣй кончить сутки,
 Какъ гастрономъ въ любви и въ устрицахъ знатокъ.

ИВАНИЦКІЙ.

Отбросивши насмѣшку,
 Въ оракульствѣ твоємъ—ложь съ правдой въ перемежку;
 Но вечеръ провести я думаю не такъ;
 На это есть и видимые знаки:
 О скромности моей докладываетъ фракъ.

САРМАТОВЪ.

Да ты, поди, и родился во фракѣ.

ИВАНИЦКІЙ.

Въ сорочкѣ, жаль, какъ ты не родился.

СЦЕНА XI.

ТѢЖЕ, ВѢРА и АРКАДІЙ.

ИВАНИЦКІЙ—ВѢрѣ.

За вами я—въ концертъ.

ВѢРА.

Онъ вѣрно начался.

Не поздно-ли?

ИВАНИЦКІЙ—показывал часы.

Я, какъ хрономѣтръ, точенъ:
 Три-четверти восьмого.

ВѢРА.

Да? Ну, что-жъ,
Отправимтесь. [*Аркадію*] Желаетъ?

АРКАДІЙ.

Нужно очень!
Отъ вапшей музыки классической уснешь,
Какъ отъ зубренія латыни этой адской.

САРМАТОВЪ.

Ты, кстати, за кого же, принцъ Аркадскій:
За классиковъ, за реалистовъ?

АРКАДІЙ.

Нѣтъ!
Стою я больше—за балетъ.

САРМАТОВЪ.

Вотъ истинный мудрецъ!

ВѢРА.

Гдѣ Люба?

САРМАТОВЪ.

Вѣрно дома.
Была работой слѣпшной занята.

ВѢРА.

Нѣтъ, комната ея снаружи заперта.

САРМАТОВЪ.

А знаешь ты про результатъ пріема
И сватанья?

ВЪРА.

Чьего?

САРМАТОВЪ.

Балкашина.

Ему отставка чистая дана.

Папаша показалъ такіе здѣсь аллюры,
 Что не запишется онъ скоро въ женихи:

Выходить, что и куры
 Подъ-часъ поють, какъ пѣтухи.

ВЪРА.

Отказъ отца—Балкашина не сгубить.

Кто любить цѣлый свѣтъ, какъ онъ,

А въ сущности въ себя влюбленъ,

Тотъ никого, повѣрьте мнѣ, не любить.

Тихо Иваницкому.

Я говорила вамъ, что своего добыюсь.

ИВАНИЦКІЙ.

Мы можемъ опоздать.

ВЪРА.

Отправимтесь.

ИВАНИЦКІЙ—Сарматову.

Могу ли

Взять на вечеръ твой пледъ? Я холода боюсь

Гораздо болѣе, чѣмъ пули.

САРМАТОВЪ.

Бери, пожалуйста. Съ тобою подѣлюсь.

Чѣмъ хочешь пополамъ. Желаю наслаждаться!

ВЪРА—въ полголоса.

Не знаешь, право: изумляться,

Иль съ равнодушіемъ цинизмъ такой сносить.

Когда ужъ не надъ кѣмъ смѣяться,
Онъ и себя готовъ не пощадить.

Уходить.

СЦЕНА XII.

САРМАТОВЪ прохаживается; АРКАДІЙ на креслѣ у камина.

АРКАДІЙ.

И мнѣ твой Балзашинъ не по сердцу...

САРМАТОВЪ.

А кто же
О мнѣніи твоемъ справляется, юнецъ?

АРКАДІЙ.

У васъ съ нимъ всѣ глупцы.

САРМАТОВЪ.

Ну, нѣтъ, мы судимъ строже,
Что въ наше время истинный глупецъ,
Какъ неподдѣльный геній, невозможенъ.

АРКАДІЙ.

Да ты чего, какъ будто-бы, встревоженъ?

САРМАТОВЪ.

А ты тревожишься, скажи, когда-нибудь?

АРКАДІЙ.

Нѣтъ, думаешь? Хоть въ омутъ радъ прыгнуть
Отъ всякихъ векселей, заимодавцевъ разныхъ,
Ростовщиковъ — півовъ безобразныхъ,
Которые ехидно наровятъ
Иль обобрать меня до-нельзя на расхватъ,

Иль захватить и посадить на привязь.
 Прихождѣ ихъ съ утра сегодня осчастливився,
 Не знаю, что и дѣлать... Адріанъ!
 Дай, другъ, въ займы!

САРМАТОВЪ.

Держи карманъ!
 Иль мало перебралъ? Стара, братъ, штука!..
 Дѣйствительно, далась тебѣ наука —
 И занимать и задолжать вездѣ.

АРКАДІЙ—потягиваясь.

Фу, чортъ возьми, какая скука!
 Хотъ бы пожаръ случился гдѣ...

САРМАТОВЪ.

Взгляните вы на этого ташкентца!
 Они у насъ, какъ блохи, развелись.
 Коль надоѣло жить, свяжи два полотенца
 И — удавись.

АРКАДІЙ

Какъ хочешь, такъ бранись!
 Страсть, что-ли, скука-ли, особый родъ угара,
 Но я ни одного не пропущу пожара,
 Хотъ въ полночь знать дадутъ — мчусь голову сломя.
 На этотъ случай у меня
 И лошадей есть пара,
 И въ хомутѣ стоитъ посмѣнно день и ночь.
 Приѣду — дѣлаю, гдѣ нужно, указанья,
 А случай выдастся — и самъ спѣшу помочь.

САРМАТОВЪ.

Ну, что же! Наконецъ, нашель свое призванье.
 Все-жъ лучше, чѣмъ топтатель мостовыхъ...
 Пусть сердцемъ возликуетъ твой папаша.

Тебѣ бы быть брантмейстеромъ, Аркаша,
Иль агентомъ всѣхъ обществъ страховыхъ.

АРКАДІЙ—вскакивалъ.

Ахъ, вонъ изъ головы!

САРМАТОВЪ.

Ну, что еще случилось?
Придумалъ дать куда-нибудь стрелка?

АРКАДІЙ.

Нѣтъ, сука у меня сегодня оценилась,
Такъ нужно присмотрѣть.

САРМАТОВЪ.

Событіе свершилось!

АРКАДІЙ—останавливаясь въ дверяхъ.

Желаешь — подарю отличнаго щенка?

Уходить.

СЦЕНА XIII.

САРМАТОВЪ—одинъ.

У всякаго — свое. Тестъ дорогой чудесить,
Лѣзть на стѣну, пожалуй, радъ;
Моя супруга куралесить,
А братецъ нянчается щенятъ.
Межъ тѣмъ, я самъ... Хорошъ я тоже?
Всю жизнь въ бездѣйствіи пустомъ,
Плебей по чувствамъ въ барской кожѣ,
Смѣюсь и думаю о томъ:
Куда, какъ весело, о Боже,
Своимъ быть собственнымъ шутомъ!

СЦЕНА XIV.

САРМАТОВЪ и БАРСКІЙ.

БАРСКІЙ.

А я къ тебѣ.

САРМАТОВЪ.

Что, тестюшка милѣйшій?

БАРСКІЙ.

Да случай пресквернѣйшій!

Я давеча, вотъ видишь, сгоряча
 Ужасныхъ глупостей наговорилъ предъ Любой.
 Поди ты: человѣкъ не злой совсѣмъ, не грубый,
 А ей такихъ вещей здѣсь наболталъ съ плеча,
 Что самъ струхнулъ. Куда она пропала?
 Толкнулся къ ней: нѣтъ дома.

САРМАТОВЪ.

Ну, такъ что жъ?

Не пропадетъ.

БАРСКІЙ.

Ты знаешь, молодежь

Обидчива ужасно нынче стала:

Чуть что не понутру и жизнь не ставитъ въ грошъ.

САРМАТОВЪ.

И, полноте! Того-ль она полѣта?

Положимъ, вы тирапъ; но не ахтѣ какой,

И можно еще жить, не ощущая гнѣта,

Подъ вашей деспотической рукой.

Одно скажу: какая вамъ забота

Мѣшать ей любви? Зачѣмъ вамъ, милый тесть,

Балкашину отказывать угодно?

Ну, чѣмъ онъ не хорошъ? Извольте-ка разсѣсть.

БАРСКИЙ.

Пословица у итальянцевъ есть:

«Такъ хороша, что никуда негодна».

Таковъ и Балкашинъ. Женихъ будь, не женихъ,

А на него невольно покосишься.

Такія времена: не только что другихъ,

Но самого себя боишься.

А онъ — на замѣчаніи дурномъ...

САРМАТОВЪ.

Положимъ. Вамъ-то что?

БАРСКИЙ—оглядываясь.

А дѣло видишь въ томъ:

Я самъ, я самъ не безъ грѣха въ прошедшемъ.

По земству я проектъ особый подавалъ:

Одни меня признали сумасшедшимъ,

Другихъ же я вспугнулъ, какъ архи-радикалъ.

Хотя въ проектъ нѣтъ особаго проступка,

Окромѣ болтовни одной,

Но все-таки узналъ я стороной:

На имени моемъ давно стоитъ зарубка.

САРМАТОВЪ.

Охота для себя придумывать вамъ казнь,
Когда и безъ того всѣмъ нелегко живется.

БАРСКИЙ.

Иль въ воздухѣ такая есть боязнь,

Но съ нею иногда нѣтъ мочи мнѣ бороться;

А ночью, вѣришь ли, и глаза не сомкну.

Дремать начну —

Вкругъ слышу голоса, гремятъ, какъ будто шпоры.

Усну —

Проходы снятся, арки, корридоры;

Меня влекутъ куда-то, я кричу,

Бранюсь, молю, сопротивляюсь
 И, — облиль потомъ, просыпаюсь,
 Чтобъ поскорѣй зажечь свѣчу,
 И съ духомъ не могу вновь до утра собраться.
 А если попозднѣй, вотъ какъ теперь, раздастся
 Въ прихожей звонъ, дверь дрогнетъ на ключѣ,
 Трясусь я, словно выльзъ изъ-подъ петли.

Сильный звонокъ за сценой.

СЦЕНА XV.

ТѢЖЕ, АРКАДІЙ и потомъ СЛУГА.

АРКАДІЙ—выходить изъ лѣвыхъ дверей.

Пожалуй, и во мнѣ. Пойду взглянуть я: нѣтъ ли
 Шаровъ на каланчѣ.

Уходить въ среднія двери.

БАРСКІЙ—перепуганный.

Предчувствіе во мнѣ не даромъ шевелилось!

Входитъ слуга.

СЛУГА.

Отъ нашей барышни къ вамъ человекъ съ письмомъ.

БАРСКІЙ.

Создатель мой! что тамъ еще случилось?

Читаетъ.

Уѣхала... куда? «Ты самъ виновенъ въ томъ...
 Я вышла замужъ». Что?.. «Прости и мнѣ, и мужу»...
 Не вижу ничего... Уѣхала тайкомъ,
 Далѣко, можетъ быть, да и въ такую стужу...
 Простудится, умретъ, мнѣ одному на зло...

Звонить въ советку.

Эй, люди! Маркъ!.. Въ глазахъ заволокло...
 Дуняша! всѣ!..

Прибѣгаютъ МАРКЪ и ДУНЯША.

БАРСКІЙ—Дуняшѣ.

Ты провожала Любу?
Въ чемъ барышня пошла? Одѣлась ли тепло?

ДУНЯША.

Тепло-съ. Я шаль имъ подала и шубу.

БАРСКІЙ.

Карету мнѣ! Догнать ее, найти,
Обнять хочу! Иначе волкомъ взвою.

САРМАТОВЪ.

Постойте! Нужно вамъ въ себя сперва придти,

Дѣлать знакъ прислугѣ—удалиться.

И не пройдетъ минутъ пяти,
Къ вамъ Люба явится съ повинной головою.

БАРСКІЙ.

Опомнись мнѣ дай. Соображу едва.
Каковъ пріятель твой? И дочка какова?

Уйти и обвѣнчаться

Экспромтомъ, невзначай,

Какъ будто бы пошли куда-нибудь на чай,

Иль вздумали немного прогуляться.

САРМАТОВЪ.

А кто всему виной?

БАРСКІЙ.

Ну, сыграна игра!

И знаешь ли: нѣтъ худа безъ добра,

Тебя беру въ поруки:

Я въ сторонѣ, и умываю руки.

А, если душу распахнуть:

За Любу очень радъ, могу тебѣ шепнуть.

СЦЕНА XVI.

ТѢЖЕ, ЛЮБОЧКА и БАЛКАШИНЪ.

ЛЮБОЧКА.

Папаша!

БАРСКІЙ.

Любушка! Ребенокъ неповорный!

Бросаются другъ къ другу.

ЛЮБОЧКА.

Вѣдь ты прощаешь насъ?

БАРСКІЙ.

Ну, такъ и быть, прощу!
 На вашей свадьбѣ я не буду кошкой чѣрной,
 Но только отъ себя обоихъ не пущу.

И, хотъ возиться скучно съ нашимъ братомъ,
 Живите съ старикомъ: вотъ вамъ мой ультиматумъ.

БАЛКАШИНЪ.

Насильно милъ не будешь, говорятъ,
 Но я попробую быть вамъ насильно милымъ.

БАРСКІЙ—обнимая его.

И проба не нужна. Здѣсь мѣста нѣтъ постылымъ!

САРМАТОВЪ—пожимая молодымъ руки.

Ну, Пьеръ и Люба! очень радъ.
 Дай Богъ вамъ въ этомъ мірѣ скверномъ
 Смѣясь смотрѣть въ глаза судьбѣ,
 До гроба быть другъ другу вѣрнымъ,
 Иль вѣрнымъ хотъ самимъ себѣ.
 Чтобъ никакому игу злему
 Не поддались вы въ дни невзгодъ,
 А главное желанье — вотъ:

Чтобъ не случилось мировому
Въ судѣ мирить васъ черезъ годъ.

БАРСКІЙ.

Спичъ свадебный—отлично!
Но вотъ, что не прилично:
Вина не припасли,
Чтобъ молодыхъ, какъ слѣдуетъ поздравить.

САРМАТОВЪ—дѣлая знакъ въ дверяхъ.

Я озаботился: его намъ принесли.

Приносить шампанское; всѣ разбирають бокалы.

БАРСКІЙ.

У васъ тутъ заговоръ!

СЦЕНА XVII.

ТѢЖЕ, ВѢРА, ИВАНИЦКІЙ, потомъ АРКАДІЙ.

САРМАТОВЪ—Вѣрѣ.

Позволь тебѣ представить:
Вотъ новобрачный нашъ, а вотъ его жена—
Madame Балкашина.

Подаетъ ей бокалъ.

Вѣра машинально беретъ бокалъ и въ волненіи роняетъ его.

ВѢРА.

Разбила. Въ добрый часъ! Неловкость эта
Для молодыхъ хорошая примѣта.

Чокается съ ними другимъ бокаломъ.

БАРСКІЙ.

Живите дружно, тѣша стариковъ...

Ну, обними меня еще разъ, грубіянка!

Любѣ.

АРКАДІЙ входитъ.

АРКАДІЙ.

Представьте: в-о-с-ь-м-е-р-ы-хъ щенковъ
Мнѣ принесла моя Діанка!

БАРСКІЙ.

Возьми сперва бокалъ,
Да молодыхъ поздравь: на свадьбу ты попалъ.

Аркадій смотритъ на всѣхъ съ недоумѣніемъ.

А все-таки скажу: кто дѣлаетъ такъ въ мірѣ?
Вѣдь многіе за тѣмъ и женятся у насъ,

Чтобъ въ жизни развернуться, ну, хоть разъ,
И свадьбу на людяхъ отпраздновать пошире.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Одна изъ комнатъ въ квартирѣ Балкашинныхъ. Убранство скромное, хотя не бѣдное, безъ всякихъ претензій. ЛЮБОЧКА выходитъ съ нѣсколькими письмами въ рукахъ.

СЦЕНА I.

ЛЮБОЧКА, потомъ БАЛКАШИНЪ.

ЛЮБОЧКА.

Вотъ съ доброй цѣлью что-нибудь и дѣлай:
Изъ кожи лѣзь и хлопочи годъ цѣлый,
И что же въ результатъ? Рядъ обидъ,
Попытокъ порванныхъ, или безсилья стыдъ.
Такая жизнь тяжка невѣроятно!
Да, пожинай плоды своихъ заботъ,
Работать съ пользой, съ толкомъ, намъ пріятно,
Но проливать безъ всякой пользы потъ,
Ей-Богу, только неопратно.

Входитъ Балкашинъ.

БАЛКАШИНЪ.

Дурныя вѣсти? Да?

ЛЮБОЧКА.

Такія, Пьеръ, хоть плачь.
Мой пансіонъ закрыть приходится.

БАЛКАШИНЪ.

Не я ли
Предсказывалъ тебѣ, что ждать нельзя удачъ:
Мы ранѣ игры всѣ ходы проиграли.

ЛЮБОЧКА.

Но дѣло шло, самъ знаешь ты, на ладъ.
И вдругъ, когда успѣхъ ужъ былъ на полъ-дорогѣ,
Воспитанницъ моихъ берутъ назадъ,

На что находятъ всякіе предлоги:
 Одна—больна, другую повезутъ
 Въ Германію учить, у третьей, между прочимъ,
 Скопчался дѣдушка какой-то, или вотчимъ,
 Ну, словомъ, всѣхъ берутъ.
 Самъ убѣдись.

Подаетъ ему письма.

БАЛКАШИНЪ.

Преудивительныя вещи!
 Всѣ труслили. Чего? Какой грозилъ имъ вредъ?
 Едвали можетъ выразиться рѣзче
 Общественнаго мнѣнія пустоцвѣтъ.
 У большинства девизъ одинъ: что скажутъ?
 И, словно головы нѣтъ на своихъ плечахъ,
 Привыкло вѣкъ оно ходить на помочахъ
 И кланяться тому, кому прикажутъ?

ЛЮБОЧКА.

Но весь переполохъ я какъ понять должна?
 Иль мало я заботилась о дѣтяхъ?

БАЛКАШИНЪ.

Ахъ, милая, повѣрь, для стада трусовъ этихъ
 Ты неудобна вовсе, негодна
 Лишь тѣмъ однимъ, что ты моя жена.
 А я... ты знаешь, вѣдь! Смѣшно и гадко вмѣстѣ
 На либеральную ту сволочь мнѣ взглянуть,
 Которая труслива въ самой мести,
 И пресмыкается въ доносахъ, или въ лести,
 Смотря куда направила свой путь
 Термометра общественнаго ртуть.
 Вчерашніе друзья еще шаговъ за двѣсти,
 Завидѣвши меня, спѣшаютъ улепетнуть,
 Враги же всѣ, насколько силы хватить,
 И не шипя, какъ нѣкогда, тайкомъ,
 Чернятъ меня вездѣ, набатъ бьютъ языкомъ,
 Какъ будто кто-нибудь за брань имъ деньги платить.

СЦЕНА II.

ТѢЖЕ и САРМАТОВЪ.

САРМАТОВЪ.

А кто тебѣ сказать, что платы нѣтъ за лай?
Особыхъ пачкуновъ лай только и питается.

Найми изъ нихъ любого—пожелай,
И самого себя печатно онъ область.

БАЛКАШИНЪ.

Теперь я не у дѣла. Пусть лаютъ день и ночь.

САРМАТОВЪ.

А лекціи твои?

БАЛКАШИНЪ.

Скончались. На уступки
Я не пошелъ, чтобъ воду не толочь
Мнѣ въ аудиторіи, какъ въ ступѣхъ.

САРМАТОВЪ.

Ну, такъ перомъ вооружись опять!

БАЛКАШИНЪ.

Пиши и тутъ пропало!
И отъ меня отрециваться стала,
Какъ отъ чумы, вся жалкая печать,
Гдѣ слово смѣлое встрѣчается все рѣже,
Гдѣ мнѣнъемъ общества пустились заправлять
Исправники и становые тѣ же.

САРМАТОВЪ.

Прозрѣлъ ты, наконецъ, и убѣдился въ томъ,
Что воздухъ не поймаетъ рѣшетомъ,
И что одинъ не воинъ въ полѣ.

БАЛКАШИНЪ.

Пожалуй, такъ.

ЛЮБОЧКА.

Мнѣ грустно, Пьеръ. Давно ли
Мы думали иначе?

САРМАТОВЪ.

Дайте срокъ.

И сами скажете: кто по плечу всѣмъ людямъ,
Съ тѣмъ ладить мы еще, пожалуй, будемъ;
А насъ перерости хотъ на вершокъ,
Такъ мы тебя сотремъ, другъ милый, въ порошокъ.
Не будьте же, друзья мои, вы хмуры:
На томъ весь свѣтъ стоитъ. А ты, чудакъ, усвой
Ту мысль, что недостатокъ главный твой:
Ты чистый человѣкъ безъ всякой лигатуры,
А намъ не ко двору подобный человѣкъ.

БАЛКАШИНЪ.

И точно суждено намъ жить въ мишурный вѣкъ
Поддѣльныхъ серій, мыслей, брилліантовъ,
Зубовъ и принциповъ, причесовъ и талантовъ,
Повальной лжи, прикрытой лоскомъ фразъ;
Мы служимъ имъ изъ угожденья модѣ
И, грязные въ домашнемъ обиходѣ,
Грошевой мишурой блистаемъ на показъ.

САРМАТОВЪ.

Послушай, поостынь. Будь въ гнѣвѣ экономнѣй,
Впередъ не забѣгай:
На самый черный день его поберегай.
Вы новость слушайте. Все было бы смѣшно въ ней,
Когда бы не касалась насъ она,
А тутъ выходить дѣло не пригоже.
Какое? Угадай.

БАЛКАШИНЪ.

Приѣхала жена?

САРМАТОВЪ.

Какъ есть сей пунктъ!

ЛЮБОЧКА.

Подумала я то же.

САРМАТОВЪ.

И, главное—скандалъ, да и какой!
Безъ приключеній ей и жить на свѣтѣ плохо.
Въ Парижѣ, въ Вѣнѣ ли смутилъ ея покой
Одинъ венгерецъ, шельма и пройдоха,
Артистъ безъ дарованья и сапогъ,
Который даму сердца
Плѣнилъ и обобралъ въ короткій срокъ.
И вотъ, лишившись денегъ и венгерца,
Она вернулась вспять.

ЛЮБОЧКА.

Вы видѣлись?

САРМАТОВЪ.

Къ чему?

ЛЮБОЧКА.

Но вашъ разрывъ теперь не будетъ тайной.

САРМАТОВЪ.

Да, сплетникамъ предлогъ необычайный—
Дать волю языкамъ.

ЛЮБОЧКА.

Но, какъ съ отцемъ? Ему
Передадутъ.

САРМАТОВЪ.

Вотъ въ этомъ и задача,
И къ грустной правдѣ, такъ или иначе,
Намъ нужно приготовить старика.

БАЛКАШИНЪ.

Несчастливая!

САРМАТОВЪ.

Потеря не легка:
И денегъ жаль, да и венгерца жаль ей.
Любовь прощаетъ все, будь даже ты канальей.

БАЛКАШИНЪ.

Родитель васъ мирить еще начнетъ.

САРМАТОВЪ.

Спасибо! Пусть избавить отъ услуги.
Куда какой почетъ:
Быть фиговымъ листкомъ своей супруги!

СЦЕНА III.

ТѢЖЕ и БАРСКІЙ.

ЛЮБОЧКА.

Ты, что, отецъ, утрюмъ?

БАРСКІЙ.

Не до веселья тутъ!
Аркадій запропалъ, какъ будто канулъ въ воду,
Шесть сутокъ ищутъ—не найдутъ:

Съ нимъ не случалось этого и съ роду.
 Съ его шальной, бѣдовой головой
 Того гляди—исторія, иль драка...
 Такъ гдѣ-жъ веселымъ быть? Брожу, какъ самъ не свой,
 А горе красить только рака.

САРМАТОВЪ.

Отыщется. Куда ему пропасть!
 Онъ малый не совсѣмъ еще пропащій,
 И снова предпочтетъ отеческую власть
 Своей компаніи кутящей.

ЛЮБОЧКА.

Тебя, отецъ, и удивить пора...

БАРСКІЙ.

Чѣмъ? недомолвки всѣ меня всегда тревожатъ!

ЛЮБОЧКА.

Ты знаешь ли: здѣсь Вѣра.

БАРСКІЙ.

Быть не можетъ!
 Какъ, Вѣра? здѣсь? Приѣхала?

САРМАТОВЪ.

Вчера.

БАРСКІЙ.

1 Такъ гдѣ-жъ она?

САРМАТОВЪ—подавая ему карточку.

Пока еще въ отелѣ.

БАРСКІЙ.

Не у тебя? Не дома? Ты въ умѣ ли?
Иль самъ рехнулся я?
Отвѣтъ же мнѣ серьезно:
Зачѣмъ не вмѣстѣ вы и поселились разное?

САРМАТОВЪ.

Всю правду вы должны услышать отъ меня, —
Узнать вѣдь нужно рано или поздно.
Мы съ Вѣрой разошлись, какъ добрые друзья,
И на два дома, право, жить отлично,
Когда у двухъ друзей,
Помимо всякихъ родственныхъ связей,
Привычки, мнѣнья, вкусы — все различно.

БАРСКІЙ.

Не вѣрю я ушамъ! Шутить такъ постыдись!

САРМАТОВЪ.

Нисколько не шучу. Зачѣмъ жить общимъ домомъ?
Не лучше ли, какъ добрымъ двумъ знакомымъ,
Сойтись, потолковать и — разойтись.

БАРСКІЙ — прерывал.

Скандалъ! Абсурдъ!

САРМАТОВЪ.

Размо́вки не страшисъ:
Всегда радушье встрѣтъ и добраго приѣма.

БАРСКІЙ.

Поставить жизнь вверхъ дномъ хотѣтъ во всѣхъ статьяхъ!

САРМАТОВЪ.

Не лучше ли въ гостяхъ быть, точно дома,
Чѣмъ дома быть, какъ будто бы въ гостяхъ?

БАРСКІЙ.

Нѣтъ, дурь на васъ нашла, съ горячкою въ придачу!
Маркъ, шляпу; трость!.. Не потерплю и дня;
Какъ ни мудрите вы, я все перениначу,
Иль въ гробъ живымъ кладите вы меня.

Уходитъ.

СЦЕНА IV.

ТѢЖЕ безъ БАРСКАГО.

САРМАТОВЪ.

Напрасный трудъ! Назадъ ей не вернуться:
Типъ Лотовой жены она вполнѣ.
Такія женщины такъ въ полѣзья и рвутся;
Онѣ въ условныхъ рамкахъ задохнутся,
И въ сторону Содома оглянуться
Имъ такъ и хочется, какъ Лотовой женѣ.

БАЛКАШИНЪ.

А что она, по прежнему, спиритка?

САРМАТОВЪ.

Другія прихоти, я думаю, нашлись.

Кто жить привыкъ такъ прытко,
У тѣхъ на каждый день особенный капризъ.
У спиритизма, впрочемъ, есть изнанка,
И имъ грѣшки удобно прикрывать:
Хоть на Роггѣду Львовну указать.
Чай, знаете: старуха, куртизанка,
Спиритка, лишена семейныхъ узъ,
Отъ скуки въ сообщенье входитъ съ духомъ,

Но, если вѣрить только слухамъ,
То этотъ духъ—французъ.

БАЛКАШИНЪ.

Счастливецъ ты! всегда и всюду весель!

САРМАТОВЪ.

Давно бы самъ я голову повѣсилъ,
Когда-бъ наивностью твоей былъ зараженъ.
Навыворотъ Панглоссъ, я твердо убѣжденъ:
«Все къ худшему идетъ», а потому и бровью
Я тамъ не поведу,
Гдѣ, съ перепорченною кровью,
Метаться ты начнешь, какъ бѣшеный, въ чаду...
Ты, Люба, напимѣрь, чего такъ приуныла?
Искала, видишь, «женскаго труда»,
Но объ одномъ сообразить забыла,
Что и съ мужскимъ трудомъ намъ плохо иногда.

ЛЮБОЧКА.

Ну, глядя на тебя, я этого не вижу.

САРМАТОВЪ.

Еще бы! Я за то и не берусь,
Въ чемъ безполезность полную предвижу,
И уже въ цехъ людей не запишусь,
Желающихъ пробить своими лбами стѣну,
Иль изнывающихъ въ безцѣльной болтовнѣ,
Гдѣ чепуха идетъ за чепухой на смѣну.
Здѣсь въ городѣ—повѣрите ли мнѣ?—
Открылось общество и стало называться
«Собраньемъ трезвыхъ мудрецовъ»,
Гдѣ пить нельзя, нельзя чихать, сморкаться
Посредствомъ носовыхъ платковъ.
Затѣмъ, бесѣда взапуски ведется,
Но если кто изъ записныхъ шутовъ
Обмолвится хоть парой умныхъ словъ,
Съ него тотчасъ же штрафъ берется.

БАЛКАШИНЪ.

Придумалъ же!

САРМАТОВЪ.

Могу я присягнуть!

БАЛКАШИНЪ.

А, впрочемъ, опытомъ однимъ руководимы,
 Нелѣпости такой не сочинимъ мы,
 Которой не случилось гдѣ-нибудь.

САРМАТОВЪ.

Да, время таково. Взгляни, какъ въ наши годы,
 Завоевавши всюду первенствó,
 Распространилось шутовство.
 Держались прежде, ради моды,
 Арапы, карлики, уроды.
 Но нынче для потѣхъ въ дома ихъ не берутъ,
 Зато вездѣ, во всѣхъ личинахъ,
 Въ журналахъ, клубахъ и гостинныхъ
 Теперь есть собственный свой шутъ.
 Я даже самъ, ей-Богу, скоро
 Изъ ампула плохого резонѣра,
 Хоть и нейдетъ въ мои лѣта,
 Переберусь на роль шута
 И жду — фурора.

СЦЕНА V.

ТѢЖЕ и ДУНЯША.

ДУНЯША.

Сударыня, пожалуйста!

ЛЮБОЧКА.

Кто тамъ?

ДУНЯША.

Какая-то вась дама хочетъ видѣть.

ЛЮБОЧКА.

Гдѣ? въ школѣ?

ДУНЯША.

Да-съ.

ЛЮБОЧКА.

Могу впередъ предвидѣть
О чѣмъ бесѣдовать сейчасъ придется намъ:
Еще одна мамаша пожелала
Изъ пансіона дочку взять назадъ.

Уходить.

СЦЕНА VI.

БАЛКАШИНЪ и САРМАТОВЪ.

САРМАТОВЪ.

Что, плохо, братъ?

БАЛКАШИНЪ.

Да, утѣшенья мало.
Я при женѣ молчалъ, но только мнѣ наврядъ
Остаться въ Петербургѣ можно будетъ.
Не хочешь ли прочесть?

Подаетъ бумагу.

САРМАТОВЪ.

Пооди, къ тому идетъ...
Тотъ самъ на крюкъ, какъ рыба попадетъ,
Въ водицѣ мутной рыбу кто не удитъ!
Но, знаешь, у меня предположеніе есть,
Что это Иваницкаго услуга.

БАЛКАШИНЪ.

Не все-ль равно! Клеветниковъ не счесть,
Готовыхъ обогатъ и недруга и друга.
Сегодня же добьюсь, какъ буду жить и гдѣ.

Беретъ шляпу.

САРМАТОВЪ.

Досадно! Но какъ знать—гдѣ лучше намъ, гдѣ хуже?..

Вездѣ есть, братецъ, люди, и вездѣ

Они прескверные къ тому же,—

А потому покажѣсть не тужи.

БАЛКАШИНЪ.

Меня ты подождешь?

САРМАТОВЪ.

И спрашивать не нужно.

Балкашинъ уходитъ нагѣво. Изъ среднихъ дверей являются БАРСКІЙ
и ВЪРА.

СЦЕНА VII.

САРМАТОВЪ, БАРСКІЙ и ВЪРА.

БАРСКІЙ.

Вотъ онъ! мы на него нагрянемъ дружно:

Стой, сдайся и оружье положи!

ВЪРА.

Къ чему? мы не враги и можемъ безоружно

Одинъ другому руку протянуть.

САРМАТОВЪ.

И это самому мнѣ подтвердить пріятно.

Съ пріѣздомъ! Не надолго?

ВЪРА.

Вѣроятно.

БАРСКІЙ.

Постойте! Все не то! Да развѣ въ этомъ суть?

Да развѣ такъ друзья должны встрѣчаться?
 Схватить, обнять, расцѣловаться,
 Лицо въ лицу и грудь на грудь.

САРМАТОВЪ.

Мы въ нѣжностяхъ скромны. Не вѣрьте тѣмъ супругамъ,
 Которые амуруются при всѣхъ,
 А какъ вдвоемъ останутся на грѣхъ,
 Всласть ссорятся, царапаясь другъ съ другомъ.

БАРСКІЙ.

Вотъ что я вамъ скажу. Межъ мужемъ и женой
 Ведутся иногда такіе разговоры,
 Гдѣ лишній и отецъ родной.
 Мѣшать вамъ не хочу, но только всѣ раздоры
 Кончайте, ради Господа Христа!
 Я свѣлъ васъ не спроста:
 Вѣдь даже миръ худой—все-жъ лучше доброй ссоры.

Уходить.

СЦЕНА VIII.

САРМАТОВЪ и ВѢРА.

САРМАТОВЪ.

Не правда ли, задача задана?

ВѢРА.

Она, мнѣ кажется, давно ужъ рѣшена
 И вы могли, я думаю, предвидѣть,
 Что не для этого я васъ рѣшилась видѣть.
 Я знаю, что за многое меня
 Вы можете винить...

САРМАТОВЪ.

Нѣтъ, разсуждая здраво:
 Я мужъ, а потому-то я
 Всѣхъ меньше на жену имѣю права.

ВѢРА.

Нельзя-ли хоть на этотъ разъ
 Оставить вамъ обычную манеру.
 Вы видите не ту неопытную Вѣру,
 Которая пугалась этихъ фразъ,
 Ихъ принимая въ сердцу черезъ мѣру.
 Вы выслушать теперъ меня должны.
 Вы можете исполнѣ своей жёны
 Не уважать, забыть ее, — я знаю.
 Есть у меня одна хорошая черта:
 Своихъ сторонъ я тѣмныхъ не скрываю.
 Я вѣтрена, безнравственна, пуста:
 Встрѣчать такихъ — всего обыкновеннѣй:
 Изъ ста замужнихъ женщинъ — пятьдесятъ
 Подобныхъ мнѣ, — я только отфривеннѣй.
 Не вынося стѣсненій и преградъ
 И не боясь грозы людского осужденія,
 Бросалась въ омутъ жизни я, чтобъ жить.
 Мнѣ счастье не далось, и я о немъ забыть
 Спѣшила въ лихорадѣхъ наслажденія.

САРМАТОВЪ.

Но это исповѣдь... къ чему она?

ВѢРА.

Къ чему?

Къ тому, чтобы сказать супругу своему:
 Да, виновата я, но вы не правы тоже.
 Я вспомнить не могу безъ содроганья, Боже,
 Какъ съ первыхъ же шаговъ старались осмѣять
 Вы каждый взглядъ мой, каждое движеніе;
 Вы потѣшались тамъ, гдѣ нужно поддержать,
 И сами мнѣ готовили паденье.

САРМАТОВЪ.

Но мужъ не педагогъ.

ВѢРА.

Такъ всѣ вы, господа,
Толкуете, не обративъ вниманья,
Что съ первыхъ дней замужства мы всегда
И начинаемъ наше воспитанье;
Руководителей въ мужьяхъ найти хотимъ,
И взглядъ такой нисколько не наивенъ:
Насилья деспотизмъ для женщины противенъ,
Но деспотизмъ ума—необходимъ.
А вы что дѣлали?

САРМАТОВЪ.

Я не читалъ морали,
Которую вы слушать бы не стали
И начали-бъ звать отъ скуки.

ВѢРА.

Такъ!

И вмѣсто этого вы на-смѣхъ поднимали
Меня за все: за первый скользяй шагъ,
За первый пылъ горячаго порыва,
За все, что было молодо и живо
Еще во мнѣ: Насмѣшкою одной
Хотѣли управлять вы дѣвочкой-женой.
И таковы вы всѣ, въ стыду мужей и вѣка,
Въ чемъ горько убѣдилась я сама:
Въ васъ не хватаетъ сердца и ума
Любить въ насъ женщину, прощать въ насъ—человѣка.
Мы если поскользнемся разъ одинъ,
Намъ руку помощи никто подать не хочетъ,
И вернутъ надъ падшей женщиной хохочетъ
Хоръ падшихъ, глубже насъ еще, мужчинъ.
А сами вы не меньше женъ преступны!
Но всѣ тревоги наши недоступны
Для ихъ непромокаемыхъ сердецъ.
Я высказала все. Прощайте. Подъ конецъ
Свести намъ нужно было эти счеы.
Я уѣзжаю завтра же. Жить здѣсь
Нѣтъ у меня ни силы, ни охоты.

Уходить.

СЦЕНА IX.

САРМАТОВЪ, потомъ БАРСКІЙ.

САРМАТОВЪ.

Пилюлю проглоти и молча носъ повѣсь!..
 Рѣшеніемъ однимъ неумолимымъ
 Изъ обвинителей я самъ сталъ подсудимымъ,
 И даже снисхожденія лишень...
 Но... отвергать я правды не могу же!
 Поставьте насъ на мѣсто нашихъ женъ,
 Мы были бы, пожалуй, вдвое хуже.

Входитъ БАРСКІЙ.

БАРСКІЙ.

Одинъ? А Вѣра гдѣ?

САРМАТОВЪ.

Уѣхала.

БАРСКІЙ.

Куда?

И не зашла ко мнѣ? Вы въ гробъ меня сведете!
 Неужто развела такая васъ вражда,
 Что вы другъ съ другомъ дня не проживете?
 Ну, что за отношенія ваши?

САРМАТОВЪ.

Ихъ

Не измѣнить и не склеить обманомъ.
 Иль для того обманывать себя намъ,
 Чтобы обманывать другихъ?
 Мы разошлись, а хуже нѣтъ неволи—
 Связей, возобновившихся опять.
 Нашъ бракъ—ошибка, такъ ее ли
 Ошибкой новой поправлять!

СЦЕНА X.

ТѢЖЕ и ЛЮБОЧКА.

ЛЮБОЧКА.

Какъ? Вѣры уже нѣтъ?

БАРСКІЙ.

Да, птичка улетѣла!

Со мной проститься даже не хотѣла

И этимъ доканала до конца.

Дай обниму тебя! Одна мнѣ дочь осталась.

Не винешь ты ни мужа, ни отца;

Ты никогда бросать не собиралась

Родимаго и теплаго гнѣзда...

СЦЕНА XI.

ТѢЖЕ и БАЛКАШИНЪ.

ЛЮБОЧКА.

Пьеръ, что съ тобой? Ты невозможно блѣденъ!

БАЛКАШИНЪ.

Да, климатъ для меня становится здѣсь вреденъ,

И я отсюда ѣду.

БАРСКІЙ.

Ты?

ЛЮБОЧКА.

Когда?

БАЛКАШИНЪ.

На третьи сутки долженъ выѣхать.

ЛЮБА.

Со мною?

БАЛКАШИНЪ.

Пока одинъ; поѣдешь ты весною.

Нѣмая сцена.

БАРСКІЙ—падалъ въ кресло.

Я такъ и зналъ! Одна бѣда ведетъ
Другую за собою постоянно.

БАЛКАШИНЪ.

Довольно всѣхъ волненій и заботъ!..
Чѣмъ такъ смутились вы? Для васъ ли это странно?
Не все-ль равно, гдѣ жить мнѣ—здѣсь или тамъ?
Не станемъ же напрасно волноваться...
Мы труженики только—и не намъ
Широкою программой задаваться;
Не намъ, чернорабочимъ, суждено
Окончить лишь заложенное зданье.
Общественный нашъ бытъ построенъ на-черно,
И не одно еще увидить колебанье.
Врасплохъ къ намъ ворвался наплывъ чужихъ идей,
Блистательныхъ, высокихъ, плодотворныхъ,
Гораздо ранѣе готовыхъ къ нимъ людей.
Въ хаосѣ темныхъ силъ, злобѣщихъ и упорныхъ,
Ждутъ всюду насъ помѣхи и вражда
Невѣждъ обиженныхъ, вралей и ренегатовъ,—
Измѣнниковъ, враговъ свободного труда,
Предателей, лжецовъ и либеральныхъ фатовъ,—
И силою табунной ихъ орда
Еще страшна. Живою небылицей
Они считаютъ насъ и, съ холодомъ въ крови,
Уставшіе равно отъ злобы и любви,
Мы бродимъ, какъ чужіе, за-границей,
А дома—будто сами не свои.
И вотъ, очерчены какъ-бы волшебнымъ кругомъ,
И въ крошечной борьбѣ и въ типинѣ нѣмой,
Страдаемъ мы хроническимъ недугомъ:
Тоской по родинѣ—на родинѣ самой.

ЛЮБОЧКА.

Гдѣ-жъ люди, наконецъ?

БАЛКАШИНЪ.

Быть можетъ, въ колыбели.

Ихъ нѣтъ еще средь насъ, но племя ихъ растеть:

Другое поколѣнiе придетъ

Къ завѣтной и желанной цѣли.

Вотъ будущее чье! И тамъ, гдѣ видимъ мы

Глубокій мракъ, которымъ жизнь гнетѣтся,

Тамъ солнце лучезарное зажжѣтся

Для поколѣній новыхъ въ царствѣ тьмы—

И ихъ зальетъ живымъ потокомъ свѣта.

Да, будущее—ихъ, а наша пѣсня—спѣта.

СЦЕНА XII.

ТѢЖЕ и МАРКЪ, потомъ ИВАНИЦКІЙ.

ЛЮБОЧКА—береть у Марка визитную карточку.

Кто это? Иваницкій? Объяснить

Я не могу такого посѣщенья.

МАРКЪ.

Съ Сергѣй Пахомычемъ желаютъ говорить.

БАРСКІЙ—вскликивалъ.

Со мной? О чемъ? Съ утра одни волненья....

Проси скорѣй сюда...

Входитъ ИВАНИЦКІЙ.

ИВАНИЦКІЙ.

Я знаю, мой визитъ,

Сергѣй Пахомычъ, васъ немножко удивитъ,

Но, помня ваше прежнее радушье,

Я счелъ священнымъ долгомъ извѣстить

О щеголивомъ дѣлѣ васъ... [мнется] Какъ быть?

Насъ, представителей закона, за бездушье

Хоть упрекають часто, но людьми
Усвоенъ взглядъ подобный...

САРМАТОВЪ.

Не томи,
Пожалуйста!

БАРСКИЙ.

Нельзя ли вкратцѣ, вкратцѣ!...

ЛЮБОЧКА.

О комъ вы говорите?

ИВАНИЦКИЙ.

Вашемъ братцѣ.
Тяжелая обязанность велить
Мнѣ не скрывать отъ васъ всей сущности скандала:
Онъ прокурорскому надзору подлежитъ.

БАРСКИЙ.

А!.. Этого еще не доставало!
Онъ въ чемъ... кончайте разомъ... обвиненъ?...

ИВАНИЦКИЙ.

Въ поддѣлкѣ векселей.

БАРСКИЙ.

Не можетъ быть, чтобъ онъ...
Родной мой сынъ... мошенникъ...

Вскрикивалъ, падаетъ.

ЛЮБА.

Боже!

Что съ нимъ? скажите мнѣ.

САРМАТОВЪ—звонить.

Да, на ударъ похоже!

Маркъ и слуги суетятся и поднимаютъ Барскаго.

ЛЮБА.

За докторомъ скорѣй!

БАЛКАШИНЪ.

Несите въ кабинетъ.

Опасности большой, я думаю, что нѣтъ.

Барскаго осторожно несутъ; всѣ уходятъ, кромѣ Сарматова и Иваницкаго.

СЦЕНА XIII.

САРМАТОВЪ и ИВАНИЦКІЙ.

ИВАНИЦКІЙ.

Свой долгъ исполнилъ я. Жаль очень, что случилось
Сразить мнѣ старика... Бѣднякъ, онъ пораженъ...

Повертываясь на каблучкахъ.

Твоя жена, я слышала, воротилась?

САРМАТОВЪ—гнѣвно, указывая на дверь.

Вонъ!

Д. МИНАЕВЪ.

ДИЛЕТТАНТИЗМЪ

ВЪ

ПОЭЗИИ

Полное собраніе сочиненій Николая Федоровича Щербины. Спб. 1873.

Полное собраніе сочиненій Щербины получило совершенно особенное значеніе, благодаря тому обстоятельству, что при жизни автора «Греческихъ стихотвореній» въ нашемъ обществѣ знали о сатирической сторонѣ его таланта большею частью только по слухамъ и по рукописнымъ отрывкамъ; покойный Щербина два раза собирался издать свои эпиграммы и юмористическія произведенія въ прозѣ, но это намѣреніе такъ и осталось—намѣреніемъ! Но изъ старательныхъ обработокъ, которымъ поэтъ подвергалъ свои сатирическія пьесы, изъ различныхъ обстоятельныхъ предисловій, которыми онъ снабжалъ ихъ, видно, что Щербина вовсе не слегка смотрѣлъ на сатирическіе порывы своей музы: онъ придавалъ имъ не малое значеніе, онъ тщательно собиралъ и выходилъ свои даже случайные экспромпты, онъ пускалъ ихъ въ литературные кружки, и вообще отдавалъ значительную долю труда этому роду поэзіи. Въ полномъ собраніи его сочиненій «Альбомъ ипохондрика», заключающій въ себѣ «собраніе эпиграммъ, всеній, ямбовъ и всякаго сатирическаго ералаша и школьничества», занимаетъ по крайней мѣрѣ около *трети* всего собранія. И такъ какъ эта треть для массы публики — новостъ,

то полное изданіе сочиненій Щербины никакъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ простое соединеніе въ одно цѣлое прежнихъ отдѣльно изданныхъ произведеній; только благодаря этому собранію литературная личность и дѣятельность одного изъ даровитыхъ, хотя и не первоклассныхъ поэтовъ 50-хъ и 60-хъ годовъ, выясняется вполне и даетъ критикѣ средство оцѣнить эту личность и дѣятельность не только полнѣе, но и ближе къ истинѣ. Имѣя въ виду сдѣлать подобную оцѣнку Щербины, прежде всего приведемъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію очень краткія, біографическія данныя о поэтѣ, сообщенныя имъ самимъ въ запискѣ, которая писана за нѣсколько дней до смерти и приложена издателемъ въ очеркѣ, предшествующемъ стихотвореніямъ.

Щербина родился въ 1821 году. Родители его были дворяне: отецъ Харьковской губерніи, мать—области Войска Донского. Дѣтство Щербина провелъ въ Таганрогѣ, гдѣ и обучался сперва въ тамошнемъ училищѣ, потомъ въ гимназіи. На шестнадцатомъ году Щербина переѣхалъ продолжать ученіе въ Москву, потомъ въ Харьковъ. Здѣсь онъ прожилъ четыре года и поступилъ въ университетъ. Но въ университетѣ пришлось ему пробыть не долго. «По тяжелымъ житейскимъ обстоятельствамъ, въ которыхъ впали мои родители—пишетъ Щербина—я вынужденъ былъ выдержать экзаменъ на учителя и преподавать въ деревняхъ у помещиковъ. По временамъ возвращался въ Харьковъ и занимался преподаваніемъ въ женскихъ пансіонахъ». Въ 1849 году Щербина переѣхалъ изъ Харькова въ Одессу, потомъ въ Москву, гдѣ черезъ годъ опредѣлился на службу—въ московское губернское правленіе, въ должность помощника редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Кромѣ того, въ Москвѣ поэтъ «занимался преподаваніемъ дѣвицамъ изъ высшаго тамошняго общества». Черезъ пять лѣтъ Щербина переселился изъ Москвы въ Петербургъ, поступивъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія—чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра, князѣ Вяземскомъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ дѣлопроизводителемъ одного еврейскаго ученаго комитета. При новомъ преобразованіи министерства народнаго просвѣщенія, поэтъ остался за штатомъ и годъ былъ «безъ мѣста», какъ выражается онъ. Затѣмъ поэта «причислили» къ министерству внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ «прикомандировали» къ главному управленію по дѣламъ печати для составленія «обозрѣнія русскихъ газетъ и журналовъ». Во время этой послѣдней службы, замѣчаетъ Щербина, онъ заболѣлъ, «но должность свою, однако, продолжалъ исполнять неукоснительно, какъ бы былъ совершенно здоровымъ». Болѣзнь, о которой упо-

минаетъ поэтъ, свела его въ могилу въ 1869 году, 48-ми лѣтъ. Вотъ любопытныя, хотя и очень тяжелыя подробности о послѣднихъ минутахъ жизни Щербины, сообщаемыя тѣмъ же издателемъ его сочиненій:

«Смерть Щербины была скоропостижная. Друзья и врачи давно совѣтовали ему оставить Петербургъ, вредно дѣйствовавшій на здоровье, и переселиться на югъ Россіи, но поэтъ, хотя и сознававшій, что это необходимо, медлилъ оставить городъ, гдѣ ему все-таки жилось лучше, чѣмъ въ провинціи. Наконецъ въ 1868 году, черезъ одного изъ своихъ друзей, онъ сталъ хлопотать о зачисленіи его въ штатъ генераль-губернатора Новороссійскаго края въ Одессу. Князь Вяземскій принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе, Министръ внутреннихъ дѣлъ изъявилъ полную готовность исполнить желаніе поэта. Щербина уже собирался уѣхать изъ Петербурга. 10-го апрѣля 1869 г. его осмотрѣли извѣстнѣйшіе хирурги, изъ которыхъ Е. П. Богдановскій предложилъ ему тутъ же сдѣлать операцію: вставить въ разрывъ горла дыхательную трубку и затѣмъ вырѣзать полиппъ, начинавшій его душить. Щербина не согласился на это, подшучивая надъ страстью хирурговъ—рѣзать. Весь этотъ день онъ провелъ въ обычныхъ занятіяхъ, читая и занимаясь служебной работой. Отдалъ также, по совѣту докторовъ, наставленіе своему слугѣ, что дѣлать, еслибы съ нимъ начался припадокъ удушья. Еще въ 10 ч. утра онъ говорилъ со слугою, а въ 10¹/₂ вбѣжалъ въ слугѣ, въ кухню, уже безъ голоса, показывая знаками, что съ нимъ началось удушье... Потомъ онъ бросился въ спальню, упалъ на кровать и чрезъ нѣсколько минутъ умеръ. Слуга привезъ докторовъ черезъ часъ, когда всѣ средства къ оживленію были уже напрасны».

Изъ приведенныхъ краткихъ данныхъ о жизни Щербины видно, что первоначальное развитіе поэта прошло подъ вліяніемъ не особенно благоприятныхъ обстоятельствъ. Даже того скромнаго образованія, которое дается обычнымъ университетскимъ курсомъ, поэту не удалось усвоить себѣ вполнѣ. Почти вся его жизнь отъ самой ранней юности была наполнена борьбою съ гнетомъ вседневной нужды, чиновническою дѣятельностію, по всей вѣроятности, не мало отвлекавшею его отъ литературы. Только подъ конецъ, какъ свидѣлствуетъ издатель, матеріальное положеніе Щербины нѣсколько улучшилось, но это улучшеніе было сопряжено съ службою, которая не могла соответствовать его вкусамъ; по крайней мѣрѣ, въ одной изъ своихъ шуточныхъ эпиграммъ Щербина такъ характеризуетъ впечатлѣніе службы на

нѣкотораго поэта, подобно ему трудившагося въ вѣдомствѣ по дѣламъ печати:

Въ этомъ управленіи
Служба мнѣ—не мання!
Въ этомъ положеніи
Жутко мнѣ и странно!

Нѣтъ никакого сомнѣнія, по способности къ стихотворству Щербина не уступаетъ ни одному изъ второстепенныхъ поэтовъ, появившихся послѣ Лермонтова. Сравнивая пьесы Щербины съ пьесами гг. Майкова, Полонскаго, покойнаго Мея, по справедливости слѣдуетъ сказать, что въ этой «поэтической плеядѣ», какъ любить выражаться современная критика, воображающая себя эстетическою, онъ блеститъ звѣздою одинаковой яркости съ прочими. Достаточно припомнить, напримѣръ, такіа пьесы, какъ — «Ароматной весеннею ночью», «На пурпурныхъ мы ложахъ сидѣли», «На раздольи небесъ свѣтитъ ярко луна», начало «Ифигеніи въ Тавридѣ» и друг., чтобы признать въ Щербинѣ замѣчательное искусство и талантъ въ умѣннѣ владѣть стихотворною формою. Въ его стихѣ есть всѣ качества хорошаго стиха: звучность, плавность, гибкость, своеобразный отпечатокъ, порою даже значительная сила. Онъ выработалъ поэтическую форму въ хорошей школѣ, еще подъ свѣжими впечатлѣніями музыки Пушкина и Лермонтова. Можно даже сказать, что погоня за внѣшнимъ блескомъ стиха иногда переходитъ у Щербины предѣлы строгой художественной простоты и придаетъ формѣ его пьесъ нѣкоторое кокетничанье, искусственность. Во всякомъ случаѣ, чѣмъ бы мы ни считали этотъ излишній блескъ внѣшности поэтическихъ плодовъ Щербины — достоинствомъ, или же нѣкоторымъ недостаткомъ — нашъ поэтъ долженъ быть признанъ замѣчательнымъ и рѣдкимъ виртуозомъ по части стихотворной формы.

Другое дѣло—содержаніе поэзіи Щербины: оно не только не соответствуетъ блеску отдѣлки и выработанности формы, но даже представляется въ такой мѣрѣ скуднымъ истинною поэзіей, что невольно удивляешься, какимъ образомъ можно, не обнаруживая силы истиннаго поэтическаго творчества, усвоить себѣ столь выработанную внѣшность. Та школа, подъ вліяніемъ которой выработалась наружная сторона поэзіи Щербины—школа Пушкина и Лермонтова, очень слабо отразилась на внутренней сторонѣ этой поэзіи. Поэзія Пушкина и Лермонтова прежде всего есть поэзія по преимуществу общечеловѣческихъ, жизненныхъ моти-

вовъ. Ея прямая и конечная цѣль—поэтическое воспроизведение такихъ чувствъ, впечатлѣній и идей, которыя лежатъ въ душѣ каждаго человѣка, имѣють широкое общее значеніе, вызываются жизненными стремленіями и потребностями духа, а не искусственными, исключительными вѣяніями. Качествами обобщенности и жизненности и дорогъ эта поэзія, ими она и приобретаетъ свою доступность мысли и чувству всѣхъ и каждаго, свое постоянное, неуывающее и плодотворное значеніе и силу своего впечатлѣнія. Возьмите какое угодно изъ лирическихъ произведеній Пушкина и Лермонтова, какъ бы оно ни было лично, на какомъ бы частномъ впечатлѣніи ни основывалось, въ немъ непременно заключено обобщеніе субъективнаго чувства поэта, возведеніе его видового значенія въ значеніе родовое, присущее уже всѣмъ. Припомнимъ, для примѣра, у Пушкина хоть извѣстную пьесу: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ». Въ этой пьесѣ воспроизводится съ замѣчательной, по силѣ и простотѣ, образностью предчувствіе смерти и привязанность къ существованію, къ тому, что было его радостью и наслажденіемъ; но привязанность эта не заходитъ въ безотчетное желаніе и послѣ исчезновенія бытія «почивать ближе къ милому предѣлу»; поэтъ желаетъ видѣть у нашей могилы радость молодой жизни и сіяніе вѣчной красоты природы. При всей сложности, при всей, можно сказать, философской глубинѣ этого мотива, онъ понятенъ для каждаго человѣка, онъ сроденъ каждому, на какой бы степени развитія кто ни стоялъ. Вотъ почему это стихотвореніе кажется такимъ общимъ по своей сущности, вотъ почему оно находитъ отвѣтъ во всѣхъ сердцахъ. Возьмите теперь другую пьесу, по формѣ античную—«Нереиду». Идея этой пьесы—впечатлѣніе красоты. Это впечатлѣніе выражено въ строгомъ, цѣломудренномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страстномъ античномъ образѣ, и образъ этотъ такъ ясенъ и живъ, что не нужно быть даже дилеттантомъ plasticaческаго искусства древности, чтобы вполне усвоить поэтическое впечатлѣніе этого превосходнаго антологическаго стихотворенія. Почти также и у Лермонтова: какую ни выберите пьесу, какъ бы субъективно ни было ея содержаніе, какое бы частное значеніе ни имѣла она для самого поэта—это значеніе всегда является обобщеннымъ въ поэтическомъ представленіи. Возьмемъ пьесу, первую, какая придетъ на память—возьмемъ «Тучки»: вотъ истинное изображеніе горькаго чувства изгнанія, которое поэтически связано съ образомъ внѣшней природы. Выберемъ другое, уже совсѣмъ интимное по содержанію стихотвореніе: «За все, за все тебя благодарю я»;—это—надрывающій сердце протестъ противъ пустоты

самыхъ дорогихъ личныхъ отношеній въ обществѣ, извращенномъ повальною ложью. Все это мотивы, знакомые и родственные сердцу каждаго. Не приводимъ дальнѣйшихъ примѣровъ: то, что мы хотѣли сказать, достаточно уясняется и немногими приведенными. Если бы мы желали болѣе подробныхъ доказательствъ мнѣнія о жизненности и общечеловѣчности поэтическихъ мотивовъ первоклассныхъ нашихъ поэтовъ, мы должны бы были перебрать всѣ ихъ лучшія пьесы сплошь. Повторяемъ: поэзія Пушкина и Лермонтова основывается по преимуществу на общихъ, доступныхъ каждой человѣческой душѣ впечатлѣніяхъ, чувствахъ, идеяхъ, на перипетіяхъ духа, но порождаемыхъ непремѣнно жизнью, а не отвлеченнымъ, кабинетнымъ возбужденіемъ мысли и чувства.

Ничего подобнаго нельзя сказать о поэзіи Щербины. Мотивы ея не суть мотивы, доступные всѣмъ: это по большей части мотивы для дилеттантовъ, развившихъ свою мысль и чувства въ особенномъ, извѣстномъ направленіи. Это не жизненные мотивы, широкіе и общіе въ своей естественности: это искусственные, узкіе мотивы «для немногихъ», по своей исключительности, едва понятные тѣмъ, кто не воспиталъ себя въ такихъ или иныхъ дилеттантскихъ вожделѣніяхъ. По истинѣ удивительно, какая бездна отчужденности отъ жизни заключается въ этихъ мотивахъ, воспроизводимыхъ нашимъ поэтомъ съ такою любовью, съ такимъ самонаслажденіемъ. Весь циклъ его «греческихъ стихотвореній» есть отголосокъ такихъ изумительныхъ чувствъ и идей, которыя кажутся положительно немислимыми для воспріятія обыкновенныхъ, не профильтрованныхъ сквозь дилеттантизмъ, душъ. Остановимся на нѣкоторыхъ, наиболѣе характеристическихъ изъ этихъ мотивовъ.

Однимъ изъ мотивовъ, особенно любезныхъ музѣ Щербины, безъ сомнѣнія, должно признать мотивъ созерцанія красоты и притомъ непремѣнно обнаженной. Къ этому мотиву поэтъ имѣетъ какое-то, почти болѣзненное пристрастіе: онъ видоизмѣняетъ его на всѣ лады, сообщаетъ ему неожиданные, можно сказать, даже невѣроятные оттѣнки и краски. Въ одной пьесѣ («Ложе изъ лилій и розъ приготовилъ тебѣ я») поэтъ приглашаетъ красавицу «броситься на ложе», а самъ придумываетъ для себя слѣдующую по истинѣ изумительную забаву:

...Я достану воды изъ цистерны,
Я оболью тебя влагою Зевса прохладной...
Стану смотрѣть ненасытно, какъ струйки и капли
Будутъ по тѣлу скользить, обвиняя любовно
Станъ твой и плечи, и груди, и всю тебя, нимфа.

При этомъ поэтъ предлагаетъ одно условіе красавицѣ: не надѣвать никакихъ одеждъ—

Пока не изсохнутъ на тѣлѣ
Капли за каплей, которые вмѣстѣ самъ воздухъ...
Да и къ чему-жъ измочить дорогія одежды!..
Другъ мой! Хочу посмотреть я глазами поэта,
Какъ отдѣляется выпукло тѣло отъ ложа,
Какъ этотъ пурпуръ волнистый отдѣлится ярко
Отъ бѣлизны легкопѣнной скульптурнаго тѣла.

Въ другомъ мѣстѣ («Осенняя элегія») проводя ту же идею, поэтъ молить солнце помедлить тепломъ, чтобы дольше не наступала осень и потомъ зима, которая потому ненавистна поэту, что морозы заставляютъ его милую «одѣвать непрозрачную грубою тканью полнолилейный, но забкій, трепещущій въ холодѣ локоть» и вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства поэтъ не увидитъ «долго всѣхъ прелестей этихъ». Въ третьей пьесѣ («Загорѣвшая дѣвушка») поэтъ завидуетъ вѣтру, опять-таки потому, что вѣтеръ видитъ и осязаетъ сокровенныя прелести, ибо—

За туніку нады,
Испивая всѣ отрады,
Онъ пропархивалъ не разъ...

Въ четвертой пьесѣ («Ваятель и натурщица») поэтъ представляетъ художника, который порицаетъ себя за то, что онъ изваялъ статую въ одеждѣ:

Гармоніи линій
Чуднаго тѣла богини разстроили эти покровы.
Правда-ль, неловко на сгибъ ея легкаго стана упали
Этихъ тяжелыхъ одеждъ переломы, и въ складкахъ волнистыхъ,
Скрыта отъ взоровъ прекрасная выпуклость федеръ и лядвей?..

Представивъ такіе резоны, художникъ обращается къ натурщицѣ: «Сбрось же, красавица, сбрось, умоляю, одежды и поясъ!» и т. п.

Въ пятой пьесѣ («Чувство художника») поэтъ скорбитъ о томъ, что мракъ ночи мѣшаетъ ему созерцать, какъ красавица—

Прикрыта въ смущеньи—
Въ стыдливости женской своей
И въ каждомъ воздушномъ движеніи
Въ порывѣ невинныхъ затѣй.

Наконецъ, въ шестой пьесѣ («Купанье»), продолжая варьировать свой любимый мотивъ обнаженія, поэтъ приходитъ уже совсѣмъ къ курьезнымъ и противуестественнымъ желаніямъ: восхи-

тившись обнаженной красотой женщины, моющей у ручья, онъ желаетъ, чтобы она окаменѣла, какъ Ниобея, и «вѣчно бы мѣлась грающимъ вѣкамъ въ наслажденье».

Подобные мотивы и подобная поэзія производить нѣсколько неловкое впечатлѣніе. Для обыкновеннаго, здороваго человѣческаго чувства немислимо такое исключительное, искусственное, чуть не извращенное ощущеніе, которое оставляетъ по себѣ поэтический пафосъ въ поименованныхъ пьесахъ Щербины. Нужно въ значительной степени выработать свою фантазію вліяніемъ различныхъ дилеттантскихъ возжелѣній, отчасти основанныхъ на ложномъ, болѣзненномъ раздраженіи какъ идеальнаго чувства, такъ равно и чувственности, отчасти на ложномъ, испорченномъ пониманіи духа образцовъ классической поэзіи и пластики, чтобы додуматься и почувствоваться до такихъ странныхъ, необыкновенныхъ мотивовъ и, еще больше того — до опоэтизированнаго выраженія ихъ. Конечно, наши quasi-эстетическіе критики скажутъ, какъ не разъ уже и говорили они, что къ подобнымъ мотивамъ нельзя приступать съ обыденнымъ критеріумомъ, потому что это мотивы особенные, «античные», потому что поэтъ задался здѣсь задачей стать на точку зрѣнія древняго грека относительно созерцанія и пониманія красоты. Но въ томъ-то и дѣло, что мотивы стихотвореній Щербины именно потому и представляются глубоко искусственными, что они, противорѣча античной сущности, только облекаются въ античную форму. Если бы кто вздумалъ искать образцовъ лже-классической лирики, подобно образцамъ лже-классической драмы, то конечно «греческія» стихотворенія нашего поэта представляются въ этомъ отношеніи примѣрными. Древній грекъ никогда не могъ питать такихъ *возбужденныхъ* стремленій къ обнаженію красоты, такого *болѣзненнаго* возжелѣнія къ созерцанію ея тайныхъ прелестей, потому что онъ понималъ красоту въ высшей степени реально, безъ всякой примѣси того особеннаго сорта идеализма, который зародился подъ вліяніемъ отнюдь не античныхъ чувствъ. Если допустить у древняго грека такую возбужденность возрѣній на красоту, такое почти лихорадочно-страстное отношеніе къ ней, такое балетное ея представленіе, то рѣшительно становится невозможнымъ объясненіе того, какимъ образомъ грекъ могъ создать здоровые, цѣломудренные и строгіе образы ея, встрѣчаемые нами въ лучшихъ памятникахъ античной пластики и поэзіи. Нѣтъ, что бы ни говорили quasi-эстетическіе критики, чувства и идеи поэзіи Щербины если и навѣяны представленіемъ античной чувственности, то въ *современномъ* вкусѣ, и оттого-то они и

являются въ такой утрировкѣ, которая вообще граничитъ съ извращенностью, а иногда доходитъ до комизма, какъ на примѣръ, въ стихотвореніи «Купанье». Если для quasi-эстетическихъ критиковъ не довольно ясно звучитъ лже-классическая нота въ указанныхъ пьесахъ, то можно найти у Щербины примѣръ, гдѣ извращенный дилеттантскій идеализмъ современнаго человѣка, такъ сказать, кричитъ о себѣ, несмотря на все стараніе поэта одѣть его въ античную форму. Мы говоримъ о пьесѣ «Тѣнь». Въ этомъ стихотвореніи поэтъ представляетъ пиръ. На пиру, конечно, сидятъ «полногрудыя жены», и «прелести женъ' полногрудыхъ» освѣщаютъ лампы. Тѣнь отъ лица поэта упадаетъ на «упругую и снѣжную» грудь красавицы.

Грудь на волненьи своемъ (?) мою тѣнь колыхала (!),
 Будто колышется тучка на зыби прибрежной.

Поэтъ проситъ красавицу не отходить отъ него; продлить хоть на мигъ его «сладкія мушкетеры»:

Пусть погоститъ у тебя хоть на груди прекрасной
 Легко трепещущей тѣни моей отраженье.

Неужели античный грѣхъ, имѣвшій о любви по преимуществу реальное представленіе, способенъ былъ на такое безобразіе, гдѣ является предъ нами какой-то несчастный, вымучивающій изъ себя всякія исключительныя ощущенія за неимѣніемъ здороваго чувства.

Впрочемъ, сколько ни искусственны указанные мотивы поэзіи Щербины, во всякомъ случаѣ въ нихъ все-таки еще звучитъ хотя самый отдаленный жизненный отголосокъ. Но можно найти у нашего поэта такія созданія, въ которыхъ уже совсѣмъ исчезаетъ всякое отношеніе къ жизни, въ которыхъ всецѣло господствуютъ исключительно дилеттантскія ощущенія. Самое характеристическое въ этомъ смыслѣ представляетъ «Древняя колонна». Поэтъ сидитъ, «схлонившись на мраморъ колонны, разбитой грозой и вѣхами». Ему вдругъ начинаетъ казаться, что колонна глядитъ на время и людей съ укоризной за то, что они допустили упасть ее на землю «съ высоты пьедестала», котораго, замѣтимъ мимоходомъ, у греческихъ колоннъ никогда не было. Поэту становится «досадно и грустно», и онъ, неизвѣстно для чего, набрасываетъ на базисъ колонны «пурпурный вѣнокъ олеандра», но вѣтеръ развѣиваетъ вѣнокъ. Поэту опять становится грустно и досадно: онъ нарѣзываетъ листьевъ акаеа, чтобы прикрыть ими капители, но ему мѣшаютъ это сдѣлать скорпіоны. Вотъ содер-

жаніе стихотворенія. Что оно знаменуетъ, вправѣ спросить каждый современный читатель. Конечно, поэтъ могъ въ своей особенной дилеттантской грусти и досадѣ продѣлывать около древней колонны какія ему угодно курьезныя занятія и потомъ описать ихъ въ стихахъ. Но ради чего же, во-первыхъ, предаваться такимъ занятіямъ, и какое отношеніе, во-вторыхъ, восстѣваніе этихъ занятій можетъ имѣть къ кому бы то ни было, кромѣ самого поэта? Надѣваніе олеандровыхъ вѣнковъ на разбитыя колонны и прикрыванье листьями акаеа ихъ капителей вызвано побужденіями, никому недоступными.

Мы остановились потому такъ подробно надъ «греческими стихотвореніями», что они составляютъ по преимуществу перлы поэзіи Щербины. На этихъ стихотвореніяхъ основалась его слава, они признаны многими съ голоса quasi-эстетической критики сокровищами, обогатившими русскую поэзію послѣ Пушкина и Лермонтова! Въ нихъ многіе желали нѣкогда и желаютъ, быть можетъ, и теперь видѣть новое, оригинальное содержаніе, мотивы, бывшіе неизвѣстными прежнемъ поэтамъ. Но большинство его стихотвореній сводится къ одному мотиву, нами указанному, мотиву по своей сущности если и оригинальному, то не въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и въ духѣ особенномъ и совершенно исключительномъ. Мы не вдаемся въ осужденіе этого особеннаго духа съ точки зрѣнія условной морали потому, что считаемъ подобную точку зрѣнія неприложимой къ поэтическимъ произведеніямъ, какими бы ни были они. Но съ точки зрѣнія поэтической правды мы осуждаемъ помянутыя стихотворенія, мы не считаемъ ихъ продуктомъ здороваго чувства и мысли. Если поэзія становится отраженіемъ искусственныхъ, исключительныхъ фантазій разившейся въ сторону дилеттантизма личности, она теряетъ свой смыслъ, она производитъ «дѣланныя» побрякушки. Какъ бы эти побрякушки ни были блестящи и красивы по формѣ, онѣ все-таки останутся созданіемъ холоднаго стихотворства, а не творческаго вдохновенія.

Пойдемъ теперь далѣе. Особый отдѣлъ стихотвореній Щербины составляютъ «пѣсни о природѣ». Основная мысль всѣхъ пѣснь этого цикла сводится къ пантеистическому созерцанію и наслажденію природою. Пантеистическое созерцаніе и наслажденіе природою, ея красотою и вѣчно обновляющеюся жизнью не составляетъ какого-либо исключительнаго чувства: это чувство безсознательное, непосредственное. Въ своей загадочной первобытной формѣ оно является достояніемъ каждаго, даже лишеннаго самаго элемен-

тарнаго развитія субъекта. Повидимому, въ выраженіи такого общаго непосредственнаго чувства поэтъ долженъ бы найти мотивы, чуждые всякой искусственности, всякой изысканности. Нѣтъ, онъ и тутъ остается вѣренъ себѣ: онъ въ большинствѣ своихъ «пѣсенъ» старается какъ можно вычурнѣе, какъ можно искусственнѣе вывернуть свои впечатлѣнія, какъ можно ярче наложить на нихъ печать исключительности. Вотъ, напримѣръ, какъ поэтъ изображаетъ «Утреннее впечатлѣніе». Созерцая картину утра, онъ «прозрѣвшей душой» повсюду «чуветъ живаго Бога» и преисполняется.... изумительной осторожности, осторожности особенной, неожиданной: онъ, чуя сродство жизни природы съ своей жизнью, остерегается наступить на червяка, ползущаго подъ травою; мало этого, онъ, какъ говоритъ пословица, комара не желаетъ обидѣть:

Исполненъ вниманьемъ
Для всякой летающей крошки,
И, груди сдержавъ колыханье,
Въ себя не втяну я дыханьемъ
Въ лучахъ затерявшейся мошки.

Ну, не искусственное ли это, не вымученное ли чисто ли головнымъ процессомъ ощущеніе? Подобное ощущеніе конечно можетъ быть выдуманно опять только дилеттантомъ, упивающимся въ своемъ кабинетѣ картинами воображаемаго утра, но оно невозможно, немислимо въ моментъ дѣйствительнаго, настоящаго увлеченія жизнью природы, охватывающаго человѣка свѣжимъ дыханіемъ при своемъ пробужденіи отъ недавняго сна. Пантеистическое чувство является у поэта въ такомъ неожиданно-изысканномъ, дѣланномъ образѣ, что вызываетъ невольную улыбку. Въ самомъ дѣлѣ, поэтъ, почувствовавшій бога природы столь сильно и живо, что сдерживаетъ дыханіе, боясь проглотить его въ образѣ комара — развѣ это не комическій образъ? И подобнымъ-то резонерскимъ пантеизмомъ, почти всюду остающимся на степени холоднаго резонерства, которое очень далеко отъ живого, непосредственнаго ощущенія, преисполнена большая часть «пѣсенъ о природѣ».

Этотъ резонерскій пантеизмъ Щербины не только чуждъ свѣжаго поэтическаго вдохновенія, но, порою, просто заимствованъ голымъ образомъ изъ метафизическихъ книжекъ, а иногда и прямо перефразированъ изъ чужихъ стиховъ. Въ доказательство подобной перефразировки укажемъ на стихотвореніе «Міръ», одно изъ наиболѣе выдающихся. Обратите вниманіе въ этомъ стихотвореніи на слѣдующія строки:

Весь я природой объятъ,—
Волны со мной говорить,

Бури мнѣ пѣсни поютъ,
Травы цвѣтуція льютъ
Свой для меня аромать....
Слышу какъ звѣзды текутъ,
Слышу, какъ ползаетъ гадъ..!!

Не вспоминается ли вамъ нѣчто знакомое при чтеніи этихъ стиховъ, и притомъ очень знакомое, вытверженное вами еще въ дни отрочества изъ христоматіи? И дѣйствительно, эти стихи составляютъ не болѣе какъ перефразировку извѣстныхъ строкъ въ пьесѣ Баратынскаго на смерть Гёте:

Съ природой ояъ жизнью одною дышала,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна.

Вообще говоря, пресловутое пантеистическое изображеніе природы, поставляемое quasi-эстетическою критикой въ особое достоинство и оригинальность поэзіи Щербины, наравнѣ съ «античнымъ» духомъ и колоритомъ, является, въ существѣ дѣла, очень блѣднымъ и мало выдержаннымъ. Приемъ, посредствомъ котораго нашъ поэтъ стремится поэтически одухотворить природу, весьма искусственный и, стало быть, весьма неискusstный: Щербина, почти вездѣ, случайно прилаживаетъ метафизическія сентенціи къ такимъ или инымъ картинамъ и явленіямъ природы, сентенціи, являющіяся голыми резонерскими «объясненіями» этихъ картинъ и явленій. Подобный приемъ менѣе всего можетъ быть допускаемъ въ поэзіи, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если «пѣсни о природѣ» болѣею частію выходятъ риторическими, чуждыми истинно изящныхъ и простыхъ образовъ, и чрезвычайно холодными со стороны поэтическаго впечатлѣнія. Для тѣхъ, кто желалъ бы наглядно уразумѣть разницу между поэтическимъ резонерствомъ въ стихахъ и дѣйствительнымъ поэтическимъ представленіемъ одухотворенной природы, мы рекомендовали бы сдѣлать сравненіе «пѣсень» Щербины съ нѣкоторыми, тождественными по направленію, пьесами Тютчева. Вотъ, по нашему мнѣнію, поэтъ, умѣвшій живымъ творческимъ вдохновеніемъ проникать въ жизнь природы, чутко улавливать ея тайное сродство съ чувствами человѣческой души, умѣвшій обожествлять ее въ поэтическомъ созерцаніи и выраженіи. Натянутый, изысканный и поверхностный пантеизмъ поэзіи Щербины въ сравненіи съ пантеизмомъ поэзіи

Тютчева представляется необыкновенно блѣднымъ и безсодержательнымъ...

О значеніи и характерѣ «Ямбовъ» Щербины мы скажемъ ниже, а теперь коснемся отдѣла сатирическихъ стихотвореній. Въ своей сатирѣ, подобно тому какъ въ лирикѣ, нашъ поэтъ преслѣдуетъ не какія-либо отрицательныя явленія жизни: сатира его имѣетъ узкій, личный и, если такъ можно выразиться, кружковой характеръ. Здѣсь мы встрѣчаемся опять-таки съ обычною чертою поэзіи Щербины—съ исключительностію ея дилеттантскаго настроенія. Большинство сатирическихъ стихотвореній относится къ литературнымъ личностямъ и направленіямъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что нашъ поэтъ избираетъ для своихъ сатирическихъ стрѣлъ не такія личности, которыя особенно характерны въ смыслѣ зловредности своего значенія: нѣтъ, онъ просто изливаетъ свою желчь, соображаясь только съ субъективными антипатіями. Въ этомъ отношеніи очень характернымъ представляется слѣдующее обстоятельство: наиболѣе злыя, наиболѣе сильно и мѣтко поражающія сатирическія пьесы относятся къ Ив. Ив. Панаеву. Что такое представлялъ собою Панаевъ въ литературѣ? Какое особенно зловредное значеніе имѣлъ этотъ, во всякомъ случаѣ довольно даровитый беллетристъ и фельетонистъ, въ свое время не мало оживлявшій скуку и застой журналистики пятидесятихъ годовъ? Если судить безпристрастно, за Панаевымъ никакого зловреднаго значенія признать нельзя. Онъ былъ, конечно, довольно яркимъ выраженіемъ малосодержательности такъ-называемой изящной литературы того времени, когда, между прочимъ, преимущественно процвѣтала и поэзія Щербины. Но послѣдній въ указанномъ отношеніи самъ представляется очень немногимъ выше Панаева; его дилеттантское творчество въ такой же мѣрѣ лишено внутренняго значенія. Между тѣмъ нашъ поэтъ мечетъ въ Панаева усиленные громы и молніи своего сатирическаго негодованія, истощаетъ на него наибольшій запасъ желчи. Что же было причиною такой ненависти къ Панаеву со стороны Щербины? По всей вѣроятности вотъ что: Панаевъ въ наиболѣе блестящій періодъ поэтической славы автора «греческихъ стихотвореній» указывалъ недостатки его поэзіи въ художественномъ отношеніи, хотя, впрочемъ, при этомъ всегда обнаруживалъ искреннее восхищеніе ея достоинствами. Но задѣтое самолюбіе поэта не принимало въ расчетъ безпристрастіе критика-фельетониста: поэтъ всецѣло возненавидѣлъ его и преслѣдовалъ въ стихахъ и прозѣ почти всю жизнь, даже послѣ смерти Панаева, съ энергіей, до-

стойной лучшаго дѣла. Въ направленіи нашей жизни Щербина встрѣчалъ осужденіе того «чистаго» искусства для искусства, изъ котораго выходила его поэзія. Какъ дилеттантъ, исключительно преданный этому «чистому» искусству и видѣ его не находящій никакихъ иныхъ стремленій и служеній, Щербина дѣтски озлобился на помянутое отрицаніе, не желая брать въ расчетъ ни его поводовъ, ни настоящаго его смысла. Это было опять чисто-личное раздраженіе Щербины, переложенное имъ въ стихи. Незвѣстный издатель въ предисловіи къ настоящему собранію сочиненій Щербины старается найти оправданіе поэту за его злобное непониманіе и преслѣдованіе «слабыхъ лучей свѣта и свободы» — въ болѣзненномъ состояніи поэта. Съ этимъ нельзя согласиться вполнѣ: болѣзнь, конечно, много участвовала въ раздраженіи Щербины; но ея участіе не могло быть значительно въ самомъ *направленіи* этого раздраженія. Последнее объясняется ничѣмъ инымъ, какъ только невыработанностью мысли поэта, воспитавшейся преимущественно на одностороннихъ дилеттантскихъ вліяніяхъ и началахъ. Быть можетъ, одной изъ главныхъ причинъ односторонней выработки его мысли была малая подготовка ея солиднымъ образованіемъ. Щербинѣ, какъ мы видѣли изъ біографическихъ данныхъ, въ юности не удалось пройти основательно курсъ ученія. Насколько образованіе Щербины во всякомъ иномъ направленіи, вромѣ литературнаго, отличалось недостаточностью — объ этомъ до нѣкоторой степени можно судить по его путевымъ замѣткамъ, веденнымъ поэтомъ во время пребыванія за-границей и появляющимся въ настоящемъ изданіи въ первый разъ. Заграничныя впечатлѣнія Щербины въ Англіи, въ Германіи, въ Парижѣ удивительны по наивности. Вниманіе поэта въ Европѣ обращаютъ только случайныя, такъ сказать наглядныя явленія; онъ руководится въ разумѣніи такихъ явленій только непосредственнымъ впечатлѣніемъ. Можно подумать, читая замѣтки Щербины, что онъ не имѣетъ даже приблизительнаго знакомства съ общимъ строемъ европейской жизни. Можетъ быть, иные объясняютъ такое наивное невѣдѣніе поэтической оригинальностью и небрежностью; но мы склонны думать, что оно просто основывается на односторонности образованія поэта, очень мало интересовавшагося тѣмъ, что выходило за предѣлы его дилеттантскихъ эстетическихъ вкусовъ, занятій и свѣдѣній.

Мы не безъ намѣренія оставили рѣчь о «Ямбахъ» и элегіяхъ Щербины къ концу. Дѣло въ томъ, что эти стихотворенія имѣютъ особенное пояснительное значеніе развитія дѣятельности

нашего поэта. Почти всѣ «Ямбы» и элегіи написаны въ 48—49 годахъ. Въ пятилѣтній промежутокъ, послѣдовавшій затѣмъ Щербина производилъ по преимуществу наиболѣе искусственныя изъ своихъ «греческихъ стихотвореній», каковы: «Тѣнь» (1852), «Осенняя элегія», «Ложе изъ лилій и розъ тебѣ приготовилъ я» (1851), «Чувства художника», «Ифигенія въ Тавридѣ» (1852), «Волосы Вереники» (1853) и проч. Одновременно съ этимъ написано большинство сентенціонныхъ «пѣсень о природѣ», фальшивыхъ въ поэтическомъ отношеніи и по преимуществу дилеттантскихъ по темамъ. На «ямбахъ и элегіяхъ», особенно относящихся къ болѣе раннимъ по времени ихъ созданія, еще не успѣла налечь печать дилеттантской исключительности: многіе изъ нихъ если не по выполненію поэтическому, то по намѣренію отличаются значительной жизненностью. Намъ кажется, что болѣе серьезное, болѣе жизненное вдохновеніе Щербины въ концѣ сороковыхъ годовъ объясняется влияніемъ общественнаго направленія, характеризовавшаго движеніе нашей литературы въ этотъ періодъ, точно также, какъ фальшивость его поэзіи первой половины пятидесятихъ годовъ вытекаетъ изъ тогдашняго застоя и оскуднѣнія литературной мысли. Мотивы, какіе развиваетъ поэтъ въ «ямбахъ» конца сороковыхъ годовъ, еще далеки отъ исключительнаго «эстетическаго» дилеттантизма и преисполнены совсѣмъ иными стремленіями. Въ стихотвореніи, напримѣръ, «Современная дума» (1848) звучитъ отголосокъ тогдашняго настроенія передовой мысли. Поэтъ пророчествуетъ, что настанетъ время, когда —

Мы знаньемъ дойдемъ къ примиренью
И къ жизни родимся иной...
Тогда Твое царство, Спаситель,
Въ величьи съ небесъ низойдетъ
Въ юдольную нашу обитель
И всюду блаженство прольетъ;
Всѣ люди тогда будутъ братья,
Довольные должной судьбой,
И мысли единой объятья
Всю землю обнимутъ собой...“

Въ другомъ мѣстѣ («Человѣку», 1848) поэтъ укоряетъ людей, которые, несмотря на свое подобіе божеству и разумъ, вносятъ въ жизнь элементъ раздора и страданія; онъ горько спрашиваетъ человѣка:

....Отчего, скажи, семьѣ твоихъ собратій
Чужда гармонія, объемлющая міръ?—
Средь разногласія желаній и проклятій
Свой жизненный вы празднуете пирь...

И прочныхъ нѣтъ у васъ законовъ и свободы
 И вы враждуете....
 За мысль незримую, или за призракъ счастья.
 Вы расточительно пролить готовы кровь,
 Твердя, что ко всему исполнены сострастья
 И что произвело все сущее любовь...

Въ «Женщинѣ» затрогивается ненормальное общественное и семейное положеніе женщины и указывается изъ него выходъ въ томъ смыслѣ, какъ понималъ то тогдашній либерализмъ: святое назначеніе женщины «нашъ геній изъ пеленъ пріять, направить душу поколѣнья, отчизнѣ гражданъ воспитать». Тутъ Щербина почти повторяетъ въ стихахъ мысли, высказывавшіяся въ сороковыхъ годахъ многими, напримѣръ, Бѣлинскимъ. Въ стихотвореніи «Въ Обществѣ» (1845) бичуется пустота, ложь, мелочность, лицемеріе общественной среды, живущей внѣшнимъ образованіемъ и лоскомъ. Въ стихотвореніи «Послѣ бала» (1849) поэтъ еще разъ возвращается къ вопросу о подчиненномъ положеніи женщины и утѣшаетъ послѣднюю тѣмъ, что и современные страданія открываютъ «дверь ко благу» будущимъ поколѣніямъ — обычное утѣшеніе тогдашняго, да и позднѣйшаго либерализма, звучащее горькой ироніей для тѣхъ, кому оно расточается. Въ «Будущемъ» (1849) выражается надежда на несомнѣнность грядущаго счастья, которое дано будетъ человѣчеству работой мысли. Въ «Пѣсни вѣка» (1848) выражена скорбь о тяжеломъ положеніи современнаго человѣка, безсильно томящагося жаждой правды и встрѣчающаго повсюду вокругъ себя хаосъ нравственнаго страданія и зла. Эта пьеса принадлежитъ къ числу наиболѣе задушевныхъ и искреннихъ произведеній поэта:

Гибнетъ чувство мое одинокое
 Безотзывно, бездольно, безродно!—
 Впередъ пустота лишь глубокая...
 Наша мысль высока, но бесплодна.
 Обрелись мы глядѣть на мученія,
 На неправды семейства людскаго,
 Не подавши руки облегченія,
 Не сказавъ ему вѣщаго слова.
 Между тѣмъ, какъ гниетъ подъ преданіемъ
 Неразумная жизнь человѣка,
 Обновяся только новымъ страданіемъ,
 Оно въ вѣкъ переходитъ изъ вѣка.
 Переполнены силою страстною,
 Пожираемы жадно любовью,
 Истощимся мы жертвой напрасною,
 За людей не прольемся мы кровью...

Не волнуйся-жъ, душа многотумная,
 И въ безгрезной дремотѣ разлейся!
 Замолчи, мое сердце безумное,
 Замолчи навсегда... или разбейся!

Въ этомъ, почти единственномъ стихотвореніи замѣтно у Щербины искреннее чувство, выраженное съ горячимъ поэтическимъ одушевленіемъ. Въ остальныхъ изъ перечисленныхъ «ямбовъ» чувствуются одни порывы къ живому общественному настроенію, къ серьезной мысли, но въ поэтическомъ выраженіи они являются довольно вялыми и холодными, мало сознательными, какъ будто случайными. Вслѣдствіе всего этого упомянутые порывы остаются, какъ и въ «Пѣсняхъ о природѣ», на степени голыхъ сентенцій и не находятъ для себя опредѣленныхъ, художественно-законченныхъ образовъ. Въ «Ямбахъ» Щербины потому замѣтна какъ-бы нѣкоторая борьба общественныхъ широкихъ идей съ исключительными дилеттантскими воззрѣніями и влеченіями поэта, которыя позднѣе всецѣло овладѣли его поэзіей. Это и случилось какъ разъ въ періодъ литературнаго застоя первой половины пятидесятихъ годовъ. Въ это именно время дилеттантская по своей сущности натура Щербины, тогда еще находившагося въ порѣ молодости, утратила и тотъ небольшой запасъ жизненныхъ сочувствій и настроеній, который прежде началъ обнаруживаться въ его поэзіи. Идеи поэта приняли другую окраску, другое теченіе, и склонились окончательно къ поэтическому услажденію разными квазі-эстетическими, искусственными фантазіями и направленіями. Поэтъ все больше и больше забывалъ жизненные мотивы, звучавшіе въ его молодыхъ «Ямбахъ», все больше и больше становился равнодушенъ къ мученіямъ, поражающимъ при взглядѣ «на неправду семейства людскаго»; онъ принялся усиленно проявлять въ своей поэзіи и проповѣдывать «эстетическій» дилеттантизмъ въ качествѣ универсальнаго средства для примиренія всякихъ противорѣчій живой дѣйствительности; онъ началъ признавать только одно «чистое» искусство, искусство для искусства, цѣлью своей жизни и поэзіи. Забывъ, какъ еще не такъ давно волновала его скорбь о томъ, что «гнѣтъ подъ преданіемъ неразумная жизнь челоуѣка», Щербина совершенно сроднился съ иною, совершенно дилеттантскою скорбью. Онъ теперь скорбѣлъ о томъ —

Что увлеклось неправою стезею
 Заблудшее искусство нашихъ дней.
 Приковано къ вседневности безцвѣтной
 Оно рукой непризванныхъ жрецовъ,
 И движеть ихъ на идеалъ завѣтный

Случайности и времени рабовъ.
 И взглядомъ ихъ искажена природа,
 Или кажется имъ недолжное она:
 Въ немъ клевета на жизнь и духъ народа,—
 Богѣнь творцовъ въ твореніяхъ видна,
 И дальше лня они не прозрѣваютъ
 Текущаго предъ ними безъ слѣда,
 И ложь его и мелочь возраждаютъ
 Въ созданіи гніющаго плода...
 А кто ихъ путь оставилъ безобразный,
 Какъ истый жрецъ предсталъ предъ красотой,—
 То тѣшится надъ нимъ невѣжда праздный,
 И приговоръ свой пишетъ площадной.

Въ качествѣ «истаго жреца» Щербина и ударился въ вос-
 шѣваніе на псевдоклассической лирѣ будто бы античныхъ шало-
 стей, въ родѣ обливанія водою обнаженныхъ женщинъ, изліяній
 поэтическихъ чувствъ и фантазій, при созерцаніи «Волось Вере-
 ники» и т. п. Пять-шесть лѣтъ упражнялъ Щербина свою поэ-
 зію въ этомъ искусственномъ направленіи, и это время было са-
 мою плодovитою эпохой его стихотворной дѣятельности, въ это
 время онъ заслужилъ лучшія похвалы quasi-эстетической критики,
 привлекъ къ себѣ поклонниковъ изъ среды дилеттантовъ чистаго
 искусства, чуждающагося жизни... Въ 1855 году, Щербина какъ
 будто почувствовалъ возвратъ прежнихъ вліяній мысли сороковыхъ
 годовъ: онъ вдругъ разразился ямбомъ, въ которомъ заявилъ вѣчто
 въ родѣ внезапнаго протеста противъ поэтическаго дилеттантизма
 и воззвалъ о необходимости для современной музы обществен-
 наго настроенія. Это былъ довольно извѣстный ямбъ «Поэту»:

О, поэтъ! ты — совѣсть вѣка,
 Лучшій сынъ земли родной;
 Цвѣтъ роскошный человѣка,
 Человѣкъ переходой.
 Больно знать, что въ наше время
 Пало сердце не одно,
 Что глубоко порчи сѣмя
 У людей вкоренено,
 Что не вѣдаетъ добра мы...
 Но, поэтъ, больнѣй того:—
 Злу исходить еиміамы
 Изъ кадила твоего!
 Ложной силѣ, но могучей,
 И твоя летитъ хвала,
 Что надъ міромъ новой тучей,
 Скрывшей солнце, налегла...

Но воспрянь!..
 Не склоняй къ кумирамъ слуха
 И по Богъ поборай:
 Ихъ грѣхи противу духа
 Паче всѣхъ грѣховъ карай, —
 Да звучитъ твой стихъ обронный,
 Правды божіей набатъ,
 Въ пробужденіе мысли сонной,
 Въ кару жизни беззаконной,
 На погибель всѣхъ неправдъ.

Это былъ едвали не послѣдній лучъ поэтической миссіи, озарившій душу поэта, это былъ едвали не послѣдній отълики, пробудившійся на мигъ отъ долгаго дилеттантскаго сна мысли.

Поэтическая производительность Щербины, начиная съ 1866 года, не представляетъ уже ничего новаго и выдающагося: немногія лирическія и антологическія стихотворенія, написанныя имъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни, по большей части являются довольно безцвѣтными повтореніями прежнихъ дилеттантскихъ мотивовъ. Въ этотъ періодъ Щербина усиленно предавался своей сатирѣ. Мы видѣли выше, въ какомъ направленіи высказывалась эта сатира, мелкая и узкая по сущности, но не лишенная интереса по ея характеру. Видно, поэту, привыкшему къ исключительному эстетическому дилеттантизму, не легко было осуществить на практикѣ свой же собственный совѣтъ сдѣлаться «набатомъ божьей правды», греющимся «въ пробужденіе мысли сонной», «на погибель всѣхъ неправдъ». Правда, можно найти много «смягчающихъ обстоятельствъ», если не въ оправданіе, то въ объясненіе печальнаго направленія поэтической мысли Щербины въ послѣдніе годы его жизни. Но дѣло собственно не въ этомъ: мы не судимъ человѣка въ поэтѣ, мы только оцѣниваемъ его дѣятельность, какою она является передъ нами въ совокупности его произведеній, и утверждаемъ, на основаніи этой оцѣнки, что самъ Щербина, по характеру своей поэтической дѣятельности, не можетъ быть отнесенъ къ числу поэтовъ, изображающихъ собой «совѣсть вѣка».

— И Н Ъ .

КУИ ЖЕЛЪЗО ПОКА ГОРЯЧО

НОВЫЙ АНГЛІЙСКІЙ РОМАНЪ.

„Taken at the flood“, by the Author of „Lady Audlay's Secret“, „Strangers and Pilgrims“ &c. &c. &c.

ГЛАВА XXII *).

Честолюбецъ глухъ на все, кромѣ честолюбія.

Сэръ Обри не долго молчалъ, стоя рядомъ съ Сильвіей, а надъ ихъ головою спокойно мерцали звѣзды.

Одинъ вопросъ особенно интересовалъ его.

— Вашъ батюшка, удостоивая меня своего довѣрія прошлый вечеръ, весьма правильно, на мой взглядъ, понялъ отношеніе, въ какое былъ поставленъ относительно васъ молодой человѣкъ м-ръ Стенденъ, сказалъ Обри съ прямодушіемъ человѣка, привышнаго скорѣе приказывать, чѣмъ повиноваться. — Такой прелестной молодой особѣ, какъ вы, не пристало вступать въ семью, которая отказываетъ ей въ уваженіи и любви. Но отцы склонны разсуждать въ такихъ случаяхъ на основаніи здраваго смысла, упуская изъ виду то обстоятельство, что въ этомъ дѣлѣ могутъ быть замѣшаны чувства дочери. Я... я надѣюсь, что этого не было въ данномъ случаѣ. Я надѣюсь, что вы одобрили отказъ вашего батюшки.

Сердце у Сильвіи сильно билось. Къ чему было сэру Обри спрашивать ее объ этомъ, если онъ не намѣревался задать ей

*) См. выше: янв. 331; февр. 763; мар. 231 стр.

другой, еще болѣе щекотливый вопросъ въ послѣдствіи? Какое ему было дѣло, нравился ей или нѣтъ м-ръ Стенденъ? И что ей отвѣчать ему? Сказать правду... сказать, что Эдмондъ Стенденъ былъ для нея очень дорогъ и что она покланялась ему въ вѣрной любви—вотъ несомнѣнно ея долгъ, этого требовали ея обязательства относительно Эдмонда и святая правда. Но поступить такимъ образомъ значило разрушить обаяніе, подъ которымъ, очевидно, находился сэръ Обри, значило уничтожить великолѣпную перспективу, которая открылась сегодня вечеромъ передъ ея ослѣпительными глазами. А идеи свои о жизни Сильвія заимствовала не отъ такого наставника, который бы придавалъ большое значеніе отвлеченной истинѣ. Наставленія, которыя читалъ ей отецъ, пропитаны были жестею и желчью. Онъ училъ ее, что быть счастливымъ, значило успѣвать въ жизни, что бѣдность и счастье несомнѣнны, что упустить единственный блестящій случай составить карьеру значило разрушать своими руками свое счастье.

«У каждой красивой женщины бываютъ шансы на блестящую карьеру, сказалъ ей отецъ, если только она сумѣетъ выждать случай».

Ну, вотъ теперь случай, повидимому, самъ давался въ руки Сильвіи, не заставлялъ даже себя долго ждать. Фортуна, крылатый геній, стояла на ея пути. Ей стоило только протянуть руку и захватить блестящаго генія... но ничего не было легче также, какъ прогнать его прочь. Она подумала, прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ сэра Обри, и затѣмъ съ смѣлой двумысленностью дала такой отвѣтъ, который ее ни къ чему не обязывалъ.

— Я не могу не одобрить отцовскаго отказа. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы миссисъ Стенденъ обращалась со мною свысока.

— Обращалась свысока! Еще бы! вскричалъ баронетъ съ негодованіемъ. Выносить презрительные взгляды вдовы провинціальнаго банкира! Вамъ! которой пристало быть герцогиней! Но оставимъ миссисъ Стенденъ всторонѣ,—продолжалъ онъ съ легкимъ колебаніемъ,—ея дерзость не заслуживаетъ вниманія. Вопросъ, который я осмѣлюсь предложить вамъ... это.. сумѣлъ ли заслужить ваше расположеніе м-ръ Стенденъ, тотъ молодой джентльменъ, который далъ вамъ ту книгу.

Вопросъ былъ такой прямой, что не допускалъ двусмысленнаго отвѣта. Сильвіи приходилось или сказать правду, или оскорбить своего милаго сознательной ложью. Къ счастью ни мужчины, ни женщины не дѣлаются низкими въ одинъ моментъ. Она не могла прямо произнести ту ложь, которую подсказывалъ раз-

счетъ, не могла вполнѣ извратить истину. Но отвѣтъ ея былъ правдивъ лишь наполовину.

— Да, отвѣчала она кротко, Эдмондъ и я—мы были расположены другъ къ другу. Но только такъ много препятствій къ нашему браку, что...

— Что вы оба пришли къ заключенію, что благоразумнѣе совсѣмъ отказаться отъ него, съ жаромъ проговорилъ сэръ Обри. Понимаю.

— Нѣтъ, отвѣчала Сильвія, Эдмондъ все еще желаетъ жениться на мнѣ, но я...

— Вы считаете такой бракъ неразумнымъ...

— Да... и, кромѣ того, я слишкомъ горда, чтобы выносить пренебреженіе миссисъ Стенденъ.

— Значить, я могу заключить, что сердце ваше не глубоко затронуто? произнесъ сэръ Обри настойчиво.

Сильвія вздохнула. Если только у ней вообще было сердце, то оно принадлежало Эдмонду Стендену. Ей припомнился звучный голосъ, съ его низкими, нѣжными нотами; темно-сѣрые глаза, съ ихъ любящимъ, покровительственнымъ взглядомъ, сознаніе мира и безопасности, всегда овладѣвавшее ею въ присутствіи милаго; глубокое довѣріе, которое внушало его честная натура. Тяжко было отказываться отъ всѣхъ этихъ благъ, казавшихся порою даже для ея себялюбивой души достаточнымъ залогомъ счастья.

Она вздыхала, а глубокіе глаза озирали итальянскій садъ, паркъ, окружавшій его, маленькую старую церковь въ лощинѣ, волнистые контуры луговъ, не менѣе тѣнистыхъ, чѣмъ самъ паркъ. Она знала, что далеко за предѣлы ея круговора простирались владѣнія сэра Обри Перриама. Она припоминала о его богатствѣ, о которомъ ей сегодня вечеромъ прожужжалъ уши отецъ. Могла ли земная любовь или истина—вещи во всякомъ случаѣ невѣсомыя—перетянуть эти положительныя пріобрѣтенія? Могла ли она колебаться, когда фортуна предлагала ей въ одной рукѣ сердце человѣка, котораго она любила, а въ другой Перриамскій замокъ.

«И, чего добраго, лѣтъ черезъ десять, когда красота моя поблѣкнетъ, а характеръ испортится въ борьбѣ съ нищетой, я открою, что надоѣла Эдмонду», думала она, обсуждая вопросъ съ различныхъ сторонъ.

«Но я люблю его, я люблю его, подсказывало сердце. Я люблю его и не могу отказаться отъ его любви».

Звѣзды проливали свой серебристый свѣтъ на итальянскій

садъ. Фавнъ и Дриада бѣлѣлись на фонѣ апельсиновыхъ деревьевъ, наполнявшихъ воздухъ благоуханіемъ. Очарованнымъ глазамъ Сильвіи представлялась восхитительная картина. И вотъ, злой духъ внушалъ ей продать за чечевичную похлебку драгоценное наслѣдіе—честь женскаго сердца.

— Скажите мнѣ правду, молилъ сэръ Обри.—Принадлежитъ ли ваше сердце м-ру Стендену?

Она не могла отвѣчать—нѣтъ, но тутъ кокетство и уловки хитрости пришли ей на помощь.

— Мы были знакомы другъ съ другомъ всего какихъ-нибудь три мѣсяца; а тутъ онъ уѣхалъ, сказала она; да мы не очень часто видались и за то время.

— Слѣдовательно, ваше сердце не затронуто?

— Не очень глубоко. Въ сущности я, право, не знаю, есть ли у меня сердце... Но, мнѣ кажется, сэръ Обри, что пора напомнить папѣ, что уже очень поздно. Интересная бесѣда съ м-ромъ Перриамомъ можетъ заставить его позабыть о томъ, что намъ предстоитъ еще цѣлый часъ ходьбы.

— Вамъ не придется идти домой пѣшкомъ. Я приказалъ запречь экипажъ къ десяти часамъ. Подарите мнѣ еще полчаса, миссъ Керью. Есть еще одинъ вопросъ, который мнѣ хочется задать вамъ... да... сегодня же вечеромъ. Онъ можетъ показаться вамъ страннымъ и внезапнымъ, но когда человѣкъ на что-нибудь твердо рѣшился, то ему нѣтъ резона колебаться.

Онъ остановился, чувствуя, что очутился почти невзначай на краю ужасающей пропасти... бездны, изъ которой ему уже не выкарабкаться, разъ онъ туда скатится. Онъ остановился и перевелъ духъ. Но когда человѣкъ разбѣжится, — ему бываетъ трудно отступить назадъ. Не успѣлъ сэръ Обри замѣтить въ какомъ отчаянномъ положеніи онъ находится, какъ стало уже поздно.

— Весьма возможно, произнесъ онъ, что ваше дѣвическое сердце, котораго не сумѣлъ пробудить молодой вздыхатель, тронется глубокой преданностью человѣка, давно уже распрощавшагося съ молодостью. Сильвія, бываютъ увлеченія, противъ которыхъ бесполезно бороться; бываютъ обаянія, разрушить которыя бессильна мудрость самого Улисса. Дорогое дитя, я думаю, что я влюбился въ васъ въ то первое утро на огородѣ, потому что съ той поры лицо ваше неотступно преслѣдовало меня, и я знаю, что отнынѣ жизнь покажется мнѣ унылой, если вы откажетесь освѣтить ее для меня.

Сильвія обвела взглядомъ все великолѣпіе Перриама. Она по-

вернулась спиной къ церкви въ лощинѣ, и господскій домъ предсталъ ей глазамъ во всемъ своемъ торжественномъ величїи. Между его широкой каменной террасой и садомъ въ итальянскомъ стилѣ разстился мягкій лугъ, блестящій, какъ гладкая поверхность озера. Все это повергалось къ ея ногамъ—знатнѣйшій джентльменъ изъ всѣхъ, о какихъ она когда-либо слыхала, предлагалъ ей этотъ домъ, великолѣпнѣе котораго она ничего не видала въ жизни. Во всемъ Гедингемѣ не нашлось бы ни одного человѣка, у котораго понятіе о величїи не связывалось бы съ личностью сэра Обри Перриамъ.

Горло у ней судорожно сжалось; глаза наполнились слезами: то были слезы гордости и торжества. До этого вечера ей только во снѣ случалось испытывать это опьяняющее ощущеніе побѣды. Она обратилась къ сэру Обри, намѣреваясь отвѣчать ему, но слова не шли съ ея языка. Подавляющее сознаніе удовлетвореннаго честолюбія душило ее. Въ эту минуту Эдмондъ Стенденъ былъ совсѣмъ забытъ.

Сэръ Обри замѣтилъ ея волненіе и былъ глубоко имъ тронутъ. Окажись она равнодушною, онъ почелъ бы ее недостойною своей любви. Волненіе ея затрогивало струну, звучащую въ униссонъ съ его собственнымъ глубокимъ чувствомъ. Онъ понялъ, что не лишенъ еще возможности плѣнить это свѣжее, юное сердце.

— Сильвія, хотите быть моею женою? коротко спросилъ онъ ее, не умѣя пространно объясняться въ любви.

— Это было бы слишкомъ большою честью для меня, сэръ Обри, отвѣчала она, съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ.

Она подумала о Гедингемскихъ барыняхъ, окидывавшихъ ее свысока своими холодными, отталкивающими взглядами, и осуждавшихъ ее безпощадно. Неужели судьба дѣйствительно вознесетъ ее на ту недостижимую высоту, съ которой ей можно будетъ уничтожить ихъ своимъ презрѣніемъ. Самый фактъ ея возвышенія будетъ уже апогеемъ мщенія. Она представляла себѣ то почтеніе, которое весь Гедингемъ будетъ оказывать леди Перриамъ, причемъ Эдмондъ Стенденъ оставался въ полномъ забвеніи.

— Что скажетъ объ этомъ свѣтъ, сэръ Обри? спросила она.

— Что можетъ сказать свѣтъ, кромѣ того, что я необыкновенно счастливъ, найдя себѣ жену, неимѣющую соперницъ. До сихъ поръ, я, можетъ быть, придавалъ слишкомъ большое значеніе общественнымъ предразсудкамъ, отнынѣ я сбросилъ эти оковы рабства. Красота, подобная вашей, способна сдѣлать каждаго человѣка радикаломъ. Что мнѣ за дѣло до мнѣнія свѣта, лишь

бы я былъ счастливъ! Домашній очагъ заключаетъ весь міръ человека. Мучительное безпокойство о томъ, что скажетъ свѣтъ, есть суета изъ суетъ, привитыхъ уму человѣческому цивилизаціей. Пусть домъ мой будетъ такъ же одинокъ, какъ вигвамъ дикаря, пока въ немъ царитъ счастье. Сильвія, могу ли я надѣяться заслужить ваше расположеніе.

— Могу ли я не восторгаться вами, когда вы такъ благородны и великодушны? мягко отвѣчала она.

Еще очень недавно она называла благороднымъ и великодушнымъ Эдмонда Стендена за то, что онъ готовъ былъ пожертвовать для нея своимъ состояніемъ, но сэръ Обри, который могъ сдѣлать ее госпожей Перриамъ-Плэса, казался ей еще болѣе благороднымъ и великодушнымъ.

— Согласны ли вы быть моею женою, Сильвія? умолялъ сэръ Обри, съ возрастающимъ увлеченіемъ. Я согласенъ предоставить времени возможность заслужить вашу любовь. Но я не думаю, чтобъ такое нѣжное и невинное сердце, какъ ваше, могло бы долго противостоять мужу, который будетъ боготворить васъ. Если я довѣряюсь будущему, что оно принесетъ намъ обоимъ счастье, неужели вы, моя дорогая, не довѣритесь ему?

— Да! отвѣчала она, не отнимая руки своей, которую онъ сжималъ въ своей, и не сводя глазъ съ замка, на гладкомъ фасадѣ котораго тѣни отъ вѣтвей кедровъ напоминали перья траурной колесницы.

Перриамъ-Плэсъ былъ ей дороже, чѣмъ любовь сэра Обри.

«Для бѣднаго Эдмонда такой исходъ лучше, чѣмъ стать пролетаріемъ изъ-за меня», подумала она, когда образъ ея бывшаго жениха набросилъ внезапную тѣнь на блестящую картину будущаго, ожидавшаго ее. Въ эту минуту она дѣйствительно вѣрила, что, принимая предложеніе сэра Обри, великодушно поступаетъ въ отношеніи Эдмонда Стендена. А торжественное обѣщаніе, данное ею на могилѣ де-Боссиней, обѣщаніе, которому такъ твердо вѣрилъ ея отсутствующій женихъ? Эта священная клятва оказалась легче былинки на вѣсахъ: богатство Перриама и сопряженные съ нимъ могущество и гордость перетянули ее.

Сэръ Обри, нѣсколько отуманенный, держалъ эту маленькую ручку въ своей рукѣ, удивляясь внезапной переменѣ, происшедшей въ его судьбѣ. Онъ не рассчитывалъ на такой отчаянный шагъ. Онъ намѣревался хорошенько ознакомиться съ Сильвіей и ея отцомъ, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться. И вдругъ, чарующее вліяніе звѣздной ночи оказалось настолько сильно, что заставило его поступать съ безумной неосмотрительностью. Но

сознавая, что поступилъ необдуманно до сумасшествія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ.

— Сильвія, сказалъ онъ нѣжно, — если вы можете удѣлить мнѣ десятую долю той любви, которую я чувствую къ вамъ, то мы будемъ счастливѣйшей парочкой на всемъ западѣ Англіи.

Сильвія подумала, что нельзя не быть счастливой, будучи «леди Перриамъ».

Въ это время м-ръ Керью и м-ръ Перриамъ успѣли обойти всѣ дорожки итальянскаго сада; буквобдъ не прекращалъ своихъ разсужденій по поводу замѣчательнаго венеціанскаго изданія Горація—книги, которая показалась бы ничтожнѣйшей въ глазахъ записного библіофила, но для Мордредъ имѣвшей неоцѣненныя достоинства. Школьный учитель терпѣливо выслушивалъ всѣ подробности этой покупки: какъ м-ру Перриаму случайно бросилось въ глаза объявленіе въ «The Bookseller», какъ онъ писалъ къ перекупщику, какъ тотъ отвѣчалъ ему, — все это передавалось пространно, съ многочисленными дополнительными разсужденіями. Но м-ръ Керью оказывалъ необыкновенное терпѣніе: онъ слѣдилъ за двумя фигурами, видѣвшимися у каменной вазы вдали, и сознавалъ, что, во всякомъ случаѣ, время его не пропало даромъ.

Но когда часы въ конюшнѣ пробили половину десятаго, онъ счелъ необходимымъ предпринять съ своей стороны рѣшительное движеніе. Замѣтивъ м-ру Перриаму, что время позднее, онъ направился вмѣстѣ съ нимъ къ другой группѣ.

— Сильвія, знаешь ли ты, который теперь часъ? спросилъ м-ръ Керью. Этотъ чудный садъ и любезность сэра Обри заставила тебя забыть о времени. Вѣдь намъ предстоитъ еще порядочный конецъ.

— Я приказалъ заложить экипажъ къ десяти часамъ, сказалъ сэръ Обри. Я не могу допустить, чтобъ миссъ Керью возвратилась домой пѣшкомъ. Войдемте въ домъ, и закусите немного.

Онъ подаль свою руку Сильвіи, и они возвратились въ домъ, окна котораго были теперь залиты привѣтливымъ свѣтомъ лампъ и восковыхъ свѣчей, не рѣзавшихъ зрѣніе, какъ яркое газовое освѣщеніе. Салонъ, который Сильвія только смутно разглядѣла въ сумерки, былъ теперь освѣщенъ парой карсельскихъ лампъ — нововведеніе, допущенное не безъ протеста со стороны сэра Обри, и полудюжиной желтыхъ восковыхъ свѣчей, горѣвшихъ въ серебряныхъ канделябрахъ, изображавшихъ коринескія колонны. При этомъ мягкомъ свѣтѣ комната являлась во всей красѣ; никакой рѣзкій цвѣтъ не преобладалъ, такъ какъ всѣ тоны слились между собою отъ времени, блѣдный сѣрый цвѣтъ сливался съ

темно-краснымъ; двери были темные, изъ испанскаго, краснаго дерева — однимъ словомъ, это была комната, которая пришлась бы по вкусу художнику. Сильвія находила, что, несмотря на отсутствіе всѣхъ роскошныхъ изобрѣтеній современной мебелировки, салонъ сэра Обри былъ во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпнѣе хвалёной новой гостинной м-съ Тойнби, на убранство которой, какъ хвастливо сообщила хозяйка своимъ знакомымъ, не пожалѣли денегъ. У м-съ Тойнби было пропасть зеркалъ; цѣлыя зеркальныя стѣны отъ пола до потолка отражали въ себѣ необычайные изгибы и кривыя линіи позолоченныхъ стульевъ и столовъ, современнаго Буля съ мѣдной инкрустаціей, французскій фарфоръ, богемскій хрусталь, пунцовый атласъ, перламутръ, фотографическіе альбомы; комната эта могла довести до головокруженія посѣтителя, между тѣмъ какъ въ салонѣ Перріамъ-Плэса глазъ отдыхалъ, какъ въ тѣнистомъ лѣсу. Однажды въ припадкѣ снисходительности, или откровенности, подѣ-часъ овладѣвающей нѣкоторыми женщинами, когда у нихъ заведутся новинки, предназначенныя на показъ, м-съ Тойнби пригласила въ себѣ Сильвію, чтобы показать ей свою гостиную, и Сильвія довольно неохотно приняла это покровительственное приглашеніе. Осматривая все это пресловутое великолѣпіе, она дивилась, изъ какого хаоса артистическихъ понятій почерпнули столары рисунки этихъ змѣевидныхъ стульевъ, этихъ узловатыхъ столиковъ для кофе, и пьедесталовъ для цвѣточныхъ горшковъ изъ парижскаго гипса, напоминавшихъ собою позолоченные фонарные столбы. Сильвія преувеличенно восхищалась гостиной м-съ Тойнби, за что была награждена засушеннымъ бисквитомъ и рюмкой хереса, сильно отзывавшагося кайенскимъ перцемъ. Она не забыла ни этой комнаты, ни снисходительности, вызвавшей ея осмотръ. Все это она припоминала теперь съ странной улыбкой.

«Когда я буду лэди Перріамъ, то непременно приглашу м-съ Тойнби посмотрѣть мою гостиную», подумала она.

Времени оставалось ровно настолько, чтобы успѣть слегка закусить бисквитами съ виномъ, и сладкимъ печеніемъ, которымъ славилась перріамская экономка, пока не доложили, что экипажъ готовъ. Сэръ Обри воспользовался этимъ временемъ, чтобы пригласить своихъ новыхъ знакомыхъ обѣдать въ Перріамъ на слѣдующій вторникъ.

— Полагаю, Керью, что воскресенье у васъ свободный день, сказалъ онъ въ раздумьи.

Онъ размышлялъ о томъ, какъ суббота покажется ему длинна и скучна, если ему не удастся видѣть Сильвію.

— Нѣтъ, сэръ Обри, я вплоть до вечера не буду свободенъ. Я долженъ сопровождать учениковъ въ церковь.

— Ахъ, да, дѣйствительно! сказала баронетъ, внезапно очувшись.

Эти школьныя занятія становились для него положительно невыносимы. Онъ совсѣмъ забылъ о нихъ во время разговора съ Сильвіей при мерцаніи звѣздъ.

Онъ проводилъ гостей до экипажа, — старинной коляски лимоннаго цвѣта, въ которой еще разъѣзжали его родители. Но несмотря на древность, экипажъ былъ тщательно сбереженъ. На обивкѣ шерстянаго дамъ не было ни одного пятнышка, подушки были роскошны. Никогда еще въ жизни не ѣзжала Сильвія въ такой коляскѣ.

— Прощайте, сказала сэръ Обри, продолжительно пожимая руку Сильвіи, между тѣмъ какъ кучеръ оборотился посмотрѣть, долго ли хозяину его заблагоразсудится стоять у дверей экипажа.

— Прощайте, я побываю у вашего батюшки въ понедѣльникъ.

Коляска повалилась, а сэръ Обри вернулся въ домъ медленно, въ задумчивости. Едва улеглось оживленіе, сообщенное присутствіемъ Сильвіи, какъ въ немъ пробудилось сознаніе, что онъ поступилъ слишкомъ поспѣшно. Не то, чтобы онъ вообще сожалѣлъ о сдѣланномъ имъ шагѣ; онъ гордился тѣмъ, что Сильвія приняла его предложеніе, но въ немъ шевелилось смутное сомнѣніе, какъ у покупателя только-что купившаго вещь, въ необходимости которой онъ не вполне убѣжденъ. Быть можетъ, покупка была и выгодна, но покупатель могъ бы легко обойтись безъ нея.

— Что-то скажетъ Мордредъ? спросилъ онъ себя, возвращаясь въ салонъ. А за Мордредомъ возставалъ весь этотъ виѣшній міръ, который онъ недавно на террасѣ казнилъ своимъ презрѣніемъ! У одной изъ лампъ сидѣлъ Мордредъ, перелистывалъ одно изъ періодическихъ изданій и нисколько не подозрѣвая случившагося. Онъ взглянулъ на брата, когда тотъ вошелъ въ комнату, но на его безмятежномъ, сонливомъ лицѣ не выразилось ни малѣйшаго любопытства.

— Этотъ м-ръ Керью очень образованный человѣкъ, замѣтилъ онъ, значительно образованнѣе, чѣмъ люди его профессіи.

— Еще бы! отвѣчалъ баронетъ, почти угрюмо. При первомъ взглядѣ видно, что онъ джентльменъ по рожденію и по воспитанію.

— Я не могу понять, какъ онъ дошелъ до званія сельскаго школьнаго учителя, проговорилъ Мордредъ въ раздумьи.

— Потому, очевидно, что это человѣкъ твоего характера.

Одинъ изъ тѣхъ умственно-лѣнивыхъ сибаритовъ, которые способны удовлетвориться низкимъ положеніемъ, лишь бы оно не требовало отъ нихъ никакихъ усилій ума. Что бы случилось съ тобой, Мордредъ, еслибы ты не былъ обезпеченъ съ матеріальной стороны? Развѣ ты полагаешь, что могъ бы достигнуть положенія выше того, которое занимаетъ м-ръ Керью?

— Не думаю, покорно отвѣчалъ Мордредъ; но какая тоска, должно быть, обучать ребятишекъ. Благодарю Провидѣніе, что я не дожидъ до этого.

— А что ты думаешь о миссъ Керью? спросилъ сэръ Обри, утонувшій въ креслахъ на другомъ концѣ комнаты.

— О молодой особѣ? сказалъ Мордредъ, какъ будто теперь только припомнилъ фактъ ея существованія;—о той дѣвицѣ, которая была здѣсь съ м-ромъ Керью. Она, какъ кажется, очень пріятная особа.

«Пріятная!» воскликнулъ про себя баронетъ; его богиня красоты, его Рафаэлева Мадонна—не заслужила ничего восторженнѣе плоскаго эпитета «пріятной».

Послѣ этого у сэра Обри прошла вся охота сообщить что бы то ни было Мордреду. Да можетъ быть и лучше оставить все въ тайнѣ до тѣхъ поръ, когда онъ не женится на Сильвіи. Пусть всѣ дивятся, сколько душѣ угодно, впослѣдствіи. Въ одно прекрасное утро, они обвѣнчаются безъ шума, не навлекая на себя общаго вниманія, и затѣмъ уѣдутъ въ Парижъ, прежде чѣмъ фактъ этотъ огласится. Сэръ Обри особенно хлопоталъ о томъ, чтобы избѣжать изумленія, которое долженъ былъ возбудить во всѣхъ его эксцентрическій бракъ.

ГЛАВА XXIII.

Непоследовательность м-съ Стенденъ.

Сильвія не сказала ни слова своему отцу о предложеніи сэра Обри, когда они ѣхали обратно домой. А м-ру Керью и въ голову не приходило, чтобъ дѣло дошло до кризиса. Онъ былъ уже вполне доволенъ тѣмъ фактомъ, что дочь его нравится сэру Обри, и не терялъ надежды, что со временемъ такое явное расположеніе можетъ перейти въ любовь съ его стороны. Предположеніе, что владѣлецъ замка предложилъ свою руку и богатство малоизвѣстной ему дѣвушкѣ, которую онъ видѣлъ всего четыре раза, превышало самыя безумныя мечты м-ра Керью. Но

въ этомъ-то и выказалось полное незнаніе человѣческой природы у школьнаго учителя: ждать, чтобы увлеченіе сэра Обри перешло въ любовь, значило, давать ему время одуматься и уступить внушеніямъ трезваго разсудка, которыя должны были неизбежно возникнуть у человѣка въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Только находясь въ чадѣ, могъ сэръ Обри забыть о фамиліиныхъ и общественныхъ предразсудкахъ ради удовлетворенія своей новой прихоти. Чѣмъ новѣе была эта прихоть, тѣмъ сильнѣе дѣйствовала чадъ, производимый ею. Довольный тѣмъ, что считалъ прогрессивнымъ развитіемъ страсти сэра Обри, м-ръ Керью воздержался отъ допроса дочери. Почти молча доѣхали они до дому, и коротко простившись, Сильвія разсталась съ отцомъ въ приемной.

Оставшись наединѣ въ своей комнатѣ, она бросилась на постель, у которой двумя днями раньше стояла на колѣняхъ ея несчастная мать, и въ первый разъ въ жизни залилась горячими слезами. Сознаніе измѣны обрушилось на нее всею своею тягостію во время молчаливой поѣздки домой. Она чувствовала себя самой низкой и презрѣнной женщиной въ мірѣ. Она готова была допустить мысль, что всѣ земныя блага, которыя сулила ей судьба, будутъ для нея лишены всякой прелести безъ Эдмонда. Однакожъ, несмотря на эти сомнѣнія, ей и въ голову не приходила возможность отступленія—мысль о томъ, чтобы просить сэра Обри возвратить ей слово, данное ею въ поспѣшности.

Нѣтъ! — она плакала объ отсутствующемъ женихѣ, о своей измѣнѣ, не отказываясь отъ мысли сдѣлаться лэди Перриамъ. Раскаяніе терзало ея сердце, но она не намѣрена была отказываться отъ новой цѣли своего существованія. Она будетъ торжественно царить надъ тѣми, кто ее оскорблялъ. Она воспользуется всѣмъ, чѣмъ жизнь красна.

Огрызисты и лихорадочны были сны ея въ эту ночь, въ краткіе промежутки дремоты. То ей мерещилось полное укоризны лицо ея жениха, то снился великолѣпный фасадъ Перриамъ-Плэса; она стояла въ итальянскомъ саду, подъ безоблачнымъ звѣзднымъ небомъ, но возлѣ нея находился не сэръ Обри, а Эдмондъ Стенденъ.

Она проснулась послѣ такого сна съ постыдною мыслью: — сэръ Обри почти уже старикъ; онъ можетъ быть очень не долговѣченъ, и тогда я могу выйти замужъ за Эдмонда.

Какое счастье, какой подвигъ, сдѣлать Эдмонда лордомъ Перриамомъ? Она забывала, что родовыя помѣстья переходятъ къ старшему въ родѣ. Она воображала себя единственной госпожой

помѣстій и богатствъ сэра Обри, которыми надѣялась своего перваго жениха. И, убаюканная этимъ чуднымъ сномъ, Сильвія погружилась въ глубокую дремоту, когда птички уже начинали щебетать.

Она проснулась почти въ веселомъ расположеніи духа, хотя неотвязчивый образъ ея обманутаго жениха продолжалъ преслѣдовать ее. Можетъ быть, для него все случилось къ лучшему! таковъ былъ аргументъ, которымъ она старалась заглушить въ себѣ голосъ совѣсти. Онъ можетъ жениться на миссъ Рочдель, сказала она себѣ какъ-то; но эта мысль показалась ей слишкомъ мучительной. Она не могла остановиться на ней.

— Нѣтъ, онъ не поспѣшитъ съ женитьбой, думала она; онъ останется жить съ матерью, и сдѣлается провинціальнымъ джентльменомъ. Онъ для этого созданъ. Низвести его на степень какого-нибудь клерка было бы неслыханною жестокостью. Было бы эгоизмомъ съ моей стороны согласиться на жертву, которую онъ, по свойственному ему великодушію, цѣнитъ слишкомъ низко. Какъ могу я сомнѣваться въ томъ, что бракъ нашъ поведетъ къ несчастію! Онъ можетъ раскаяться въ принесенной имъ жертвѣ. А послѣ трехмѣсячной разлуки, его любовь, можетъ быть, нѣсколько остынетъ, разсуждала она со вздохомъ, полнымъ сожалѣнія. Во всякомъ случаѣ, то, что случилось, должно послужить къ нашему благу, какъ бы нѣжно мы ни любили другъ друга. Папаша правъ. Счастье приходитъ лишь разъ въ жизни, и надо быть совершенно безумной, чтобы отвергнуть его.

Наступило воскресенье. Сильвія ненавидѣла воскресные дни. Безконечная церковная служба и воскресная школа не представляли для нея особенной прелести. Она знала библейскую исторію наизусть, и ей смертельно надоѣли библейскіе рассказы, недостижимое величіе которыхъ иногда умаляется во мнѣніи тѣхъ, кто обязанъ слышать изо дня въ день монотонное долбленіе священнаго писанія крикливыми школярами, надсѣдающими надъ нимъ до визготни. Кромѣ того, воскресные дни приносили съ собою новую досаду для миссъ Керью, въ видѣ свѣжихъ нарядовъ, которыми щеголяли молодые дилеттантки-учительницы. На этихъ барышняхъ каждое воскресенье появлялись обновки. Если онѣ не могли ослѣплять взоры новыми шляпами, то выставляли на показъ новый галстучекъ, или пару маншеть, зонтикъ или воротничекъ, красовавшіеся за день или за два въ окнахъ Генцлейна. Сильвіи приходилось лишь издали любоваться великолѣпіями, красовавшимися за генцлейнскими зеркальными окнами.

Для нея воскресенье никогда не было ознаменованно новыми рядами.

Но какъ различны будутъ ея ощущенія сегодня, когда эти надменные гедингемки будутъ проходить мимо нея въ своихъ воскресныхъ обновкахъ. Какъ гордо встрѣтитъ она ихъ презрительныя взгляды, имѣя въ виду затмить ихъ своими туалетами, когда станетъ леди Перриамъ. Съ этой точки зрѣнія, возвышеніе ея казалось ей слишкомъ блестящей, а потому и несбыточной мечтой, голова ея наполнилась свѣтскими соображеніями въ присутствіи Гедингемскаго мірка. Угрызенія совѣсти перестали терзать ее въ лицѣ Эдмонда Стендена. Она ни о чемъ иномъ не помышляла, какъ о своей побѣдѣ надъ Гедингемомъ.

Въ продолженіи всей обѣдни мысли ея вертѣлись лишь на этихъ предметахъ; ей представлялись платья, которыя она будетъ носить, празднества, которыя она будетъ задавать, заграничныя поѣздки, весь блескъ роскоши и высокаго общественнаго положенія, доступный ей, какъ супругѣ сэра Обри. Церковная служба, обыкновенно казавшаяся безконечной ея безпокойному уму, нынче прошла съ необыкновенной быстротой, благодаря блестящимъ картинамъ, которыя ей рисовало воображеніе.

— Когда я буду замужемъ, я стану по воскресеньямъ пріѣзжать къ обѣдни въ Гедингемскую церковь, говорила она себѣ. — Не худо, конечно, имѣть свою собственную церковь въ паркѣ, но мнѣ бы хотѣлось, чтобъ гедингемскія дамы видѣли мои платья. Легкій трепетъ раскаянія и сокрушенія овладѣлъ ея сердцемъ въ церкви при видѣ скамьи Деканова дома, гдѣ она привыкла видѣть каждое воскресенье высокую фигуру и красивую голову своего жениха. Много взглядовъ бросала она украдкой въ ту сторону въ минувшіе дни! Какія нѣжныя мысли внушала ей этотъ преданный женихъ; теперь же любовь ея стала дѣломъ прошлымъ. Она не колеблясь вырвала ее изъ своего сердца. Но взрывъ торжества не заглушилъ пустоту въ ея сердцѣ, послѣ того какъ она растоптала свою первую любовь.

На обычномъ мѣстѣ сидѣла м-съ Степденъ; около нея помѣщалась миссъ Рочделъ; обѣ были одѣты съ тою необычайною тщательностью, которая способна возбудить зависть въ менѣе обезпеченныхъ женщинахъ, сознающихъ различные недостатки въ своемъ костюмѣ. Богатое шелковое платье м-съ Стенденъ, шаль изъ мальтійскихъ кружевъ и бѣлая шляпа съ бѣлоснѣжнымъ перомъ, были возмутительно новы и изящны. Воротникъ сидѣлъ на ней въ совершенствѣ, на ея свѣтло-желтыхъ перчаткахъ не было ни морщинки, самый молитвенникъ ея, казалось, только что вы-

шелъ изъ рукъ переплетчика. Костюмъ миссъ Рочдель отличался тѣмъ же досаднымъ изыществомъ. На ней было свѣженское кисейное бѣлое платье съ лиловыми полосками, модный кушакъ и премиленькая бѣлая тюлевая шляпа съ лиловыми цвѣтками Иванды-Марья. Сильвія стиснула губы съ свойственнымъ ей рѣшительнымъ выраженіемъ при мысли, какъ она затмитъ всѣ эти скромные провинціальныя туалеты, когда будетъ госпожею въ Перріамѣ.

— Положительно стбитъ сокрушить свое сердце, чтобы отомстить имъ всѣмъ, сказала она себѣ, чувствуя, что горло ея судорожно сжалось при видѣ незанятаго мѣста Эдмонда.

Она сидѣла послѣ обѣдни у открытаго окна, безмолвно перелистывая «Вертера» и припоминая, какъ Эдмондъ говорилъ ей, что любовь его къ ней пробудилась такъ же внезапно и сильно, какъ и страсть этого несчастнаго молодого германца; вдругъ ей послышались шуршаніе шелкового платья и стукъ у садовой калитки. Она вскочила съ своего мѣста, предчувствуя, что должно произойти нѣчто особенное, и мѣтко угадывая, что именно. Она была блѣднѣе обыкновеннаго все это утро, но при мысли о предстоящемъ событіи еще поблѣднѣла. Да! предчувствіе не обмануло ее. Садовую калитку отворила м-съ Стендентъ. Она медленно двигалась по узкой дорожкѣ, волоча свое шелковое платье, а за нею шла Эсэиръ Рочдель.

Сильвіи казалось, что самая походка ихъ выражала какъ-бы снисходительность къ ней. М-съ Стендентъ имѣла видъ королевы, сопровождаемой принцессой, и шедшей навѣстить крестьянку. Лицо Сильвіи, мертвенно блѣдное за минуту, вспыхнуло яркимъ румянцемъ, когда дверь отворилась и м-съ Стендентъ очутилась передъ нею.

— Увидавъ васъ у окна, миссъ Керью, я не постучалась у двери, сказала мать Эдмонда, тономъ, въ которомъ звучала нѣсколько надменная привѣтливость. Эсэиръ подошла къ молодой дѣвушкѣ, взяла ее за руку и охотно поцѣловала бы ее, еслибы выраженіе лица Сильвіи поощрило ее. Но это лицо ничего не выражало. Краска сошла съ него, и оно снова поблѣднѣло. Сильвія подвинула стулъ для м-съ Стендентъ, но не произнесла ни одного слова привѣтствія.

— Я думала, что вамъ пріятно будетъ узнать послѣднія извѣстія, полученныя отъ моего сына, сказала м-съ Стендентъ, пристально глядя въ это мраморное лицо,—но, быть можетъ, вы получили письмо съ тою же почтой, какъ и я, изъ Соуттемптона? Теперь уже мы не получимъ отъ него извѣстій, пока онъ не

доберется до острова Св. Оомы. Эдмондъ обѣщалъ написать оттуда до отплытія въ Демерару парохода.

М-съ Стенденъ поправила блѣдность лица молодой дѣвушки. Какъ бы то ни было, она служила доказательствомъ глубокаго чувства. И м-съ Стенденъ упрекала себя, вспоминая, какъ она осуждала эту молодую дѣвушку за легкомысленность и пустоту.

— Да, отвѣчала Сильвія, я тоже получила письмо изъ Соутгемптона.

Драгоценное письмо! То было ея первое любовное письмо! Она пролила слезы счастья надъ каждой его страницей. А теперь она уже измѣнила тому, кто писалъ его. Сознаніе своего стыда и виновности овладѣло ею въ то время, какъ она стояла передъ этими двумя судьями.

— Присядьте, пожалуйста, сказала м-съ Стенденъ, съ надменною снисходительностью; я пришла нарочно, чтобъ поговорить съ вами. Я обѣщала Эдмонду навѣщать васъ въ его отсутствіи.

— Вы, право, слишкомъ добры, отвѣчала Сильвія, садясь и поднимая съ полу «Вертера», который въ это время упалъ.

— Вы читали, когда мы вошли, сказала Эсѣиръ, чувствуя, что разговоръ не клеится.

— Да.

— Надѣюсь, у васъ хорошія книги для воскреснаго чтенія, замѣтила м-съ Стенденъ, подозрительно взглядывая на «Вертера», не смахивавшаго на священную книгу.

— Я ненавижу воскресное чтеніе, откровенно отвѣчала Сильвія, — по крайней мѣрѣ большинство книгъ, предназначенныхъ для него. Мнѣ довольно понравилось «*Ессе Ното*». Эдмондъ давалъ мнѣ его прочесть не такъ давно.

М-съ Стенденъ бросила на Эсѣиръ испуганный взглядъ. Онѣ обѣ слышали объ этой книгѣ, читали выдержки изъ нея въ газетахъ, и имѣли смутное понятіе, что это книга антирелигіозная. Достаточно было того факта, что Эдмондъ снабдилъ такой книгой свою невѣсту, чтобъ глубоко возмутить ихъ.

— Мнѣ очень грустно, что сынъ мой читаетъ книги такого рода, и еще грустнѣе, что онъ вамъ даетъ читать ихъ, сказала м-съ Стенденъ. — Я завтра же пришлю вамъ нѣсколько полезныхъ книгъ. А что у васъ теперь въ рукахъ, какая-нибудь повѣсть?

— Это рассказъ, отвѣчала Сильвія, нѣмецкій романъ.

— А! сказала м-съ Стенденъ, заключая, что нѣмецкій романъ долженъ быть изъ числа невинныхъ рассказовъ сказочнаго свойства. — Но это все же едва ли подходящее чтеніе для воскреснаго

дня. Эдмондъ долженъ былъ бы тщательно выбирать книги, чтобъ снабдить васъ дѣйствительно хорошимъ чтеніемъ.

— Я уже окончила свое воспитаніе, когда имѣла честь познакомиться съ м-ромъ Стенденомъ, возразила Сильвія съ презрительной усмѣшкой.

Она вовсе не была расположена слушать наставленія, какъ малый ребенокъ. Она! будущая леди Перриамъ! Вѣдь она могла уничтожить эту властолюбивую женщину, объявивъ ей о своей помолвкѣ съ сэромъ Обри! Но сознавала, что сообщеніе этого факта сегодня было бы преждевременно. Она должна была съ достоинствомъ порвать прежнюю связь, прежде чѣмъ разглашать о новой.

— Молодежи свойственна ошибочная мысль, что она окончила свое воспитаніе, когда нахватается кое-какихъ верхушекъ, строго замѣтила м-съ Стенденъ. Въ мое время воспитаніе было гораздо солиднѣе. Мы учились медленно, но выучивались основательно.

Сильвія не могла подавить легкаго вздоха нетерпѣнія. Неужели онѣ пришли, чтобы поучать ее?

— Однакожъ, я пришла не затѣмъ, чтобъ толковать о воспитаніи, продолжала м-съ Стенденъ, какъ-бы угадывая причину ея вздоха, — я пришла, чтобъ поговорить съ вами дружески и откровенно. Вамъ извѣстно, безъ сомнѣнія, миссъ Керью, что я сильно возставала противъ брака Эдмонда съ вами.

— Да, м-ръ Стенденъ говорилъ мнѣ объ этомъ.

— Однакожъ, пришла пора, когда я убѣдилась, что дальнѣйшее сопротивленіе будетъ жестоко и бесполезно. Я не хочу этимъ сказать, чтобы я отмѣнила свое рѣшеніе касательно распредѣленія состоянія его отца.

Сердце Сильвіи внезапно встрепелось. Что будетъ дальше!

— Но, продолжала м-съ Стенденъ, — я желаю относиться какъ можно справедливѣе къ дѣвушкамъ, которую мой сынъ избралъ себѣ въ жены, и если время покажетъ мнѣ, что я ошибалась на ея счетъ, я не буду настолько упряма, чтобъ не измѣнить своего рѣшенія, и поровну раздѣлю состояніе, которымъ теперь намѣреваюсь наградить одну только дочь мою.

«Богатый дѣлежъ!» подумала Сильвія, съ высокомернымъ презрѣніемъ. «Это значитъ семьсотъ фунтовъ въ годъ, то-есть просто нищета въ сравненіи съ доходами сэра Обри. Да и *это* получится только въ томъ случаѣ, если м-съ Стенденъ будетъ мною довольна, а это равносильно подчиненію себя м-съ Стенденъ въ теченіи годовъ двадцати моей будущей жизни!»

Понятія Сильвіи о богатствѣ значительно расширились съ того времени, когда она еще признавала пятьсотъ фунтовъ въ годъ порядочнымъ состояніемъ.

Мать м-ра Стендена находила, что она своей рѣчью сдѣлала уже большую уступку, и ожидала отъ Сильвіи выраженія благодарности, но не дождалась ничего. Дѣвушка сидѣла молча, въ глубокомъ раздумьи. Ей казалось, что теперь наступилъ самый удобный моментъ, чтобы съ достоинствомъ выпутаться изъ положенія, которое становилось затруднительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, довольно неловко быть одновременно невѣстою двухъ жениховъ; и даже смѣлый умъ Сильвіи смущался отъ этого неловкаго положенія.

— Вы очень добры, м-съ Стенденъ, сказала она съ удивительнымъ самообладаніемъ,—и мнѣ пріятно видѣть, что вы способны дѣйствовать великодушнѣе, чѣмъ я отъ васъ ожидала—послѣ того, что мнѣ сообщалъ вашъ сынъ. Но не думаете ли вы, что браку, который не общаетъ вамъ полного довольства, который идетъ въ разрѣзъ со всѣми вашими планами,—при этомъ она быстро взглянула на Эсэирь—а для Эдмонда начинается съ потери,—что такому браку лучше бы вовсе не бывать.

— Какъ? воскликнула м-съ Стенденъ, не вѣря своимъ ушамъ.

Но Сильвія спокойно продолжала.

— Пока Эдмондъ былъ здѣсь, вліяніе его было настолько сильно, что всѣ мысли мои подчинялись ему—я на все смотрѣла его глазами. Но съ отъѣздомъ его, я успѣла обдумать все безпристрастнѣе. Я ему нѣсколько разъ говорила, что бракъ нашъ никому изъ насъ не принесетъ счастья. Теперь я вполне въ этомъ убѣдилась. Итакъ, м-съ Стенденъ, благодарю васъ за надежду, которую вы такъ снисходительно подаете мнѣ заслужить ваши милости съ теченіемъ времени, но возвращаю свободу вашему сыну.

— Серьезно ли вы это говорите, миссъ Керью? спросила м-съ Стенденъ, поблѣднѣвъ не менѣе самой дѣвушки.

Она теперь столько же сердилась на Сильвію за ея готовность отказаться отъ своего жениха, сколько раньше сердилась за то, что онъ влюбился въ нее.

— Нѣтъ, она этого не думаетъ, горячо вступилась Эсэирь. Она не захочетъ сокрушить сердце Эдмонда, а оно принадлежитъ ей. Она любитъ его, какъ онъ того заслуживаетъ. Все это не что иное, какъ ложная гордость или ошибочное самопожертвованіе, заставляющее отказываться отъ него. Она не можетъ не любить его, когда онъ любитъ ее такъ глубоко. Вы слишкомъ къ ней

строги, тетушка. Скажите правду, Сильвія! Признайтесь, что любите его!

— Я люблю его, отвѣчала дѣвушка; но никогда не выйду за него замужъ. Я не хочу войти въ семью, которая презираетъ меня.

— Никто не презираетъ васъ. Тетушка, скажите же, что вы не презираете ее!

— Я стала бы презирать ее, если бы она измѣнила моему сыну, грустно проговорила мать.

Ея собственныя предубѣжденія, предчувствія и сомнѣнія улетучились въ эту минуту изъ ея головы. Она думала лишь объ Эдмондѣ, и объ огорченіи, которое готовилось ему.

— Я не хочу войти въ семью, которая приметъ меня изъ милости и не желаю быть причиною обѣднѣнія человѣка, котораго люблю.

— Вы не хотите выйти за обѣднѣвшаго человѣка, сказала м-съ Стенденъ. Выражайтесь точнѣе, м-съ Керью.

— Вы всегда были обо мнѣ дурного мнѣнія, м-съ Стенденъ, возразила Сильвія, не сморгнувъ — и вѣроятно, останетесь при немъ, несмотря на то, что принятое мною рѣшеніе должно бы удовлетворить васъ. Вы противились этому браку всѣми силами. Я теперь освобождаю вашего сына отъ его слова. Чего вы можете еще пожелать?

— Я могла бы пожелать, чтобы сердце ваше было добрѣе, м-съ Керью.

— Развѣ отказъ мой принять жертву вашего сына служить доказательствомъ злого сердца?

— Если бы вы его любили, то думали бы только. объ его счастья, которое, увы! находится въ зависимости отъ вашего каприза?

— Въ томъ, что я дѣлаю, нѣтъ никакого каприза. Бѣдность — очень суровая школа, и она научила меня смотрѣть на жизнь яснѣе, чѣмъ смотреть на нее вашъ сынъ. Я достаточно опытна, чтобы знать, что можетъ наступить время, когда онъ раскается въ своемъ самопожертвованіи, а тогда будетъ уже поздно. Мой отецъ отказалъ въ своемъ согласіи на нашъ бракъ въ день отъѣзда Эдмонда. Я тогда считала его жестокимъ и несправедливымъ; но теперь думаю иначе.

— Скажите пожалуйста, миссъ Керью, откуда вы набрались такой разсудительности? сказала м-съ Стенденъ, вставая съ мѣста и направляясь къ двери, у которой остановилась въ гордой позѣ, готовясь уйти. Эсэиръ осталась около Сильвіи, протягивая

къ ней дружескую руку, какъ-бы желая удержать ее отъ рѣзкой выходки, могущей разрушить всѣ ея надежды.

— Меня вразумило размышленіе, отвѣчала Сильвія, не краснѣя.

— Должна ли я написать къ сыну, чтобъ сообщить ему о вашемъ геройскомъ рѣшеніи? Должна ли я сказать ему, что вы выбрали для своего отреченія какъ разъ тотъ моментъ, когда я примирилась съ этимъ союзомъ?

— Вамъ нечего сообщать ему, отвѣчала Сильвія, съ подавленнымъ рыданіемъ,—я сама напишу къ нему.

— Такъ мнѣ не остается ничего болѣе, какъ проститься съ вами. Мой первый и послѣдній визитъ къ вамъ оконченъ.

— Сильвія! умоляла ее Эсэирь,—вы не сдѣлаете этого, вы дѣйствуете теперь подъ вліяніемъ раздраженія, ложной и безумной гордости. Вы не знаете, какъ добра и искренна м-съ Стендъ, и какъ она достойна того, чтобы люди старались заслужить ея любовь, хотя бы это стоило имъ большихъ усилій. Ради самой себя, ради Эдмонда, откажитесь отъ своихъ необдуманныхъ словъ. Вѣдь вы сознаетесь, что любите его?

— Отъ всего сердца, сказала Сильвія, блѣдная, какъ полотно.

— Такъ вы не можете отречься отъ него.

— Нѣтъ, отрекаюсь. Такъ — лучше и разумнѣе для насъ обоихъ. Я отрекаюсь отъ него.

— Въ такомъ случаѣ, и я отрекаюсь отъ васъ, сказала Эсэирь, съ болѣею страстностью, чѣмъ можно было ожидать отъ такой нѣжной натуры.

— Предоставляю вамъ быть счастливой по-своему,—досказала Эсэирь.

Онѣ ушли, а Сильвія сидѣла какъ окаменѣлая, уставясь глазами въ землю; послѣднія слова Эсэири дико звучали въ ея ушахъ.

ГЛАВА XXIV.

Управляющій сѣра Обри.

Сдѣлавши тотъ отчаянный шагъ, который еще за нѣсколько дней онъ считалъ немислимымъ для себя, сѣръ Обри былъ похожъ на человѣка, попавшаго въ сѣти какого-то чародѣя. Онъ съ лихорадочной быстротой спѣшилъ безповоротно закрѣпить новую связь свою. Внутреннее убѣжденіе, что весь свѣтъ, —

или весь его мірокъ, что было тождественно — станеть пориц его новый жизненный планъ, подстрекало его завершить дѣ затѣянное имъ въ минуту увлеченія. Мѣшкать было невозможно на томъ пути, на который онъ теперь выступилъ.

— Если я дамъ время жителямъ Гедингема и Монкгемптона сплетничать объ этомъ событіи, они до смерти замучатъ меня своими толками, сказалъ онъ себѣ. Единственное средство предупредить толки, это ускорить нашу свадьбу.

Міръ сэра Обри былъ очень невеликъ, почти такъ же ограниченъ, какъ и мірокъ Сильвіи Керью. Однакожь, были нѣкоторыя личности въ этомъ небольшомъ міркѣ, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ, несмотря на то, что то были люди, стоявшіе ниже его по общественному положенію, и ихъ одобреніе или неодобреніе, казалось, должно было бы мало беспокоить его.

Тѣ два лица, о которыхъ онъ болѣе всего думалъ въ эту критическую эпоху своей жизни, были люди, самое существованіе которыхъ находилось до нѣкоторой степени въ зависимости отъ его малѣйшаго каприза. Одинъ изъ нихъ былъ Шадракъ Бэнъ, его повѣренный въ дѣлахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ управлявшій его помѣстьями, а другой — камердинеръ его, Жанъ Гепленъ.

Подстольтія тому назадъ повѣренными въ семейныхъ дѣлахъ фамиліи Перріамовъ была старинная фирма въ Линкольнс-Иннѣ. Люди эти, принадлежавшіе къ юридической аристократіи, совершали всѣ дѣла съ важною медлительностью, хранили всѣ документы, завѣщанія и брачныя условія своихъ кліентовъ въ большихъ желѣзныхъ сундукахъ, казавшихся недоступными для простыхъ смертныхъ, — такъ неохотно они для нихъ открывались. Словомъ, то были важныя и почтенныя личности. Такимъ образомъ, подстольтія назадъ, владѣлецъ Перріама счелъ бы униженнымъ для своего достоинства обратиться къ мѣстному юристу. Онъ держалъ управляющаго, джентльмена по рожденію и воспитанію, но не юриста; а всѣ договоры и контракты, заключаемые во владѣніяхъ Перріама, писались и совершались съ свойственными имъ проволочками у гг. Ферретъ и Тэпъ, въ Линкольнс-Иннѣ. Однакожь, сэръ Эндрю Перріамъ, отецъ сэра Обри, сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ этомъ отношеніи. То былъ человекъ расчетливый и даже скуповатый, и вступивъ во владѣніе своимъ родовымъ имѣніемъ, онъ вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что величайшее удовольствіе, которое онъ можетъ извлечь изъ пользованія имъ, это — расширеніе своихъ владѣній. Онъ покупалъ тамъ полоску лѣса, тутъ одинъ или два участка пахатной земли, и съ теченіемъ времени, увидѣвъ на планѣ, что по-

границная линія его владѣній значительно расширилась, сознавъ, что жить не даромъ.

Сэръ Эндрю вскорѣ пришелъ въ заключенію, что несовсѣмъ удобно держать джентльмена-управляющаго, который охотится по три дня въ недѣлю въ охотничью пору, и держать экипажъ съ лошадьми для своей жены и дочерей. Такой управляющій недостаточно строгъ съ арендаторами и слишкомъ охотно запускаетъ руку въ карманъ своего довѣрителя подъ предлогомъ ремонта и улучшеній, вмѣсто того, чтобы выжимать послѣдній сокъ изъ арендаторовъ; словомъ, будучи избалованъ собственною обезпеченною жизнью, онъ черезчуръ снисходителенъ и преступно равнодушенъ къ интересамъ своего довѣрителя. Получая хорошее жалованье и пользуясь, слѣдовательно, обезпеченнымъ доходомъ, онъ не подвергался никакимъ колебаніямъ, даже въ томъ случаѣ, если иная ферма оставалась не арендованной или кто-либо изъ арендаторовъ оказывался банкротомъ. Это, по мнѣнію сэра Эндрю, было радикальной ошибкой въ отношеніяхъ хозяина и управляющаго. Онъ также пользовался даровымъ помѣщеніемъ, а домъ, въ которомъ онъ жилъ, полученный въ приданое леди Перриамъ, просторный, старинный господскій домъ Елисаветинскихъ временъ, съ обширными садами, огородами и лугами, можно было отдавать въ наймы фунтовъ за двѣсти въ годъ. Это, по мнѣнію сэра Эндрю, завершало рядъ ошибокъ.

Открывши слабыя стороны своей дѣловой обстановки, сэръ Эндрю началъ придумывать, какъ пособить горю, и очень скоро нашелъ средство. Джентльмену-управляющему было отказано безъ дальнѣйшихъ разговоровъ; домъ былъ отданъ въ наемъ разбогатѣвшему монкгемптонскому лавочнику; а сборъ доходовъ и составленіе контрактовъ и арендныхъ условій онъ поручилъ м-ру Бэну, стряпчему въ Монкгемптонѣ. Этотъ хитрый, дѣятельный, ловкій и неутомимый джентльменъ быстро приобрѣлъ большое вліяніе надъ своимъ довѣрителемъ. Юристы въ Линкольнс-Иннѣ перестали завѣдывать владѣніями Перриамовъ — всѣ документы, контракты и условія выскользнули изъ ихъ цѣпкихъ рукъ, и всѣ дѣла сэра Эндрю были переданы м-ру Бэну. Когда сэръ Эндрю совершалъ свое духовное завѣщаніе, то м-ръ Бэнъ его составлялъ, а его секретарь засвидѣтельствовалъ подпись.

Годы проходили незамѣтно, и сэръ Эндрю отошелъ къ праотцамъ, довольный до послѣдней минуты управленіемъ м-ра Бэна. Десять лѣтъ спустя послѣ смерти его покровителя — или, какъ вульгарно выражались въ Монкгемптонѣ, человека, выведшаго его въ люди — м-ръ Бэнъ тоже переселился къ предкамъ, въ свром-

очаровательной наружности, чувствовалъ, что сердце его замирало, и совнавалъ, что ему предстоитъ очень непріятная обязанность объявить м-ру Бэну о женитьбѣ своей на Сильвіи Керью.

Тѣмъ не менѣе необходимо было сообщить объ этомъ обстоятельстве управляющему и повѣренному въ дѣлахъ еще до свадьбы. Хотя у Сильвіи и не было никакого состоянія, а все же неизбежно было составить какой-нибудь брачный контрактъ, а этого никому не поручишь, кромѣ все того же м-ра Бэна. Камердинеръ его, Жанъ Гепленъ, былъ вторымъ лицомъ, приобретающимъ болѣе сильное вліяніе на своего господина, чѣмъ это было бы желательно сэру Обри. Пожилой холостякъ, имѣющій небольшой кругъ знакомства, и проводящій нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ тѣсномъ помѣщеніи парижскихъ антресолей, склоненъ обращаться съ своимъ слугой, какъ съ товарищемъ. По умственному развитію, Гепленъ былъ гораздо выше своего положенія. Онъ читалъ довольно много, хотя урывками, горячо интересовался европейской политикой, и былъ даже, вообще говоря, развитѣе своего господина. Когда сэру Обри хотѣлось поговорить, то онъ не могъ найти болѣе достойнаго собесѣдника, какъ его слуга.

Такимъ образомъ, за послѣднія двадцать лѣтъ, Жанъ Гепленъ жилъ съ своимъ бариномъ въ тѣсномъ товариществѣ. Сочувствующему ему Жану высказывалъ сэръ Обри свои философскія воззрѣнія на жизнь и человѣчество, отмѣченныя міросозерцаніемъ стараго холостяка. Неоднократно повторялъ онъ Жану, что онъ слишкомъ высоко цѣнитъ преимущества одинокаго человѣка, чтобъ промѣнять ихъ на невѣдомыя радости семейной жизни. Они вмѣстѣ осмѣивали безуміе пожилого семьянина, съ тѣмъ цинизмомъ, который свойственъ людямъ, основывающимъ свои воззрѣнія на жизнь на суетномъ остроуміи и расудочности, да на сочиненіяхъ самаго блестящаго и суетнаго остроумца, когда-либо существовавшаго на свѣтѣ — Вольтера. Сознался предъ Жаномъ Гепленомъ, что онъ влюбился и собирается жениться на предметѣ своей страсти, будетъ даже еще унижительно, чѣмъ повѣдать объ этомъ Шадраку Бэну.

— Но, размышлялъ сэръ Обри, къ счастью, нѣтъ никакой необходимости, чтобъ Гепленъ зналъ о моей женитьбѣ ранѣе того, какъ фактъ совершится. А тогда будетъ уже поздно ворчать!

ГЛАВА XXV.

Знаменательная бесѣда.

Сильвія и въ воскресенье ни слова не сказала отцу о случившемся. Весь почти день онъ провелъ съ учениками въ церкви, такъ что имъ не пришлось почти оставаться наединѣ. Дѣло въ томъ, что, подъ предлогомъ сильной головной боли, Сильвія отдѣлалась отъ обычнаго преподаванія въ воскресной школѣ, отъ полуденной и вечерней церковной службы, и постаралась провести большую часть дня въ одиночествѣ, въ своей спальнѣ. Тутъ могла она спокойно предаться размышленіямъ, быть можетъ, того же свойства какъ и тѣ, которыя занимали Іуду передъ тѣмъ, какъ онъ пошелъ и повѣсилъ.

Инымъ натурамъ словно судьбой опредѣлено быть предателями. Измѣна начертана въ созвѣздіяхъ, которыя управляютъ ихъ судьбою. Сильвія вспоминала о негодованіи м-съ Стенденъ, и внутренне сердилась на эту женщину за непослѣдовательность ея образа дѣйствій.

— Она должна была бы благодарить меня за то, что я возвратила свободу ея сыну, а не браниться, говорила себѣ дѣвушка, припоминая неприятную сцену, происшедшую съ особой, которая должна была бы быть ея свекровью.

Но важно было уже то, что свиданіе это миновало, и тѣмъ расчистился путь для ея новыхъ обязательствъ. Нельзя было предвидѣть, какъ скоро въ Гедингемѣ узнаютъ о необычайной перемѣнѣ въ ея судьбѣ. Конечно, она желала, чтобы дѣло это оставалось въ тайнѣ какъ можно дольше, но едва ли она могла надѣяться, что сэръ Обри или ея отецъ примутъ во вниманіе ея фантазію. Ей оставалось теперь написать письмо къ Эдмонду — жестокое, предательское письмо, въ которомъ, скрывая эгоизмъ подъ личиною великодушія, ей предстояло отречься отъ него. Его первое письмо къ ней дышало такимъ глубокимъ довѣріемъ и искреннѣйшею любовью. Ея первое письмо къ нему должно нанести смертельный ударъ его самымъ дорогимъ надеждамъ.

Не взирая на врожденное предательство, ей больно было писать это письмо.

Но сочиненіе вышло художественное. Ничего нельзя было прочесть между строкъ, въ которыхъ говорилось лишь о женской предусмотрительности и самопожертвованіи, и открыть въ нихъ вороватныя побужденія, руководившія ея отреченіемъ. Письмо ды-

шало героизмомъ. И тутъ правда помогала жи. Боль, которую испытывала Сильвія, отказываясь отъ жениха, была достаточно искренна. Она разставалась съ нимъ не безъ горькихъ сожалѣній, которыя были даже мучительнѣе, чѣмъ горе безкорыстной души, отказывающейся отъ сладчайшихъ радостей изъ чистаго великодушія.

Письмо было написано, и единственной отрадой ей служила мысль, что пройдетъ еще нѣкоторое время, пока оно попадетъ въ руки Эдмонда Стендена. Почта отправится изъ Соуттемптона не ранѣе десяти дней. Пересыла письма въ Демерару возьметъ еще три недѣли, и это время она можетъ дышать свободно.

— Можетъ быть, находясь въ такой долгой разлуцѣ со мною и предаваясь на свободѣ размышленіямъ, онъ уже началъ раскисаться въ своемъ необдуманномъ поступкѣ, и мое письмо, пожалуй, еще облегчитъ его, думала Сильвія, въ извиненіе себѣ.

Въ понедѣльникъ вечеромъ, школьный учитель покуривалъ трубочку, сидя на своемъ любимомъ мѣстѣ у входа—на узкой лавочкѣ внутри рѣшетчатаго крыльца. Весь день шелъ дождь, а къ вечеру по саду распространились свѣжестъ и благоуханіе, которыя всегда слѣдуютъ за лѣтнимъ дождемъ—ароматическія, какъ оніміамъ, возносившіяся отъ древнихъ греческихъ алтарей, когда люди не знали еще иного подателя благъ, кромѣ Зевеса.

Сильвія встала со своего мѣста у окна, и подошла ко входу, съ работою въ рукѣ. Она стояла тутъ, глядя на отца съ нерѣшительнымъ видомъ, какъ-бы недоумѣвая, заговорить ли или помолчать.

— Папѣ, сказала она, наконецъ, вы не желаете, чтобъ я вышла замужъ за м-ра Стендена?

— Чобы ты вышла за него замужъ! нетерпѣливо воскликнулъ м-ръ Керью,—вѣдь ты знаешь, что я уже высказался противъ этого брака; и насколько въ нынѣшнее буйное время отецъ властенъ запрещать что-либо своей дочери, я запрещаю тебѣ выходить замужъ за Эдмонда Стендена.

— Даже въ случаѣ, если бы м-съ Стенденъ примирилась съ этимъ бракомъ, папѣ, и хотя неохотно, но дала бы свое согласіе, предоставивъ Эдмонду половину своего состоянія?

— А развѣ она на это согласна?

— Да, папѣ! вчера она была здѣсь и говорила мнѣ объ этомъ.

М-ръ Керью задумался.

— Недѣлю тому назадъ это могло значительно измѣнить дѣло, сказалъ онъ,—но теперь оно только усложняетъ положеніе

ніе вещей. Я предвижу для тебя будущность гораздо болѣе блестящую, если... если... надежды не обманчивы.

— И я тоже, папѣ, смотрю теперь на вещи съ житейской точки зрѣнія.

— А съ какой еще другой прикажешь смотрѣть на вещи? Вѣдь мы живемъ не на лунѣ!

— Сэръ Обри Перриамъ предложилъ мнѣ свою руку, папѣ.

М-ръ Керью вскочилъ съ своего сидѣнья на крылечкѣ, и въ первый разъ въ жизни уронилъ трубку на полъ. То была пѣнковая трубочка, раскуренная имъ самимъ, и въ которой онъ относился съ такою нѣжностью, какою рѣдко удостоивалъ живыя существа. Онъ осторожно поднялъ ее, осмотрѣлъ, не треснула ли она, и затѣмъ уставился на дочь въ нѣмомъ изумленіи.

— Сэръ Обри предложилъ тебѣ свою руку? выговорилъ онъ, наконецъ.—Серььзно, не на шутку? Это не пошлая любезность въ родѣ тѣхъ, которыя говорятъ обыкновенно пожилые люди молодымъ дѣвушкамъ,—не старомодная галантерейность, а? Сильвія?

— Нѣтъ, не думаю, папѣ. Сэръ Обри говорилъ совершенно серьезно. Его рука дрожала, когда онъ взялъ мою руку.

— И ты приняла его предложеніе? живо спросилъ отецъ.

Онъ ожидалъ всякой глупости отъ девятнадцатилѣтней дѣвочки. Имъ свойственно быть сентиментальными; и онъ предполагалъ, что дочь его страдаетъ такою же сентиментальностью.

— Да, папѣ. Хотя я и дала слово Эдмонду Стендену, но такъ какъ, повидимому, все было противъ нашего брака, я думала...

— Разъ въ жизни ты поступила умно, воскликнулъ м-ръ Керью. Да вѣдь ты будешь королевой! А я то — ну, я полагаю, я теперь не буду обреченъ коротать свой вѣкъ приходскимъ школьнымъ учителемъ. Что же ты мнѣ раньше этого не сказала? Развѣ жизнь моя такъ богата радостями, что слѣдуетъ таить отъ меня блестящій лучъ надежды?

— Я... я... не знала какъ сказать вамъ объ этомъ, папаша. Бѣдный Эдмондъ! Такъ тяжело отказаться отъ всякой мысли о немъ.

— Ну, оно, конечно, случилось нѣсколько внезапно. Но ни одна дѣвушка, въ здравомъ разсудкѣ, не поступила бы иначе, чѣмъ ты. Какъ удачно сложились обстоятельства, что твой возлюбленный уватилъ въ Демерару.

— Да, папѣ. Не думаю, чтобы мнѣ можно было принять предложеніе сэра Обри, еслибы Эдмондъ былъ здѣсь.

— Я полагаю, что сэръ Обри намѣренъ объясниться со мною завтра.

— Онъ, кажется, хотѣлъ пріѣхать сюда нынче вечеромъ, папѣ.

— Такъ тебѣ бы лучше удалиться пока. Намъ удобнѣе будетъ переговорить наединѣ.

— Хорошо, папѣ, я уйду къ мэри Питеръ. Я хочу посмотреть платье, которое она шьетъ для миссъ Джэнь Тойнби. Ахъ! какъ будетъ весело, когда у меня заведутся новыя платья. Кстати, папѣ, если сэръ Обри вздумаетъ назначить день нашей свадьбы—конечно, онъ объ этомъ еще теперь и не станетъ говорить, но такъ, на всякій случай—отсрочьте этотъ день, насколько можно. Мнѣ бы не хотѣлось заслужить презрѣніе Стенденовъ, что неизбѣжно случится, если они узнаютъ, что я отвергла Эдмонда затѣмъ, чтобъ выйти замужъ за сэра Обри.

— Отложить свадьбу! Такъ, и дать сэру Обри время одуматься, или умереть въ промежуткѣ, причемъ на тебѣ оправдалась бы старинная поговорка: «За двумя зайцами погонишься, не поймашь ни одного». Нѣтъ, Сильвія, если сэръ Обри пожелаетъ поскорѣ сыграть свадьбу, я не буду такъ глупъ, чтобъ предлагать отсрочку!

Сильвія вздохнула, подумала о всѣхъ радостяхъ, которыя должны сопровождать переходъ отъ бѣдности къ богатству, и подчинилась. Она надѣла шляпу и побѣжала провести полчаса среди обрѣзковъ шелка и подкладки, отертыхъ бумажекъ съ булавами, которыми бывала усѣяна скромная комнатка Мэри Питеръ, когда у ней бывала спѣшная работа. Что скажетъ бѣдная Мэри Питеръ, когда узнаетъ объ ея новомъ сватовствѣ? Ужъ довольно было толковъ и аховъ по поводу побѣды надъ Эдмондомъ Стенденомъ. Но эта послѣдняя побѣда была настолько же выше первой, насколько вечерняя звѣзда, крѣпко сіявшая надъ этимъ кипарисомъ, затмѣвала жалкій свѣтъ деревенскихъ ночниковъ. Но пока Сильвія не имѣла въ виду сообщать своей скромной пріятельницѣ о перемѣнѣ, происшедшей въ ея обстоятельствахъ.

М-ръ Керью не пробылъ и десяти минутъ одинъ, какъ щелкнула задвижка, и садовая калитка, растворившись, пропустила сэра Обри Перриама. Школьный учитель раздумывалъ съ тягостнымъ недоумѣніемъ: было ли предложеніе, о которомъ ему только что сообщила Сильвія, дѣйствительно серьезнымъ дѣломъ, или же только пустымъ, напыщеннымъ комплиментомъ, до которыхъ такъ падки джентльмены стариннаго закала.

Появленіе поспѣлой фигуры въ лѣтнемъ полумракѣ заста-

вило сильнѣе забиться его сердце. Все это было такъ прекрасно, что не вѣрилось въ то, чтобы это осуществилось. Но появленіе баронета, повидимому, подтверждало сообщеніе Сильвіи.

Джемсъ Керью высыпалъ золу изъ трубки и всунулъ это соровище въ карманъ своей поношенной жакетки. Сэръ Обри пошелъ по садовой тропинкѣ.

— Добрый вечеръ, м-ръ Керью, сказалъ посѣтитель своимъ тихимъ, томнымъ голосомъ. — Вы одни? миссъ Керью, вѣроятно, нѣтъ дома? прибавилъ онъ, заглядывая въ пріемную черезъ раскрытыя настежь двери.

— Да, Сильвія ушла навѣстить одну изъ своихъ деревенскихъ пріятельницъ. У ней мало друзей, у бѣдняжки, да и тѣ, съ которыми она водится, врядъ ли равны ей по образованію. Но у моей бѣдной дѣвочки кроткое, привязчивое сердце, и ей нужно кого-нибудь любить.

— Я сожалѣю, что не буду имѣть удовольствія ее видѣть, отвѣчалъ сэръ Обри, но отсутствіе ея не особенно печалитъ меня. Мнѣ нужно серьезно переговорить съ вами, м-ръ Керью. Быть можетъ, ваша дочь уже сообщила вамъ о мотивахъ моего тепершняго визита.

— Она намекала мнѣ на такія вещи, которымъ мнѣ трудно повѣрить. Я думалъ, что мое бѣдное дитя, въ своемъ крайнемъ невѣдѣніи жизни и людей, могла принять любезность за.... за....

— За привязанность, докончилъ сэръ Обри. Я не силенъ въ искусствѣ говорить любезности, м-ръ Керью, и когда я объяснился вашей дочери прошлымъ вечеромъ... быть можетъ слишкомъ поспѣшно... я говорилъ отъ души.

— И слова ваши, сэръ Обри, тронули ея сердце, отвѣчалъ съ чувствомъ школьный учитель. Нужно ли говорить, какъ глубоко польщенъ я честію, оказанной вами моей дочери. Однако, когда я подумаю о неравенствѣ...

— Нашихъ лѣтъ? договорилъ поспѣшно сэръ Обри.

— Нѣтъ, сэръ Обри, вашего общественнаго положенія. Если я противился браку моей дочери съ сынѣмъ банкира, котораго семья не одобряла этого союза... то тѣмъ сильнѣе долженъ возстать противъ брака, который осудитъ все графство.

— Развѣ вы полагаете, сэръ, что я живу на свѣтѣ затѣмъ, чтобы угождать своимъ сосѣдямъ? надменно вскричалъ сэръ Обри. Леди, которой я предлагаю свою руку, сэръ, сразу становится мнѣ равной, и желалъ бы я поглядѣть, кто осмѣлится не оказать ей должнаго почтенія. Полноте, м-ръ Керью, обсудимъ вопросъ съ дѣловой точки зрѣнія. Я предложилъ свою руку вашей до-

чери, и она сдѣлала мнѣ честь принять ее безъ оговорокъ. Намъ остается теперь столковаться на счетъ контракта.

— Не угодно ли вамъ сѣсть, сэръ Обри, пока я зажгу свѣчи, сказалъ м-ръ Керью, проводя гостя въ полу-темную пріемную.

— Не нужно зажигать свѣчей. Мы можемъ бесѣдовать и въ потѣмкахъ, отвѣчалъ посѣтитель, усаживаясь поближе къ дверямъ.

М-ръ Керью былъ не прочь прикрыться благодѣтельными потѣмками. Кто зналъ, какіе вопросы могъ задать ему баронетъ— вопросы, отъ которыхъ могла зависѣть участь его дочери, — вопросы, удовлетворительно отвѣчать на которые ему было бы въ высшей степени трудно. Скрыть лицо отъ свѣта было выгодно при подобныхъ условіяхъ.

— Когда человѣкъ моихъ лѣтъ предлагаетъ руку молодой дѣвушки, продолжалъ сэръ Обри, то весьма естественно предположить, что имъ руководитъ глубокое и сильное чувство. Я слышалъ, что любовь можетъ совсѣмъ внезапно овладѣть человѣкомъ, и смѣялся надъ этимъ неоднократно. Теперь же сознаюсь съ полнымъ смиреніемъ, что не оцѣнялъ какъ слѣдуетъ могущество Бога. Онъ наказалъ меня за невѣріе и обратилъ невѣрующаго въ фанатика.

Онъ умолялъ, тихо вздохнулъ, точно сожалѣя о собственномъ упиженіи, и затѣмъ продолжалъ тѣмъ же задумчивымъ тономъ:

— Вы говорите, м-ръ Керью, что графство, у котораго свой взглядъ на приличія, осудитъ мой бракъ съ вашей дочерью. Я приготовился къ этому. Я иду дальше, и скажу, что знаю, какъ они станутъ глумиться надъ моимъ увлеченіемъ; они назовутъ меня пятидесятисемилѣтнимъ дуралеемъ, и поднимутъ насмѣхъ старика и его молодую красавицу-жену. Въ отвѣтъ на это я могу только сказать, что увѣренъ въ своемъ сердцѣ, и что не простое увлеченіе красотой вашей дочери повліяло на мой образъ дѣйствій. Я бы презиралъ самого себя, еслибы могъ думать, что увлекся хорошенькимъ личикомъ, подобно глупой бабочкѣ, которая идетъ на вѣрную смерть, привлеченная яркимъ пламенемъ. Нѣтъ, м-ръ Керью, я люблю вашу дочь честно и искренно, съ полнымъ безкорыстіемъ и преданностью, и готовъ посвятить ей остатокъ моихъ дней.

— Полноте, сэръ Обри, въ пятьдесятъ-семь лѣтъ человѣкъ находится еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ.

— Имѣете ли вы что-нибудь противъ этого брака, сэръ?

спросилъ сэръ Обри съ снисходительной важностью, какъ-бы сознавая, что вопросъ его дѣлается изъ одной вѣжливости.

— Противъ этого брака! Я глубоко польщенъ вашимъ выборомъ. Я такъ горжусь имъ, что не рѣшаюсь этого высказывать, изъ боязни показаться подобострастнымъ.

— Ни слова больше, м-ръ Керью. Я вижу, что какъ бы ни было скромно ваше настоящее положеніе, вы, по рожденію, достойны занять лучшее.

— Да, сэръ Обри. Мой отецъ былъ довольно богатымъ купцомъ и отдалъ меня въ Итонъ и Оксфордъ. Я женился, и началъ свою жизнь, полагая, что я человѣкъ съ независимыми средствами. Банкротство отца и его смерть, случившіяся за три года до рожденія моей бѣдной Сильвіи, сдѣлали меня нищимъ. Настоящее мѣсто, несмотря на всю его ничтожность, было единственнымъ ресурсомъ, остававшимся для разорившагося оксфордскаго студента, который не занимался торговлей и не имѣлъ никакой профессіи. Вы скажете, быть можетъ, что я могъ попытаться улучшить свое положеніе. Я могу отвѣтить одно: вся моя энергія была подавлена ударомъ, ввергшимъ меня изъ мнимаго довольства въ бѣдность. Тѣ небольшія средства, которыя я могъ здѣсь имѣть, были достаточны, чтобы содержать меня и ребенка. Уединенная жизнь согласовалась съ моими наклонностями и привычками; поэтому я предпочелъ плаванію по бурному житейскому морю эту мирную и безвѣстную гавань.

— Понимаю, замѣтилъ сэръ Обри. И у васъ не было жены, которая бы раздѣлила или облегчила ваши горести. Она умерла до катастрофы, постигшей васъ.

— Да, моя жена умерла.

— Я такъ и думалъ.

Наступила минута молчанія. Сэру Обри нужно было еще многое сказать, но онъ не зналъ, какъ къ этому приступить. Онъ былъ богатый человѣкъ и говорилъ себѣ, что м-ръ Керью могъ питать преувеличенныя надежды на щедрость богатаго жениха. Онъ могъ рассчитывать сильно поживиться отъ брака своей дочери съ богатымъ лордомъ. Сэръ Обри намѣренъ былъ сразу вывести его изъ заблужденія.

— Такъ какъ ваша дочь сдѣлала мнѣ честь принять мое предложеніе, и такъ какъ никакого препятствія къ нашему браку не существуетъ, то мнѣ кажется, м-ръ Керью, что чѣмъ скорѣе мы назначимъ свадьбу, тѣмъ лучше, если только Сильвія не пожелаетъ отложить ее, о чемъ я буду очень сожалѣть, потому что

когда женихъ настолько старше невесты, какъ я—своей, это желаніе можетъ быть принято за колебаніе.

— У моей дочери нѣтъ такого желанія, сэръ Обри, возразилъ м-ръ Керью поспѣшно. Но прежде чѣмъ дѣвушка перейдетъ изъ того положенія, какое занимала моя дочь, въ положеніе вашей супруги, ей необходимо приготовить кое-что, по части *trousseau*.

— Разумѣется. Но я надѣюсь, что во всѣхъ подобныхъ приготовленіяхъ миссъ Керью будетъ помнить, что я человѣкъ съ самыми скромными привычками, что я почти не бываю въ обществѣ и ненавижу модную суету.

— Я не сомнѣваюсь, что она съ радостью покорится вашему сужденію относительно всего, отвѣчалъ шевольный учитель, слегка встревоженный.

До сихъ поръ ничто еще не предвѣщало объ улучшеніи его собственныхъ обстоятельствъ. Сэръ Обри ни слова не сказалъ о томъ, что обезпечить его и дочь. А м-ру Керью неприлично было первому заводить объ этомъ рѣчь. Высказать надежду, что бракъ дочери окажется для него выгоднымъ, значило какъ-бы продавать свою дочь.

Пока онъ съ безповойствомъ размышлялъ объ этомъ, сэръ Обри вывелъ его изъ недоумѣнія.

— Относительно контракта, сказалъ онъ, полагаю, что такъ какъ вы ничего не даете за дочь, то и не предъявите безразсудныхъ требованій по этому пункту. Я откровенно сознаюсь вамъ, что не понимаю и не одобряю современной системы дѣлать жену независимой отъ мужа. Подчиненность пристала женщинамъ—въ этомъ ея главная прелесть. Я бы не желалъ, чтобы моя жена—будь она дочь нобльмена—располагала независимымъ доходомъ, пока я живъ. Поэтому я ничего не обезпечу за Сильвией.

Сердце у м-ра Керью упало. Вотъ тебѣ разъ! Да если такъ, то Эдмондъ Стенденъ былъ бы болѣе выгоднымъ женихомъ, чѣмъ сэръ Обри.

— Но я обезпечу двѣ или три тысячи въ годъ — скажемъ даже пять—за моей вдовой. Когда я умру, Сильвія будетъ получать этотъ доходъ, а также получить Доуэрскій домъ, который теперь отдается въ наймы и приноситъ двѣсти фунтовъ въ годъ.

— Сэръ Обри, отвѣчалъ шевольный учитель съ чувствомъ собственнаго достоинства,—я отнюдь не намѣренъ оспаривать справедливость или великодушіе какаго бы то ни было рѣшенія, къ которому вы пришли, но я полагаю, что для удобства моей дочери и вашего собственнаго спокойствія было бы разумно обез-

печить за ней скромный доходъ, въ видѣ карманныхъ денегъ, хотя бы, напримѣръ, триста или четыреста фунтовъ въ годъ; это развяжетъ ей руки по части женскихъ мелочныхъ расходовъ.

— Женскихъ мелочныхъ расходовъ, повторилъ сэръ Обри; неужели же вы хотите мнѣ этимъ сказать, что вашей дочери, выросшей вотъ въ этомъ коттеджѣ, понадобится триста или четыреста фунтовъ въ годъ на платья и шляпки?

— Разумѣется, нѣтъ, сэръ Обри. Но всякой лэди приходится много удѣлять бѣднымъ, и Сильвін, будучи хозяйкой Перриамъ, врядъ ли бы пристало обращаться къ вамъ за каждой пол-кроной, которую она пожелала бы дать больному фермеру.

— Боже милостивый, сэръ! вскричалъ баронетъ, неужели вы полагаете, что я не могу назначить своей женѣ карманныхъ денегъ, когда она станетъ моей женой, не обязавшись предварительно уже женихомъ на кускѣ пергамента, что буду выплачивать ей столько-то фунтовъ въ годъ? Я вполне обезпечу вашу дочь на случай моей смерти, но никогда не соглашусь сдѣлать ее независимой при жизни.

Школьный учитель пробормоталъ глухо о своемъ согласіи, но безпокойство его все росло.

«Какая будетъ мнѣ выгода отъ этого брака? думалъ онъ. — Неужели мнѣ придется сидѣть у воротъ, подобно Мардохею? Неужели и положеніе мое нисколько не улучшится отъ брака моей дочери?»

Сэръ Обри опять пришелъ ему на выручку.

— Что касается васъ самихъ, м-ръ Керью, началъ онъ, любезно, то я сообразилъ, что для васъ врядъ ли будетъ прилично сохранить ваше теперешнее положеніе — какъ бы оно ни было почтенно, когда ваша дочь сдѣлается лэди Перриамъ. Поэтому я прошу васъ принять сто фунтовъ въ годъ, которые я съ радостью стану уплачивать вамъ по четвертямъ и которые позволятъ вамъ жить въ скромной независимости.... баронетъ чуть было не прибавилъ: «гдѣ-нибудь въ другомъ» мѣстѣ, но во-время спохватился, что послѣдняя фраза будетъ смахивать на приговоръ объ изгнаніи..... въ той мѣстности, которую вы сами выберете.

— Вы очень добры, сэръ Обри. Я вручаю свою судьбу въ ваши руки, отвѣчалъ школьный учитель. «Сто фунтовъ въ годъ! Жалкая подачка! хотя она и вдвое больше моего теперешняго дохода», думалъ онъ, глубоко разочарованный узкостью взглядовъ баронета на обезпеченіе.

Онъ надѣялся, что пожилой влюбленный будетъ щедрѣ.... захочетъсыпать свои сокровища въ ноги своего идола. И

вотъ, вмѣсто того, сэръ Обри торговался такъ, какъ еслибы онъ былъ Шадракъ Бэнъ, сбивающій цѣну на стадо быковъ на Монкгемптонской ярмаркѣ рогатаго скота.

Сто фунтовъ въ годъ! Какой жалкій результатъ дало однако такое удивительное событіе, какъ побѣда надъ баронетомъ! М-ру Керью оставалось только утѣшать себя мыслию, что Сильвія, выйдя замужъ, конечно, приобрететъ больше власти надъ кошелькомъ мужа, и что было бы крайне несправедливо, еслибы ея отецъ ничего не выигралъ отъ ея выгоднаго замужества.

— Вы говорили про *trousseau* Сильвіи, началъ сэръ Обри, чувствовавшій себя развязнѣе теперь, когда онъ высказалъ свои взгляды. — Я не позабылъ объ этомъ важномъ вопросѣ. Не откажите передать этотъ конвертъ вашей дочери, не оскорбляя ея деликатности. Здѣсь сто фунтовъ банковыми билетами.

Джемсъ Керью взялъ маленькій конвертъ, и его поблѣвшее лицо слегка покраснѣло при одной мысли о деньгахъ, которыя въ немъ лежали. Какъ давно не держалъ онъ въ рукахъ такой суммы.

Было время, когда сто фунтовъ показались бы ему ничтожной суммой, но въ послѣдніе годы каждый соверентъ былъ для него такъ же дорогъ, какъ любая капля его крови, и такъ ему тяжело было расставаться съ ними.

— Прошу васъ помнить о томъ, что я сказалъ относительно простоты въ костюмѣ, произнесъ сэръ Обри, когда м-ръ Керью пробормоталъ благодарность за этотъ первый даръ жениха. — Чѣмъ проще одѣвается женщина, тѣмъ на мой взглядъ лучше; да Сильвія и не нуждается въ нарядахъ.

Сильвія отворила калитку въ тотъ моментъ, какъ ея пожилой женихъ говорилъ это, и шла по темному саду. Сэръ Обри пошелъ ей на встрѣчу съ такой поспѣшностью, какъ еслибы ему было двадцать-пять, а не пятьдесятъ-семь лѣтъ. Какъ ни былъ онъ сухъ и разсудителенъ, когда дѣло шло о денежныхъ дѣлахъ, но онъ пришелъ въ восторженное состояніе при видѣ Сильвіи.

— Радость моя, проговорилъ онъ, задержавъ ее въ саду, я видѣлся съ вашимъ отцемъ, и все уладилъ. А теперь прошу васъ назначить счастливый день, который долженъ соединить насъ навѣки.

Эта внезапная просьба заставила Сильвію содрогнуться. Какъ! неужели иго ея такъ близко? Ей представлялось чѣмъ-то великимъ превратиться въ лэди Перріамъ, пока такая перемѣна въ ея жизни казалась отдаленной. Теперь же, когда блестящая участь, которой она принесла въ жертву все остальное, стала такъ близко,

въ ней совершилась реакція. Еслибы существовала малѣйшая возможность для нея отступить назадъ въ эту послѣднюю минуту, она бы воспользовалась ею и снова превратилась бы въ счастливую дѣвушку, голова которой не разъ покоилась на груди милаго ей человѣка и которая чувствовала въ себѣ мужество бороться съ бѣдностью, ради него.

Но отступать было поздно. Аристократическая рука сэра Обри нѣжно завладѣла ея рукою и продѣла ея въ свою съ покровительственнымъ видомъ.

— Назначимъ возможно кратчайшій срокъ, моя душа, проговорилъ онъ полу-отеческимъ, полу-нѣжнымъ тономъ. Скоро наступитъ осень, а я желалъ бы провести сентябрь мѣсяцъ въ Парижѣ. Я всегда радъ уѣхать изъ деревни въ то время, какъ листь начинается опадать съ деревьевъ.

Парижъ былъ очарованнымъ именемъ для этой неопытной дѣвушки: ни Дамаскъ, ни Багдадъ и никакой другой городъ, о которомъ она читала въ арабскихъ сказкахъ, не звучалъ такъ волшебна.

— Мнѣ бы хотѣлось увидѣть Парижъ, проговорила она, забывъ о своемъ позднему раскаяніи.

— Мы проведемъ тамъ нашъ медовый мѣсяцъ, моя жизнь! отвѣчалъ баронетъ, который рѣшилъ это раньше, чѣмъ переговорилъ съ отцемъ невѣсты. Такимъ образомъ медовый мѣсяцъ не разорить его. Квартира въ *entresol* ничего не будетъ ему стоить. Придется лишь приплатить по счетамъ *traiteur*, который поставлялъ ему обѣдъ.

— Отецъ вашъ согласенъ со мной, что нѣтъ никакого основанія отсрочивать свадьбу долѣе, чѣмъ сколько потребуется на то, чтобы вы сшили себѣ два-три платья. Мы обвѣнчаемся весьма скромно въ одно прекрасное утро, вонъ въ той церкви, прежде чѣмъ деревенскіе сплетники узнаютъ о нашемъ намѣреніи.

— Это будетъ очень мило, произнесла Сильвія, нѣсколько разсѣянна, но мнѣ хотѣлось бы отсрочить свадьбу на нѣсколько мѣсяцевъ.

— На нѣсколько мѣсяцевъ! Зачѣмъ?

Вопросъ былъ затруднителенъ.

— Какъ можете вы быть увѣрены, что дѣйствительно привязаны ко мнѣ, что ваша любовь не есть мимолетная фантазія? пролепетала она, послѣ минутнаго молчанія.

— Я не сомнѣваюсь въ *своихъ* чувствахъ, возразилъ сэръ Обри, съ оскорбленнымъ достоинствомъ; но, быть можетъ, вы не увѣрены въ своихъ.

— О, нѣтъ! вскричала Сильвія поспѣшно.

Ни за что на свѣтѣ не желала бы она оскорбить его. Дѣло было сдѣлано. Она могла бы задержать письмо къ Эдмонду, которое еще не было отправлено, но могла ли она вычеркнуть свиданіе съ миссисъ Стенденъ? Первая же почта безъ сомнѣнія доставитъ подробный отчетъ объ этомъ свиданіи ея возлюбленному. И развѣ возможно было ожидать, чтобы онъ простилъ ей то, что она отвергла дружбу его матери, что она добровольно отказалась отъ него въ ту самую минуту, какъ мать его смягчилась? Сильвія сознавала, что Эдмондъ потерянъ для нея и что ей ничего не остается, какъ выйти замужъ за сэра Обри, или остаться съ носомъ.

Размышленіе показало ей, что собственный интересъ ея требуетъ, чтобы свадьба состоялась какъ можно скорѣе. Что было бы съ ней, еслибы Эдмондъ вернулся и изобличилъ ее? Онъ могъ оказаться настолько жестокимъ, чтобы пересказать сэру Обри, какъ нѣжно она его любила, какъ клялась быть ему вѣрна. Мало ли что могъ сдѣлать обманутый женихъ, чтобы изобличить ея низость? Единственнымъ спасеніемъ для нея остается замужство съ сэромъ Обри. Никто не посмѣетъ бранить или оскорблять жену сэра Обри Перриамъ.

— Послушайте, Сильвія, произнесъ баронетъ нѣжно, если вы любите меня хотя немножко, то не станете требовать отсрочки. Въ вашей власти сдѣлать меня совсѣмъ счастливымъ человекомъ. Зачѣмъ отсрочивать мое благополучіе; помните, моя радость, что принявъ мое предложеніе въ прошлый вечеръ, вы связали свою жизнь съ моею. Вы теперь не можете развязать ее, если только не раскаяваетесь въ своемъ общаніи.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не раскаяваюсь. Я рада, я счастлива; я горжусь тѣмъ, что вы меня любите.

— Если такъ, то мы обвѣнчаемся черезъ мѣсяцъ, произнесъ сэръ Обри, запечатлѣвая договоръ вѣжливымъ поцѣлуемъ.

Сильвія не противорѣчила. Не нищей дѣвушкѣ было предписывать свою волю королю Кофетуа.

ГЛАВА XXVI.

М-ръ Вепъ отстаиваетъ интересы вдовы.

Сэръ Обри, который всегда вставалъ рано, позавтракалъ еще раньше обыкновеннаго на другое утро послѣ свиданія съ Сильвией и, сѣвъ на своего любимца Сплинтера, тотчасъ послѣ завтрака отправился въ Монегемптонъ. День былъ сѣреный, небо хмурилось, и ландшафтъ не улыбался ему какъ въ другіе дни, когда онъ ѣхалъ по холмистой дорогѣ, пролежавшей между Періамомъ и торговымъ городомъ.

Въ этотъ часъ утра Монегемптонъ былъ очень тихъ и безлюденъ. Двое или трое смиренныхъ обывателей, собравшихся у дверей общиннаго совѣта, спорили о налогахъ и о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ-взимать лишнихъ два пенса, какъ это имѣлось въ виду. Колокола призывали къ обѣднѣ, и нѣсколько почтенныхъ матронъ и молодыхъ леди направлялись къ приходской церкви; но торговый людъ повидимому еще не просыпался въ началѣ одиннадцатаго часа въ Монегемптонѣ.

Сэръ Обри проѣхалъ прямо къ одному дому, стоявшему на концѣ большой улицы, на окраинѣ города, гдѣ дома окружены были болѣе обширными садами, чѣмъ въ самомъ центрѣ Монегемптона. Домъ, у котораго остановился баронетъ, былъ крѣпокъ, массивенъ, солидно выстроенъ и почтененъ на видъ,—домъ, гдѣ никогда не могли бы обитать неисправные должники — такъ по крайней мѣрѣ думалось, видя, какъ смѣло глядѣлъ онъ въ лицо міру, какъ заносчиво красовалась его массивная желѣзная рѣшетка. Онъ былъ выстроенъ изъ темно-желтаго кирпича, пополамъ съ краснымъ, съ тремя рядами оконъ,—пятью въ рядъ въ двухъ верхнихъ этажахъ и двумя по обѣимъ сторонамъ входной двери. Ступени были такъ бѣлы, какъ это допускалъ известнякъ, окна блестяли, какъ-будто ихъ только-что вымыли; но не видно было ни горшковъ съ цвѣтами, ни клѣтокъ съ птицами и никакихъ другихъ пустыхъ украшеній. Два окна налѣво отъ двери украшены были пунцовыми драпировками изъ плотнаго шерстяного дамъ, падавшихъ такими прямыми, тугими складками, какія только можетъ дать ткань. Окна направо были снабжены проволочными рѣшетками, ограждавшими ихъ отъ любопытныхъ взоровъ прохожихъ и краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорившихъ: мы оберегаемъ святость конторы стряпчаго.

На большой мѣдной доскѣ, придававшей респектабельность

высокой лакированной двери, которая вела на улицу, стояла слѣдующая надпись:

*М-ръ Шадракъ Бэнъ
Страній и поземельный агентъ.*

Сэръ Обри поручилъ Сплинтера своему груму, повернулъ бронзовый молотокъ у дверей м-ра Бэна и вошелъ безъ дальнѣйшихъ церемоній.

Домъ въ Монкгемптонѣ были, по обыкновенію, очень доступны для публики, и сэръ Обри зналъ привычки своего агента. Дверь направо отъ входа украшена была надписью «Контора», выведенной на ея панели строгими черными буквами. Эту дверь отворилъ сэръ Обри и очутился лицомъ къ лицу съ своимъ управляющимъ, засѣдавшимъ за конторкой напротивъ двери, и просматривавшимъ контракты съ карандашемъ во рту, готовясь дѣлать помѣтки на поляхъ.

Шадракъ Бэнъ былъ человекъ того неопредѣленного возраста, который иногда величаютъ цвѣтущимъ. Время еще не провело морщинъ на лбу поземельнаго агента, отличавшагося расчетливостью и толковостью, которыя помогаютъ наживать деньгѹ. Его жесткіе, сѣрые глаза свѣтились здоровьемъ; темные волосы еще густыми прядями ложились вокругъ головы; цвѣтъ лица былъ смуглый, не непріятный на видъ, и больше говорилъ о долгихъ прогулкахъ по свѣжему, утреннему воздуху, чѣмъ о занятіяхъ при полуночной лампѣ. Онъ былъ высокъ, широкоплечъ, крѣпко слоенъ и, подобно сатанѣ Мильтона, возвышался какъ багня среди другихъ людей. Онъ хорошо одѣвался, но скорѣе какъ мелкій сквайръ, чѣмъ чопорный юристъ. Онъ любилъ, когда привратники на желѣзныхъ дорогахъ и фермеры величали его «сквайромъ». У него были густые, темные бакенбарды и гладко выбритые губы и подбородокъ; онъ носилъ голубой галстухъ и плетеную кожаную цѣпочку у часовъ.

Онъ поспѣшно всталъ при видѣ своего патрона, выдвинулъ впередъ покойное кресло и затворилъ дверь, сообщавшуюся съ задней конторой, изъ которой доносился скрипъ перьевъ, когда входилъ баронетъ.

— Вотъ неожиданная честь, сэръ Обри, проговорилъ онъ веселымъ тономъ, между тѣмъ какъ баронетъ пожималъ ему руку.

Сэръ Обри не всегда такъ любезно пріѣтствовалъ своего агента; большею частью онъ считалъ вполне достаточнымъ кивнуть ему головой, и м-ръ Бэнъ никогда не позволялъ себѣ фамиліарничать съ своимъ патрономъ, если послѣдній не поощрялъ

его къ этому. Онъ принималъ снисхожденіе сэра Обри, какъ мудрые язычники принимали дары боговъ. Но сегодня его принципалъ былъ необыкновенно привѣтливъ, и м-ръ Бэнъ заключилъ, что это не спроста.

— Я завтракаю въ семь часовъ утра круглый годъ, сказалъ м-ръ Бэнъ, между тѣмъ, какъ его посѣтитель усаживался въ креслѣ; но кто же могъ ожидать васъ въ Монегемптонѣ раньше двѣнадцати часовъ.

— Я пріѣхалъ такъ рано потому, что мнѣ надо сообщить вамъ нѣчто особенное, Бэнъ, отвѣчалъ баронетъ, играя кисточкой своего хлыста. Я не думаю, чтобъ это изумило васъ, потому что рано или поздно этого слѣдовало ожидать. Хотя бы человѣкъ и дожилъ до... гм! пятидесяти или шестидесяти лѣтъ... но нѣтъ никакого основанія ему оканчивать дни свои въ одиночествѣ.

Надракъ Бэнъ выронилъ карандашъ изъ рукъ и пристально поглядѣлъ на патрона своими пронизательными, сѣрыми глазами, тѣми глазами, которымъ пронизательность придаетъ особенную выразительность. М-ръ Бэну пришло въ голову, не свихнулъ ли нѣсколько баронетъ въ умѣ, подобно Мордреду, у котораго голова не считалась въ порядѣ. Онъ, должно быть, спятилъ бѣдный, старый джентльменъ, и собирается поступить въ монастырь или какую-нибудь секту.

— Вамъ вовсе нѣтъ надобности уединяться въ Церриамѣ, сэръ Обри, сказалъ м-ръ Бэнъ; люди съ удовольствіемъ станутъ посѣщать васъ, если вы ихъ пригласите. Конечно, гостепріимство или открытый домъ, какъ это говорится, стоить пропасть денегъ, денегъ, которыя было бы полезнѣе употребить на округленіе помѣстья, какъ это дѣлывалъ вашъ батюшка. Вотъ, напримѣръ, ферма Комба должна поступить въ продажу, когда умретъ старый Паркеръ... а эта ферма, какъ вамъ извѣстно, сэръ Обри, смежна съ нашей землей въ Уэпшотѣ и была бы хорошимъ пріобрѣтеніемъ для помѣстья.

— Мы поговоримъ о Комбѣ, когда ферма поступитъ въ продажу, отвѣчалъ сэръ Обри съ легкимъ недовольствомъ въ голосѣ.

Онъ находилъ, что его управляющій могъ бы быть понятливѣе.

— Я не говорю про провинціальное общество. Конечно, я могъ бы биткомъ набить свой домъ гостями, еслибы захотѣлъ, и, какъ вы говорите, просорить пропасть денегъ на посѣтителей, которые врядъ ли бы отблагодарили меня за мое гостепріимство. Но я вовсе не желаю общества такого рода. Когда я говорилъ объ одиночествѣ, я разумѣлъ одиночество холостяка. Единствен-

ное общество, котораго я желаю, это общество жены, которую бы я любилъ.

Баронетъ съ трудомъ выговорилъ послѣднія слова. Семнадцатилѣтняя дѣвушка не могла бы произнести этихъ торжественныхъ словъ съ большею застѣнчивостью.

Выраженіе лица м-ра Бэна не измѣнилось при этомъ извѣстіи. Съ раннихъ поръ м-ръ Бэнъ вполне подчинилъ себѣ мускулы лица. Они были слишкомъ послушны его волѣ, чтобы выдать его; только его большая, сильная рука ухватила за рѣшетку стула съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ. Но она была заложена за спину, и сэръ Обри не могъ видѣть ея конвульсивнаго движенія.

— Вы подумываете о женитьбѣ? спросилъ м-ръ Бэнъ, улыбаясь той холодной улыбкой, которая появляется и исчезаетъ по волѣ улыбающагося и грѣетъ не больше, чѣмъ зимній лучъ солнца.

— Я не только подумываю объ этомъ, Шадракъ,—я женюсь двадцатаго августа.

— Нынѣшняго года?

Разумѣется. Неужели вы думаете, что я отложу свою свадьбу на годъ. Затѣмъ я стану медлить?

— Конечно, конечно... незатѣмъ, если смотрѣть на это съ дѣловой стороны. Но рѣшеніе ваше немного неожиданно. Вы, безъ сомнѣнія, давно уже знакомы съ этой лэди.

— Такъ давно, что успѣлъ ее полюбить.

— Будетъ ли дерзостью съ моей стороны спросить: кто она?

— Нисколько. Я пріѣхалъ сегодня утромъ затѣмъ, чтобы уладить вопросъ о контрактѣ. Но вы понимаете, Бэнъ, что вещи, сообщаемыя человѣкомъ своему страпчему, священны.

— Разумѣется.

— Дѣло въ томъ, что я не желаю, чтобы кто-нибудь въ Монегемптонѣ зналъ, что я женюсь. Я не желаю даже, чтобы кто-нибудь догадывался объ этомъ до тѣхъ поръ, пока дѣло не состоится. Я терпѣть не могу, чтобы обо мнѣ судили, радили, сплетничали, таращили на меня глаза и шептались. Нѣтъ сомнѣнія, что моя женитьба удивитъ всѣхъ, но они могутъ дать волю своему удивленію во время моего свадебнаго путешествія и освоиться съ фактомъ къ тому времени, какъ я вернусь.

— Тутъ нѣчему удивляться, сэръ Обри, развѣ только тому, что все такъ неожиданно случилось, проговорилъ м-ръ Бэнъ съ самымъ почтительнымъ видомъ; партія, нѣтъ сомнѣнія, самая подходящая.

— Я попрошу васъ оставить при себѣ свои сомнѣнія и га-

данія, отвѣчалъ баронетъ раздражительно.—Партія не изъ тѣхъ, какія приняты въ обществѣ называть подходящими. Партія изъ тѣхъ, надъ которыми свѣтъ обыкновенно глумится... Я женюсь по любви. Молодая леди—леди во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ своего званія—ниже меня по своему общественному положенію.

«Старый идиотъ! Онъ влюбился въ какую-нибудь хорошенькую горничную, наѣздницу изъ цирка или французскую актрису», подумалъ м-ръ Бонъ, все не выпуская рѣшетки стула.

— Молодая леди—единственная дочь м-ра Керью, приходскаго учителя въ Гедингемѣ, сказалъ сэръ Обри.

— Дочь приходскаго учителя. Какъ! это та молодая леди, за которой волочился молодой Стенденъ? Дочь моя Матильда Дженъ слышала что-то объ этомъ на гедингемскомъ базарѣ.

— Позвольте замѣтить, что «за которой волочился»,—такая фраза, какой я не желаю слышать, когда говорятъ о моей будущей женѣ, возразилъ баронетъ сердито. Мнѣ хорошо извѣстно, что м-ръ Стенденъ желалъ жениться на миссъ Керью, но получилъ отказъ отъ ея отца.

— Она отказала Джорджу Стендену изъ Деканова дома! Это любопытно. Впрочемъ, если молодая леди была помолвлена за васъ, сэръ Обри, то это понятно.

— Она не была помолвлена за меня въ то время, какъ м-ръ Стенденъ сдѣлалъ предложеніе. Молодому человѣку отказано изъ другихъ побужденій.

— Въ самомъ дѣлѣ!... Ну, надѣюсь, что дочерямъ моимъ также повезетъ, когда наступитъ ихъ чередъ.

— Вы, кажется, упускаете изъ виду, что миссъ Керью необыкновенная красавица, замѣтилъ сэръ Обри съ возрастающей раздражительностью,—эта молодая леди могла бы очаровать человѣка, еще выше поставленнаго, чѣмъ я.

— Она, полагаю, очень молода.

— Ей около двадцати лѣтъ.

— Мнѣ кажется, что каковы бы ни были достоинства этой леди, но желательно было бы не спѣшить со свадьбой. Конечно, я не беру на себя смѣлость давать вамъ совѣты, сэръ Обри.

— Сэръ! возразилъ баронетъ съ леденящимъ взглядомъ, въ этомъ дѣлѣ я не нуждаюсь ни въ чьихъ совѣтахъ!

М-ръ Бонъ пробормоталъ извиненіе. Сэръ Обри успокоился. Онъ даже почувствовалъ нѣкоторое удовольствіе отъ сознанія, что осадилъ м-ра Бона. Онъ ѣхалъ въ его контору не безъ волненія; онъ чувствовалъ, проѣзжая по безлюднымъ дорогамъ, что

краснѣть, и былъ доволенъ, что нашелъ въ себѣ мужество заявить о своемъ желаніи такъ настойчиво.

— Теперь, что касается контракта, началъ онъ съ обычнымъ дружелюбіемъ въ тонѣ, то я рѣшилъ ничего не обезпечивать за своей женой при жизни. Если она такъ искренно меня любитъ, какъ я на это надѣюсь, то ей будетъ пріятно зависѣть отъ моихъ милостей. Она не захочетъ сорить моими деньгами. Обезпечивать за нею особый доходъ, значило бы до нѣкоторой степени поощрять мотовство.

— Справедливо, сэръ Обри, отвѣчалъ м-ръ Бэнъ одобрительно; но въ такомъ случаѣ я не вижу надобности вообще въ контрактѣ.

— Вы забываете разницу лѣтъ между мною и миссъ Керью. Я обязанъ обезпечить ее на случай моей смерти.

— Вы можете сдѣлать это въ завѣщаніи.

— Конечно. Но я предпочитаю обезпечить ее тотчасъ же контрактомъ. Я поступаю согласно своему убѣжденію, оставляя ее въ зависимости отъ моей щедрости, пока я живъ, но желаю показать, что способенъ быть великодушнымъ...

— По смерти, произнесъ м-ръ Бэнъ, договаривая сентенцію.

— Моя жена должна будетъ обращаться ко мнѣ за всѣми своими нуждами, но я вполнѣ обезпечу независимость своей вдовы, возразилъ баронетъ.

— Понимаю. Поэтому намъ нужно только рѣшить, на какую часть вашего имѣнія должно пасть это обезпеченіе. Вамъ можно будетъ оставить леди Перріамъ... сколько прикажете?

— Я полагаю, что двѣ тысячи въ годъ... произнесъ сэръ Обри раздумчиво.

— Ничтожная сумма для леди, привыкшей жить въ Перріамъ.

— Я не проживаю въ Перріамъ больше четырехъ тысячъ въ годъ.

— Быть можетъ... но послѣ свадьбы обстоятельства переменятся. Теперь вы проживаете только четыре тысячи, а тогда станете проживать десять.

Сэръ Обри покачалъ головой.

— Извините, отвѣчалъ онъ. Никакихъ переменъ не будетъ. Человѣкъ не мѣняетъ своихъ привычекъ послѣ пятидесяти лѣтъ. Еслибы я женился на молодой модницѣ, привыкшей къ развлеченіямъ лондонскаго сезона... то можно было бы ожидать, что я измѣню свой образъ жизни... буду завтракать въ нелѣпные часы... омеблирую Перріамъ всякимъ современнымъ, глупымъ

хламомъ... найму домъ въ Лондонѣ... и такъ далѣе. Но я же-
нюсь на молодой леди безъ всякихъ претензій... просто-на-про-
сто на милѣйшей дѣвушкѣ, какую я когда-либо встрѣчалъ... на
фіалкѣ, притаившейся въ зелени, какъ кто-то выразился. Чѣмъ
Перріамъ былъ до сихъ поръ, тѣмъ онъ и останется на будущее
время... пока не перейдетъ къ ближайшему наслѣднику.

— Вашему сыну, быть можетъ, подсказалъ м-ръ Бэнъ, ко-
торый глубоко задумался въ то время, какъ сэръ Обри излагалъ
свои взгляды. Грубое, саксонское лицо этого человѣка станови-
лось почти прекраснымъ, когда онъ задумывался. Оно выражало
такую твердость воли. Ясные, сѣрые глаза отуманивались, от-
влекаясь отъ созерцанія видимыхъ вещей, наблюдая за неувони-
мыми видѣніями смутно рисовавшагося будущаго.

— Моему сыну. Если Богу угодно будетъ благословить меня
дѣтьми! отвѣчалъ сэръ Обри набожно.

— Я не думаю, чтобы человѣку въ вашемъ положеніи до-
статочно было оставить своей вдовѣ двѣ тысячи, произнесъ нако-
нецъ м-ръ Бэнъ.

Онъ былъ до нѣкоторой степени лицомъ привилегирован-
нымъ и, когда желалъ, могъ откровенно говорить съ сэромъ Обри.
Ему неоднократно представлялся случай доказывать, что онъ по-
нималъ интересы баронета гораздо лучше самого баронета, и та-
кимъ образомъ онъ приобрѣлъ нѣкоторое вліяніе на слабый мозгъ
своего патрона.

— Двѣ тысячи въ годъ большой доходъ для дочери м-ра
Керью, сказалъ сэръ Обри озабоченно.

— Но ничтожная сумма для вдовы сэра Обри Перріама,
возразилъ м-ръ Бэнъ. Зачѣмъ вамъ скупиться относительно этой
леди? Вы любите ее, и если она вамъ не родитъ дѣтей, то все,
что вы ни оставите ей, достанется вашему дальнему родствен-
нику... человѣку, до котораго вамъ нѣтъ никакого дѣла.

— Ни малѣйшаго, отвѣчалъ сэръ Обри.

— Главная часть вашего помѣстья заложена и должна до-
статься м-ру Перріаму—по смерти вашего брата, конечно, кото-
рый врядъ ли переживетъ васъ. Но остается еще много незало-
женныхъ земель... Вся земля, купленная сэромъ Эндрью и Уар-
ренское помѣстье, которое вы получили въ наслѣдство отъ ма-
тери. Почему не обезпечить, какъ слѣдуетъ, эту леди въ буду-
щемъ? Почему не оставить ей пять тысячъ въ годъ, которыя
можно получить съ Уарренскаго помѣстья и Копайской фермы?

Сэръ Обри широко раскрылъ глаза отъ удивленія. Онъ ожи-
далъ всякаго рода оппозиціи отъ Шадрака Бэна, и всего болѣе

въ дѣлѣ контракта, и вотъ вдругъ Шадраэль Бэнъ отстаиваетъ интересы будущей лэди Перриамъ, особы, которой онъ никогда не видалъ, если только вѣрить его словамъ.

— Пять тысячъ въ годъ для дочери школьнаго учителя, поторилъ баронетъ слабо.

— Пять тысячъ въ годъ для лэди Перриамъ, возразилъ управляющій. Если она достойна вашего довѣрія и вашей привязанности, то она достойна вашей щедрости. Многіе люди въ моемъ положеніи посмотрѣли бы на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія страпчаго и посовѣтывали бы поступить мизерно. Я совѣтую поступить щедро. Если у васъ не будетъ дѣтей, посторонніе люди—или такіе, которые для васъ не дороже постороннихъ—получатъ ваше имущество. Стоить ли вамъ обрѣзывать у любимой жены затѣмъ, чтобы обогатить постороннихъ? Вамъ ничего не стоитъ быть щедрымъ относительно лэди Перриамъ... послѣ смерти.

— Правда, пробормоталъ сэръ Обри, на котораго произвелъ впечатлѣніе этотъ способъ аргументаціи; я отъ этого не обѣднѣю. Мнѣ въ гробу все равно будетъ: получить ли она двѣ тысячи или пять тысячъ. Но если мертвые могутъ помышлять о покинутомъ ими мірѣ, то мнѣ будетъ досадно при мысли, что Перриаму досталось все мое состояніе.

— Конечно, будетъ досадно. Прикажите мнѣ составить контрактъ и привезти его въ Перриамъ-Плэсъ сегодня вечеромъ?

— Да, привезите его сегодня вечеромъ. Кстати, м-ръ Керью и его дочь обѣдаютъ у меня. Не говорите о немъ при нихъ. Я могу переимѣнить мнѣніе на счетъ размѣра суммы. Во всякомъ случаѣ, я всегда успѣю обезпечить свою вдову по завѣщанію. Контрактъ пустая формальность и дѣлается только для отца, которому, конечно, желательно, чтобы будущность его дочери была обезпечена.

— Если вы сомнѣваетесь въ этой лэди, то не обезпечивайте ее вовсе, произнесъ м-ръ Бэнъ рѣшительно. Если же вы вѣрите въ нее, то обезпечьте какъ слѣдуетъ.

— Вѣрю въ нее! вскричалъ баронетъ, краснѣя отъ негодованія. Неужели же вы думаете, что я женился бы на ней, еслибы не считалъ ее прекрасной, невинной, какъ ангелъ, и благородной.

— Вы знали ее такое короткое время!

— Сэръ, бываютъ откровенія, вскричалъ сэръ Обри торжественно.

— Тогда обезпечьте за ней пять тысячъ фунтовъ и поддержите свое мнѣніе, какъ говорятъ спортсмены.

— Пусть будетъ по вашему... составьте контрактъ и привозите его мнѣ на просмотръ. Мы успѣемъ заключить его до свадьбы. Ахъ, кстати! вотъ еще документъ, который вы должны составить такъ просто и лаконично, какъ только можно... условіе, обезпечивающее м-ру Джемсу Керью сто фунтовъ въ годъ дохода до конца его жизни. Я не могу допустить, чтобы мой тестъ оставался приходскимъ учителемъ. Я дамъ ему средства спокойно и безбѣдно прожить остальной свой вѣкъ. Быть можетъ, вы посоветуете назначить ему пятьсотъ фунтовъ, прибавилъ баронетъ, не безъ ѣдвости.

— Нѣтъ, сэръ Обри. Я считаю совершенно достаточнымъ назначить отцу содержаніе въ сто фунтовъ въ годъ. Надѣюсь, что я не оскорбилъ васъ тѣмъ, что отстаивалъ интересы будущей леди Перриамъ.

— Нѣтъ, Бэнъ. Вы хорошій малый, я знаю, и такъ же преданы своему патрону, какъ вашъ отецъ былъ, до васъ. Мнѣ пріятно, что вы хлопотали за миссъ Керью. Я благодаренъ вамъ. Я думалъ, что вы тоже станете твердить, какъ попухай, о разницѣ въ лѣтахъ, въ характерѣ и такъ далѣе. Я доволенъ вами за то, что вы вступились за права моей будущей жены. Съ какой стати законному наслѣднику получать больше того, сколько ему слѣдуетъ? Онъ и безъ того воспользуется всѣми улучшениями, какія мой отецъ сдѣлалъ въ имѣніи... пускай же ему не достается ни одного акра изъ благопріобрѣтенной нами земли. Я обезпечу за Сильвией пять тысячъ и надѣюсь, что оставляю ей еще больше, если она будетъ мнѣ такой доброй женой, какъ я ожидаю. Прощайте, Бэнъ, пріѣзжайте, кстати, обѣдать... пріѣзжайте къ шести часамъ и у насъ будетъ часъ на составленіе контракта, прежде чѣмъ Керью прибудутъ.

М-ръ Бэнъ объявилъ, что онъ радъ исполнить всякое приказаніе сэра Обри. Онъ обыкновенно обѣдалъ въ Перриамъ разъ или два въ году, когда дѣло шло о покупкѣ какого-нибудь участка земли, или о возобновленіи какого-нибудь важнаго контракта. Приглашеніе къ обѣду признавалось снисхожденіемъ со стороны сэра Обри, не взирая на профессиональное положеніе м-ра Бэна и его законное право на титулъ джентльмена. Миссисъ Бэнъ никогда не приглашали вмѣстѣ съ ея супругомъ и въ интимномъ кружкѣ у миссисъ Бэнъ баронетъ слылъ за надменнаго человѣка.

— Если бы не Бэнъ, то ему не видать бы такихъ доходовъ, говаривали эти леди своимъ кумушкамъ; но въ немъ нѣтъ искры благодарности. Онъ сниметъ передо мной шляпу въ моемъ собственномъ домѣ съ такой же чопорностью, какъ какой-нибудь

сэръ Честерфильдъ Вальполь, но никогда рта не разинетъ, чтобы пожелать мнѣ добраго утра.

М-ръ Бэнъ проводилъ своего патрона на улицу и стоялъ на мостовой, пока сэръ Обри садился на Сплинтера, стройную шею котораго м-ръ Бэнъ ласково потрепалъ.

— Я желалъ бы достать такую лошадь, сэръ Обри; я вообще довольно счастливъ въ лошадяхъ, но мнѣ никогда не попадалось подобной.

Сэръ Обри улыбнулся и съ любовью наклонился надъ Сплинтеромъ.

— До шести часовъ, Бэнъ, проговорилъ онъ.

— До шести часовъ, сэръ Обри.

И сэръ Обри тронулъ поводья и весело поѣхалъ по улицѣ, довольный тѣмъ, какъ легко Шадракъ Бэнъ принялъ извѣстіе объ его женитьбѣ.

ГЛАВА XXVII.

Управляющій въ кругу своего семейства.

М-ръ Бэнъ вернулся въ свою контору, уѣлся за конторку и глубоко задумался. М-ру Бэну не часто случалось задумываться. Его дѣятельная, счастливая жизнь была слишкомъ наполнена дѣломъ, чтобы оставлять много досуга для размышлений. М-ру Бэну не случалось въ сумерки предаваться мечтамъ, какъ это дѣлаютъ иные люди, гонящіеся за призраками; съ нимъ никогда не бывало, чтобы онъ забылъ о настоящемъ, углубившись мыслью въ печальныя размышленія, или сладкія воспоминанія о дняхъ минувшихъ. Онъ былъ человѣкъ, жившій исключительно настоящимъ. Дѣло данной минуты, какъ бы оно ни было ничтожно, было главнымъ интересомъ его жизни. Онъ напрягалъ всѣ свои силы въ борьбѣ съ житейскими обстоятельствами и, быть можетъ, поэтому-то никто и никогда не заставлялъ его врасплохъ.

Но когда Шадраку Бэну случалось раскидывать умомъ, то онъ пускалъ въ ходъ всю свою сообразительность. Поглядѣвъ на него теперь, какъ онъ сидѣлъ, упершись локтями въ конторку, подперевъ подбородокъ крѣпко сжатыми руками, вы увидѣли бы человѣка, для котораго мысль является неосызаемымъ остономъ матеріальнаго зданія. Этотъ человѣкъ не только думаетъ — онъ строитъ. Созидательная способность — самое мощное качество этого ума — дѣятельно работаетъ. Сморщенные брови обозначаютъ, что

архитектурный планъ настоящей минуты сложенъ... даже затруднителенъ. Нѣкоторое время кажется, будто дѣло совсѣмъ не выгоритъ; но вотъ острые глаза глядятъ еще рѣшительнѣе, твердыя губы плотнѣе сжимаются, и затѣмъ складываются въ тихую улыбку. Затрудненія побѣждены, воздушное зданіе стоитъ прочно; оно безукоризненно во всѣхъ своихъ деталяхъ, и улыбка становится торжествующей. Планъ будущаго зданія исполнѣ созрѣлъ.

Управляющій сэра Обри на этотъ разъ не тотчасъ приступилъ къ своей дневной работѣ съ обычной ему ретивостью. Онъ открылъ красивый, лакированный портфель, на которомъ стояли магическія слова: «Перриамское помѣстье», и пересмотрѣлъ нѣсколько документовъ. Иные онъ откладывалъ налѣво, а иные направо, пока не образовалось двѣ отдѣльныхъ горки документовъ.

На одну изъ нихъ онъ съ твердостью положилъ руку.

«Все это мой отецъ и я, мы присоединили къ помѣстью», сказалъ онъ самому себѣ. И ему казалось, что сэръ Эндрю и его сынъ сэръ Обри были простыми пѣшками въ сравненіи съ его отцемъ и имъ самимъ.

«Почему не пять тысячъ въ годъ?» раздумывалъ онъ. «Почему не семь? Но безъ сомнѣнія сэръ Обри оставитъ ей все, что только ему можно будетъ, если она будетъ хорошо держать себя съ нимъ. Да и чѣмъ могло бы оскорбить его такое слабое созданіе, какъ она... дочь приходскаго учителя. Я видѣлъ ее однажды у палатки школьнаго сада... тоненькая, блѣлая дѣвушка, съ темными глазами. Довольно хорошенькая, кажется. Но я ѣхалъ слишкомъ скоро, и не могъ хорошо разглядѣть ее. Конечно, изъ этой дѣвушки можно лѣпить, что угодно. Хорошенькое имѣніе составитъ къ тому времени, какъ она овдовѣетъ — хорошенькое, независимое имѣніе. И если законный наслѣдникъ выживетъ меня изъ стараго помѣстья, то все-таки Перриамъ не исполнѣ уйдетъ изъ моихъ рукъ».

Рѣдко доводилось Шадраку Бену посвящать столько времени на размышленіе—на думы, расширявшія узкій кругъ настоящаго и переносившія въ широкую и туманную даль будущаго,—какъ въ это утро. Онъ ничего не наработалъ, не приготовилъ груды рѣзекъ, коротекъ, рѣшительныхъ писемъ для копировальной машины, которая служила бы нагляднымъ доказательствомъ, что утро его не пропало даромъ, когда звонъ фамилнаго колокола возвѣстилъ объ обѣденномъ часѣ. Онъ вскочилъ со стула съ удивленнымъ взглядомъ и поспѣшилъ вымыть руки въ своей уборной, устроенной въ маленькой комнатѣ, позади конторы, занимаемой клерками.

Въ Монкгемптонѣ существовалъ обычай—непреложный какъ еврейскій законъ,—чтобы среднее сословіе, простые respectable-ные люди, гордившіеся своей простотой и respectable-ностью, обѣдали въ часъ пополудни. Хотя бы аппетитъ и измѣнялъ человѣку, но въ этотъ именно часъ семейный столъ устанавливался простой, но питательной пищей. Люди, гонявшіеся за модой или за такъ-называемой комилфотностью, могли обѣдать и позже, могли величать безпорядочную, торопливую трапезу среди дня полдникомъ, а ранній ужинъ—въ семь часовъ вечера—обѣдомъ, и называть это—жить по модѣ. Но, поступая такимъ образомъ, они обособлялись отъ тѣхъ гордыхъ бюргеровъ, которые упорно слѣдовали обычаямъ предковъ. М-ръ Бэнъ принадлежалъ къ старой школѣ, и хотя дочери его выказывали поползновенія къ позднимъ обѣдамъ и прогулкамъ верхомъ, но эти поползновенія были подавлены при первомъ же ихъ проявленіи. Ни Матильда-Дженъ, ни Клара-Луиза не осмѣливались высказывать ихъ въ присутствіи отца.

Столовая—та самая комната, которой пунцовые шерстяного дамá занавѣсы видны были съ улицы, была удобная, четырехугольная комната, со стѣнами, обшитыми панелями, окрашенными и отдѣланными подъ темный дубъ и увѣшаны фамилными портретами, на которыхъ короткія таліи и пышныя прически, жилеты горохового цвѣта, массивныя золотыя цѣпи и ужасающіе жабо эпохи Георга и Вильяма увѣковѣчены были въ назиданіе потомству. Мебель была той же эпохи и такъ же прочна, какъ и безобразна. Серебро, красовавшееся за тщательно накрытымъ столомъ, было тяжелаго пуританскаго фасона. Фаянсовая посуда, голландская скатерть безукоризненной чистоты—все указывало на честное, бюргерское довольство, не гоняющееся за измѣненіями моды, на хозяйство, идущее изо дня въ день по разъ установленному, двадцать лѣтъ тому назадъ, образцу.

Будь у м-ра Бэна эпикурейскія наклонности, онъ могъ бы возроптать на мирное однообразіе его ежедневнаго обѣда. Нескончаемый рядъ бараньихъ окороковъ и частей говядины случайно разнообразился жареной свининой, праздничной телятиной, рождественскимъ гусемъ и воскреснымъ говяжьимъ пирогомъ. Но не будучи человѣкомъ вполне интеллигентнымъ, м-ръ Бэнъ отнюдь не былъ человѣкомъ чувственнымъ, и лишь бы ему было чѣмъ утолить свой голодъ, а то онъ не заботился, какого сорта мясо поглощаетъ. Мясо было хорошо зажарено и чисто подано, картофель въ пору сваренъ, и у кухарки были свои рецепты для изготавленія питательныхъ, старинныхъ, англійскихъ пудинговъ, скраши-

вавшихъ обѣдъ. Въ хозяйствѣ Бэновъ пуддинги допускались время отъ времени. Они могли бы позволить себѣ кушать пуддинги и каждый день, но только, по мнѣнію миссисъ Бэнь, смотрѣвшей на жизнь съ набожной точки зрѣнія, ѣсть каждый день пуддинги, значило ублажать свою плоть. Лица юнѣйшихъ членовъ семьи всегда вытягивались въ тѣ дни, когда не бывало пуддинговъ, и миссисъ Бэнь сознавала, что эти лишения, повторявшіяся круглый годъ, служатъ на пользу ея чадамъ. Предусмотрительной женой и заботливой матерью стариннаго пуританскаго типа была эта миссисъ Бэнь, и ея супругъ признавалъ, что приобрѣлъ сокровище въ Луизѣ Поукеръ, даже оставивъ въ сторонѣ шесть тысячъ фунтовъ приданаго, которыя онъ получилъ за ней. Къ несчастію, въ послѣдніе три года миссисъ Бэнь все больше хворала — зимой вынуждена была носить респираторъ, не смѣла выходить на улицу послѣ солнечнаго заката, даже лѣтомъ должна была ложиться рано спать и страдала отъ сложной болѣзни въ легкихъ и въ горлѣ. Домашній докторъ не скрывалъ, что болѣзнь могла привести къ роковому концу, но она мужественно выносила ее, и зорко наблюдала за домомъ мужа даже и тогда, когда болѣзнь удерживала ее въ спальнѣ. Лѣто было благопріятнымъ временемъ для миссисъ Бэнь, и пока стояла теплая погода, она оказывалась довольно бодрой, засѣдала во главѣ стола и накладывала кушанья для семерыхъ здоровыхъ сыновей и дочерей, такъ какъ м-ръ Бэнь не желалъ тревожиться изъ-за аппетита этихъ молодыхъ птенцовъ. Онъ любилъ обозрѣвать свой утренній трудъ и составлять планы послѣобѣденныхъ занятій, пока поглощалъ свой обѣдъ.

Миссисъ Бэнь была маленькая, блѣдная женщина съ честнымъ, умнымъ лицомъ и темными глазами съ мягкимъ выраженіемъ. Она никогда не была хорошенькой, и слабое здоровье отмѣтило печатью разрушенія ея блѣдное лицо; но она казалась тѣмъ, чѣмъ и была, то-есть хорошей женщиной. Дѣти любили ее, не взирая на ея пуританскія замашки, требовавшія много самоотреченія отъ молодежи, а мужъ уважалъ ее.

Сегодня глава дома ѣлъ съ мѣньшимъ аппетитомъ, чѣмъ обыкновенно. М-ръ Бэнь такъ лѣниво дѣйствовалъ вилокъ и ножомъ, что привлекъ вниманіе своего семейства.

— Здоровы ли вы, папа? спросила Матильда-Джентъ, старшая дочь;—вы почти ничего не кушаете.

— Надѣюсь, что говядина не пережарена, спросила хозяйка съ ласковой заботливостью. Я всегда приказывала Бетси

жарить ее въ соку. А сегодня попался отличный кусокъ. Онъ вѣсилъ пятнадцать фунтовъ одиннадцать золотниковъ. Я сама видѣла.

— Говядина очень хороша, но я не очень голоденъ, да и обѣдъ нашъ долженъ послужить мнѣ вмѣсто полдника. Я обѣдаю у сэра Обри въ семь часовъ.

— Новый контрактъ, должно быть.

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ, отвѣчалъ Шадракъ.

— Я слышала, какъ лошадь сэра Обри остановилась передъ нашимъ домомъ, когда толковала въ кухнѣ съ кухаркой, сказала миссисъ Бэнь, и подумала, что должно быть какое-нибудь важное дѣло привело его такъ рано.

— Да, дѣло довольно важное, отвѣчалъ страпчій.

Семья не выказала любопытства. Контракты и покупки земель по мелочамъ, переѣзды, улучшенія, дренажъ, тяжбы изъ-за большихъ участковъ земли—все это не было такими предметами, какіе могли бы возбудить женское любопытство. Сыновья м-ра Бэна были слишкомъ молоды, чтобы сочувствовать его дѣятельности. Умы ихъ были поглощены игрою въ мячъ, кроветомъ и четвертой книгой Энеиды. Никто не спрашивалъ дальше о визитѣ сэра Обри.

— Вы, дѣвочки, были на Гедингемскомъ базарѣ, неправда ли? спросилъ м-ръ Бэнь.

— Да, папѣ, отвѣчала старшая. Миссисъ Томасъ Тойнби пригласила насъ ѣхать съ ея дочерьми. Тойнби англичане, какъ вамъ извѣстно, и м-ръ Томасъ Тойнби двоюродный братъ м-ра Тойнби, богатаго гедингемскаго фабриканта. Матушка сказала, что мы можемъ ѣхать... она думала, что бѣды отъ этого не будетъ, хотя они не нашей церкви.

— Я ничего не имѣю противъ этого, возразилъ м-ръ Бэнь.

— Видали ли вы тамъ миссъ... миссъ Керью, кажется такъ... дочь школьнаго учителя?

— Да, мы ходили на огородъ смотрѣть, какъ дѣти пили чай, и она была тамъ.

— Она очень хорошенькая дѣвушка, неправда ли? освѣдомился м-ръ Бэнь.

Дочери поглядѣли другъ на друга нерѣшительно.

— Это дѣло вкуса, папѣ, отвѣчала Клара-Луиза.

— Ея красота не въ моемъ вкусѣ, замѣтила Матильда-Дженъ.

— Но многіе восхищаются ею, прибавила Клара-Луиза; говорятъ, что м-ръ Стенденъ изъ Деканова дома влюбленъ въ нее, и того и гляди женится на ней, если мать не помѣшаетъ.

— Знаете ли вы что-нибудь объ этой миссъ Керью? Вы слышали, какъ кажется, людскіе о ней толки. Не слышали ли, что она за дѣвушка?

— Боже мой, нѣтъ, папѣ. Неужели же вы думаете, что я знакома съ кѣмъ-нибудь, кто ее знаетъ, эту дочь школьнаго учителя? Обѣ миссъ Тойнби изъ Гедингема посѣщаютъ иногда воскресную школу, и онѣ говорили своимъ кузинамъ, что, по ихъ мнѣнію, Сильвія Керью чрезвычайно тщеславна и держитъ себя во всѣхъ отношеніяхъ выше своего состоянія; это такая дѣвушка, которой необходимо сбить спѣсь. Вотъ что говорили миссъ Тойнби.

— Гмъ! повторилъ м-ръ Бэнъ, вотъ что говорили миссъ Тойнби!

И подумалъ про себя, что, быть можетъ, Сильвія Керью скорѣе придется сбить спѣсь миссъ Тойнби, чѣмъ имъ у нее.

Ни единого намека на женитьбу сэра Обри не позволилъ себѣ Шадравъ Бэнъ въ кругу своего семейства. Сэръ Обри объявилъ ему объ этомъ событіи, какъ о величайшей тайнѣ, и агентъ выказалъ себя достойнымъ оказаннаго ему довѣрія.

Онъ никакъ не могъ проявить обычную умственную дѣятельность въ это утро. Женитьба сэра Обри была слишкомъ необыкновеннымъ событіемъ, чтобы можно было легко выкинуть мысль о ней изъ головы. Онъ писалъ письма, просматривалъ книгу ренты, повидался съ двумя-тремя монтегемптонскими кліентами и занимался своими дѣлами, но машинально, потому что мысли его были заняты другимъ. Онъ обрадовался, когда наступило время подавать кабріолетъ, чтобы ѣхать въ Перриамъ, довольный, что могъ оставить свою контору и идти одѣваться наверхъ въ свою комнату.

Онъ былъ не хуже любого монтегемптскаго джентльмена, когда сошелъ внизъ въ четверть шестого, облеченный въ черный фракъ, тонкіе сапоги, съ изящной золотой цѣпочкой у часовъ, и безукоризненнымъ бѣлымъ... опрятный, тщательно вычесанный... образцовый, провинціальный джентльменъ. Семья его съ почтительнымъ восхищеніемъ любовалась имъ въ этомъ костюмѣ.

— Какъ бы вы были эффектны въ этомъ костюмѣ на каедрѣ, папѣ, сказала Матильда-Дженъ.

М-ръ Бэнъ улыбнулся, поправляя галстухъ у зеркала надъ каминомъ въ столовой, между тѣмъ какъ его восхищенная семья пила чай вокругъ стола.

«Еще эффектнѣе былъ бы я въ палатѣ общины», сказалъ онъ самому себѣ, любуясь своимъ изображеніемъ въ зеркалѣ: —

«и кто знаетъ, что можетъ еще случиться, если я не выпущу изъ своихъ рукъ Перріамскаго помѣстья».

— Ты поздно вернешься, Шадракъ? спросила миссисъ Бэнь кротко.

Въ домѣ м-ра Бэна не существовало двойныхъ ключей. Глава семейства отличался трезвостью и безукоризненными нравами. Но онъ былъ неограниченный господинъ своихъ поступковъ, и если желалъ по какому-нибудь важному дѣлу поздно вернуться домой, то никто не оспаривалъ его права.

— Нѣтъ, душа моя; сэръ Обри не имѣетъ привычки, какъ тебѣ извѣстно, поздно засиживаться.

— Я полагала, что у него званый вечеръ.

— Вечеръ? вскричалъ м-ръ Бэнь, какъ-будто сэръ Обри приглашаетъ меня на свои вечера, или какъ-будто бы онъ ихъ даетъ. Что это тебѣ взбрело на умъ Лоузія?

— Не знаю, отвѣчала миссисъ Бэнь. Ты одѣлся наряднѣе обыкновеннаго. Вѣдь это кажется тотъ новый фракъ, который Фрезеръ прислалъ тебѣ? Ты говорилъ, что не располагаешь скоро обновить его.

— Старый сталъ ужасно неудобенъ. Къ тому же, какой толкъ хранить хорошія вещи въ шкафахъ? Прощай, Лоузія, прощайте дѣти.

ГЛАВА XXVIII.

Жребій брошенъ.

Обѣды въ Перріамъ-Плэсъ не были ни пышны, ни шумны; м-ръ Керью и его дочь не нашли въ салонѣ ни души, когда вошли въ него за нѣсколько минутъ до семи часовъ. Этотъ обширный покой, съ его массивной, но рѣдкой мебелью, имѣлъ печальный видъ при вечернемъ освѣщеніи. Размѣры и высота его невольно наводили на мысль, что хорошо было бы, еслибы въ немъ толпился народъ. М-ръ Керью, который, подобно всѣмъ себялюбивымъ людямъ, легко поддавался внѣшнимъ впечатлѣніямъ, слегка поёжился, обводя взоромъ обширный, высокій салонъ.

— Красивая комната, проговорилъ онъ, только нѣсколько мрачна на видъ.

Сильвія съ любопытствомъ оглядѣлась. Она была рада случаю разглядѣть всѣ эти великолѣпія. Въ ея прошлый визитъ было сначала темно, затѣмъ салонъ скудно освѣтили нѣ-

сколькими лампами и свѣчами, и оба джентльмена были на лицо, поэтому нельзя было осмотрѣть покоя. Сегодня же она могла свободно оглядѣть его, и сегодня она созерцала комнату съ новымъ чувствомъ. Черезъ мѣсяць эта комната станетъ ея собственною. Она медленно прохаживалась взадъ и впередъ по великолѣпной комнатѣ, оглядывая высокія китайскія вазы, шкафы съ книгами, массивные диваны и ничѣмъ непокрытые столы.

— Какія курьезныя занавѣсы, вскричала она, разсматривая восточный узоръ. Но онѣ очень полиняли. Я думаю, что уговорю сэра Обри замѣнить ихъ новыми... желтый атласъ всего лучше пойдетъ къ этой комнатѣ.

— Надѣюсь, что сэръ Обри станетъ снисходительно исполнять твои желанія, отвѣчалъ отецъ, припоминая о вчерашнемъ свиданіи, во время котораго баронетъ отнюдь не показался ему снисходительнымъ.

— О, я не сомнѣваюсь въ этомъ, возразила Сильвія, улыбаясь своему изображенію въ узкомъ зеркалѣ, расположенномъ между окнами. И когда я сдѣлаюсь лэди Перриамъ—она никогда не говорила «когда я выйду замужъ», но всегда—«когда я сдѣлаюсь лэди Перриамъ»—я буду давать вечера, и эта комната получитъ тотъ видъ, какой слѣдуетъ. Это великолѣпная комната для вечеровъ, не правда ли, папѣ?

— Нѣтъ сомнѣнія. Но я не думаю, чтобы сэръ Обри былъ охотникъ до вечеровъ. Про него всегда говорили, что онъ сидитъ весь вѣкъ взаперти и никого почти не видитъ.

— Какой вы безтолковый, папѣ! Разумѣется, будучи холостякомъ сэръ Обри не заботился о гостяхъ. Но все это переменится, когда онъ будетъ женатъ. Неужели вы думаете, что я намѣрена заживо похоронить себя, сдѣлавшись лэди Перриамъ. Еслибы такъ, то мнѣ лучше было бы выйти замужъ за Эдмонда.

— Разумѣется, нѣтъ, душа моя, возразилъ отецъ поспѣшно. Пожалуйста, не говори о молодомъ Стенденѣ. Вспоминать о его ничтожномъ существованіи, значитъ быть невѣрной относительно сэра Обри.

Сильвія вздохнула. Простое упоминаніе имени ея перваго жениха привело за собой рой печальныхъ воспоминаній... воспоминаній, которыя были такъ же сладки, какъ и печальны. Она вспомнила о лѣтнихъ вечерахъ, которые они проводили вмѣстѣ еще такъ недавно. Недавно! Теперь ей казалось, что ее отдѣляло цѣлыхъ полвѣка отъ этого недавняго прошлаго.

«Я чувствую себя на десять лѣтъ старше съ тѣхъ поръ,

какъ приняла предложеніе сэра Обри», подумала она съ новымъ вздохомъ.

Осмотръ салона пересталъ занимать ее. Она бросилась на кресло у открытаго окна и сидѣла тамъ молчаливая и унылая. Отецъ поглядѣлъ на нее съ тревогой, но не ея чувства тревожили его, а боязнь лишиться общанныхъ ему ста фунтовъ.

— Если ты намѣрена сентиментальничать по поводу Эдмонда Стендена, то чѣмъ скорѣе сообщишь сэру Обри, въ какомъ положеніи находятся дѣла и откажешься отъ мысли сдѣлаться леди Перриамъ, тѣмъ лучше, сказалъ школьный учитель сурово.

Онъ чувствовалъ, что теперь не время деликатничать.

Прежде чѣмъ Сильвія успѣла отвѣтить ему, дверь отворилась, и вошелъ сэръ Обри въ сопровожденіи своего управляющаго.

Баронетъ перешелъ черезъ всю комнату на встрѣчу своей невѣстѣ. М-ръ Бэнъ направился къ камину, у котораго сидѣлъ м-ръ Керью.

— Милая Сильвія, тысячу разъ прошу прощенія, проговорилъ баронетъ, сжавъ маленькую ручку, которую ему подали нѣсколько холодно:—меня задержалъ дѣловой разговоръ съ Бэнномъ, моимъ страпчимъ.

— Вамъ нечего извиняться, сэръ Обри, отвѣчала Сильвія, и затѣмъ, понизивъ голосъ, прибавила:—я должна поблагодарить васъ за доброту, съ какою вы дали папѣ денегъ на мое приданое. Я знаю, что это не въ обычаѣ... но мы такъ бѣдны... что я не могу отказаться отъ вашего подарка.

Слезы, слезы оскорбленной гордости навернулись ей на глаза. Она столько слыхала о разныхъ приданыхъ отъ Мэри Питеръ и знала, что всегда отецъ невѣсты дѣлаетъ приданое. Она же получала свое точно милостыню.

— Радость моя, не стоить и говорить о такой бездѣлицѣ. Я надѣюсь, что вы пріятно прокатились сюда.

— Очень. Какъ вы добры, что прислали экипажъ.

— Онъ скоро станетъ вашимъ и будетъ возить васъ, куда вы прикажете.

Эта мысль была утѣшительна и осушила гордые слезы.

Пріятно будетъ также истратить сто фунтовъ, подаренныхъ сэромъ Обри, хотя принимать ихъ было нѣсколько унижительно.

Сильвія намѣревалась посвятить слѣдующій день на покупки. Какое наслажденіе отправиться къ Генцлейну съ сознаниемъ, что можешь купить все, что угодно: ей и въ голову не приходило, чтобы ста фунтовъ могло не хватить на ея прихоти.

— Кстати, сказалъ сэръ Обри, когда они поговорили не-

много о погодѣ и о Перриамѣ, похвалы которому баронетъ любилъ выслушивать, я долженъ представить вамъ моего агента, м-ра Бена, весьма полезнаго и почтеннаго человѣка. Онъ управляетъ моимъ помѣстьемъ, снимаетъ съ меня всѣ хлопоты, такъ что мнѣ остается только получать доходы. Подойдите, Бэнъ, я желаю представить васъ миссъ Керью.

М-ръ Бэнъ повиновался. Онъ уже разглядѣлъ издали стройную фигуру въ бѣломъ платьѣ, и его острые глаза успѣли замѣтить всю грацію ея движеній. Но лицо Сильвіи было повернуто въ другую сторону, и онъ впервые увидѣлъ его теперь, оваренное мягкимъ лѣтнимъ вечернимъ освѣщеніемъ. Онъ поклонился, пробормоталъ что-то неразборчивое о чести, которую ему доставляло это знакомство, и затѣмъ остановился молча, ожидая, чтобы его патронъ заговорилъ. Онъ глядѣлъ на Сильвію, но его твердый, прямой взглядъ не выдавалъ того, что онъ думалъ.

Онъ думалъ, что эта дѣвушка настолько хороша, что могла бы очаровать и болѣе разумнаго человѣка, чѣмъ сэръ Обри Перриамъ; думалъ даже, что онъ, Шадракъ Бэнъ, никогда до сегодняшняго вечера не видывалъ настоящей красавицы, что всѣ хорошенькія женщины, которыхъ онъ когда-либо видалъ въ жизни, были восковыми куклами въ сравненіи съ ея чистой и изящной красотой. Такой нѣжной, изящной красоты ему еще не случалось встрѣчать. Эти глубокіе, блестящіе, каріе глаза были для него такими же диковинными, какъ флора какого-нибудь вновь открытаго острова на обширномъ Тихомъ океанѣ для ботаника.

Но Шадракъ Бэнъ былъ не такой человѣкъ, чтобы его могла глубоко затронуть красота, какъ бы она ни была необыкновенна. Онъ дивился и любовался, но мужественное сердце его ни единымъ біеніемъ не отозвалось на прелесть Сильвіи. Будь она его родная дочь, онъ не могъ бы спокойнѣе и болѣе критически разсматривать ее.

Онъ былъ однако прежде всего практическимъ человѣкомъ—человѣкомъ, смотрѣвшимъ на людей исключительно съ одной точки зрѣнія. И эта точка зрѣнія была его личный интересъ. Во время своихъ долгихъ размысленій онъ рѣшилъ, что Сильвія займетъ мѣсто въ его дальнѣйшихъ планахъ. Она могла быть или не быть годной къ тому, чтобы занять тотъ квадратъ въ геометрическомъ планѣ его дальнѣйшей участи, который онъ ей предназначалъ, но если она не была годной, то ее надлежало обработать. На этотъ счетъ м-ръ Бэнъ не колебался.

Въ настоящую минуту м-ръ Перриамъ ввалился въ комнату

въ своемъ старомодномъ скюртукѣ, короткихъ черныхъ штанахъ стараго фасона, бѣлыхъ чулкахъ, допотопныхъ башмакахъ, съ перевязанными ленточками, смахивая на старѣйшее изданіе своего брата, небрежно выполненное. Любопытнымъ подтвержденіемъ нездоровости сидячей и замкнутой жизни служило то, что Мордредъ казался десятью годами старше своего старшаго и болѣе дѣятельнаго брата.

Буфетчикъ доложилъ, что обѣдъ поданъ, и они пошли въ столовую, Сильвія подъ-руку съ сэромъ Обри, Мордредъ и м-ръ Керью рядомъ, разговаривая о книгахъ..... или, лучше сказать, Мордредъ говорилъ, а школьный учитель дѣлалъ видъ, что съ интересомъ его слушаетъ. Шадракъ Бэнъ слѣдовалъ за ними одинокій и молчаливый. Буфетчикъ рассадилъ ихъ за длиннымъ столомъ, далеко другъ отъ друга, точно молодые деревья въ новой усадьбѣ, — такъ далеко, что разговоръ казался принужденнымъ: казалось, точно будто разговариваешь съ кѣмъ-нибудь черезъ всю улицу. Сильвія сидѣла возлѣ сэра Обри, и во время обѣда онъ придвинулъ свой стулъ немного ближе, такъ что они могли разговаривать, не будучи услышаны остальными. М-ръ Бэнъ кушалъ свой обѣдъ въ ненарушимомъ почти молчаніи. Какъ гость за королевскимъ столомъ, онъ ожидалъ, чтобы съ нимъ заговорили, и такъ какъ никто съ нимъ не разговаривалъ, то онъ скромно молчалъ. Мордредъ безъ умолку повѣствовалъ м-ру Керью про свои книжныя сдѣлки антикварскимъ путемъ. Сэръ Обри исключительно занимался своею невѣстой. М-ръ же Бэнъ кушалъ свой обѣдъ и развлекался собственными мыслями, и казался весьма довольнымъ. Время отъ времени онъ бросалъ взглядъ исподтишка на Сильвію: разъ или два онъ улыбнулся самъ про себя.... тихой, задумчивой улыбкой... но вотъ и все.

Обѣдъ самъ по себѣ былъ хорошъ и обиленъ, но крайне простъ.... обѣдъ на старинный ладъ, далеко не такой торжественный, какъ обѣды, даваемые миссисъ Тойнби, описаніе которыхъ Сильвія слыхала отъ Мэри Питеръ, деревенской кумушки, обѣды, которые заготавливались задолго до назначеннаго дня и на которыхъ присутствовали Монегемптонскіе офиціанты.

Сильвія любовалась прекраснымъ, стариннымъ китайскимъ фарфоромъ съ его темно-красными и темно-пурпуровыми цвѣтами и богатымъ узоромъ, массивнымъ, старомоднымъ серебромъ, нѣсколько быть можетъ тяжелымъ, но говорившемъ о древности, богатствѣ и знатности рода. Сумракъ, въ которомъ они обѣдали, былъ не веселъ, но самый мракъ сообщалъ всей обстановкѣ величественный видъ: драпировки изъ темно-малиноваго бархата,

падавшія широкими складками, были какъ разъ подъ стать дубовымъ панелямъ; обширный каминъ изъ темно-зеленаго мрамора поддерживался колоннами изъ бѣлаго камня съ основаніями и капителями изъ краснаго порфира. Этотъ каминъ — самая красивая вещь въ комнатѣ — оживляла темныя тѣни стѣнъ и мебели.

Джентльмены, по приглашенію сэра Обри, вернулись въ салонъ вмѣстѣ съ Сильвіей, и затѣмъ наступилъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, которые непочтительными людьми величаются «томительными». Сэръ Обри естественно занимался исключительно своей невѣстой. Онъ показывалъ ей различныя, хотя и не многочисленныя, любопытныя предметы въ салонѣ, и рассказывалъ ей исторію каждаго. Какъ эти вазы присланы были изъ Индіи нѣкимъ генераломъ Перриамомъ, его двоюроднымъ дѣдомъ; какъ эти занавѣсы были сработаны индусами, которые просиживали цѣлыя дни на корточкахъ на полу корридора, окружавшаго покои его бабушки въ Калькуттѣ, и которымъ платили столько-то въ день за ихъ работу. Онъ повелъ Сильвію въ библіотеку и показалъ ей въ этомъ покоѣ сокровище учености, которое не было, однако, облечено въ привлекательную форму. Здѣсь въ самомъ дѣлѣ строгія музы какъ-будто косились сердито на всякаго, явившагося изучать ихъ. Самымъ легкимъ произведеніемъ на массивныхъ дубовыхъ рѣзныхъ полкахъ была «Царица Фей» Спенсера, да и это литературное произведеніе получало отталкивающій видъ, благодаря своему грязному переплету.

Сэръ Обри показалъ Сильвіи столъ, на которомъ онъ привыкъ писать письма и заниматься дѣлами съ м-ромъ Бэнномъ... то была старинная конторка, обитая потасканной кожей.

— Библіотека не такъ красива, какъ салонъ, сказала Сильвія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ баронетъ, библіотека предназначена для пользы. Никто не ожидаетъ красоты отъ библіотеки.

— А книги интересны? спросила Сильвія застѣнчиво.

Было слишкомъ темно, чтобы разобрать заглавія, но она подумала, что содержаніе этихъ грязныхъ томовъ, можетъ быть, привлекательнѣе ихъ внѣшняго вида.

— Ну, я не знаю хорошенько, какія книги интересны по мнѣнію молодой леди. Вамъ нравится Вертеръ, пустой и сентиментальный вздоръ, говоря мимоходомъ, который съ ума сводилъ людей во времена моего отца. Здѣсь, конечно, ничего не найдется въ родѣ Вертера... Здѣсь нѣтъ вымышленныхъ твореній. Вотъ здѣсь прекрасное изданіе Голиншеда, «Хроника» Фруассара, «Смерть Артура», проповѣди, начиная отъ Латимера до Соута и Барроу;

прозаическія сочиненія Мильтона; Ролленъ, Юмъ и всѣ лучшіе историки.

— Маколей и Карлейль? спросила Сильвія, думая, что охотно прочтетъ ихъ. Она любила исторію, пересказываемую этими блестящими, но различными перьями.

— Нѣтъ, сюда ничего не прибавляли въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Мой дѣдушка окончательно пополнилъ библіотеку.

«Точно библіотека можетъ быть когда-либо окончательно пополнена», подумала Сильвія.

Пріятно было думать о перемѣнахъ, которыя она внесетъ въ этотъ мрачный храмъ отжившей учености. Новая драпировка яркаго, веселаго цвѣта, вмѣсто этихъ темно-зеленыхъ бархатныхъ, которыя отъ времени и пыли получили цвѣтъ стволовъ поросшихъ мохомъ деревьевъ; новый коверъ, чтобы замѣнить поношенный и полинялый турецкій, на которомъ всѣ тѣни слились въ одинъ неопредѣленный цвѣтъ; новые столы; мольберты для гравюръ; новыя кресла, широкія, роскошныя, обитыя краснымъ сафьяномъ съ золотыми кистями. Она видала роскошныя вещи, но лишь въ окнахъ монкемптонскаго обойщика.

Они вернулись назадъ въ гостиную, обойдя рядъ комнатъ, концертную залу, давно не употреблявшуюся, просторную, пустую комнату, съ отличнымъ резонансомъ, диванную, будуаръ покойной лэди Перриамъ.

— Я покажу вамъ комнаты моего брата въ другой разъ, сказалъ сэръ Обри. Онѣ расположены въ верхнемъ этажѣ. Въ нихъ нечѣмъ любоваться, кромѣ массы книгъ.

Въ гостиной они нашли м-ра Керью, зѣвавшего надъ пустой чашкой чая, Мордреда украдкой пожиравшаго каталогъ предстоявшей аукціонной продажи въ послѣднемъ № «Атенея»; м-ра Бэна въ раздумьи... все общество въ молчаливомъ настроеніи духа.

— Вы какъ-будто скучаете, сказалъ баронетъ; вѣсти, мнѣ нужно достать фортепіано. Какъ жаль, что его здѣсь нѣтъ, миссъ Керью поиграла бы намъ.

Миссъ Керью оглядѣлась вокругъ и подумала, какъ много вещей необходимо для этой комнаты, кромѣ фортепіано, чтобы сдѣлать ее вполне пріятной. Это старомодное убранство было очень хорошо въ своемъ родѣ, но Сильвія желала современной роскоши равно, какъ и античнаго величія. Пріятно было смотрѣть на покой, который напоминалъ «*Spectator*» и Белинду Попе; но нельзя же было вполне презирать усовершенствованія новѣйшаго комфорта.

Вечеръ тянулся долго. Какъ ни былъ очарованъ сэръ Обри своей невѣстой, но ему не о чемъ было распространяться съ ней. Глаза, восхищавшіе его, не дѣлали его краснорѣчивымъ. Онъ рассказывалъ ей главнымъ образомъ о себѣ. Изъ книгъ ему знакомы были весьма немногія, за исключеніемъ сочиненій Аддисона, Попе, Свифта, Вольтера и немногихъ другихъ той же эпохи. О людяхъ онъ зналъ еще меньше. И вотъ онъ передавалъ Сильвіи невинные, маленькіе анекдоты о своей безупречной юности, о своей уважаемой матери, отличномъ отцѣ, и время отъ времени раздражался какой-нибудь безцвѣтной шуткой, одной изъ тѣхъ, которыя передаются отъ отца къ сыну, подобно графскому достоинству.

Сильвія слушала, улыбалась даже невиннымъ шуткамъ, но думала не безъ горькаго сожалѣнія о веселой, интересной бесѣдѣ Эдмонда... быть можетъ и ему случалось говорить пустяки, но то были такіе краснорѣчивые пустяки... Въ той бесѣдѣ толковалось о поэтахъ, артистахъ, романистахъ, та бесѣда зачастую сверкала блестящими идеями, не всегда заимствованными, та бесѣда, оживлялась силою и страстью молодости.

«Я никогда больше не услышу его. Никогда больше не буду гулять съ нимъ по милымъ, старымъ тропинкамъ во время солнечнаго заката», говорила она самой себѣ, «но за то я буду лэди Перриамъ. Я буду хозяйкой этого великолѣпнаго стараго дома».

Но какъ ни былъ великолѣпенъ Перриамъ-Плэсъ, его будущая хозяйка рада была сегодня уѣхать изъ него. Она вздохнула съ облегченіемъ, когда дверца кареты захлопнулась, и старыя, сильныя лошади побѣжали крупной рысью.

— Сэръ Обри очень добръ, папа, сказала она, какъ-бы извиняясь за свой вздохъ, но нѣсколько скученъ. По крайней мѣрѣ онъ былъ скученъ сегодня вечеромъ.

— Далеко не такъ скученъ, какъ его братъ. Онъ меня до смерти замучилъ своими скучными исторіями объ антикварскихъ книгахъ. Мнѣ казалось, что тебѣ весело съ сэромъ Обри. Я нѣсколько разъ слышала, какъ ты смѣялась.

— Иногда приходится поневолѣ смѣяться, когда слушаешь анекдоты. Но этотъ смѣхъ очень утомителенъ. Я такъ устала, точно цѣлый день учила въ воскресной школѣ. Желала бы я знать, неужели хорошее общество всегда бываетъ такимъ утомительнымъ.

М-ръ Керью не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Онъ помнилъ о такомъ обществѣ, которое никогда не знавало скуки. Онъ пом-

нилъ о пріятныхъ небольшихъ обѣдахъ въ Кильбернской виллѣ... о веселыхъ вечерахъ въ фруктовомъ садикѣ, гдѣ онъ и его гости пили кофе возлѣ веранды, увитой жасминомъ, при свѣтѣ лѣтнихъ звѣздъ; о неистощимыхъ толкахъ о людяхъ и лошадяхъ, объ искусствѣ и музыкѣ, и центромъ всего этого служило прекрасное личико его хорошенькой жены, притягивавшей, какъ магнитъ, всѣ взоры, если и не служившей для него путеводной звѣздой. Это общество, которому Джемсъ Керью принесъ въ жертву честь и честность, если и не было «хорошимъ», зато никогда не бывало скучнымъ.

Сильвія забилась въ мягкій уголокъ поковойной, старой кареты и думала о томъ, какъ она завтра будетъ бѣгать по магазинамъ въ Монкгемптонѣ. Она отобрала у отца банковые билеты и неохотно пожертвовала десять фунтовъ родителю, когда тотъ сталъ жаловаться на свою бѣдность и затруднительныя обстоятельства.

— Сто фунтовъ вовсе не такъ много для такого приданого, какое я должна себѣ сдѣлать, папа, говорила она жалобно. Очень право тяжело, что вы хотите удержать изъ нихъ часть.

— Очень право тяжело, что тебѣ жаль пожертвовать своему отцу такую бездѣлицу, когда тебѣ свалилось такое счастье, отвѣчалъ школьный учитель горько. Къ чему тебѣ кучу нарядныхъ платьевъ? Сэръ Обри дастъ тебѣ все, что ты у него ни попросишь, когда будешь его женой.

Была еще одна особа, нуждавшаяся въ ея помощи, несчастная женщина въ Бель-Алле, Феттеръ-Лэнъ. Сильвія не забыла про ея права на дочернюю благотворительность.

«Я пошлю ей пять фунтовъ изъ Монкгемптона завтра», сказала она самой себѣ: «когда я буду лэди Перриамъ, мнѣ можно будетъ часто посылать ей деньги».

Отправляясь въ Монкгемптонъ, Сильвія взяла съ собой Мэри Питеръ, портниху, которая до нѣкоторой степени была посвящена въ тайну. Она сообщила этой полезной для нея пріятельницѣ о своемъ скоромъ замужствѣ, но такъ какъ она не упомянула о женихѣ, то миссъ Питеръ естественно заключила, что Эдмондъ Стенденъ былъ этимъ счастливецомъ. Сильвіи нужна была помощь портнихи въ выборѣ матерій, количества аршинъ, и ей пріятно было ѣхать въ кабриолетѣ въ Монкгемптонъ въ сопровожденіи Мэри Питеръ. Прогулка по магазинамъ была похожа на триумъ

фальное шествіе, и новымъ счастіемъ была возможность выбирать самыя хорошенькія вещи... тѣ прекрасныя ботинки, на которыя Сильвія съ завистью поглядывала въ красиво-убранномъ окнѣ баппаччиниа... блестящіе шелки, нѣжныя кружева, изящныя вышивки. Сильвія изумилась, какъ быстро таяли ея банковые билеты по мѣрѣ того, какъ она выбирала лучшій и отборнѣйшій товаръ изъ склада м-ра Генцлейна. Мэри Питеръ шептала ей, что нужно двадцать ярдовъ этого, семнадцать того и десять ярдовъ широкаго брюссельскаго кружева на отдѣлку, и три или четыре куска прошивовъ для нижняго бѣлья, которое должна была носить для нее миссъ Питеръ. Она нашла, что семьдесятъ фунтовъ ничтожная сумма въ магазинѣ м-ра Генцлейна и что ей придется ограничиться тремя или четырьмя платьями.

Мэри сказала ей, что тяжелая шелковая бѣлая матерія, избранная ею послѣ тщательнаго обсужденія для подвѣчнаго платья, будетъ годиться для парадныхъ обѣдовъ, а съ теченіемъ времени пойдетъ въ краску.

— Въ краску! вскричала Сильвія, выходя изъ своей сдержанности, неужели вы воображаете, что я стану носить крашенныя платья?

— Почему бы тебѣ не носить ихъ, Сильвія. Богатые люди носятъ ихъ. Я шила прошлою весною крашеное платье муаръ-антигъ для миссъ Тойнби, и оно казалось очень богатымъ, только отдавало полосами при дневномъ свѣтѣ. Ты могла бы выкрасить свое подвѣчное платье въ прекрасный голубой цвѣтъ на будущій годъ.

Сильвія выбрала еще шелковое платье двуличневаго цвѣта и изящное сѣрое. Она помнила выходку сэра Обри насчетъ простоты и воображала, что эти блѣдныя цвѣта навѣрное ему понравятся. Она купила довольно много кружевъ, нѣсколько бѣлья, достаточно тонкаго для принцессы врови, одинъ или два утреннихъ капота изъ простаго бѣлаго батиста, черную шелковую накидку и теплую шаль для дороги, и нашла, что всѣ эти покуunki поглотили около шестидесяти фунтовъ. Десять другихъ истрачены были въ модной баппаччиниа лавкѣ, о которой упоминалось выше. Еще десять у моднаго парфюмера и парикмахера, гдѣ Сильвія закупила гребни и щетки, достойныя будущей лэди Перриамъ.

— У меня не хватитъ даже денегъ на дорожный несессеръ, жаловалась Сильвія, заглянувъ въ пустой почти кошелекъ, который казался неистощимымъ нѣсколько времени тому назадъ.

— Я увѣрена, что м-ръ Стенденъ подарить тебѣ несессеръ, отвѣчала миссъ Питеръ, — они всегда такъ дѣлаютъ.

Они обозначало жениховъ вообще.

Сильвія слегка вздрогнула при звукѣ этого слишкомъ знакомаго имени. Мысль объ Эдмондѣ время отъ времени подавляла въ ней чувство торжества и все отравляла.

Несмотря на это объ молодыя женщины довольно весело вернулись домой. Онѣ толковали о фасонахъ платьевъ, и Сильвія отдавала приказанія съ видомъ императрицы. Она требовала, чтобы Мэри обратила особенное вниманіе на чистоту работы и чтобы отдѣлка была проста, хотя и изящна. Не надо было никакихъ оборочекъ, бантиковъ, бахромочекъ, нашивокъ и отворотовъ, къ которымъ питали такую слабость объ миссъ Тойнби.

— Я могу обойтись безъ отдѣлокъ, замѣтила Сильвія величественно.

— Ты, конечно, отложишь въ сторону всѣ другія работы, сказала она своей спутницѣ при разставаньи; но помни, что ты никому не должна говорить, кому ты шьешь приданое. Я не желаю, чтобы кто-нибудь зналъ, что я выхожу замужъ, пока не обвиняюсь!

— Я полагаю, что ты обвиняешься тотчасъ же, какъ онъ вернется изъ Демерары? гадала Мэри.

— Это не твое дѣло. Помни только, что мнѣ нужно, чтобы платья мои были готовы черезъ три недѣли.

— Я полагаю, что это нравственная *невозможность*, отвѣчала Мэри, которая имѣла весьма смутныя представленія о нѣкоторыхъ существительныхъ и говорила *невозможность*, вмѣсто невозможность. — Но если въ человѣческихъ силахъ передѣлать столько работы въ такой короткій срокъ, я это сдѣлаю.

Сильвія подумала о счетѣ портнихи. У ней оставалось всего десять фунтовъ, и изъ нихъ пять она собиралась послать матери: но теперь она рѣшилась приберечь эти деньги для Мэри Питеръ. Ей вовсе не желательно было начинать новую жизнь долгомъ деревенской портнихѣ. Она пошлетъ денегъ миссисъ Карффордъ послѣ свадьбы.

Такимъ образомъ случилось, что жилищѣ Бель-Алѣ не пришлось вовсе попользоваться изъ ста фунтовъ сэра Обри.

До наступленія ночи множество людей въ Монкгеймptonѣ слышало о закупкахъ, сдѣланныхъ миссъ Керью у Генцлейна. Дочь школьнаго учителя была хорошо извѣстна въ лавкѣ, хотя ея покупки до сихъ поръ бывали весьма ничтожны — одинъ ярдъ.

или два лентъ, дешевое кисейное платье, пара перчатокъ и т. д. Счетъ въ семьдесятъ фунтовъ заставилъ самого солиднаго Генцлейна широко раскрыть глаза въ то время, какъ онъ стоялъ за своей конторкой въ темномъ углу магазина, считая деньги миссъ Керью. Онъ сообщилъ объ этомъ обстоятельстве за обѣдомъ, въ кругу своего семейства, высказывая предположеніе о томъ, что она скоро выйдетъ замужъ за Эдмонда Стендена; и миссисъ, и обѣ миссъ Генцлейнъ много распространялись о безумномъ увлеченіи м-ра Стендена.

— Должно быть, молодой Стенденъ далъ ей тѣ деньги, которыя она сегодня истратила, замѣтилъ торговецъ. — Она врядъ ли получила ихъ отъ отца.

— Эта дѣвчонка всѣмъ головы вскружила, отвѣтила миссисъ Генцлейнъ. Мнѣ говорили еще вчера, что сэръ Обри обратилъ вниманіе на нее и ея отца, и пригласилъ ихъ въ Перріамъ-Плэсъ.

А. Э.

ПИСЬМО

О ВЪ

„УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ПИСЬМАХЪ“.

Статья г. Н. Любимова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

Aber wie sollte die Welt sich verbessern? Es lässt sich ein jeder
Alles zu und will mit Gewalt die andern bezwingen.
Und so sinnen wir immer tiefer und tiefer ins Arge.
Falsche Propheten und Heuchler betrogen schändlich die Menschen.

Гёте - „Рейнеке-Фукс“.

Университетскій уставъ продолжаетъ тревожить сонъ редакторовъ „Московскихъ Вѣдомостей“, и изъ желтаго терема на Страстномъ бульварѣ снова выѣхалъ витязь, чтобы сразить чудовище, называемое „выборнымъ началомъ“. Витязь этотъ искусенъ сражаться разнымъ оружіемъ и искать побѣды, не пренебрегая средствами. Онъ готовился къ ратному дѣлу не по Иліадѣ и не по рыцарскимъ эпopeямъ,—но зато онъ хорошо усвоилъ маленькую книжку о „Рейнеке-Фуксѣ“, котораго признаетъ своимъ неподражаемымъ учителемъ и недостижимымъ идеаломъ. Рейнеке-Фуксъ былъ мастеромъ своего дѣла, и самыя затруднительныя обстоятельства только изощряли его находчивость. Онъ выигрывалъ свои процессы то беззащитной самоувѣренностью, то ловкими софизмами, то засыпалъ противникамъ глаза пескомъ, то прикидывался латинствующимъ ханжеемъ, надѣвалъ очки, изрекалъ латинскія молитвы и собирался на поклоненіе къ папѣ. Подобно тому и г. Любимовъ подрывается подъ университетскій уставъ различными средствами. Въ прошломъ году онъ думалъ

взять храбростью и презрительно глумился надъ университетскимъ самоуправленіемъ, обличалъ канцелярскій либерализмъ, заговаривалъ о ливреяхъ разной окраски и мимоходомъ подавалъ свои совѣты. Нынѣ онъ думаетъ взять ученостью. Онъ совершилъ экспедицію въ университетскую бібліотеку и въ книжный магазинъ, принялъ видъ, что досконально изучилъ исторію нѣмецкихъ университетовъ, ясно понимаетъ причину ихъ успѣховъ и на основаніи пріобрѣтеннаго опыта готовъ прописать нѣсколько рецептовъ хлѣвющимъ русскимъ университетамъ. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на читателя, не смѣающаго въ чемъ дѣло, г. Любимовъ прячется подъ маску наивнаго нѣмца и приводитъ изъ своихъ нѣмецкихъ источниковъ много цитатъ и за, и противъ себя, съ завидною невозмутимостью.

Г. Любимовъ, впрочемъ, не совсѣмъ еще твердъ въ этихъ новыхъ, ученыхъ приемахъ и иногда сбивается на свою рѣгма тапіега, которая заключалась въ храбромъ глумленіи и хвастовствѣ. Прошлогодня уловка заключалась въ томъ, чтобы убѣдить читателей, будто бы мнѣнія, высказанныя совѣтами университетовъ по поводу пересмотра университетскаго устава, не заслуживаютъ вниманія, такъ какъ порождены болѣе или менѣе случайными отношеніями мысли къ предмету. Теперь онъ облекъ свое разсужденіе въ ученые формы съ нѣмецкими цитатами и латинскими выраженіями; но иногда у него спадаетъ маска, и онъ опять начинаетъ бить себя въ грудь, хвастаться и глумиться надъ приверженцами другого мнѣнія, увѣрять, что отпоръ, встрѣченный имъ въ печати, „есть весьма ничтожная и фальшивая сила“,—скрывая отъ читателей, что его мнѣніе было осуждено не отдѣльными лицами, а единогласно отвергнуто совѣтомъ Московскаго университета, и что всѣ русскіе университеты высказались за сохраненіе устава 1863 года.

Но обратимся теперь къ багажу, привезенному г. Любимовымъ изъ его легкой экспедиціи въ исторію нѣмецкихъ университетовъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что весь результатъ этой экспедиціи сводится къ двумъ софизмамъ.

Первый софизмъ заключается въ слѣдующемъ: „Германія,—говоря словами г. Любимова,—опредила насъ на пути просвѣщенія—въ Германіи замѣщеніе профессорскихъ катедръ предоставлено администраціи, которая можетъ, по своему усмотрѣнію, руководствоваться указаніями факультетовъ, но можетъ и вовсе обойтись безъ ихъ содѣйствія—слѣдовательно, нужно и въ Россіи уничтожить выборы факультетовъ и совѣтовъ и предоставить полный просторъ попечителямъ и высшей администраціи“.

Человѣкъ болѣе знакомый съ историческою жизнью цивилизованныхъ народовъ, или болѣе искренній, чѣмъ г. Любимовъ, избѣгулъ бы

софизма и, начавъ съ того же положенія, пришелъ бы къ совершенно иному результату, т.-е.: „Германія опередила насъ на пути просвѣщенія, слѣдовательно, въ ней многое возможно, и многое безвредно, что имѣло бы для Россіи совершенно инныя послѣдствія“.

Г. Любимовъ какъ нарочно позаботился своими цитатами вразумить читателя относительно существеннаго различія между условіями, среди которыхъ находятся нѣмецкіе, а съ другой стороны русскіе университеты. Такъ, напр., онъ рассказываетъ на поученіе русскихъ либераловъ, къ которымъ онъ чувствуетъ антипатію, какъ къ противоположному полюсу, что нѣмецкіе либералы и даже послѣ событій 1848 года, „въ эпоху, богатую увлеченіями всякаго рода“, не убоились предоставить министру право не обращать вниманія на желаніе факультетовъ и сената; и это назидательное поученіе г. Любимовъ, въ своей наивности, думаетъ подтвердить слѣдующей буквальной цитатой: „мнѣніями факультетовъ и сената *отвѣтственный* (предъ кѣмъ—авторъ благоразумно умалчиваетъ) министр не стѣсняется въ своемъ свободномъ выборѣ“.

Въ другомъ мѣстѣ г. Любимовъ приводитъ въ свою пользу мѣсто изъ одной анонимной брошюры, о которой говоритъ, что это сочиненіе не отличается особенными достоинствами. Авторъ брошюры распространяется о неудобствахъ разныхъ способовъ замѣщенія каедръ и приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Въ виду всего этого, сосредоточеніе права избранія въ одномъ мѣстѣ, при министерствѣ, кажется мнѣ, представляетъ наименѣе неудобствъ. *И еслибы удалось подчинить пользованіе этимъ правомъ цѣлесообразному контролю посредствомъ гласности*, то было бы достигнуто самое лучшее, какое только возможно, устройство“. Итакъ, даже въ Германіи, въ странѣ опередившей насъ на пути цивилизаціи, приверженцы министерскихъ назначеній считаютъ необходимымъ обставить эту дѣятельность „цѣлесообразнымъ контролемъ посредствомъ гласности“ и сомнѣваются въ возможности этого контроля. Но что г. Любимову до этого; онъ умѣетъ выбирать изъ нѣмецкой кухни то, что ему по вкусу, а что ему не нравится, то оставляетъ нѣмцамъ. Назначеніе профессоровъ министерствомъ слѣдуетъ заимствовать, чтобы догнать Германію на пути просвѣщенія, а контроль этихъ назначеній посредствомъ гласности—эта хитрая выдумка нѣмцевъ можетъ остаться при нихъ.

Г. Любимовъ, впрочемъ, въ своей полемикѣ напоминаетъ дикарей, которые, похитивъ у европейцевъ пушку и желая изъ нея выстрѣлить, ставятъ ее жерломъ противъ себя. Для подтвержденія своего мнѣнія, что назначеніе профессоровъ слѣдуетъ предоставить попечителямъ, онъ выписываетъ цѣлыя страницы изъ добродушнаго Мейн-ерса, жившаго еще въ эпоху романтическаго Вертера. Между этими

выписками особенно характеристичны слѣдующія мѣста: „для попечителей нѣтъ никакого другого (sic), или по крайней мѣрѣ никакого болѣе сильнаго интереса, какъ поддержать и увеличить преуспѣяніе университетовъ, надъ которыми они поставлены... Люди, изъ которыхъ имъ придется выбирать, не свои для нихъ, и часто даже не были прежде извѣстны имъ и по имени (sic)... Если попечитель изберетъ достойнаго, то не только будетъ имѣть неопѣненное удовлетвореніе поступить по совѣсти, но и выборъ послужитъ самому ему въ честь!..“ Г. Любимовъ, какъ профессоръ физики, легко можетъ считать вѣсь такихъ невѣсомыхъ, какъ удовлетвореніе совѣсти, одобреніе общественнаго мнѣнія и т. п.

Дальнѣйшія выписки изъ Мейнерса еще болѣе забавны: „Но бывали же, — возражать мнѣ, — попечители столь же пристрастные, какъ и неспѣдущіе, которые безъ всякаго вниманія ко благу университета и безъ всякой заботы о собственной чести, опредѣляли въ преподаватели людей неспособныхъ или по рекомендаціи ненадежныхъ совѣтниковъ, или потому, что не могли ничѣмъ другимъ вознаградить за услуги, оказанныя имъ самимъ, или близкимъ къ нимъ людямъ“.

Какое же средство предлагаетъ Мейнерсъ, а за нимъ г. Любимовъ противъ такой опасности? Смирномудріе и фатализмъ хивинца: „Если такая казнь стряется надъ университетомъ, то ему нисколько не поможетъ привилегія предлагать или рекомендовать кандидатовъ. Безсовѣстные начальники не уважатъ ссылокъ на привилегіи или сумѣютъ такъ распорядиться, чтобъ имъ предложили тѣхъ кандидатовъ, которымъ они благопріятствуютъ“!

Въ свою же пользу приводитъ г. Любимовъ выписку изъ замѣтки Шлейермахера, гдѣ послѣдній объясняетъ колебаніе университетовъ между періодами процвѣтанія и паденія различіемъ способностей государственныхъ людей, которымъ поручена забота объ университетахъ: „Если такое лицо имѣетъ прямой талантъ и истинное рвеніе, то не преминетъ собрать лучшихъ людей; но слѣдуетъ за нимъ другой неспособный избиратель, и мало-по-малу плохіе выборы замѣщаютъ отличныхъ преподавателей рядомъ ничтожествъ“. Другой софизмъ (мы изъ вѣжливости называемъ это только софизмомъ) состоитъ въ томъ, что г. Любимовъ принимаетъ видъ, какъ будто дѣло идетъ о томъ, чтобы предоставить русскимъ университетамъ право исключительнаго самопополненія, и вотъ тутъ онъ опять является въ своей роли Рейнека-Фукаса:

Und so ging er dahin mit stillen frommen Gebärden
Mit einfältigem Wesen, als wüsst er's eben nicht anders.

„Такимъ образомъ, — говоритъ г. Любимовъ, — странѣ, славя-

щейся процвѣтаніемъ науки, обладающей ученымъ сословіемъ, уважаемымъ во всемъ мірѣ по его первокласснымъ заслугамъ, дорожащій своими университетами, какъ главнымъ сокровищемъ, не считается полезнымъ давать этимъ учрежденіямъ, какъ ни высоко стоятъ они, права *исключительнаго самопополненія*, а...“ а допускается только рекомендація, т.-е. то начало, которое будто бы отстаивалъ въ прошломъ году г. Любимовъ, и за которое онъ подвергся нареканію. Изъ этихъ словъ выходитъ, какъ будто въ печати боролись два принципа — принципъ рекомендаціи, защищаемой съ такимъ самопожертвованіемъ г. Любимовымъ, и принципъ исключительнаго самопополненія, защищаемый всѣми русскими профессорами, за исключеніемъ гг. Любимова и Вальтера. Но всѣмъ извѣстно, что никто и не думалъ настаивать на правѣ исключительнаго самопополненія для русскихъ университетовъ. Отстаивали только теперь дѣйствующій уставъ, который предоставляет факультету представить совѣту одного или нѣсколькихъ кандидатовъ, совѣту предоставляет выбрать одного изъ нихъ посредствомъ баллотировки, а министру отвергнуть или утвердить кандидата, а по истеченіи извѣстнаго срока и праве назначить кого-нибудь на вакантную каѳедру, не говоря уже о такъ-называемыхъ сверхштатныхъ преподавателяхъ, которыхъ министерство можетъ назначить даже вопреки желанію университета. Но Рейнеке-Фуксъ, внутренню ухмыляясь своей хитрости, все ведетъ рѣчь объ *исключительномъ* самопополненіи и противъ него приводитъ мнѣніе нѣмецкихъ ученыхъ. Такимъ образомъ, вся эта наѣздническая экспедиція въ исторію нѣмецкихъ университетовъ есть не что иное, какъ фантазмагорія, не дающая никакого примѣнимаго къ намъ результата.

Образчикомъ того, съ какою научною серьезностію эксплуатируетъ г. Любимовъ приведенныя имъ мнѣнія заграничныхъ авторитетовъ, можетъ служить слѣдующее. Во второмъ изъ такъ-называемыхъ его „университетскихъ писемъ“, онъ обвиняетъ автора „Трилогіи на трилогію“ въ томъ, что онъ „ухитрился принять въ свою компанію“ ученыхъ Роберта фонъ-Моля, Рошера и Вехтера, приславшихъ свои замѣчанія на проектъ устава 1863 года. Г. Любимовъ объявляетъ, „что всѣ трое высказались самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ принципа самопополненія университетовъ“. Затѣмъ онъ приводитъ двѣ выписки изъ Моля и Рошера, въ которыхъ оба говорятъ противъ *односторонняго* рѣшенія университетскаго вопроса въ пользу *безусловнаго* права самопополненія, и продолжаетъ: „объ опасеніяхъ, высказанныхъ и Молемъ и Рошеромъ, чтобы исключеніе не обратилось въ правило, а прямые министерскія назначенія совсѣмъ не упразднили участіе университетовъ въ важномъ дѣлѣ ихъ пополне-

нѣ, о мѣрахъ, предложенныхъ ими къ устраненію возможныхъ злоупотребленій патронажа, буду говорить впоследствии, когда коснусь любопытной исторіи происхожденія § 72 устава 1863 года". Въ V „университетскомъ письмѣ" г. Любимовъ приступаетъ къ исторіи происхожденія § 72 устава 1863 года, которая, впрочемъ, не представляетъ у него ничего любопытнаго, и снова касается мнѣній трехъ заграничныхъ ученыхъ, но объ ихъ опасеніяхъ не говоритъ ни слова. Мнѣнія же названныхъ трехъ лицъ г. Любимовъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: „Общій порядокъ, предлагаемый всѣми тремя учеными, о которыхъ идетъ рѣчь, есть порядокъ рекомендаціи, т.-е. сосредоточеніе рѣшенія въ министерствѣ, но съ правомъ факультетовъ мотивированно предлагать кандидатовъ (не одного непременно, а по возможности нѣсколькихъ)".

Между тѣмъ смыслъ упомянутыхъ мнѣній таковъ, что въ вопросѣ о замѣщеніи каеодръ одинаково слѣдуетъ опасаться крайностей и односторонняго рѣшенія дѣла какъ на основаніи начала исключительнаго самопополненія, такъ и на основаніи излишняго „сосредоточенія рѣшеній въ министерствѣ".

Укажемъ на тѣ опасенія, которыя обѣщаль привести г. Любимовъ, и о которыхъ потомъ благоразумно умолчалъ. Молю говорить: „Итакъ, власть министра должна имѣть свою силу, но ¹⁾, обращая исключеніе въ общее правило, по личнымъ ли интересамъ вмѣшательства и протекціи, или для цѣлей насильственнаго введенія въ науку извѣстныхъ направленій, мы допустили бы много злоупотребленій, которыя не ограничатся только покровительствомъ неспособному лицу, но и поведутъ къ ослабленію всего университетскаго выборнаго начала".

Молю, какъ выше упомянуто, считаетъ необходимымъ сохранить въ силѣ и начало коллегіальное и начало бюрократическое, и потому совѣтуетъ: „предоставить самому университету при всѣхъ обстоятельствахъ дѣлать избраніе, представляя свои рѣшенія на усмотрѣніе министра, который, въ случаѣ своего несогласія, обязывается указать основанія, по которымъ онъ не утверждаетъ сдѣланнаго выбора и, назначая своего кандидата,—объяснить, почему онъ его предпочитаетъ. Къ сожалѣнію, подобныя мотивы не представляютъ безусловныхъ гарантій противъ произвола и покровительства, а главное неосуществимы на дѣлѣ".

Рошеръ, замѣтивши, что факультеты во всякомъ случаѣ ближе другихъ знаютъ дѣло, предлагаетъ слѣдующую мѣру: министерство ни въ какомъ случаѣ не назначаетъ отъ себя профессоровъ, не полу-

¹⁾ Въ русскомъ переводѣ: Nichts destoweniger переведено словомъ *не менее того*, которое мы замѣнили болѣе точнымъ и соответствующимъ *но*.

чивъ предварительнаго представленія отъ факультетовъ; если же представленныя ими кандидаты министерство найдетъ неудовлетворительными, то оно спрашиваетъ у факультетовъ объясненій, почему они представили такихъ кандидатовъ; такой ходъ дѣла не представляетъ никакихъ затрудненій для разумнаго и понимающаго дѣло министерства, которое едва ли когда-нибудь встрѣтитъ серьезное сопротивленіе со стороны факультетовъ въ признаніи избраннаго и назначеннаго имъ профессора. Но во всякомъ случаѣ этимъ предотвращаются всего вѣрнѣе невольные промахи правительства; да и для самого министерства иногда бываетъ весьма выгодно имѣть возможность ссылаться на факультетъ, хотя бы, напр., въ тѣхъ весьма нерѣдкихъ случаяхъ, когда сильное стороннее ходатайство почти вынуждаетъ министерство опредѣлить на университетскія кафедры людей совершенно недостойныхъ“.

Вотъ какъ говорить о положеніи министерства народнаго просвѣщенія всѣми уважаемый ученый въ странѣ, далеко опередившей насъ на пути просвѣщенія и многоаго другого.

Вехтеръ, считая факультеты болѣе компетентными судьями при замѣщеніи кафедръ, чѣмъ совѣтъ, тѣмъ не менѣе совѣтуетъ, чтобы предложенія факультетовъ представлялись совѣту, который по разсмотрѣніи и обсужденіи ихъ представлялъ бы свое заключеніе при мнѣніи факультета на рѣшеніе министерства. „Со стороны же министерства,—прибавляетъ онъ,—весьма желательно было бы, чтобы отъ него назначенія исходили только тогда, когда факультетомъ и совѣтомъ предварительно выраженъ одобрительный отзывъ о предлагаемомъ лицѣ“.

Такимъ образомъ, великіе ученые, привыкшіе къ безпристрастнымъ и исполненнымъ уваженію къ наукѣ и ея представителямъ дѣйствіямъ администраціи, считаютъ необходимымъ думать о гарантіяхъ противъ произвола со стороны администраціи и пренебреженія къ мнѣніямъ ученыхъ корпорацій, г-нъ же Любимовъ только исполненъ тоскливой и безпокойной ненавистью противъ всякихъ выборовъ, видитъ спасеніе только въ приказахъ и назначеніяхъ, и мечтаетъ только о гарантіяхъ противъ мнѣній своихъ товарищей.

Вмѣсто того, чтобы выписывать впопадъ и невпопадъ разныя мѣста изъ нѣмецкихъ брошюръ для доказательства банальной истины, что Германія не Россія, и что нѣмецкіе порядки не тождественны съ русскими порядками, г. Любимову слѣдовало бы показать, почему въ Германіи установился извѣстный порядокъ при замѣщеніи профессорскихъ кафедръ, какія политическія и экономическія условія поддерживаютъ этотъ порядокъ, какъ пользуются нѣмецкія министерства предоставленнымъ имъ широкимъ правомъ, какія гарантіи

имѣть Германія противъ злоупотребленій со стороны администраціи, и чему, наконецъ, были обязаны разные нѣмецкіе университеты своимъ періодическимъ процвѣтаніемъ.

Обратимся теперь къ Германіи, и посмотримъ, насколько ея примѣръ можетъ быть поучителенъ въ вопросѣ о замѣщеніи профессорскихъ кафедръ.

Одно изъ главныхъ условій современнаго прогресса, особенно для государствъ молодыхъ по своей исторической жизни, заключается, конечно, въ томъ, чтобы слѣдить за учрежденіями другихъ странъ, болѣе цивилизованныхъ и заимствовать у нихъ тѣ порядки, которые, повидимому, наиболѣе содѣйствовали у нихъ процвѣтанію извѣстныхъ учреждений. Но такіа заимствованія не могутъ принести ожидаемой пользы и даже способны повлечь за собой совершенно противоположные результаты, если при этомъ не имѣть постоянно въ виду нѣкоторыхъ основныхъ соображеній. Прежде всего при этомъ необходимо избѣгать поспѣшнаго доктринѣрства, т.-е., естественной у cadaго наблюдателя наклонности строить теоріи на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, поразившихъ его вниманіе. Въ жизни cadaго народа постоянно встрѣчаются явленія, порожденныя особенностями его историческаго развитія и мѣстными условіями странъ, въ которыхъ посторонній наблюдатель, если отнесется къ дѣлу поверхностно, увидитъ плодъ разумной дедукціи, общей теоріи, примѣнимой ко всѣмъ аналогическимъ учрежденіямъ. Другая ошибка, въ которую легко можетъ впасть наблюдатель, особенно если имѣетъ дѣло съ сложными соціальными явленіями, это—смѣшеніе причины и слѣдствія, объясненіе извѣстныхъ результатовъ фактами, стоящими въ слабой или ни въ какой связи съ замѣченными результатами.

При пересмотрѣ университетскаго устава вниманіе всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ этимъ дѣломъ, естественно обращается на Германію, классическую страну университетовъ, служившую образцомъ при учрежденіи университетовъ въ Россіи — на Германію, недавно такъ блистательно доказавшую важность высокаго научнаго развитія для внутренняго преуспѣянія и политическаго могущества страны. Цвѣтущее состояніе нѣмецкихъ университетовъ нерѣдко объяснялось въ Россіи сравнительно либеральнымъ устройствомъ ихъ, т.-е. корпоративнымъ началомъ, ограждавшимъ независимость профессоровъ и преподаваніе, автономіей университетовъ по отношенію къ студентамъ и пр. Издали эта свобода университетовъ представлялась еще значительнѣе, и потому въ послѣднее время нерѣдко случалось, что русскіе наблюдатели, ознакомившись ближе съ дѣйствительнымъ состояніемъ университетскаго дѣла въ Германіи, были поражены явле-

ніями противоположнаго свойства ¹⁾ и изъ своихъ наблюденій выносили теоріи, совершенно неприменимыя къ Россіи. На самомъ дѣлѣ оказывалось, что кругъ дѣйствія университетской автономіи очерченъ во многихъ случаяхъ уже, чѣмъ въ новомъ русскомъ университетскомъ уставѣ, что вмѣшательство администраціи происходитъ гораздо чаще, и что одна изъ главнѣйшихъ функцій университетской жизни—пополненіе состава университетскихъ преподавателей, *повидимому*, изъята изъ-подъ вліянія профессоровъ и предоставлена высшей администраціи страны.

Эти факты должны представиться въ совершенно превратномъ видѣ, если ихъ взять отдѣльно, внѣ всякой связи съ историческимъ развитіемъ университетскаго дѣла въ Германіи. Нѣмецкій, какъ и всѣ западные университеты возникли въ до-государственную эпоху, въ то время, когда всѣ проявленія общественной и политической жизни замыкались въ строго корпоративныя формы. Медленно и съ трудомъ слагалось государство въ борьбѣ съ господствовавшими повсюду корпоративными союзами, въ которыхъ выражались мѣстные и сословные интересы — съ штатами, капитулами, коммунами и цехами, къ которымъ принадлежала и *община* ученыхъ—*universitas literarum*. Государство давно восторжествовало въ политической сферѣ надъ этими созданіями средневѣковой жизни, и только въ области духовной сохранились остатки корпоративнаго устройства, которые постепенно подтачиваются всепоглощающимъ бюрократизмомъ. Въ этой борьбѣ бюрократическаго начала съ корпоративнымъ есть много рациональнаго, вызваннаго на Западѣ потребностями времени, но есть также много случайнаго, такъ сказать, механическаго, обусловленнаго общимъ толчкомъ, повлекшимъ всѣ современныя государства по пути централизаціи и чиновничьей опеки. Можно думать, что борьба эта будетъ продолжаться въ области университетской до полнаго уничтоженія отжившихъ средневѣковыхъ формъ, и затѣмъ произойдетъ поворотъ въ связи съ общимъ ходомъ развитія современнаго общества на началахъ самоуправленія.

Борьба правительствъ съ старинными, корпоративными формами, въ которыхъ до сихъ поръ выражалась самостоятельная жизнь нѣмецкихъ университетовъ, поддерживалась и вызывалась, кромѣ того, еще другими посторонними причинами, исключительно обусловленными исторіей Германіи. Важную роль между этими причинами играетъ реакція, послѣдовавшая въ Германіи послѣ вѣнскаго конгресса, преданія которой отзывались въ духѣ и направленіи различ-

¹⁾ Такимъ удивленіемъ, напр., проникнута статья г. Кавелина о нѣмецкихъ университетахъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, за 1865 годъ.

ныхъ нѣмецкихъ правительствъ до послѣдняго времени. Еще бѣльшее вліяніе имѣло въ этомъ отношеніи громадное политическое значеніе, которое получили нѣмецкіе университеты въ XIX вѣкѣ. Хотя національныя стремленія искони существовали въ Германіи, и политическое объединеніе ея готовилось вѣками ея историческаго развитія, но нельзя не согласиться, что ея университеты, сдѣлавшись главными рассадниками національнаго сознанія, могущественнымъ образомъ содѣйствовали неожиданному исходу послѣднихъ политическихъ событій. Это вліяніе университетовъ на пробужденіе національнаго сознанія, конечно, не укрывалось отъ нѣмецкихъ правительствъ, и потому всѣ эти правительства, одни—желая содѣйствовать быстрому развитію національныхъ стремленій, другія, желая задержать его и развить, напротивъ, въ обществѣ привязанность къ партикуляризму,—старались привести университеты въ бѣльшую отъ себя зависимость и захватить въ свои руки назначеніе профессоровъ для того, чтобы сдѣлать изъ университетовъ орудіе для своихъ политическихъ видовъ.

Историческое отношеніе русскихъ университетовъ къ государству совершенно иное, можно сказать даже противоположное, и между ними и администраціей никогда не существовало никакого систематическаго антагонизма. Одно изъ самыхъ крупныхъ отличій русской исторіи отъ исторіи Запада заключается, конечно, въ томъ, что правительству въ Россіи никогда не приходилось бороться ни со штатами, ни съ сословіями, ни съ автономными корпораціями; напротивъ, само правительство, въ своихъ интересахъ или по своимъ соображеніямъ, создавало сословія, корпораціи и цехи, которые продолжали свое безмятежное существованіе, насколько это было угодно правительству. Русская бюрократія имѣла по этому всегда иной характеръ, чѣмъ на Западѣ, особенно въ великія царствованія, и въ то время, когда на Западѣ правительства еще только были заняты борьбою съ средневѣковыми остатками и стремились къ всепоглощающей централизаціи, русское правительство, въ лицѣ великой Екатерины опередившее Европу, посѣяло въ своей странѣ первыя сѣмена самоуправленія на выборномъ началѣ.

Университетская централизація вызывалась въ Германіи, кромѣ историческихъ и политическихъ причинъ, еще и, такъ сказать, экономическими причинами. Извѣстно, что чѣмъ богаче страна, тѣмъ менѣе промышленность и торговля ея нуждаются въ привилегіяхъ, тѣмъ болѣе развитіе ихъ можетъ быть предоставлено вліянію свободной конкуренціи. То же самое можно сказать и о наукѣ. Германія, сравнительно богатая въ области просвѣщенія, давно уже перестала лелѣять свои университеты, какъ нѣжныя цвѣтки, растущіе на

неблагодарной почвѣ. Германія давно ничего не дѣлаетъ, чтобы притягивать умственные силы своихъ сыновъ къ области науки. Въ ней нѣтъ профессорскихъ стипендій, она поддерживаетъ иногда способныхъ доцентовъ по десяти лѣтъ безъ жалованья, не заботясь о томъ, уйдутъ ли они служить въ банкахъ или при желѣзныхъ дорогахъ; назначенныхъ, наконецъ, профессоровъ она вознаграждаетъ большею частью очень скуднымъ жалованьемъ, предоставляя ихъ свободной, но нерѣдко гибельной для индивидуума конкуренціи.

Нѣмецкіе профессора поставлены въ необходимость жить гонораріемъ или платою, получаемою отъ студентовъ, принуждены вслѣдствіе этого умножать число своихъ курсовъ, заходить въ области родственныхъ наукъ и, слѣдовательно, вступать другъ съ другомъ въ соперничество и въ самый худшій родъ соперничества—денежное, изъ-за насущнаго хлѣба. Нерѣдко переходъ замѣчательнаго профессора въ другой университетъ объясняется только необходимостью перенести свою дѣятельность въ мѣсто, обѣщающее болѣе богатый уловъ. Уже одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы оправдать перенесеніе выбора новыхъ членовъ отъ ученой коллегіи къ администраціи, такъ какъ при подобныхъ выборахъ могутъ играть роль соображенія самого грубаго свойства. Но къ этому присоединяются еще другіе поводы: въ нѣмецкихъ университетахъ число экстраординарныхъ и ординарныхъ каедръ не ограничено уставомъ, и точно также и жалованье не опредѣлено никакими штатами. При этихъ обстоятельствахъ самое положеніе дѣла заставляетъ концентрировать вопросъ о назначеніи новыхъ преподавателей въ рукахъ высшей администраціи, такъ какъ невозможно же предоставить профессорамъ обязанности торговаться съ своими новыми товарищами, и только администрація знаетъ, какими денежными средствами можно располагать въ данное время.

Ни одного изъ этихъ условій, вызывающихъ въ Германіи болѣе рѣшительное участіе администраціи въ назначеніи профессоровъ, не существуетъ въ Россіи. Опредѣленность и равенство въ положеніи профессоровъ лишаютъ ихъ всякаго повода вносить въ вопросъ о выборѣ денежный расчетъ, отсутствіе усиленной конкуренціи дѣлаетъ совершенно ненужнымъ постоянное вмѣшательство администраціи. Въ Германіи на каедры большихъ университетовъ обыкновенно приглашаются очень извѣстные ученые, прославившіеся въ какомъ-нибудь изъ маленькихъ университетовъ; эти послѣдніе служатъ такимъ образомъ какъ-бы питомниками для большихъ; приватъ-доценты Берлинскаго или Боннскаго университетовъ не могутъ прямо рассчитывать на мѣсто профессора тамъ, гдѣ они начали свою ученую дѣятельность; имъ приходится сначала скитаться по Росто-

камъ и Марбургамъ, чтобъ заслужить право на болѣе видную дѣятельность. У насъ же болѣею частью число профессоровъ пополняется изъ доцентовъ, изъ людей, начинающихъ работать. Понятно, что вмѣшательство министерства имѣетъ смыслъ тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о выборѣ между 2 или 3 извѣстными въ странѣ учеными; но у насъ, гдѣ факультеты въ восторгѣ, когда у нихъ наклеивается наконецъ какой-нибудь доцентъ, гдѣ министерство въ состояніи составить себѣ понятіе о кандидатахъ на профессора не на основаніи ихъ ученыхъ трудовъ, а только на основаніи факультетскихъ отзывовъ, замѣна факультетскаго и совѣтскаго выбора назначеніемъ отъ министерства не вызвана никакой необходимостью, ибо такъ или иначе разставляй сѣти, въ результатѣ будетъ все-таки та же птица.

Еще въ началѣ нашего вѣка корреспондентъ департамента народного просвѣщенія графъ д'Антретъ, при описаніи Лейпцигскаго университета, очень хорошо понималъ темныя стороны, проистекающія изъ конкуренціи профессоровъ въ Германіи, и тогдашнее главное правленіе училищъ, находившееся подъ руководствомъ просвѣщеннаго графа Завадовскаго, „дѣйствовало вполне самостоятельно, не подчиняясь слѣпо никакимъ авторитетамъ. Оно допустило выборное начало (несмотря на сравнительное дѣтство русскихъ университетовъ) и благоразумно отвергло непримѣнимые къ русской жизни доводы иностранныхъ ученыхъ, смотрѣвшихъ на дѣло съ своей чисто мѣстной точки зрѣнія“. ¹⁾ Неужели русскимъ университетамъ пришлось созрѣвать въ теченіе 70-ти лѣтъ, для того только, чтобы наконецъ постигнуть, благодаря комментаріямъ г. Любимова, спасительную мудрость мнѣній Мейнерса, знавшаго только Германію и писавшаго для Германіи.

Не слѣдуетъ притомъ забывать, что даже въ Германіи, опередившей насъ на пути цивилизаціи, преобладаніе бюрократическаго элемента въ замѣщеніи кафедръ имѣло нерѣдко печальныя послѣдствія, и что и тамъ при назначеніи профессоровъ руководились не научными, а совершенно посторонними дѣлу соображеніями. При этомъ характеристично то обстоятельство, что министерству народного просвѣщенія, которому даже въ Германіи предоставлена слабѣйшая и наименѣе самостоятельная роль въ государствѣ, приходилось нерѣдко играть совершенно страдательную роль, что оно противъ воли становилось орудіемъ другихъ министерствъ, а иногда и просто политическихъ интригановъ. Особенно поучительный примѣръ представляетъ

¹⁾ Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи—въ „Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1865. Ч. 128, стр. 49.

въ этомъ отношеніи прусское министерство Альтенштейна, которое было совершенно терроризовано извѣстнымъ реакціонеромъ и интриганомъ Кампцомъ, занимавшимъ мѣсто директора въ министерствѣ полиціи, и въ то же время мѣсто перваго директора въ департаментѣ народнаго просвѣщенія. Примѣры же клерикальнаго вліянія, всегда столь пагубнаго для истинной науки, очень не рѣдки въ исторіи министерствъ народнаго просвѣщенія въ Германіи. Но какъ бы ни было по времени, полезно или вредно въ Германіи усиленное вліяніе правительственной администраціи на ходъ университетскаго дѣла, не слѣдуетъ забывать, что русскій наблюдатель, привыкшій къ идеѣ о полной независимости нѣмецкихъ университетовъ, слишкомъ склоненъ впасть въ другую крайность и преувеличивать ограниченіе этой независимости. На самомъ же дѣлѣ, непосредственное и обширное вліяніе нѣмецкой администраціи на пополненіе университетскаго состава не имѣетъ вовсе того значенія, которое можетъ имъ приписать поверхностное наблюденіе. Въ области университетской, нѣмецкая администрація вовсе не отличается той безцеремонностью и придирчивостью, которую она выказывала, особенно до 1848 года, въ другихъ сферахъ государственной жизни. Хотя только въ Тюбингенскомъ университетѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть назначенъ министромъ профессоръ противъ желанія факультета, въ большей же части случаевъ факультету или сенату (совѣту) принадлежитъ только право предлагать министерству кандидатовъ, а на самомъ дѣлѣ администрація всегда руководствуется мнѣніемъ того университета, куда назначается новый профессоръ. Поразительнымъ доказательствомъ въ пользу этого можетъ служить образъ дѣйствій теперешняго прусскаго министерства относительно Гёттингенскаго университета, о чемъ я имѣлъ случай узнать изъ официальнаго источника. Гёттингенскій университетъ, вслѣдствіе разныхъ преобразованій, былъ приведенъ къ совершенной зависимости отъ Ганноверскаго министерства, такъ что министръ по уставу былъ даже избавленъ отъ необходимости, при назначеніи новыхъ профессоровъ, дѣлать университету запросъ о достоинствѣ кандидатовъ. Вслѣдствіе присоединенія Ганновера къ Пруссіи, права прежняго правительства перешли, конечно, цѣликомъ къ новому. Тѣмъ не менѣе однако же прусское министерство народнаго просвѣщенія даже при Мюллерѣ нашло нужнымъ отступить отъ административнаго преданія, и при открывающейся вакансіи всегда предлагаетъ Гёттингенскому университету указать на достойныхъ кандидатовъ.

Но, помимо этого самообладанія нѣмецкой администраціи въ вопросахъ, касающихся университетской науки, Германія имѣетъ еще много другихъ гарантій, вслѣдствіе которыхъ замѣщеніе каведръ

администраціей становится для нея *формальностью*, только упрощающей ходъ дѣла и нисколько не вредящей ему по существу. Не станемъ уже говорить о политическихъ учрежденіяхъ Германіи и о положеніи ея печати; вспомнимъ только о многочисленности ея университетовъ и о развитіи городской и провинціальной жизни, вслѣдствіе котораго пребываніе въ какомъ-нибудь провинціальномъ университетѣ не только не составляетъ лишенія для ученаго, но во многихъ отношеніяхъ для него даже выгодно. Кандидатъ, обойденный при замѣщеніи каѳедры въ Германіи, съ удовольствіемъ приметъ предложеніе прусскаго министерства занять мѣсто въ Боннѣ или Гёттингенѣ, тогда какъ въ Россіи кандидатъ, ищущій мѣста въ Петербургѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ согласится перейти куда-нибудь на окраины, а по нѣкоторымъ наукамъ и не можетъ перейти, если дѣйствительно хочетъ заниматься.

Еще болѣе важную гарантію представляетъ политическая раздробленность Германіи. Ученый, который нелюбъ прусскому министерству, именно поэтому скорѣе и найдетъ хорошее мѣсто въ Лейпцигѣ и въ Мюнхенѣ, и наоборотъ; тогда какъ въ подобномъ случаѣ русскому профессору остается только бросить свою ученую дѣятельность. Въ Германіи ученый, не пристроившійся къ университету, можетъ продолжать чисто ученую дѣятельность при одномъ изъ безчисленныхъ спеціальныхъ журналовъ; но гдѣ они въ Россіи — эти спеціальныя журналы, которые могли бы прокормить ученаго? въ Россіи, гдѣ даже разладъ съ какимъ-нибудь редакторомъ лишаетъ иногда профессора возможности вообще печатать свои произведенія. Наконецъ, нѣмецкій ученый, не нашедшій мѣста въ своемъ отечествѣ, можетъ воспользоваться гостепріимствомъ Австріи, Швейцаріи, Голландіи, Англіи, Америки, даже Россіи; куда бы онъ ни уѣхалъ, онъ не разобщается съ своимъ отечествомъ и продолжаетъ принимать участіе въ развитіи его духовной жизни. Но чтó такое русскій профессоръ, который вздумалъ бы уѣхать за границу для того, чтобы не бросать своей науки? Какое значеніе будутъ имѣть его произведенія для единичныхъ читателей, которыхъ онъ можетъ имѣть въ виду?

Но политическая раздробленность Германіи не есть только пассивная гарантія противъ придирчивости къ ученымъ и мстительности со стороны администраціи — это одинъ изъ самыхъ сильныхъ стимуловъ для этой администраціи, ибо каждое правительство непрерывно старается наwerbовать для своихъ университетовъ лучшія силы или не выпускать ихъ изъ предѣловъ „des engeren Vaterlandes“. Не одинъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ былъ удержанъ именнымъ письмомъ своего монарха отъ перехода въ другой университетъ, а, напр.,

одно то обстоятельство, что великій герцогъ баденскій есть ректоръ гейдельбергскаго университета, можетъ сдѣлать тамошнихъ профессоровъ чрезвычайно равнодушными къ вопросу, будетъ ли баденскій министръ замѣщать катедры *выбранными* факультетомъ профессорами или только *рекомендованными*. Оттого-то нѣмецкіе ученые такъ и цѣляютъ децентрализацию и политическую раздробленность своего отечества. Въ минуту высшаго политическаго энтузіазма, возбужденнаго необыкновенно счастливою національною войною, въ минуту, когда Германія достигла того, о чемъ она мечтала столько вѣковъ, того, — что преимущественно было подготовлено ея университетами — національнаго объединенія, тогдашнимъ ректоромъ мюнхенскаго университета, національнымъ историкомъ Германіи, въ торжественномъ собраніи были произнесены слѣдующія слова: Nichts ist namentlich bedenklicher, als die schon früher verlautete Forderung, dass die Universitäten einer deutschen Centralbehörde zu unterstellen seien. Die Geschichte unserer Hochschulen ist mit der Geschichte der Fürstenthümer, denen sie ihre Entstehung verdanken, auf das Innigste verflochten... Diese Bande lockern hiesse die Universitäten ihrer Geschichte und damit grossentheils der sittlichen Grundlage ihrer Existenz berauben, überdiess die Gefahr heraufbeschwören, dass das individuelle Leben, ohne welches alle Freiheit nur ein leerer Name ist, in ihnen ertödtet werden könnte (Нѣтъ ничего опаснѣе требованія, уже прежде высказаннаго, подчинить университеты нѣмецкому центральному вѣдомству. Исторія нашихъ университетовъ тѣсно связана съ исторіей княжескихъ домовъ, которымъ они обязаны своимъ происхожденіемъ. Ослабить эту связь, значило бы лишить университеты исторической почвы и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственныхъ основъ ихъ существованія, притомъ вызвать опасность заглушенія индивидуальной жизни, безъ которой всякая свобода только пустой звукъ ¹⁾).

Тотъ же ученый замѣчаетъ въ своей рѣчи: Manche Schäden unseres jetzigen Universitätswesens sind ja längst offenkundig, und es hat auch nicht an Aerzten gemangelt, die sich zur Heilung anboten. Aber die Erfahrung spricht wohl dafür, dass man der gesunden Natur der Hochschulen vertrauen darf, welche die Schäden vielleicht etwas langsam, aber doch am vollständigsten selbst ausheilen wird; eine gewaltsame durchgreifende hur ist gewiss nicht nur überflüssig, sondern vielmehr im höchsten Grade gefährlich (Много недуговъ нашего теперешняго университетскаго быта давно всѣмъ стали извѣстны, и не было недостатка во врачахъ, предлагавшихъ свои услуги. Но опытъ говорить въ пользу того, что слѣдуетъ положиться на здоровую при-

¹⁾ Gieselbrecht. Deutsche Reden, p. 147.

роду университетовъ, которая исправить недуги, можетъ быть, медленно, но основательнѣе всего; насильственное же радикальное врачеваніе навѣрное не только излишне, но и въ высшей степени опасно).

Такъ отзывается профессоръ, извѣстный въ своемъ отечествѣ крупнымъ ученымъ трудомъ, а не учебникомъ, и вполне самостоятельный, не пристегнутый къ какой-нибудь „Kreuzzeitung“.

Только человекъ, случайно познакомившійся съ исторіей нѣмецкихъ университетовъ, чтобъ пріискать пищу для своихъ бюрократическихъ стремленій, можетъ утверждать, что нѣмецкіе университеты обязаны своимъ процвѣтаніемъ бюрократическому элементу. Извѣстно, что процвѣтаніе лучшихъ германскихъ университетовъ было періодическимъ, и каждый изъ нихъ процвѣталъ, не благодаря способностямъ какого-нибудь геніальнаго попечителя, ниспосланнаго фортуною, а вслѣдствіе того, что становился представителемъ какой-нибудь новой культурной идеи или живого направленія, олицетвореннаго въ одномъ или нѣсколькихъ профессорахъ.

Виттенбергъ былъ первымъ прославившимся нѣмецкимъ университетомъ, потому что его профессоры, Лютеръ и Меланхтонъ, подняли въ немъ знамя реформации, а вмѣстѣ съ тѣмъ критическаго отношенія къ знанію и мнѣнію, и этимъ нанесли ударъ средневѣковой схоластикѣ въ богословскихъ и историческихъ наукахъ. По успокоеніи религиозныхъ распрей, вызванныхъ реформацией, и прекращеніи 30-лѣтней войны, процвѣлъ Гейдельбергъ, благодаря Пуфендорфу, потому что послѣдній положилъ конецъ владычеству богословія въ юридическихъ и политическихъ наукахъ, основалъ ихъ разработку на философскихъ принципахъ, и привелъ ихъ въ живую связь съ практическими потребностями государства. Другая причина процвѣтанія Гейдельберга заключалась въ просвѣщенномъ либерализмѣ тогдашняго курфирста Пфальцскаго, Карла-Людвига, предложившаго даже Спинозѣ катедру въ своемъ университетѣ. Въ концѣ XVII в. процвѣлъ Лейпцигъ, благодаря Томазіусу, который сталъ на національную почву и началъ борьбу противъ преобладанія римскаго элемента въ правѣ и французскаго вліянія въ литературѣ, который положилъ конецъ схоластическимъ преданіямъ въ университетской жизни, и началъ замѣнять латинскій языкъ нѣмецкимъ въ университетскомъ преподаваніи. Когда реакція вытѣснила Томазіуса изъ Лейпцига, онъ нашелъ убѣжище въ Галле, и вновь основанный здѣсь университетъ вдругъ затмилъ всѣ остальные своею славою, благодаря двумъ направленіямъ—свободной критики, представителемъ которой былъ Томазіусъ, и внутреннего религиознаго одушевленія (піетизма), вырвавшагося изъ узъ мертвой ортодоксальности.

Когда послѣднее направленіе отслужило свою службу и стало въ свою очередь тѣснить науку, первенство Галле перешло къ Гёттингену, который, благодаря принципу безграничной свободы преподаванія, сдѣлался центромъ для развитія наукъ юридическихъ и филологическихъ. Въ концѣ XVIII в. прославилась Іена, вслѣдствіе одушевленія, вызваннаго появившимися въ то время философскими школами, а когда послѣ войны за независимость Германіи чувство національности стало преобладающимъ интересомъ въ Германіи, представителемъ его сдѣлался берлинскій университетъ, который потомъ поддерживалъ свою славу именемъ Гегеля. Итакъ, г. Любимовъ, не регламентация возвышала нѣмецкіе университеты, а духъ свободы, духъ, проникнутый пониманіемъ живыхъ интересовъ народа и культурныхъ стремленій эпохи, безусловная свобода преподаванія и просвѣщенное отношеніе къ профессорамъ со стороны администраціи.

Такимъ образомъ, примѣръ Германіи нисколько не убѣдителенъ въ дѣлѣ усиленія бюрократическаго элемента въ русскихъ университетахъ и разложенія ихъ. Замѣщеніе кафедръ администраціей тѣсно связано съ исторіей Германіи, съ ея политическими учрежденіями, съ ея общественными правами, съ устройствомъ ея администраціи, съ экономическимъ бытомъ ея профессоровъ. Но, можетъ быть, исторія русскихъ университетовъ доказываетъ необходимость, независимо отъ Германіи, замѣнить профессорскіе выборы назначеніемъ? Эту мысль желаетъ г. Любимовъ внушить своимъ читателямъ, и посвящаетъ ей два изъ своихъ писемъ. Для проведенія этой мысли, по-видимому, слѣдовало бы прежде всего разсмотрѣть исторію послѣдняго десятилѣтія, когда дѣйствовалъ тотъ уставъ, подъ который желаетъ подкопаться г. Любимовъ съ самоотверженіемъ сапѣра, мечтающаго о георгіевскомъ крестѣ. Но нѣтъ, и здѣсь дѣйствуетъ система отведенія глазъ и засыпанія ихъ пескомъ неподходящихъ фактовъ и жалкихъ словъ. Г. Любимовъ знакомитъ читателя, конечно, по-своему, съ древней исторіей русскихъ университетовъ, когда дѣйствовалъ уставъ 1804 года. Онъ разсуждаетъ такъ: уставъ 1804 года былъ еще хуже устава 1863 года, т.-е. предоставлялъ университетамъ еще болѣшую автономію—этотъ уставъ на практикѣ не исполнялся, какъ видно изъ такихъ-то фактовъ—*ergo, censeo, Carthaginem esse delendam*, т.-е. уставъ 1863 года долженъ быть отмѣненъ. Постараемся нѣсколько распутать тѣ софизмы, изъ которыхъ состоятъ хитросплетенія г. Любимова, и выяснитъ слѣдующія положенія:

1) Неисполнимость или вредность устава 1804 года ровно ничего не доказываетъ по отношенію къ уставу 1863 года, такъ какъ первый былъ основанъ въ вопросѣ о замѣщеніи кафедръ на *исключительномъ самопополненіи* профессоровъ, послѣдній же на *взаимодѣйствіи*

профессоровъ и администраціи или на системѣ гарантіи, какъ противъ духа корпораціи, такъ и противъ духа бюрократическаго увлеченія.

2) Факты, которые приводитъ г. Любимовъ изъ жизни преимущественно московскаго университета, или совершенно ничего не доказываютъ, или доказываютъ неудобство системы исключительнаго самопополненія, противъ чего никто не спорить, или говорятъ противъ панацеи г. Любимова—назначенія выше.

3) Вообще дѣйствія администраціи въ эпоху устава 1804 говорятъ сильнѣе всего въ пользу разумности устава 1863 года, т. е. доказываютъ возможность для администраціи заботиться объ интересахъ науки въ университетахъ и при болѣе или менѣе либеральномъ уставѣ.

Остановимся на первомъ положеніи. Главный софизмъ г. Любимова заключается въ томъ, что если полная автономія, предоставленная русскимъ университетамъ во время ихъ младенчества, оказалась неудобной, то должна считаться также неудобною ограниченная автономія, предоставленная болѣе созрѣвшимъ университетамъ. Всякій другой человѣкъ, кромѣ г. Любимова, выведетъ, конечно, совершенно противоположное заключеніе. Въ 1804 году министерству и попечителямъ приходилось не управлять университетами, а *создавать* ихъ, такъ какъ до этого, кромѣ московскаго, не существовало ни одного русскаго университета, да и московскій нужно было пересоздать съ помощью новыхъ ученыхъ силъ. Откуда же было взять эти новыя силы? Ихъ пришлось выписывать изъ за-границы и при этомъ, конечно, образованному попечителю, путешествующему за-границей или знакомому съ иностранными учеными, было гораздо легче и удобнѣе заводить сношенія съ иностранцами, чѣмъ съ подчиненной ему коллегіей. Въ 1804 году совѣтъ харьковскаго университета состоялъ изъ 19-ти лицъ, изъ которыхъ 13 были иностранцы и только 6 русскихъ. Въ началѣ XIX вѣка ни состояніе прессы, ни интересъ общества къ университету, ни права и воспитаніе профессоровъ не могли служить гарантіями противъ нерадѣнія, злоупотребленій и циническаго отношенія къ интересамъ науки съ ихъ стороны, и тѣмъ не менѣе тогдашнее министерство народнаго просвѣщенія,—проникнутое убѣжденіемъ, что учрежденія должны воспитывать людей, а не отставать отъ нихъ, и одушевленное духомъ просвѣщенной гуманности, который будетъ вѣчною славою императора Александра,—не считало нужнымъ подражать Германіи, которая только-что выпутывалась изъ хаоса средневѣковыхъ учрежденій и бюрократическаго абсолютизма.

И тогда въ московскомъ университетѣ бывали профессоры изъ

неистребимой породы *virogum obscurorum*, подобные тому Глейму, который на актѣ 1798 года произнесъ слѣдующія слова: „Познаніе и такъ-называемое просвѣщеніе часто употреблено во зло чрезъ обольстительные нынѣшнихъ сиренъ напѣвы вольности и чрезъ обманчивые призраки мнимаго счастья. Европейскія правительства, спокойно взиравшія на сей развратъ, возмѣли, наконецъ, правильную причину сожалѣть о своемъ равнодушіи... Сколь счастливою почитать себя должна Россія потому, что ученость въ ней благоразумными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія“. Но не этихъ „обольстительныхъ сиренъ крошечной тьмы“ послушалось министерство графа Завадовскаго, и даже полную автономію не считало препятствіемъ для благихъ начинаній такихъ попечителей, какъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.

Перейдемъ ко второму пункту. Г. Любимовъ доказалъ бы нелѣпость устава 1804 г., если бы приведенные имъ факты убѣдили читателя въ постоянномъ нерадѣніи совѣта и невозможности для администраціи проводить благотѣльные мѣры.

Ничуть. Говорится сначала о приглашеніи попечителемъ Муравьевымъ нѣмецкихъ профессоровъ изъ-за границы, потомъ приводятся факты сомнительнаго значенія, напр., что Муравьевъ послалъ двумъ молодымъ русскимъ, учившимся за-границей, званіе экстраординарнаго профессора, причемъ читателю остается неизвѣстнымъ—предшествовало ли этому избраніе этихъ молодыхъ людей совѣтомъ, или это было превышеніе власти со стороны попечителя, чего желалъ бы г. Любимовъ. Далѣе, послѣдній прибавляетъ: „Иногда профессора назначались именными указами. Такъ, назначенъ былъ на примѣръ профессоръ математики Суворовъ отъ 2 іюля 1810 г.“ Отрываемъ Шевырева „Исторію московскаго университета“, откуда заимствовано это извѣстіе, и читаемъ тамъ, между разными свѣдѣніями о перемѣнахъ въ преподавателяхъ, что на мѣсто Загорскаго, который за болѣзнію былъ уволенъ въ январѣ 1810 г., былъ опредѣленъ высочайшимъ рескриптомъ *на имя министра финансовъ* статскій совѣтникъ Суворовъ. Поясненій, почему понадобился рескриптъ на имя мин. финансовъ, Шевыревъ не приводитъ, и мы не узнаемъ, предшествовало ли этому избраніе Суворова совѣтомъ.

Другіе факты доказываютъ, или что тогдашніе нравы благопріятствовали забѣганію къ начальству, или что тогдашнее начальство не считало университетскую автономію поводомъ или предлогомъ сидѣть сложа руки. Мы узнаемъ, напр., что перемѣненіе пр. Бекетова на кафедрѣ политической экономіи послѣ выхода Шлецера, или „баллотировка адъюнкта Мягкова въ экстраординарные профессора“ происходили по *предложенію* попечителя. Исторія вступ-

ленія доктора Эйнбротта въ университетъ ничего не доказываетъ въ пользу теоріи г. Любимова. Эйнброттъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу при университетѣ. Вакансіи адъюнктской не было и совѣтъ совершенно правильно заявилъ попечителю, что не можетъ постановить никакого рѣшенія; тогда министерство назначило Эйнбротта адъюнктомъ безъ жалованья, т.-е. сверхштатнымъ. Это доказываетъ только разумность устава 1863 г., который предусмотрѣлъ подобные случаи и предоставилъ министерству право назначенія сверхштатныхъ профессоровъ. То же можно сказать о представленіи знаменитому Лодеру права читать въ университетѣ безвозмездно анатомію. Наконецъ, исторія съ Давыдовымъ прямо говоритъ противъ г. Любимова. Иванъ Ивановичъ Давыдовъ принадлежалъ къ тѣмъ личностямъ, которымъ удастся въ обществѣ, не богатомъ учеными силами, прослѣть временно въ глазахъ начальства за великаго мудреца, къ тѣмъ личностямъ, которыя должны особенно процвѣтать и идти въ гору при всякой *любимовщинѣ*, т.-е. системѣ фаворитизма и патронажа. Г. Любимову, какъ давнишнему профессору московскаго университета, должно быть хорошо извѣстно, къ какой ничтожной величинѣ сводились его ученые заслуги и какимъ свойствамъ онъ былъ обязанъ своимъ успѣхомъ на служебной карьерѣ. Г. Любимовъ долженъ также помнить стихи о Давыдовѣ, которые его характеризуютъ лучше всякой біографіи, и тѣмъ не менѣе онъ рѣшается сослаться на исторію съ Давыдовымъ въ пользу принципа назначенія профессоровъ! Мы опускаемъ первый куплетъ, который болѣе касается частныхъ свойствъ этого лица, и ограничимся вторымъ:

Полна душа стяжанья мукой,
Полна проектовъ голова,
И тянется онъ за наукой
Какъ за Минервою сова.

Этотъ И. И. Давыдовъ занималъ въ московскомъ университетѣ катедру философіи. Когда онъ лишился своей катедры по распоряженію правительства, то былъ сдѣланъ послѣ инспекторомъ благороднаго пансіона, но по увольненіи отъ этой должности сталъ снова искать, поддерживаемый начальствомъ, катедры въ университетѣ. Его назначили на катедру математики, которая была занята другимъ профессоромъ. Начались столкновенія между Давыдовымъ и другими профессорами по вопросу о преподаваніи. Совѣтъ, знавшій хорошо неспособность Давыдова, желалъ воспользоваться этими столкновеніями, чтобы удалить его отъ преподаванія. Попечитель, ближе познакомившись съ дѣломъ, принялъ сторону университета. Но Давыдовъ устроилъ свои дѣла въ Петербургѣ и, благодаря рекомендаціи, оттуда послѣдовала строгая бумага съ выговоромъ попечителю и предписа-

ніемъ поручить Давыдову преподаваніе математики. И г. Любимовъ приводитъ этотъ фактъ въ пользу преимущества системы *рекомендаци* предъ системой выборовъ.

Третій пунктъ. Если, какъ мы видѣли, уставъ 1804 г., предоставившій совѣтамъ въ теоріи полную независимость, не помѣшалъ администраціи руководить университетами и проводить свое вліяніе и въ дурномъ и въ хорошемъ, то тѣмъ менѣе связываетъ руки администраціи уставъ 1863 года. Но именно это и желаетъ доказать г. Любимовъ, для этого онъ такъ часто употребляетъ жалкое слово „закланіе власти.“ Для этого онъ глумится надъ словами объяснительной записки къ проекту устава 1863 г.: „Въ первый разъ самостоятельный университетъ можетъ сдѣлаться тѣмъ, что онъ есть и чѣмъ должны его сдѣлать люди, пользующіеся довѣріемъ и уваженіемъ, для которыхъ репутація университета есть ихъ личное дѣло; съ другой стороны, и правительство въ первый разъ получить предметъ для наблюденія, потому что университетъ будетъ жить среди бѣлаго дня, а не въ запертой канцеляріи попечителя. Всякое отступленіе отъ устава или неправильное его толкованіе останавливается властью попечителя подъ личною его отвѣтственностью передъ министромъ: слѣдовательно, совѣту университета предоставлена вся свобода исполнять законъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отнята у него всякая возможность къ его нарушенію.“

Если вѣрно, что человѣка можно узнать по его друзьямъ, то его можно также характеризовать по тому, надъ чѣмъ онъ смѣется. Г. Любимовъ не понялъ приведенныхъ словъ, и потому они кажутся ему смѣшны. Онъ все жалобно причитываетъ надъ самозакланіемъ власти. „Министру,—говоритъ онъ—предоставляется содѣйствовать обновленію и оживленію университетовъ, только не прямымъ, а окольнымъ путемъ. Но именно подобнымъ путемъ и не пожелаетъ воспользоваться лицо, не склонное къ произволу и покровительству, и желающее дѣйствовать безпристрастно и доброжелательно. Оно отстранитъ отъ себя не легкую заботу, и приманчивую безотвѣтственность предпочтетъ столеновеніямъ, всегда способнымъ породить нареканія.“

Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается вся суть недоразумѣнія, которое старается распространить г. Любимовъ отчасти умышленно, отчасти увлекался своимъ идеаломъ власти. Г. Любимовъ не понимаетъ власти въ европейскомъ смыслѣ, власти обставленной гарантіями противъ ошибокъ, поспѣшности произвола и кичливости своихъ собственныхъ низшихъ органовъ, власти контролирующей и руководящей живымъ духомъ, которымъ она сама одушевлена, вмѣшивающейся только тогда, когда это нужно, но зато и не пропускающей такого случая.

Г. Любимовъ съ точки зрѣнія начальства понимаетъ только власть *Кита Китыча* — власть, раздражающуюся всякими параграфами устава и сроками; а съ точки зрѣнія подчиненнаго, г. Любимовъ, подобно иному мужичку, признаетъ только то за власть, что гремитъ и кричить, грозить и бранится. Онъ почерпнулъ свои идеалы попечительской власти изъ начала 50-хъ годовъ, когда на профессоровъ кричали и топали ногами, когда отъ нихъ требовали ребяческой субординаціи передъ деканомъ и ректоромъ, когда ихъ доводили до нравственнаго паденія и до унизительнаго сознанія, что „если бы не жена и дѣти, я бы не вытерпѣлъ въ университетѣ“; когда профессора назначались по *рекомендаціи*, а на скромное замѣчаніе, что такой-то неспособенъ читать ветеринарство, раздался отвѣтъ: „какъ неспособенъ, если онъ лечилъ меня и мое семейство?“

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, какою г. Любимовъ историченъ. Желая доказать, что автономія университетовъ нарушалась въ интересахъ просвѣщенія, онъ опирается на факты или неподходящіе, или прямо говорящіе противъ его идеала, но что всего хуже — умалчиваетъ о фактахъ, бросающихъ тѣнь на попечительскую опеку и о вопіющихъ фактахъ административнаго произвола. Онъ, напр., не рассказываетъ о томъ, какъ плодотворная дѣятельность знаменитаго математика Осиповскаго въ харьковскомъ университетѣ была прервана вмѣшательствомъ попечителя, невзлюбившаго Осиповскаго за замѣчаніе, сдѣланное имъ на экзаменѣ студенту, и состоявшее въ томъ, что, говоря о Богѣ, умѣстнѣе употребить выраженіе *существуетъ*, нежели *живетъ*. Г. Любимовъ ни словомъ не упоминаетъ о пресловутой дѣятельности Магницкаго, совершенно опускаетъ эпоху, когда дѣйствовалъ уставъ 1835 года, когда администрація могла назначать профессоровъ на каѳедры совершенно свободно.

Итакъ, оба способа, къ которымъ прибѣгнулъ г. Любимовъ для назиданія читателей, должны быть признаны несостоятельными. Наѣздъ на исторію русскихъ университетовъ оказался таже же мало поучителенъ, какъ и экспедиція въ Германію. Если автономія, дарованная университетамъ во время ихъ младенчества, мало уважалась администраціей, то изъ этого не слѣдуетъ, что въ 1874 году слѣдуетъ предоставить канцеляріямъ заботу о замѣщеніи каѳедръ. Необходимость такой печальной реформы можно было бы доказывать только на основаніи исторіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ, когда дѣйствовалъ уставъ 1863 года. Пусть г. Любимовъ перечислитъ тѣ каѳедры, которые оставались вакантными въ то время, какъ заслуженные ученые, или молодые магистры напрасно добивались доступа въ университетъ! Пусть онъ назоветъ тѣхъ ученыхъ, которыхъ министер-

ство желало помѣстить на кафедру, но не могло провести по винѣ устава 1863 года!

Вмѣсто этого г. Любимовъ проливаетъ слезы о немощи и стѣсненіи администраціи, подобно ксендзамъ, которые стараются разжалобить толпу старушекъ и дѣтей разсказами о плѣненіи бѣднаго папы. Въ то же время г. Любимовъ жалуется, что министерство слишкомъ деликатно по отношенію къ университетамъ, чтобы пользоваться предоставленнымъ ему правомъ не утверждать избранныхъ профессоровъ или назначать сверхштатныхъ; для того, чтобы устранить эту деликатность, необходимо, по его мнѣнію, уничтожить выборы и замѣнить ихъ рекомендаціей. Ну, а если министерство будетъ относиться также деликатно къ этимъ факультетскимъ рекомендаціямъ, т.-е. всегда соглашаться съ большинствомъ голосовъ? Вѣдь г. Любимовъ тогда напрасно потратилъ бы свой порошокъ! Очевидно, что для г. Любимова не столько важны тотъ или другой параграфъ устава, сколько существенное измѣненіе самаго отношенія администраціи къ университетскимъ дѣламъ.

Г. Любимовъ, этотъ новый Кандидъ, въ своемъ простодушіи обвиняетъ защитниковъ дѣйствующаго устава въ фальши на томъ основаніи, что они будто бы, съ одной стороны, стараются доказать важное значеніе этого устава для самостоятельности университетовъ, съ другой—утверждаютъ, что теперешній порядокъ замѣщенія кафедръ въ сущности есть не болѣе, какъ *рекомендація*. Фальшь вносится сюда только самимъ г. Любимовымъ, который все запутываетъ дѣломъ тѣмъ, что постоянно толкуетъ о какомъ-то *исключительномъ* самопополненіи университетовъ.

Да, защитники устава 1863 года вполне правы — этотъ уставъ ограждаетъ университеты отъ бюрократической опеки и въ то же время даетъ министерству великую власть контролировать замѣщеніе профессорскихъ кафедръ. Дѣло не въ срокахъ и не въ формальностяхъ. Если бы вся бѣда была только въ томъ, что университетамъ предоставлено право въ теченіи года распорядиться кафедрой, то это было бы легко поправить. Для этого не стоило бы поднимать столько шума и высылать такъ часто г. Любимова на журнальную арену.

Фальшь вносится въ дѣло г. Любимовымъ—ибо онъ предлагаетъ, подъ предлогомъ радѣнія объ интересахъ науки, радикально измѣнить самое положеніе университетовъ. Его проектъ о замѣщеніи кафедръ есть только одна изъ цѣлаго ряда мѣръ, клонящихся къ упомянутой цѣли. Стоитъ только вспомнить о его прошлогоднемъ *Мнѣніи*. Самый же проектъ замѣнить теперешній порядокъ замѣщенія кафедръ системою рекомендаціи *безполезенъ* относительно этого во-

проса, и *вреденъ* относительно общаго вліянія на положеніе университетовъ. *Безполезенъ*—потому, что способъ, предложенный г. Любимовымъ, не улучшить состава профессоровъ ни въ *количественномъ*, ни въ *качественномъ* отношеніи. Отъ того, что министерство получить право по открытіи вакансіи тотчасъ назначить профессора, не соображаясь съ мнѣніемъ университета—на Руси не прибавится *ни единого* магистра или доктора. А въ этомъ — т.-е. въ ограниченности числа кандидатовъ на профессорскія мѣста, вся суть дѣла. Въ одномъ изъ русскихъ университетовъ по одной юридической кафедрѣ было оставлено съ теченіемъ времени, для приготовленія въ профессора, 14 молодыхъ людей, а изъ нихъ до сихъ поръ вышелъ только 1 доцентъ, да и тотъ скоро перешелъ на другую службу.

Отъ количества же кандидатовъ зависитъ, отчасти, и качество профессоровъ. Къ чему у насъ эта сложная процедура, заимствованная г. Любимовымъ изъ Германіи, гдѣ факультетъ можетъ легко представить министру 3-хъ кандидатовъ, а министръ, съ своей стороны, къ этимъ тремъ прискать еще 10. Какъ это хорошо на бумагѣ: „каждый членъ можетъ предлагать своего кандидата письменно, мотивируя свое предложеніе. По обсужденіи правъ кандидатовъ, рѣшеніе факультета постановляется на основаніи явной подачи голосовъ и съ объясненіемъ причинъ и т. д.“ Та же процедура повторяется въ совѣтѣ. Хорошо такъ выбирать кандидатовъ въ Парижскую Академію. Но когда жертвой этой ученой *фильтраціи* является *одинъ* магистръ, ученыя заслуги котораго извѣстны исключительно профессору, представившему отзывъ о его диссертациі (въ большинствѣ случаевъ руководившему его занятіями), тогда эта ухищренная система должна казаться по крайней мѣрѣ преждевременной.

Кстати замѣтимъ: о безпристрастіи г. Любимова и его трансцендентальномъ идеализмѣ по отношенію къ наукѣ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Отъ профессоровъ требуется по его проекту, при рекомендаціи кандидата, тройная мотивировка: личная, факультетская и совѣтская. Если же администрація отнесется недовѣрчиво къ этому ученому *экстракту* и предпочтетъ своего кандидата, то отъ него не требуется никакой мотивировки. Отчего, въ данномъ случаѣ, г. Любимовъ отступилъ отъ совѣта Моля, на котораго онъ такъ часто ссылается? Оттого ли, что онъ лучше Моля знакомъ съ обыкновеннымъ административнымъ составомъ канцелярій?

Вредно же было бы измѣненіе, предложенное противниками устава 1863 года, въ томъ отношеніи, что оно, особенно въ связи съ другими измѣненіями, придало бы жизни университетской бюрократической характеръ и усилило вліяніе попечителя. То, что сказалъ великій администраторъ XVIII вѣка по отношенію къ учрежденіямъ дру-

гого рода, можетъ быть примѣнено и къ университетамъ: „Въ постоянной коллегіи, соединеніе познаній, послѣдовательность въ стремленіяхъ придаютъ значеніе даже посредственности (*donnent à la médiocrité même une consistance*); если успѣхъ совершается и медленно, но онъ подвигается по крайней мѣрѣ, и если онъ однажды достигнутъ, то уже не подверженъ произволу или случайному вліянію, тогда какъ попечитель, наиболѣе исполненный рвенія и знанія, часто смѣняется другимъ, который измѣняетъ направленіе своего предшественника или бросаетъ его начинанія“.

Что значить усиленіе бюрократическаго или канцелярскаго элемента въ странѣ, гдѣ наука все еще нуждается въ самомъ нѣжномъ попеченіи со стороны правительства и въ искусственной поддержкѣ—объ этомъ довольно ясно говоритъ исторія русскаго просвѣщенія. Всѣмъ извѣстно изъ автобіографіи Шлѣцера, что случилось съ Академіей наукъ въ самое блестящее царствованіе при канцелярскомъ управленіи—академія находилась въ совершенномъ упадкѣ, все управленіе сосредоточивалось въ рукахъ всемогущей канцеляріи, таготѣвшей надъ ученою корпораціею; истинныя заслуги не цѣнились, основательная ученость презиравалась; достойнѣйшіе дѣятели упали духомъ; произволъ царилъ повсюду; чиновники, притѣсняемые начальствомъ, вымѣщали свои обиды оскорбительнымъ обращеніемъ съ подчиненными и т. д. ¹⁾. Все это можетъ быть цѣликомъ отнесено и къ различнымъ эпохамъ въ исторіи русскихъ университетовъ.

Но духъ канцелярскаго опеки вредилъ не только въ извѣстныхъ эпохи, т.-е. въ тѣ эпохи, когда канцелярія и исполнители жертвуютъ, сознательно или безсознательно, интересами науки въ пользу постороннихъ соображеній—этотъ духъ вреденъ *наукѣ* безусловно, т.-е. даже въ тѣ эпохи, гдѣ канцелярія и попечители чистосердечно пекутся объ ея интересахъ. Вреденъ потому, что въ области науки главный успѣхъ обуславливается развитіемъ *индивидуальности*, нравственною самостоятельностью, независимостью характера въ представителяхъ науки—а эти свойства задерживаетъ или убиваетъ канцелярская опека. Въ Германіи, въ классической странѣ индивидуализма, гдѣ весь ходъ духовной жизни содѣйствовалъ развитію этого свойства, гдѣ исторія выработала гарантіи, обезпечивающія его проявленіе, наука процвѣтаетъ и можетъ процвѣтать независимо отъ большей или меньшей доли участія канцеляріи въ университетской жизни:

Совершенно противоположно было историческое развитіе Россіи, и потому здѣсь господство канцеляріи надъ университетами можетъ

¹⁾ Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи.

имѣть совсѣмъ иной результатъ. Самыя темныя пятна въ исторіи русскихъ университетовъ не тѣ, которыя происходили отъ виѣшняго давленія, а тѣ, которыя обусловливались апатіей, равнодушіемъ къ интересамъ науки, безличностью, привычкой ловить слова и идеи на устахъ начальства. Высоко поднимались надъ этимъ спящимъ міромъ нѣкоторыя личности, но онѣ были безсильны при всеобщемъ равнодушіи. Достоинство устава 1863 года заключалось въ томъ, что подъ дѣятельнымъ и разумнымъ контролемъ министерства онъ могъ имѣть воспитательное значеніе; возлагая часть отвѣтственности за состояніе науки на ея представителей, онъ пробуждалъ сознаніе долга, расширялъ кругъ интересовъ, замѣнялъ любовь къ *мысли*—любовью къ учрежденію, интересъ къ ремеслу—интересомъ къ универсальной наукѣ.

Ни одна страна въ мірѣ не обязана такъ много своему правительству въ области науки, какъ Россія; никакая другая страна не нуждается еще до такой степени въ энергической инициативѣ правительства на поприщѣ просвѣщенія. Но только одинъ г. Любимовъ „съ товарищи“ могъ посовѣтовать проявлять эту энергію въ перепискѣ съ профессорами о *мотивахъ* рекомендаціи, въ веденіи въ канцеляріяхъ *кондуктинныхъ* списковъ молодымъ и старымъ ученымъ, въ постоянномъ напоминаніи профессорамъ, что они способны лучше другихъ опредѣлять научныя заслуги, но не способны руководствоваться ими при замѣщеніи каедекъ. Да, безъ неусыпнаго контроля и безъ участія со стороны министерства невозможно процвѣтаніе университетовъ въ Россіи, но только одинъ г. Любимовъ могъ посовѣтовать „выплеснуть ребенка вмѣстѣ съ водою“—замѣнить контроль канцелярскимъ управленіемъ. Проявленія власти должны мѣняться со временемъ, сообразно съ условіями и съ средой, въ которой она дѣйствуетъ. Было время, когда министерство создавало университеты, *творило профессоровъ*, когда попечители были меценаты или воеводы, которые относились къ профессорамъ, какъ къ вольноотпущеннымъ и кліентамъ. Теперь университеты созданы и упрочены, кліенты выводятся—на министерствѣ лежитъ обязанность развивать въ университетахъ духъ науки, который неразрывно связанъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, съ сознаніемъ долга и отвѣтственности, съ независимостью мнѣнія. А для этого необходима, между прочимъ, независимость университетовъ отъ канцелярій, сознаніе профессоромъ, что онъ несуетъ отвѣтственность передъ правительствомъ и обществомъ въ личномъ составѣ своей корпораціи.

Москва.—12-го марта, 1874.

X.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е мая, 1874.

Правила о выдачѣ желѣзно-дорожныхъ концессій.—Новыя четыре дороги.—Уставы 18-го ноября.—Уставы 22-го февраля.—Безусловная гарантія.—Подписка и ея результаты.—Переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ и проектъ очистки города въ Петербургѣ.—Проектъ городского налога въ Москвѣ.—Отчетъ общества помощи при кораблекрушеніяхъ.

Государству, какъ и единичному человѣку, почти во всякомъ важномъ дѣлѣ приходится покупать опытность на свой счетъ, нерѣдко за дорогую цѣну; чужой опытъ хотя и имѣлся передъ глазами, но представлялся недостаточно убѣдительнымъ, опасности имъ указанныя были относимы къ случайности, которой можно избѣгнуть, идя по тому же пути. Такъ было и съ Россією въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ, важнѣйшемъ дѣлѣ послѣдняго десятилѣтія. Когда съ 1865 года у насъ съ особенной дѣятельностью было приступлено къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ, мы имѣли передъ глазами примѣръ Франціи, съ достаточной ясностью показывавшій всѣ невыгодныя стороны постройки дорогъ избираемыми правительствомъ концессионерами и управленія эксплуатаціею дорогъ при помощи тѣхъ призрачныхъ акціонерныхъ собраній, которыми концессионеры прикрывали полный свой произволъ. Мы имѣли уже въ то время и свой собственный примѣръ въ томъ же смыслѣ, представлявшійся „Главнымъ Обществомъ“. Но чужой примѣръ видно былъ неубѣдителенъ, свой же, хотя государственное казначейство уже тогда успѣло поплатиться за него неоплатнымъ долгомъ Главнаго Общества, казался, повидимому, еще недостаточнымъ: съ 1865 по 1873 годъ опыты продолжались. Наконецъ, когда уже было построено 14 т. с лишномъ верстъ, причемъ первоначально обходилась казнѣ по 75 т. рублей та верста, которую впоследствии оказалось возможнымъ строить за 45 т. рублей; когда пожертвованія государства на желѣзно-дорожное строительство уже достигли такихъ размѣровъ, что въ теченіи только по-

сѣднихъ четырехъ лѣтъ казна употребила на него болѣе 460 милліоновъ рублей; когда долгъ казнѣ одного только Главнаго Общества возросъ до 150 милл. р.; когда оказалось, что желѣзно-дорожные займы, сдѣланные правительствомъ, всю своей тягостью падаютъ не на желѣзно-дорожныя общества, а прямо на бюджетныхъ плательщиковъ ¹⁾; когда эксплуатація желѣзныхъ дорогъ концессіонерами, стоящими за ширмою призрачныхъ акціонерныхъ обществъ, оказалась въ дѣйствительности эксплуатаціею концессіонерами и обществами казны, и когда, наконецъ, самый валовой сборъ на большей части дорогъ за 1872 годъ оказался ниже сборовъ, бывшихъ въ предшествовавшіе годы—послѣ всего это нашъ собственный опытъ, произведенный въ такихъ размѣрахъ и купленный такою цѣной, представился уже, повидимому, достаточнымъ, и ровно годъ тому назадъ, 30-го марта 1873 г., утверждены были *новыя правила* для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ.

Главной цѣлью этихъ правилъ было—устранить концессіонеровъ-посредниковъ между казною, которая ссужаетъ акціонерное общество болѣею частью капитала на постройку, и тѣмъ обществомъ, которое строить или приобрѣтаетъ дорогу для того, чтобы пользоваться ея доходомъ. Интересы этого общества, какъ окончательнаго хозяина дороги, при правильной постановкѣ дѣла, то-есть, если это есть истинное общество акціонеровъ-хозяевъ, а не одна ширма для барышниковъ,—солидарны съ интересами казны. Въ интересы, какъ общества, такъ и казны, входитъ, чтобы дорога была построена хорошо; была снабжена достаточнымъ подвижнымъ составомъ, чтобы дѣло направлялось не къ эксплуатаціи казны посредствомъ новыхъ ссудъ и обремененія общества новыми обязательствами, но къ возвышенію дѣйствительнаго чистаго дохода отъ эксплуатаціи дороги, такъ чтобы акціи приносили хорошій процентъ. Исчисливъ эти интересы дѣйствительнаго общества акціонеровъ-хозяевъ, сходящихся съ интересами правительства и публики, мы тѣмъ самымъ напомнили объ интересахъ противнаго рода—объ интересахъ мнимаго общества, состоящаго изъ акціонеровъ подставныхъ, настоящихъ маннекеновъ крупныхъ предпринимателей. Правила 30-го марта устраняли посредничество такихъ предпринимателей предоставленіемъ первоначальнаго веденія дѣла по каждой дорогѣ—особой правительственной комиссіи, замѣняющей правленіе, до выбора его общимъ собраніемъ акціонеровъ; а для того,

¹⁾ Съ 1869 по 1873 г. правительство заплатило по консолидированнымъ облигаціямъ и акціямъ обществъ болѣе 23-хъ милл. р., изъ которыхъ болѣе 13³/₄ милл. изъ бюджетныхъ суммъ, болѣе 9¹/₄ милл. р. изъ новыхъ займовъ, не получивъ взаменъ этихъ суммъ отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ ничего.

чтобы подписка не была захватываема въ руки концессионерами, которые затѣмъ обращаютъ общія собранія въ пустую форму и самыя общества на акціяхъ въ мнѣ, правила опредѣляли, что „развѣрка акцій производится соразмѣрно количеству акцій, подписанныхъ каждымъ, съ опредѣленнымъ при объявленіи подписки правомъ на преимущество для подписавшихся на меньшее количество“. Правда, что послѣднее правило допускало широкое поле для измѣненій при каждой отдѣльной подпискѣ. Но тѣмъ не менѣе принципъ его былъ весьма ясенъ: предоставленіе по возможности всего акціонернаго предпріятія въ руки мелкихъ подписчиковъ, то-есть серьезныхъ акціонеровъ изъ публики, а не въ руки прежнихъ промышленниковъ этого дѣла, старавшихся всегда удержать или захватить все предпріятіе.

Цѣль новыхъ правилъ была такова, что они встрѣчены были всеобщимъ сочувствіемъ, за исключеніемъ только среды желѣзно-дорожныхъ спекулянтовъ, которымъ не могли нравиться ни мѣры къ устраненію барышниковъ, ни назначеніе въ составъ правленій директора отъ правительства, отвѣтственнаго за правильность дѣйствій компаній. Казалось, если опытъ и дорого купленъ и оказалъ свое поучительное дѣйствіе нѣсколько поздно, такъ какъ основная сѣть русскихъ дорогъ уже построена, то, по крайней мѣрѣ, при составленіи новыхъ компаній и сооруженіи новыхъ линій можно уже будетъ, благодаря правиламъ 30-го марта, избѣгнуть прежнихъ недостатковъ. Но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ иное.

Первые уставы новыхъ желѣзныхъ обществъ послѣ изданія правилъ 30-го марта были дѣйствительно составлены министерствомъ путей сообщенія на основаніи этихъ правилъ, о чемъ въ тѣхъ уставахъ и было прямо упомянуто. Это были уставы обществъ оренбургской, фастовской, привислянской и уральской-горнозаводской дорогъ. Уставы эти, во всемъ согласные съ правилами 30-го марта 1873 г., были Высочайше утверждены 18-го ноября 1873 г. и распубликованы. Но по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, а именно 22-го февраля 1874 г. были вновь Высочайше утверждены, а затѣмъ и обнародованы новые уставы для тѣхъ же самыхъ, предполагаемыхъ къ учрежденію, обществъ. Притомъ, различіе новыхъ уставовъ отъ прежнихъ состояло именно въ томъ, что новые уставы составлены были уже не на основаніи правилъ 30-го марта 1873 г., о которыхъ въ этихъ новыхъ уставахъ даже и не упоминалось. Какимъ образомъ произошла столь быстрая смѣна законоположеній по одному и тому же предмету, будетъ сейчасъ объяснено. Но не можемъ не замѣтить теперь же, что правиламъ 30-го марта при появленіи ихъ было придано весьма большое значеніе; они являлись какъ первое

крупное дѣло нынѣшняго управленія министерства путей сообщенія, отрывали, такъ сказать, „новую эру“ въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, и во всякомъ случаѣ представляли программу дѣйствій нынѣшняго министерства путей сообщенія. Если первые же уставы, составленные на основаніи этихъ правилъ и утвержденные, были, ранѣе приложенія ихъ къ дѣлу и всего по прошествіи трехъ мѣсяцевъ со времени ихъ утвержденія, измѣнены въ существенныхъ чертахъ съ отступленіемъ отъ правилъ 30-го марта, которыя между тѣмъ формально отмѣнены не были, то, отчего бы это ни произошло, во всякомъ случаѣ для министерства путей сообщенія это было равносильно полной перемѣнѣ въ системѣ дѣйствій, перемѣнѣ весьма замѣтной, не взирая на то, что лица, которымъ всегда предстоитъ приводить дѣло въ исполненіе, остались тѣ же.

Но различіе новыхъ уставовъ отъ прежнихъ состояло не только въ томъ, что въ новыхъ не упоминалось о правилахъ 30 марта, а главнымъ образомъ въ томъ, что въ нихъ устранены были существеннѣйшія постановленія этихъ правилъ, именно тѣ, которыхъ цѣлью было создать серьезныя акціонерныя общества. Таковы были именно правила о порядкѣ производства подписки: веденіе дѣла до избранія правленія акціонерами, по уставамъ 18 ноября, согласно съ закономъ 30 марта, предоставлялось правительственной комиссіи, которая должна была производить развѣстку такимъ образомъ, чтобы прежде всего подписавшіеся на тридцать и болѣе акцій получили всѣ тридцать акцій; лица, подписавшіеся на менѣе тридцать акцій, получили бы также все потребованное ими количество, но уже только изъ акцій, оставшихся нераспределенными при раздѣлѣ ихъ поровну между подписчиками на тридцать и болѣе акцій; что же касается полученія при развѣсткѣ числа акцій превосходящаго тридцати, то оно ставилось уже третьимъ по очереди, такъ что ужъ только по исполненіи двухъ первыхъ требованій могла быть рѣчь о развѣсткѣ *оставшагося* затѣмъ количества акцій между крупными подписчиками, соразмѣрно съ ихъ требованіями. Итакъ, министерство путей сообщенія при составленіи уставовъ 18 ноября искренно стремилось къ цѣли, указанной всѣмъ смысломъ правилъ 30 марта; давъ владѣльцу тридцати акцій право на одинъ голосъ (по 125 р. за акцію—это представляетъ капиталъ въ 3750 р.), уставъ 18 ноября хотѣлъ распределить по возможности все количество акцій между такими именно дѣйствительными акціонерами, имѣющими каждый по одному голосу, что вполне соответствовало главной цѣли правилъ — устранить концессионеровъ, которые, какъ то легко было предвидѣть, должны были явиться не въ видѣ скупщиковъ подписки.

Всѣ эти требованія закона и соображенія, на которыхъ они были основаны, совершенно устранены были въ новыхъ уставахъ, утвержден-

ныхъ 22 февраля. Вмѣсто особой правительственной комиссіи, дѣйствующей по правиламъ 30 марта, и имѣющей объявлять подписку и производить развѣрстку на приведенныхъ выше основаніяхъ (уставы 18 ноября), въ новыхъ уставахъ подписка и развѣрстка предоставлены были на неограниченное усмотрѣніе одного министра финансовъ. „Министръ финансовъ (сказано въ уставахъ 22 февраля) опредѣляетъ финансовыя условія подписки на акціи общества, причемъ указываетъ нарицательную стоимость акціонернаго капитала, нарицательную цѣну каждой акціи, подписную цѣну на акціи, сроки и размѣры взносовъ, порядокъ развѣрстки, назначеніе времени и мѣста подписки и проч., а также наблюдаетъ за самымъ производствомъ подписки“. Короче, комиссія, дѣйствующая по указаніямъ правилъ 30 марта, была совершенно устранена, и все дѣло передано на усмотрѣніе министра финансовъ. Устранено было и требованіе правилъ 30 марта объ оказаніи предпочтенія мелкой подпискѣ передъ крупною. Это правило (30 марта) гласитъ: „комиссія, съ утвержденія министра путёмъ сообщенія, публикуетъ отъ имени министерства приглашеніе къ публичной подпискѣ“ и проч... „и способъ развѣрстки между подписавшимися съ объясненіемъ права на преимущество для подписавшихся на меньшее количество акцій, во всемъ согласно съ уставомъ общества“. Таково требованіе закона, и въ составленныхъ на основаніи его уставахъ 18 ноября и объяснялось, какое именно преимущество должно быть оказано меньшей подпискѣ передъ крупною. Мы уже объяснили его выше: оно было направлено къ тому, чтобы все дѣло по возможности передать въ руки владѣльцовъ 30 акцій, представляющихъ голосъ, затѣмъ болѣе мелкихъ подписчиковъ, а только уже на послѣднемъ планѣ являлась развѣрстка остающихся еще неразобранными акцій между крупными подписчиками. Но въ уставахъ 22 февраля уже нѣтъ ни слова о какомъ-либо преимуществѣ мелкой подпискѣ, а въ самой публікаціи о ней, сдѣланной министерствомъ финансовъ, сказано было только вотъ что: „по окончаніи подписки будетъ произведена развѣрстка пропорціонально суммѣ, на которую состоитъ подписка, причемъ министр финансовъ *предоставляетъ* себѣ право преимущественнаго удовлетворенія мелкихъ подписчиковъ, насколько это будетъ признано возможнымъ“. Итакъ, вмѣсто указанія способа развѣрстки въ уставахъ, съ опредѣленіемъ въ нихъ же, какое именно преимущество будетъ оказано меньшей подпискѣ, какъ то требовалось закономъ, явилось уже простое обѣщаніе министерства финансовъ оказать мелкой подпискѣ преимущество по его усмотрѣнію и то единственно „насколько будетъ признано возможнымъ“.

Послѣ всего, сказаннаго результатъ подписки и развѣрстки легко предугадать, еслибы его и не знали: нѣсколько крупныхъ концессионе-

ровъ, поддержанные петербургскими, московскими и варшавскими банками, внесли десятки миллионовъ рублей и захватили все дѣло въ свои руки. Какъ же произведена была развѣрстка, и въ какой мѣрѣ „призналось возможнымъ“ оказать преимущество меньшей подпискѣ? Достаточно будетъ одного примѣра: по оренбургской дорогѣ сумма подписки была покрыта въ $25\frac{1}{2}$ разъ, такъ что еслибы развѣрстать акціи поровну и безъ всякаго преимущества меньшей подпискѣ, то каждому, подписавшемуся на $25\frac{1}{2}$ потребованныхъ акцій, пришлось бы одна. Такъ и было сдѣлано, но только для крупныхъ подписчиковъ; они и получили по одной акціи на каждыя $25\frac{1}{2}$ ими подписанныхъ. Но меньшіе подписчики, тѣ, которые подписались на менѣе 50 акцій (т.-е. внесли капиталъ не болѣе 6250 р.), получили только по одной акціи. Такимъ образомъ, здѣсь преимущество было оказано прямо крупнымъ подписчикамъ. По другимъ дорогамъ развѣрстка была иная, но общій результатъ ея сведенъ былъ къ тому, что всѣ четыре предпріятія очутились въ рукахъ тѣхъ же концессионеровъ, крупныхъ подписчиковъ, которыхъ устраненіе было прямою цѣлью закона 30 марта 1873 года.

Объяснимъ примѣрными цифрами тотъ механизмъ, посредствомъ котораго происходитъ захватъ акцій и всего предпріятія капиталистами, то-есть концессионерами при помощи банковъ. Основной капиталъ оренбургской дороги объявленіемъ министра финансовъ о подпискѣ опредѣленъ былъ въ 25.695,000 рублей. Этотъ капиталъ образуется выпускомъ, *во-первыхъ*, гарантированныхъ правительствомъ акцій всего на $\frac{1}{4}$ капитала, т.-е. на 6.423,750 р., *во-вторыхъ*, гарантированныхъ правительствомъ облигацій этой дороги на остальныя $\frac{3}{4}$ капитала, т.-е. на 19.271,250 р. Итакъ, къ подпискѣ предлагалось акцій на около $6\frac{1}{2}$ милл. рублей. Для того, чтобы захватить въ свои руки распоряженіе всѣмъ предпріятіемъ надо подписаться на $3\frac{1}{2}$ милл. рублей, то-есть на большую часть всего капитала въ акціяхъ. Захватить дѣло нужно въ самомъ началѣ, то-есть именно до перваго общаго собранія; для этого необходимо внести 10% съ подписной суммы при подпискѣ въ видѣ залога и 10% при развѣрсткѣ, всего 20%; затѣмъ выдаются уже временныя свидѣтельства, обмѣниваемые на акціи, и приобрѣтается право на распоряженіе всѣмъ невнесённымъ еще акціонернымъ капиталомъ. Итакъ, для захвата въ свои руки большей половины этого капитала, представляемой $3\frac{1}{2}$ милл. рублей, достаточно внести пятую часть этой послѣдней суммы, т.-е 700 т. р. Потомъ, когда дѣло будетъ захвачено, деньги на него всегда уже найдутся. При этомъ, нѣтъ даже необходимости имѣть наличный собственный капиталъ въ 700 тысячъ; достаточно было бы капитала въ 70 т. р., такъ какъ

временныя свидѣтельства на 700 т. р. можно будетъ тотчасъ заложить въ государственномъ банкѣ, который выдаетъ по 5% гарантованнымъ бумагамъ въ ссуду $\frac{9}{10}$ капитала. Стало бытъ, нужно только содѣйствіе какого-нибудь частнаго банка, который бы ссудилъ на такое дѣло эти $\frac{9}{10}$ всего на нѣсколько дней, за каковую услугу и можно заплатить ему даже 2% со всего капитала, ибо рѣчь идетъ о захватѣ въ свои руки построекъ на 25 $\frac{1}{2}$ милл. рублей. Но такъ какъ можно предвидѣть, что явятся конкуренты, которые будутъ рассчитывать точно также, то чѣмъ болѣе капиталъ будетъ внесенъ при подпискѣ, тѣмъ лучше; весь вопросъ сводится именно къ тому, кѣмъ будетъ внесенъ наибольшій капиталъ. Въ предположеніи, что подписка будетъ покрыта въ 25 $\frac{1}{2}$ разъ, какъ то было съ оренбургской дорогой, достаточно внести примѣрно своего капитала на 25 $\frac{1}{2}$ разъ 70 т. р. и еще капитала, ссуженнаго частнымъ банкомъ на нѣсколько дней за 2%, на 25 $\frac{1}{2}$ разъ 630 т. р. (тѣ $\frac{9}{10}$, которые вернутся сейчасъ при залогѣ временныхъ свидѣтельствъ въ государственномъ банкѣ). Надо, значитъ, внести своего капитала 1.785,000 р. и банковаго 16.065,000 р., а всего 17.850,000 рублей. Внесшіи такую сумму при подпискѣ и развѣрстѣ по 1 акціи на 25 $\frac{1}{2}$ подписныхъ, уже приобрѣтаетъ въ свои руки 3 $\frac{1}{2}$ изъ 6 $\frac{1}{2}$ милл. всего подписного акціонернаго капитала, и затѣмъ, посредствомъ раздачи своихъ акцій подставнымъ акціонерамъ, получаетъ въ первомъ общемъ собраніи, которое избираетъ правленіе и рѣшаетъ судьбу дороги—большинство голосовъ. При помощи подобнаго механизма, липо, обладающее капиталомъ въ 1.785,000 р., приобрѣтаетъ навѣрняка распоряженіе всѣмъ капиталомъ дороги, то-есть 25.695,000 рублей, изъ которыхъ $\frac{3}{4}$ прямо даны правительствомъ (облигаціонный капиталъ, выдаваемый на постройку); затѣмъ ему уже легко найти деньги для уплаты всѣхъ послѣдующихъ взносовъ по акціямъ, когда дѣло въ его рукахъ.

Та процедура, которая только-что показана въ расчетѣ на основаніи цифръ и условій, относившихся къ оренбургской дорогѣ, была въ дѣйствительности примѣнена къ подпискѣ и на всѣ четыре новыя линіи. Одна компанія концессіонеровъ внесла при помощи банковъ 20 $\frac{1}{2}$ милл. рублей, другія 11 $\frac{1}{2}$ милл., 4 $\frac{1}{2}$ милл., 1 $\frac{1}{2}$ милл. и т. д. Успѣхъ подписки былъ колоссальный: на фастовскую дорогу подписано было въ 43 раза болѣе, чѣмъ предлагалось для подписки, на оренбургскую въ 25 $\frac{1}{2}$ разъ. Мало того, на акціи, еще не выданныя, тотчасъ явилась премія въ нѣсколько рублей, и даже до десятка рублей. Результатъ, повидимому, блестящій. Какое обиліе капиталовъ, какое довѣріе къ будущности желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, какой успѣхъ смѣлыхъ расчетовъ министерства финансовъ! Сотни милліоновъ являлись тамъ, гдѣ требовались только единицы, и 5%

гарантія правительства цѣнилась такъ высоко, что на покупку акцій по цѣнѣ выше *пари* являлось предложеніе, въ нѣсколько десятковъ разъ превышавшее спросъ, а затѣмъ появлялась даже премія. Отсюда можно было заключить, во-первыхъ, что министерство финансовъ, назначивъ высокую цѣну выпуска, одержало, вопреки общеизвѣстнымъ условіямъ нашего рынка, блестящую побѣду; во-вторыхъ, что капиталовъ у насъ теперь такое изобиліе, что и 5% являются необыкновенной для нихъ приманкой, такъ что учетъ долженъ быть еще дешевле этой цифры. И въ самомъ дѣлѣ, въ печати высказано было мнѣніе, что подписка на новыя дороги представила для нашего министерства финансовъ блестящее торжество. О министерствѣ путей сообщенія, котораго и программа дѣйствій, выраженная въ новомъ законѣ, и уставы, первоначально удостоившіеся утвержденія верховной власти, были отложены совершенно въ сторону, при такихъ ликованіяхъ, разумѣется, не упоминалось. Для него это было бы полнымъ пораженіемъ, и стремленіе его устранить концессионеровъ привело только къ самой полной ихъ побѣдѣ.

Но на самомъ дѣлѣ, никакого торжества во всемъ этомъ результатъ и не было ни для кого, кромѣ какъ, съ одной стороны, для концессионеровъ, захватившихъ въ свои руки распоряженіе казенными деньгами, а съ другой—частныхъ банковъ, которые могли получить по 2% за ссуду капитала на нѣсколько дней. Для министерства финансовъ тутъ столь же мало было причины торжествовать побѣду, какъ для министерства путей сообщенія, и вообще во всемъ этомъ дѣлѣ не выражалось въ дѣйствительности ни обилія капиталовъ, ни „довѣрія къ будущности“ и рѣшительно ни одной утѣшительной черты. Совсѣмъ наоборотъ: все это дѣло было довольно призрачное, и обратилось въ громадную спекуляцію нѣсколькихъ лицъ, получившихъ въ свое распоряженіе десятки милліоновъ казенныхъ денегъ.

Начать съ того, что никакого обилія капиталовъ не было, такъ какъ приведенная операція дѣлалась при помощи государственнаго банка, и съ крайними потугами частныхъ банковъ Петербурга, Москвы и Варшавы. О какомъ обиліи капиталовъ могла быть рѣчь, когда за ссуду на нѣсколько *дней* платилось два и болѣе процента?! Оказывается, что мнимое обиліе капиталовъ, вмѣсто того, чтобы понизить учетъ, заставило государственный банкъ поднять его размѣръ до 8% (съ 10-го апрѣля). Напряженіе рынка было таково, что всѣ ссудныя и учетныя операціи на петербургской биржѣ прекратились!

Затѣмъ, обратимся къ „торжеству“ расчетовъ министерства финансовъ. Еслибы стремленіе капиталовъ къ подпискѣ на гарантированныя акціи новыхъ желѣзныхъ дорогъ побуждалось одной выгодностью помѣщенія капитала въ эти бумаги, то само собою разу-

мѣется, что и всѣ прочія гарантированныя правительствомъ или имъ выпущенныя 5% бумаги поднялись бы на ту же цѣну. Между тѣмъ, что же было въ дѣйствительности? Въ то время, какъ на акціи новыхъ дорогъ подписывались по цѣнѣ 100 р. металл. за 100 металл. номинальнаго капитала, и покрывали подписку въ 25, 43, 48 и даже 174 раза, такъ что образовалась уже премія 10—15 рублей,—пятипроцентныя же билеты государственнаго банка стояли 96½ за 100 (биржа 9-го апрѣля)! Итакъ, успѣхъ подписки зависѣлъ вовсе не отъ государственнаго кредита или расчетовъ министерства финансовъ, основанныхъ на общихъ экономическихъ соображеніяхъ. Онъ зависѣлъ просто оттого, что нѣсколько лицъ шли на дѣло въ прямомъ коммерческомъ смыслѣ невыгодное, жертвовали 2% за ссуду на нѣсколько дней для пріобрѣтенія *al pari* и даже выше пари 5% бумагъ, которыя они могли получить подъ инымъ наименованіемъ безъ всякой жертвы и ниже пари на 3½ р. со ста. Шли же они на такое, въ прямомъ смыслѣ невыгодное дѣло, для того, чтобы захватить въ свои руки распоряженіе постройкою дорогъ на тѣ ¾ всего основнаго капитала дорогъ, которыя представляются капиталомъ облигаціоннымъ, имѣющимъ быть выпущеннымъ казною. Стало быть, дѣло шло о покупкѣ привилегіи, о пріобрѣтеніи настоящаго откупа. И подписки эти совершенно имѣли характеръ прежнихъ винныхъ откуповъ. Вотъ почему, еслибы министерство финансовъ назначило подписную цѣну не только *al pari*, но и 25% выше пари, то и тогда подписка была бы навѣрное покрыта въ нѣсколько разъ. Но ясно, что при этомъ уже не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо торжествѣ соображеній министерства финансовъ, такъ какъ вся побѣда возникла изъ соображеній вовсе не кредитнаго свойства.

Теперь, изложивъ въ какое отношеніе стало образованіе новыхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ къ закону 30-го марта 1873 года, и какъ результатъ подписокъ на новыя акціи оказался прямо противоположнымъ цѣли того закона, намъ остается объяснить, какимъ образомъ все дѣло было устроено еще до подписки и откуда явилось то, что уставы четырехъ дорогъ, Высочайше утвержденныя 18-го ноября, должны были уступить мѣсто уставамъ, Высочайше утвержденнымъ 22-го февраля. Въ прежнихъ, какъ и во вторыхъ уставахъ, постановлялось относительно гарантіи акцій слѣдующее: „акціямъ общества даруется правительствомъ *абсолютная гарантія* ежегоднаго дохода въ размѣрѣ 5% интереса и 1/10% погашенія на нарицательную стоимость всѣхъ акцій“. Что разумѣлось подъ именемъ „абсолютной“ гарантіи, въ уставахъ 18-го ноября объяснено не было. Но впоследствии, уже по утвержденіи ихъ, когда въ финансовомъ комитетѣ обсуждались условія выпуска акцій, вопросъ

этотъ былъ рѣшенъ въ такомъ смыслѣ, чтобы можно было выпускъ акцій сдѣлать *al pari*. Еслибы 5% гарантія, уплачиваемая или доплачиваемая правительствомъ, поступала въ счетъ доходовъ предпріятія, наравнѣ съ прочими доходами, то акціонеры могли бы и не получать съ своего капитала 5%, такъ какъ дороги вообще въ первые годы не могли принести значительнаго дохода, и, напр., оренбургская и уральская дороги, быть можетъ, и на много лѣтъ не обѣщаютъ стать доходными. Итакъ, часть гарантированного дохода поглощалась бы расходами. А такъ какъ другія правительственныя бумаги даютъ прямо 5% и болѣе, то было ясно, что выпускъ акцій по нарицательной цѣнѣ, притомъ съ условіями, направленными къ устраненію захвата самой постройки дороги въ руки нѣсколькихъ концессионеровъ, не могъ бы имѣть успѣха. Надо было или, сохранивъ прежніе уставы, пустить акціи значительно ниже пары, или же для выпуска *al pari*—перемѣнить уставы такимъ образомъ, чтобы гарантируемый акціонерамъ 5% доходъ не подлежалъ уже никакому сокращенію отъ расходовъ. При этомъ, для большей вѣрности успѣха подписки *al pari* представлялось еще одно средство—устранить изъ утвержденныхъ уже уставовъ все, что было прямо направлено къ устраненію концессионеровъ. Въ первомъ случаѣ, т.-е. еслибы акціи были выпущены гораздо ниже нарицательной цѣны, дѣло представлялось бы въ обыкновенныхъ условіяхъ всякаго коммерческаго дѣла: платить менѣе 100 р. за приобрѣтеніе дохода, который, хотя и гарантированный, могъ въ дѣйствительности оказаться менѣе 5%. Успѣхъ подписки при такихъ условіяхъ зависѣлъ бы уже только отъ того, насколько акціи были бы выпущены ниже нарицательной цѣны. Но, въ случаѣ успѣха, можно было все-таки ожидать, что составятся общества дѣйствительныхъ акціонеровъ-хозяевъ. Казалось бы, если ужъ признавалось необходимымъ для постройки желѣзной дороги, которой правительство прямо даетъ $\frac{3}{4}$ капитала (выпускомъ облигацій), и на остальную $\frac{1}{4}$ гарантируетъ доходъ, учреждать акціонерное общество, то ужъ нужно было прежде всего заботиться о томъ, чтобы общество это было дѣйствительное, а не призрачное, состоящее изъ подставныхъ лицъ. Только при такомъ условіи можно было ожидать тѣхъ выгодъ, какія можетъ представить частная инициатива въ этомъ дѣлѣ: серьезной провѣрки расходованія суммъ и вообще отчетности и стремленія акціонеровъ къ возвышенію доходности дороги, отъ которой прямо зависѣлъ бы ихъ доходъ на акціи, хотя и гарантированный номинально.

Но выше всѣхъ подобныхъ соображеній, повидимому, поставленъ былъ такой взглядъ, что „неудобно“ выпускать желѣзно-дорожныя акціи ниже пары; что это можетъ „поколебать довѣріе къ нашему

железно-дорожному дѣлу и даже государственный кредитъ за-границею". Можно, конечно, удивляться, почему этотъ взглядъ не былъ заявленъ раньше, почему поднесены были къ утверженію и опубликованы уставы 18-го ноября? Которая же нибудь изъ трактованныхъ о предметѣ сторонъ дѣлала при этомъ огромную ошибку: та ли, которая вызвала правила 30-го марта и уставы 18-го ноября, или та, которая требовала теперь устраненія и передѣлки правилъ. Но тутъ взглядъ о преобладаніи неудобства выпускать акціи ниже пары восторжествовалъ. Въ такомъ случаѣ логично было одно—отмѣнить подписку и оставить постройку дорогъ въ рукахъ казны, предоставляя себѣ передать впослѣдствіи дороги, уже выстроенныя, въ руки обществъ дѣйствительныхъ. Правительство, которое даетъ на постройку и обзаведеніе дороги $\frac{3}{4}$ капитала, а остальную $\frac{1}{4}$ готово гарантировать, легко можетъ обойтись и вовсе безъ содѣйствія акціонернаго общества, даже дѣйствительнаго. Содѣйствіе же общества призрачнаго, простой ширмы, за которой стоятъ концессіонеры, могло обѣщать только вредъ, такъ какъ спекулянты вносили бы $\frac{1}{4}$ капитала лишь для того, чтобы захватить распоряженіе постройкою и обзаведеніемъ на казенныя деньги, и ихъ интересы не имѣли бы ничего общаго съ коммерческою доходностью дороги; ихъ проверка расходованія и отчетности вообще была бы направлена къ возможному затемненію счетовъ; короче, отъ такого „содѣйствія“ можно было ожидать только вреда. Лучше ужъ было бы прямо отдавать постройку дороги концессіонерамъ съ подряда, безъ всякихъ обществъ, потому что тогда, по крайней мѣрѣ, исчезла бы та двусмысленность, та призрачная гласность и тѣ фальшивыя формы веденія дѣла, которыя доселѣ давали поводъ къ нареканіямъ, даже и незаслуженнымъ, быть можетъ, но весьма невыгоднымъ для общественной нравственности.

Къ сожалѣнію, именно ясной-то постановкѣ и не было дано дѣлу. Постройка новыхъ дорогъ не была оставлена за казной и не была сдана прямо въ руки подрядчиковъ-концессіонеровъ. Избрано было нѣчто такое, что не только сохранило всѣ невыгоды, неясность и темноту прежней системы концессій, но, какъ объяснено выше, дало концессіонерамъ еще болѣе простора и нѣкоторыя выгоды. Къ параграфу прежнихъ уставовъ, опредѣлявшему гарантію, было сдѣлано слѣдующее прибавленіе: „слѣдующія по сей гарантіи уплаты выдаются правительствомъ полностью держателямъ акцій, причемъ никакія требованія общества или кредиторовъ онаго не могутъ быть отнесены на суммы, подлежащія къ означенной уплатѣ по акціямъ“.

Успѣхъ подписки по цѣнѣ немного ниже пары былъ бы уже обезпеченъ и этимъ, потому что на акціи подписывались бы просто какъ

на правительственныя 5% бумаги съ $\frac{1}{10}$ % погашенія; подписывалась бы публика, но единственно въ виду опредѣленнаго процента; подписчикамъ изъ публики, приобретающимъ безусловно гарантированный, независимо ни отъ какихъ расходовъ дороги, процентъ, не было бы никакого дѣла до судьбы этой дороги, потому что на превышеніе чистымъ доходомъ гарантированнаго процента никто бы не рассчитывалъ. Итакъ, явились бы акціонеры не подставные, но все-таки и не дѣйствительные; насколько акціи попали бы въ руки не концессионеровъ, но публики, онѣ вовсе не представляли бы голосовъ; частнаго контроля, общественной инициативы все разное не образовалось бы.

Но такъ какъ подписка была назначена *à pari*, то понятно, что публика и вовсе въ ней не приняла участія; зачѣмъ покупать 5% акцію за 100, когда можно купить 5% билетъ за 96? Другое дѣло—концессионеры. Ихъ расчетъ, какъ уже не разъ замѣчено выше, совсѣмъ иной; они не только согласны были купить за 100 то, чтó стоило 96, но еще заплатить 2% за поддержаніе на нѣсколько дней капитала въ 25 разъ превышавшаго ихъ собственныя средства, то-есть понести большую потерю въ расчетѣ на громадныя барыши отъ постройки на облигаціонный капиталъ, который имъ дастъ казна. А что при назначеніи выпуска акцій *à pari* уже имѣлось въ виду, что дѣло должно перейти въ руки концессионеровъ, это доказывается устраненіемъ въ окончательныхъ уставахъ всякихъ правилъ относительно разверстки, которая и была предоставлена усмотрѣнію министерства финансовъ. Мы уже видѣли, что сдѣланная разверстка только подтвердила тотъ фактъ, что новыя желѣзныя дороги по прежнему попали въ руки концессионеровъ. Во всемъ этомъ весьма мало утѣшительнаго, такъ какъ всѣ прежнія невыгодныя формы и призрачность общественнаго контроля въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ сохраняются въ силѣ. Остается только пожелать, чтобы концессионеры одни и пользовались такими невыгодными для самого дѣла условіями.

Итакъ, хозяевами дѣла снова лвятся концессионеры за ширмою призрачныхъ акціонерныхъ компаній. Образованіе серьезныхъ компаній дѣйствительныхъ акціонеровъ устранено, а между тѣмъ, при передѣлкѣ уставовъ 18 ноября въ уставы 22 февраля, оставлена была та весьма важная выгода, которою правительство рассчитывало привлечь къ подпискѣ настоящую публику: оставлены были безъ измѣненія высокія расцѣночныя вѣдомости работъ, оставлены въ чью пользу—въ пользу тѣхъ крупныхъ промышленниковъ-концессионеровъ, которые захватили теперь въ свои руки постройку новыхъ четырехъ линій. При объявленіи о подпискѣ на уральскую и привислянскую дороги, впрочемъ, сдѣлано было уменьшеніе противъ рас-

цѣночныхъ вѣдомостей, собственно по этихъ двумъ дорогамъ, вслѣдствіе удешевленія стоимости рельсовъ: по первой на $\frac{1}{2}$ милл. р., по второй на 308 т. р., т.-е. въ общей сложности на 10% по этой собственно статьѣ. По двумъ же первымъ дорогамъ, высокія расцѣночныя вѣдомости такъ и остались безъ измѣненія въ пользу концессионеровъ.

Мало того. Теперь концессионеры будутъ имѣть въ новыхъ минимыхъ обществахъ еще болѣе простору, чѣмъ въ прежнихъ, въ томъ смыслѣ, что они будутъ нуждаться менѣе прежняго даже и въ подставныхъ акціонерахъ. Дѣло въ томъ, что при составленіи уставовъ 18 ноября, министерство путей сообщенія, имѣя въ виду оказаніе рѣшительнаго преимущества подпискѣ на меньшее количество акцій, допустило въ этихъ уставахъ правило, что каждая 30 акцій даютъ право на одинъ голосъ и что одно лицо можетъ имѣть столько голосовъ, сколько разъ число владѣемыхъ имъ акцій дѣлится на 30, съ тѣмъ единственно ограниченіемъ, что одинъ акціонеръ не можетъ имѣть голосовъ болѣе, чѣмъ насколько даетъ право владѣнія одной десятой частью всего акціонернаго капитала (считая по 1 голосу на каждая 30 акцій). Ясно, что еслибы министерству путей сообщенія сказали тогда, что вслѣдствіе такого правила общія собранія могутъ состоять всего изъ 10 лицъ, если 10 лицамъ удастся захватить всю подписку, то министерство имѣло бы полное основаніе возразить: правила, положенныя нами для развѣрстки, таковы, что этого случиться не можетъ; новыя общества будутъ состоять изъ дѣйствительныхъ акціонеровъ. Но при послѣдовавшей перемѣнѣ уставовъ, правила развѣрстки, какъ уже сказано было, устранены, а правило относительно числа голосовъ оставлено безъ измѣненія. Такимъ образомъ, еслибы образовалось товарищество (consortium) трехъ концессионеровъ и захватило всю подписку въ свои руки, то они находили бы въ собраніяхъ новыхъ обществъ еще болѣе простора, чѣмъ въ собраніяхъ прежнихъ; по общимъ правиламъ желѣзно-дорожныхъ уставовъ число голосовъ, какое можетъ имѣть одинъ акціонеръ, ограничивается 10-ю; даже если все дѣло находится въ дѣйствительности во однѣхъ рукахъ, остальные голоса приходится переводить на подставныхъ акціонеровъ. Такъ будетъ и теперь, но теперь по новымъ уставамъ, къ силу приведеннаго правила, товариществу трехъ лицъ, захватившихъ въ свои руки подписку, достаточно будетъ по-давать самимъ голоса за $\frac{3}{10}$ акціонернаго капитала, а на остальные $\frac{7}{10}$ пріискать всего 7 лицъ подставныхъ, и тогда общее собраніе будетъ состоять всего изъ 10 лицъ. Въ дѣйствительности первыя общія собранія составились изъ 60—70 лицъ, но и это было только „для виду.“

Въ подпискѣ на оренбургскую и фастовскую дороги публика почти совсѣмъ не принимала участія; внесено было по нимъ при подпискѣ наличными деньгами, въ видѣ взноса по 10% на одну акцію—около 70 милл. рублей, и сумма подписки была покрыта по первой дорогѣ въ 25½, по второй въ 43 раза. Но эти размѣры были еще превзойдены при слѣдующей подпискѣ на остальные двѣ линіи: привислянскую и уральскую. По нимъ внесено было наличныхъ денегъ около 137½ милл. рублей, причемъ въ подпискѣ приняли сильное участіе Москва и Варшава, и даже былъ доставленъ, по слухамъ, цѣлый вагонъ золота изъ Парижа. Подписка по привислянской дорогѣ была покрыта въ 174 раза, а по уральской въ 58½ разъ. Разверстка при этомъ была сдѣлана такъ: по привислянской дорогѣ подписчики на менѣе 176 (т.-е. отъ 1 до 175 вкл.) акцій получили *одну* акцію; остальные же подписчики по *одной* акціи на каждыя 217 подписныхъ; по уральской—подписчики на 1 до 59 акцій—*одну*, остальные по *одной*, на каждыя 62 подписныхъ. Такимъ образомъ, лица изъ публики вовсе не могли получить 30 акцій, дающихъ право на 1 голосъ, и все дѣло было захвачено тѣми, кто могъ подписаться (по привислянской дорогѣ) на 6510 акцій, т.-е. внести не менѣе 91½ т. р. при подпискѣ для полученія 30 акцій, дающихъ право на 1 голосъ въ собраніи. Запросъ на наличные капиталы въ Петербургѣ дошелъ до того, что частныя банки прекратили операціи по ссудамъ и учѣту векселей. И дѣйствительно, зачѣмъ отдавать деньги въ ссуду по 8% въ годъ въ тѣ дни, когда за нихъ даютъ 2 и 2½% за недѣлю, т.-е. 108—130% по годовому разсчету. Картина привислянской и уральской подписки въ государственномъ банкѣ была поразительная: являлись дисциплинированныя толпы фабричныхъ, прикащиковъ, мастера съ подмастерьями и учениками, пришла даже содержательница моднаго магазина съ отрядомъ сорока дѣвушекъ. Нѣкоторыя толпы были, по всѣмъ признакамъ, подсланы крупными спекулянтами; доказательствомъ тому можетъ служить фактъ, что артель посыльныхъ получила предложеніе одного капиталиста явиться въ цѣломъ своемъ составѣ въ банкъ для участія въ подпискѣ на его деньги; артель, говорятъ, отвергла это предложеніе. Но обстоятельство это служитъ къ уясненію характера подписки, на которую хотя явились толпы, но толпы въ значительной степени именно „приведенныя“ или „подсланныя“ руководителями. Публика, впрочемъ, въ подпискѣ на привислянскую дорогу приняла нѣкоторое участіе, такъ какъ хозяйку швейнаго магазина, напр., нельзя отнести къ сословію концессионеровъ и биржевиковъ. Но самый способъ захвата посредствомъ подставныхъ лицъ, къ какому прибѣгали при этомъ лица изъ публики, показываетъ, какое демора-

лизирующее вліяніе оказываетъ на общество система захвата дорогъ концессионерами съ обстановкою призрачныхъ формъ и призрачныхъ обществъ. Ясно, что хозяйка швейнаго магазина привела своихъ работницъ для полученія акцій не потому, что ее прельщали 5% правительственная гарантія или возможный чистый доходъ привислянскій дороги сверхъ этой цифры, но съ цѣлю перепродать полученные фальшивымъ образомъ на имя подставныхъ лицъ акціи—концессионерамъ, потому что премія на акціи являлась именно только вслѣдствіе стремленія концессионеровъ къ захвату и исполнѣ основательной ихъ надежды, что захватъ имъ удастся.

Дальнѣйшій результатъ сказался въ первомъ общемъ собраніи, бывшемъ послѣ подписки, а именно въ собраніи 14-го апрѣля „акціонеровъ“ оренбургской дороги. „Акціонеровъ“ явилось всего около 70, представлявшихъ 1,179 голосовъ; но „акціонеровъ“ могло быть и 10. Ими выбрано было правленіе, разумѣется, изъ слѣдующихъ лицъ: гг. Губонина, Полякова и Варшавскаго, къ которымъ былъ присоединенъ г. Граве; т.-е., избраны были въ хозяева концессионеры, которымъ въ дѣйствительности досталась дорога. „Все дѣло“,—говорила одна газета,—„окончилось въ нѣсколько минутъ, исполнѣ полюбовно“. Въ первомъ общемъ собраніи „акціонеровъ“ фастовской дороги, происходившемъ въ тотъ же день вечеромъ, присутствовало 60 лицъ, съ правомъ на 787 голосовъ; и тутъ въ правленіи избраны были „единогласно“: гг. Губонинъ, Поляковъ и Варшавскій, къ которымъ былъ присоединенъ г. Кислаковскій.

При подпискѣ на привислянскую дорогу главными конкуррентами были варшавскій банкиръ г. Кроненбергъ, который, по слухамъ, одинъ внесъ въ государственный банкъ наличными деньгами до 67½ милл. рублей (!?) и варшавскій же банкиръ г. Блюхъ, поддерживаемый двумя здѣшними банками. При подпискѣ на уральскую дорогу главными конкуррентами явились снова гг. Губонинъ, Поляковъ и Варшавскій, поддерживаемые одними здѣшними и московскими банками. По слухамъ же, главные участники всѣхъ этихъ подписокъ уже распредѣлили между собой четыре предпріятія такимъ образомъ, что оренбургская дорога *досталась* г. Полякову, фастовская—г. Варшавскому, привислянская—г. Кроненбергу, а уральская—гг. Губонину и Полякову вмѣстѣ.

Если отъ государственнаго хозяйства, въ которомъ затраты на желѣзно-дорожное дѣло играютъ важную роль, перейдемъ къ городскому хозяйству нашихъ столицъ, дѣлающихъ первые шаги на новомъ поприщѣ самоуправленія, открытымъ примѣненіемъ къ нимъ новаго городского положенія, то здѣсь встрѣтимся съ однимъ преобладаю-

ющимъ фактомъ: стремленіемъ увеличить сумму городскихъ доходовъ. Такое стремленіе всегда естественно, но въ столицахъ нашихъ въ настоящее время оно является еще вынужденнымъ вслѣдствіе возрастанія обязательныхъ расходовъ. Въ Петербургѣ на 1874 годъ исчислено доходовъ 3.905,754 р., а расходовъ 4,351,121 р.; такимъ образомъ, предвидится дефицитъ въ 475,405 р., который и относится насчетъ городскихъ капиталовъ. Въ прошломъ году на капиталы было отнесено дефицита 1.473,568 р. Обращеніе части капиталовъ на текущіе расходы сдѣлалось такой привычкою петербургскаго городского хозяйства, что въ 1866 году изъ нихъ взято было 82,193 р., несмотря на то, что доходы по смѣтѣ превышали расходы. Но въ настоящее время отнесеніе части расходовъ на капиталы явилось дѣйствительной необходимостью. Достаточно напомнить, что изъ доходовъ въ 3 м. 900 т. р. Петербургъ издерживаетъ на одну полицію 1 м. 17 т. р., а строительныхъ работъ производитъ на 741 т. р., и на содержаніе мировыхъ судовъ и городского управленія и освѣщеніе города издерживается болѣе 1 милл. руб.; затѣмъ и остается немого болѣе 1 милл. р. *на все остальное.*

Для возвышенія городскихъ доходовъ въ Петербургѣ теперь приходится въ исполненіе мѣра, которой необходимость не могла подлежать и спору: переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ столицы. Замѣчательно, что по налогу съ недвижимыхъ имуществъ въ городѣ состоятъ недоимки до 350 т. р.; казалось бы, недоимокъ съ доходныхъ статей, подлежащихъ немедленному взысканію вообще, не должно бы быть, и приведенный фактъ долженъ быть отнесенъ къ упущенію со стороны либо прежнихъ городскихъ управленій, либо административныхъ вѣдомствъ, властвующихъ имуществами, приносящими доходъ и обложенными налогомъ въ пользу города наравнѣ съ частными имуществами. Последняя общая оцѣнка недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ была произведена въ 1846 году. Ясно, что съ тѣхъ поръ доходность съ домовъ должна была значительно возрасти вслѣдствіе двухъ причинъ — увеличенія числа жителей и возвышенія цѣнъ вообще. Увеличеніе населенія за время 1846—1869 годовъ представляетъ около 225 т. душъ (съ 443 т. на 668 т.). Налогъ на недвижимыя имущества, по 1% съ оцѣнки, составляетъ болѣе 35% всей суммы доходовъ города; цифра его была опредѣлена на 1873 г. въ 1.317,662 р., и на 1874 г. предположена въ 1.370,538 р. Можно предполагать, что переоцѣнка имуществъ, производимая въ настоящее время, подниметъ цифру городского поземельнаго сбора на около трети, такъ что нынѣшній размѣръ дефицита уже почти покрывался бы однимъ этимъ возвышеніемъ.

Но возвышеніе столичныхъ доходовъ не должно ограничиться

одной переоцѣнкой недвижимыхъ имуществъ. Необходимо, какъ мы уже доказывали въ одномъ изъ предшествующихъ обзорѣй, подвергнуть пересмотру сперва въ думѣ, а потомъ и законодательнымъ порядкомъ, всю систему городскихъ сборовъ, которая въ дѣйствительности вовсе не есть система, но совокупность введенныхъ въ разное, отчасти отдаленное, время видовъ налога, представляющая большую неравномѣрность и значительные пробѣлы. Къ этому предмету мы еще возвратимся при удобномъ случаѣ, теперь же упомянемъ о проектѣ, бывшемъ въ прошломъ мѣсяцѣ предметомъ весьма оживленныхъ споровъ въ здѣшней думѣ, а именно о проектѣ очистки города, предложенномъ г. Буровымъ. Предложеніе его отклонено, и заносъ его въ хронику вопросовъ, обратившихъ на себя общее вниманіе, мы можемъ ограничиться нѣсколькими словами. Г. Буровъ, въ компаніи съ г. Поллардомъ, предлагалъ отводъ нечистотъ изъ 9-ти незарѣчныхъ частей города по изобрѣтенному имъ пневматическому способу, то-есть посредствомъ трубъ, высасывающихъ нечистоты изъ выгребныхъ и помойныхъ ямъ, съ обязательствомъ домовладѣльцевъ платить компаніи за эту очистку въ опредѣленномъ размѣрѣ, и съ обязательствомъ для города, что эта ежегодная плата составитъ въ годъ не менѣе 948,227 рублей. По расчетамъ же оппонентовъ этого проекта, ежегодная сумма, которая причлась бы компаніи, достигала бы 1 милл. 400 слишкомъ тысячъ рублей, а такъ какъ нынѣ вся очистка, по свѣдѣніямъ городского управленія, обходится Петербургу въ 829 т. р., изъ которыхъ около 400 т. р. представляются еще расходомъ собственно на уборку снѣга, то отсюда заключалось, что, при принятіи проекта Бурова, удаленіе нечистотъ обойдется обывателямъ около 1 милл. рублей дороже, чѣмъ теперь. Контрактъ предполагался на 81 годъ. Проектъ Бурова былъ, по первоначальному разсмотрѣнію городской думы, подвергнутъ опыту, на который городъ выдалъ 40 т. р. Результатъ этого опыта былъ благопріятенъ, но такъ какъ опытъ былъ произведенъ на небольшомъ сравнительно пространствѣ, причемъ аппаратъ дѣйствовалъ недалеко отъ выгребовъ, то и оставалось сомнѣніе: можетъ ли пневматическій способъ удовлетворительно дѣйствовать на разстояніи всего діаметра Петербурга. Къ тому же, противниками пневматическаго проекта въ печати и въ средѣ думы заявлено было мнѣніе, основанное отчасти на соображеніяхъ, одержавшихъ верхъ въ Берлинѣ, что удаленіе однихъ нечистотъ не достигаетъ цѣли, такъ какъ при немъ все-таки останется неудаленною вредная вода и что, поэтому, слѣдуетъ отдать рѣшительное предпочтеніе устройству правильной канализаціи, которая вообще понизила бы уровень почвенной воды и осушила бы городъ. Зато, противъ возможности устройства канализаціи въ Петербургѣ приво-

дили низменность его положенія, отсутствіе или слабость естественныхъ склоновъ. Наконецъ, въ засѣданіи думы 10 апрѣля, послѣ рѣчи г. Домонтовича, бывшаго предсѣдателемъ городской комиссіи по этому предмету, и настаивавшаго главнымъ образомъ на невыгодности для города связать себя обременительнымъ контрактомъ на 81 годъ, внесено было предложеніе о прекращеніи преній, и въ заключеніе проектъ г. Букова былъ отвергнутъ 92 голосами противъ 19, какъ основанный на способѣ, нигдѣ еще не испытанномъ въ достаточныхъ размѣрахъ. Затѣмъ, избрана была особая комиссія для изысканія наилучшихъ способовъ къ отводу нечистотъ. Надо надѣяться, что дѣло это не будетъ само сдано въ архивъ вмѣстѣ съ проектомъ Букова. Какъ бы то ни было, цифры смертности, собранныя докторомъ Гюбнеромъ, показываютъ, что на 1000 умирающихъ въ Петербургѣ 54 умираютъ отъ тифа, а 35 отъ холеры, стало быть, удаленіе нечистотъ есть все-таки дѣло весьма важное и слѣшное; безъ всякаго сомнѣнія болѣе важное и болѣе настоятельно нужное, чѣмъ украшеніе великолѣпнымъ адмиралтейскимъ скверомъ, съ фонтаномъ и цвѣтами, города, въ которомъ ежегодно умираетъ отъ тифа и холеры нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Въ Москвѣ стремленіе къ возвышенію суммы городскихъ доходовъ выразилось обсуждавшимся въ мартѣ и принятомъ тамошней думой проектъ замѣны адреснаго и больничнаго сборовъ общимъ налогомъ въ пользу города и на больницу съ занимающихся личнымъ трудомъ, то-есть не только съ лицъ, платившихъ прежній адресный сборъ, но и съ лицъ такъ-называемыхъ „свободныхъ“ профессій, за исключеніемъ, впрочемъ, состоящихъ на государственной и общественной службѣ, а также священно- и церковно-служителей. Москва, какъ и Петербургъ, по необходимости должна изыскивать новыя средства для покрытія возрастающихъ городскихъ расходовъ, и совершенно справедливо стремится при этомъ къ установленію болѣе равномѣрности въ обложеніи. Но принятый нынѣ въ московской думѣ проектъ представляется неудовлетворительнымъ, какъ по своему объему, то-есть по очерчиваемому имъ кругу плательщиковъ, такъ и по устанавливаемому имъ, весьма сложному, способу взиманія.

Возникъ настоящій проектъ вслѣдствіе того, что въ прошломъ году новому городскому управленію переданы были генераль-губернаторомъ для обсужденія временныя правила, составленныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, „о порядкѣ взиманія въ Петербургѣ и Москвѣ сборовъ городского и больничнаго съ „промышленныхъ личнымъ трудомъ“, съ цѣлью отмѣны нынѣшнихъ адресныхъ билетовъ. Самыя эти правила и составлены единственно съ цѣлью измѣнить порядокъ взиманія адреснаго сбора, и вовсе не имѣютъ въ виду

привлечь къ нему новыхъ плательщиковъ, однимъ словомъ преобразовать его въ иной налогъ. Но московская дума уже десять лѣтъ тому назадъ ходатайствовала именно о преобразованіи адреснаго сбора въ иной налогъ, падающій на трудъ по найму вообще. Въ 1872 году, когда временныя правила присланы были на обсужденіе прежняго городского управленія, московская дума уже рѣшила въ принципѣ вопросъ о привлеченіи къ городскому сбору трудящихся „свободныхъ“ профессій. Теперь, когда тѣ же временныя правила были вновь переданы на обсужденіе новаго городского управленія, вопросъ этотъ былъ поднятъ вновь; при этомъ управою былъ внесенъ съ нѣсколькими измѣненіями проектъ уже выработанный въ 1872 году, и онъ-то, за новыми измѣненіями въ нынѣшнемъ собраніи, и одобренъ думою. Такимъ образомъ, при рѣшеніи вопроса о новомъ способѣ взиманія адреснаго сбора въ законодательномъ порядкѣ, будетъ имѣться въ виду со стороны московской думы такой отзывъ, что самый сборъ этотъ долженъ быть совершенно преобразованъ, съ привлеченіемъ къ нему всѣхъ занимающихся въ столицахъ трудомъ, какъ чернорабочихъ, такъ и докторовъ, писателей, артистовъ и т. д., за исключеніемъ чиновниковъ, духовныхъ и дьячковъ. Вопросъ о взиманіи адреснаго сбора въ законодательномъ порядкѣ долженъ быть рѣшенъ въ теченіе года, такъ какъ городское положеніе оставляетъ адресные сборы въ столицахъ только до іюня 1875 года.

Обременительность нынѣшняго взиманія городского сбора съ рабочихъ, посредствомъ адресныхъ билетовъ, которые удваиваютъ и безъ того нелегкую паспортную процедуру, слишкомъ очевидна. Необходимость болѣе равномѣрности въ обложеніи сборомъ также очевидна. Въ Москвѣ существуютъ всего два разряда адреснаго сбора — 3 р. и 90 к. съ мужчинъ, 50 и 30 к. съ женщинъ; сверхъ того сборъ на больницу 70 коп. Въ Петербургѣ при установленіи адреснаго сбора предполагалась болѣе соразмѣрность налога съ заработками, и въ пяти разрядахъ сбора существующихъ здѣсь цифръ налога возвышается отъ 86 коп. до 7 р. 50 коп. Но, какъ извѣстно, установленіе такихъ разрядовъ не достигаетъ цѣли, потому что, напр., подрядчики и отставные чиновники, занимающіеся стряпческими дѣлами, не берутъ адресныхъ билетовъ, хотя обязаны ихъ брать; не берутъ ихъ и частные учителя, гувернеры, компаньоны и т. д.

Адресные билеты берутся почти исключительно слугами и рабочими, занимающимися ручнымъ трудомъ; при этомъ большинство слугъ и рабочихъ, подлежащихъ одному изъ высшихъ разрядовъ, берутъ адресные билеты низшаго разряда, подъ именемъ чернорабо-

чихъ. Такимъ образомъ, въ концѣ выходитъ, что одинаковый сборъ (адресный и больничный) около 1 р. 50 коп. уплачиваютъ какъ чернорабочіе, получающіе въ мѣсяцъ рублей семь, такъ и лица, служащіе по найму рублей за 20 въ мѣсяцъ; а другіе, съ еще большими заработками, не платятъ городу ничего.

Нѣтъ сомнѣнія, что обложеніе должно быть болѣе равномерное и что если въ пользу города облагаются чернорабочіе, то нѣтъ основанія не облагать въ его пользу лицъ „свободныхъ профессій“. Но здѣсь тотчасъ представляется вопросъ, который способенъ измѣнить всю постановку дѣла; спрашивается, почему же въ пользу города будутъ облагаемы только лица работающія, и почему отъ налога освобождаются лица, ничего не дѣлающія, но пользующіяся гораздо болѣе рабочихъ удобствами столичной жизни? Ясно, что для достиженія дѣйствительной равномерности слѣдовало бы просто обложить налогомъ доходъ каждого обывателя столицы, будь этотъ доходъ отъ труда или отъ такого имущества, которое не обложено въ пользу столицы, напр., съ имѣнія или капитала; при этомъ низшей степенью подоходнаго налога и явился бы уже налогъ на ручной трудъ, равный для всѣхъ его отраслей. Это было бы согласно съ тѣмъ справедливымъ принципомъ, что налогъ на трудъ вообще можетъ быть допускаемъ, только какъ низшая степень налога на доходъ, отдѣльно же не имѣетъ никакого оправданія и возвращалъ бы насъ къ раздѣленію гражданъ на „податныхъ“ и „привилегированныхъ“ сословія,—раздѣленію, которое, по общему сознанию, требуется устранить. Но подоходный налогъ, съ податью на ручной трудъ, какъ его интегральной частью, есть уже, очевидно, налогъ государственный, и если города могутъ установить его и въ свою пользу, то не иначе, какъ по установленію его сперва въ государствѣ, и въ видѣ добавочныхъ процентовъ въ пользу города къ цифрамъ государственнаго подоходнаго обложенія. Что мысль эта не осталась несознанною въ средѣ московской думы, доказывается предложеніемъ гласнаго Ю. Самарина: заявить правительству, что въ „надеждѣ на упраздненіе государственнаго подушнаго налога и на замѣну его государственнымъ личнымъ налогомъ въ болѣе совершенной формѣ поразряднаго или иной, дума заранѣе изъявляетъ свою готовность, когда эта надежда исполнится, отказаться отъ налога на промышленяющихъ личнымъ трудомъ, предоставляя себѣ въ то время войти съ ходатайствомъ о замѣнѣ его процентнымъ обложеніемъ въ видѣ приплаты въ пользу города къ государственному личному налогу“. Къ сожалѣнію, предложеніе это было внесено уже по принятіи думою проекта управы о городскомъ налогѣ на всѣхъ „промышленяющихъ личнымъ трудомъ“. Дума не хотѣла „слишкомъ поспѣшно“

рѣшить вопроса, заключеннаго въ этомъ, совершенно рациональномъ предложеніи, и постановила подвергнуть его особому обсужденію, а по особомъ обсужденіи приняла предложеніе г. Самарина, въ видѣ оговорки къ своему проекту. По нашему же мнѣнію, дума могла даже ограничиться принятіемъ приведенной части изъ предложенія г. Самарина и представить ее въ видѣ отвѣта на временныя правила о взиманіи городского сбора, по которымъ затребовано было ея мнѣніе. Слѣдовало, или сдѣлать это, или ограничиться разсмотрѣніемъ „правилъ“ въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. порядка взиманія адреснаго сбора. Въ первомъ случаѣ, отвѣтъ московской думы министерству внутреннихъ дѣлъ имѣлъ бы совершенно тотъ же смыслъ, какой имѣли отвѣты земствъ на запросъ податной комиссіи относительно способа взиманія подушныхъ сборовъ: вопросъ въ его тѣсномъ практическомъ смыслѣ отклонился бы, по поводу его дѣлалось бы, правда, теорическое только, но зато исполнѣ рациональное заявленіе о необходимости измѣнить не способъ взиманія сборовъ съ прежнихъ плательщиковъ, но преобразование сборовъ, въ смыслѣ ихъ равномерности для всѣхъ гражданъ, сообразно доходу. Во второмъ случаѣ, давался бы отзывъ, ничего не рѣшающій въ принципѣ, но зато имѣющій смыслъ прямого практическаго отвѣта на вопросъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ онъ былъ предложенъ правительствомъ.

Московская дума не сдѣлала ни того, ни другого, сдѣлала нѣчто среднее: ни практическое, ни рациональное. Она приняла проектъ, который не служитъ ни отвѣтомъ на *запросъ*, ни рѣшеніемъ *вопроса*. Проектъ этотъ не устраняетъ неравномѣрность обложенія, потому что, привлекая къ налогу всѣхъ работающихъ, освобождаетъ отъ него людей праздныхъ, но пользующихся болѣе рабочихъ удобствами столичной жизни; рабочихъ, въ смыслѣ лицъ, занятыхъ ручнымъ трудомъ, проектъ обременяетъ больше прежняго, такъ какъ предполагаетъ взыскивать по 90 коп. съ мужчины и 30 к. съ женщины и по 70 съ cadaго на больницу, въ теченіи двухнедѣльнаго срока отъ прибытія рабочаго въ Москву, стало быть, подвергнетъ налогу ту массу приходящихъ въ Москву на краткіе, лѣтніе заработки крестьянъ, которые доселѣ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ были свободны отъ уплаты адреснаго сбора и платили только на больницу; ихъ проектъ приравниваетъ къ работающимъ въ Москвѣ круглый годъ. Наконецъ, самое порученіе домохозяевамъ привлекать къ платежу заработнаго налога всѣхъ живущихъ въ ихъ домахъ, коль скоро домохозяевамъ становится извѣстно, что жильцы ихъ имѣютъ какое-либо платное занятіе—есть такое предположеніе проекта, которое на практикѣ неудобноисполнимо. Чтѣ сказать еще объ освобожденіи отъ налога чиновниковъ, священниковъ, псаломщиковъ и служащихъ въ обществен-

ной службѣ? Ясное дѣло, что всѣ эти лица такіе же работники, какъ доктора и писатели, и что нѣтъ никакого основанія освобождать ихъ отъ городского налога. Гласный М. Погодинъ высказалъ о московскомъ проектѣ въ печати, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе, что „налогъ одинакій для медиковъ, редакторовъ, для адвокатовъ, наравнѣ съ гробокопателями (?) или золотарями, бросается въ глаза своею несоразмѣрностію — ну, да лиха бѣда начать, а за увеличеніемъ дѣло не станетъ. Желательно только, чтобъ и увеличеніе шло на дѣло, а не на бездѣлье“. Изъ этого отзывъ почтеннаго гласнаго не видно, кого онъ считаетъ обиженнымъ въ установленномъ размѣрѣ налога—медиковъ и редакторовъ, или „гробокопателей“ и такъ далѣе; но въ московскомъ проектѣ главная несоразмѣрность состоитъ, очевидно, не въ этомъ; что касается до необходимости обращенія увеличеній городского дохода на дѣло, а не на бездѣлье, то это не менѣе очевидно, какъ и та прелестная истина, которая выражена г. Погодинымъ въ слѣдующихъ строкахъ (поставленныхъ отдѣльно между чертою сверху и чертою снизу): „Желательно было вовсе уничтожить или еще уменьшить, какъ всякій налогъ (чѣмъ меньше платить, тѣмъ лучше), несмотря на относительную его малость и основательность, но если нѣтъ на то возможности, то слѣдуетъ его терпѣть“ (*sic!* см. „Моск. Вѣд.“ № 76).

Намъ доставленъ второй годовой отчетъ общества подаванія помощи при кораблекрушеніяхъ, а именно, отчетъ о дѣйствіяхъ общества съ марта 1873 по мартъ 1874 г. Изъ отчета видно, что общество уже имѣетъ десять дѣйствующихъ спасительныхъ станцій и предполагаетъ открыть ихъ въ предстоящее лѣто еще 8, и снабдило спасительными принадлежностями 125 таможенныхъ портовъ; но едва ли не важнѣйшая дѣятельность его заключалась въ стараніяхъ о распространеніи въ обществѣ мысли о важности спасительнаго дѣла вообще и о возможности, при сколько-нибудь тепломъ участіи общества къ дѣлу, дать этому дѣлу такіе размѣры, чтобы оно выражалось ежегодно въ спасеніи сотенъ утопающихъ. Съ этой цѣлью общество вступило въ непосредственныя сношенія съ земствами, городскими управленіями, предводителями дворянства, исправниками и волостными правленіями. Результатомъ того являются какъ постановленія многихъ земствъ и городскихъ думъ объ ассигнованіи обществу ежегодныхъ пособій и приобрѣтеніе мѣстными общественными властями спасительныхъ снарядовъ, такъ и постепенное распространеніе основной мысли общества въ Россіи, которое одно и можетъ со временемъ выразиться въ важныхъ практическихъ результатахъ, хотя бы эти результаты и не представлялись большимъ числомъ жизней спасен-

ныхъ непосредственно стараніями членовъ или служащихъ общества. Напримѣръ, архангельское окружное отдѣленіе общества, изслѣдовавъ причины значительнаго числа несчастныхъ случаевъ близъ Мурманскаго берега, нашло, что большая часть ихъ происходитъ отъ неимѣнія на судахъ, занятыхъ рыбной ловлей, самыхъ необходимыхъ навигаціонныхъ инструментовъ, и назначило изъ своихъ средствъ 500 р. на снабженіе поморцевъ такими инструментами. Въ этомъ примѣрѣ оказывается непосредственное дѣйствіе самого общества, хотя не въ видѣ спасенія утопающихъ, а въ видѣ предупрежденія несчастій. Но вотъ примѣръ, гдѣ общество достигаетъ того же, являясь только посредникомъ, возбудителемъ мысли, дѣйствуя только чрезъ Anregung, примѣръ довольно крупнаго результата: лифляндское окружное отдѣленіе общества побудило рижскій биржевой комитетъ ходатайствовать въ морскомъ министерствѣ о постройкѣ маяка на опасномъ для мореплаванія пунктѣ Мерзерифѣ. Министерство признало необходимость маяка въ этомъ мѣстѣ, но отказалось поставить его за недостаткомъ средствъ. Тогда, по предложенію биржевого комитета, рижское купечество предложило гидрографическому департаменту на постройку этого маяка, въ видѣ ссуды, 10 т. р.; ходатайство это было поддержано главнымъ правленіемъ общества и будетъ уже принято во вниманіе при назначеніи очереди для постройки маяковъ.

Само собою разумѣется, что при громадномъ протяженіи береговъ нашихъ морей, а также озеръ и рѣкъ, дѣятельность общества и всегда будетъ въ значительной степени выражаться именно распространеніемъ въ Россіи мысли о дѣлѣ спасенія утопающихъ, ежегодное число которыхъ въ одной европейской Россіи опредѣляется въ 5,500, что составляетъ около 30% всѣхъ случайныхъ смертей! Но для непосредственнаго дѣйствія общество имѣетъ свою опредѣленную задачу: снабжать мѣстныя власти спасительными снарядами; затѣмъ, на однихъ нашихъ моряхъ, не считая озеръ и рѣкъ, считается совершенно необходимымъ устроить спасительныя станціи въ болѣе *ста* самыхъ опасныхъ для мореплаванія пунктахъ; нынѣшнимъ лѣтомъ у общества будетъ 18 станцій; отъ 18 до 100 еще далеко, но вовсе уже не такъ далеко, чтобы при широкомъ распространеніи сочувствія къ этому благородному дѣлу разстояніе это не могло быть пройдено въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Цѣнность привозимыхъ въ Россію и отпускаемыхъ моремъ товаровъ составляетъ до 600 милл. рублей ежегодно, и казалось бы, что купечество наше должно бы первое облегчить обществу осуществленіе ближайшей его прекрасной цѣли.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е мая, 1874.

Военный законъ въ германскомъ сеймѣ.—Парламентаризмъ и правительство.—
Національные либералы и прогрессисты.—Законы о епископахъ и о печати.—
Окончаніе сессіи.—Министерскій кризисъ въ Испаніи.—Освобожденіе Бильбао.

Кризисъ въ отношеніяхъ между имперскимъ правительствомъ и германскимъ сеймомъ, едва было не возникшій по поводу военного закона, былъ устраненъ благодаря уступчивости національно-либеральной партіи. Слова, произнесенныя императоромъ при приѣмѣ поздравленій отъ генераловъ, по случаю дня его рожденія, не были единственнымъ средствомъ для того, чтобы повліять на лѣвое крыло національных либераловъ въ смыслѣ уступчивости. Вслѣдъ за этими словами получено было изъ разныхъ мѣстностей значительное число адрессовъ, требовавшихъ соглашенія съ правительствомъ. Правда, были получены, хотя и въ гораздо меньшемъ числѣ, адреса противоположнаго смысла, поощрявшіе депутатовъ къ твердости; правда и то, что въ первые годы столкновенія между правительствомъ и прусскою палатою депутатовъ, надъ адрессами, по характеру сходными съ тѣми, которые нынѣ проповѣдывали уступчивость, всѣ либеральные органы смѣялись, не придавая имъ никакого значенія и даже прямо относя ихъ, можетъ быть не всегда справедливо, къ усердію мѣстныхъ администраторовъ. Во всякомъ случаѣ, теперь времена иныя и адреса, совѣтовавшіе уступчивость, могли возымѣть свое дѣйствіе въ томъ смыслѣ, что представляли и національнымъ либераламъ поводъ для уступки, а имъ только и нуженъ былъ поводъ. „Сама страна высказывается и, слѣдовательно, нечего дѣлать, надо уступить“. Таковъ былъ смыслъ разсужденій національно-либеральныхъ органовъ. Лѣвое крыло этой партіи, съ Ласкеромъ во главѣ, крайне неохотно примыкало къ оппозиціи. Та либеральная фальшь, въ силу которой утверждается, будто національная партія „ведетъ“ правительство, между тѣмъ какъ,

въ дѣйствительности, она только идетъ за правительствомъ, нарушалась этимъ столкновеніемъ. Но безусловно подчиниться такому требованію правительства, которое равнялось почти уничтоженію бюджетнаго права сейма для тѣхъ изъ національных либераловъ, которые дорожатъ своимъ званіемъ вождей народа и оберегаютъ свой парламентскій авторитетъ въ надеждѣ играть еще великую роль при слѣдующемъ царствованіи,—тоже было крайне неудобно. „Бисмаркъ еще разъ протянетъ вамъ палку и вы еще разъ перепрыгнете чрезъ нее“, такъ дразнили ихъ прогрессистскіе органы. Положеніе для наиболѣе популярныхъ изъ національных либераловъ было, въ самомъ дѣлѣ, крайне неудобное въ обѣ стороны: или рѣшительно примкнуть къ оппозиціи и тѣмъ разсѣять тотъ миражъ, что въ побѣдоносной и объединенной Германіи все обстоитъ благополучно, или безусловно „перепрыгнуть“ и тѣмъ убить свой либеральный, парламентскій авторитетъ, превратиться изъ будто-бы руководящей партіи просто въ вотирующій механизмъ. Въ такомъ положеніи, самые либеральные изъ національных либераловъ съ благодарностью должны были ухватиться за всякій благовидный предлогъ для уступки съ честью.

Третьимъ средствомъ для побужденія ихъ къ уступчивости естественно представлялось бы личное появленіе на сеймѣ „самого“ Бисмарка, съ его внушительной рѣчью. Къ сожалѣнію, болѣзнь не позволяла канцлеру выходить изъ комнаты. Но въ сторонѣ онъ все-таки не остался. Принявъ частный визитъ депутатовъ Луціуса и Дице изъ „свободно-консервативной партіи“, канцлеръ сдѣлалъ чрезъ нихъ внушеніе сейму, причемъ, со свойственной себѣ мѣткостью, напомнилъ національнымъ либераламъ, что при оцѣнкѣ своего положенія они должны имѣть въ виду и другую сторону, кромѣ своей либеральной популярности; должны помнить, что безъ поддержки его, Бисмарка, они никогда не были бы и выбраны на сеймъ. Здѣсь канцлеръ попалъ, по своему обыкновенію, въ слабый пунктъ предполагаемаго противника. Дѣйствительно, если національно-либеральная партія могла пріобрѣсти при послѣднихъ выборахъ 150 голосовъ на сеймѣ, то это зависѣло въ немаловажной степени оттого, что правительство принесло имъ въ жертву своихъ старыхъ друзей — консерваторовъ, и поддерживало національных либераловъ на выборахъ своимъ вліяніемъ. А теперь они же помышляли стать преградой на пути правительства, помѣшать правительственной политикѣ называться либеральною, потому что она опирается на либераловъ, рѣшались компрометтировать самого канцлера и дать поводъ толкамъ въ высшихъ сферахъ, что вотъ куда завелъ Бисмаркъ государство своимъ пресловутымъ „союзомъ“ съ либералами.

Поставивъ депутатамъ въ примѣръ себя, свою готовность

жертвовать собственнымъ мнѣніемъ, свою любовь къ отечеству, канцлеръ сказалъ далѣе: „А между тѣмъ здѣсь, на сеймѣ, такіе господа, которые положительно избраны на мое имя (ausdrücklich auf meinen Namen gewählt sind), и чьи избиратели желаютъ, чтобы они поддерживали имперскую политику, чтобы они *мнѣ* помогали (mir beistehen) противъ общихъ нашихъ враговъ. Эти господа считаютъ себя вправѣ отречься отъ исполненія такой задачи, какъ только имъ покажется, что дѣйствуя иначе они вступаютъ въ противорѣчіе съ какимъ-либо словомъ, произнесеннымъ ими въ иномъ мѣстѣ, въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. *Я не могу допустить* такого положенія дѣлъ (ich kann mir diese Lage der Dinge nicht gefallen lassen). *Я* не могу принести въ жертву свою европейскую репутацію (meinen europäischen Ruf). Какъ только буду въ состояніи взять въ руки перо, подамъ въ отставку. Можетъ быть найдется иной, кто окажется въ состояніи упрочить себѣ благонадежное большинство въ этомъ сеймѣ. Мнѣ приходится преодолевать немало трудностей уже и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, хотя бы въ союзномъ совѣтѣ; съ насмѣшкою говорятъ мнѣ, указывая на поведеніе нѣкоторыхъ либераловъ и всей прогрессистской партіи на сеймѣ: „такъ вотъ каковы тѣ люди, на которыхъ вы опираетесь!“ Подобному положенію вещей, вредящему высшимъ интересамъ имперіи, долженъ въ скорѣйшемъ времени быть положенъ конецъ; для этого есть только два средства: моя отставка или распушеніе сейма“. Во всей этой рѣчи замѣчательна была не столько обычная безцеремонность канцлера въ отношеніи къ народному представительству, сколько та горькая для „либераловъ“ истина, что самымъ избраніемъ своимъ они въ значительной мѣрѣ обязаны правительству, и что если они могутъ быть правительственною партіей, то никакъ не въ томъ смыслѣ, что правительство должно идти за ними, а въ томъ, что они должны идти за правительствомъ. Что же касается отставки Бисмарка и распушенія сейма, то это были такіе угрозы, которыя едва ли были бы приведены въ исполненіе и въ крайнемъ случаѣ. Распустить сеймъ по поводу военного закона, когда имѣлось въ виду провести еще новый строгій законъ противъ католическаго духовенства, значило бы прямо вызывать на выборахъ противъ себя все населеніе большихъ городовъ, сколько-нибудь чуткое къ парламентскому принципу, не уменьшая нисколько оппозиціи католиковъ, короче — значило рисковать нынѣшнимъ составомъ сейма при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Однако, вѣроятно для приданія большаго вѣса угрозамъ Бисмарка, распространенъ былъ въ это время слухъ, что имѣется въ виду возможность замѣны князя Бисмарка фельдмаршаломъ Мантѣйфельемъ, который поведетъ управ-

леніе въ духѣ „Крестовой“ газеты, пожертвуетъ законами, обращенными противъ духовенства и т. д. Программа такъ-называемой Jun-kerpartei, представляемой „Крестовой“ газетой въ настоящее время, съ исключеніемъ Австріи изъ союза и паденіемъ нѣсколькихъ династій, лишилась той цѣльности, какую она имѣла прежде. Теперь и Мантѣйфель, предполагая, что онъ такъ ужасенъ, какъ его изображаютъ, не могъ бы дѣйствовать много консервативнѣе Бисмарка. Сравнительный консерватизмъ его, правда, могъ бы отразиться, напр., на школѣ; но въ отношеніи развитія учреждений, уступокъ политическихъ, не понятно, чѣмъ Мантѣйфель могъ бы дать націи меньше Бисмарка, который не даетъ ей ровно никакихъ уступокъ; съ 1862 г. въ Пруссіи и съ 1871 г. въ Германіи, имперско-королевская власть не уступала прусскому или германскому представительству ни малѣйшей части своихъ прерогативъ. Стало быть, націи и при Мантѣйфель нечего было терять.

Другое дѣло—національнымъ либераламъ. Въ случаѣ распушенія сейма, лишенные поддержки правительства на выборахъ, они навѣрное потеряли бы третью голосовъ. Въ случаѣ отставки Бисмарка, они утратили бы тотъ „возвышающій обманъ“, по выраженію нашего поэта, въ силу котораго они въ настоящее время какъ-то соединяютъ лестное значеніе народныхъ трибуновъ съ внушительнымъ авторитетомъ партіи правительственной, партіи, которая будто бы вліяетъ на самого Бисмарка. Во всякомъ же случаѣ, тѣ изъ національныхъ либераловъ, которые при такихъ обстоятельствахъ предпочли бы роль „трибуновъ“ другой роли, должны были бы признаться, что съ 1867 года они гнались за химерою, и исчезнуть въ рядахъ партіи прогрессистской, которая, умѣривъ свои порывы, все-таки не перемѣняла знамени. Личное вмѣшательство короля, плебисцитъ, устраненный посредствомъ Loyaltäts-Adressen, напоминаніе Бисмарка, что многіе либералы выбраны „на его имя“, наконецъ угрозы выхода въ отставку Бисмарка или распушенія сейма,—вотъ какія средства были пущены въ ходъ для оказанія полезнаго давленія. Они не могли не привести къ цѣли тѣмъ болѣе, что, какъ уже сказано, тѣ національные либералы, которые заботились о своей парламентской репутаціи, все-таки вступали въ оппозицію крайне неохотно и готовы были ухватиться за всякій поводъ къ соглашенію, лишь бы прикрыть свою репутацію, хотя бы мнимой уступкой со стороны правительства.

Такая уступка была, наконецъ, сдѣлана; по предложенію національныхъ либераловъ, правительство согласилось, чтобы требуемое имъ опредѣленіе мирнаго состава арміи было утверждено не на вѣчныя времена, но на семь лѣтъ. Національные либералы такъ обра-

довались этой, прикрывавшей поражение ихъ уступки, что отказались даже отъ пониженія цифры, первоначально потребованной правительствомъ на 17 т. чел., хотя правительство уже на половину было согласилось на замѣну цифры 401,659 цифрою 384,000. Уступка въ принципѣ показала имъ столь важною, что за нее они отказались и отъ пониженія цифры и даже—согласно волѣ, прямо выраженной императоромъ — согласились освободить офицеровъ отъ привлеченія къ платежу общинныхъ налоговъ, несмотря на то, что это „привлеченіе“, во-первыхъ, уже было рѣшено сеймомъ, а во-вторыхъ, не имѣло рѣшительно никакого отношенія къ военному закону. Предложеніе о соглашеніи было сдѣлано національными либералами правительству, а не наоборотъ. Когда соглашеніе состоялось такимъ образомъ на цифрахъ 401,659 чел. мирнаго состава и 7 лѣтъ дѣйствія законоположенія о немъ, всѣ національно-либеральные органы вострубили побѣду и благодарственную пѣснь объ избавленіи имперіи отъ угрожавшей ей опасности отъ галловъ, іезуитовъ и социалистовъ, вкупѣ ликовавшихъ при видѣ смятенія въ станѣ представителей „современной мировой культуры“, то-есть, канцлера Бисмарка и національных либераловъ, которымъ онъ такъ строго напомнилъ ихъ положеніе. Въ самой тронной рѣчи, выражавшей впослѣдствіи удовольствіе по случаю состоявшагося соглашенія, говорилось, что „Европа усмотритъ въ заботливомъ попеченіи объ умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ силахъ Германіи, залогъ мира и обезпеченіе для развитія своей культуры“.

Соглашеніе состоялось, впрочемъ, уже не посредствомъ комиссіи сейма, предварительно обсуждавшей военный законъ, а чрезъ частные переговоры довѣренныхъ депутатовъ съ княземъ Бисмаркомъ. Комиссія закрыла свои засѣданія раньше, не придя къ результату и отвергнувъ § 1-й военного закона. Послѣ вакацій, по случаю Пасхи, сессія сейма возобновилась 9-го апрѣля. Пренія по военному закону открылись 13-го апрѣля. Комиссія, которой докладчикомъ былъ Микель, излагала ходъ обсужденія въ ея средѣ, упоминала о предложеніи уменьшить цифру мирнаго состава до 384 т. чел., и на этомъ останавливался ея докладъ. Между тѣмъ соглашеніе, выработанное въ средѣ національно-либеральной партіи, было сформулировано въ формѣ предложенія, которое депутатъ Беннигсенъ и внесъ въ сеймъ отъ своего имени, вслѣдъ за рѣчью Микеля. Беннигсенъ объяснилъ свое предложеніе въ такомъ смыслѣ, что рѣшеніе вопроса по принципу откладывается на 7 лѣтъ, т.-е. съ 1-го января 1875 г. по 31 декабря 1881 года, и что затѣмъ цифра 401,659 чел. мирнаго состава принимается какъ безспорная и неподлежащая ежегодному обсужденію на этотъ періодъ времени въ виду тѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, среди

которыхъ еще находится Германія въ настоящее время. Уполномоченный союзаго совѣта, прусскій военный министръ, генералъ фонъ-Камеке, заявилъ согласіе союзныхъ правительствъ на такое измѣненіе перваго параграфа закона, но объяснилъ при этомъ, что правительства поступаютъ такъ только въ увѣренности, что и по прошествіи этого срока сеймъ опять утвердитъ эту цифру навсегда или снова на продолжительное время. Итакъ, правительства, дѣлая наружную уступку, откровенно объявили, что уступка эта, по ихъ мнѣнію, не будетъ имѣть никакого практическаго значенія. Чтобы не оставить никакого въ этомъ отношеніи сомнѣнія, приведемъ слова генерала Камеке: „Союзныя правительства разсмотрѣли поправку Беннигсена, предварительно обсужденія ея въ палатѣ. Они не признаютъ силы тѣхъ возраженій, которыя приведены противъ большаго продолженія обязательности (т.-е. противъ обязательности цифры мирнаго состава на неопредѣленное время). Правительства и теперь, какъ въ прошломъ году, убѣждены, что уменьшеніе цифры состава, выраженной въ § 1-мъ, было бы несовмѣстно съ испытаннымъ устройствомъ германской арміи. Но правительства не видятъ между своимъ проектомъ и поправкою въ ея практическомъ смыслѣ такого различія, которое побуждало бы ихъ отвергнуть соглашеніе на основаніяхъ этой поправки, — потому что они убѣждены, что опытъ послѣдующихъ 7-ми лѣтъ покажетъ потребность на долгое время нынѣ потребованнаго состава (*dass die heute geforderte Stärke dauernd erforderlich sei*) и что, по истеченіи семилѣтняго срока, необходимый составъ будетъ предоставленъ прочнымъ образомъ или хотя бы снова на продолжительное время (*dauernd oder doch wieder auf längere Zeit*). Союзныя правительства, оцѣнивая положеніе, какое заняла въ отношеніи проекта часть сейма, считаютъ себя вправѣ ожидать, что сеймъ и при слѣдующемъ обсужденіи военной смѣты выкажетъ равную уступчивость (*entgegen kommen*). Потому, объявляю отъ имени союзныхъ правительствъ, что они согласны принять поправку Беннигсена“. Вслѣдъ за этимъ объявленіемъ, Рейхеншпергеръ, одинъ изъ вождей центра, тотчасъ заявилъ, послѣ рѣчи Беннигсена и объявленія имперскаго правительства, что проектъ можно почитать уже принятымъ и притомъ не только на 7 лѣтъ, такъ какъ при возрастаніи числа національно-либеральныхъ членовъ на сеймѣ правительству и послѣ 7-ми лѣтъ будетъ дано все, чего оно только потребуетъ. Что касается самой сущности проекта, то Рейхеншпергеръ напомнилъ, что кромѣ имперской конституціи, самъ прусскій законъ 1814 года требовалъ „ежегоднаго“ опредѣленія цифры мирнаго состава, смотря по обстоятельствамъ. Далѣе, ораторъ оплакивалъ фактъ, что Германія все идетъ впередъ по пути вооруженій, несмотря на

то, что единство Германіи, которое выставлялось постоянно надежнымъ залогомъ мира въ Европѣ, осуществилось, и намекнулъ, что умноженіе военной силы, быть можетъ, разсчитывается не противъ внѣшнихъ враговъ; „впрочемъ,—сказалъ Рейхеншпергеръ,—никто не будетъ въ состояніи объяснить мнѣ, какимъ образомъ противъ покорныхъ Ватикану епископовъ можетъ быть потребно увеличеніе состава арміи“.

Въ слѣдующемъ засѣданіи, 14 апрѣля, сперва противъ соглашенія говорили социалистъ Газенклеверъ, и другой вождь центра—Маллинекродтъ. Газенклеверъ доказывалъ, что Германія можетъ обходиться одной милиціею, Маллинекродтъ говорилъ, что Пруссія превращаетъ всю Германію въ чисто-военное государство и высасываетъ ее для военныхъ цѣлей; онъ спрашивалъ, гдѣ тѣ пять милліардовъ, которые были взяты съ Франціи, и много ли пошло изъ нихъ на инныя цѣли, кромѣ военныхъ? Далѣе онъ отрицалъ, что усиленіе вооруженій вызывается угрозами Франціи о мести, и сказалъ, что, напротивъ, имперское правительство, принуждая французское правительство къ унизительнымъ уступкамъ, само вызываетъ этимъ раздраженіе и опасность будущей войны, и что если война съ Франціею произойдетъ вновь, то это будетъ только потому, что сами нѣмцы того желали. Маллинекродту возражали союзные уполномоченные, и въ числѣ ихъ президентъ управленія канцлера Дельброкъ, который сказалъ: „я долженъ формальнымъ образомъ опровергнуть (*Dementi geben*) извѣстіе, будто германское управленіе иностранныхъ дѣлъ вынуждало отъ французскаго правительства какія-либо унизительныя дѣйствія и долженъ самымъ формальнымъ образомъ объявить это извѣстіе ложнымъ, такъ какъ оно способно вновь бросить сѣмена раздора между двумя націями, которыя недавно вели войну и затѣмъ заключили между собою миръ.“ По существу проекта, Маллинекродтъ требовалъ, чтобы цифра мирнаго состава была сокращена по разсчету двухлѣтняго срока пребыванія подъ знаменами, и чтобы военная смѣта утверждалась сеймомъ ежегодно. Органомъ прогрессистовъ явился Рихтеръ (депутатъ Гагена), который произнесъ уже изложенную нами замѣчательную рѣчь и при первомъ обсужденіи закона (до передачи его въ комиссію). Прогрессистская партія также настаивала на сохраненіи въ неприкосновенности права сейма ежегодно обсуждать военную смѣту во всей ея цѣлости, и находила цифру 401,659 чел. мирнаго состава преувеличенною и подлежащею сокращенію, по соглашалась предоставить ее пока на одинъ 1875 годъ. Рихтеръ прежде всего возсталъ противъ того полицейскаго пріема полемики, къ которому постоянно прибѣгаютъ національные либералы, съ тѣхъ поръ какъ они замѣнили феодаловъ въ милости князя Бисмарка.

Какъ принадлежность вѣрной службы, къ нимъ перешла отъ „Крестовой“ газеты манера во всякой оппозиціи указывать тотчасъ измѣну отечеству, союзъ съ внѣшними „и внутренними врагами“ или по меньшей мѣрѣ нерасположеніе къ имперіи, къ единству. По поводу военного закона, третьимъ словомъ въ устахъ усердныхъ либераловъ бывала политическая неблагонамѣренность ихъ противниковъ, на что жаловался уже Рейхеншпергеръ при самомъ началѣ второго обсужденія. Рихтеръ началъ съ оправданія союза прогрессистовъ съ остальными частями оппозиціи. „Во всѣхъ парламентахъ“, сказалъ онъ, „различныя группы меньшинства по необходимости соединяются. Но благонамѣренность и преданность учрежденіямъ имперіи не должны быть при всякомъ случаѣ подвергаемы сомнѣнію. Въ прогрессистской партіи сочувствіе къ единству, стремленіе къ имперіи, старѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ изъ представленныхъ здѣсь партій (намекъ на консерваторовъ); среди насъ стремленіе это воплотилось въ то время, когда мысль о немъ не была удостоена „пріема ко двору (noch nicht courtfähig war);“ уже въ то время иные изъ насъ за нее боролись и заплатились разными пожертвованіями“. Перейдя затѣмъ къ адрессной агитаціи въ пользу уступки правительству, на которую ссылался въ своей рѣчи Беннигсенъ, Рихтеръ подвергъ эту агитацію строгому осужденію. Онъ сказалъ, что напрасно агитація эта была раздуваема въ тенденціозномъ смыслѣ высокопоставленными лицами: въ то самое время, когда сеймъ, по вниманію къ болѣзни канцлера, приостановилъ свои занятія и не могъ противостать этой агитаціи. „Г. Беннигсенъ называлъ эту агитацію сильною“, продолжалъ Рихтеръ; „конечно, когда пускается въ ходъ вся машина оффиціозныхъ слугъ, печати, телеграфовъ, чиновничества и т. д., то въ Германіи возникаетъ такой кризисъ, который можетъ слишкомъ сильно подѣйствовать на нервы нѣкоторыхъ людей и сбить ихъ съ толку.

„Прогрессистская партія легко могла устроить контръ-агитацію, и если не сдѣлала того, то только изъ убѣжденія, что съ военнымъ вопросомъ вообще слѣдовало обращаться осторожно; иначе мы могли устроить такую агитацію, которая произвела бы побольше эффекта. Но дѣло въ томъ, что прогрессистская партія обращается къ уму политически-зрѣлыхъ людей, а противники ея — къ неразумію и къ страстямъ. Чего не говорилось въ ферейнахъ для возбужденія страстей: то принятіе перваго параграфа военного закона выставалось какъ будто оно нанесетъ поражение римской курии, то отклоненіе этого параграфа представляемо было какъ приглашеніе французамъ перейти нашу границу. Теперь удалось провести имперскій сеймъ подъ ярмомъ параграфа перваго, и что же? Развѣ именно отъ этого не

пострадала уже европейская репутація канцлера и не умилилось его значеніе? Развѣ имперіи не нуженъ такой сеймъ, который былъ бы окруженъ уваженіемъ, и развѣ самъ князь Бисмаркъ не былъ вынужденъ въ 1866 году включить въ свою программу именно такой сеймъ, какъ онъ съ 1848 года жилъ въ народномъ сознаніи? И развѣ тѣ преувеличенія, къ которымъ прибѣгали оффиціозные органы, не падаютъ теперь на само правительство? Всего нѣсколько дней тому назадъ, оффиціозные голоса выставляли передъ неразумной толпой измѣною отечеству то самое измѣненіе § 1, на которое теперь согласилось правительство; но развѣ изгладить произведенное впечатлѣніе и вычеркнуть дурной примѣръ такъ же легко, какъ свистомъ отозвать назадъ начатую травлю? Я долженъ выразить сожалѣніе, что оффиціозные голоса вмѣшались въ эти споры возвышенное лицо монарха и что выходы „Провинціальной Корреспонденціи“ въ этомъ смыслѣ были переданы посредствомъ телеграфа во всѣ концы свѣта. Всякъ, кто не измѣнникъ, долженъ слѣдовать за военнымъ предводительствомъ императора — это правда, но вѣдь по конституціи императору не подлежитъ руководить сеймомъ и собраніями избирателей. Отвѣтственность за военный законъ ляжетъ не на одного императора, но и на имперскій сеймъ, и на имперскаго канцлера. И если-бы сеймъ не оказался способнымъ нести такую отвѣтственность, то я первый посоветовалъ бы возвратиться къ неограниченному образу правленія, потому что худшая (*das verwerflichste*) система правленія есть ложный конституціонализмъ (*Scheinconstitucionalismus*) (*общее одобрение*), при которомъ сейму остается одна роль, именно — нести на себѣ упрекъ въ тягости государственныхъ повинностей. Кто вмѣшиваетъ лицо императора въ споръ мѣній, тотъ будетъ виноватъ, если когда-либо оппозиція въ Германіи, которая доселѣ была обращена только противъ правительственныхъ мѣръ и министровъ, направится и противъ самого императора. Правительство нѣсколько не мѣшало нѣкоторымъ бургомистрамъ пускаться въ ходъ среди населенія адреса и толковать, что этими адресами будетъ выражаемо довѣріе къ императору; но спрашивается, не есть ли это начало того плесцита, отъ котораго французская исторія должна бы предостерегать нашъ народъ? Нельзя такъ злоупотреблять именемъ императора!”

Далѣе Рихтеръ съ несокрушимой логикой поражалъ всѣ доводы Беннигсена и, переходя къ оцѣнкѣ предлагаемой уступки, сказалъ еще слѣдующее: „г. Беннигсенъ утѣшаетъ насъ временнымъ характеромъ закона; но семь лѣтъ тому назадъ онъ самъ точно также утѣшалъ насъ по поводу предоставленія правительству огульной суммой (*Pauschquantum*) всѣхъ расходовъ на армію, и тѣ утѣшенія его не оправдались. Нынѣшнія же утѣшенія его уничтожаются

самимъ правительствомъ, такъ какъ военный министръ Камеке, прямо заявилъ, что чрезъ семь лѣтъ нынѣшній кризисъ долженъ повториться. Этого мало. Поправка Беннигсена не устраняетъ столкновение, но, напротивъ, ведетъ къ тому, чтобы столкновение возникло и въ иныхъ областяхъ законодательства, такъ какъ никто не можетъ же вѣрить, что посредствомъ отреченія отъ одного права мы сооружаемъ оплотъ для охраненія прочихъ народныхъ правъ. Правда, эта палата не разъ уже создавала такіе законы, которые превосходили полномочіе ея членовъ; но есть все-таки разница, дѣйствуетъ ли она при этомъ въ согласіи съ народнымъ сознаніемъ или нѣтъ. А параграфъ 1-й военного закона истекаетъ не изъ народного сознанія, но изъ недовѣрія къ этому народному сознанію. Въ немъ выражается не столько требованіе довѣрія къ правительству, сколько прямое недовѣріе къ германскому народу. Этими словами Рихтера, которая гораздо болѣе „спасаютъ честь“ имперскаго сейма, чѣмъ мнимая уступка правительства, доказывая, что въ интеллигентныхъ рядахъ нѣмецкихъ либераловъ есть люди искренніе, съ трезвымъ взглядомъ, зрѣлымъ умомъ и смѣлымъ словомъ, что либеральная Германія имѣетъ людей годныхъ для ея развитія въ будущемъ, — можно окончить цитаты изъ преній сейма по поводу военного закона. Остальные ораторы были крайне слабы въ сравненіи съ Рихтеромъ и Маллинекродтомъ. Лѣве, отъ имени нѣсколькихъ прогрессистовъ, заявилъ намѣреніе вотировать за поправку Беннигсена, въ надеждѣ, что чрезъ семь лѣтъ, а можетъ быть и раньше, само правительство откажется отъ строгаго проведенія трехлѣтняго срока службы, хотя бы въ виду огромной эмиграціи въ Америку нѣмцевъ, желающихъ избавиться отъ военной службы. Консерваторъ фонъ-Мальцанъ выражалъ сожалѣніе, что проектъ правительства не прошелъ безъ измѣненія; національный либераль Трейцике, ученый и талантливый ораторъ, но совершенно потерявшій голову отъ славны побѣды 1870 года, выражалъ надежду, что чрезъ семь лѣтъ сеймъ „упрочитъ“ положеніе арміи, какъ того требуетъ правительство, возражалъ на жалобы Рихтера, что прогрессисты то ссылаются на массу, какъ на народное мнѣніе, предъ которымъ все должно преклоняться, то именуютъ ее „неразумною толпою“; говорилъ разумѣется и о „внутреннихъ врагахъ“, дѣйствующихъ за одно съ внѣшними; безъ этого неприличнаго приѣма, къ сожалѣнію, немислима ни одна національно-либеральная рѣчь или статья. Весьма слаба была и рѣчь Ласкера, отъ котораго можно было ожидать рѣчи наиболѣе интересной, такъ какъ предводимое имъ лѣвое крыло національных либераловъ рѣшало споръ. Никакихъ свѣдѣній о переговорахъ, бывшихъ съ правительствомъ, никакой ссылки на обѣщанныя гарантіи,

ничего не было въ его рѣчи, кромѣ самыхъ вульгарныхъ соображеній „необходимости“, весьма вульгарно же выраженныхъ.

Въ этомъ же засѣданіи (14 апрѣля) параграфъ 1-й въ поправкѣ Бенингсена былъ принятъ большинствомъ 244 голосовъ противъ 146, то-есть большинствомъ 78. Оппозиція состояла изъ центра, поляковъ, эльзасцевъ, націоналистовъ и прогрессистовъ, но 8 членовъ прогрессистской партіи и въ числѣ ихъ Лёве подали голоса съ большинствомъ. Затѣмъ подвергнуты были второму чтенію прочіе параграфы закона, а 20 апрѣля состоялось третье его чтеніе, причемъ, при окончательномъ голосованіи по совокупности закона, онъ былъ утвержденъ большинствомъ 91 голосовъ, вмѣсто 78 оказавшихся при второмъ чтеніи § 1. При этомъ отъ прогрессистской партіи отдѣлились еще 6 членовъ, такъ что прогрессистская партія потеряла 14 голосовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто распада нціи національной партіи и вступленія части ея членовъ, съ Ласкеромъ, въ оппозицію, состоялось отпаденіе части прогрессистской партіи, съ Лёве, и присоединеніе ихъ къ большинству. Побѣда для правительства была блестящая, тѣмъ болѣе, что уступка сдѣлана имъ только на словахъ. Для искреннихъ либераловъ въ Германіи 20-е апрѣля было днемъ весьма чувствительнаго пораженія. Не слѣдуетъ забывать, что тотъ вопросъ, который рѣшился теперь, былъ, съ самаго начала царствованія Вильгельма I, вопросомъ о существованіи или несуществованіи парламентской системы правленія. Столкновеніе между прусскимъ правительствомъ и прусскимъ сеймомъ возникло именно на почвѣ этого вопроса, вопроса о безконтрольномъ веденіи военного устройства правительствомъ, на принципѣ трехлѣтняго пребыванія солдатъ подъ знаменами. Послѣ побѣдъ надъ Данією и Австрією, прусскіе либералы уступили *прошлое*, согласились признать то, что уже было сдѣлано правительствомъ. Но этого правительству казалось мало: оно хотѣло, чтобы имперскій сеймъ отрекся отъ своихъ правъ ежегодно обсуждать составъ арміи не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, навсегда. Правда, теперь правительство удовольствовалось такимъ отреченіемъ на семь ближайшихъ лѣтъ, но при этомъ оно же прямо заявило, что дѣлаетъ это только въ увѣренности, что послѣ семи лѣтъ нельзя будетъ отмѣнить того, что семь лѣтъ существовало съ согласія сейма. И дѣйствительно, если изыятіе состава арміи изъ-подъ контроля народнаго представительства потребовалось теперь, когда Германія находится въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи, въ удовлетворительныхъ отношеніяхъ къ Австріи и Италіи, когда Франція слишкомъ слаба, чтобы представлять какую-либо опасность, то можно ли ожидать, что чрезъ семь лѣтъ положеніе дѣлъ будетъ болѣе благоприятно для уступокъ сейму по военному вопросу? Правда, защитники уступ-

ки, подчиненія сейма требованіямъ правительства, въ рѣчахъ своихъ не договаривали послѣдняго слова: существенный аргументъ въ пользу уступки въ ихъ умахъ былъ тотъ, что при настоящемъ царствованіи ничего съ правительствомъ не сдѣлаешь, а черезъ семь лѣтъ, по всей вѣроятности, придется имѣть дѣло съ правительствомъ болѣе уступчивымъ. Но это — самообольщеніе. Пусть гг. Гнейстъ, Ласкеръ и Лёве не добиваются при нынѣшнемъ царствованіи *новыхъ* правъ народному представительству; пусть отлагаютъ до слѣдующаго царствованія требованія объ отвѣтственномъ министерствѣ, о преобразованіи союзнаго совѣта изъ законодательной палаты въ конгрессъ правительственныхъ комиссаровъ, о полной свободѣ печати и сходокъ и т. д. Это еще было бы понятно, но вѣдь въ настоящемъ случаѣ не сеймъ добивался новаго права, а правительство требовало, чтобы онъ принесъ въ жертву *старое* право; чтобы онъ отступилъ назадъ, за эру 1848 года, чтобы значеніе парламента умалилось, чтобы сеймъ германскій сталъ еще менѣе полноправенъ, чѣмъ былъ когда-либо сеймъ прусскій. Стало быть, если сеймъ уступилъ это нынѣшнему правительству только потому, что оно неуступчиво, то онъ точно также долженъ будетъ уступить и новому правительству, если новое правительство окажется неуступчивымъ. А съ какой же стати новому правительству быть уступчивымъ, когда оно будетъ имѣть въ виду такой примѣръ? Для этого требуется, чтобы во главѣ правленія находился какой-нибудь философъ, который самъ захочетъ рѣшить дѣло въ пользу парламентаризма. Но тогда вся заслуга такой уступки будетъ принадлежать ему, а не сейму, и Германія будетъ знать, что военный бюджетъ вотируется у нея ежегодно потому, что такова милость либеральнаго правительства, но вовсе не потому, что народныя права крѣпко блюдетъ народный сеймъ. Вѣдь весь военный вопросъ, начиная съ 1861 года, былъ вопросомъ о правахъ правительства и правахъ представительства. Развѣ это значитъ охранять парламентскія права, когда ихъ приносятъ въ жертву правительству, потому что оно неуступчиво и съ тѣмъ, чтобы охранить ихъ впоследствии противъ правительства, склоннаго къ уступкамъ? Но вѣдь гарантія и нужна-то не противъ уступчивости, а противъ чрезмѣрной требовательности правительства. Борьба между правительственными претензіями и парламентскими правами, начатая по военному вопросу въ Пруссіи 13 лѣтъ тому назадъ, нынѣ окончилась въ Германіи полнымъ пораженіемъ парламентскаго принципа. Реакція, сказавшаяся впервые уже при коронованіи въ Кёнигсбергѣ, только теперь одержала полную побѣду въ томъ самомъ вопросѣ, который служилъ полемъ для борьбы. А за этимъ результатомъ либераламъ уже нѣтъ ни основанія надѣяться, что въ будущемъ они получатъ

правительство, склонное къ уступкамъ въ этомъ вопросѣ, ни права хвалиться въ послѣдствіи подобной уступкою, еслибы будущее правительство и подарило имъ ее.

Но не слѣдуетъ относить такого мнѣнія ко всѣмъ безъ различія отгнѣкамъ либеральной партіи. Тѣ прогрессисты, которые, какъ Рихтеръ, держали твердо знамя искренняго либерализма въ настоящее время,—имъ—и имъ однимъ—предстоитъ роль въ будущихъ стараніяхъ о расширеніи народныхъ правъ. Что касается всей національно-либеральной партіи и нѣсколькихъ прогрессистовъ-перебѣжчиковъ, что касается гг. Гнейста, Трейпшке, Ласкера и Лёве, то ихъ либеральная карьера теперь окончательно заключилась; имъ предстоитъ только почетное, хотя дисциплинованное положеніе въ рядахъ принадлежащаго князю Бисмарку большинства, но не предстоитъ никакой роли въ будущемъ.

Прусскій королевскій судъ по церковнымъ дѣламъ произнесъ 15 апрѣля отрѣшеніе графа Ледоховскаго отъ должности архіепископа гнѣзненскаго и цознанскаго. Между тѣмъ имперскій сеймъ, вслѣдъ за военнымъ закономъ, занялся разсмотрѣніемъ закона о „противящихся служителяхъ церкви“, получившій въ послѣдствіи названіе закона о епископахъ, хотя онъ направленъ не противъ епископовъ только, но и противъ священниковъ. По этому закону, духовное лицо, какъ только судъ произнесъ отрѣшеніе его отъ должности, поступаетъ подъ дѣйствіе тѣхъ началъ, на которыхъ основывались lois de sûreté générale при второй имперіи. Правительство имѣетъ право сослать его на жительство въ любой городъ, съ воспрещеніемъ выѣзда, или объявить его лишеннымъ правъ подданства и выслать его изъ страны. Этого мало: какъ только духовное лицо выслано изъ одной страны Германіи, ему уже нѣтъ мѣста ни въ какомъ другомъ государствѣ, входящемъ въ составъ имперіи. Онъ не можетъ приобрѣсти правъ подданства ни въ какой части Германіи, а лишенный правъ подданства, онъ остается въ полномъ распоряженіи имперской власти, которая высылаетъ его за-границу. Первое и второе чтеніе этого закона происходили 21 и 23 апрѣля. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сеймъ принялся за обсужденіе имперскаго закона о печати. Проекты обоихъ сейчасъ названныхъ законовъ были внесены правительствомъ чрезъ союзный совѣтъ. Проектъ закона о печати былъ измѣненъ противъ прошлогодняго въ либеральномъ смыслѣ, а главное измѣненіе состояло въ томъ, что такъ-называемый Hass-und Verachtungsgesetz, т.-е. статья о „возбужденіи ненависти и презрѣнія къ правительству и національнымъ учрежденіямъ“ была смягчена. Проектъ освобождалъ печать отъ залоговъ, штемпельной пошлины и сбора съ объявленій, не требовалъ предварительнаго разрѣшенія, ни

утвержденія редакторовъ правительствомъ. Но онъ оставлялъ въ силѣ право полиціи захватывать нумера періодическихъ изданій до выпуска ихъ въ свѣтъ, съ назначеніемъ обязательнаго срока для рѣшенія этого вопроса судомъ. При обсужденіи закона на сеймѣ, въ немъ были сдѣланы слѣдующія измѣненія. Постановлено, что задержаніе (Beschlagnahme) можетъ происходить не во всѣхъ случаяхъ по усмотрѣнію полиціи, но только въ случаяхъ опредѣленныхъ, а именно, когда въ номерѣ изданія усмотрѣно будетъ: государственная измѣна или оскорбленіе величества; затѣмъ, если усмотрѣно будетъ возбужденіе къ запрещеннымъ дѣйствіямъ или къ насильственнымъ дѣйствіямъ, угрожающимъ миру и согласію между различными классами гражданъ; однако, въ двухъ послѣднихъ случаяхъ задержаніе можетъ производиться только тогда, если имѣется нѣ виду неминуемая опасность для общественнаго спокойствія. Правительство согласилось на эти измѣненія, и законъ былъ принятъ третьимъ чтеніемъ 25 апрѣля. Что касается перваго закона, такъ - называемаго закона о епископахъ или о „противящихся служителяхъ церкви“, то тѣ измѣненія, которымъ подвергъ его сеймъ, не только не ослабили, но еще усилили чрезвычайную власть, предоставляемую имъ правительствамъ. По проекту, какъ онъ вышелъ изъ союзаго совѣта, предполагалось, что духовное лицо сперва „водворяется“ гдѣ-нибудь внутри Германіи, и только въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія можетъ быть лишено, правительствомъ правъ подданства и выслано за границу. По закону же, какъ онъ вышелъ изъ обсужденія на сеймѣ, духовное лицо, лишенное судомъ должности, если заявитъ намѣреніе далѣе отправлять ее, „водворяется“ въ другомъ мѣстѣ въ Германіи; если же духовное лицо будетъ дѣйствительно отправлять должность, которой лишено или окажетъ сопротивленіе распоряженіямъ полиціи—лишается правительствомъ подданства и можетъ быть выслано за-границу. Зато сеймъ измѣнилъ законъ еще въ такомъ смыслѣ, что духовному лицу, которому угрожаетъ ссылка на жительство въ Германіи или лишеніе правъ подданства, можетъ, буде оно не совершило тѣхъ дѣйствій, за которыя одна изъ этихъ мѣръ противъ него принимается, предварительно приносить жалобу въ королевскій судъ по церковнымъ дѣламъ (въ Пруссіи и Баденѣ) или тамъ, гдѣ такого суда не существуетъ—въ общій судъ высшей инстанціи, и только если не будетъ оправдано судомъ, подвергается указаннымъ административнымъ мѣрамъ. Но это постановленіе, если и можетъ имѣть значеніе, то именно только тамъ, гдѣ нѣтъ суда по церковнымъ дѣламъ и гдѣ, стало быть, дѣло будетъ рѣшаться судомъ независимымъ. Въ Пруссіи же судъ по церковнымъ дѣламъ никакой серьезной гарантіи не представляетъ, и достаточно будетъ

малѣйшаго наружнаго повода для того, чтобы судъ отказалъ преслѣдуемому въ охранѣ отъ ссылки его правительствомъ, куда оно пожелаетъ, въ Германіи ли или за-границу. Законъ этотъ былъ принятъ третьимъ чтеніемъ въ томъ же засѣданіи, 25-го апрѣля, большинствомъ 214 голосовъ противъ 108; прогрессистская партія во-тировала вмѣстѣ съ консерваторами и національными либералами.

Сессія имперскаго сейма была закрыта императоромъ 26-го апрѣля. Въ тронной рѣчи выражалось не только удовольствіе, что состоялся законъ, который, „согласно намѣреніямъ союзныхъ правительствъ, долженъ прочно обезпечить германской арміи то устройство, которое служитъ залогомъ защиты отечества и мира Европы“, но и ожиданіе, что вопросъ, отложенный на семь лѣтъ, будетъ, въ конечномъ результатѣ, все-таки рѣшенъ сообразно желаніямъ правительства. „Чтобы обезпечить прочное развитіе нашего государственнаго устройства и достичь дальнѣйшей разработки нашихъ національныхъ учрежденій на основѣ всесторонняго соглашенія,“ говорилось въ тронной рѣчи, „союзныя правительства согласились предложенное вами же и необходимое, по вашему убѣжденію—окончательное опредѣленіе мирнаго состава арміи закономъ—предоставить будущности. Они (правительства) сдѣлали эту уступку въ твердой увѣренности, что правильное обсужденіе военной смѣты и идущее впередъ развитіе конституціонной жизни внушатъ странѣ и будущимъ сеймамъ убѣжденіе, что обезпеченіе прочнаго, однообразнаго образованія національной вооруженной силы и учрежденіе законной основы для ежегоднаго обсужденія бюджета необходимы для сообщенія германской арміи крѣпкаго устройства, соотвѣтственнаго ея значенію для имперіи“.

Затѣмъ въ тронной рѣчи упоминалось о новыхъ постановленіяхъ относительно призрѣнія инвалидовъ и о прошедшемъ въ сеймѣ законѣ, опредѣляющемъ обращеніе бумажныхъ денегъ въ имперіи. Что касается важныхъ законовъ о епископахъ и о печати, то тронная рѣчь о нихъ, въ общему удивленію, не упоминала. Она только выражала признательность и „за послѣднія постановленія“ сейма, и затѣмъ оканчивала указаніемъ на попеченіе о нравственныхъ и матеріальныхъ силахъ Германіи, какъ на залогъ мира и обезпеченіе развитія культуры въ Европѣ. Оппозиціонные органы не преминули отмѣтить молчаніе тронной рѣчи о двухъ послѣднихъ законахъ и объясняли его такъ, что будто самъ императоръ сознаетъ, что тутъ нечѣмъ хвалиться. Тѣмъ не менѣе, самый фактъ, что императоръ лично закрылъ сеймъ, служилъ доказательствомъ удовольствія его и подалъ такимъ органамъ, какъ „Кѣльнская“ газета, поводъ изъяснять особую признательность, хотя ничего особеннаго тутъ, повидимому,

не было, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ сеймъ закрывается или открывается все-таки отъ имени императора.

Послѣ первыхъ попытокъ маршала Серрано овладѣть позиціями карлистовъ вокругъ Бильбао и освободить городъ отъ осады, наступило затишье. Сперва разнесся слухъ, что Серрано вступилъ съ карлистами въ переговоры и намѣренъ заключить съ ними конвенцію. Быть можетъ, у Серрано и была подобная мысль, такъ какъ онъ, еще при царствованіи Амедея, въ маѣ 1872 года, повончилъ войну съ карлистами въ Бискайѣ, именно посредствомъ заключенія конвенціи въ Аморевиетѣ, которою карлистскіе вожди обязались положить орудіе и прекратить войну, а служившіе въ ихъ рядахъ офицеры регулярной испанской арміи приняты были опять въ армію, прежними чинами, вмѣсто того, чтобы подвергнуться наказанію за измѣну. Конвенція эта и въ то время возбудила въ странѣ всеобщее неудовольствіе, а карлистамъ только придала смѣлость на новыя предпріятія. Но теперь и такую конвенцію нельзя было заключить, потому что обстоятельства были совсѣмъ другія: въ то время донъ-Карлосъ, разбитый войсками Амедея, уже бѣжалъ за-границу; оставшимся въ Испаніи сподвижникамъ его не было иного исхода, какъ только заключить конвенцію. Теперь же президентъ находится во главѣ 30-ти-тысячной арміи и переговоры надо было вести съ ними. А чтó же могъ уступить, отъ чего могъ отказаться самъ донъ-Карлосъ? Понятно, что никакой конвенціи состояться не могло. Серьезныя военныя дѣйствія пріостановились снова на мѣсяць, а между тѣмъ въ средѣ министерства произошелъ кризисъ, вызванный военными назначеніями. Сохранивъ главное начальство надъ арміею, дѣйствующею противъ донъ-Карлоса, Серрано долженъ былъ замѣнить убитыхъ и раненыхъ генераловъ новыми, и назначить начальника въ сформированный изъ таможенныхъ солдатъ, жандармовъ и вновь прибывшихъ линейныхъ солдатъ 3-й отрядъ. Начальство надъ этимъ отрядомъ онъ поручилъ генералу Кончѣ (маркизу дель-Дуэро), а для замѣны выбывшихъ изъ строя призвалъ генераловъ Эчаге, Реина, Искіердо, Мартинеса-Кампоса. За исключеніемъ послѣдняго всѣ эти генералы, служившіе еще при Изабеллѣ, подозрѣвались въ альфонсистскихъ сочувствіяхъ, и результатомъ ихъ назначенія былъ слухъ, будто Серрано затѣваетъ переворотъ въ пользу сына Изабеллы. Въ совѣтѣ министровъ произошли, по поводу этихъ назначеній, рѣзкія сцены между демократомъ Мартосомъ и военнымъ министромъ, генераломъ Савалой, которому Мартосъ приписывалъ эти назначенія; затѣмъ, оба министра подали въ отставку, когда Савала привезъ и прочелъ письмо Серрано, изъ котораго уясни-

лось, что назначенія были сдѣланы по желанію самого Серрано, что Мартосъ пересталъ являться въ совѣтъ министровъ, подъ предлогомъ нездоровья. Серрано долженъ былъ отправить изъ лагеря въ Мадридъ адмирала Топете, одного изъ триумвировъ 1868 года, чтобы уладить это дѣло. Представители взаимно-враждебныхъ партій согласились остаться временно въ кабинетѣ, отложивъ свои счеты до освобожденія Бильбао. Результатомъ этого былъ новый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Гарсін-Рунса къ губернаторамъ, предписывавшій опровергать намѣренно распространяемые ложные слухи и объяснявшій, что глава исполнительной власти твердо намѣренъ подавить возстаніе карлистовъ и упрочить республику. Предположеніе, что Серрано захочетъ возстановить женскую линію Бурбоновъ, опровергается лучше всего тѣмъ фактомъ, что онъ, вмѣстѣ съ Примомъ и Топете, свергнулъ ее съ престола въ 1868 году. По поводу слуховъ, органъ Топете, газета „el Gobierno“ сдѣлала многозначительное замѣчаніе: „мы знаемъ, какой награды могли бы ожидать участники сентябрьской революціи (1868 г.) отъ альфонсистовъ, еслибы имѣли глупость работать для реставраціи“.

Между тѣмъ, въ то самое время, когда донъ-Карлосъ назначилъ при себѣ министра иностранныхъ дѣлъ, въ ожиданіи, что по возобновеніи парламентской сессіи во Франціи правая сторона собранія проведетъ признаніе карлистовъ на правахъ воюющей стороны,—что значительно облечило бы снабженіе карлистской арміи—маршалъ Серрано предпринялъ, наконецъ, рѣшительное движеніе къ освобожденію Бильбао. Движеніе началось 28-го апрѣля и было направлено на этотъ разъ въ обходъ сильныхъ карлистскихъ позицій передъ Бильбао: Санъ-Педро де-Абанто и Санъ-Хульяно. Армія Серрано въ это время была уже доведена почти до 70 т. чел. Корпусъ Кончи, начавшій дѣйствія, состоялъ изъ трехъ дивизій, по 15 т. чел. въ каждой. Кончи двинулся вокругъ Бильбао къ Португалетѣ, чрезъ Бальмаседу и Ласъ-Муnegaсъ, куда пробился 29-го апрѣля. Между тѣмъ Серрано дѣйствовалъ прямо противъ карлистскихъ позицій при Бильбао. Опасаясь быть обойденнымъ Кончею, карлисты 1-го мая оставили свои позиціи у Санъ-Педро де-Абанто и у Санъ-Хульяно: Серрано тотчасъ занялъ ихъ. Затѣмъ Серрано въ тотъ же день занялъ горы Гальдамесъ, и вступилъ съ нихъ на дорогу къ Португалетѣ, куда и вышелъ въ тотъ же день, т.-е. перваго мая. По послѣднимъ извѣстіямъ, карлисты, которые сперва усилили огонь на Бильбао изъ ближайшихъ къ нему, остававшихся въ ихъ рукахъ позицій, начали полное отступленіе отъ этого города. Освобожденіе Бильбао, безъ сомнѣнія, усилитъ авторитетъ маршаловъ Серрано и Кончи въ странѣ. И такъ какъ въ распоряженіи ихъ находится те-

перъ 70-ти-тысячная армія, какой давно не видала Испанія собранною въ одномъ лагерѣ, къ тому же армія дисциплинованная серьезными военными дѣйствіями и одушевленная побѣдой, то можно сказать, что ближайшая будущность Испаніи находится въ рукахъ Серрано и Кончи. Ничего утѣшительнаго это положеніе не представляетъ, какъ оно не представляетъ и ничего новаго. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ тридцати, судьба Испаніи неоднократно бывала въ рукахъ одного или двухъ генераловъ, безусловно господствовавшихъ надъ войскомъ. Таковы были: Эспартеро, Нарвазъ, О'Доннель, Примъ и Серрано; таковы теперь Серрано и Конча. Но изъ такого положенія, дѣлъ если и истекало для страны спокойствіе, то только временное, пока генералы не ссорились между собою или у одного военного временщика не являлся военный же соперникъ. Того, что не успѣла приобрѣсть себѣ сама страна, когда ея управляли такіе мирные люди, какъ Сорилля при послѣдней монархіи, или Кастеляръ при республикѣ, того не дадутъ ей Серрано и Конча.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА

12/21 апрѣля.

«СЕНТЕННАТЪ» И МОНАРХИСТЫ.

Не будь въ дѣло замѣшаны судьбы великой страны, можно было бы отъ души посмѣяться у насъ надъ византійскими, по истинѣ, препирательствами о смыслѣ и значеніи „сентенната“, семилѣтняго президентскаго полномочія маршала Макъ-Магона, и надъ разстройствомъ партій, составившихъ между собою коалицію для проведенія этого закона. Эти препирательства напоминаютъ процессъ, возникающій въ четвертомъ дѣйствіи *Свадьбы Фигаро*, и старую Марселину, которая давала веселому цирюльнику денегъ взаймы и въ силу своего векселя желаетъ принудить его на себѣ жениться. Спорнымъ пунктомъ является: обязанъ ли Фигаро заплатить и жениться, или же онъ обязался: заплатить *или* жениться? Къ несчастію, чернильный кляксъ покрываетъ спорный союзъ *или*, и вопросъ остается неразрѣшимымъ. Такъ и наши монархисты вопрошаютъ себя въ настоящую минуту, что означаетъ слѣдующій параграфъ закона 19 ноября прошлаго года: „Маршалъ Макъ-Магонъ облечается исполнительной властью на семь лѣтъ и будетъ отправлять эту власть съ титуломъ президента

республики и въ нынѣшнихъ условіяхъ, до могущаго быть измѣненія ихъ учредительными законами“. Для добросовѣстныхъ и грамотныхъ людей смыслъ этого параграфа вполне ясенъ: маршалу предоставляется исполнительная власть, и онъ называется президентомъ республики. Эти два пункта установлены впередъ на семь лѣтъ. Единственная вещь, которая не вполне установлена, это—условія его полномочія, т. е. вопросъ объ его отношеніяхъ съ парламентомъ и другой: будетъ ли парламентъ состоять изъ одной или изъ двухъ палатъ. Но легитимисты понимаютъ дѣло иначе; они не желаютъ отсрочивать воцаренія графа Шамбора на семь лѣтъ и отнюдь не хотятъ, чтобы маршалъ назывался президентомъ республики. За отсутствіемъ короля, который былъ бы возможенъ, они желаютъ, чтобы была по крайней мѣрѣ декретирована монархія въ принципѣ, и маршалъ назывался наместникомъ королевства. Только съ этимъ условіемъ согласны они поддерживать „семилѣтіе“, какъ временное правленіе, имѣющее существовать лишь до тѣхъ поръ, пока король и нація не примирятся. Такое толкованіе также вполне произвольно и даже фантастично; повторяю: власть и титулъ президента — вещь рѣшенная; остается опредѣлить лишь условія этой власти. Къ несчастью, кажется, что легитимисты могутъ привести въ подтвержденіе своего толкованія не однѣ только фантазіи. Хитрецы орлеанской партіи: герцогъ де-Броуль, герцогъ Девазъ и др., внушили имъ эту мысль съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти ихъ голоса. Между тѣмъ какъ странѣ объявляли во всеуслышаніе, что желаютъ единственно лишь упрочить положеніе дѣлъ на семь лѣтъ, и что ничто не измѣнится въ существующихъ учрежденіяхъ,—довѣрчивымъ сообщникамъ, въ которыхъ нуждались, тайно внушали, что все это ничего не значитъ; что маршалъ во всякую минуту пойдетъ на всякую сдѣлку, которую ему предложить, и что его истинная и единственная функція заключается въ томъ, чтобы сохранить мѣсто за графомъ Шамборомъ, и онъ уступить его при первой возможности. Чтобы продлить это двусмысленное положеніе дѣлъ и сдерживать легитимистовъ, министерство прибѣгало къ весьма ловкимъ и зачастую удачнымъ манѣврамъ. Но въ настоящее время положеніе дѣлъ стало почти невыносимымъ, и весьма вѣроятно, что въ промежутокъ между настоящей и слѣдующей корреспонденціей — Франція переживетъ новый кризисъ; остается только желать, чтобы кризисъ этотъ ограничился стѣнами парламента. Маршалъ, человѣкъ весьма ограниченный, но честный, понялъ, наконецъ, что министры компрометируютъ его передъ общественнымъ мнѣніемъ своими хитрыми уловками. Онъ также слышался о печальномъ положеніи торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, благодаря политическимъ колебаніямъ. Поэтому онъ пришелъ къ заключенію о

необходимости скорѣйшаго прекращенія временнаго положенія дѣлъ въ границахъ возможнаго, и объявилъ министрамъ, что желаетъ, чтобы конституціонные законы, долженствующіе установить условія „семилѣтія“, были внесены въ собраніе немедленно послѣ того, какъ оно вновь соберется. Подъ личнымъ давленіемъ маршала и его небольшого двора, кабинетъ вынужденъ былъ дѣйствовать рѣшительнѣе, и министру юстиціи пришлось написать циркуляръ, грозящій судебнымъ преслѣдованіемъ газетамъ, которыя бы стали оспаривать полномочія президента республики и истинный смыслъ закона 19-го ноября. Легитимисты не почли себя разбитыми. Многіе изъ нихъ вожаковъ напечатали въ газетахъ письма, въ которыхъ одни стараются объяснить въ свою пользу самый циркуляръ министра; другіе же прямо говорятъ, что ихъ обманули, и что еслибы имъ не были даны различныя обѣщанія, то они не подали бы своего голоса за „семилѣтіе“. Итакъ, все предвѣщаетъ, что легитимисты отойдутъ отъ правительства и большинство, вотировавшее семилѣтнее президентство, распадется, когда зайдетъ рѣчь объ организаціи этой власти, то-есть объ учрежденіи республики на семь лѣтъ. Точно такъ и бонапартисты выдѣлятся изъ большинства, которое въ прошломъ году низвергло Тьера, и его нельзя будетъ снова возстановить. Правительству придется перенести центръ парламентской тяжести, и такимъ образомъ, сила вещей, равно какъ и чувство собственнаго достоинства заставятъ маршала придти къ тому самому пункту, на которомъ очутился Тьеръ, когда большинство отступило отъ него, то-есть къ необходимости организовать республиканское правленіе. Останется только та разница, что маршалъ чувствуетъ себя вынужденнымъ пристать къ республикѣ противъ своей воли, между тѣмъ какъ Тьеръ весьма охотно примкнулъ къ ней, въ сознаніи, что въ лицѣ своемъ предлагаетъ Франціи нужнаго человѣка для нужнаго правительства. Къ несчастью, эта разница можетъ сказаться весьма ощутительнымъ образомъ. Маршалъ—человѣкъ крайне боязливый; ему повсюду грезятся революціонеры, и если есть основанія думать, что герцогъ Брогли надобѣлъ ему хуже горькой рѣдьки, то нельзя быть увѣреннымъ, чтобы онъ не счелъ за крайнихъ и опасныхъ министровъ такихъ людей, какъ Дюфоръ и Лабузэ. Этого мало: необходимо, чтобы правый центръ (орлеанисты) отказался отъ заднихъ мыслей или, по крайней мѣрѣ, отсрочилъ ихъ и покорился, хотя на время, республикѣ. При этомъ условіи семилѣтняя республика маршала нашла бы свое настоящее большинство въ двухъ центрахъ и даже въ умѣренной партіи лѣвой, и это было бы какъ разъ то самое большинство, которое съ такими усиліями, но безуспѣшно, старался организовать Тьеръ. При этихъ условіяхъ, кризисъ, который слѣдуетъ

предвидѣть, остался бы чисто парламентскимъ и окончился бы къ удовольствію страны. Новый кабинетъ, который образовался бы путемъ сліянія центровъ, могъ бы затѣмъ, быть можетъ, безъ большого риска для самого себя, для порядка и республики, приступить къ общимъ выборамъ. Послѣднихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отсрочивать слишкомъ долго, но они значительно ускорятся и будутъ обставлены грозными условіями, если попытка организовать семилѣтнюю республику не удастся съ возвращеніемъ собранія.

Лѣвый центръ хорошо настроенъ и не будетъ оказывать сопротивленія. Оно, впрочемъ, и понятно, такъ какъ сближеніе маршала съ республикой и перемѣна министерства выгодна для его политическихъ идей и личнаго честолюбія. Правый центръ не такъ податливъ и лишь съ трудомъ согласится работать на пользу республики. Даже въ настоящую минуту эта партія носитъ съ довольно дикой идеей, которая, быть можетъ, никогда не будетъ приведена въ исполненіе, но которая мнѣ доподлинно извѣстна, а именно: попытаться учредить монархію, но не съ графомъ Шамборомъ, а помимо его. При этомъ предполагается, что не всѣ легитимисты преданы своему принципу въ одинакой степени, и что только пятнадцать или двадцать между ними отождествляютъ себя съ претендентомъ настолько, что одобряютъ отверженіе трехцвѣтнаго знамени; что другіе, напротивъ того, оплакиваютъ это обстоятельство, а нѣкоторые оно даже раздражило. Этихъ-то послѣднихъ надѣются обойти и привлечь. Имъ предложить монархію, но только съ другимъ монархомъ, которымъ необходимо будетъ графъ Парижскій. При утвержденіи новой монархіи будетъ объявлено, что графъ Шамборъ признается низложеннымъ за то, что не захотѣлъ принять никакихъ условій. Нація, то-есть собраніе, избересть монарха въ то же самое время, какъ учредить монархію. Сочинители этого прекраснаго проекта льстятъ себя надеждой, что пріобрѣтутъ въ лѣвомъ центрѣ, въ средѣ старинныхъ приверженцевъ конституціонной монархіи, применившихъ къ республикѣ только по необходимости, новые голоса взамѣнъ тѣхъ, которые необходимо утратить среди безусловныхъ легитимистовъ и бонапартистовъ. Я думаю, что они ошибаются. Люди, о которыхъ идетъ рѣчь, какъ-то: Казиміръ Перье, Сэ, Дюфоръ и др. не легко вернутся назадъ; къ тому же они слишкомъ смѣтливы, чтобы ожидать путнаго отъ конституціонной монархіи, учрежденной такимъ образомъ. Какимъ бы парламентскимъ духомъ ни былъ одушевленъ графъ Парижскій, но еслибы онъ сталъ королемъ этимъ путемъ, то могъ бы управлять лишь при помощи деспотизма и даже террора, такъ какъ вся нація была бы противъ него. Говорятъ, однако, что этотъ проектъ одобряется имъ, и это говоритъ не въ пользу его

ума и характера. Его подчиненіе Генриху V было крупной ошибкой; но еще ошибочнѣе было бы съ его стороны отказаться отъ своего образа дѣйствій. Этимъ онъ закрѣпилъ бы только, безъ малѣйшей для себя выгоды, славу двоедушія, которую обстоятельства установили за Орлеанскимъ домомъ. Эта слава оправдывается также и съ другой стороны: въ то время, какъ графъ Парижскій дѣйствуетъ, какъ претендентъ, въ сообществѣ съ графомъ Шамборомъ или помимо его, герцога Омальскій, какъ говорятъ, нисколько не прочь отъ того, чтобы его назначили вице-президентомъ республики при маршалѣ Магъ-Магонѣ. Такія двусмысленныя дѣйствія почти неизбежны при тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какія поставлены орлеанскіе принцы, но, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы избѣгать ихъ добровольнаго усложненія.

Бонапартисты созерцаютъ затрудненія и опасности настоящаго положенія дѣль съ удвоенной самонадѣянностью и надеждой. Они считаютъ успѣхъ такимъ вѣрнымъ и такимъ близкимъ, что уже нарушили договоръ 24-го мая съ другими монархистами. Они теперь, выставляють на выборахъ собственныхъ кандидатовъ, не желая больше сговариваться съ легитимистами и орлеанистами, и этотъ образъ дѣйствія удался имъ въ одномъ очень важномъ департаментѣ, въ департаментѣ Жиронды, гдѣ ихъ кандидатъ, правда, былъ побѣжденъ республиканскимъ, но далеко опередилъ правительственнаго и кандидата фузіонистовъ, такъ что становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что при всеобщей подачѣ голосовъ борьба возможна лишь между республикой и имперіей. Поэтому фузіонисты возлагають всѣ свои надежды на ограниченіе существующей всеобщей подачи голоса. Проектъ, изготовленный ими, обходитъ массу избирателей. Но если герцогъ де-Брольи выйдетъ изъ управленія, а составъ министерства измѣнится въ смыслѣ лѣваго центра, при возвращеніи собранія, то этотъ проектъ будетъ, разумѣется, оставленъ.

Бонапартисты отпраздновали въ прошломъ мѣсяцѣ, со всѣмъ трескомъ, который присущъ этой партіи, совершеннолѣтіе своего новаго императора, Наполеона IV. Въ рѣчи, вложенной Рузромъ въ уста этого юноши, рѣзко заявляется приверженность принципу плебисцита и какъ будто отвергается мысль о заговорѣ и государственномъ переворотѣ. Но въ заговорахъ никогда не сознаются заранее. Въ тому же я не думаю, чтобы бонапартисты составляли заговоры; они слишкомъ убѣждены, что обстоятельства слагаются въ ихъ пользу. Но не такіе они люди, чтобы пренебречь случаемъ произвести государственный переворотъ, еслибы таковой представился. Въ такомъ случаѣ, и не взирая на свои завѣренія въ преданности народному голосу, они, конечно, захотятъ скорѣе спросить мнѣніе народа на-

счетъ совершившагося факта, какъ послѣ 2-го декабря 1852 г., чѣмъ предоставить ему выборъ правленія.

Правительство съ неудовольствіемъ видѣло, какъ нѣсколько официальныхъ лицъ, и именно мэровъ, присоединились къ бонапартистской демонстраціи прошлаго мѣсяца, не взирая на то, что правительство приглашало ихъ воздержаться отъ того. Нѣкоторыхъ изъ нихъ оно уволило отъ должности, но не всѣхъ, и тѣ изъ мэровъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и депутаты, пощажены: печальное доказательство зависимости правительства.

Принцъ Жеромъ Наполеонъ счелъ нужнымъ рѣзко заявить свое разногласіе съ династіей, отказавшись съѣздить въ Лондонъ и поздравить своего маленькаго кузена; но его поведеніе не имѣетъ большого значенія. Принцъ Наполеонъ исполненъ противорѣчій: онъ не глупъ, но недовонокъ; хитѣръ, но вѣтренъ; расчетливъ, но вспыльчивъ. Онъ часто уступаетъ первому движенію, и его протестъ можно считать лишь неудержимымъ проявленіемъ чисто корсиканской ненависти, какую онъ питаетъ къ императрицѣ Евгеніи. Что касается того, чтобы выдѣлить партію изъ среды бонапартистской, принцъ Жеромъ, по всей вѣроятности, на это не рассчитываетъ. Всѣ бонапартисты, за исключеніемъ нѣсколькихъ изступленныхъ, заявили ему о своемъ неодобреніи, и эта семейная вендетта подала поводъ къ весьма странному явленію въ средѣ генеральнаго совѣта Корсики. Этотъ совѣтъ состоитъ главнымъ образомъ изъ бонапартистовъ, но предсѣдателемъ въ немъ принцъ Жеромъ. Между тѣмъ бонапартисты ничего лучшаго не придумали для заявленія своего неодобренія, какъ не явиться на засѣданіе, открывшееся въ текущемъ мѣсяцѣ, такъ что совѣтъ не могъ состояться, и принцъ, прождавъ нѣсколько дней, вынужденъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ. Для него это было крайне обидно, но дѣла департамента также отъ того пострадали, и вотъ какимъ образомъ духъ партій вредитъ общественнымъ интересамъ.

Правительство и большинство получили недавно шельокъ, который имъ былъ крайне чувствителенъ: это побѣгъ изъ Новой-Каледоніи Рошфора и нѣсколькихъ другихъ ссыльныхъ коммунистовъ. Рошфоръ пользовался необыкновенной популярностью въ послѣдніе годы имперіи, благодаря своему извѣстному журналу *Фонарю*. Избранный парижскимъ депутатомъ онъ, въ качествѣ его, попалъ въ члены правительства 4-го сентября и былъ однимъ изъ его наиболѣе вліятельныхъ членовъ, пока ему угодно было принадлежать къ нему. Позднѣе, при коммунѣ, онъ съ ожесточеніемъ нападалъ на правительство Тьера и версальское собраніе. Съ этой минуты отъ него отвернулись не только всѣ реакціонеры, но даже и всѣ умѣренные и осторожные республиканцы, и весьма немногіе сожалѣли о

немъ, когда военный судъ приговорилъ его къ пожизненной ссылке. Но у Рошфора осталось въ средѣ лѣвой палаты нѣсколько преданныхъ друзей, которые хлопотали за него, и самъ Тьеръ, вовсе не жестокий по природѣ, считалъ великодушнѣе тѣмъ умѣстнѣе, что Рошфоръ позволялъ себѣ жестокия и личныя нападки на него. Словомъ, пока Тьеръ былъ президентомъ республики, Рошфоръ оставался заключеннымъ на маленькомъ островѣ Франціи и, подъ предлогомъ дурного состоянія здоровья, не ссылался въ Новую Каледонію. Это не нравилось всѣмъ тѣмъ, чью ненависть навлекъ на себя Рошфоръ. Бонапартистскія газеты особенно громко вопили, что это скандалъ. Остальныя реакціонныя газеты имъ вторили, такъ что снисходительность къ Рошфору стала однимъ изъ главныхъ мотивовъ раздраженія большинства противъ Тьера. Слѣдствіемъ этого было то, что какъ скоро учредилось новое правительство, то оно поспѣшило отдать приказъ о немедленномъ отплытіи осужденнаго. И вотъ, теперь этотъ послѣдній возвращается въ Европу, проводя нѣсколько мѣсяцевъ у антиподовъ. Къ довершенію бѣды, морской министръ объявилъ въ собраніи, что побѣги безусловно невозможны изъ Новой-Каледоніи, потому что если бы ссыльные вздумали убѣжать сушей, то были бы съѣдены людоедами, а съ моря островъ охраняется множествомъ акулъ, которыя позавтракаютъ ими безъ церемоніи. И вотъ, Рошфоръ спасся именно вплавь! Къ этому остается прибавить, что правительство послѣднее узнало объ этомъ обстоятельствѣ, и Рошфоръ могъ дать знать изъ Сиднея своимъ друзьямъ по телеграфу о себѣ и получить отъ нихъ деньги, когда въ морскомъ министерствѣ все еще вопрошали: не басня ли этотъ побѣгъ? Причина этого невѣдѣнія почти невѣроятна и весьма жалка: колонія въ Новой-Каледоніи, довольно важная сама по себѣ и получающая двойное значеніе отъ того, что предназначена служить мѣстомъ ссылки, не связана телеграфной проволокой съ Сиднеемъ, откуда идетъ телеграфная нить въ Европу. Такая небрежность, полагаю, безпримѣрна. До сихъ поръ еще правительство не получило официальныхъ рапортовъ. Полагаютъ, что Рошфоръ поселится въ Лондонѣ или Брюсселѣ и возобновитъ, въ одномъ изъ этихъ городовъ, свою публицистическую дѣятельность. Я сомнѣваюсь однако, чтобы она увѣнчалась прежнимъ успѣхомъ. При имперіи всякая оппозиція казалась хороша, и чѣмъ смѣлѣе была она, тѣмъ успѣшнѣе. Но Рошфоръ нападалъ не на одну имперію, и участіе его въ коммуны компрометируетъ его въ глазахъ большей части публики.

Если исторія съ Рошфоромъ не безъ комизма, то другое происшествіе, взволновавшее весь Парижъ, совсѣмъ трагическаго свойства. Бѣлзъ, министръ внутреннихъ дѣлъ въ первомъ кабинетѣ маршала

Макъ-Магона, членъ Академіи, профессоръ, ученый писатель, убилъ себя въ постели еинжаломъ, которымъ пронзилъ себѣ сердце. Сначала было распустили слухъ объ аневризми, которому и повѣрили, такъ какъ лицо покойнаго носило признаки этой болѣзни. Но фактъ самоубійства теперь не подлежитъ сомнѣнію, хотя и трудно его объяснить. Бѣлэ составилъ необыкновенно быструю и блестящую карьеру. Покойный Сентъ-Бѣвъ называлъ его: „счастливецъ Бѣлэ“. Будучи замѣчательнымъ археологомъ, онъ сдѣлалъ въ афинскомъ Акрополѣ, двадцать лѣтъ тому назадъ, важныя открытія, которыя его вдругъ прославили. По возвращеніи во Францію, онъ былъ вознагражденъ званіемъ академика и профессорской кафедрой въ императорской библіотекѣ. Онъ снискалъ себѣ популярность при имперіи, въ сферахъ болѣе высокихъ, чѣмъ та, въ которой вращался Рошфоръ, салонной оппозиціей, бывшей однимъ изъ утѣшеній того времени. Совсѣмъ тѣмъ онъ сумѣлъ не поссориться окончательно съ Наполеономъ III, и по случаю присылки экземпляра сочиненія „*Жизнь Цесаря*“ написалъ письмо, достойное царедворца. Оппозиція его была оппозиціей человѣка, желающаго, чтобы его боялись, но избѣгающаго явной ссоры. Бѣлэ былъ человѣкъ крайне честолюбивый и вовсе не скрывалъ своей жажды славы и власти. Политика рано привлекла его, почти по выходѣ изъ нормальной школы. Въ 1848 г. онъ былъ сотрудникомъ Делеклюза, яраго революціонера, убитаго съ тѣхъ поръ въ схваткахъ коммуны. При имперіи Бѣлэ принадлежалъ къ тому, что тогда называлось либеральной партіей, довольно разношерстной компаніей, элементы которой нынѣ разсѣяны. Выбранный послѣ войны въ національное собраніе, онъ сначала примкнулъ къ Тьеру, но не замедлилъ перейти къ правой, съ чутьемъ честолюбца, торопашагося сдѣлать карьеру. 24-ое мая наградило его портфелемъ внутреннихъ дѣлъ. Въ званіи министра, онъ дѣйствовалъ не особенно успѣшно и, быть можетъ, оказался менѣе ловокъ, чѣмъ самъ того ожидалъ. Совсѣмъ тѣмъ, когда монархическая попытка не увѣнчалась успѣхомъ, Бѣлэ не самъ вышелъ въ отставку, какъ говорили, герцогъ Брогли потребовалъ его отставки: и Бѣлэ горько обидѣлся этимъ. Затѣмъ онъ имѣлъ случай убѣдиться, возобновивъ свой курсъ въ Академіи художествъ, гдѣ онъ тоже былъ профессоромъ, что ученики не могли простить ему переходъ въ лагерь реакціи, и увѣряютъ, что это очень огорчило его. Но все это не могло бы привести въ отчаяніе такого закаленного честолюбца, какъ Бѣлэ, къ тому же онъ только-что началъ свою дѣятельно-политическую карьеру и могъ съ удобствомъ выжидать случая отмстить своимъ противникамъ. Поэтому приходится искать иныхъ объясненій. Бѣлэ, какъ многіе изъ людей нашего времени, увлекся финансовыми

спекуляціями со всей страстью и отважностью картѣжнаго игрока. Эти спекуляціи, вначалѣ довольно удачныя, не замедлили привести къ катастрофѣ. Итакъ, самоубійство Бѣлэ напоминаетъ самоубійство блестящаго австрійскаго генерала Габленца.

По этому же случаю вспомнили про Прево-Парадоля, застрѣлившагося почти тотчасъ же по прибытіи въ Вашингтонъ, въ качествѣ французскаго посланника. Конечно, между ними существуетъ нѣкоторая аналогія. Прево-Парадоля и Бѣлэ принадлежали не только къ одному поколѣнію, но и къ одному обществу, и получили одно и то же воспитаніе. Оба вышли изъ нормальной школы, оба были профессорами, но уступили тому потоку, который въ послѣднія двадцать лѣтъ увлекаетъ лучшихъ воспитанниковъ этого училища въ литературу, журналистику и политику. Судьба Бѣлэ и Прево-Парадоля, по видимому, не свидѣтельствуетъ въ пользу нравственнаго направленія, получаемого молодыми умами въ этомъ знаменитомъ заведеніи. Когда кончаешь такимъ образомъ, то значитъ вступилъ въ жизнь съ недостаточнымъ нравственнымъ капиталомъ; но кончина Прево-Парадоля во всякомъ случаѣ носитъ болѣе трогательный и трагическій характеръ: то была натура болѣе возвышенная, болѣе тонкая, болѣе цѣломудренная, чѣмъ Бѣлэ. Бывши долгое время при имперіи любимымъ писателемъ и бѣловнемъ либеральной оппозиціи, въ особенности же орлеанистовъ, онъ былъ пораженъ въ самое сердце, увидя, что старинные друзья повернулись къ нему спиной, когда онъ принялъ отъ императора и Эмиля Оливье мѣсто посланника въ Соединенныхъ Штатахъ. Печальныя мысли осаждали его во время плаванія. Неожиданная вѣсть о войнѣ, объ этой безумной выходкѣ правительства, на службу котораго онъ только-что поступилъ, окончательно сразила его. Мнѣ кажется, что его отчаяніе благороднѣе и симпатичнѣе, чѣмъ отчаяніе, овладѣвшее Бѣлэ.

Вотъ, что касается того, кто послалъ Парадоля въ Америку,—что касается Эмиля Оливье, то отчаяніе и стыдъ никогда не побудятъ его застрѣлиться. Этотъ человѣкъ, которому не слѣдовало бы показываться въ люди, не перестаетъ, со времени своего возвращенія во Францію, привлекать общественное вниманіе. Наглость — присущее качество бонапартистовъ, это всѣмъ извѣстно,—и Оливье, хотя и поздно вступилъ въ эту партію, но въ этомъ отношеніи приноситъ ей великую честь. Можно подумать, что самоубійство, всегда отличавшее его, удвоилось съ тѣхъ поръ, какъ на него падаетъ отвѣтственность за разгромъ 1870 г. Его разговоры, письма, которыя онъ адресуетъ время отъ времени въ различныя газеты, исполнены безусловнаго самодовольства и сознанія своей непогрѣшимости. Франція, по его мнѣнію, погибла, если не прибѣгнетъ къ плебисциту, и

если плебисцитъ не вернетъ имперіи. Не странно ли, что подобныя вещи печатаются менѣе, чѣмъ черезъ четыре года спустя послѣ войны и такой личностью, и что извѣстная часть общественнаго мнѣнія дѣлаетъ видъ, что признаетъ ихъ, не спрашивая даже по какому праву Олливе возвышаетъ голосъ? Мало того, въ спорѣ своемъ съ академіей Олливе сумѣлъ привлечь насмѣшниковъ на свою сторону, и хотя не былъ принятъ въ публичномъ засѣданіи, однако тѣмъ не менѣе онъ все-таки навязалъ себя ученому собранію. Правда и то, что послѣднее наказано по дѣломъ за то, что избрало въ 1870 г. Эмиля Олливе своимъ членомъ единственно за то только, что онъ былъ первымъ министромъ Наполеона III-го. Его главный противникъ въ настоящее время, Гизо, въ ту эпоху горячо поддерживалъ его по причинамъ отнюдь не литературнаго свойства, и будь у него лучшая память, онъ спасъ бы себя отъ горькаго униженія. Гизо патронировалъ Олливе во французской академіи затѣмъ, чтобы добиться замѣны того для своего сына, Гильома Гизо, важнаго мѣста въ министерствѣ вѣроисповѣданій. Гильомъ Гизо получилъ это мѣсто, а Олливе избранъ во французскую академію. Гизо-сыну имперія, кромѣ того, оказала другого рода одолженіе, о которомъ Гизо-отецъ, повидимому, не подозрѣвалъ до послѣдняго времени, но о которомъ хорошо было извѣстно Олливе. Онъ просилъ императора уплатить карточный долгъ, доходившій до сорока или пятидесяти тысячъ франковъ. Письмо, въ которомъ онъ спрашивалъ этой милости, существуетъ. Я не знаю, въ чьихъ рукахъ оно находится въ настоящую минуту, но проходило черезъ нѣсколько рукъ, и его видѣли множество людей. Въ 1870 г. оно попало въ руки лицъ, которымъ поручено было осмотрѣть тюльерійскія бумаги, и только изъ уваженія къ Гизо, а главное благодаря настояніямъ Жюль Симона, оно не было напечатано тогда же. Всѣ знали объ этомъ, кромѣ самого Гизо. Но когда во время препирательствъ Олливе съ академіей стало извѣстнымъ, что Гизо сопротивлялся всего сильнѣе произнесенію похвальнаго слова императору, включенному Олливе въ свою рѣчь, бонапартистскія газеты не преминули напомнить и эксплуатировать исторію объ испрошенномъ денежномъ пособіи. Гизо, который, къ чести его будь сказано, не богатъ, продалъ тогда нѣсколько картинъ и между прочемъ великолѣпнаго Мурильо, подареннаго ему нѣкогда испанской королевой, по случаю испанскихъ браковъ, и реализировалъ сумму, покрывавшую долгъ сына съ процентами. Но эти деньги не были приняты императрицей Евгеніей, и ея агенты высокомѣрно объявили, что государи дарятъ деньги, но не даютъ ихъ взаймы, и что, поэтому, они и не могутъ принять этой суммы. Тогда Гизо препроводилъ ее въ кассу запасныхъ капиталовъ,

гдѣ она находится и по сіе время. Это униженіе его очень огорчило, но нельзя сказать, чтобы бы оно было вполне незаслуженнымъ.

Другой собратъ Эмиля Оливье, герцога Граммонтъ, жалкій министр иностранныхъ дѣлъ, котораго Франція противопоставила Бисмарку, точно также заставилъ говорить о себѣ въ послѣднее время, но не къ своей выгодѣ. Вамъ уже извѣстна любимая тема, на которую любятъ распространяться бонапартисты: будто Франція и имперія были бы спасены, даже и послѣ Седана, не будь революціи 4-го сентября, путемъ союзовъ, подготовленныхъ императорской дипломатіей. Австрія и Италія готовились-де выступить въ походъ, и сама Россія ничего лучшаго не желала, какъ вмѣшаться въ дѣло для спасенія Наполеона и цѣлости Франціи. Но ни одна держава не захотѣла беспокоить себя изъ-за республики, и отсюда произошли всѣ несчастія. Въ подтвержденіе этой грубой выдумки Граммонтъ вздумалъ разъ привести фразу изъ одной депеши Бейста, которая, будучи вырвана изъ остального текста, повидимому общала многое: „мы съ вами, говорилъ австрійскій канцлеръ: ваше дѣло—наше дѣло, и мы сдѣлаемъ для васъ все, что можемъ“. Но Граммонтъ умолчалъ при этомъ о томъ, что Бейстъ пространно объяснялъ затѣмъ, что помощь, какою можетъ оказать Австрія, сводится къ нулю, да и самая Италія можетъ вступить въ дѣло лишь въ томъ только случаѣ, когда Франція предварительно очиститъ Римъ. Эта австрійская депеша, весьма любопытная и рѣшительная, недавно обнародована газетой *Le Temps* и произвела большую сенсацію. Граммонтъ, будучи не въ состояніи ее опровергнуть, ограничился нѣсколькими хвастливыми фразами, надъ которыми умные люди посмѣялись. Но я не ручаюсь, чтобы это окончательно убило легенду о союзахъ, долженствовавшихъ спасти имперію. Легенды живучи, и общественное мнѣніе всегда склонно вѣрить тому, что ему нравится. Замѣчу кстати, что всѣ наши партіи лстятъ себя мыслию, что могутъ рассчитывать на любые союзы. Республиканцы рассчитываютъ на союзъ народовъ; они считаютъ французскую революцію неистощимой силой, такой же заразной, какъ и при своемъ началѣ. Роялисты и бонапартисты утверждаютъ, съ примѣсю шарлатанства и дѣйствительной вѣры, будто всѣ династіи къ ихъ услугамъ. Но я долженъ присовокупить, что приверженцы всѣхъ реставрацій, главнымъ образомъ, рассчитываютъ на Россію. Самой распространенной идеей здѣсь является то, что Бисмаркъ готовъ былъ бы каждую минуту возобновить борьбу, но Россія удерживаетъ его.

Здѣсь нѣсколько поражены проявляющимися у римской курии симптомами утомленія и упадка духа въ ея борьбѣ съ свѣтскими правительствами. Замѣчаютъ, что она уступила въ весьма важ-

ной распрѣ, происшедшей между Бразильскимъ правительствомъ и однимъ изъ важнѣйшихъ прелатовъ имперіи. Предполагаютъ также, что и въ Австріи римская курія не намѣрена доводить вещей до крайности, хотя между притязаніями государства въ Австріи и въ Пруссіи не существуетъ никакой разницы въ принципѣ. Наши католики, дошедшіе до крайнихъ границъ ревности и нетерпимости, нѣсколько смущены этими признаками. Что касается ихъ самихъ, то они нисколько не намѣрены смягчиться, и съ наступленіемъ весны усилилась, по обыкновенію, клерикальная дѣятельность. Въ настоящую минуту дѣло идетъ о томъ, чтобы регулировать паломничества, и программа, ручаюсь вамъ, будетъ не плоше прошлогодней. Эти дѣла рѣшаются совсѣмъ по военному, и надо признаться нѣсколько на манеръ сраженій, происходящихъ въ циркахъ, гдѣ видишь, какъ войска уходятъ за одну кулису и возвращаются изъ-за другой, чтобы число сражающихся казалось больше. Одни и тѣ же паломники фигурируютъ въ нѣсколькихъ паломничествахъ; я не хочу, впрочемъ, сказать, чтобы стеченіе публики не было дѣйствительно значительно и чтобы многіе изъ паломниковъ не были руководимы твердой вѣрой, заставляющей ихъ побывать постепенно въ нѣсколькихъ мѣстахъ поклоненія. Но еслибы не принимать въ соображеніе *mise en scène*, то можно было бы подумать, что вся Франція вернулась къ среднимъ вѣкамъ—чего нѣтъ еще на самомъ дѣлѣ.

Недавно въ Парижѣ собрался конгрессъ всѣхъ католиковъ дѣйствія Франціи, то-есть всѣхъ комитетовъ, кружковъ, собраній, которые занимаются пропагандой или религіозной благотворительностью. Духъ этого собранія былъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, самый чистый ультрамонтанскій; но по вопросамъ политическимъ въ собраніи произошелъ расколъ, потому что рядомъ съ ультрамонтанами-легитимистами появились ультрамонтаны-бонапартисты. Первые гораздо многочисленнѣе, но ихъ смущаетъ образъ дѣйствія самого претендента, что дало возможность ихъ противникамъ успѣшно выдвинуть своего кандидата. По этому поводу утверждалось, что бонапартисты всегда были лучшими и вѣрнѣйшими союзниками римской курії, и что они доказали это въ 1870 г., потому что въ этотъ моментъ они могли бы купить содѣйствіе Италіи цѣной очищенія Рима, но что Наполеонъ III-й никакъ не могъ рѣшиться предоставить св. отца въ жертву его врагамъ. На это клерикалы-легитимисты возражали, что Наполеонъ III-й, не взирая на наружное покровительство, которое оказывалъ Пію IX, былъ тѣмъ не менѣе истиннымъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ церкви, такъ какъ еслибы не онъ, то никогда бы не создаться ни итальянскому королевству, ни германской имперіи. Я нахожу, что на этомъ пунетѣ легитимисты правы.

N.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

10/12 апрѣля, 1874 г.

ПЕРВЫЕ ДНИ НОВАГО МИНИСТЕРСТВА.

Моя февральская корреспонденція заключалась словами: „Или совѣты м-ра Джона Брайта возьмутъ верхъ, и у насъ будетъ радикальное управленіе, или торіи снова попытаются доказать свое безсиліе“. Я писалъ эти слова 22-го января, а два дня спустя разразился ударъ грома изъ безоблачнаго неба: распустили парламентъ. Секретъ былъ сохраненъ вполнѣ. „Государственный переворотъ“! „ночное нападеніе“! — вотъ какими словами характеризовали враги министерства это событіе.

Въ самомъ дѣлѣ, Гладстонъ принялъ всѣ мѣры предосторожности. Съ бюджетомъ, составленнымъ съ его обычной и безспорной финансовой ловкостью, онъ пришелъ съ руками, полными золота: пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ остаткѣ, отмѣна подоходнаго налога, пошлйнъ на сахаръ и проч. и проч. Этотъ чистокровный англичанинъ, повидимому, и не подозрѣвалъ, что его соотечественники могутъ не тронуться подобными аргументами. Онъ не рассчитывалъ на случайности. Бывшій ученикъ сэра Роберта Пиля недостаточно изучилъ 2-й томъ мемуаровъ своего учителя, стр. 44... („Эдинбургское обозрѣніе“ напомнило ему объ этомъ)...: „Я всегда выражалъ отвращеніе къ неожиданнымъ распущеніямъ, памятуя слова лорда Кларендона, которыми начинается его исторія возмущенія: сомнѣваюсь, чтобы мы указали начало того источника горечи, которымъ мы теперь упиваемся, въ иномъ чемъ, какъ не въ поспѣшныхъ и неловкихъ распущеніяхъ парламента“. Такъ говоритъ сэръ Робертъ Пиль, и событія оправдываютъ его, разумѣется, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія автора. Старинное большинство во сто слишкомъ голосовъ въ 1868 г. уступаетъ мѣсто большинству въ обратномъ смыслѣ, пятидесяти-шести консерваторовъ.

Причины, вызвавшія распущеніе, достаточно объяснены въ моихъ предыдущихъ корреспонденціяхъ, такъ что нѣтъ необходимости къ нимъ возвращаться ¹⁾. Либеральное большинство было разстроено еще въ прошломъ году, и кабинетъ очутился въ меньшинствѣ по вопросу объ ирландскихъ университетахъ. Что касается самихъ выбо-

¹⁾ См. декабрь, 1873 г. и февраль, 1874 г.

ровъ, то скажу о нихъ лишь нѣсколько словъ: это такая избитая тѣма, что всякій знаетъ, что о ней думать. Упомяну объ одномъ: отнынѣ слѣдуетъ отказаться отъ живописныхъ и слишкомъ извѣстныхъ описаній борьбы у подножія *hustings* и у дверей *Rolling-places*, знаменъ, кокардъ и значковъ, оркестровъ музыки, предводительствующихъ толпами избирателей, разбитыхъ бочекъ съ пивомъ, освистанныхъ или покрытыхъ рукоплесканіями кандидатовъ, осыпаемыхъ цвѣтами или забрасываемыхъ печеными яблоками; словомъ, о всѣхъ этихъ чудовищныхъ диковинкахъ, на какія способна порою англосаксонская раса, воображеніе которой сумѣло создать Калибана. *Закрытая подача голосовъ* положила конецъ всему этому, и день выборовъ, особенно въ Лондонѣ, ничѣмъ особенно не отличался отъ остальныхъ.

За то гораздо интереснѣе познакомиться съ механизмомъ народнаго представительства въ классической странѣ парламентаризма. Издали онъ кажется страшно сложнымъ и почти непонятнымъ; но всего лучше разобрать машину, то-есть отнять одну за другой тѣ части, изъ которыхъ она постепенно сложилась, по крайней мѣрѣ самыя главныя. Полтораста лѣтъ тому назадъ Монтескьё, печатая свое знаменитое изложеніе англійской конституціи, присовокупилъ въ видѣ заключенія: „кто прочтетъ чудное сочиненіе Тацита *О нравахъ германцевъ*, тотъ увидитъ, что англичане у нихъ заимствовали идею своего политическаго управленія. Эта прекрасная система открыта въ лѣсахъ“. Пусть такъ! но съ тѣхъ поръ она подверглась большимъ измѣненіямъ и усовершенствованіямъ.

Само собой разумѣется, что я не стану забираться въ первобытныя времена и ограничусь 1831 г., предшествовавшимъ знаменитой избирательной реформѣ. Тогда, какъ и теперь, три группы избирательныхъ коллегій пользовались правомъ голоса: *буріи* (мѣстечки и города), *графства* (избирательные сельскіе округа) и *университеты*. На первый взглядъ все это прекрасно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приближается къ совершенству. Но только все это сложилось мало-по-малу, безъ системы, въ силу преданій, королевскихъ льготъ, привилегій и проч. И результатомъ этого было то, что лондонское Сити, насчитывавшее въ 1790 г. 500,000 жителей, посылало 4-хъ членовъ въ парламентъ, а мѣстечко Ливертонъ избирало одного 14-тью избирателями! Извѣстна исторія, передаваемая за достовѣрную въ 1831 г., и театромъ которой является мѣстечко Бьютъ въ Шотландіи. Передъ избирательнымъ бюро, въ присутствіи шерифа и обычныхъ чиновниковъ, предсталъ одинъ избиратель — *единственный* въ мѣстечкѣ, провозгласилъ свое имя, предложилъ свое избраніе и оказался выбраннымъ безъ оппозиціи. Избирательная реформа 1832 г.

улучшила частью такое положеніе вещей, энергически поддерживаемое теоріями, не взирая на неумолчные протесты, раздававшіеся съ начала столѣтія. Виги, овладѣвъ властью и поддерживаемые радикалами, вычеркнули сразу 56 бурговъ (*имѣли мѣстечекъ*), населеніе которыхъ не превышало среднимъ числомъ 2,000 душъ и которыя всѣ вмѣстѣ посылали 111 членовъ въ палату общинъ. Города, какъ Манчестеръ и Бирмингемъ, получили право представительства, котораго были лишены до тѣхъ поръ. Эта мѣра и другія дополнителныя были довольно радикальны въ сравненіи съ предыдущимъ порядкомъ вещей. Но съ общей точки зрѣнія всего этого было недостаточно, и страна все болѣе и болѣе ощущала это. Наконецъ, она дождалась избирательной реформы 1867 г. Эта система дѣйствуетъ по сіе время—и вотъ ея сущность.

Во-первыхъ, система—могущая показаться устарѣлой—раздѣленія избирательныхъ коллегій на *бурги, графства и университеты* сохранилась цѣликомъ. Съ своей стороны, не взирая на происхожденіе этой системы, я вижу въ ней одну изъ вѣрнѣйшихъ гарантій для просвѣщеннаго направленія выборовъ и образецъ, который можно было бы предложить будущимъ политикамъ континента. Самымъ главнымъ недостаткомъ системы было произвольное назначеніе избирательныхъ бурговъ, и въ этомъ отношеніи остается сдѣлать еще многое. Возьмемъ, напр., *мѣстечко* Мэрильбонъ ¹⁾, котораго я состою избирателемъ. Это мѣстечко, насчитывающее около пятисотъ тысячъ жителей, назначаетъ только 2 депутатовъ, равно какъ и каждый изъ девяти лондонскихъ округовъ, за исключеніемъ Сити, которое назначаетъ 4, такъ что столица съ ея 3-хъ-милліоннымъ населеніемъ представляется 20-ю депутатами! Между тѣмъ, такъ какъ палата общинъ насчитываетъ около 650 членовъ на населеніе въ 30 милліоновъ, ясно, что распредѣленіе избирательныхъ голосовъ далеко не пропорціонально. Но истинная парламентская реформа заключается въ слѣдующемъ: дать представительство городамъ независимо отъ окружающихъ сельскихъ группъ и въ прямомъ отношеніи къ ихъ населенію; дать селамъ пропорціонально менѣе значительное представительство, потому что ихъ настоящее дѣло—общинный совѣтъ и мѣстное управленіе. Только этимъ путемъ удастся учредить собраніе, которое будетъ по возможности результатомъ живыхъ, то-есть интеллигентныхъ силъ націи. Англія еще не дошла до этого, но она ближе

¹⁾ Трудно представить себѣ что-нибудь неопредѣленнѣе агломерация людей и домовъ, составляющихъ Лондонъ. Съ „парламентской“ или избирательной точки зрѣнія отличаютъ: 1) Сити Лондонское, 2) Сити Вестминстерское и 3) семь мѣстечекъ: Мэрильбонъ, Тинсбери, Соутверкъ, Ламбетъ, Чельси, Гакнэ и Тоузъръ-Гамлетъ.

къ такому *quasi*-совершенству, чѣмъ какая-либо парламентская страна. Ей стоить только дать городамъ необходимый перевѣсъ надъ селами. Послѣдніе выборы служатъ поразительнымъ доказательствомъ этого мнѣнія, если только допустить, что либеральный и прогрессивный духъ заслуживаетъ предпочтенія предъ рутиннымъ и консервативнымъ, не взирая на услуги, оказанныя кое-когда этимъ послѣднимъ. Изъ 359 депутатовъ, выбранныхъ городами, насчитывается 208 либераловъ и 151 тори: либеральное большинство для городовъ 57. Изъ 283 избранныхъ графствъ, то-есть сель, либераловъ всего 91, а консерваторовъ 192; консервативное большинство для сель: 101. Вотъ что называется краснорѣчіемъ цифръ.

Что касается условій, требуемыхъ для того, чтобы получить избирательныя права, то они остались тѣми же, какими были въ 1832 г. за ничтожными измѣненіями. Каждый собственникъ есть въ то же время и избиратель, и каждый арендаторъ земли или дома тоже избиратель, если платить 10 фунтовъ стерлинговъ арендной платы (вмѣсто 13 фунтовъ, постановленныхъ закономъ 1832 г.). Въ городахъ это измѣненіе гораздо значительнѣе. Всякій *taximut* отмѣненъ: избирателемъ считается всякій, кто внесенъ въ списокъ *rate-payers* и, слѣдовательно, занимаетъ домъ или немеблированную квартиру. Вотъ что называютъ „*Household suffrage*“: всякій наниматель есть вмѣстѣ съ тѣмъ и избиратель ¹⁾. Требуется прожить годъ на одномъ мѣстѣ, чтобы считаться избирателемъ. Таковы главныя черты избирательнаго закона 1867 г., проведеннаго лордомъ Дерби и Дизраэли. Такимъ образомъ избирательный корпусъ Соединеннаго-королевства увеличился почти на миллионъ избирателей, и почти всѣ припелыцы—рабочіе. Отношеніе же между городами и графствами осталось почти то же, что и въ 1832 г. Итакъ, настоящимъ прогрессомъ было бы восстановление равновѣсія между голосованіемъ городовъ и сель, нарушаемаго при настоящемъ порядкѣ дѣлъ въ ущербъ городамъ; хотя уже давно консервативная реакція не была такъ сильна, однако либеральное большинство въ городахъ все еще громадно: 50 на 360 голосовъ.

Какъ бы то ни было, а фактъ несомнѣненъ: пораженіе блистательное! Либералы, стоявшіе во главѣ управленія, за весьма краткими исключеніями, въ послѣднія сорокъ лѣтъ, впервые низвергнуты большинствомъ, признаваемымъ всѣми громаднымъ: девятый пар-

¹⁾ Даже иностранцы, проживая годъ на одномъ мѣстѣ, имѣютъ право быть избирателями. Фактъ платежа за квартиру даетъ право голоса. Наниматели меблированныхъ квартиръ, платящіе не менѣе 10 фунт. за квартиру, и заявляющіе о томъ желаніе, вносятся въ избирательный списокъ.

ламентъ королевы Викторіи рѣшительно торійскій. Причины такой перемѣны были мною достаточно ясно изложены въ общихъ чертахъ, чтобы перебирать ихъ въ частности. Каждый толкуетъ о нихъ по своему, но одно несомнѣнно, что Гладстонъ палъ отчасти потому, что измѣнилъ радикаламъ палаты и даже оскорбилъ ихъ. М-ръ Фоусеттъ и его друзья больше содѣйствовали его паденію, чѣмъ, кто-нибудь изъ такъ-называемыхъ виговъ. Съ другой стороны, Англія, какъ и всякая другая страна, можетъ выдержать лишь нѣкоторую дозу реформъ. Она приходитъ къ реформамъ вѣрнѣе, чѣмъ какой бы то ни было народъ, но медленнѣе. *Chi va piano, va sano*—эта поговорка какъ-бы создана для англичанъ. Между тѣмъ всѣмъ извѣстна масса реформъ, доведенныхъ до благополучнаго конца кабинетомъ Гладстона: отдѣленіе церкви отъ государства въ Ирландіи, отмена покупки и продажи чиновъ въ арміи, поземельная реформа въ Ирландіи, закрытая подача голосовъ и проч. Вотъ что было совершено въ пять лѣтъ. Англіійскій народъ почувствовалъ необходимость перевести духъ: вотъ въ чемъ слѣдуетъ искать успѣха консерваторовъ. Но такъ какъ кромѣ *великихъ* причинъ, существуютъ всегда и *малыя*, то въ числѣ послѣднихъ слѣдуетъ указать на ожесточеніе трактирщиковъ, о которомъ я уже упоминалъ раньше. Не было ни одного трактира въ Лондонѣ, который бы не выставилъ афиши съ консервативными кандидатами. Вслѣдствіе этого шутники прозвали новую палату „Парламентомъ патентованныхъ трактирщиковъ“.

Какъ бы то ни было „юная Англія“ стала во главѣ управленія, хотя поздненько! Прошло ровно сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ защитникъ „*young England*“ изложилъ основанія возрожденія своей страны. „Англія,—воскликаетъ Коннингсби,—можетъ быть спасена лишь молодежью! Всѣ, кто перешелъ за 35 лѣтъ, становятся *никуда негодны*“¹⁾. Между тѣмъ *Коннингсби*, это Лотэръ, это глава теперешней британской имперіи, это Дизраэли! Этому вождю „молодого поколѣнія“ скоро стукнетъ 70 лѣтъ!

Все странно въ этомъ государственномъ человѣкѣ, начиная съ его настоящаго положенія: его фамилія,—еврейская по происхожденію, испанская по національности, ставшая венеціанскою по необходимости, англійскою по выбору,—наконецъ, и пуще всего, его мнѣнія и образъ дѣйствій. „Онъ столько же похожъ на насъ, какъ какой-нибудь обитатель луны,—воскликаетъ „Эдинбургское Обозрѣніе“,—органъ виговъ, и мы созерцаемъ его съ неистощимымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ“. Съ другой стороны, послушайте великаго торійскаго оракула, по поводу чрезвычайнаго ро-

¹⁾ „Коннингсби, или молодое поколѣніе“, соч. Дизраэли. Лондонъ. 1844.

мана, называемаго „Лотэръ“: „М-ръ Дизраэли смѣется надъ нами, говорить „*Quartely Review*“, онъ захотѣлъ посмотрѣть до чего доходить наивность читателей романовъ, и написалъ книгу, переполненную самыми дикими нелѣпостями, которымъ заставляетъ насъ дивиться ¹⁾. Ни тѣ, ни другіе не могутъ переварить этого государственнаго человѣка, который въ то же самое время и романистъ.“

Да и если бы только это! Но въ 1834 г. будущему главѣ торійской партіи пришла злосчастная мысль написать свою знаменитую „*Revolutionary Epick*“ (*Революціонная Эпопея*), странное и довольно непонятное произведеніе, переполненное такихъ афоризмовъ, какіе могутъ привести въ ужасъ даже либеральнаго англичанина. Въ немъ фигурируютъ „геній феодализма“ и геній „федерализма и республики“, и послѣднему выпадаетъ на долю красивая роль. Поэтъ привѣтствуетъ древнюю Галлію и юную Францію, „революціонныя“, гдѣ „разумъ“ нашелъ убѣжище и построилъ славный храмъ. Въ третьей и, къ счастью, послѣдней пѣснѣ, авторъ описываетъ покореніе (называемое имъ освобожденіемъ) Италіи Наполеономъ I, и какъ, наконецъ, восторженный народъ —

„Dance round the tree of Lombard liberty!“ ²⁾.

Это давало, однако, право автору на сочувствіе радикаловъ, поддержки которыхъ онъ искалъ въ 1832 г. подъ покровительствомъ Юма и О'Коннеля. До сихъ поръ все это весьма естественно: но всѣхъ поразило, когда тотъ же самый Дизраэли сталъ искать голосовъ консерваторовъ въ 1833 г. Хотя онъ и увѣрялъ, что не перемѣнилъ мнѣній и держится тѣхъ же принциповъ, но съ этой эпохи никто не считалъ молодого и честолюбиваго романиста образцомъ „политической выдержки“. И если онъ теперь стоитъ во главѣ кабинета, то не столько въ силу довѣрія, внушаемаго имъ, сколько благодаря недостатку „вожаковъ“ въ консервативной партіи.

Во всякомъ случаѣ ему нельзя отказать въ одномъ качествѣ: упорномъ желаніи составить карьеру. Что касается его политическихъ убѣжденій, то, между нами будь сказано, никто въ нихъ не вѣритъ. Это все тотъ же человѣкъ, который сорбѣ лѣтъ тому назадъ восклицалъ: „*виизмъ*“ износился, „*консерватизмъ*“ — обманъ, а „*радикализмъ*“ — мерзость ³⁾. Впрочемъ, это сравнительно нейтральное положеніе составляетъ для него преимущество при существую-

¹⁾ „*Quartely Review*“, іюль, 1870 г.

²⁾ „Пляшеть вокругъ дерева ломбардской свободы!“ Послѣдній стихъ „*Революціонной Эпопеи*“. Лондонъ, 1834 г. Перепеч. въ 1864 г.

³⁾ Конингсби. Книга V, глава II.

щемъ порядкѣ вещей, которое можно въ нѣкоторой мѣрѣ назвать перемиріемъ партій. Въ самомъ дѣлѣ, страна требуетъ отдыха, а не реакціи; англійскій консерватизмъ тѣмъ и отличается отъ консерватизма другихъ странъ, что его никакъ нельзя назвать реакціей. Теперь торійскія газеты много распространяются объ удовлетворительномъ положеніи дѣлъ и предсказываютъ своему главѣ долгую эру власти и благоденствія.

Между тѣмъ въ первые же дни новаго министерства на горизонтѣ показалась черная точка, и ея появленіе успѣло смутить спокойствіе новаго правительства: я говорю про рабочій вопросъ. Въ сущности, рабочіе, которые со времени реформы 1867 г. образуютъ значительную часть избирательнаго корпуса, до сихъ поръ еще не имѣли особеннаго вліянія на ходъ дѣлъ. Имъ только въ нынѣшнемъ году удалось провести двухъ изъ своихъ въ парламентъ, двухъ вожаковъ знаменитыхъ „*trade's-unions*“, которые теперь такъ хорошо изучены. Но гораздо менѣе извѣстна другая ассоціація, образовавшаяся совсѣмъ недавно. Это ассоціація крестьянъ, „землепашцевъ“.

Всего два года тому назадъ зародилась она въ Варвикскомъ графствѣ, въ центрѣ Англіи. Работники-землепашцы, нанимаемые фермерами, получали около 13 шиллинговъ въ недѣлю, изъ которыхъ должны были кормиться и платить за наемъ коттеджей. Они составили стачку, чтобы добиться увеличенія платы, сравнительно значительной, но необходимой, по ихъ словамъ, для того, чтобы они могли содержать себя и семейство. Такое явленіе замѣчалось впервые, и поэтому всѣ вообразили, что эта стачка организована какимъ-нибудь эмиссаромъ *trade's-unions*. Ничуть не бывало: это—пастораль библейскаго происхожденія. Сознаніе о томъ, что ихъ эксплуатируютъ, проснулось въ крестьянахъ Варвикшира благодаря методизму. Духовенство англиканской церкви—не въ обиду чести *Уэксфильдскаго епископа* будь сказано—никогда не старалось особенно о томъ, чтобы просвѣтить крестьянъ. Джонъ Веслей, какъ новаторъ, долженъ былъ дѣйствовать совсѣмъ иначе и ввелъ, для распространенія методизма, систему столь же простую, какъ и дѣйствительную. Большинство большихъ городовъ Великобританіи являются центромъ округа, обнимающаго окружающія селенія на разстояніи отъ шести до двѣнадцати миль. Въ каждомъ округѣ существуютъ церкви, воскресная школа, одинъ или нѣсколько священниковъ, регулярно назначаемыхъ, и нѣсколько добровольныхъ проповѣдниковъ (*preachers*) изъ фермеровъ, лавочниковъ, крестьянъ и проч.

Одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ, Джорджъ Арчъ, организовалъ крестьянское „*Union and Society*“, по образцу рудокоповъ, плотниковъ и проч., и имя его уже прогремѣло въ Англіи и во всемъ мірѣ.

Всѣ газеты толковали недавно объ его поѣздѣ въ Америку для организаціи эмиграціи землепашцевъ, недовольныхъ своей судьбой. Теперь вотъ по случаю какого событія я нашелъ нужнымъ изложить все это. Съ нѣкоторыхъ поръ возникли „ассоціаціи хозяевъ“, для противодѣйствія вліянію „рабочихъ союзовъ“. О нихъ немного распространялись, какъ вдругъ въ прошломъ мѣсяцѣ узнали, что фермеры Линкольншира и нѣкоторыхъ другихъ графствъ, образовавшихъ ассоціацію, прогнали всѣхъ тѣхъ изъ своихъ поденщиковъ, которые принадлежать къ „союзу землепашцевъ“. Явилась, слѣдовательно, стачка хозяевъ противъ рабочихъ. Фактъ оказался вѣренъ, и вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ онъ возбуждаетъ общественное мнѣніе. Послѣднее вознегодовало на враждебный и даже жестокой образъ дѣйствія фермеровъ. Не далѣе, какъ вчера, происходилъ митингъ, который можно было бы назвать „митингомъ негодованія“ въ Эксетеръ-Голлѣ. М-ръ Самуэль Морлэ предсѣдательствовалъ на митингѣ, окруженный нѣсколькими другими нон-конформистами и членами парламента, принадлежащими къ радикальной партіи: Мунделлой и Макъ-Дональдомъ (вновь избраннымъ вожакомъ союза рудокоповъ) и проч. Онъ особенно напиралъ на тотъ фактъ, что въ окрестностяхъ Нью-Маркета двѣ тысячи крестьянъ были прогнаны фермерами только за то, что принадлежали къ союзу. И этотъ образъ дѣйствія грозитъ распространиться на нѣсколько западныхъ графствъ. Одинъ старый крестьянинъ возбудилъ общую симпатію, рассказавъ, какъ его заработанная плата, начиная съ восьми или девятилѣтняго возраста, съ котораго онъ началъ работать, возросла постепенно съ нѣсколькихъ пенсовъ до 7, 8 и 9 шиллинговъ въ недѣлю. „Однажды,—прибавилъ онъ,—она возросла до 10 шиллинговъ. Но съѣстные припасы стоили непомерно дорого: я расходовалъ для жены и семерыхъ дѣтей 9 шиллинговъ 11 пенсовъ только на покупку муки. Да и то ее хватало всего на пять дней!“ Да! если попристальнѣе взглянуть въ положеніе дѣлъ въ здѣшней странѣ, то заметишь весьма мрачныя и горькія стороны.

Рабочій вопросъ, возникающій въ селахъ, неоднократно будетъ всплывать наверхъ. Дизраэли, который всегда выставлялъ себя другомъ работниковъ и который изобрѣлъ „консервативнаго рабочаго“, будетъ, конечно, имѣть не однажды случай доказать свою симпатію.

Въ настоящую минуту, что касается нищеты, то въ этомъ отношеніи Бенгальскій голодъ, о которомъ я вамъ уже писалъ, доставляетъ хлопотъ полонъ ротъ. Уже слишкомъ полгода, какъ газеты на всѣ лады толкуютъ о немъ. Впрочемъ, это явленіе не ново: въ послѣднія сто лѣтъ оно повторяется въ третій разъ, по тѣмъ же причинамъ, съ тѣмъ же ходомъ событій, съ тою же непредусмотритель-

ностью со стороны правительства и, безъ сомнѣнія, съ тѣми же результатами. Оффиціальныя свѣдѣнія имѣются еще въ недостаточномъ количествѣ, и я оставляю пока этотъ вопросъ въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что пора мнѣ перейти къ самому чудовищному, самому удивительному, самому вопіющему и вмѣстѣ съ тѣмъ избитому дѣлу: къ процессу Тичборна. Выражаясь словами ш-ше де-Севинье: я откладывалъ до послѣдней возможности, но дѣлать нечего, приходится покориться.

Этотъ процессъ длился семь лѣтъ. Судебныя пренія заняли не менѣе 104-хъ дней въ первой инстанціи и 190 дней во второй—и заразилъ собою цѣлый періодъ англійской жизни въ XIX-мъ столѣтіи. И никто не избѣжалъ заразы: не взирая на отвращеніе, внушаемое этимъ дѣломъ и респектабельность, всѣ классы подверглись ей. Литература не избѣжала ее, даже самая фэшюнэбельная. Въ одномъ изъ послѣднихъ и наиболѣе великосвѣтскихъ романовъ, одно дѣйствующее лицо восклицаетъ, что ненавидитъ имя Роджера, со времени появленія „претендента“ ¹⁾.

Вотъ въ краткихъ словахъ сущность этого дѣла. Жилъ былъ баронетъ, у котораго было два сына, единственная опора рода, точно у „*il buon conte di Luna*“ въ „*Trovatore*“. Старшій пропалъ въ одинъ прекрасный день, но не похищенный колдуньей, а утонувъ при кораблекрушеніи. Младшій наслѣдовалъ „баронетскому достоинству“ по смерти отца, самъ умеръ и оставилъ малолѣтняго ребенка, который и наслѣдовалъ титулъ и помѣстья.

Между тѣмъ помѣстья стоѣтъ, чтобы ими занимались, такъ какъ приносятъ 26 тысячъ фунтовъ стерлинговъ дохода. Конечно, бываютъ люди гораздо болѣе богатые, но и это состояніе не дурно. Старинная фамилія Тичборновъ осталась вѣрна католическому вѣроисповѣданію. Вдова стараго баронета, которую зовутъ лэди Доути, отказывалась, какъ и всѣ матери вообще въ подобныхъ случаяхъ, вѣрить смерти своего сына. Кораблекрушеніе такая невѣроятная вещь. И мало ли Робинзоновъ появлялось по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ съ зонтиками изъ звѣринныхъ шкуръ и костюмомъ изъ того же матеріала! Итакъ, она всѣмъ повторяла, что онъ навѣрное явится, и многіе изъ старинныхъ слугъ въ замкѣ Тичборна раздѣляли это мнѣніе.

Роджеръ Тичборнъ отплылъ на кораблѣ въ Америку въ 1853 г. Ему было тогда 23 года (такъ какъ онъ родился въ 1829 г.) Въ слѣдующемъ 1854 году, 20-го апрѣля, онъ отплылъ изъ Ріо-Жанейро на кораблѣ „Белла“, который четыре или пять дней спустя претерпѣлъ крушеніе, причѣмъ погибли весь экипажъ и всѣ пассажиры.

¹⁾ *Nancy*, by Miss Rhoda Broughton. 1873.

Между тѣмъ лэди Доути, подъ вліяніемъ своей *idée fixe*, наполняла газеты объявленіями и рекламами, обѣщая хорошую награду тому, кто вернетъ ей сына. И вотъ, наконецъ въ 1866 г., то-есть двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ кораблекрушенія, какое-то лицо заявило о себѣ въ „бюро исчезнувшихъ друзей“ г-дѣ Кобитта и К^о, въ Сиднеѣ, въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, въ Австраліи, какъ о розыскиваемомъ сынѣ. Примѣты, выставленныя въ объявленіи, говорили о человѣкѣ деликатнаго сложенія, довольно высокаго роста, съ каштановыми волосами и голубыми глазами: мало того, о джентльменѣ и баронетѣ. Лицо, явившееся подъ именемъ Роджера Тичборна, оказалось сложенія атлетическаго, громадный, жирный мясникъ по профессіи. Какъ объ особенной примѣтѣ, онъ поспѣшилъ сообщить своей „*dear tata*“, лэди Тичборнъ, что у него на боку „темная родинка“.

Между тѣмъ позднѣе было дознано, что у настоящаго Роджера Тичборна никогда не бывало подобной родинки. Тѣмъ не менѣе мать объявила, что она признаетъ сына: первая диковинка въ нескончаемомъ хаосѣ событій, воцарившемся затѣмъ. Въ одинъ прекрасный день, въ началѣ 1867 г. толстый и огромный человѣкъ вышелъ изъ вагона на сѣверной станціи въ Парижѣ, обычномъ пребываніи вдовы Тичборнъ: то былъ столь давно ожидаемый наслѣдникъ. Но первый визитъ его былъ не къ горячо любимой матери, которую онъ оставлялъ безъ извѣстій въ теченіи 13-ти лѣтъ. Наоборотъ, она вынуждена была бѣгать за нимъ, розыскивать въ отелѣ, гдѣ онъ сказывался больнымъ. Бѣдную старую лэди вводятъ въ комнату, съ опущенными занавѣсами, и подводятъ къ постели, гдѣ лежитъ громадный и жалобно-стонущій человѣкъ. Она схватываетъ его голову и покрываетъ поцѣлуями, между тѣмъ какъ тотъ упорно лежитъ къ ней спиной, уткнувъ лицо въ стѣну.

Лэди Тичборнъ умерла нѣсколько времени спустя. Счастливое событіе, въ извѣстномъ смыслѣ, для претендента, потому что, не взирая на странную обстановку ихъ свиданія, лэди Тичборнъ какъ бы то ни было признала его, и не могла больше отказаться отъ своихъ словъ. Тогда заварилась каша: образовались акціонерныя компаніи, самые разнородные элементы сгруппировались вокругъ претендента, и стали его поддерживать. Такъ какъ семейство было католическое, то нѣкоторые лица усмотрѣли въ этомъ дѣлѣ участіе іезуитовъ, и оглушаемые стариннымъ крикомъ: „*no popery*“, члены парламента, Уэллс и Онслоу, принялись поддерживать всѣмъ своимъ авторитетомъ претензіи претендента.

Наконецъ, 11-го мая 1871 г., открылся въ Вестминстерѣ, въ судѣ „*Common Pleas*“ (судъ общихъ тяжбъ), процессъ, затѣянный претендентомъ для возвращенія себѣ титула и владѣній Тичборновъ. По

истеченіи 103-хъ дней, присяжные, которыхъ нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ терпѣнія, объявили, что не признаютъ въ претендентѣ сэра Роджера Тичборна. Послѣдній, въ силу одной изъ привилегій, предоставляемой англійскимъ закономъ, предпочелъ отказаться отъ иска и получилъ декларацію „*non-suit*“. Въ тотъ же день, 6-го марта 1872 г. злосчастный истецъ былъ арестованъ и отданъ подъ *Судъ королевской скамьи* за клятвенное преступленіе. Этотъ новый процессъ — къ счастью послѣдній — начался 23-го апрѣля 1873 г., и окончился 28-го февраля 1874 г. Судебныя пренія длились 188 дней.

Новый элементъ былъ внесенъ въ процессъ. Обвинительная власть не только отрицала, чтобы претендентъ былъ сэромъ Роджеромъ Тичборномъ, но и утверждала, что признаетъ въ немъ сына нѣкоего мясника изъ Уэппинга (лондонскаго квартала), по имени Артуръ Ортонъ. Триста свидѣтелей показали, что признаютъ въ претендентѣ сэра Роджера Тичборна; въ числѣ ихъ были джентльмены, люди съ извѣстнымъ положеніемъ въ свѣтѣ и въ особенностяхъ много старинныхъ сослуживцевъ настоящаго сэра Роджера, карабинеровъ, внушительныхъ господъ по своему росту, большой бородѣ и многочисленнымъ орденамъ, украшавшимъ ихъ грудь. Почти такое же число свидѣтелей, выставленныхъ обвинительной властью, показало, что это Артуръ Ортонъ. Вслѣдъ затѣмъ защитникъ подсудимаго, нынѣ знаменитый д-ръ Кенили, началъ защитительную рѣчь, длившуюся 45 дней. Лордъ *Chief justice* (главный судья) сдѣлалъ резюмѣ дебатовъ, занявшее цѣлый мѣсяцъ, и въ результатѣ всего этого оказался вердиктъ въ виновности съ присужденіемъ къ 14-лѣтней каторжной работѣ, произнесенный 28 прошлаго февраля. Эксъ-баронетъ, признанный Артуромъ Ортономъ, былъ обрѣтъ и облеченъ въ Ньюгетскую ливрею, а изображенія трехъ судей: Кокбёрна, Луша и Меллора, выѣплены изъ воска и заняли мѣсто въ коллекціи *м-ше Тюссо*, гдѣ всякій можетъ любоваться ими возлѣ персидскаго шаха и маршала Макъ-Магона.

И представьте себѣ, что съ того дня, какъ толпа разбила рѣшетки Гайдъ-Парка въ эпоху агитаціи за реформу 1867 года, подобнаго волненія не бывало въ Лондонѣ. 28 февраля вся полиція столицы была на ногахъ, въ предвидѣніи какого-нибудь народнаго бунта въ отместку за осужденнаго: скажемъ тотчасъ же, что ничего подобнаго не случилось. Но самый рѣзкій антагонизмъ дѣйствительно проявился между высшими классами съ одной стороны и всѣмъ остальнымъ населеніемъ съ другой. Толпа, мало просвѣщенная и повинующаяся темнымъ инстинктамъ, прониклась неудержимой симпатіей къ этому человѣку, котораго она считала несправедливо лишеннымъ титула и состоянія. Дѣло доходило до сумасшествія и въ

буквальномъ смыслѣ слова. Во многихъ сумасшедшихъ домахъ сидятъ претенденты на имѣнія Тичборновъ. Да и теперь еще вы найдете безумцевъ, вѣрящихъ въ „сѣра Роджера.“ Последнимъ словомъ мнимъ объ этой гигантской *cause célèbre*, которой я далъ лишь одинъ островъ, будетъ похвальное слово англійскому правосудію. Былъ одинъ моментъ, когда претендента разспрашивали объ его классическихъ занятіяхъ: настоящій Тичборнъ изучалъ латинскій языкъ и немного греческій. У него спрашиваютъ, что онъ думаетъ о *Комментаріяхъ Цезаря*, онъ отвѣчаетъ, что это *греческая* книга. Вездѣ въ другой странѣ подобное обстоятельство рѣшило бы вопросъ: нѣтъ такого дурака набитаго, который, учившись хотя бы только нѣсколько мѣсяцевъ, могъ дать подобный отвѣтъ. Здѣсь же, это послужило только поводомъ адвокату цѣлыхъ два дня распространяться о великихъ людяхъ, позабывшихъ свою латынь. Истинное правосудіе никогда не спѣшитъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы осудить.

Кстати о великихъ людяхъ: Англіи не посчастливилось въ последнее время въ этомъ отношеніи. Въ теченіи какого-нибудь года она лишилась, и сравнительно преждевременно, троихъ изъ нихъ. Во-первыхъ, философа, имя котораго останется славнѣйшимъ въ его странѣ и въ его столѣтіи, послѣ Бентама, — Джона Стюарта Милля. Затѣмъ живописца, который навсегда останется однимъ изъ корифеевъ англійской школы живописи: сѣра Ландспира. Наконецъ, недавно д-ра Ливингстона. Но говоря „недавно,“ я только подчиняюсь той относительности земныхъ событій, которой мы здѣсь имѣемъ поразительный примѣръ. На самомъ дѣлѣ вотъ уже годъ, какъ умеръ Ливингстонъ, одинокій, — вдали отъ всего европейскаго, среди болотъ экваторіальной Африки: но всего только три мѣсяца, какъ этотъ фактъ сталъ извѣстенъ цивилизованному міру, который только и можно считать дѣйствительнымъ, когда дѣло коснется интеллигенціи и мысли.

Ливингстонъ родился въ 1817 г.: ему было, слѣдовательно, 56 лѣтъ. Двадцать четыре года этой жизни были посвящены открытію и цивилизаціи туземныхъ племенъ Африки. Мало можно назвать путешественниковъ, которые бы такъ долго противостояли этому убійственному климату: но геройскій изслѣдователь долженъ былъ, въ концѣ-концовъ, пасть въ неравной борьбѣ съ дикой и первобытной природой. Такъ и случилось, благодаря неизбѣжному спутнику этихъ болотистыхъ странъ — диссентеріи. Ливингстонъ скончался на дорогѣ отъ озера Лемба въ Унианѣмбе, сраженный восьмидневнымъ походомъ по колѣно въ водѣ. Событіе это случилось, повидимому, 11-го мая: вѣрные негры, окружавшіе его, остановили часы на роковомъ

моментѣ, въ часъ пополудни. Одинъ изъ нихъ неустанно стерегъ тѣло своего господина. Иллюстрированныя изданія дали его изображеніе, представивъ его на кораблѣ, оперевшимся на грубый гробъ, станутый веревками, точно туюъ какой. На погребальной церемоніи, происходившей 18-го ч. текущаго мѣсяца, когда бранные останки были препровождены въ Вестминстеръ, взоры всѣхъ привлекались молодымъ чернокожимъ мальчикомъ, шедшимъ за гробомъ.

Первые результаты изслѣдованій Ливингстона обнародованы были въ 1857 г. подъ заглавіемъ „*Missionary Travels and researches*“ и возбудили много надеждъ касательно возможности улучшить бытъ и цивилизовать туземцевъ Африки, которыя, увы! далеко не оправдались. Вторая серія изслѣдованій съ 1858 и по 1864 г. рассказана въ „*Narrative of an expedition to the Zambesi*“. Важное географическое открытіе занесено въ это сочиненіе: открытіе озеръ Ширва и Нianza. Ливингстонъ совершилъ третье изслѣдованіе, предпринятое имъ въ 1866 г., послѣ весьма краткаго отдыха. Окончательные результаты этого послѣдняго еще неизвѣстны. Въ суммѣ эти результаты, бытъ можетъ, не вполне соотвѣтствуютъ положенному труду и усиліямъ. Но, конечно, Англія прекрасно сдѣлала, что открыла двери Вестминстерскаго аббатства этому мужественному человѣку. Впрочемъ, это аббатство всегда будетъ казаться убѣжищемъ посредственности, а не настоящимъ пантеономъ, пока британское лицейбріе продолжаетъ не допускать въ него такого генія, какъ Байронъ.

Тѣмъ временемъ, не взирая на кончины знаменитыхъ людей и процессъ, появились „вѣстники лѣта“, какъ говоритъ старинный французскій поэтъ, и —

„Le temps a laissé son manteau
De vent, de froidure et de pluie...“

и тумана, прибавимъ мы. Не думаю, чтобы въ какой-либо странѣ міра контрастъ между зимой и весной былъ такъ опутителенъ, какъ здѣсь. Вездѣ на континентѣ зима является разгаромъ свѣтской жизни *par excellence*, эпохой баловъ, вечеровъ и другихъ увеселеній подобнаго рода. То, чтó здѣсь зовется „сезономъ“, происходитъ весной и лѣтомъ. Многие думаютъ, что сезонъ совпадаетъ съ парламентомъ, но вѣрнѣе сказать, что парламентъ совпадаетъ съ весной, такъ какъ Лондонъ рѣшительно нестерпимъ въ промежутокъ отъ 1-го октября и до 31-го марта. Въ настоящее время между 4 и 6 часами дня экипажи и кавальяды покрываютъ, и по субботамъ въ особенности толпы стремятся поглазѣть на разные знаменитости. Въ настоящую минуту вниманіе сосредоточивается на молодой герцогинѣ Единбургской.

Я слишкомъ бы запоздалъ съ своими извѣщеніями, еслибы вздумалъ описывать пріемъ, сдѣланный принцессѣ, которую, какъ бы выразились во времена Вольтера, „сѣверъ прислалъ намъ“, и которая, выражаясь словами одной официальной газеты, „явилась занять мѣсто въ королевской семьѣ, равно какъ и въ сердцѣ англійскаго народа“. Газеты и телеграммы сообщили уже вамъ все, что касается этого событія. Но чувство чувствомъ, а англичане, будьте увѣрены, не забываютъ и положительной стороны. Не взирая на любезный тонъ, „*Times*“ и общественное мнѣніе съ тревогой слѣдятъ за средне-азиатскимъ вопросомъ: количество книгъ и брошюръ, трактующихъ объ этомъ вопросѣ, становится безпокойнымъ, и два послѣднихъ номера двухъ большихъ трехмѣсячныхъ обзорѣній заключаютъ каждый статью-*monstre* о Туркестанѣ и т. п. предметахъ. Это, впрочемъ, еще только начало, и я успѣю поговорить объ этомъ въ слѣдующій разъ. Пока нѣтъ ничего интереснаго.

Присовокуплю еще и на томъ и покончу: съ наступленіемъ красныхъ дней къ намъ вернулись птицы-пѣвчія: я говорю про итальянцевъ и оперу. Если, какъ говоритъ великій философъ, „одна ласточка еще не дѣлаетъ весны“, то у насъ достаточно теперь соловьевъ, чтобы увѣровать въ наступленіе лѣта. Недостаетъ главнаго: „божественной“ Патти, превознесенной въ вашемъ отечествѣ. Но зато у насъ есть пѣвица, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и великая актриса, настоящее олицетвореніе *Fidelio*, м-ме Тиціенсъ. Кромѣ того, французскій театръ раскрылъ свои двери и щеголяетъ двумя звѣздами: м-ме Мари Лоранъ и Андре Белли, которыя пользуются успѣхомъ, на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ достойныхъ этого имени. Словомъ, веселые дни наступили для „веселой“ Англіи, „*merry England*“.

R.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ

по поводу „Замѣчаній“ и вопросовъ профессора Съченова.

III *).

Всѣ изложенныя нами въ предыдущемъ письмѣ общія замѣчанія вполне подтверждаются разсмотрѣніемъ третьей главы этюда проф. Съченова: „Кому и какъ заниматься психологіей“. Онъ не въ состояніи прослѣдить шагъ за шагомъ связь психологическаго развитія человѣка отъ начала до конца; степени этого развитія не вытекаютъ у него одна изъ другой, и потому онъ вынужденъ, здѣсь и тамъ, прибѣгать къ помощи разныхъ гипотезъ. Предоставляя читателю самому познакомиться съ этою, во многихъ отношеніяхъ любопытною частью этюда, я укажу только на тѣ мѣста, гдѣ замѣчаются такіе перерывы, наполняемые, за недостаткомъ данныхъ, — фикціями, неимѣющими научнаго значенія.

Такія фикціи начинаютъ показываться съ первыхъ же страницъ. Жизнь новорожденнаго младенца должна бы, по теоріи проф. Съченова, представлять одни рефлексы. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ его движенія, повидимому, исключительно зависятъ отъ внѣшнихъ возбужденій. Но это только повидимому. Уже такъ-называемый средній членъ рефлекса—сознаніе ощущеній младенцемъ, возбуждаетъ разныя сомнѣнія и вопросы. О сознательномъ элементѣ въ новорожденномъ „не можетъ быть собственно и рѣчи“, говоритъ проф. Съченовъ, но въ то же время, по его мнѣнію, „ничто не говоритъ противъ того, чтобы возбужденіе чувствующихъ снарядовъ не отражалось въ его (младенца) сознаніи ощущеніями“. Въ этихъ словахъ есть противорѣчіе, зависящее отъ самаго свойства сознанія. Собака, которая, долго приглядываясь къ человѣку, узнаетъ въ немъ своего хозяина, имѣетъ ли сознаніе? Безъ сомнѣнія—да; а между тѣмъ множество психическихъ явленій въ человѣкѣ, которыя объясняются только сознаніемъ, не замѣчаются въ собакѣ. Отчего же эта разница? Дѣло въ томъ, что животныя, подобно человѣку, способны имѣть ощущенія, чувства, мысли, намѣренія; эту способность мы называемъ сознаніемъ.

*) См. выше: мартъ, 411; апр. 863 стр.

Но человекъ имѣть, сверхъ того, способность отдавать себѣ въ нихъ отчетъ, другими словами, сознавать предметъ и самый актъ своего сознанія; а животныя этой способности не имѣютъ. Новорожденный младенецъ одаренъ, повидимому, только сознаніемъ въ первомъ смыслѣ. Трудность рѣшительныхъ заключеній зависитъ оттого, что у взрослого человека сознаніе въ томъ и другомъ смыслѣ совпадаетъ, такъ что, когда нѣтъ послѣдняго, нѣтъ и перваго. Когда мы перестаемъ сознавать, что дѣлаемъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти всегда перестаемъ имѣть ощущенія, чувства, мысли, намѣренія. Изъятія составляютъ дѣйствія заученныя, которыя мы можемъ совершать правильно, вовсе не сознавая, что дѣлаемъ. Такъ ли это и у младенца, болѣе близкаго къ внѣшней природѣ, чѣмъ взрослый, — нельзя сказать, потому что мы не имѣемъ никакихъ способовъ изслѣдовать психическое состояніе новорожденного.

Что касается до движеній ребенка, то они, по словамъ самого проф. Сѣченова, не имѣютъ рефлексивнаго характера. „Казалось бы, говорить онъ, что если у взрослого движеніе можетъ вытекать изъ возбужденія любого органа чувствъ и нерѣдко выражается такими сложными актами, какъ ходьба, рѣчь и проч., то въ основѣ этихъ будущихъ проявленій должна лежать какая-нибудь преформированная связь между каждымъ чувствующимъ снарядомъ и чуть не всѣми двигательными аппаратами тѣла (нервно-мышечные снаряды). Она, можетъ быть, и есть уже при рожденіи, но даже у взрослого связь эта не настолько пряма и непосредственна, какъ въ аппаратахъ, производящихъ чистые рефлексъ, потому что при обыкновенныхъ условіяхъ, напримѣръ, ходить заставляетъ взрослого человека не ощущение свѣта или звукъ самъ по себѣ, а зрительное или слуховое представленіе. Стало быть, и удивляться нечего, что ребенокъ, неимѣющій представленій, не начинаетъ двигать руками или ногами, когда на него подѣйствуетъ звукъ или свѣтъ. Только у животныхъ, способныхъ ходить тотчасъ или вскорѣ по рожденіи, непрямая связь, о которой идетъ рѣчь, должна быть вполне прирожденною, у человека же она можетъ быть въ этотъ періодъ много что намѣченной. Поэтому-то возбужденія органовъ чувствъ у новорожденного и не выражаются извнѣ двигательными послѣдствіями ни въ туловищѣ, ни въ конечностяхъ. Въ теченіе цѣлыхъ недѣль тѣло новорожденного представляетъ родъ инертной массы, и если въ ней замѣчаются по временамъ движенія, то они имѣютъ характеръ какъ-бы случайный и угадать ихъ источникъ нѣтъ возможности“.

Подъ намѣченностью связи между внѣшними возбужденіями и движеніями у человека должно разумѣть только возможность такой связи, не болѣе, потому что движеніе опредѣляется у человека

представленіями, а не внѣшними возбужденіями. Но этого мало. Случайныя движенія новорожденнаго, которыхъ источникъ не извѣстенъ, показываютъ, за невозможностью объяснить ихъ внѣшними возбужденіями, что не всѣ двигательныя отправленія производятся внѣшними возбужденіями; что есть и такія, которыя возникаютъ изъ раздраженія, происходящаго непосредственно въ нервныхъ центрахъ; по крайней мѣрѣ, противное, по сознанію самого проф. Сѣченова, не можетъ быть доказано.

Далѣе подробно излагается, какъ ребенокъ мало-по-малу выучивается смотрѣть. Авторъ всячески старается доказать, что это происходитъ въ силу однихъ физиологическихъ и физическихъ данныхъ; но изъ его же словъ выходитъ, что въ этомъ процессѣ принимаютъ участіе еще какіе-то другіе, неизвѣстные элементы. Такъ, объясняя съ своей точки зрѣнія сведеніе зрительныхъ осей на предметъ и умѣнье приспособлять глазъ къ разстояніямъ, проф. Сѣченовъ говоритъ: „передвиганіе сведенныхъ зрительныхъ осей вслѣдъ за двигающимся образомъ уже труднѣе поддается объясненію. Здѣсь впервые встрѣчается серьезная необходимость прибѣгнуть къ какому-то активному стремленію со стороны ребенка сохранить, удержать въ ясности мелькающій въ полѣ зрѣнія образъ. Въ чемъ заключается это стремленіе, какова его физиологическая подкладка—мы не знаемъ... По аналогіи съ фактами послѣдующихъ періодовъ развитія можно предположить, что зрительныя ощущенія уже въ этотъ ранній періодъ начинаютъ заключать въ себѣ источникъ наслажденій для ребенка“. Авторъ старается смягчить впечатлѣніе этого признанія тѣмъ, что непонятный фактъ имѣть *нѣкоторое* родство съ рефлекторнымъ актомъ стремленія глаза къ свѣту, которое обыденное сознаніе считаегъ инстинктивнымъ, тогда какъ оно есть чисто физиологическое. Но *нѣкоторое* сходство съ рефлективными представляютъ всѣ движенія, не исключая тѣхъ, которыя обусловлены самопроизвольностью, по той простой причинѣ, что механическая сторона тѣхъ и другихъ движеній совершенно одинакова, и что ни одинъ психическій актъ, разъ онъ выражается во внѣ, не изъять, изъ-подъ законовъ матеріальной природы. Поэтому *нѣкоторое* сходство въ настоящемъ случаѣ ничего не доказываетъ и ничего не объясняетъ. Странно только, что послѣ сдѣланныхъ признаній проф. Сѣченовъ рѣшительно заключаетъ, что все дѣло заучиванія движенія глазъ „состоитъ въ частомъ повтореніи рефлексовъ, гдѣ моментомъ регулирующимъ движеніе является чувствованіе.“ То, что самъ авторъ говоритъ объ этомъ предметѣ, противорѣчитъ такому категорическому выводу.

Когда ребенокъ выучился смотрѣть, слушать и дѣйствовать ру-

нами, какъ хватательнымъ орудіемъ, „у него— по словамъ проф. Сѣченова,—уже много успѣло сложиться привычныхъ ощущеній, которыми опредѣляется его настроеніе (акты рефлекторнаго характера, поясняетъ авторъ); темное, неопредѣленное стремленіе къ свѣту превратилось въ наслажденіе яркими образами и красками; видъ блестящаго предмета, вызывая радость, заставляетъ двигаться не только глаза, но и все тѣло; ребенокъ поворачиваетъ голову на звукъ, тянется къ звенящему колокольчику, прыгаетъ и кричитъ отъ радости, схватываетъ рукой все что можетъ, и всякую дрянъ суетъ себѣ въ ротъ. Однимъ словомъ, по мѣрѣ того какъ въ сознаніи начинаютъ проявляться, дифференцироваться зрительныя и слуховыя ощущенія, въ центральной нервной системѣ какъ будто начинаютъ прокладываться новые пути отъ этихъ аппаратовъ ко всѣмъ двигательнымъ снарядамъ тѣла, не исключая и голоса. Можно ли не назвать всѣ эти акты рефлекторными?—а между тѣмъ только изъ нихъ и складывается жизнь ребенка въ эту эпоху развитія.“

Въ приведенномъ мѣстѣ проф. Сѣченовъ описалъ живыми чертами постепенное развитіе въ ребенкѣ психическихъ элементовъ, которые, болѣе и болѣе окрѣпая, получая большую и большую самостоятельность, будутъ въ зрѣломъ возрастѣ по преимуществу опредѣлять его дѣятельность. Послѣ такого описанія, вопросъ, можно ли не считать всѣ дѣйствія ребенка рефлекторными, кажется злой насмѣшкой надъ читателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, за три страницы передъ тѣмъ говорилось, что у новорожденнаго движенія случайны и нельзя угадать ихъ источника, потому что между возбужденіемъ органа чувствъ и движеніемъ должно стоять представленіе, а представленій у ребенка нѣтъ. Способность имѣть представленіе, какъ извѣстно, развивается; люди съ готовыми представленіями не рождаются; постепенной же выработкѣ представленій соотвѣтствуетъ постепенная выработка психическихъ элементовъ, такъ что отъ послѣдней прямо, непосредственно зависитъ выработка цѣлесообразныхъ, осмысленныхъ движеній. И вдругъ мы читаемъ, что отъ зрительныхъ и слуховыхъ аппаратовъ начинаютъ прокладываться новые пути къ двигательнымъ снарядамъ, и что всѣ эти акты—рефлекторныя! Проф. Сѣченовъ считаетъ возможнымъ говорить о цѣлесообразности явленій природы. Есть ли же какая-нибудь цѣлесообразность протаскивать рефлексъ чрезъ представленіе, когда, вслѣдствіе такого усложненія, самый характеръ рефлекторнаго акта нисколько не измѣняется? Обыденная, практическая психологія смотритъ на дѣло иначе, и съ ея точки зрѣнія такое усложненіе объясняется гораздо удовлетворительнѣе. Обыденная психологія думаетъ, что психическіе элементы вырабатываются въ ребенкѣ мало-по-малу, сначала подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣ-

ній. Оттого первыя представленія дитяти ограничиваются предметами внѣшняго міра, оттого къ нимъ же обращена и внѣшная его дѣятельность. Но это только первая ступень развитія. Чѣмъ дальше, тѣмъ психическіе элементы выдвигаются болѣе и болѣе впередъ, получаютъ большую и большую самостоятельность и самодѣятельность и высвобождаютъ человѣка изъ-подъ непосредственной зависимости отъ окружающаго міра. При такомъ объясненіи роль представленій дѣлается вполне понятной. Они нейтрализуютъ непосредственное дѣйствіе на человѣка внѣшней природы, становятся между послѣдней и человѣкомъ, и такимъ образомъ являются творцами его относительной свободы. По системѣ проф. Сѣченова, представленія оказываются въ человѣческомъ механизмѣ излишними колесами, только безъ нужды усложняющими движеніе и увеличивающими треніе.

Всего любопытнѣе то, что проф. Сѣченовъ, волей-неволей самъ наталкивается на выводы, очень близкіе ко взглядамъ обыденной психологій. Относительно акта ходьбы онъ замѣчаетъ, что „весь нервно-мышечный аппаратъ ходьбы долженъ быть данъ человѣку въ общихъ чертахъ (?) готовымъ, и то, что мы называемъ заученіемъ, не есть созиданіе вновь цѣлаго комплекса движеній, а лишь регуляція прирожденныхъ, примѣнительно къ почвѣ, по которой происходитъ движеніе. Регуляція же эта, какъ показываетъ фізіологическій анализъ, заключается въ выясненіи тѣхъ ощущеній, которыми сопровождается передвиженіе по твердой поверхности, служащей опорой для ногъ. Бываютъ болѣзненные случаи, когда человѣкъ теряетъ способность сознавать эти ощущенія и ходьба становится невозможной“. Другими словами, вся сила мало-по-малу переходитъ въ сознаніе, безъ котораго даже такой актъ, какъ ходьба, невысказимъ. Что же касается до прирожденности фізіологическаго аппарата ходьбы, то ее надо понимать въ самомъ обширномъ смыслѣ; аппаратъ для ходьбы есть вмѣстѣ и аппаратъ для колѣнопреклоненій, для танцовъ, для штукъ акробатовъ, клоуновъ, для верховой ѣзды, гимнастики и т. д. Стало быть, мнимый аппаратъ для ходьбы есть матеріалъ, которымъ сознаніе пользуется для тысячи разнообразнѣйшихъ надобностей, сообразно съ своими цѣлями, разумѣется въ предѣлахъ физической возможности.

Такимъ же образомъ, какъ и заучиваніе акта ходьбы, объясняетъ проф. Сѣченовъ и искусство произносить заученныя слова. Основное условіе способности къ рѣчи есть „центральная связь между зрительнымъ и слуховымъ аппаратомъ съ одной стороны, и всѣмъ комплексомъ движеній, участвующихъ въ образованіи голоса и рѣчи, съ другой“. Но этого мало: нуженъ еще регулирующий контроль слуха, (т.-е. собственно не слуха, а слуховыхъ представленій), да кромѣ

того, вдобавокъ, инстинктивная звукоподражательность. Какъ читатель видитъ, о рефлексѣ нѣтъ тутъ и помину. „Вымышленный въ сознаниіи звукъ или рядъ звуковъ служить для ребенка мѣркой, въ которой онъ подлаживаетъ свои собственные звуки и какъ будто не успокаивается до тѣхъ поръ, пока мѣрка и ея подобіе не станутъ тождественны. Физиологическихъ основъ этого свойства мы не знаемъ; но въ виду того, что подражательность вообще есть свойство, присущее всѣмъ безъ исключенія людямъ..... легко понять, что для людей она имѣетъ всѣ характеры родового признака въ томъ самомъ смыслѣ, какъ обезьянамъ приписывается зрительно-мышечная, а птицамъ—слухомышечная подражательность“. Положимъ, что въ дѣтахъ это такъ. Ну, а первый человѣкъ, начавшій создавать языкъ,—онъ кому подражалъ?

Авторъ продолжаетъ: „Съ другой стороны, если принять, что при извѣстныхъ условіяхъ возбужденія органовъ чувствъ стремятся неудержимо (въ сознаниіи это обстоятельство должно отражаться именно въ формѣ какого-то стремленія) вылиться въ звукъ или слово, и основное условіе, для того чтобы движеніе могло произойти именно въ этомъ, а не въ другомъ направленіи, уже готово (я разумѣю въ нашемъ случаѣ выясненіе слухового ощущенія); если принять далѣе во вниманіе, что помимо ярко выяснившейся въ сознаниіи слуховой мѣрки нѣтъ ничего, кромѣ смутныхъ измѣнчивыхъ слѣдовъ отъ собственныхъ звуковъ, то становится до извѣстной степени понятнымъ, что ребенку ничего не остается болѣе, какъ подлаживаться подъ нее“.

Всѣ эти занутаннѣйшія объясненія придуманы съ очевидною цѣлію по возможности умалить активную роль сознаниія въ созданіи языка и рѣчи. Сознаніе, представленіе, по мнѣнію автора, какія-то передаточныя станціи, значеніе которыхъ совершенно непонятно. Тамъ, гдѣ ихъ активной роли невозможно отрицать, гдѣ она навязывается самими фактами, проф. Сѣменовъ думаетъ увернуться тѣмъ, что переноситъ стремленіе въ возбужденіе высшихъ органовъ чувствъ и приписываетъ этому возбужденію неудержимость. Чтѣ именно онъ выигрываетъ чрезъ эту перестановку неудержимаго стремленія изъ сознаниія въ возбужденіе, я не могу понять. Разъ допустивъ, что не психическое настроеніе, а вѣншее возбужденіе стремится перейти въ звукъ или слово, онъ уже никакъ не можетъ объяснить, почему въслѣдствіи, когда человѣкъ возмущается, это стремленіе изъ неудержимаго становится удержимымъ и очень часто не переходитъ ни въ звукъ, ни въ слово.

За этикъ натянутымъ и хитросплетеннымъ объясненіемъ факта, совершенно необъяснимаго съ точки зрѣнія автора, слѣдуетъ замѣчаніе, которое всякій обыденный психологъ подпишетъ обѣими ру-

ками, но которое плохо клеится съ воззрѣніями проф. Сѣченова: „Вооруженный умѣньемъ смотрѣть, слушать, осязать, ходить и управлять движеніями рукъ (чѣмъ, надо замѣтить, дитя обязано постепенному вмѣшательству психическихъ элементовъ въ рефлексивныя расположенія его тѣла), ребенокъ перестаетъ быть, такъ сказать, прикрѣпленнымъ къ мѣсту и вступаетъ въ эпоху болѣе свободного и самостоятельнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ (что и надлежало доказать!). Послѣдній продолжаетъ дѣйствовать на него прежними путями, т.е. чрезъ органы чувствъ..... но вліянія падаютъ уже на иную почву“.

Я не безъ умысла выпустилъ совершенно произвольный выводъ, что если внѣшній міръ продолжаетъ дѣйствовать на ребенка черезъ органы чувствъ, то изъ этого будто бы слѣдуетъ, что „акты по прежнему возбуждаются толчками извнѣ“. Выводъ этотъ совершенно произволенъ потому, что, по признанію самого автора, актовъ никакихъ нѣтъ, даже при внѣшнихъ толчкахъ, пока не образовались представленія, которыя зависятъ отъ развитія психическихъ элементовъ, дремлющихъ въ новорожденномъ младенцѣ.

Также произвольно и все то, что говорится далѣе о возможности анализировать впечатлѣніе, которая будто бы дается ребенку съ приобрѣтеніемъ подвижности тѣла и съ болѣе тонкой аналитической способностью глазъ, выучившихся смотрѣть. Способность анализировать впечатлѣніе есть чисто психическая. Развитію этой способности, конечно, будутъ мѣшать отсутствіе подвижности тѣла и недостатки въ органахъ чувствъ, но она вовсе не совпадаетъ съ подвижностью тѣла и съ нормальною дѣятельностью органовъ чувствъ. Безъ участія психическихъ элементовъ глазъ не былъ бы въ состояніи расчленять плоскостную картину зрѣнія. Проф. Сѣченовъ ссылается на примѣръ слѣпорожденныхъ, которымъ поздно возвращено зрѣніе и которые вначалѣ не умѣютъ расчленять зрѣніемъ то, что видятъ передъ собою. Но этотъ примѣръ вовсе не доказываетъ, что способность анализа заключается единственно въ способности глазъ, выучившихся смотрѣть, хотя совершенно безспорно, что умѣнье анализировать впечатлѣніе немислимо, когда не существуетъ самаго впечатлѣнія. Замѣчаніе Гельмгольца, что представленіе о величинѣ, удаленія, очертаніяхъ и тѣлесности развиваются какъ-бы путемъ безсознательныхъ умозаключеній, тоже не подрѣзываетъ выводовъ проф. Сѣченова. Безсознательность еще не есть доказательство отсутствія психическихъ элементовъ, а если есть умозаключеніе, то одно это служить лучшимъ доказательствомъ, что психическіе элементы участвуютъ въ актахъ, на которые указываетъ Гельмгольцъ, такъ какъ

безъ того никакого умозаключенія и не было бы и никогда глазъ не выучился бы смотрѣть.

Чѣмъ далѣе проф. Сѣченовъ подвигается впередъ въ разсмотрѣніи послѣдовательнаго развитія ребенка, тѣмъ объясненіе психическихъ явленій фізіологическими данными становится затруднительнѣе, запутаннѣе и произвольнѣе. Оно и понятно. По мѣрѣ того, какъ психическіе элементы выступаютъ и обозначаются яснѣе и яснѣе, ихъ усиливающееся вмѣшательство въ чисто матеріальные факты выражается въ явленіяхъ, которыя все труднѣе и труднѣе поддаются фізіологическому анализу. Усилія, несмотря ни на что, сводить эти явленія на одни фізіологическіе законы вынуждаютъ проф. Сѣченова прибѣгать къ аргументамъ, слабость которыхъ, при нѣкоторомъ вниманіи, разоблачается сама собою.

Примѣромъ такихъ безнадежныхъ аргументацій можетъ служить то, что говоритъ авторъ о такъ-называемыхъ имъ репродуцированныхъ актахъ. Репродукція репродукціи рознь. Репродукція рефлекса, напри- мѣръ, источникъ заученныхъ движеній, происходитъ по тѣмъ же законамъ, по какимъ производится и самый рефлексъ, то-есть чрезъ возбужденіе чувствующей поверхности. Но здѣсь не объ этой репродукціи рѣчь, а о другой, психической, происходящей въ сознаніи, когда ребенокъ вспоминаетъ видѣнное, слышанное и проч. Объяснивъ, съ своей точки зрѣнія, такъ-называемые имъ средніе члены рефлексовъ у ребенка, которые обыденная психологія считаетъ за психическіе элементы, проф. Сѣченовъ говоритъ: „таковы въ разбираемую эпоху развитія (выводы его, къ ней относящіеся, мы только-что разсмотрѣли) средніе члены психическихъ актовъ, поскольку послѣдніе вызываются реальными возбужденіями чувствующихъ снарядовъ. Но такими же являются они и въ репродуцированныхъ актахъ... такъ какъ представленія не расчленились еще и въ эту пору до степени понятій“. Къ этому, въ скобкахъ, прибавлено: „не нужно забывать при этомъ, что всякій репродуцированный актъ, въ смыслѣ процесса, представляетъ лишь копію реальнаго возбужденія, съ разницею только въ началахъ обоихъ актовъ, да и то количественною!“

Здѣсь авторъ съ особенною тщательностью и довольно искусно, ступѣнчавая въ глазахъ читателя, мало внимающаго въ смыслъ и фактуру психическихъ явленій, существенныя черты психической репродукціи, и отводитъ отъ нихъ глаза второстепенными подробностями, которыя, ввѣнчъ главнаго, выносятся на первый планъ. Что ребенокъ, неимѣющій еще понятій, а одни представленія, не можетъ воспроизводить первыхъ, а репродуцируетъ только вторыя, это не подлежитъ сомнѣнію и не требуетъ поясненія; что въ „смыслѣ процесса“ репродуцированный актъ (правильнѣе было бы сказать:

репродуцированное представлѣніе) ребенка есть не болѣе, какъ копія реального возбужденія (т.-е. опять-таки не реального возбужденія, а полученнаго ощущенія)—и это не представляетъ особенной важности. Важны въ актѣ воспроизведенія психическихъ фактовъ, во-первыхъ, тѣ условія, которыя имъ предполагаются, и о которыхъ проф. Сѣченовъ совершенно умалчиваетъ, и, во-вторыхъ, начало воспроизведенія, о которомъ авторъ говоритъ вскользь, въ двухъ словахъ, причемъ существенно искажаетъ дѣйствительный смыслъ явленія. Что касается до условій, предполагаемыхъ при репродукціи, то они заключаются въ способность видѣть психическимъ образомъ то, что содержится въ нашей душѣ, и что въ минуту репродукціи не дѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства. Иначе, какъ бы я могъ вспоминать видѣнное, слышанное и т. п.? Этого неизбежнаго вывода, столько же неотразимаго, какъ дважды два четыре, проф. Сѣченовъ не желаетъ ни за что принять, потому что выводъ этотъ находится въ вопіющемъ противорѣчій со всей его философской системой. Относительно же начала воспроизведенія онъ замѣчаетъ, совершенно бездоказательно, что оно точно такое же, какъ и начало реального возбужденія; вся разница между этими началами, говоритъ онъ, только количественная, т.-е., какъ онъ поясняетъ въ другомъ мѣстѣ, воспроизведеніе слабѣе реального возбужденія. Но здѣсь самые факты существенно искажены авторомъ. Воспроизведенное представлѣніе очень часто ничѣмъ не уступаетъ, въ силѣ и живости, реальному возбужденію, до того, что люди переиѣшиваютъ ихъ между собою и копію принимаютъ за подлинникъ. Всего чаще это бываетъ именно у дѣтей. Тѣмъ гораздо ближе къ истинѣ, доказывая, что люди только длиннымъ опытомъ и упражненіемъ выучились различать воспроизведенное представлѣніе отъ ощущенія, производимаго реальнымъ возбужденіемъ чувствующихъ снарядовъ. Но, кромѣ того, важный вопросъ, какъ происходитъ воспроизведеніе — непремѣнно ли каждый разъ вслѣдствіе реального возбужденія чувствующихъ снарядовъ, при помощи, положимъ, ассоціаціи идей, или можетъ также происходить вслѣдствіе неизвѣстнаго и недоступнаго изслѣдованію взаимодѣйствія полученныхъ ощущеній въ нашей душѣ—объ этомъ проф. Сѣченовъ благоразумно умалчиваетъ. А въ этомъ-то и лежитъ капитальный вопросъ о началѣ репродуцированныхъ психическихъ явленій. Отъ изслѣдованія этого вопроса, роковаго для его философской доктрины, проф. Сѣченовъ увертывается тѣмъ, что онъ изслѣдуетъ одни процессы, что вся суть психологін — въ изученіи исторіи развитія ощущеній, представленій, мысли, чувства, способовъ сочетанія всѣхъ этихъ видовъ и родовъ психическихъ дѣятельностей и условій ихъ воспроизведенія. Но вѣдь развивается, сочетается, воспроизводится что-

нибудь, и наука, по необходимости, должна дать себѣ ясный отчетъ о томъ, развитіе, сочетаніе и воспроизведеніе чего именно она изслѣдуетъ, а это по необходимости раздвигаетъ науку за предѣлы голаго процесса. Если же мы обратимъ вниманіе на предметъ, котораго развитіе изслѣдуемъ, то перетасовывать нервный рефлексъ съ психическими явленіями сдѣлается ужъ несравненно труднѣе.

Не могу здѣсь встать не припомнить одного изъ множества недоразумѣній, около которыхъ вертится почти вся критика проф. Сѣченова, направленная противъ меня. Фактъ развитія теплоты при треніи объяснялся прежде такъ, что треніе есть причина, а теплота—послѣдствіе. Въ настоящее время люди, по словамъ проф. Сѣченова, додумались, что треніе предполагаетъ движеніе, т.-е. движущую силу, и слѣд., цѣлое явленіе складывается изъ трехъ факторовъ: механическая сила есть причина, а треніе—условіе, способствующее переходу ея въ теплоту. Признаюсь, мнѣ этотъ переходъ силы въ теплоту, помимо предмета, который движется, трется и становится теплымъ, представляется игрою въ невинныя грамматическія формы. Ни механической силы, ни тренія, ни теплоты безъ предметовъ я не могу себѣ и вообразить. То же самое и съ психическими процессами, съ психическимъ развитіемъ. Они могутъ совершаться не иначе, какъ при какомъ-нибудь субстратѣ. Если мы его не знаемъ и не можемъ знать, то слѣдуетъ отложить въ сторону всякую надежду объяснить психическія явленія нервными рефлексами и ограничиться однимъ положительнымъ изслѣдованіемъ, что и дѣлаетъ психологія, которую проф. Сѣченковъ называетъ обыденной, практической, а я, и со мною многіе другіе—положительной и научной.

„Дальнѣйшіе, но уже и единственные, крупныя шаги въ психическомъ развитіи человѣка составляютъ первыя проблески ума или мыслительной способности и зачатки свободной воли. Ребенокъ начинаетъ сознавать предметы внѣшняго міра не только въ ихъ особенностяхъ, но и со стороны взаимныхъ отношеній какъ цѣльныхъ предметовъ другъ къ другу, такъ и частей каждаго отдѣльнаго предмета къ своему цѣлому. Пониманію ребенка открываются чрезъ это тѣ пружины матеріальнаго бытія, которыми связываются объекты внѣшняго міра, и которыя составляютъ всю основу какъ обыденнаго, такъ и научнаго міросозерцанія. Изъ элементарныхъ размышленій ребенка вырастаетъ мало-по-малу та грандіозная цѣпь знаній, которая, начинаясь самымъ поверхностнымъ расчлененіемъ конкретныхъ фактовъ матеріальнаго міра, увѣнчивается точнымъ, непогрѣшимымъ математическимъ знаніемъ. Другая же сторона развитія заключается въ томъ, что человѣкъ мало-по-малу эманципируется въ своихъ дѣйствіяхъ отъ непосредственныхъ вліяній матеріальной

среды, въ основу дѣйствій кладутся уже не одни чувственные побужденія, но мысль и моральное чувство; самое дѣйствіе получаетъ черезъ это опредѣленный смыслъ и становится поступкомъ. Для человѣка является возможность выбора между способами дѣйствія, и въ этомъ смыслѣ его называютъ въ теоріи всегда нравственно свободнымъ существомъ“.

Такими словами дѣлаетъ проф. Сѣченовъ переходъ къ послѣдней части своего труда, гдѣ онъ подробно разсматриваетъ акты мышленія, мышленіе метафизическое и математическое, и акты воли. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, о мыслительной способности онъ говоритъ только въ примѣненіи къ познанію матеріальныхъ явленій; нравственная свобода ограничивается для него только переменною господина; мѣсто чувственныхъ побужденій заступаютъ мысль и моральное чувство. О дѣйствительной свободѣ и знаніи чего-либо, кромѣ матеріальной природы, нѣтъ и рѣчи. Что человѣкъ, доразвившись до сознательнаго мышленія, узнаетъ явленія неизвѣстныхъ внѣшнему міру, что только при помощи сознательнаго мышленія онъ открываетъ въ самомъ матеріальномъ бытіи такія стороны, которыя для органовъ чувствъ остаются совершенно недоступными, каковы, напр., „пружины матеріальнаго бытія“, что, наконецъ, человѣкъ дѣлается способнымъ ставить самому себѣ мотивы дѣятельности — на это въ приведенныхъ словахъ мы не находимъ, разумѣется, ни малѣйшаго намека.

Элементы актовъ мышленія авторъ разсматриваетъ „съ точки зрѣнія процессовъ“. Этимъ, а также устраненіемъ изъ разсмотрѣнія всего, что въ актахъ мышленія указываетъ на другія явленія, кромѣ матеріальныхъ, задача его чрезвычайно упрощается, но въ ущербъ научному достоинству добытыхъ результатовъ. Результаты эти, конечно, вѣрны, но съ тѣми необходимыми оговорками, которыя вызываются произвольнымъ суживаніемъ поля изслѣдованія. Это все равно, какъ еслибы историкъ захотѣлъ сравнить между собою дѣятельность Лютера и Аннибала; устранивъ всѣ характерныя черты Лютера, онъ могъ бы, пожалуй, доказать, что этотъ историческій дѣятель не представляетъ въ сравненіи съ Аннибаломъ никакихъ новыхъ элементовъ. Примѣрно такъ поступаетъ и проф. Сѣченовъ, излагая акты мышленія съ точки зрѣнія процессовъ. То, что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ, при совершенной ясности механизма мышленія, не представляетъ ничего интереснаго и новаго, даже въ сравненіи съ тѣмъ, что объ этомъ сказано въ „Задачахъ Психологіи“. Гораздо было бы важнѣе и поучительнѣе, еслибы авторъ, съ своей точки зрѣнія, разъяснилъ намъ сходство и различіе представленій, недоступныхъ внѣшнимъ чувствамъ, съ соматическими фактами, про-

велъ параллель между нервными рефлексами и актами мышленія, объяснилъ развитіе послѣднихъ изъ первыхъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ взаимную связь; наконецъ, предполагая цѣлесообразность въ явленіяхъ природы, выяснилъ, вслѣдствіе чего и для какой цѣли акты мышленія создаютъ въ сознаніи иную группировку представленій и понятій, чѣмъ соответствующая имъ группировка реальныхъ фактовъ, насколько мы можемъ судить о ней по получаемымъ впечатлѣніямъ. Въ мышленіи поражаетъ не дифференцированіе впечатлѣній, не сопоставленіе ихъ, а то, что реальные предметы получаютъ въ сознаніи соответствующіе имъ какъ-бы противно и,—представленія; что эти представленія дѣлаются объектами, надъ которыми оперируетъ мысль; что эти объекты мы имѣемъ способность ощущать даже безъ помощи вѣншихъ чувствъ; что приведенные въ новыя сочетанія, неизвѣстныя реальному міру, эти психическіе объекты становятся прототипами для новой комбинаціи реальныхъ предметовъ. Отъ проф. Сѣченова, такъ рѣшительно объявляющаго, что отнынѣ психологія должна стать предметомъ изслѣдованія фізіологовъ, мы были бы вправѣ ожидать разъясненія этихъ и подобныхъ имъ вопросовъ, а не повтореній того, чтó уже успѣла выяснить своими бѣдными средствами обыденная психологія, не прибѣгая къ фізіологическимъ приемамъ. Скажу болѣе: общій выводъ, которымъ заключаетъ проф. Сѣченовъ свои фізіологическія изслѣдованія актовъ мышленія, конечно, указываетъ на фізіологическую ихъ подкладку, но самыхъ актовъ нисколько не объясняетъ. „Въ основѣ актовъ мышленія,—говоритъ онъ,—содержаніемъ которыхъ является сравненіе, наблюденіе (какое? не фізіологическое же) не открываетъ ничего, кромѣ частаго возбужденія чувствующихъ снарядовъ и связанной съ нимъ репродукціи предшествовавшихъ сходныхъ впечатлѣній съ ихъ двигательными послѣдствіями“. Всякій согласится, что такое наблюденіе, какъ бы оно ни было вѣрно, еще не объясняетъ акта мышленія, какъ самыя подробныя описанія музыкальных инструментовъ, музыкантовъ и ихъ движеній, во время исполненія, не дадутъ ни малѣйшаго понятія объ исполняемой ими музыкальной пьесѣ. А вдобавокъ, конечный результатъ акта мышленія—умозаключеніе—не имѣетъ, по признанію самого автора, никакого реального субстрата.

Впрочемъ, проф. Сѣченовъ и самъ очень хорошо знаетъ, что реальныя явленія, подлежащія чувствамъ, не составляютъ единственнаго предмета мышленія и знанія. Съ одной стороны, математика, самая точная изъ такъ-называемыхъ точныхъ наукъ, оперируетъ надъ отвлеченностями; съ другой,—есть масса предметовъ, тоже не представляющихъ чувственной реальности, которые, однако, занимаютъ нашъ умъ, и которые авторъ огуломъ зачисляетъ въ разрядъ

метафизическихъ. Вотъ что вынуждаетъ его посвятить нѣсколько страницъ математическому и, такъ-называемому имъ, метафизическому мышленію. Относительно перваго онъ не говоритъ ничего новаго, и, какъ во всѣхъ своихъ психологическихъ соображеніяхъ, останавливается на второстепенныхъ и неважныхъ подробностяхъ, пропуская мимо важное и существенное. Что данныя, надъ которыми мышленіе оперируетъ въ математикѣ, суть чистыя отвлеченности,—этого, при всемъ желаніи, отрицать никакъ нельзя; что математическое мышленіе, имѣя дѣло съ чистыми отвлеченностями, несмотря на то, приходитъ къ выводамъ совершенно точнымъ, гораздо точнѣе, чѣмъ умственные операции надъ реальными фактами, подлежащими чувствамъ,—это тоже общезвѣстно. При такихъ данныхъ самъ собою представляется вопросъ: не есть ли процессы мышленія—одинъ изъ важнѣйшихъ психическихъ процессовъ—явленіе особаго рода, не находящееся въ непосредственной зависимости отъ процессовъ реальныхъ? Въ самомъ дѣлѣ, предметъ математическаго мышленія—отвлеченности, даже фикціи; надъ этими своеобразными фактами, не похожими на реальные (математическія фикціи не имѣютъ даже съ ними рѣшительно ничего общаго, никакого реального субстрата), мышленіе оперируетъ совершенно независимо отъ реальности, нисколько не соображаясь съ нею, не провѣряя ея своихъ выводовъ. Кажется, какихъ еще осязательныхъ доказательствъ нужно, чтобы убѣдиться въ томъ, что умственные процессы и реальные—различны, другъ отъ друга не зависятъ, что первые могутъ совершаться, когда послѣдніе не совершаются. Это ли не психическая самостоятельность и самостоятельность? Такъ нѣтъ! Съ этой стороны, противорѣчащей философской теоріи рефлексивнаго характера психическихъ процессовъ, проф. Сѣченовъ не желаетъ взглянуть на дѣло и отыгрывается отъ самой сути дѣла неважными замѣчаніями, въ родѣ того, что „дробленіе пространства до математической точки и всякой вообще величины до понятія о безконечно-маломъ, вовсе не представляетъ операций трудныхъ, въ умственномъ отношеніи“; что „съ этими понятіями, взятыми въ отдѣльности, никто, даже самый первый математикъ на свѣтѣ, не можетъ связывать никакихъ опредѣленныхъ представленій, значить и въ этомъ отношеніи всѣ люди равны (!)“; что математика „никогда не употребляетъ эти понятія въ дѣло взятыми отдѣльно, а вводитъ ихъ въ анализъ какъ логическое условіе“ и т. п. Поэтому, и я не буду далѣе останавливаться на соображеніяхъ проф. Сѣченова по этому предмету, и перехожу къ его наблюденіямъ и выводамъ относительно метафизическаго мышленія. Къ сожалѣнію, и они, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, также изумительно односторонни. „Первый грѣхъ“ метафизики, по выраженію автора,

тотъ, что она „во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ“ считаетъ человѣческій умъ способнымъ „зайти за предѣлы познанія посредствомъ органовъ чувствъ“. Прочитавъ это справедливое обвиненіе, вы ожидаете, что проф. Сѣченовъ раздѣлитъ случаи, когда умъ человѣческій можетъ идти этимъ путемъ и когда не можетъ. Но напрасно. У автора нѣтъ даже намекъ на то, что есть предметы знанія, которые вовсе не доступны органамъ чувствъ; напротивъ того, говорится, будто приложеніе естественно-научнаго метода доказало (?) уже несомнѣннымъ образомъ, что развитіе представленій изъ ощущеній стоитъ въ прямой связи съ матеріальной организаціей чувствующихъ снарядовъ. Какимъ чудомъ люди дошли до обращенія представленія въ реальный предметъ, когда до сихъ поръ оно было доступно только умственному или психическому зрѣнію,—это остается тайною автора. Второй „смертный грѣхъ“ метафизики будто бы тотъ, что ея объекты или сущности „суть продукты расчлененія уже не реальныхъ впечатлѣній, а словесныхъ выраженій ихъ“. Этотъ выводъ, конечно, нельзя упрекнуть въ непослѣдовательности. Если реальное впечатлѣніе есть дѣйствительно единственный объектъ познанія и никакого другого нѣтъ, то разсматривать словесное выраженіе какъ проявленіе объекта и по этому проявленію изслѣдовать объектъ, какъ мы изслѣдуемъ реальный міръ по впечатлѣніямъ, которыя отъ него получаемъ — само собою разумѣется, будетъ совершенной безсмыслицей. Но метафизика именно дѣлаетъ эту безсмыслицу. Наивно не вѣдая, что съ изданіемъ этюда проф. Сѣченова, и ощущенія, и чувства, и мысли, и представленіе, и сознаніе превратились въ реальные предметы, доступные органамъ чувствъ метафизика (подъ которой должно отнынѣ разумѣть и психологію и всю область наукъ, изслѣдующихъ не внѣшнюю природу) занимается игрою въ невинныя грамматическія формы. Проф. Сѣченовъ предостерегаетъ противъ „смѣшенія имени, клички, простого звука съ самою вещью, Петра съ человѣкомъ“ и объясняетъ, что корни такого смѣшенія заключаются „въ свойствахъ рѣчи и въ отношеніи человѣческаго ума къ ея элементамъ“. Предоставляя читателямъ ознакомиться съ этимъ объясненіемъ въ подлинникѣ, я изложу здѣсь только выводы. Въ выводахъ оказывается, что рѣчь идетъ не о „всѣхъ безъ исключенія случаяхъ“, т.-е. „не о всѣхъ главныхъ отдѣлахъ человѣческаго міросозерцанія“, какъ сказано было сначала, а только о познаніи міра, окружающаго человѣка. „Міръ“, говоритъ проф. Сѣченовъ, „дѣйствительно существуетъ помимо человѣка и живетъ самостоятельной жизнью, но познаніе его человѣкомъ, помимо органовъ чувствъ, невозможно, потому что продукты дѣятельности органовъ чувствъ, суть источники всей психической жизни“.

Прочитавъ эти слова, становишься въ тупикъ и не знаешь, что сказать. О чемъ идетъ рѣчь: о мірѣ явленій, доступныхъ органамъ чувствъ? Если только о немъ, то все, что авторъ говоритъ о метафизикѣ, совершенно справедливо. Или онъ подразумѣваетъ тутъ же и явленія, недоступныя органамъ чувствъ, открывающіяся только сознанию? Но о нихъ нужно еще доказать, что и они какимъ-то чудомъ обратились въ реальные предметы; кромѣ того, надо еще доказать, что „продукты дѣятельности органовъ чувствъ суть источники *всей* психической жизни“. Если проф. Сѣченовъ даетъ метафизикѣ такое широкое значеніе, если въ его глазахъ метафизики всѣ тѣ, которые думаютъ, что психическія явленія не подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ и что продукты органовъ чувствъ не суть источники *всей* психической жизни, то очень многіе попадутъ въ разрядъ метафизиковъ—конечно, только въ смыслѣ проф. Сѣченова, а вовсе не въ томъ, какой придается этому названію всѣмъ образованнымъ и ученымъ міромъ.

Послѣдній отдѣлъ психологическаго этюда проф. Сѣченова посвященъ самопроизвольности дѣйствій. Въ системѣ рефлексивной трихотоміи ей, конечно, нѣтъ, да и не можетъ быть мѣста. Движеніе, дѣйствіе есть третій членъ процесса, начинающагося возбужденіемъ чувствующей поверхности и проходящаго черезъ сознаніе. Понятно, что самопроизвольность была бы при этомъ излишней, ненужной приставкой. Въ этомъ смыслѣ, возрѣніе проф. Сѣченова есть повтореніе взгляда, давно уже извѣстнаго и развиваемаго на разные лады древними и новыми философами.

Но если точка зрѣнія автора не нова, то аргументы, на которыхъ она у него опирается, представляютъ много любопытнаго и поучительнаго. Извѣстный уже читателю изъ предыдущаго приѣмъ обходить существенное и важное, выдвигать второстепенныя подробности на первый планъ, а главный вопросъ оттирать на второй, находить и здѣсь полное свое примѣненіе.

Сначала разсматриваются самопроизвольныя движенія съ фیزیологической точки зрѣнія, причемъ должно бы, кажется, съ перваго же взгляда оказаться, что никакой самопроизвольности открыть нельзя, потому что механизмъ дѣйствія, вызваннаго волей или внѣшнимъ толчкомъ, будетъ ли оно сознательное или безсознательное, всегда одинъ и тотъ же. Но проф. Сѣченовъ находитъ возможнымъ говорить съ фیزیологической точки зрѣнія и о волѣ. Какимъ образомъ онъ ее открываетъ фیزیологическимъ путемъ, — это его тайна; вѣроятно помощью обращенія предметовъ, не подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ, въ реальные объекты. Какъ бы то ни было, но онъ признаетъ, что „волѣ могутъ подчиняться такія только движенія

которые сопровождаются какими-нибудь ясными признаками для сознания", иными словами, самопроизвольное действие возможно только при сознании, бессознательное движение не может быть произвольным. Постановя это общее правило, авторъ задается вопросом: чѣмъ же отличается произвольное движение отъ непроизвольнаго? Я бы на его мѣстѣ отвѣтилъ, какъ и отвѣчаю въ „Задачахъ Психологии": ничѣмъ. А такъ какъ, по мнѣнію автора, психологія должна отнынѣ перейти въ руки физиологовъ, то этимъ отвѣтомъ вопросъ и разрѣшался бы, съ физиологической точки зрѣнія, совершенно послѣдовательно, правильно и окончательно. Но проф. Сѣченовъ счелъ почему-то нужнымъ протянуть агонію самопроизвольности подѣ физиологическимъ анализомъ, и мы вынуждены присутствовать при этой совершенно излишней операціи. Вотъ его выводы:

1) „Всѣ элементарныя формы движеній рукъ, ногъ, головы и туловища, равно какъ всѣ комбинированныя движенія, заучаемыя въ дѣтствѣ: ходьба, бѣганье, рѣчь, движенія глазъ при смотрѣніи и пр., становятся подчиненными волѣ уже послѣ того, какъ они заучены.

2) „Чѣмъ заученнѣе движеніе, тѣмъ легче подчиняется оно волѣ и наоборотъ (крайній случай — полное безвластіе воли надъ мышцами, которымъ практическая жизнь не даетъ условій для упражненія).

3) „Но власть ея во всѣхъ случаяхъ касается только начала или импульса къ акту, и конца его, равно какъ усиленія или ослабленія движенія; самое же движеніе происходитъ безъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства воли, будучи реальнымъ повтореніемъ того, что дѣлалось уже тысячи разъ въ дѣтствѣ, когда о вмѣшательствѣ воли въ актъ не можетъ быть и рѣчи“.

Эти выводы, съ соображеніями и комментаріями, которые имъ предшествуютъ, не удовлетворяютъ ни физиолога, ни психолога.

Послѣдовательный физиологъ скажетъ: о какой волѣ и самопроизвольности можетъ быть рѣчь съ точки зрѣнія моей науки? Я вижу реальныя движенія, и въ моихъ глазахъ нѣтъ никакой разницы между непроизвольнымъ сосаніемъ младенца и произвольнымъ сосаніемъ взрослого, между бессознательнымъ хожденіемъ по крышѣ лунатика и сознательными па Блондена на канатѣ. Воля, самопроизвольность — не реальный фактъ, и я его нигдѣ открыть не могу средствами моей науки.

Послѣдовательный психологъ, съ своей точки зрѣнія, тоже не можетъ быть доволенъ выводами проф. Сѣченова. Онъ скажетъ: заученность движеній ровно ничего не доказываетъ относительно воли, потому что воля — явленіе психическое, которое, переходя въ міръ реальныхъ явленій, само собою разумѣется, подчиняется законамъ

матеріальнаго міра. Когда реальная механика, на которую дѣйствуетъ воля, выработана и выдрессирована, обнаруженіе воли въ дѣйствіяхъ совершается легко; когда она не выдрессирована,—съ трудомъ и препятствіями; когда механика вовсе не позволитъ дѣйствія, воля вовсе не выражается во внѣшнемъ актѣ. Но и то, и другое и третье нисколько не измѣняетъ существа самопроизвольности, которая обнаруживается не въ однихъ реальныхъ, внѣшнихъ дѣйствіяхъ, но и въ движеніи мыслей, въ развитіи чувствъ и всякихъ душевныхъ движеній. Что значитъ выраженіе: полное безвластіе воли надъ мышцами, которыми практическая жизнь не даетъ условій для упражненія? Безвластіе воли немедленно и быстро выполнить актъ, возможный по законамъ природы, понятно; но полное безвластіе исполнить такой актъ нельзя понять. Сегодня я, картавый, произношу *а* какъ *р*, а черезъ полгода, усердно и безпрестанно упражняясь въ исправленіи своего произношенія, могу добиться до своей цѣли. Въ первую минуту, пожалуй въ первые дни, мнѣ будетъ необыкновенно трудно, но потомъ упражненія пойдутъ легче и легче, и подѣ конецъ я уже безсознательно буду произносить фатальную букву какъ слѣдуетъ. Это вовсе не значитъ, что въ первые разы воля моя надъ мышцами была совершенно безвластна; еслибъ это было такъ, то я бы никогда не выучился произносить правильно; это значитъ только, что мышцы не съ разу поддаются напору воли, а постепенно, и лишь послѣ долгаго упражненія реальный снарядъ произношенія дрессируется въ желаемомъ смыслѣ.

Что значитъ выраженіе: практическая жизнь не даетъ условій для упражненія мышцъ? Законы реального міра могутъ сдѣлать всѣ усилія воли напрасными, — это безспорно. Но условія практической жизни,—что это такое? Крыловъ изъ-за спора съ Гнѣдичемъ выучился въ нѣсколько мѣсяцевъ греческому языку. Актъ ли это воли, или условія практической жизни?

Наконецъ, какъ понимать увѣреніе, будто власть воли касается только начала и конца акта, усиленія или ослабленія движенія, а самое движеніе будто бы совершается машинообразно, но привычекъ? Вотъ я, напримѣръ, желаю начертить на бумагѣ кругъ; но я умѣю начертить и всякую другую, правильную и неправильную геометрическую фигуру. По словамъ автора выходитъ, что я могу только начать или окончить чертить кругъ, чертить его быстро или лѣниво, энергически или вяло, а чертится онъ будетъ самъ собой. Какъ же это такъ? Кромѣ того, спрашивается: какъ же я начну кругъ? Поставлю точку, а остальное сдѣлается само собой?

Повторяю: ни физиологи, ни психологи (конечно обыденные, практическіе) не удовлетворятся такими выводами; реалисты-философы,—

другое дѣло. Для нихъ возможно приступить и съ такими данными къ анализу психической стороны явленій воли, недоступныхъ для физиологическаго изслѣдованія.

Въ психической области авторъ прежде всего встрѣчается „съ ученіями о произвольности или прямо противоположными нѣкоторымъ изъ... (его) выводовъ, или съ такими, къ которымъ... (его) выводы относятся какъ глухіе отрывистые отголоски къ цѣльной, стройной мелодіи“. „Кого увѣришь, въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ проф. Сѣченовъ,—что первый нашъ выводъ всецѣло приложимъ и къ движеніямъ, заучаемымъ въ зрѣломъ возрастѣ, наприм. къ ручной художественной или ремесленной техники, гдѣ заученіе совершается подъ вліяніемъ ясно сознаваемыхъ разумныхъ цѣлей и гдѣ отъ доброй воли самого учащагося зависитъ весь успѣхъ дѣла? Какъ можно втиснуть безконечно разнообразную картину произвольности человѣческихъ дѣйствій въ такую тѣсную, безжизненную рамку, какъ нашъ третій выводъ? Воля властна пускать въ ходъ въ каждомъ данномъ случаѣ не только ту форму движенія, которая ему наиболѣе соотвѣтствуетъ, но любую изъ всѣхъ, которыя вообще извѣстны человѣку.... Воля не есть какой-то безличный агентъ, распоряжающійся только движеніемъ,—это дѣятельная сторона разума и моральнаго чувства, управляющая движеніями во имя того или другого, и часто наперекоръ даже чувству самосохраненія. Притѣмъ, въ дѣлѣ установленія понятія о волѣ вовсе не важно то, вмѣшивается ли она въ механическія детали заученнаго сложнаго движенія, а важна глубоко сознаваемая человѣкомъ возможность вмѣшаться, въ любой моментъ, въ текущее само собой движеніе и видоизмѣнить его или по силѣ или по направленію“.

Эти взгляды и возраженія, въ самомъ дѣлѣ, очень серьезны и проникаютъ въ самую глубину вопроса о волѣ. Проф. Сѣченовъ разбираетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Въ самомъ процессѣ заучиванія сложныхъ движеній въ зрѣломъ возрастѣ,—говоритъ онъ,—воля хотя и принимаетъ участіе, но въ томъ же самомъ смыслѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ она относится къ любому заученному движенію. Другими словами, за ней и здѣсь остается сознаваемая человѣкомъ возможность вмѣшаться въ любую минуту въ движеніе и видоизмѣнить его въ томъ или другомъ отношеніи“. До этого вывода проф. Сѣченовъ доходитъ, разложивъ процессъ заучиванія на составные элементы и выяснивъ, какое участіе воля принимаетъ въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Въ примѣръ онъ беретъ заучиваніе ручного производства, причемъ нужно: 1) чтобъ рука предварительно обладала извѣстною степенью поворотливости; 2) чтобъ она въ своихъ движеніяхъ слушалась глаза; 3) чтобъ че-

ловѣкъ умѣлъ подражать формѣ движенія, которую ему показывають; 4) чтобъ онъ умѣлъ отличать хорошій результатъ правильнаго движенія отъ дурнаго результата неправильнаго, и 5) чтобъ онъ упражнялся какъ можно болѣе подъ контролемъ достиженія нормальнаго результата“. Проф. Сѣченовъ думаетъ, что во второмъ и третьемъ пунктѣ воля не при чемъ; что въ заповинданіе послѣдовательнаго хода движеній и въ приученіе глаза, или глаза вмѣстѣ съ слухомъ, контролировать движенія воля не вмѣшивается ни на-волось; что относительно приобрѣтенія рукою извѣстной степени поворотливости воля властна въ томъ же смыслѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и относительно всѣхъ заученныхъ въ дѣтствѣ элементарныхъ движеній. Но такія толкованія совершенно произвольны. Всякое дѣйствіе, совершаемое сознательно, съ вниманіемъ, направленнымъ къ тому, чтобъ предположенная цѣль была достигнута, есть уже актъ воли, будетъ ли онъ относиться къ дѣйствію, совершаемому въ первый или въ сто-первый разъ, къ подчиненію ли руки дѣйствію глаза или къ подражанію формѣ движенія; поэтому, актъ воли можетъ относиться столько же къ началу и концу, какъ и къ серединѣ или любой подробности дѣйствія. Такимъ образомъ, всѣ разсужденія о заучиваніи въ зрѣломъ возрастѣ оказываются очевидно натянутыми и ошибочными.

Что касается до произвольности человѣческихъ дѣйствій, то, сколько можно судить по приведенному примѣру двухъ добродѣтельныхъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ сдѣлался такимъ, благодаря цѣлому ходу его жизни, а другой—вопреки искушеніямъ, проф. Сѣченовъ приписываетъ нравственность поступковъ или привычекъ или нравственному чувству въ усиленной степени, отбрасывая волю. „Ни обыденная жизнь, ни исторія народовъ—говоритъ авторъ—не представляютъ ни единаго случая, гдѣ одна холодная, безличная воля могла бы совершить какой-нибудь нравственный подвигъ. Рядомъ съ ней *всегда стоитъ, определяя ее*, какой-нибудь нравственный мотивъ, въ формѣ ли страстной мысли или чувства.“ Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ главный и существенный вопросъ обойденъ. Привычка дѣйствовать такъ или иначе безспорно обращаетъ, наконецъ, извѣстный способъ дѣйствія въ машинальный; но, чтобъ дойти до привычки, даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ и безъ особенно сильныхъ помѣхъ, нуженъ рядъ усилій, которыя и будутъ представлять рядъ актовъ воли. Возраженіе, что нѣтъ воли самой по себѣ, а есть чувство въ усиленной степени,—не серьезно. Волю, какъ особую силу, нѣтъ не отстаиваетъ. Все дѣло въ томъ, что одни признаютъ за страстною мыслью, за усиленнымъ чувствомъ, которое побуждаетъ къ дѣйствію, роковой характеръ, неудержимо

влекущий къ дѣйствию, а другіе этого характера не признають. Всѣ знаютъ, что нѣтъ дѣйствія безъ мотива, но одни думаютъ, что мотивъ всегда является роковымъ образомъ, а другіе думаютъ, что онъ можетъ быть вызванъ самопроизвольно. Человѣкъ, который умышленно напивается передъ совершеніемъ преступленія, зная, что въ трезвомъ видѣ онъ не будетъ въ состояніи его исполнить, преднамѣренно устраняетъ въ себѣ борьбу мотивовъ, тянущихъ его въ разныя стороны и подавляетъ тѣ, которые помѣшали бы ему совершить преступленіе. Вмѣсто того, чтобы прямо поставить вопросъ о самопроизвольности, проф. Сѣченовъ полемизируетъ противъ ошибочныхъ и полныхъ ея толкованій, или подбираетъ примѣры и случаи, гдѣ самопроизвольность только повидимому въ игрѣ, а въ дѣйствительности вовсе не участвуетъ. Въ полемическомъ смыслѣ такой пріемъ очень удобенъ, но онъ мало способствуетъ разрѣшенію сложнаго вопроса.

Въ заключеніе, авторъ разсматриваетъ, существуетъ ли для человѣка возможность выѣпаться въ любой моментъ въ текущее само собой движеніе и видоизмѣнить его? Эту возможность онъ отрицаетъ и считаетъ иллюзіей, происхожденіе которой объясняетъ такъ: въ сознаніи отъ ранняго возраста происходитъ постепенно рядъ дифференцированій. Ребенокъ выучивается отдѣлять себя отъ окружающаго; въ себѣ онъ отдѣляетъ себя, то есть свое тѣло, отъ своихъ дѣйствій. Такъ возникаетъ сознаніе, что человѣкъ есть общій источникъ, внутри котораго рождаются ощущенія и изъ котораго выходятъ дѣйствія. Но въ дѣтствѣ вѣншіе импульсы къ дѣйствіямъ ускользають (конечно не всѣ), почему ребенокъ анализируетъ только два послѣднихъ члена рефлекса, — средній и послѣдній (ощущеніе и дѣйствіе), причемъ средній членъ отождествляетъ съ собою. Затѣмъ происходитъ расчлененіе слитаго ощущенія отъ своего тѣла въ представленія, а когда выясняется и связь между членами представленія, оно переходитъ въ мысль. Я выдѣляется мысленно изъ тѣла, и является причиною его дѣйствій. При этомъ происходятъ двѣ ошибки. Дѣйствіе приписывается не желанію, а прямо я; въ то же время вѣншній импульсъ, который вызвалъ желаніе, опускается изъ виду, и источникомъ, причиною желанія признается я. Причина послѣдней ошибки объяснена выше; первая же происходитъ оттого, что при быстрой смѣнѣ ощущеній и ихъ сравнительной неопредѣленности, желаніе, какъ актъ предшествующій дѣйствию, просматривается. Кромѣ того, ребенокъ дѣлаетъ тѣмъ движеній съ чужого голоса, который переноситъ на себя, когда начинаетъ дѣйствовать по внутреннимъ побужденіямъ. Такъ бываетъ въ дѣтствѣ. Условія послѣдующаго развитія нисколько не способствуютъ исправленію этихъ двухъ оши-

бокъ, а напротивъ, усиливають и укрѣпляютъ ихъ. Ребенокъ долго остается подъ чужимъ руководствомъ, слѣдовательно окончателно приучается приурочивать источникъ дѣйствія къ человѣческому образу; а внѣшніе импульсы становятся все болѣе и болѣе неуловимы, потому что репродукція актовъ, по мѣрѣ ихъ учащенія, становится легче и легче. Сверхъ того, по мѣрѣ психическаго развитія, случаи рефлексовъ съ затормаженымъ концомъ, даже при сильномъ позывѣ на дѣйствіе, увеличиваются. Наконецъ, въ душѣ происходитъ борьба мотивовъ, тянущихъ въ разныя стороны. Всѣ эти условія еще усиливають отношеніе первоначальной причины дѣйствія къ себѣ; а тутъ еще добавокъ немѣрно частое употребленіе словесной мысли я, съ глаголомъ, означающимъ дѣйствіе этого я. Впослѣдствіи мы, впрочемъ, начинаемъ различать отъ себя и внутренніе побужденія, но продолжаемъ приписывать дѣйствія себѣ, а не имъ, потому что приписываемъ себѣ не только дѣйствіе, но и бездѣйствіе. Бездѣйствіе является, наконецъ, и въ формѣ возможности или власти не дѣлать того, что приказываютъ. Когда же внѣшнее руководство ослабѣваетъ и дѣйствія начинаютъ болѣе и болѣе опредѣляться внутренними побужденіями,—все рѣшается, какимъ побужденіемъ и желаніемъ привыкнетъ слѣдовать человѣкъ. Здѣсь рѣшительную роль играетъ воспитаніе. Мысль, что можно послушаться того или другого побужденія — не полна: надобно при этомъ помнить, что „если кто не слушается одного голоса, то только потому, что слушается другого“. „Дѣйствія наши“, говоритъ въ заключеніе проф. Сѣченовъ, „управляются не призраками, въ родѣ разнообразныхъ формъ я, а мыслью и чувствомъ. Между ними у нормальнаго человѣка всегда полнѣйшая параллельность: внушенъ, напр., поступокъ моральнымъ чувствомъ — его называютъ благороднымъ; лежитъ въ основѣ его эгоизмъ — поступокъ выходитъ расчетливымъ; продиктованъ онъ животнымъ инстинктомъ — на поступкѣ грязь. Даже у сумасшедшихъ между этими членами цѣльныхъ актовъ есть соотвѣтствіе. Въ этомъ-то смыслѣ сознательно разумную дѣятельность людей и можно приравнять двигательной сторонѣ нервныхъ процессовъ низшаго порядка, въ которыхъ средній членъ акта, чувствованія, является регуляторомъ движенія въ дѣлѣ доставленія послѣднимъ той или другой пользы тѣлу“.

По мѣрѣ того, какъ проф. Сѣченовъ доходитъ до психическихъ явленій, все болѣе и болѣе обособленныхъ отъ непосредственныхъ вліяній окружающей среды, положеніе его становится болѣе и болѣе критическимъ. Сознаніе, о которомъ онъ упоминалъ прежде вскользь и съ пренебреженіемъ, оказывается психическимъ фактомъ, безъ котораго нельзя обойтись при объясненіи происхожденія... ну, хоть

бы тѣхъ иллюзій, вслѣдствіе которыхъ родилось понятіе о волѣ; психическое зрѣніе, безъ котораго нѣтъ сознанія, ему тоже понадобилось для того, чтобъ говорить о фактахъ, недоступныхъ реальному изслѣдованію; даже я, которое ученый авторъ выдавалъ за игру въ невинную грамматическую форму, оказалось результатомъ психическаго дифференцированія явленій въ сознаніи, чего конечно, никто никогда и не отвергалъ, какъ никто никогда не отвергалъ и того, что представленіе и понятіе—результаты такого же дифференцированія. Чѣмъ болѣе проф. Сѣченовъ удаляется отъ реальныхъ явленій, тѣмъ болѣе поступъ его, смѣлая и увѣренная на физиологической почвѣ, становится колеблющейся и шаткой. Признавъ косвенно, молча, и сознаніе, и психическое зрѣніе, и даже я, какъ несомнѣнныя психическія явленія, онъ еще не рѣшается признать свободу, самопроизвольность движеній. Я полагаю, что и это — вопросъ времени, потому что всѣ аргументы автора противъ нея чрезвычайно слабы.

Пройдя въ сознаніи цѣлый рядъ дифференцированій, приводящихъ неизбежно къ самосознанію, человѣкъ въ дѣтствѣ впадаетъ, по мнѣнію проф. Сѣченова, въ двѣ крупныя ошибки: во-первыхъ, онъ опускаетъ изъ виду внѣшніе стимулы для дѣйствій, во-вторыхъ, онъ смѣшиваетъ свои желанія съ самимъ собой, съ я. Эти фатальныя ошибки сопровождаютъ человѣка до гроба. Кромѣ того, оказывается еще и третья, такая же фатальная ошибка, идущая изъ дѣтства тоже черезъ всю жизнь—иллюзія, будто человѣкъ можетъ не дѣйствовать по какому-нибудь мотиву, не подпадая тѣмъ самымъ подъ другой мотивъ. Но мысль, будто внѣшній импульсъ (возбужденіе чувствующей поверхности) всегда, непремѣнно лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ поступковъ, является у проф. Сѣченова какъ *deus ex machina*, какъ предположеніе, рѣшительно ничѣмъ не доказанное, и притомъ въ нѣкоторомъ противорѣчій съ его же собственнымъ справедливымъ замѣчаніемъ, что въ жизни ребенка наступаетъ пора, когда онъ „перестаетъ быть, такъ сказать, прикрѣпленнымъ къ мѣсту и вступаетъ въ эпоху болѣе свободнаго и самостоятельнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ. Послѣдній продолжаетъ дѣйствовать на него прежними путями, т.-е. черезъ органы чувствъ, но вліянія падаютъ уже на иную почву.“ Какъ бы то ни было, но утвержденіе, что и тогда „акты по прежнему возбуждаются толчками извнѣ,“ какъ ничѣмъ не доказанное, остается голословнымъ и не имѣетъ для психологической науки никакого значенія. Но допустимъ даже, что это такъ. Спрашивается, какимъ же образомъ могъ ребенокъ упустить изъ виду внѣшнія возбужденія, когда, по признанію самого автора, онъ съ самаго начала привыкаетъ къ нимъ въ

лицъ привазывающаго голоса матери, учителя и т. д.? Ужъ если кто зависить не отъ себя, а отъ другихъ, такъ это ребенокъ. Почему же онъ теряетъ именно привычку приписывать свои дѣйствія постороннему возбужденію и приобрѣтаетъ такъ безусловно другую, для которой не было въ его дѣтствѣ никакихъ подходящихъ данныхъ?

Что касается до смѣшенія своихъ желаній съ я и перенесенія причины дѣйствій съ первыхъ на послѣднее, то и этотъ фактъ, даже допустивъ, что онъ дѣйствительно таковъ, возбуждаетъ важныя сомнѣнія. Самъ авторъ говоритъ, что „ошибка проглядыванія среднихъ членовъ, т.-е. внутреннихъ побужденій къ дѣйствіямъ, съ ходомъ развитія впередъ, становится, конечно, менѣе и менѣе частой“. Слѣдовательно, есть же возможность поправить эту ошибку, и такая возможность обнаруживается въ человѣкѣ не на закатѣ дней. Какъ же объяснить, что онъ, несмотря на такое ясное указаніе, не могъ до сихъ поръ, чрезъ весь длинный періодъ исторіи, отдѣлаться отъ иллюзіи, что у него есть какая-то доля свободы, хотя бы самая малая и незначительная? Отчего же, вогнанный внутрь себя, онъ создаетъ себѣ иллюзію свободы совѣсти, свободы убѣжденія, свободы мыслей, и въ той или другой формѣ, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, оберегаетъ въ себѣ принципъ самопроизвольности, какъ зеницу ока? Можно ли допустить, чтобъ этому не соответствовалъ какой-нибудь психическій фактъ, хотя бы и происходящій вслѣдствіе дифференцированія, какъ, напримѣръ, я, особливо когда сама жизнь еще съ молодости наталкивается на отрицаніе свободы чрезъ дифференцированіе желаній отъ я?

Наконецъ, что отрицаніе одного мотива есть непременно признаніе другого, совершенно произвольно. Существованіе затормаженныхъ движеній рядомъ съ возбужденіями чувствующей поверхности достаточно показываетъ два различныхъ отправленія, относящихся къ одной и той же дѣятельности, безъ всякаго отношенія къ другой. Аргументація Гегеля, что отрицаніе есть положеніе, оборвалась именно на томъ же, что силится теперь доказать проф. Сѣченовъ. Частное отрицаніе никакъ не предполагаетъ положенія чего-либо на его мѣсто. Съ этимъ выстѣ разрушается и одинъ изъ сильныхъ аргументовъ проф. Сѣченова противъ самопроизвольности. Если кто не слушается одного мотива, то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что онъ непременно слушается другого.

Такимъ образомъ, возраженія автора противъ самопроизвольности оказываются очень хрупкими. Что мотивъ непременно идетъ рядомъ съ дѣйствіемъ, опредѣляя его—это совершенно справедливо; но что мотивъ обязателенъ и для человѣка, что отъ одного мотива можно отдѣлаться только другимъ, сильнѣйшимъ, что мотивъ есть непре-

мѣнно данный и не можетъ быть поставленъ нами самими свободно—все это вопросы, оставшіеся открытыми и послѣ этого проф. Сѣченова.

Авторъ говорить, что когда поступокъ внушенъ моральнымъ чувствомъ, его называютъ благороднымъ, когда въ основѣ его лежитъ эгоизмъ, поступокъ выходитъ разсчетливымъ, если поступокъ продиктованъ животнымъ инстинктомъ—на немъ грязь. Оставляя въ сторонѣ крайнюю неточность и неправильность этихъ характеристикъ, я спрошу только проф. Сѣченова: какимъ образомъ рефлексивное движеніе можетъ быть благороднымъ, разсчетливымъ или грязнымъ? Какъ обращеніе земли около солнца и на собственной оси нельзя назвать ни добродѣтельнымъ, ни порочнымъ, такъ и всякое дѣйствіе, въ которомъ воля и свобода не участвуютъ. Если ихъ нѣтъ, если они—словесныя фікціи и иллюзіи, то надо совершенно отказаться отъ міра нравственныхъ идей, которыя безъ самопроизвольности и свободы не имѣютъ никакого смысла.

К. Бавелинъ.

ПЕТРЪ МОГИЛА

ПРЕДЪ ОУДОМЪ ИЗЪОЛДОВАТЕЛЕЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

По поводу статей г. Голубева въ „Православномъ Обзорѣнѣ“.

Къ самымъ знаменитымъ личностямъ русской исторіи принадлежить, безспорно, кievскій митрополитъ Петръ Могила. Этотъ чужеземецъ, ради единства вѣры съ русскимъ народомъ, отдалъ себя на служеніе его дѣлу; православная церковь, а съ нею и русская народность въ южной Руси обязаны своимъ сохраненіемъ и возрожденіемъ его свѣтлому уму и неутомимой дѣятельности, а его образовательные планы оказали вліяніе на ходъ умственного развитія въ исторіи всего русскаго міра; онъ положилъ начало правильному научному воспитанію, и его коллегія была первообразомъ всѣхъ нашихъ послѣдующихъ академій и университетовъ. Можно сказать, что Петръ Могила былъ самымъ ревностнымъ, достойнѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ предшественникомъ и подготовителемъ эпохи западнаго просвѣщенія, наступившей для Россіи впоследствии.

Понятно, что, при такомъ значеніи этого историческаго лица, извѣстія, касающіяся его жизнеописанія, представляютъ для потомства всегдашній интересъ, какъ и насажденное имъ просвѣщеніе, при всей своей исключительности, дѣтскости и недостаточности, всегда останется для насъ дорогимъ, какъ бываетъ для взрослого человѣка дорога память о первоначальномъ обученіи въ дѣтскіе годы.

Въ февральской и мартовской книжкахъ „Православнаго Обзорѣнія“ за нынѣшній годъ напечатана статья— „Петръ Могила и Исаія Копинскій“. Авторъ ея, г. Голубевъ, на основаніи источниковъ, которымъ довѣряетъ не по достоинству ихъ, старается доказать справедливость нѣкоторыхъ извѣстій; не выдерживающихъ критики, и изображаетъ знаменитаго кievскаго митрополита въ невѣрномъ видѣ. Статья его тѣмъ удобнѣе можетъ вводить въ заблужденіе читателей, что она напечатана въ спеціальному журналѣ и вооружена нѣкоторыми новыми свѣдѣніями, касающимися Петра Могилы и его эпохи, но неправильно поставленными и невѣрно истолкованными. Въ виду возстановленія исторической истины, мы рѣшились сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Есть давно уже извѣстное сказаніе польскаго шляхтича Ерлича, современника Петра Могилы. По этому сказанію (записанному въ дневникѣ, который велъ Ерличъ въ продолженіе многихъ лѣтъ) Петръ Могила, будучи архимандритомъ печерскимъ, устроилъ козни митрополиту Исаіи Копинскому и коварнымъ способомъ лишилъ его духовной власти, самъ захвативши его санъ. Отправленный Исаіею, по смерти короля Сигизмунда III, въ качествѣ ходатая за православную церковь, на конвокаціонный и избирательный сеймы въ Варшаву, этотъ хитрый человѣкъ, при посредствѣ пріятелей, былъ избранъ въ митрополиты, несмотря на то, что другой митрополитъ былъ еще живъ, получилъ королевское утвержденіе отъ Владислава IV, былъ во Львовѣ посвященъ волошскимъ митрополитомъ; потомъ, прибывши въ Кіевъ, свергнувъ Исаію, изгналъ его, престарѣлаго и хвораго, изъ Златоверхо-михайловскаго монастыря, велѣлъ его въ одной волосяницѣ положить на лошадь, будто какой-нибудь мѣшокъ, и отвезти въ лавру, гдѣ Исаія долженъ былъ окончить жизнь въ крайней бѣдности.

Въ своихъ прежнихъ сочиненіяхъ я уже имѣлъ случай высказать свое мнѣніе объ этомъ сказаніи; я не признавалъ за нимъ исторической достовѣрности, тѣмъ болѣе, что лѣтопись или дневникъ Ерлича вообще такой источникъ, на который нельзя слишкомъ довѣрчиво опираться. Въ самомъ изслѣдованіи, помѣщенномъ въ „Православномъ Обзорѣніи“, говорится: „лѣтопись Ерлича не отличается безукоризненною вѣрностію въ передачѣ фактовъ“. Но послѣ такого,

вполнѣ заслуженнаго, приговора надъ этимъ источникомъ, далѣе мы читаемъ: „тѣмъ не менѣе свѣдѣнія, сообщенныя ею объ отношеніяхъ Петра Могилы къ Исаіи Копинскому, мы признаемъ за достовѣрныя. Кромѣ нѣкоторыхъ соображеній, основанныхъ на критическомъ отношеніи къ самому разсказу Ерлича, мы приходимъ къ такому убѣжденію потому, что означенныя свѣдѣнія находятъ подтвержденіе въ другихъ, дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ“.

Быть можетъ, кому-нибудь покажется удивительнымъ, если мы скажемъ, что тѣ письменные памятники, въ которыхъ иные находятъ подтвержденія сказаній Ерлича, заключаютъ на самомъ дѣлѣ опроверженія этого сказанія.

Исаія Копинскій, хотя и назывался митрополитомъ, но не былъ утвержденъ константинопольскимъ патріархомъ, а слѣдовательно, сообразно древнимъ порядкамъ, и не былъ еще вполнѣ митрополитомъ. Намъ говорятъ, будто онъ утвержденъ королемъ, но говорятъ это, опираясь на того же Ерлича, который выразился о поставленіи Исаіи въ санъ митрополита, что это сдѣлалось „за konspektem króla“. Но, во-первыхъ,—Ерличъ, такой источникъ; на который безъ основательныхъ причинъ нельзя полагаться; во-вторыхъ,—выраженіе „за konspektem króla“—слишкомъ неопредѣленно и можетъ еще не значить формальнаго утвержденія; въ-третьихъ,—если бы такое утвержденіе и послѣдовало, то оно было бы не вполнѣ дѣйствительнымъ.

Со времени принятія уніи, кievскимъ митрополитомъ, преемникомъ древнихъ русскихъ первосвятителей былъ, въ глазахъ польской націи, не иной кто, какъ принявшій унію. Православная восточная церковь, господствовавшая въ русскихъ областяхъ, по понятіямъ поляковъ, восстановила свое древнее единство съ западною церковью, и польская нація признавала въ предѣлахъ своей Рѣчи Посполитой только эту соединенную церковь законною древнею восточною церковью. Конечно, если бы вся паства Михаила Рагозы и его сообщниковъ послѣдовала за ними—иного взгляда не могло бы и образоваться, но тогда слишкомъ много было неприставшихъ къ уніи: отсюда вытекала со стороны польскаго законодательства необходимость признать легальнымъ существованіе, вмѣсто одной церкви съ восточными обрядами, двѣ: одну, принявшую соединеніе съ западною церковью, а другую—не захотѣвшую принять этого соединенія. Польша, какъ свободная въ принципѣ нація (по крайней мѣрѣ для шляхетскаго званія), такъ, наконецъ, и поступила, но не прежде, какъ въ 1632 году. Прежде этого, какъ извѣстно, въ 1620 г., по случаю пріѣзда въ Русь іерусалимскаго патріарха Теофана, восстановлена была духовнымъ порядкомъ православная іерархія и посвященъ въ кievскіе митрополиты Іовъ Борецкій. Но, какъ этотъ митрополитъ,

такъ и посвященные разомъ съ нимъ архіереи, а затѣмъ и все священство, получавшее отъ нихъ рукоположеніе, въ глазахъ польской націи были тѣмъ же, чѣмъ теперь въ наше время должны намъ казаться архіереи и священники поповской секты раскола, непризнаваемые ни закономъ, ни властями, никакъ не имѣющіе права на свой санъ и притомъ не могущіе имѣть его до тѣхъ поръ, пока не состоится законъ, признающій возможность существованія самаго сана при тѣхъ условіяхъ, при какихъ они хотятъ носить его. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы ставить на одну степень правъ православной восточной церкви, непризнающей главенства папы, и притязанія какихъ бы то ни было раскольничьихъ толковъ въ Россіи, но мы этимъ сопоставленіемъ хотимъ только указать на то, что лица, носившія санъ іерарховъ восточной церкви, не признавшей совершавшагося въ концѣ XVI вѣка соединенія съ западною церковью, не могли считаться законными по отношенію къ польскому государству, прежде чѣмъ законодательная власть этого государства не признала законности іерархіи, необходимой для тѣхъ, которые не хотѣли идти вслѣдъ за своими прежними архипастырями, принявшими унію. Королевская санкція не могла даровать новопоставленнымъ іерархамъ этого рода законности, потому что въ Польшѣ законодательная власть была въ рукахъ не короля, а сейма, составленнаго изъ пословъ или представителей Рѣчи Посполитой. Поэтому и самъ Іовъ Борецкій, утвержденный патріархомъ, не могъ назваться законнымъ по отношенію къ государству, въ которомъ находился. Чтò же сказать объ Исаи Копинскомъ, который, занимая должность, не признанную еще законодательною властію государства, не былъ къ тому еще и утвержденъ патріархомъ?

Мы не знаемъ: кто выбиралъ Исаію Копинскаго въ митрополиты, не знаемъ подробностей тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ возложилъ на себя этотъ санъ, будучи до того времени сѣверскимъ архіепископомъ; но мы знаемъ, что въ 1632 году совершилось важное дѣло законнаго восстановленія православной іерархіи; существованіе его, какъ учрежденія, признала тогда польская нація, и вслѣдъ затѣмъ въ силу этого признанія является митрополитомъ Петръ Могила. Собственно говоря, онъ былъ первый законный митрополитъ православной церкви послѣ Михаила Рагозы, уклонившагося въ унію. Только съ этихъ поръ и могла быть рѣчь о законномъ выборѣ митрополита. Исаи Копинскій могъ быть тогда избираемъ въ митрополиты, но точно такъ же, какъ и всякій другой; выборъ, состоявшійся прежде, могъ быть полезенъ Исаи только какъ свидѣтельство того, что были желающіе видѣть его въ санѣ митрополита, но самый этотъ выборъ, въ качествѣ совершившагося факта, не имѣлъ ника-

кой законной силы, и избранный въ санъ кievскаго митрополита Петръ не нарушалъ ничьихъ правъ, не отнималъ ни у кого принадлежащаго кому-либо званія. Въ актѣ о выборѣ митрополита, относящемся къ этому событію, не упоминается имени Исаіи Копинскаго и объ избраніи Петра говорится, какъ о фактѣ новомъ, вытекавшемъ прямо изъ законнаго возстановленія іерархіи „послѣ долгаго и скорбнаго для насъ времени, нашему русскому народу даны и возстановлены древнее право и свобода, такъ что мы можемъ теперь избирать вольною подачею голосовъ какъ верховнаго нашего пастыря митрополита кievскаго, такъ и другихъ отцовъ-епископовъ, согласно съ пунктами, постановленными и пр.“. По закону надобно было представить на утвержденіе короля двухъ кандидатовъ, и что же? Представлены были Петръ Могила и винницкій подстаростій Михаилъ Ласка, а не Исаія Копинскій. Утвержденъ былъ Петръ Могила. При посвященіи его во Львовѣ находились тогдашніе русскіе архіереи, „много архимандритовъ, священниковъ, шляхты и (простыхъ) людей“. Это обстоятельство также указываетъ, что Петръ Могила получилъ свой санъ не какъ-нибудь тайно, злокозненно, а по доброму желанію духовенства и мірянъ. Не смотря на это, намъ говорятъ въ „Православномъ Обзорѣніи“, будто въ избраніи Могила большинство видѣло только мрачную сторону—безвинное лишеніе митрополіи лица, „згоднѣ всею церковью на нее избраннаго и зарекомендовавшаго себя ревностію ко благу православной церкви“; намъ говорятъ, что даже самъ Могила „не могъ не сознавать, что избраніе его въ санъ митрополита, несмотря на исполненіе всѣхъ законныхъ формальностей, не можетъ считаться вполне безукоризненнымъ“.

А почему такъ? Отчего Исаія имѣлъ право? Если его въ самомъ дѣлѣ „згоднѣ“ избрали на митрополію прежде, то почему не избрали его тогда, когда уже митрополія было законно возстановлена? Почему русскіе архіереи, духовные и свѣтскіе люди поѣхали во Львовъ ради посвященія Могила? Не значить ли, что они предпочитали Петра Могила Исаіи Копинскому?

Замѣчательно, что авторъ той же статьи въ „Православномъ Обзорѣніи“, написанной съ цѣлю обвинить Петра Могила и защитить Исаію, сознается, что Исаія хотя и былъ (какъ автору кажется) „мужемъ засвидѣтельствованной ревности и благочестія, но по своимъ преклоннымъ лѣтамъ, болѣзненному состоянію, отрѣшенности отъ міра и бѣдности, едва ли могъ вести борьбу съ врагами русской церкви, и дальновидные наши русскіе люди сознавали, что, особенное, въ высшей степени критическое время требовало, чтобъ во главѣ ея стояла личность умная, вліятельная, и пр.—однимъ словомъ — заключаетъ авторъ, такую личностію и былъ Петръ Могила“.

Не выходитъ ли изъ всего этого, что Исаія не годился въ митрополиты, а Петръ соотвѣтствовалъ тогдашнимъ потребностямъ церкви, и это сознавали дальновидные люди. Чего же болѣе? Слѣдуетъ спросить: почему же Исаія, мужъ, какъ увѣряютъ насъ, засвидѣтельствованной ревности и благочестія, не былъ въ числѣ тогдашнихъ дальновидныхъ людей, и не сознавалъ того, что сознавали другіе, а затѣмъ остается пожалѣть, что Исаія никакъ не принадлежалъ къ категоріи лучшихъ людей своего времени.

Изъ Львова Петръ Могила прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь-то, по сказанію Ерлича, произошло жестокое, возмутительное изгнаніе и заточеніе бѣднаго Исаіи Копинскаго. Признаться, еслибы и было что-нибудь подобное, то мы готовы были бы обвинять не Петра, а Исаію. Значило бы, Исаія не хотѣлъ добровольно отказаться отъ присвоеннаго сана и признать въ этомъ санѣ законно избраннаго и утвержденнаго патріархомъ, Петра Могила; значило бы, Исаія покушался производить раздоръ въ церкви, и Петръ долженъ былъ употребить силу надъ возмутителемъ церковнаго спокойствія. Дѣйствительно, въ Польшѣ, гдѣ исполненіе закона совершалось плохо, нерѣдко нужно было силою добывать законное право. Такъ случилось и во время прибытія Могила въ Кіевъ. Софійскій соборъ, по сеймовому постановленію, слѣдовало передать отъ униатовъ въ вѣдомство православнаго митрополита, но его добровольно не уступили: православные кіевляне принуждены были, съ ружьями и дреколіями, силою выгонять униатскихъ стражей Софійскаго собора, и, не допросившись ключей, должны были ломать двери и замки, чтобы войти въ храмъ. Не было бы ничего удивительнаго и несообразнаго съ духомъ того времени, если бы Петръ Могила вынужденъ былъ силою заставлять Исаію уступить себѣ права; но и этого не было. Сказаніе Ерлича положительно невѣрно.

Доказательства на лицо.

Существуетъ актъ (А. З. Р. IV. стр. 524) отъ 29 окт. 1631 г.—приговоръ иноковъ Златоверхо-михайловскаго монастыря объ избраніи на игуменство Исаіи Копинскаго по кончинѣ бывшаго игумена (онъ же назывался и митрополитомъ) Іова Борецкаго (причемъ Исаія именуется сущессоромъ и наступцею на митрополию кіевскую).

Существуетъ другой актъ (А. З. Р. V, стр. 22)—протестанція или судебная явка монаховъ Златоверхо-михайловскаго монастыря, Дометіана Жаботинскаго и Геронтія. Въ этомъ актѣ говорится, что Исаія Копинскій, желая, по кончинѣ Іова Вороцекаго, занять его мѣсто и присвоить себѣ игуменство въ Златоверхо-михайловскомъ монастырѣ, устроилъ себѣ выборъ въ этотъ санъ: какъ будто бы всѣ иноки Златоверхо-михайловскаго монастыря избрали себѣ его

игуменомъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, братія этого монастыря избрала въ игумены не его, а Филатія Кезаревича. Исаія Копинскій, при помощи запорожскаго полковника Демьяна Гарбузы и казаковъ, 10 декабря 1631 г., сдѣлавъ наѣздъ на монастырь, выгналъ Кезаревича, самъ сѣлъ на его мѣсто; живучи въ этомъ монастырѣ и пользуясь монастырскимъ имуществомъ, оскорблялъ братію, наконецъ, 10 августа 1635 года, своевольно, безъ всякой причины, забравши съ собою разныя церковныя вещи и ризницу, выѣхалъ изъ монастыря и проч.

Не станемъ разбирать, справедливо или несправедливо обвиненіе противъ Исаіи; не остановимся и надъ противорѣчіемъ между содержаніемъ перваго и втораго акта; это противорѣчіе легко можетъ объясниться тѣмъ, что въ 1631 году въ Златоверхо-михайловскомъ монастырѣ одни изъ братіи желали посадить на игуменство Кезаревича, другіе—Копинскаго. Для насъ важно то, что изъ послѣдняго акта несомнѣнно оказывается, что, овладѣвши въ 1631 году Златоверхо-михайловскимъ монастыремъ (насильно или по избранію—Богъ знаетъ!), Исаія оставался въ немъ до 1635 года, слѣдовательно, извѣстіе Ерлича о томъ, будто Петръ Могила по вступленіи своемъ на митрополию, въ 1633 году, выгналъ Исаію изъ Златоверхо-михайловскаго монастыря, невѣрно. Въ изслѣдованіи, появившемся въ „Православномъ Обзорѣніи“, пытаются согласить это противорѣчіе произвольными догадками: „вѣроятно, говорятъ,—послѣ того, какъ Петръ Могила выпроводилъ Исаію изъ Златоверхо-михайловскаго монастыря, Исаія удалось освободиться изъ лаврскаго заключенія.“ Но такой способъ объясненій противенъ здравой исторической критикѣ: нельзя, принимая на вѣру сказаніе источника, уже уличеннаго въ невѣрной передачѣ фактовъ, примирять противорѣчія его съ официальными документами посредствомъ догадокъ. Пускаются, однако, въ дальнѣйшія догадки; полагаютъ, что Исаія освободился изъ заключенія, воспользовавшись народнымъ волненіемъ.

Что же это за волненіе?

Оно дѣйствительно происходило и описано у Симеона Косова—бывшаго тогда префектомъ кievской коллегіи—въ его, теперь очень рѣдкой (которую необходимо было бы издать) книжечкѣ: *Exegesis*. Исслѣдователь справедливо думаетъ, что причины этого волненія никакъ не слѣдуетъ искать въ козняхъ іезуитовъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, и что оно было дѣломъ приверженцевъ Исаіи Копинскаго „неученныхъ поповъ“, которыхъ Петръ Могила отставилъ ¹⁾, за-

¹⁾ Объ этомъ говорятъ также Домецкій, одинъ изъ малороссійскихъ духовныхъ, въ концѣ XVII-го вѣка жившій въ Москвѣ, потомъ въ Новгородѣ, терпѣвшій тамъ

мѣстивъ ихъ людьми болѣе свѣдущими. Нападеніе толпы направлено было противъ коллегіи, которую, по наущенію невѣждъ, народъ заподозрѣвалъ въ неправотѣ. Опасность отъ раздраженной толпы была такъ велика, что, по выраженію Коссова, профессеры ожидали, что ими начнутъ кормить дѣпровскихъ осетровъ. Къ счастью, все скоро утихло; народъ убѣдился, что взводимыя на митрополита и его коллегію обвиненія были однѣ клеветы. Это волненіе могло быть дѣломъ не только приверженцевъ Исаи, но даже и самого Исаи, а все-таки изъ того никакъ не слѣдуетъ, чтобы Исаія въ 1633 году былъ удаленъ изъ Златоверхо-михайловскаго монастыря, и, пользуясь волненіемъ, опять возвратился въ означенный монастырь, чтобы выхвать изъ него въ 1635 году.

Думаютъ еще подтвердить достовѣрность извѣстій Ерлича двумя вновь открытыми актами.

Первый изъ этихъ актовъ—протестація, поданная въ 1637 году въ судъ отъ имени Исаи Копинскаго, его повѣреннымъ Кчумовскимъ: въ этой протестаціи рассказывается, что Петръ Могила беспокоилъ Исаію въ Михайловскомъ монастырѣ, дѣлая нападенія на маестности этого монастыря, и самъ Исаія опасался за свою жизнь. Это заставило Исаію покинуть монастырь, а Могила тотчасъ же отдалъ этотъ монастырь въ управленіе Кезаревичу, „игуменомъ его охристови“. Далѣе, въ той же протестаціи рассказывается, что 1-го февраля 1637 года Могила въ Луцѣ свидѣлся съ Копинскимъ, и послѣдній далъ ему квити, то-есть отрекся отъ всякихъ исковъ и притязаній на Петра Могила; теперь же, именемъ Исаи Копинскаго, Кчумовскій заявлялъ, что Петръ Могила *насилъю* принудилъ Исаію Копинскаго дать ему квити.

Другой актъ—королевскій листъ о назначеніи судной комиссіи по дѣлу между Исаіею Копинскимъ и Петроу Могилоу, выданный Исаи въ отвѣтъ на жалобу, поданную Исаіею 27-го мая 1637 года. Изъ этого акта видно, что Исаія жаловался королю, будто Могила уже нѣсколько лѣтъ посягаетъ на жизнь и имущество Исаи Копинскаго, что Могила забралъ документы, церковную ризницу, отнялъ у Исаи духовную власть, принадлежавшіе ему по праву доходы и, его самого выгнавши, измучивши, окровавивши, держалъ въ тяжеломъ заключеніи и т. п.

Два эти акта доказываютъ только то, что Исаія Копинскій былъ врагомъ Петра Могила и судился съ нимъ, и болѣе ничего. По та-

гоненіе вмѣстѣ съ другими кievскими учеными, и, наконецъ, возвратившійся въ Малороссію.

кимъ отрывочнымъ документамъ мы не вправѣ дѣлать заключеній въ ту или другую сторону.

Исаія далъ Петру Могила квити, но этого квита мы не видали; король, по жалобѣ Исаи, назначилъ комиссію; но какъ разбирала это дѣло комиссія и къ чему пришла—неизвѣстно. Что касается до извѣстій Ерлича, то протестація, поданная Кчумовскимъ, скорѣе служить опроверженіемъ Ерличу, чѣмъ подтвержденіемъ, такъ какъ въ этой протестаціи представляется дѣло такъ, что Могила дѣлалъ оскорбленія Исаи во время пребыванія его въ Златоверхо-михайловскомъ монастырѣ, и эти оскорбленія заставили Исаю выѣхать изъ монастыря, то-есть сдѣлать то, чтб случилось, какъ показывалъ Дометіанъ Жаботинскій и Геронтій въ 1635 году; но въ протестаціи отнюдь не говорится, чтобы ранѣе, до выѣзда Исаи изъ Златоверхо-михайловскаго монастыря, Могила насильно выпроводилъ его въ Лавру въ заточеніе.

Въ жалобѣ самого Исаи, поданной королю, хотя говорится, что Петръ Могила держалъ его въ заключеніи, но не указывается время, когда это происходило; а при сопоставленіи съ протестаціею Кчумовскаго оказывается, что время этого заключенія, какъ и побоевъ, будто бы нанесенныхъ Копинскому, совпадаетъ съ насильственнымъ истребованіемъ отъ него квита.

Несмотря на темноту всего этого дѣла, руководствуясь даже тѣми скудными данными, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, намъ приходится обвинить скорѣе Исаю, чѣмъ Петра. Исаія, послѣ вступленія Петра въ званіе митрополита, не переставалъ называться митрополитомъ, а еслибъ этотъ мужъ „засвидѣтельствованной ревности и благочестія,“ „пастырь статечный и ничѣмъ не заподозрѣнный“, цѣнилъ благо и спокойствіе церкви болѣе личныхъ своихъ побужденій, то всего умѣстнѣе для него было добровольно отказаться отъ этого титула, на который онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права, послѣ того какъ Петръ былъ избранъ, утвержденъ королемъ на возстановленной легально государственною властію митрополитъ и, наконецъ, признанъ въ своемъ санѣ константинопольскимъ патріархомъ. Но этого мало: Исаія всячески старался дѣлать вредъ своему сопернику и не стыдился прибѣгать къ возмутительной клеветѣ. Это видно изъ доносовъ, которые привозили въ Москву густынскіе монахи со словъ Исаи Копинскаго (А. Ю. и З. Рос. III, стр. 7): „Епископъ Исаія (Копинскій) писалъ въ лубенскій и густынскій монастыри, что митрополитъ Петръ Могила королю, всѣмъ панамъ раднымъ и архиепископамъ лядскимъ присягалъ, чтобъ ему христіанскую вѣру ученіемъ своимъ попрасть и уставить всее службу церковную по повелѣнію папы римскаго и римскую вѣру, и церкви христіанскія во

всѣхъ польскихъ и литовскихъ городахъ превратить въ костелы лядскіе и книги русскія всѣ вывести.“

И такія клеветы на человѣка, ознаменовавшаго свою дѣятельность стремленіями противоположными тому, въ чемъ его здѣсь обвиняли, клеветы на человѣка, болѣе всѣхъ поддерживавшаго православіе, болѣе всѣхъ поставившаго преграду римской пропагандѣ, наконецъ, болѣе всѣхъ своихъ современниковъ заботившагося о правильности, умноженіи и распространеніи русскихъ книгъ! Г. Голубевъ не отвергаетъ участія Исаіи въ этихъ отвратительныхъ клеветахъ на Петра Могилу, но покрываетъ ихъ мерзостью приличнымъ именемъ „борьбы“. „Борьба Петра Могилы, — говоритъ онъ, — съ Исаіею Копинскимъ, продолжавшаяся и послѣ 1633 года, ознаменовалась со стороны перваго стремленіемъ къ матеріальному стѣсненію Исаіи (а откуда извѣстно такое стремленіе?—единственно изъ показанія самого же Исаіи, да изъ невыдерживающаго критики Ерлича!) и желаніемъ подорвать его авторитетъ, какъ законнаго митрополита (какимъ Исаія не былъ), а со стороны послѣдняго, кромѣ судебныхъ протестовъ, усиліями накинута тѣнь на нравственные качества Могилы, какъ лица, склоннаго къ измѣнѣ православію“. Хороши были орудія борьбы! Нечего сказать! Но если, по собственному признанію автора, Исаія хотѣлъ накинута тѣнь на нравственные качества Могилы, то уже тѣмъ самымъ на Исаію легла такая тѣнь, которую едва ли въ силахъ снять съ него г. Голубевъ! И если Исаія могъ такъ безстыдно обвинять Петра Могилу въ козняхъ противъ православія, въ желаніи обратить русскія церкви въ костелы и вывести русскія книги, то какъ же можемъ мы довѣрять этому Исаіи въ томъ, будто бы Могила его утѣснялъ, оскорблялъ, билъ, насильно принудилъ дать квити и т. под.? Понятно: если явно, что Исаія оклеветалъ своего соперника, обвинивъ его въ одномъ дѣлѣ, то и показанія его на того же соперника въ другомъ дѣлѣ, ничѣмъ достовѣрнымъ не подтверждаемыя, скорѣе всего должны быть признаны клеветою, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ для насъ имѣть значенія историческаго источника.

Въ той же статьѣ, напечатанной въ „Православномъ Обзорѣніи“, выставлены на видъ такія двусмысленныя черты, которыя могутъ невольно набрасывать тѣнь на личность Петра Могилы, особенно если не слишкомъ вникать въ суть дѣла. Такъ, напр., признается, что Могила былъ человѣкъ суетный, честолюбивый; но чѣмъ это доказывается? Тѣмъ, что онъ дорожилъ своимъ гербомъ, да своимъ мнимымъ происхожденіемъ отъ Муція Сцеволы. Что касается до употребленія герба на издаваемыхъ книгахъ и въ другихъ случаяхъ, то это былъ всеобщій обычай, не свидѣтельствующій вовсе

ни о любви того или другого лица къ почестямъ, ни о его равнодушiи къ нимъ. О происхожденiи же отъ Муцiя Сцеволы мы слышали собственно не отъ Петра Могила, а отъ тѣхъ риторовъ, которые, сообразно вѣку, считали обычнымъ дѣломъ въ своихъ панегирикахъ вплетать явно вымышленныя генеалогiи. Такъ, напримѣръ, Іоанникій Галаатовскій въ своемъ „Ключѣ Разумѣнiя“ подаетъ проповѣдникамъ вообще совѣтъ—въ надгробныхъ рѣчахъ приписывать умершему какое-нибудь особенно древнее и знатное происхождение: то были собственно риторическiя фигуры. Кромѣ того, въ упомянутомъ изслѣдованiи г. Голубева насъ увѣряютъ, что Могила добивался духовныхъ мѣстъ для того, чтобы пользоваться ихъ доходами. О митрополитѣ этого сказать никакъ нельзя, потому что, при возстановленiи православной кievской митрополитiи, ея прежнiя имѣнiя оставлены были за униатскимъ митрополитомъ; что же касается до имѣнiй, принадлежавшихъ въ то время Печерской лаврѣ, то прежде, чѣмъ бросать тѣнь на Петра, якобы имѣвшаго виды при своемъ поступленiи въ иночество пользоваться доходами имѣнiй печерской лавры, нужно было бы объяснить: въ самомъ ли дѣлѣ велики и очень привлекательны были эти доходы, и не окажется ли напротивъ, что при частыхъ татарскихъ набѣгахъ и при внутреннихъ смутахъ они вовсе не такъ были важны, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда? Петръ Могила, какъ извѣстно, изъ собственныхъ своихъ частныхъ доходовъ долженъ былъ дополнять потребности церкви и коллегiи—по недостатку средствъ изъ доходовъ управляемаго имъ церковнаго вѣдомства. Правду сказать, еслибы молдавскій воеводичъ, свойственникъ знатнѣйшихъ польскихъ пановъ, имѣлъ въ виду корыстолюбивыя идеалы, то всего лучше для него было бы принять католичество: этимъ путемъ скорѣе и обильнѣе достигъ бы онъ своихъ цѣлей. Люди, слишкомъ цѣнившіе свои земныя выгоды, не задумывались надъ этимъ въ тѣ времена, особенно, когда обаятельное и увлекающее превосходство образованности было на сторонѣ римскаго католичества. Между тѣмъ, молдавскій воеводичъ, несмотря даже ни на свое западное образованiе, ни на свою близость къ знатымъ польскимъ домамъ, не только не послѣдовалъ за общимъ стремленiемъ, но всею душою предался гонимой, презираемой церкви своихъ предковъ. Едва ли такъ поступаютъ люди, преданные благамъ міра сего, любители „почестей, богатствъ и роскошной жизни“.

„Въ дѣятельности Петра Могила—говорятъ намъ—много чертъ чисто шляхетскаго характера. Такъ, сей iерархъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Терновскій, весьма дорожилъ почестями и имѣнiями, высоко цѣнилъ привилегiи, знакомъ былъ съ интригами польскаго двора и имѣлъ способность и готовность вмѣшиваться въ дѣла по-

литическія. Къ этому мы прибавимъ, что Могила имѣлъ въ своемъ распоряженіи много челяди; по примѣру польскихъ магнатовъ, не рѣдко дѣлалъ нападенія на имѣнія враждебныхъ ему личностей и производилъ въ нихъ громадныя опустошенія. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ поступкѣ Петра Могилы съ Исаіею Копинскимъ и его приверженцами“.

Какія же это нападенія? Одно изъ нихъ приведено въ изслѣдованіи. Уніатскій митрополитъ Вельяминъ Рутскій, котораго маестности примыкали къ маестностямъ Печерскаго монастыря, 2-го августа 1630 года жаловался, что архимандритъ съ капитулою высылали слугъ своихъ и людей, при помощи казаковъ, на село Засимово, держали въ осадѣ жителей этого села, и въ это время созрѣвшіе на поляхъ посѣвы убрали и перевезли въ села Печерскаго монастыря, а несозрѣвшіе *„били, топтали и все зъ гола зъ землею смѣшали“*.

Такому же опустошенію подверглись хутора, принадлежавшіе къ этому селу. Монастырскіе люди устроили висѣлицу и водили подъ нее засимовскихъ крестьянъ, требуя отъ нихъ отповѣди (отказа отъ чего-то). Когда на этихъ монастырскихъ людей пожаловались Петру Могилѣ, бывшему тогда еще только архимандритомъ Печерскимъ, онъ отвѣчалъ, что все дѣлалось по его приказанію, и противная сторона, если хочетъ, можетъ искать на немъ судомъ.

Во-первыхъ, предлагаемый документъ не можетъ вести ни къ какому заключенію, такъ какъ онъ составляетъ жалобу одной только стороны безъ объясненія съ другой.

Во-вторыхъ,—еслибы даже все происходило дѣйствительно такъ, какъ описано въ жалобѣ, то и тогда поступокъ Петра Могилы, совершенный въ XVII-мъ вѣкѣ, не имѣлъ бы того предосудительнаго характера, какой имѣлъ бы подобный поступокъ въ наше время. Надобно было бы еще взглянуть: по какому побужденію такой поступокъ совершенъ. Въ Польшѣ, какъ мы уже замѣтили, исполнительная власть была до такой степени слаба, что нерѣдко для приведенія въ дѣйствіе закона не оставалось ничего, какъ только прибѣгнуть къ самоуправству. Это, конечно, дурно; но вина падаетъ на весь государственный строй, а не на отдѣльныхъ лицъ. Могло быть, что Могила поступилъ такъ, какъ описывается въ жалобѣ на него, съ цѣлію привести въ исполненіе то, что слѣдовало по закону; его отвѣтъ, что монастырскіе люди поступили по его приказанію и предоставленіе противной сторонѣ искать на немъ судомъ показываютъ человѣка, убѣжденнаго въ правотѣ своего дѣла по закону. Конечно, мы не станемъ утверждать, что Могила правъ, такъ какъ обстоятельства дѣла не знаемъ, но, съ другой стороны, уніатскій митрополитъ Рутскій, сколько намъ извѣстно, не заявилъ себя въ исторіи такими нравственными достоинствами, чтобы мы принимали

на вѣру то, что слышимъ отъ него о Петрѣ Могилѣ и, на основаніи его словъ, дѣлали выводы о личности послѣдняго. Это до крайности противно исторической критикѣ.

Н. Костомаровъ.

21-го апрѣля, 1874 г.

ЗАМѢТКА.

К Л А С С И Ч Е С К І Е Ш Е С Т Ы .

Ученое открытіе г. Георгіевскаго.

Всеобщая воинская повинность непременно предрасположитъ наше общество къ изученію военныхъ вопросовъ, а при заботахъ объ успѣхахъ классическаго образованія, нѣтъ сомнѣній, многіе обратятъ вниманіе и на военное искусство у древнихъ, особенно же на такого военного писателя, какъ Юлій Цезарь. Онъ всегда былъ предметомъ тщательнаго изученія у западныхъ ученыхъ, и въ нашей ученой литературѣ мы имѣемъ одно спеціальное изслѣдованіе—г. Георгіевскаго; это изслѣдованіе—докторская диссертация, а самъ авторъ—ревностѣйшій поборникъ классическаго образованія. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятые, особенно рекомендуютъ его трудъ: „Галлы въ эпоху Кайя Юлія Цезаря,“ и могутъ вновь обратить на него вниманіе, именно въ наше время. Вотъ почему и мы вспомнили объ этой книгѣ; но на 57-й страницѣ встрѣтили такое обстоятельство, о которомъ можно повѣдать читателю, но разъясненія его нельзя ожидать и отъ самого автора. Это—нѣчто въ родѣ „голубой лошади“, видѣнной однимъ изъ Гоголевскихъ героев. Г-нъ Георгіевскій повѣствуетъ, что „пѣхота германская сражалась густыми рядами, образуя изъ себя фалангу и прикрываясь сверху щитами, *прикрытыми къ шестамъ*, такъ что, во время сраженія съ Аріовистомъ, *многіе изъ Римлянъ вспримывали на эти шесты, срывали руками щиты и разили враговъ сверху*.“ Курьезное зрѣлище! Какъ ни старались мы объяснить себѣ прикрѣпленіе щитовъ къ шестамъ съ цѣлю защиты, всѣ соображенія наши не приводили насъ ни къ какому хотя бы сколько-нибудь правдоподобному результату. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ щитъ, прикрѣпленный къ шесту, горизонтально ли, въ видѣ гриба, или вертикально, въ видѣ хоругви, — и вы убѣдитесь, что, кромѣ помѣхи свободнымъ движеніямъ, столь необходимымъ во время битвы въ открытомъ полѣ, отъ такого маневра ничего ожидать нельзя. Еще труднѣе представить себѣ описываемый

г. Георгіевскимъ подвигъ римскихъ воиновъ. Положимъ, что у германцевъ дѣйствительно существовалъ такой странный способъ защиты, какъ то преподаетъ намъ нашъ доморощенный классикъ; пусть удалцы-римляне дѣйствительно прыгали на шесты, на которые г. Георгіевскій заставляетъ ихъ прыгать: но спрашивается, какую же роль играли при этомъ германцы? Какъ бы тупоумы ни были эти дикіе сыны лѣсовъ, однакожь нельзя представить себѣ, чтобы они, забывъ о собственной опасности, изъ всѣхъ силъ старались удерживать въ рукахъ шесты съ прибавившеюся къ нимъ пяти-шести-пудовою тяжестью вооруженнаго римскаго воина, и спокойно выжидали, пока этотъ клоунъ сорветъ щитъ и нанесетъ ударъ сверху. Да и зачѣмъ было срывать, щитъ, когда онъ прикрѣпленъ къ шесту высоко надъ головою врага, и не мѣшалъ нанесенію удара прямо въ лицо, въ грудь,—куда угодно?!

Чтобы объяснить себѣ всю эту небывальщину, необходимо было обратиться къ самому Юлію Цезарю, на котораго храбро указываетъ и нашъ авторъ въ ссылкѣ къ вышеприведенному мѣсту своей диссертации (*De Bello Gallico* I, 52). Вотъ подлинныя слова Цезаря:

„Ita nostri acriter in hostes, signo dato, impetum fecerunt, itaque hostes repente celeriterque procurrerunt, ut spatium pila in hostes conjiciendi non daretur. Rejectis pilis cominus gladiis pugnatum est: at Germani celeriter ex consuetudine sua *phalange facta*, impetus gladio- rum exceperunt. Reperti sunt complures nostri milites, qui *in phalangas insilirent* et scuta manibus revellerent et desuper vulnerarent.“ Въ буквальный переводъ эти слова значать: „По данному знаку наши сдѣлали такое стремительное нападеніе на враговъ, а враги такъ внезапно и быстро бросились имъ навстрѣчу, что уже нечего было метать копья въ непріятеля. Отложивъ копья, сражались въ близкомъ разстояніи мечами. Германцы, *построивъ по своему обычаю фалангу*, выдержали напоръ мечей. Между нашими воинами нашлись многіе, которые *наскakивали на фаланги*, отрывали руками щиты и наносили раны сверху.“

Все это очень просто: римляне бросались на германцевъ, отрывали щиты, которые тѣ держали предъ собою и надъ собою, и наносили имъ удары сверху, т.-е. по головѣ и по плечамъ, а не въ грудь. Но Цезарь при этомъ хочетъ обратить вниманіе читателя еще на особенное, неслыханное удалство нѣкоторыхъ изъ своихъ воиновъ: римляне наскakивали на самыя фаланги. Это отчаянное удалство весьма понятно тому, кто знаетъ устройство фаланги. Фаланга состояла изъ густыхъ рядовъ пѣхоты; первый рядъ примеривался щитами впередъ, а слѣдующіе ряды держали щиты горизонтально надъ головами, образуя надъ собою сплошную крышу, родъ черепахи, защищавшей отъ ударовъ метательнаго оружія. На эту-то

крышу и могли вскакивать отважнѣйшіе изъ римлянъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что о *шестахъ* у Цезаря нѣтъ и помина. Какимъ же образомъ нашъ *vir doctissimus* попался на эти роковые шести? Очень просто: по слабому знанію латинской грамматики. Въ латинскомъ языкѣ есть два подобозвучныя слова: *phalanx*, фаланга, и *phalanga*, шесть; первое склоняется по 3-му склоненію и имѣетъ въ винительномъ падежѣ множ. числа окончаніе *es* (*phalanges*), второе по 1-му склоненію и оканчивается въ этомъ падежѣ на *as* (*phalangas*). Но слово *phalanx*, какъ заимствованное изъ греческаго языка, часто употребляется латинскими писателями, въ томъ числѣ и Цезаремъ, въ упомянутомъ падежѣ съ греческимъ окончаніемъ *as*, такъ что форма *phalangas* можетъ принадлежать и тому, и другому слову; здравый смыслъ легко рѣшаетъ всякое затрудненіе въ этомъ случаѣ. Г-нъ Георгіевскій, встрѣтивъ у Цезаря форму *phalangas* ¹⁾, какъ видно, ему незнакомую, и не попробовавъ предполагаемаго имъ маневра на себѣ, смѣло заставилъ римскихъ воиновъ прыгать на шести. Ему, очевидно, представился вопросъ: откуда же взялись эти злосчастные шести? Для разрѣшенія такого вопроса слѣдовало бы навести справку у комментаторовъ или, по крайней мѣрѣ, заглянуть въ любой нѣмецкій или французскій переводъ, и тогда грубая ошибка собственнаго перевода у г. Георгіевского объяснилась бы сама собою. Но онъ предпочелъ простѣйшій способъ выйти изъ затруднительнаго положенія: въ дополненіе къ небывалому факту, порожденному незнаніемъ склоненія, т.-е. къ скаканію на шести, онъ присочинилъ еще другой небывалый фактъ, вооруживъ германцевъ щитами, прикрѣпленными къ этимъ воображаемымъ шестиамъ.

Если бы г. Георгіевскій провинился только въ нетвердомъ знаніи склоненія, то на эту вину можно бы было еще посмотреть сквозь пальцы, и все-таки перевести его изъ второго въ третій классъ гимназій; но онъ сочинилъ небывалый фактъ, да еще добро бы въ какой-нибудь журнальной статейкѣ, а то въ докторской диссертациі, которая, по словамъ самого автора, должна служить пособіемъ при изученіи и истолкованіи одного изъ величайшихъ произведеній древности—это почти перестаетъ быть простымъ курьёзомъ. Намъ ничего не остается, какъ предоставить г-ну Георгіевскому засѣдать на имъ же изобрѣтенныхъ шестиамъ и поражать оттуда враговъ классицизма. Положеніе—неудобное, но вполне заслуженное имъ.

Москва.—5 апрѣля, 1874.

III.

¹⁾ Нѣсколько выше Цезарь говоритъ, что Аріовистъ расположилъ свое войско по племенамъ; слѣдовательно, могло быть нѣсколько фалангъ, и этимъ объясняется множественное число.

ИЗВѢСТІЯ

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 4-го марта 1874 года.

- 1) За силою § 5 устава Общества, отклонены ходатайства двухъ лицъ о пособіи.
- 2) Отпущено 30 р. женѣ писателя, находящагося въ больницѣ.
- 3) Выдано 25 р. больной вдовѣ писателя.
- 4) Выдано 125 р. молодому писателю въ видахъ предоставленія ему средствъ къ окончанію образованія.
- 5) Выдано въ стипендію студенту 1-го курса петербургскаго университета 62 р. 50 к.
- 6) Изъявлена благодарность Общества В. А. Манассеину за содѣйствіе комитету.

Отчетъ казначея за февраль.

Къ 1-му февраля въ кассѣ было 57,753 руб. 42 к. Поступило: годовые взносы 52 лицъ 697; единовременно отъ 4 лицъ 64 р.; процентныя деньги отъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ 77 р. 9 к.; процентовъ по текущему счету 156 руб. 3 к.; процентовъ и дивиденда по процентнымъ бумагамъ 267 р. 27 к.; въ возвратъ ссуды 100 р., всего 1,361 р. 39 к. Израсходовано 1,982 р. 85 к., въ томъ числѣ: на пенсіи 230 р.; на единовременныя пособія 925 р.; на стипендіи 275 р.; за храненіе процентныхъ бумагъ 2 руб. 85 к.; ссуды 550 руб. Къ 1-му марта въ кассѣ было 57,131 р. 96 к.

Засѣданіе комитета 19-го марта 1874 года.

- 1) Выдано 50 руб. вдовѣ писателя, лишенной средствъ къ жизни.
- 2) Выдано 100 р. писателю, находящемуся въ стѣсненномъ положеніи.

- 3) Выдано 25 р. на похороны писателя.
- 4) Выдано 100 р. писателю на переѣздъ къ мѣсту служенія.
- 5) Отклонены ходатайства девяти лицъ.
- 6) Изъявлена благодарность Общества: ГГ. Даниловичу. П. Е. Басистову, типографіи В. Безобразова и К^о., В. П. Гаевскому, Н. А. Некрасову, О. Ѳ. Миллеру, А. Н. Майкову, Я. П. Полонскому, А. Н. Плещееву, А. Г. Рубинштейну, И. А. Мельникову, Л. Ауэру, Э. Ф. Направнику, К. Ю. Давыдову, И. С. Тургеневу, графу А. К. Толстому, Д. Л. Михайловскому, магазинамъ: Бабунова, Бесселя, Бютнера, Югансона, Колесова и Михина, Черкесова и К^о. редакціямъ: „Голоса“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, и С.-Петербургскому Русскому Купеческому Собрانیю.

Засѣданіе комитета 15-го апрѣля 1874 года.

- 1) Положено считать неприкосновеннымъ капиталъ въ 1,000 р., пожертвованный въ 1860 г. И. Т. Лисенковымъ.
- 2) Выслано въ харьковскій университетъ для выдачи пособій бѣднымъ студентамъ 120 р.
- 3) Выдано въ ссуду 400 р., за поручительствомъ одного изъ членовъ комитета въ вѣрности возвращенія этой суммы къ 15-му декабря 1874 года.
- 4) Выдано 200 р. на воспитаніе дѣтей покойнаго писателя.
- 5) Выдано 30 р. больному писателю на расходы по переѣзду на родину.

II. Общество вспомошествованія студентамъ Спб. Университета.

Засѣданіе комитета 10-го января 1874 г.

1. Предсѣдатель А. Ст. Вороновъ представилъ талонъ на 1,000 руб., выданный изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ пособіе дѣйствіямъ Общества. Постановлено: выразить глубокую благодарность г. Министру Народнаго Просвѣщенія отъ лица всѣхъ членовъ Общества за оказанную имъ поддержку Обществу. 2. Заявлено было о поступившемъ въ пользу Общества пожертвованіи по книжкѣ А. Д. Градовскаго (№ 7.) 40 руб. 3. Заявлено о возвратѣ 7-ю студентами краткосрочнымъ ссудъ на сумму 100 р. 4. Определено выдать пособія по уставу: 2-мъ студентамъ по 25 р., 3-мъ по 20 р., 1-му 15 р., и 4-мъ по 10 р., всего 10-ти студентамъ на сумму 165 руб. 5. Определено выдать краткосрочныя ссуды: 1-му 50 р., 1-му 30 р., 3-мъ по 25 р., 1-му 20 р., 3-мъ по 15 р., и 1-му 10 р., всего 10-ти студентамъ на сумму 230 руб. 6. Двумъ студентамъ ассигновано 100 руб., на 4 мѣсяца, по 12 р. 50 к. въ мѣсяцъ каждому.

Засѣданіе комитета 22-го января 1874 г.

1. Опреѣлено выдать краткосрочныя ссуды: 2-мъ студентамъ по 30 р., 5-ти по 25 р., 1-му 20 р., 1-му 15 р., 2-мъ по 10 р., и 1-му 5 р., всего 12 студентамъ на сумму 245 руб. 2. Опреѣлено выдать пособія по уставу: 1-му студенту 50 р., 1-му 30 р., 3-мъ по 25 р., 7-ми по 20 р. и 1-му 15 р., всего 13-ти студентамъ на сумму 310 руб. 3. Опреѣлено внести въ Университетъ плату за слушаніе лекцій за 2-хъ студентовъ по 50 р. и за 3-хъ по 25 р., всего — за 5 студентовъ на сумму 175 руб. 4. Заявлено было о возвратѣ однимъ студентомъ краткосрочной ссуды въ 20 р.

Засѣданіе комитета 31-го января 1874 г.

1. Постановлено выдать книжки для сбора пожертвованій: Н. Д. Сергіевскому (№ 30), профессору Дестунису (№ 31), О. Д. Лермонтовой (№ 32) и П. Я. Ольсину (№ 33). 2. Заявлено о возвратѣ въ кассу Общества 50-ти руб., назначенныхъ одному студенту, который не получилъ ихъ. 3. Доложено о поступленіи въ пользу Общества слѣдующихъ пожертвованій: а) членскій взносъ отъ г. Ивана Балашева 100 руб., б) по книжкѣ № 14 (г. Шевича) 10 р., и по книжкѣ № 4 (г. Бекетова) 57 р., в) отъ Н 10 р., г) изъ Енисейска чрезъ г. Пантелеева 500 руб., именно: отъ Л. Ф. П-ва 100 р., П. И. Ливена и Р. А. Пфейфера по 50 р., А. П. Кытманова, И. П. Кытманова, П. А. Фунтосова, И. М. Хейсина, А. К. Матонина, К. А. С-о и В. К. П-го по 25 р., отъ П. В. Лебединскаго 23 р., П. М. М-скаго 20 р., отъ С. А. Щукина, А. С. Баландина, И. П. Пуляева и К. П. Антоновича по 10 р., А. З. Кытманова, И. Е. Дрялина, С. П. Волкова, И. И. Волкова, отъ Б. и Г. Ф. Лазигева по 5 р., отъ Н, И. П. Лыткина и И. Д. Черемнаева по 3 руб. Постановлено: выразить жертвователямъ благодарность Комитета и деньги передать въ кассу. 4. Опреѣлено внести въ Университетъ плату за слушаніе лекцій: за 3-хъ студентовъ по 25 р., и за одного 12 р. 50 коп., всего — за 4-хъ студентовъ на сумму 87 руб. 50 коп. 5. Опреѣлено выдать краткосрочныя ссуды: одному студенту 100 р., на поѣзду за границу, 1-му 50 р., 8-ми по 25 р., 1-му 20 р., и 2-мъ по 10 р., всего 12-ти студентамъ на сумму 390 р. 6. Опреѣлено выдать пособія по уставу: 3-мъ студентамъ по 30 р., 5-ти по 25 р., 5-ти по 20 р., 7-ми по 15 р. и 1-му 10 р., всего—21 студенту на сумму 430 р. 7. Опреѣлено 6-ти студентамъ отказать, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ устава Общества. 8. Опреѣлено отсрочить одному студенту уплату долга въ 15 р. на 3 мѣсяца.

Засѣданіе комитета 7-го февраля 1874 г.

1. Прочитанъ былъ отчетъ по вечеру, устроенному въ пользу студентовъ, въ залѣ Клуба Прикащиковъ, 30-го января, составленный распорядителями вечера и провѣренный членомъ Комитета, профес-

сорокъ Таганцевымъ. Отчетъ состоитъ въ слѣдующемъ: приходъ: продано билетовъ до вечера и получено пожертвованій на сумму 2,186 р. 86 к. Кромѣ того, во время вечера продано билетовъ по увеличеннымъ цѣнамъ на 829 р. 33 к. Всего приходъ 3,016 р. 19 к. Расходовъ по устройству вечера по роспискамъ 1,921 р. 40 к. Въ остаткѣ чистой прибыли 1,080 р. 68 к. Постановлено утвердить отчетъ и вырученныя деньги передать казначею Комитета. 2. Доложено было о пожертвованіи въ пользу Общества студентомъ Аванасьевымъ 24 р. 15 к. Постановлено: выразить жертвователю благодарность Комитета и деньги передать въ кассу. 3. Заявлено было о возвратѣ 7-ю студентами краткосрочныхъ ссудъ на сумму 90 р. 4. Определено внести въ университетъ плату за слушаніе лекцій за 5 студентовъ по 25 р., всего на сумму 125 р. 5. Определено выдать краткосрочныя ссуды: 2-мъ студентамъ по 30 р., 2-мъ по 25 руб., 1-му 22 р. и 1-му 20 р., всего—6-ти студентамъ на сумму 152 р. 6. Определено выдать пособія по уставу: 4-мъ студентамъ по 25 р., 2-мъ по 20 р., 6-ти по 15 р. и 1-му 10 р., всего—13-ти студентамъ на сумму 240 р. 7. Заявлено было нѣкоторыми членами Комитета о желаніи 13-ти лицъ поступить въ члены Общества. Постановлено внести ихъ въ списокъ кандидатовъ и подвергнуть баллотировкѣ въ первое же общее собраніе Общества.

Засѣданіе комитета 22-го февраля 1874 г.

1. Получено отъ Общества вспомошествованія студентамъ казанскаго университета уставъ и отчетъ за 1872—1873 годъ. Постановлено: письменно выразить благодарность означенному Обществу и препроводить ему уставъ и отчетъ о первоначальныхъ дѣйствіяхъ Общества вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго университета. 2. Предсѣдателемъ А. Ст. Вороновымъ было заявлено о необходимости публикаціи отчета Комитета, составленнаго къ 8-му февраля 1874 г., въ газетахъ: „Голосъ“, и „Петербургскія Вѣдомости“ и въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“. Постановлено: снести съ редакціями означенныхъ газетъ и журнала, съ просьбою напечатать отчетъ. 3. Предсѣдателемъ А. Ст. Вороновымъ было заявлено о необходимости публикаціи списка членовъ Общества, съ приглашеніемъ лицъ, еще не уплатившихъ своихъ членскихъ взносовъ, внести слѣдующія съ нихъ деньги. Постановлено: поручить секретарю Комитета составить къ слѣдующему засѣданію списокъ всѣхъ членовъ Общества, съ отмѣткою тѣхъ изъ нихъ, которые еще не уплатили своихъ членскихъ взносовъ. 4. Определено выдать краткосрочныя ссуды: 1-му студенту 48 р., 4-мъ по 30 р., 5-ти по 25 р., 1-му 20 р., 5-ти по 15 р., одному 12 р. 50 к., всего—17-ти студентамъ на сумму 400 р. 50 к. 5. Определено внести въ университетъ плату за слушаніе лекцій: за 8 студентовъ по 25 р. и за 2-хъ по 12 р. 50 к., всего—за 10 студентовъ на сумму 225 р. 6. Определено выдать пособія по уставу: одному студенту 50 р., 3-мъ по 30 р., 5-ти по 25 р., 8-ми по 20 р., 9-ти по 15 р. и 1-му 12 р. всего—27-ми студентамъ на сумму 572 р. 7. Заявлено было о возвратѣ двумя студентами краткосрочныхъ ссудъ на сумму 17 р.

Итакъ, общественная благотворительность и дѣятельность Комитета Общества за январь и февраль сего года представляютъ слѣдующіе результаты:

1) Въ кассу Общества вновь поступило: а) изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—1000 руб.; б) собрано по книжкѣ № 7—40 р.; в) чл. взносъ отъ г. Ив. Балашева—100 руб.; д) собрано по книжкѣ № 4—57 р.; е) отъ N—10 р.; ф) изъ Енисейска, собрано г. Пантелеевымъ—500 р.; г) чистаго сбора отъ вечера въ пользу студентовъ въ Клубѣ Приказчиковъ—1080 р. 68 к.; h) отъ студ. Аонасьева—24 р. 15 к.; i) возвращено 18-тью студентами ссудъ—277 рублей.— Итого, въ теченіи января и февраля въ кассу поступило 3088 р. 83 к.

2) Изъ кассы Общества выдано:

а) 86 студентовъ получили пособія . . .	1817 р. — к.
б) 57 „ „ ссудъ . . .	1417 „ 50 „
в) Университету заплачено за слушаніе лекцій за 24 студента.	612 „ 50 „

Итого, въ теченіи января и февраля израсходовано: 3847 р. — к.

6-ти студентамъ было отказано, какъ неудовлетворившимъ условіямъ Устава Общества. Одному студенту отсрочена уплата денегъ въ 15 руб. на 3 мѣсяца.

Примѣчаніе. Уставъ Общества былъ напечатанъ въ декабрьской книжѣ „Вѣстника Европы“ за 1873 годъ. По дѣламъ Общества можно обращаться по слѣдующему адресу: Предсѣдатель Общества вспомошествованія студентамъ Спб. Университета, Андрею Степановичу Воронову, въ Спб., Ивановская улица, д. Гуро.

ПОПРАВКИ.

Въ апрѣльской книжѣ просятъ исправить:

Стр.	Стр.	Напечатано:	Вмѣсто:
566	19 сн.	извиняюсь	изъясяюсь
586	5 св.	ясно	явно

М. Стасюлевичъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1874-мъ году.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, сохраняя прежнюю свою программу журнала исторіи, политики, литературы, въ 1874-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ:

1) БЕЗЪ ДОСТАВКИ.

15 р. 50 к. — въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

16 рублей — въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адресѣ, покорно просить подавать въ упомянутыя мѣста свой адресъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и номеръ дома и квартиры.

3) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

17 рублей — высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію „Вѣстника Европы“ — въ С.-Петербургѣ, Галерная, 20 —* для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА ГРАНИЦУ.

Заграничные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз. А. Θ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ Германію и Австрію — **19 руб.**; въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія княжества — **20 руб.**; въ Францію и Польшу — **24 руб.**; Англію, Швецію, Испанію.

Португалію, Турцію и Грецію—22 руб.; въ Швейцарію—
23 руб.; въ Италію и Японію—24 руб.; въ Америку—25 руб.

Примѣчаніе. Заграничные адреса доставляются письменно
и на окномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ Финляндіи слѣдуетъ
подписываться чрезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать
вообще всѣ заграничные подписчики.

*Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырванный изъ книги ре-
дакции: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи его ну-
мера, редакция отвечаетъ безусловно за свою Контору.*

„ГОДЪ“

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

за 1872—73 г.

Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“.

Томъ I—въ двухъ частяхъ. Спб. 1873. Стр. 568. Съ приложе-
ніемъ документовъ и трехъ каталоговъ книгъ русскихъ и ино-
странныхъ за 1873 годъ.

ЦѢНА:

Продается въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстника Европы“
при книжномъ магазинѣ А. О. Вазунова (Невск. пр., 30.) и въ Кон-
торѣ Типографіи М. М. Стасюлевича (Вас. Остр. 2 л., 7.)—3 рубля,
съ пересылкою 3 р. 50 к.

НВ. Подписчики „Вѣстника Европы“ прилагаютъ къ подписной
дѣнѣ на журналъ только 2 рубля и платятъ: 1) подписчики безъ
доставки — 17 р. 50 к.; 2) съ доставкою — 18 р.; 3) съ пере-
сылкою въ губерніи и за границу—19 рублей.

ВОПРОСЪ

О ТАКЪ-НАЗЫВАЕМОЙ

ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

I.

Написать разумную, талантливую книгу — весьма трудно, но *перепечатать* ее — чрезвычайно легко! Предположимъ, что отмененъ законъ, ограждающій права сочинителей; нѣсколькихъ дней достаточно, чтобы ее перепечатать. Не успѣтъ разойтись тысяча — другая экземпляровъ, не успѣтъ издатель переслать книгу изъ мѣста, гдѣ она отпечатана, въ концы государства, не успѣтъ произведение огласиться посредствомъ газетныхъ статей, какъ уже нагрянутъ смышленные спекулянты, и начнутъ угощать публику тѣмъ же товаромъ, но по болѣе сходной цѣнѣ, доведенной почти до стоимости типографскаго производства: бумаги, набора, да брошюровки. На первыхъ порахъ публика будетъ, какъ будто бы, въ барышѣ: книги ей обойдутся не въ примѣръ дешевле, въ особенности тѣ лакомыя произведенія, которыя въ маломъ объемѣ вмѣщаютъ бездну мысли, творчества, или блещутъ красотою формы, жемчужины науки или граненые алмазы поэзіи, иными словами, книги — показатели эпохи. Легко предвидѣть однако коренныя и весьма некрасивыя перемены, которыя бы внесъ подобный литературный коммунизмъ въ условія литературнаго производства. Производство, конечно, не прекратится, можетъ быть даже станетъ печататься больше тѣхъ 2,000 названій книгъ, которыя вы-

ходить теперь въ предѣлахъ Россіи ежегодно. Меньше всего измѣнятся газеты и журналы. По правдѣ сказать, газеты меньше всего нуждаются въ защитѣ отъ перепечатокъ, газета не боится конкуренціи, если она въ состояніи хотя бы 24 часами раньше другихъ печатать свѣжія новости и дѣльные статьи. Малая доля журнальных работъ, какъ нынѣ, такъ и потомъ, удостоивалась бы быть перепечатанною особыми изданіями.

Но литература перестала бы быть доходнымъ занятіемъ, могущимъ обезпечить тѣхъ, которые ей себя всецѣло посвящаютъ, несравненно менѣе доходнымъ, нежели всякія другія профессіи, требующія усиленнаго умственнаго труда. Свобода перепечатывать не отразилась бы, можетъ быть, нисколько на весьма специальныхъ трудахъ и изслѣдованіяхъ, доставляющихъ малую прибыль авторамъ и расходящихся медленно по ограниченности круга читателей: мало нашлось бы охотниковъ рисковать деньгами на перепечатку. Литературный талантъ, прежде чѣмъ созрѣетъ, требуетъ громадной подготовки, періодъ полной зрѣлости и сильнаго творчества большею частью коротокъ; чѣмъ сильнѣе талантъ, тѣмъ менѣе онъ, при отсутствіи авторскаго права, будетъ извлекать для себя личной пользы изъ своихъ трудовъ, приносящихъ иногда большую выгоду для общества. Чѣмъ сочиненіе богаче мыслями, чѣмъ оно совершеннѣе по формѣ, чѣмъ больше души авторъ вложилъ въ книгу, тѣмъ вѣроятнѣе, что это сочиненіе перепечатаютъ нарасхватъ, такъ что автору перепадетъ только кое-что на первыхъ порахъ, пока на рынкѣ будетъ произведеніе, оттиснутое начальнымъ изданіемъ безъ конкурентовъ. Еще печальнѣе участь новаторовъ, идущихъ противъ теченія вѣка, прокладывающихъ новые пути; ихъ сочиненія не расходятся сразу и требуютъ многихъ лѣтъ, чтобы проникнуть въ публику. Литература—званіе столь заманчивое, что продолжали бы появляться сильные таланты, великіе поэты, не разсчитывающіе на матеріальное вознагражденіе, созидающіе по внутреннему влеченію своей природы и работающіе только для славы, для потомства, но разумѣется, что ихъ станетъ меньше и что слагать пѣснопѣнія будутъ только тѣ, которымъ обезпеченъ хлѣбъ насущный и которые занимаются искусствомъ какъ *ars liberalis*—въ античномъ смыслѣ этого слова, которыхъ трудъ даровой, безмездный. Воздѣлывателями литературы были бы съ тѣхъ поръ либо чернорабочіе, литературные пролетаріи, думающіе только о томъ, какъ бы потратить, угодить вкусу публики, и получающіе свою работу отъ хозяевъ-издателей поденно или поштучно, либо чистые любители; пропалъ бы и ступевался между этими крайностями третій свя-

зующій ихъ членъ-литераторъ, перомъ добывшій, кромѣ славы, независимость, досугъ и достойное положеніе въ обществѣ. Исчезновеніе этой группы подѣйствовало бы тотчасъ на качество произведеній. Та часть литературнаго производства, которая посвящена популяризироваціи знанія, проведенію его въ массы, не будетъ выходить изъ рукъ чернорабочихъ. Отвѣчая насущной потребности общества, эти работы не могутъ не продолжаться, но сдѣлаются топорнѣе и грубѣе, безъ красоты и таланта. Я очень сомнѣваюсь, возможно ли появленіе такихъ даже элементарныхъ книжекъ, какъ выходящія ежегодно нѣсколькими изданіями «Дѣтскій міръ» и «Христоматія» Ушинскаго (14 изданій по 20 т., итого 280,000) или его же «Родное слово» (21 изданіе по 50 т., итого слишкомъ миллионъ). Съ другой стороны, образовалась бы особая высокая литература съ аристократическимъ оттѣнкомъ, литература знатная, барская, чрезмѣрно утонченная, даже въ обществѣ, котораго строй весьма демократическій. Какъ прокладывалъ бы себѣ дорогу человѣкъ съ задатками гениальности, но, подобно большинству аполооновыхъ избранниковъ, небогатый, голодный? Литература его не прокормитъ, слава не одѣнетъ, печальная необходимость заставить его запродать свое перо въ услугу партіямъ, втереться въ дружбу къ меценатамъ, искать казенныхъ синекуръ. «Не могу себѣ представить, — говоритъ Маколей, — системы, которая бы прямѣе вела къ тому, чтобы обратить умы, предназначенные отъ природы служить украшеніемъ человѣчества, въ скандалъ и заразу для общества. Писатели, дѣйствительно великіе, бѣгають отъ цѣпей, хотя бы золотыхъ, и берегутъ ревниво свободу, а съ нею право сказать, не стѣсняясь, то, что у нихъ лежитъ на душѣ. Меценатство, возведенное изъ рѣдкой и счастливой случайности въ условіе процвѣтанія литературы, вернуло бы русскую литературу въ до-пушкинскій періодъ: извѣстно, какою важною статью въ жизни и дѣятельности Пушкина былъ денежный вопросъ, высокая цѣна его произведеній на книжномъ рынкѣ. Литература только тогда имѣетъ прочное основаніе, когда можетъ обходиться безъ особеннаго покровительства, такъ что нѣтъ причины скорбѣть вмѣстѣ съ Шиллеромъ, что «*keines Medicäers Gute lächelte der deutschen Kunst*». Если нельзя признать меценатство явленіемъ нормальнымъ, то тѣмъ менѣе можно остановиться на социалистической утопіи народныхъ наградъ изъ государственнаго бюджета за дѣльные и полезные сочиненія. Легко понять, въ какомъ осадномъ положеніи нашлось бы то вѣдомство, собраніе или академія, которому бы довелось раздавать такіа награды, сколько бы было оскорбленныхъ самолюбій, торгашества, пере-

цѣнпванія каждымъ своего товара и несправедливыхъ оцѣнокъ, (извѣстно, какъ мало вообще удовлетворительны академическя присужденія премій). Остается затѣмъ только одно средство, самое естественное, правильное и разумное: предоставить автору брать свою мзду по мелочамъ отъ публики или авансомъ отъ издателей. Публика оцѣнитъ изданіе, она раскупитъ все то, что придется ей по ея нуждамъ и вкусу, сбытомъ произведенія осуществится и взносъ вознагражденія за трудъ автору; нужно только, чтобы это вознагражденіе дошло по назначенію, чтобы оно не было предвосхищено людьми, ни мало надъ сочиненіемъ не трудившимися. Эта цѣль и достигается авторскою монополіею, предоставленіемъ сочинителю исключительнаго права на размноженіе его книги посредствомъ печати и сродныхъ съ нею средствъ механическаго ея воспроизведенія. Авторское право не стоить казнѣ ни копѣйки, вознаграждаетъ и обезпечиваетъ талантъ самымъ достойнымъ образомъ, потому что деньги текутъ къ сочинителю за извѣстностью, какъ послѣдствіе этой извѣстности, то есть, признаннаго обществомъ достоинства его труда. Обществу оригинальныя книги будутъ обходиться нѣсколько дороже, и не всегда оно будетъ получать въ достаточномъ количествѣ тѣ книги, на которыя существуетъ большой запросъ, но эта невыгода возмѣщается съ избыткомъ тѣмъ, что поднимется и займетъ подобающее ему мѣсто одна изъ самоважнѣйшихъ функцій жизни общественной. Наконецъ, авторское право не мѣшаетъ нисколько и скорому обращенію идей. Всякое литературное произведеніе есть выраженіе словомъ извѣстныхъ идей; если отдѣлить мысленно идеи отъ формы выраженія, то нельзя не признать ихъ, по выраженію Прудона, безусловно авторитетнаго (не торговаго) характера; разъ потеряла новая идея обнародованіемъ свою дѣятельность, она тотчасъ же дѣлается достояніемъ общественнымъ, всякій можетъ ее заимствовать, развивать, осуществлять, лишь бы только онъ употребилъ на эту переработку новый, самостоятельный умственный трудъ. Не подлежитъ присвоенію и механическому воспроизведенію только форма, въ которую воплотились идеи писателя. Это, при полномъ коммунизмѣ идей, огражденіе авторскимъ правомъ одной только формы будетъ навсегда органическимъ препятствіемъ тому, чтобы творчество въ области печатнаго слова вознаграждалось по заслугамъ. Популяризаторъ чужихъ идей всегда будетъ получать больше изобрѣтателя, и тотъ, кто красиво пишетъ, больше того, кто думаетъ гениально. Въ этомъ отношеніи неопровержимы доводы Кэри (1 письмо о литер. собств.), что Бэконъ и Декартъ, что Лейбницъ и Вольтъ, и всѣ

колоссы знанія, всѣ герои науки, всѣ открыватели міровыхъ законовъ гораздо меньше извлекали матеріальныхъ выгодъ изъ своихъ открытій, нежели весьма второстепенные ихъ послѣдователи. Такова уже судьба геніевъ; всегда Америки Веспуччи умѣютъ устраивать свои дѣла гораздо лучше и практичнѣе, нежели Колумбы. Но такъ какъ геніи въ родѣ человѣческомъ составляютъ исключеніе, для исключеній законъ не писанъ,—законъ имѣетъ всегда въ виду средняго человѣка, законъ о вознагражденіи литературныхъ талантовъ—среднія дарованія; и такъ какъ средствами изъ литературнаго оборота могутъ быть вознаграждаемы не творчество вообще, но главнымъ образомъ литературныя заслуги, то при такихъ условіяхъ нельзя пріискать средства обезпеченія писательскаго труда лучше авторской монополіи на издательство сочиненій. Эта монополія до того справедлива, до того естественна, что она прежде явилась въ формѣ обычая и потомъ уже была освящена закономъ писаннымъ, такъ что контрафакція считалась уже въ сознаніи общественномъ дѣломъ постыднымъ и безправственнымъ, прежде чѣмъ она запрещена была и сдѣлалась дѣйствіемъ незаконнымъ. Юридическіе зачатки авторскаго права были весьма скромные: оно является въ видѣ личной привилегіи, жалуемой, по просьбѣ автора, государемъ, срочно или безсрочно, и не выходящей, конечно, за предѣлы государственной территоріи (*une grâce fondée en justice*, по выраженію французскаго *arrêt du Conseil du Roy*, 30 авг. 1777), точь-въ-точь теперешнія привилегіи на изобрѣтенія, которыя имѣютъ съ авторскимъ правомъ одинъ общій корень: *ne alieni colligant fructus laborum et vigiliarum suarum*, т.-е. автора, какъ сказано въ первой извѣстной авторской привилегіи, данной Венеціанскою республикою 1491 г. магистру Петру Равеннскому на книгу «Фениксъ». Во всѣхъ отношеніяхъ въ защитѣ умственнаго труда и творчества опередила материкъ Европы Великобританія. Парламентскій актъ 1623 г. (21 James, 3 sec. 6), исторгнутый у Якова I, отмѣняя множество феодальныхъ привилегій и монополій, предоставилъ королю давать срочныя привилегіи изобрѣтателямъ на исключительное пользованіе этими изобрѣтеніями, то-есть, постановилъ тотъ законъ, подъ охраною котораго Аркрайтъ и Уаттъ составили себѣ громадныя состоянія и умерли въ почетѣ, между тѣмъ какъ на материкѣ и донинѣ творчество въ промышленности ограждено весьма слабо, и права изобрѣтателей составляютъ часть законодательства самую неразвитую. Великобританія прежде всѣхъ другихъ государствъ отмѣнила 1694 г. предварительную цензуру, она же первая отвергла систему патентовъ и провозгласила за-

кономъ 1709 г. (8 Anne, с. 19), что авторъ, какъ авторъ безъ всякаго патента, защищенъ срочно отъ внутренней контрафакціи въ предѣлахъ Англіи for the encouragement of learned man to compose and write useful books. Это же начало вписано въ конституцію сѣверо-американскихъ штатовъ 17-го сентября 1787 г. (art 1, с. 8, § 8) и со временъ великой французской революціи внесено въ гражданскіе кодексы всѣхъ европейскихъ законодательствъ (французскій законъ 7-го января 1791 г., прусскій Landrecht 1794 г., § 996 и мн. др.) и, перешедъ за государственнѣйшій порогъ, вступило посредствомъ трактатовъ въ область международныхъ интересовъ и отношеній. Если взять одинъ только XIX вѣкъ, то по фактамъ этихъ истекающихъ трехъ четвертей столѣтія можно бы судить, что вопросъ о правахъ авторскихъ развивается быстро въ смыслѣ все большаго и большаго расширенія этихъ правъ въ колоссальныхъ размѣрахъ во времени и пространствѣ. Сопоставимъ только слѣдующія данныя. Великобританія, положившая закономъ 1709 срокъ авторскому copyright 14 лѣтъ, удвоила этотъ срокъ въ 1801 (41 G. III 107) и утроила его въ 1842 (5 и 6 Vict. с. 45), доведя его до 42 лѣтъ отъ обнародованія перваго изданія или до 7-ми послѣ смерти автора. По постановленію сейма германскаго союза, 9-го ноября 1837 г., положено 10 лѣтъ, по постановленію того же сейма, 19-го іюня 1845 г., 30 лѣтъ со дня смерти автора; во Франціи по закону 10-го іюня 1793 г. авторское право длится 10 лѣтъ, по закону 5-го февраля 1810 г. 20 лѣтъ, по закону 18 апрѣля 1854 г.—30 лѣтъ, и по закону 14 и 19-го іюля 1866 г.—50 лѣтъ со дня смерти автора. Поднять вопросъ о превращеніи авторскаго права изъ срочнаго въ безсрочное, и видимое движеніе въ этомъ направленіи замѣтно въ итальянскомъ законѣ 25 іюня 1865 г., по которому до 40 лѣтъ по смерти автора наслѣдники имѣютъ монополію изданія, а въ послѣдующіе затѣмъ 40 лѣтъ, хотя издавать можетъ, кто хочетъ, но они получаютъ 5% съ чистой прибыли со всякаго изданія, дѣлаемаго постороннимъ лицомъ. Нѣтъ счета трактатамъ, которыми государства предоставляютъ у себя подданнымъ контрагента такую же защиту его авторскихъ правъ, какою пользуются его собственные подданные.

Фактовъ этихъ достаточно; если движеніе будетъ продолжаться въ томъ же направленіи и съ тою же силою, то въ XX столѣтіи оно дойдетъ наконецъ до своихъ геркулесовыхъ столбовъ, то-есть до признанія, что авторское право вѣчно по времени и всемірно по пространству; что отъ моей, напримѣръ, книги, если она не обветшаетъ до того, что никто ее и читать не станетъ, будутъ въ теченіе многихъ

вѣковъ наживаться, если возмогутъ только, мои потомки, и что моя книга не можетъ быть перепечатана даже на Сандвичевыхъ островахъ, хотя я не буду имѣть физической возможности снабжать всѣ рынки и пользоваться сбытомъ книги на другомъ полушаріи. Но и противниковъ авторскаго права бездна; они надѣются, что авторское право, описавъ параболу, перешло за вульминаціонный пунктъ движенія и склоняется книзу; что законодательства, раздвигая его чрезмѣрно, такъ сказать, пересолили дѣло, и что желательно, чтобы указаны были этому праву надлежащія границы. Разрѣшеніе вопроса о томъ, кто правъ, въ этомъ случаѣ зависитъ отъ правильнаго переложенія экономическаго факта, котораго нехитрую подкладку постигаетъ каждый, на юридическій языкъ, отъ дачи приличнаго юридическаго отвѣта на сознannую обществомъ потребность обезпечить трудъ сочинителей. Если за авторами признано право, исключающее всѣхъ, кромѣ автора—пользоваться извѣстнымъ образомъ выгодами отъ его произведенія, то это право какого рода, вида и порядка? Отъ мѣста въ системѣ права и отъ классификаціи зависитъ и то, будетъ ли оно длиннѣе или короче, будетъ ли оно только слегка или сильнѣе вліять на ходъ торговли произведеніями печати, а слѣдовательно, и на просвѣщеніе народа посредствомъ печати. Всѣ теоріи авторскаго права основаны на различіяхъ въ его классификаціи. Теорій этихъ много; укажу главнѣйшія.

II.

Частныя права отдѣльныхъ лицъ бываютъ *личныя* или *имущественныя*. Если вникать въ суть отношенія автора къ книгѣ, еще не проданной, но изданной, то это отношеніе имѣетъ въ высшей степени личный характеръ, исключающій безусловно всякую мысль объ изданіи въ свѣтъ сочиненія помимо воли автора, совершенно независимо отъ денежной выгоды, которая могла бы быть извлечена, отношеніе совершенно отличное отъ власти надъ вещами, которыя принадлежать мнѣ въ собственность. Хотя бы рукопись была подарена, хотя бы она имѣла форму писемъ къ знакомымъ, естественно, чтобы, пока авторъ живъ, никто не смѣлъ безъ его согласія пустить въ ходъ все вообще, что имъ написано, за исключеніемъ дѣловой его переписки, въ публику. Того требуетъ честь автора, его репутація, которая бы несомнѣнно страдала, еслибы печатались чьи-либо неотдѣланные наброски, мнѣнія и взгляды прошлыхъ лѣтъ, отъ которыхъ авторъ можетъ быть

уже отрёшился, литературные грѣшки и шалости, все то, что сорвалось съ языка или съ пера, но съ тѣмъ непріятно показаться передъ публикою. Если бы авторское право имѣло только этотъ корень, то оно не переживало бы самого автора, потому что всѣ права чисто личныя погасаютъ съ исчезновеніемъ самого лица. Я упрекаю всѣ современные законодательства въ томъ, что они недостаточно отбѣняютъ, недостаточно различаютъ то, что составляло *литературный трудъ* автора и то, что не составляло никакого литературнаго труда, можетъ имѣть интересъ и значеніе, какъ черта изъ жизни автора, какъ матеріалъ для его біографіи. По моему мнѣнію, второго рода данныя должны бы съ минуты смерти автора дѣлаться достояніемъ общественнымъ, совершенно годнымъ, съ юридической стороны, къ напечатанію безъ чьего бы ни было соизволенія. Запрещеніе издавать эти матеріалы, имѣющіе значеніе не сами по себѣ, но потому, что съ ними связано воспоминаніе объ историческомъ лицѣ, стѣсняетъ права исторіи, мѣшаетъ ея работамъ, а потому вредитъ вообще, не принося никому существенной пользы. Можно себѣ представить, какими терніями усыпанъ былъ бы путь издателей всякаго историческаго старья, всякаго періодическаго «Архива», «Старины» — отъ оставленія богатой почвы подъ паромъ на какіе-нибудь полѣвка, отъ образованія искусственныхъ залежей, которыя по большей части такъ и пропадутъ, потому что слава, извѣстность немногихъ изъ насъ переживетъ два-три поколѣнія, но въ эти два-три поколѣнія окончательно исчезнутъ всѣ живыя преданія, которыми дополнились бы письменныя данныя. Но въ общей массѣ произведеній литературнаго творчества ничтожную долю составляютъ сочиненія живыхъ авторовъ, которыхъ эти послѣдніе издать не желаютъ, и даже сочиненія, подготовленныя къ изданію, но не изданныя за смертью авторовъ. Громадное большинство — это труды уже опубликованные и сдѣлавшіеся по содержанію своему общезвѣстными. Исключительное право автора перепечатывать ихъ есть право чисто *имущественное*, но какое? Есть два предмета, къ которымъ по римскимъ, еще унаслѣдованнымъ нашею цивилистическою юриспруденціею, понятіямъ сводится вся необозримая сложность имущественныхъ гражданскихъ отношеній: *вещи* и *обязательства*. Право авторское есть право исключительное, устраняющее всѣхъ, кто бы то ни былъ, отъ пользованія книгою извѣстнымъ образомъ; права на вещи запечатлѣны вообще тѣмъ же характеромъ безусловнаго и исключительнаго господства. Точка прикосновенія была отыскана, и чрезъ эту точку авторское право совершило свой въѣздъ въ область правъ вещныхъ, украсило себя блестя-

тельнымъ и много обѣщающимъ титуломъ «*права литературной собственности*». Передъ послѣдователями этой теоріи носилось представленіе о томъ, что независимо отъ рукописи уступленной издателю, и независимо отъ печатныхъ экземпляровъ, распродаваемыхъ въ полную собственность публикѣ, есть какой-то невещественный предметъ — сочиненіе, воображаемое мысленно, какъ фондъ неисчерпаемаго издательскаго дохода, статья столь же прибыльная, какъ мыза или садъ, какъ капиталъ, помѣщенный въ процентныхъ бумагахъ, идеальный предметъ, котораго никто, кромѣ автора, не смѣетъ издательски эксплуатировать. Успѣхъ этого смѣлаго отождествленія авторскаго права съ собственностью и съ самымъ крѣпкимъ видомъ собственности — поземельною, былъ весьма великъ, въ особенности у французскихъ литераторовъ и публицистовъ. Успѣхъ этой, крайне заманчивой съ буржуазной точки зрѣнія, теоріи литературной собственности зависѣлъ отъ того, что она не только выдѣляла писателя изъ необозримой сплошной массы людей, живущихъ своимъ трудомъ, въ которой литераторъ съ артистомъ занимали первыя мѣста, и переводила ихъ, правда, низшими чинами, въ Eldorado денежной знати, сопоставляла ихъ съ капиталистами и помѣщиками, но вмѣстѣ съ тѣмъ она устраняла всякую возможность попрекать ихъ тѣмъ, что они монополисты.

На знамени XVIII вѣка была крупными буквами написана свобода труда, признано безусловное осужденіе всякихъ цеховъ, всякихъ откуповъ, всякихъ торговыхъ или промысловыхъ привилегій, безпредѣльная конкуренція возведена въ главный законъ, въ единственный почти регуляторъ жизни экономической, и только для противодѣйствія искусственному возвышенію цѣнъ на необходимые предметы ставнущимися продавцами допущено правительству вступаться въ дѣло полицейски, посредствомъ такъ, какъ средства пониженія цѣнъ для пользы общественной. Страннымъ образомъ, среди этого всеобщаго крушенія оковъ, связывавшихъ свободу мѣны и труда, выдвигалось и крѣпло авторское право; изъ своего кокона — личной привилегіи, оно вылетѣло бабочкой — общимъ безличнымъ закономъ. Сущность права заключается все-таки въ томъ, что въ теченіи извѣстнаго періода авторъ искусственнымъ образомъ господствуетъ на рынкѣ и продаетъ свой товаръ не по вольной, а по любой цѣнѣ, не боясь таксы и преслѣдуя уголовно конкурентовъ. Рыночная монополія ненавистна, отсюда вытекаетъ попытка представить писателя въ видѣ піонера, который, разчистивъ чашу народныхъ науки и искусства, выстроилъ домъ, образовалъ помѣстье и вкушаетъ отъ плодовъ воз-

дѣланной имъ земли, не опасаясь быть прогнаннымъ. «Я предпочелъ бы получить подаваніе, нежели привилегію», сказалъ Жюль Симонъ на конгрессѣ литературной собственности, брюссельскомъ, 1858 г.; «я могу воспользоваться подаваніемъ, но привилегіею не могу никогда». Какъ только употреблено было не впопадъ неподходящее слово: *propriété littéraire*, то тотчасъ же потомъ, по логической консеквенціи, оно потащило за собою и безчисленные болѣе и болѣе рогааты послѣдствія. Явился знаменитый афоризмъ Альфонса Карра: *que la propriété littéraire soit enfin une propriété*. Къ довершенію полноты правъ владѣльческихъ недоставало немногаго: превратить владѣніе временное, хотя и долгосрочное, въ вѣчное и потомственное. За эту работу взялась коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Валевскаго, учрежденная декретомъ Наполеона III, 23 декабря 1861 г. Эта коммиссія и заготовила законопроектъ въ томъ духѣ, чтобы права сочинителей и артистовъ «имѣли предѣломъ одну только долговѣчность самихъ ихъ произведеній», иными словами, чтобы онѣ были вѣковѣчныя, съ тѣмъ, чтобы первыя 50 лѣтъ отъ смерти автора никто не могъ печатать сочиненій, кромѣ наслѣдниковъ автора, а послѣ 50 лѣтъ, чтобы всякій издатель, предпринимая любое изданіе, очищалъ его взносомъ 5⁰/₁₀₀ съ продажной цѣны каждаго экземпляра въ пользу тѣхъ же наслѣдниковъ автора, иными словами, чтобы публика на вѣчныя времена обложена была косвеннымъ налогомъ въ 5⁰/₁₀₀ въ пользу потомковъ или приобрѣтателей правъ авторовъ. Шумная агитація сочинителей въ пользу этого проекта во имя цивилизаціи, во имя эмансипаціи мысли человѣческой, кончилась пустяками, продленіемъ правъ авторскихъ съ 30 на 50 лѣтъ по закону. 14го іюля 1866 г., но безъ всякой вѣковѣчности. Здравый смыслъ восторжествовалъ, и проектъ и коммиссія давно забыты, вопросъ, повидимому, уложенъ и скороненъ; надгробнымъ памятникомъ ему служить одна изъ послѣднихъ брошюръ Прудона (*Des majorats littéraires*, 1862), въ которой онъ предостерегалъ, что съ новымъ закономъ заведется въ области мысли сначала порядокъ феодальный; общій фондъ знаній, идей, представленій будетъ предоставленъ въ частную собственность, закрѣпощенъ; того, что написали предшественники, не смѣй воспроизводить, не смѣй повторять и даже подражать, или входи въ соглашенія и плати на каждомъ шагѣ мыть въ пользу даже не самихъ авторовъ, а непричастнаго ихъ заслугамъ потомства или скупающихъ право авторской собственности издателей-спекулянтовъ. Мысль, вслѣдствіе ея инфеодаціи, перестанетъ дѣйствовать, творчество исчезнетъ, и окажется, что незамѣтно очутились мы въ Египтъ, въ

странѣ непробуднаго застоя, воспроизводящей въ теченіи тысячеклѣтій въ одной и той же формѣ неизмѣнный рядъ однихъ и тѣхъ же идей, типовъ, мотивовъ. Но если немислимо выдавать авторское право за видъ правъ вещныхъ, то еще невозможнѣе считать его правомъ, основаннымъ на какомъ-то небываломъ *обязательствѣ*. Издатель книги не заключаетъ при продажѣ никакого договора о перепечатываніи съ покупщиками, а тѣмъ болѣе съ тѣми, до кого дойдетъ книга въ дальнѣйшемъ своемъ обращеніи. Не можетъ быть также и подразумѣваемый договоръ, будто бы безмолвно состоявшійся между авторомъ и публикою, — блѣдное воспоминаніе особенно возлюбленныхъ XVIII вѣкомъ договоровъ общественныхъ, съ которыми покончило, или старается покончить наше время, потому что они — фикція, а всякая юридическая фикція есть грубая заплата, прикрывающая прорѣху въ юридической системѣ, явное доказательство несостоятельности объяснить происхожденіе учрежденія. Итакъ, право авторское въ теперешней системѣ гражданскаго права есть статья самая неудобная, неудобная въ рамки дѣленій, статья особая, которую неизвѣстно куда приурочить. Оно — право имущественное, но съ личнымъ отбѣнкомъ; оно не вытекаетъ изъ обязательства, но и не вещное. Ученый комментаторъ Баварскаго закона 28 іюня 1865 г. Мандри (Das Urheberrecht an litterarischen Erzeugnissen und Werken der Kunst, 1867) называетъ его абсолютнымъ, какъ права вещныя, но лишеннымъ вещественной подкладки. Называть его правомъ литературной собственности нельзя, не злоупотребляя словомъ «собственность». Оно несомнѣнно монополія, лежащая податью, по словамъ Маколея, на одномъ изъ невиннѣйшихъ и чистѣйшихъ наслажденій человѣка. Бывшій тюбингенскій профессоръ, а потомъ австрійскій министръ Шефле сочинилъ по поводу авторскаго права цѣлую теорію экономическихъ естественныхъ и искусственныхъ монополій или господствъ надъ рынкомъ сбыта (Nationalökonomische Theorie der ausschliessenden Absatz Verhältnisse. Tübingen, 1867), начиная съ поземельной ренты, адвокатской и нотаріальной кліенты, промысловыхъ привилегій и концессій, полицейски умѣряемыхъ и сдерживаемыхъ таксами и тарифами, и кончая авторскимъ правомъ, патентами на изобрѣтенія, фабричными и торговыми фирмами и исключительнымъ правомъ этихъ фирмъ на штемпели и марки. Число этихъ экономическихъ цѣнностей, отчуждаемыхъ и неотчуждаемыхъ, растетъ, увеличивается и напращивается, чтобы ему отвели особое мѣсто въ гражданскомъ правѣ, обокъ правъ вещныхъ и правъ по обязательствамъ. Англичане никогда на свое copyright не смотрѣли иначе, какъ на

монополию; нѣмецкіе цивилисты почти безъ исключенія разсматриваютъ авторское право (Urheberrecht), какъ особое гражданское право, которое слѣдуетъ опредѣлять и развивать не на подобіе собственности, но въ предѣлахъ цѣли, ради которой оно установлено, то-есть въ виду невозможности инымъ способомъ дать соотвѣтствующую премію знанію, писательскому труду, таланту. Этимъ трезвымъ взглядомъ на авторское право проникнуть новый законъ сѣверогерманскаго союза, а теперь имперскій, 11 іюня 1870 г., о правахъ авторовъ. Если мы изучимъ содержаніе этого закона въ коренныхъ его положеніяхъ и главные идеи книги Шефле, то мы познакоимся съ самымъ прогрессивнымъ, по нашему времени, законодательствомъ и съ самымъ радикальнымъ нынѣшнимъ сочиненіемъ по этому вопросу. Постараюсь представить въ сжатомъ видѣ результаты этой двойной работы.

III.

Германія выработала, такъ сказать, въ складчину свой новый законъ. Починъ ему былъ данъ обращеніемъ издателей къ саксонскому правительству, которое въ свою очередь обратилось къ биржѣ нѣмецкихъ книгопродавцевъ въ Лейпцигѣ съ предложеніемъ изложить, чего они хотятъ. Созванъ былъ съѣздъ, избранъ комитетъ изъ экспертовъ, который выработалъ (1855) основныя начала новаго законодательства, а разработка поручена тремъ берлинскимъ юристамъ, Гейдеману, Гиншіусу и фонъ-Ренне. Ихъ проектъ въ 1857 г. былъ внесенъ саксонскимъ правительствомъ на франкфуртскій сеймъ, въ который внесла и Австрія свой контръ-проектъ, выработанный комиссіею подъ предсѣдательствомъ фонъ-Гіе. Изъ согласованія обоихъ проектовъ вышелъ новый франкфуртскій (референтъ Кругъ), который на сеймѣ союза не прошелъ, но усвоенъ былъ Баваріею и легъ въ основаніе баварскаго закона 28-го іюня 1865 г. Этотъ баварскій законъ и комментарий къ нему профессора Мандри послужили матеріаломъ для закона сѣверо-германскаго союза 11-го іюня 1870 г., распространеннаго на всю германскую имперію 22-го апрѣля 1871 года.

Законъ отличается отсутствіемъ всякихъ опредѣленій авторскаго права по его существу. Автору принадлежитъ исключительное право воспроизводить свое сочиненіе (Schriftwerk) механически (§ 1); изъ послѣдующихъ статей закона оказывается, что автору принадлежитъ еще исключительное право разрѣшать пе-

реводы своихъ сочиненій (§ 6) и публичныя представленія или исполненія своихъ драматическихъ и музыкальныхъ произведеній (§ 50). Защитою закона пользуется не только писанное слово, онъ охраняетъ еще и устныя публичныя чтенія (Vorträge), но только такія, которыхъ задача поучать, наставлять, развлекать (b. § 5). Всякія другія чтенія, всѣ законы и официальные акты (c. § 7), всѣ рѣчи и пренія на судѣ, во всякаго рода представительныхъ, политическихъ и общинныхъ, церковныхъ и иныхъ общественныхъ собраніяхъ (d. § 7) безусловно свободны отъ всякаго запрещенія перепечатывать. Разрѣшено также, безъ точнаго опредѣленія закономъ размѣровъ заимствованія, помѣщеніе выдержекъ и отрывковъ изъ опубликованныхъ чужихъ трудовъ въ самостоятельныхъ ученыхъ сочиненіяхъ, въ учебникахъ и хрестоматіяхъ, подъ условіемъ только указанія имени автора или источника (a. § 7). Наконецъ, дана весьма широкая свобода перепечатыванію статей газетныхъ (въ томъ числѣ и телеграммъ), даже безъ всякаго означенія источниковъ и безъ обращенія вниманія на то, производятся ли эти заимствованія постоянно и въ видѣ ремесла, или только иногда и случайно. Изъ газетъ заимствовать нельзя только новеллъ, ученыхъ трудовъ и болѣе обширныхъ сообщеній, отмѣченныхъ въ самомъ ихъ началѣ недозволеніемъ ихъ перепечатывать (b. § 7). Важныя соображенія клонились къ тому, чтобы провозгласить свободу переводовъ; переводъ не есть механическое воспроизведеніе оригинала, но самостоятельная литературная работа. Притомъ свобода переводовъ болѣе популярна въ Германіи, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, кромѣ Россіи. Одержало верхъ прежнее, укоренившееся начало, подводящее переводъ подъ контрафакцію, но потребовано, чтобы авторъ на заглавномъ листѣ именно обозначилъ, что онъ оставляетъ за собою право разрѣшить переводъ, и чтобы этотъ переводъ былъ начатъ изданіемъ не позже года и конченъ не позже 3-хъ лѣтъ отъ изданія оригинала (§ 6). Изданный въ срокъ съ разрѣшенія автора, переводъ охраняется отъ конкуренціи другихъ переводчиковъ въ теченіи 5-ти лѣтъ (§ 15). Для драматическихъ произведеній, обязательный для изданія перевода срокъ еще короче: онъ полугодовой. Желаящій сохранить за собою право разрѣшать публичныя представленія своихъ произведеній, долженъ обозначить свой запретъ на заглавномъ листѣ (§ 8). Авторское право есть право вполне отчуждаемое до такой степени, что контрафакторомъ дѣлается самъ авторъ, перепечатавающій свою книгу, вопреки контракту съ пріобрѣтшимъ ее издателемъ (c. § 5), или издатель, если онъ напечатаетъ лишнее

противъ контракта, число экземпляровъ (d. § 5). Оно есть право наследственное и срочное, ограниченное истечениемъ 30-ти лѣтъ, считая отъ года смерти автора (§ 8), даже для сочиненій его, изданныхъ посмертно (§ 12), или считая отъ года изданія безымянныхъ или изданныхъ подъ вымышленными именами сочиненій (§ 11). Право авторское никогда не дѣлается выморочнымъ (§ 17); хотя оно имущественное, но въ немъ есть одна глубокая черта права личнаго: пока рукопись не издана, никто, даже и тотъ, кому рукопись досталась законнымъ способомъ, напр. уступкою, продажей съ аукціона, не смѣетъ безъ разрѣшенія автора ее печатать (a. § 5). Составители проекта хотѣли совсѣмъ освободить авторское право отъ всякихъ гражданскихъ взысканій, но это не прошло на сеймѣ; такимъ образомъ, законъ оставляетъ открытыми сложные вопросы о томъ, насколько на авторское право по изданнымъ уже сочиненіямъ можетъ быть обращено судебное взысканіе, насколько изданіе сочиненія зависить только до смерти автора отъ его воли, или по смерти его отъ преемниковъ его права. Комментаторы склоняются въ пользу полновластия наследниковъ, разрѣшать или не разрѣшать въ печати всякія писанія, даже корреспонденцію, потому что и письма подходятъ подъ понятіе *Schriftwerk* (§ 1), замѣнившее слово *litterarische Erzeugnisse* баварскаго закона 1865 года.

Перейдемъ къ части закона уголовной. Если заимствованіе разрѣшенное, но подъ условіемъ обозначенія имени автора или источника, учинено безъ соблюденія этого условія, виновный подвергается штрафу до 20-ти талеровъ, незамѣняемому при его несостоятельности лишеніемъ свободы и безъ обязанности къ вознагражденію убытковъ (§ 24). Строже наказаніе за *Nachdruck*, противозаконное перепечатаніе или контрафакцію. Она преслѣдуется только въ порядкѣ частнаго обвиненія, причѣмъ преслѣдованіе можетъ быть прекращено до воспослѣдованія приговора (§ 27). Уголовно наказуема она только съ момента совершенія; совершеніемъ же считается, когда изготовленъ хотя бы одинъ цѣльный экземпляръ противозаконнаго изданія (§ 22). Простое похищеніе на контрафакцію влечетъ за собою только заарестованіе (*Einziehung*) книги и уничтоженіе всѣхъ приспособленій къ изданію, рисунковъ на камнѣ, набора.

Если контрафакторъ дѣйствовалъ добросовѣстно и совершилъ контрафакцію вслѣдствіе извинительнаго заблужденія на счетъ права печатать, тогда онъ не наказуемъ и обязанъ только уплатить по принадлежности, автору или преемнику его правъ, свою прибыль отъ изданія. Если контрафакція совершена намѣренно

(то-есть съ знаніемъ о ея противозаконности), или неосторожно (объ эти степени вины въ контрафакціи по послѣдствіямъ одинаковы), то виновный сверхъ пени въ казну до 1000 талеровъ, замѣняемой при его несостоятельности тюрьмою до 6-ти мѣсяцевъ, подвергается еще денежному взысканію въ пользу пострадавшаго лица. Отъ пострадавшаго зависитъ или требовать денежнаго наказанія (Geldbusse) въ свою пользу (до 2000 талеровъ), или вознагражденія за убытки (§ 18). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, сообщники въ контрафакціи отвѣчаютъ солидарно (§§ 18, 20, 25). При опредѣленіи прибыли и убытковъ, судъ не обязанъ стѣсняться правилами о силѣ доказательствъ (§ 29), и оцѣниваетъ ихъ по свободному убѣжденію совѣсти (§ 19). Во всѣхъ техническихъ вопросахъ судъ обращается за заключеніями къ экспертамъ (§ 30). За публичное представленіе или исполненіе музыкальныхъ или драматическихъ произведеній, вознагражденіе полагается въ размѣрѣ валового дохода съ представленія безъ вычета издержекъ, а если этого опредѣлить нельзя, то по совѣсти (§ 55), судъ о контрафакціи производится въ уголовномъ порядкѣ, но дѣло о заарестованіи приспособленій къ изданію можетъ быть производимо и въ гражданскомъ порядкѣ (§ 26). Разобранный мною законъ 1870 г. возникъ по инициативѣ консервативнѣйшихъ людей, увѣрившихъ посредствомъ него свое право, отстаивавшихъ свой собственный интересъ: книгопродавцевъ, издателей, цивилистовъ. Ни одна существенная черта института въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онъ до того времени выработался, не пожертвована, зато сдѣлано множество благоразумныхъ уступокъ и сокращеній въ несущественномъ, въ мелочахъ. Коренныя формы института перешли цѣликомъ, безъ повѣрки основаній этого института, въ законъ, какъ и бываетъ болѣею частью въ законодательныхъ работахъ. Авторское право охранено, но не съ избыткомъ ли? Сдѣланы ли при кодификаціи всѣ тѣ уступки, которыхъ требуетъ другой, не менѣе важный интересъ—свободы и быстрого обращенія мысли, пользы общественной? Есть поводъ думать, что институтъ разросся не въ мѣру, и что не мѣшало бы, не искореняя его, отсѣчь нѣкоторые дикія вѣтки, произвести значительныя сокращенія. По мнѣнію Шефле, авторское право должно быть сокращено во времени уменьшеніемъ срока, въ *пространствѣ* значительнымъ уменьшеніемъ заботъ объ его сохраненіи, посредствомъ международныхъ трактатовъ, и по *существу*—провозглашеніемъ полной свободы переводовъ. Авторъ—какъ рабочій, долженъ получить свою плату. По свойству продукта нѣтъ возможности получить эту плату за

разъ, а потому закономъ создана для автора возможность выпустить слѣдующее ему вознагражденіе въ теченіи извѣстнаго времени, при постепенной промысловой эксплуатаціи произведенія. Цѣль эта могла бы быть достигнута предоставленіемъ автору извѣстной доли въ барышахъ, или *тантіеми* во всякомъ новомъ изданіи, дѣлаемомъ другими лицами, опубликованнаго имъ и слѣдовавшагося такимъ образомъ достояніемъ общественнымъ произведенія, еслибы не препятствія, почти непреодолимые при установленіи высоты такой тантіеми и затрудненія для автора, при контролированіи изданій и при взиманіи своей съ нихъ ренты. Система «тантіеми» возможна только какъ изыятіе при публичныхъ представленіяхъ драматическихъ произведеній; въ остальныхъ случаяхъ, рациональнѣе предоставить авторамъ разрѣшать, кому хотять, печатать ихъ произведенія. Авторское право—снарядъ искусственный для обезпеченія за авторами ренты, оно однообразно для всѣхъ родовъ литературнаго производства, между тѣмъ какъ виды этого производства безконечно различны; изъ нихъ нѣкоторые совсѣмъ не допускаютъ монополіи (публичные рѣчи и пренія), нѣкоторые въ немъ не нуждаются, напримѣръ газетныя статьи (газета, помѣщающая прежде другихъ свѣжія извѣстія, не боится конкуренціи отъ перепечатыванія этихъ извѣстій; самое болѣе, чего можно требовать, это обязательство указанія источниковъ); наконецъ, нѣкоторые произведенія могли бы совсѣмъ обойтись безъ защиты потому, что по роду и содержанію своему, по своей специальности, они никогда приманкою прибыли не вызовутъ перепечатанія. Число неохраняемыхъ произведеній можетъ возрасти, можетъ быть введена постепенность въ мѣрѣ, срокахъ и способахъ охраненія, смотря по родамъ произведеній, но и для тѣхъ, которыя требуютъ высшей мѣры охраненія, срокъ 50-ти или даже 30-лѣтній, непомѣрно великъ. Самыя капиталныя изданія соотвѣтствуютъ возрасту автора отъ 35—45 лѣтъ; если взять среднюю долговѣчность авторовъ 55 лѣтъ, то окажется, что произведеніе изъято (напримѣръ у насъ) изъ пользованія издательскаго лѣтъ на 60, 70 или болѣе. Громадное большинство книгъ ветшаютъ и дѣлаются для употребленія негодными гораздо скорѣе; часто лѣтъ въ пять или десять книги, бывшія полезными, перестаютъ совсѣмъ быть доходными статьями, изъ всей громады печатаемаго переживутъ полвѣка, и перейдутъ въ потомство только тѣ немногія и рѣдкія, которыя составляютъ самый цвѣтъ литературы, ея красу, и болѣе всѣхъ пригодны къ распространенію въ массахъ. Авторское право—*долгосрочное* только и существуетъ ради этихъ 4-хъ или 5-ти процентовъ всего печатаемаго, отмѣ-

ченныхъ талантомъ, но по отношенію къ нимъ авторское право играетъ роль тормазы, препятствующаго этимъ лучшимъ книгамъ проникать въ массы. Авторское право не помѣшало умереть въ нуждѣ непризнаннымъ великимъ писателямъ, не избавило отъ нищеты ихъ семейства; оно представляетъ собою статью, общающую доходъ только при денежныхъ средствахъ и искусной эксплуатаціи; вотъ почему, какъ Исаѣ свое первородство продалъ за вареніе сочевное, такъ и семейства умершихъ авторовъ отчуждаютъ свое право за бездѣлицу, продаютъ за гроши то, за чѣмъ потомъ издатель выручаетъ рубли (сочиненія величайшаго изъ русскихъ поэтовъ проданы за 30 тыс. рублей). И для автора, и для его семьи весьма мало денежнаго интереса представляетъ конецъ срока, послѣдніе два-три десятка лѣтъ, періодъ сбыта слабѣющаго, зависящаго отъ тысячи непредвидимыхъ случайностей. Отходящему сочинителю на сердцѣ лежитъ судьба ближайшихъ въ нему лицъ въ ближайшемъ будущемъ, а не второе и не третье поколѣніе его нисходящихъ или боковыхъ наслѣдниковъ. Если онъ сознавалъ, что онъ рабочій, если онъ не задавался несбыточною мыслію обезпечить потомству на вѣчныя времена непрекращающуюся ренту, литературный маіоратъ, по выраженію Прудона, то для него достаточно увѣренности, что его потомству станеть на прожитіе и на воспитаніе, послѣ чего оно и само будетъ на себя зарабатывать. Судьба литературнаго рабочаго стала несравненно лучше прежняго, нѣтъ уже надобности въ меценатахъ, и есть примѣры счастливецъ, которые перомъ составили при жизни большія состоянія; будущее сулитъ еще болѣе отраднаго въ этомъ отношеніи, еще болѣе случаевъ аристократически-высокихъ гонораровъ, при демократически-низкой, дешевой цѣнѣ сбываемыхъ въ громаднхъ массахъ сочиненій. При теперешнихъ условіяхъ нынѣ же можно бы, по мнѣнію Шефле, принять систему англійскую сроковъ авторскаго права, считаемихъ либо отъ изданія книги, либо по смерти автора, смотря потому, чѣмъ послѣдуетъ позднеѣ, но съ сокращеніемъ этихъ сроковъ, вмѣсто 42-хъ лѣтъ (какъ въ Великобританіи) до 20-ти или 25-ти. Пока авторъ живъ, хотя бы жизнь его продолжалась за предѣлы срока, нельзя лишать его вліянія на улучшеніе и дополненіе его сочиненій, но разъ пресѣчена смертью личная связь между авторомъ и его дѣломъ, издательство книги по истеченіи срока, хотя бы онъ совпалъ со смертью автора, входитъ въ число безусловно свободныхъ предпріятій.

Необходима также коренная перемѣна въ началахъ международной политики, которая стремилась до сихъ поръ къ тому,

чтобы посредствомъ трактатовъ, основанныхъ на взаимности и предоставляющихъ подданнымъ обѣихъ договаривающихся сторонъ пользоваться на чужбинѣ такими авторскими правами, какими пользуются туземцы, превратить весь шаръ земной въ одинъ литературный рынокъ. Какъ ни заманчива для автора идея всемірнаго господства, при ближайшемъ разборѣ она оказывается величайшею несправедливостью, потому что, при всемъ желаніи эксплуатировать весь міръ, никто не въ силахъ снабжать этотъ рынокъ своими произведеніями. При фактической невозможности для автора пользоваться монополіею, эта монополія теряетъ всякую законность, по извѣстному правилу: самъ не пользуешься, другимъ пользоваться не мѣшай. Прочтѣе всего господство автора на его отечественномъ рынкѣ: тѣмъ дальше отъ родины, тѣмъ болѣе слабѣетъ денежный интересъ, сопряженный съ монополіею; можно сказать, что онъ уменьшается обратно пропорціонально квадратамъ разстояній, на весьма дальнихъ разстояніяхъ онъ равенъ нулю, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и надобность охранять авторское право посредствомъ трактатовъ, и сроки охраненія могли бы быть короче и цѣлыя разряды произведеній отъ охраненія изъяты; напримѣръ, драматическія произведенія могли бы быть за предѣлами родины свободно поставляемы на сцену. Международное законодательство о правахъ авторскихъ должно бы сформироваться съ безконечнымъ разнообразіемъ международныхъ отношеній; есть государства небольшія, смежныя, съ одинаковою культурою и языкомъ, которыя, представляя рынки для сбыта одной и той же литературы, могли бы служить другъ для друга гнѣздами вредной контрафакціи; такимъ государствамъ удобно заключать между собою трактаты, уравнивающія съ своими подданными подданныхъ контрагента и образующія сплошныя рынки для сбыта одной какъ бы общей для контрагентовъ литературы. Такъ устроились Франція и Бельгія, Швейцарія и Германія, государства бывшаго германскаго союза. Но ходъ современной исторіи былъ таковъ, что возникли большія государственныя массы съ преобладающимъ въ каждой національнымъ языкомъ и литературою. Для такихъ цѣльныхъ массъ, каковы Франція, Германія, Италія, Россія, внутренній рынокъ громаденъ, число говорящихъ тѣмъ же языкомъ на чужбинѣ столь незначительно, и они такъ разбросаны, что трудно предполагать, чтобы могло за границею состояться и пойти успѣшно изданіе для сбыта его за границею же, развѣ оно будетъ предназначено на ввозъ на родину посредствомъ контрабанды и для противозаконнаго тамъ распространенія. Но противъ контрабанды есть таможенная цѣль—стро-

гіе законы уголовныя для продавцевъ, сильный рискъ, большая отвѣтственность. Если, несмотря на то, контрабандный сбытъ идетъ успѣшно, это доказываетъ только непомѣрное злоупотребленіе авторскою монополіею и страшную тягость ея для публики, заслуживающую того, чтобы монополіи оказано было противодѣйствіе. Есть еще на виду два государственныхъ колосса, имѣющіе одну литературу и языкъ: Великобританія и Соединенные Сѣверо-американскіе Штаты; никакія усилія англійскаго правительства не успѣли склонить сѣверо-американцевъ къ заключенію конвенціи о правахъ авторскихъ; если состоится когда-нибудь такое соглашеніе, то вѣроятно на основаніи сокращенія авторской монополіи и во времени и въ объемѣ, потому что чѣмъ обширнѣе рынокъ сбыта, тѣмъ короче должны быть сроки привилегіи, и наоборотъ.

Легче, чѣмъ два предыдущія начала, прошла бы полная свобода переводовъ. Она основана, по мнѣнію Шефле, на коммунизмѣ идей, какъ необходимомъ условіи быстрыхъ успѣховъ просвѣщенія, на необходимости не запрещать, а поощрять всякую переработку оригинала, неимѣющую вида механическаго повторенія, рабскаго подражанія, всякую передачу оригинала средствами другого, хотя бы родственнаго искусства, другого языка, всякое приспособленіе оригинала къ требованіямъ и вкусамъ иного рода потребителей, для которыхъ оригиналъ не пригоденъ, которое не дѣлаетъ такимъ образомъ никакого подрыва, ни конкуренціи оригиналу. Лучшимъ доказательствомъ незначительности интереса, сопряженнаго съ правомъ автора разрѣшать переводъ, служатъ ничтожныя по большей части дѣны, по которымъ уступается это право авторами. Книга Шефле есть опытъ новой теоретической постановки вопроса о правахъ авторовъ въ Западной Европѣ и въ особенности въ Германіи. Для Россіи какіе же могутъ вытекать изъ этого новаго поворота, въ направленіи результаты? Охраненъ ли у насъ трудъ авторскій? обезпечено ли существованіе создаваемаго дѣнную вещь сочинителя? достаточенъ ли нашъ законъ? какъ примѣняютъ его наши суды? съ какими новыми и неудовлетворенными требованіями носится литература, какъ одна изъ капитальнѣйшихъ отраслей народнаго труда? чего она добивается отъ нашего законодательства и нашей дипломатіи?

Я позволю себѣ остановить на нѣсколько минутъ вниманіе читателей на этихъ чисто практическихъ вопросахъ, имѣющихъ несомнѣнно великую важность для русской литературы и литераторовъ.

IV.

Когда писался знаменитый цензурный уставъ 22-го апрѣля 1828 г., который, несмотря на свои высокія мысли и благія namѣренія, былъ только кавдинскими фурами для русской литературы, составители его занялись въ особомъ приложеніи обезпеченіемъ труда авторовъ. Въ поясненіяхъ и дополненіяхъ къ этому положенію, изданныхъ 8-го января 1830 года, права сочинителей превратились въ литературную собственность—слово, производящее донинѣ большую путаницу въ понятіяхъ, и сбивающее съ толку наши суды. Въ цензурномъ уставѣ, сверхъ авторскаго права въ точномъ смыслѣ этого слова, то-есть правъ автора по отношенію къ публикѣ, введены нѣкоторые элементы иного отношенія, существующаго между авторомъ и издателемъ, матеріалы для запрашивающагося въ 1-ю часть X т. Св. Зак. издательскаго договора (Verlagscontract). Съ нѣжною заботливостью охраняя автора отъ кабалы издательской, законъ постановляетъ, что, несмотря ни на какія условія, авторъ можетъ издать вторично книгу уже проданную издателю, если въ ней добавлены или перемѣнены двѣ трети или если ей дана иная форма (§ 289); что авторъ имѣетъ право сдѣлать новое изданіе книги въ пять лѣтъ послѣ проданнаго перваго, если въ договорѣ съ издателемъ нѣтъ условія о новомъ изданіи (§ 287); наконецъ, что помѣстившій статью въ сборникъ или повременномъ изданіи можетъ, если иначе не условился, издать ее, хотя бы тотчасъ же потомъ, особо (§ 292). Въ германскомъ законѣ 11-го іюня 1870 г. постановлено, по установившемуся въ Германіи обычаю, что авторъ журнальной статьи можетъ ее издать особо только въ два года по появленіи ея въ журналѣ (§ 10). И по отношенію къ его кредиторамъ, автору дана великая привилегія, которая желательно, чтобы была сохранена при будущихъ преобразованіяхъ закона: неподлежаніе авторскаго права гражданскимъ взысканіямъ, пока оно ни авторомъ, ни его наслѣдниками неотчуждено (§ 286). Оно подлежитъ конкурсу и продажѣ съ публичнаго торга только тогда, когда передано книгопродавцу и только за долги книгопродавца. Въ этомъ случаѣ право изданія можетъ перейти вмѣстѣ съ рукописью съ молотка въ чужія руки, то также вмѣстѣ и со всѣми обязательствами по отношенію къ автору. Не только рукопись, даже и напечатанная книга, если она не была авторомъ обращена въ продажу, недосыгаема для кредиторовъ самого автора (Уставъ граж. суд. 1041, 1042). Срокъ авторскаго права, опре-

дѣленный въ 1828 г. въ 25 лѣтъ отъ смерти автора, былъ постепенно возвышаемъ. Въ правилахъ 8-го января 1830 г. положено, что онъ можетъ быть продолженъ сверхъ 25 еще на 10 лѣтъ, если въ послѣднія 5 лѣтъ до истеченія 25-лѣтняго срока сдѣлано преемниками правъ автора новое изданіе книги. Въ 1857 году 15-го апрѣля десятилѣтняя прибавка отиѣнена, но за то срокъ авторскаго права, безъ достаточныхъ къ тому основаній, удвоенъ и сдѣланъ 50-лѣтнимъ. Сильно устарѣла и весьма непрактична та часть закона, которая касается размѣра дозволенныхъ заимствованій изъ чужихъ книгъ (не болѣе листа, § 297; въ христоматіяхъ даже больше листа, § 298; въ цитаты нельзя обратить болѣе $\frac{1}{3}$ чужого сочиненія, текстъ книги долженъ быть вдвое больше противъ цитатъ изъ одного и того же источника, § 299), а равно и та часть, которая опредѣляетъ, что можетъ быть предметомъ авторскаго права. Такимъ образомъ запрещено печатать какія бы то ни было публичныя рѣчи (въ § 297) — постановленіе, носящее на себѣ явный отпечатокъ своего времени, возможное только при полномъ отсутствіи публичной жизни и гласности. Еще тягостнѣе абсолютный запретъ, наложенный, какъ кажется, не срочно, а на вѣчныя времена, на письма и бумаги, не предназначавшіяся въ свѣтъ: они могутъ быть печатаемы не иначе, какъ съ общаго согласія какъ писавшаго ихъ, такъ и того, къ кому они были адресованы или наслѣдниковъ какъ того, такъ и другого (§§ 293, 294), — странная помѣха исторіи и притомъ совсѣмъ ненужная, такъ какъ законъ ограждаетъ честь и живыхъ и умершихъ по иску о клеветѣ со сторонъ потомковъ (1535 Ул. о нак., да и постановленія о диффамачіи могли бы быть примѣнены къ защитѣ чести умершихъ). Просторъ перепечатыванію газетныхъ извѣстій данъ замѣчательно полный, подъ условіемъ только указанія источниковъ (§ 297, п. г.); наконецъ, предоставленная уставомъ широкая свобода переводовъ способствовала тому, что развилась у насъ столь богатая и разнообразная переводная литература, какой почти примѣра нѣтъ въ другихъ странахъ. Исключительное право на изданіе перевода предоставлено только авторамъ ученыхъ изысканій, если издавая оригиналъ они объявляютъ, что оставляютъ за собою право перевода и если переводъ будетъ изданъ въ теченіе двухъ лѣтъ со дня выпуска въ свѣтъ подлинника (§ 302). Въ опредѣленіи авторскаго права съ гражданской его стороны такъ много пробѣловъ, такъ много неяснаго и спорнаго, что ежеминутно возникаютъ недоумѣнія и тяжбы. Что касается до стороны уголовной, то она почти совсѣмъ не существуетъ. Въ большей части случаевъ слѣ-

дователь и уголовный судъ не примутъ даже къ производству дѣла о контрафакціи, а отошлютъ сначала жалующагося доказать свое право гражданскимъ порядкомъ; когда же, рѣшивъ гражданскимъ судомъ вопросъ о своемъ правѣ, авторъ потребуетъ либо въ гражданскомъ судѣ денежнаго удовлетворенія, либо въ уголовномъ и удовлетворенія и наказанія, то окажется, что первое почти невозможно, а второе сомнительно. За преступленія противъ правъ авторскихъ положены наказанія, запечатлѣнными драконовскою строгостью: лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и ссылка въ Сибирь на житье за ненаказуемый почти въ другихъ странахъ *plagiat*, смирительный домъ до 8 мѣсяцевъ за контрафакцію, совершаемую умышленно (за неосторожную не полагается никакой отвѣтственности). Денежныя пени назначены за одни только заимствованія въ неузаконенныхъ размѣрахъ (1683—1685 Ул. о нак.). Понятно, что при такихъ условіяхъ контрафакторъ выйдетъ изъ суда почти всегда оправданнымъ; что же касается до гражданской отвѣтственности, то она, сверхъ обращенія непроданныхъ еще экземпляровъ изданія въ пользу автора или преемниковъ его правъ, опредѣляется замысловато (§ 304 ценз. уст.), какъ произведеніе числа выпущенныхъ въ обращеніе экземпляровъ контрафактнаго изданія на разность между цѣною книги оригинальнаго изданія и тѣмъ, во что обошелся контрафактору каждый экземпляръ контрафактнаго изданія. Это уравненіе, состоящее почти изъ однихъ только неизвѣстныхъ величинъ. Незвѣстна цѣна оригинала, если контрафакція совершена не съ книги, а съ рукописи, неизвѣстна стоимость издержекъ контрафакціи, наконецъ, еще болѣе неизвѣстно количество отпечатанныхъ и пущенныхъ въ обращеніе контрафактныхъ экземпляровъ, могущее легко быть скрытымъ при стачкѣ контрафактора съ типографомъ. Судъ не въ состояніи рѣшить эту задачу. Автору предстоитъ отыскивать слѣдующее ему другимъ путемъ, доказавъ цифру убытковъ на общемъ основаніи законоположеній объ убыткахъ; но такъ какъ очевидно, что онъ не въ силахъ доказать, сколько именно онъ потерялъ въ своихъ дѣйствительныхъ или только возможныхъ прибыляхъ отъ появленія контрафакціи на рынкѣ, то и въ исхѣ ему откажутъ, и присудятъ съ него судебныя издержки. Въ цензурномъ уставѣ была та гарантія противъ контрафакціи, что за неисполненіемъ правилъ о правахъ сочинителей наблюдали цензурныя установленія (§ 313), но съ изданіемъ правилъ 6-го апрѣля 1865 г. о печати, эта гарантія прекратилась, и авторское право, по отсутствію соотвѣтствующей ему санкціи, заключающейся въ мѣрахъ

взысканія и карательныхъ, почти совсѣмъ не охранено. Отъ контрафакціи удерживаетъ нынѣ только боязнъ быть привлеченнымъ къ суду, но не опасность послѣдствій этого суда. Отсутствие карательной санкціи не можетъ быть восполнено судебною практикою; дѣятельность судовъ, полезная, конечно, по отношенію къ правамъ авторовъ, ограничивается исключительно разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ гражданской стороны авторскаго права. Разумнымъ толкованіемъ закона наши суды устраняли нотаріальныя и даже письменныя формальности передачи авторскаго права и необходимость оглашенія этого права преемниками автора по смерти его. Я думаю, что еслибы до нихъ дошелъ вопросъ о частныхъ письмахъ и бумагахъ умершихъ лицъ, то они разрѣшили бы и этотъ вопросъ либерально въ пользу исторіи, какъ науки, потому что къ этимъ произведеніямъ пера, которыя нельзя назвать литературными, нейдутъ вовсе признаки состава преступленія контрафакціи. Но отъ судебной практики нельзя ожидать невозможнаго, нельзя требовать, чтобы на бѣломъ полѣ, на которомъ законодатель провелъ лишь нѣсколько несвязныхъ штриховъ, выведенъ былъ судами посредствомъ мозаическаго подбора камешковъ-рѣшеній въ теченіи десятковъ лѣтъ цѣльный рисунокъ. Составъ судовъ мѣняется, теорій объ авторскомъ правѣ бездна, разныя теоріи будутъ отражаться въ рѣшеніяхъ, вслѣдствіе чего въ конечномъ результатѣ судебной практики, если ей не поможетъ законодательство, окажутся только противорѣчія и хаосъ. Изъ этого неопредѣленнаго и тягостнаго состоянія, въ которомъ трудъ автора слабо огражденъ, мало обезпеченъ, нѣтъ иного выхода, кромѣ новой кодификаціи положенія о правахъ сочинителей. Новый законъ долженъ бы соответствовать современнымъ условіямъ гласности, развитія литературы и жизни общественной. Онъ долженъ бы быть постановленъ по выслушаніи книгопродавцевъ, издателей, сочинителей и соображенію ихъ мнѣній со статистическими данными о количествѣ издаваемыхъ и расходившихся въ продажѣ сочиненій живущихъ и умершихъ авторовъ. Онъ долженъ бы ввести серьезныя наказанія за контрафакцію, но только денежныя, и предоставить суду опредѣлять убытки произвольно, по совѣсти, не выходя за извѣстное *taxi-tum*. Онъ долженъ бы сильно сократить и срокъ авторскаго права. На первыхъ порахъ, впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, можно бы ограничиться возвратомъ къ цензурному уставу 22-го апрѣля 1828 г. и положить 25 лѣтъ отъ смерти автора и для при жизни изданныхъ и для посмертныхъ его литературныхъ произведеній (справедливо, чтобы по смерти автора семья

его могла на продолжительное время обезпечить его авторскимъ правомъ свое существованіе). Изъ двухъ великихъ русскихъ литераторовъ, умершихъ на разстояніи 11 лѣтъ (1826—1837), Карамзина и Пушкина, творенія перваго (даже его исторія) пережили свой вѣкъ, устарѣли и при полной свободѣ перепечатывать едва ли дождутся новаго изданія, — лучшее доказательство того, что защита имъ не нужна; благодаря же закону 1857 года, мы не имѣемъ хорошаго дешевого изданія для народа твореній великаго поэта. Въ новомъ законѣ надлежало бы обезпечить свободное публикованіе историческихъ матеріаловъ, даже относящихся къ недавнему прошлому, не стѣсняя издателей никакими правами наслѣдства третьихъ лицъ. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало бы сохранить при кодификаціи все хорошее, заключающееся въ старомъ уставѣ, напримѣръ, неподлежаніе авторскаго права гражданскимъ взысканіямъ, и дать полную свободу переводамъ. О международныхъ гарантіяхъ авторскаго труда можно бы пока и не заботиться. Если только признать, что по времени ограниченная срокомъ монополія автора не можетъ претендовать и по мѣсту на всемірное господство, то слѣдуетъ придти къ выводу, что къ заключенію трактатовъ о правахъ авторовъ государства могутъ быть побуждаемы только соображеніями взаимной пользы и удобства. Съ этой точки зрѣнія положеніе Россіи таково, что, заключая трактаты на основаніяхъ взаимности, она больше услугъ оказываетъ тѣмъ западно-европейскимъ государствамъ, съ которыми вступаетъ въ соглашеніе, нежели получаетъ ихъ отъ своихъ контрагентовъ. Литературный рынокъ Россіи громадный, ея литература мало распространена въ Европѣ, заграничная контрафакція русскихъ книгъ для заграничнаго же потребленія ничтожна. Что касается до ввоза въ Россію контрафактныхъ экземпляровъ, то эта опасность устраняется системою полицейскихъ мѣръ и отобранія контрафактныхъ экземпляровъ отъ продавцевъ въ пользу того, кому принадлежитъ авторское право. Справедливость, конечно, требуетъ, чтобы въ предѣлахъ Россіи не могла основаться постоянная контрафакція для вывоза и сбыта произведеній ея за-границею; но для русскаго общества существенно важно, чтобы посредствомъ трактатовъ, основанныхъ, повидимому, на взаимности, не уменьшились пути и средства быстрого знакомства русскаго общества съ произведеніями ума и творчества западно-европейскихъ націй.

Читано въ общемъ собраніи
членовъ литературнаго фонда,
21-го апрѣля.

В. Спасовичъ.

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ

И

ЕГО ШКОЛА

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Борьба съ интуитивною, или умозрительною философіей.—Вопросы знанія и науки.—Относительность человѣческаго знанія.—Сознаніе и его приговоры.—Происхожденіе представленія о вѣншнемъ мірѣ.—Происхожденіе представленія о нашемъ я.—Происхожденіе понятія о протяженіи.—Законъ причинности явленій.—Въ сознаніи нѣтъ никакихъ врожденныхъ понятій.

Переходимъ къ изложенію сущности ученій Дж. Ст. Милля относительно разныхъ отраслей научнаго знанія и практическаго приложенія научныхъ выводовъ. Какъ философъ и логикъ, Джонъ Стюартъ Милль весьма прилежно занимался вопросами науки и научныхъ методовъ изслѣдованія истины; какъ человѣкъ своего времени, онъ съ живымъ сочувствіемъ слѣдилъ за развитіемъ всѣхъ сторонъ нынѣшней общественной и государственной жизни: со стороны религіозной, нравственной, политической и экономической,—такъ что почти всѣ крупныя вопросы соціальнаго значенія подвергались въ его сочиненіяхъ основательной критикѣ и безкорыстной оцѣнкѣ.

Вопросы послѣдняго порядка, какъ болѣе или менѣе частныя и практическіе, находятся въ извѣстномъ подчиненіи отъ общихъ вопросовъ знанія. И мы, поэтому, въ нашемъ изложеніи, начнемъ

*) См. выше: май, 5 стр.

съ общихъ. Прежде всего мы изложимъ отвѣтъ Милля на главные задачи знанія вообще: въ чемъ состоитъ знаніе, какими путями и способами оно пріобрѣтается и расширяется или упрощается, и гдѣ его предѣлы.

Рѣшенія Милля по вопросамъ знанія мы находимъ главнымъ образомъ въ двухъ изъ его сочиненій: въ «Разборъ философіи Гамильтона» и въ «Логикѣ». И то и другое сочиненіе написаны съ цѣлью дать полный и основательно составленный сводъ философскихъ и логическихъ ученій и теорій, принимаемыхъ *опытною* (въ противоположность «умозрительной» или *интуитивной* школѣ) школою философіи за единственно возможные и достовѣрные. Милль писалъ эти книги не ради искусства для искусства, но въ дѣйствительныхъ интересахъ науки, насколько они высказываются въ практическихъ результатахъ образованія и тѣсно связаннаго съ послѣднимъ всеобщаго прогресса націй. Онъ хотѣлъ служить поддержаніемъ практическихъ реформаторовъ въ ихъ борьбѣ съ устарѣлыми мнѣніями и предразсудками въ обществѣ. «Практическому реформатору—говоритъ Милль ¹⁾»,—необходимо безпрестанно требовать перемѣнъ въ дѣлахъ, которыя поддерживаются могущественными и широко распространенными сочувствіями, или подвергать сомнѣнію кажущуюся необходимость и неприкосновенность установившихся фактовъ; отъ него требуются часто доказательства для объясненія того, откуда взяли свое начало эти могущественныя сочувствія, и почему тѣ факты стали казаться необходимыми и неприкосновенными. Ясно, слѣдовательно, что реформатору приходится бороться, между прочимъ, и съ философіей, старающейся не допустить объясненія сочувствій и нравственныхъ фактовъ просто обстоятельствами, и предпочитающей относиться къ этимъ фактамъ и сочувствіямъ, какъ къ послѣднимъ элементамъ человѣческой природы,—съ тою самою философіей, излюбленными ученіями которой служатъ интуитивныя истины, и которая учитъ, что умозрѣніе (интуитивность) есть голосъ самой природы и Бога, имѣющій, поэтому, болѣе высокій авторитетъ, чѣмъ нашъ разумъ... «Я давно сознавалъ—прибавляетъ авторъ,—что преобладающая склонность считать всѣ крупныя отличія человѣческаго характера врожденными и въ главныхъ чертахъ неизгладимыми, и пренебрегать неодолимыми доказательствами того, что наибольшая часть отличій между отдѣльными личностями, племенами или полами, не только можетъ, но и естественно происходитъ вслѣдствіе различій въ обстоятельствахъ;—я

¹⁾ Autobiography, гл. VII.

сознавалъ, что эта преобладающая склонность служить однимъ изъ главныхъ препятствій противъ разумнаго обращенія съ великими общественными вопросами, и однимъ изъ величайшихъ камней преткновенія къ человѣческому улучшенію... Склонность эта имѣетъ своимъ источникомъ умозрительную философію, являющуюся характеристическимъ признакомъ реакціи девятнадцатаго вѣка противъ восемнадцатаго*. Въ философіи Гамильтона реакціонерная метафизика нашла себѣ въ Англіи самую крѣпкую опору, прикрытую, сверхъ того, либеральнымъ покрываломъ изъ названій разныхъ ученій той философіи, лучшимъ представителемъ которой былъ до сихъ поръ Джонъ Стюартъ Милль. Милль напалъ съ большою горячностью на Гамильтона, и, разрушая его ложныя и вредныя ученія, составилъ свою собственную теорію отношенія человѣческаго ума къ внѣшнему міру, согласно съ ученіемъ объ относительности человѣческаго знанія.

Вопросъ о предѣлахъ и сущности знанія занималъ съ давнихъ поръ умы философовъ и естествоиспытателей, но къ правильному рѣшенію его подошли прежде всѣхъ Берkeley и Юмъ, англійскіе философы прошлаго вѣка. Реакція нашего вѣка противъ всякихъ философскихъ ученій прошлаго поощрила въ Германіи и во Франціи, а отчасти въ Англіи, къ восстановленію старыхъ ученій о возможности абсолютнаго знанія всего, что есть въ окружающемъ насъ мірѣ и въ насъ самихъ. Но когда положительная, опытная наука убѣдилась, съ фактами въ рукахъ, что мы можемъ знать только то, что докладываютъ намъ наши чувства, теоріи Берkeley и Юма объ *относительности человѣческаго знанія* вновь приобрѣли свое значеніе, и теперь становятся, хотя въ измѣненной формѣ, общимъ ученіемъ для лучшихъ мыслителей и ученыхъ.

По этой теоріи, міръ познаваемыхъ предметовъ извѣстенъ намъ лишь чрезъ посредство нашихъ чувствъ. «Не имѣя чувствъ ¹⁾»,—говоритъ Милль,—мы бы не знали и не подозрѣвали, что предметы существуютъ; мы знаемъ о нихъ только то, что говорятъ намъ наши чувства, другихъ средствъ къ ихъ познанію природа намъ не даетъ». Но что же такое докладываютъ намъ чувства о познаваемыхъ предметахъ?.. Они говорятъ намъ, что вещи, познаваемые нами, возбуждаютъ въ насъ разныя ощущенія, и

¹⁾ Чтобы избѣжать путаницы понятій, которая возбуждается при обсужденіи психологическихъ вопросовъ, касающихся чувствъ, мы будемъ разумѣть подъ словомъ „чувство“ отдѣльныя способности чувствованія: слухъ, зрѣніе, вкусъ, осязаніе, обоняніе, мышечное и т. п., а подъ словомъ „ощущеніе“ само чувствованіе.

что, по крайней мѣрѣ, часть нашего знанія о вещахъ составляется изъ возбуждаемыхъ ими ощущеній. «То, что мы называемъ свойствами предмета,—объясняетъ авторъ,—суть его силы, или способности возбуждать ощущенія въ нашемъ сознаниі. Возьмемъ любой предметъ, на примѣръ, апельсинъ. Онъ желтъ, то-есть онъ поражаетъ насъ, чрезъ посредство чувства зрѣнія, особеннымъ ощущеніемъ цвѣта. Онъ мягокъ; другими словами, онъ производитъ въ насъ, чрезъ посредство нашего мышечнаго чувства, ощущеніе сопротивленія, преодолимаго легкимъ усиленіемъ. Онъ сладокъ, ибо причиняетъ особый родъ пріятнаго ощущенія, посредствомъ нашего органа вкуса. Онъ шарообразной формы, нѣсколько сплюснутый при концахъ; мы утверждаемъ это на основаніи ощущеній, касательно происхожденія которыхъ отъ одного лишь осязанія съ мышечнымъ чувствомъ, или и отъ зрѣнія вмѣстѣ, все еще спорятъ психологи. Когда апельсинъ разрѣзанъ, мы открываемъ въ немъ извѣстное распредѣленіе частей, отличныхъ другъ отъ друга въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но объ ихъ несходствахъ мы можемъ судить только по разностямъ въ нашихъ ощущеніяхъ, вызываемыхъ даннымъ фактомъ. Корка, мякоть, сокъ, отличаются между собою по цвѣту, вкусу, запаху, по плотности состава (сопротивленію противъ давленія), но всѣ эти отличія заключаются въ нашихъ ощущеніяхъ. Сверхъ того, если части находятся *одинъ* другъ друга, занимаютъ различныя части пространства, и это различіе можетъ быть отнесено къ разницѣ въ нашихъ ощущеніяхъ». Весь этотъ анализъ показываетъ, что всѣ свойства предмета заключаются въ способности или силѣ возбуждать въ нашихъ умахъ либо то, либо другое ощущеніе. Итакъ, предметы существуютъ для насъ лишь въ формѣ нашихъ собственныхъ ощущеній;—такое же отношеніе имѣютъ къ намъ не только реальные предметы, но и воображаемые. Все наше знаніе, слѣдовательно, о всякихъ предметахъ, заключается лишь въ ощущеніяхъ, возбуждаемыхъ въ насъ чѣмъ-либо непосредственно или только при помощи нашего же воображенія.

Основываясь на данныхъ, подобныхъ приведеннымъ въ анализѣ Милля, Беркелей и Юмъ приходили къ тому заключенію, что не только знаніе окружающаго насъ міра не можетъ простирается далѣе того, что даютъ наши ощущенія и переработка послѣднихъ по законамъ нашихъ умственныхъ отпращиваній, но что, кромѣ нашихъ ощущеній, и нѣтъ ничего такого, въ существованіе котораго мы имѣли бы какое-нибудь основаніе вѣрить. То, что мы называемъ предметомъ или *объектомъ*, есть лишь сложное понятіе, созданное законами сочетанія представленій

(или идей) о различныхъ ощущеніяхъ, которыя мы привыкли воспринимать одновременно. Но во всемъ этомъ процессѣ нѣтъ ничего реальнаго, кромѣ нашихъ ощущеній. Они, разумѣется, сопровождаютъ или слѣдуютъ другъ за другомъ не какъ попало, но по извѣстнымъ законамъ, опредѣленными группами и въ опредѣленномъ порядкѣ послѣдовательности. Что же касается до возбуждителей ощущеній, мы знаемъ лишь о способѣ, посредствомъ котораго они возбуждаютъ человѣческія способности, и больше ничего.

Ученіе самого Милля отличается отъ только-что изложеннаго лишь въ томъ отношеніи, что онъ допускаетъ существованіе внѣшняго міра, какъ умственный *выводъ* изъ вызываемыхъ внѣшними предметами ощущеній; но этотъ внѣшній міръ доступенъ нашему изученію лишь въ своихъ проявленіяхъ исключительно, другими словами, въ его впечатлѣніяхъ на насъ, а отнюдь не въ своихъ сущностяхъ, въ такъ-называемыхъ «вещахъ въ себѣ». Можно предположить, что внѣшніе предметы существуютъ и обладаютъ собственною сущностью, но эта сущность непостижима для нашихъ способностей. Мы ее не знаемъ и не можемъ составить о ней никакого понятія; мы можемъ знать лишь о впечатлѣніяхъ, которыя производятъ въ насъ эти «вещи въ себѣ». Однако, ничто не препятствуетъ намъ приписывать этимъ «вещамъ въ себѣ» свойства или атрибуты, но всегда относительныя къ намъ самимъ. Мы можемъ говорить, поэтому, о *силахъ*, какъ о свойствахъ, принадлежащихъ внѣшнимъ вещамъ, но все дѣйствительное знаніе все-таки останется знаніемъ нашихъ собственныхъ впечатлѣній, знаніемъ *феноменальнымъ*, знаніемъ явленій, а не сущностей. Еслибы предположить возможность такого ума, который могъ бы знать сущности, то эти сущности съ того же момента перестали бы играть роль сущностей, ибо стали бы *относительными* къ этому самому уму. Иначе, какъ относительнымъ—знаніе вещей, какъ дѣйствительныхъ, такъ и воображаемыхъ, и быть не можетъ ¹⁾.

Наши ощущенія, какъ мы видѣли, создаютъ наше знаніе. Это созиданіе происходитъ весьма просто, такъ какъ само ощущеніе есть уже и знаніе и *сознаніе* именно *этого* ощущенія. Когда я говорю: «я ощущаю», это значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ: «я знаю», или «я сознаю» ощущеніе. Положимъ, напримѣръ, что во мнѣ прикоснулись чѣмъ-нибудь, это прикосновеніе я могу

¹⁾ Срав. An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy etc... Главы II и III.

выразить или просто: «я ощущаю», чувствую прикосновение чего-то; или: «я знаю, что ко мнѣ что-то прикоснулось», или «я сознаю прикосновение чего-то». Всѣ эти выраженія означаютъ одинъ и тотъ же дѣйствительный фактъ: ощущение прикосновения чего-то. Ощущение, слѣдовательно, есть и знаніе и сознаніе. Но подъ словомъ «сознаніе» разумѣются еще и другіе психическіе акты: именно всѣ видоизмѣненія ощущенія при переработкѣ его въ нашемъ умѣ, то-есть представленія, понятія, воспоминанія, и т. д. Когда я говорю: я вспоминаю, я рассуждаю, я представляю, я вѣрю, ко всѣмъ этимъ заявленіямъ я могу приставить «сознаю», нисколько не измѣняя значенія того, что я говорю, ибо «я вспоминаю», значитъ то же самое, что «я сознаю, что я «вспоминаю» и т. д. Такимъ образомъ, слово: *сознаніе*—служитъ лишь къ снабженію общимъ родовымъ признакомъ *всего*, что происходитъ въ нашей умственной дѣятельности: въ сознаніи,—говоримъ мы—умъ признаетъ свои дѣятельныя и пассивныя состоянія: то-есть, всевозможныя ощущенія, первоначальныя и переработанныя. Къ сознанію, къ сознательной способности ума, можно отнести все, что происходитъ въ умѣ.

Милль представляетъ себѣ скептика, который, отрицая возможность непосредственнаго сознанія вещей, отвергаетъ всякое знаніе вообще. Но такое непосредственное знаніе существуетъ въ *чистомъ* ощущеніи. Когда мы ощущаемъ что-нибудь, мы *вѣдь знаемъ*, что мы ощущаемъ. Но скептикъ можетъ не признать и этого знанія. Однако, въ дѣйствительности, мы имѣемъ тогда увѣренность или убѣжденіе въ томъ, что мы ощущаемъ. Эта увѣренность или убѣжденіе и есть знаніе, ибо оно служитъ пробнымъ камнемъ для всякихъ другихъ нашихъ убѣжденій, это есть образецъ нашей достовѣрности во всемъ. Подъ знаніемъ, подъ достовѣрностью, можно разумѣть только столь же полную увѣренность, какую даютъ намъ наши чувства. Положимъ—говорить Милль (для примѣра)—что я убѣжденъ, что въ арктическихъ моряхъ есть ледяныя горы; я никогда не видѣлъ ледяной горы, и чувства мои никогда ихъ не ощущали. Мое убѣжденіе—посредственное, основанное на свидѣтельствѣ другихъ и на выводахъ изъ физическихъ законовъ. Когда я говорю, что я *убѣжденъ* въ этомъ, я принимаю мои доказательства за *равныя свидѣтельства моихъ чувствъ*. Я увѣренъ въ фактъ, какъ бы самъ видѣлъ его. Я убѣжденъ, однимъ словомъ, что еслибъ я попалъ въ арктическія моря, я увидѣлъ бы ледяныя горы». Абсолютный скептицизмъ, поѣтому, не можетъ имѣть мѣста, ибо его отрицаніе

всего знанія не отвергаетъ ничего. Только при отрицаніи самаго чувства можно отрицать знаніе.

Сознаніе, слѣдовательно, или наше непосредственное убѣжденіе, можетъ ставить приговоры безъ апелляціи. Но въ чемъ именно можетъ оно ставить свои безапелляціонные приговоры? Что можетъ оно утверждать? Милль принадлежитъ къ числу мыслителей, которые признають, что сознаніе можетъ свидѣтельствовать только про себя самого, такъ какъ всѣ наши знанія и всѣ вѣрованія о чемъ бы то ни было, кромѣ ощущеній и процессовъ въ нашихъ собственныхъ умахъ, пріобрѣтены послѣ первыхъ начинаній нашей разумной жизни и потому не въ присутствіи сознанія, когда оно получало свои первые впечатлѣнія. Философы такъ-называемой «интуитивной» школы ищутъ въ сознаніи орудія къ непосредственному усмотрѣнію весьма разнообразныхъ предметовъ и даже сущностей внѣшняго міра, но въ дѣйствительности, всѣ созданія этого искусственнаго непосредственнаго усмотрѣнія сводятся на разныя ошибочныя представленія и обобщенія, разрушаемыя при первомъ соприкосновеніи съ опытомъ. Единственный опытъ съ сознаніемъ, когда оно могло бы раскрыть передъ нами всѣ свои отношенія къ внѣшнему міру, былъ бы опытъ съ первымъ сознаніемъ ребенка, съ его первымъ пріемомъ впечатлѣній, называемыхъ нами внѣшними; — все, что присутствовало бы въ томъ первомъ сознаніи, было бы неподдѣльнымъ свидѣтельствомъ сознанія и заслуживало бы такого же довѣрія, какъ сами ощущенія наши. Но теперь мы не имѣемъ никакихъ средствъ доказать съ прямою очевидностью, сознаемъ ли мы внѣшніе и протяженные предметы, когда впервые открываемъ наши глаза къ свѣту. Что мы теперь, въ нашемъ *нынѣшнемъ* сознаніи, знаемъ и вѣримъ въ существованіе такихъ предметовъ всякій разъ, когда пользуемся нашими глазами и мышцами, — изъ этого еще не слѣдуетъ, что это знаніе и вѣрованіе были тамъ съ самаго начала.

Какъ бы то ни было, но до тѣхъ поръ, пока мы не изслѣдовали дѣйствительнаго содержанія нашего самаго ранняго сознанія (а этого изслѣдовать мы не можемъ), мы не можемъ изучать первоначальныхъ элементовъ ума въ нашемъ *нынѣшнемъ* сознаніи, — и мы, поэтому, должны искать объясненія ихъ не путемъ непосредственнаго усмотрѣнія, а тѣми методами, которые признаны въ наукахъ физическихъ¹⁾.

Между тѣмъ, интуитивная метафизика утверждаетъ, что въ

¹⁾ Срав. An Examin. of Hamilton's Philosophy, глав. VIII и IX.

сознаніи уже находятся готовыми разныя представленія о внѣшнемъ мірѣ и нашемъ я, или что предметы могутъ являться въ сознаніи не иначе, какъ соотносительно съ основными первобытными условіями сознанія. Милль спорить противъ двухъ такихъ мнѣній о сознаніи: противъ Кузэна, которое принимаетъ три элемента въ сознаніи (элементъ конечный, состоящій изъ я и не я; элементъ безконечный: Богъ; и элементъ отношенія между конечнымъ и безконечнымъ: причинность), и противъ Гамильтона, признающаго два элемента: я и внѣшній міръ. Опроверженіе этого послѣдняго мнѣнія покажетъ съ полною ясностью такую же недостаточность и первого.

Милль, какъ дѣйствительно серьезный ученый, идетъ въ своей цѣли не прибѣгая къ разнымъ произвольнымъ предположеніямъ, употребляемымъ въ философіи и психологіи умозрительнаго лагера ради объясненія необъяснимыхъ явленій. Тамъ, гдѣ темно, Милль прямо говоритъ: здѣсь темно, этого я не понимаю и со-вѣтую лучше обождать, чѣмъ сразу изрекать рѣшительный приговоръ, объявляя истиннымъ и непреложнымъ то, что имѣетъ форму лишь простой гипотезы, подчасъ даже основанной на требованіяхъ не науки, а личныхъ пристрастій или предразсудковъ мыслителя. Въ данномъ случаѣ, Милль, для опроверженія противниковъ, самъ создаетъ объясненіе того же предмета, но уже на основаніи началъ опытной философіи, и такъ какъ его объясненіе само по себѣ является совершенно достаточнымъ для всѣхъ явленій, то уже одно существованіе этого объясненія, одна возможность его подрываетъ довѣріе ко всѣмъ теоріямъ интуитивнаго свойства. Милль имѣетъ цѣлью доказать, что оба представленія: о внѣшнемъ мірѣ и о нашемъ я, суть представленія опытные, пріобрѣтенныя, а не данныя въ нашемъ первоначальномъ сознаніи. И надобно отдать справедливость нашему автору, онъ сдѣлалъ свое объясненіе превосходно и вполне оригинально: до Милля на такую попытку опытная философія еще не рѣшалась.

Теорія Милля основана на извѣстныхъ психологическихъ фактахъ, принимаемыхъ за достовѣрные всѣми психологическими школами. *Во-первыхъ*, на различіи между *ощущеніями* и *представленіями*, изъ которыхъ первыя происходятъ въ сознаніи непременно въ присутствіи предмета сознанія, а вторыя при отсутствіи его: *представленія* о предметахъ никогда не бываютъ такъ же точны, какъ ощущенія, и ихъ приравниваютъ, поѣтому, къ копіямъ съ дѣйствительныхъ ощущеній. Напримѣръ, послѣ того, какъ я видѣлъ (*ощущая* посредствомъ зрѣнія) солнце, я и за-

крывши глаза могу все-таки думать о немъ, *представлять* его себѣ; солнца нѣтъ предо мною, никакихъ ощущеній оно во мнѣ не вызываетъ, а я все-таки могу представлять себѣ его образъ, копію, которая и называется *представленіемъ*. Представленія и ощущенія могутъ являться въ сознаніи или каждое въ отдѣльности, или группами, или различнымъ образомъ соединяясь между собою и видоизмѣняясь подъ вліяніемъ умственного процесса. *Во-вторыхъ*, на извѣстныхъ законахъ сочетанія представлений: 1) сходныя или подобныя явленія склонны появляться въ мышленіи непремѣнно вмѣстѣ; 2) въ тому же склонны явленія, которыя были испытаны или мыслимы въ опредѣленной связи между собою: въ одновременномъ ли появленіи другъ съ другомъ, или въ непосредственной послѣдовательности одно за другимъ. Въ сознаніи одновременныхъ явленій, какъ мыслимыхъ вмѣстѣ, мысль объ одномъ изъ нихъ вызываетъ мысль о другомъ, и въ сознаніи послѣдовательныхъ явленій мысль о предыдущемъ явленіи вызываетъ мысль о послѣдующемъ, но не обратно. *Третій* психологическій фактъ, требуемый теоріей Милля, тотъ, что сочетанія представлений, вызываемыя въ опредѣленной взаимной связи, являющіяся въ сознаніи, *при повтореніи*, съ болѣею точностью и быстротою. При частомъ испытаніи подобнаго повторенія двухъ представлений, если не было единичныхъ ихъ представлений въ мысли, можетъ образоваться *неразрывное сочетаніе* ихъ, уничтожающееся лишь при посредствѣ новаго опыта или новой мысли. Съ другой стороны, эта неразрывность сочетанія двухъ представлений можетъ увлечь въ себя и всѣ факты или явленія, соотвѣтствующія этимъ представленіямъ, такъ что мы начинаемъ наконецъ вѣрить, что вся эта совокупная масса представлений есть произведеніе не опыта, но непосредственнаго умозрѣнія. Наконецъ, теорія Милля требуетъ еще факта памяти и основанной на немъ способности ума образовывать изъ дѣйствительныхъ, настоящихъ ощущеній понятіе о *возможныхъ* ощущеніяхъ,—о такихъ, которыхъ мы не ощущаемъ въ настоящую минуту, но могли бы ощущать при извѣстныхъ обстоятельствахъ, сдѣлавшихся извѣстными намъ, во многихъ случаяхъ, путемъ опыта.

Миллю предстояло доказать, что умъ можетъ дойти опытнымъ путемъ, при посредствѣ однихъ ощущеній, психологически измѣняющихся, до понятія о существованіи *чего-то*, кромѣ него самого, которое составляетъ не часть нашего ума, но нѣчто совершенно отдѣльное, которое существуетъ и тогда, когда мы не мыслимъ о немъ, и существовало прежде того, когда мы впервые

взглянули на свѣтъ, и не перестанетъ существовать даже тогда, когда насъ уже не будетъ. Это *ничто*—опредѣленное и постоянное, между тѣмъ какъ наши ощущенія постоянно мѣняются. Оно существуетъ само по себѣ, все-равно, знаемъ ли мы объ его существованіи, или не знаемъ. Психологическимъ объясненіемъ этого сложнаго факта объясняется наша вѣра въ существованіе внѣшняго міра, или *матеріи*, со включеніемъ въ нее и нашего органическаго тѣла.

Теорія Милля основана на двухъ характеристическихъ чертахъ всякаго опытнаго изслѣдованія: на одновременности явленій, или группировкѣ ихъ, и на послѣдовательности явленій. Здѣсь изучаемыми явленіями являются наши ощущенія. Наше понятіе о внѣшнемъ мірѣ составляется, какъ всякій можетъ убѣдиться, не изъ минутныхъ, не изъ *настоящихъ* ощущеній только. Кромѣ настоящихъ ощущеній, въ это обширное понятіе входитъ все, что только *можетъ* возбуждать во мнѣ какія-либо ощущенія и умственные видоизмѣненія ощущеній. Если я вижу бумагу на столѣ и затѣмъ ухожу въ другую комнату, то, несмотря на то, что я пересталъ ее видѣть, я все-таки убѣжденъ, что бумага продолжаетъ лежать на столѣ. Ощущеній отъ бумаги я уже не имѣю, но я вѣрю, что еслибъ я попалъ относительно бумаги опять въ тѣ же обстоятельства, при которыхъ я видѣлъ ее, я опять увидалъ бы ее лежащею на столѣ; я увѣренъ, сверхъ того, что и во все время, пока я не вернусь въ комнату, она все лежитъ на столѣ. По законамъ моего ума, все, что сказано здѣсь о бумагѣ, относится и ко всѣмъ предметамъ или явленіямъ внѣшняго міра, и относительно ихъ я могу находиться или въ непосредственномъ ощущеніи, или лишь въ *возможности* непосредственнаго ощущенія при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Итакъ, въ мое понятіе о мірѣ должны войти не только мои ощущенія, но и безчисленное разнообразіе *возможностей* ощущеній: не только всѣ тѣ возможности, которыя я уже испыталъ въ дѣйствительности, но и та безграничная масса другихъ, которыя я могъ бы испытать, если бы мнѣ были извѣстны обстоятельства, обуславливающія это испытаніе. Всѣ эти *возможности* ощущеній (т.-е. внѣшніе предметы) важны для меня особенно тѣмъ, что они постоянны, между тѣмъ какъ мои ощущенія безпрестанно мѣняются. Съ другой стороны, они важны еще тѣмъ, что возбуждаютъ во мнѣ обыкновенно не одно *отдѣльное* ощущеніе, но цѣлыя группы ихъ. Когда мы мыслимъ о какомъ-либо предметѣ, или *тѣлѣ*, мы всегда понимаемъ, что этотъ предметъ или тѣло при извѣстныхъ обстоятельствахъ возбуждаетъ въ насъ не одно отдѣльное ощущеніе, но цѣ-

лую массу ихъ и притомъ весьма разнообразную, происходящую отъ возбужденія многихъ различныхъ чувствъ разомъ, и что вся эта группа разнообразныхъ ощущений такъ тѣсно слита между собою, что присутствіе одного изъ нихъ извѣщаетъ о возможности одновременнаго присутствія и всѣхъ другихъ или только нѣкоторыхъ. Итакъ, на основаніи факта одновременности или группировки ощущений мы можемъ заключить, что наше понятіе о внѣшнемъ мірѣ составляютъ *наши ощущения въ совокупности съ безчисленными возможностями ощущений*.

Фактъ послѣдовательности ощущений возбуждаетъ въ насъ понятіе о причинѣ и слѣдствіи. Сущность этого порядка ощущений состоитъ въ постоянствѣ предыдущаго съ послѣдующимъ. Но между однимъ *настоящимъ* или дѣйствительнымъ ощущеніемъ и другимъ не всегда существуетъ постоянство предыдущаго съ послѣдующимъ. Опытъ даетъ намъ лишь немногіе случаи такого рода. Что же касается почти всѣхъ постоянныхъ послѣдовательностей, случающихся въ природѣ, тамъ, напротивъ, предыдущее и послѣдующее встрѣчаются не между ощущениями, но между группами ихъ, въ которыя *дѣйствительныя* ощущенія входятъ лишь весьма малую долю, а большую долю составляютъ *возможности* ощущений, дѣйствительное присутствіе которыхъ познается нами посредствомъ небольшого числа ощущений. Такимъ образомъ, наши понятія о причинности, силѣ, дѣятельности, сливаются въ мысли не съ нашими дѣйствительными ощущениями, даже не съ ощущениями вовсе, но съ *группами возможностей ощущений*. Мы находимъ, что измѣненія, происходящія болѣе или менѣе правильно въ нашихъ *возможностяхъ ощущений*, совершенно независимы отъ нашего сознанія и даже отъ нашего присутствія или отсутствія. Всѣ природныя перемены происходятъ въ своемъ порядкѣ совершенно одинаково, все равно — спимъ ли мы въ то время, или бодрствуемъ. Сами ощущения, хотя они служатъ первоначальнымъ основаніемъ для всего, становятся при такомъ взглядѣ какъ-бы случайностями, между тѣмъ какъ *возможности* ощущений приобрѣтаютъ болѣе реальное значеніе, чѣмъ дѣйствительныя ощущенія, и даже становятся какъ-бы дѣйствительными, настоящими реальностями, въ которыхъ дѣйствительныя ощущенія относятся лишь какъ представленія, копіи, или слѣдствія. Когда умъ достигаетъ такого состоянія, человѣкъ, при всякомъ ощущеніи, никогда не сознаетъ послѣднее иначе, какъ принадлежностью какой-либо группы *возможностей*, въ которую входитъ ощущеніе того же рода, такъ что *возможности* становятся въ умъ,

относительно дѣйствительныхъ ощущеній, въ положеніе причины къ ея слѣдствіямъ, или корня въ стволу, листьямъ и цвѣткамъ.

Еще большую реальность приобрѣтають эти возможности ощущеній, когда принять во вниманіе, что познаніе ихъ доступно не мнѣ одному, но и другимъ людямъ. У этихъ другихъ людей нѣтъ моихъ дѣйствительныхъ ощущеній, но есть тѣ же самыя возможности ощущеній, а слѣдовательно эти возможности ощущеній могутъ существовать совершенно отдѣльно отъ моихъ дѣйствительныхъ ощущеній. Эти возможности ощущеній существуютъ, такимъ образомъ, совершенно независимо отъ всего, что принадлежитъ людямъ, независимо отъ ихъ воли и даже отъ ихъ присутствія. Міръ возможностей ощущеній поэтому внѣшній. Отсюда можно заключить, что *матерія* относительно нашего ума является какъ постоянный, неустрашимый источникъ возможностей ощущеній, или еще проще: какъ постоянная возможность ощущеній (*permanent Possibility of Sensation*).

Но мы еще не кончили нашихъ объясненій, хотя внѣшность возможностей ощущеній доказана, вполне убѣдительно и достаточно. Есть еще одна сторона вопроса, еще одно затрудненіе со стороны интуитивной философіи. Если все наше понятіе о внѣшнихъ предметахъ состоитъ изъ представленій нашихъ ощущеній, дополняемыхъ приобрѣтеннымъ понятіемъ о постоянныхъ возможностяхъ ощущеній, то какимъ образомъ стали мы способными мыслить и воображать вещи, которыя вовсе не ощущенія, на-примѣръ, матерію? Милль, однако, не затрудняется этимъ вопросомъ и находитъ разрѣшеніе его въ основномъ стремленіи человеческого ума заключать о различіи въ вещахъ по различію въ названіяхъ. Въ какомъ бы отношеніи ни находилось какое-либо изъ нашихъ ощущеній отъ *чего-нибудь*, отъ *него* отличающагося, умъ познаетъ *это* различіе, — онъ можетъ, слѣдовательно, познавать и то отношеніе, въ которомъ можетъ находиться сумма всѣхъ нашихъ ощущеній отъ *чего-нибудь* отъ *нихъ* отличнаго. Разъ мы знаемъ, что каждое изъ нашихъ ощущеній можетъ быть отлично отъ другихъ вещей, и мы уже имѣемъ возможность составлять понятіе о всякой вещи, что она можетъ быть отлична отъ другихъ. А отсюда слѣдуетъ, что нельзя не допустить образованія понятія о *чемъ-то*, отличномъ отъ *всѣхъ* извѣстныхъ намъ вещей, взятыхъ въ совокупности и отдѣльно. Правда, что это *ничто*, называемое матеріей, будетъ нѣчто отрицательное, но составить понятіе о немъ все-таки можно, хотя понятіе тоже отрицательное. Итакъ, хотя не признаваемое сознаніемъ, понятіе о чемъ-то,

что не есть ни ощущение, ни возможность ощущения, — понятие возможное.

Нѣкоторые философы принимали за отрицательныя понятія и наши постоянныя возможности ощущений, но Милль настойчиво совѣтуетъ не впадать въ подобную ошибку, такъ какъ дѣйствительное существованіе постоянныхъ возможностей ощущений гарантировано опытомъ. Между тѣмъ, намъ не трудно представить себѣ, что эти возможности относятся къ нашимъ ощущениямъ точно такъ же, какъ нѣкоторые отрицательныя отвлеченности. Особенно легко такое представленіе приобретаетъ достовѣрность при объясненіи причиннаго отношенія между нашими ощущениями и внѣшними предметами. Законъ причинности лишаетъ насъ способности мыслить происхожденіе чего-либо безъ предшествующаго условія—или *причины*. Если въ насъ есть ощущенія, то есть имъ и *причины*. Незмѣннымъ предшествующимъ ощущенію рѣдко бываетъ другое ощущеніе или цѣлая группа ихъ, но гораздо чаще ощущеніе вызывается какою-либо группою возможностей ощущений, заключающей въ себѣ дѣйствительныя ощущенія лишь настолько, чтобы онѣ указывали на присутствіе возможностей. Но дѣйствительныя ощущенія могутъ и совершенно отсутствовать, такъ какъ непосредственное присутствіе внѣшняго предмета можетъ быть извѣстно посредствомъ того самаго ощущенія, которое мы относимъ къ нему, какъ его слѣдствіе. Итакъ, причину нашихъ ощущений слѣдуетъ искать не въ ощущенияхъ же, а въ постоянныхъ возможностяхъ; наши ощущенія это слѣдствіе, а возможности ощущений или внѣшній міръ—причины. Были философы, которые думали наоборотъ ¹⁾.

Опровергнувъ интуитивную теорію о постоянномъ существованіи въ сознаніи понятія о внѣшнемъ мірѣ, Милль не оставляетъ въ покоѣ и другой элементъ интуитивнаго опредѣленія «естественныхъ элементовъ» сознанія. Онъ полагаетъ, что и наше *я* не есть первоначальный элементъ сознанія, что уже понятіе о *себѣ*, какъ постоянномъ бытіи, допускаетъ тотъ же самый анализъ, какому подлежитъ, какъ мы видѣли, понятіе о *не я* или внѣшнемъ мірѣ.

Подъ нашимъ *я* мы разумѣемъ всѣ проявленія нашего сознанія, всѣ состоянія или измѣненія нашего ума (*mind*); въ сравненіи съ ощущениями или какими-либо умственными состояніями, которыя безпрестанно смѣняются одно другимъ, наше *я* является, чѣмъ-то *постояннымъ*, остающимся всегда самимъ собою, въ то

¹⁾ Срав. An Examin. of Hamilton's Philosophy, глава X и XI.

время, какъ всѣ другія умственные состоянія, чрезъ посредство которыхъ оно заявляетъ о своемъ существованіи, проходятъ и мѣняются. Сравнивая это постоянство нашего я съ другимъ постоянствомъ, которое мы назвали *матеріей*, мы приходимъ къ тому заключенію, что *наше я* есть не что иное, какъ постоянная возможность всѣхъ умственныхъ и чувственныхъ состояній. Въ самомъ дѣлѣ, если представить себѣ, что я сплю глубокимъ сномъ или сномъ смерти, и если я вѣрю при этомъ, что мой умъ и воля остаются неприкосновенными во время сна, то это значить только, что я вѣрю, что во время сна моя способность ощущенія не уничтожается, но только временно прекращена, пока извѣстное сочетаніе обстоятельствъ снова не вызоветъ ее къ дѣятельности. Итакъ, я есть постоянная возможность сознательныхъ состояній, или рядъ нашихъ дѣйствительныхъ ощущеній въ совокупности съ безконечными возможностями чувства, требующими для своего дѣйствительнаго осуществленія условій, которыя могутъ быть и не быть; по возможности чувства всегда существуютъ въ умѣ, и многія изъ нихъ присутствуютъ въ каждомъ сознательномъ состояніи.

Постоянная возможность чувствъ, какъ понятія о *себѣ*, отличается во многихъ важныхъ отношеніяхъ отъ постоянной возможности ощущеній, какъ понятія о внѣшнихъ предметахъ. *Во-первыхъ*, каждая возможность изъ послѣднихъ представляетъ лишь небольшую и совершенно опредѣленную часть цѣлаго ряда, составляющаго мое сознательное бытіе; отдѣльная группа возможныхъ ощущеній, которую мы отличаемъ отъ неясныхъ и неопредѣленныхъ возможностей, признаваемыхъ возможностями лишь потому, что опытомъ онѣ не отвергнуты;—между тѣмъ какъ мое понятіе о *себѣ* содержитъ въ себѣ всѣ возможности ощущенія, опредѣленные или неопредѣленные, удостовѣренные ли опытомъ или нѣтъ,—которыя только я могу вообразить себѣ въ ряду моихъ дѣйствительныхъ и сознательныхъ состояній. *Во-вторыхъ*,—постоянныя возможности, называемыя внѣшними предметами, суть возможности ощущеній только, между тѣмъ какъ рядъ, называемый мною я, заключаетъ въ себѣ и все то, что вызывается ими: мысли, душевныя движенія, желанія, и сами постоянныя возможности. Кромѣ того, всѣ эти состоянія ума, въ нашемъ сознаніи, являются родовымъ образомъ (генерически) отличными отъ ощущеній нашихъ внѣшнихъ чувствъ; они отличаются отъ нихъ же еще тѣмъ, что происходятъ не группами, но состоятъ изъ отдѣльныхъ элементовъ, которые существуютъ вмѣстѣ или могутъ быть введены въ сосуществованіе другъ съ другомъ. Наконецъ, — и это отличіе самое важное—возможности ощущеній, называемыя внѣш-

ними предметами, служить такими же возможностями и для другихъ существъ, кромѣ меня,—между тѣмъ какъ особенный рядъ чувствъ, составляющихъ мою жизнь, ограничивается мною однимъ: никакое другое чувствующее существо не пользуется ими вмѣстѣ со мною.

Нашъ умъ (*духъ* на метафизическомъ языкѣ), или наше *я*, какъ мы видимъ, есть не что иное, какъ рядъ сознательныхъ состояній, какъ *нить сознанія*. Но, какъ нить сознанія, наше *я* представляется только въ отношеніи настоящаго времени. Между тѣмъ «нить сознанія», составляющая феноменальную жизнь ума, состоитъ не только изъ настоящихъ ощущеній, но еще изъ воспоминаемыхъ и ожидаемыхъ въ будущемъ. Положимъ, что всѣ они подобны другимъ ощущеніямъ, уже испытаннымъ нами, но въ нихъ есть еще та особенность, что каждое изъ нихъ предполагаетъ вѣру не въ одно только нынѣшнее ихъ бытіе. Простое ощущение предполагаетъ только моментное существованіе; *памятное* же предполагаетъ внушеніе и вѣру, что ощущение, котораго копіей оно является, дѣйствительно существовало въ прежнее время, а *ожидаемое* вызываетъ вѣру болѣе или менѣе положительнаго свойства, что ощущение или чувство, къ которому оно относится, непременно состоится въ будущемъ. Отсюда выходитъ, что умъ можетъ знать не только о своемъ настоящемъ, но также о прошломъ и будущемъ, и вотъ мы доведены до выбора или вѣры въ то, что *я*—есть или нѣчто отличное отъ всякаго ряда ощущеній, или что это таковой рядъ ощущеній, который можетъ сознать себя какъ прошлое и будущее. Такой выводъ, очевидно, парадоксаленъ. Но Милль не берется разъяснить этого парадокса. «Главнымъ камнемъ преткновенія служить здѣсь—говоритъ нашъ авторъ—не какая-либо теорія факта, но самъ фактъ. Главное недоразумѣніе въ томъ, какъ можетъ нѣчто, уже переставшее существовать, все еще быть присутствующимъ, и какъ рядъ ощущеній, безконечно большую часть котораго составляютъ прошлое и будущее, можетъ быть собранъ въ одно отдѣльное настоящее понятіе, сопровождаемое вѣрою или реальностью. Я думаю (прибавляетъ Милль), что всего благоразумнѣе было бы принять необъяснимый фактъ безъ всякихъ теоретическихъ выдумокъ, и что когда мы принуждены говорить о немъ языкомъ нашей гипотезы, употреблять его съ полною сдержанностью относительно его значенія».

Какъ бы то ни было, Милль не допускаетъ существованія *я* въ первомъ ощущеніи еще на томъ основаніи, что отнести первое ощущение къ нашему *я* значило бы признать это ощущение до-

лею ряда сознательныхъ состояній, часть котораго уже прошла. Только отождествленіе *нынѣшняго* состоянія съ состояніемъ *вспомнутымъ*, познаваемымъ какъ прошлое, составляетъ знаніе того, что это *я*, которое ощущаетъ. *Я* значитъ тотъ, кто видѣлъ или ощущалъ что-либо вчера или еще прежде того. «Одно отдѣльное ощущеніе не можетъ дать понятія о личномъ тождествѣ; для тождества необходимъ цѣлый рядъ ощущеній, мыслимыхъ въ формѣ одной постепенно нарастающей линіи и слагающихся въ мысли въ особую единицу».

Соединяя теорію Милля о нити сознанія съ его теоріей познанія внѣшнихъ предметовъ, противники его готовы были бы утверждать, что, по его теоріи, можно и людей, наравнѣ съ неодушевленными вещами, представить какъ состояніе моего собственнаго сознанія. Милль предупредилъ этотъ маневръ своимъ собственнымъ объясненіемъ. «Между группами возможностей ощущеній (то-есть тѣлами природы)—говорить онъ ¹⁾,—есть одна, которая не только составлена, какъ другія, изъ многочисленной смѣси ощущеній и возможностей ощущеній, но и связана также одной ей свойственнымъ образомъ со всѣми моими ощущеніями; эта группа—мое органическое тѣло. Оно не только всегда присутствуетъ, какъ предыдущее условіе каждаго моего ощущенія, но только при помощи перемѣнъ, въ немъ происходящихъ, могу я получать ощущенія отъ другихъ группъ возможностей ощущеній. Озираясь вокругъ себя, я вижу много такихъ тѣлъ, какъ мое, и всѣ они проявляютъ тѣ же чувствительныя свойства, за исключеніемъ одного: измѣненія этихъ тѣлъ не вызываютъ въ моемъ сознаніи того міра ощущеній, который вызывается во мнѣ измѣненіями моей группы постоянныхъ возможностей. Но если *этого* міра ощущеній тѣ и другія группы не даютъ моей нити сознанія, то можно предположить, что каждая изъ нихъ даетъ то своей собственной нити. А такъ какъ это предположеніе подтверждается дѣйствительными фактами, то-есть реальнымъ ощущеніемъ тѣхъ тѣлъ, ихъ слышимую рѣчью, видимыми движеніями и внѣшнимъ поведеніемъ вообще, то я не могу не придти въ тому заключенію, что тамъ, во внѣшнемъ мірѣ, кромѣ постоянныхъ возможностей, неимѣющихъ никакого сознанія, существуютъ другія, одаренныя имъ.

Разъ составились представленія о постоянныхъ возможностяхъ ощущеній, и о той нити сознанія, которую я называю моею жизнью; моимъ духомъ, и оба они уже сливаются въ сознаніи

¹⁾ Срав. An Examin. of Hamilton's Philosophy, глав. XII.

въ одно неразрывное сочетаніе, которое затѣмъ припоминается въ каждомъ послѣдующемъ ощущеніи; это-то припоминаніе и послужило интуитивной школѣ главнымъ поводомъ къ признанію представленій о матеріи и духѣ составными элементами каждаго сознательнаго состоянія.

Къ числу такихъ же врожденныхъ уму представленій или понятій интуитивные философы нашего времени приписываютъ также *протяженіе* или пространство, и *причинность*. Милль оспариваетъ и эти предположенія.

Протяженіе есть особенное свойство матеріи и притомъ единственное изъ всѣхъ, котораго нѣтъ въ нити сознанія; всѣ другія свойства матеріи: цвѣтъ, сопротивленіе, звукъ, запахъ, вкусъ, тепло и холодъ — всѣ они мыслимы лишь при участіи нашихъ органовъ чувствъ. Матерію мы знаемъ только по протяженію. Отвергнувъ реальность внѣшняго міра, интуитивная школа поступаетъ весьма послѣдовательно, отрицая реальность и протяженія также, и приписывая это свойство матеріи способности нашего ума представлять себѣ внѣшніе предметы не иначе, какъ протяженными. Но въ дѣйствительности понятіе о протяженіи, понятіе вовсе не первоначальное, но такое же пріобрѣтенное, какъ всѣ другія. Первообразъ его заключается въ нашемъ мышечномъ чувствѣ, проявляющемся соразмѣрно съ *продолжительностью* мышечнаго усилія, потребляемаго для передвиженія нашего тѣла или какой-либо части его съ одного мѣста на другое. Если, напримѣръ, провести рукою въ продольномъ направленіи отъ какой-нибудь точки *A* до другой *B*, то во время этого процесса мы прочувствуемъ рядъ мышечныхъ ощущеній, различныхъ соотвѣтственно съ величиною мышечнаго усилія, или — если при опредѣленномъ усиліи — различныхъ соотвѣтственно съ количествомъ времени, потребленнаго на переходъ отъ одной точки къ другой. Когда мы говоримъ, что между *A* и *B* есть пространство, мы разумѣемъ, что при прохожденіи его проявятся мышечныя ощущенія, и что чѣмъ больше будетъ это пространство, тѣмъ долѣе станутъ продолжаться мышечныя ощущенія. Если еще дальше, по той же линіи, будетъ находиться предметъ *C*, то, достигая до него, мы признаемъ разстояніе до него еще болѣе далекимъ, такъ какъ достиженіе его потребуетъ дальнѣйшаго продолженія мышечныхъ ощущеній. Всѣ эти ощущенія, вмѣстѣ взятыя, даютъ намъ понятіе о линейномъ протяженіи. Если принять одно разстояніе въ шесть дюймовъ, а другое въ восемнадцать, то разница между ними опредѣлится различными степенями сокращенія, которой-либо изъ мышечныхъ группъ. Внутреннее впечатлѣніе,

соотвѣтствующее внѣшнему факту въ шесть дюймовъ длины, происходитъ отъ сокращенія мышцы, лишающейся въ это время опредѣленной части своей энергій; мы чувствуемъ *это* потребление мышечной силы. Большая длина, въ восемнадцать дюймовъ, требуетъ бѣльшей продолжительности сокращенія или быстрѣйшаго движенія мышцы,—силы потраченной будетъ больше и, слѣдовательно, въ нашемъ ощущеніи этой утраты тоже произойдетъ усиленіе. Мышечное чувство, такимъ образомъ, становится мѣриломъ длины въ одномъ направленіи, а слѣдовательно, и во всѣхъ направленіяхъ; понятіе о *протяженіи* приобретається, поэтому, помимо всякаго непосредственнаго усмотрѣнія сознанія, при помощи одной лишь двигательной способности организма. Наблюденія и опыты надъ слѣпыми людьми подтверждаютъ всѣ эти объясненія. Одинъ изъ такихъ фактовъ Милль приводитъ изъ сочиненій самаго Гамильтона, который старался доказать, что только глазъ можетъ дать понятіе о разстояніи. «Въ этомъ фактѣ,—какъ говорить наблюдатель Платнеръ,—слѣпорожденный замѣчаетъ пространство временемъ: *«Время служило ему вмѣсто пространства»*. Смежность и разстояніе означаются имъ не чѣмъ инымъ, какъ короткимъ или долгимъ временемъ, меньшимъ или большимъ числомъ ощущеній... Слѣпорожденный ничего не знаетъ о существованіи вещей внѣ другъ друга, и если равные предметы, касающіяся его тѣла, не производятъ разнообразныхъ впечатлѣній на его нервы, то слѣпорожденный принимаетъ ихъ всѣхъ за одно и то же самое. Въ его собственномъ тѣлѣ онъ отличаетъ голову отъ ноги не по разстоянію, но исключительно по разницѣ въ ощущеніяхъ, получаемыхъ имъ отъ той и другой, и, сверхъ того, *по времени*. Точно также во внѣшнихъ тѣлахъ, слѣпой отличалъ ихъ формы исключительно посредствомъ разнообразныхъ впечатлѣній, напримѣръ, кубъ отъ шара посредствомъ его угловъ». Факты Платнера ясно говорятъ, что слѣпорожденный имѣлъ понятіе о пространствѣ, но оно опредѣлялось у него не такъ, какъ у зрячихъ: однимъ взглядомъ или мгновеннымъ соединеніемъ всего пространства въ одно общее впечатлѣніе, а лишь въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ которомъ постепенно совершались мышечныя ощущенія: *пространство опредѣлялось временемъ*.

Интуитивные философы, въ родѣ Гамильтона, съ особенною настойчивостью стараются приписать понятіе о протяженіи глазу, а не мышцамъ, и главнымъ доводомъ въ пользу своей теоріи приводятъ старое объясненіе д'Аламбера, основанное на способности глаза отличать цвѣта. Изъ ощущенія различія цвѣтовъ

необходимо выходить возможность ощущения линіи, отдѣляющей одинъ цвѣтъ отъ другого. Цвѣтъ, положенный на другой, даетъ фигуру. Но линія и фигура—видоизмѣненія протяженія; познаніе протяженія, слѣдовательно, необходимо дано въ ощущеніи цвѣтовъ. Не такъ смотритъ на это явленіе современная наука въ лицѣ шотландскаго психолога Бэйна. «Отличительная впечатлительность глаза — говоритъ этотъ ученый, съ которымъ вполне согласенъ Милль — это къ цвѣту. Но ощущеніе цвѣта не предполагаетъ никакого знанія вѣшнихъ предметовъ, какъ причинъ или вещей, въ которыхъ существуетъ цвѣтъ. Это просто умственный эффектъ или вліяніе, чувство или сознательное состояніе, которое мы можемъ отличить отъ другого сознательнаго состоянія, напримѣръ, отъ запаха или звука. Мы можемъ также обозначать отличіе между однимъ впечатлѣніемъ глаза и другимъ того же рода, болѣе или менѣе живыми, продолжительными или объемистыми. Такъ мы можемъ различать качественныя отличія между однимъ цвѣтомъ и другимъ. Къ простому ощущенію цвѣта можетъ присоединяться чувство пріятнаго или непріятнаго во всѣхъ отбѣнахъ напряженія или продолжительности, но знанія или вѣры во вѣшнее или матеріальное цвѣтное тѣло глазъ не даетъ, пока не присоединять къ нему активной или мышечной чувствительности». А такъ какъ глазъ одаренъ мышцами, которыя дѣлаютъ его способнымъ двигаться въ разныя стороны и даже приспособляться къ разстояніямъ, то онъ долженъ имѣть возможность участвовать въ составленіи нашего понятія о разстояніи. Однако, и въ немъ разстояніе доступно сознанію не иначе, какъ при посредствѣ мышцъ или движенія, то-есть путемъ активной дѣятельности или опыта ¹⁾).

Намъ остается еще объяснить явленіе *причинности*, которое интуитивная школа тоже причисляетъ къ первоначальнымъ элементамъ нашего мышленія, къ чему-то въ родѣ животныхъ инстинктовъ. Иные философы, допуская познаніе *вещей въ себѣ*, «субстанцій» и разныхъ «абсолютныхъ началъ»; переносили причинность въ объясненіе этихъ призраковъ своей фантазій, и такимъ образомъ вводили въ этотъ фактъ такое содержаніе, какого въ немъ никогда не было. Отъ подобныхъ иллюзій не воздержался и философъ Гамильтонъ, вводя въ объясненіе причинности разныя разсужденія объ «абсолютномъ начинаніи» вещей (*absolute commencement*). «Мы не можемъ—говоритъ онъ—ни мыслить, ни создавать себѣ абсолютнаго начинанія. Но такъ какъ

¹⁾ Срав. Ан. Exam. of Hamilton's Philosophy, глав. XIII.

немыслимыя вещи не только могутъ, но должны быть достовѣрными, то можетъ быть справедливо и то, что есть абсолютное начинаніе, а въ такомъ случаѣ положеніе, что *каждое явленіе имѣетъ причину*, можетъ оказаться ложнымъ». Далѣе, тотъ же философъ опять приходитъ къ немыслимости не только начала, но и конца бытія, подтверждая свой выводъ слѣдующими разсужденіями: «Мы неспособны мыслить, что къ бытію вообще могъ бы прибавиться хотя одинъ атомъ, или что оно могло бы лишиться его. Составьте себѣ понятіе о вселенной,—мыслимо ли, чтобы количество бытія, сумму котораго составляетъ вселенная, было дополнено или уменьшено? Вы можете мыслить твореніе міра также легко, какъ твореніе атома? Но что такое твореніе? Это не свачекъ небытія въ нѣчто; далеко не то. Это мыслимо нами, это мысль божества, это *fiat* эволюціи новой формы бытія. Перенесемъ въ самый кризисъ созданія. Можно ли представить себѣ въ мысли, что въ моментъ, когда вселенная пришла въ явное существованіе, во вселенной и Создателю ея прибавилась громадная масса бытія, которой не было прежде въ одномъ божествѣ? Этого мы не можемъ вообразить. Что я сказалъ теперь о нашихъ понятіяхъ творенія, будетъ справедливо и о нашихъ понятіяхъ уничтоженія. Дѣйствительнаго уничтоженія мы не можемъ мыслить; безусловнаго погруженія чего бы то ни было въ ничто не бываетъ. Но какъ твореніе мыслимо нами, какъ проявленіе божественной силы, такъ точно уничтоженіе возможно мыслить не иначе, какъ удаленіе божественной опоры. Все, что существуетъ теперь во вселенной, мы можемъ признавать существовавшимъ и прежде творенія, въ Создателѣ, и, слѣдовательно, въ мысли объ уничтоженіи вселенной мы должны представлять это уничтоженіе какъ отреченіе отъ вѣшняго проявленія энергіи».

Само собою разумѣется, что подобныя отважныя гипотезы, выбрасываемыя авторомъ по поводу столь обычнаго явленія, какъ причинность, могутъ лишь запутать, затемнить вопросъ, и преувеличить его значеніе. Чего тутъ ни припутано: и твореніе вселенной, и уничтоженіе ея. Не говоря о томъ, что неунитожимость и несотворимость атома стали немыслимыми лишь въ очень недавнее время, благодаря изысканіямъ опытныхъ наукъ, все разсужденіе о началѣ и концѣ міра представляется въ этомъ отрывкѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Милль, какою-то *mauvaise plaisanterie*, такъ какъ подъ причинностью наука разумѣетъ начало и конецъ не міра, но всѣхъ явленій, событій, перемѣнъ въ доступномъ нашему знанію мірѣ. Вопросъ заключается не въ томъ, почему мы думаемъ, что должна быть причина происхож-

денія матеріи или субстанціи, а въ томъ, можно ли думать, что въ проявленіяхъ субстанціи можетъ происходить безпричинно какое-нибудь измѣненіе? Законъ причинности отвѣчаетъ на этотъ вопросъ рѣшительнымъ «*нѣтъ*», и хотя этотъ отвѣтъ подтверждается всѣми фактами и не отвергается ни однимъ, однако понятіе причинности есть лишь выводъ научнаго опыта и наблюденія, а никакъ не элементъ нашей познавательной способности ¹⁾.

Это мнѣніе о причинности до такой степени очевидно, что подтверждается тѣмъ обыкновеннымъ фактомъ, что масса людей, въ особенности необразованныхъ, признаетъ справедливость закона причинности лишь съ большими ограниченіями. Крестьянинъ вѣритъ, что солнце, которое взошло сегодня, взойдетъ и завтра, или что жатва, какъ въ нынѣшнемъ году, такъ и въ будущемъ, наступитъ въ такое-то опредѣленное время, но у него нѣтъ никакого понятія о томъ, что внѣ круга его дѣятельности всѣ вещи тоже происходятъ въ томъ же опредѣленномъ порядкѣ. Даже среди образованныхъ людей существуетъ склонность приписывать случаю или судьбѣ, или произволу всякое явленіе, выходящее вонъ изъ обыкновенной жизни или опредѣленно установленныхъ законовъ природы. Даже философы и ученые,—особенно тѣ, которые создаютъ изъ человѣческой воли какое-то исключеніе изъ закона причинности—даже они не настолько выучены и развиты, чтобы понимать этотъ законъ основательнымъ образомъ. Исторія философіи показываетъ намъ, что сама наука долго не понимала причинности въ серьезномъ значеніи этого слова. Греческіе философы, напримѣръ, и самъ Аристотель въ томъ числѣ, причисляли къ числу дѣятельныхъ вліяній въ природѣ *случай* и *произволъ*. Итакъ, причинность во всемъ объемѣ, въ какомъ принимаетъ ее современная наука, никакъ не можетъ принадлежать къ числу врожденныхъ понятій или инстинктовъ; напротивъ, понятіе причинности пріобрѣтается человѣкомъ лишь посредствомъ глубокаго изученія и мышленія. И самымъ образованнымъ ученымъ въ этомъ вопросѣ является, по мнѣнію Милля, тотъ, который сильнѣе вѣритъ въ причинность, даже въ противность установившемуся мнѣнію: «вѣра въ нее зависитъ отъ обширности и глубины его индуктивныхъ изученій».

Законъ причинности выведенъ изъ опыта путемъ простаго введенія (индукціи), и подтвержденный всѣми фактами, къ которымъ только когда-либо его примѣняли, сталъ такою же научною истиною, какъ Ньютонъ законъ тяготѣнія. Каждый чело-

¹⁾ Сравни. An. Exam. of Hamilton's Philos., глав. XVI.

вѣкъ, въ своемъ кругу, выводитъ его по мѣрѣ своихъ наблюдательныхъ и разсудочныхъ способностей. Видитъ онъ нѣсколько разъ, что одно явленіе постоянно слѣдуетъ за другимъ, и заключаетъ отсюда, что эта взаимная послѣдовательность двухъ явленій всегда происходитъ также. Такъ какъ въ дѣйствительности эти послѣдовательности встрѣчаются на каждомъ шагу, то собирать ихъ можно во множествѣ и потомъ распредѣлять въ болѣе или менѣе однообразные ряды, изъ которыхъ затѣмъ при дальнѣйшемъ соединеніи можно было дойти, наконецъ, до понятія объ общемъ законѣ причинности, то-есть, что въ природѣ нѣтъ ни одного явленія, которое не имѣло бы своей причины или своихъ причинъ. Но такъ какъ въ природѣ есть еще много неизслѣдованнаго, «много такого, другъ Горацио, о чемъ не снилось мудрецамъ»,—то ясно, что противъ достовѣрности закона причинности можно утверждать, что хотя всѣ изслѣдованныя явленія согласны съ этимъ закономъ и ни одно изъ нихъ не противорѣчитъ ему, однако есть еще много другихъ неизслѣдованныхъ явленій, которыя можетъ быть противорѣчать ему. Но это возраженіе, еслибъ оно не было наивно и легкомысленно, уничтожило бы всю научную достовѣрность, ибо всѣ законы природы и само тяготѣніе имѣетъ не болѣшую достовѣрность. Случись одинъ фактъ, который противорѣчилъ бы закону тяготѣнія, и фундаментъ всего нашего знанія былъ бы разрушенъ, но пока этотъ фактъ не произойдетъ, достовѣрность закона столь убѣдительна, что болѣшей убѣдительности нашъ умъ найти не можетъ. Разумѣется, можно предположить, что за предѣлами нашихъ чувствъ или нашего опыта могутъ существовать другіе многочисленные міры, управляющіеся совершенно по инымъ законамъ, и гдѣ законы, нами опредѣленные, не имѣютъ никакого примѣненія, но тѣмъ не менѣе въ предѣлахъ нашего знанія вездѣ и постоянно явленія слѣдуютъ другъ за другомъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ мы ихъ опредѣляемъ. Самъ Милль говоритъ, «что было бы нелѣпо рѣшительно утверждать, что въ отдаленныхъ частяхъ звѣзднаго пространства, гдѣ могутъ быть явленія природы совершенно отличныя отъ тѣхъ, къ которымъ мы привыкли, что и тамъ господствуетъ этотъ общій законъ вмѣстѣ съ другими частными законами, управляющими нашею планетою». Причинный законъ—прибавляетъ нашъ авторъ—«законъ не вселенной, но лишь той части ея, которая лежитъ внутри границъ нашего точнаго наблюденія, и его можно распространять на пограничные случаи лишь въ умѣренной степени» ¹⁾).

¹⁾ Сравни. *A System of Logic*, т. I, кн. 3, гл. 21.

Нашъ разборъ содержанія сознанія приводитъ насъ къ отрицанію всякихъ элементовъ, которые вводили въ него разные философы умозрительной школы. Мы видимъ, слѣдовательно, что сознаніе можетъ свидѣтельствовать только о разныхъ состояніяхъ нашей умственной дѣятельности, а касательно знанія только то, что сообщаютъ чувства въ каждый моментъ жизни, — только то, слѣдовательно, что даетъ опытъ. Итакъ, весь вопросъ знанія переходитъ въ руки опыта, въ руки науки. Милль постарался разяснить въ своемъ сочиненіи: «Система Логики» всѣ способы и пути, которыми наука достигаетъ достовѣрности и истины во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, и къ ихъ-то объясненію мы и перейдемъ теперь.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Практическое значеніе логики. — Формальная логика, и логика, какъ теорія доказательствъ. — Что такое предметъ или вещь? — Логическій разборъ предложенія. — Противоположность Миллевской логики съ схоластическою или интуитивною. — Опрежденія и силлогизмъ. — Индукція есть естественная форма заключенія. — Цѣль силлогизмовъ есть рядъ индуктивныхъ заключеній, и сами дедуктивныя науки индуктивны. — Геометрическія определенія и математическія аксіомы основаны на гипотезахъ и индукціи. — Опытная система научныхъ изысканій.

Изученію логики Милль придавалъ большое значеніе, и онъ былъ правъ, если подъ этимъ изученіемъ разумѣть то, чему училъ Милль. Логика, по мнѣнію этого философа, должна стать «общимъ судьей» надъ всѣми научными изысканіями, должна быть признаваема «наукою всѣхъ наукъ», такъ какъ всѣ научные методы, всѣ способы отысканія истины, какими пользуются тѣ или другія науки при своихъ изслѣдованіяхъ — должны подлежать, относительно своей состоятельности, критикѣ логики. Логика не наблюдаетъ, не открываетъ и не изобрѣтаетъ, но она судить и опредѣляетъ — достаточны ли въ томъ или другомъ случаѣ доказательства истины. Всѣ науки состоятъ изъ данныхъ и заключеній, извлекаемыхъ изъ этихъ данныхъ, изъ доказательствъ и того, что ими доказывается; — логика же показываетъ, какія отношенія должны быть между данными и тѣмъ, что изъ нихъ заключаютъ, между доказательствомъ и тѣмъ, что оно доказываетъ. Обнимая такимъ образомъ всю научную область знанія, логика можетъ служить и практическимъ цѣлямъ, такъ какъ въ нашей обычной жизни мы тоже постоянно извлекаемъ заключе-

нія изъ разныхъ данныхъ или фактовъ, обусловливающихъ направление нашей дѣятельности въ разныхъ дѣлахъ. Возьмите человека какой угодно профессіи, частнаго ли человека или состоящаго на государственной службѣ,—всѣ его практическія соображенія и распоряженія или планы дѣйствія непременно исходятъ изъ обсужденія разныхъ данныхъ и доказательствъ или удостовѣреній, создаваемыхъ потребностями профессіи и стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ. «Намъ,—сказалъ Милль студентамъ въ Сентъ-Эндрюзѣ,—намъ нечего увлекаться разсказами о безсловесныхъ гигантахъ, которые дѣлають великія дѣла сами не зная какъ, и видять самыя сокровенныя истины, не прибѣгая къ обычнымъ пособіямъ и не умѣя даже объяснить другимъ людямъ, какимъ образомъ достигаютъ они своихъ заключеній,—намъ не нужно также убѣждать другихъ людей въ правдивости этихъ разсказовъ. Могутъ быть и *такіе* люди, какъ есть глухонѣмые, которые творять умныя вещи, но рѣчь и слухъ все-таки останутся такими способностями, отъ которыхъ никакъ нельзя отказаться». Практическимъ людямъ, какъ и ученымъ, важно знать—правильно ли, вѣрно ли они выводятъ свои заключенія. Но «если вы желаете знать, правильно ли вы мыслите, передайте ваши мысли словами. Въ самой попыткѣ этой передачи вы окажетесь вынужденными—сознательно ли, или безсознательно,—употребить логическія формы. Логика побуждаетъ насъ разлагать наши мысли въ отдѣльныя предложенія, и наши заключенія по разнымъ степенямъ. При помощи логики мы узнаемъ всѣ предположенія, служащія для насъ точкою отправленія, и которыя, если ложны, дѣлають негоднымъ весь процессъ. Она научаетъ насъ, насколько каждый способъ заключенія связываетъ насъ съ извѣстнымъ ученіемъ,—она побуждаетъ смотрѣть въ лицо предположеннымъ посылкамъ, и заставляетъ думать о томъ, можемъ ли мы принять ихъ или нѣтъ. Она дѣлаетъ наши мнѣнія состоятельными съ самимъ собою и между собою, и принуждаетъ насъ ясно мыслить даже тогда, когда не можетъ заставить насъ мыслить правильно». Вообще говоря, логика является «великимъ гонителемъ туманной и запутанной мысли; она сгоняетъ туманъ, скрывающій отъ насъ наше собственное невѣжество и побуждающій насъ вѣрить, что мы знаемъ то, чего не знаемъ» ¹⁾. Ошибки въ логикѣ совершаются легко, особенно людьми мало образованными и непріученными выводить правильныя общія заключенія изъ своего собственнаго опыта. Даже ученые умы, когда вся ихъ

¹⁾ Ср. Inaugural Address, etc.

ученость спеціальнаго свойства, не достигающая общихъ началъ наведенія, заключаютъ правильно лишь въ томъ случаѣ, когда есть подъ рукою готовая возможность повѣрить свои выводы фактами. Дѣльные ученые люди, когда имъ приходится имѣть дѣло съ предметами, гдѣ нѣтъ сдерживающихъ фактовъ, нерѣдко выводятъ такіа заключенія или обобщенія изъ своего опытнаго знанія, полную недостаточность которыхъ могла бы доказать всякая здравая теорія наведенія. Одни практическія свѣдѣнія, каковаго бы хорошаго сорта они ни были, оказываются несостоятельными, если не опираются на принципы и правила. Бэконъ первый понялъ необходимость въ послѣднихъ, но только Миллю удалось наконецъ представить такіа правила надлежащимъ образомъ: ему именно удалось соединить индуктивную форму заключенія съ дедуктивною (наводною съ выводною), и ввести въ составъ логики весь процессъ наведенія, находившійся прежде разбросаннымъ по различнымъ отраслямъ опытной науки.

Но господствовавшая до Милля схоластическая или *формальная* логика продолжаетъ и донинѣ утверждать, что логика должна ограничиться, при составленіи заключеній, лишь одною словесною стороною, а дѣло доказательства предоставить исключительно каждой наукѣ въ отдѣльности. Современные схоластики настаиваютъ почти на полномъ исключеніи индуктивнаго процесса, — никакого другого доказательства истины они не признаютъ, кромѣ формальнаго. Это правда, что мы открываемъ иногда путемъ одного формальнаго доказательства неправильность заключенія, несоответствіе его съ дѣйствительнымъ фактомъ, изъ котораго оно вытекаетъ. Мы можемъ, напримѣръ, найти, что заключеніе выведено при посредствѣ двусмысленнаго выраженія, или что въ немъ самомъ содержится противорѣчіе. Но вотъ и всѣ пользы формальной логики. Всѣ заключенія, касающіяся не словеснаго выраженія факта, а самаго содержанія изучаемыхъ явленій, остаются внѣ его, и самый процессъ мышленія какъ-бы раздвоится. Философы, впрочемъ, въ родѣ Гамильтона, изгоняя наведеніе изъ логики, главнымъ образомъ хлопочутъ не объ интересахъ знанія, а о спасеніи ихъ интуитивныхъ теорій, которымъ однимъ они приписываютъ право на всю истину, признавая въ то же время все индуктивное или опытное знаніе маловажнымъ и недостаточно вѣроятнымъ. «Въ этой отрасли знанія—говоритъ Гамильтонъ съ пренебреженіемъ—главнымъ образомъ требуется терпѣливая привычка вниманія къ подробностямъ, въ видахъ открытія явленій, — а когда они открыты, обобщеніе ихъ совершается обыкновенно столь легко, что требуетъ лишь небольшого упражненія высшихъ

энергій сужденія и заключенія. Бэконъ хвасталъ, что индукція, приложенная къ природѣ, сравнить всѣ таланты, унивелируетъ аристократію гения, совершить чудеса посредствомъ коопераціи и метода, и лишь весьма немногое предоставитъ силамъ индивидуальныхъ умовъ. Это хвастовство свершилось; наука, посредствомъ индуктивнаго процесса, приближена къ тѣмъ умамъ, которые въ прежнія времена были неспособны обрабатывать ее, и физическое знаніе даетъ полезное занятіе многимъ, которые иначе оставались бы безъ всякаго разумнаго дѣла». Милль отвѣчаетъ на эту дерзкую выходку не менѣе сурово и объявляетъ каждаго мыслителя, какъ бы онъ способенъ ни былъ, лишеннымъ всякаго авторитета въ такомъ вопросѣ, какъ достовѣрность знанія, если этотъ мыслитель мало знакомъ съ процессами нынѣшнихъ изслѣдованій объективной истины: у мыслителя, отрицающаго возможность философіи доказательства и изслѣдованія природы, прибавляетъ онъ, нѣтъ столько свѣдѣній, которыя снабжали бы его средствами для сужденія о такой возможности или невозможности. «Формальная логика стремится къ удаленію лишь одного препятствія къ достиженію истины — словесной несостоятельности нашего мышленія, но состоятельно ли происходитъ мышленіе или нѣтъ, это все равно, если мы мыслимъ ложно. Мы можемъ мыслить правильно, соблюдая всѣ требованія формальной логики, но если содержаніемъ мысли будетъ заблужденіе, мы все-таки ни къ чему не придемъ, и если принесемъ что-нибудь, то, разумѣется, только одинъ вредъ. Между тѣмъ, цѣлью логики должно быть не только правильное словесное, но и справедливое, истинное заключеніе. Да и какая цѣль мышленія вообще, какъ не достиженіе истины. Въ самомъ дѣлѣ, если не единственною, то во всякомъ случаѣ первую и самую существенною составною частью здоровой мысли должно быть то, чтобы результаты ея были истинны. Понятія, сужденія и заключенія должны соответствовать реальности вещей, то-есть явленій или чувственныхъ представленій, къ которымъ они относятся... Единственно важнымъ свойствомъ мысли должна быть поэтому ея истина, а главной цѣлью законовъ и правилъ, служащихъ руководствомъ мысли, должна быть достовѣрность произведеній мышленія... Идеи истины и ложности не могутъ быть удалены изъ заключенія, ибо достоинство заключенія всегда бываетъ вопросомъ условной истины: должно ли быть одно предложеніе истиннымъ, если истинны другія, или истинно ли одно предложеніе, если истинны другія» ¹⁾).

¹⁾ Срав. An Exam. of Hamilton's Philosophy, глав. XX.

Замѣчательно, что почти во всѣхъ руководствахъ формальной логики, вышедшихъ въ Англіи послѣ обнародованія «Системы Логики», есть, хотя иногда очень небольшіе, отдѣлы, въ которыхъ описываются основныя положенія наведенія и законовъ природы путемъ наведенія достигнутыхъ, и недалеко, по всей вѣроятности, то время, когда формальная логика станетъ лишь незначительною частью общаго поля логическихъ изслѣдованій. И теперь уже, какъ справедливо утверждаетъ Милль, для изученія всего содержанія формальной логики достаточно «немногихъ недѣль»...

Дѣйствительная логика, какъ ее понимаетъ Милль—есть теорія доказательствъ и искусство достигать истины путемъ доказательствъ. Въ ея область входить все, что можетъ составлять для нашего ума предметъ вѣры или невѣрія, признанія или отрицанія. Подобная дѣятельность ума подлежитъ научному изслѣдованію лишь чрезъ посредство языка или слова, и логикѣ приходится имѣть непосредственное вліяніе именно на слово, на такъ называемыя *предложенія*, служащія для выраженія утвержденій или отрицаній ума во всемъ, что касается нашего знанія. Всѣ науки, поэтому, являются предъ судомъ логики не чѣмъ инымъ, какъ массою различныхъ предложеній, — логика должна отбросить ложныя, ошибочныя предложенія и принять истинныя, вѣрныя. Каждое предложеніе состоитъ изъ двухъ названій, означающихъ два предмета, такъ какъ каждый, даже простѣйшій актъ вѣры касается двухъ различныхъ вещей — все равно матеріальныхъ ли, или умственныхъ—но непременно двухъ. Каждое названіе само по себѣ тоже имѣетъ свой смыслъ, напримѣръ: «стулъ», но это названіе ничего не утверждаетъ и не отрицаетъ, и потому не можетъ быть предметомъ вѣры или невѣрія. Подъ названіемъ, съ другой стороны, слѣдуетъ разумѣть не одни слова, но предметы, къ которымъ названія относятся, и притомъ дѣйствительныя предметы, а не наши представленія о нихъ.

Но что такое предметъ или вещь?.. На этотъ вопросъ мы уже отвѣтили, когда говорили о сущности нашего знанія. Мы разбирали тамъ, что такое наше ощущеніе, что слѣдуетъ разумѣть подъ внѣшнимъ міромъ и нашимъ я, или матеріей и духомъ, въ чемъ, наконецъ, заключаются относительныя свойства матеріальныхъ тѣлъ. Въ этомъ разборѣ мы перечислили все, что доступно нашему знанію, всѣ предметы или вещи.

Во-первыхъ, наши чувства, которыя слѣдуетъ отличать какъ отъ внѣшнихъ предметовъ, ихъ вызывающихъ, такъ и отъ органовъ, въ которыхъ они происходятъ. Такихъ чувствъ Милль на-

считываетъ четыре разряда: ощущенія, мысли, душевныя движенія и волевыя дѣятельности.

Во-вторыхъ, мы имѣемъ нить сознанія, которая сама испытываетъ всѣ эти чувства и сознаетъ ихъ не только въ настоящемъ, но также въ прошломъ и будущемъ. Эта нить служить какъ-бы преемникомъ всѣхъ нашихъ впечатлѣній, но подъ *воспріятіемъ* ощущеній, въ этомъ случаѣ, слѣдуетъ разумѣть не произвольный актъ нити сознанія, а лишь вѣру въ то, что причиною ощущенія служитъ внѣшній предметъ;—вѣра же есть мысль своего рода.

Въ-третьихъ, мы узнали, что наши ощущенія вызываются *внѣшними* предметами или *тѣлами*, при посредствѣ ихъ свойства. Такъ какъ сами внѣшнія тѣла, сама *матерія* (если она существуетъ), недоступны нашему изученію, и мы знаемъ о нихъ лишь наши ощущенія, которыя вызываются ими въ насъ, то ясно, что эти ощущенія должны выражать все, что слѣдуетъ разумѣть подъ *свойствами* или *аттрибутами* тѣлъ. Обыденная рѣчь отличаетъ ихъ какъ отдѣльныя названія одной и той же вещи, но, по мнѣнію Милля, здѣсь никакого существеннаго различія нѣтъ.

Въ-четвертыхъ, поэтому, свойства вещей и ихъ отношенія между собою. Всѣ свойства можно свести въ три рода, смотря по различію вызываемыхъ ими ощущеній: въ качественныя, количественныя и относительныя. Въ дѣйствительности каждое свойство, взятое само по себѣ, есть не что иное, какъ ощущеніе качественное — что же касается до количественнаго и относительнаго, они составляютъ отдѣльныя разряды лишь вслѣдствіе взаимнаго сравненія: наше чувство можетъ отличать количественную разницу и относительность. Къ разряду относительныхъ свойствъ мы причисляемъ послѣдовательность и единовременное существованіе (сосуществованіе), сходство или несходство между ощущеніями или сознательными состояніями. Эти отношенія, хотя, быть можетъ, существуютъ между другими вещами, но въ дѣйствительности мы ихъ находимъ лишь между сознательными состояніями.

Итакъ, все, что входитъ въ составъ этихъ четырехъ группъ, все это наши ощущенія или впечатлѣнія. Какъ въ отдѣльномъ существованіи, такъ и въ соединеніи между собою, они составляютъ то, что мы называемъ *вещами* или *фактами*. Если фактъ состоитъ исключительно изъ однихъ чувственныхъ ощущеній или сознательныхъ состояній, то его называютъ психологическимъ или *субъективнымъ*; если же онъ составленъ весь или только отчасти изъ субстанцій и атрибутовъ, то его называютъ *объективнымъ*.

Мы можемъ сказать поэтому, что каждый объективный фактъ основанъ на соответствующемъ ему субъективномъ, и что онъ для насъ, за исключеніемъ этого соответствія, не имѣетъ никакого значенія: онъ даетъ въ упомянутомъ соответствіи лишь названіе тому неизвѣстному и необъяснимому прогрессу, посредствомъ котораго вызывается субъективный или психологическій фактъ.

Выше упомянуто было, что въ каждомъ предложеніи должно быть непременно двѣ вещи или два факта, два предмета или два явленія, изъ которыхъ одно играетъ роль *субъекта*, а другое *аттрибута*. Подвергая любое предложеніе логическому разбору, мы находимъ всегда, что оно утверждаетъ или отрицаетъ, что его субъектъ (*подлежащее*) обладаетъ извѣстнымъ атрибутомъ (или свойствомъ), или что извѣстное свойство соединено съ другимъ. Примѣръ перваго предложенія: «Вершина Чимборассо (*субъектъ*) бѣла» (*аттрибутъ*). Примѣръ втораго: «Всѣ люди (*свойства* человека) смертны» (*свойства*). Такъ какъ намъ извѣстно, что каждый аттрибутъ есть фактъ ощущенія или сознательнаго состоянія, и что обладать аттрибутомъ значить быть частью факта, на которомъ аттрибутъ основанъ, то мы вправѣ заключить, что послѣднее предложеніе, свидѣтельствующее о соединеніи двухъ аттрибутовъ, утверждаетъ въ дѣйствительности не что иное, какъ *сопровожденіе* одного явленія другимъ, такъ что гдѣ бы мы ни нашли одного изъ нихъ, тамъ можно найти и другое. Въ предложеніи: «всѣ люди смертны» слово *человѣкъ* соозначаетъ въ себѣ свойства, приписываемыя нами извѣстному роду живыхъ существъ вслѣдствіе того, что они обнаруживаютъ извѣстныя явленія;—эти явленія отчасти физическаго характера, какъ возбужденія нашихъ чувствъ ихъ тѣлеснымъ строеніемъ, отчасти же духовнаго, какъ присущая имъ чувственная и умственная жизнь... Когда мы говоримъ: «всѣ люди смертны», то мы думаемъ, слѣдовательно, что гдѣ встрѣчаются только-что упомянутыя физическія и духовныя явленія, тамъ навѣрное встрѣтятся еще другое физическое и духовное явленіе, называемое *смертью*.

Всѣ отношенія между субъектомъ и аттрибутомъ могутъ опредѣлять пять различныхъ состояній: существованіе факта или вещи, причинность его, сосуществованіе, послѣдовательность и сходство одного факта съ другимъ. Наука, слѣдовательно, можетъ доказывать лишь эти пять отношеній между явленіями природы, и больше ничего.

На каждое предложеніе можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія: или какъ на долю нашихъ научныхъ свѣдѣній, или какъ

на памятную замѣтку для практическихъ цѣлей. Въ первомъ случаѣ, предложеніе: «всѣ люди смертны» будетъ означать для насъ, что свойства человѣка всегда сопровождаются атрибутомъ смертности, а во второмъ, что свойства человѣка есть *доказательство* или *признакъ* смертности. Въ сущности обѣ формы выраженія равнозначительны, но одна изъ нихъ направляетъ наше вниманіе на смыслъ предложенія, а другая — на способъ пользованія имъ. Послѣдняя форма важна для логическихъ цѣлей, такъ какъ главная задача логики: *заключеніе* — есть процессъ, въ которомъ предложенія играютъ роль не послѣднихъ результатовъ, а только средства для установленія другихъ предложеній. Такимъ образомъ, въ «Системѣ Логики» предложеніе утверждаетъ или отрицаетъ, что извѣстный фактъ или явленіе служитъ признакомъ или доказательствомъ какого-либо другого факта или явленія. И Милль начинаетъ свою теорію заключенія заявленіемъ, что «фактъ или утвержденіе считаются доказанными, если въ истину ихъ пріобрѣтается вѣра на основаніи другого факта или утвержденія, изъ котораго первый выводится». Выводъ этого рода и называется *заключеніемъ* въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Но прежде чѣмъ перейти къ процессу заключенія, намъ необходимо сазать, что разумѣла прежняя силлогистическая логика подъ фактомъ доказательства, и какими средствами старалась она удовлетворять требованіямъ научнаго знанія. Какъ извѣстно, она много занималась *словами*, разъясненіемъ ихъ, грамматическимъ смысломъ и т. п. Она мечтала найти въ нихъ откровеніе чуть ли не всего существующаго во вселенной, и доходила въ этихъ иллюзіяхъ до того, что утверждала въ извѣстномъ афоризмѣ тѣхъ временъ, будто бы наука достигаетъ своего совершенства лишь при превращеніи въ «хорошо составленный языкъ» (*une langue bien faite*); а это значило тогда, что при изученіи сущности и свойствъ вещей все дѣйствительное дѣло должно заключаться въ подыскиваніи имъ подходящихъ названій. Но серьезный философскій анализъ согласенъ, относительно значенія названій, не съ схоластиками, а съ здравымъ смысломъ людей вообще. Названія служатъ только для того, чтобы дать намъ возможность припоминать и сообщать другимъ наши мысли. Правда также, что названія въ значительной степени укрѣпляютъ нашу способность мыслить. Какъ искусственная память, языкъ дѣйствительно играетъ роль орудія мысли, «но одно дѣло — говорить Милль — быть орудіемъ, и другое — быть исключительнымъ предметомъ, которому орудіе должно служить. Мы дѣйствительно много мыслимъ посредствомъ названій,

но мы мыслимъ сами вещи, надѣленные названіями, и нѣтъ болѣе крупнаго заблужденія, какъ вѣра въ то, что еслибы въ нашемъ умѣ не было ничего, кромѣ названій, мы все-таки могли бы выводить мысли, какъ будто возможно заставить названіе мыслить, вмѣсто насъ».

Изъ словесныхъ орудій схоластиковъ особенное значеніе приписывали двумъ родамъ: *опредѣленію* и *силлогизму*. Что касается до особаго рода предложеній, называемыхъ *опредѣленіями*, ими опредѣляются, говорили схоластики, не одни названія, но и вещи; опредѣленія открываютъ даже сущность вещи; кромѣ свойствъ, въ каждомъ предметѣ есть также сущность, качествами и проявленіями которой служатъ его свойства. Но въ дѣйствительности *опредѣленія* нисколько не способствовали открытію научныхъ истинъ. «Ни одно опредѣленіе — говоритъ Милль — не открываетъ всей своей сущности, и напротивъ, каждое предложеніе, въ которомъ вещи приписывается какое-нибудь качество, раскрываетъ часть ея сущности. Дѣйствительное дѣло заключается здѣсь въ слѣдующемъ. Всѣ опредѣленія — опредѣленія названій только, однихъ названій, — но въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ ясно видно, что они имѣютъ цѣлью лишь объясненія значенія слова, между тѣмъ какъ въ другихъ, кромѣ этого объясненія, опредѣленіе подразумеваетъ еще существованіе вещи, соотвѣтствующей названію». По формѣ выраженія трудно бываетъ удостовѣриться — заключаетъ ли въ себѣ опредѣленіе такое подразумѣваніе, или нѣтъ. Напримѣръ, въ выраженіи: «треугольникъ есть прямолинейная фигура о трехъ сторонахъ» можно найти два совершенно различныя предложенія: 1) «можетъ быть фигура, ограниченная тремя прямыми сторонами», и 2) «эта фигура можетъ быть названа треугольникомъ». Первое предложеніе не представляетъ никакого *опредѣленія*; это просто объясненіе приложенія слова: «треугольникъ»; оно можетъ, поэтому, быть истиннымъ или ложнымъ и служить для вывода заключенія, между тѣмъ какъ второе есть опредѣленіе и объясняетъ лишь соотвѣтствіе слова съ употребленіемъ языка, но истиннымъ или ложнымъ оно не можетъ быть. Ясно, слѣдовательно, что опредѣленіе есть просто тождественное предложеніе, объясняющее лишь употребленіе языка и потому негодное для извлеченія заключенія. Съ другой стороны, первое предложеніе утверждаетъ дѣйствительное существованіе вещей, которыя обладаютъ свойствами, упомянутыми въ опредѣленіи, и поэтому можетъ стать основою цѣлаго ряда научныхъ истинъ — источникомъ всѣхъ геометрическихъ теоремъ, истекающихъ изъ свойствъ треугольника.

Изъ всего нашего разбора предложеній мы можемъ теперь вывести общее заключеніе о сущности приобретаемаго изъ нихъ знанія. Если дѣло идетъ о названіяхъ, какъ въ опредѣленіи названій, то намъ слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы названіе выражало только факты, изъ которыхъ оно составилось. Если дѣло идетъ о вещахъ, какъ въ предложеніяхъ съ двумя вещами, то нужно стараться о томъ, чтобы соглашать или соединять эти вещи такимъ образомъ, чтобы изъ ихъ извѣстныхъ свойствъ можно было вывести неизвѣстныя. Если же дѣло идетъ о названіи *и* вещи, вѣстѣ связанныхъ, какъ въ томъ опредѣленіи названія, гдѣ скрывается предложеніе о вещи, то необходимо позаботиться и о томъ и о другомъ: чтобы и названіе было правильно составлено, и чтобы вещь послужила открытію всего, что только можно.

Переходимъ къ *силлогизму*, который признавался схоластиками и новѣйшими приверженцами формальной логики единственною формою логическаго доказательства. Эта форма состоитъ изъ трехъ предложеній: *большой посылки*, *малой посылки*, и *заключенія*. Напримѣръ: «всѣ люди смертны (б. пос.), король человѣкъ (м. пос.), слѣдовательно король смертенъ» (закл.). Или: «всѣ люди не всемогущи, король человѣкъ, слѣдовательно король не всемогущъ». Большая посылка, какъ видно изъ нашихъ примѣровъ, есть общее предложеніе, принципъ или положеніе, въ которомъ утверждается свойство (или отрицаніе свойства), присущее неопредѣленному числу предметовъ, отличающихся однимъ общимъ характеристическимъ признакомъ и потому означаемыхъ однимъ общимъ названіемъ. Малая посылка утверждаетъ или отрицаетъ, что что-либо изъ класса тѣхъ фактовъ, о которомъ говорила большая посылка, принадлежитъ къ этому классу или составляетъ часть его. Заключеніе выводитъ, что всѣ свойства, присущія цѣлому классу, принадлежатъ каждому и всѣмъ предметамъ, составляющимъ этотъ классъ. Сами схоластики очень хорошо понимали все это, но держались своей *аксіомы*, хотя она выражаетъ только, что, что можно утверждать или отрицать относительно цѣлаго класса, можно утверждать или отрицать и относительно *каждаго* отдѣльнаго предмета, изъ которыхъ классъ состоитъ. Однако, схоластики не думали, что ихъ силлогизмъ не доказываетъ такимъ образомъ никакой истины и есть не что иное, какъ тождественное предложеніе, утверждающее въ заключеніи только то, что уже содержится въ посылкахъ. Все силлогистическое заключеніе является, слѣдовательно, пустою забавою приложенія общаго положенія къ частнымъ случаямъ, и самъ силлогизмъ становится

въ одну линію съ другою истиною, которую схоластики тоже считали весьма важною, съ истиною: «что есть, есть...»

Миллю, когда онъ пришелъ къ этому справедливому выводу относительно схоластической логики, приходилось или совсѣмъ отказаться отъ силлогизма, или дать ему совершенно другое значеніе. Понимая пользу и естественность этой формулы заключенія, онъ рѣшился удержатъ ее для поясненія дѣйствительно существующихъ выводовъ. Но существеннымъ предложеніемъ можетъ быть признано лишь такое, которое утверждаетъ или отрицаетъ фактъ, зависящій отъ какого-либо закона природы, а не отъ искусственной классификаціи. Оно утверждаетъ, какъ мы говорили выше, что данный предметъ обладаетъ или нѣтъ даннымъ свойствомъ, или что два или нѣсколько свойствъ существуютъ вмѣстѣ или нѣтъ. Итакъ, силлогизмъ можетъ сдѣлаться орудіемъ дѣйствительнаго реальнаго знанія только въ такомъ случаѣ, если замѣнить въ немъ классификаціонное предложеніе предложеніемъ, содержаніе котораго не противорѣчитъ законамъ природы, — если общая посылка станетъ индуктивнымъ выводомъ, а весь силлогизмъ станетъ какъ-бы повѣрочнымъ аппаратомъ индукціи, чѣмъ онъ въ дѣйствительности и долженъ быть. Тогда, вмѣсто прежней силлогистической аксіомы, мы получимъ два другія основныя положенія, совершенно подобныя аксіомамъ математики: 1) «вещи, существующія вмѣстѣ съ одною и тою же вещью, сосуществуютъ другъ съ другомъ»; 2) «вещь, существующая вмѣстѣ съ другою вещью, съ которою не сосуществуетъ третья, не сосуществуетъ съ этою третьей». Какъ предложеніе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ точекъ зрѣнія, такъ и силлогизмъ. Въ обѣихъ вышеприведенныхъ аксіомахъ силлогистическія положенія разсматриваются какъ доли нашихъ свѣдѣній о природѣ, а если они станутъ памятными замѣтками для практическихъ цѣлей, то форма ихъ будетъ такая: 1) «что обладаетъ какимъ-либо признакомъ, обладаетъ и тѣмъ, чему онъ признакъ»; 2) «что служить признакомъ какого-либо признака, есть признакъ того, кому послѣдній служить признакомъ». Въ примѣненіи къ прежнимъ примѣрамъ эти положенія приложатся въ слѣдующей формѣ: «Свойства человѣка суть признакъ свойства смертности; свойства короля суть признакъ свойствъ человѣка, — слѣдовательно, свойства короля, — признакъ свойства смертности». Или: «свойства человѣка суть признакъ отсутствія свойства всемогущества; свойства короля суть признакъ свойства человѣка, — слѣдовательно, свойства короля — признакъ отсутствія свойствъ, обозначаемыхъ словомъ «всемогущество» (или

свойства короля суть *доказательство* отсутствія свойствъ, обозначаемаго словомъ «всемоущество»).

Что касается до тѣхъ общихъ предложеній, которыя могли бы занять мѣсто большой посылки, они получаются путемъ *индукции*, заключеніемъ отъ частнаго къ частному, какъ дѣлается всѣми людьми въ обыденной жизни. Такъ, напримѣръ, смертность короля доказывается, въ дѣйствительности, не общимъ положеніемъ о смертности всѣхъ людей, а смертностью отдѣльных личностей. Если умеръ Иванъ, Петръ и другіе, то этого достаточно, чтобы предположить, что точно также умретъ и каждый другой человѣкъ, и король. Милль съ особенною настойчивостью напираетъ на тотъ фактъ, что всѣ люди умѣютъ заключать индуктивнымъ способомъ, что человѣкъ, слѣдовательно, уже по самой природѣ своего ума, является вооруженнымъ индукціей. Такъ, даже дитя, обжогши однажды палецъ, избѣгаетъ огня лишь потому, что сдѣлало въ умѣ индуктивное заключеніе, хотя въ его головѣ никогда не было общаго основнаго предложенія: «огонь жжется». Дитя знаетъ по воспоминанію, что ему случилось обжечься, и вотъ, основываясь на этомъ доказательствѣ, оно, увидѣвъ снова огонь, не хочетъ сунуть въ него палецъ, опасаясь обжечь его. Оно не обобщаетъ, но заключаетъ отъ частнаго къ частному. Точно также заключаютъ животныя. «Я думаю,—говоритъ Милль,—что когда мы выводимъ заключенія изъ нашего личнаго опыта, а не изъ основныхъ положеній, передаваемыхъ намъ книгами и преданіемъ, то мы заключаемъ *прямо* отъ частнаго къ частному чаще, чѣмъ при посредствѣ общаго предложенія. Мы постоянно заключаемъ отъ себя на другихъ, отъ одной личности на другую, нисколько не заботясь о переложеніи нашихъ наблюденій въ общія основныя положенія. Когда мы заключаемъ, что нѣкто при данныхъ обстоятельствахъ будетъ такъ и такъ чувствовать или дѣйствовать, то лишь иногда руководствуемся мы въ этомъ случаѣ широкимъ обзоромъ способа, въ которомъ люди вообще или извѣстнаго характера только такъ и такъ чувствуютъ или дѣйствуютъ; но гораздо чаще наше заключеніе исходитъ изъ знакомства съ чувствами и поступками *того* самаго человѣка въ другихъ прежнихъ случаяхъ, или просто изъ мысли о томъ, какъ бы мы сами чувствовали и дѣйствовали при тѣхъ же обстоятельствахъ. Не деревенская баба только, призванная на консультацію къ сосѣду по поводу больного ребенка, даетъ свой совѣтъ о болѣзни и лекарствахъ на основаніи воспоминаній и авторитета подобнаго же случая, который она испытала съ своимъ ребенкомъ,—но мы всѣ слѣдуемъ подобнымъ же

указаніямъ, когда у насъ нѣтъ никакого опредѣленнаго основнаго положенія. Если же мы обладаемъ широкимъ опытомъ и вѣрно удерживаемъ свои впечатлѣнія, то намъ удастся достигнуть значительной и точной способности заключенія, которую, однако, мы ни объяснить, ни передать другимъ не можемъ. Многіе практическіе умы высшаго порядка, удивительно способные въ примѣненіи средствъ къ цѣлямъ, не умѣли, однако, дать достаточныхъ объясненій своему умѣнью просто потому, что умъ ихъ обладалъ запасомъ подходящихъ отдѣльныхъ случаевъ и долголѣтнею привычкою заключать отъ этихъ частныхъ на другія, не прибѣгая къ соотвѣствующимъ общимъ предложеніямъ. Такимъ же способомъ объясняется ловкость необразованныхъ людей въ употребленіи орудій и т. п. Такая же практичность можетъ развиваться у судьи, у всѣхъ практическихъ дѣятелей; и даже ученые, какъ доказывалъ шотландскій философъ Дюгальдъ Стюартъ, могутъ въ своихъ заключеніяхъ пропускать общую посылку, и прямо заключать отъ частнаго къ частному... Итакъ, «заключеніе совершается обыкновенно отъ частнаго къ частному; общія же предложенія суть лишь реестры (суммы) подобныхъ, уже сдѣланныхъ заключеній, и краткія формулы для вывода другихъ. Большая посылка силлогизма есть формула того же рода, и выводъ изъ нея не есть заключеніе, выведенное изъ формулы, но согласно съ формулою. Дѣйствительнымъ логическимъ предыдущимъ или посылками были частные факты, изъ которыхъ посредствомъ индукціи (или наведенія) собрано общее предложеніе. Эти факты и отдѣльные случаи, доставившіе ихъ, могли быть забыты; но остается отчетъ, не описывающій, правда, самихъ фактовъ, но показывающій, какъ слѣдуетъ отличать тѣ случаи, относительно которыхъ факты, когда ихъ помнили, признавались способными давать заключеніе. Согласно съ указаніями этого отчета, мы выводимъ наше заключеніе, которое, по всѣмъ намѣреніямъ и цѣлямъ, есть выводъ изъ забытыхъ фактовъ. Важно, поэтому, чтобы мы правильно читали этотъ отчетъ,—правила силлогизма суть рядъ предосторожностей для обезпеченія такого чтенія». Силлогизмъ, слѣдовательно, есть не выводъ истины, а способъ провѣрить данное доказательство.

Въ общей формулѣ съ индукціей (въ формулѣ, придуманной Миллемъ) силлогизмъ или *дедукція* (выводъ) представится на примѣрѣ въ слѣдующемъ видѣ:—«мой отецъ, мой дѣдъ А, В, С, и неопредѣленное число другихъ людей были смертны—*индукція*; Сократъ подобенъ моему отцу, дѣду и другимъ означеннымъ людямъ, потому что онъ человѣкъ,—слѣдовательно Сократъ смертенъ

(*дедукція*). Дедукція, слѣдовательно, есть тоже заключеніе отъ частнаго къ частному.

Итакъ, изъ всѣхъ нашихъ разсужденій о силлогизмѣ мы приходимъ, наконецъ, къ признанію того, что безъ индукціи невозможно никакое заключеніе, что единственнымъ орудіемъ къ изученію вещей или природы служитъ индукція, и что дѣло силлогизма или дедукціи состоитъ лишь въ объясненіи или провѣркѣ того, что даетъ индукція.

Кромѣ простыхъ силлогизмовъ существуютъ еще цѣлые ряды ихъ, соединенные въ одну *цѣпь*. Къ таковой цѣпи прибѣгаютъ для того, чтобы распространить основанную на наблюдавшихся фактахъ индукцію на другіе случаи, въ которыхъ мы не только не можемъ непосредственно наблюдать того, что слѣдуетъ доказать, но въ которыхъ мы не можемъ непосредственно наблюдать даже признака, который долженъ доказывать то, что слѣдуетъ доказать. Положимъ, данъ силлогизмъ: «всѣ коровы жуютъ жвачку; животное, которое я вижу, корова, — слѣдовательно оно жуетъ жвачку». Здѣсь малая посылка высказываетъ очевидный вѣрный фактъ: если большая посылка есть въ то же время вѣрное выраженіе индукціи, то весь силлогизмъ вѣренъ. Но такъ не всегда бываетъ. Напримѣръ: «всѣ мышьяки ядовиты; вещество, лежащее предо мною, мышьякъ, — слѣдовательно, оно ядовито». Въ этомъ силлогизмѣ малая посылка возбуждаетъ сомнѣніе: прямое ли это заявленіе или результатъ другого заключенія, напримѣръ: «все, что соединяется съ водородомъ и даетъ съ сѣрно-кислымъ серебромъ черный осадокъ, есть мышьякъ; исследуемое вещество проявляетъ эти химическія реакціи, — слѣдовательно, оно мышьякъ». Если этотъ силлогизмъ войдетъ въ составъ перваго, мы получимъ *цѣпь*. Въ цѣпи могутъ быть не два силлогизма только, но три, четыре, сколько потребуется. Такое присоединеніе одного силлогизма къ другому представляетъ, въ дѣйствительности, присоединеніе одной индукціи къ другой, такъ какъ каждый силлогизмъ является въ своей большой посылкѣ непосредственнымъ результатомъ предшествовавшей индукціи. То же самое можно сказать и о такъ-называемыхъ *дедуктивныхъ* наукахъ, которыя въ сущности также индуктивны, какъ цѣпи силлогизмовъ. Возьмите, напримѣръ, геометрію. Всѣ основныя положенія, въ ней заключающіяся, содержатся въ немногихъ *аксіомахъ* и такъ-называемыхъ *опредѣленіяхъ*, которыя сами по себѣ не что иное какъ простыя индукціи. Все остальное, что есть въ геометріи, это процессы для введенія внутрь индукцій непредвиденныхъ случаевъ, и такъ какъ эти процессы и всѣ другіе, встрѣчающіеся въ

геометріи, состоятъ лишь въ составленіи дедукцій или цѣпей, то вся наука, во всемъ ея объемѣ, является массою дедукцій, и потому ее называютъ дедуктивною, хотя она вся основана на индукціяхъ; да и сами дедукціи или *цѣпи*, какъ мы знаемъ, суть тоже не что иное, какъ ряды индуктивныхъ заключеній.

Интуитивная школа много надѣялась, въ своей борьбѣ съ опытною, на геометрическія опредѣленія и математическія аксіомы, которыя, по ея мнѣнію, составляютъ неизблемую опору ученія о непосредственномъ знаніи. Но Милль доказываетъ, что первыя основаны на гипотезахъ, а вторыя извлечены изъ опыта. Что касается геометрическихъ опредѣленій — эти опредѣленія ложны, такъ какъ они относятся къ отвлеченнымъ, несущимъ на себѣ не что иное, какъ копіи съ линій, точекъ и т. п., наблюдаемыхъ нами въ природѣ, а въ природѣ ничего подобнаго нѣтъ, о чемъ учать въ геометріи. Нашъ умъ можетъ, конечно, выводить заключенія касательно линіи, лишенной ширины, или какого-нибудь другого геометрическаго предположенія, но это потому, что мы обладаемъ способностью обращать вниманіе не на цѣлое, а лишь на какую-либо часть нашихъ чувственныхъ впечатлѣній или умственныхъ представленій. Но мы не имѣемъ и не можемъ себѣ представить никакой линіи безъ ширины. Мы всегда мыслимъ лишь такіе предметы, которые мы видѣли или ощущали, со всѣми ихъ естественными свойствами; если же, ради потребностей науки, мы разсуждаемъ о предметахъ природы, какъ-бы лишенныхъ тѣхъ или другихъ свойствъ, то это мы *дѣлаемъ* нарочно, а не то, чтобы сами вѣрили въ существованіе подобныхъ невозможностей. Это, слѣдовательно, предположенія, *гипотезы*. Опровергнуть этотъ выводъ можно только доказательствомъ, что геометрическія представленія — безусловныя истины. Въ геометрическихъ гипотезахъ важно, что въ нихъ содержится то, что имѣетъ дѣйствительное существованіе въ природѣ, и потому всѣ заключенія изъ этихъ гипотезъ содержать въ себѣ дѣйствительныя истины касательно всего, что есть истиннаго въ самихъ гипотезахъ.

Относительно *аксіомъ* интуитивная философія утверждаетъ, что онѣ до такой степени очевидны, что не нуждаются въ подтвержденіи опытомъ, и что противоположное имъ немыслимо. Теперь, правда, всѣ соглашаются, что аксіомы можно выводить изъ

опыта, и что онѣ дѣйствительно отсюда происходят; но *доказываются* аксіомы не опытомъ, а непосредственно, въ силу свойства самого ума. Однако, онѣ могутъ быть доказаны и опытомъ, и, сверхъ того, самый процессъ умственного доказательства аксіомъ происходитъ такъ, что онѣ оказывается тоже не интуитивнымъ, а опытнымъ. Возьмемъ какую-нибудь геометрическую аксіому, на примѣръ: «двѣ прямыя линіи не могутъ заключать пространства». Принято, что геометрическія формы имѣютъ свойство вызывать въ нашемъ воображеніи образъ, столь же ясный, какъ будто мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ предметомъ, то-есть онѣ вызываютъ точное сходство нашихъ представлений о формѣ съ ощущеніями, ею вызываемыми. Мы можемъ, такимъ образомъ, вызывать въ нашемъ умѣ всевозможныя сочетанія линій и угловъ, которыя походятъ на дѣйствительныя столько же, какъ нарисованныя на бумагѣ. Всѣ такія представленія и служатъ въ умѣ для геометрическихъ выводовъ, но въ нихъ нѣтъ ни одного, котораго нельзя было бы изобразить въ дѣйствительности, на примѣръ, такихъ, которыя касаются взаимодействія тѣлъ. Такимъ образомъ, всѣ геометрическія представленія соответствуютъ тѣмъ, которыя мы можемъ выразить въ дѣйствительности; поэтому ясно, что, дѣйствуя съ этими представленіями, мы все-таки будемъ на почвѣ опыта. Во всѣхъ системахъ опытнаго изслѣдованія мы принимаемъ нѣкоторые предметы за представителей всѣхъ другихъ, съ ними сходныхъ; такъ и здѣсь, хотя представителемъ является предметъ, существующій лишь въ нашемъ воображеніи, однако онъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, требующимся отъ представителя дѣйствительныхъ предметовъ. И когда мы говоримъ о томъ, что двѣ прямыя линіи не заключаютъ пространства, мы вѣримъ этой истинѣ не на основаніи нашего воображенія, но потому, что знаемъ, что воображаемыя линіи кажутся совершенно одинаковыми съ дѣйствительными, и что мы отъ воображаемыхъ линій можемъ заключить въ дѣйствительнымъ съ тою же точностью, какъ отъ одной дѣйствительной въ другой. Заключение, слѣдовательно, оказывается всегда индукціей изъ наблюденія, и мы не могли бы замѣнять наблюденіе образа въ нашемъ умѣ наблюденіемъ дѣйствительности, еслибъ долгій опытъ не научилъ насъ, что всѣ свойства дѣйствительности вѣрно представлены въ умственномъ образѣ.

Другое доказательство интуитивистовъ въ пользу самостоятельности аксіомъ также слабо и несостоятельно. Если, говорятъ они, немислимо что-либо противоположное какому-нибудь положенію, то это положеніе—истина. Математическая аксіома: «вещи, рав-

ныя одной и той же вещи, равны между собою* — потому аксіома, что противоположное ей предложеніе немислимо. Но что касается до мыслимости вещей вообще, это зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ развитія нашего ума, такъ какъ многія истины, считавшіяся немислимыми въ прежнія времена, оказываются потомъ очень простыми мыслями. Для грековъ, для греческихъ философовъ немислимы были антиподы. Въ богословскихъ спорахъ люди хвалятся способностью вѣрить одновременно въ совершенно противоположныя положенія. Наконецъ, есть такія крѣпкія сочетанія разныхъ представленій въ умѣ, которыя кажутся немислимыми въ раздѣльномъ существованіи; даже философъ Гамильтонъ, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ статьи, оказался неспособнымъ мыслить цвѣтъ безъ пространства, между тѣмъ какъ опытная философія доказала, что это не только мыслимо, но и происходитъ въ дѣйствительности. Если, такимъ образомъ, доводъ немислимости противоположнаго оказывается самъ по себѣ столь шаткимъ и двусмысленнымъ, то откуда же взяться вѣрѣ въ подобное доказательство аксіомъ?..

Еще другихъ доводовъ въ пользу своей теоріи интуитивная или схоластическая школа не имѣетъ. Милль, какъ мы видимъ, разбилъ ее на всѣхъ пунктахъ. Этого мало: онъ противопоставилъ ей другую систему научныхъ изысканій, въ которыхъ силлогизмъ играетъ лишь второстепенную роль — систему индуктивную, систему опыта.

Юр. Россель.

ГАЛИЛЕЙ

ДРАМА, ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ФР. ПОНСАРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГАЛИЛЕЙ.

ТАДДЕО.

ФЕРДИНАНДЪ, великій герцогъ Тосканскій.

ВИВИАНЪ.

ИНКВИЗИТОРЪ, комиссаръ св. коллегіи.

ПРЕЗИДЕНТЪ ТРИБУНАЛА.

ПОМПЕЙ, профессоръ.

АЛЬБЕРТЪ.

МОНАХЪ.

ПРИСТАВЪ ИНКВИЗИЦИИ.

НИККОЛИНИ, посланникъ великаго герцога.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

УЧЕНИКИ } Первый.
 } Второй.

АНТОНІЯ, дочь Галилея.

ЛИВІЯ, жена Галилея.

Молодая дѣвушка.

Инквизиторы, ученики, народъ, и проч.

Два первыхъ дѣйствія происходятъ во Флоренціи, послѣднее — въ Римѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Улица во Флоренціи. Домъ Галилея. Въ глубинѣ балкона.

ЯВЛЕНІЕ I.

АНТОНІА выходитъ изъ дома Галилея и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по улицѣ.
ТАДДЕО показывается изъ-за угла сосѣднаго дома.

ТАДДЕО.

Вы здѣсь, Антонія? Я снова вижу васъ?
Какое счастье!

АНТОНІА.

Откуда вы?

ТАДДЕО.

Ужъ часъ,

Какъ я васъ жду.

АНТОНІА.

Зачѣмъ?

ТАДДЕО.

Зачѣмъ? Вопросъ вашъ страненъ.

Зачѣмъ чтобъ видѣть васъ! Любовью отуманенъ,
Я жду васъ каждый мигъ; я прячусь день и ночь.
Чтобъ взглядъ вашъ подстеречь, и, безсердечно прочь
Изъ дома изгнанный, скитаюсь у порога
Жилища вашего.

АНТОНІА.

Ахъ, не судите строго,
Таддео: мой отецъ вѣдь не виновенъ въ томъ,
Что всѣ въ семьѣ у васъ его еретикомъ
Зовутъ и дочь его упорно не желаютъ
Считать достойной васъ... Пусть насъ не обвиняютъ,
Что васъ привлечь къ себѣ хотимъ насильно мы...

ТАДДЕО.

О, будьте прокляты вы, жалкіе умы,
Сердце разлучники, ханжи и фарисеи,
Всѣ вмѣстѣ! Но любовь людской вражды сильнѣе:
Останьтесь вѣрны мнѣ и, я влянусь душой,
Хотятъ иль нѣтъ они, вы будете женой
Моей, Антонія!

АНТОНИЯ.

Дай Богъ, Таддео! Вѣрите
И мнѣ, и я клянусь: никто другой до смерти
Не будетъ мужемъ мнѣ!—Но до свиданья!

ТАДДЕО.

Какъ?

Ужъ вы уходите? Куда-жъ спѣшить вамъ такъ?
Могу-ль, хоть издали, и я пойти за вами?

АНТОНИЯ.

Нѣтъ. Я къ отцу спѣшу. Въ бесѣдѣ съ небесами
Онъ что-то слишкомъ ужъ сегодня запоздалъ...
Мать очень сердится... Прощайте!

ТАДДЕО—удерживая ее за руку.

Я считалъ

Добрѣй васъ, милая!—Нѣтъ, нѣтъ! не убѣгайте,
И, безсердечная, изъ рукъ не вырывайте,
Такъ нѣжно сжатыхъ мной, прелестныхъ вашихъ рукъ!
Поговоримъ о томъ, какъ любимъ мы, мой другъ...

АНТОНИЯ.

Ахъ, это долго такъ!

ТАДДЕО.

О томъ, чѣмъ озабоченъ
Нашъ бѣдный умъ теперь...

АНТОНИЯ.

Ахъ, это скучно очень!

ТАДДЕО.

Иль объ отцѣ еще... Мнѣ кто-то говорилъ,
Что онъ къ числу планетъ, извѣстныхъ намъ, открылъ
Четыре новыя?

АНТОНИЯ.

А вы не знали? какъ же!
И, что страннѣй всего, планеты эти также,
По мнѣнію отца, какъ и земля, должны
Быть всѣ, навѣрное, людьми населены...
Вы въ это вѣрите?

ТАДДЕО.

Не знаю. Я лишь знаю,
 Что вы живете здѣсь и больше не желаю
 Знать ничего? Вашъ домъ въ одномъ себѣ вмѣстилъ
 Все, всю вселенную, весь сонмъ ея свѣтилъ!
 Свѣтъ, мною видимый въ окнѣ у васъ, сверкаетъ
 Такъ ослѣпительно, что взоръ не замѣчаетъ
 При немъ ни солнцъ, ни звѣздъ блестящихъ въ небесахъ.

АНТОНИА—задумчиво садясь на скамью.

Кто знаетъ, можетъ быть, въ далекихъ тѣхъ мірахъ
 Влюбленный, какъ и вы, твердить, Таддео, то же
 Своей возлюбленной?

ТАДДЕО.

Навѣрно. Для чего же
 Ихъ Богъ и создалъ бы, какъ только не затѣмъ,
 Чтобъ поселить на нихъ людей, довольныхъ всѣмъ.

АНТОНИА.

Хотѣла-бъ слышать я, о чемъ-то межъ собою
 Тамъ говорить они?

ТАДДЕО.

Я слышу ихъ душою.

Онъ говорить ей тамъ и то же, и о томъ,
 О чемъ и я твержу. О томъ, что ни умомъ,
 Ни красотою своею, никто, самъ ангелъ рая,
 Не въ силахъ спорить съ ней, небесъ не оскорбляя.
 Что пара глазъ ея—два солнца; что ихъ взглядъ
 И. леденитъ всего, и жжетъ всего, какъ ядъ;
 То нѣжить, то мертвитъ, то снова оживляетъ;
 Что онъ, какъ лучъ зари: блеснулъ—и все сіяетъ,
 Потухъ—и мракъ кругомъ. Приходъ ея всегда
 И быстръ, и кратокъ такъ: придетъ и безъ слѣда
 Сейчасъ же скроется. Онъ тщетно ожидаетъ,—
 Она какъ будто бы его не замѣчаетъ.
 Напрасно силится черты ея лица
 Онъ изучить вполне. Онъ можетъ, безъ конца,
 Съ утра до вечера прекрасной любоваться,—
 Міръ прежде кончится скорѣй, чѣмъ онъ разстаться
 Рѣшится первый съ ней. А нѣтъ ея—и мигъ
 Его, какъ вѣкъ, томить. И сумраченъ, и дикъ,

Онъ весь живетъ тогда однимъ воспоминаньемъ,—
 Одной надеждою, однимъ святымъ желаньемъ
 Свиданья новаго. Вдали онъ хочетъ ей
 Такъ много высказать, въ немъ столько и идей,
 И словъ, и чувствъ тогда. При ней онъ вдругъ робѣетъ,
 И рѣчь готовая въ устахъ его нѣмѣетъ.

АНТОНІЯ.

И что-жъ она?

ТАДДЕО.

Она?...

АНТОНІЯ.

Да, что ему въ отвѣтъ

Должна сказать она?

ТАДДЕО.

Я... я не знаю.

АНТОНІЯ.

Нѣтъ?

А я такъ знаю!

ТАДДЕО.

Да? Вы знаете? Ахъ, что же,

Что-жъ говорить она?

АНТОНІЯ.

Молчить.

ТАДДЕО.

Молчить? О, Боже!

АНТОНІЯ—вставая.

Молчить, но взглядъ ея такъ любящъ, но рука
 Дрожить у милаго, въ рукахъ его, слегка,
 И все въ то время въ ней и мирно такъ, и ясно...
 Прощай, мой добрый другъ! Къ чему служить напрасно
 Мишенью сплетнямъ злымъ и гнуснымъ клеветамъ?

ТАДДЕО.

О, вы, воздушные любовники! Вы тамъ
 Стовратъ счастливей насъ! Тамъ поперегъ дороги
 Никто не станетъ вамъ: ни эти теологи,
 Ни эти зрители, спѣшащіе смутить
 Веселый праздникъ вашъ. Вы, вѣрно, и любить,

И разговаривать, и видѣться свободно
Вездѣ тамъ можете!

АНТОНІЯ.

Ахъ, это превосходно!

О, унеси-жъ тогда, умчи на золотомъ
Лучѣ звѣзды меня въ тотъ край, гдѣ все кругомъ
И жизнь и счастье! Скорѣй нашъ міръ покинемъ—
И въ путь! Туда, въ тотъ рай, въ ту высь, гдѣ въ блескѣ синемъ
Сверкаетъ Сиріусъ; иль въ Лирѣ золотой;
Иль выше, къ тѣмъ брегамъ, гдѣ въ дымкѣ голубой,
Сквозь пѣну млечныхъ волнъ, мерцаетъ Лебедь бѣлый...
Направимъ къ нимъ скорѣй съ земли полетъ свой смѣлый!
А вы, властители волшебныхъ тѣхъ міровъ,
Примите ласково и дайте намъ свой кровъ!
У васъ увидимъ тамъ такъ много всевозможныхъ
Чудесъ, такихъ чудесъ, какихъ и въ снахъ тревожныхъ
Никто не видитъ здѣсь. Вашъ горизонтъ кругомъ
Охваченъ лунныхъ дугъ рубиновымъ вѣнцомъ;
Въ садахъ невѣдомыхъ невиданныя птицы
Покую немолчно вамъ въ лучахъ иной денницы;
Прохладный вѣтерокъ, смягчая ночи зной,
Скользитъ по тростникамъ надъ сонною рѣкой,
Гдѣ феи плещутся во влагѣ серебристой;
И вѣчно полная, на тверди вѣчно чистой,
Луна по раби водъ лазуревыхъ озеръ
Чертитъ причудливо свой палевый узоръ.
Здѣсь съ горъ, закутанныхъ тумановъ мглой безбрежной,
Нисходитъ нѣга, лѣнь; тамъ чей-то голосъ нѣжный
Поетъ въ тиши ночной, незримый, про любовь...
Все въ сонномъ воздухѣ мутить и умъ, и кровь,
Все вѣетъ грѣзами, и все—и лѣсъ, и волны
Въ тѣхъ грѣзахъ розовыхъ чудесъ какихъ-то полны.
А тамъ, на днѣ лощинъ, гдѣ съ легкимъ вѣтеркомъ
Вся зелень шепчется таинственно кругомъ,
Тамъ свѣтъ, гармонія и розъ благоуханье
Ласкаютъ вдругъ и взоръ, и слухъ, и обонянье...
Что за волшебный сонъ! Не правда-ль? И какъ жаль,
Что это сонъ одинъ. Страданье и печаль—
Вотъ та дѣйствительность, что жизнь намъ представляетъ...
Но любопытныхъ глазъ, увы, все прибываетъ;
Пора, разстанемся. Прощай, мнѣ, не шутя,
Совсѣмъ нѣтъ времени.

Уходитъ.

ТАДДЕО—провожае ея глазами.

Иди, мое дитя!

Пусть Матерь Божія и всѣ святые, вмѣстѣ,
Хранять всегда тебя, вездѣ, на всякомъ мѣстѣ!
Прощай! Господь съ тобой! Ты скрылась, ты ушла,
А я блаженствую. Мой день погасъ и мгла
Смѣнила свѣтъ его, но мѣсто, гдѣ была ты,
Еще не чувствуетъ исполнѣ своей утраты,—
Въ немъ дышетъ все еще любовью и тобой.
Я такъ запечатлѣлъ и нѣжный голосъ твой,
И взглядъ, и всѣ черты, что радъ бы былъ замкнуться
Въ самомъ себѣ теперь, заснуть и не проснуться,
Чтобъ вѣчно радуясь и грезя, и любя,
Дышать одной тобой, тобой—и для тебя!

Сядется на скамью.

ЯВЛЕНІЕ П.

ТАДДЕО, погруженный въ задумчивость; ВИВІАНЪ, АЛЬБЕРТЬ.
Разрозненныя группы въ концѣ улицы.

АЛЬБЕРТЬ—входя.

Что здѣсь за сборище?

Увидя Вивіанъ.

А! Вивіанъ! Куда

Вы всѣ такъ смотрите?

ВИВІАНЪ—указывая на башню въ глубинѣ.

На башню.

АЛЬБЕРТЬ.

Вотъ нужда!

Что-жъ вы тамъ видите?

ВИВІАНЪ.

Ахъ, видъ, Альбертъ, чудесный!

Тамъ Галилей навелъ на звѣздный сводъ небесный
Свой телескопъ. Смотри... Ты видишь тамъ его?

АЛЬБЕРТЬ.

Игрушка жалкая, и больше ничего!
Кусокъ стекла простой!

ВИВІАНЪ.

Божественное око!

Труба волшебная, которая высоко,

Въ недосыгаемой небесной глубинѣ,
 Очамъ людей, мой другъ, рисуетъ, какъ во свѣ,
 Міровъ невидимыхъ таинственные хоры!
 Знай, что тотъ свѣтъ, Альбертъ, и тотъ законъ, который
 Открытъ въ сіяніи извѣстныхъ намъ свѣтилъ,
 Весь мірозданья строй собою освѣтилъ.
 Юпитеръ учитъ насъ. Законъ его движеній
 Общъ положительно для всѣхъ, безъ исключеній:
 Какъ онъ вращается веру́гъ солнца самъ собою,
 Съ своими кольцами, такъ и земля съ луной,
 Такой же спутницей, вращаться вѣчно будетъ
 Въ круговоротѣ звѣздъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Но Аристотель судить

Объ этомъ иначе...

ВИВИАНЪ.

Что Аристотель намъ?

Кто вѣрить приказалъ намъ всѣмъ его словамъ?
 Онъ мыслить и судить свободно. Отчего же
 И намъ не мыслить такъ? Не лучше-ль дѣлать то же:
 Судить, какъ думаешь, и вѣрить не чужимъ
 Словамъ и мнѣніямъ, а собственнымъ своимъ?

АЛЬБЕРТЪ.

Ну нѣтъ, благодарю! На высоту такую
 Съ моими силами взлетать я не рискую.
 Тамъ воздухъ рѣдокъ такъ, и тамъ, мой другъ, гдѣ вы
 Восторгъ иль легкое круженіе головы
 Лишь ощущаете, тамъ я совсѣмъ пьянѣю...
 Подумай, Вивіанъ! Преслѣдуя идею
 Не разрушай того, что создали вѣка,
 И не мѣняй, въ мечтахъ паря за облака,
 Святой религіи на живую науку!
 Сдержи такъ дерзостно протянутую руку:
 Вѣрь, древо знанія таитъ запретный плодъ.
 Недаромъ Галилей отступникомъ слыветъ,
 Недаромъ проклятъ онъ всѣмъ набожнымъ соборомъ!

ВИВИАНЪ.

А молодежь зато вся за него, вся хоромъ,
 Гдѣ только случай есть, кричитъ ему ура.

АЛЬБЕРТЪ.

Всѣ наши старые всѣхъ школъ профессора
Съ враждой относятся къ его доктринамъ дикимъ...

ВИВИАНЪ.

А всѣ питомцы ихъ зовутъ его великимъ.

Осматривался.

Да вотъ Таддео здѣсь. Пусть онъ нашъ споръ рѣшить.

Зоветь его.

Таддео! будь такъ добръ... Каковъ? И не глядитъ!

Трясетъ его за руку.

Таддео! Что съ тобой? Отвѣтъ же намъ скорѣе!

Вотъ видишь, рѣчь у насъ идетъ о Галилеѣ.

ТАДДЕО — разсѣянно.

О Галилеѣ... Да! счастливецъ! Онъ, увь,
Тамъ видитъ то теперь, чего ни я, ни вы,
Никто не видитъ здѣсь...

ВИВИАНЪ.

Гмъ! Что-жъ бы это было?

Свѣтила? Звѣзды?

ТАДДЕО.

Да! Ее, мое свѣтило,
Мою звѣзду!.. Скажи, что тамъ, на вышинѣ,
Теперь ты дѣлаешь? Грустишь ли обо мнѣ?

Уходитъ, не обращая вниманія на Вивиана.

ВИВИАНЪ.

Что съ нимъ случилось?

Зоветь его.

Эй!

АЛЬБЕРТЪ.

Оставь его. Онъ очень

И занятъ, кажется, и чѣмъ-то озабоченъ.

Вотъ лучше спросимъ-ка, что скажетъ намъ Помпей.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, профессоръ ПОМПЕЙ.

ПОМПЕЙ,—смотря на гуляющихъ и пожимая плечами.

Разини! Дураки! Что можетъ быть глупѣй?

Фи!

АЛЬБЕРТЪ.

Добрый день, синьоръ!

ПОМПЕЙ—все обращался къ толпѣ.

Ослы! Поднять тревогу!

ВИВИАНЪ.

Ура! Синьоръ Помпей!

ПОМПЕЙ.

А! Вашъ слуга!—ей-Богу,
Всѣ эти олухи гнуснѣй скотовъ!

АЛЬБЕРТЪ.

Синьоръ

Профессоръ, мы вотъ съ нимъ ведемъ тутъ жаркій споръ.
Не разрѣшите-ль вы одно недоумѣнье?

ПОМПЕЙ.

Похвально спрашивать людей разумныхъ мнѣнье!
О чемъ же споръ у васъ?

ВИВИАНЪ.

О кольцахъ, что видны

Вокругъ Юпитера...

ПОМПЕЙ.

Ихъ нѣтъ.

ВИВИАНЪ.

Но намъ ясны

Во всякомъ случаѣ...

ПОМПЕЙ.

Имъ тамъ и быть не должно.

ВИВИАНЪ.

Да, но мы видимъ ихъ.

ПОМПЕЙ.

Ихъ видѣть невозможно.

ВИВИАНЪ.

Ихъ даже счесть легко...

ПОМПЕЙ.

Ихъ счесть нельзя никакъ:

Ихъ нѣтъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Что, Вивіанъ?

ВИВІАНЪ—Помпей.

Но отчего же такъ,

Учитель?

ПОМПЕЙ.

Оттого, что это... это ложно.

Пытаться доказать, что Богу было можно
Къ числу семи планетъ еще прибавить вдругъ
Четыре новыя, что эта мысль, мой другъ,
Мысль дерзновенная, обманъ, миражъ бѣсовскій,
Анти-божественный и анти-философскій.

ВИВІАНЪ.

Что-жъ тутъ бѣсовскаго?

ПОМПЕЙ.

А то, что говоритъ
Такъ, значить, дерзостно пытаться оскорбить
Небесъ недвижимыхъ святую непоколебимость.

ВИВІАНЪ.

Я не совѣмъ пойму...

ПОМПЕЙ.

Возьмемъ ли совокупность
Мы всѣхъ существъ живыхъ или одного, у всѣхъ
На лицахъ есть семь дыръ, семь скважинъ, семь прорѣхъ,
Какъ бы семь оконъ: ротъ, два глаза, органъ слуха—
Два симметрически устроенныхъ уха—
И двѣ ноздри... шесть, семь... Въ нихъ воздухъ жизнь въ насъ
лется

И всѣмъ другимъ частямъ извнѣ передаетъ:
Свѣтъ, запахъ, пищу, звукъ... Семь оконъ тѣхъ мудреныхъ
И составляютъ то, что, по словамъ ученыхъ,
Есть соращенный міръ, міръ малый, микровозмъ.

ВИВІАНЪ.

Согласенъ...

ПОМПЕЙ.

Точно такъ и въ небѣ (макровозмъ
Или великій міръ) и въ сферахъ мірозданья
Есть также семь свѣтилъ. Два—вреднаго вліянья,
Всегда враждебныя—Сатурнъ и Марсъ; затѣмъ
Два свѣтовидныя, извѣстныя намъ всѣмъ—
Луна и Солнце; два,—и равнаго размѣра,
И благотворныя,—Юпитеръ и Венера;

И, наконецъ, седьмой, Меркурій, ничего
 Неозначающій, безличный... Изъ всего,
 Что я сказалъ сейчасъ, равно и изъ того,
 Что какъ въ ряду простыхъ, знакомыхъ всѣмъ, фактическихъ
 Явленій жизненныхъ мы видимъ семь различныхъ
 Металловъ, семь чудесъ, семь главныхъ мудрецовъ,
 Такъ и въ религіи есть семь большихъ грѣховъ,
 Семь нравъ египетскихъ, семь пѣсней «покаянныхъ»
 И семь свѣтильниковъ... Изъ этихъ многихъ данныхъ
 Нельзя не заключить, что «семь» есть «суть» всего,
 И что число планетъ есть также семь... Чего,
 Конечно-бъ, не было, будь ихъ число другое;
 Что, значить, именно оно и есть такое,
 Какое нужно имъ; что, слѣдственно, ему
 Нельзя и быть другимъ... Г-мъ! Г-мъ!—А потому
 И у Юпитера быть спутниковъ не можетъ,
 Такъ какъ, явись они, явленіе ихъ встревожитъ
 Все мірозданіе... Теперь ты понялъ? Да?

ВИВИАНЪ.

Однако...

ПОМПЕЙ.

И къ тому-жъ, замѣьте, что всегда
 Недѣлю на семь дней отъ вѣка раздѣляли, —
 Замѣьте, на семь дней,—что и названья дали
 Имъ по числу планетъ, которыя, смотря
 По ихъ достоинству, яснѣе говоря,
 По ихъ небесному порядку, благотворно
 Или сомнительно, безвредно иль глетворно,
 Чредуясь, властвуютъ надъ каждымъ нашимъ днемъ.
 И замѣни теперь мы вдругъ другимъ числомъ
 Число извѣстныхъ намъ планетъ, не измѣняя
 И дней, подвластныхъ имъ, вещь выйдетъ преплохая,
 Сумбуръ ужаснѣйшій... Мы все тогда вверхъ дномъ,
 Весь мірозданія процессъ перевернемъ...
 Все перепутаемъ... и здѣсь, и тамъ.

ВИВИАНЪ.

Согласенъ.

Да, поступи мы такъ, сумбуръ бы былъ ужасенъ...
 Такъ! Стойте на своемъ, гоните, какъ враговъ,
 Всѣхъ этихъ чуждыхъ намъ небесныхъ пришлецовъ,

Бродягъ безпаспортныхъ, ввергающихъ науку
 Въ такое бѣдствіе... Вотъ выкинули штуку!
 Враги гармоніи, противники всего,
 Что чтить привыкли мы... Чортъ знаетъ! И съ чего
 Они суются тутъ? Планеты утвердились,
 Мѣста всѣ заняты—и вдругъ они явились,
 И беспокоятъ насъ... Нелѣпость! Наглость! Да,
 Да, глѣвъ вашъ мнѣ вполне понятенъ, господа.

АЛЬБЕРТЬ—прислушиваясь.

Однако, тамъ кричатъ...

ВИВИАНЪ.

А! это Галилея

Толпа привѣтствуетъ.

ПОМПЕЙ.

Ревутъ — и не краснѣя!

Ослы! Бездѣльники! Ничтожный шарлатанъ!

АЛЬБЕРТЬ—Вивіану.

Помпей-то за меня, — вотъ видишь, Вивіанъ!

ВИВИАНЪ.

Такъ что-жъ изъ этого? Тѣмъ выше та доктрина,
 Которой вѣрю я. Извѣстно, что рутина
 И педантизмъ всегда, всѣхъ прежде и всѣхъ злѣй
 Ругаютъ истину, чѣмъ истина новѣй.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЪ ЖЕ, ГАЛИЛЕЙ, АНТОНИА, ТАДДЕО, ученики, народъ, крестья-
 нинъ, молодая дѣвушка, монахъ.

ТОЛПА.

Ура! нашъ Галилей!

ПОМПЕЙ.

Г-мъ, странно!

Вивіану.

Я вѣдь тоже

Профессоръ, кажется?

ВИВИАНЪ.

Да, да!

ПОМПЕЙ.

Да, да! А что же,

Меня когда-нибудь такъ принимали?

ВИВИАНЪ.

Нѣтъ.

ПОМПЕЙ.

Привѣтствовали такъ?

ВИВИАНЪ.

Нѣтъ, никогда.

ПОМПЕЙ.

Весь свѣтъ

«Ура! Ура, Помпей!» хогь разъ кричалъ мнѣ дружно?

ВИВИАНЪ.

Я не слыхалъ еще.

ПОМПЕЙ.

Такъ вотъ какъ мало нужно

Намъ, людямъ разума, значенья придавать

Сужденью общества! Учитесь презирать,

Какъ я, глупцовъ, хвалу обманщику воздавшихъ,

И мнѣ... мнѣ, мудрецу, въ ней нагло отказавшихъ.

ВИВИАНЪ.

Вашъ гнѣвъ—законный гнѣвъ, профессоръ. Ну, да вы

Зато непрочь, подъ-часъ, безъ помощи молвы

Себя оцѣнивать. А такъ какъ это право

Всегда въ рукахъ у васъ, то вамъ не трудно, право,

Имъ и владѣть...

Нѣсколько учениковъ—входи въ улицу.

Ура! Ура, нашъ Галилей!

ВСѢ.

Да! Да!

1-й УЧЕНИКЪ.

Да здравствуетъ умнѣйшій изъ людей!

2-й УЧЕНИКЪ.

Нашъ славный астрономъ!

ВСѢ.

Ура! Ура!

ПОМПЕЙ.

Ревите,

Ревите, глупые!

ВИВІАНЪ—указывая на входящаго Галилея.

Вотъ онъ и самъ. Взгляните,
Какимъ сіяніемъ величья озаренъ
Прекрасный лобъ его! Какъ гордъ и ясенъ онъ,
Склонясь на дочь свою!

Подходя къ Галилею.

Привѣтъ тебѣ, великій
Апостоль истины, гроза привычки дикой!
Привѣтъ, привѣтъ тебѣ, повѣренный небесъ,
Мудрецъ, раскрывшій намъ всѣ тайны ихъ чудесъ,
Свѣтъ знанья, честь страны и слава всѣхъ—и сущихъ,
И спящихъ во гробахъ и вслѣдъ тебѣ идущихъ!
Земля, Сатурна дочь, творецъ полубоговъ,
Мать столькихъ геніевъ, героевъ, мудрецовъ
И мастеровъ пера, гордится тѣмъ сознаньемъ,
Что ты обязанъ ей своимъ существованьемъ.
Ты ей любезнѣй всѣхъ другихъ ея дѣтей,
Извѣстныхъ знаньями и мудростью своей.
Все человѣчество тебя усыновляетъ;
Жизнь, славу дѣлъ твоихъ потомкамъ завѣщаетъ
И имя генія въ устахъ ихъ не умретъ!

ВСѢ.

Привѣтъ великому!

ВИВІАНЪ—Антоніи.

А вы... Да снизойдетъ
Благословеніе и миръ ненарушимый
И къ вамъ, въ дни горестей оплотъ его любимый,
Къ вамъ, драгоцѣннѣйшій алмазъ его вѣнца,
Опора нѣжная, дочь генія отца!—
Дитя прелестное! Вашъ видъ напоминаетъ
Мнѣ робкій плющъ, тотъ плющъ, который обвиваетъ
Античный мраморъ... Да! Въ васъ все слилось въ одно,
Въ одномъ взаимно все другимъ освѣщено.
Пріемля блескъ вѣнца, вы сами, какъ оправа,
Даете блескъ ему. На васъ нисходитъ слава,
А ваша молодость питаетъ и живетъ
Идеи генія!

АНТОНІЯ—Галилею.

Отецъ! Онъ говоритъ
Такъ увлекательно... Я тронута невольно
Его привѣтствіемъ.

ГАЛИЛЕЙ—Визіану и ученикамъ.

Благодарю. Довольно...

Благодарю тебя, мой сынъ! Благодарю
И васъ, друзья мои! Не мнѣ,—небесъ Царю
Вы пѣть хвалу должны. Я только провозвѣстникъ
Великихъ тайнъ Его, тѣхъ тайнъ, что, мой предмѣстникъ,
Коперникъ первый намъ сумѣлъ разоблачить.
Спѣшите-жъ въ Зодчему вселенной обратить
Свою хвалу, друзья!

КРЕСТЬЯНИНЪ—дергая Галилея за платье.

Пріятель, удружите:

Взгляните на руку!

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

Послушайте, взгляните

Мнѣ, докторъ, на руку!

ГАЛИЛЕЙ.

Зачѣмъ?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Зачѣмъ, чтобъ знать,

Какъ мой процессъ пойдетъ.

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

А мнѣ, чтобъ предсказать,

Когда съ замужествомъ начну я жизнь иную?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я знатно заплачу.

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

А я васъ поцѣлую.

ГАЛИЛЕЙ.

Увы, друзья мои, ученый не вѣщуетъ,
Чтобъ могъ предсказывать!

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Какой же вы колдунъ?

ГАЛИЛЕЙ.

Такой же, какъ и ты.

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

Я васъ не понимаю...

Такъ что-жъ вы знаете?

ГАЛИЛЕЙ.

Что вижу, то и знаю.

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

Вотъ хитрость!

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Хорошо. Коль вы не чародѣй,
Какого-жъ чорта вамъ искать съ трубой своей,
Ея огромными стеклянными глазами?

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

Да! И на что-жъ тогда вамъ цѣлыми ночами
Корпѣть на башнѣ той, когда вы, безъ пути,
Того, что ищите, не въ силахъ тамъ найти?

ПОМПЕЙ—крестьянину и молодой дѣвушкѣ.

Вы все узнаете. Ступайте вслѣдъ за мною!

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Какъ? Вы мнѣ скажете, назначено-ль судьбою
Процессъ мой выиграть?

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

А мнѣ о томъ, когда
Я выйду замужъ? Да? И не шутя?

ПОМПЕЙ.

Да, да!

Вамъ объяснится все, согласно съ совпаденьемъ
Рожденья вашего, планетъ соединеньемъ,
Небесной схемою и прочимъ. Я читалъ
Заэля, Магина, Боната; изучалъ,
Что знали Пифагоръ, Агриппа, Авиценна,
Дуреть и прочіе. Мгла неба сокровенна,
Но я проникъ въ нее. Знакомы мнѣ равно
И міръ, и небеса. Ничто мнѣ не темно:
Ни сидеральныхъ буквъ мудреные законы,
Ни тайны магіи, ни катабибазоны,
Ни смыслъ Алмоходень, ни множество иныхъ
Вещей, ни сонмъ примѣтъ и добрыхъ, и дурныхъ,

Въ соединеньяхъ ихъ годовичныхъ и первичныхъ,
 Ни числа градусовъ и формулъ ихъ различныхъ,
 Ни объясненіе *«Дѣвятинадцати домовъ»*,
 Ни день рожденія, ни самый мигъ родовъ,
 Впередъ предсказанный ab horis, триедино...

КРЕСТЬЯНИНЪ—въ удивленіи.

Ого! Вотъ рѣжетъ-то! Что книга — безъ запина!

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

Пойдемъ съ нимъ... Вотъ мудрецъ!

Уходить вмѣстѣ съ Помпеємъ.

МОНАХЪ—ставъ на скамью среди другой толпы.

Внемлите словесамъ

Святыхъ апостоловъ: *«Почто вы къ небесамъ,
 О, Галилеяне, такъ очи устремили?»*
 Ужъ раньше, Галилей, святые осудили
 Тебя пророчески проклятью, а съ тобой
 И смыслъ наукъ твоихъ. А нынѣ предъ собой
 Мы зримъ во-очію, какъ гнѣвъ Господень блещетъ,
 Какъ содрогается, какъ видимо трепещетъ
 И самый неба сводъ тамъ, гдѣ ему должно
 Внимать рѣчамъ твоимъ. Разлитіе Арно,
 Градъ, нивы выбившій,—вотъ божьяго проклятыя
 И гнѣва божьяго примѣръ намъ всѣмъ.—О, братья!
 Пора! Очнитесь! Презрите эту ложь!
 Какъ будто у земли есть ноги! И на что-жъ?
 Пусть мѣсяцъ движется, такъ это ангель, житель
 Небесъ ведетъ его. (Всѣмъ звѣздамъ данъ хранитель.)
 А на землѣ... Гдѣ-бъ сталъ здѣсь ангель? На горахъ?
 Его-бъ увидѣли; въ подземныхъ глубинахъ?
 Тамъ только демоны живутъ одни...

ГОЛОСЪ—изъ толпы.

Понятно!

МОНАХЪ.

Вертись мы всѣ кругомъ, такъ ласточка обратно
 Въ родное гнѣздышко дороги-бъ не нашла,
 Разъ вверхъ поднявшись.

ГОЛОСЪ—изъ толпы.

Да!

МОНАХЪ.

И быстрая стрѣла
Въ то время въ цѣль уже отнюдь-бы не попала,
Но позади стрѣлка, безсильная-бъ, упала.

ГОЛОСА.

Да, разумѣется!

ГАЛИЛЕЙ—Вивіану.

Вотъ все, чѣмъ въ ихъ глазахъ
Оспорить можно насъ!

ТОЛПА НАРОДА.

Да здравствуетъ монахъ!

УЧЕНИКИ.

Долой! Долой его!

АНТОНИА—въ испугъ, Галилею.

Отецъ, простись съ собраньемъ!
Пора. Ужъ ночь давно.

МОНАХЪ—подходя къ Галилею.

Ты вѣришь предсказаньямъ,

Мудрецъ?

ГАЛИЛЕЙ.

Конечно, нѣтъ. Что за вопросъ такой?

МОНАХЪ.

А все-жъ испробую ихъ силу надъ тобой.—
Дай руку мнѣ.

Беречь его за руку.

Смотри: черта тройная эта—
Черта огня, мудрецъ. Послушайся совѣта:
Поберегись востра!

Уходить.

АНТОНИА—увлекая Галилея.

Отецъ мой! О, уйдемъ,
Уйдемъ, молю тебя! Войдемъ въ нашъ скромный домъ,—
Мать ждетъ и сердится...

ГАЛИЛЕЙ—ученикамъ.

До завтра! До свиданья!

ТАДДЕО—Антоніа.

До завтра, жизнь моя!

ВИВІАНЪ—удаляясь съ другими учениками.

Да здравствуетъ свѣтъ знанья!

ВСѢ.

Ура!

Всѣ уходятъ, кромѣ Галилея и Антоніа.

ЯВЛЕНІЕ V.

ГАЛИЛЕЙ, АНТОНІА, потомъ ЛИВІА.

ГАЛИЛЕЙ стучитъ въ дверь своего дома. ЛИВІА отворяетъ ему.

ЛИВІА—на порогѣ.

А! Это вы! Позвольте васъ спросить:

Какимъ вамъ шабащемъ жидовскимъ угостить
Меня здѣсь вздумалось?

ГАЛИЛЕЙ.

Ну, полно, не сердися!

Ученики мои немного увлеклись
И покричали мнѣ...

ЛИВІА.

Такъ пусть они идутъ

И воютъ дома такъ... Да-съ, сударь! А не тутъ,
Не у дверей моихъ!—И что за глупость, право!

Выходить на улицу.

Что вамъ за надобность ходить съ такой оравой?
И такъ ужъ въ городѣ не мало толковъ злыхъ
Про васъ распушено, а вы хотите ихъ
Еще усиливать... Людей-то постыдитесь!

ГАЛИЛЕЙ.

Да что же я-то тутъ?

ЛИВІА.

А вы не горячитесь,
Не раздражайте* ихъ, не пойте каждый день
Имъ вашу новую пустую дребедень!
Всѣ эти новости мнѣ кажутся простою
Бѣсовскою выдумкой и пахнутъ иль смолою,
Иль заключеніемъ. Отбросьте ихъ скорѣй—
Иль берегитесь! И такъ ужъ, Галилей,
На васъ всѣ искоса глядѣтъ за что-то стали...

И почему бы вы въ примѣръ себѣ не взяли
 Другихъ профессоровъ, товарищей своихъ?
 Тѣ, знай, поютъ о томъ, что пѣли и до нихъ,
 Не спорятъ съ старшими, не разсуждаютъ; учать,
 Чему велать учить, самихъ себя не мучать,
 Учениковъ своихъ безъ дѣла не мутать,
 Какъ вы, имъ съ кафедръ публично не кричатъ,
 Кто правъ—Коперникъ-ли иль Аристотель; знаютъ,
 Что «суть» не въ томъ совсѣмъ, и мудро разсуждаютъ
 Такъ: у кого изъ двухъ и власть, и деньги есть,
 На сторонѣ того и истина, и честь;
 И если съ деньгами свой ящикъ Аристотель
 Открылъ любезно вамъ, такъ, значить, онъ,—поймете-ль
 Вы это?—значить, онъ и правъ, а не другой,
 А не Коперникъ вашъ... За то-то и покой,
 И счастье есть у нихъ. Живутъ себѣ отлично;
 Отлично спятъ себѣ; все въ домѣ ихъ прилично;
 У нихъ есть денежки; ихъ дочери всегда
 Выходятъ замужъ... да-съ!.. А вы... вы, безъ стыда,
 Уйдете изъ дому, когда ужъ спать ложатся,
 Всю ночь бѣснуетесь, и всѣ вамъ тамъ дивятся...
 Глядь, а тѣмъ временемъ обѣдъ-то и простыл!

ГАЛИЛЕЙ.

Что-жъ?—и холодный бы онъ, вѣрно, вкусень былъ.

ЛИВИЯ—Антонія.

Поди распорядись, чтобъ подали все снова.

Антонія входитъ въ домъ.

Теперь обѣдать? А? Знать, все съ ума большого?

ГАЛИЛЕЙ.

Я разсмотрѣть хотѣлъ сегодня всѣ вполне
 На солнцѣ пятна.

ЛИВИЯ.

Да? А вамъ на что-жъ они?
 Какой вамъ прокъ отъ нихъ? Скажите! Ужъ не вы ли
 Ихъ смыть намѣрены?

ГАЛИЛЕЙ—не слушая жены, въ размышленіи.

Такъ!.. Пятна эти были
 Пятнадцать дней видны, пятнадцать дней другихъ

Опять невидимы; затѣмъ мы встрѣтимъ ихъ
Вновь на окраинахъ блестящаго свѣтила,
Какъ на краю листа разлитыя чернила.

ЛИВИЯ.

На солнцѣ... Ночью-то! Да солнце-то давно
И закатилось ужъ!

ГАЛИЛЕЙ.

О, это все равно.

Я въ полнолуніе...

ЛИВИЯ—нетерпѣливо.

Ступай-ка лучше кушай...

Вотъ помѣшался-то!

ГАЛИЛЕЙ.

Нѣтъ, ты постой, послушай...

Какое зрѣлище! Не вѣрится глазамъ!
Послушай, Ливія: и на луиѣ, и тамъ
Есть также пропасти, вулканы, котловины
И пики гордые, и скрытыя долины.
Я даже по тѣнямъ сегодня измѣрялъ
И глубь ущелій ихъ, и высь ихъ яркихъ скалъ.
Сперва заря скользить,—постой... да погоди же!
Скользить по ихъ верхамъ, потомъ все ниже... ниже...
Все опускается, все меркнетъ, и когда
Луна...

ЛИВИЯ—выведенная изъ себя.

Къ чертямъ луну! Полѣзете туда
Себѣ за деньгами вы, сударь, что-ли сами,
Когда мы по міру пойдемъ здѣсь съ кошельками?
Вотъ за квартиру-то ужъ требуютъ, а вамъ
И горя нѣтъ совсѣмъ!

ГАЛИЛЕЙ—вставая.

Ну, не бѣда. Отдамъ.

Вотъ завтра получу... А, впрочемъ, тамъ едва-ли
Ужъ и осталось что?.. Ты знаешь, мы, вѣдь, взяли...

ЛИВИЯ.

Да, да! Я знаю все! Я знаю и на что,
И какъ изволите транжирить вы все то,
Что получаете! Все губится очками!

Все пожирается проклятыми трубами
 Да инструментами!—Хорошъ, хорошъ отецъ!
 Стыдитесь! Вѣдь у васъ есть дочь! Вѣдь, наконецъ,
 Пора-жъ и замужъ ей! Другой бы ужъ, ей-Богу,
 Давно приданое скопилъ ей понемногу,
 А вы, знай, топите все въ трубы, безъ пути...
 Бѣдняжка!

ГАЛИЛЕЙ.

Что за вздоръ! Какъ мужа не найти!

АНТОНІЯ—выходи изъ дому.

Готово, мама, все.

ГАЛИЛЕЙ—цѣлуя ее въ лобъ.

Пойдемъ, мое родное
 Дитя! Я дамъ тебѣ приданое такое,
 Какимъ гордиться бы могли и короли!

АНТОНІЯ.

Ахъ, мнѣ любовь твоя милѣй всѣхъ благъ земли
 И всѣхъ богатствъ ея!

ЛИВИЯ.

Вотъ слово-то пустое!
 Тыфу! даже злость беретъ!

Галилею.

Какое тамъ такое

Еще приданое?

ГАЛИЛЕЙ.

О, рѣдкое! Да, да!
 Такое рѣдкое, какого никогда
 Никто не могъ еще дать въ жизни этой тлѣнной!
 Такая вещь, жена! Такой алмазъ безцѣнный,
 Чей блескъ затмитъ собой и яхонтъ, и сапфиръ!

ЛИВИЯ.

Ужъ не луна-ль опять?

ГАЛИЛЕЙ.

Нѣтъ, лучше: цѣлый міръ—
 Звѣзда вечерняя, Венера Галилея
 Со свитой лунъ своихъ! Горда, какъ и Фебея,
 Царица кипрская, она надъ головой
 Несетъ серпъ мѣсяца, изогнутый дугой!
 Мои открытія, плодъ мысли вдохновенной—

Вотъ то сокровище, тотъ камень драгоцѣнный,
Которымъ скрашу я корзинку молодымъ!

ЛИВИЯ.

Да онъ съ ума сошелъ! Создатель мой, что съ нимъ?
Онъ помѣшался... да! Вотъ всѣ несчастья разомъ:
И солнце, и луна ему смутили разумъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ и ПРИСТАВЪ инквизиціи въ сопровожденіи двухъ служителей
съ зажженными факелами.

ГАЛИЛЕЙ—увидя пристава.

Т-съ! тише! Къ намъ идутъ.—Что имъ здѣсь надо?

Приставу.

Эи!

Кого вы ищете?

ПРИСТАВЪ.

Не вы ли Галилей?

ГАЛИЛЕЙ.

Да, я. Что скажете?

ПРИСТАВЪ.

Имѣю повелѣнье

Вручить немедленно вамъ это объявленіе:

Читаетъ.

«Отъ имени высокочтимыхъ и достойно уважаемыхъ генераловъ инквизиціи, специально назначенныхъ волею святѣйшаго собора для разслѣдованія о преступной ереси, распространяемой въ университетѣ христіанской республики, вамъ, Галилею, сыну Викентія Галилея изъ Флоренціи, симъ объявляется о явѣ въ святѣйшую коллегію, пребывающую въ Римѣ, на 12-е апрѣля сего 1633 года, дабы отвѣтствовать тамъ по обвиненію въ лживомъ ученіи, противномъ истинному смыслу и власти священнаго писанія, равно какъ и по обвиненію въ ереси, возбуждающей весьма сильныя опасенія.

«Настоящее увѣдомленіе, писанное изъ Рима, отъ 1-го марта 1633 года, сегодня, 15-го марта того же года, было предъявлено вамъ, Галилею, жительствовавшему во Флоренціи, мною, Лотаріо Сарси, служителемъ инквизиціи».

Я кончилъ.

ГАЛИЛЕЙ—взявъ бумагу.

Хорошо. Но въ качествѣ кого-жъ
Я привлекаюсь въ судъ. Пускай я сѣю ложь,
Но я не римлянинъ, мой край родной—Тоскана,
И не судилищемъ святого Ватикана—
Судомъ Флоренціи я долженъ быть судимъ.

ПРИСТАВЪ.

Ну, тамъ ужъ лучше насъ рѣшать, синьоръ, какимъ...
Мой долгъ исполненъ здѣсь. Счастливо оставаться.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГАЛИЛЕЙ, АНТОНІЯ, ЛИВІЯ.

АНТОНІЯ—въ слезахъ, бросаясь на шею къ отцу.

Отецъ!

ЛИВІЯ.

Ахъ, Боже мой!

АНТОНІЯ.

Съ тобой, съ тобой разстаться?
Нѣтъ, нѣтъ! пусть палачи насъ силой разлучать!

ЛИВІЯ.

О!.. Инквизиція!.. Судъ!.. Пытки!.. Каземать!..
Костеръ!.. Ахъ, что со мной? Вся кровь застыла въ жилахъ...

Рыдаетъ.

Мой мужъ! Мой бѣдный мужъ! Товарищъ и унылыхъ,
И свѣтлыхъ дней моихъ!

Обнимаетъ его.

АНТОНІЯ.

Отецъ, скорѣй... бѣжимъ!

ЛИВІЯ.

Да, да! Бѣжимъ скорѣй!

ГАЛИЛЕЙ.

Нѣтъ. Какъ ни страшенъ Римъ,
Я предъ судомъ его предстану безъ боязни.

ЛИВІЯ.

Ахъ, Матерь Божія! Онъ не минуетъ казни!

АНТОНІЯ.

Что? Казни!.. Боже мой!

ГАЛИЛЕЙ.

Довольно. Дочь! Жена!

Не сокрушайтесь такъ... Опасность не сильна.
 Я знаю герцога, я вѣрю, что мы можемъ
 Искать защиты въ немъ. А если, предположимъ,
 Что онъ и выдалъ бы и друга, и слугу,
 Святой коллегіи... Что-жъ? Я и самъ смогу
 Тамъ отстоять себя и силой убѣжденій
 Разбить всѣ доводы ихъ лживыхъ обвиненій.

ЛИВИЯ.

Такъ, такъ! Мы знаемъ васъ! У васъ все пустячки!
 Вѣдь говорила я! Проклятыя очки!
 Пусть и съ планетами своими утопились
 Въ Арно вы лучше бы!—Ну, вотъ и добились!
 Зачѣмъ вы раньше мнѣ не вѣрили? Зачѣмъ
 Шли всѣмъ на-перекорь? Зачѣмъ кричали всѣмъ
 О томъ, о чемъ кричать вамъ строго запрещали?
 Зачѣмъ проклятыя трактаты издавали?
 Зачѣмъ...

ГАЛИЛЕЙ.

Ну, перестань! На крикъ такой, какъ-разъ,
 Сбѣгутся зрители... Да! А обѣдъ-то насъ
 Все ждетъ. Пойдемте-ка, покушаемъ прилично.
 Жена! Я дѣйствовалъ и прямо, и публично,
 И съ убѣжденіемъ! Я жилъ и поступалъ,
 Какъ мнѣ мой долгъ велѣлъ. Я совѣсть не пятналъ...
 А мысль свободная есть собственность науки!

ЛИВИЯ—входя въ дверь и оборачиваясь.

Кто, сударь, думаетъ за мысль идти на муки,
 Такъ тотъ не долженъ быть ни мужемъ, ни отцомъ...
 Ну, и корпи тогда весь вѣкъ холостякомъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ Галилея во Флоренціи.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГАЛИЛЕЙ — одинъ.

Нѣтъ, ужъ теперь для насъ прошли тѣ времена,
 Тѣ дни, когда земля, недвижная, одна
 Вселенной правила затворницей-царицей!
 Увы! Свѣтило дня, крылатой колесницей,
 Теперь по прежнему, чертя свой яркій кругъ,
 Съ востока къ западу не мчится черезъ югъ.
 Ужъ небеса для насъ не просто сводъ хрустальный,
 И ночь, обвившая ихъ въ саванъ свой печальный—
 Не синій потолокъ, гдѣ ангелы во мглѣ
 Зажгли лампы намъ... Да! не одной землѣ
 Нужна вселенная! Мы видимъ это ясно.
 И не стыдиться бы, не сѣтовать напрасно,—
 Должны гордиться тѣмъ. Однажды навсегда
 Отрекшись искренно, безъ ложнаго стыда,
 Отъ мнимыхъ правъ своихъ и власти нашей мнимой,
 Мы создаемъ себѣ оплотъ непобѣдимый
 Въ научныхъ истинахъ. Чѣмъ витѣшнѣй видъ простѣй,
 Чѣмъ форма призрачнѣй,—тѣмъ чище и яснѣй
 Начала духа въ нихъ. Наука объясняетъ
 И путь, и мѣсто то, чтó міръ нашъ занимаетъ
 Въ ряду другихъ міровъ. Не лучше-ль, если я
 Познаю, немощный, всѣ тайны бытія,
 Чѣмъ въ слѣпотѣ своей, какъ въ годы заблужденій,
 Рѣшусь воснѣтъ опять владыкой сновидѣній
 И богомъ грѣзъ своихъ? Разумнѣй сознавать
 Свое ничтожество, чѣмъ вѣрить и считать
 Себя по прежнему все тѣмъ же центромъ ложнымъ,—
 Того, чтó прежде намъ казалось непреложнымъ,
 Но чтó теперь ужъ мы приносимъ мысли въ даръ.
 — О, солнце! огненный, кровавый, красный шаръ!
 Очагъ таинственный! хаосъ воспламененный!
 Въ лучахъ котораго, какъ въ лавѣ раскаленной,
 Кишатъ міры кругомъ! Гигантскій океанъ,
 Въ которомъ бѣшено, какъ волны въ ураганъ,

Ревутъ текучіе металлы и граниты,
 Клокочутъ, грозные, всѣ пламенемъ обвиты,
 Кипя, мѣшаяся, сбѣгаясь и дробясь!
 Изъ дымныхъ безднъ твоихъ внезапно появлясь,
 То здѣсь, то тамъ порой вдругъ островокъ всплываетъ,
 Темнѣетъ, ширится, сегодня представляетъ
 Видъ пятенъ, день спустя—часть солнечной коры.
 Пожаръ живительный! Вокругъ тебя міры
 Въ движеніи правильномъ кружатся неустанно:
 Едва остывшій дышъ извнѣ и постоянно
 Все остывающій напѣ круглый шаръ земной;
 И, такъ же, какъ и онъ, и съ твердою корой,
 И окруженные такой же атмосферой,
 И населенные, кровавый Марсъ съ Венерой—
 Звѣздой вечернею; Меркурій золотой,
 Весь блескомъ радужнымъ роскошно залитой,
 И въ центръ твой огненный, какъ въ волны, погруженный;
 Сатурнъ на край твоихъ владѣній удаленный
 И оббѣгающій дозоромъ ихъ вокругъ;
 И гордо четырьмя кругами лунныхъ дугъ
 Юпитеръ Господомъ и мною потомъ вѣнчанный...
 Свѣтило высшее! Ты центръ ихъ первоизданный!
 Но какъ ни велики границы царствъ твоихъ,
 За ними тысячи такихъ же солнцъ другихъ,—
 Такъ многочисленныхъ, такъ слившихся, сплоченныхъ,
 Такъ чудно смѣшанныхъ въ ихъ группахъ отдаленныхъ,
 Что ихъ и счесть нельзя,—владѣютъ, какъ и ты,
 Такимъ же множествомъ, незримыхъ съ высоты,
 Бездонныхъ кратеровъ; какъ ты, располагаютъ
 Блестящей свитою; какъ ты, повелѣваютъ
 Планетамъ двигаться, и, двигая кругомъ,
 Какъ ты, снабжаютъ ихъ и свѣтомъ, и тепломъ.
 — О, да! вы лучше ихъ, тѣхъ лампъ ночныхъ, надъ нами
 Зажженныхъ на небѣ нѣмыми сторожами,
 Вы, хоры солнцъ живыхъ, какъ радужнымъ пескомъ
 Пути лазурные устлавшіе кругомъ;
 Вы тѣ, великія горнила мірозданья,
 Чей блескъ доходить къ намъ, какъ тусклыхъ искръ мерцанья,
 Тѣ очаги міровъ, гдѣ жизнь кипитъ ключомъ!
 — Но мало этого. Мы далѣе пойдѣмъ.
 И тамъ, за первыми земными небесами
 Есть небеса опять—и съ новыми мірами,

И населенныя, и полныя чудесъ.
 Пройдя лазурь пространствъ извѣстныхъ намъ небесъ,
 Мой телескопъ достигъ другихъ пространствъ надзвѣздныхъ.
 И въ ихъ зіяющихъ, лучистыхъ, синихъ безднахъ, —
 Размѣръ которыхъ намъ нѣто еще пока
 Опредѣлить не могъ, — я видѣлъ облака
 Съ такимъ сомнительнымъ, молочнымъ, тусклымъ свѣтомъ,
 Что нашъ свѣтлякъ простой, одинъ, при свѣтѣ этомъ,
 Подъ травкой спрятавшись, затмилъ бы ихъ совсѣмъ.
 А между тѣмъ они — такія-жъ тѣмы системъ,
 Такіе-жъ хоры солнцъ, такая-жъ жизнь, вращенье,
 Движеніе вѣчное, и только отдаленье
 Одно въ тѣ тускля, — тусклѣе свѣтляка,
 Въ травѣ блестящаго, — слило ихъ облака.
 — И даже выше, тамъ, куда не проникаетъ
 И телескопъ уже, гдѣ взоръ мой предвкушаетъ
 Какъ-бы преддверіе бездонной пустоты
 И мрака вѣчнаго, и тамъ мои мечты,
 Въ пространство ринувшись, упорно продолжаютъ
 Парить все далѣе, и мыслью побѣждаютъ
 Стекля безсиліе и въ ужасѣ нигдѣ
 Не видятъ отдыха... И всюду жизнь, вездѣ
 Борьба, движеніе! Вкругъ центровъ раскаленныхъ
 Вездѣ вращаются тѣмы тысячъ населенныхъ
 Міровъ, такихъ міровъ, гдѣ всѣ по существу
 Живутъ и чувствуютъ, и мыслятъ, какъ живу,
 Какъ мысля, чувствую и я здѣсь. Безъ сомнѣнья,
 Одни изъ нихъ стоятъ на лѣстницѣ творенья
 Гораздо ниже насъ въ развитіи своемъ,
 Другіе, можетъ быть, и выше насъ во всемъ,
 И совершеннѣе... Какъ это все прекрасно!
 Какъ изумительно! Смущенный умъ напрасно
 Блуждаетъ въ ужасѣ по безднамъ голубымъ, —
 Онъ въ безпредѣльности конца не видитъ имъ.
 — О, Ты! создавшій все, Творецъ неистощимый!
 Пусть вся вселенная поѣтъ, какъ хоръ незримый,
 Тебѣ хвалу сама; пусть небеса кругомъ
 Гласятъ про власть твою; пусть эта жизнь, ключомъ
 Отсюду бьющая, немолчно прославляетъ
 Твое могущество, пусть все провозглашаетъ
 Твое великое, святое имя! — Прочь!
 Прочь, палачи ума! Громите день и ночь

Меня проклятыяи, преслѣдуйте, гоните...
 Я всѣхъ васъ набожнѣй. Что вы тамъ ни кричите,
 Я Богу больше васъ служу своимъ умомъ:
 Для васъ вселенная—ничтожный грязи комъ,
 Я мириадами міровъ ее считаю;
 Вы все стѣсняете, я все распространяю;
 Вы Бога славите лишь казнями людей,
 Я славлю истиной. Какъ древле королей
 Влекли за гордою побѣдной колесницей,
 Такъ мириады солнцъ блестящей вереницей
 Вослѣдъ за мыслью я влеку по небесамъ
 И повергаю ихъ къ святымъ Творца стопамъ!
 — О, поддержи меня, ты, Богомъ вдохновенный,
 Святой науки свѣтъ! Ты, мысли даръ нетлѣнный!
 Ты, искра чистаго небеснаго огня!
 Ты, жажда истины! Да, поддержи меня
 И совѣсть слабую возвысь во мнѣ до вѣры!
 — Нѣтъ, нѣтъ, гонители, ханжи и лицемѣры
 Пусть я, какъ мученикъ, въ огнѣ скорѣй сгорю,
 Чѣмъ измѣню себѣ, чѣмъ рабски повторю
 Актъ отреченія! Вы съечь меня хотите?
 Глупцы! Вы голосъ мой, не спорю, заглушите,
 Но вамъ не заглушить ученя моего.
 Оно идетъ... летитъ... Нетлѣнный духъ его
 Витаетъ въ воздухѣ... паритъ, какъ побѣдитель
 Никѣмъ невидимый... Оно, какъ ангелъ-мститель—
 Въ умѣ у каждаго. Изъ головы моей
 Блеснулъ великій свѣтъ, блеснулъ для всѣхъ людей
 И озарить ихъ всѣхъ, и вамъ, мои убійцы,
 Вамъ не затмить его, тотъ свѣтъ иной денницы...
 Вѣкамъ грядущаго я душу предаю—
 И челоуѣчество оцѣнить мысль мою!
 — Кто тамъ?

Стучатся.

ЯВЛЕНИЕ II.

ГАЛИЛЕЙ и ИНКВИЗИТОРЪ, комиссаръ святой коллегіи.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Я, посланный изъ Рима съ увѣщаньемъ,
 Рабъ инквизиціи.

Садится.

Прослушай со вниманьемъ
 Мои слова, мудрецъ, и дай мнѣ свой отвѣтъ,
 Но прежде вдумайся и взвѣсь ихъ всѣ. Совѣтъ

Святой коллегіи отнюдь не отрицаетъ
 Твоихъ способностей; онъ строго осуждаетъ
 Лишь примѣненіе ихъ, тотъ ядъ бѣсовскихъ чаръ,
 Который съешь ты. Твой геній — Бога даръ;
 Его присутствіе, вины твои смягчая,
 Смягчаетъ и судью. А потому, желая
 Соединить въ одно и выгоды святой
 Христа религіи, такъ попранной тобой,
 И уваженіе то, которое внушаетъ
 Твой свѣтлый умъ намъ всѣмъ, Совѣтъ предполагаетъ
 Быть снисходительнымъ и наказать тебя
 Не какъ преступника, но какъ отецъ, скорбя
 За сына блуднаго. Исполненъ состраданья,
 Онъ облегчилъ тебѣ и степень наказанья:
 Онъ только требуетъ за подписью твоей
 Актъ отреченія отъ всѣхъ твоихъ идей.

Даетъ ему бумагу.

Вотъ актъ. Прочти его. Отрекшись здѣсь, ты лично
 Предстанешь въ судъ потомъ, чтобъ тамъ при всѣхъ публично
 И на колѣняхъ вновь отречься отъ всего.

Встаетъ.

А если вслѣдствіе упорства своего,
 Ты будешь, можетъ быть, и съ этимъ несогласенъ,
 То не пеняй тогда... и трепещи! Ужасенъ
 Гнѣвъ Рима, Галилей!.. Въ безуміи своемъ
 Ты хочешь спрятаться подъ герцогскимъ плащомъ
 Отъ кары грознаго святого трибунала...
 Великій герцогъ твой?! Да, еслибъ онъ сначала
 И общалъ тебѣ, въ Совѣтъ къ намъ сунуть носъ,
 Такъ, знай, онъ не доросъ, далеко не доросъ,
 Твой герцогъ крошечный, — до подвига такого,
 Какъ споръ съ могуществомъ судилища святого!

ГАЛИЛЕЙ.

Кто знаетъ!

ИНКВИЗИТОРЪ.

Вспомни смерть отступника Бруно.
 Пусть въ тридцать лѣтъ она и позабылась, но...
 Но берегись костра!

ГАЛИЛЕЙ — просматривая актъ отреченія.

Благодарю сердечно,

Что ихъ святѣйшества добры такъ безконечно;
 Я радъ бы волю ихъ исполнить былъ всегда,
 Но неужели я осмѣлюсь, безъ стыда,
 Во имя божіе имъ лгать и лицемерить?
 Я вѣрю въ истину, и ей нельзя не вѣрить!

ИНКВИЗИТОРЪ.

Ты долженъ вѣрить лишь религіи одной,
 Все остальное вздоръ, мечта и сонъ пустой.
 Все, что пытаются ослабить уваженіе
 Къ священнымъ догматамъ—не свѣтъ, а ослѣпленіе!

ГАЛИЛЕЙ.

Да, вѣры правила всесильны надъ душой;
 Ихъ власть дѣйствительна, но царство власти той
 Міръ теологіи. Духъ жаждетъ обожанья,
 И вѣрить въ догматы, завѣты и преданья,
 Но міръ физическій изъять изъ правилъ тѣхъ,
 Богъ отдаетъ его на обсужденіе всѣхъ,
 И такъ какъ рѣчь идетъ о чувственномъ предметѣ,
 То глазъ и чувство здѣсь сильнѣй всего на свѣтѣ.
 Здѣсь власть религіи молчитъ. Никто изъ васъ
 Не станетъ обвинять въ безвѣріи компасъ;
 Никто не вздумаетъ заставить силой вѣры
 Лучи, блестящія изъ центра каждой сферы,
 Вдругъ стать неравными; никто не скажетъ «стой!»
 Мірамъ вертящимся,—короче, глазъ людской
 Одинъ въ дѣлахъ такихъ судья нашъ настоящій.
 И если въ библии есть догматъ, говорящій
 О неподвижности, то у науки, вѣрь
 Нѣтъ неподвижности. Закована, какъ звѣрь
 Въ желѣза ржавыя, она живетъ свободой;
 Ей нуженъ свѣтъ, просторъ; ей ужъ самой природой
 Идти назначено все дальше, все впередъ;
 Ей каждый новый вѣкъ дары свои несетъ,
 Толкаетъ, двигаетъ, влечетъ, и завѣщаетъ
 Другому, новому, и новый принимаетъ
 Ее и лучшею, и больше развитой,
 И вновь впередъ несетъ обычной чередой.
 А мы, наслѣдники успѣха тѣхъ столѣтій,
 Не вправѣ-ль, не должны-ль и мы богатства эти
 Усилить владыками посильной мысли?

ИНКВИЗИТОРЪ.

Нѣтъ.

Не вправѣ, не должны, когда мы видимъ вредъ
 Отъ нихъ религіи. Гдѣ догматъ уничтоженъ,
 Тамъ и успѣхъ ума немислимъ, невозможенъ.
 Ты афоризмами меня не удивишь,
 Отбрось ихъ въ сторону. Кичась, ты говоришь:
 «Наука истинна», и въ мракъ свободы ложной,
 Нелѣпныхъ тезисовъ и ереси безбожной
 Ввергаешь самъ ее. Наука, Галилей,
 Сильна религіей, не силою идей.
 Ея могущество есть вѣрѣ подчиненье:
 Наука съ вѣрой—все, безъ вѣры—заблужденье.
 Наука истинно идетъ прямымъ путемъ,
 Когда склоняется смиренно предъ Творцомъ,
 Когда, изслѣдуя законы мірозданья,
 Она не трогаетъ священнаго писанья;
 Но разъ лишенная владыки своего,
 Она, какъ пьяная, не видитъ ничего,
 И въ бездну падаетъ...—Да и еще, положимъ,
 Одинъ ученый бы и могъ быть нетревожимъ
 Святою церковью: пускай бы, какъ желалъ,
 Плоды безумствъ своихъ всѣ самъ и пожиналъ...
 Одинъ—куда ни шло! Но отрывать отъ вѣры
 Народы цѣлые, но утверждать химеры
 И сѣять ереси въ сердца невинныхъ чадъ,
 Но исхищать овецъ изъ сонма божьихъ стадъ,
 На тучныхъ пажитяхъ пасомыхъ мирно нами,
 Нѣтъ, это слипкомъ ужъ! Подобными вещами
 Шутить не слѣдуетъ: съ безбожіемъ такимъ
 Никто сознательно не долженъ быть терпимъ—
 И не потерпится! Иль ты не понимаешь
 И самъ, чтó дѣлаешь? Иль ты и самъ не знаешь,
 Что ядъ наукъ твоихъ, внеся переворотъ
 Въ міръ астрономіи, и вѣру подорветъ?
 Ошибки библіи касательно явленій
 Природы выясняясь, ввергаютъ въ мракъ сомнѣній:
 Кто ошибиться могъ, тотъ слабъ и погрѣшимъ,
 А тотъ, кто погрѣшимъ, не могъ стать и святымъ.
 Тутъ вдругъ является и шаткость убѣжденій,
 И духъ анализа, и тема для сужденій.

А чуть начнутъ судить, посмотришь, и придутъ
 Къ такимъ понятіямъ: когда святые лгутъ
 И заблуждаются, такъ, значить,—выводъ, ясень,—
 Лжетъ и религія.

ГАЛИЛЕЙ.

Я съ этимъ не согласенъ.
 Чѣмъ въ догматъ библіи я вѣру подрывать?
 Что Иисусъ Навинъ стать солнцу приказалъ?
 Онъ выражался такъ, признавъ въ соображенъе
 Взглядъ современниковъ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Еще разъ оскорбленъе!
 Обида новая подъ маской напускной
 Чувствъ уваженія!.. Нѣтъ, нѣтъ! Завѣтъ святой
 Никѣмъ не можетъ быть трактуемъ такъ условно:
 Мы чтить и вѣровать должны безпрекословно,
 А не судить его. Пусть міръ нашъ, можетъ быть,
 И точно движется, къ чему-жъ о томъ трубить
 И въ этомъ случаѣ? Къ чему срывать завѣсу
 Съ тѣхъ тайнъ, которыя противны интересу
 Самой религіи? Для массы, Галилей,
 Для человѣчества ни свѣтъ твоихъ идей,
 Ни ты, ни тотъ мірокъ, въ которомъ копошится
 Ученость хитрая,—ничто не пригодится.
 Въ глазахъ толпы вы—нуль. Чтò нужды, на примѣръ,
 Намъ знать—таковъ иль нѣтъ законъ небесныхъ сферъ?
 Для насъ дѣйствительно и важно только знанъе
 Законовъ близкихъ къ намъ, имѣющихъ вліянъе
 На жизнь существъ земныхъ. Чтò ни соври порой
 Твоя наука,—намъ, повѣрь, бѣды большой
 Отъ этой лжи, мудрецъ, ни съ кѣмъ не приключится;
 Соври религія—и всякій совратится
 Съ пути, а совратясь, лишится и преградъ
 Дурнымъ желаніямъ и вѣры въ грѣхъ и адъ...
 И потому-то намъ еще страшнѣй казаться
 Должна вина твоя. Нельзя не содрогаться
 При видѣ бездны той, къ которой, сѣя ложь,
 Ты столько душъ людскихъ толкаешь и влечешь.

ГАЛИЛЕЙ.

Кто? Я! Я сѣю ложь? Иль тѣмъ, что прославляю
 Творца въ дѣлахъ его, я вѣру оскорбляю,

Томъ III. — Іюнь, 1874.

Я богохульствую? Не сами-ль небеса,
 По смыслу библіи, про божьи чудеса
 Безъ словъ вѣщаютъ намъ? Что-жъ сдѣлалъ я, скажите,
 Вѣщая то же вамъ? За что вы всѣ хотите
 Меня такъ гнать теперь? За то-ль, что лучше васъ
 Я мыслью выслушалъ чудесный ихъ рассказъ,
 Прочелъ яснѣй, чѣмъ вы, небесныя скрижали
 И словомъ передалъ вамъ то, что увидали
 На нихъ глаза мои? Какая польза въ томъ?
 О, величайшая! Успѣхъ, борьба со зломъ,
 Вражда къ невѣжеству, стремление къ правдѣ вѣчной,
 Духъ справедливости, духъ страсти безконечной
 Къ самопознанію. Богъ въ души всѣхъ живыхъ
 Вложилъ инстинкты тѣ, вложилъ и сдѣлалъ ихъ
 Настолько сильными, что съ ними, безъ боязни,
 Мы можемъ вынести всѣ муки адской казни.
 Въ нихъ жизнь, въ нихъ свѣтъ, въ нихъ все!.. Кто хочетъ имъ
 служить,

Тотъ мыслить набожно; кто хочетъ заглушить,
 Убить насильно ихъ, тотъ думаетъ безбожно...
 Да и убьешь-ли ихъ? Не думаю. Чѣмъ можно
 Путь новой истинѣ на-вѣки преградить?
 Вамъ одного меня не трудно побѣдить,
 Но въ правѣ-ль и тогда вы будете считаться
 За побѣдителей? Вы каплю, можетъ статься,
 И остановите, но можете-ль возмнить
 Рукой вы цѣлюю рѣку остановить?
 Ахъ, вѣрите, чтите ихъ, порывы эти, строго
 И свято чтите ихъ. Въ нихъ скрыто слишкомъ много
 Восторга, страстности, влеченья и ума,
 Чтобъ ихъ сдержать могли оковы и тюрьма.
 Оставьте волю имъ,—иль горе всѣмъ преградамъ!
 О, Римъ! въ тѣ дни, когда по весямъ и по градамъ
 Еще лилась вездѣ твоихъ пророковъ кровь,
 Ты обѣщала тогда, что разумъ и любовь
 Мечу язычниковъ въ борьбѣ противопоставишь,
 Ты побѣдилъ,—и мечъ преградой слову ставишь
 И самъ, подобно имъ!

ИНКВИЗИТОРЪ.

Не только рѣчь твоя,
 Звучатъ слова «Галилей»—есть ужъ мятежъ!

ГАЛИЛЕЙ.

Нѣтъ, я—

Успѣхъ и знаніе, вы—мракъ и притѣсненіе.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Безумецъ! Не иди на смерть! Твое спасеніе
Въ твоихъ рукахъ еще... Одумайся скорѣй!

ГАЛИЛЕЙ.

Не въ силахъ...

ИНКВИЗИТОРЪ—показывая ему актъ.

Этотъ листъ ждетъ подписи твоей.

Въ послѣдній разъ прошу: скажи, что мыслить ложно
И подпишися тутъ.

, ГАЛИЛЕЙ.

Нѣтъ!

ИНКВИЗИТОРЪ.

Ну, все, что было можно

Я сдѣлать, кажется. Какъ нужно поступать,
Рѣшишь и самъ теперь. Не буду осквернять
Опять уста свои доктринами твоими:

За меньше вредныя—виновныхъ жгли живыми
Нерѣдко сотнями. Прощай. Мы до суда
Еще увидимся. Подумай!

Уходить, оставляя актъ отреченія.

ГАЛИЛЕЙ—вновь прочитывая актъ и отбрасывая его въ сторону.

Никогда!

ЯВЛЕНІЕ III.

ГАЛИЛЕЙ, великій герцогъ ФЕРДИНАНДЪ.

ГЕРЦОГЪ—входя.

Привѣтъ, учителю!

ГАЛИЛЕЙ.

Какъ? Ваша свѣтлость сами!

ГЕРЦОГЪ.

Я прихожу къ тебѣ съ вѣстями—и вѣстями
Довольно грустными.

ГАЛИЛЕЙ.

Я весь вниманье.

ГЕРЦОГЪ.

Да!

Настала наконецъ пора, мой другъ, когда
 Тебѣ приходится уѣхать въ Римъ. Объ этомъ
 Я предувѣдомленъ сегодня былъ Совѣтомъ
 Святой коллегіи. Тебя,—вотъ и указъ,—
 Винять за медленность. Боюсь, чтобъ противъ насъ
 Принять не вздумали серьезныхъ мѣръ. Карета
 Готова. Надобно, чтобъ завтра-жъ до разсвѣта
 Ты былъ въ пути уже. Я въ Римѣ упросилъ,
 Чтобъ до процесса ты въ дому посольства жилъ.
 Тебя переведутъ въ тюрьму, когда начнется
 Формальный судъ. Теперь мнѣ только остается
 Желать, чтобъ ты скорѣй вернулся къ намъ опять,
 И чтобъ Флоренція, приютъ сумѣвши дать
 Уму великому, и отъ гоненій Рима
 Могла спасти его... Судьба неумолима!
 Я дѣлалъ все, что могъ: просилъ, протестовалъ,
 Ссылался на законъ приличій, увѣрялъ,
 Что ты мой гость,—ничто, ничто не помогало!—
 Борьба неравная корону колебала
 На головѣ моей. Могучъ желѣзный Римъ!
 Игра опасная—шутить и спорить съ нимъ!..
 Я отстоять тебя не могъ, какъ ни старался;
 Мы пали бѣ оба, другъ,—и я, и ты,—я сдался.

ГАЛИЛЕЙ.

Жалѣю и скорблю!.. Не о себѣ... О, нѣтъ!..
 Что значить Галилей? Погибъ иль нѣтъ онъ, вредъ
 Не можетъ общимъ быть... Жалѣю о народѣ,
 О правѣ голоса, о мысли, о свободѣ
 Печати гибнущей. Скорблю о васъ самихъ,
 О вашемъ имени въ сказаньяхъ дней кинныхъ,
 О вашемъ герцогскомъ верховномъ правѣ старомъ,
 Мечъ, что разить меня, разить однимъ ударомъ
 И вашу голову.—Что хочетъ гордый Римъ?
 Съ чего, съ которыхъ поръ онъ сталъ судомъ своимъ
 Грозить профессору, учащему въ Тосканѣ?
 Какой законъ такой далъ право въ Ватиканѣ
 Гнать и преслѣдовать тотъ трудъ, что изданъ мною
 Былъ во Флоренціи?—Васъ, герцогъ, тонъ такой
 Смущаетъ, кажется?—Что дѣлать! я не знаю

Придворныхъ тонкостей и дурно понимаю
 Ту мысль, гдѣ рѣчь идетъ о томъ, чтобъ уступить
 Иль чтобъ противиться. Вы правы, можетъ быть,
 Вамъ и дѣйствительно разумнѣй было сдаться,
 Но тѣмъ не менѣе мнѣ трудно удержаться,
 Чтобъ не сказать себѣ: какъ дивно бы, увы,
 Могло быть зрѣлище, когда и я, и вы, —
 Наставникъ и монархъ, пошли бы на сраженье
 Спасать: одинъ свой тронъ, другой—свое ученье!

ГЕРЦОГЪ.

Ты не судилъ бы такъ, когда бы зналъ, старинъ,
 Какъ Римъ могущественъ, ужасенъ и великъ;
 Какъ длань желѣзную онъ страшно налагаетъ
 На всѣхъ враговъ своихъ; какими обладаетъ
 Пути тайными, и какъ разить тотъ громъ,
 Чтѣ съ трескомъ по міру разноситъ онъ вкругомъ.
 Ужель ты думаешь, что я, съ моимъ ничтожнымъ
 И слабымъ герцогствомъ, могу считать возможнымъ
 То, чтѣ считать такимъ не могутъ короли
 И императоры,—всѣ сильныя земли.
 Смирись, пока еще цѣной того смиренья
 Ты можешь тотчасъ же купить себѣ прощенье;
 Склонись предъ силою, какъ я; старайся скрыть
 Гнѣвъ оскорбленія, старайся подчинить
 И умъ, и рѣчь свою, согласно указанью
 Твоихъ гонителей, считай, по ихъ желанью,
 Ошибкой—истину, ложь—правдой; рѣчь идетъ
 О головѣ твоей. Есть поводы впередъ
 Не сомнѣваться въ томъ, что будутъ непреклонны;
 Что какъ бы ни были права твои законны,
 Римъ до конца поидетъ.—Подумай обо всѣмъ,
 Чтѣ я сказалъ тебѣ, и съ первымъ же лучомъ
 Зари занявшейся уѣхать постарайся,—
 Я поддержу тебя.—Прощай!

Уходить, протянувъ Галилею руку.

ГАЛИЛЕЙ.

Не полагайся

На слово сильнаго!—О, родина труда!

О, ты, Венеція, гдѣ цѣлые года

Училъ свободно я; гдѣ мирно, всѣми чтимый,

Какъ гость обласканный, какъ сынъ родной, любимый,
 Я жилъ и дѣйствовалъ,—въ тебѣ бы Галилей
 Не встрѣтилъ жалкаго орудья палачей!
 Ты вѣрно-бъ рабски такъ предать не пожелала
 Святой коллегіи того, кого считала
 Своимъ учителемъ!.. Плѣнившись и умомъ,
 И лаской герцога, обманутый кругомъ
 Его придворными и блескомъ ослѣпленный,
 Я бросилъ мирный твой пріютъ уединенный...
 Ахъ, я не зналъ тогда, рабъ славы и страстей,
 Что независимость для мыслящихъ людей
 Милѣй всѣхъ благъ земныхъ! Теперь я это знаю,
 И заслуженную награду получаю
 За то, что дѣйствовалъ какъ трусъ и ренегатъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГАЛИЛЕЙ, АНТОНІЯ—входитъ и останавливается, смотря, не обезпоко-
 ила ли она отца.

ГАЛИЛЕЙ.

Приблизься, дочь моя.

АНТОНІЯ.

Ты занятъ?

ГАЛИЛЕЙ.

Нѣтъ, я радъ

Поговорить съ тобой. Въ тебѣ найдется сила
 И храбрость?

АНТОНІЯ.

Да, отецъ. Я храбрость получила
 Въ наслѣдство отъ тебя.

ГАЛИЛЕЙ.

Тѣмъ лучше. Настаетъ
 Часъ показать ее. Опасность все растетъ:
 Я получилъ сейчасъ изъ Рима предложенье
 Цѣной безчестія купить себѣ прощенье.

АНТОНІЯ.

Цѣной безчестія?

ГАЛИЛЕЙ.

Да, генію простать
 Въ лицѣ отступника.

АНТОНІЯ.

Чего-жъ они хотятъ?

ГАЛИЛЕЙ.

Все, все отнять хотятъ: и честь, и мысль, и знанье!

АНТОНИА.

Такъ поступай, отецъ, какъ хочеть—не желанье,
А долгъ.

ГАЛИЛЕЙ.

Но знаешь ли, что ждать меня тогда?
Жизнь безъ пристанища, изгнанье, трудъ, нужда...
И это меньшее.

АНТОНИА.

О, ничего! Я буду
Тебѣ сопутствовать. Я Антигоной всюду
Пойду съ изгнанникомъ, который разгадалъ
Намъ сфинкса звѣзднаго. Куда бы ни загнать
Насъ рокъ, я стану всѣмъ твердить тогда, изъ края
Въ край, посохъ генія съ любовью направляя:
«Подайте для того, кто, изгнанный изъ странъ
Земли евангеліе чтущихъ христіанъ,
Причтенъ бы, вѣрно, былъ къ числу боговъ великихъ,
И въ храмахъ славился-бъ у всѣхъ народовъ дивныхъ,
У всѣхъ язычников!»

ГАЛИЛЕЙ.

Не посохъ и сума,
Не жизнь изгнанника, такъ ссылка иль тюрьма,—
И, значить, вѣчная...

АНТОНИА.

Я проведу съ тобою
Всю жизнь въ стѣнахъ ея, подъ кровлей роковою!

ГАЛИЛЕЙ.

Быть можетъ, худшее.

АНТОНИА.

Отецъ! Отецъ!

ГАЛИЛЕЙ.

Какъ знать! —

Голубка чистая! что можешь ожидать
Ты, дочь отверженца безумнаго народа?
Кто защититъ тебя? Что дастъ тебѣ свобода
Безъ средствъ и помощи, безъ крова и друзей?

АНТОНІЯ.

Что говорить теперь объ участи моей, —
Ты самъ на смерть идешь! И нѣтъ, нѣтъ никакого
Исхода лучшаго?

ГАЛИЛЕЙ.

Какъ всѣ зовутъ такого
Солдата, дочь моя, что, бывши часовымъ,
Позорно предалъ самъ во власть врагамъ своимъ
Постъ чести, ввѣренный ему страной?—Рѣшаясь
На битву съ сильными, я мучусь и пугаюсь
Не за судьбу свою. Не гибель мнѣ страшна,
А мысль, что ты должна остаться здѣсь одна,
Безъ покровителя... Скажи мнѣ, ты желаешь,
Чтобъ я спокоенъ былъ?

АНТОНІЯ.

Ахъ, да! Ты это знаешь.

ГАЛИЛЕЙ.

Такъ помоги-жъ тогда осуществить мой планъ,
Мое послѣднее желанье. Вивіанъ,
Тотъ честный юноша, чей разумъ такъ стремится
Къ познанью истины; тотъ мужъ, въ комъ возродится,
Быть можетъ, мысль моя; тотъ самый Вивіанъ,
Мой первый ученикъ, узнавъ, что Ватиканъ
Грозитъ мнѣ гибелью, просилъ великодушно
У насъ руки твоей. Я знаю, что, послушна
Влеченью сердца, ты Таддео-бъ предпочла.
Не спору, можетъ быть, ты точно и была
Съ нимъ больше-бъ счастлива, но такъ какъ общанье
Его родителей теперь есть основанье
Считать нарушеннымъ, невѣрнымъ, посуди
Сама, что-жъ ждать отъ нихъ?.. Да, лучше выходи
За Вивіана. Съ нимъ ты будешь, безъ сомнѣнья,
Жить счастливо, а я, старикъ, безъ сожалѣнья,
Пойду на смерть тогда, довольный тѣмъ, что дамъ
Тебѣ защитника.

АНТОНІЯ.

Отецъ, подумай самъ,
Чего ты требуешь? Какъ дамъ я слово, зная,
Что, пережить тебя и часу не желая,
Я не сдержу его?

ГАЛИЛЕЙ.

Что говоришь ты?

АНТОНИЯ.

Да...

А не умру сейчасъ, такъ за меня тогда
 Бояться нечего: перенеся разлуку
 Съ тобой, какую я еще иную муку
 Не въ силахъ вынести? Мнѣ будетъ все равно,
 Что жизнь, что смерть тогда... Увы, мнѣ не дано
 Такого мужества, съ которымъ и въ изгнаньи,
 И въ нищетѣ, отецъ, ты былъ бы въ состояньи
 И жить, и дѣйствовать.

ГАЛИЛЕЙ.

Ты любишь, дочь моя,

Таддео... Боже мой!

АНТОНИЯ.

Не стану лгать. Да, я
 Его люблю, отецъ,—вѣрнѣй сказать, любила,
 Пока всю жизнь свою тебѣ не посвятила,—
 И посуди-жъ, могу-ль другому я отдать
 То сердце, что всю жизнь должно принадлежать
 Лишь одному ему?

ГАЛИЛЕЙ.

Погибли безвозвратно

Мои мечты теперь!

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢЖЕ и ТАДДЕО.

ТАДДЕО—входя.

Учитель! вѣроятно,

Вы удостоите прослушать до конца,
 Что я скажу. Я здѣсь съ согласія отца.
 Римъ такъ отречьшимся увидѣть васъ желаетъ,
 Что ради этого всѣ средства въ ходъ пускаетъ,
 Онъ даже чѣмъ-то могъ, какъ видно, повліять
 И на семью мою: отецъ готовъ мнѣ дать
 На бракъ съ Антоніей свое благословенье
 Съ тѣмъ, чтобъ взаимнѣ его вы дали отреченье.
 Для вашей дочери,—и небомъ, и землей,
 Всѣмъ заклинаю васъ!—пожертвуйте собой
 И вашей гордостью любви отца: смиритесь!

Ужель, жестокий, вы упорствовать рѣшитесь;
 И зная, что ударъ, который васъ сразить,
 И наше счастье, и насъ не пощадить?
 О, Боже! Почему я не владѣю даромъ
 Такъ говорить теперь, съ такимъ умомъ и жаромъ,
 Чтобъ словомъ пламеннымъ къ вамъ въ сердце перелить
 Весь пылъ любви своей, и умъ вашъ убѣдить
 Въ той свѣтлой истинѣ, что есть законъ и выше
 Законовъ разума—законъ природы, свыше
 Намъ всѣмъ завѣщанный; что прежде, чѣмъ мудрецъ,
 Вы человекъ, какъ всѣ, вы ближній, вы отецъ,
 И больше связаны во всемъ съ существованьемъ
 Живой Антоніи, чѣмъ съ мыслью и созданьемъ
 Ума великаго... Оставьте въ тѣмъ бродить,
 По волѣ Господа, міры; кто окружить
 Счелъ нужнымъ тайнами ихъ всѣ съ начала вѣка,
 Кто могъ пять тысячъ лѣтъ отъ взоровъ человека
 Скрывать во мракѣ ихъ, тотъ, значить, и отъ насъ
 Того не требуетъ. Когда настанетъ часъ—
 Властитель звѣздъ тогда самъ сдернетъ покрывало,
 Какъ самъ простеръ его. Намъ, смертнымъ, не пристало
 Пытаться сдѣлать то, что въ силахъ только Богъ. Указывая на Антонію.
 Какъ! Чтобъ покоить васъ отъ бурь и отъ тревогъ,
 Самъ ангелъ съ неба къ вамъ въ лицѣ ея нисходитъ,
 А вы заботитесь о томъ, что происходитъ
 Въ мірахъ!.. О, пусть на вѣкъ померкнетъ солнца свѣтъ,
 Пусть съ трескомъ рухнетъ вдругъ весь хоръ его планетъ,
 Скорѣй, чѣмъ взглядъ ея затмитъ слеза!

АНТОНІЯ.

Довольно!

Не обвиняй отца: онъ правъ. Какъ мнѣ ни больно,
 Но я согласна съ нимъ, и потому, вина
 Его, ты вмѣстѣ съ нимъ винишь здѣсь и меня.
 Прощай! Иди туда, куда зоветъ, мой милый,
 Тебя твой долгъ... иди, оставь намъ нашъ—унылый
 И честию скованный... До этихъ поръ, мой другъ,
 Мы жили грѣзами: мы шли и все вокругъ
 Намъ, дѣтямъ, счастье и жизнь вдали сулило...
 Намъ и на мысль съ тобой въ тѣ дни не приходило,
 Что люди созданы для думъ, для битвъ и слезъ,
 А не для радужныхъ, туманныхъ дѣтскихъ грѣзъ...

Да, я люблю тебя, я съ радостью готова
 Была бы стать твоей, но Богъ отъ насъ иного,
 Таддео, требуетъ.—Онъ хочетъ жертвъ,—и я
 Готова жертвовать!

Протягиваетъ ему руку.

Повѣрь, рука моя
 Не будетъ никогда ни въ чьей рукѣ... Мужайся—
 И... и забыть меня навѣки постарайся...
 Прощай!

Галилею.

А мы, отецъ, скорѣй въ ужасный Римъ!

ТАДДЕО—Антоніи.

Какъ? ты любовь мою сама разишь такимъ
 Ударомъ?.. Боже мой! И—ты... и—ты!

Галилею, внимательно посмотрѣвъ на Антонію.

Взгляните,

Какъ блѣдность выдаетъ слова ея! Поймите:
 Она вамъ жертвуетъ... да! жертвуетъ собою.
 Ужель вы примете, жестокий, даръ такой?

ГАЛИЛЕЙ.

Какъ счастливъ тотъ, кому всегда прямой дорогой
 Идти приходится, кто въ жертву чести строгой
 И мысль, и жизнь свою, все можетъ предложить!..
 О, испытаніе! Какъ лучше поступить?
 Два долга страшные стоятъ передо мною,
 Равно священные. Чѣмъ жертвовать: собою
 Иль счастьемъ дочери? Какой призвать законъ
 Могу на помощь я, чтобъ не былъ оскорбленъ
 Одинъ изъ двухъ: одинъ—честь убѣжденій, разумъ,
 Другой—природа, дочь? И тотъ и этотъ разомъ
 Влекутъ въ себѣ меня и дѣлаютъ иль злымъ
 Отцомъ, иль болтуномъ безчестнымъ и пустымъ,
 Иль лже-апостоломъ...

Антоніи и Таддео.

Теперь идите, дѣти.

Одинъ я, можетъ быть, рѣшу вопросы эти
 Скорѣй и правильнѣй. Раздумье и покой
 Необходимы мнѣ. Слѣдя глазами за уходящими Таддео и Антоніей.

Вотъ пара!—Боже мой!

Какимъ бы счастьемъ я былъ долженъ наслаждаться—
 Отецъ, имѣющій возможность любоваться,
 Подъ кровлей собственной, на склонѣ старыхъ дней,
 Красой и юностью подобныхъ имъ дѣтей!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Замокъ инквизиціи въ Римѣ. Загъ, служащій темницею ГАЛИЛЕЮ. Въ углубленіи занавѣсъ, закрывающій входъ въ большую залу, гдѣ засѣдаетъ судъ инквизиціи.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГАЛИЛЕЙ, ТАДДЕО, ВИБІАНЪ, НИККОЛИНИ, АНТОНІЯ, ЛИВІЯ.

ВИБІАНЪ—обнимая Галилея.

Какъ я радъ видѣть васъ, учитель дорогой!

ГАЛИЛЕЙ.

Итакъ, вы въ Римѣ здѣсь нарочно, мой герой,
Чтобъ быть со мной теперь?

ВИБІАНЪ.

Да, да! Мы всѣ хотѣли
Еще разъ видѣть васъ: я, Пери Торичелли,
Гвидучи, Сагредо и Нарди, всѣ, кто вамъ
Обязанъ знаньемъ.

ГАЛИЛЕЙ.

Гдѣ-же остальные?

ВИБІАНЪ—протягивая руку къ окну, выходящему на улицу.

Тамъ,

Внизу, у входа въ судъ,—ихъ дальше не пустили.
И мнѣ войти сюда сначала запретили...

Указывая на посланныхъ.

Я счастьемъ видѣть васъ обязанъ имъ вполне...

НИККОЛИНИ.

Исполните-жъ и вы, что обѣщали мнѣ.

ГАЛИЛЕЙ—смотря въ окно.

Вотъ свита узника! Подобной ей едвали
И императоры престолъ свой окружали!
Добро пожаловать! Они пришли узнать
И убѣдиться въ томъ: могу ли оправдать
Я ихъ довѣріе, и ложью недостойной
Не осквернивъ себя, какъ съ каеэдры спокойной,
И у подножія костра здѣсь говорить...

ВИВИАНЪ.

Учитель, еслибъ вамъ пришлось не въ Римѣ быть,
 А во Флоренціи,—тогда другое дѣло!
 Тогда я первый бы сказалъ вамъ: стойте смѣло,
 Не покоряйтесь имъ, не повторяйте ложь!
 Тамъ дышетъ жизнію живая молодежь;
 Тамъ нѣтъ опасности для мысли и таланта;
 Восторгъ по прежнему живить отчизну Данта.
 Я возмущилъ бы тамъ толпу учениковъ,
 Народъ, и съ ними бы исторгъ васъ изъ оковъ.
 Здѣсь—это было бы попыткой бесполезной:
 Здѣсь Римъ, вы подъ ярмомъ руки его желѣзной!
 Здѣсь чернь нѣма, глуха къ великимъ именамъ.
 Ей чуждъ даръ генія, и то, что свято намъ,
 Что чтить привыкли мы, то, вѣрьте, не смущаетъ
 Ея спокойствія. Толпа не разсуждаетъ
 Въ подобныхъ случаяхъ... И что ей знанья свѣтъ,
 И мысль, и торжество святыхъ ея побѣдъ?
 Обычный крикъ толпы: „*Дай зрѣлищъ намъ и хлѣба!*“
 И еслибъ завтра же толпѣ, по волѣ неба,
 Васъ увидать пришлось на огненномъ кострѣ,
 Она восторженно подниметъ взоръ горѣ
 И, на колѣни павъ, воздастъ благодаренье
 За это, данное ей даромъ, развлеченье.

ГАЛИЛЕЙ.

Что вы желаете всѣмъ этимъ мнѣ сказать?

ВИВИАНЪ.

То, что вамъ надобно смириться и признать
 Актъ отреченія.

ГАЛИЛЕИ.

Какъ, Вивіанъ, вы то же?

ВИВИАНЪ.

Учитель, видитъ Богъ, что ваша честь дороже
 Мнѣ чести собственной! Я числюсь, какъ одинъ
 Изъ первыхъ рыцарей гонимыхъ здѣсь доктринъ,
 И, вѣрьте, еслибы вы, давши отреченье,
 Навѣкъ убили тѣмъ идей своихъ значенье,
 Иль даже еслибы побѣда ихъ отъ насъ

Отдалена была,—тогда я ни на часъ
 Не колебался бы межъ вами и межъ ними:
 Имъ—жизнь, вамъ—смерть! Но вы уроками своими
 Такъ объяснили все, съ такою полнотою,
 Что мракъ не въ силахъ ужъ затмить теперь собой
 Денницы истины. Мы всѣ такъ озорались
 Ея сіяніемъ, что, гдѣ-бъ ни находились,
 Она вездѣ теперь насъ будетъ освѣщать.
 Вы смѣло можете, чтобъ Римъ не раздражать,
 Произносить теперь любое отреченье
 И знать, что цѣлое живое поколѣнье
 Несокрушимою, желѣзною стѣной
 За вами вслѣдъ идетъ. Спѣшите на покой...
 И предоставьте намъ идти на смерть и муки...
 Повѣрьте, свѣточъ вашъ, передаваясь въ руки
 Изъ рукъ, изъ вѣка—въ вѣкъ, изъ рода—въ новый родъ,
 Все человѣчество, всю землю обойдетъ.
 Смиритесь! Вырвите жизнь жертвы неразумной
 Изъ рукъ тюремщиковъ, спасите Римъ безумный
 Отъ преступленія; всѣхъ мыслящихъ людей—
 Отъ вопля ужаса, семейства и друзей—
 Отъ слезъ и траура! Безцѣльное мученье—
 Избытокъ гордости. И въ вашемъ подчиненьи
 Иль въ вашей твердости рѣчь, видимо, идетъ
 О самолюбіи, а не о томъ, что ждетъ
 Науку въ будущемъ. Да врядъ ли здѣсь задѣто
 И самолюбіе: всѣ обвинять за это
 Не жертву, а судью. Такъ думаю и я;
 Такъ вмѣстѣ думаютъ и всѣ мои друзья.
 Я только выполнилъ чужое порученье,—
 Буквально передалъ вамъ общее ихъ мнѣнье,
 И на колѣняхъ здѣсь и самъ, и за друзей
 Молю: поймите насъ, смиритесь, Галилей!

НИККОЛИНИ.

Послушайтесь его, синьоръ профессоръ! Право,
 Какъ онъ ни юнъ еще, а судить вѣрно, здраво;
 Не только я одинъ, но всякій, кто знавомъ
 Съ судомъ коллегіи, согласенъ съ нимъ во всемъ.
 Самъ герцогъ шлетъ ко мнѣ посланье за посланьемъ
 И чуть не каждое съ строжайшимъ приказаньемъ,
 Чтобъ я употребилъ всѣ средства: убѣждалъ,

Просилъ, настаивалъ; онъ прямо мнѣ писалъ,
 Что наказаніе—огонь, что ваше слово—
 Одно зажечь его, одно—потушить снова.
 И герцогъ правъ вполне. Сегодня быть тотъ часъ,
 Который все рѣшить.

Указывая на занавѣсъ.

Подумайте, что васъ
 Лишь этотъ занавѣсъ отъ смерти отдѣляетъ,
 Что тамъ, за нимъ теперь, собравшись, воссѣдаетъ
 Судъ, долженствующій изречь сейчасъ, увы,
 Свой страшный приговоръ,

ЛИВИЯ.

Ахъ, смилитесь хоть вы,
 Синьоры добрые! Въ васъ все мое спасенье!
 Пусть хоть не жгутъ его. И что за преступленье
 Онъ, старый, сдѣлать могъ? Вѣдь право, господа,
 Онъ на большой-то грѣхъ и не способенъ... Да!
 Въ немъ и ума-то нѣтъ совсѣмъ почти нисколько!
 Когда онъ сдѣлалъ что, такъ это, вѣрите, только
 По простотѣ своей. Вѣдь это фантазеръ,
 Добрякъ, котораго не только на востѣръ,
 А и судить-то грѣхъ. Его, кто хочетъ, можетъ
 На помочахъ водить... Клянусь, что ни предложить
 Вашъ судъ, онъ все сейчасъ, все сдѣлаетъ.

Галилею, показывая на Никколини и Вивіана.

Вѣдь да?

Скажи, что сдѣлаешь, что будешь у суда
 Просить прощеніе!... Пускай они, какъ знаютъ,
 И управляютъ всѣмъ,—они ужъ понимаютъ,
 Какъ надо дѣйствовать, чтобъ лучше отъ огня
 Оберегать тебя. Послушайся меня:
 Не говори въ судъ безъ спросу ихъ ни слова,
 Будь кротокъ, отгони отъ мысли духа злого,
 То-есть, учености!...

Преслѣдуя Галилея, который садится.

Богъ да поможетъ намъ!—

Наука? Что она, наука эта! вамъ
 Сумѣетъ вновь сложить тѣ кости, что тискамы
 Раздавятъ палачи? Надѣетесь вы сами
 Съ ней отъ костра спастись? Безсмертія вѣнокъ...
 Награда славная! Да на какой же прокъ

Вамъ и безсмертіе, когда васъ, какъ простое
 Полѣно, глупое, сожгутъ всего? Какое
 Ни жди безсмертіе васъ, вѣдь приговоръ молвы
 Во всякомъ случаѣ услышите не вы,
 А только пепелъ вашъ... Не лучше-ль, ради славной
 Награды призрачной, спастись отъ смерти явной
 И мукъ дѣйствительныхъ? Снѣшите подписать
 Тотъ актъ спасительный, который можетъ дать
 Вамъ жизнь и счастье, и здраво поступите
 Хоть разъ на старости.

ГАЛИЛЕЙ—съ нетерпѣніемъ.

Оставь!

АНТОНИА.

О, пощадите,
 О, скажитесь, мой отецъ! Странанье и борьба
 Превыше силъ моихъ,—я сдѣлалась слаба,
 Прошла восторженность геройства напускного,
 Когда, казалось, я на все была готова;
 Живая истина убила навсегда
 Во мнѣ увѣренность. Мы не были тогда
 Передъ костромъ, какъ здѣсь, а отблескъ жертвы правой
 Рисуеть издали, увѣнчанную славой,
 Намъ пальму мученицъ, и дѣлаетъ изъ насъ
 Героевъ... Но когда мы смотримъ цѣлый часъ,
 Какъ на глазахъ у насъ растутъ костра ступени;
 Протягивая руку къ занавѣсу.

Когда онъ близокъ такъ, что я безъ затрудненій
 Могу, не двинувшись, дотронуться рукой
 До страшныхъ стѣнъ его; когда отъ залы той,
 Гдѣ грозный судъ теперь безмолвно возсѣдаетъ,
 Меня лишь эта ткань простая отдѣляетъ,—
 Тогда въ груди моей природа и любовь
 Вступаютъ съ бѣшенствомъ въ права свои. Я вновь
 Лишь только дочь тогда. Тогда я вижу только
 Тебя въ огнѣ, отецъ, и этотъ видъ настолько
 Мнѣ страшнымъ кажется, что дѣлаетъ въ тотъ мигъ
 Меня преврѣннѣй всѣхъ... Да! нѣтъ во мнѣ твоихъ
 Высокихъ доблестей! Ты не услышишь снова
 Ни взрыва гордости, ни огненного слова.

Бросается къ ногамъ Галилея.

Бросаюсь въ ужасѣ къ ногамъ твоимъ, ловлю
 Колѣни милыя и плачу, и молю:
 О, отрекись, отецъ! О, сжался, отрекайся!
 Все за прощеніе отдать имъ общайся,
 Все—знанье, правду, честь!.. Послушай вновь меня,
 Какъ прежде слушался, когда, бывало я,
 Припасть на грудь къ тебѣ, ребенкомъ, возвѣщала
 Свои желанія,—тогда я не встрѣчала
 Сопротивленія; послушайся-жъ опять
 Тирана милаго!... Ты мнѣ и отвѣчать
 Не хочешь?... Боже мой! Глаза мои напрасно
 Поймать твой взглядъ хотять...

Встаетъ и бросается въ объятія Таддео.

О, я глубоко, страстно

Его люблю, отецъ,—пойми меня, молю,—
 Люблю всей силою души моей, люблю
 Любовью страстною, святой, непобѣдимой!
 Отнявъ Таддео, ты жизнь дочери любимой
 Отнимешь вмѣстѣ съ нимъ...

ГАЛИЛЕЙ—тономъ страданія и упрека.

Дочь!

Таддео вмѣстѣ съ Антоніей становятся передъ Галилеемъ на колѣни.

ТАДДЕО—на колѣняхъ.

Уступите намъ!

Указывая на Антонію.

Вручите мнѣ ее, и я клянусь, что дамъ
 Ей счастье полное!... Смиритесь! Уступите!
 И, къ жизни вызванный, на жизнь благословите
 Своихъ дѣтей, отецъ! Ихъ нѣжная любовь
 Замѣнитъ все собой и возвратитъ вамъ вновь
 Покой утраченный.

ВИВИАНЪ—становясь на колѣни.

Смиритесь!

НИККОЛИНИ.

Уступите!

ЛИВИЯ.

Изъ камня чтó ли вы, что вы, какъ столбъ стоите?
 Иль въ васъ ничѣмъ нельзя упрямства побѣдить?

ГАЛИЛЕЙ—вставая.

О, вы не знаете и сами, можетъ быть,
 Чего желаете, какой вы нервъ кипучій,
 Нервъ страстно-жизненный, прекрасный и могучій
 Во мнѣ, друзья мои, хотите подорвать!
 То, что вы просите, и то, чего я дать
 Никвѣкъ не въ силахъ вамъ, мнѣ краше жизни, это—
 Моя душа, мой свѣтъ; огнемъ его согрѣто
 Все существо мое—и духъ, и плоть, и кровь.
 Въ немъ все: права на жизнь, и вѣра, и любовь,
 И сила. Всѣ, живя, въ своей стремятся цѣли
 И потому живутъ. Когда-бъ мы захотѣли
 Отнять ту цѣль отъ нихъ, въ нихъ было бы тогда
 Все уничтожено. Представьте, господа...

Никколини.

Представьте вы, синьоръ, что герцога вашъ вѣнчаннй
 Развѣнчанъ папоу.

Таддео.

Представь, что твой желанный
 Союзъ съ Антоніей не можетъ съ этихъ поръ
 Считаться мыслимымъ. Повѣрьте мнѣ, позоръ
 Изгнанья вѣчнаго любимаго владыки,
 Порывы бѣшенства и буря злобы дикой—
 Любви отверженной, весь адъ земныхъ страстей—
 Тоска, отчаянье, все то, что ощущали
 Въ себѣ тогда бы вы, все это,—и едва ли
 Не больше вашего, я чувствую, друзья,
 Теперь въ душѣ своей.

Никколини.

Подобно вамъ и я,
 Имѣю родину—даль неба голубую;

Таддео.

И я люблю, какъ ты, невѣсту молодую—
 Науку чистую, и можете судить,
 Какъ страшно вы меня хотите поразить
 Упорно требуя, чтобъ я позоромъ вѣчнымъ
 Покрывъ чело ея! Могу-ль я, съ первымъ встрѣчнымъ
 Столнувшись завтра же, поднять сповойно взоръ,
 Предать несчастную публично на позоръ?
 Въ какомъ безстыдствѣ бы, свершивъ такое дѣло,
 Нашелъ я мужество взглянуть, какъ прежде, смѣло
 Въ глаза пытливые своимъ ученикамъ?

«Вотъ тотъ», — сказали бы они, — «кто предалъ самъ
 Свое ученіе, какъ агнца на закланье;
 Кто, чтобъ продлить на мигъ свое существованье,
 Отрекся отъ всего, чѣмъ жилъ онъ, что любилъ
 И сѣдины свои навѣки загрязнилъ
 Такою подлостью! Вотъ тотъ отступникъ низкій,
 Что ради выгоды, изъ страха смерти близкой,
 Какъ встарь за сребренникъ Христа — Искаріотъ,
 Святую истину — завѣтъ свой — продаетъ!
 Онъ честь всѣхъ дѣлъ своихъ и славу убиваетъ
 Стыдомъ измѣнника, который покидаетъ
 Свой постъ. Иди скорѣй, иди и скройся съ глазъ,
 Старикъ, рѣшившійся въ послѣдній жизни часъ
 Знакомить юношей лишь съ клятвопреступленьемъ!»
 Вотъ что сказали бы въ то время съ отвращеньемъ.
 Они, сойдясь со мной. Скажите, что тогда
 Я могъ на это бы отвѣтить имъ?

Показывая на актъ отреченія.

Когда

Меня бы подписью моею же уличили?
 Знакомъ ли вамъ тотъ актъ, который предложили
 Мнѣ подписать? Вполнѣ-ль извѣстно вамъ все то,
 На что рѣшаюсь я? Вотъ слушайте на что:

Читаетъ.

«...Я, Галилей... на колѣняхъ передъ вами... отрекаюсь, про-
 клинаю и ненавижу вышеозначенныя ереси и заблужденія...»

И заблужденія! О, эти заблужденія
 Ума пытливаго святаго откровенія;
 Ихъ свѣтъ таинственный мракъ неба озаряетъ;
 Въ нихъ эра истины, гигантскій пьедесталъ,
 Основа вѣчная, фундаментъ, на которомъ
 Свѣтъ астрономіи заблещетъ передъ взоромъ
 Людей грядущаго безсмертія зарей!

ВИВІАНЪ.

Несчастный мученикъ!

АНТОНІА.

Отецъ мой дорогой!

ГАЛИЛЕЙ.

И мало этого... Конечъ не уступаетъ!

Читаетъ.

«...И клянусь, что если узнаю какого-нибудь еретика, то до-несу о немъ святой коллегіи...»

Клятвопреступника доноситьъ пополняетъ!
Чего-жъ желать еще? Позоръ еще страшнѣй!
О, имъ не спрашивать, чѣмъ можно бить вѣрнѣй
Въ сердца враговъ своихъ! Они мнѣ предлагаютъ
Бокаль съ отравою и выпить заставляють
Не только самый стыдъ,—осадокъ отъ стыда!

Бросаетъ скомканную бумагу на столъ и садится подлѣ него.

АНТОНІЯ.

Мужайся, мой отецъ! Припомни насъ тогда,
Когда читать начнешь...

Въ сторону.

Вотъ такъ бы и готова
Вдругъ крикнуть, кажется: «О, не читай ни слова!»
Но муки!.. Но востеръ...

ТАДДЕО.

Мужайтесь! Вѣрите мнѣ,
Любовь дѣтей за все васъ наградить вполнѣ.

ГАЛИЛЕЙ—вставая.

О, что же сдѣлалъ я, всезрящій Богъ, чтобъ смѣли
Такъ поступать со мной? Не странно-ль, въ самомъ дѣлѣ,
Что болѣею частію всегда тирають, бьютъ,
Терзають пытками, желѣзомъ, гонять, жгутъ,
Травятъ, преслѣдуютъ, какъ волка, какъ злодѣя
Или разбойника того, кто, не жалѣя
Себя, работаетъ для счастья людей,
Кто мыслью силится расширить свѣтъ идей,
Предѣлы разума? И чѣмъ честнѣй, добрѣе
Такія личности, тѣмъ больше и сильнѣе
Ихъ ненавидятъ всѣ. За то, что край родной
Почтенъ трудами ихъ, за то, что и покой,
И трудъ, и жизнь они,—все міру посвятили,
Мірѣ вѣчно гонить ихъ, какъ будто-бъ это были
Успѣха недруги, въ ихъ вовахъ самыхъ злыхъ...
Безумецъ! отчего ты, ради благъ земныхъ,
Не могъ на ложь взирать спокійно, какъ другіе?

Садясь.

Ахъ, эти хитрыя способности благія
Извѣстны близко вамъ, вамъ, жалкіе умы,

Натуры узкія, вожди царящей тьмы,
 Глупцы, идущіе всю жизнь дорогой торной
 Рутины, пошлости и праздности тлетворной;
 Рабы презрѣнные, продавшіе себя,
 Земныя почести и славу вовлюбя;
 Столпы присяжные, богатые друзьями;
 Истолкователи всѣхъ признанныхъ вѣками
 Системъ творенія; педанты, по чужимъ
 Умамъ, изъ старыхъ книгъ, извѣстныхъ только имъ,
 Понять хотящіе законы міровые,
 И изъ ошибокъ ихъ всѣ выгоды земныя
 Себѣ извлекашіе!... Не сѣтуйте, друзья!
 Да!.. Скоро, кажется, начну считать и я,
 Что дважды два—есть пять, и черное есть бѣло...
 Отнынѣ я скажу все, что хотите, смѣло:
 Скажу, что солнце кругъ и плоскій и большой,
 Какъ колесо большой; что видъ луны, порой,
 Въ дни полнолунія, и впрямь изображаетъ
 Лицо огромное, гдѣ взоръ нашъ различаетъ
 Глаза и лобъ, и ротъ; что я готовъ признать
 Того мятежникомъ, кто будетъ отрицать
 Всезнанье кумушекъ и, развращая души,
 Смѣясь, не вѣровать пророчествамъ кликуши...
 Довольны будете! Ученый отжилъ вѣтъ!
 Былъ въ мірѣ Галилей когда-то, человѣкъ
 И съ убѣжденіемъ, и говорившій смѣло...
 И что же отъ него теперь осталось? Тѣло,
 Что преклоняется, погаснувшій ночникъ,
 Пружина смятая, мошенника языкъ!..

Падаетъ на колѣни съ молитвою.

О, Всемогуцій! Ты, который все читаешь
 Въ моей душѣ! Ты зришь борьбу мою, Ты знаешь,
 Что не костра, не мукъ страшится Галилей,
 Что онъ на все готовъ пойти за свѣтъ идей,
 Для славы дѣлъ твоихъ, вполне тебя достойный!
 Но торжествующій, но гордый и спокойный
 Передъ угрозами и гнѣвомъ палачей,
 Онъ слабъ и немогъ передъ судьбой своей
 Несчастной дочери, онъ побѣжденъ слезами
 Ребенка. Тщетно я, волнуемый страстями,
 Ищу героя лишь, и вижу лишь отца.
 Ты знаешь, Господи, я твердъ былъ до конца,

Я дѣлалъ все, что могъ, но слабость побѣждаетъ
 Во мнѣ духъ мужества... Пока насъ направляетъ
 Твоя рука, Творецъ, мы сильны, но едва
 Ты оставляешь насъ, инстинкты и права
 Природы тотчасъ же съ пути насъ совращаютъ.
 О, буди милостивъ! Наставь, да не смущаютъ
 Плотскія слабости мнѣ мысли, отжени
 Духъ суеты отъ нихъ, наставь иль не вини,
 Что слезы моего ребенка, можетъ статься,
 Заставятъ мысль отца отъ правды отказать!..

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ, ИНКВИЗИТОРЪ, присланный отъ св. коллегіи, и монахи, его сопровождающіе.

ИНКВИЗИТОРЪ—Галилею.

Прощаясь, Галилей, я говорилъ, что мы
 Еще увидимся, и вотъ въ стѣнахъ тюрьмы
 Я вновь сказать тебѣ пришелъ, что наступаетъ
 Часъ кончить споръ нашъ... Да!

Указывая на занавѣсъ.

Судъ тамъ—и ожидаетъ.

Своей покорностью иль гордостью своей
 Ты самъ свой приговоръ подпишешь, Галилей.
 Въ послѣдній разъ къ тебѣ со вопросомъ обращаюсь:

Указывая на лежащій на столѣ актъ отреченія.

Что-жъ, отрекаешься иль нѣтъ ты?

ГАЛИЛЕЙ.

Отрекаюсь.

Инквизиторъ знакомъ приказываетъ Галилею подписать отреченіе; Галилей подписываетъ; Антонія бросается къ нему въ объятія и покрываетъ поцѣлуями его руки.

ИНКВИЗИТОРЪ—протягивая руки къ занавѣсу въ глубинѣ сцены.

Монахамъ.

Откройте занавѣсъ!

Другимъ монахамъ.

А вы введите въ судъ
 Всѣхъ вѣрныхъ христіанъ; пусть всѣ смотрѣть идутъ,
 Какъ торжествуетъ Римъ свои побѣды.

ВИВІАНЪ—въ сторону, пока собирается народъ.

Вѣрно!

Пусть всё глядятъ, какъ Римъ обходится примѣрно
 Съ людьми великими, какъ хочетъ загрязнить
 Себя такимъ пятномъ, которое не смыть
 Тысячелѣтнемъ! Пусть видятъ, Римъ могучій,
 Какія грозныя, таинственныя тучи
 Вдали собираются, темнѣютъ и растутъ
 Надъ страшнымъ будущимъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Судъ инквизиціи. Вокругъ длиннаго стола на эстрадѣ, въ глубинѣ сцены, сидятъ инквизиторы. Ниже ихъ публика, отдѣленная слѣва и справа перилами; посреди зала пуста. ГАСПАРЬ БОРЖІЯ; братъ ФЕЛИКСЪ СЕНТИНО, прозванный д'АСКОЛИ; братъ ДИДЬЕ СКАГЛІЯ, прозванный ГРЕМОНОМЪ; братъ АНТУАНЪ БАРБЕРИНО, прозванный СВЯТЫМЪ ОНУФРІЕМЪ; ЛУДОВИКЪ ЗАХХІЯ, прозванный СВЯТЫМЪ СИКСТОМЪ; БЕРЛИНГЕРО ГЕССИО; ФАБРИЦІЙ ДЕСЕНТЬ-ЛОРЕНЪ-О-ПЕНЪ; ВЕРОСПИ, прозванный СВЯЩЕННИКОМЪ; ФРАНСУА БАРБЕРИНО; MARTINЪ ЖИНЕТТИ; Инквизиторы. ГАЛИЛЕЙ, ТАДДЕО, ВИВІАНЪ, НИККОЛИНИ, ПОМПЕЙ, АНТОНІЯ, ЛИВІЯ. Флорентійскіе студенты, римляне и проч. Таддео, Вивіанъ, Никколинни, Помпей, Антонія, Ливія смѣшиваются съ народомъ за перилами. Галилей на авансценѣ одинъ съ инквизиторомъ. Инквизиторъ дѣлаетъ знакъ двумъ монахамъ, которые приближаются къ Галилею и снимаютъ съ него камзолъ.

ГАЛИЛЕЙ.

Прощай, работа, трудъ!
 Прощайте гордыя надежды, упованья.
 Мысль и побѣдъ ея восторгъ и ликованья,
 Порывы генія, съ которыми я могъ,
 Страхнувши прахъ земли, какъ гордый полубогъ,
 Въ громахъ и молніяхъ, успѣхомъ опьяненный,
 Парить межъ солнцъ живыхъ, звѣздами окруженный!
 Простите слава, честь, моихъ открытій свѣтъ,—
 Труды тяжелые пятидесяти лѣтъ,
 Навѣкъ разбитые здѣсь въ день одинъ... Простите!

ИНКВИЗИТОРЪ—Галилей.

Иди за мной теперь.

Ведетъ Галилея къ подножію трибунала, подходитъ къ предсѣдателю и передаетъ ему актъ отреченія.

ПОМПЕЙ—проталкиваясь въ толпѣ.

Позвольте! Пропустите!

ВИВІАНЪ—Помпей.

Вы также здѣсь,—синьоръ?

ПОМПЕЙ—потирая руки.

Да. А еще бы! Вотъ
И намъ попраздновать пришлось въ свой чередъ,
Мой милый юноша! Теперь могу спокойно
Окончить жизнь свою: Римъ мститъ—и мститъ достойно
За Аристотеля.

ВИВИАНЪ—грозя Помпею, который этого не видитъ.

Дай срокъ, нелѣпый шутъ!
Мы разсчитаемся!

ПРЕЗИДЕНТЪ—Галилею.

Приблизься къ намъ.

Указывая рукой.

Встань тутъ
И отвѣчай на всё намъ съ полнымъ уваженьемъ.
Откуда родомъ ты?

ГАЛИЛЕЙ.

Моимъ мѣсторожденьемъ
Была Флоренція. Въ ней я рожденъ и въ ней
Мечталъ окончить жизнь.

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Какъ имя?

ГАЛИЛЕЙ.

Галилей?

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Твой возрастъ?

ГАЛИЛЕЙ.

Семьдесятъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Профессія?

ГАЛИЛЕЙ.

Философъ.

ПОМПЕЙ—въ толпу.

Лжешь, лжешь! Софистъ, злодѣй!

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Касался-ль ты вопросовъ
О мірозданіи и проводилъ ли въ нихъ
Идеи новыя?

ГАЛИЛЕЙ.

Да, правда.

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Изъ какихъ
Системъ ты черпалъ ихъ?

ГАЛИЛЕЙ.

Изъ фактовъ и явленій.
Посредствомъ опытовъ и личныхъ наблюденій
Легко увѣриться, солгалъ ли я или нѣтъ.
Забудьте вымыслы и бредни старыхъ лѣтъ,
Отбросьте старыя тетради, созерцайте
Природу такъ, какъ я—смотрите и читайте
По небу звѣздному вселенной книгу...

ПРЕЗИДЕНТЪ—показывая Галилею книгу.

Вотъ

Трактатъ, которому извѣстность придаетъ
Значеніе важное. Онъ вышелъ въ обращеніе
Въ стѣнахъ Флоренціи, съ заглавьемъ: «Разсужденіе,
«Иль споры трехъ друзей, касательно системъ
«Міротворенія». Скажи, ты знаешь кѣмъ
Онъ сочиненъ, старикъ?

ГАЛИЛЕЙ.

Да. Авторъ—передъ вами.

ПОМПЕЙ—въ толпѣ.

Я въ пухъ разбилъ его; я по ключамъ зубами
Всю эту мерзкую книжонку разстерзалъ!

ВИВІАНЪ—изъ толпы.

Молчи, молчи, глупецъ!

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Итакъ, ты развивалъ
Ученіе дерзкое, нелѣпыя химеры,
Равно противныя и основаньямъ вѣры,
И философіи, что будто по путямъ,
Противнымъ библии, нашъ міръ земной и впрямь
Вкругъ солнца движется?

ГАЛИЛЕЙ.

Да, сознаюсь.

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Однако

До насъ дошло, что ты, исторгнутый изъ мрака
Десницей Божіей, отрекся навсегда
Самъ отъ идей такихъ безбожныхъ до суда;
Что ненавидишь ихъ, клянешь и презираешь
И влятву крестную въ томъ дать намъ общаешь.
Все это правда?

Галилей колеблется.

АНТОНІА — поддаваясь увлеченію, и посреди слушателей простирая
руки въ отцу.

Да!

ГАЛИЛЕЙ.

Да, все.

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Такъ и судимъ

Будь, грѣшникъ, съ милостью!

Читаетъ приговоръ.

«Мы, главные инквизиторы, специально назначенные Священной Коллегіей для обвиненія въ преступленіяхъ противъ вѣры на всемъ пространствѣ христіанской республики, имѣя въ виду:

«1) что ты, Галилей, уроженецъ Флоренціи, семидесяти лѣтъ отъ роду, былъ преданъ суду Священной Коллегіи, какъ признающій справедливымъ нелѣпое ученіе, а именно: что солнце находится въ центрѣ міра и не движется съ востока на западъ, а земля движется и не есть центръ міра, между тѣмъ, какъ такое предположеніе бессмысленно и лживо въ своихъ философскихъ основаніяхъ и положительно еретично, какъ воплотивъ противорѣчащее священному писанію;

«2) что въ прошедшемъ году во Флоренціи появилась книга подъ названіемъ «Діалоги», авторомъ которой ты признаешь себя, и въ которой поддерживаешь вышеозначенное мнѣніе, — хотя бы оно и было высказано въ формѣ предположенія, — что составляетъ весьма важную ошибку, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оставлена безъ вниманія, будучи признанною противною священному писанію;

— и на основаніи вышеприведенныхъ доводовъ, обсудивъ безпристрастно, и какъ подобаетъ, причины твоего образа дѣйствій,

равно какъ твое признаніе и обѣщаніе дать отреченіе, судимъ, постановляемъ и объявляемъ, что ты, Галилей, въ высшей степени навлекшій на себя подозрѣніе въ ереси тѣмъ, что не только вѣровалъ, но и поддерживалъ означенное ученіе, долженъ бы былъ послѣдовательно подвергнуться всѣмъ наказаніямъ, изданнымъ и обнародованнымъ священными уставами, но что, въ виду раскаянія твоего, мы въ настоящее время отъ означенныхъ наказаній соблаговолили освободить тебя, съ тѣмъ условіемъ, что ты съ искреннимъ сердцемъ и безъ всякой затаенной мысли отречешься, проклянешь и возненавидишь всѣ свои заблужденія въ тѣхъ формахъ, какія нами утверждены.

«А дабы зловерный поступокъ твой не оставался безнаказаннымъ, постановляемъ, чтобы книга, подъ названіемъ «Диалоги» была запрещена особо обнародованнымъ указомъ, и присуждаемъ тебя къ заключенію въ тюрьмѣ нашей Священной Коллегіи, оставляя за собой полное право измѣнить, уменьшить или отмѣнить это наказаніе въ частности или вообще».

ПОМПЕЙ—уходя въ отчаяніи.

Какъ! Безъ сожженія?... О, если не ступени
Костра,—пропало все!

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Стань, грѣшникъ, на колѣни!

Приставу.

Вручите актъ ему.

Приставъ беретъ отъ президента бумагу и передаетъ подсудимому.

ПРЕЗИДЕНТЪ—Галилею.

Читай, чтобъ всѣмъ вокругъ

Какъ можно явственнѣй быть слышенъ каждый звукъ.

ГАЛИЛЕЙ—читая на колѣняхъ.

«Я, Галилей, привлеченный лично къ суду и преклоненный передъ вами, высокочтимыми и высокопоставленными гг. судьями, отъ искренняго сердца и съ полною вѣрою, безъ всякой затаенной мысли, отрекаюсь, проклинаю и ненавижу вышеозначенныя заблужденія и ересь, и клянусь, что впредь никогда не скажу, или не буду утверждать, словесно или письменно, ничего такого, что могло бы возбудить противъ меня подобное подозрѣніе, и что въ случаѣ если я узнаю какого-нибудь еретика или подозрѣваемого въ ереси, то я...

Останавливается, въ изнеможеніи, затѣмъ опять продолжаетъ, бросивъ взглядъ на дочь.

«...Я донесу объ этомъ Священной Коллегіи или инквизитору, управляющему тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я буду находиться.

«Если же, чего Боже сохрани, какимъ-либо словомъ или дѣйствіемъ я нарушу эти обѣщанія, заявленія и клятвы, то долженъ буду подвергнуться тогда всѣмъ тѣмъ пыткамъ и мученіямъ, которыя были опредѣлены и обнародованы священнымъ уставомъ. Да будетъ Всевышній мнѣ въ помощь! Аминь!»

ПРЕЗИДЕНТЪ.

Встань! Монастырь въ Ливурно обратится
Въ твой домъ.

АНТОНІЯ—бросаясь въ объятія отца.

Мы всѣ—съ тобой!

ГАЛИЛЕЙ—въ сторону, топаясь ногой.

А все-таки вертится!

Н. ПУШКАРЕВЪ.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

ОПЫТЪ БІОГРАФІИ.

III *).

КРУЖОКЪ СТАНКЕВИЧА.— „ТЕЛЕСКОПЪ“.

Въ 1834 году, съ сентября мѣсяца, начался въ «Молвѣ» — небольшомъ еженедѣльномъ изданіи, выходившемъ при «Телескопѣ» Надеждина — рядъ статей, подъ названіемъ «Литературныя Мечтанія. Элегія въ прозѣ». Это былъ первый трудъ, съ котораго открывается серьезная литературная дѣятельность Бѣлинскаго.

«Литературныя Мечтанія» произвели большое впечатлѣніе, и справедливо: съ этихъ поръ начинается переломъ въ русской критикѣ. Здѣсь впервые критика являлась, какъ сознательно обдуманная и горячо прочувствованная система мнѣній, смыслъ которыхъ не ограничивался одной областью эстетическихъ явленій, а, напротивъ, простирался далеко за ихъ предѣлы, въ пониманіе цѣлой жизни общества. И до Бѣлинскаго, конечно, являлись въ нашей литературѣ примѣры и глубокаго художественнаго пониманія, и серьезныхъ философскихъ воззрѣній, — но до Бѣлинскаго въ русской критикѣ еще не было такой цѣльности взгляда, такой силы убѣжденія и глубокаго искренняго чувства. Въ разныхъ отношеніяхъ, онъ имѣлъ своихъ предшественниковъ, но никто изъ нихъ не достигалъ такого вліянія, потому что ни у кого не

*) См. выше: мартъ, 205; апр. 602 стр.

было такого ясно опредѣленнаго, горячо принимаемаго и послѣдовательно выполняемаго убѣжденія, какое отличало Бѣлинскаго съ его перваго шага. Его общія мнѣнія не разъ мѣнялись, но это всегда былъ глубоко убѣжденный человѣкъ, страстно защищавшій свое убѣжденіе, и эта нравственная сила была главное, что при первомъ появленіи его въ литературѣ дало ему видное мѣсто и вліяніе.

«Литературныя Мечтанія» были достойнымъ началомъ его дѣятельности. Въ нихъ уже выказались основныя черты его критическаго таланта и его нравственнаго характера. Статья написана съ одушевленіемъ, какое могло принадлежать только человѣку, исполненному глубокаго интереса къ литературѣ, съ ясностью представленій, показывавшей, что высказанныя понятія составляютъ для автора результатъ серьезнаго размышленія.

Историкомъ нашей литературы уже занималъ вопросъ о ближайшемъ опредѣленіи развитія тѣхъ взглядовъ, какіе выражены въ статьѣ Бѣлинскаго. Но еще біографъ Станкевича справедливо замѣтилъ, что прилежный, кропотливый бібліографъ могъ бы доставить себѣ удовольствіе, разобравъ, какому эстетическому и философскому ученію и какому именно лицу принадлежать теоріи и положенія, которыя стала высказывать критика Бѣлинскаго въ пору его дѣятельности въ «Телескопѣ», и что, однако, было бы большою ошибкой, еслибы изыскатель вздумалъ уменьшить заслугу самого автора ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, съ этой первой поры и до конца, Бѣлинскій, откуда бы ни почерпалъ исходныя основанія своихъ взглядовъ, никогда не былъ пассивнымъ передавателемъ чьей-либо чужой системы: напротивъ, даже въ періоды самыхъ сильныхъ увлеченій тою или другою идеей, онъ высказывалъ ее въ печати, только переработавъ ее въ своей мысли и своемъ чувствѣ. Мы увидимъ далѣе много наглядныхъ примѣровъ подобной работы: разъ принявъ известную точку зрѣнія, Бѣлинскій не останавливался, продолжалъ критически повѣрять и испытывать ее, и, если обдумывая послѣдствія принимаемой теоріи, ему случалось убѣждаться въ ея ошибочности, онъ никогда не колебался отвергнуть ее, и это всегда было его самостоятельнымъ дѣломъ. Противорѣчіе идей или теорій, представлявшихъ его мысли, производило въ немъ внутреннюю борьбу, иногда надолго овладѣвавшую всѣмъ его существованіемъ, всегда для него тяжкую и мучительную; но, разъ попавъ въ нее, онъ не останавливался, пока не разрѣшалъ мучившихъ его про-

¹⁾ Анненковъ, біогр. Станкевича, стр. 72 и слѣд.

творѣчій и не выходилъ къ новому взгляду, составлявшему новую ступень развитія. И тогда надъ нимъ бывалъ совершенно безсиленъ всякій авторитетъ, каковой бы онъ ни былъ грозный и повелительный. Здѣсь и обнаруживалась вся та самостоятельность, которая отличала его, и которая не должна быть забываема, когда идетъ рѣчь объ источникахъ и внѣшнихъ поводахъ его мнѣній. Всмотрѣвшись ближе, можно видѣть, что это все таже черта, которую мы замѣчали и въ его самомъ раннемъ развитіи.

Это замѣчаніе относится вообще ко всей критической дѣятельности Бѣлинскаго; тѣмъ не менѣе изслѣдованіе вопроса о происхожденіи взглядовъ Бѣлинскаго остается интереснымъ, во-первыхъ, какъ разъясненіе личнаго характера писателя, во-вторыхъ, какъ разъясненіе исторической преемственности идей, въ которыхъ совершалось развитіе литературы въ ту знаменательную эпоху.

Очень распространено мнѣніе, что Бѣлинскій въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ», какъ вообще въ статьяхъ первыхъ годовъ его дѣятельности, былъ выразителемъ возрѣній кружка Станкевича ¹⁾. Это справедливо, говоря вообще; но слѣдуетъ при этомъ не терять изъ виду, что въ самомъ кружкѣ Бѣлинскій имѣлъ совсѣмъ независимое положеніе и что онъ самъ оказывалъ большое вліяніе на развитіе мнѣній кружка. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, не было рассказано съ фактической точностью, когда въ первый разъ Бѣлинскій сблизился съ Станкевичемъ, и какъ опредѣлились впервые ихъ отношенія. По университету они были почти современники: Станкевичъ поступилъ въ университетъ въ 1830 году и кончилъ курсъ въ 1834. По указанію, сообщенному намъ А. В. Станкевичемъ, Бѣлинскій сблизился съ Станкевичемъ въ 1832, но еще вѣроятнѣе, что ихъ знакомство началось еще съ 1831 года ²⁾. Надо думать, что сближеніе выросло постепенно. Въ изданной перепискѣ Станкевича имя Бѣлинскаго встрѣчается въ первый разъ не ранѣе апрѣля 1834 года, впрочемъ, кажется, уже какъ близкаго пріятеля ³⁾. Какъ бы то ни было, Бѣлинскій сошелся съ Станкевичемъ безъ сомнѣнія потому, что ихъ связала общность уже составившихся у каждаго интересовъ и понятій.

Дѣйствительно, содержаніе «Литературныхъ Мечтаній» достаточ-

¹⁾ Анненк., стр. 89 и д.

²⁾ Это было бы согласно съ указаніемъ Прозорова, что съ прекращеніемъ «литературныхъ вечеровъ» въ университетѣ начались (непосредственно) собранія у Станкевича. Первое знакомство Бѣлинскаго съ Кольцовымъ относится къ 1831 году, а оно могло произойти только черезъ Станкевича.

³⁾ Біогр. Станк., переписка, стр. 90.

но объяснялось бы и безъ тѣхъ вліяній, какія можно предполагать со стороны Станкевича и его кружка. При появленіи статьи въ «Молвѣ», первое впечатлѣніе многихъ товарищей Бѣлинскаго было, что она была написана самимъ Надеждинымъ: они встрѣтили въ ней много мыслей, уже знакомыхъ имъ по статьямъ и лекціямъ этого профессора. Г. Прозоровъ рассказываетъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, что, посѣщая Бѣлинскаго по его выходѣ изъ университета, когда тотъ жилъ съ своими родственниками И., однажды онъ началъ читать Бѣлинскому свою статью, въ которой излагались понятія о природѣ, какъ откровеніи творческихъ идей, извлеченныя изъ Шеллинговой философіи и выслушанныя Прозоровымъ отъ Надеждина, — то Бѣлинскій поспѣшно остановилъ его. «Не читай, пожалуйста, — сказалъ онъ, — у меня самого носятъ въ душѣ подобныя мысли о творествѣ природы, которымъ я не успѣлъ еще дать формы, и не хочу, чтобъ кто-нибудь подумалъ, что я занялъ ихъ у другихъ и выдаю за свои». Разсказчикъ замѣчаетъ, что эти мысли и были потомъ высказаны Бѣлинскимъ въ его первой статьѣ.

Этотъ анекдотъ, которому нѣтъ основанія не довѣрять, показываетъ, что понятія Бѣлинскаго были еще близки къ тому содержанію, какое давалъ Надеждинъ, — потому что только Надеждинымъ руководился его товарищъ. Далѣе, тотъ же разсказчикъ сообщаетъ объ этомъ еще болѣе положительно. «Кто только посѣщалъ лекціи Надеждина, — говоритъ Прозоровъ, — не хотѣлъ вѣрить, что эти «Мечтанія» писаны Бѣлинскимъ, а не Надеждинымъ: такъ они были проникнуты духомъ самого редактора «Телескопа» и «Молвы». Составляя (тогда) записки полнаго курса эстетики Надеждина и будучи членомъ литературнаго студенческаго общества, я могу хорошо отличить, что въ этихъ «Мечтаніяхъ» принадлежитъ Надеждину, и что Бѣлинскому». Самъ Н. Станкевичъ, бывши студентомъ, занимался составленіемъ лекцій Надеждина, и Прозоровъ, по словамъ его, сообщилъ Станкевичу въ пособіе записки эстетики профессора московской духовной академіи Доброхотова, — того самаго, о которомъ Надеждинъ упоминаетъ въ своей автобіографіи ¹⁾. Вообще, этотъ товарищъ Бѣлинскаго думаетъ, что

¹⁾ Р. Вѣстникъ, 1856, № 5, стр. 64. Надеждинъ съ большою похвалою отзывался объ этомъ профессорѣ. Московская академія вообще отличалась тогда философскимъ направленіемъ, и Надеждинъ въ особенности указываетъ, какъ замѣчательныхъ профессоровъ философіи, которыхъ онъ слушалъ, — Кутневича, ученика Фесслера, и извѣстнаго Голубинскаго, который еще долго послѣ дѣйствовалъ на этомъ поприщѣ. Надеждинъ упоминаетъ (въ «Молвѣ» 1832, № 20), что въ одной изъ духовныхъ академій давно уже переведены сочиненія Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби.

отдавая всю должную справедливость дѣятельности БѢлинскаго, надо сказать, что въ первые ея годы онъ былъ только сознательнымъ органомъ идей Надеждина, который, «найдя въ БѢлинскомъ человѣка, одареннаго эстетическимъ пониманіемъ, вполне способнаго развивать его мысли и излагать ихъ въ изящной формѣ, сообщилъ молодому таланту философско-художественное направленіе для послѣдующей независимой дѣятельности». Подобное мнѣніе мы слышали и отъ другого современника, — бывшаго секретаря студенческихъ «литературныхъ вечеровъ».

Такъ выясняется съ одной стороны отношеніе взглядовъ БѢлинскаго и къ Надеждину, и къ кружку Станкевича. Въ ту пору (1834) этотъ кружокъ былъ еще чисто студенческой кружокъ; Станкевичъ, только-что приступившій къ своимъ философскимъ занятіямъ, еще не далеко отошелъ отъ того содержанія, какое находилъ въ университетскомъ обиходѣ, и въ сущности, цѣлый кружокъ вѣроятно не представлялъ еще въ то время ничего, выходившаго за предѣлы шеллинговскихъ представленій Надеждина.

Въ содержаніи «Литературныхъ Мечтаній» дѣйствительно не трудно найти черты, близко напоминающія Надеждина, во-первыхъ, въ теоретическихъ понятіяхъ о значеніи искусства, во-вторыхъ, во взглядѣ на русскую литературу. Эстетическія понятія, высказанныя здѣсь БѢлинскимъ¹⁾, не отступаютъ въ сущности отъ положеній Надеждина, излагавшаго ихъ и въ своихъ лекціяхъ и въ печати²⁾. Точно также много общаго находится у него съ Надеждинымъ и въ мнѣніяхъ о русской литературѣ: если БѢлинскій начинаетъ съ сомнѣнія о самомъ существованіи русской литературы, ставитъ высокія требованія, подъ которыя мало подходило ея наличное содержаніе, и самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ трескучій романтизмъ и шарлатанскую пустоту тогдашней ходячей литературы и пр., то въ этомъ онъ имѣлъ уже предшественника въ Надежинѣ. Надеждину наша литература также казалась бесплоднымъ пустыремъ, на которомъ только изрѣдка возникаютъ прекрасные цвѣты, почти приводящіе

¹⁾ Соч. I, стр. 23 и д.

²⁾ Взгляды Надеждина на искусство высказаны, напр., въ его латинской диссертации, переведенные отрывки которой были помѣщены въ старомъ „Вѣстн. Европы“ и „Атеней“ 1830 г.; затѣмъ въ статьяхъ: „Необходимость, значеніе и сила эстетическаго вкуса“ въ „Телескопѣ“ 1831, № 10; историческій обзоръ теорій изящнаго, въ критической статьѣ по поводу книги Бахмана, переведенной г. Чистяковымъ, въ „Телескопѣ“ 1832, № 5, 6 и 8; „О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ“ въ Учен. Зап. Моск. Университета, 1833, г.; наконецъ рядъ критическихъ статей и отзывовъ о тогдашней романтической литературѣ...

въ недоумѣніе своимъ появленіемъ. Надеждинъ видѣлъ мало отраднаго въ старыхъ преданіяхъ русской литературы и въ самой исторіи: древняя русская жизнь представлялась ему «дремучимъ лѣсомъ безличныхъ именъ, толкущихся въ пустотѣ безжизненного хаоса»; и онъ даже спрашиваетъ: «имѣемъ ли мы прошедшее, — жилъ ли подлинно народъ русскій въ это длинное тысячелѣтіе»? Возникновеніе умственной жизни онъ начинаетъ только съ Петра, и литература, или вся образованность русская съ тѣхъ поръ казалась ему только слабой копіей европейскаго просвѣщенія, гдѣ «все европейское забрасывается (къ намъ) рикошетами, чрезъ тысячи скачковъ и переломовъ, и потому долегается въ слабыхъ издыхающихъ отголоскахъ»; и въ «Телескопѣ» онъ съ язвительностью прежняго Надоумки говорить о новѣйшемъ романтизмѣ и пр. ¹⁾.

¹⁾ См. напр. отчетъ о литературѣ русской за 1831 годъ, въ «Телескопѣ», 1832, № 1, стр. 147 и д.; № 8, стр. 509; № 14, стр. 237 и т. д. Для образчика его мнѣній можетъ служить одна цитата: «Тяжело, а должно признаться», — говоритъ Надеждинъ, — «что доселѣ наша словесность была, если можно такъ выразиться, барщиною европейской; она обрабатывалась руками русскими не по-русски; истощала свѣжіе неистощимые соки юнаго русскаго духа для воспитанія произрастеній чуждыхъ, не нашихъ. Что у насъ теперь своего? Поэтическій нашъ метръ выкованъ на германской наковальнѣ; проза представляетъ вавилонское смѣшеніе всѣхъ европейскихъ идиотизмовъ, нарославшихъ поочередно слоями на дикую массу русскаго неразработаннаго слова. Какими произведеніями можемъ мы похвалиться, какъ нашими собственными? Театръ у насъ представлялъ всегда жалкую пародію французской чопорной сцены; объ эпопеяхъ и говорить нечего; лирическое одушевленіе временъ очаковскихъ выливалось въ официальные формулы, общія всей Европѣ; въ балладахъ, конии сѣялось царство одъ, развѣрчивалась нѣмецкая трескучая фантамагорія; современные поэтическія мечты, думы, грѣзы отзываются или, по крайней мѣрѣ, хотять отзываются байронизмомъ. Такимъ образомъ благодатный весенній возрастъ словесности, запечатлѣваемый у народовъ, развивающихся изъ самихъ себя, свободною естественностію и оригинальною самообразностью, у насъ, напротивъ, обреченъ былъ въ жертву рабскому подражанію и искусственной принужденности... Авторъ, впрочемъ, не хочетъ ставить этого въ укоръ русскому характеру — тоже испытали и другіа, болѣе нашей зрѣлыя литературы: шведская, датская, голландская, которымъ также пришлось жить заимствованною жизнью... Но эти чужіе насильственные наросы не могли на долго укрѣпиться на нашей почвѣ; они скоро выцвѣтали и опадали: «они возникали и увядали по минутнымъ прихотямъ, по эфемернымъ капризамъ моды — отсюда та непостоянная вѣтренность и измѣнчивость вкуса, въ коей нельзя не упрекнуть нашу словесность». Упомянувъ рядъ различныхъ направленій, которая принимала на этомъ пути наша литература отъ Ломоносова до Пушкина, авторъ замѣчаетъ: «...Такъ все кружилось въ неудержимомъ вихрѣ превратности... Пустота, единственное слѣдствіе безулаго расточенія силъ, обнаружилась сама себя повсюду. Война между классицизмомъ и романтизмомъ, свирѣпствовавшая въ послѣднія времена на поляхъ нашей словесности истинною *сатрапомачѣією*, довершила разочарованіе самоувѣренности, не хотѣвшей долготѣ призна-
мъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что Бѣлинскій, когда писалъ свои «Мечтанія», уже имѣлъ въ виду или оставался подъ впечатлѣніемъ того тона, который господствовалъ въ сужденіяхъ Надеждина о нашей литературѣ. Замѣчено было, что самое названіе его статьи указываетъ на прямое происхожденіе ея отъ «Литературныхъ Опасеній» Надеждина, намекаетъ, что наша, такъ-называемая, литература не больше какъ мечта, и что думать о ней—значить наводить на себя тоску. Въ самой статьѣ авторъ ссылается на Никодима Аристарховича Надоумку ¹⁾, и, между прочимъ, замѣчая, что не нужно дѣлать большихъ сборовъ, чтобы рѣшать вопросы о русской литературѣ, Бѣлинскій вспоминаетъ мудрое правило своего предшественника, что глупо, для перѣзда черезъ лужу на челнокѣ, раскладывать передъ собою морскую карту. Эта фраза знаменательна для обоихъ критиковъ.

Съ другой стороны несомнѣнна и большая близость взглядовъ, высказанныхъ Бѣлинскимъ, съ понятіями Станкевича. Устраняя предположенія и основываясь на данныхъ фактическихъ, мы нашли бы подтвержденіе этого въ письмахъ Станкевича 1833 и 1834 годовъ, писанныхъ раньше появленія «Мечтаній» ²⁾. Въ дальнѣйшей перепискѣ Станкевича мы найдемъ еще больше подобныхъ совпаденій, которыя уже положительно указываютъ на связь мнѣній Бѣлинскаго съ мнѣніями кружка, или, главнымъ образомъ съ мнѣніями Станкевича.

Какимъ же образомъ опредѣляется въ концѣ-концовъ отноше-

ваться въ своей внутренней ничтожности. Взаимное ожесточеніе партій ниспровергло всѣ репутаціи, оборвало всѣ хоругви, запятнало всѣ имена, коими гордилась и красилась наша литература. Чтѣ должно было отсюда послѣдовать? Пораженная въ своихъ знаменитѣйшихъ представителяхъ литература онѣмѣла, подобно ратному полю послѣ кровопролитной сѣчи: и минувшій 1831 годъ является молчаливымъ, пустыннымъ кладбищемъ, на которомъ изрѣдка возникаютъ призраки усопшихъ воспоминаній, тѣни сраженныхъ героев...“ Но онъ привѣтствуетъ „Бориса Годунова“, сказку Жуковского, романы Загоскина, какъ разсвѣтъ русской народной поэзіи и литературы, и предчувствуетъ ихъ новое развитіе... „Въ русской словесности *близокъ* долженъ быть *поворотъ* искусственнаго рабства и принужденія, въ коемъ она доселѣ не могла дышать свободно, къ *естественности*, къ *народности*“.

Поворотъ дѣйствительно вскорѣ и наступилъ, съ Гоголемъ и Кольцовымъ. Бѣлинскому и предстояло, поивнувъ старое „кладбище“, указать новые пути литературы, объяснить и защитить значеніе ея новаго разцвѣтанія.

¹⁾ Извѣстный псевдонимъ, подъ которымъ Надеждинъ писалъ въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго.

²⁾ Напримѣръ, понятія о значеніи искусства, и личное увлеченіе имъ, стр. 16; восторженныя представленія о театрѣ, стр. 27; сравненіе Мочалова и Каратыгина, стр. 10, 14, 78 и пр.; восхищеніе Гофманомъ, стр. 71; отзывы о Сенковскомъ, Кукольникѣ, Вельтманѣ (у Анненкова, переписки Станкевича).

ніе Бѣлинскаго къ Надеждину и Станкевичу? Другими словами, какъ опредѣляется положеніе Бѣлинскаго между окружавшими его тогда умственными и нравственными вліяніями, и вмѣстѣ характеризуется его вступленіе въ литературу, въ которой ему предстояло столь обширное и благотворное вліяніе?

Во-первыхъ, относительно Надеждина, — при всемъ, указанномъ выше, родствѣ ихъ понятій, литературный характеръ Бѣлинскаго съ перваго раза выдѣляется ему только свойственными чертами. Бѣлинскій былъ прямымъ продолжателемъ Надеждина. Самъ Надеждинъ, выступившій въ литературѣ противникомъ романтизма и его теоретическаго защитника, Полевого, дѣйствовалъ однако вовсе не въ смыслѣ защиты литературной старины (какъ тогда многимъ казалось), а въ томъ же смыслѣ преобразования и расширенія литературы, въ какомъ дѣйствовалъ Полевой и сама романтическая школа. Изъ своей автобіографіи, писанной, когда время уже завершило всѣ споры, Надеждинъ отдаетъ Полевому справедливость: «Извѣстна главная тенденція этого весьма талантливаго и во всякомъ случаѣ замѣчательнаго русскаго писателя. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ разрушителемъ всего стараго, и въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ благотворно на просвѣщеніе, пробуждая застой, который болѣе или менѣе обнаруживался всюду». Надеждинъ вмѣшался въ споръ между классицизмомъ и романтизмомъ, и сталъ противъ послѣдняго. Ему казалось, что самый вопросъ былъ поставленъ тогда невѣрно. «По несчастію, всему у насъ суждено быть заимствованнымъ». На европейскомъ западѣ борьба классиковъ и романтиковъ имѣла смыслъ, была явленіемъ естественнымъ. «У насъ не было ничего подобнаго. Не было классицизма, потому что не было строгаго классическаго образованія въ томъ смыслѣ, какъ это понимала западная Европа; тѣмъ болѣе не было романтизма, ибо это также было чуждо Россіи. Но по привычкѣ называть все свое именемъ европейскимъ, слова эти зашли къ намъ». Утвердилось мнѣніе, что у насъ также есть свои классики, — старые писатели прошлаго вѣка, — и романтики, къ которымъ относили писателей новыхъ, особенно Жуковскаго и Пушкина. Надеждинъ считалъ все это недоразумѣніемъ (что и было въ значительной мѣрѣ справедливо), и вмѣстѣ съ тѣмъ негодовалъ (повидимому не вполне искренно, изъ угожденія Каченовскому) на униженіе того, «чѣмъ по справедливости гордилась отечественная словесность», т. е. старыхъ писателей, и возставалъ (совершенно искренно) противъ запальчиво высказаннаго мнѣнія романтиковъ о несомѣстности романтизма съ какими бы то ни было правилами, и противъ ихъ

ненависти ко всему, основанному на преданіи и даже ко «всему ученому». (Полевой считалъ тогда это «ученое» — «школьнымъ», схоластическимъ). Надеждинъ, безъ сомнѣнія, далеко превосходилъ Полевого научною своихъ критическихъ приѣмовъ и объемомъ своихъ эстетическихъ воззрѣній; онъ установилъ болѣе вѣрный критеріумъ для сужденій объ искусствѣ и поэзіи, и его вліянію надо въ значительной степени приписать то, что съ этого времени теряетъ кредитъ и романтическая натянутость въ самой литературѣ: со стороны теоріи, романтическая школа была подорвана еще раньше, чѣмъ явился Гоголь. Съ этихъ поръ должна была устраниться прежняя романтически-эклектическая теорія, и критика могла впредь существовать только на основѣ цѣлой сознательно-развиваемой системы воззрѣній. Такого рода критикою и была критика Бѣлинскаго. Дѣло, сдѣланное Надеждинымъ, стало вкладомъ въ цѣлую литературу, и отношеніе къ нему Бѣлинскаго не было, поэтому, какимъ-нибудь личнымъ заимствованіемъ, подражаніемъ ученика учителю, а просто продолженіемъ *впередъ* дѣла, оставленнаго предшественникомъ. Между ними необходимо остались точки соприкосновенія — но только на первое время, въ томъ пунктѣ, гдѣ остановился одинъ, и откуда выходилъ другой. Это была историческая преемственность. Ведя далѣе сравненіе содержанія, можно подобнымъ же образомъ сблизить Бѣлинскаго и съ другими предшественниками — съ Полевымъ, кн. Одоевскимъ, Веневитиновымъ. Такое сближеніе опять не было бы лишено основанія, но оно значило бы только, что Бѣлинскій вообще усвоилъ себѣ то, что дѣлала литература до тѣхъ поръ, стремясь выработать себѣ новое содержаніе; въ сущности, онъ также мало повторялъ Надеждина, какъ Полевого или кн. Одоевскаго, — онъ только велъ дальше начатое ими дѣло. Но, во всякомъ случаѣ, изъ своихъ предшественниковъ онъ стоялъ всего ближе къ Надеждину.

Затѣмъ была между Надеждинымъ и Бѣлинскимъ другая разница, — въ характерѣ самой дѣятельности отражались и личные характеры, и эта разница окончательно раздѣлила ихъ. Надеждинъ былъ человѣкъ сильнаго ума, но ума холоднаго: у него были, особенно въ первое время, порывы горячаго интереса къ литературѣ, но никогда они не овладѣвали всѣмъ его существомъ; для него были возможны не только уступки, но и положительные сдѣлки съ своимъ настоящимъ образомъ мыслей ¹⁾. Его слуша-

¹⁾ Вслѣдствіи, самъ Бѣлинскій указалъ на это очень недвусмысленно; см. Сочин., т. IV, стр. 441—443.

тели въ университетѣ, увлекаясь его блестящими лекціями, скоро однако замѣтили въ немъ недостатокъ любви къ своему предмету, и его отношеніе къ литературѣ дѣйствительно имѣло въ себѣ извѣстную долю индифферентизма: онъ успѣлъ опредѣлить нѣсколько отдѣльных, и важныхъ пунктовъ въ вопросѣ, но не былъ въ состояніи, и по указаннымъ свойствамъ, вѣроятно, и не могъ бы никогда овладѣть движеніемъ и сильно подѣйствовать на умы. Наконецъ, его литературный стиль, при многихъ достоинствахъ, былъ тяжелъ; Надеждинъ отличался большимъ знаніемъ языка, смѣло владѣлъ имъ, выражался образно, но его изложеніе было тѣмъ не менѣе сухо и книжно, и напоминало о школѣ, въ которой онъ воспитался. Бѣлинскій былъ человѣкъ совсѣмъ иного характера: за все, чѣмъ онъ занимался, онъ брался съ обычнымъ ему одушевленіемъ; для него немислимо было такое равнодушное и двойственное отношеніе къ дѣлу, какое было замѣтно у Надеждина; онъ взялся за критику, потому что его художественные, поэтическіе интересы были потребностью его природы, и такой же потребностью была пропаганда того, что онъ считалъ вѣрнымъ пониманіемъ искусства; естественно, что онъ не могъ довольствоваться, какъ Надеждинъ, отрывочными экскурсіями въ область литературы, а весь жилъ въ ней, весь былъ занятъ защитой ея достоинства и истолкованіемъ ея лучшихъ произведеній, борьбой противъ рутины и непониманія. Его «элегія» была вмѣстѣ и диэпирамбомъ. Внѣшняя форма его критики была такой же противоположностью Надеждину: въ ней не было ничего схоластическаго и книжнаго; это была теперь, какъ всегда, живая, одушевленная рѣчь, положенная на бумагу. Воспользовавшись тѣмъ, что сдѣлано было Надеждинымъ, Бѣлинскій повелъ дѣло по своему.

Еще менѣе можно ставить Бѣлинскаго въ подчиненное отношеніе къ кружку Станкевича. Бѣлинскій сблизился съ Станкевичемъ ¹⁾ только потому, что его самостоятельно приобрѣтенное имъ содержаніе имѣло много общаго съ понятіями Станкевича. Кружокъ далъ Бѣлинскому многое, но положеніе Бѣлинскаго въ его средѣ было тѣмъ не менѣе самобытное и своеобразное въ мнѣніяхъ «кружка» многое было вкладомъ самого Бѣлинскаго.

¹⁾ Въ этомъ кружкѣ были, особенно въ началѣ, и люди безъ всякаго особеннаго умственнаго содержанія, попавшіе въ него по случайному товариществу и по обыкновенной общительности; эти люди никогда и не имѣли въ немъ вліянія; относительно Бѣлинскаго, въ первое время, говоря о «кружкѣ» надо имѣть въ виду главнымъ образомъ Станкевича и отчасти Кюшниковъ,—только послѣ вступаютъ въ кружокъ другіе люди серьезнаго ума, о которыхъ упоминаемъ дальше.

Наиболѣе полный очеркъ личности Станкевича и кружка, котораго онъ былъ центромъ, сдѣланъ былъ г. Анненковымъ въ его извѣстной книгѣ, въ которой мы и обращаемъ читателя, желающаго найти подробности. Затѣмъ, живая характеристика кружка находится въ воспоминаніяхъ автора «Былого и Думъ»: такъ какъ авторъ этой книги отсутствовалъ изъ Москвы съ 1835 до 1839 года, то онъ самъ могъ знать только первые годы кружка и затѣмъ то время, когда Станкевича давно уже не было въ Москвѣ, Бѣлинскій переселился въ Петербургъ, и самый кружокъ былъ близокъ къ распаденію. Менѣе извѣстны, наконецъ, воспоминанія Константина Аксакова, который хотя и отличался съ самаго начала своеобразными наклонностями, но въ тридцатыхъ годахъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со Станкевичемъ и съ Бѣлинскимъ и могъ самъ считаться членомъ кружка...

Кружокъ сталъ собираться впервые, когда Станкевичъ былъ еще студентомъ. Указанныя нами воспоминанія и сохранившаяся переписка живо рисуютъ идеальное настроеніе, которое владѣло юношами московскаго университета первыхъ тридцатыхъ годовъ. Люди, разошедшіеся потомъ въ совершенно различныя стороны въ своемъ теоретическомъ пониманіи, одинаково ведутъ оттуда свою нравственную генеалогію. «Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только слышна *молодость человека*, — говоритъ одинъ:—и этотъ человекъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто человекъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени, давалось университетомъ и званіемъ студента» ¹⁾. «Пестрая молодежь, — говоритъ другой современникъ, — пришедшая сверху, снизу, съ юга и съвера, быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества. Общественныя различія не имѣли у насъ того оскорбительнаго вліянія, которое мы встрѣчаемъ въ англійскихъ школахъ и казармахъ...; студентъ, который бы вздумалъ у насъ хвастаться своей *блѣдой костью* или богатствомъ, былъ бы отлученъ отъ «воды и огня», замученъ товарищами... Молодежь была прекрасная въ нашъ курсъ (начала 30-ыхъ годовъ). Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхетская лѣнь равно исчезали, не замѣняясь еще нѣмецкимъ утилитаризмомъ, удобряющимъ умы наукой, какъ поля навозомъ, для усиленной жатвы. Порядочный кругъ студентовъ не принималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассессо-

¹⁾ К. Аксаковъ, „День“, 1862, № 39.

ры. Возникавшіе вопросы вовсе не относились къ табели о рангахъ. Съ другой стороны научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ внимательства въ жизнь, страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало *гражданскую* нравственность студентовъ. Мы и наши товарищи говорили въ аудиторіи открыто все, что приходило въ голову...»¹⁾.

Такова была общая почва, на которой зарождалось умственное движеніе — новый всходъ, появившійся послѣ подобнаго прорыва поколѣнія двадцатыхъ годовъ. Что здѣсь складывалось такое же историческое явленіе, — показало дальнѣйшее развитіе, потому что въ этихъ кружкахъ дѣйствительно созрѣли умственные интересы, которымъ предстояло двинуть впередъ общественное сознаніе. Эти интересы были еще въ броженіи, выражались крайнимъ идеализмомъ, но въ молодежи потребность выработать новое содержаніе и посвятить его общему благу была серьезна и принесла свои результаты.

Въ ту пору было собственно два кружка, въ которыхъ собирались наиболѣе одушевленные юноши. Оба образовались въ одно время; но при общемъ идеалистическомъ возбужденіи, совершенно расходились въ направленіяхъ. Одинъ кружокъ, Герцена (окончившаго курсъ въ 1833 году), съ самаго начала увлекался общественными теоріями, подъ влияніемъ политической литературы и событій въ западной Европѣ; знакомство съ сен-симонизмомъ окончательно установило социальное направленіе его стремленій. Другой кружокъ — первоначально воспитался прямо на философій, выслушанной у Павлова и Надеждина, и увлекаемый заманчивою перспективою рѣшеній для глубочайшихъ вопросовъ человѣческой мысли, отдался исключительно исканію этихъ рѣшеній, пренебрегая всѣмъ остальнымъ, какъ ничтожнымъ въ сравненіи съ этими всеобъемлющими вопросами. Оба кружка знали другъ о другѣ, но между ними не было симпатій: мало понимая другъ друга, одни считали своихъ противниковъ фантазерами, бесплодными и безчувственными въ животрепещущимъ вопросамъ общества; тѣ въ свою очередь смотрѣли свысока на «политиковъ» и пренебрегали ихъ мелкимъ либерализмомъ. «Имъ не нравилось наше почти исключительно политическое направленіе, — говоритъ авторъ «Былого и Думъ», — намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фрондерами и французами, мы ихъ сентименталистами и нѣмцами».

¹⁾ Б. и Д. 1, 135, 148.

БѢЛИНСКІЙ, съ самаго начала увлекавшійся поэтическими и отвлеченно-моральными интересами, естественно применилъ къ кружку Станкевича. Въ самомъ дѣлѣ, БѢЛИНСКІЙ встрѣчалъ здѣсь тѣ же самыя одушевленные стремленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ личность Станкевича произвела на него то привлекательное дѣйствіе, вліяніе котораго уцѣлѣло въ БѢЛИНСКОМЪ на многіе годы, и которое онъ производилъ вообще на всѣхъ, съ кѣмъ онъ сближался. Біографъ Станкевича вѣрно опредѣляетъ тонъ мыслей, господствовавшихъ въ этомъ кружкѣ, когда въ немъ окончательно установилось влеченіе къ философскимъ занятіямъ, подъ первыми сильными впечатлѣніями идей Шеллингова пантеизма. «Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь, когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума. Съ какою юношескою и благородной гордостію понималась тогда часть, предоставленная человѣку въ этой всемірной жизни! По свойству и праву мышленія, онъ переносилъ видимую природу въ самого себя, разбиралъ ее въ нѣдрахъ собственнаго сознанія, словомъ, становился ея центромъ, судьей и объяснителемъ. Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресала для новаго, разумнаго и одухотвореннаго существованія... Чѣмъ свѣтлѣе отражался въ немъ самый вѣчный духъ, всеобщая идея, тѣмъ полнѣе понималъ онъ ея присутствіе во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. На концѣ всего возрѣнія стояли нравственныя обязанности, и одна изъ необходимыхъ обязанностей—высвободить въ себѣ самомъ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго, для того, чтобы имѣть право на блаженство дѣйствительнаго, разумнаго существованія».

Такова была дѣйствительно та исходная точка, изъ которой выходили философскія исканія кружка, и которою начинается также исторія умозрительныхъ исканій БѢЛИНСКАГО. На много лѣтъ, до самаго переѣзда въ Петербургъ, — гдѣ начался новый періодъ его мысли, — БѢЛИНСКІЙ весь былъ поглощенъ тѣмъ стремленіемъ «утвердить на мысли и разумѣ всѣ самыя тонкія эстетическія ощущенія человѣка», — которое отличало вообще кружокъ Станкевича и наконецъ доходило до крайностей, какія шутливо описываетъ авторъ «Былого и Думъ».

Станкевичъ естественно сдѣлался средоточіемъ кружка, задававшегося идеальными стремленіями. «Болѣзненный, тихій по харак-

теру, поэтъ и мечтатель, — говорить тотъ же современникъ, — Станкевичъ естественно долженъ былъ больше любить созерцаніе и отвлеченное мышленіе, чѣмъ вопросы жизненные и чисто практическіе; его артистическій идеализмъ къ нему шелъ, это былъ «побѣдный вѣнокъ», выступавшій на его блѣдномъ, предсмертномъ челѣ юноши». Этотъ артистическій идеализмъ дѣйствовалъ на другихъ тѣмъ сильнѣе, что соединялся съ мягкостью, можно сказать, нѣжностью чувства, смягчавшей суровые порывы, какіе бывали у Бѣлинскаго; личныя поэтическія наклонности Станкевича, тонкое художественное пониманіе сопровождалось безспорнымъ философскимъ талантомъ, который далъ ему возможность перегнать своихъ учителей, едва онъ оставилъ университетскую аудиторию. Можно сказать, что Станкевичъ первый началъ у насъ серьезное изученіе Гегеля, и ввелъ его въ программу, которую нужно было пройти нашей образованности. Наконецъ, Станкевичъ вообще сталъ выше всего студенческаго кружка по своему образованію, знакомству съ иностранной литературой, особенно нѣмецкой и французской. Бѣлинскій въ этомъ послѣднемъ отношеніи многое приобрѣлъ именно изъ этого источника. Любопытная переписка Станкевича съ его тогдашнимъ другомъ Я. М. Н—вымъ, собранная въ изданіи г. Анненкова, наглядно рисуетъ эту привлекательную личность, и даетъ образчикъ тѣхъ философско-поэтическихъ стремленій, которыя составляли содержаніе бесѣдъ и занятій кружка. Къ сожалѣнію, за эти именно, первые годы жизни Бѣлинскаго въ этой средѣ, 1834—1836 г., мы почти не имѣемъ никакой переписки Бѣлинскаго; но въ письмахъ конца тридцатыхъ годовъ, которыхъ сохранилось не мало, мы увидимъ продолженіе того же общаго настроенія, какое установилось у Бѣлинскаго въ болѣе раннее время дружбы со Станкевичемъ. Бѣлинскій навсегда сохранилъ къ Станкевичу самое теплое, нѣжное чувство, и когда ему случалось говорить о людяхъ, сближеніе съ которыми имѣло вліяніе на его развитіе и которыми онъ чувствовалъ себя обязаннымъ, имя Станкевича всегда стояло неизмѣнно первымъ. Бѣлинскій былъ высокаго мѣрныя о личности и умѣ Станкевича, и послѣдній подшучивалъ надъ выраженіемъ Бѣлинскаго, который на ихъ тогдашнемъ философскомъ жаргонѣ называлъ его «огромной субстанціей». Въ письмѣ къ В. П. Боткину (въ сент. 1840), Бѣлинскій, упоминая объ одномъ ихъ пріятелѣ, въ понятіяхъ котораго были нѣкоторыя странности, извиняетъ его такими словами: «Конечно, онъ страненъ и у него много дивныхъ убѣжденій; но подумай-ка о томъ, что былъ каждый изъ насъ до встрѣчи съ Станкевичемъ, или съ людьми,

возрожденными его духомъ». Такъ высоко цѣнили онъ вліяніе Станкевича, — вѣроятно даже преувеличивалъ его относительно себя, — и подобныя фразы, сказанныя мимоходомъ, еще сильнѣе прямого утвержденія. Не знаемъ въ точности, отвѣчалъ ли Станкевичъ равно теплымъ чувствомъ на привязанность къ нему Бѣлинскаго, но вообще ихъ отношенія были очень дружескія и съ теченіемъ времени становились, кажется, все болѣе близкими ¹⁾.

На первомъ планѣ въ кружкѣ Станкевича стояли интересы литературные, которые мало-по-малу развивались отъ непосредственнаго увлеченія поэтическимъ содержаніемъ до соединенія его съ философскими основаніями. Повидимому, тотъ же процессъ происходилъ одинаково у Станкевича и у Бѣлинскаго еще ранѣе ихъ тѣснаго дружескаго сближенія. Выше указаны примѣры этого сходства мнѣній о тогдашней русской литературѣ, — въ перепискѣ Станкевича, съ 1833 года, и въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ».

Такой же общей у обоихъ была страсть къ театру. «Театръ становится для меня атмосферою», — пишетъ Станкевичъ къ своему другу (въ маѣ 1833), и его театральные восторги невольно напоминаютъ тѣ знаменитыя страницы о театрѣ, которыя были написаны Бѣлинскимъ въ первой же его статьѣ: — «Театръ! любите ли вы театръ, какъ я люблю его, то-есть всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? И въ самомъ дѣлѣ, не сосредоточиваются ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ?.. Театръ, — о, это истинный храмъ искусства, при входѣ въ который вы мгновенно отдѣляетесь отъ земли, освобождаетесь отъ житейскихъ отношеній!.. Ступайте, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!» ²⁾. До такого пафоса дошла страсть, которая и прежде внушала ему мысль самому вступить на поприще драматическаго писателя. Храмъ искусства, соединившій въ себѣ всѣ обольщенія изящнаго и освобождавшій отъ житейскихъ отношеній, служилъ для этихъ энтузіастовъ и изученіемъ самой жизни — имъ казалось, что театръ исчерпываетъ ее изображеніемъ человѣческихъ страстей и моральныхъ столбновеній, и поэтическое наслажденіе опять сливалось съ философ-

¹⁾ Ср. въ перепискѣ Станк., стр. 90, 93, 128, 159, 241.

²⁾ Сочин., I, 96—99.

скими умозаключеніями... Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ были постоянно на языкѣ у этихъ восторженныхъ почитателей искусства; первый стоялъ превыше всего, какъ предметъ безусловнаго поклоненія; Гёте, но особенно Шиллеръ, подвергались различнымъ истолкованіямъ, и Бѣлинскій—въ періодъ своихъ абстрактныхъ увлеченій—нѣсколько разъ перемѣнялъ свои мнѣнія о послѣднемъ, отъ пламеннаго восторга до совершеннаго охлажденія, до настоящей вражды!

Немудрено, что, рядомъ съ этимъ, въ кружкѣ издавна пользовался великимъ уваженіемъ Гофманъ, который не мало способствовалъ этому увлеченію эстетическими интересами. Можно сказать, что сочиненія Гофмана (въ то время усердно переводимыя на русскій языкъ, между прочимъ, въ «Телескопѣ»), который въ своихъ фантастическихъ повѣстяхъ такъ часто обращался къ вопросамъ искусства, съ такимъ энтузіазмомъ и глубокимъ пониманіемъ говорилъ о немъ,—что сочиненія Гофмана были для кружка настоящимъ курсомъ эстетики. Гофманъ и надолго послѣ остался въ числѣ писателей, возбуждавшихъ любовь и удивленіе Бѣлинскаго.

Еще одною областью искусства, постиженіе которой входило въ программу кружка, была музыка. Станкевичъ былъ самъ музыкантъ, страстный любитель, и музыка составляла для него необходимое дополненіе его поэтическихъ изученій. Любимая музыка, какъ и любимая литература была нѣмецкая, прежде всего Бетховенъ, затѣмъ Шубертъ: какъ параллельно шли поэтическія стремленія, обнаружилось, когда Станкевичъ, давно восхищавшійся, между прочимъ, балладой «Erlkönig», попалъ однажды случайно на знаменитую музыку Шуберта въ этой пьесѣ. «Я чуть съ ума не сошелъ», пишетъ онъ къ своему другу, и это было, вѣроятно, очень близкимъ изображеніемъ его восторга. Въ музыкѣ, конечно, не довольствовались общимъ впечатлѣніемъ, и, напротивъ, старались отдать себѣ и здѣсь точный отчетъ, какъ въ поэтическомъ произведеніи; Гофманъ и здѣсь былъ совѣтникомъ. Въ глазахъ Бѣлинскаго музыка также была необходимымъ элементомъ полнаго эстетическаго развитія; и нѣсколько позднѣе, когда въ кружкѣ его друзей явились люди съ такимъ же культомъ музыки, каковой былъ у Станкевича (В. П. Боткинъ), это обстоятельство присоединилось къ другимъ, возбуждавшимъ въ немъ мучительное недовольство собою. Бѣлинскій мало понималъ музыку; она производила на него дѣйствіе только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Онъ съ печалью, а иногда съ досадою жаловался на

этотъ недостатокъ, который казался ему прискорбною «неполнотою натуры».

«Строгое пониманіе, какъ задачи искусства, такъ и вообще человѣческаго призванія, было въ природѣ Станкевича и лучшихъ людей его круга,» — говоритъ его біографъ, и это замѣчаніе особенно должно быть распространено на Бѣлинскаго. «Качество это только развилось отъ чтенія и общихъ размышленій, имъ порожденныхъ... Для Станкевича и избранныхъ друзей его не было въ нравственномъ мірѣ пустыхъ или маловажныхъ вещей. Къ каждому явленію этого міра они подступали весьма серьезно... Каждый предметъ литературы казался имъ стоящимъ того, чтобы изслѣдовать его генеалогію, причину и обстоятельства его происхожденія; часто умъ, серьезно настроенный, заходилъ слишкомъ далеко въ этихъ поискахъ и не видалъ ближайшей, ограниченной и ничтожной причины, породившей явленіе. Они грѣшили доблестными недостатками, свойственными всякой благородной молодости. Никогда не могло придти въ голову Станкевичу и его друзьямъ, напримѣръ, что новая русская трагедія не есть плодъ стремленія выразить свой взглядъ на ту или другую сторону прежней жизни, а только первый опытъ человѣка, набивающаго себѣ руку вообще на трагедіи. Все было для нихъ событіемъ, порождавшимъ пренія, надежды, заключенія, а иногда длинную, серьезную переписку» ¹⁾. Справедливость этихъ замѣчаній между прочимъ подтверждается и перепиской Бѣлинскаго; этимъ серьезнымъ отношеніемъ къ искусству объясняются и нѣкоторыя стороны критики Бѣлинскаго. Стремленіе отыскать мысль, отвлеченную философскую подкладку, во многихъ случаяхъ блистательно вознаграждалось глубокими опредѣленіями — каково, напр., въ особенности первое опредѣленіе Гоголя, — непонятаго, какъ извѣстно, на первое время, даже лучшими умами тогдашней литературы; съ другой стороны, оно вело и къ преувеличеннымъ толкованіямъ, какъ, напр., въ сужденіяхъ о «Герое нашего времени». Это же стремленіе отражалось и въ томъ, что Бѣлинскій былъ видимо пристрастенъ къ поэтическимъ попыткамъ своихъ друзей, напр. Красова, Кляшниковъ, Кудрявцева — онъ переносилъ въ нихъ свои собственные мысли, дополнял ихъ собственнымъ энтузіазмомъ. Впослѣдствіи Бѣлинскій самъ подшучивалъ надъ своими увлеченіями этого рода.

«Строгое пониманіе человѣческаго призванія» сближало друзей и въ ихъ личной жизни: между ними не было тайнъ; ха-

¹⁾ Біогр. Станкевича, стр. 70.

рактерь, житейскія отношенія, поступокъ, опредѣлялись и подводились подъ свою категорію, вырабатывался свой кодексъ морали. Бѣлинскій, съ ревностью, напоминающей средневѣковаго аскета, сурово примѣнялъ этотъ кодексъ прежде всего къ самому себѣ—его переписка представляетъ цѣлый рядъ безпощадныхъ самообличеній; противъ нѣкоторыхъ біографу приходится защищать его самого. Но среди крайностей, къ которымъ онъ приходилъ, выросло въ немъ то высокое нравственное чувство, которое впоследствии—какъ это хорошо извѣстно по рассказамъ—давало ему въ его кругу неоспариваемый авторитетъ...

Какъ въ этомъ періодѣ кружокъ относился къ дѣйствительности?

Относительно Бѣлинскаго—за это время (середину тридцатыхъ годовъ) надо, повидимому, отличить двѣ главные и весьма различныя ступени, которыя, впрочемъ, трудно опредѣлить отчетливо, потому что именно за это время матеріалъ для біографіи особенно скуденъ. Во время пребыванія въ университетѣ, когда писалась трагедія, и въ первое время послѣ того Бѣлинскій, повидимому, былъ въ либеральномъ настроеніи, очень непохожемъ на то, въ какое поставили его потомъ вліянія гегелевской философіи.—Для объясненія этого, зайдемъ нѣсколько впередъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Бѣлинскій былъ въ періодѣ крайняго увлеченія гегеліанствомъ, что и выражалось крайнимъ консерватизмомъ; въ эту пору онъ злобно нападалъ на Шиллера; теоретическимъ поводомъ этихъ нападеній была *тенденціозность* поэзіи Шиллера, не согласная съ законами объективнаго творчества. Станкевичъ, который былъ всегда горячимъ поклонникомъ Шиллера, возставалъ противъ этой вражды, и Бѣлинскій, впоследствии, когда эта вражда успѣла въ немъ перебродить и смягчиться, такъ оправдывалъ свой непріязненный взглядъ на германскаго поэта. «Тутъ вмѣшались личности, — говоритъ онъ въ письмѣ къ Станкевичу: — Шиллеръ *тогда* (т.-е. въ періодѣ крайняго гегеліанства) былъ мой личный врагъ, и мнѣ стоило труда обуздывать мою къ нему ненависть и держаться въ предѣлахъ возможнаго для меня приличія. За что эта ненависть?—За субъективно-нравственную точку зрѣнія, за странную идею долга, за абстрактный героизмъ, за прекраснодушную войну съ дѣйствительностію, за все за это, отъ чего страдалъ я во имя его». Все это Бѣлинскій отвергалъ теперь во имя другого принципа—разумной дѣйствительности, извлеченнаго изъ гегелевской философіи: онъ обрушивался на Шиллера не только потому, что пересталъ признавать его въ отвлеченномъ смыслѣ, но въ особен-

ности за ту тяжелую внутреннюю борьбу, которую ему самому пришлось вынести изъ-за стараго своего заблужденія. «Ты скажешь,—продолжаетъ онъ,—что не вина Шиллера, если я ложно, конечно и односторонне понялъ великаго генія, и взялъ отъ него только его темныя стороны, не постигши разумныхъ: такъ, да и не моя вина, что я не могъ понять его лучше. Его «Разбойники» и «Коварство и Любовь,» вкупѣ съ «Фіеско» — этимъ произведеніемъ нѣмецкаго Гюго, наложили на меня дикую вражду къ общественнымъ порядкамъ, во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условий развитія, построеннаго на воздухѣ. Его «Донъ Карлосъ» — эта блѣдная фантазмагорія образовъ безъ лицъ и риторическихъ олицетвореній, эта апотеоза абстрактной любви къ человѣчеству безъ всякаго содержанія — бросила меня въ абстрактный героизмъ, видъ котораго я все презиралъ, все ненавидѣлъ (и еслибъ ты зналъ, какъ дико и болѣзненно!) и въ которомъ я очень хорошо, несмотря на свой неестественный и напряженный восторгъ, сознавалъ себя — нулемъ... «Орлеанская Дѣва» ринула меня въ тотъ же абстрактный героизмъ, въ тоже пустое, безличное, субстанціальное безъ всякаго индивидуальнаго опредѣленія — общее... Вотъ почему я возненавидѣлъ Шиллера: чаша переполнилась — духъ рвался на свободу изъ душевной тѣсноты» и проч. ¹⁾ БѢлинскій отрывается теперь отъ той «опеки надъ родомъ человѣческимъ,» отъ того «идеальнаго резонёрства,» каковой внушалъ ему Шиллеръ.

Настроеніе, описанное здѣсь БѢлинскимъ, это «идеальное резонёрство», «абстрактный героизмъ», повидимому, обнимали именно его университетскую жизнь, и первое время его тѣсныхъ связей съ кружкомъ Станкевича. Оно могло продолжаться, въ разныхъ степеняхъ и съ разными оттѣнками, до тѣхъ самыхъ поръ, когда кружокъ окончательно принялъ положеніе гегелевской философіи о разумной дѣйствительности, — около конца 1836 г. или 1837 года.

О взглядахъ кружка и БѢлинскаго на общественные предметы, за это время, намъ извѣстно еще одно показаніе — современника, принадлежавшаго къ самому кружку, Константина Аксакова; это показаніе, кажется, совпадаетъ съ словами БѢлинскаго объ «абстрактномъ героизмѣ», хотя, высказанное долго спустя (онъ писалъ свои воспоминанія въ 1855 г.), оно не достаточно отчетливо и не свободно отъ позднѣйшихъ взглядовъ автора. К. Аксаковъ

¹⁾ Письмо къ Станкевичу, 29-го сентября — 8-го октября 1839.

сохранилъ самую теплую память о личности Станкевича и высокое понятіе объ его умственномъ значеніи и вліяніи; онъ признаетъ кружокъ Станкевича замѣчательнымъ явленіемъ въ умственной исторіи нашего общества, хотя самъ потомъ сталъ въ совершенно враждебное отношеніе къ вышедшимъ изъ него дѣателямъ. «Въ этомъ кружкѣ, — говоритъ Аксаковъ, — выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ — воззрѣніе, большею частію *отрицательное*. *Искусственность російскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма*, все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ; и то, и другое высказалось въ кружкѣ Станкевича, быть можетъ, впервые, какъ мнѣніе цѣлаго общества людей. Какъ всегда бываетъ, отрицаніе лжи доводило и здѣсь до односторонности; но надобно отдать справедливость, односторонность эта не была крайняя, была искренняя; нападеніе на претензію, иногда даже и тамъ, гдѣ ея не было, — *не переходило само въ претензію*, какъ это часто бываетъ, и какъ это было въ другихъ кружкахъ. Одностороннѣ всего были нападенія на Россію, возбужденныя *казенными ей похвалами*...» К. Аксаковъ говоритъ, что ему, юношѣ, еще многого не передумавшему, подобные разговоры и «нападенія на Россію», какъ онъ выражается, были иногда тяжелы, но онъ видѣлъ въ кружкѣ постоянный умственный интересъ, стараніе опредѣлить нравственные предметы, и не могъ оторваться отъ него... «Кружокъ Станкевича отличался самостоятельностью мнѣнія, свободнаго отъ всякаго авторитета; позднѣе, эта свобода перешла въ буйное отрицаніе авторитета, выразившееся въ критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго. Что всего замѣчательнѣе, кружокъ этотъ, будучи свободомысленъ, не любилъ ни фрондѣрства, ни либеральничанья, боясь, вѣроятно, той же неискренности, той же претензіи, которыя были ему ненавистнѣе всего; даже вообще, политическая сторона занимала его мало... Очевидно, что этотъ кружокъ желалъ правды, серьезнаго дѣла, искренности и истины. Это стремленіе, осуществляясь иногда односторонне, было само по себѣ справедливо, и есть явленіе вполне русское. Насмѣшливость и иногда горькая шутка часто звучали въ этихъ студенческихъ бесѣдахъ. Такой кружокъ не могъ быть увлеченъ никакимъ авторитетомъ...» О самомъ Станкевичѣ, котораго Аксаковъ признаетъ человѣкомъ необыкновеннаго и глубокаго ума, которому въ спорахъ должны были уступать даже щегольскіе діа-

лектики того времени, какъ Надеждинъ и М. Б.,—Аксаковъ замѣчаетъ: «Онъ имѣлъ сильное значеніе въ своемъ кругу, но это значеніе было вполнѣ свободно и законно, и отношеніе друзей къ Станкевичу, невольно признававшихъ это превосходство, было проникнуто свободною любовью, безъ всякаго чувства зависимости...»

Судя по приведеннымъ указаніямъ, можно думать, что въ первые два-три года литературной дѣятельности Бѣлинскаго, его образъ мыслей объ общественныхъ предметахъ не только не былъ похожъ на позднѣйшій доктринерный консерватизмъ 1837—1841 годовъ, но, напротивъ, относился къ явленіямъ русской жизни съ извѣстнымъ отрицаніемъ. Не должно, конечно, преувеличивать его тогдашнихъ «нападеній на Россію», по выраженію К. Аксакова, но, безъ сомнѣнія, во многомъ онъ долженъ былъ относиться враждебно—напримѣръ, къ крѣпостному праву, къ испорченности дворянскаго сословія, къ невѣжеству, грубости или лицемерію другого сословія, которому принадлежало нравственное руководительство надъ народами: о первомъ можетъ свидѣтельствовать его трагедія, о послѣднемъ мы слышали указанія положительныя. Но тогдашнія мнѣнія, повидимому все-таки Бѣлинскаго, не представляли какой-нибудь опредѣленной точки зрѣнія, напр. даже въ томъ туманно-идеалистическомъ родѣ, какъ было въ тогдашнемъ кружкѣ Герцена. Точка зрѣнія, съ которой кружокъ Станкевича, и Бѣлинскій въ томъ числѣ, смотрѣли на жизнь, была почти исключительно нравственная: какъ въ своемъ личномъ развитіи они полагали всю силу въ стремленіи къ извѣстному нравственному совершенству, уразумѣнія котораго искали въ философіи и въ искусствѣ, такъ и явленія жизни общественной они разсматривали съ той же моральной точки зрѣнія: ихъ мало занимала «политическая сторона», вѣроятно они мало и знали ее,—но, принимая данное положеніе вещей, возмущались только нарушеніемъ нравственныхъ требованій въ отдѣльныхъ личностяхъ, нарушеніями закона и человеколюбія въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ и т. п. Бѣлинскій по своему страстному характеру, безъ сомнѣнія, высказывался и въ этомъ направленіи всѣхъ рѣзче и рѣшительнѣе, — въ кружкѣ звали его «неистовымъ Виссаріономъ», — но и для него, при всѣхъ его увлеченіяхъ «абстрактнымъ героизмомъ», за который потомъ онъ такъ горько винилъ Шиллера, главное лежало не здѣсь, а именно въ разъясненіи личнаго нравственнаго идеала. Поэтому въ послѣдствіи онъ и могъ такъ легко принять свою крайнюю консервативную точку зрѣнія по общественнымъ предметамъ: отказываясь отъ прежняго либе-

рализма, онъ думалъ только вѣрнѣе служить личному нравственному идеалу.

Ниже будутъ приведены мнѣнія Бѣлинскаго изъ послѣдующаго періода его развитія, періода полного признанія дѣйствительности, предполагаемой «разумною»: эти мнѣнія могутъ показаться неожиданными, почти не вѣроятными, — но тѣмъ не менѣе, въ личномъ развитіи Бѣлинскаго они кажутся намъ успѣхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни странна была консервативная точка зрѣнія, принятая Бѣлинскимъ, какъ ни велики крайности, въ казیمъ она привела его потомъ, — но это былъ во всякомъ случаѣ систематическій взглядъ, который стоялъ выше прежняго, какъ сознательная точка зрѣнія надъ неяснымъ, и потому именно непрочнымъ инстинктомъ. Прежній моральный либерализмъ потому и могъ не удержаться при встрѣчѣ съ новыми понятіями, что не былъ достаточно защищенъ отъ нихъ теоретически. Бѣлинскій былъ въ высокой степени правдивъ въ своихъ мнѣніяхъ: онъ не могъ оставить въ сторонѣ представившагося противорѣчія, — онъ долженъ былъ или разрѣшить и преодолѣть его, или покориться ему. Бѣлинскій такъ и сдѣлалъ. У него не было достаточно аргументовъ противъ новаго взгляда, и онъ его принялъ. Между прочимъ, поэтому особенно и становится любопытна и поучительна исторія его развитія: въ немъ логически перерабатывалось то содержаніе, какое представляла русская жизнь, и результатъ, достигнутый Бѣлинскимъ, получаетъ оттого особенную доказательность...

Говоря о кружкѣ Станкевича и его отношеніяхъ къ Бѣлинскому, не можемъ обойти характеристики, сдѣланной въ одномъ изъ новѣйшихъ историческихъ трудовъ, посвященныхъ этому времени. Личность Станкевича подвергнута здѣсь весьма суровой критикѣ: его развитіе представляется такъ-сказать барскимъ, его интересы — «пропріетерскою» или помѣщичьею прихотью, и результаты ихъ опредѣляются какъ эстетическій квіетизмъ, примиреніе со всѣмъ существующимъ и личное самоуслажденіе въ кружкѣ подобныхъ же дилеттантовъ, «обезпеченныхъ» въ житейскомъ отношеніи и потому спокойно признававшихъ или незамѣчавшихъ даннаго порядка вещей. Положеніе Бѣлинскаго въ этомъ кругѣ, и согласіе съ нимъ, является какъ временное, преходящее заблужденіе чловѣка, настоящимъ назначеніемъ котораго была именно борьба противъ рутины и общественной несправедливости, но который — подъ вліяніемъ Станкевича — отвлекся отъ своей

настоящей дороги соблазномъ эстетическаго эпикуреизма и мелькавшей надеждой найти истину въ туманной философіи кружка. Бѣлинскій не былъ самимъ собой, когда отдавался этимъ вліяніямъ; его собственная натура была слишкомъ не похожа на натуру его друзей; его собственное содержаніе влекло его со-всѣмъ въ иную сторону, — временами оно и прорывалось среди навѣянныхъ на него идей, и только тогда, когда онъ свергъ съ себя эти оковы эстетически-эпикурейскаго доктринёрства, онъ явился во всей своей силѣ, и оказалъ все свое истинное вліяніе ¹⁾).

Должно отдать справедливость автору, что онъ весьма послѣдовательно излагаетъ свой взглядъ и обставляетъ его внимательнымъ изученіемъ мнѣній кружка и современныхъ имъ сочиненій Бѣлинскаго. Тѣмъ не менѣе, невозможно согласиться съ окончательной характеристикой. Авторъ несправедливъ прежде всего и главнымъ образомъ въ томъ, что забываетъ о важномъ условіи исторической вѣрности — о характерѣ общества и обстановкѣ, среди которыхъ совершалась исторія кружка и Бѣлинскаго. Слова «эстетическій квіетизмъ», «обезпеченное» эпикурейство, со всѣмъ осужденіемъ, какое въ нихъ заключается, быть можетъ, были бы справедливы, еслибъ факты, ими обозначенные, происходили въ наше время, въ нашихъ условіяхъ; но это осужденіе несправедливо, когда примѣняется къ тому періоду нашей литературы. То, что называется «эстетическимъ квіетизмомъ» или эпикурействомъ, на самомъ дѣлѣ было вовсе не квіетизмъ и очень плохое эпикурейство, прежде всего потому, что система мнѣній, обозначаемая этими именами, вовсе не была чѣмъ-нибудь законченнымъ и установившимся, а напротивъ, въ глазахъ всѣхъ членовъ кружка, и въ ту самую пору, это была переходная ступень, «моментъ», какъ любили тогда выражаться, на которомъ никто не успокоивался, и который, напротивъ, хотѣли и стремились развивать дальше — куда бы ни привело это развитіе. Двѣ-три цитаты покажутъ, что истинный взглядъ Станкевича и былъ именно таковъ. Въ декабрѣ 1835, защищая философію отъ своего петербургскаго друга, Станкевичъ пишетъ: «... Ходъ человѣческаго ума, его стройное развитіе и приращеніе, вѣчная истина, облекающаяся въ разныя одежды, соотвѣтственно вѣку и народу, и все болѣе и болѣе являющаяся свою сущность — какое явленіе можетъ быть занимательнѣе?.. Философію я не считаю своимъ призваніемъ; она можетъ быть ступень, черезъ которую я перейду къ другимъ занятіямъ; но прежде всего я долженъ удовлетворить этой потребности. И

¹⁾ Статьи г. Скабичевскаго, въ „Отеч. Зап.“

не столько манить меня *рѣшеніе вопросовъ*, которые болѣе или менѣе рѣшается вѣра, сколько самый *методъ*, какъ выраженіе послѣднихъ успѣховъ ума. Я еще болѣе хочу убѣдиться въ достоинствѣ человѣка и, признаюсь, хотѣлъ бы убѣдить потомъ другихъ и пробудить въ нихъ высшіе интересы». Любопытно читать въ другомъ его письмѣ слова, заключавшія въ себѣ вѣрное указаніе на то, что и считается его исторической заслугой: «Не знаю, достанетъ ли у меня терпѣнія и силъ, но я займусь философійю. Скучны формы, въ которыя она заключена; но мы потерпимъ за будущее поколѣніе и, можетъ быть, съ божіею помощію *облегчимъ трудъ ея*» ¹⁾). Постоянно занятый отыскиваніемъ философской истины, онъ никогда не говоритъ, чтобы извѣстная система вполне удовлетворила его, — онъ все ждетъ разрѣшенія впереди. — Бѣлинскій, всегда страстный въ своихъ порывахъ, легче Станкевича готовъ былъ принимать за несомнѣнную истину то, въ чемъ онъ въ данную минуту убѣждался, — но вся исторія его мнѣній показываетъ, какъ могущественно было надъ нимъ новое, не представлявшееся ему прежде доказательство. «Чтобы любить истину, должно жертвовать ей своими задушевными мыслями, привычками, предубѣжденіями», — говорилъ онъ въ эти годы, доказывая необходимость анализа и разрушенія ложныхъ авторитетовъ; и самъ онъ никогда не останавливался жертвовать истинѣ своими задушевными своими мыслями. Словомъ, если одно время Бѣлинскій былъ защитникомъ общественнаго status quo, его мнѣнія все-таки не были квіетизмомъ, какъ и мнѣнія Станкевича. Въ самомъ сильномъ развитіи этого консерватизма были столь сильные идеальные запросы, столь высокія требованія личной нравственности что настоящіе защитники общественной неподвижности никогда бы не могли назвать его своимъ...

Немного было и эпикурейства въ этихъ «наслажденіяхъ» искусствомъ, въ этихъ философскихъ бесѣдахъ друзей за стаканами чаю. Естественно было, что люди, занятые вопросами философіи и искусства, предались имъ исключительно, какъ специально своему дѣлу, и забывали все остальное, — но, по тогдашнему пониманію вообще, это остальное все включалось въ вопросы философіи и искусства, а въ этихъ послѣднихъ и былъ именно, для людей того времени, единственный путь самосознанія, какой только представлялся мыслящему человѣку. Намъ легко теперь видѣть ихъ ошибки, — когда завершился весь тотъ періодъ не только нашей, но и европейской образованности, когда Шел-

¹⁾ Переп., стр. 155, 159.

лингъ и Гегель оба сданы въ архивъ, какъ рѣшенные дѣла. Но должно вспомнить то обаяніе, какимъ окружена была философія въ тѣ десятилѣтія, чтобы признать совершенно законнымъ увлеченіе нашего молодого поколѣнія. Философія казалась настоящимъ откровеніемъ, и не одни наши юноши были тогда убѣждены, что проникнуть въ ея истины—значить уже разомъ рѣшить и всѣ вопросы, какіе можетъ представить жизнь природы и жизнь человѣка. И друзья Станкевича, какъ и самъ онъ, понимали очень серьезно предметъ своихъ занятій: ими естественно овладѣвалъ восторгъ (кажущійся эстетическимъ эпикурействомъ), когда имъ казалось, что восхищающее ихъ поэтическое произведеніе—трагедія Шекспира, стихотвореніе Гёте, повѣсть Гоголя—подтверждаютъ или объясняютъ имъ извѣстное философское положеніе; но, съ другой стороны, философскіе догматы занимали всѣ ихъ помысленія, и ихъ противорѣчіе съ собственной мыслью, чувствомъ, жизнью бывало источникомъ тягостныхъ сомнѣній, у Бѣлинскаго, отравлявшихъ все его существованіе.

Какъ скоро философія понята была ими какъ единственная основа, на которой возможно истолкованіе жизни, они, конечно, не могли покинуть ее иначе, какъ перебравши всю ея аргументацию: это должно было быть для нихъ неизбѣжной потребностью, ихъ мысль не могла иначе найти себѣ удовлетвореніе. Не всѣ находили одинаковый выходъ—это зависитъ отъ склада и силы ума и нравственнаго характера; но намъ кажется слишкомъ спорнымъ положеніе, что, напр., Станкевичъ только и былъ способенъ къ эстетическому эпикурейству.

Это увлеченіе философіей развивается въ тѣ годы кружка, когда сами участники его были почти юношами. Станкевичу въ 1834 году былъ всего двадцать одинъ годъ; Бѣлинскій былъ не много старше его по лѣтамъ; это была и вообще естественная, законная пора идеализма и на половину поэтического, на половину отвлеченнаго пониманія жизни, лежавшей еще впереди. Но и въ этомъ юношескомъ періодѣ, ихъ «эстетическое эпикурейство» было уже, въ тогдашнихъ условіяхъ, большимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ—сравнительно съ тѣмъ содержаніемъ, какое господствовало въ литературѣ. Съ «Литературными Мечтаніями» роль Надеждина въ литературѣ можно было считать конченной; понятія кружка Станкевича уже въ это время стояли выше романтическаго эклектизма Полевого—это были двѣ главныя силы тогдашней (1834) журналистики, съ которыми можно было бы ихъ сравнивать. Эстетическое эпикурейство кружка уже тѣмъ составляло силу, что было сознательно обдуманной и

цѣльной теоріей; хотя бы она была ошибочна, она была выше ходячихъ мнѣній, потому что въ ней былъ методъ, и возможность дальнѣйшаго развитія.

Далѣе, въ эстетическомъ эпикуреиствѣ была, кромѣ этой отвлеченной, и положительная заслуга. Дружескій кружокъ, безъ сомнѣнія, питалъ и укрѣпилъ то эстетическое пониманіе и стремленіе къ поэтическому наслажденію, которыя были, можно сказать, врожденнымъ инстинктомъ Бѣлинскаго, и которыя стали потомъ такимъ сильнымъ воспитательнымъ средствомъ въ его рукахъ. Такъ, особой заслугой Бѣлинскаго и всего кружка была высокая оцѣнка Гоголя съ его перваго появленія въ литературѣ, и въ такое время, когда старыя литературныя школы, даже Полевой, встрѣтили его враждебно. «Неизвѣстно, — говоритъ біографъ Станкевича, — что случилось бы съ Гоголемъ, впечатлительнымъ до крайности, если бы Москва раздѣлила сомнѣнія и холодность петербургской публики, но здѣсь онъ встрѣтилъ участіе, поднявшее, какъ намъ хорошо извѣстно, нравственную бодрость его и сообщившее ему увѣренность въ своихъ силахъ. Послѣдняя все болѣе и болѣе росла съ тѣхъ поръ... Нѣтъ сомнѣнія, что Бѣлинскій первый положилъ твердый камень въ основаніе всей послѣдующей его извѣстности, начавъ первый объяснять смыслъ и значеніе его произведеній. Можно думать, что Бѣлинскій уяснилъ самому Гоголю его призваніе и открылъ ему глаза на самого себя: для этого есть нѣсколько доказательствъ несомнѣннаго, историческаго характера...» ¹⁾.

Наконецъ, сказать, что натура Бѣлинскаго была натура «бойца», еще не значить опредѣлить его направленіе. Его натура была дѣйствительно такова — натура страстная, возбужденная и раздраженная съ дѣтства. Но это свойство его натуры само по себѣ вовсе не предполагало, чтобы его *мысль* шла непременно тѣмъ, а не другимъ путемъ. Къ свойству натуры надо прибавить еще свойство ума, логическая послѣдовательность котораго дѣлала то, что разъ принявъ извѣстную мысль, онъ развивалъ ее до послѣднихъ результатовъ, даже до такихъ, гдѣ его непосредственное чувство возмущалось противъ его теоретическаго вывода, — и оставить ложную точку зрѣнія онъ могъ только тогда, когда цѣлая масса аргументовъ собиравшись, чтобы низложить ее. Но до тѣхъ поръ, эта точка зрѣнія владѣла имъ безраздѣльно, проникала въ его жизненныя отношенія, нерѣдко мучительно властвовала надъ нимъ. Весь пылъ своей натуры

¹⁾ Біогр. Станкевича, стр. 77.

БѢлинскій употреблялъ на защиту идеи, которую онъ принималъ въ данную минуту, и понятно, что «боецъ» сказывался въ немъ во всѣхъ положеніяхъ его мысли. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ проходилъ и ошибочныя точки зрѣнія, — въ особенности въ начавшійся вскорѣ періодъ его философскихъ увлеченій; но Станкевичъ нисколько не былъ въ этомъ виноватъ. Философская школа въ то время была почти единственная, въ которой могъ воспитаться строгій послѣдовательный образъ мыслей; и она дѣйствительно оказала БѢлинскому великую пользу, она сразу поставила его во главѣ русской критики, выше всѣхъ его предшественниковъ и современниковъ, которые питались эклектическими сентенціями французскаго и нѣмецкаго романтизма, и даже такихъ проникательныхъ цѣнителей искусства, образованныхъ самѣй ихъ художественной природой, каковы были Пушкинъ и Гоголь. — Для того, чтобы энергія БѢлинскаго направилась, наконецъ, на вопросы общественной жизни, нужно было знаніе этой жизни, а этого знанія у БѢлинскаго и не было въ то время.

Въ біографіи Станкевича читатель найдетъ подробности о лицахъ, принадлежавшихъ къ его кружкѣ. Мы упомянемъ здѣсь только о лицахъ, которыя имѣли то или другое отношеніе къ БѢлинскому.

Первоначально, кружокъ состоялъ изъ курсовыхъ товарищей Станкевича, но уже вскорѣ стали примыкать къ нему новыя лица, между прочимъ не принадлежавшія университету и привлеченныя общностью интересовъ. Такъ, товарищемъ Станкевича былъ извѣстный поэтъ Красовъ, идеалистъ и мечтатель; С. Строевъ, вскорѣ переѣхавшій въ Петербургъ и отдалившійся отъ кружка; другой поэтъ, И. П. Ключниковъ, стихотворенія котораго являлись потомъ подъ буквой — е —; А. П. Ефремовъ; Константинъ Аксаковъ, педшій въ университетѣ годомъ позже Станкевича и др. Впослѣдствіи, къ кружкѣ присоединились новыя лица, второго слоя, но на которыхъ распространились традиція прежняго кружка — съ тѣми же философско-поэтическими интересами и дружескими отношеніями; такъ примкнули сюда М. Б., В. П. Боткинъ, Н. Х. Кетчеръ, потомъ Кудрявцевъ, г-нъ Катковъ, Грановскій. Были, наконецъ, и другія лица. Не всѣ, конечно, вносили въ бесѣды кружка ровную дань содержанія; были люди, игравшіе роль хора въ древней трагедіи, но вообще кружокъ былъ тѣсно сплоченъ. Здѣсь были люди, съ которыми БѢлинскій на многіе годы, съ иными на всю жизнь, былъ связанъ тѣснѣй-

шей дружбой, которые занимали самое существенное мѣсто въ его внутреннемъ развитіи и даже во вѣшной судьбѣ. Еще нѣсколько позднѣе, кружокъ еще расширился, и вмѣстѣ сильно измѣнился, когда выяснились отношенія съ кружкомъ Герцена...

Послѣ Станкевича, самая важная роль въ этомъ отношеніи, принадлежитъ двумъ лицамъ, которыя вошли въ кружокъ около 1835 года, и отношенія которыхъ къ Бѣлинскому развились въ особенности по отъѣздѣ Станкевича за-границу. Одинъ изъ нихъ былъ М. Б., тотъ «дилеттантъ философіи», о которомъ упоминаетъ біографъ Станкевича; другой — В. П. Боткинъ.

М. Б. познакомился съ Станкевичемъ въ 1835 году. М. Б. былъ тогда молодой офицеръ, ровесникъ Станкевича по лѣтамъ, только-что вышедшій въ отставку. Станкевичъ былъ, кажется, еще ранѣе нѣсколько знакомъ съ его семействомъ, и послѣ первой встрѣчи очень близко сошелся съ М. Б., когда увидѣвъ въ немъ человѣка, способнаго принять самое дѣятельное участіе въ философскихъ задачахъ, которыми онъ занятъ былъ съ своими друзьями, и стать ему равнымъ товарищемъ. До пріѣзда въ Москву, М. Б. не былъ знакомъ съ нѣмецкой философіей, но по интересу къ отвлеченному знанію и отъ скуки читалъ французскихъ сенсуалистовъ. Станкевичъ указалъ ему, вмѣсто Кондильяка, на Гегеля. «Молодой офицеръ оказался человѣкомъ необычайнаго логическаго ума, — говоритъ біографъ Станкевича, — ума, отличавшагося строго, сжатою діалектикою, и съ врожденными способностями къ философскимъ занятіямъ, способностями, которыя помогали ему легко отрывать живой смыслъ въ самыхъ сухихъ отвлеченностяхъ»¹⁾. Съ этихъ поръ философскія занятія кружка стали еще болѣе ревностны. Новый адептъ философіи пріобрѣлъ въ кружкѣ извѣстный авторитетъ. Станкевичъ въ первое время съ нимъ очень сблизился, между прочимъ и по отношеніямъ къ его семейству. Впослѣдствіи, они разошлись, — по разнымъ личнымъ причинамъ, которыя намъ не вполне ясны, — но въ это время Станкевичъ цѣнилъ и личный характеръ М. Б.²⁾. По отъѣздѣ Станкевича за-границу, М. Б. сохранилъ свое мѣсто въ кругу его друзей, и одно время имѣлъ въ немъ большое значеніе какъ спеціальнѣйшій толкователь отвлеченной гегеліанской мудрости.

Бѣлинскій познакомился съ М. Б., кажется, только въ 1836 году. Особенно они сошлись, когда Бѣлинскій лѣтомъ этого года

¹⁾ Біограф. Станк., стр. 42, 101.

²⁾ Упомянутія о немъ въ перепискѣ Станкевича — стр. 140, 149, 150, 152, 164, 165, 168, 171.

прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ Б—хъ. Это сближеніе въ различныхъ отношеніяхъ имѣетъ свою важность въ біографіи Бѣлинскаго; мы касаемся его настолько, насколько оно можетъ стать предметомъ общаго интереса, и быть доступнымъ для историческаго изложенія.

Семейство Б. принадлежало къ числу рѣдкихъ въ тѣ времена семействъ, гдѣ жизнь не была похожа на обычные нравы помѣщичьяго быта, и гдѣ, напротивъ, были знакомы и цѣнимы умственные и эстетическіе интересы. Въ этихъ семействахъ находило себѣ привѣтливую встрѣчу и приютъ то возникавшее поколѣніе, изъ котораго вышло потомъ (и даже вскорѣ) немало замѣчательныхъ дѣятелей нашего общественнаго просвѣщенія. Гостепріимство, какое встрѣчали здѣсь эти люди, не было тѣмъ, еще не исчезнувшимъ, хлѣбосольствомъ—отъ нечего дѣлать, не было однимъ развлеченіемъ для той и другой стороны; но имѣло болѣе серьезную и привлекательную подкладку въ нравственной симпатіи, въ пониманіи и участіи къ идеальнымъ стремленіямъ новаго поколѣнія. Здѣсь, въ этихъ немногихъ кругахъ, новому зарождавшемуся движенію общественной мысли оказывалось то сочувствіе, какового оно заслуживало и въ какомъ нуждалось, какъ въ поддержкѣ и ободреніи: среди господствующей рутины, слишкомъ чуждой всякимъ новымъ запросамъ, оно не оставалось одинокимъ, и это одно было уже большимъ приобрѣтеніемъ для него... Къ такимъ кругамъ принадлежало и семейство Б.

Мы приводимъ въ примѣчаніи рассказъ Лажечникова, — посторонняго человѣка, видѣвшаго эту жизнь и этотъ кругъ въ то самое время, о которомъ мы говоримъ ¹⁾.

¹⁾ „Въ одномъ изъ уѣздовъ Тверской губерніи есть уголокъ (Пушкинъ нѣкоторое время жилъ близъ этихъ мѣстъ, у помѣщика Вульфа), на которомъ природа сосредотила всю заботливую любовь свою, украсивъ его всѣми лучшими дарами своими, какіе могла только собрать въ странѣ семи-мѣсячныхъ снѣговъ. Кажется, на этой живописной мѣстности рѣка течетъ игривѣе, цвѣты и деревья растутъ роскошнѣе, и болѣе тепла, чѣмъ въ другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Да и семейство, жившее въ этомъ уголкѣ, какъ-то особенно награждено душевными дарами. Зато, какъ было тепло въ немъ сердцу, какъ умъ и талантъ въ немъ разыгрывались, какъ было въ немъ привольно всему доброму и благородному! Художникъ, музыкантъ, писатель, учитель, студентъ или просто добрый и честный человѣкъ, были въ немъ обласканы равно, несмотря на состояніе и рожденіе. Казалось мнѣ, бѣдности-то и отдавали въ немъ первое мѣсто. Посѣтителі его, всегда многочисленныя, считали себя въ немъ не гостями, а принадлежащими къ семейству. Душою дома былъ глава его, патриархъ округа. Какъ хорошъ былъ этотъ величавый, слишкомъ семидесятилѣтній старецъ, съ непокидающею его улыбкой, съ бѣлыми падающими на плечи волосами, съ голубыми глазами, ничего не выдающими, какъ у Гомера, но съ душою, глубоко

Станкевичъ (и его пріятель Ефремовъ), кажется, раньше всѣхъ другихъ членовъ кружка познакомился съ этимъ семействомъ ¹⁾. Затѣмъ мы видимъ тамъ Бѣлинскаго, нѣсколько позднѣе В. Боткина, Кольцова и другихъ лицъ, связаннымъ съ кружкомъ Станкевича. М. Б. былъ старшимъ сыномъ этого семейства, довольно многочисленнаго, и дружескія отношенія съ нимъ главнымъ образомъ вводили въ этотъ кругъ друзей Станкевича. Съ тѣхъ поръ, какъ Станкевичъ и М. Б. приступили, отчасти съобща, къ изученію нѣмецкой философіи въ самыхъ ея источникахъ, это стало отражаться и на Бѣлинскомъ. Онъ самъ мало владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, хотя не разъ дѣлалъ усилія, чтобы овладѣть имъ, — какъ русскій человекъ, Бѣлинскій и не любилъ нѣмецкаго языка, — и потому Станкевичъ и М. Б. по необходимости стали его руководителями въ этой области, т.-е. передавали ему вычитанное и узнанное. М. Б., находившій удовольствіе витать въ отвлеченностяхъ нѣмецкой философіи, вскорѣ получилъ для Бѣлинскаго почти такое же значеніе, какое до тѣхъ поръ имѣлъ Станкевичъ, а по отъѣздѣ послѣдняго за-границу (въ 1837) Бѣлинскій сблизился съ нимъ еще болѣе — хотя между ними никогда не могла установиться такая дружеская привязанность, какая, напр., была у Бѣлинскаго къ Станкевичу. М. Б. дѣйствовалъ на него именно своей теоретической стороною. Въ 1836 году, Бѣлинскій провелъ нѣсколько мѣсяцевъ лѣтомъ и осенью въ деревнѣ Б—хъ, въ Тверской

зрящю, среди молодыхъ людей, въ кругу которыхъ онъ особенно любилъ находиться и которыхъ не тревожилъ своимъ присутствіемъ. Ни одна свободная рѣчь не оставалась отъ его прихода. Въ немъ забывали лѣта, свыкнувшись только съ его добротой и умомъ.

„Онъ учился въ одномъ изъ знаменитыхъ въ свое время итальянскихъ университетовъ, служилъ не долго, не гонялся за почестями, доступными ему по рожденію и связямъ его, дослужился до неважнаго чина, и съ молодыхъ лѣтъ поселился въ своей деревнѣ, подъ сѣнъ посаженныхъ его собственною рукою кедровъ. Только два раза вырывали его изъ сельскаго убожища обязанности по званію губернскаго предводителя дворянства и почетнаго попечителя гимназій. Онъ любилъ все прекрасное, природу, особенно цвѣты, литературу, музыку, и лепетъ младенца въ колыбели, и пожатіе нѣжной руки женщины, и краснорѣчивую тишину могилъ. Чтô любилъ онъ, то любила его жена, умная и пріятная женщина, любили дѣти, сыновья и дочери. Никогда семейство не жило гармоничнѣе.

„Откуда съ какихъ концовъ Россіи, не стекались къ нему посѣтителі! Сюда, вмѣстѣ съ Станкевичемъ, Боткинымъ и многими другими даровитыми молодыми людьми (имена ихъ смѣшались въ моей памяти) не могъ не попасть и Бѣлинскій...“

О патриархѣ этого семейства упоминается, между прочимъ, въ „Перепискѣ“ Востокова, недавно изданной (Спб. 1874, стр. VI). Ср. воспоминанія гр. Соллогуба, въ „Р. Архивѣ“, 1872.

¹⁾ Оно упоминается въ его перепискѣ (изд. Анненковымъ), на стр. 126, 127, 129, (1822?), 137, 146, 147, 149, 263, 315, 351.

губерніи, и это время (подробности котораго, къ сожалѣнію, мало намъ извѣстны) было, повидимому, періодомъ сильнаго броженія въ умѣ и понятіяхъ Бѣлинскаго. Нѣсколько указаній объ этомъ найдетея, впрочемъ, въ письмахъ Бѣлинскаго.

Другую важную сторону новыхъ отношеній Бѣлинскаго составляло то, что въ нихъ явилось съ извѣстнымъ авторитетомъ женское общество. И въ этомъ деревенскомъ молодомъ кругу установился особый тонъ мысли, идеализмъ, стремленіе возвыситься до принципа личную нравственную жизнь; здѣсь также, насколько было возможно, раздѣляли интересы, наполнявшіе кружокъ Станкевича, но естественно было, что когда здѣсь устанавлилась такимъ образомъ общая почва, къ отвлеченнымъ симпатіямъ не замедлило присоединиться и болѣе теплое чувство, которое согрѣвало сухія разсужденія ожиданіемъ полной жизни сердца. Правда, по тогдашнему обычаю кружка, самое чувство получало теоретическую подкладку и иногда почти придумывалось по теоретическимъ соображеніямъ, и эти отношенія вообще кончились только ожиданіемъ, которое никогда не осуществилось; но они успѣли оказать свое мягкое вліяніе, — которое было тѣмъ сильнѣе, что этому очарованію женскаго участія поддавали, въ разное время и въ различной степени не только Станкевичъ, Бѣлинскій, но и другіе ближайшіе друзья ихъ. Станкевичъ при первомъ знакомствѣ Бѣлинскаго съ семействомъ, вѣрно угадывалъ вліяніе, которое оно должно было оказывать на его моральное состояніе ¹⁾.

¹⁾ „Бѣлинскій отдыхаетъ у Б—хъ отъ своей скучной, одинокой жизни, — пишетъ онъ къ своему другу въ концѣ сентября 1836 г. Я увѣренъ, что эта поѣздка будетъ имѣть на него благотворное вліяніе. Полный благородныхъ чувствъ, съ здравымъ, свободнымъ умомъ, добросовѣстный, онъ нуждается въ одномъ только: на опытѣ, не по однимъ понятіямъ, увидѣть жизнь въ ея благороднѣйшемъ смыслѣ; узнать нравственное счастье, возможность гармоніи внутренняго міра съ внѣшнимъ, — гармоніи, которая для него казалась недоступною до сихъ поръ, но которой онъ теперь вѣритъ. Какъ смягчаетъ душу эта чистая сфера кроткой, христіанской семейной жизни! Глубоко понималъ Шиллеръ все лучшее въ Божьемъ твореніи. Мужчина грубъ въ своей добродѣтели, всѣ благородныя порывы души его носятъ какую-то печать цинизма, какую-то жесткость: въ немъ больше стоицизма, нежели христіанства, нежели человѣчества. Только вліяніемъ женщины, вліяніемъ семейныхъ отношеній — это благородное, сильное, но все немного деспотическое чувство долга обращается въ отрадное чувство любви, сознаніе добра — въ непосредственное его ощущеніе. Семейство Б—хъ — идеалъ семейства. Можешь себѣ представить, какъ оно должно дѣйствовать на душу, которая не чужда искры Божіей! Намъ надобно туда ѣздить исправляться...“ Далѣе, Станкевичъ прибавляетъ нѣсколько словъ и о себѣ, показывающихъ, что онъ понималъ довольно хорошо и свою природу: „но я, — говоритъ онъ тотчасъ послѣ приведенныхъ словъ, — я боюсь испортиться... Во мнѣ другой недостатокъ, противоположный недостатку Бѣлинскаго: я слишкомъ вѣрю въ семейное счастье, а иногда съ сердечною болью думаю, что это одно возможное... Мнѣ надобно больше твердости, больше жесткости“ (Переписка Станк., стр. 189—190).

Для Бѣлинскаго отношенія къ этому семейству надолго, даже навсегда остались пріятнымъ воспоминаніемъ. Было бы трудно рассказать теперь подробности этихъ отношеній; они не всегда были ровны; чувство его къ различнымъ членамъ семейства принимало весьма различныя комбинаціи, иногда очень сложныя: отношенія съ М. Б. были въ особенности неровныя, то дружныя, то полемическія, даже совершенно враждебныя (потомъ они кончились почти полнымъ разрывомъ); — но въ цѣломъ, семейство было для него всегда привлекательно, и женскія лица семейства были для него въ ту пору предметомъ идеальнаго поклоненія, и въ послѣдствіи — самаго дружескаго расположенія и вниманія. Женственный элементъ этихъ отношеній производилъ на него настоящее обаяніе: въ періодъ времени, о которомъ мы говоримъ, оно вѣроятно содѣйствовало тому примирительному направленію, какое по другимъ основаніямъ начинало въ 1837 году складываться у Бѣлинскаго; въ личной его біографіи эти отношенія имѣли то особенное значеніе, что это было первое образованное женское общество, съ которымъ онъ сблизился и въ которомъ встрѣтилъ возможность раздѣлить свои мысли и свои идеалы. Если и прежде, когда онъ жилъ дома, за исключеніемъ одной Катерины Петровны И., онъ былъ лишенъ «женскаго призора» и общества, которое было бы наравнѣ съ его понятіями, то въ Москвѣ онъ былъ совершенно одинокъ въ этомъ отношеніи: жизнь была ему знакома въ своихъ элементарныхъ формахъ, но онъ не зналъ женскаго общества, въ средѣ котораго могъ бы явиться со всѣмъ своимъ идеальнымъ содержаніемъ и найти для него сочувствіе. Оттого, безъ сомнѣнія, и была такъ сильна его привязанность къ этому семейству, — гдѣ ему въ первый разъ представилась возможность разумнаго существованія не въ одномъ отвлеченномъ и идеальномъ представленіи, но и въ дѣйствительности...

В. П. Боткинъ (р. въ 1810, ум. 10 октября, 1869) происходилъ изъ московскаго купеческаго семейства¹⁾. Его молодость проходила въ такое время, когда, въ сословіи, которому онъ принадлежалъ, очень мало думали о какомъ-нибудь правильномъ образованіи и дѣловая или торговая практика считалась для молодого человѣка лучшей школой и лучшимъ знакомствомъ съ жизнью. Боткинъ учился въ одномъ пансіонѣ (Кряжева), который сообщилъ ему свѣдѣнія настолько, насколько ихъ давала

¹⁾ До сихъ поръ нѣтъ никакой біографіи Боткина; два некролога („Спб. Вѣд.“, 1869, № 282 и „Моск. Вѣд.“ 1869, № 227) сообщаютъ только очень немногія свѣдѣнія, преимущественно о послѣднихъ годахъ его жизни.

обычная пансіонская программа тѣхъ временъ, но по крайней мѣрѣ Боткинъ узналъ хорошо новѣйшіе языки, что дало ему возможность обратиться въ иностранной литературѣ, которая стала предметомъ его ревностной любознательности. Ученые въ пансіонѣ кончились тѣмъ, что отецъ посадилъ его прикащикомъ въ чайный «амбаръ», гдѣ онъ долженъ былъ проводить цѣлые дни. У него оставались только вечера и свободные промежутки въ лавкѣ: это время Боткинъ употреблялъ для своихъ занятій, за его прилавкомъ всегда были книги: Шекспиръ, Шиллеръ, послѣднія новости французской и нѣмецкой литературы. Такимъ образомъ онъ прежде всего самому себѣ обязанъ былъ своимъ образованіемъ, которое было по тому времени и особенно при его условіяхъ замѣчательно: впоследствии онъ сблизился съ кружкомъ Станкевича, гдѣ онъ занялъ свое особое мѣсто, какъ человѣкъ съ самостоятельно приобретенными свѣдѣніями и серьезнымъ эстетическимъ пониманіемъ. Въ 1835 году Боткинъ отправился за границу, былъ въ Италіи, въ Парижѣ, гдѣ посѣтилъ Виктора Гюго въ качествѣ его поклонника, интересовался общественной жизнью, нравами, литературой.

Когда Боткинъ свелъ знакомство съ Станкевичемъ и БѢлинскимъ, мы съ точностью не знаемъ, но намъ извѣстно изъ собственныхъ словъ БѢлинскаго, что онъ первый завязалъ съ Боткинымъ дружбу, которая привязала Боткина и къ цѣлому кружку. БѢлинскій встрѣтился съ Боткинымъ у Н. С. Селивановскаго, сына извѣстнаго типографа. Селивановскій, человѣкъ университетскаго образованія и съ достаточными средствами, имѣлъ литературные вкусы и любилъ собирать у себя представителей московской литературы: вѣроятно здѣсь БѢлинскій въ самомъ началѣ своей дѣятельности встрѣтился и съ Полевымъ. По разсказу М. П. Б., БѢлинскій съ перваго раза сошелся съ Боткинымъ; черезъ нѣсколько дней они были уже друзьями, на «ты», какъ вообще былъ БѢлинскій со всѣми своими друзьями того времени.

Эта тѣсная дружба продолжалась до конца жизни БѢлинскаго,—съ однимъ перерывомъ ссоры, о которой мы упомянемъ дальше и которая, впрочемъ, не оставила потомъ никакого слѣда въ ихъ отношеніяхъ. Черезъ много лѣтъ по смерти БѢлинскаго, когда напечатаніе одного письма его напомнило Боткину, уже крайне больному, давнопрошедшія времена, онъ, говорятъ, съ чрезвычайнымъ оживленіемъ вспоминалъ о своемъ другѣ, съ которымъ нѣкогда связывала его дѣйствительно нѣжная и внимательно-делikatная привязанность. Кто зналъ Боткина въ послѣдніе годы, когда онъ уже отклонился отъ интересовъ литературы, когда лѣта

взяли надъ нимъ свое, и наконецъ, болѣзнь отразилась на его характерѣ, тотъ не составилъ себѣ вѣрнаго понятія о томъ, чѣмъ онъ былъ въ молодости. Мы знаемъ положительно отъ современниковъ, и читатель убѣдится въ этомъ изъ писемъ Бѣлинскаго, которые будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ, что личность Боткина не одному Бѣлинскому представлялась въ высшей степени симпатичной: съ самимъ Станкевичемъ онъ успѣлъ сойтись очень близко, и по ихъ общимъ интересамъ, и по личнымъ отношеніямъ¹⁾. Человѣкъ съ такими свѣдѣніями, съ такимъ чувствомъ поэтическаго, и съ пониманіемъ серьезнаго содержанія, съ такимъ теплымъ отношеніемъ ко всему, въ чемъ онъ видѣлъ служеніе высшимъ цѣлямъ развитія, былъ бы замѣчательнымъ явленіемъ и въ иныхъ условіяхъ, но въ тогдашнее время и въ тогдашнемъ положеніи самого Боткина, это было явленіе поистинѣ привлекательное. Никогда не дѣлалъ онъ такъ много добра, какъ именно въ то время, когда самъ имѣлъ въ распоряженіи очень немного; онъ всегда готовъ былъ помочь чужому труду своими свѣдѣніями, оказать матеріальную помощь. Бѣлинскаго онъ много разъ спасалъ отъ нужды, а въ то время въ особенности. По отъѣздѣ Станкевича, М. Б. и Боткинъ были ближайшими друзьями Бѣлинскаго: они видѣлись безпрестанно, жили тѣснымъ пріятельскимъ кружкомъ, центромъ которому служила теперь квартира Боткина. Здѣсь по прежнему рѣшались вопросы, занимавшіе друзей, совершался обмѣнъ и ассимиляція мнѣній... Бѣлинскій, можно сказать, нѣжно былъ привязанъ къ Боткину: его привлекала и симпатичная мягкость его манеры и любовь къ искусству, и, наконецъ, его умѣнье понимать и обращаться съ вещами практической жизни—чего былъ совершенно лишенъ Бѣлинскій и отсутствіе чего онъ считалъ однимъ изъ своихъ бѣдственныхъ недостатковъ. Въ 1837 г., болѣе тѣснымъ образомъ сблизились эти двое друзей Бѣлинскаго, и онъ (въ письмѣ отъ 16-го августа) высказываетъ М. Б.—у свою радость этому обстоятельству и свое чувство къ Боткину: «Очень радъ, что ты болѣе и болѣе сходишься съ Вас. Петр. Признаюсь въ грѣхѣ: меня радуетъ мысль, что я первый понялъ этого человѣка и понималъ такъ, что дальнѣйшее съ нимъ знакомство ничего не прибавило къ моему о немъ мнѣнію... Его безконечная доброта,

¹⁾ Въ одномъ письмѣ изъ-за границы (неизданномъ) къ Боткину, онъ говоритъ: ... „Ты вѣрно давно знаешь, что я тебя люблю и что ты принадлежишь къ немногимъ людямъ внѣ моего семейства, дѣлающимъ мнѣ возвращеніе въ Россію пріятнымъ“ и проч.

его тихое упоеніе, съ какимъ онъ въ разговорѣ называетъ того, къ кому обращается, его ясное, гармоническое расположеніе души во всякое время, его всегдашняя готовность къ воспринятію впечатлѣній искусства, его совершенное самозабвеніе, отрѣшеніе его отъ своего я—даже не производить во мнѣ досады на самого себя: я забываюсь, смотря на него. Онъ шелъ по ложному пути; встрѣтилъ людей, которые лучше его понимали истину, и тотчасъ призналъ свои ошибки, не почитая себя нисколько чрезъ это униженнымъ. Меня особенно восхищаетъ въ немъ то, что у него внѣшняя жизнь не противорѣчитъ внутренней, что онъ столько же честный, сколько и благородный человѣкъ... По дѣламъ торговли, онъ смотритъ на свои отношенія къ отцу, какъ на отношенія прикащика въ лавкѣ къ своему хозяину. Да, это единственный способъ быть независимымъ отъ внѣшней жизни и людей,—быть вполнѣ свободнымъ. Гармонія внѣшней жизни человѣка съ его внутреннею жизнью есть идеалъ жизни, и только въ Васильѣ нашелъ я осуществленіе этого идеала. Онъ умѣетъ отказать себѣ во всемъ, исполненіе чего вовлекло бы его въ обязательство и зависимость отъ людей; онъ не займетъ денегъ для своихъ издержекъ, даже похвальныхъ — и входитъ въ долги для того, чтобы помочь негодяю, своему пріятелю». Въ послѣднихъ словахъ БѢлинскій хотѣлъ осудить свою собственную непрактичность.

Обратимся къ внѣшней жизни БѢлинскаго.

Матеріальное положеніе его, по выходѣ изъ университета, было вообще неблестящее. Сначала онъ думалъ было искать какого-нибудь казеннаго мѣста, хотя бы самого скромнаго; когда попытки эти не удались, БѢлинскій оставилъ эти планы и сталъ думать исключительно о литературной дѣятельности. Онъ жилъ сперва у своихъ родственниковъ И., и, повидимому, сильно нуждался.

Выше было упомянуто, что время исключенія БѢлинскаго изъ университета не совѣтъ ясно. Или исключеніе совершилось еще позже, чѣмъ мы полагали, или извѣстіе о томъ поздно дошло къ роднымъ, но въ письмахъ изъ дома объ его исключеніи говорится только въ половинѣ 1833 года. Такъ, братъ его Константинъ, въ письмѣ отъ іюля 1833 г. огорчается выключеніемъ БѢлинскаго, и радуется, что онъ познакомился съ Надеждинымъ и началъ дѣлать переводы для «Телескопа». Въ то же время мать БѢлинскаго сокрушалась его исключеніемъ и объясняла это тѣмъ, что сынъ не имѣетъ истинной вѣры и надежды на Бога, — со-

вѣтуеть ему больше ходить въ церковь и оставить «модныя фортуны». Въ теченіе 1833 года въ письмахъ повторяются сожалѣнія, что Бѣлинскій терпитъ нужду и все еще «безъ должности».

Въ январѣ 1834 до семьи доходятъ болѣе благопріятныя извѣстія о Виссаріонѣ, между прочимъ извѣстіе, что онъ собирався ѣхать въ Петербургъ. Въ іюнѣ и въ іюлѣ домашніе радуются, узнавъ, что у Бѣлинскаго есть «хорошія кондиціи», т.-е. частные уроки—въ это время онъ уже не живетъ у своихъ родственниковъ И. Въ концѣ 1834 упоминается въ письмахъ, что Бѣлинскій живетъ у профессора Надеждина на готовомъ содержаніи (Надеждинъ жилъ тогда, по словамъ Прозорова, въ домѣ Самаринныхъ, у Страстнаго монастыря). Личныя отношенія Надеждина къ Бѣлинскому мало пока извѣстны: вѣроятно Надеждинъ съ самаго начала знакомства, увидѣлъ въ Бѣлинскомъ талантливаго человѣка и принялъ участіе въ его положеніи; но есть свѣдѣнія, что въ его отношеніи къ Бѣлинскому не было большой симпатіи—что онъ смотрѣлъ на Бѣлинскаго съ высоты своего ученаго величія, а впослѣдствіи относился къ нему, повидимому, и совсѣмъ не дружелюбно. Такой недостатокъ настоящаго сочувствія не былъ бы удивителенъ: это были двѣ натуры слишкомъ несходныя; какъ умный человѣкъ, Надеждинъ не могъ не оцѣнить встрѣченнаго имъ дарованія, но ему, по всему его характеру, не могла быть симпатична природа Бѣлинскаго, вся состоявшая изъ энтузіазма и неподдѣльнаго увлеченія, и совершенно чуждая житейскаго благоразумія и расчета... У Надеждина былъ сильный умъ, но это былъ умъ холодный; онъ давно уже пересталъ увлекаться (если когда увлекался); онъ цѣнилъ талантъ, но былъ очень равнодушенъ къ энтузіазму Бѣлинскаго; окружавшую жизнь онъ понималъ очень рано, и люди, знавшіе Надеждина еще съ тѣхъ поръ, замѣчали намъ, что и тогда въ Надеждинѣ связывался холодный индифферентизмъ и что для него совершенно естественъ былъ переходъ отъ изданія его журнала къ позднѣйшей его дѣятельности... Бѣлинскій въ первое время, очень для него бѣдственное, возлагалъ большія ожиданія на издателя «Телескопа»; но впослѣдствіи, кажется, сильно поохладѣлъ къ нему. Въ письмѣ матери Бѣлинскаго, отъ іюля 1834, упоминаются слова Бѣлинскаго, что онъ надѣется на него какъ на каменную гору, но мать совѣтуеть сыну не надѣяться ни на князя, ни на «барина», ни на сына человѣческаго, а на Спасителя и на угодниковъ...

Въ началѣ 1835 г., къ Бѣлинскому пріѣхали оба его брата: одинъ рассчитывалъ найти въ Москвѣ службу; другого отецъ при-

сылать на руки Бѣлинскому—ему надо было дать воспитаніе и приготовить его въ университетъ. Первый, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вернулся опять домой, не нашедши себѣ мѣста; второй, Никаноръ, крайне испорченный юноша, нѣсколько лѣтъ оставался на рукахъ Бѣлинскаго и до сороковыхъ годовъ былъ для него предметомъ тяжелой заботы: всѣ его старанія исправить брата были напрасны...

- Бѣлинскій, послѣ «Литературныхъ Мечтаній», началъ писать очень много для «Телескопа» и «Молвы», — но денежные его обстоятельства продолжали быть очень тягостны. Сколько времени онъ прожилъ у Надеждина, не знаетъ; но кажется недолго; онъ переселился потомъ на свою квартиру, гдѣ съ нимъ жили его братъ и племянникъ. Дальше, мы найдемъ рассказъ объ этихъ обстоятельствахъ въ его собственныхъ письмахъ: друзья по возможности выручали его,—но, кажется, не всегда одни обстоятельства были виноваты: Бѣлинскій никогда не отличался, такъ называемой «практичностью», и даже когда представлялась нѣкоторая возможность, не могъ никакъ справиться съ своими дѣлами...

Мы упоминали о «кондиціяхъ», которыя имѣлъ Бѣлинскій еще въ половинѣ 1834 г.; «Литературныя Мечтанія» (какъ рассказываетъ Прозоровъ) доставили ему выгодные уроки, такъ что онъ, по недостатку времени, уже отказывался отъ предлагаемыхъ ему вновь. Въ это время онъ, между прочимъ, давалъ уроки К. Д. К.—ину, который сохранилъ хотя немногіе, но характеристическія воспоминанія о Бѣлинскомъ этого времени.

К. Д. К.—нъ готовился тогда поступить въ университетъ, Бѣлинскій былъ рекомендованъ его отцу кн. А. А. Ч.—скимъ, и явился къ К.—мъ въ качествѣ учителя русскаго языка и словесности, исторіи и географіи. Уроки продолжались нѣсколько мѣсяцевъ; сначала учитель ходилъ правильно, потомъ сталъ пропадать недѣлями. «Училъ онъ меня плохо,—рассказываетъ К. Д. К.: задавалъ по книжкѣ, выслушивалъ разсѣянно, безъ дополненій и поясненій (—на одномъ урокѣ, когда мы были вдвоемъ, онъ мнѣ по секрету объявилъ, что-де Екатерина II вовсе не была такая великая и безупречная женщина, какъ объ ней рассказываютъ: это произвело на меня очень сильное впечатлѣніе—), и наконецъ предоставилъ меня собственной судьбѣ, говоря, что я юноша умный и съ учебникомъ справлюсь самъ. Но насколько онъ былъ плохой педагогъ, мало знающій предметъ, которому училъ, настолько онъ благотворно дѣйствовалъ на меня возбужденіемъ умственной дѣятельности, умственныхъ интересовъ, уваженія и любви

въ знанію и нравственнымъ принципамъ. Мы занимались съ нимъ больше разговорами, въ которыхъ не было ничего педагогическаго въ школьномъ смыслѣ, и я только по счастливой случайности не провалился на экзаменѣ; но эти разговоры оставили во мнѣ гораздо больше, чѣмъ детальное и аккуратное знаніе учебника и руководства». Для объясненія К. Д. К. указываетъ страшную пустоту жизни того помѣщичьяго круга, въ которомъ онъ росъ, — отсутствіе всякихъ умственныхъ стремленій, крѣпостные нравы, дворянское чванство, ежедневную жизнь, наполненную мало искренними родственными отношеніями, занятую микроскопическими интересами, сплетнями своего кружка и т. д. «Для юноши эта среда была заразой, и тѣ, которые въ ней не ополѣли и изъ нея выдрались, были обязаны, подобно мнѣ, тѣмъ струйкамъ свѣта, которыя контрабандой врывались, чрезъ Бѣлинскаго и ему подобныхъ, въ эту тьму и болото. До сихъ поръ тоскливо становится, когда вспомнишь объ этой обстановкѣ...»

«Въ чемъ собственно состояли наши разговоры, этого я рѣшительно не помню... Вообще, критическое отношеніе ко всей оуружающей меня дѣйствительности, соціальной, религіозной и политической, благодаря Бѣлинскому, во мнѣ засѣло, хотя въ очень наивной, неопредѣленной и мечтательной формѣ... Неопредѣленные стремленія были и прежде во мнѣ, но теперь, благодаря Бѣлинскому, путь ихъ былъ намѣченъ». Послѣ этого знакомства, относившагося именно къ первому періоду развитія Бѣлинскаго, К. Д. К. (до позднѣйшаго тѣснаго сближенія въ сороковыхъ годахъ) очень рѣдко видывалъ Бѣлинскаго, и вспоминаетъ свои встрѣчи съ нимъ въ Москвѣ, которыя надо отнести къ послѣдующему періоду мятежнѣйшаго Бѣлинскаго (конецъ 30-хъ годовъ). «Встрѣчи эти я помню очень живо, — рассказываетъ К. Д. К., — хотя и не могу возстановить ихъ хронологіи. Одна, описанная съ дипломатическою точностью Панаевымъ¹⁾, была на Арбатской улицѣ. Я бросился его обнимать и цѣловать, но онъ меня оттолкнулъ, потому что не любилъ ребяческихъ изліяній любви. Другой разъ (помнится, прежде этого трагическаго для меня событія) онъ зазвалъ меня къ себѣ обѣдать... Въ это посѣщеніе, онъ, какъ мнѣ теперь ясно, былъ подъ сильнымъ вліяніемъ гегельянскихъ идей, въ томъ направленіи, которое привело его потомъ къ «Бородинской Годовщинѣ». Въ это посѣщеніе Бѣлинскій, указывая мнѣ на карту Европы, объяснялъ, что рядомъ съ протестантскою культурой, наукой, искусствомъ въ Берлинѣ, возни-

¹⁾ Въ его „Литературныхъ Воспоминаніяхъ“.

жаетъ другой центръ католической культуры, философіи, искусства въ Мюнхенѣ. Онъ какъ будто считалъ ихъ равноправными. Такихъ путемъ дошелъ онъ и до «поэзіи покорности».....

Въ маѣ 1835 года Надеждинъ оставилъ службу въ университетѣ. Онъ собирался за-границу и передавалъ, на время своего отсутствія, изданіе журнала Бѣлинскому и его друзьямъ ¹⁾, или кружку Станкевича. Бѣлинскій ревностно принялся за дѣло, и вліяніе новой редакціи не замедлило обнаружиться на журналѣ. Бѣлинскій дѣйствительно, какъ замѣчаетъ біографъ Станкевича, тотчасъ превратилъ «Телескопъ» изъ эклектическаго, поверхностнаго и какъ-то беззаботно-умнаго журнала въ критическій журналъ съ опредѣленнымъ эстетическимъ взглядомъ. Цѣлью журнала поставлено было опредѣлить, по понятіямъ кружка, тогдашнее состояніе литературы, преслѣдовать рутину и вредную претензію, и объяснить истинныя требованія литературы, указать явленія, въ которыхъ совершается ея здоровое развитіе. Главнымъ образомъ, или почти исключительно, эта цѣль выполнялась статьями самого Бѣлинскаго. Участіе Станкевича заявлено было переводной статьёй о философіи Гегеля (Вильма), помѣщенной въ нѣсколькихъ книжкахъ «Телескопа» (1835, № 13—15). Красовъ, Кольцовъ, К. Аксаковъ (подъ псевдонимомъ К. Эврипидина) доставили нѣсколько стихотвореній. Но всего больше придавали интересъ журналу статьи Бѣлинскаго: большая статья о русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя, критическія статьи о стихотвореніяхъ Баратынскаго, Бенедиктова, наконецъ о стихотвореніяхъ Кольцова, которыя только-что изданы были тогда Станкевичемъ ²⁾.

«Телескопъ» и «Молва» оставались на рукахъ Бѣлинскаго около полугода: отъ мая или іюня до декабря онъ издалъ шесть книжекъ (отъ 7-й до 12-й); журналъ, запоздавшій и до Бѣлинскаго,

¹⁾ «Надеждинъ,—пишетъ Станкевичъ въ своему другу, въ апрѣлѣ 1835.—отъѣзжая за-границу, отдастъ мнѣ „Телескопъ“; постараемся изъ него сдѣлать полезный журналъ, хотя для иногороднихъ. По крайней мѣрѣ, будетъ отпоръ „Библіотекѣ“ и страннымъ критикамъ Ш...» (Шевырева). Въ письмѣ отъ 1 іюня: «Надеждинъ передаетъ свой „Телескопъ“ Бѣлинскому, ... а мы по немногу всѣ станемъ ему помогать... Разумѣется, что я не стану тратить времени на „Телескопъ“. Но каждое воскресенье мнѣ остается два-три часа свободныхъ, въ которые я могу заняться для него; кромѣ того, мы всегда будемъ обществомъ совѣщаться о журналѣ». Въ половинѣ іюня: «Въ „Телескопѣ“ я принимаю не самое дѣятельное участіе"... Переписка Станкевича, стр. 133, 135, 141, также 149, 162.

²⁾ «Мы издаемъ стихотворенія Кольцова»—пишетъ Станкевичъ въ мартѣ 1835,—разумѣя, конечно, главнымъ образомъ Бѣлинскаго. По отъѣздѣ его изъ Москвы, изданіе велѣ Бѣлинскій.

не былъ имъ доведенъ до полного числа книжекъ; «Молва» также запоздала, — и причину этого замедленія указываютъ въ малой опытности Бѣлинскаго въ журнальномъ хозяйствѣ (ему, кажется, просто не было оставлено достаточно средствъ на издержки по журналу). Недоданные книжки изданы были уже въ слѣдующемъ году самимъ Надеждинымъ, — который, впрочемъ, остался, кажется, доволенъ тѣмъ, что было сдѣлано въ «Телескопѣ» безъ него. Объявляя въ журналѣ (въ декабрѣ 1835) о своемъ возвращеніи, Надеждинъ говорилъ, что замедленіе въ выходѣ книжекъ произошло отъ обстоятельствъ, которыхъ невозможно было ни предвидѣть, ни отвратить; что съ его стороны были приняты всѣ мѣры къ продолженію «Телескопа» и «Молвы» въ его отсутствіе; наконецъ, что онъ «даже ласкаетъ себя надеждою, что и сами читатели по вышедшимъ книжкамъ и листамъ отдадутъ справедливость добросовѣстности сихъ мѣръ» — т.-е. выбранной имъ на то время редакціи.

Такимъ образомъ въ 1836шло двойное изданіе «Телескопа» и «Молвы» — книжекъ, недоданныхъ за прошлый годъ, и новыхъ. «Молва» присоединилась къ самому журналу и стала какъ бы новымъ отдѣломъ его. Въ «Телескопѣ» помѣщались, какъ прежде, крупныя статьи по наукамъ, «изящной словесности», критикѣ, и «смѣсь»; — въ «Молвѣ» — библіографія, статьи о театрѣ, замѣтки и новости. Въ послѣднихъ нумерахъ «Телескопа», за 1835 годъ, составленныхъ видимо наскоро, Бѣлинскій помѣстилъ только мелкія журнальныя замѣтки (Соч. I, стр. 477 и слѣд.) и статью объ «Опытѣ системы нравственной философіи» Дроздова. Послѣдній томъ за 1835 годъ вышелъ только въ октябрѣ 1836 года.

Затѣмъ, въ книжкахъ «Телескопа» за 1836 годъ появился новый рядъ статей Бѣлинскаго: въ первыхъ четырехъ нумерахъ напечатанъ былъ отчетъ издателя «Телескопа» за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы, какъ будто за время отсутствія редактора; въ 5—6 нумерахъ обширная статья о критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ «Московского Наблюдателя», т.-е. собственно Шевырева, который передъ тѣмъ значительно потерпѣлъ и отъ самого Надеждина, разбиравшаго ученыхъ образомъ его «Исторію поэзіи».

«Молва» съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1834 года была вообще наполнена статьями Бѣлинскаго, особенно же въ 1835 и 1836; только къ концу изданія статьи Бѣлинскаго становятся въ ней рѣже. Между прочимъ, въ «Молвѣ» (при № 7 и 13) помѣщены были любопытные отзывы Бѣлинскаго о двухъ вышедшихъ тогда книжкахъ Пушкинскаго «Современника».

Журналъ Надеждина начиналъ оживляться новыми силами. Въ 10 № помѣщена была статья Искандера «Гоффманъ» (написанная въ 1834): авторъ, впервые выступавшій здѣсь на литературное поприще, былъ, правда, членомъ другого лагеря, но на этотъ разъ выбранный имъ предметъ и отношеніе къ нему были вполне симпатичны кружку Бѣлинскаго и Станкевича, для которыхъ Гоффманъ былъ великимъ учителемъ въ дѣлѣ искусства; не могло не быть симпатично и изложеніе, въ которомъ уже сказывался будущій блестящій талантъ. Статья, посланная Искандеромъ изъ его отдаленнаго мѣста жительства, была предоставлена «Телескопу» однимъ изъ общихъ друзей того и другого кружка, — который потомъ содѣйствовалъ и личному сближенію Искандера съ друзьями Бѣлинскаго. Далѣе, въ первыхъ нумерахъ этого года помѣщены первыя повѣсти Кудрявцева, который скрывался тогда подъ буквами А. Н.: «Катинька Пылаева, моя будущая жена», «Антонина», «Двѣ страсти» (№№ 4, 6, 11): повѣсти Кудрявцева чрезвычайно нравились тогда Бѣлинскому, какъ и самъ авторъ возбуждалъ въ немъ самое теплое сочувствіе. Въ то же время явились въ «Телескопѣ» и первыя труды Боткина: ему принадлежатъ статья «Русскій въ Парижѣ (1835). Изъ путевыхъ записокъ» (№ 14, стр. 231—247) и, кажется, еще рядъ мелкихъ библиографическихъ статей и замѣтокъ въ «Моавѣ», подъ буквами Б. В.

Къ сожалѣнію, намъ мало извѣстны подробности объ изданіи «Телескопа» и отношеніяхъ Надеждина къ Бѣлинскому: по крайней мѣрѣ, Бѣлинскому давалось просторное мѣсто въ журналѣ, и достаточно благого обзора, чтобы видѣть, какое оживленіе придавали изданію критическія статьи самого Бѣлинскаго и его начинавшіяся личныя связи. Образчикомъ отношеній между самими друзьями, издававшими «Телескопъ» въ 1835 г., можетъ служить, напр., шутовое письмо Станкевича къ Красову: Станкевичъ переводилъ для журнала статью Вильма о Гегелѣ, запоздалъ прислать ее и поручаетъ Красову выпросить ему прощеніе у Бѣлинскаго ¹⁾. Въ

¹⁾ «Получивъ мое письмо, — пишетъ Станкевичъ (въ маѣ 1836) — надѣнь шапку набокъ и иди къ Бѣлинскому. Пришедши, скидай шапку и за меня кланяйся ему въ ноги и проси прощенія; не прежде какъ получишь прощеніе, изъясни ему мой проступокъ, а въ чемъ онъ состоитъ, тому слѣдуютъ пункты: 1) обѣщалъ я ему окончить статью о Гегелѣ и прислать съ первою почтой изъ деревни и отложилъ нужный для этого № „Revue Germanique“; 2) Иванъ забылъ взять его; 3) я не перевелъ статьи — фрр! громъ, буря, молнія, дождь, т. е. Бѣлинскій, наконецъ, плюетъ и буря утихаетъ — отдаленные раскаты грома, послѣдній ропотъ, тишина. — Пусть окончатъ кто-нибудь изъ людей образованныхъ: Мишель, Аксаковъ или Ефр.. А я не стану писать къ Виссаріону, пока не пройдетъ буря, т. е. до слѣдующей почты“... (Переп. Станк., стр. 171).

письмѣ къ своему петербургскому другу, Станкевичъ опровергаетъ слухъ, выдававшій его за цензора статей Бѣлинскаго: «Не знаю, откуда эти чудные слухи заходятъ въ Питеръ? я—цензоръ Бѣлинскаго? Напротивъ, я самъ свои переводы, которыхъ два или три въ «Телескопѣ», подвергалъ цензору Бѣлинскаго, въ отношеніи русской грамоты, въ которой онъ знатокъ, а въ мнѣніяхъ всегда готовъ съ нимъ посоветоваться и очень часто послѣдовать его совѣтамъ». Разговоръ о цензурѣ Станкевича произошелъ, кажется, по тому поводу, что въ петербургскомъ кругу его пріатели не одобряли статьи Бѣлинскаго о Бенедиктовѣ, находя слишкомъ рѣзкими его приговоры противъ поэта и противъ его восхвалителей и вѣроятно винили при этомъ и Станкевича за неумѣренность статьи. «Конечно, — пишетъ Станкевичъ, — его (т.-е. Бѣлинскаго) выходка неосторожна, но не болѣе; онъ хотѣлъ напасть на способъ составлять репутацію и оскорбилъ человѣческую сторону Бен—ва. Я ему это скажу ¹⁾». Замѣтимъ здѣсь естатѣ, что Станкевичу вообще не совсѣмъ нравилась полемическая рѣзкость Бѣлинскаго, и это дало поводъ упомянутому выше историку этого времени видѣть въ отвращеніи Станкевича къ полемикѣ его «примирительныя» наклонности, которыми онъ извращалъ стремленія Бѣлинскаго. Но на дѣлѣ Станкевичъ ни сколько не измѣнилъ *этой* черты Бѣлинскаго—рѣзкой опредѣленности его мнѣній (каковы бы они ни были въ разное время), изъ которой и происходила рѣзкость его литературныхъ споровъ; а съ другой стороны, мягкость Станкевича не была вовсе одной сентиментальностью или равнодушіемъ къ тому, что волновало Бѣлинскаго, но имѣла и свои основанія, какъ въ приведенномъ сейчасъ случаѣ. Станкевичъ находилъ, что въ осужденіи Бенедиктова, какъ писателя, была оскорблена его «человѣческая сторона» — и въ этомъ смыслѣ, конечно, онъ былъ бы правъ, не одобряя рѣзости Бѣлинскаго. Защита принципа, опроверженіе ложнаго понятія, художественнаго недостатка вовсе не требуетъ оскорбленія «человѣческой стороны»; — если эта сторона сама по себѣ не представляетъ ничего дурнаго, то она и вовсе должна оставаться неприкосновенной въ литературномъ спорѣ. Самый вопросъ, о которомъ шло тогда дѣло (то или другое достоинство стихотвореній Бенедиктова), могъ казаться Станкевичу не настолько важнымъ, чтобы при этомъ страдало личное достоинство человѣка, за которымъ не было извѣстно ничего дурнаго...

Съ выходомъ послѣдней книги «Телескопа» за 1835 годъ,

¹⁾ Переп., стр. 200.

и шестнадцатой книги за 1836 (это было въ октябрѣ)—ожинилось неожиданно и существованіе журнала. Въ 15-й книгѣ напечатано было знаменитое «Философическое письмо» Чаадаева. Извѣстная исторія послѣдовала не вдругъ. Надеждинъ послѣ 15-й книги успѣлъ издать еще 16-ую, а послѣдній томъ 1835 года вышелъ, повидимому, еще позднѣе. Цензурная помѣта 14-й и 15-й книгъ 1836 года—13 сентября, 16-й книги—30 сентября; а при послѣднемъ томѣ 1835 года приложено объявленіе «Отъ издателя», гдѣ онъ снова извиняется въ замедленіи изданія недоданныхъ книжекъ прошлаго года, которое теперь имъ окончено;—это объявленіе помѣчено 20 октября 1836 года. Судьба съ ея обычной «ироніей» подшутила надъ этимъ объявленіемъ: издатель, указывая публикѣ трудъ, каковаго ему стоило двойное изданіе «Телескопа» въ этомъ году, выражалъ надежду, что публика оцѣнитъ его, и никто не упрекнетъ издателя въ недостаткѣ дѣятельности. «Сверхъ того, — заключалъ Надеждинъ, — время еще впереди. Посвятивъ себя труду, издатель надѣется загладить прошедшее будущемою неутомимою дѣятельностью. Man kann, was man will!»

Въ этомъ онъ очень ошибся. «Телескопъ» рухнулъ. Какъ извѣстно, «Телескопъ» шелъ плохо въ 1836 году; Надеждинъ хотѣлъ какъ-нибудь поправить дѣло и употребилъ чаадаевскую статью какъ героическое средство: онъ хотѣлъ или «оживить свой дремлющій журналъ, или похоронить его съ честью». «Телескопъ» и пришлось похоронить. Бѣлинскій, повидимому, нисколько не участвовалъ въ этомъ рѣшеніи; его и не было въ Москвѣ въ это время,—онъ жилъ въ деревнѣ у Б—хъ¹⁾; Чаадаева онъ не зналъ, и познакомился съ нимъ уже гораздо позднѣе. Такимъ образомъ, катастрофа произошла безъ него, — но, конечно, должна была произвести большой переполохъ въ кружкѣ и отразилась на Бѣлинскомъ. Онъ потерялъ помѣщеніе для своихъ работъ; — кромѣ того, исторія съ журналомъ за дѣла рикшотетомъ и его. Вѣроятно, извѣщенный о судьбѣ журнала, онъ возвращался въ Москву. У самой заставы онъ былъ остановленъ и свезенъ къ полиціимейстеру: его ожидалъ допросъ, какъ одного изъ ближайшихъ участниковъ журнала. Бѣлинскій былъ, конечно, перепуганъ; на бѣду его полиціимейстера не было дома, и Бѣлинскій долженъ былъ прождать его до трехъ часовъ ночи. Впрочемъ, дѣло ограничилось нѣсколькими не важными

¹⁾ Станкевичъ пишетъ къ Н—ву отъ 21 сентября, что Бѣлинскій живетъ у Б—хъ; затѣмъ, отъ 19 октября, пишетъ опять: „Бѣл. и Ефр. въ гостяхъ“ и проч. Переписка, стр. 139, 201.

вопросами, и Бѣлинскій былъ отпущенъ домой. Едва ли можно приписать случаю, что переписка Бѣлинскаго, — насколько мы могли собрать о ней свѣдѣнія, — сохранилась только начиная съ 1837 года: до этого года мы почти не находимъ его писемъ.

Запрещеніе «Телескопа» совершенно разстроило матеріальныя обстоятельства Бѣлинскаго. Работа въ журналъ была его единственнымъ средствомъ къ существованію, — и, кажется, даже единственнымъ возможнымъ: онъ такъ былъ поглощенъ начатой имъ литературной дѣятельностью, что всякій другой трудъ былъ для него немислимъ; если и прежде онъ, давая уроки, былъ плохимъ педагогомъ, то теперь былъ бы вѣроятно еще хуже. Положеніе его было безвыходное. Мы скажемъ дальше объ его попыткахъ найти помѣщеніе для своего труда, — не имѣвшихъ, впрочемъ, никакого результата въ теченіе 1837 года, и обратимся опять къ его внутренней исторіи.

1836 годъ былъ для Бѣлинскаго одинъ изъ наиболѣе тревожныхъ въ его вообще тревожной жизни. Интересы, развившіеся въ немъ и сильно поддержанные кружкомъ друзей, овладѣвали имъ съ такою силой, что все его существованіе было охвачено безпокойнымъ иссканіемъ той истины, какая мелькала ему въ вопросахъ философіи и искусства. Большимъ заблужденіемъ было бы думать, какъ это нѣкоторымъ казалось, чтобъ эта жизнь, посвящаемая размышленію и поэзіи, занятая бесѣдами въ дружескомъ кругу, въ самомъ дѣлѣ была похожа на эстетическое эпикурейство, которое улаживаетъ себя поэтическими восторгами, довольное собою и не заботясь ни мало о дѣйствительности, — вовсе не поэтической и не усадительной. Бывали, конечно, минуты подобнаго самодовольства, когда друзья, успокоившись разъ на какомъ-нибудь порѣшенномъ принципѣ, увлекаясь какимъ-нибудь вновь узаннымъ поэтическимъ произведеніемъ, дѣлались между собою новыми наслажденіями, — смотрѣли на «толпу» съ сознаниемъ собственнаго превосходства, и съ безучастіемъ къ тому, что творилось кругомъ ихъ. Но вообще, «эпикурейство» ихъ было очень сомнительно: для серьезныхъ и искреннихъ членовъ кружка это была работа, по внѣшности только легкая, но далеко не всегда веселая и успокоительная. Отвлеченныя размышленія становились мучительны, когда имъ не видѣлось удовлетворяющаго разрѣшенія; вопросы дѣлались обязательны, неизбежны, — и понимаемые со всѣмъ искреннимъ увлеченіемъ, становились вопросами жизни, по нимъ эти люди судили о самихъ себѣ, о своемъ нравственномъ состояніи, задавали себѣ моральныя задачи, иногда

неразрѣшимыя, и то, что казалось бы только пріятнымъ препровожденіемъ времени, было на дѣлѣ тяжкимъ трудомъ. Такъ именно это и было съ БѢлинскимъ,—и, конечно, ни у кого изъ друзей эта внутренняя работа не сопровождалась такими мучительными настроеніями, какъ именно у него.

Трудно разсказать съ полной послѣдовательностью внутреннюю исторію БѢлинскаго, ходъ развитія его мнѣній до той поры, когда у него надолго установился консервативный взглядъ, главнымъ образомъ внушенный гегеліанствомъ кружка. Печатныя сочиненія БѢлинскаго передаютъ только очень неполно эту внутреннюю исторію; онѣ представляютъ, во-первыхъ, только одну, собственно эстетическую и литературную сторону его мнѣній и ограничены условіями печати; во-вторыхъ, даютъ только результатъ, принимаемый имъ въ данную минуту: внутренній процессъ образованія взглядовъ автора остается скрытъ для читателя. Наконецъ БѢлинскій въ печати и самъ значительно сдерживалъ себя: съ публикой, онъ говорилъ другимъ, менѣе энергическимъ языкомъ, чѣмъ тотъ, какимъ онъ говорилъ съ своими друзьями.

Въ высокой степени любопытнымъ матеріаломъ для этой внутренней біографіи служатъ вообще письма БѢлинскаго. Но для періода, который насъ теперь занимаетъ (1834—1836), и этотъ матеріалъ имѣетъ большой пробѣлъ. Письма, которыя намъ удалось собрать въ нашихъ поискахъ, начинаются почти только съ 1837 года: могло быть, что до этого времени писемъ и не было много, такъ какъ друзья въ первое время мало разлучались,—но во всякомъ случаѣ переписка не полна (это можно видѣть изъ самыхъ писемъ), и о времени до 1837 года мы можемъ извлечь изъ нея только ретроспективныя указанія, когда писавшему случалось вспоминать прошлое и обсуждать его.

Переписка БѢлинскаго, которою мы имѣли возможность пользоваться, довольно обширна. Натура, въ высокой степени открытая, искренняя, экспансивная съ близкими людьми, БѢлинскій любилъ бесѣдовать съ друзьями, и иногда самъ шутя жаловался на свою привычку писать длинныя обстоятельныя письма. Потребность высказываться и провѣрять себя, естественно, была всего сильнѣе именно въ ту пору, когда шло сильнѣйшее броженіе, и разлучаясь съ друзьями, когда между ними оставался невыясненнымъ какой-нибудь предметъ, когда въ его умѣ и душѣ волновались новые вопросы, онъ писалъ имъ обширныя посланія, цѣлыя тетради, и подробно разсказывалъ свои мысли и ощущенія. Нѣкоторыя письма его къ Боткину, Станкевичу и др. занимаютъ десятки листовъ; одно письмо къ Станкевичу, писанное

въ 1839 году, могло бы составить цѣлую книжку. Такимъ образомъ, въ письмахъ 1837 года находятся нѣкоторые разъясненія и для предыдущаго времени.

Разъ попавши на философскую постановку вопросовъ,—а она была приведена условіями ихъ образованія,—друзья уже не могли ее покинуть. Они были въ заколдованномъ кругу идеализма, и нужно было исчерпать, пережить его, чтобы освободиться изъ него для другихъ взглядовъ. Странно было бы обвинять ихъ за это. И въ томъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ они владѣли въ 1834—37 нѣмецкой философіей, ихъ понятія становились уже для тогдашней литературы важной образовательной силой,—именно потому, что ихъ стремленія получили здѣсь великую опору логическаго метода, и хотя въ ихъ изученіяхъ и не было школьной учености, но они внесли въ нихъ собственную упорную работу надъ возникавшими вопросами и всю искренность чувства. Именно этимъ, они и стали съ самаго начала цѣлой головой выше школьнаго доктринерства, которое и опрокинулось на нихъ съ озлобленіемъ, и выше рутинной литературы... Мудрено также разбирать, кому изъ друзей кружка благопріятствовали и кому нѣтъ внѣшнія матеріальныя условія, и дѣлать изъ этого выводы объ ихъ мнѣніяхъ. Можно положительно сказать, что эти соображенія не имѣли въ ту пору никакого вліянія на то или другое направленіе ихъ мыслей; ни «барство» Станкевича, ни бѣдность Бѣлинскаго не заставили ихъ иначе смотрѣть на вещи, на дѣйствительность, на общественныя отношенія. Сила идеализма была такъ велика, что онъ совершенно поглощалъ подобныя соображенія, какъ бы повидимому они иной разъ ни были враждебны идеализму... Когда Станкевичъ и его кружокъ занялся «источниками» философій, они не ограничились Шеллингомъ, и, познакомившись съ его предшественниками, Кантомъ и Фихте, окончательно остановились на Гегелѣ ¹⁾. Здѣсь именно они и нашли въ особенности то «примирительное» направленіе, какое съ тѣхъ поръ отличаетъ Бѣлинскаго и его друзей; оно начинается связываться въ 1836 (когда матеріальныя обстоятельства Бѣлинскаго и его нравственное состояніе были сносны), но полное господство его приходится именно на то время, когда внѣшнія обстоятельства Бѣлинскаго были крайне бѣдственны, какъ это было въ 1837 году. Замѣтимъ также, что эти изученія друзей не были вообще по школьному полнымъ и мелочнымъ знакомствомъ съ

¹⁾ Какъ отражались эти изученія на эстетическихъ теоріяхъ Бѣлинскаго, указано было г. Скабичевскимъ; см. также „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“.

философскими системами; напротивъ, друзья довольствовались (часто по необходимости — за неимѣніемъ книгъ) тѣмъ, что было доступно, но они умѣли схватывать сущность дѣла и извлекая извѣстныя основныя положенія, развивали ихъ потомъ сами; чтеніе новаго философскаго трактата открывало имъ новыя стороны предмета, и они разсуждали снова.

Мы постараемся собрать изъ писемъ Бѣлинскаго, насколько возможно, факты его внутренняго развитія, послѣдствіемъ котораго является, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, его крайнее консервативное направленіе; и чтобы легче ориентировать читателя въ этой запутанной смѣнѣ впечатлѣній и настроеній, уважемъ результатъ, къ которому Бѣлинскій приходилъ уже въ половинѣ 1837 года.

Бѣлинскій провелъ лѣто 1837 года въ Пятигорскѣ, куда привела его болѣзнь. Отсюда писалъ онъ (отъ 7-го августа) письмо, изъ котораго мы приводимъ слѣдующія ниже выдержки. Письмо обращено къ одному близкому человѣку, который не принадлежалъ къ кружку и котораго Бѣлинскій хотѣлъ ввести въ свои понятія; этотъ молодой человѣкъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, имѣлъ задатки къ высшему развитію, но слишкомъ подчинялся житейской пустотѣ; объясняя ему его недостатки, рѣзко осуждая школьную ученость тогдашняго университета, въ которую вѣрилъ его пріятель, Бѣлинскій указываетъ ему лучшій, болѣе достойный путь къ совершенствованію. По этому поводу онъ излагаетъ цѣлую программу своихъ мнѣній, которая показываетъ, что образъ мыслей, приведшій его въ 1840 году къ «Бородинской Годовщинѣ», уже въ 1837 опредѣлялся весьма положительно. Мы остановимся на этихъ взглядахъ Бѣлинскаго, между прочимъ, и потому, что это письмо—единственное изъ той поры, гдѣ Бѣлинскій въ объясненіе своей теоріи подробно излагаетъ и свой взглядъ на исторію и тогдашнее положеніе русскаго общества.

Привывая своего пріятеля на новый путь, Бѣлинскій обѣщаетъ ему свою самую теплую дружбу, чтобы они, какъ братья, могли идти по пути жизни, опираясь другъ на друга, «совокупно и дружно борясь съ ея невзгодами и противорѣчіями, совокупно и дружно наслаждаясь ея радостями и блаженствомъ»... «Есть между людьми братство — говоритъ онъ, — о которомъ проповѣдывалъ Христосъ, есть между ними родство, основанное на любви и стремленіи къ Богу, а Богъ есть любовь и истина». И затѣмъ слѣдуетъ цѣлое изложеніе его понятій, составлявшихъ содержаніе его «примирительнаго» направленія.

„Богъ не есть нѣчто отдѣльное отъ міра, но Богъ въ мірѣ, потому что онъ вездѣ. Да, его, какъ говоритъ великій Іоаннъ, любимѣйшій ученикъ Христа, его никто не видалъ; но онъ во всякомъ благородномъ порывѣ человѣка, во всякой свѣтлой его мысли, во всякомъ святомъ движеніи его сердца. Міръ или вселенная есть его храмъ, а душа и сердце человѣка, или, лучше сказать, внутреннее я человѣка есть его алтарь, престолъ, его *святая святыхъ*. Итакъ, ищи Бога не въ храмахъ, созданныхъ людьми, но ищи въ сердцахъ своемъ, ищи его въ любви своей. Утони, исчезни въ наукѣ и искусствѣ, возлюби науку и искусство, возлюби ихъ какъ цѣль и потребность твоей жизни, а не какъ средство къ образованію и успѣхамъ въ свѣтѣ — и ты будешь блаженъ, а кто достигъ блаженства, тотъ носить въ себѣ Бога... Богъ есть истина, слѣдовательно, кто сдѣлался сосудомъ истины, тотъ есть и сосудъ Божій; кто *знаетъ*, тотъ уже и *любитъ*, потому что не любя, не возможно познавать, а познавая, невозможно не любить; Богъ есть вмѣстѣ и истина и любовь, и разумъ и чувство, такъ какъ солнце есть вмѣстѣ и свѣтъ и теплота...“

Бѣлинскій совѣтуетъ своему пріятелю бросить тотъ специальный предметъ, которымъ онъ занимался, и обратиться къ философіи, потому что главнѣйшимъ предметомъ изученія человѣка должна быть мысль, идея въ ея безразличномъ всемірномъ значеніи.

„Внѣ мысли все призракъ, мечта; одна мысль существенна и реальна. Что такое ты самъ? Мысль, одѣтая тѣломъ; тѣло твое сгниетъ, но твое я останется; слѣдовательно, тѣло твое есть призракъ, мечта, но я твое существенно и вѣчно. Философія — вотъ что должно быть предметомъ твоей дѣятельности. Философія есть наука идеи чистой, отрѣшенной; исторія и естествознаніе суть науки идеи въ явленіи. Теперь, спрашиваю тебя: что важнѣе — идея или явленіе, душа или тѣло? Идея ли есть результатъ явленія, или явленіе есть результатъ идеи? Безъ сомнѣнія, явленіе есть результатъ идеи. Если такъ, то можешь ли ты понять результатъ, не зная его причины? Можешь ли для тебя быть понятна исторія человечества, если ты не знаешь, что такое человѣкъ, что такое человечество? Вотъ почему философія есть начало и источникъ всякаго знанія, вотъ почему безъ философіи всякая наука мертва, непонятна и нелѣпа.“

„Но тебѣ нельзя начать прямо съ философіи: тебѣ надо приготовиться къ ней путемъ искусства. Какъ къ душевному просвѣтленію черезъ причастіе, христіанинъ готовится путемъ поста и покаянія; такъ искусствомъ долженъ ты очистить свою душу отъ проказы земной суеты, холоднаго себялюбія, отъ обольщеній внѣшней жизни, и приготовить ее къ принятію чистой истины. Искусство укрѣпить и развить въ тебѣ любовь; оно дастъ тебѣ религію или *истину въ созерцаніи*, потому что религія есть *истина въ созерцаніи*, тогда какъ философія есть *истина въ сознаніи*. Кто увѣренъ въ истинѣ по чувству и не можетъ вывести ее изъ разума собственною свободою самостоятельностью, для того *истина существуетъ только*

въ созерцаніи. Но не имѣя истины въ созерцаніи, невозможно имѣть ее и въ сознаніи. Ты былъ еще ребенкомъ, а уже умѣлъ отличать добро отъ зла, истину отъ лжи—значить, что истина въ созерцаніи всегда предшествуетъ истинѣ въ сознаніи. Но въ дѣтствѣ ты могъ чувствовать только житейскую, практическую истину; теперь ты долженъ приобрести созерцаніе истины отвлеченной, чистой, и это созерцаніе дается тебѣ искусствомъ“.

Бѣлинскій объясняетъ далѣе, какъ необходимо заниматься искусствомъ, и что заниматься имъ должно набожно, благоговѣнно, — не для удовлетворенія самолюбія, не для того, чтобы умѣть сказать что-нибудь о томъ или другомъ писателѣ, а для высшаго наслажденія, свойственнаго одному духу... Но однимъ искусствомъ нельзя заниматься безпрестанно, потому что оно требуетъ занятія свободнаго, а душа утомляется подъ тяжестью впечатлѣній... Для начала философскихъ занятій, къ которымъ хотѣлъ приступить его пріятель, — Бѣлинскій не совѣтуетъ читать самого Гегеля—«ты тутъ ровно ничего не поймешь», а указываетъ болѣе доступныя, популярныя книги. Онъ хвалитъ своего пріятеля за желаніе заняться философіей, и снова изображаетъ ея великое значеніе, и «пуще всего» остерегаетъ пріятеля отъ «политики».

„Доброе дѣло! Только въ ней (въ философіи) ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей, только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастьемъ, какого толпа и не подозреваетъ и какого внѣшняя жизнь не можетъ ни дать тебѣ, ни отнять у тебя. Ты будешь не въ мірѣ, но весь міръ будетъ въ тебѣ. Въ самомъ себѣ, въ сокровенномъ святилищѣ своего духа найдешь ты высшее счастье, и тогда твоя маленькая комнатка, твой убогій и тѣсный кабинетъ будетъ истиннымъ храмомъ счастья. Ты будешь свободенъ, потому что не будешь ничего просить у міра, и міръ оставитъ тебя въ покоѣ, видя, что ты ничего у него не просишь. Пуще всего, оставь политику и бойся всякаго политическаго вліянія на свой образъ мыслей. Политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься только пустыя головы. Люби добро, и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства,—тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшею страной въ мірѣ. Просвѣщеніе—вотъ путь ея къ счастью...“

Слѣдуетъ изложеніе его «политическихъ» мнѣній, чрезвычайно любопытное для сравненія съ дальнѣйшимъ развитіемъ его взглядовъ.

„Для Россіи,—говоритъ Бѣлинскій,—назначена совсѣмъ другая судьба, нежели для Франціи, гдѣ политическое направленіе и наука,

и искусства, и характера жителей имѣетъ свой смыслъ, свою законность и свою хорошую сторону. Франція есть страна опыта, примѣненія идей къ жизни. Совсѣмъ другое назначеніе Россіи. Если хочешь понять ея назначеніе—прочти исторію Петра Великаго—онъ объяснитъ тебѣ все. Ни у какого народа не было такого государя. Всѣ великіе государи другихъ народовъ ниже Петра; всѣ они были выраженіемъ жизни своихъ народовъ и только выполняли волю своихъ народовъ, творя великое, словомъ, всѣ они были подъ вліяніемъ своихъ народовъ. Петръ, наоборотъ, былъ выскочкою изъ своего народа, онъ не воспиталъ его, но перевоспиталъ, не создалъ, но пересоздалъ. Цари всѣхъ народовъ развивали свои народы, опираясь на прошедшее, на преданіе; Петръ оторвалъ Россію отъ прошедшаго, разрушивъ ея традицію, и теперь смѣшно и жалко смотрѣть на нашихъ пустоголовыхъ ученыхъ и поэтовъ, которые ищутъ народности для мысленія и искусства въ исторіи съ Рюрика до Алексѣя, въ этой допотопной исторіи Россіи. Петръ есть ясное доказательство, что Россія не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу, но получить то и другое отъ своихъ царей, такъ какъ уже много получила отъ нихъ того и другого. Правда, мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы еще должны быть рабами. Россія еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой было бы лоза, готовая наказывать за шалости. Дать дитяти полную свободу—значитъ погубить его. Дать Россіи, въ теперешнемъ ея состояніи, конституцію—значитъ погубить Россію. Въ понятіи нашего народа, свобода есть *воля*, а воля—озорничество. Не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣждалъ бы онъ пить вино, бить стекла и вѣшать дворянъ, которые брѣютъ бороду и ходятъ въ сюртукахъ, а не въ зипунахъ, хотя бы, впрочемъ, у большей части этихъ дворянъ не было ни дворянскихъ грамотъ, ни копѣйки денегъ. Вся надежда Россіи на просвѣщеніе, а не на перевороты, не на революціи и не на конституціи. Во Франціи были двѣ революціи и результатомъ ихъ конституція—и что же? въ этой конституціонной Франціи гораздо менѣе свободы мысли, нежели въ самодержавной Пруссіи. И это оттого, что свобода конституціонная есть свобода условная, а истинная, безусловная свобода наступаетъ въ государствахъ съ успѣхами просвѣщенія, основаннаго на философіи, на философіи умозрительной, а не эмпирической, на царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла. Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода пріобрѣтается сознаніемъ. И такимъ-то прекраснымъ путемъ достигнеть свободы наша Россія. Приведу тебѣ еще примѣръ. Наше правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостнаго права, а между тѣмъ исподволь освобождаетъ крестьянъ. Посмотри, какъ, благодаря тому, что у насъ нѣтъ майоратства, издыхаетъ наше дворянство само собою, безъ всякихъ революцій и внутреннихъ потрясеній. И если у насъ будутъ дѣти, то, доживя до нашихъ лѣтъ, они будутъ знать о крѣпостномъ правѣ, какъ о фактѣ историческомъ, какъ о дѣлѣ прошедшемъ. И все это сдѣлается прочнѣе и лучше. Давно ли мы съ тобою живемъ на свѣтѣ, давно ли

помнимъ себя, и уже посмотри, какъ перемѣнилось общественное мнѣніе: много ли теперь осталось тирановъ-помѣщиковъ, а которые и остались, не презираютъ ли ихъ самые помѣщики? Видишь ли, что и въ Россіи все идетъ къ лучшему. Давно ли паденіе при дворѣ сопровождалось ссылкой въ Сибирь? А теперь оно сопровождается много, много если ссылкой въ свою деревню. Давно ли Минихъ, фельдмаршалъ, герой, былъ осужденъ на четвертованіе и только по милосердію императрицы былъ сосланъ на всю жизнь въ Сибирь, а теперь уже и насъ съ тобою, людей совершенно ничтожныхъ въ гражданскомъ отношеніи, не будутъ четвертовать даже и въ такомъ случаѣ, когда бы мы были достойны этого. Помнишь ли ты, какъ отличались, какъ мило вели себя господа военные, особенно кавалеристы, въ царствованіе Александра, котораго мы съ тобою видѣли собственными глазами за годъ или за два до его смерти? Помнишь ли ты, какъ они нахальствовали на постояхъ, увозили женъ отъ мужей, изъ одного удалства, были ужасомъ и страхомъ мирныхъ гражданъ и безнаказанно разбойничали? А теперь?.. теперь они тише воды, ниже травы. Ты уже не боишься ихъ, если имѣешь несчастіе быть фразникомъ, или имѣть мать, сестру, жену, дочь. Не болѣе, какъ года за два до нашего поступленія въ университетъ, студенты были не лучше военныхъ, и еще при насъ академики изрѣдка свершали подобныя подвиги,—а теперь? Теперь студентъ, который въ состояніи выпить ведро вина и держаться на ногахъ, уже не заслужить, какъ прежде, благоговѣннаго удивленія отъ своихъ товарищей, но возбудить къ себѣ ихъ презрѣніе и ненависть. А чтó всему этому причиною? Установленіе общественнаго мнѣнія, вслѣдствіе распространенія просвѣщенія, и, можетъ быть, еще болѣе того, самодержавная власть. Эта самодержавная власть даетъ намъ полную свободу думать и мыслить, но ограничиваетъ свободу громко говорить и вмѣшиваться въ ея дѣла. Она пропускаетъ къ намъ изъ-за границы такія книги, которыя никакъ не позволяютъ перевести и издать. И что-жъ, все это хорошо и законно съ ея стороны, потому что тó, чтó можешь знать ты, не долженъ знать мужикъ, потому что мысль, которая тебя можетъ сдѣлать лучше, погубила бы мужика, который, естественно, понялъ бы ее ложно. Правительство позволяетъ намъ выписывать изъ-за границы все, чтó произведетъ германская мыслительность, самая свободная, и не позволяетъ выписывать политическихъ книгъ, которыя послужили бы только во вреду, кружа головы неосновательныхъ людей. Въ моихъ глазахъ эта мѣра превосходна и похвальна. Главное дѣло въ томъ, что граница Россіи со стороны Европы не есть граница мысли, потому что мысль свободно проходитъ чрезъ нее, но есть граница вреднаго для Россіи политическаго направленія, а въ этомъ я не вижу ни малѣйшаго стѣсненія мысли, но напротивъ, самое благотворное средство къ ея распространенію. Вино полезно для людей взрослыхъ и умѣющихъ имъ пользоваться, но губительно для дѣтей, а политика есть вино, которое въ Россіи можетъ превратиться даже въ опиумъ“.

Бѣлинскій приводитъ въ примѣръ книгу Ламеннэ, «*Les paroles d'un croyant*», которая надѣлала передъ тѣмъ много шуму въ

Европѣ, и объясняетъ, какъ вредно могла бы подѣйствовать у насъ на молодые умы эта книга, гдѣ Христосъ представленъ какимъ-то политическимъ заговорщикомъ: самъ Бѣлинскій началъ было читать ее и бросилъ, потому что книга эта нагнала на него скуку и досаду.

„Итакъ, оставимъ идти дѣламъ, какъ они идутъ, и будемъ вѣрить свято и непреложно, что все идетъ къ лучшему, что существуетъ одно добро, что зло есть понятіе отрицательное и существуетъ только для добра, а сами обратимъ вниманіе на себя, возлюбимъ добро и истину, путемъ науки. будемъ стремиться къ тому и другому...“

Знать политическія дѣла Европы намъ совершенно бесполезно, мы ничего не сдѣлаемъ съ этимъ знаніемъ,—

„Но когда ты возвысишься до той любви, которая полагаетъ душу свою за братій, когда ты постигнешь ясно свое назначеніе и обнищашь умомъ своимъ міровыя истины, тогда ты всегда и вездѣ будешь полезенъ своему отечеству. Если тебѣ будетъ вѣрена судьба твоихъ ближнихъ — эта судьба будетъ вѣрна, потому что она предается человѣку благородному и просвѣщенному... Быть апостолами просвѣщенія—вотъ наше назначеніе. Итакъ, будемъ подражать апостоламъ Христа, которые не дѣлали заговоровъ и не основывали ни явныхъ, ни тайныхъ политическихъ обществъ, распространяя ученіе своего божественнаго учителя, но которые не отрекались отъ него передъ царями и судіями и не боялись ни огня, ни меча. Не суйся въ дѣла, которыя до тебя не касаются, но будь вѣренъ своему дѣлу, а твое дѣло—любовь къ истинѣ; да, впрочемъ, тебѣ никто и не помѣшаетъ служить ей, если ты не будешь вмѣшиваться не въ свои дѣла. Итакъ, учиться, учиться, и еще-таки учиться! Къ чорту политику, да здравствуетъ наука! Во Франціи и наука, и искусство, и религія сдѣлались, или, лучше сказать, всегда были орудіемъ политики, и потому тамъ нѣтъ ни науки, ни искусства, ни религіи, и потому, еще больше французской политики, бойся французской науки, въ особенности французской философіи. Право народное должно выходить изъ права человѣческаго, а право человѣческое должно выходить изъ вопроса о причинѣ и цѣли всего сущаго, а вопросъ этотъ есть задача философіи. Французы же все выводятъ изъ настоящаго положенія общества и потому у нихъ нѣтъ вѣчныхъ истинъ, но истины дневныя, т. е. на каждый день новыя истины. Они все хотятъ вывести не изъ вѣчныхъ законовъ человѣческаго разума, а изъ опыта, изъ исторіи, и потому не удивительно, что они въ концѣ XVIII вѣка хотѣли возобновить римскую республику, забывъ, что одно и то же явленіе не повторяется дважды, и что римляне не примѣръ французамъ. Опытъ ведетъ не къ истинѣ, а къ заблужденію, потому что факты разнообразны до безконечности и противорѣчивы до такой степени, что истину, выведенную изъ одного факта, можно тотчасъ же пришибить другимъ фактомъ; найти же внутреннюю связь и единство въ этомъ разнообразіи и противорѣчій фактовъ можно только

въ духѣ человѣческомъ, слѣд., философія, основанная на опытѣ, есть нелѣпость. Новѣйшіе французы хватились за нѣмцевъ, но не поняли ихъ, потому что французъ никогда не можетъ возвыситься до всеобщности и, на зло самому себѣ, всегда остается французомъ, а въ области мышленія должны исчезать всѣ національныя различія и долженъ оставаться одинъ *человѣкъ*. Итакъ, къ чорту французовъ; ихъ вліяніе, кромѣ вреда, никогда ничего не приносило намъ. Мы подражали ихъ литературѣ—и убили свою... Германія—вотъ Іерусалимъ новѣйшаго человѣчества, вотъ куда съ надеждою и упованіемъ должны обращаться его взоры... Доселѣ христіанство было истиною въ созерцаніи, словомъ,—было вѣрою; теперь оно должно быть истиною въ сознаніи—философіею. Да, философія нѣмцевъ есть ясное и отчетливое, какъ математика, развитіе и объясненіе христіанскаго ученія, какъ ученія, основаннаго на идеѣ любви и идеѣ возвышенія чело-вѣка до божества, путемъ сознанія. Мнѣ кажется, что юной и дѣйственной Россіи должна завѣщать Германія и свою семейственную жизнь, и свои общественныя добродѣтели и свою мірообъемлющую философію. У насъ много зла, много безалаберщины, много чуждыхъ вліяній, и худыхъ, и хорошихъ, но этотъ-то беспорядокъ и рушается за наше прекрасное будущее, потому что еще никакое чуждое вліяніе, худое или хорошее, не взяло у насъ рѣшительнаго перевѣса. Мы, по праву, наслѣдники всей Европы. Итакъ, наше (т.-е. насъ, молодыхъ людей) назначеніе уже и теперь ясно: мы должны начать этотъ союзъ съ Германіею...”

Приведенный отрывокъ достаточно говорить за себя, и нѣтъ надобности характеризовать его содержаніе. Такимъ образомъ «примирительное направленіе» къ половинѣ 1837 года опредѣлилось вполне, и высказано такъ рѣзко, какъ, быть можетъ, не высказалъ бы его и самъ Станкевичъ. И если сопоставлять теоретическіе взгляды съ личными обстоятельствами писателя, то любопытно замѣтить, что это довольство русской дѣйствительностью высказывалось именно тогда, когда эта дѣйствительность была, можетъ быть, всего суровѣе къ Бѣлинскому,—потому что его матеріальныя обстоятельства въ это время, по запрещеніи «Телескопа», были по истинѣ ужасны. Такъ мало оказывали вліянія на мнѣнія Бѣлинскаго обстоятельства подобнаго рода: онъ былъ твердъ въ своемъ теоретическомъ энтузіазмѣ, несмотря на всѣ личныя невзгоды, и шелъ неизмѣнно въ своихъ логическихъ выводахъ.

Въ слѣдующей главѣ мы постараемся собрать данныя для объясненія этого поворота въ мнѣніяхъ Бѣлинскаго и его дальнѣйшихъ развитій.

А. Пыпинъ.

НАСЛѢДСТВО

ИЛЬИ ПЕТРОВИЧА РАСТЕРЯЕВА

Психологическіе очерки.

I.

По подгорью лѣса вѣтся едва замѣтная тропинка. Мѣстами она совершенно теряется изъ виду, точно играетъ съ кѣмъ-то и прячется, скрывая свой слѣдъ, и вдругъ совершенно неожиданно показывается гдѣ-нибудь вдали на болѣе открытомъ мѣстѣ.

Жаркій лѣтній день.

Въ лѣсу тихо, глухо какъ-то, точно онъ спитъ, и лишь въ просонкахъ, изрѣдка, подъ вліяніемъ сна, покачнется какая-нибудь вѣтка, а листья ея тревожно зашепчутся между собой, и снова все замретъ.

Въ такую пору шелъ по лѣсу человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Шелъ онъ медленно, вяло, видимо утомленный и долгимъ путемъ, и длиннымъ подъемомъ въ гору. Поднимаясь, не разъ отклонялся онъ въ сторону, теряя шаловливую тропинку, не разъ останавливался, чтобы осмотрѣться, составить дальнѣйшій планъ пути и отдышаться.

По костюму, путника можно принять за барина, потому что на немъ свѣжая соломенная шляпа и свѣтлое лѣтнее пальто.

Росту онъ средняго, пожалуй, можно сказать, даже маленькаго; но по одному росту нельзя опредѣлить его званіе. Въ

этомъ случаѣ размѣры тали и вообще излишній наплывъ жира во всемъ тѣлѣ рекомендуютъ его, какъ дѣйствительнаго члена общества мало работающихъ и много имѣющихъ. Такія общества существуютъ во всѣхъ частяхъ земного шара и въ нихъ такъ же, какъ и во всякихъ, надлежащимъ порядкомъ утвержденныхъ обществахъ, есть свои предсѣдатели, директоры, почетные члены, и пр. и пр.

Фигурой своей путникъ напоминалъ боченоеъ, впрочемъ, не очень большихъ размѣровъ, но и не очень малыхъ; во всякомъ случаѣ бочкой его назвать было бы много и, главное, преждевременно.

Представители такого типа встрѣчаются во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Въ деревнѣ — староста, такъ сказать, мѣстное начальство, агентъ правительства, и дворникъ — содержатель постоялаго двора — представитель торговли и промышленности, — оба страдающіе постоянной жаждой и уничтожающіе, вслѣдствіе этой роковой причины, несмѣтное количество квасу и со льдомъ, и съ мухами, и оба съ вѣчной жалобой на то, что ихъ «жизнь свинная: ходишь, да хрюкаешь». Въ городѣ — разбогатѣвшій купецъ, главный, будто бы, рычагъ въ экономическомъ развитіи страны, не такъ давно бывшій юркимъ лавочникомъ, подѣргивавшимъ ежеминутно рукава своего кафтана, въ чаши барышей отъ продажи, а теперь сановитый во всѣхъ своихъ движеніяхъ, виновникъ благолѣпія мѣстныхъ храмовъ, и на груди его въ торжественные дни не только красуется золотая медаль на анненской лентѣ, но есть даже и досточтимый орденъ — крайній предѣлъ купеческаго тщеславія. За купцомъ — протопопъ, когда-то бывшій протодіакономъ и потрясавшій своды церквей своимъ необъятнымъ басомъ, о которомъ въ народѣ сохраняются и переходятъ изъ рода въ родъ легенды, одна другой чудеснѣе, служа такимъ образомъ, какъ-бы продолженіемъ богатырскаго эпоса. Теперь этотъ басъ исчезъ съ лица земли и бывшій обладатель его мирно оканчиваетъ свои дни въ деревянномъ домикѣ съ палисадникомъ и только по временамъ покрываетъ, вспоминая прошлое, причемъ его солидный животъ колышется подобно кораблю на волнахъ безпредѣльнаго океана. Въ томъ сословіи, которому самъ Богъ покровительствуетъ по части разныхъ привилегій, и по своей неизреченной милости, даетъ возможность считаться неизбежнымъ оплотомъ государства, толстыми людьми въ прежнее время были откупщики «по акцизно-винной системѣ», губернскіе предводители, степные помѣщики — всѣ необычайно плодовитые, съ большимъ аппетитомъ и съ вѣчно тяжелымъ ды-

ханьемъ, напоминающимъ шумъ локомотива или «водъ многихъ». Теперь мѣсто ихъ съ честью заняли всевозможные предсѣдатели, попечители, директоры и всякаго рода управляющіе, «ихъ же имена Ты, Господи, вѣси».

Эти крупные представители типа людей, уже осуществившихъ свои идеалы, идутъ по дорогѣ жизни не торопясь, медленно, тихо и съ достоинствомъ, сознавая, что торопиться больше некуда, ибо все, что нужно было сдѣлать—сдѣлано, свершено «въ предѣлѣхъ земномъ, все земное». Глядя на нихъ, какъ на путеводную звѣзду, идутъ болѣе поспѣшнымъ шагомъ, отирая уже начинающіе потѣть, отъ тучности тѣла, лбы, тысячи другихъ лицъ, желающихъ также достигнуть возможности плотно сѣсть на мѣстѣ и отдохнуть въ свое удовольствіе. А за ними далѣе, толкая одинъ другого, падая, поднимаясь и задыхаясь, бѣгутъ, торопятся другія тысячи мелкихъ пестрыхъ лицъ,—всѣ съ надеждой добиться, болѣе или менѣе легкимъ путемъ, независимаго положенія, составить себѣ карьеру, и отдохнуть, и превратиться потомъ, подъ старость, въ бочки.

Смотря на этотъ круговоротъ жизни, остановится иной разъ въ сторонѣ, чуждый интересовъ толпы, одинокій человѣкъ, кривнеть бѣгущимъ: «Куда вы? зачѣмъ? Тамъ нѣтъ того, что вы ищите; тамъ только сонъ, ожирѣніе. Идите сюда!» Но въ общемъ шумъ и окрика не слышно, да и слушать никто не хочетъ. Несется мимо него волнующаяся толпа. Подъ ударами толчковыхъ и пинковыхъ летятъ въ сторону, головой внизъ, болѣе слабые, слышатся жалобы, стонъ, проклятія. Дикимъ хохотомъ провожаютъ ихъ болѣе сильные, успѣвшіе очистить себѣ дорогу и пускаются на рыскахъ впередъ, не замѣчая, какъ сзади на нихъ налетаетъ сильнѣйшій. Вотъ и они, въ свою очередь, полетѣли куда-то подъ гору, лица ихъ искривлены злобой, волосы всклокочены... Поднявшись на ноги послѣ паденія, они гнѣвно сжимаютъ кулаки, грозятъ ими по направленію къ убѣгающимъ счастливымъ соперникамъ, и, прихрамывая, пускаются вслѣдъ за ними.

«И это жизнь!» грустно думаетъ чуждый интересовъ толпы человѣкъ, и отправляется ровной и мѣрной поступью по своей дорогѣ.

Узнать, къ которому изъ подраздѣленій бочечнаго типа можетъ быть причисленъ тотъ путникъ, пробиравшійся по лѣсной тропинкѣ, сразу нѣсколько трудно. Похожъ онъ, какъ будто, на крупнаго степного землевладѣльца, но повнимательнѣе всмотрѣться, и оказывается не похожъ, даже вовсе непохожъ: тѣ больше на медвѣдей смахиваютъ, а въ его походѣхъ ничего нѣтъ

медвѣжьяго. Директоры департаментовъ бываютъ иногда такіе; но у нихъ, по привычѣ повелѣвать, голова всегда откинута назадъ: директоръ и по лѣсу пойдетъ, какъ по канцеляріи, съ дарственной осанкой, и привскакиваютъ, въ его воображеніи, въ дугу сгибая спины, мелкіе чиновники съ трепетомъ въ очахъ и съ вѣчными думами о прибавѣ жалованья.

Нѣтъ, это все не то.

Сомнѣніе наводитъ слѣдующее обстоятельство. Въ пухлыхъ, бѣлыхъ рукахъ путника была желѣзная лопатка, которую онъ, идя по лѣсу, лѣниво волочилъ по землѣ, перекладывая изъ одной руки въ другую, по временамъ небрежно, а порой даже съ отѣнкомъ нѣкоторой досады и нетерпѣнія.

Шелъ, шелъ онъ и выбрался на крутой обрывистый берегъ. Глубоко внизу, точно крадучись между высокимъ тальникомъ и путаясь среди камней, журчала небольшая рѣчка. Вдали виднѣлась ярко освѣщенная солнцемъ барская усадьба: бѣлый большой домъ съ колоннами, балкономъ, садомъ, оранжереей и прочей благодатью, а далѣе лѣпились, скучившись, крестьянскія избушки, криво и косо построенныя, точно жались одна къ другой. Такъ жмутся и прячутся за спины товарищей на сходѣ мужики, когда исправникъ, въ позѣ главнокомандующаго, предлагаетъ на мірское рѣшеніе давно уже имъ самимъ предрѣшенный вопросъ. Все та же прежняя картина родной страны, которую —

Въ рабскомъ видѣ, Царь небесный
Исходилъ, благословляя.

На краю обрыва, точно поддерживаемый невидимой силой, висѣлъ громадный камень. Путникъ оглядѣлъ его съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ, даже спустился, почти сползъ нѣсколько внизъ съ горы, для того чтобы составить болѣе ясное понятіе о его размѣрахъ и положеніи. Потомъ, поднявшись назадъ, онъ забрался на камень и подпрыгнулъ на немъ нѣсколько разъ, очевидно пробуя, не будетъ ли онъ отъ этого трогаться. Но камень не трогался.

Онъ принялся его окапывать.

Опредѣлить цѣль его копанья постороннему человѣку было бы трудно. Докторъ похвалилъ бы въ видахъ гигиеническихъ, мужикъ съ ироніей замѣтилъ бы о баловствѣ господѣ, а иной мнительный человѣкъ, при видѣ этой работы, невольно подумалъ бы о разнообразіи душевныхъ болѣзней...

Черезъ нѣсколько времени путникъ, совершенно раскисшій отъ

работы, завалился подъ тѣню сосны, закинулъ одну ногу на другую и долго оставался въ такомъ положеніи.

Наконецъ, лежать стало просто невыносимо. Онъ попробовалъ сѣсть, опершись широкій спиною на стволъ дерева, и почувствовалъ, что съ новымъ удобнымъ положеніемъ и мысли какъ-то лучше стали приходить въ голову, свѣжѣе, оригинальнѣе и въ бѣльшемъ изобиліи. Главное дѣло, конечно, удобство. Сидя, онъ очень ловко подобрался къ ливонскимъ рыцарямъ и обрадовался имъ, какъ самой подходящей для его плановъ находкѣ. Ужъ чего вѣрнѣе этого, думалъ онъ, — и въ пылу своего воображенія началъ громоздить одну случайность на другую, припомнивъ и Ледовое Побойще и Александра-Невскаго и 1200-й годъ и, вообще, громоздилъ долго и много, пока дѣйствительность не стащила его съ фантастическаго коня. Результатомъ всего оказалось, что и ливонскіе рыцари, со всѣми своими боевыми доспѣхами, были потревожены тоже совершенно напрасно, потому что, по положенію камня и по его громаднымъ размѣрамъ, нельзя было ожидать никакихъ пріятныхъ послѣдствій отъ раскопки, да и охота окапывать камень какъ-то вдругъ пропала.

«Жарко», подумалъ путникъ; «и здѣсь вотъ, въ тѣни, и то жарко... Богъ съ нимъ, пусть лежитъ...»

Онъ широко-широко зѣвнулъ и потянулся; гдѣ-то подъ бокомъ платье затрещало.

«Такъ и есть, трещить», лѣниво подумалъ онъ; «давно ли, кажется, спилъ, а опять узко».

Потомъ снова вспомнилъ о камнѣ.

«Послать развѣ мужиковъ», соображалъ онъ, «попробовать... Отчего въ самомъ дѣлѣ и не попробовать? Мужикамъ не жарко...»

На этомъ путникъ порѣшилъ; и такъ какъ сидѣть ему становилось тоже неудобно, да и надоѣло уже, онъ поднялся на ноги и, забывъ совершенно о лопатѣ, пошелъ обратно. Словомъ, кончилъ тѣмъ, съ чего нужно было начать.

Путь его лежалъ по тому же направленію, по которому онъ шелъ впередъ. Но выбравшись изъ лѣсу и идя по открытой ровной мѣстности, онъ замѣтилъ на берегу рѣчки небольшой холмикъ, обросшій травой, и вдругъ почувствовалъ сильнѣйшее желаніе покопать его. Опять монголы и ливонскіе рыцари и всякая домашняя утварь жителей отдаленныхъ вѣковъ полѣзали ему въ голову, да какъ-то торопливо, вдругъ, цѣпляясь одно за другое. Онъ, очарованный новыми надеждами, хотѣлъ поскорѣе приступить за работу, точно боялся, что холмикъ можетъ убѣжать отъ него. Ускоряя шаги по направленію къ мѣсту, такъ сильно

его заинтересовавшему, онъ совершенно забылъ, что лопату оставилъ далеко въ лѣсу, и вспомнивъ о ней, сильно смутился и почесалъ у себя за ухомъ, что обыкновенно дѣлается въ трудныя минуты жизни.

Въ это время случилось одно совершенно неожиданное обстоятельство. Изъ лѣсу вышла молодая «бабѣнка» съ корзинкой въ рукахъ; очевидно, ходила за грибами. Она шла по другой тропинкѣ и совсѣмъ въ противоположную сторону отъ путника. Замѣтивъ ее, онъ вдругъ встрепенулся, приободрился какъ-то, точно пѣтухъ въ моментъ передъ быстрой погоней за увертливой курицей, и долго смотрѣлъ вслѣдъ «бабѣнкѣ». По справедливости говоря, въ глазахъ его было видно нѣкоторое лукавство, и губы свои онъ по временамъ облизывалъ. Очевидно, думы путника о древностяхъ, при появленіи «бабѣнки» уступили мѣсто размышленіямъ болѣе современнымъ.

Бабѣнка давно уже была далеко, а путникъ все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, около холмика, и посматривалъ по тому направленію, куда удалялась ея фигура, постепенно ступеиваясь и сливаясь въ общую неясную форму. Думалъ путникъ и о ней, и о ея семьѣ, и о томъ, какъ она, можетъ быть, скверно живетъ съ мужемъ,—вообще, мечталъ. Онъ иногда любилъ помечтать, въ особенности въ хорошую погоду и при безукоризненной работѣ желудка.

Помечталъ бы онъ въ настоящемъ случаѣ еще съ полчаса и около холмика полежалъ бы, можетъ быть, но погода стала измѣняться и помѣшала ему. Пока тянулись по небу легкія, бѣлосоватыя облака, уменьшая по временамъ яркость солнечнаго свѣта и степень жара, онъ былъ даже доволенъ этимъ, такъ пріятно подѣйствовала на него свѣжесть погоды. Но потомъ, когда вѣтеръ сталъ усиливаться, въ воздухѣ почувствовалась сырость, а съ восточной окраины неба потянулась темная туча и послышались глухіе раскаты отдаленнаго грома,—на лицѣ путника выразилось неудовольствіе. Онъ сначала поглядѣлъ въ ту сторону, откуда ожидалъ непріятности, потомъ оглянулъ свой легкій костюмъ и ускорилъ шаги, насколько могъ, конечно. Не бѣжать же.

На пути встрѣтился ему крестьянинъ, возвращавшійся съ плугомъ съ поля. Проходя мимо путника, онъ снялъ шляпу и низко поклонился, одергивая концы своей синей холщевой рубахи. Путникъ тотчасъ же пожелалъ освѣдомиться о состояніи погоды.

— А что, будетъ дождь? спросилъ онъ.

- Господь его знаетъ...
- Нѣтъ, какъ ты думаешь?
- Може и будетъ...
- А я думаю, что не будетъ.
- Може и не будетъ...

Онъ вообще имѣлъ похвальную склонность повѣрять своимъ соображеніямъ, но только не любилъ, когда съ нимъ не соглашались.

Крестьянинъ хотѣлъ уже идти, но со стороны путника послѣдовалъ новый вопросъ, имѣвшій уже непосредственное отношеніе къ замѣченному на пути холмику.

- Ты здѣшній?
- Тутешній, батюшка.
- Гм... Это встать, сообразилъ путникъ и спросилъ:
- Что это за холмъ, вонъ тамъ, видишь, вонъ, около мостика-то?
- Да такъ просто.
- Ну, это ты врешь...
- А кто ее знаетъ.
- Но какъ ты думаешь, что это такое?
- Да такъ. Бабы наши пытали-было баню изъ него сдѣлать, потому рѣчонка близко, да мы не дали...
- Отчего же?
- Може тутъ нечистъ какая...

Находя, что вопросъ о настоящемъ значеніи холмика начинается нѣсколько выясняться, и хотя теряетъ реальную почву, но тѣмъ не менѣе становится очень интереснымъ, путникъ пожелалъ подробнѣе узнать о суевѣрныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ этому загадочному мѣсту, и, спрашивая, нѣсколько разъ оглядывался по сторонамъ, видимо желая присѣсть, чтобы удобнѣе было слушать.

Крестьянинъ уже раза два порывался идти далѣе, но путникъ его останавливалъ, увѣряя, что дождя не будетъ и даже прислонился заднею частію тѣла къ оглоблѣ, впрочемъ, спросивъ предварительно, смиренная ли лошадь.

- Лошадь-то смиренная, да мнѣ, вишь ты, пора...

Однакожь тогда лошадевка, стоявшая до того времени понуривъ голову, пошатнулась отъ груза, приваливавшегося къ оглоблѣ.

— Какъ же ты, братецъ, говоришь, что лошадь смиренная, съ неудовольствіемъ замѣтилъ путникъ, торопливо отступая на приличное разстояніе.

— Ничего, будьте безъ сумлѣнія. Это она такъ.

— Ну такъ какъ же, спросилъ онъ, успокоившись.

— Чаво это?

— Да насчетъ обратной-то.

— А! на счетъ этого самого мѣста-то...

— Да, да, подтвердилъ путникъ, предвкушая сладость предстоящаго разсказа.

— Теперь-то мнѣ некогда, баринъ, домой больно нужно...

— Погоди немного, дожда не будетъ: видишь, тучу куда потянуло...

— Да мнѣ что дождь...

Такимъ образомъ, изъ интереснаго разговора пришлось узнать только о томъ, что въ лѣсу есть лѣшій, можетъ быть и не одинъ даже, а въ водѣ, конечно, водяной; но и эти свѣдѣнія, несмотря на ихъ сомнительную свѣжесть, путникъ все-таки нашелъ нужнымъ принять во вниманіе. Идя далѣе, уже одинъ, онъ задумался о причинахъ народныхъ суевѣрій, причемъ вспомнилъ ученныя мнѣнія объ этомъ предметѣ, но, впрочемъ, не въ большомъ количествѣ. Однако и по этому можно заключить, что самъ онъ былъ не чуждъ науки и нѣкоторыхъ высшихъ взглядовъ, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что онъ былъ болѣе склоненъ къ вѣрѣ въ чудесное и въ авторитетъ ученыхъ не особенно вѣрилъ, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ.

Дождя дѣйствительно не было, а потому представилась возможность присѣсть на берегу рѣчки и отдохнуть, тѣмъ болѣе, что чувствовалось значительное утомленіе и отъ путешествій, и отъ встрѣчъ, и отъ размышлений. Онъ опустился на травку и, глубоко вздохнувъ, произнесъ: «Уфъ, какъ усталъ!» Засимъ, долго не обнаруживалъ никакой дѣятельности, только дышалъ тяжелѣе обыкновеннаго, даже сопѣлъ немного. Потомъ, отдохнувъ, онъ почувствовалъ желаніе развлечься и бросилъ раза два въ рѣчку камешки, наблюдая какъ отъ нихъ образуются одинъ за другимъ круги, разстилаясь широко по водѣ.

«Чудно устроены Божій міръ. Вотъ рѣчка бѣжитъ и скоро такъ бѣжитъ куда-то, а откуда? Съ горъ, разумѣется, въ большую рѣку, а тамъ въ море, объяснилъ онъ самъ себѣ,—это, конечно, извѣстно, но такое объясненіе сухо, холодно... Вообще—премудрость! Однако,—продолжалъ онъ думать,—усталъ я-таки порядочно и ѣсть что-то захотѣлось, да нѣтъ, не очень еще сильно; лучше, когда подольше походишь—вкуснѣе обѣдается».

Онъ опять сталъ въ задумчивости смотрѣть на рѣчку и бросилъ еще камешекъ.

«Какіе круги пошли, и какъ правильно, одинъ за другимъ... Да!.. Уфъ! однако, какъ опять стало жарко. Жаль, туча прошла мимо...»

Деревенька была близко, почти тутъ и есть. Невдалекѣ, на задворкахъ избъ бѣгали мальчишки, играя. Путникъ, слыша голоса и смѣхъ, повернулся въ ихъ сторону, но наблюдать за играми не сталъ, только взглянулъ вскользь, больше потому лишь, чтобъ узнать причину смѣха. Потомъ, пришла къ рѣчкѣ баба съ ведрами, зачерпнула воды и пошла, согнувъ спину подъ тяжестью коромысла. Онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и подумалъ: «а тяжело, должно быть», но потомъ рѣшилъ, что не тяжело, и что главное дѣло—привычка.

«Однако, какія у ней ноги толстыя», мелькнуло потомъ у него въ головѣ, при видѣ босыхъ ногъ; «грязны только».

Впрочемъ, толщину ногъ одобрилъ и замѣтилъ самъ себѣ, что это хорошо. Черезъ нѣсколько времени вдали показался крестьянскій парнишка съ корзинкою грибовъ. Путникъ увидѣлъ его и какъ будто обрадовался, оживился и веселѣе сталъ смотрѣть. Онъ прилегъ на траву, облокотившись на локоть, и закричалъ:

— Эй ты, иди-ка сюда!

Парнишка пугливо остановился, почему-то не рѣшаясь подойти.

— Иди ближе! Покажи, что ты несешь.

— Грибы.

— Грибы! Ну-ка, покажи.

— Да тебѣ на что? Ты вѣдь не купишь.

— Почему ты знаешь, что не куплю?

— Это грибы крестьянскіе. Господа такихъ не ѣдятъ.

— Не ѣдятъ! Видишь ты какой... А я можетъ и куплю.

Покажи.

Онъ поставилъ корзинку себѣ на колѣни и весьма внимательно сталъ осматривать грибы, не столько потому, что интересовался этимъ, а больше отъ скуки, чтобъ заняться себѣ чѣмъ-нибудь.

Парнишка соскучился стоять.

— Давай, баринъ, попросилъ онъ, давай, я пойду домой...

— А ты зачѣмъ тамъ въ лѣсу, плутъ, за бабѣнкой бѣгалъ, а?

— За какой такой? выпучивъ глаза, спросилъ мальчикъ.

— То-то за какой. Я знаю...

Путникъ весело улыбался, довольный удивленіемъ мальчика, и разговоръ этотъ видимо доставилъ ему большое удовольствіе.

— Ну что же ты, братецъ мой, молчишь?

— Давай корзинку-то... Чаво ты, право... вдругъ плаксиво затынулъ мальчикъ, точно хотѣлъ заплакать...

Плаксивыхъ лицъ, а тѣмъ болѣе слезъ, путникъ не жаловалъ и потому постыжился успокоить своего собесѣдника.

— Ну, ну, перестань... На! Такъ и быть ужъ, Богъ тебя проститъ на первый разъ...

Онъ возвратилъ корзинку и хотя грибовъ не купилъ, а все-таки полѣзъ въ карманъ за сумочкой, очевидно желая побаловать мальчика, причемъ еще разъ прошелся на счетъ бабѣнки и потомъ далъ ему гривенникъ.

— Ну, иди съ Богомъ...

Чувствуя, что отдыхъ уже достаточно возстановилъ его силы, онъ поднялся и пошелъ далѣе чрезъ деревню.

Господскій домъ былъ уже не далеко и скрывался за высокими деревьями густого сада, широко раскинушагося по берегу рѣчки.

Онъ вошелъ въ садъ и направился по аллеѣ, прямо къ балкону господскаго дома, на который потомъ и вошелъ очень развязно, съ ловкостью мало свойственною его годамъ и величавымъ объемамъ тѣла.

— А, Илья Петровичъ! Мы васъ ждемъ—встрѣтилъ его голосъ изъ глубины балкона.

II.

Илья Петровичъ Растераевъ былъ отъ юности своей замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ не было рѣшительно ничего замѣчательнаго. Физіономія самая обыкновенная и умѣренная; носъ не то, чтобы очень прямой, или горбатый, или, что всего хуже, задорно вздернутый вверхъ, а вообще, приличный и степенный носъ; глаза безъ опредѣленнаго цвѣта, свѣтлые такіе, ни выраженія, ни какой-либо глубокой мысли, или, чего Боже сохрани, недовольства, словомъ, самые простые глаза, въ простонародьи называемые телячьими; волосы онъ носилъ не слишкомъ длинные и не слишкомъ короткіе, и ничуть они не топырились вверхъ и не торчали щетиной, какъ бываетъ у иныхъ, говорятъ, будто бы строптивыхъ и непокорныхъ юношей.

Короче говоря, все въ немъ было просто и обыденно и не имѣло никакихъ особенностей. Увидишь такого человѣка на улицѣ, не обратишь вниманія. Такъ себѣ—человѣкъ, какъ человѣкъ. И это очень удобно такому человѣку: такіе прекрасные дары природы; иной разъ можно, пожалуй, пострадать изъ-за одной

физіономіи или изъ-за роста. Тамъ когда-то еще оправдаешься, да докажешь свои похвальныя свойства, въ разрѣзъ идущія съ твоими же щетинообразными или слишкомъ длинными волосами, а тутъ, глядишь, обстоятельства тебя уже отбросили, какъ говорится, къ чорту на кулички. Оправдывайся тамъ, какъ знаешь.

Въ этомъ отношеніи Илью Петровича можно назвать счастливымъ человѣкомъ. Кромѣ того, и по нраву своему онъ былъ человѣкъ весьма мирный, любилъ жизнь уединенную, а въ особенности споровъ избѣгалъ: «ну ихъ совсѣмъ», говорилъ онъ; крикъ только, всѣ говорятъ, никто никого не слушаетъ, — чего хорошаго!»

Онъ говорилъ всегда ровно, отчетливо и внятно, и если заходила рѣчь о нравственныхъ предметахъ, то и тутъ онъ не горячился и не возвышалъ голоса, какъ иные присяжные повѣренные, а въ особенности — сомнительнаго поведенія проповѣдники. Илья Петровичъ въ этомъ случаѣ имѣлъ даже такое мнѣніе, что если человѣкъ горячо говорить о чести и совѣсти, то тѣмъ самымъ даетъ знать, что онъ его сильно безпокоитъ.

Вообще говоруновъ, горячихъ или спокойныхъ, — все равно, онъ не любилъ. Потому, можетъ быть, что самъ былъ не особенно разговорчивъ.

Итакъ, по наружности и по образу жизни онъ казался самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Глядя на него, можно было подумать, что мысленнымъ окомъ своимъ онъ не можетъ видѣть на большое разстояніе и, пожалуй, даже вывести такое заключеніе, что разстояніе это ограничивается только ближайшими окрестностями его собственнаго носа.

Но все это только такъ казалось, и все это ни мало не было похоже на правду. Илья Петровичъ мысленнымъ окомъ своимъ постоянно стремился въ даль и старался что-то тамъ разсмотрѣть. Это была его особенность, которая отличала его въ духовномъ отношеніи отъ обыкновенныхъ, простыхъ, такъ сказать, будничныхъ людей.

Дѣдъ Ильи Петровича былъ русскій столбовой дворянинъ и спокойно прожилъ весь свой вѣкъ, то-есть имѣлъ крестьянъ, потому, какъ тому и быть слѣдовало, померъ и унесъ съ собою въ могилу неразрѣшенный вопросъ — зачѣмъ онъ жилъ. Отецъ уже крестьянъ не имѣлъ, то-есть, имѣлъ, но потомъ, по несчастнымъ житейскимъ обстоятельствамъ, ихъ продалъ и сталъ съ этого времени отзываться о крѣпостномъ правѣ съ большимъ пренебреженіемъ. Въ наслѣдство отъ него осталось сыну только одно родительское благословеніе. При помощи какихъ-то дальнихъ родственниковъ Илья Петровичъ докончилъ гимназическій курсъ въ

одномъ изъ отдаленныхъ губернскихъ городовъ и пріѣхалъ въ Петербургъ. Такое прошедшее на характеръ Ильи Петровича имѣло свою долю вліянія. Въ дни богатства отца ему непріятны казались пустота и безсодержательность жизни въ довольствіи, а потому, соразмѣрно возрастанію отцовскихъ долговъ, бывшихъ причиною большихъ домашнихъ непріятностей, шума, брани, слезъ, и наѣздовъ алчныхъ кредиторовъ совмѣстно съ полицейскими чинами, въ Ильѣ Петровичѣ все болѣе и болѣе укоренялась мысль о томъ, что такъ жить на свѣтѣ, какъ отецъ и какъ всѣ его знакомые, значить не жить, а тануть какую-то канитель, словомъ, дѣлать чортъ знаетъ что такое, только не жить.

Искалъ онъ чего-то другого, и вотъ эти-то поиски были причиною пріѣзда въ Петербургъ.

Въ первое время по пріѣздѣ Илья Петровичъ колебался въ выборѣ карьеры, хотѣлъ-было поступить на государственную службу, но раздумалъ, несмотря на то, что для этого былъ хорошій случай, благодаря прежнимъ связямъ отца. Поступивъ въ университетъ, онъ тоже нѣкоторое время относился къ дѣлу не особенно горячо и подумывалъ-было о занятіи живописью, къ которой въ первые годы юности имѣлъ влеченіе, но потомъ почему-то напелъ, что настоящаго призванія въ живописи въ немъ нѣтъ и никогда не было.

Вообще, это время было для него тяжелое, и тяжесть эта увеличивалась еще болѣе оттого, что ни съ кѣмъ онъ не дѣлился своими думами, а все рѣшалъ самъ съ собою. Рѣшать же было трудно, потому что въ немъ боролись всегда различныя противоположныя мнѣнія. Даже мелочные вопросы иногда ужасно затрудняли. Идетъ онъ, напримѣръ, по улицѣ и не можетъ рѣшить въ какой кухмистерской пообѣдать, на Литейной или въ Конюшенной; рѣшить идти на Литейную, но пройдя половину пути, вдругъ начинаетъ колебаться и поворачиваетъ обратно въ Конюшенную, а на половинѣ пути опять является въ немъ желаніе вернуться на Литейную. Положеніе, какъ видите, просто безвыходное. Все это, разумѣется, зависѣло отъ состоянія здоровья, которое, въ свою очередь, разстроивалось тѣмъ, что Илья Петровичъ не чувствовалъ почвы подъ ногами. Онъ все искалъ чего-то и не находилъ, а не находилъ потому, что не зналъ и самъ, чего искалъ. То вдругъ начинало казаться, что университетскій дипломъ ему совершенно не нуженъ, такъ какъ онъ рѣшилъ на государственную службу не поступать; что изучать какой-либо предметъ можно и не ходя въ университетъ, и что сдача экзаменовъ въ университетѣ есть ни болѣе ни менѣе, какъ нустая фор-

мальность, которая, въ сущности, только понапрасну время отнимаетъ. То вдругъ оказывалось, что полученіе диплома не только не лишняя вещь, а даже положительно необходимо, и что не только въ Россіи, но и во всѣхъ образованныхъ государствахъ университетскій дипломъ даетъ человѣку дорогу. Затѣмъ опять начинали мучить другія соображенія, что не лучше ли будетъ бросить университетъ и поступить куда-нибудь на частную службу, на заводъ какой-нибудь и изучать дѣло на практикѣ, механикой или химіей заняться, послужить сначала простымъ чернорабочимъ, пройти все, такъ-сказать, отъ самого корня, а тамъ, при помощи энергіи, труда и настойчивости, можно обратить на себя вниманіе и выдвинуться. Такія различныя соображенія просто сбивали его съ толку. Потомъ, его вдругъ осѣнила свѣтлая мысль, что надо сначала хоть гдѣ-нибудь и какъ-нибудь пристроиться, что собственно настоящее дѣло, которымъ ему слѣдуетъ заняться, еще впереди. Но при разсмотрѣніи вопроса о томъ, какъ и гдѣ пристроиться, опять оказывалось, что университетскій дипломъ въ этомъ случаѣ всего болѣе можетъ оказать пользы. На основаніи этихъ послѣднихъ соображеній онъ рѣшилъ окончить курсъ въ университетѣ и достать себѣ обезпеченный «кусокъ хлѣба»; а потомъ уже, думалъ онъ, получивъ этотъ кусокъ, можно будетъ исподволь прискаты себѣ настоящее дѣло.

Какое такое можетъ быть настоящее дѣло, говоря по чистой справедливости, онъ, право, и самъ не зналъ; думалось только, что оно, во-первыхъ, не государственная служба, во-вторыхъ, что суть его не въ наживѣ капиталовъ, и что, во всякомъ случаѣ, тамъ впереди будетъ все ясно видно.

Избралъ онъ себѣ спеціальностью древніе языки. Почему именно древніе языки, онъ не могъ отдать себѣ въ этомъ отчета, — такъ какъ-то самъ собой случился этотъ выборъ. Можетъ быть судьба такъ распорядилась: говорятъ же, что кому назначено удавиться, тотъ не утонетъ. Всего скорѣе, разумѣется, при характерѣ Ильи Петровича, можно думать, что подъ покровительствомъ древнихъ языковъ онъ надѣялся найти именно тотъ обезпечивающій кусокъ, о которомъ думалъ. Конечно, не безъ причины же было въ этомъ случаѣ.

Занимался онъ прилежно и на него стали смотрѣть, какъ на будущаго ученаго.

Сваливъ съ плечъ всѣ свои экзамены, товарищи праздновали окончаніе курса. Былъ между ними и Илья Петровичъ. Говорили много, собственно больше о прошломъ, по поводу экзаменовъ, профессорскихъ лекцій и о разныхъ случайностяхъ экзаменаціон-

ной лотереи. Илья Петровичъ больше слушалъ и помалчивалъ. Онъ сидѣлъ какъ-то въ сторонѣ отъ другихъ, въ углу, и смотрѣлъ въ полъ, какъ-будто сердился на кого-то. Все развлеченіе его на товарищескомъ праздникѣ состояло въ томъ, что онъ сосалъ папиросы: докурить одну и ея же огнемъ зажигаетъ другую, затѣмъ отъ огня этой третью и т. д.; курилъ и молчалъ и необыкновенно много дыму напустилъ вокругъ себя, точно его облакомъ осѣнило свыше.

Договорились товарищи и до предположеній о будущемъ. Одни предполагали ѣхать на родину, кто къ отцу, кто къ матери, и отдохнуть, а тамъ, молъ, что Богъ дастъ; другіе, подгоняемые обстоятельствами, намѣревались безъ отдыха тотчасъ же приняться за поиски мѣстишка на государственной службѣ и высчитывали, сколько времени нужно употребить для того, чтобы при помощи всевозможныхъ, болѣе или менѣе сложныхъ махинацій, въ видѣ протекцій, рекомендательныхъ писемъ и разныхъ «словечекъ жстати» добиться желаемой цѣли. При такихъ соображеніяхъ, въ видѣ неотразимаго препятствія, выступало на первый планъ затрудненіе отыскать на провать фрачную пару, безъ которой, какъ извѣстно, въ жизни ничего не подѣлаешь.

Илья Петровичъ и въ этихъ разговорахъ не принималъ участія: ѣхать ему было некуда, т.-е., пожалуй, онъ могъ ѣхать на всѣ четыре стороны, потому что нигдѣ никакого пристанища не оказывалось; но ему не было въ этомъ никакой надобности: ему обѣщали уже мѣсто старшаго учителя.

И дѣйствительно, онъ поступилъ на службу въ качествѣ просвѣтителя юношества и, казалось, успокоился.

Переплылъ, значить, бурную рѣку и нашелъ тихое пристанище. Все предыдущее, слѣдовательно, было только однимъ порывомъ куда-то. А можетъ быть... Мало ли, что можетъ быть!

III.

Илья Петровичъ по-прежнему повелъ уединенную жизнь. Онъ даже и квартиры своей собственной не имѣлъ, какъ это дѣлаютъ практическіе холостяки, въ видахъ соединенія разнородныхъ обязанностей въ одномъ лицѣ женской прислуги, онъ просто нанималъ комнату «отъ жильцовъ».

День проходилъ у него незамѣтно. Утромъ бывало отправится на службу, послѣ обѣда какой-нибудь частный урочекъ от-

работаетъ, а вечеромъ сидить тебѣ почитываетъ классиковъ или исправляетъ ученическія тетради.

Немножко только сдѣлался онъ разсѣянъ, вѣроятно читалъ ужъ очень по-долгу.

Ничѣмъ инымъ разсѣянность не объяснялась, потому что онъ былъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ и, казалось ему, прекрасно устроилъ свои житейскія дѣла. Содержанія, получаемого по службѣ вмѣстѣ съ уроками, было съ избыткомъ достаточно на то, чтобы имѣть столъ, комнату, приличное платье и откладывать кое-что на черный день. Положимъ, на черный-то день онъ ничего не откладывалъ, но зато жилъ, чтó называется, въ довольствѣ и спокойствіи, о чемъ во времена студенчества можно было только помечтать. Недаромъ же въ самомъ дѣлѣ онъ нашелъ, что учительство есть его настоящее призваніе и что собственно больше и искать нечего. Да и зачѣмъ искать? Предъ нимъ были настежъ раскрыты двери къ духовнымъ наслажденіямъ, которыя онъ могъ во всякое время дня и ночи получать въ бесѣдѣ съ древними философами, историками и поэтами. Чтó же еще больше желать? думалъ онъ.

При таковомъ довольствѣ собой и своимъ положеніемъ никакой надобности въ знакомствѣ съ кѣмъ бы то ни было не чувствовалось. «Чтó мнѣ въ этихъ знакомыхъ, думалъ онъ: ну, вотъ я приду, здравствуйте, скажутъ; ну, здравствуйте; чтó новаго? да ничего особеннаго; ну, а потомъ и потянутся ничего незначащія толки. Такъ только время попусту потеряешь». Остается театръ, опера, но къ нимъ онъ никогда влеченія не имѣлъ, хотя и любилъ музыку, но только духовную. Завернетъ иной разъ кто-нибудь изъ сослуживцевъ, но между ними онъ ни одного такого не встрѣтилъ, съ которымъ бы могъ сойтись, да и привычка къ одиночеству въ немъ настолько укоренилась, что самый коротенькій визитъ кого-либо изъ знакомыхъ казался ему несчастіемъ. Знакомый начнетъ разсказывать иной разъ что-нибудь и дѣльное, а Илья Петровичъ ловить слова только изъ пятого на десятое, и думаетъ лишь о томъ, скоро ли онъ уйдетъ. Быть одному ему казалось лучше, но пришла такая пора, что одиночество стало оказываться несостоятельнымъ, и именно не далѣе, какъ чрезъ полгода послѣ вступленія въ должность, стала его посѣщать какая-то до того времени невѣдомая ему гостья. Онъ затруднялся опредѣлить ея настоящее званіе: не то лѣнь, не то тоска, не то чортъ знаетъ чтó такое—во всякомъ случаѣ, чтó-то очень непріятное. Повадилась эта гостья сначала по праздникамъ, а потомъ иногда и въ будни стала завертывать въ его комнату,

въ особенности въ долгіе зимніе вечера. Онъ отъ нея на улицу, она за нимъ. Скучно, а отчего—самъ не знаетъ и понять даже не можетъ, что ему скучно. Лежитъ, бывало, въ воскресенье послѣ обѣдни на кровати и думаетъ, что теперь дѣлать? Вынетъ изъ портфеля ученическія тетради съ намѣреніемъ приняться за исправленіе въ нихъ ошибокъ, перелистуетъ двѣ-три, и положить назадъ. Неловко какъ-то, думаетъ,—сегодня праздникъ, надо же, въ самомъ дѣлѣ, отдохнуть; но чѣмъ же бы заняться? Ляжетъ на кровать и соображаетъ, и въ этихъ соображеніяхъ проходитъ иногда немало времени. По праздникамъ онъ всегда ходилъ къ обѣднѣ, не столько молиться, сколько пѣвчихъ послушать; отъ обѣдни идя, въ католическій костелъ завернѣтъ, тоже въ видахъ услажденія себя музыкой, но потомъ дня еще остается все-таки много, такъ много, что онъ и дѣлать его не знаетъ куда. Вкушать отъ стола классической мудрости иной разъ тоже особеннаго аппетита не чувствовалось.

Думаетъ, думаетъ, какъ жить на бѣломъ свѣтѣ, придумать не можетъ, чувствуетъ только, что прежнее довольство своимъ положеніемъ уже потеряло значительную долю прелести, что поднимается въ немъ снова какая-то прежняя, казалось уже давно позабытая дума, не дававшая ему покоя въ первые годы студенчества. «Жениться бы развѣ, думаетъ: что-жъ въ самомъ дѣлѣ, вѣдь я порядочное жалованье получаю, да и наклонности у меня самыя подходящія для семейной жизни: страсти къ разнообразію наслажденій не имѣю,—мужъ буду самый исправный... Да вотъ бѣда,—невѣсты въ виду нѣтъ». Подумаетъ такъ-то, вздыхаетъ, а чрезъ полчаса уже и забылъ о томъ, что трудно жить на свѣтѣ, и о томъ, что у него есть отличныя способности къ супружеской жизни,—все забылъ, забылъ потому, что какъ-то нечаянно вдругъ натолкнулся на дѣло: принялся за перестановку мебели въ своей комнатѣ. Такъ какъ для этого не представлялось другихъ средствъ, кромѣ передвиженія кровати и комода съ одного мѣста на другое, то онъ и ограничивался этимъ.

— Ну, думаютъ хозяева, нашъ жилецъ что-то завозился, видно опять мебель переставляетъ.

— Илья Петровичъ! слышится изъ другой комнаты.

— Вѣчно помѣшаютъ, шепнетъ Илья Петровичъ, и скрывая неудовольствіе, скромно спрашиваетъ: что вамъ угодно?

— Вамъ прислугу не нужно-ли?

— Нѣтъ-съ, мнѣ никого не нужно...

— Да вы никакъ, на праздникъ глядя, вздумали трудиться.

— А чортъ васъ побери, шепчетъ онъ сердито себѣ подъ носъ, и потомъ скромно отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, это я такъ только, ничего... Только хочу столъ отъ окна отодвинуть, свѣтъ сильно въ глаза бьетъ...

— То-то... А если вамъ что нужно переставить, комодъ, можетъ быть, или кровать, то лучше крикните прислугу...

— Нѣтъ, я такъ только, отвѣчаетъ онъ, стараясь придать тону рѣчи безпечность и тѣмъ скрыть отъ хозяевъ свои планы по части переустройства комнаты.

— Если вздумаете, то крикните, — прислуга свободна, слышится снова изъ комнаты хозяевъ.

— Нѣтъ, я уже переставилъ, не нужно, отвѣчаетъ онъ по-прежнему небрежнымъ тономъ, а самъ, между тѣмъ, про себя думаетъ: «этакая неотвязчивость, ну, что имъ за дѣло до меня, тѣфу!...»

Для того, чтобы не давать возможности развиться дальнѣйшему подозрѣнію и не вызвать хозяевъ снова на предложеніе услугъ, Илья Петровичъ на время приостанавливался въ работѣ и садился на стулъ гдѣ-нибудь около стѣны въ углу, собственно для того, чтобы удобнѣе было обзирѣвать всю комнату и встати сообразить, какъ и гдѣ лучше поставить мебель.

По прошествіи нѣкотораго времени, достаточнаго по его мнѣнію для того, чтобы разсѣять подозрѣніе хозяевъ, онъ снова принимается за работу и начинаетъ передвигать съ одного мѣста на другое комодъ или кровать, и старается такъ передвигать, чтобы въ комнатѣ хозяевъ не было слышно ни одного звука. Если непослушная вещь издавала скрипъ или трескъ, онъ вдругъ сильно жмурился и морщился, какъ будто его въ это время ножомъ въ сердце кололи, и ворчалъ при этомъ себѣ подъ носъ, видимо въ большой досадѣ на скрипъ и трескъ мебели. Иногда мебель и виновата въ этомъ вовсе не была, а просто скрипѣла половица, то и ей отъ Ильи Петровича доставалось, и домовладѣльцу, иной разъ, это тоже даромъ не проходило.

Посторонней помощи онъ почему-то не любилъ принимать и даже не желалъ, чтобы другіе знали о его «преобразованіяхъ», немножко, кажется, стыдился въ этомъ случаѣ чего-то. Богъ его знаетъ ужъ чего именно.

Когда же во всѣхъ углахъ комнаты и на всякомъ мѣстѣ ея пола мебель поочередно отстаиваетъ свое время, когда уже не представлялось возможности придумать какое-либо новое преобразование, Илья Петровичъ начиналъ томиться, и въ комнатѣ вдругъ оказывались различные недостатки: сырость, напимѣръ,

тѣснота, тяжелый воздухъ, однимъ словомъ, комната оказывалась совершенно неудобной для жилья, и по этой уважительной причинѣ Илья Петровичъ переселялся куда-нибудь на новое мѣсто. При этомъ онъ никогда не подозрѣвалъ главной причины, заставлявшей его перекочевывать и даже ни на минуту не задумывался надъ тѣмъ, отчего комната, нравившаяся ранѣе, вдругъ дѣлалась для него невыносимой. Только-что бывало переѣдетъ въ новую комнату, какъ тотчасъ же оживится и веселѣе сдѣлается и на все смотреть какъ-то иначе, совсѣмъ другими глазами, точно двѣсти тысячъ выигралъ. Придя въ гимназію, уже не молчитъ по прежнему, а съ восторгомъ рассказываетъ своимъ собратамъ: ну, молъ, батюшки, какую я комнату нашелъ, прелесть: два окна, парадный ходъ и т. д. и т. д., а тамъ, черезъ мѣсяць-два, на чей-нибудь вопросъ о мѣстѣ его жительства, уже съ величайшимъ пренебреженіемъ говорить о своей комнатѣ: чортъ, молъ знаетъ, что такое, сырость, вонь и т. п.

Попадались иногда такіе хозяева, что не только не предлагали помощи по части передвиженія мебели, но рѣшительно возставали противъ этого и грозили даже судомъ за самовластіе въ ихъ царствѣ, за ломку, будто бы, мебели, за порчу половъ. Только-что, бывало, Илья Петровичъ запретъ на крючекъ дверь и начнетъ осторожно передвигать какую-нибудь вещь, изъ соседней комнаты уже слышится громкій вопросъ:

— Господинъ! что это вы тамъ завозились?

— Нѣтъ, я такъ... хочу отдѣлаться Илья Петровичъ.

— Какое такъ! Вы опять тамъ мебель съ мѣста на мѣсто перетаскиваете.

— Вотъ вздоръ какой! и не думалъ...

Вещь, между тѣмъ, потихоньку двигается впередъ.

— Господинъ! Послушайте, это невозможно... Отоприте дверь.

— Ко мнѣ нельзя войти. Я раздѣтъ...

— Отоприте, я вамъ говорю, двери. Вы совсѣмъ не раздѣты, я въ щель вижу, что вы весь полъ исцарапали перетаскиваньемъ мебели... Отоприте.

Илья Петровичъ начиналъ сердиться.

Выходила такимъ образомъ сцена.

Такия комнаты, конечно, Илья Петровичъ выносить не могъ и при первомъ столкновеніи съ хозяевами, по свойственному его характеру добродушію, отказывался отъ своихъ правъ на устройство комнаты и такъ-сказать отступалъ предъ напоромъ непріателя, впрочемъ, всегда съ достоинствомъ: доживетъ до того вре-

мени, за которое заплачены деньги, и переѣдетъ на новую квартиру, молча, не прощаясь съ хозяевами.

Позже, наученный опытомъ, онъ при наймѣ помѣщенія вводилъ въ условіе особый дополнительный пунктъ о правѣ на перестановку мебели въ комнатахъ по своему вкусу, и выговаривалъ себѣ это право весьма тонко, въ видѣ только предположенія, что я, молъ, можетъ быть, найду нужнымъ въ послѣдствіи, по какому-нибудь обстоятельству, переставить вещи иначе. Ну, въ такомъ случаѣ, само собою разумѣется, никакихъ непріятностей не выходило, и все шло, такъ-сказать, на законномъ основаніи.

Но все что-то подмывало Илью Петровича и тревожило. Такъ иногда комнатная собаченка не можетъ никакъ улежаться спокойно, и все поворачивается съ одного бока на другой, поднимается съ мѣста, въ дремотѣ описываетъ два-три круга и опять жмется и ворочается, пока не измучится и не заснетъ. Только Илья Петровичъ кружиться на одномъ мѣстѣ не любилъ и перекочевывалъ съ Моховой, напримѣръ, въ Измайловскій полкъ, оттуда на Пески, съ Песковъ на Васильевскій островъ, словомъ, разстояніемъ не стѣснялся. Причины переѣздовъ своихъ въ отдаленныя улицы онъ объяснялъ двояко: когда перебирался далеко, то говорилъ, что это дѣлается имъ въ видахъ пользы отъ путешествій пѣшкомъ; когда же перебирался ближе къ гимназіи, то причины переѣзда, помимо неудобства комнатъ, объяснялъ тѣмъ, что хотя прогулки пѣшкомъ и полезны, но, при отдаленности квартиры, самая польза ихъ переходитъ во вредъ.

А скука нѣтъ-нѣтъ, да и завернетъ въ его мирный, тихій уголокъ и прокрадется невидимкой на письменный столъ, прямо на раскрытаго Тита Ливія. Илья Петровичъ, вздыхая, укладываетъ книгу на этажерку, и не знаетъ, что ему съ собою дѣлать.

— Нѣтъ, чортъ побери, сказалъ онъ какъ-то вдругъ самому себѣ, лежа на диванѣ:—надо подумать о женитьбѣ.

IV.

Такъ думалъ Илья Петровичъ въ маѣ, а въ іюлѣ уже строилъ прошеніе по начальству, что, молъ, «желая вступить въ первый законный бракъ съ дѣвицею (имярекъ), имѣю честь покорнѣйше просить, дабы» и пр. Въ августѣ онъ былъ уже женатъ.

Въ женитьбѣ своей Илья Петровичъ былъ необыкновенно счастливъ: жена съ нимъ рѣдко бранилась, а далѣе этого и не

шло, и не была особенно плодovита. Результатомъ супружескаго сожителства Илья Петровича оказалось только одно дѣтище, и тутъ даже, по его мнѣнію, не обошлось безъ счастья—мальчикъ.

Но и женившись, Илья Петровичъ не утратилъ прежней своей способности все чего-то искать, и именно лучшаго, лучшей жизни, или, по крайней мѣрѣ, хоть лучшей квартиры.

Жена противъ этого, въ первые годы, ничего не имѣла и даже подчасъ увлекалась его идеями.

— Какъ ты думаешь, говорилъ онъ, напริมѣръ, не нанять-ли намъ квартиру побольше и пустить жильцовъ, по крайней мѣрѣ двухъ?

— Это зачѣмъ же? спрашиваетъ жена, не понявъ сначала плановъ мужа.

— Во-первыхъ, если подороже квартиру взять, то она будетъ удобнѣе, свѣтлѣе, выше комнаты, наконецъ парадный ходъ съ улицы; а вѣдь за ту цѣну, за которую мы нанимаемъ, всегда приходится жить во дворѣ и по чѣрнымъ лѣстницамъ.

— Но вѣдь это дорого, не по нашимъ средствамъ.

— Вотъ видишь-ли, ты не очень практична: это будетъ еще дешевле, чѣмъ мы теперь платимъ, потому что тогда мы будемъ имѣть выгоду отъ жильцовъ, и на нашу собственно долю квартирной платы достанется немного.

— Что же, пожалуй, если ты находишь удобнымъ.

— Неудобства никакого нѣтъ... но представь, имѣя жильцовъ, вѣдь мы можемъ платить за квартиру изъ своихъ денегъ всего какихъ-нибудь 10 рублей.

— Что-жъ, это, конечно, хорошо... Начались различныя вычисленія выгодъ отъ предполагаемой отдачи комнатъ жильцамъ.

— Можно, пожалуй, со столомъ, замѣчаетъ Илья Петровичъ, развивая свою идею.

— Я думаю, хлопотливо, робко возражаетъ жена, уже охваченная прелестями предстоящихъ соблазновъ по части экономическихъ выгодъ.

— Какое хлопотливо, помилуй! Ты сообрази, вѣдь для насъ готовить обѣдъ нужно же, дрова жечь нужно же...

И доказывалось такимъ образомъ, что всего лучше отдать комнаты со столомъ.

Нанималась квартира побольше, отдавались двѣ комнаты, сначала со столомъ, потомъ, по оказавшимся неудобствамъ, безъ стола, а потомъ Илья Петровичъ и супруга его опять перекочевывали куда-нибудь въ маленькую квартиру.

— Нѣтъ, съ жильцами возиться хлопотливо, не стѣбитъ, замѣ-

часть онъ женѣ; то ли дѣло въ маленькой квартирѣ, по крайней мѣрѣ сами себѣ ховяева.

— Я тебѣ тогда говорила, помнишь, замѣчаетъ жена.

— Но кто же зналъ... Да что же ты и говорила - то; собственно мы съ тобой оба увлеклись.

— Да если бы не ты...

— Ну что: еслибы не я, если бы не я... И я могу то же сказать: если бы не ты...

— Однакожъ, ты первый сталъ фантазировать.

— Нѣтъ, если правду-то говорить, такъ едва ли не ты первая.

Поспорять такъ-то иногда довольно крупно, потому что ужъ очень досадно за безцѣнокъ лишнюю мебель и посуду продавать.

Впослѣдствіи, при перемѣнѣ квартиръ, жена Ильи Петровича уже стала ворчать и называла его «непосѣдомъ».

Слышать такое опредѣленіе своей собственной персоны Ильи Петровичу было неприятно, тѣмъ болѣе потому, что опредѣленіе было совершенно вѣрное.

«Какъ быть, думаетъ онъ, квартира скверная, отъ гимназій далеко и улица какая-то подлая, мрачная... Но вотъ вопросъ, какъ быть, какъ приготовить жену къ переезду».

Задача!

Размышляетъ такимъ-то способомъ, и вымыслить въ самомъ дѣлѣ что-нибудь весьма уважительное.

— Что это такое со мною дѣлается, начинаетъ онъ, напрымѣвъ, печальнымъ голосомъ; удивительно это странно...

— Что такое? спрашиваетъ жена.

— Да вотъ замѣчаю я, что у меня каждый день все голова болить.

Онъ заботливо ощупываетъ голову обѣими руками, точно опасается, не измѣнилась ли она по формѣ.

— Что-жъ тутъ страннаго, вчера вечеромъ долго сидѣлъ за работой, вотъ вся и причина.

— Но вѣдь это не первый день. Я замѣчаю, что у меня голова стала болѣть, какъ мы переехали сюда.

— Сходи къ доктору.

— Чтó докторъ! Много они, нынѣшніе доктора, смыслятъ...

Жена молчитъ. Илья Петровичъ тоже молчитъ.

— Да, удивительно, заботливо бормотать онъ, вздыхая, — нѣтъ, нѣтъ, да и заболить. Да это просто отъ квартиры, я положительно въ этомъ убѣждаюсь...

— Выдумывай! квартира сухая, теплая, свѣтлая...

Онъ молчитъ въ некоторое время, продолжая ощупывать голову, а самъ, между тѣмъ, соображаетъ, какъ повести дѣло дальше.

— А потолоки! вдругъ восклицаетъ онъ, ухватившись за счастливую мысль.

— Что потолоки? въ удивленіи спрашиваетъ жена.

— Какъ что? Низки, ужасно низки. Воздуха здѣсь не достаточно.

Жена порывисто встаетъ со стула и громко начинаетъ его упрекать.

— Что-жъ ты раньше-то смотрѣлъ? Вѣдь ты же самъ нанималъ и еще какъ хвалилъ, помнишь, восхищеніямъ конца не было.

— Да, я и теперь восхищаюсь. Квартира превосходная, я не отказываюсь; всегда, вездѣ скажу, дѣйствительно прекрасная квартира, и не дорогая, и удобная... Но потолоки! потолоки!..

— Они и тогда выше не были...

— Ахъ, какая ты, въ самомъ дѣлѣ, странная, вотъ всѣ женщины таковы. Это даже обидно. Ну, не досмотрѣлъ, не пришло въ голову! Ужели же, въ самомъ дѣлѣ, теперь за эту оплошность страдать и мучиться головными болями?..

— Господи! Съ тобой просто наказанье, чуть не въ слезахъ замѣчаетъ жена и хочетъ уйти. Да ну тебя, дѣлай, какъ знаешь. Надобѣлъ ты мнѣ съ своими переездами.

«Переезды» Ильи Петровича не ограничивались, впрочемъ квартирой; точно также онъ переезжалъ въ своихъ поискахъ за «настоящимъ дѣломъ» и отыскивалъ свое истинное призваніе, которое могло бы солидно устроить ему хорошій кусокъ хлѣба. То казалось ему, что онъ собственно механикъ и рожденъ для того, чтобъ осчастливить міръ своимъ открытіемъ или изобрѣтеніемъ. И тогда, къ ужасу его жены, тратилась трудовая копѣйка на покупку инструментовъ, а въ квартирѣ появлялись столярные станки со всѣми принадлежностями. Все это опять продавалось за бездѣнокъ, такъ какъ Илья Петровичъ внезапно усмотрѣлъ свою ошибку и нашелъ, что настоящее его призваніе — археологія. Пошла покупка ржавыхъ мечей, шлемовъ и даже гвоздей несомнѣнной древности. Этотъ хламъ уже и не продавался послѣ, а просто выбрасывался.

Между тѣмъ, пока Илья Петровичъ искалъ своей судьбы, судьба нашла его, и нашла самымъ обыкновеннымъ образомъ. Неудавшійся механикъ, обманутый археологъ очутился весьма счастливымъ наслѣдникомъ. Впрочемъ, и тутъ Илья Петровичъ сначала усомнился въ своемъ новомъ призваніи.

Дѣло въ томъ, что былъ у Ильи Петровича какой-то дальнѣй родственникъ, до того дальнѣй какъ-будто вовсе и не родственникъ. Онъ, по слухамъ, былъ очень умный человѣкъ, чему, впрочемъ, служило несомнѣннымъ доказательствомъ его большое «благопріобрѣтенное». Илья Петровичъ имѣлъ о немъ самыя смутныя понятія. Въ дни своей молодости, когда послѣ смерти отца мать переселилась изъ проданной за долги усадьбы въ уѣздный городъ, онъ часто слыхалъ отъ ней про богатаго родственника и подъ ея диктовку писалъ къ нему просительныя письма, въ которыхъ и именовалъ его милымъ дядюшкой; но о послѣдствіяхъ этого въ воспоминаніяхъ Ильи Петровича ничего не сохранилось. Потомъ, когда мать умерла и онъ по волѣ судьбы оказался въ гимназіи губернскаго города, то, по совѣту практическихъ людей, писалъ дядюшкѣ поздравительныя письма на всѣ высоторжественные праздники и дни именинъ, причеиъ душевно желалъ ему многолѣтняго здравія и всѣхъ благъ. Объ этомъ Илья Петровичъ при поступленіи въ университетъ иногда вспоминалъ съ большой досадой и обвинялъ добрыхъ совѣтчиковъ за то, что они заставляли его унижаться. Конечно, досадно: писалъ, писалъ—и никакого проку; самолюбіе страдало, такъ-сказать, совершенно безплатно. Потомъ, въ первые годы учительства, порою доходили до него слухи, что дядя овдовѣлъ, схоронилъ единственную дочь и переѣхалъ куда-то въ другой городъ, купилъ себѣ старый разваливающійся домишко и живетъ совершенно одинъ, прислуги не держитъ, свѣчь въ домѣ не жжетъ и печей не топить, а въ сильные морозы ходитъ въ комнатѣ одѣтый въ шубу, теплые сапоги и мѣховую шапку. По этимъ отзывамъ Илья Петровичъ заключилъ, что у дяди экономическая часть въ хозяйствѣ по расходной смѣтѣ доведена до совершенства, и въ минуты веселаго расположенія духа говаривалъ, что такой человѣкъ въ Департаментѣ Государственной Экономіи былъ бы находка. Что же касается вопроса о доходахъ дяди и о величествѣ его капитала, Илья Петровичъ хотя и зналъ, что крайняя экономія въ хозяйствѣ дяди не могла быть вызвана бѣдностью, а скорѣе доказывала его богатство; но быть обладателемъ этого богатства, или, по крайней мѣрѣ, имѣть виды на какую-либо его часть ему и въ голову не проходило.

Будучи уже женатыиъ, Илья Петровичъ имѣлъ какъ-то неосторожность, рассказывая женѣ свою родословную, упомянуть о богатомъ родственникѣ.

— Да ты что же это смотришь! воскликнула она при этомъ извѣстіи, сразу понявъ, по свойственной въ этомъ случаѣ женщи-

намъ проникательности, что нужно возобновить съ дядей переписку...

— А что же мнѣ смотрѣть? въ удивленіи спросилъ онъ.

— Какъ что? Ты говоришь, онъ богатый человѣкъ и сидишь тутъ, какъ медъ виснешь.

— Да мнѣ-то что же?

— Какъ что? Боже мой! Ахъ, какой ты несносный человѣкъ!..

Жена всплеснула при этомъ руками и стала доказывать Ильѣ Петровичу необходимость возобновить съ родственникомъ переписку. Онъ-было, какъ говорится, и руками и ногами отбивался, но всякій знаетъ, легко ли отбиться отъ того, что захочетъ сдѣлать жена. И вотъ, опять было отправлено къ родственнику письмо, но однакожь, несмотря на его нѣжный тонъ, отвѣта отъ родственника не послѣдовало.

Время послѣ отсылки письма было для Ильи Петровича очень тяжелое. Жена положительно мѣшала ему заниматься и каждый день приставала съ разспросами о томъ, когда долженъ получить отвѣтъ.

— Отстань ты отъ меня, ради Бога, говорилъ онъ; почему я, знаю, можетъ быть онъ давно умеръ.

— Какъ умеръ? Какъ умеръ? А наслѣдство?... Да что же это ты въ самомъ дѣлѣ!

— Ну что я? что я? Говори, что же я по-твоему долженъ дѣлать? горячился онъ, и думалъ про себя: «чортъ меня сунулъ, прости Господи, сболтнуть про дядю этой несносной женщинѣ».

— Какъ что? Пиши еще разъ, пиши, непременно пиши.

Онъ еще написалъ письмо, но отвѣта не было.

— Я тебѣ говорилъ, что это совершенно напрасно. Ты думаешь, я отступился бы отъ этого наслѣдства, если бы была хоть слабѣйшая надежда на него.

— Разсказывай! Знаю я тебя... Туда же: я, я... Эхъ ты!

— Ну пойди же, успокойся, совѣтовалъ Илья Петровичъ, желая выпроводить жену изъ кабинета.

— Это просто несносно! горячилась въ свою очередь жена, — неужели же такъ и отступить отъ всего!...

— Ну, что же дѣлать? сердитымъ шопотомъ спрашивалъ онъ, въ изумленіи разводя руками.

— Какъ что дѣлать? разузнать, что онъ и какъ, живъ ли, наконецъ. Пиши знакомымъ, узнавай, допытывайся...

— Вотъ наказаніе, думалъ онъ; но однакожь, волей-неволей, разузналъ о дядѣ. Оказалось, что онъ живъ и здоровъ. Жена опять стала мучить отправкою писемъ.

Отправлено было еще два-три письма, но дядя упорно отмахивался.

Жена, видимо сознавъ всю тщету принятыхъ мѣръ, нѣсколько поуспокоилась. Илья Петровичъ отъ всего сердца послалъ дядю ко всѣмъ чертямъ, да встати при этомъ и жену ругнулъ порядочно, опять-таки за то, что его самолюбіе совершенно бездечно страдаетъ. Какъ-то во время каникулъ жена снова стала настаивать, чтобы Илья Петровичъ съѣздили на родину и повидались съ дядей, авось, молъ, что-нибудь изъ этого и выйдетъ. Но это предложеніе онъ съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства отвергнулъ: не хочу, молъ, я кланяться всякому выжившему изъ ума самодуру.

Какъ жена ни настаивала, но добиться поѣздки не могла.

— Нѣтъ ужъ, матушка, извини, послушалъ тебя разъ, а теперь ужъ ни за что...

— Да какъ же ты можешь такъ разсуждать? Вѣдь у тебя есть сынъ, ты объ его участи долженъ позаботиться...

Долго отбивался Илья Петровичъ, много непріятностей чрезъ это несчастное наслѣдство перенесъ и отбилъ только тѣмъ, что указалъ женѣ на неизбѣжность совершенно напрасныхъ расходовъ на проѣздъ. Послѣ долгихъ споровъ она, наконецъ, и сама убѣдилась, что деньги на проѣздъ могутъ, пожалуй, и дѣйствительно оказаться истраченными по-напрасну.

— И надѣлилъ же тебя Господь такой скверной родней, сердилась она, видимо въ отмщеніе за то, что мужъ ее не послушался.

— Свои хуже чужихъ, холодно замѣтилъ Илья Петровичъ, желая поскорѣе прекратить этотъ разговоръ и уединиться за какой-то своей новой работой.

Можетъ быть, и жена забыла бы о существованіи дяди, но тутъ явилась на бѣду Ильи Петровича гадалыщица, которая такъ искусно гадала, что не только Ильѣ Петровичу, имѣвшему все-таки основанія на возможность получить отъ дяди какую-нибудь сумму денегъ, но и совершенно безродному бѣдняку по картамъ выходило всегда богатство, и главное—въ скоромъ будущемъ. Гадалыщица познакомилась съ женою Ильи Петровича гдѣ-то въ гостяхъ и очаровала ее своимъ необыкновеннымъ талантомъ. Со времени этого знакомства разговоръ о возможности получить отъ дяди наслѣдство снова сталъ слышаться въ квартирѣ Растеряевыхъ, и какъ только нужда показывала къ нимъ свой носъ, такъ жена Ильи Петровича тотчасъ же вспоминала о гадалыщицѣ, шла къ ней, или звала ее къ себѣ, и начиналась извѣстная исто-

рія раскладыванья картъ. Илья Петровичъ, бывало, сидитъ въ своемъ кабинетѣ и даже дверь оставляетъ запертой, но не тутъ-то было: вдругъ, на самомъ интересномъ мѣстѣ его работы начинается стукъ въ дверь.

— Что тамъ такое? вскрикиваетъ онъ, не отрываясь отъ работы и надѣясь, что стукъ послѣ этого окрика прекратится.

Стукъ дѣйствительно на нѣкоторое время притихаетъ. Илья Петровичъ углубляется въ работу, но повторившійся стукъ опять мѣшаетъ ему.

— Да кто тамъ стучится? Не мѣшайте мнѣ, я занятъ...

— Отопри! слышится негромкій возгласъ жены.

Илья Петровичъ встаетъ съ кресла и чрезъ запертую дверь сердито ворчитъ.

— Какъ тебѣ не стыдно. Говорю, что занятъ... Ну, что нужно-то, отвѣчай же скорѣй.

— Отопри, пожалуйста. Мнѣ непременно нужно тебя видѣть, ну-же...

Нечего дѣлать. Нахмурившись, Илья Петровичъ отпираетъ дверь и недовольнымъ голосомъ спрашиваетъ:

— Ну, говори же, говори. Мнѣ некогда.

— Гадальщица пришла! таинственно шепчетъ жена.

— Тьфу, ты, Господи Боже мой! громко вскрикиваетъ онъ.

— Тихе! тихе!... Не хорошо: она можетъ обидѣться...

Жена входитъ въ кабинетъ, притворяетъ за собой дверь и съ укоризной машетъ на мужа руками, давая ему этимъ знать, чтобы не кричалъ. Онъ въ гнѣвѣ; но кричать не рѣшается и продолжаетъ дѣлать выговоръ женѣ шопотомъ.

— Когда ты меня оставишь въ покоѣ! когда ты, наконецъ, ужасная женщина, поймешь, что это безчеловѣчно съ твоей стороны, что ты безжалостно врываешься въ мой кабинетъ и оскорбляешь меня этимъ до глубины души... На что это похоже!

Говорить шопотомъ ему трудно, потому что онъ сильно взволнованъ, и послѣднія фразы своей сердитой рѣчи онъ уже говорить не шопотомъ, а какимъ-то шипящимъ голосомъ.

— Перестань, тихе, успокоиваетъ жена, — ты знаешь, она не какая-нибудь, — она генеральская дочь...

Илья Петровичъ въ гнѣвѣ плюетъ и очень непохвально отзывается о всѣхъ старыхъ дѣвахъ, а о генеральскихъ дѣвахъ въ особенности.

— Ну, пойдн, заключаетъ онъ, наконецъ, пойдн и гадай себѣ сколько угодно.

Онъ растворилъ двери, чтобы выпроводить жену и опять за-

переться, но она тянетъ его за рукавъ халата и останавливается въ дверяхъ.

— Пойдемъ, пожалуйста. Ну, хоть посмотри немного. Тебѣ же это полезно—отдохнешь съ полчаса...

— Что-жъ, думаетъ онъ, все равно ужъ: мысли эта неисправимая женщина разогнала, пойти отдохнуть немного, слушая глупую балтовню бабъ.

Онъ хочетъ идти въ халатъ, но жена проситъ надѣть сюртукъ.

— Ну, что еще выдумываешь. Развѣ не все равно...

— Да она дѣвица, не хорошо.

— Что же тутъ нехорошаго; по-моему всякое платье прилично, лишь бы прикрывало наготу тѣла и было не грязно...

— Да, но все-таки, Илья Петровичъ, надѣнь сюртукъ...

— Не хочу я переодѣваться...

— Надѣнь, голубчикъ; ну, будь умненькимъ, говоритъ она, и хочетъ стягивать съ него халатъ.

Это его окончательно сердить.

— Ну, голубчикъ, Илья Петровичъ, ласково начинаетъ жена, ну, пойдемъ въ халатъ, ну, ничего, пойдемъ же...

— Не хочу, когда такъ...

— Ну, миленькій, пойдемъ...

На этотъ разъ его упорство не такъ почему-то продолжительно. Выходитъ онъ въ гостиную и, какъ деликатный человѣкъ, виду не показываетъ, что за минуту предъ тѣмъ былъ сердитъ, напротивъ, очень любезно обращается съ привѣтствіемъ къ гостѣ и проситъ извиненія за свой востокъ, ссылаясь на нездоровье.

— Ну, что-жъ такое. Вы уже человѣкъ пожилой, вамъ можно простить...

Ему хочется сказать гостѣ, что она тоже не первой молодости, но зная, что ей это можетъ быть обидно, онъ удерживается. Гостыя, между тѣмъ, давно уже разложила карты и только ждала прихода хозяевъ, чтобъ начать разъясненіе гаданья.

— Вотъ видите ли, говоритъ она, тыкая пальцемъ въ карты, для васъ всегда необыкновенно хорошо выходитъ.

Илья Петровичъ приближается къ столу, закладываетъ руки за спину и молча смотритъ на карты, покачивая головой, какъ человѣкъ вполне сознающій всю тщету человѣческихъ усилій постигнуть тайны будущаго.

— Вотъ видите ли, продолжаетъ гадальщица, проворно дѣлая какія-то необходимыя перетасовки и бормоча при этомъ что-то себѣ подъ носъ: въ скоромъ времени въ вашей жизни должна быть рѣшительная перемѣна.

Илья Петровичъ по прежнему стоитъ, печально смотря на карты и покачивая головой.

Послѣ нѣсколькихъ новыхъ быстрыхъ перетасовокъ и бормотаній гадалыщица продолжаетъ:

— И эта перемѣна должна быть въ хорошую сторону; выходить, что вы получите откуда-то большія деньги...

— Суета суеть! заключаетъ, наконецъ, Илья Петровичъ, отходя отъ стола.

Гадалыщица это заключеніе принимаетъ какъ критику на ея гаданье и нѣсколько обиженнымъ тономъ возражаетъ:

— По мнѣ, какъ хотите: хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ; но только помните, что мои гаданья всегда сбываются.

— Всяческая суета! уклончиво замѣчаетъ Илья Петровичъ, медленно шагая изъ угла въ уголъ.

— Что-жъ, вы думаете, что я вамъ отъ себя что-ли выдумываю, говоритъ она уже довольно опредѣленнымъ тономъ, доказывающимъ неспокойное состояніе ея духа.

— Помилуйте. Я нисколько, я совершенно увѣренъ, а только замѣтилъ вообще, что все на свѣтѣ суета суеть. Это не по отношенію только къ вамъ, а вообще, понимаете, вообще...

Къ предсказаніямъ онъ относился различно, смотря, разумѣется, по расположенію духа, иногда сердился на нихъ, иногда смѣялся. Такъ какъ гадалыщица въ сообществѣ съ его женой всегда замѣшивала въ гаданье дядю и отводила ему въ этомъ случаѣ даже самое почетное мѣсто въ видѣ какого-то короля, то онъ старался придать дядѣ миѣическій характеръ и низводилъ его на степень легенды. Въ веселомъ расположеніи духа онъ подсмѣивался надъ гадалыщицей и сравнивалъ ее съ Кассандрой, дочерью знаменитаго старца Пріама, причемъ въ игривой формѣ намекалъ насчетъ любовныхъ ея отношеній къ богамъ древней Греціи.

— Какъ вы можете такъ ко мнѣ относиться, обиженно возразила гадалыщица: вы знаете, что я дѣвица; это даже неприлично съ вашей стороны...

Гадалыщица съ негодованіемъ удалилась въ прихожую.

— Эхъ, ну васъ совсѣмъ! съ вами и въ самомъ дѣлѣ голову потеряешь.

Онъ наскоро сбросилъ халатъ, надѣлъ пальто и ушелъ гулять.

Такъ проходили одинъ за однимъ цѣлые годы.

Въ праздники являлся изъ гимназіи сынъ и нѣсколько разнобразилъ своимъ появленіемъ домашній бытъ. Мать болѣе обыкновеннаго хлопотала на кухнѣ, чтобы сытнѣе и вкуснѣе былъ

обѣдѣ. Илья Петровичъ меньше оставался въ своемъ кабинетѣ и иногда экзаменовалъ сына, но мать старалась и этому мѣшать.

— Ну ужъ ты, говорила она, увлекая сына къ себѣ въ комнату: только и знаешь, что мучить ребенка. Надо же ему отдохнуть.

Илья Петровичъ не былъ особенно чадолубивъ и о сынѣ не очень заботился: устроилъ, молъ, его въ гимназію, что-жъ еще надо, теперь пусть самъ, какъ знаетъ, идетъ. На эту только тему и читалъ ему правоученіе; впрочемъ, по временамъ заходилъ въ гимназію и справлялся объ его успѣхахъ и поведеніи.

Сынъ незамѣтно вытянулся уже до пятнадцати лѣтъ.

— Ну, что-же ты Одея, предполагаешь потомъ съ собой дѣлать, а? спрашивалъ онъ сына, — по какому факультету пойдешь въ университетѣ?

— Сначала нужно, папенька, кончить въ гимназіи, а тамъ и посмотрю, благоразумно отвѣчалъ сынъ.

— Это умно! Это умно, Одея! хвалю, голубчикъ!..

Этимъ и ограничивались его отношенія къ сыну и это, конечно, было причиной того, что между ними существовали совершенно свободныя отношенія. Илья Петровичъ научилъ его даже играть въ карты (онъ любилъ по временамъ отдохнуть за пиветомъ отъ своихъ занятій) и въ теченіе недѣли иногда не разъ спрашивалъ жену:

— А какой сегодня день?

Та отвѣтитъ.

— Ну, значить, близко воскресенье. Одея придетъ, въ пиветъ вечеромъ сыграемъ...

V.

На сорокъ-второмъ году жизни Илья Петровичъ овдовѣлъ.

Тяжелое это было время. Долго Илья Петровичъ, угрюмый и убитый горемъ, бродилъ по многолюднымъ улицамъ города, думая этимъ себя развлечь. Въ гимназіи были удивлены его отсутствіемъ, такъ какъ онъ въ продолженіи двухъ недѣль ни разу туда не зашелъ, чего съ нимъ прежде никогда не случалось. Первое время онъ не могъ совсѣмъ оставаться въ своей квартирѣ; въ ней все напоминало ему о недавней уtratѣ, и онъ не зналъ куда дѣваться, чтобы заглушить боль сердца. Хотѣлъ взять къ себѣ изъ гимназіи сына для того, чтобы онъ жилъ дома и только ходилъ туда на уроки, и взялъ-было, но потомъ сообразилъ, что это не поможетъ его горю, и остался опять одинъ.

«Что же отрывать отъ мѣста, подумалъ онъ, пусть доканчиваетъ, ужъ немного осталось». Вечерами, сидя за чайнымъ столомъ, онъ не разъ рѣшалъ, что жизнь человѣческая и, вообще, существованіе всего міра есть—величайшая безсмыслица. «Это какая-то безсердечная, злая насмѣшка и самый наглій обманъ», шепталъ онъ, отирая набѣгавшія слезы.

Старая Ѳедора, давно служившая у Растеряевыхъ и считавшаяся въ ихъ семействѣ своимъ человѣкомъ, вздыхала и охала, смотря на Илью Петровича.

— Пусто стало у насъ, Ѳедора, говорилъ онъ, оглядывая комнату и вздыхая.

— Что-жъ дѣлать, батюшка, вы не убивайтесь, вѣдь ужъ не воротить.

— Не воротить, Ѳедорушка, не воротить... Все прошло, кануло въ вѣчность!.. Вотъ, бывало, она здѣсь, моя голубица кроткая, раскладывая карты, тутъ вотъ сиживала часто... теперь... пусто...

И не договорилъ, а только махнулъ рукой, и поплелся въ свой кабинетъ, стараясь удержаться, чтобы не зарыдать. Такъ случалось не разъ. Ѳедора посмотритъ-посмотритъ ему вслѣдъ, приложить правую ладонь къ щекамъ и покачаетъ головой:—Эхъ, моля, какъ убивается сердечный.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, пять или шесть—около этого. Сынъ окончилъ курсъ въ университетѣ и поступилъ на государственную службу. Онъ какъ-то скоро успѣлъ выдвинуться чѣмъ-то и оказалъ какія-то способности, не въ смыслѣ только почтительности и умѣнья угодить начальству, но былъ замѣченъ даже со стороны знанія дѣла. Это способности особаго рода; они ничего общаго съ обыкновенными человѣческими способностями не имѣютъ, это, такъ-сказать, служебныя, чиновничьи способности. Приобрѣтая ихъ, свѣжій человѣкъ «съ воли» сначала головными болями страдаетъ, дико ему какъ-то, потому что на службѣ совсѣмъ другая атмосфера, другой міръ и другія понятія и вѣрованія. Талантливый человѣкъ и талантливый чиновникъ ничего общаго между собою не имѣютъ. Иной и всякія ученныя степени произошелъ, и въ юридическихъ наукахъ, какъ говорится, съѣлъ собаку вмѣстѣ съ шерстью, а поступилъ на службу—глядишь, оказывается ровно ни на что не годнымъ, нужно начинать сначала, многое прежнее отбросить, многое измѣнить и поддѣлаться подъ существующій тонъ. Пробуетъ, пробуетъ,—не можетъ поддѣлаться, все какъ-то проглядываетъ въ немъ «частное»; нѣтъ того особеннаго букета, какой бросается въ носъ отъ настоящаго

чиновника, отъ его фizioномiи, костюма, манеры, отъ каждой составленной имъ бумаги. Иной не выдерживаетъ и бѣжить вонъ, и радъ, точно изъ сумасшедшаго дома вырвался. Между тѣмъ тамъ, въ какомъ-нибудь департаментѣ, его считаютъ за сумасшедшаго и даже жалѣютъ: вотъ молъ, какіе на свѣтѣ несчастные бываютъ. Другіе скоро осваиваются съ новой атмосферой, и увеличивая запасъ своихъ служебныхъ достоинствъ, мало-по-малу измѣняются, даже въ мелочахъ, даже въ манерѣ излагать свои мысли, словомъ, оказываются способными. Посмотрѣть на такого способнаго въ то время, когда уже онъ отличился, оперился, увѣсился различными видимыми знаками своихъ заслугъ и достоинствъ,—и не узнаешь: нѣтъ и слѣда прежнихъ человѣческихъ стремленій, радостей, волненій и страданій, все то, что составляетъ жизнь и не даетъ человѣку заплѣсневѣть, исчезло и замѣнилось надменнымъ самоудовольствіемъ и полнѣйшимъ пренебреженіемъ ко всякому живому чувству; окаменѣлъ человѣкъ въ гордомъ самосознаніи своего крошечнаго величія и все у него свелось на томы, статьи, да циркуляры, и терзаетъ онъ непривычное ухо своими вѣчными: «имѣя въ виду», да «принимая во вниманіе», да «руководствуясь такой-то статьей, такого-то тома, такого-то примѣчанія въ такому-то пункту»—и, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси.

Сынъ Ильи Петровича попалъ уже на эту дорожку, и пока еще не оперился и особенныхъ знаковъ отличій не имѣлъ, впрочемъ, въ петличкѣ уже что-то такое «отличающее» было.

Въ квартирѣ отца онъ занималъ двѣ комнаты, въ одной была спальня, въ другой кабинетъ. Чистота въ его комнатахъ была невообразимая, каждая вещь имѣла свое опредѣленное мѣсто. Садясь за письменный столъ, онъ предварительно оглядывалъ его, все ли на своемъ мѣстѣ лежитъ, потомъ сдувалъ пыль, обтиралъ перо, особой, нарочно для этого купленной, сушонкой, въ формѣ бабочки съ цвѣтными крыльями, и затѣмъ уже принимался за работу.

Самъ Илья Петровичъ со времени смерти жены помѣщался въ одной комнатѣ; тутъ у него была и спальня и кабинетъ, кровать ему служилъ диванъ. Сынъ и отецъ другъ другу не мѣшали и мало какъ-то между собою видались. Утромъ Илья Петровичъ вставалъ рано, зимою задолго до свѣта, и пилъ чай у себя въ кабинетѣ, сидя за письменнымъ столомъ. Для этого у него имѣлся особенный самоварчикъ, маленькій такой, но толстенный и объемистый въ срединѣ. Онъ по фигурѣ своей даже немножко смахивалъ на Илью Петровича, было что-то между ними общее и даже въ характерѣ обоихъ находились родственныя свойства: са-

моваръ удивительно скоро согрѣвалъ воду и скоро потомъ охлаждался; разница была только въ томъ, что когда въ самоварѣ начинали гаснуть угли, то онъ впадалъ въ грустную задумчивость и затягивалъ печальную пѣсню, чего за Ильей Петровичемъ никогда не водилось.

Принесетъ ему старуха Ѳедора, единственная ихъ прислуга, этотъ самоварчикъ, а Илья Петровичъ уже давно сидитъ въ своемъ старенькомъ халатѣ за письменнымъ столомъ и строчитъ что-нибудь. Если работа хорошо идетъ, и онъ отъ этого въ пріятномъ расположеніи духа, то иногда, не оглядываясь, окриknетъ Ѳедору.

— Это ты?

— Я, батюшка, Илья Петровичъ.

— Самоваръ принесла, да?

— Да, принесла.

— Ну, заваривай чай, заваривай, заваривай, попьемъ чайку...

Потомъ повернется къ ней лицомъ и спроситъ:

— Ну, старуха, здравствуй.

— Здравствуйте батюшка, Илья Петровичъ.

— Каково спала, чтó во снѣ видѣла? а?...

Ѳедора знала по этому, что Илья Петровичъ въ духѣ и вступала съ нимъ въ такое время въ бесѣду.

— Какой сонъ батюшка, поясница все болить...

— Поясница? Это не хорошо...

— Чего хорошаго! Вотъ, ей, это мѣсто болить, просто повернуться больно...

При этомъ Ѳедора поварачивалась къ Ильѣ Петровичу спиной, желая точнѣе опредѣлить то именно мѣсто, которое болить.

— Это не хорошо... ты бы спиртомъ растерла.

— Терла, батюшка. Вы ужъ объ этомъ мнѣ изволили говорить, разъ никакъ восемь терла...

— Ну, другого не знаю. Самъ я съ болѣзнями никогда не вожусь, да и тебѣ не совѣтую, не хорошо это...

Такъ вотъ и поговорятъ минутъ десять-пятнадцать, и Илья Петровичъ доволенъ, и старуха довольна.

Разговорившись, онъ иногда отодвигалъ отъ себя далеко въ сторону книги и бумаги и повертывался вмѣстѣ съ кресломъ подалѣе отъ письменнаго стола, видимо съ рѣшительнымъ намѣреніемъ отдохнуть отъ работы и побесѣдовать съ старухой.

— Ну, чѣмъ же ты насъ сегодня будешь кормить, спрашивалъ онъ, разговорившись.

— Да чтó прикажете, то и сдѣлаю...

— Гм... Да! Сдѣлай-ка ты...

Онъ вдругъ умолкалъ на полусловѣ: какая-то посторонняя мысль мгновенно овладѣвала его вниманіемъ.

— Что же, батюшка, сдѣлать-то.

— Вотъ что, Оедорушка, вотъ что я тебѣ скажу: сдѣлай ты сегодня пирожокъ, этакій хорошенькій пирожокъ съ сижкомъ...

— Что-жъ, можно и пирожокъ.

Такія разсужденія бывали только въ то время, когда работа шла хорошо и онъ былъ въ духѣ.

Иногда утро начиналось совсѣмъ иначе. Только-что Оедора принесетъ мѣднаго пузанчика въ комнату и поставитъ его на переддвинный столъ, а Илья Петровичъ, не поворачиваясь отъ стола, уже торопливо повторяетъ:

— Ну, ну, поскорѣй! Уходи, уходи, не мѣшай мнѣ пожалуйста...

— Сейчасъ, только чай заварю...

— Не заваривай, не заваривай. Я самъ заварю. И Оедора знаетъ, что Илья Петровичъ сильно занятъ, а потому и спѣшитъ поскорѣе уйти, притворяя за собой поплотнѣе дверь.

Онъ такъ иногда заработается, что уже совсѣмъ разсвѣтаетъ и надо въ гимназію идти. Опомнившись, торопливо бросаетъ свою работу, хочетъ поскорѣй заварить чай, а пузанчикъ давно уже потухъ и остылъ.

— Ахъ, досада! бормочетъ онъ суетливо, кидаясь изъ угла въ уголъ, отыскивая свое платье.

— Оедора! Оедора! кричитъ онъ, куда ты у меня сапогъ забросила?..

Оедора поспѣшно входитъ.

— Какой, батюшка, сапогъ. Господь съ вами...

— Да какъ же? гдѣ же сапогъ. Я вчера вотъ тутъ у дверей снялъ...

Да, вонъ, онъ у васъ въ ногахъ на диванѣ лежитъ...

— Ну хорошо, хорошо... Что же это ты мнѣ холодный самоваръ принесла?

Оедора начинаетъ ему объяснять и оправдываться; но онъ уже напаяливаетъ свой вицмундиръ и спѣшитъ идти, чтобъ не опоздать къ началу класса.

— Что-жъ это вы безъ чаю.

— Ну, ну, ладно, послѣ класса, черезъ часъ забѣгу, куда-нибудь по дорогѣ въ трактирчикъ...

Сынъ, между тѣмъ, въ это время еще спитъ и только къ одиннадцати часамъ отправится въ департаментъ.

За обѣдомъ Илья Петровичъ разговаривать не любилъ и къ

питанію тѣла относился съ особенною заботливостію, да и объ-дали они выѣстъ съ сыномъ непостоянно. Въ этомъ случаѣ Илья Петровичъ былъ примѣрный отецъ и предоставлялъ сыну полную свободу жить, какъ ему вздумается: ты, молъ, идешь по своей дорогѣ, а я по своей.

Послѣ обѣда Илья Петровичъ, по обыкновенію, спалъ, иногда до вечерняго чая, и спалъ такъ, что мухи тревожно начинали кружиться надъ окнами комнаты, перепуганныя его храпомъ, и биться о-стекла оконъ, желая спастись отъ воображаемой опасности. Проснувшись послѣ такого сна, онъ принимался охатъ, тяжело вздыхать и роптать на что-то. Въ такое время находило на него тяжелое раздумье, которое, впрочемъ, строго разсматривая, раздумьемъ нельзя было назвать, потому что онъ, въ сущности, ни о чемъ не думалъ въ это время, а такъ, какъ-то вскользь и тупо переносился отъ одной мысли въ другой. Приходило ему, напримѣръ, въ это время въ голову, что вотъ, молъ, я спалъ, спалъ долго и крѣпко, а теперь проснулся; вонъ вижу, солнце закатывается, вонъ какая-то баба идетъ съ узелкомъ по двору... Перескочить такъ чрезъ нѣсколько разнородныхъ представленій и вдругъ начинаетъ опять охатъ и роптать, не то на солнце, зачѣмъ оно закатывается, не то на бабу, для чего не въ указанное время по двору съ узелкомъ идетъ, или на самого себя, что не можетъ такъ долго оправиться послѣ сна.

— Фу, какъ тяжело, наконецъ уже сознательно рѣшалъ онъ, и сравнивалъ тяжесть своего положенія съ ощущеніемъ мальчика, котораго только-что высѣли.

Отъ этой тяжести онъ окончательно оправлялся только послѣ того, какъ вливалъ въ себя стакана три баварскаго квасу или кислыхъ щей, и совершивъ это возліяніе, принималъ свой настоящій образъ.

Передъ сномъ онъ тоже любилъ поѣсть, но только всегда просилъ Ѳедору «не подавать ему много».

— Ты принеси что-нибудь полегче...

— Кушайте, батюшка, на здоровье, что вы, Господь съ вами, уговаривала она.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ѳедора, ужъ Богъ съ ними, съ этими мясными ужинами,—тяжело...

Но и ужинъ «полегче» не избавлялъ его отъ страха ночного: иногда онъ со сна такъ кричалъ, что Ѳедора въ испугъ соскакивала съ своей кровати и крестилась. Илья Петровичъ, проснувшись отъ собственнаго крика, жалобно звалъ ее на помощь, чтобы хотя въ ея присутствіи нѣсколько успокоиться отъ страш-

наго испуга, вызваннаго сномъ. Сынъ, тоже разбуженный его крикомъ, ворчалъ себѣ подъ носъ какія-то слова по поводу слишкомъ, будто бы, развитаго аппетита у его отца, и старался спрятать голову подъ одеяло, чтобы не слышать его крика.

Иной разъ, если удастся утромъ встрѣтиться съ отцомъ до ухода его въ гимназію, сынъ спрашивалъ о причинѣ крика, а не удастся, то вечеромъ, за чаемъ, заводилъ по поводу этого разговоръ и старался навести отца на мысль, что ужинать не слѣдуетъ. Деликатный былъ человѣкъ, и въ отношеніи къ отцу велъ себя весьма сдержанно.

А Илья Петровичъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, уклонится отъ дальнѣйшаго продолженія разговора на эту тему и заведетъ рѣчь о другомъ.

— А что, молъ, Федя, какъ у тебя тамъ по службѣ-то.

— Что-жъ по службѣ? Ничего. Идетъ своимъ порядкомъ...

— Ну и ладно, если идетъ, и пусть идетъ такъ... А у меня, знаешь, вотъ какая исторія случилась... Совершенно новое обстоятельство обнаруживается...

«Ну, думаетъ сынъ, потянетъ онъ меня теперь куда-нибудь за 500 лѣтъ до Рождества Христова».

— Да, продолжаетъ Илья Петровичъ, совершенно новое обстоятельство. Видишь-ли, въ то время, когда...

«Виджу, думаетъ сынъ, что вечеромъ чай никогда не нужно пить дома...»

Порою Ильѣ Петровичу удавалось изложить обнаруженное имъ обстоятельство до конца; всего же чаще сынъ отдѣлывался отъ такихъ объясненій служебными занятіями и уходилъ въ свою комнату.

— Подожди, Федя, успѣешь. Выпей еще стаканъ... упражняется отецъ.

— Нѣтъ, папенька, больше не хочу. Дала очень много...

— Да вѣдь и чай-то какой. Ты, небойсь, пилъ и не замѣтилъ, вѣдь чай-то свѣженькій, самый высокій сортъ. Такой чай, говорятъ, одинъ турецкій султанъ пьетъ, да и то только послѣ бани...

Илья Петровичъ видимо хочетъ оживить разговоръ и удержать сына; тотъ, въ знакъ одобренія, улыбается, показываетъ отцу на свое горло: сытъ, молъ, до крайности,—больше не могу, и уходитъ.

Иной разъ вечеромъ Илья Петровичъ, будучи не въ ударѣ относительно своихъ занятій (нельзя же безъ этого), тоскливо шагаетъ по комнатѣ, раздумывая, чѣмъ бы заняться и развлечь себя.

Вспомнивъ давно прошедшее время, онъ предложить сыну сыграть въ пикетъ. Для того, чтобы сдѣлать это предложеніе, онъ осторожно подходитъ къ его комнатѣ и спрашиваетъ сквозъ затворенную дверь:

— Оеда! Ты что дѣлаешь?

— Работаю надъ бумагами...

— Гм... Гм... помычить Илья Петровичъ, и нѣсколько мгновений спустя, опять спрашиваетъ.

— Ты очень занятъ?

— Да, папенька, отвѣчаетъ сынъ, изъ опасенія снова быть посвященнымъ въ думы отца.

Илья Петровичъ опять помычить и иной разъ даже пройдетъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ-бы соображая, слѣдуетъ ли отрывать сына отъ занятій; но потомъ, вѣроятно сообразивъ, что можно еще попытаться, опять подходитъ къ комнатѣ:

— Можетъ быть ты, Оеда, не очень занятъ, спрашиваетъ онъ, уже пріотворивъ немного двери.

— Да, то-есть, не то чтобы, нехотя отвѣчаетъ сынъ, и изъ деликатности спрашиваетъ:

— Вамъ, папенька, что-нибудь нужно что ли?

— Нѣтъ, я такъ... Скучно что-то...

Сынъ молчитъ и придумываетъ, какъ бы отдѣлаться, справедливо сознавая, что отъ до-историческихъ временъ, пожалуй, не отдѣлаешься.

— Вы бы, папенька, вышли погулять. Погода, кажется, хорошая...

— Какая хорошая! Дождь такъ и хлещетъ!

«Этакая мерзость!» думаетъ сынъ.

— Въ пикетъ бы, Оеда, сыграть, что ли...

— А, въ пикетъ! отвѣчаетъ сынъ, совершенно довольный, что его опасенія не сбылись.

Но и это довольство по временамъ оказывалось совершенно напраснымъ, потому что игра въ пикетъ, вмѣсто наслажденія, превращалась, наконецъ, для сына въ пытку.

Оканчивается послѣдняя партія и сынъ хочетъ встать изъ-за стола.

— Нѣтъ, нѣтъ, постой, Оеда...

— Будетъ, папенька, довольно...

— Нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя...

— Вѣдь было условіе, папенька, что эта игра послѣдняя...

Илья Петровичъ нѣсколько замаялся, точно тутъ только вспомнилъ, что сдѣлать ошибку, подчинившись условіямъ.

— Вы сами согласились, а теперь вдругъ опять...

— Я, кажется, Оеда, этого не говорилъ, медленно начать онъ отвертываться отъ своего слова, и потомъ, спохватившись, добавилъ:

— Ну, что-жъ изъ этого! Сыграемъ еще одну.

Видя по лицу сына, что ему это не нравится, Илья Петровичъ заговорилъ убѣдительнымъ шепотомъ:

— Одну, одну, понимаешь... Пойми ты, Оеда, только одну...

— Папенька! да вѣдь это будетъ уже двадцать-первый король!

— Ну что-жъ! Ну что-жъ!.. Да какой же это двадцать-первый? Ничуть не бывало! Какой же это двадцать-первый?..

— Посмотрите на записку...

— Совсѣмъ не двадцать-первый, совсѣмъ... Это, это... да ты сосчитай...

Сынъ хочетъ считать и просить отца смотреть.

— Нѣтъ, впрочемъ, погоди, не считай, брось. Считать вовсе не нужно, въ чему напрасный трудъ, лучше по просту, такъ, знаешь, безъ всякаго счета...

— Вѣдь такимъ образомъ, папенька, конца не будетъ...

Илья Петровичъ нервически почесалъ у себя въ головѣ, что обыкновенно дѣлалъ въ трудныя минуты жизни, и рѣшительнѣе прежняго заговорилъ:

— Слушай, Оеда, я согласенъ, ну пусть будетъ по-твоему. Я, понимаешь, согласенъ, ну пусть будетъ двадцать-первый король, да, пусть будетъ по-твоему!..

— Хорошо. А потомъ?

— Потомъ?..

Нѣсколько мгновений раздумья и затѣмъ рѣшительный отвѣтъ.

— Потомъ—конецъ. Хорошо; потомъ—конецъ, баста!

— Извольте, глубоко вздыхая, соглашается сынъ, и все-таки еще не рѣшается сѣсть.

— Смотрите же, папенька, это послѣдній король, условливается онъ, желая оградить себя отъ новыхъ упрасиваній.

— Хорошо, хорошо!.. Ну садись... Сядь, сядь, голубчикъ, сядь... Вотъ такъ...

Сынъ медленно и неохотно садится.

— Ну, ну, сдавай, твоя сдача...

Началась опять игра. Илья Петровичъ игралъ съ увлеченіемъ и съ каждымъ ходомъ приговаривалъ:

— А! вотъ ты какъ, вотъ ка-а-къ!.. Ты такъ!.. — а ну-ка я такъ!.. А ну-ка еще! А вотъ такимъ манеромъ!.. Каково!..

Такъ шла жизнь Ильи Петровича въ періодъ его вдовства и прошло такимъ образомъ еще лѣтъ пять-шесть. Сынъ проложилъ себѣ дорогу, получилъ мѣсто съ хорошимъ окладомъ, женился и переѣхалъ на другую квартиру. Илья Петровичъ остался одинъ и, казалось, болѣе не могло быть въ его жизни никакихъ перемѣнъ. Между тѣмъ, все это было въ жизни Ильи Петровича только началомъ конца; предъ нимъ вдругъ открылись новые горизонты, и на этотъ разъ къ нему въ комнату вошла не гадальщица съ колоδοю картъ въ рукахъ, а нѣмецъ-аптекарь съ письмомъ отъ такого же нѣмца-аптекаря изъ уѣзднаго города, гдѣ проживалъ дядюшка Ильи Петровича. Въ письмѣ давалось порученіе отыскать въ Петербургѣ старшаго учителя Илью Петровича Растеряева и извѣстить его о смерти дядюшки.

— Такъ, значить, дядюшка... померъ? спросилъ, Богъ знаетъ, для чего, Илья Петровичъ, какъ-то озадаченный извѣстіемъ.

— Да-съ, какъ видите, померъ...

— И такъ-таки совсѣмъ померъ? повторилъ онъ, пугливо глядя на аптекаря.

— Померъ, померъ. Вотъ теперь-то и ищутъ наслѣдника, а никого нѣтъ, — вы одни только и имѣете право на наслѣдство. Сто тысячъ, господинъ, это — не шутка!

— Господи! какъ же это такъ? печально воскликнулъ онъ, точно случилось съ нимъ какое-то несчастье, и охватилъ обѣими руками голову.

Но Илья Петровичъ скоро пришелъ въ себя, совершенно оправился и просвѣтлѣлъ; у него въ сердцѣ зародились уже новыя ощущенія, никогда еще прежде не испытанныя имъ. Онъ торопливо запахнулъ халатъ, быстро приподнялся съ дивана и сталъ суетиться, видимо не зная, что же ему теперь нужно дѣлать.

Первое, что пришло на мысль, это послать за сыномъ. Кстати, сынъ не заставилъ долго ждать себя.

Въ это время въ дверяхъ показался Федоръ Ильичъ.

— Одея! Одея! Голубчикъ! завопилъ Илья Петровичъ, бросаясь къ нему навстрѣчу съ распростертыми руками.

Сынъ въ удивленіи попятился и вопросительно оглянулъ всѣхъ.

— Что такое? Что съ вами? спрашивалъ сынъ, стараясь избавиться отъ родительскихъ ласкъ.

— Вотъ этотъ господинъ, захлебываясь, объяснялъ Илья Петровичъ, передалъ мнѣ извѣстіе...

Нѣмецъ сдѣлалъ шагъ впередъ, громко кашлянулъ и угловато поклонился.

— Онъ получилъ письмо отъ своего брата... онъ пишетъ ему, что дядя померъ...

— Ну, чтó же изъ того, что у него дядя померъ?

— Не у него, не у него. Онъ аптекарь, какой тамъ у него можетъ быть дядя... Мой дядя, то-есть, строго говоря, онъ, пожалуй мнѣ и не дядя, но только родственникъ, близкій, очень близкій родственникъ... Помнишь, Григорій Александровичъ Стародубовъ.

— Не слыхивалъ такого, утрюмо замѣтилъ сынъ.

— Какъ не слыхивалъ! Сколько разъ при покойной твоей матери говаривали о немъ. Помнишь, въ карты-то мать часто гадала про него.

— Ничего не помню!

— Ахъ, да, вѣдь это въ самомъ дѣлѣ было очень давно... Но все равно, помнишь или нѣтъ, не въ этомъ дѣло. Главное, — дядюшка Григорій Александровичъ померъ...

— Такъ, значить, царство ему небесное и вѣчный покой! пожимаая плечами, замѣтилъ сынъ, —наслѣдство, небось, осталось: два старыхъ мундира, какой-нибудь домишко да рублей тысячу денегъ... Теперь я понимаю, почему вы такъ всполошились... Стоило того!

— Да, Одея, да, ты тамъ какъ ни говори, а Григорій Александровичъ былъ достойнѣйшій человекъ... Я всегда его цѣнилъ... Конечно, я не могу понять и объяснить тайнъ, которыми такъ переполненъ міръ... Но на насъ съ тобой какая-то особенная милость...

— Крохи какія-нибудь, прервалъ было сынъ.

— Какъ крохи? Какъ крохи? Сто тысячъ, по-твоему, крохи!..

Сынъ точно вдругъ оказался холодной водой. Цифра наслѣдства оказала свое чарующее вліяніе и на Федора Ильича; онъ въ свою очередь почувствовалъ приливъ крови въ голову, и не замѣтилъ, какъ вътеропшилъ свою прическу, о которой въ другое время всегда сильно заботился.

— Такъ вы говорите, папенька, что у дядюшки вашего...

— У дядюшки, именно у дядюшки, у достойнаго моего Григорія Александровича, кромѣ меня, никого наслѣдниковъ нѣтъ...

— И вы говорите, что осталось сто тысячъ?

— Именно! Именно!..

Но воодушевленіе сына было не въ такой степени сильно, какъ отца. Онъ, какъ хорошій чиновникъ, скоро созналъ необходимость рассмотреть обстоятельства дѣла болѣе основательно.

— Но на какомъ основаніи, папенька, вы построили свои восторги?

— А письмо-то? Письмо-то? Позвольте-ка, обратился Илья Петровичъ къ нѣмцу, позвольте-ка сюда письмо.

Нѣмецъ торопливо вынулъ письмо изъ бокового кармана и слѣпшилъ высвободить его изъ конверта.

— Ничего, ничего, давайте въ конвертъ... На, Одея, читай, читай скорѣе. Я, знаешь, давеча второпяхъ... да и разобрать не могу... читай, читай скорѣе.

Федоръ Ильичъ сѣлъ на диванъ, и по департаментскому обыкновенію сначала осмотрѣлъ письмо, такъ сказать, съ внѣшней стороны, т.-е. отъ какого числа и есть ли подпись; ему представилось даже, что вотъ, молъ, исходящаго нумера нѣтъ, но принимая во вниманіе, что письмо отъ частнаго лица и на иностранномъ языкѣ, онъ это обстоятельство «оставилъ безъ послѣдствій» и принялся за разсмотрѣніе существа дѣла. Чѣмъ далѣе онъ читалъ, тѣмъ болѣе хмурилось и дѣлалось серьезнѣе его лицо, и эта серьезность невольно какъ-то отразилась и на всѣхъ остальныхъ лицахъ. Илья Петровичъ, замѣчая, что сынъ нахмурился, сталъ внимательно слѣдить за движеніями его глазъ и какъ-будто чего-то испугался. Потомъ, когда при дальнѣйшемъ чтеніи, Федоръ Ильичъ еще болѣе нахмурился, Илья Петровичъ такъ на него уставился, какъ-будто намѣревался влѣзть въ его душу, для того чтобы узнать, что именно онъ въ это время думаетъ.

— Что? что, Одея? что? шопотомъ спрашивалъ онъ по временамъ, не сводя съ сына глазъ.

Федоръ Ильичъ молча дочиталъ письмо и молча передалъ его отцу, не перемѣняя своего прежняго положенія.

— Ну, что, Одея? съ замирающимъ сердцемъ спросилъ Илья Петровичъ.

Онъ самъ, собственно, не могъ бы объяснить, отчего ему сдѣлалось такъ вдругъ неловко и страшно даже какъ-то.

— Ничего! холодно отвѣтилъ сынъ, и пытливо оглянулъ нѣмца.

— Какъ ничего? Какъ ничего? почти завизжалъ Илья Петровичъ, суетливо кидаясь къ сыну,—какъ ничего?

— Да такъ, ничего пока! по прежнему отвѣтилъ сынъ.

Неясныя сомнѣнія, наводившія неопредѣленный страхъ во время чтенія письма, вдругъ совершенно выяснились.

— Что же по-твоему, уже въ гнѣвъ и досадѣ и чуть не въ слезахъ, занялъ Илья Петровичъ; что же по-твоему все пуфъ, что ли?

Оедоръ Ильичъ пытливо и съ особеннымъ вниманіемъ еще разъ оглянулъ нѣмца съ головы до ногъ, потомъ спросилъ:

— Скажите пожалуйста, вы здѣшній?

— Да, я здѣсь, въ Петербургѣ, живу.

— Какія ваши занятія?

— Я—аптекарь...

Илья Петровичъ закипѣлъ пуще прежняго.

— Что ты тутъ за допросы выдумалъ? Я тебя спрашиваю, что въ письмѣ-то написано...

— Видите ли, папенька, ясно и отчетливо началъ онъ: это письмо есть ни болѣе ни менѣе какъ частное извѣщеніе, и оно никакого особеннаго значенія не имѣетъ. Разсматривая его по существу, во-первыхъ, видно, что свѣдѣнія, сообщаемыя въ немъ, не подкрѣплены какими-либо указаніями на совершившіяся дѣйствія со стороны мѣстной администраціи о признаніи васъ, именно васъ законнымъ наслѣдникомъ; а во-вторыхъ, нѣмецъ Адольфъ Шпитгелъ, авторъ настоящаго письма...

Илья Петровичъ не могъ вынести этой длинной рѣчи.

— Боже мой! заголосилъ онъ, выходя изъ себя и хватая сына за руки,—вѣдь это что же ты говоришь! Вѣдь ты, чортъ тебя знаетъ, что говоришь... Вѣдь точно ты,—прости меня Христа ради,—вѣдь точно ты изъ меня душу всю вытянуть хочешь!..

Онъ порывисто бросилъ его руку и осовѣлъ какъ-то, и вдругъ растерялся, не зная собственно, что же ему нужно дѣлать; растерялся даже болѣе, чѣмъ было въ первыя минуты по полученіи извѣстія о наслѣдствѣ.

— Я тебя училъ, воспитывалъ, и теперь ты мнѣ такіа вдругъ каверзы строишь...

Сынъ махнулъ рукой и отошелъ въ другой уголъ комнаты. Илья Петровичъ бросился за нимъ.

— Да говори же яснѣе, что ты думаешь по этому дѣлу.

— Позвольте, папенька, позвольте. Нужно же все сообразить.. Потерпите нѣсколько времени, я вамъ потомъ скажу.

— Да что тутъ еще соображать! Боже мой!

Но Оедоръ Ильичъ, не обращая вниманія на его жалобный тонъ, сѣлъ въ углу на стулъ и отвернулся къ стѣнѣ, чтобы удобнѣе было соображать, на основаніи какихъ именно статей закона, положеній и правилъ, и съ какимъ административнымъ подходцемъ нужно приняться за это дѣло.

Илья Петровичъ своимъ визгливымъ крикомъ мѣшалъ ему и не давалъ возможности сосредоточиться.

— Вы, папенька, успокойтесь, замѣтилъ Федоръ Ильичъ: дѣло ваше не такъ плохо, погодите, потерпите...

— Да отчего оно можетъ быть плохо? Что ты мнѣ чепуху-то городишь. Я единственный наслѣдникъ... Ты выслушай, ты выслушай. Видишь ли, покойный Григорій Александровичъ былъ родной братъ Аѳанасія Александровича, а Аѳанасій Александровичъ моему отцу, Петру Карповичу, приходился двоюродный дядя. Въ 1817 г., послѣ смерти дѣда Федора Спиридоновича, осталось шесть человѣкъ дѣтей...

Илья Петровичъ съ жаромъ сталъ перечислять родословную съ подробнымъ переименованіемъ лицъ, именъ и годовъ. Они всѣ вдругъ воскресли въ его памяти.

Федоръ Ильичъ нахмурилъ лобъ, что доказывало его внимательность и серьезное отношеніе къ дѣлу.

Минуту спустя, онъ что-то замѣтилъ отцу. Отецъ, будучи въ это время чуткимъ до крайности, принялъ замѣчаніе за прямое оспариванье его правъ на наслѣдство, и сильнѣе прежняго закипятился.

Между тѣмъ, нѣмецъ, усвоенный надлежащимъ общаніемъ «не забыть его потомъ», ушелъ съ низкимъ поклономъ изъ квартиры; Федоръ Ильичъ остался-было для дальнѣйшихъ переговоровъ съ отцомъ; но отецъ пожелалъ сосредоточиться въ самомъ себѣ.

— Ты теперь, Федя, пойдѣ, пойдѣ, шопотомъ просилъ Илья Петровичъ, поминутно хватаясь за голову, — ты пойдѣ... послѣ, послѣ, вечеромъ, сообразимъ дальнѣйшее; я положительно ослабѣлъ...

Сынъ ушелъ, тоже съ поклонами и пожеланіями. Всѣ, какъ-то незамѣтно для самихъ себя, вдругъ измѣнились въ отношеніи къ Ильѣ Петровичу, невольнo какъ-то само собой ихъ охватило чувство уваженія къ нему, и готовность исполнять его желанія. И онъ самъ даже не замѣтилъ этой перемѣны, какъ будто такъ всегда было и прежде.

Оставшись одинъ, онъ затворился въ своей комнатѣ и въ первыя минуты былъ, казалось, доволенъ и спокоенъ; голова немного, впрочемъ, болѣла, но потомъ какое-то неясное, тоскливое чувство стало имъ понемногу овладѣвать, и развиваясь все сильнѣе и сильнѣе, наконецъ совершенно охватило его собою.

Что это такое было: грусть, тоска, опасеніе за неизвѣстное будущее, или сомнѣніе о прошломъ, которое съ этого дня оборвалось и невозвратно кануло въ вѣчность?..

Онъ уныло оглянулъ свою комнату, глубоко вздохнулъ и печально склонился утомленной головой на письменный столъ.

Такъ иногда на веселомъ сельскомъ праздникѣ, въ звукахъ плясовой народной пѣсни, незамѣтно, точно владучись, пробивается грустная нота. Раздаваясь все яснѣе и яснѣе, она, наконецъ, совершенно овладѣваетъ слушателями и самимъ хоромъ пѣвцовъ; подъ вліяніемъ ея они уже затанули печальную «Лучинушку», и куда дѣвалось недавнее веселье: повѣсили головы разодѣтыя въ яркіе наряды крестьянскія дѣвушки, за минуту предъ тѣмъ заливавшіяся веселымъ хохотомъ, глядя, какъ разудалый парень ухарски отплясывалъ трепака и выкидывалъ ногами хитрыя колѣнца, и стоитъ въ сторонѣ самъ плясунъ, печально опершись рукою о заборъ; а грустные звуки «Лучинушки» раздаются все тоскливѣе и тоскливѣе, и давятъ и щемятъ сердце слушателей непонятной тоской...

Сильно возбужденное состояніе, вызванное утренними событіями, было только порывомъ временнымъ, страннымъ и малосвойственнымъ характеру Ильи Петровича и его понятіямъ о благахъ міра сего. И въ самомъ дѣлѣ, съ чего вдругъ такъ человѣкъ обрадовался, растерялся, потомъ началъ сердиться? На что ему богатство, на что оно могло ему пригодиться, и для него ли, для него ли, всѣмъ своимъ существомъ возлюбившаго совершенно инныя сокровища, для него ли могутъ имѣть значеніе деньги, хотя бы въ суммѣ, громадной до безобразія?

Вотъ объ этомъ онъ и самъ думалъ съ той минуты, какъ остался одинъ и не переставалъ думать потомъ, сидя вечеромъ за письменнымъ столомъ.

«Да,—говорилъ онъ себѣ,—странное созданіе человѣкъ: сколько ни шлифуй и ни улучшай его духовную сторону, все-таки не отчистишь той грязи, которую густыми комьями налѣпили на него различныя историческія условія, имъ же самимъ, впрочемъ, созданныя... Дрянь, дрянь... Это я, я самъ дрянь, сушая, недостойная прощенія дрянь... Удивительно! Обрадовался, надурилъ, наговорилъ Богъ знаетъ чего!.. И оказывается, что я напрасно осуждалъ другихъ когда-то, напрасно подсмѣивался надъ тѣмъ, какъ люди хлопочатъ, страдаютъ, гоняясь за деньгами... И какъ это справедливо, глубоко справедливо сказано: *Medice, cura te ipsum*».

Онъ оглянулъ комнату, долго блуждалъ глазами по потолку, по стѣнамъ, по полу, точно въ первый разъ вошелъ въ нее.

«Да, конечно, тѣсно и мрачно; книги, Богъ знаетъ, какъ разбросаны и душно какъ-то здѣсь... Вообще, квартира-то плоховата, ужасно какъ далеко отъ гимназіи, шагаешь-шагаешь, иной разъ дождь, вѣтеръ... Квартиру-то собственно давно бы нуж-

но перемѣнить... Переѣздъ только неприятенъ, эта возня начнетъ... Однако, что-жъ я думаю, самъ не знаю о чемъ... Гм... Мнѣ вѣдь что-то сдѣлать нужно; что, бишь, я хотѣлъ сдѣлать?— Зайти, кажется, нужно куда-то... Совсѣмъ забылъ, не могу никакъ припомнить... Надо будетъ завтра Ѳедѣ сказать, пусть соби-
рается ѣхать; я самъ, собственно, не поѣду, что мнѣ тамъ дѣлать. Довѣренность, конечно, нужно; ну, довѣренность, такъ довѣренность, мнѣ-то что-жъ до этого... Ахъ, да,—нѣмца-то вознаграждать слѣдуетъ; конечно, слѣдуетъ, еще бы за такую вѣсть да невоз-
наградить. Стыдно бы было! Да и общалъ, наконецъ. Я всегда былъ своему слову господинъ. Ѳедору... Ну что же Ѳедору? Её, разумѣется, оставляю у себя; куда же ей дѣваться,—человѣкъ бѣдный....»

Такъ думалъ Илья Петровичъ, перескакивая отъ одной мысли къ другой; думалъ несвязно, порывисто, то отдаваясь воспомина-
ніямъ прошедшаго дня, то строя планы будущаго, то упорно отказываясь отъ нихъ, какъ-бы желая сохранить прежній поряд-
окъ въ образѣ своей жизни. Давно уже наступило время вечер-
няго чая; Ѳедора ждала въ кухнѣ съ самоваромъ и, не дождав-
шись приказанія, осторожно пріотворила дверь въ кабинетъ. Илья Петровичъ по прежнему сидѣлъ въ креслѣ, углубленный въ свои
думы; она нѣсколько времени смотрѣла на него, очевидно не
рѣшаясь, сказать ли, что самоваръ готовъ, или уйти, не спрашивая,
назадъ.

— Илья Петровичъ! наконецъ, спросила она почти шопотомъ.

— Что тебѣ, Ѳедора? грустно и тихо обратился къ ней Илья Петровичъ, медленно поднимаясь съ кресла.

— Самоваръ-то прикажете подавать?

— Самоваръ-то, переспросилъ онъ, подойдя близко къ Ѳе-
дорѣ, и сталъ смотрѣть ей прямо въ глаза, какъ будто что-то
увидѣлъ въ нихъ особенное.

— Прикажете подавать, или, можетъ, погодить еще?..

Онъ молчалъ, и по прежнему неподвижно смотрѣлъ на нее.

— Тебѣ что же нужно? спросилъ онъ, наконецъ, спустя нѣ-
сколько времени.

— О самоварѣ говорю, какъ прикажете?

— Гм... да; развѣ уже пора?

— Не знаю, пора ли; только, вонъ, десять часовъ ужъ пробило.

— Десять часовъ! Неужели десять часовъ, въ удивленіи вос-
кликнулъ онъ,—какъ же это я не замѣтилъ...

— Ѳедоръ Ильичъ, давеча опять приходили, робко доложила
старуха.

— А? что ты говоришь? спросилъ онъ, впадши снова въ ка-
кія-то думы.

— Ѳеодоръ Ильичъ приходили, да не пошли къ вамъ въ ка-
бинетъ, боялись разбудить, думали, вы все еще спите.

— Я совсѣмъ не спалъ... Но, впрочемъ, это все равно, онъ
вѣрно, поутру зайдетъ... Ну, давай самоваръ... Да, пожалуй, на-
чалъ онъ, медленно вытягивая слово за словомъ: пожалуй, я что-
нибудь бы съѣлъ...

— Такъ я накрою тутъ же и ужинъ, можетъ и въ самомъ
дѣлѣ, что скушаете.

— Накрой, пожалуй...

Ѳеодора ушла, а онъ, самъ того не замѣчая, снова началъ
переноситься мыслью съ одного предмета на другой, и опять не
замѣтилъ, какъ шло время.

«Сундукъ надо купить; есть такіе нескораемые, я видѣлъ на
Невскомъ, они... Впрочемъ, къ чему это, еще убьютъ изъ-за
денегъ-то. Лучше всего положить ихъ въ банкъ, спокойнѣе.
Ну, да это тамъ какъ хочетъ Ѳеда, мнѣ-то что до этого за дѣло...»

Но несмотря на то, что за обѣдомъ онъ почти ничего не
ѣлъ, чай ему, какъ говорится, не лѣзъ въ горло, а про ужинъ
и упоминать нечего: опять пощипалъ кое-чего по кусочкамъ и
торопливо ушелъ въ кабинетъ. Тамъ ему, казалось, какъ будто
удобнѣе было и спокойнѣе.

Какъ онъ ни старался увѣрить себя, что совершившіяся въ
этотъ день событія въ сущности не должны имѣть на его жизнь ни-
какого вліянія, а оказывалось совсѣмъ наоборотъ. И ночь прошла,
скверно, до невозможности скверно: онъ все вертѣлся съ боку на
бокъ и не могъ заснуть до-свѣту; заснувши погломъ, спалъ тре-
возно, поминутно просыпался, бормоталъ что-то сквозь сонъ, и
грезились ему то разныя негѣности, то ужасы; часовъ въ шесть
онъ, наконецъ, измучившись, заснулъ крѣпко и проспалъ до де-
вяти часовъ, чего съ нимъ прежде, конечно, никогда не бывало.

Онъ не ошибся, утромъ, въ девять часовъ, Ѳеодоръ Ильичъ дѣй-
ствительно явился. И его, по всей вѣроятности, извѣстія о смер-
ти богатаго родственника сильно занимали.

— Что съ вами, папенька? въ удивленія спросилъ онъ, вида
отца въ такое время полусоннымъ.

— Да что! Это все вчерашняя исторія... Чортъ ее знаетъ,
прости меня Господи, всю ночь промучился, не могу заснуть...
Ну, а ты, Ѳеда, какъ?

— Да мнѣ что-жъ... Я ничего, спокойно отвѣтилъ сынъ; и
растворилъ дверь изъ кабинета въ залъцо, душно ему казалось.

— Какъ тебѣ что? Тебя-то еще больше, чѣмъ меня вас... Гм... да, спохватился вдругъ Илья Петровичъ:—то-есть, я хочу сказать: вѣдь и на твое положеніе нѣсколько должны эти обстоятельства... Впрочемъ, это послѣ... Видишь ли, я все думаю, какъ же теперь быть на счетъ поѣздки туда.

— Вчера вы, какъ будто говорили, что нужно вамъ самимъ ѣхать...

— Вчера-то я рѣшилъ... Вообще, вчера-то я ужасно много нелѣпаго надѣлалъ... Я рѣшительно не понимаю, что это со мной вчера сдѣлалось... Ты, пожалуйста, извини меня; я, можетъ быть, что-нибудь сказалъ лишнее тебѣ и рѣзкое, можетъ быть...

— Помилуйте, папенька! Развѣ я не понимаю: событіе совершенно исключительное, изъ ряду вонъ; да и какъ бы тамъ ни было, въ чему извиненіе...

Онъ и раньше былъ вѣжливъ и остороженъ въ отношеніи къ отцу, а теперь эта вѣжливость и осторожность перешли уже въ легкую угодливость.

Теперь онъ имѣлъ даже намѣреніе помочь отцу въ надѣваніи халата, и когда тотъ отъ этого уклонился, онъ искалъ глазами, не нужно ли что-нибудь ему подать и чѣмъ-нибудь услужить.

Отецъ ушелъ на кухню умываться. Федоръ Ильичъ, оставшись одинъ, сталъ оглядывать кабинетъ, въ особенности бумаги на столѣ, какъ будто надѣялся встрѣтить какую-нибудь записку, замѣтку или хотя что-нибудь такое, что бы могло сколько-нибудь разъяснить, какъ думаетъ распорядиться Илья Петровичъ съ доставшимся ему богатствомъ; но на столѣ никакихъ слѣдовъ его думъ не оказывалось. Ему хотѣлось поскорѣе узнать объ этомъ и повѣрить свои собственныя догадки, но спросить отца онъ не рѣшался, почему-то боясь навести его на мысли о своихъ видахъ на наслѣдство. Изъ недосказанной фразы отца онъ уже кое-что успѣлъ сообразить и понять, хотя, впрочемъ, очень смутно и неясно.

«Всего скорѣе должно такъ случиться, что онъ мнѣ передастъ всѣ деньги. На что они ему, да онъ и счету-то въ нихъ не знаетъ», подумалъ потомъ Федоръ Ильичъ.

Случайно взглянувъ на полъ, онъ замѣтилъ около письменнаго стола оборванный полулистъ бумаги, и поднялъ его. Полулистъ оказался мѣстами исписанный какими-то ничего незначащими рисунками, перечеркнутыми по нѣскольку разъ и перерисованными. Онъ перевернулъ листъ на другую сторону и увидѣлъ на ней надписи: «Стародубовъ, Стародубовъ. Григорій Александровичъ».

вить Стародубовъ», а потомъ дальше были написаны цифры: «сто тысячъ, сто тысячъ» и опять надпись: «Стародубовъ. Григорій Александровичъ Стародубовъ. Милѣйшій дядюшка».

«Ага!» подумалъ Федоръ Ильичъ, — «онъ, однако, тутъ что-то соображалъ. Это чтó такое?» спрашивалъ онъ самъ себя, внимательно всматриваясь далѣе: «ага! проценты вычислялъ. Вишь ты... Нѣтъ, онъ не такъ простъ, какъ я думалъ. Онъ уже о доходахъ соображаетъ».

Заслыша приближеніе отца, Федоръ Ильичъ швырнулъ полулистъ на прежнее мѣсто и сталъ всматриваться въ картинку, изображавшую какія-то развалины.

— Ты меня, Федя, извини, сказалъ Илья Петровичъ, войдя въ кабинетъ съ полотенцемъ на шеѣ; я, видишь ли, голову сегодня подольше холодной водой мочилъ, тяжела что-то она... холодная вода, знаешь, мое лекарство...

— Ничего, ничего, папенька, помилуйте, что за извиненія.

— Вотъ чтó, Федя, говорилъ онъ, усаживаясь за чайный столъ: поѣзжай ты одинъ и устраивай это дѣло. Я тебѣ выдамъ довѣренность...

— Хорошо, папенька. Значить, надо сейчасъ же ѣхать въ департаментъ, взять отпускъ...

— Да, надо, видно ужъ такъ... Впрочемъ, погоди-ка, сообразимъ немного.

Черезъ полчаса сынъ поѣхалъ отъ него съ ясно опредѣлившимся рѣшеніемъ только о томъ, что они ѣдутъ съ нимъ вмѣстѣ; относительно же вопроса о наслѣдствѣ, т.-е. какую часть его Илья Петровичъ думаетъ отдать сыну и вообще думаетъ ли, Федоръ Ильичъ ничего не узналъ, да и узнать не было возможности, ибо и самъ Илья Петровичъ по этому вопросу имѣлъ весьма смутныя и неопредѣленныя понятія.

— Зачѣмъ же вамъ вмѣстѣ ѣхать? спрашивала Федора Ильича жена: или онъ или ты, кто-нибудь одинъ.

— Да какъ же его одного пустить? Онъ, пожалуй, тамъ, Богъ знаетъ, чтó надѣлаетъ.

— Помилуй, чтó же онъ надѣлаетъ.

Хотя Федоръ Ильичъ и говорилъ, что боится за разсѣянность отца, но въ сущности было другое. Федоръ Ильичъ имѣлъ привычку не вдругъ говорить то, чтó думаетъ; а думалъ-то онъ о томъ, что отецъ прекрасно сдѣлалъ, пригласивъ его съ собой...

Вечеромъ слѣдующаго дня они оба выѣхали изъ Петербурга.

ПОИСКИ КЛИПЕРА „ИЗУМРУДЪ“

ЗА Н. Н. МИКЛУХОЙ-МАКЛАЕМЪ.

III *).

Вдоль береговъ Новой-Гвиней. — Появленіе дикихъ и знакомство съ ними. — Наружность, одежда и украшенія. — Прогулка по деревнямъ. — Хижины и общежительные дома. — Оружіе и утварь. — Пища. — Рыбная ловля. — Желтая деревня, и деревня на о-вѣ «Витязь». — Пирогги. — Наши отношенія къ туземцамъ и занятія на Новой-Гвиней. — Хозяйство Маклая. — Трудности обратнаго пути.

Встрѣча съ какимъ-нибудь новымъ явленіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ случаевъ, необъяснимыхъ при помощи наличныхъ познаній, поражаетъ невольно и не одного дикаря Новаго-Свѣта. Подъ вліяніемъ возбужденныхъ нервовъ, человѣкъ мало разсуждаетъ и во всемъ склоненъ видѣть чудо. Явленіе начинается повторяться, — тогда и человѣкъ начинаетъ приходить въ себя, всматривается пристальнѣе въ его подробности, прискиваетъ ему причину, хотя бы на первый разъ иногда и неудовлетворительно. Точно въ такомъ положеніи были дикари Новой-Гвиней при появляніи нашихъ судовъ, сперва «Витязя», потомъ «Изумруда». На «Витязѣ» многимъ изъ нихъ приходилось тогда впервые видѣть бѣлыхъ людей, окруженныхъ непонятною для нихъ обстановкою. По уходѣ его, они очнулись отъ перваго сильнаго впе-

*) См. выше: май, 86 стр.

чатыѣнія, и при помощи оставшагося съ ними Маклая объяснили по-своему оставленные имъ вещи и примѣнили ихъ, какъ умѣли, а главное успокоились и уже болѣе хладнокровно смотрѣли на вторичное посѣщеніе чудовища, подобнаго «Витязю», котораго они ожидали по словамъ того же Маклая. Вернусь къ нашему первому посѣщенію береговъ Новой-Гвиней.

Получивъ тогда предписаніе высадить Маклая на берегахъ Гвиней, «Витязь» изъ Вальпарайзо направился по южному Тихому океану, и 7-го сентября 1871 года достигъ сѣверо-восточнаго берега Новой-Гвиней (мыса Короля Вильгельма). Была уже ночь, не позволившая командиру рисковать идти далѣе, безъ точныхъ картъ, и только съ разсвѣтомъ 8-го, разведя пары, мы двинулись вдоль сѣвернаго берега къ западу. Идя въ довольно близкомъ разстояніи отъ берега, мы могли даже простымъ глазомъ различать подробности на немъ. Эта часть острова очень гориста. Высокіе хребты (7000—13,000 ф.) тянутся параллельно съ берегомъ, возвышаясь по мѣрѣ удаленія во внутрь страны. Они образуютъ высокія скалы и пики, вершины которыхъ часто теряются въ облакахъ. По берегу шла полоса густой растительности, за которой начинались зеленныя поляны, изрѣдка пересѣкаемые небольшими рѣчками, вливающимися въ море иногда водопадами. Нигдѣ не было видно признаковъ жилья, и только костры, разводимые вдоль по берегу по мѣрѣ того, какъ мы двигались, свидѣтельствовали, что жители есть и что они, вѣроятно, увѣдомляли своихъ сосѣдей о прибѣженіи чудовища.

Обогнувъ въ полдень мысъ Ригни (Rigni) и пройдя траверсъ (перпендикуляръ) неизвѣстнаго острова, который мы назвали въ честь нашего судна «Витязь», мы вошли въ бухту «Астролябія». Она открыта въ 1830 году Дюмонъ-Дюрвиллемъ, который проходилъ мимо нея, но не могъ зайти въ нее. Ширина ея у входа около 12-ти миль, пространство въ глубь материка по направленію NNO—SSW 15 миль, такъ что при отсутствіи небольшихъ бухтъ и подходящихъ якорныхъ глубинъ,—исключая портъ «Великій Князь Константинъ», она открыта дѣйствию вѣтровъ, или лучше сказать дѣйствию жестокихъ арктическихъ и бѣлыхъ шкваловъ, налегающихъ на суда мгновенно или въ видѣ черной, какъ воронье крыло, арки или даже безъ всякаго облака. Поэтому, какъ плаваніе по бухтѣ съ подобными качествами, такъ и стоянка судовъ далеко не безопасны. Игакъ, «Витязю», первому изъ судовъ, проникшихъ въ бухту, не предвидѣлось спокойной стоянки послѣ труднаго и тревожнаго плаванія, и онъ подвигался весьма медленно. Вначалѣ довольно отлогій, берегъ потомъ постепенно под-

нимается въ видѣ террасъ или полянъ, кое-гдѣ покрытыхъ высокою травой или же густымъ, повитымъ льянами тропическимъ лѣсомъ. Кое-гдѣ виднѣлись рѣчки различныхъ величинъ. Никакого признака жилья, только масса рыбъ, банитовъ, дельфиновъ, касатокъ и стада летучихъ рыбъ подпрыгивали изъ воды. Надъ ними кружились стаи чаекъ.

Подвигаясь постепенно вдоль берега, мы замѣтили, наконецъ, нѣсколькихъ человекъ на берегу, повидимому направлявшихся къ мысу «Обсервацій». Подойдя къ порту «Великій Князь Константинъ», который былъ признанъ болѣе удобнымъ для стоянки, чѣмъ остальные, мы спустили катера для промѣра и вскорѣ стали на якорь. Около этого времени и туземцы подошли къ мысу «Обсервацій» слѣдующею процессіею: впереди съ пикой въ рукѣ, разукрашенный перьями тропическихъ птицъ, шелъ какой-то дикарь, вѣроятно начальникъ; за нимъ 6 человекъ въ рядъ, изъ которыхъ каждый несъ кокосы или таро; далѣе, двое несли двухъ рыжихъ небольшой величины собакъ. Процессія оканчивалась нѣсколькими вооруженными и разукрашенными мужчинами. Принесенныхъ собакъ они тутъ же убили, но затѣмъ, испугавшись шума выпускаемыхъ паровъ и ходившихъ по бухтѣ съ промѣромъ катеровъ, они прокричали что-то, помахали руками, бросили принесенное и скрылись въ чащѣ лѣса. Очевидно, что это были дары, предназначенные намъ; но должны ли мы были принять ихъ за подарокъ или за жертвоприношеніе пришельцамъ другого міра — трудно рѣшить, вѣроятно же — послѣднее. Вскорѣ послѣ того Маклай отправился съ двумя своими слугами къ мѣсту, гдѣ скрылись дикари. Всѣ попытки къ встрѣчѣ съ ними оказались тщетны; Маклай поплылъ вдоль берега, съ цѣлю напасть на слѣды жилья, и скоро замѣтилъ у самаго берега туземныя пироги, а на берегу — ведущую къ нимъ, хорошо протоптанную тропинку. Онъ оставилъ слугъ при шлюпкѣ и пошелъ по тропинкѣ. Не прошелъ онъ нѣсколько сотъ шаговъ, какъ замѣтилъ деревню, гдѣ, кромѣ часовыхъ, убѣжавшихъ при его появленіи, никого не было; все остальное населеніе, женщины и дѣти, вѣроятно испугавшись появленія невиданнаго ими доселѣ чудовища, удалились въ горы. Маклай сталъ приманивать часовыхъ разноцвѣтными лоскутками и другими бездѣлушками; они хотя не шли сами къ нему, но ему позволяли приближаться къ себѣ. Мимикой онъ объяснилъ имъ, что пришелъ съ дружественными намѣреніями. Мало-по-малу часовые, рассыпавшіеся по кустамъ, начали собираться вокругъ Маклая; скоро образовалась цѣлая кучка. Маклай раздавалъ имъ лоскутки и бездѣлушки.

Видя такую ласковость обращенія съ ними, они хотѣли отплатить ему тѣмъ же. Вскорѣ они принесли пару связанныхъ свиней и положили въ его ногамъ. Замѣтивъ удовольствіе съ его стороны, они совсѣмъ приободрились и всѣ начали толковать о чемъ-то на непонятномъ тогда для Маклая языкѣ.

Желая окончательно убѣдить дикарей, что «Витязь» не сдѣлаетъ имъ вреда, Маклай задумалъ пригласить ихъ на корветъ. Исполнилъ онъ это слѣдующимъ образомъ.

Распростившись со всѣми любезно, онъ приказалъ нести на шлюпку связанныхъ свиней, подаренныхъ ему дикими. Папуасы охотно исполнили это. Маклай подошелъ къ шлюпкѣ, быстро вскочилъ въ нее и приказалъ гребцамъ нѣсколько отъѣхать отъ берега; туземцевъ же просилъ знаками перевезти принесенныхъ свиней на стоявшей вблизи парбѣ. Когда они вошли въ нее съ желаніемъ исполнить просьбу бѣлаго, онъ воспользовался этимъ моментомъ, чтобы захватить пирогу заранѣе приготовленнымъ буксиромъ, и такимъ образомъ потащилъ на корветъ трехъ дикарей, нечаянно попавшихъ въ ловушку. По выраженію ихъ лицъ и по трепету тѣла видно было, что они страшно испугались и, конечно, не имѣли ни малѣйшаго желанія не только взойти, но даже приблизиться къ страшному чудовищу, еще недавно выбрасывавшему огромный столбъ густого черного дыма. Всякое сопротивленіе, конечно, они считали бесполезнымъ и шли какъ на вѣрную смерть. Жестами они спрашивали объ этомъ у Маклая. Когда катеръ подошелъ къ «Витязю», дикари долго не хотѣли выходить и показывали движеніемъ рукъ, что ихъ заколятъ. Ихъ ввели по трапу на палубу. Они дрожали, несмотря на страшную жару, какъ въ лихорадкѣ, особенно первый, вышедшій на палубу. Но увидѣвъ ласковое обращеніе команды, офицеровъ, они мало-по-малу освоились; страхъ ихъ прошелъ, хотя разговоръ они вели только между собою и жались другъ къ другу. Ихъ усадили подъ полуютомъ (прикрытая верхняя часть кормовой палубы), надавали имъ разныхъ подарковъ, въ томъ числѣ нѣсколько желѣзныхъ болтовъ, которые особенно заинтересовали ихъ звукомъ, издаваемымъ ими при постукиваніи. Замѣтно было, что имъ не попадалось въ руки ни желѣза, ни другихъ металловъ. Сухари они ѣли съ жадностью, послѣ того какъ имъ растолковали назначеніе ихъ.

Когда папуасы усѣлись спокойно,—ихъ можно было хорошо разсмотрѣть. Большею частью они бывають рѣдко выше средняго роста, хорошо и пропорціонально сложены, только руки немного длиннѣе обыкновеннаго. Мускулы мало развиты и, повидимому,

не отличаются особенною силою. Цвѣтъ кожи темно-коричневый, хотя попадаются съ оттѣнками и посвѣтлѣе, такъ что даже издали замѣтно это различіе. У горныхъ жителей кожа гораздо темнѣе. Голова астролябцевъ небольшая; на видъ ширина кажется больше длины. Волосы черные, курчавые, носъ у большинства широкой съ объемистыми ноздрями. Встрѣчаются, хотъ и рѣдко, съ болѣе правильными носами. Выраженіе лица не столь, правда, выразительно, какъ у дорейцевъ, и не столь осмысленно, но все же далеко его нельзя назвать глупымъ. Безсмысленныхъ и звѣрскихъ лицъ намъ совершенно не попадалось. Если сравнить астролябцевъ съ австралитанами, то первые въ этомъ отношеніи стоятъ далеко выше послѣднихъ. Послѣдніе мало чѣмъ отличаются отъ животныхъ, развѣ только безобразіемъ.

Волосы у астролябцевъ курчавые и черные; но они умѣютъ превращать ихъ въ рыжіе тѣмъ же способомъ, какъ и дорейцы. На уборку волосъ они вовсе не обращаютъ вниманія; оригинальной прически дорейцевъ между астролябцами не попадаетъ. За то перья, которыми они украшаютъ свои волосы, отличаются болѣею пестротою. Они иногда образуютъ цѣлую діадему. Иногда къ волосамъ привязываются черепаховые кружочки. Всѣ эти украшенія цѣнятся весьма дорого и отдаются неохотно. Въ носу носятъ кольца изъ кости или изъ раковинъ, иногда дуги, продѣваемые въ отверстіе носовой перегородки.

Татуировка встрѣчается только у нѣкоторыхъ, и то только на лицѣ. Тѣло красится бѣлыми и красными полосами и пятнами, что придаетъ имъ, по ихъ мнѣнію, воинственный видъ. Въ ухахъ носятъ расширяющіяся книзу серьги, въ которыя вдѣваютъ бѣлые костяные кольца. На рукахъ, выше локтя, почти всѣ носятъ браслеты, пальца въ три шириною, плетеные изъ древесныхъ волоконъ. Къ нижней части ихъ привязано нѣсколько бѣлыхъ колецъ, такихъ же, какъ въ серьгахъ. На шеѣ ожерелье изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ раковинъ, зубовъ акулы и костей. Подобныя ожерелья иногда располагаются ниже на груди.

Непремѣнную принадлежность туалета составляютъ двѣ сумки. Онѣ такъ тщательно фабрикуются изъ древесныхъ волоконъ, что не хочется вѣрить, чтобы это могло быть произведеніе дикарей, въ глаза не выдавшихъ мануфактурныхъ произведеній Европы. Окрашены онѣ продольными черными и бѣлыми полосами. Одна изъ сумокъ весьма малыхъ размѣровъ носится обыкновенно на шеѣ и вмѣщаетъ въ себѣ небольшого идола. Эта сумка соответствуетъ нашей ладонкѣ. Вторая замѣняетъ имъ во время путешествій нашъ сакъ-вояжъ и всегда носится черезъ плечо. Въ ней

находятся: небольшіе идолы, пища и украшенія, табакъ и бетель. Кромѣ бетеля, у нихъ есть сосудъ бутылкообразной тыквы, въ который насыпается толченая коралловая известь; ее обыкновенно достаютъ оттуда съ помощью самодѣльныхъ костяныхъ ложечекъ. Подобныхъ бутылокъ бываетъ по нѣскольку. Бутылку замѣняетъ иногда бамбуковая широкая, но невысокая дудка съ рѣзбой, настолько, конечно, изящной, насколько это можно сдѣлать отточенной раковинной. Въ эту же сумку складываются на время сна украшения, ножички или, лучше сказать, заостренныя ракушки. Тутъ лежатъ свистки, имѣющіе форму гусиного яйца, на заостренномъ концѣ и посрединѣ котораго находятся небольшія отверстія; зажимая или отрывая пальцами среднее и дуя въ верхнее, дивари получаютъ довольно непріятный для нашего слуха звукъ. Иногда въ этомъ мѣшкѣ попадаются нижнія человѣческія челюсти, считаемыя ими священными. Табакъ всегда лежитъ небольшими свертками, курятъ они его завернутымъ въ листья какого-нибудь дерева.

Вся одежда папуаса состоитъ изъ одного пояса стыдливости, сдѣланнаго изъ древесныхъ волоконъ и окрашеннаго въ красный цвѣтъ. Мы даже не надѣялись и этого встрѣтить, такъ какъ видѣнные нами папуасы за нѣсколько дней до этого въ Новой-Ирландіи ходили совершенно нагіе. А между тѣмъ папуасы Новой-Ирландіи, судя по нѣкоторымъ англійскимъ словамъ, извѣстнымъ имъ, давно знакомы съ европейцами.

Осмотрѣвъ своихъ гостей, мы повели ихъ въ какую-компанію, гдѣ имъ показали зеркало и фортепiano. Первое особенно ихъ забавляло; они любовались на свои выкрашенные сурикомъ фізіономіи и предполагали, что бѣлые сдѣлали имъ большую честь. Тутъ же ихъ угостили чаемъ и разными сладостями; они ѣли и пили съ особеннымъ удовольствіемъ, судя по радостно-испуганнымъ фізіономіямъ.

Когда стало темнѣть, мы, щедро одаривъ и обласкавъ нашихъ гостей, отпустили домой рассказывать о видѣнныхъ и слышанныхъ чудесахъ. Маклай не ошибся въ своемъ расчетѣ: на слѣдующее утро и въ другіе дни многіе стали добровольно сами являться на корветъ, привозя разные свои домашнія произведенія для мѣны на европейскія вещи, особенно на бутылки. Одинъ разъ, въ такой же торжественной процессіи, какъ и съ собаками, они принесли намъ свинью, за что, конечно, получили множество разныхъ лохмотьевъ, бутылокъ и пр.

Воспользовавшись праздничнымъ днемъ, мы цѣлою компаніей

отправились послѣ на паровомъ катерѣ по деревнямъ, чтобы сколько-нибудь ознакомиться съ внутренней жизнью туземцевъ. Деревни туземцевъ мы легко находили по общимъ признакамъ (кокосовыя пальмы). Всѣ онѣ на одинъ покровъ: также удалены отъ берега сажень на 50 — 100, тѣ же общежительные дома, тѣ же хижины—все это расположено относительно другъ друга въ совершенномъ безпорядкѣ. Между хижинами разбросаны столы довольно правильнаго устройства. Тутъ же растутъ кокосовыя пальмы и китайскія розы; остальные деревья и кустарники тщательно вырублены. Отъ деревни всегда идетъ нѣсколько тропинокъ—къ берегу, гдѣ стоятъ пироги, и въ сосѣднія деревни. Огородовъ и плантацій вблизи деревни не видно; онѣ обыкновенно устраиваются въ совершенно скрытыхъ и извѣстныхъ только хозяевамъ мѣстахъ, чтобы черные враги не могли ихъ ограбить.

Деревни обыкновенно располагаются на одномъ большомъ или нѣсколькихъ малыхъ холмахъ, всегда вблизи ручья или рѣчки. Въ первый разъ мы посѣтили ту самую деревню (Горенда), въ которой Маклай свелъ первое знакомство со своими будущими сожителями. Она расположена на двухъ холмахъ, лежащихъ одинъ за другимъ. Насъ встрѣтили одни мужчины въ большомъ числѣ и положили передъ нами свои пика, топоры и стрѣлы, вѣроятно, съ цѣлью показать свое миролюбивое настроеніе къ пришельцамъ съ луны, которыхъ они считали, очевидно, гораздо выше себя. Женщины и дѣти были переселены въ горы. Обмѣнявшись разными привѣтствіями и вымѣнявъ на привезенныя вещи то, что намъ наиболѣе понравилось, мы отправились по тропинкѣ, идущей въ гору, и послѣ получасовой прогулки въ прохладной тѣни подъ сводами лянъ и громадныхъ тропическихъ деревьевъ, нечаянно наткнулись на заборъ. Обойдя его съ двухъ сторонъ, мы пришли въ перелазу, ведущему въ загороженное пространство. Около него стояло двое часовыхъ съ пиками. Несмотря на наши ласки и подарки, они не только не пропускали насъ, но жестами хорошо дали понять, что если мы вступимъ въ запрещенное мѣсто, то насъ изрубятъ и поѣдятъ. Считая насиліе бесполезнымъ, мы хотя и имѣли револьверы въ рукахъ, но отступили, не желая вредить хорошимъ отношеніямъ, установившимся между нашимъ натуралистомъ и дикарями. Отъ нечего дѣлать мы зажгли передъ часовыми стеариновую свѣчку; они сначала отшатнулись, но послѣ нашихъ увѣщаній рѣшились взять ее въ свои руки.

Возвратившись снова въ деревню, мы начали осматривать

хижины со всѣми ихъ принадлежностями. Хижины имѣютъ различную величину и форму, смотря по своему назначенію. Предназначенныя для жилья имѣютъ 30 — 50 футъ въ длину, а въ ширину и вышины 15—20. Остовъ хижины состоитъ изъ шести кольевъ: два среднихъ нѣсколько длиннѣе, и четыре угловыхъ. Всѣ они соединяются горизонтальными лежнями. Къ верхнему изъ нихъ, соединяющему вершины угловыхъ кольевъ, идутъ палки и упираются подъ нѣкоторымъ угломъ въ землю. Всѣ эти части крѣпко перевязаны между собою, такъ что глядя на фасадъ можно думать, что хижина не имѣетъ стѣнъ и что крыша изъ косовыхъ или саговыхъ листьевъ опускается до самой земли и составляетъ со стѣнами какъ бы одно цѣлое. Фасадъ и противоположная ему сторона забирается бамбуками. Въ фасадѣ оставляется отверстіе для входа, а въ противоположной ему сторонѣ — для окна. Эти отверстія закрываются плетенками или просто корою на запоркахъ, а иногда висятъ какъ бы на петляхъ. У фасада имѣется иногда пристройка съ навѣсомъ. Дверь въ большинствѣ случаевъ начинается не прямо отъ земли, а на нѣсколько футъ выше ея поверхности. Передъ дверью устроена площадка подъ навѣсомъ, къ этой площадкѣ ведетъ нѣсколько ступенекъ, весьма тщательно отдѣланныхъ.

Общежительные дома отличаются своею величиною и нѣкоторые имѣютъ въ длину 100 и болѣе футовъ, а въ ширину и высоту до 30. Они не имѣютъ ни фасада, ни противоположной ему стороны, за то украшены гораздо тщательнѣе оружіемъ, идолами и разными бездѣлками, такъ что на видъ они привлекаютельнѣе хижинъ.

Войдя во внутренность одной хижины, мы увидѣли довольно большую комнату безъ потолка и пола (послѣдній замѣненъ хорошо утрамбованной землею). Вдоль правой продольной стѣны устроены нары, на которыхъ разбросана всякая домашняя утварь и съѣстные припасы, иногда въ большомъ количествѣ. Гдѣ-нибудь въ углу между двухъ камней устроенъ очагъ; на немъ постоянно поддерживается добытый треніемъ огонь, такъ какъ способъ добыванія весьма труденъ. Подобныя нары находятся и въ общественныхъ зданіяхъ, только у обѣихъ продольныхъ стѣнъ; на нихъ располагаются музыкальные инструменты, различнаго рода орудія, идолы, украшенія, оружіе, человѣческіе, животные и птичьи черепа. Множество разнообразныхъ стрѣлъ, связанныхъ пучками, луки, копья и топоры красиво развѣшаны по стѣнамъ выше наръ. Тутъ же помѣщаются въ большомъ количествѣ головныя украшенія, косовыя плетенки и проч.; все это—

на случай нужды или пиршества. Вообще, судя по всей обстановкѣ, можно сказать, что туземцы заботятся о будущихъ черныхъ и свѣтлыхъ дняхъ жизни.

Болѣе всего по своему безобразію и громоздкости бросаются въ глаза идолы, раскрашенные красной краской и изображающіе божества мужескаго пола. Они очень похожи на идоловъ найденныхъ экспедиціей «Этна» въ Гумбольдтовомъ заливѣ. Величина ихъ весьма разнообразна: есть 3 дюйма длины—такіе висятъ надъ входомъ во всякую хижину, а есть въ 10 и болѣе фута. Иногда нѣсколько боговъ вырѣзаны одинъ за другимъ на одномъ большомъ стволѣ мягкаго дерева. Черты лица ихъ до крайности безобразны, и члены совершенно несоразмѣрны. Лицо длинное, носъ необыкновенно великъ, глаза и ротъ изображены выпуклыми горизонтальными надрѣзами. Съ боковъ его идутъ двѣ дуги, изображающія уши, и вслѣдъ за ними еще двѣ, гораздо выпуклѣе первыхъ и упирающіяся въ бока—руки. Ниже рта части тѣла не обдѣланы; непосредственно за нимъ начинается фаллусъ необыкновенной величины. Ноги и остальные части тѣла ничѣмъ не обозначены, и вообще можно сказать, что только голова и фаллусъ напоминаютъ изображеніе человѣка.

Музыкальные инструменты, съ которыми дикари нигде не расстаются, также какъ и идолы, почитаются священными. Первое мѣсто между ними занимаютъ барабаны, въ видѣ песочныхъ часовъ, на большихъ основаніяхъ которыхъ натянута изборужденная небольшими дырочками шкура акулы. Бока барабана непрерывно покрыты рѣзбою. Другой видъ барабана представляетъ большой стволъ футовъ 15 длины, съ закругленными концами. Отъ ударовъ по немъ палками получается глухой звукъ, слышимый на нѣсколько сотъ сажень. Къ музыкальнымъ инструментамъ можно причислить свистокъ, хранимый въ большой сумкѣ, и трещотку. Трещотка имѣетъ видъ небольшого деревяннаго языка, въ которомъ сдѣлана языкообразная выемка; въ эту выемку вставленъ меньшій деревянный же языкъ, прикрѣпленный широкой своею частью посредствомъ пружины къ первому. Если надавить произвести звукъ, то приподымаютъ этотъ послѣдній языкъ за его нижнюю часть. Опускаясь, онъ хлопаетъ по нижнему языку и производитъ звуки.

Астролябцы обладаютъ большими запасами различнаго рода орудій, и притомъ самыхъ разнообразныхъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ топоръ—вещь самая необходимая и наиболѣе употребительная. Ручка его—корень или суко, изогнутый подъ прямымъ угломъ, длиною отъ 1 до 1½ фута. На концѣ мень-

шей стороны ея плотно привязанъ тонкими древесными волокнами заостренный камень или кость. Подобнымъ инструментомъ они рубятъ деревья, выдалбливаютъ ихъ, строятъ дома, пирѣги и проч. Трудно даже себѣ представить, сколько тратится времени и здоровья для того, чтобы сдѣлать какую-либо вещь подобнымъ инструментомъ, и какъ дорого должна цѣниться всякая вещь.

Копья дѣлаются изъ желѣзнаго дерева; они бываютъ футовъ 10 длины и такъ гладки, какъ будто отполированы. Къ острію они представляютъ нарѣзки, красивую рѣзбу и украшены пучками разноцвѣтныхъ перьевъ. На 40 шаговъ они въ состояніи пробить двухдюймовую доску.

Лукъ дѣлается изъ такого же желѣзнаго дерева, а тетива его изъ молодого бамбука. Стрѣлы чрезвычайно разнообразнаго вида; нижняя часть ихъ изъ тонкаго бамбука, верхняя же или остріе изъ желѣзнаго дерева, пальмоваго, кости съ нарѣзками или зубцами, а иногда и съ шариками. Определить пространство, которое можетъ пролетѣть стрѣла, выпущенная изъ лука, довольно мудрено, такъ какъ при этомъ надо принимать во вниманіе направленіе и силу вѣтра. Онѣ пролетаютъ разстояніе около 100 шаговъ, но; конечно, ударъ ихъ будетъ уже такъ слабъ, что не произведетъ вреда. Изъ желѣзнаго же дерева дѣлается нѣчто въ родѣ сабель или кинжаловъ съ различными рукоятками.

Изъ домашней утвари мы видѣли деревянныя миски и глиняные горшки. Миски при большой окружности имѣютъ незначительную глубину; снаружи испещрены красивою рѣзбою. Въ нихъ сохраняются съѣстные припасы отъ нападенія муравьевъ. Горшки имѣютъ весьма правильную фигуру и готовятся исключительно въ деревнѣ на островѣ «Витязъ», жители которой имѣютъ ихъ на другія произведенія. Въ нихъ варятъ пищу.

Судя по съѣстнымъ припасамъ, видѣннымъ нами въ книжахъ, пища туземцевъ состоитъ изъ саго, сладкаго картофеля, кокосовыхъ и другого рода орѣховъ, плодовъ хлѣбнаго дерева, хотя и въ ограниченномъ количествѣ, наконецъ, изъ рыбы и мяса. Астролябцы ѣдятъ мясо небольшихъ собакъ съ гладкой шерстью, полудикихъ свиней, величиною съ нашего поросенка, и, наконецъ, дикихъ кабановъ, которыхъ рѣдко удается убивать такимъ оружіемъ, какъ стрѣла или копье. Вообще, мясная пища употребляется весьма рѣдко и въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ—по окончаніи работъ и въ періодъ общественныхъ празднествъ. Мы встрѣтили у астролябцевъ куръ и пѣтуховъ. Они находятся въ весьма ограниченномъ количествѣ, пользуются большою любовью, уходомъ и не употребляются въ

пищу. Пѣтухи, какъ и въ нашихъ деревняхъ, служатъ для указанія времени. Астролябцы ѣдятъ, вѣроятно, по вечерамъ; это можно заключить изъ того, что днемъ мы никогда не заставляли ихъ за ѣдой, а подъ вечеръ въ деревняхъ разводятся костры.

Между всѣми хозяйственными работами рыболовство пользуется у нихъ едва ли не наибольшимъ вниманіемъ. Это доказываютъ и сами снаряды, коими производится ловля. Первое мѣсто между ними занимаетъ мережа. Устройство ея слѣдующее: представьте себѣ большой полый цилиндръ, имѣющій отверстія во всю величину основаній. Въ эти отверстія какъ-бы вставлены воронки. Широкое основаніе каждой воронки и есть основаніе большого цилиндра, а узкія основанія ихъ суть основанія другого цилиндра, лежащаго внутри перваго и по величинѣ, конечно, меньшаго. Этотъ меньшій цилиндръ внутри такъ же пусть, какъ и большій; оба основанія его также имѣютъ отверстія во всю свою величину. Если такой приборъ бросить въ воду, то вода, имѣя свободный проходъ чрезъ оба воронкообразныя отверстія большого цилиндра и оба отверстія малаго, войдетъ во внутрь малаго цилиндра, наполнить его и чрезъ отверстіе, сдѣланное въ боковой его поверхности, будетъ входить въ пространство, заключающееся между стѣнками большого и малаго цилиндровъ. Въ этомъ пространствѣ находится приманка для рыбы. Рыба, зайдя въ это пространство такимъ же путемъ, какъ и вода, не можетъ выйти изъ ловушки. Астролябцы вынимаютъ ее чрезъ отверстіе въ боковой поверхности большого цилиндра, которое можетъ закрываться дверцей. Для того, чтобы приборъ погружался въ воду—внизъ тою частью боковой поверхности обоихъ цилиндровъ, въ которой сдѣланы отверстія, къ угламъ этой части большого цилиндра приделаны льяны съ грузомъ, заставляющимъ приборъ погружаться въ воду въ желаемомъ положеніи; а къ противоположнымъ угламъ того же цилиндра прикрѣплены двѣ длинныя льяны, другими концами привязанныя къ бревну, которое, плавая по поверхности воды, указываетъ мѣсто, гдѣ погруженъ данный приборъ ¹⁾. Другой снарядъ—неводъ, имѣетъ такое же устройство, какъ и нашъ. Плетется онъ изъ волоконъ кокосовой пальмы, столь тщательно выдѣланныхъ, что ихъ трудно отличить отъ голландскихъ нитокъ, и только рассучивши одну изъ нихъ, можно убѣдиться, что это—волокна пальмы.

Отъ ближайшей къ корвету деревни, гдѣ мы хорошо позна-

¹⁾ На паровомъ барзасѣ мы вытаскивали мережу, употребивъ на эту работу болѣе получаса.

комились со всей обстановкой жизни туземцевъ, мы на томъ же паровомъ катерѣ отправились на противоположный берегъ бухты. Катеръ шёлъ на желтыя пятна, расположенныя группою по берегу съ поросшими по нимъ кокосовыми пальмами. Скоро мы стали различать хижины и двигающихся жителей деревни, стоящей почти у самаго берега. По желтымъ пятнамъ эту деревню мы назвали «Желтой». Приставая къ берегу, мы замѣтили сильное смятеніе; слышны были крики страха и ужаса. Однакожь, по выходѣ нашемъ на землю смятеніе прекратилось, крики стихли, и насъ ожидала самая радушная встрѣча. Цѣлая толпа дикарей по сигналу начальника преклонила колѣни и оставалась въ этомъ положеніи, пока мы не ободрили ихъ ласками и подарками. Затѣмъ произошла оживленная мѣновая торговля. Многіе изъ насъ, набравъ на корветѣ разнаго хламу, торговали имъ, разнося въ корзинахъ, а нѣкоторые раскладывали все это на столахъ, къ которымъ жители приносили для мѣны оружіе, утварь и украшенія. Одинъ изъ нашихъ товарищей занимался исключительно раскрашиваніемъ фізіономій папуасовъ сурикомъ. Это ихъ очень забавляло и доставляло, повидимому, большое удовольствіе. Они, желая угостить насъ чѣмъ-нибудь, лазили на стофутковыя пальмы за орѣхами, сбрасывали ихъ оттуда, предупреждая крикомъ о паденіи, чтобы кого не пришибло. Пробывъ здѣсь болѣе часа, мы, снова привѣтствуемые колѣнопреклоненіемъ, отправились въ деревню, лежащую въ глубинѣ бухты. Въ ней мы не застали ни единого человѣка; даже часовыхъ не было. Уставшая часть нашей компаніи осталась отдыхать въ деревнѣ, другая — отправилась искать дикарей.

Трудно забыть эту восхитительную природу, растительность и мѣстность. Мы шли по берегу рѣки въ долинѣ, поросшей кустарниками; кустарники, перевитые льянами, образуютъ душистый зеленый тоннель; пройдя по этому тоннелю, мы вышли на тропинку; по обѣимъ ея сторонамъ столѣтнія деревья образуютъ сплошныя стѣны, между которыми переброшено множество гирляндъ ползучихъ растений. По такой тропинкѣ подошли мы къ небольшому красивому каскаду, футовъ въ 50 паденія, образующему у своего подножія родъ небольшого озера, весьма удобнаго для купанья. Мы не замедлили, конечно, воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ. Въ то время, какъ мы купались, слышались радостные голоса дикарей, вѣроятно, думавшихъ, что они насъ ловко провели. Поспѣшно одѣвшись, мы тронулись въ обратный путь и, подходя къ одному перевалку, снова ясно могли различить говоръ. Это были жители той деревни, гдѣ часть

публики осталась отдыхать. Они были сильно поражены внезапнымъ нашимъ появленіемъ и охотно отдавали все имѣющееся при себѣ за самую ничтожную тряпку или бутылку. Ласковымъ обращеніемъ мы ихъ привели въ себя и вмѣстѣ съ ними вернулись къ ожидающимъ насъ товарищамъ въ деревню. Снова произошла такая же мѣна вещей, крашеніе физиономій и пр. Было уже темно, когда мы, усталые и измученные, возвратились на корветъ.

Изъ всѣхъ видѣнныхъ нами деревень, самая большая и красиво расположенная находится на островѣ «Витазъ» (по туземному Билибили). Она раскинута на нѣсколькихъ холмахъ, покрытыхъ богатою растительностью и круто спускающихся къ морю. Мѣстность оживлена небольшими ручьями. Громадныя деревья, повитыя льянами, образуютъ какъ-бы воздушныя качели. У береговъ, въ маленькихъ бухточкахъ, стоитъ цѣлый флотъ большихъ пиро́говъ съ разноцвѣтными высокими мачтами, на клотахъ которыхъ развѣвались пестрые флагеры и вымпела, оканчивающіеся пестрыми пучками перьевъ. Послѣ радушнаго приѣма со стороны жителей мы позволили себѣ осмотрѣть эти замѣчательныя пиро́ги, сдѣланныя такъ изящно и такими первобытными орудіями. Длина ихъ 60—80 футовъ, высота 5—6, но ширина сравнительно съ длиной ничтожна. Подводная часть пиро́ги дѣлается изъ одного большого дерева; къ концамъ его придѣланы штевни ¹⁾. Между штевнями и шпангоутами (ребра корабля), прикрепленными въ основной долбленный брусъ, положена обшивка, образующая подводную часть пиро́ги. Она крѣпко связана кокосовыми волокнами какъ со шпангоутами, такъ и со штевнями. Наружный бортъ украшенъ рѣзбою такъ же, какъ и форъ и ахтерштевень. Форъ (передній) и ахтерштевень (задній) выдаются вверхъ и украшены разноцвѣтными раковинами. Съ одной стороны въ большихъ пиро́гахъ имѣется противовѣсъ, соответствующій парусности. Посрединѣ пиро́ги возвышается бамбуковая клѣтка или каюта, раздѣленная по высотѣ на двѣ половины такимъ образомъ, что нижняя совершенно закрыта поломъ верхней и имѣетъ входъ черезъ особую дверь. Назначеніе нижней, вѣроятно, для жилья, верхней — для стрѣльбы изъ луковъ. Мачты (нѣкоторыя пиро́ги имѣютъ по одной мачтѣ) толстыя, высокія и расположены довольно симметрично. На них поднимаются большіе четырех-угольные паруса съ двумя рейками (бруски) на верхней и нижней его шкаторинѣ. Поднимаются они посредствомъ фала (веревка для подъема парусовъ), продѣтаго въ

¹⁾ Основаніе передней и задней части судна.

дыру топа (оконечности) мачты, а спускаются и наворачиваются на нижній реекъ посредствомъ кольца, прикрѣпленнаго въ одномъ изъ концовъ его. Тщательная отдѣлка всѣхъ частей пирога и храненіе пирога въ особыхъ сараяхъ показываетъ, что онъ высоко цѣнятся островитянами и составляютъ ихъ гордость. Въ этой же деревнѣ мы видѣли массы деревянныхъ мисокъ и глиняныхъ горшковъ. Очевидно, что здѣсь мѣсто ихъ приготовленія, а сбытъ производится въ береговыхъ деревняхъ, откуда они получаютъ огородные овощи и проч.

Мы посѣщали деревни, всегда вооружившись шестиствольными револьверами. Оказалось, что это совершенно излишняя предосторожность, такъ какъ астробцы не подали ни малѣйшаго знака неприязни. Хорошо сознавая наше превосходство и опасаясь за свою жизнь и имущество, они вполне покорились нашимъ дѣйствіямъ и при встрѣчѣ въ знакъ мира клали оружіе на землю. Они до того трусили, что при зажиганіи спички отскакивали на нѣсколько шаговъ. При всемъ томъ они поступали весьма осторожно, видя въ насъ сильныхъ и опасныхъ гостей. Они устранили и прятали все, что по ихъ мнѣнію могло возбудить нашу жадность, запирали свои хижины и общественные дома, показывали ихъ неохотно, стараясь скорѣе опять закрыть. Замѣчая, что мы нисколько не набрасываемся на ихъ богатства и ничего не трогаемъ безъ спросу, они успокоивались. Но астробцы не переставали опасаться за своихъ женщинъ и дѣтей; всѣ они были высланы въ горы, и никто изъ насъ не видѣлъ ни одной женщины. Какъ видно, дикари хотя и считали насъ пришельцами съ луны, но подозрѣвали въ насъ общечеловѣческія слабости и опасались похищенія или насилія, — что легко могло случиться по ихъ мнѣнію послѣ долгаго вояжа съ луны, — а потому заблаговременно и удаляли свой прекрасный полъ.

По ознакомленіи съ мѣстностью и туземцами, мы приступили къ работамъ — съ цѣлью устроить на берегу жилище для Маклая и заготовить дровами.

Рубка дровъ представлялась особенно затруднительною, такъ какъ огромные стволы были перевиты льянами, и трудно было срубить дерево и потомъ вытащить его на просторъ. Когда дерево рушилось на землю, человѣкъ 50 команды, припѣвая «дубинушку», захватывали его въ нѣсколькихъ мѣстахъ веревками и выволакивали на болѣе просторное мѣсто. Тутъ его разрубали на части и таскали эти части къ берегу; болѣе мелкія изъ нихъ нагружа-

лись на гребные суда, а болѣе крупныя брались на буксиръ. Такъ какъ шлюпкамъ нельзя было подходить къ берегу вплотную, то приходилось измученной зноимъ командѣ производить послѣднюю работу по поясъ въ водѣ, что и было причиною лихорадочной эпидеміи. Окончательная рубка дровъ на полѣнья производилась уже на палубѣ корвета. Ежедневно было занято такой работой до 100 человекъ. При всемъ стараніи отличной команды, мы въ семь дней успѣли нарубить дровъ всего на сутки для средняго хода 360-сильной машины!

Кромѣ того, ежедневно было отряжаемо по 35 человекъ, преимущественно изъ плотниковъ, столяровъ и маляровъ, въ распоряженіе Маклая для постройки его дома и устройства погребовъ и торпедъ. Мѣсто, выбранное для жилья Маклаю, находилось на берегу порта «Великій Князь Константинъ» (Gabina, по туземному. Оно нѣсколько возвышенно противъ остальной части порта и прорѣзывается ручьемъ, вытекающимъ изъ болотистой долины. Хорошо утоптанныя тропинки вели отсюда въ деревни. Площадка около 10—15 квадратныхъ сажень была очищена отъ деревьевъ и кустарниковъ, за исключеніемъ двухъ большихъ деревьевъ, оставленныхъ возлѣ самаго дома съ тѣмъ, чтобы громадныя вѣтви ихъ, повитыя множествомъ лянъ, давали тѣнь и прохладу въ невыносимые, вѣчно знойные дни. Затѣмъ приступили къ строительству дома.

Въ землю были вбиты 6 брусевъ, вышиною около 3 1/2 футовъ: они и составили фундаментъ. На нихъ положены горизонтальные брусья, въ которые укрѣплено 6 вертикальныхъ стоекъ, связанныхъ наверху такими же горизонтальными брусьями, какъ нижніе, положенные на фундаментъ. Въ выемки, сдѣланныя въ стойкахъ, вставлены тонкія доски, образующія досчатые стѣны только на 2/3 высоты стоекъ; остальная часть завѣшена парусиной, которую можно приподнимать, какъ штору, для очищенія воздуха комнаты и для прохлады. Съ боковъ сдѣлано два крыльца, по которымъ можно входить въ комнату, раздѣленную на двѣ половины: одна—для Маклая, другая—для его слугъ. Спереди устроена на трехъ сваяхъ маленькая веранда подъ навѣсомъ продолженной крыши, покрытой листьями саговой и кокосовой пальмы. Длина дома между крайними стойками 15 футъ, ширина и высота шесть. Въ находившейся неподалеку хижинѣ, оставленной туземцами, Маклай устроилъ свою кухню. Въ ней, должно быть, жилъ прежде одинъ изъ туземцовъ по имени Туи. Въ началѣ постройки дома онъ принималъ дѣятельное участіе въ нашихъ работахъ; но потомъ онъ пересталъ являться. Когда его спро-

силы о причинѣ, то жестами онъ объяснилъ, что ему запретило общество, и притомъ прибавилъ, указывая при этомъ на корветъ:

«Когда корветъ уйдетъ, то весь домъ будетъ изрубленъ, сожженъ, и Маклай выгнанъ вонъ!»

Чтобы не вводить туземцевъ въ искушеніе, Маклай зарылъ въ погребъ менѣе нужныя и запасныя вещи. Этотъ погребъ былъ устроенъ подъ домомъ; въ другомъ погребѣ, устроенномъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, зарыли около 5-ти пудовъ пороху, а вокругъ помѣстили шесть торпедъ, которыя можно было взорвать моментально однимъ движеніемъ руки, и тѣмъ, въ случаѣ нападенія, навести на нападающихъ паническій страхъ. Въ каждой торпедѣ было помѣщено по двѣ бутылки пороху: одна изъ нихъ могла быть взорвана ударнымъ составомъ, другая—посредствомъ стопина (пороховой нитки), проведеннаго изъ дома черезъ бамбуковую трубку. Маклаю была оставлена веселая шлюбка съ парусами и со всѣми принадлежностями для морского перехода. На ней смѣло можно было пуститься вдоль сѣвернаго берега Новой Гвиней въ Дорей и даже Тернате. Вблизи дома штурманскій офицеръ устроилъ солнечныя часы, такъ какъ на настоящую вѣрность карманныхъ трудно было рассчитывать. На высокомъ деревѣ былъ укрѣпленъ флагштокъ съ русскимъ коммерческимъ флагомъ, который можно было видѣть даже у входа въ бухту.

На случай смерти всѣ вещи и важныя бумаги должны были быть зарыты въ условленномъ мѣстѣ на мысѣ «Обсервацій», чтобы судно, пришедшее за Маклаемъ, могло отыскать закопанное и передать по принадлежности.

Кромѣ того, Маклай имѣлъ запасъ хорошей складной и легкой мебели, лучшихъ метеорологическихъ инструментовъ и т. п. Но какъ удовлетворительна была внѣшняя обстановка его быта, такъ скудны были запасы пищи. Такъ какъ Маклай отправлялся въ свою экспедицію безъ всякаго денежнаго пособія со стороны правительства или какого-либо общества, то по части продовольствія онъ долженъ былъ самъ о себѣ заботиться. Ему многіе совѣтовали запастись необходимымъ на болѣе продолжительный срокъ еще въ Вальпарайзо. Но онъ эти совѣты всегда отвергалъ, говоря, что онъ будетъ ѣсть то же, что дикари; но все, что казалось возможнымъ въ Вальпарайзо, вышло иначе въ Астролябии, гдѣ онъ имѣлъ всего два пуда рису и баночку съ надписью: «жиръ для пищи». Провизія по возможности была пополнена изъ офицерскаго хозяйства; такъ рису прибавили до 6-ти пудовъ и дали къ тому нѣсколько консервовъ, чаю, сахару. Послѣдній раздѣлили просто пополамъ и потомъ оставались нѣсколько дней

на уменьшенной порціи; а самъ Маклай доставлялъ себѣ это удовольствіе только по праздникамъ.

Когда всѣ запасы, вещи и проч. были перевезены на берегъ, Маклай просилъ, чтобы корветъ остался еще три дня, пока онъ разберетъ свои вещи и осмотрится со своимъ новымъ жилищемъ. Но, къ сожалѣнію, мы не могли удовлетворить его просьбѣ. До порта ближайшаго къ «Астролябіи» можно было дойти не ранѣе трехъ недѣль. Угля же вмѣстѣ съ нарубленными дровами хватало только на 4 дня средняго хода, и для трехъ опрѣсненій полнаго запаса воды. Впереди предстояло перейти штилевую полосу и конскую широту съ ураганами. Провизіи хватало на 15 дней при полныхъ порціонахъ, при уменьшенныхъ на 25. Ко всему этому надо прибавить появившуюся лихорадку, порчу провизіи при страшныхъ жарахъ и штиляхъ; воздухъ только изрѣдка освѣжался непродолжительными, но сильными ливнями. На этомъ переходѣ мы послѣ узнали всѣ трудности морской жизни: сильные жары утомляли до обмороковъ. Всякій съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ прохладной ночи, но ночью, въ большинствѣ случаевъ, бывали сильныя грозы съ электрическими огнями на концахъ всѣхъ предметовъ; грозы оканчивались сильными ливнями, гнавшими нѣсколько ожившую публику внизъ, въ спертый воздухъ и страшную духоту. Солонина, пресыщенная до невозможности хлористымъ натромъ, пахнувшій сыростью рисъ и сухари съ червями составляли нашу ежедневную пищу. Но и въ такія трудныя минуты нашъ матросъ не падаетъ духомъ, и самъ же смѣется надъ своимъ положеніемъ. Держить, бывало, матросъ въ рукѣ сухарь, бьетъ его по доскѣ и приговариваетъ: «Ну-ка, ну-ка, выходи хозяинъ!» и хозяинъ не замедлитъ явиться въ видѣ большого червя.

IV.

Торжественная встрѣча съ Маклаемъ. — Посѣщеніе деревень. — Встрѣча съ женщинами. — Замѣтная перемена въ обхожденіи. — Туземцы на клиперѣ. — Проводы Маклая.

Возвратимся теперь къ клиперу «Изумрудъ», и его поискамъ за Милухой-Маклаемъ. Послѣ труднаго перехода по неизвѣстнымъ водамъ, усѣяннымъ коралловыми рифами и банками, плохо означенными на старыхъ картахъ, мы не безъ внутренняго волненія приближались къ бухтѣ «Астролябіи». — Живъ Маклай, или нѣтъ? Большинство уже давно исключило Маклая изъ списка живыхъ, такъ какъ въ одной изъ австралійскихъ газетъ нѣсколько

времени тому назадъ было напечатано, что въ «Астролябію» заходило одно купеческое судно, нашедшее въ живыхъ только Вильсона; но тѣмъ не менѣе всѣ были страшно взволнованы и ждали чего-то необыкновеннаго. Находясь въ 3-хъ или 4-хъ миляхъ отъ порта «Великій Князь Константинъ», мы направили всѣ трубы и бинокли на берегъ, высматривали на немъ домъ и искали какіе-нибудь признаки нашихъ отшельниковъ. Наконецъ одинъ изъ офицеровъ замѣтилъ русскій коммерческій флагъ, развѣвающійся между вѣтвями громадныхъ деревъ, и пришелъ въ такое волненіе отъ своего открытія, что едва могъ сообщить объ этомъ командиру.

Мы знали, что «Витязь» оставилъ флагъ Маклаю, а потому его присутствіе ясно говорило, что кто-нибудь изъ оставшихся живъ. Клиперъ прибавилъ ходу, и мы увидѣли домъ; видѣли, какъ отвалили двѣ пироги, идущія къ намъ навстрѣчу. Пока еще трудно было разобрать, кто на нихъ находился, но, постепенно сближаясь, мы различили какого-то европейца, который вскорѣ оказался ко всеобщей радости мнимо-умершимъ Маклаемъ. Сцена встрѣчи была самая торжественная; трудно передать ея впечатлѣніе. Разукрашенные оружіемъ и головными уборами, гребцы чинно сидѣли на своихъ мѣстахъ въ пирогахъ, а между ними на возвышеніи помѣщался худой и обросшій Маклай въ истрѣпанномъ и поношенномъ костюмѣ съ соломенной шляпой. Клиперъ остановился и, выпуская съ грохотомъ излишній паръ, послалъ по вантамъ команду, которая, вмѣстѣ съ стоявшими на мостикахъ офицерами, дружнымъ и многократнымъ «ура» привѣтствовала нашего смѣлаго изслѣдователя Новой-Гвиней. Лица всѣхъ сіяли счастьемъ и радостью; только папуасы, испуганные шумомъ машины, кривомъ и маханьемъ шляпъ, составляли исключеніе, удивляясь этой новой картинѣ. По выходѣ Маклая на клиперъ, не было конца рукопожатіямъ, поздравленіямъ и разнымъ вопросамъ. Вообще, суматоха была не малая и разговоръ, какъ обыкновенно при встрѣчахъ, вращался на пустякахъ и мелочахъ. Маклай сильно измѣнился за время 15-ти мѣсячнаго отшельничества отъ сильныхъ пароксизмовъ лихорадки, всякаго рода лишеній и трудныхъ работъ. Во фланелевой рубахѣ, гамапахъ (штиблеты для экскурсій), съ кинжаломъ и револьверомъ за поясомъ, съ сумкой черезъ плечо, наполненной разными лахмотьями для мѣны и покупки пищи, онъ былъ настоящимъ Робинзономъ Крузе.

Дикари относились къ Маклаю съ большимъ довѣріемъ, и постоянно почти произнося: «Маклай!», спрашивали у него совѣта

и разъясненій. Свободно и бѣгло говоря по-астролябски, Маклай немедленно отвѣчалъ на всѣ ихъ разспросы.

Слуга его, Вильсонъ, прохворалъ почти все время пребыванія на Новой-Гвиней. Маклай окружилъ его всевозможною заботливостью и, будучи самъ на краю могилы, спасъ ему жизнь. Къ приходу «Изумруда» у нихъ оставалось всего 20 гранъ хинина.

Другой слуга его, Бой, болѣе всѣхъ подававшій надежды на здоровье, какъ житель тропического пояса (архипелага Кука), умеръ отъ жестокой лихорадки черезъ нѣсколько дней по уходѣ корвета «Витязь».

Домъ снаружи остался въ такомъ же видѣ, какъ и былъ. Только крыша мѣстами пришла въ разрушеніе, такъ что Маклай немало страдалъ отъ дождя. Отъ множества собранныхъ имъ коллекцій и вещей внутри стало такъ тѣсно, что трудно было повернуться. Поэтому, Маклай занимался преимущественно на площадеѣ, если только ему позволяла погода. Вторую половину дома занималъ больной Вильсонъ. Возлѣ него на табуретѣ лежали бананы, таро и кокосы; видно, что столъ напихъ отпелъниковъ мало чѣмъ отличался отъ стола дикихъ.

Вырубленное и очищенное мѣсто вокругъ дома снова заросло молодыми побѣгами деревъ и кустарниковъ на высоту человѣческаго роста.

Такъ какъ клиперъ стоялъ въ бухтѣ всего пять дней, а работы всегда было въволю, то мы успѣли посѣтить только двѣ деревни: Горенда и Гумба, предварительно освѣдомившись у Маклая, не будетъ ли туземцамъ непріятно наше посѣщеніе. Придя въ первую деревню, мы тотчасъ же замѣтили, что жители не были приготовлены къ нашему приходу и не приняли никакихъ мѣръ. Какъ мужчины, такъ и женщины сидѣли за своими обычными занятіями. Первые окружили насъ совершенно доврчиво безъ всякаго страха и предложили сѣсть около одной изъ хижинъ. Вторые, при первомъ нашемъ появленіи, бросились съ крикомъ и визгомъ въ лѣсъ и хижины, но потомъ, видя ласковое обращеніе своихъ отцовъ и супруговъ съ нами и не получая отъ нихъ никакихъ наказовъ, какъ держать себя съ пришельцами, мало-по-малу стали приближаться къ намъ, разсматривать и разсуждать, указывая на насъ пальцами. Мы приняли это за знаки вниманія къ намъ дамъ папуасскихъ, но скоро разочаровались. Оказалось, что привезенная нами Мавака (обезьяна) и большая черная нью-фаундлендская собака Изумрудка были причиною такого вниманія, и только благодаря имъ, мы были ошастливлены присутствіемъ дамъ.

Женщины ростомъ значительно меньше мужчинъ и не отличаются стройностью, свойственною послѣднимъ; выдающійся животъ и особенно задняя часть тѣла, даже у молодыхъ дѣвушекъ, крайне безобразятъ ихъ, но астролябцы именно это-то и цѣнятъ, а потому приучаютъ дѣвушекъ съ малолѣтства ходить плавно, покачивая среднюю частью тѣла. Достигнувъ 14—15-лѣтняго возраста, астролябки могутъ считаться физически развитыми. Выраженіе лица ихъ менѣе осмысленно и болѣе дико, чѣмъ лицо мужчины. Волосы коротко стригутъ, окрашиваютъ въ рыжій цвѣтъ, но безъ всякихъ постороннихъ украшеній. Одежда состоитъ изъ пояса, на который пучками навязаны вѣсковыя нити, спускающіяся въ видѣ густой бахромы до самыхъ колѣнъ; пучки черезъ одинъ окрашены красной краской. Въ ушахъ носятъ серыги въ видѣ цѣпочекъ изъ востянныхъ колецъ, спускающихся до плечъ; на шеѣ—ожерелья въ нѣсколько рядовъ; на рукахъ—браслеты, такіе же, какъ и у мужчинъ.

Въ приходѣ «Изумруда» астролябцы рѣдко предлагали что-нибудь для мѣны, а если и приносили, то плохія вещи, требуя нынѣшній разъ взаменъ вещи уже по-цѣннѣе, какъ-то: топоръ, ножъ, бутылки; они произносили эти слова по-русски, какъ ихъ научилъ Маклай. Видно было, что они уже успѣли убѣдиться въ превосходствѣ этихъ инструментовъ предъ востанными и каменными. На бусы и на другія бездѣлушки не обращали вовсе вниманія. Собственный опытъ и указанія Маклая многому научили дикарей, и они даже опредѣлили сравнительную цѣнность многихъ вещей; такъ, знали, что топоръ дороже ножа, ножъ—бутылки. Значительно измѣнились и ихъ отношенія къ намъ; они стали довѣрчивѣе, и не опасаясь съ нашей стороны грабежа и насилія, они позволяли намъ видѣть своихъ женщинъ; не почитая насъ за боговъ или за сверхъестественныя существа, не дѣлали жертвоприношеній и подарковъ. Такую же рѣзкую перемену мы встрѣтили и въ другой деревнѣ Гумба, подѣзжая къ которой мы были поражены самой фантастической картиной. У самаго берега стояло нѣсколько разукрашенныхъ пирогъ съ острова «Витязь». На площадѣ, между хижинъ, вѣсковыхъ пальмъ и большихъ цвѣтущихъ кустарниковъ китайской розы, собралась толпа людей 400 обоюго пола. Всѣ они были разукрашены по-праздничному. Мужчины съ оружіемъ за спиною, и съ украшеніемъ на головѣ въ видѣ цѣлаго строенія, съ кожей, раскрашенной красными и бѣлыми полосами, представлялись воинственными, дикими рыцарями; женщины были скромно украшены серыгами. Между мужчинами особенно выдѣлялись шесть

парней, болѣе красивыхъ; они имѣли болѣе красивый головной уборъ, отличительный признакъ танцоровъ. Нѣсколько востъ, завитыхъ въ шесть прядей, прикрѣпляли къ головѣ коническій бамбуковый колпакъ фута въ 2 вышины, на подобіе зонтика. Къ верхней его части привязанъ вертикально бамбуковый шестъ, длиною въ $1\frac{1}{2}$ —2 сажени. Весь уборъ, равно какъ и все тѣло покрыто множествомъ перьевъ, зелени и другихъ украшеній. При танцахъ, состоящихъ изъ довольно плавныхъ движеній, все это красиво колышется. Нѣсколько молодыхъ парней и дѣвушекъ сновали между пестрой толпой; старыя съ дѣтьми за спиной стояли сзади. Посрединѣ площадки лежала куча кокосовъ, саго, нѣсколько свиней, привязанныхъ къ бамбукамъ и проч. Все это сначала мы приняли за рынокъ для мѣны произведеній, но вскорѣ Маклай объяснилъ, что всѣ деревни, лежащія около бухты, сообща устроили, по случаю его отъѣзда, пиръ съ оригинальными танцами.

Наконецъ, дикари выразили чрезъ Маклая желаніе осмотрѣть пугавшее ихъ прежде чудовище «Изумрудъ», на что командиръ охотно согласился. Человѣкъ 30 явилось на клиперъ. Сначала они держались кучкою и нерѣшительно подвигались впередъ; но небольшіе подарки и ободренія Маклая придали имъ смѣлости; — все было осмотрѣно съ большимъ любопытствомъ, и объясненія Маклая слушались внимательно. Больше всего поразили ихъ быки; увидѣвъ этихъ животныхъ, они сначала бросились прочь, но замѣтивъ, что быки не дѣлаютъ никакого вреда, ихъ просвѣтителю Маклаю, они подошли къ нимъ поближе и внимательно ихъ разсматривали. Зеркало, игра на фортепіано и другіе предметы, болѣе бросающіеся въ глаза, доставили не мало удовольствія астролябцамъ. Замѣчу встать, что они никогда не смѣются, какъ мы; но когда что-нибудь доставляетъ имъ радость или удовольствіе, то фізіономія ихъ складывается въ особую гримасу. При этомъ они не издають никакого звука. Къ довершенію ихъ счастья, по усмотрѣнію Маклая, были розданы отъ клипера въ подарокъ ножи, платки и пр., за что они не остались въ свою очередь неблагодарны и привезли къ уходу нашему живности, плодовъ, и били въ барабаны въ честь Маклая.

Но когда пришлось разставаться съ любимымъ бѣлымъ человѣкомъ, дикари выразили сильнѣйшее сожалѣніе. Они просили Маклая остаться; предлагали ему за это выстроить домъ, гдѣ угодно, дать въ жены любую красавицу безъ всякой платы, хотя сначала требовали за это два топора. Порѣшили на томъ, что онъ уѣдетъ на короткое время домой и потомъ посѣтитъ ихъ снова.

(Тогда предполагалась экспедиція на голландскомъ фрегатѣ «Кумпанъ»). Разобравъ домъ и прибивъ доску съ надписью: «Витязъ» и «Изумрудъ», 12-го декабря мы снялись съ якоря въ виду туземцевъ, стоявшихъ толпами на берегу и плывшихъ за нами на пирогахъ *).

V.

Разказы Маклая на обратномъ пути.—Стража около его дома.—Первое посѣщеніе деревни Горенда.—Сближеніе Маклая съ туземцами.—Языкѣ.—Пища.—Маклай расширяетъ кругъ своихъ изслѣдованій.—Устройство жизни папуаса.—Женщины.—Дѣти.—Нравственность.—Обработка полей.—Празднества.—Похороны.

Во время обратнаго плаванія изъ Астролябіи, Н. Н. Миклуха-Маклай не разъ принимался разсказывать о своемъ житіѣ-бытіѣ и о дикаряхъ, ихъ нравахъ, образѣ жизни и о своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Я постараюсь изложить все слышанное нами, насколько то помню.

Вскорѣ послѣ ухода корвета «Витязъ», множество вооруженныхъ туземцевъ немедленно окружили домъ Маклая, хотя держались на приличномъ разстояніи. Эта стража въ продолженіе нѣсколькихъ дней бдительно слѣдила за каждымъ его шагомъ, не предпринимая, однакожъ, никакихъ непріязненныхъ дѣйствій. Замѣтивъ это, Маклай не выказывалъ ни малѣйшаго страха, подходилъ къ нимъ близко, довѣрчиво и показывалъ полное равнодушіе къ своему осадному положенію. Дикари же, замѣтивъ еще во время постройки, что подлѣ дома зарыты различныя вещи, боялись подходить близко, чувствуя, что можетъ произойти что-то недоброе. Понятно, что этой стражѣ скоро надобно глазѣть безъ цѣли; кромѣ того, она увидѣла, что припелецъ съ луны не предпринимаетъ ничего сверхъестественнаго, и понемногу стала расходиться; наконецъ, остались только нѣкоторые изъ жителей ближайшей деревни, Горенда, съ которыми онъ постарался по возможности сблизиться. Долго онъ не рѣшался посѣтить ее, и только черезъ два мѣсяца рѣшился заговорить объ этомъ съ

*) На-дняхъ, въ № 4-мъ „Извѣстій Рус. Географ. Общества“ сообщено, что отъ г. Миклухи-Маклая пришло письмо изъ Амбоины (Молуккскіе острова въ Индійскомъ архипелагѣ) отъ 19-го февраля нынѣшняго года. Въ этотъ день, нашъ естествоиспытатель сдержалъ слово, данное дикарямъ, и вторично отправился въ Новую Гвинееу на три мѣсяца. Въѣстъ съ письмомъ получена рукопись: „О діалектѣ папуасовъ, обитающихъ на Маклайскомъ берегу въ Новой-Гвинее“. Ниже читатели найдутъ образцы этого діалекта.—Ред.

туземцами. Изъявивъ свое согласіе, они послали передовыхъ предупредить женщинъ объ этомъ визитѣ и дать имъ возможность скрыться. Въ послѣдующія посѣщенія онъ, по условію, предупреждалъ жителей свистками. Такимъ образомъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ не видалъ ни одной женщины; но потомъ, когда всѣ по привыкли къ нему и увидѣли, что онъ ведетъ себя скромно, сами перестали удалять женщинъ, и наконецъ, между имъ и астролябцами установились нормальныя отношенія; они стали заниматься обыденными работами, нисколько не стѣсняясь его присутствіемъ; часто объясняли ему въ чемъ дѣло и пользовались его совѣтами. Вначалѣ принимали его неласково, старались поскорѣе спроводить домой, но онъ, постепенно удлиняя время своего пребыванія у нихъ, наконецъ, рѣшился разъ остаться ночевать въ деревнѣ. Намѣреніе это было встрѣчено съ большимъ неудовольствіемъ; но какъ они его ни уговаривали вернуться домой, онъ спокойно остался. По всему было видно, что они не рѣшались на энергическія мѣры и побаивались своего сосѣда. Послѣ этого можно было дѣлать посѣщенія во всякое время и безъ предупредительныхъ сигналовъ.

Спустя 4 мѣсяца по уходѣ «Витязя» случилось обстоятельство, способствовавшее не только сближенію между Маклаемъ и дикарями, но и тому, что онъ заслужилъ у нихъ полное довѣріе и любовь. Между астролябцами и горными жителями возникла война. Астролябцы, зная, что у ихъ бѣлаго сосѣда есть страшное огнестрѣльное оружіе, которое они называли «пумъ-пумъ», просили его оберегать ихъ женщинъ и дѣтей. Онъ, конечно, принялъ предложеніе, и въ тотъ же день весь прекрасный полъ съ дѣтьми расположился таборомъ вокругъ его дома, ожидая нападенія. Война началась изъ-за пустяковъ; горцы, охотясь на ихъ землѣ, испортили засѣянные поля и не хотѣли дать удовлетворенія. Вскорѣ война кончилась. Дамы, никѣмъ не оскорбленные, вернулись въ свои хижины. Такимъ образомъ, хотя помощь Маклая имъ не понадобилась, тѣмъ не менѣе онъ своимъ благоразумнымъ поведеніемъ заслужилъ довѣріе и благодарность дикарей. Кромѣ войны, усиленію его вліянія на туземцевъ и популярности между ними способствовала медицинская помощь, которую онъ оказывалъ, давая лекарства не только противъ нѣкоторыхъ кожныхъ болѣзней, но и противъ болѣзней болѣе серьезнаго характера. Скоро слава о его искусствѣ распространилась по окрестностямъ, и жители другихъ деревень стали не только принимать его, но сами на пирѣгахъ пріѣзжали посмотреть на этого чудотворца и попользоваться его совѣтомъ.

Сильнымъ тормазомъ при сношеніяхъ было незнаніе языка, безъ котораго, конечно, нельзя было успѣшно вести свои изслѣдованія. На его изученіе потребовалось много времени. Маклай могъ узнать только названія видимыхъ предметовъ, дѣйствій и явленій, да и при этомъ встрѣчались такія же недоразумѣнія, какъ и у дорейскихъ миссіонеровъ; что же касается названій отвлеченныхъ понятій, то онъ, при всемъ стараніи, мало имѣлъ успѣха. Вотъ почему онъ почти ничего не узналъ объ ихъ вѣрованіяхъ.

Онъ понялъ только, что нѣкоторыя вещи имѣютъ священное значеніе, какъ напримѣръ нижняя челюсть, музыкальные инструменты и идолы. Языкъ астроябцевъ довольно богатъ, относительно нужныхъ вещей и полезныхъ растений онъ даже очень полонъ и опредѣлительнъ. Для примѣра возьмемъ кокосовый орѣхъ, для различныхъ частей котораго имѣется 8 названій, и вѣроятно потому, что всѣ части его имѣютъ какое-нибудь примѣненіе. Разныя деревья и ихъ части опредѣлены также весьма точно, причемъ различаютъ въ какомъ состояніи онѣ находятся, т.-е. сырымъ, сухомъ или гниломъ,—тонкость, которой нѣтъ въ другомъ языкѣ. Почти каждая деревня имѣетъ свой языкъ, отличающійся иногда очень рѣзко отъ языка сосѣдней деревни, и чѣмъ дальше, тѣмъ различіе становится рѣзче. Жители острова «Витязъ» почти не понимаютъ жителей Горенда. Языкъ же обитателей Желтой деревни хорошо понятенъ какъ витязянамъ, такъ и горендцамъ. Подобное явленіе, какъ 12 нарѣчій въ двѣнадцатимильной бухтѣ, показываетъ, что жители долго были изолированы другъ отъ друга.

Въ словахъ преобладаютъ гласныя буквы. Ударенія играютъ большую роль при произношеніи. Цѣлое выраженіе перемѣняетъ свой смыслъ съ перемѣной ударенія. Имена собственные людей замѣнены у нихъ названіями животныхъ, растений и другихъ предметовъ, какъ, напр.: пальма, бамбукъ, ручеекъ. Бухту «Астролябію» называютъ вообще море, портъ «Великій Князь Константинъ» — Габина (Gabina). Маклай составилъ лексиконъ деревни Горенда въ 500 словъ; приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, сравнительно съ словами дорейской деревни:

человѣкъ—snun—tamo.
 женщина—binn (bien)—nangli (nangeli).
 голова—revuri—mamangabar.
 ребенокъ—rumava—mâlaci.
 мальчикъ—rumgum—remur.
 дѣвушка—nai—dagne.
 носъ—snogi—mana.

волоса—snumburam—gate-bagri.
 ротъ—sbavi—mubo.
 нога—vesi—samba.
 собака—naff—sa.
 свинья—bejegem—bul.
 курица—maukuko—tun, kukreku.
 птица—таап—as.
 райская птица—burumatti—omul.
 какаду—mamam—vigi.
 барабанъ—tifa—roberok—okam.
 стрѣла—iko—aralge.
 лукъ—maria—aral.
 шлюпка—vaei (bau)—kobum.
 домъ—rum—tal.
 кокосъ—sra—munki.
 вода прѣсная—væer—ii.
 вода соленая—mussen—val (more).
 гребенка—asis—gasin.
 я—aja, ja—adi.
 ты—au, dei—ni.
 да—jo—iesi.
 стрѣльба изъ ружья—kun.
 стрѣлять изъ лука—kfo.
 умереть—moar—muen.
 ѣсть—aap, kaanam—ujar.
 пить—inam—koinen—ujar.
 спать—enaf, kenef—piavar.
 говорить—avis—mara.
 смѣяться—embrif.
 печалиться } — besuza.
 плакать }
 хорошо—bie—bilen.
 худо—barbor—barle.

Научившись нѣсколько говорить, Маклай для болѣе полнаго знакомства съ папуасами расширилъ кругъ своихъ изслѣдованій, посѣщая болѣе отдаленныя деревни, какъ на островѣ Витазъ и на мысѣ Дюперре, около котораго расположена группа острововъ ¹⁾. Вездѣ его ласково принимали. Туземцевъ поражала особенно бѣлизна кожи Маклая, костюмъ и вещи. Поэтому они часто просили Маклая раздѣться, тщательно разсматривали всѣ части тѣла и очень удивлялись, находя у него то же, что и у себя. О происхожденіи и мѣстожительствѣ Маклая составилось у нихъ оригинальное понятіе,—не извѣстно на чемъ основанное,—что онъ съ луны, и какъ онъ ни старался разувѣрить ихъ, они остались

¹⁾ Жители ихъ алатичны, ничѣмъ не занимаются и довольствуются тѣмъ, что даетъ имъ природа. Маклай называлъ ихъ „Архипелагомъ довольныхъ людей“.

при своемъ убѣжденіи. Въ разговорахъ, касающихся другихъ предметовъ, они выказывали всегда большую любознательность и по возможности получали удобопонятныя объясненія. Узнавъ о машинахъ, которыя такъ облегчаютъ работу человека, папуасы вообразили себѣ, что это особенныя существа, — весьма удивлялись и качали головами, видя ихъ на «Изумрудѣ». Маклай сообщилъ имъ многія свѣдѣнія по географіи, о Россіи, ея обитателяхъ и природѣ, о томъ, что свѣтъ не кончается за Дампьерровымъ проливомъ, далѣе котораго они никогда не бывали и гдѣ, по ихъ мнѣнію, находится конецъ свѣта. Объясненія велись по большей части на папуасскомъ языкѣ съ примѣсю русскихъ словъ, которыя они очень быстро усваивали.

Нужныя вещи и съѣстные продукты онъ вымѣнивалъ за куски матеріи, ножи и другія мелочи, замѣнявшія ему деньги. Онъ всегда носилъ ихъ въ сумкѣ черезъ плечо. Кусокъ матеріи изображалъ мелочь (15 — 20 коп.), на которую онъ могъ добыть таро, бананы, кокосы и пр.; ножи представляли кредитныя бумажки, даваемые за болѣе цѣнныя вещи, какъ свинью или утварь. Однакожъ, несмотря на обиліе денегъ, не всегда можно было добывать мясную пищу и приходилось болѣею частью питаться туземными растительными яствами.

Кромѣ полудикихъ свиней, возбуждавшихъ сильную жажду, онъ часто употреблялъ въ пищу красивыхъ, но не совсѣмъ вкусныхъ какаду; убивъ ихъ, онъ перья отдавалъ туземцамъ на украшенія.

Иногда жители цѣлыми толпами дѣлали облавы на дикихъ кабановъ. Маклай принималъ дѣятельное участіе въ подобныхъ облавахъ. Охота эта происходила на извѣстныхъ полянахъ, поросшихъ высокою, колючею травою. Узнавъ, что на такой полянѣ находится цѣлое стадо свиней, вооруженные жители окружаютъ кольцомъ поляну и зажигаютъ траву со всѣхъ сторонъ. Кругъ охотниковъ по мѣрѣ движенія огня стягивается и уменьшается къ центру; а кабаны, чувствуя приближеніе огня, бросаются въ стороны, стараясь прорваться чрезъ цѣпь охотниковъ, которые въ этотъ моментъ поражаютъ ихъ готовыми на такой случай копьями. Понятно, что такимъ оружіемъ не скоро можно свалить здороваго кабана, развѣ только копье или стрѣла попадетъ въ самое опасное мѣсто. Когда Маклай убилъ пулей одного изъ кабановъ, то удивленію дикарей не было конца. Оказалось, что до сихъ поръ смерть отъ огнестрѣльнаго оружія они приписывали только звуку, столь страшному для всѣхъ ихъ, а не пулѣ или дробі. По окончаніи охоты дѣлался пиръ вокругъ

разложенныхъ костровъ. Женщины жарили убитыхъ зѣрей и приготовляли душистый ужинъ, между тѣмъ какъ мужчины устраивали въ это время игры и военныя упражненія. Всякій при этомъ старался показать свое искусство и ловкость, дѣлая большіе прыжки и принимая воинственныя и граціозныя позы.

Ночью, среди густого дѣвственнаго лѣса, при свѣтѣ луны и костровъ, эти оригинальныя пляски и игры должны были представлять изумительную картину. Особенно эффектно у дикарей примѣрное сраженіе. Раздѣлившись на двѣ партіи и употребляя въ дѣйствіе легкія тупыя стрѣлы и копья, каждый старался прыжками и ловкими движеніями избѣгнуть ударовъ противника, и въ то же время вмѣстѣ съ другими окружить или отрѣзать часть непріятельскаго войска. Все это сопровождалось гиканьемъ и криками.

Когда Маклай сдружился со своими ближайшими сосѣдями, то онъ сталъ посѣщать не только сосѣднія деревни, расположенныя у бухты «Астролябія», но проникъ даже въ горы довольно далеко отъ берега. Сперва, конечно, онъ посѣтилъ ближайшія деревни, какъ, на примѣръ, на островѣ Витязь. Главное богатство острова—большія пирѣги и множество деревянной и глиняной посуды, выдѣлываемой самими жителями Витязя. На эту посуду они вымѣниваютъ овощи, сами же огородовъ не имѣютъ. Вообще они славятся выдѣлкою всякаго рода деревянныхъ вещей (барабановъ, посуды и проч.); у нихъ для этого есть подходящее дерево. Витязяне могутъ вполнѣ быть названы финикіанами астролябскаго міра; на своихъ пирѣгахъ они ѣздятъ мѣнять свои произведенія по всей бухтѣ и доходить до Дампьеррова пролива.

Ознакомившись хорошо съ прибрежными жителями, Маклай рѣшился посѣтить интересныхъ черныхъ пангасовъ, живущихъ въ горахъ. Къ нимъ ведутъ едва проходимыя тропинки, почему пуститься въ такую экскурсію одному и даже безъ проводника было трудно и даже опасно. Объ этомъ онъ заявилъ своимъ пріателямъ-сосѣдямъ, горендцамъ, но, по мнѣнію ихъ, это путешествіе было не легко; долго они не рѣшались, но, видя упорное намѣреніе Маклая идти даже одному, многіе изъ нихъ присоединились къ нему. Путь хотя былъ не длиненъ, но чрезвычайно утомителенъ по тропинкамъ, проходящимъ по густому, дѣвственному лѣсу; встрѣчались часто крутые подъемы и преграды, черезъ которыя приходилось или перелѣзать, или обходить ихъ стороною, едва пробираясь черезъ густыя дебри. Открытыя мѣста, кажущіяся изъ залива желтыми пятнами, поросли колючею травою въ ростъ человѣка, раздражающею платье и тѣло до крови, при па-

лящихъ вертикальныхъ солнечныхъ лучахъ; жажда и голодъ также дали себя знать. Папуасы, отправляясь въ подобный путь, не берутъ съ собой ничего съѣстного, а стараются ко времени ѣды, то-есть къ вечеру, достигнуть мѣста назначенія. Вслѣдствіе этого, привыкшіе къ мѣстности и къ климату, папуасы шли форсированнымъ маршемъ, что заставляло Маклая часто выбиваться изъ силъ и присѣдать хоть на время. Въ деревнѣ, черные дивари, отличающіеся отъ береговыхъ жителей болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи, приняли его очень дружелюбно и даже проводили въ другія деревни, изъ которыхъ самая отдаленная отъ берега лежитъ на высотѣ 1600 футъ по барометру; далѣе ея нѣтъ ни жилья, ни тропинокъ, по которымъ бы можно ходить человѣку. Всего онъ насчиталъ 83 деревни, изъ которыхъ 28 посѣтилъ лично самъ.

Вотъ что рассказывалъ намъ Маклай изъ своихъ наблюденій о жизни этихъ дикарей.

Юноши; достигнувъ 13—15-ти-лѣтняго возраста, подвергаются обрѣзанію, прежде заостреннымъ концомъ раковины, теперь ножомъ, и отдѣляются отъ своихъ родителей, причемъ получаютъ въ надѣлъ часть обработанныхъ полей, кое-какихъ запасовъ и строятъ себѣ собственную хижину. Постройка совершается всѣмъ обществомъ вмѣстѣ. Молодой человѣкъ, съ помощью друзей и родственниковъ, становить два большіе средніе кола, называемые обыкновенно колями мужчинъ, а четыре боковыхъ, называемыхъ колями женщинъ, ставятъ женщины. Когда при помощи болѣе близкихъ людей основаніе хижины закончено, приглашается вся деревня, при содѣйствіи которой въ одинъ день кроется крыша. По этому случаю заготавливаютъ съѣстные припасы, и по окончаніи работъ устраиваютъ пиръ, сопровождаемый разными играми и плясками. Детали постройки оканчивается уже самъ новый владѣлецъ.

Когда постройка хижины окончена и обрядъ обрѣзанія совершенъ, молодой папуасъ считается взрослымъ и имѣетъ право взять жену.

Въ Астролябинъ родители никогда не стовариваютъ дѣтей еще въ младенчествѣ. Юноша или чаще его родители выбираютъ невѣсту и условливаются съ ея родителями въ цѣнѣ. Обыкновенно можно купить себѣ жену за 5—6 деревянныхъ мисокъ, при этомъ дѣвушка не имѣетъ права голоса. Обряда обрученія у нихъ нѣтъ, а когда обѣ стороны пришли ко взаимному соглашенію, то женихъ при помощи родителей устраиваетъ свадьбу съ большимъ пиромъ, для чего рѣжетъ свинью или собаку, заготавливаетъ въ достаточномъ количествѣ саго и кокосовое вино для угощенія род-

ственниковъ. Невѣсту безъ всякихъ церемоній онъ переводитъ въ свою хижину, чѣмъ собственно бракъ считается заключеннымъ. Съ женами хотя обращаются хорошо и не бьютъ ихъ, но смотрятъ какъ на животныхъ; если она не понравится черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы или будетъ бесплодна, то мужъ можетъ прогнать ее и взять другую—исправную; словомъ, мужчины распоряжаются женщинами совершенно произвольно. На женщинахъ лежатъ работы по хозяйству, собираніе плодовъ, сухихъ дровъ для поддержки неугасаемаго огня. Онѣ поддерживаютъ неугасаемый огонь для того, чтобы не приходилось часто добывать себѣ его весьма труднымъ способомъ—посредствомъ тренія. Иначе добывать огонь онѣ не умѣютъ. Когда имъ приходится уходить изъ дому и, слѣдовательно, поддерживать огонь будетъ некому, то онѣ берутъ съ собой уголья въ бамбуковыхъ трубкахъ. Дѣтей носятъ привязанными за спиною и съ ними отправляются на работы. Можно себѣ представить какъ тяжелъ трудъ папуаски, если припомнить, что, пробывъ весь день на тяжелой полевой работѣ, ей приходится возвращаться вечеромъ тяжело навьючившись плодами, связками дровъ, дѣтьми, чтобы снова усталыми руками приняться за приготовленіе пищи. Весьма понятно, что подобный образъ жизни нисколько не способствуетъ сохраненію здоровья и свѣжести женщинъ; поэтому онѣ скоро худѣютъ, увядаютъ, покрываются морщинами и становятся безобразны. Время рожденія дѣтей всегда около декабря; слѣдовательно, зачатіе происходить, какъ у и животныхъ, весною (мартъ, апрѣль). Въ остальное время папуасы не живутъ съ своими женами.

Дѣти, какъ вообще у дикарей, очень тихи, рѣдко капризничаютъ и кричатъ; ихъ никогда не бьютъ, рѣдко даже бранятъ. Они очень скоро становятся самостоятельными. У нихъ есть игрушки, какъ и у нашихъ дѣтей—въ родѣ волчка, дудки и проч.

Астролябцы очень цѣломудренны; развратъ и соблазнъ не встрѣчаются. Драка, ссоръ и ругательства между ними никогда не бываетъ.

Пищу готовятъ вмѣстѣ мужчины и женщины, но ѣдятъ отдѣльно по вечерамъ. Женщины считаются недостойными ѣсть вмѣстѣ съ мужчинами.

Управленія и начальниковъ нѣтъ, хотя нѣкоторые изъ жителей и пользуются популярностью, но власти не имѣютъ. Всякій семьянинъ совершенно самостоятеленъ и есть глава, управляющій другими, меньшими членами семьи. Его власть, впрочемъ, не простирается слишкомъ далеко.

Поля всегда располагаются въ значительномъ отдаленіи отъ

деревень, на горныхъ склонахъ, и притомъ въ самыхъ скрытыхъ и уединенныхъ мѣстахъ, куда ведутъ тропинки, проложенныя такъ искусно, что человѣку, незнакомому съ этимъ секретомъ, трудно достигнуть этого значаго мѣста. Выбранная для этой цѣли часть лѣса выжигается; что возможно вырубить каменнымъ топоромъ—вырубается, и остаются только одни обгорѣлые пни. Очищенное мѣсто обносится со всѣхъ сторонъ высокою бамбуковою изгородью. Всѣ работы по устройству и обработкѣ производятся сообща всѣми жителями и потомъ все дѣлится по семьямъ на участки, раздѣленные свободными проходами. Въ дѣлежѣ участвуютъ и юноши, имѣющіе право жениться, т.-е. пятнадцати и болѣе лѣтъ. Разрыхленіе почвы производится посредствомъ заостренныхъ кольевъ изъ желѣзнаго дерева, имѣющихъ видъ лома, и деревянныхъ лопатокъ. Самая работа производится слѣдующимъ образомъ: мужчины, выстроившись въ одну шеренгу, колыями поднимаютъ большія глыбы земли. По мѣрѣ того, какъ они идутъ впередъ, за ними двигается рядъ женщинъ и разбиваетъ землю на меньшіе комки; за ними третій рядъ дѣтей окончательно разрыхляетъ ее. На подобныхъ поляхъ или скорѣе огородахъ засѣвается восемь видовъ овощей: таро—до трехъ видовъ, бананы, сахарный тростникъ и др. Сборъ овощей производится исключительно женщинами, приблизительно около декабря, и сносится ими же для зимнихъ запасовъ въ хижины. Окончаніе сборовъ и заготовленіе запасовъ сопровождаются разными увеселительными празднествами. Для каждой деревни есть особый участокъ лѣса. Кокосовые деревья, какъ очень нужны и цѣнныя, распределены между семьями. Даже молодые, еще не приносящіе плодовъ, имѣютъ своихъ владѣльцевъ.

Важныя событія, торжественныя и радостныя случаи своей жизни папуасы всегда ознаменовываютъ празднествами. При этомъ музыка, танцы, игры и пляски играютъ главную роль. Въ этихъ общественныхъ торжествахъ принимаютъ участіе не только жители одной деревни, но и нѣсколькихъ близлежащихъ, и затѣмъ то же повторяется въ другихъ деревняхъ. Празднества бываютъ только разъ въ годъ около декабря, и продолжаются до двухъ недѣль, почти каждый день подрядъ. Время это выбрано потому, что жатва и сборъ овощей кончены, запасы снесены по домамъ и у всякаго провизіи вдоволь. Празднества происходятъ только ночью, до разсвѣта. Въ назначенное мѣсто собираются цѣлыя толпы (500—600 чел.), принося съ собой необходимое по части ѣды и питья. Приготовленія къ празднествамъ бываютъ большія, и какъ мужчины, такъ и женщины раскрашиваютъ свое тѣло и надѣ-

вають какъ можно больше украшеній, перьевъ и зелени. Выбирается площадка, на которой можетъ помѣститься свободно вся публика; посреди площадки раскладывается большой костеръ, вокругъ котораго становится кругъ мужчинъ, снаружи другой такой же вооруженный, потомъ кругъ женщинъ и дѣтей. Всѣ эти круги двигаются въ одну и въ другую сторону подъ звуки барабановъ и собственнаго пѣнія. Мотивы папуасовъ довольно пріятны; всѣ по большей части протяжны и сопровождаются припѣвомъ, иногда однословнымъ. Танецъ каждаго участвующаго состоитъ изъ быстрыхъ, трудно уловимыхъ для глаза движеній тѣла, рукъ и ногъ и особенно зада у женщинъ. По временамъ музыка ускоряетъ тать, танецъ оживляется и движенія становятся быстрее. Танецъ продолжается безъ отдыха нѣсколько часовъ, пока всѣ танцующіе не придуть въ окончательное изнеможеніе. Послѣ этого рѣжутъ живность, жарятъ и ѣдятъ, потомъ снова танцуютъ. Около разсвѣта часть мужчинъ отдѣляется и отправляется за музыкальными инструментами, которые спрятаны гдѣ-нибудь по близости. Съ приближеніемъ ея одинъ изъ музыкантовъ трубить въ рогъ, сдѣланный изъ древеснаго корня, что служитъ сигналомъ о близости музыки. Услыхавъ эти звуки, женщины съ крикомъ: *ои! ои!* (музыка, музыка!) убѣгають въ лѣсъ. Причину подобной странности Маклай не могъ узнать.

Частныя лица не устраиваютъ пировъ ни при посѣщеніяхъ гостей, ни при похоронахъ, вообще ни при какихъ важныхъ случаяхъ частной и общественной жизни за исключеніемъ свадьбы, о которой было говорено выше. Приходящій въ гости приноситъ хозяину хижины въ подарокъ что-нибудь съѣстное; хозяинъ въ свою очередь обязанъ угостить посѣтившаго его пищей, свареной въ горшкѣ, дать ему остатки на дорогу и проводить его до конца деревни. Желая распрощаться, гость говоритъ: «я ухожу», на что хозяинъ отвѣчаетъ: «отправляйся» (ежете или аба, что значить также «здравствуй»). При этомъ подають другъ другу руки, но не пожимають ихъ, а только прикасаются концами пальцевъ.

Похороны также обходятся безъ пира. Покойника обмываютъ и натирають масломъ, настоящимъ на пахучихъ травахъ; затѣмъ, свернувъ руки и ноги въ положеніе спеленованнаго младенца, заворачивають его въ широкія листья и туго завязываютъ крѣпкими льянами. Приготовленное такимъ образомъ тѣло подвѣшиваютъ подъ крышей хижины на нѣсколько дней; послѣ чего снимають и хоронять тутъ же въ хижинѣ. Когда трупъ сгніетъ и останется одинъ скелетъ, то кости выбрасываютъ, исключая ниж-

ней челюсти, почитаемой священной и остающагося у потомства на память о покойникѣ...

Вотъ то небольшое, что сохранилось у насъ въ памяти отъ разсказовъ Н. Н. Миклухи-Маклая во время нашего обратнаго плаванія отъ береговъ Новой-Гвиней. Заклучимъ наши воспомина-нія выраженіемъ надежды, что нашъ отважный путешественникъ довершитъ со-временемъ свой подвигъ трудомъ, который, безъ сомнѣнія, составитъ богатый вкладъ въ сокровищницу науки. Миръ такъ-называемыхъ дикарей, этихъ дѣтей природы, долго еще будетъ служить намъ живою книгою исторіи древняго человѣка; но нужно много героизма, самопожертвованія, чтобы рѣшиться самому подойти къ этой живой книгѣ и взять на себя смѣлость развернуть ея таинственныя страницы, слагавшіяся въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ.

А. Р.

КУЙ ЖЕЛѢЗО ПОКА ГОРЯЧО

НОВЫЙ АНГЛІЙСКІЙ РОМАНЪ.

„*Taken at the flood*“, by the Author of „*Lady Audlay's Secret*“, „*Strangers and Pilgrims*“ &c. &c. &c.

ГЛАВА XXIX *).

Свершилось!

Быстро проносились быстрые дни, но Сильвіи казалось, что время то летить, то ползеть. Она сама избрала свою судьбу, и совсѣмъ тѣмъ чувствовала себя какъ-бы скованной. Бывали минуты, когда она сознавала себя такой же безпомощной, какъ тотъ злополучный матросъ, котораго готовится охватить своими студеными щупалами морское чудовище, выставившись изъ воды и готовя смерть своей жертвѣ. Морскимъ чудовищемъ была сама судьба.

Письмо въ Демерару къ первому жениху уже было давно отправлено; оно плыло по широкому, голубому океану. Какъ была бы Сильвія счастлива, еслибы она сама переплывала обширный океанъ вмѣсто того лживаго, безчестнаго письма, — письма, въ которомъ она отрекалась отъ своей любви со слезами, ради его собственнаго блага.

Онъ вернется, онъ поторопится вернуться..... и найдетъ ее

*) См. выше: янв. 331; февр. 768; мар. 231; май, 251 стр.

женой другого человѣка. О! какое горькое пробужденіе отъ краткаго сновидѣнія о женской вѣрности!

Сильвія не посѣщала больше Перриамъ-Плеса во время своей краткой помолвки. Сэру Обри хотѣлось бы, чтобы она почаще навѣщала его, но частыя посѣщенія возбудили бы толки, а онъ желалъ избѣжать ихъ до женитьбы. Онъ дѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія въ такомъ секретѣ, какъ будто бы былъ главнымъ заговорщикомъ въ новомъ «пороховомъ» заговорѣ, и подписалъ контрактъ въ одно прекрасное утро въ конторѣ м-ра Бэна, причемъ Сильвія, въ своей бѣлой шляпѣ и блѣдномъ кисейномъ платьѣ, казалась какимъ-то тепличнымъ растеніемъ, занесеннымъ туда вѣтромъ.

Шли дни за днями, тянулись долгіе лѣтніе вечера. Наступилъ и истекъ іюль мѣсяцъ, августъ былъ на дворѣ. Наконецъ наступили первыя числа августа. Жнецы и жницы разсѣялись по полямъ. Испуганныя куropатеи не знали, куда имъ дѣваться, нагруженные телѣги возвращались съ полей въ сумерки. День свадьбы Сильвіи приближался.

Сэръ Обри проводилъ всѣ свои вечера въ пріемной шеольнаго дома, которая была болѣе уютнымъ помѣщеніемъ для трехъ, чѣмъ черезчуръ обширный салонъ въ Перриамѣ. Онъ пріѣзжалъ болѣею частію подъ покровомъ ночи, желая сохранить тайну своей женитьбы, и усаживался насупротивъ неvěсты, которая коротала вечеръ за какой-нибудь работой, между тѣмъ какъ онъ мирно бесѣдовалъ, точно въ Перриамѣ, повторяясь время отъ времени. Онъ любилъ толковать о политикѣ; но такъ какъ раздѣлялъ мнѣнія доброй, старой торійской школы, а м-ръ Керью, подобно большинству разочарованныхъ людей, былъ яркимъ радикаломъ, то имъ приходилось спорить до слезъ. Сильвія дивилась, какъ могутъ люди говорить такъ много и такъ раздражительно о вещахъ, которыя поистинѣ мало кого могли интересовать за исключеніемъ членовъ палаты общинъ. Міръ, повидимому, шелъ все также, консерваторы ли стояли во главѣ или либералы, и пошлины и налоги было одинаково тяжело платить — тотъ или другой финансистъ запуская руки въ народную кофину.

Мэри Питеръ приносила платья одно за другимъ, и ихъ великолѣпіе почти удивляло счастливую обладательницу.

— По-моему, это божественно, — восклицала Мэри, — раскладывая двучичное платье въ спальнѣ маленькаго коттеджа и расправляя его роскошныя складки ловкими руками модистки. — Ты не въ убыткѣ, Сильвія, хотя и заплатила по десяти шиллинговъ

за ярдъ. Мнѣ не часто доводится шить такіа богатыя платья, даже и для миссисъ Стенденъ.... то-есть твоей тещи, прибавила Мэри, шутливо.

Въ маленькой спальнѣ Сильвіи не было почти мѣста для всѣхъ нарядовъ. Она не знала, что съ ними дѣлать. Платья лежали, покрытыя чистыми простынями, точно мертвецы въ госпиталѣ.

— Ты, надѣюсь, купила сундуки, чтобы прятать ихъ, замѣтила Мэри.—Нѣтъ ничего красивѣе новыхъ и хорошихъ чемодановъ, съ которыми молодая жена уѣзжаетъ въ дорогу.

Сильвія вздохнула съ отчаяніемъ.

— У меня нѣтъ ни одного сундука, отвѣчала она;—вѣдь я никогда не путешествовала, какъ другіе люди.

— Ну, такъ м-ръ Стенденъ навѣрное подаритъ тебѣ пару красивыхъ сундуковъ. Тебѣ стоить только намекнуть объ этомъ, когда онъ вернется.

—Я ненавижу намеки, возразила Сильвія;—я просто попрошу дать мнѣ нѣсколько сундуковъ.

Она въ тотъ же вечеръ обратилась съ этой просьбой къ сэрѣ Обри, когда онъ спросилъ, собралась ли она въ путь—оставалось всего три дня до назначеннаго срока. М-ръ Ванкорть, викарій, получилъ извѣщеніе о предстоящемъ бракѣ, и всѣ приготовления были сдѣланы.

— Мои платья почти совсѣмъ готовы, сэръ Обри, отвѣчала она, но у меня нѣтъ сундуковъ, куда уложить ихъ.

— Намъ лучше было бы заказать пару чемодановъ у Фольторпа. Не заказывайте слишкомъ большихъ, они стѣсняють въ дорогѣ, а на французскихъ желѣзныхъ дорогахъ платятъ за весь багажъ.

— Мнѣ очень жаль, что я истратила всѣ свои деньги прежде, чѣмъ подумала о чемоданахъ, сказала Сильвія, сильно покраснѣвъ.

Тяжело было просить даже у жениха, отъ котораго въ будущемъ она рассчитывала не имѣть отказа: кошелекъ его будетъ для нея открытъ.

Сэръ Обри поглядѣлъ на нее нѣсколько удивленно.

— О, вы уже истратили сто фунтовъ, произнесъ онъ, неосторожно увлекшись при этомъ извѣстіи; оно очень изумило его, благодаря счастливому невѣдѣнію, въ которомъ онъ обрѣтался относительно женскихъ нарядовъ.—Боюсь, что вы накупили много лишнихъ пустяковъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ, сэръ Обри. Я выбирала только та-

кія вещи, какія вы бы могли одобрить, отвѣчала поспѣшно дѣвушка, со слезами оскорбленной гордости на глазахъ.

— Радость моя, пожалуйста не думайте, что я сержусь на васъ, закричать баронетъ, тронутый взоромъ этихъ милыхъ глазъ, омраченныхъ слезами. Деньги ваши, и вы могли дѣлать съ ними все, что хотѣли. Я завтра утромъ закажу чемоданы.

До сихъ поръ онъ сдѣлалъ ей только одинъ подарокъ, кромѣ утилитарнаго дара—ста фунтовъ. Его единственный подарокъ заключался въ старомодномъ брильянтовомъ кольцѣ, принадлежавшемъ его матери; брильянты отдѣланы были въ потемнѣвшее отъ времени серебро. Безъ сомнѣнія, это былъ лишь залогъ тѣхъ сокровищъ, которыя онъ впослѣдствіи повергнетъ къ ея ногамъ.

Наступилъ день свадьбы... Взошло туманное августовское утро; холмы и рощи вокругъ Гедингема окутаны были легкой лѣтней дымкой паровъ, которые медленно разсѣялись передъ богомъ дня. До слуха Сильвіи доносились веселые голоса жнецовъ изъ сосѣднаго поля, и она завидовала ихъ безпечной свободѣ. Они не собирались вѣнчаться. Они не переживали самаго страшнаго дня своей жизни. Они не собирались сковать свою волю, закрѣпивъ себя навсегда за незнакомымъ господиномъ.

Только на самомъ рубежѣ, отдѣлявшемъ ее отъ новой жизни, Сильвія оглянулась на то, что дѣлала. Она одѣлась безъ посторонней помощи въ бѣлое шелковое подвѣнечное платье, и сама удивилась своей красотѣ, отражавшейся въ зеркалѣ. Блестящая, жемчужно-бѣлая ткань, столь невыгодная для менѣ красивыхъ лицъ, пристала къ ней, какъ лепестки къ лиліи. Но въ эту послѣднюю минуту она сознала, что ея подвѣнечное платье слишкомъ нарядно для предстоящаго вѣнца. Не было ни подружекъ, ни гостей, ни параднаго завтрака. Она должна была пройти черезъ садъ въ церковь подъ руку съ отцемъ; никто и не увидитъ, не полюбуется ею; въ ризницѣ ее встрѣтитъ сэръ Обри и м-ръ Бэнъ, и тотчасъ, по окончаніи церемоніи, она переодѣнется въ дорожное платье и отправится на Монкгемптонскую станцію вмѣстѣ съ своимъ пожилымъ супругомъ. Не такой вѣнецъ рисовался ей въ мечтахъ, когда она была невѣстой Эдмонда Стендена. Въ этихъ смутныхъ дѣвическихъ мечтахъ ей рисовалась веселая и свѣтлая картина вѣнчанія, восхищенные взоры ея деревенскихъ подружекъ, ученики и ученицы, усыпающіе ея путь цвѣтами.

«Этотъ чудесный нарядъ пропадетъ даромъ, — думала она съ недовольнымъ вздохомъ. — Никто не увидитъ его, кромѣ папѣ и сэра Обри, да управляющаго. Я могла бы и сберечь потрачен-

ныя на него деньги; но право, такъ странно было бы вѣнчаться въ цвѣтномъ платьѣ».

Отецъ сдѣлалъ ей нѣсколько замѣчаній обезкураживающаго свойства, когда она сходила съ лѣстницы въ своемъ блистательномъ нарядѣ.

— Тебѣ бы лучше вѣнчаться въ дорожномъ платьѣ, сказалъ онъ: этотъ бѣлый нарядъ совсѣмъ некстати при скромномъ вѣнчаньи. Сэръ Обри желалъ уѣхать прямо изъ церкви.

Сильвія рассердилась, но подумала съ удовольствіемъ, что отецъ врядъ ли рѣшится критиковать ея дѣйствія, когда она станетъ леди Перриамъ.

— Я въ какихъ-нибудь десять минутъ переодѣнусь, отвѣчала она. Сэръ Обри долженъ подождать.

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ долженъ ждать? Не слишкомъ ли скоро ты заговорила о томъ, что онъ *долженъ* дѣлать.

— Неужели вы думаете, что я позволю повелѣвать собой, какъ малыиъ ребенкомъ, когда выйду замужъ? спросила Сильвія высокомерно.

— Я думаю, что тебѣ придется быть немного любезнѣе съ сэромъ Обри, чѣмъ со мной, возразилъ отецъ.

— Мнѣ во всякомъ случаѣ не придется готовить ему обѣдъ, отрѣзала Сильвія.

И въ такомъ христіанскомъ настроеніи духа отецъ и дочь появились рука объ руку въ приходской церкви.

Сэръ Обри и м-ръ Бэнъ уже находились въ ризницѣ. У жениха вырвалось движеніе удивленія при видѣ бѣлаго наряда невесты. Онъ ожидалъ увидѣть ее въ дорожномъ платьѣ; но онъ не могъ досадовать, видя ее такой прелестной. У него вырвалось восклицаніе восторга и онъ поднесъ ея руку къ губамъ съ той чопорной вѣжливостью, которая такъ шла къ нему. М-ръ Ванкортъ уже ждалъ ихъ, и въ его манерахъ нельзя было подмѣтить того удивленія, какое вѣроятно возбуждалъ въ немъ этотъ странный бракъ. Онъ совершилъ обрядъ съ пріятной быстротой, и сэръ Обри очутился женатымъ человекомъ быстрѣе, чѣмъ полагалъ это возможнымъ.

М-ръ Бэнъ внимательно слѣдилъ за церемоніей и съ любопытствомъ наблюдалъ, хотя исподтишка, за невестой. Сильвія казалась спокойной до крайности, почти апатичной. Бываютъ страшныя минуты въ жизни, когда чувства какъ-бы притупляются. Сильвія ничего не испытывала, кромѣ смутнаго чувства удивленія. Какъ это все такъ быстро совершилось?

— Позвольте мнѣ первому поздравить лэди Перриамъ, произнесъ м-ръ Бэнь, когда они вернулись въ ризницу.

И прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ протестовать противъ такой чудовищности, онъ прижалъ свои губы къ прекрасному лбу Сильвіи; то былъ первый поцѣлуй, полученный ею со времени отчаяннаго прощанія Эдмонда. Новобрачная отступила назадъ въ негодованіи отъ такой дерзости.

— Это привилегія преданныхъ людей, извинялся м-ръ Бэнь. Простите меня, лэди Перриамъ, за то, что я позволилъ себѣ такую вольность.

— Да, душа моя, сказалъ сэръ Обри, положивъ конецъ нелѣпой сценѣ небрежнымъ смѣхомъ; — я думаю, что это привилегія Бэна. Ты не должна на него сердиться. Но онъ могъ бы удовольствоваться вторымъ мѣстомъ.

И сэръ Обри впервые поцѣловалъ въ губы свою жену. Чѣмъ-то дикимъ представлялось, что другой человекъ, его страпчій и управляющій, первый поцѣловалъ ее.

ГЛАВА XXX.

Р о к о в о й у д а р ъ.

Эдмондъ Стенденъ находился уже около трехъ недѣль въ Демерарѣ и почти покончилъ всѣ хлопоты по устройству дѣлъ м-ра Сарджента, когда англійскій почтовый пароходъ привезъ ему письмо Сильвіи... то письмо, въ которомъ она отрекалась отъ него.

Прочитавъ его, онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ оглушенный, не въ силахъ даже удивляться. Ему казалось, что онъ игрушка злого сновидѣнія. Чтобы она, Сильвія Керью, которая положила свою голову ему на плечо въ моментъ нѣжнаго прощанія и повлялась ему въ вѣчной нѣжности, чтобы она по своей собственной инициативѣ отеклась отъ него!.. Это казалось дѣломъ невѣроятнымъ.

Онъ медленно, внимательно перечиталъ письмо, когда спойствие вернулось къ нему. Нѣтъ, это была не шутка. Письмо было написано съ трезвой серьезностью. То было разсудительное, рѣшительное письмо, даже логичное... писавшая высказывала доводы, руководившіе ею.

— Она стала очень благоразумна, сказалъ онъ самому себѣ горько, — и перечелъ письмо въ третій разъ.

Любовь такъ сильно владѣла его душой, что онъ не могъ долго негодовать на автора этого жестокаго письма. При третьемъ чтеніи, письмо представилось ему въ новомъ свѣтѣ. Безумное посланіе, причинившее ему такую злую муку, служило лишь новымъ доказательствомъ безкорыстія его милой—оно показывало благородство души той, которую онъ любилъ. Ради него самого, заботясь о его благосостояніи, отрекалась она отъ него.

Она предпочитала остаться въ своей темной долѣ, обречь себя на печальное существованіе, чѣмъ скомпрометтировать его будущее: она не хотѣла, чтобы онъ приносилъ жертвы ради нее. Письмо дышало любовью и сожалѣніемъ; сердце ея было переполнено любовью къ человѣку, отъ котораго она отрекалась.

«Безумный ребенокъ! — шептала Эдмондъ съ нѣжной улыбкой,—болѣе чѣмъ безумно съ ея стороны воображать, что я пожертвую ея любовью для какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній. Какъ могла она такъ скоро усомниться послѣ нашихъ взаимныхъ клятвъ въ вѣрности, когда она знала, что сердце мое полно надежды. Неужели вліяніе матери побудило ее написать это письмо? Похоже что-то на то. Но, нѣтъ, это невозможно. Мать не могла бы совершить такой безчестный поступокъ. Она обѣщала мнѣ быть доброй къ моей милой, пока я буду находиться въ отсутствіи. Она ни за что не воспользовалась бы моимъ отсутствіемъ, чтобы убѣдить Сильвію отказаться отъ меня».

Подъ какимъ бы вліяніемъ ни было написано это письмо, а м-ръ Стендентъ, по полученіи его, чувствовалъ только одно желаніе: какъ можно скорѣе вернуться въ Англію. Онъ постыжно, хотя и внимательно, завершилъ остающіяся дѣла. Онъ убѣдилъ миссисъ Сарджентъ, что для ея собственнаго здоровья и здоровья ея дѣтей необходимъ немедленный отъѣздъ и заставилъ убитую вдову согласиться отплыть съ первымъ пароходомъ, отходящимъ на островъ св. Оомы. Бѣдная миссисъ Сарджентъ довольно охотно повиновалась своему брату. Вѣдь онъ явился къ ней, какъ ангелъ хранитель, въ минуту постигшаго ее жесточайшаго испытанія! Она рада была покинуть тѣ мѣста, гдѣ счастье ея было разрушено смертью. Маленькія, одѣтыя въ трауръ дѣти радовались тому, что поѣдутъ въ Англію на большомъ пароходѣ и съ восторгомъ толковали о томъ, что увидятъ бабушку, которую старшія чуть-чуть помнили. Эдмондъ напиралъ на прелесть садовъ Дежанова дома, и англійскихъ плодовъ и цвѣтовъ, которые были такъ непохожи на гуявы, тамаринды, бананы и другія растенія, свойственныя этимъ маленькимъ колоніямъ.

Обязанность утѣшать сестру и развлекать дѣтей доставляла такъ много хлопотъ Эдмонду Стендену, что ему некогда было предаваться печальнымъ мыслямъ. Овдовѣвшая путешественница была нездорова и уныла, и брату стоило большихъ усилій пріободрить ее хоть немножко. Маленькіе племянники и племянницы были неотвязчивы. Эдмонду некогда было задаваться грустными предчувствіями, которыя обыкновенно бываютъ плодомъ досуга. Онъ привыкъ даже довольно легко относиться къ письму.

«Какъ могла моя дорогая дурочка, Сильвія, вообразить, что я такъ легко откажусь отъ нея?» говорилъ онъ самому себѣ.

Но хотя различныя обязанности и поглощали все его время, однако онъ не могъ исполнѣ побѣдить свое нетерпѣніе, и путешествіе казалось ему нескончаемымъ. Ему такъ страстно хотѣлось снова увидѣть свою милую, снова взглянуть въ ея темные, сіяющіе глаза и прочитать въ нихъ нѣжное отреченіе отъ этого безумнаго письма. Когда, наконецъ, пароходъ вступилъ въ англійскія воды и хорошенькій островъ Уайтъ, горделиво потонувшій въ осенней зелени, выплылъ изъ морской синевы, сердце его радостно забилося. Соуттемптонъ, совсѣмъ обыкновенный городъ для простыхъ путешественниковъ, показался нашему влюбленному волшебнымъ мѣстомъ, съ золотыми мостовыми.

М-ръ Стенденъ далъ вдовѣ и ея дѣтямъ всего одну ночь отдыха въ Дольфинѣ, прежде чѣмъ засадить ихъ въ вагонъ, долженствовавшій доставить ихъ въ Монкгемптонъ по юго-западной желѣзной дорогѣ. Имъ предстояло продолжительное путешествіе, съ перемѣнами поѣздовъ и большими остановками на промежуточныхъ станціяхъ, и дядюшкѣ Эдмонду опять пришлось безъ отдыха возиться со вдовой и ея малыми дѣтьми. Онъ очень усталъ, когда они пріѣхали въ Монкгемптонъ, гдѣ ихъ ожидало просторное ландо его матери и фура для багажа. Эдмондъ нѣсколько удивился тому, что ни миссисъ Стенденъ, ни Эсэиръ не выѣхали навстрѣчу путешественникамъ.

Былъ конецъ октября, и даже въ этомъ благорастворенномъ климатѣ мертвящее дуновеніе осени произвело нѣкоторыя опустошенія. Лѣса блестяли тѣми яркими красками, которыя являются предвозвѣстниками смерти. Голыя поля и дѣятельные плуги говорили о посѣвѣ и зимѣ. Колѣса экипажа тихо катились по опавшимъ листьямъ, въ изобиліи покрывавшимъ малоторныя дороги. Какой родной прелестью повѣяло отъ простой красоты англійскаго ландшафта для Эдмонда, послѣ болѣе роскошной природы южной Америки.

У него сорвалось любимое восклицаніе англичанъ:

— А, вѣдь, нѣтъ мѣста лучше милой, старой Англіи!

И въ Англіи жила Сильвія, его путеводная звѣзда!

Миссисъ Сарджентъ жалобно вздохнула.

— Какъ бы я радовалась своему возвращенію, еслибы со мною былъ Джорджъ, прошептала она.

Дѣти были очень веселы, поворачивали головки во всѣ стороны, вырывались изъ рукъ няньки, указывали пальцемъ на каждое зданіе, ближайшее или отдаленное, и спрашивали: не бабушкинъ ли это домъ? Убѣдясь мало-по-малу, что многое множество домовъ не принадлежало бабушкѣ, они разочаровались въ обширности ея владѣній.

Но вотъ, наконецъ, они подъѣхали къ Деканову дому: солидному, скромному, старому зданію, смѣло глядѣвшему на большую дорогу, но не желавшему пускать пыль въ глаза; вотъ знакомыя желѣзные ворота, вотъ зеленныя кадки съ пунцовыми геранями, еще покрытыми роскошнымъ цвѣтомъ. Эдмондъ нетерпѣливо вздохнулъ при мысли о предстоящемъ ему испытаніи, о безконечныхъ материнскихъ заботливыхъ и нѣжныхъ вопросахъ, на которые ему придется отвѣтить, прежде чѣмъ удастся урваться въ Гедингемъ и прижать Сильвію къ своей груди. Ночь наступить, пока онъ, наконецъ, перебѣжитъ черезъ старое кладбище и отворить маленькую калитку, которая ведетъ въ садъ школьнаго дома и увидитъ освѣщенные окна пріемной Сильвіи. Онъ могъ представить себѣ удивленный взглядъ, съ какимъ она отворитъ дверь на его стукъ и увидитъ его при лунномъ свѣтѣ. Онъ вернулся съ конца свѣта; вернулся за ней, несмотря на ея письмо.

Горничная отворила стеклянную дверь. Садовникъ его помощникъ пришли помочь выгрузить багажъ; и пока Эдмондъ высаживалъ дѣтей изъ экипажа, мать его показалась на порогѣ вмѣстѣ съ Эсмерью Рочдэлъ.

При первомъ взглядѣ на нихъ Эдмондъ увидѣлъ, что лица ихъ невеселы. Конечно, эти мрачныя взгляды были въ память Джоржда Сарджента.

«Какъ жаль, что онѣ являются такими грустными», подумалъ Эдмондъ. «Элленъ достаточно нагрустила за дорогу изъ Демерары, а теперь онѣ еще больше разстроить ее, вмѣсто того, чтобы разсѣять».

Онъ поцѣловалъ мать, которая приняла его съ глубокой нѣжностью.

— Мой дорогой Эдмондъ, сказала она. Благодарю Бога за то, что онъ возвратилъ тебя мнѣ.

— Чтѣ Сильвія? спросилъ онъ поспѣшно.

Они отошли поодаль отъ вдовы, няньки и дѣтей. Малютками овладѣла Эсэиръ Рочдэлъ, и ласкала, и цѣловала ихъ. Она была рада, что теперь ей будетъ кого баловать. Прекрасная, любящая натура дѣвушки вылилась въ жаркихъ ласкахъ и нѣжныхъ словахъ.

— Какая радость свидѣться съ вами, проговорила бѣдная Элленъ, и залилась слезами при мысли, что пріѣхала одна, безъ горячо любимого мужа.

Эдмондъ повторилъ свой нетерпѣливый вопросъ. Мать медлила отвѣтомъ, и ласкала его съ отчаянной нѣжностью, точно ему предстояло идти на казнь черезъ двѣ или три минуты.

— Не знаю, пролепетала м-съ Стенденъ. Она очень хорошо проживаетъ. Я давно не видала ее. Пойдемъ въ твою комнату, Эдмондъ; ты должно быть усталъ. Перебѣни свое пыльное платье и давай обѣдать. Онъ уже съ полчаса, какъ готовъ.

— Вы давно не видали ее, повторилъ Эдмондъ, не обращая вниманія на материнскую заботливость м-съ Стенденъ. — Вы обѣщали, что будете добры съ ней...

— Эдмондъ, произнесла м-съ Стенденъ съ тѣмъ рѣшительнымъ, твердымъ взглядомъ, который былъ такъ хорошо ему знакомъ: я ни слова не скажу про Сильвію Керью, пока ты не отобѣдаешь и не отдохнешь.

— Когда такъ, то я сейчасъ ѣду въ Гедингемъ, закричалъ Эдмондъ, вытаскивая шляпу изъ картона, куда онъ только-что сунулъ ее.

— Какъ! ты убѣжишь отъ матери въ первый же часъ свиданія съ ней? Мнѣ очень жаль...

Эдмондъ опять снялъ шляпу.

— Вы жестоко поступаете со мной, мамá, сказали онъ, смягчившись, но все еще съ упрекомъ. Вы не хотите знать о томъ, что сердце мое рвется къ ней. Я получилъ отъ нея только одно письмо за все время отсутствія, и это письмо не было успокоительнаго рода. Мнѣ до-смерти хочется видѣть ее. Но если вы желаете, то я сначала отобѣдаю. Но только вы можете осчастливить меня, говоря со мной о ней. Скажите мнѣ, что она здорова и счастлива. Это успокоитъ меня, пока я не отобѣдаю, и мнѣ можно будетъ посѣтить милую старую шьолу.

— Я имѣю всѣ основанія предполагать, что она здорова и... благоденствуетъ.

— То-есть, счастлива. Благодарю васъ, мамá. Я вижу, что мысль о Сильвіи всегда будетъ непріятна для васъ, что Сильвія останется яблокомъ раздора между вами и мной. Но

мнѣ приходится мириться съ этимъ. Моя привязанность къ вамъ не уменьшится отъ вашего предубѣжденія, и моя любовь къ Сильвіи не ослабѣетъ оттого, что вы отказываетесь любить ее.

Онъ прошелъ наверхъ въ свою комнату, чистую, свѣжую, англійскую комнату съ англійскимъ комфортомъ. Въ уборной пылалъ каминъ, привѣтствуя пріѣзжаго изъ болѣе теплыхъ странъ. Но эта матеріальная роскошь не могла возратить Эдмонду Стендену его хорошаго расположенія духа. Онъ бросился въ кресло передъ каминомъ и углубился въ мрачную думу, вмѣсто того, чтобы поспѣшить одѣваться къ обѣду.

«Семейные раздоры!» бормоталъ онъ: «какъ они тяжки! Неужели мать моя никогда не примирится съ моимъ выборомъ? Неужели такого рода отношенія будутъ длиться всю нашу жизнь? Я готовъ вѣрить, что вліяніе матери сказалося въ этомъ злополучномъ письмѣ».

Онъ сошелъ внизъ черезъ четверть часа, освѣжившись на видъ, но отнюдь не повеселѣвъ духомъ. Всѣ три лэди уже находились въ столовой, и м-съ Сарджентъ почти повеселѣла, очутившись вновь подъ крылышкомъ матери. Но миссисъ Стендентъ и Эсэиръ казались пасмурными. Эдмондъ почти еще не разговаривалъ съ Эсэирью со времени своего возвращенія. Миссъ Рочдэлъ казалась очень маленькой, худенькой и невзрачной въ своемъ черномъ платьѣ и какъ будто избѣгала взоровъ Эдмонда.

Обѣдъ длился съ обычной чопорностью, — съ той чопорностью и медлительностью, отъ которыхъ самый простой обѣдъ тянется непомѣрно долго. Быть можетъ, если бы въ промежуткахъ ѣды шла оживленная бесѣда, то онъ не показался бы такимъ томительнымъ, но общество больше молчало. Элленъ и ея мать говорили немного, шопотомъ и все больше объ оплакиваемомъ покойникѣ, и о подробностяхъ его роковой болѣзни. Эдмондъ, который охотнѣе бы помолчалъ, чувствовалъ, что вѣжливость обязываетъ его поговорить съ Эсэирью.

— Не случилось ли чего новаго въ Гедингемѣ въ мое отсутствіе? спросилъ онъ. Нѣтъ ли у васъ, Эсэиръ, какихъ-нибудь новостей для меня? Вы, вѣроятно, припасли ихъ съ три короба за три мѣсяца?

Миссъ Рочдэлъ покраснѣла и опустила глаза на тарелку.

— Кажется, ничего особеннаго не случилось, отвѣтила она: въ Гедингемѣ, вѣдь, царствуетъ такое затишье, какъ вамъ извѣстно, Эдмондъ.

— Да, это, конечно, страшно-безжизненное и скучное мѣсто;

но въ три мѣсяца должны же были произойти какія-нибудь замѣчательныя событія... игры въ крокетъ, въ мячъ...

— Право, я ничего не знаю про игру въ крокетъ или мячъ.

— Обѣды, рожденія, смерти, свадьбы?

При этомъ послѣднемъ словѣ Эсэиръ покраснѣла такъ сильно, что Эдмондъ не могъ этого не замѣтить.

— Слушайте, здѣсь навѣрное была свадьба, вскричалъ онъ, и такая, которая васъ интересуеть, судя по тому, какъ вы покраснѣли. Что это значитъ, Эсэиръ? Ужъ не вышли ли вы замужъ сами, и не скрыли ли отъ меня эту новость, какъ сюрпризъ, до моего возвращенія.

— Нѣтъ, Эдмондъ. Я никогда не выйду замужъ. Я торжественно поклялась въ этомъ малюткамъ Эленъ. Я останусь тетущей Эсэирью на всю жизнь, милой старой дѣвой-тетушкой.

— Милой вы всегда будете; но вы не всегда останетесь дѣвущей. У моей матушки должны же быть слабости, свойственныя ей полу, не взирая на ея твердость. А всѣ женщины свахи. Когда онѣ покончатъ съ личными матримоніальными видами, тогда начинаютъ интриговать за другихъ. Я не сомнѣваюсь, что мамá имѣетъ виды на васъ.

Эсэиръ молчала и казалась даже смущенной отъ этой невинной болтовни.

— Итакъ, въ Гедингемѣ положительно нѣтъ никакихъ новостей? повторилъ Эдмондъ.

— Нѣтъ такихъ, какія вамъ пріятно было бы слышать.

Обѣдъ кончился, наконецъ, и произведенія виноградныхъ лозъ Деканова дома осыпаны похвалами — самыя большія висти отосланы были нѣжной бабушкой наверхъ въ дѣтскую. Эдмондъ вышелъ изъ комнаты подъ руку съ матерью, провелъ ее въ библіотеку, маленькую, уютную комнату, гдѣ всегда стояли свѣчи въ услугамъ того, кто пожелалъ бы написать письмо или достать книгу.

— Подите сюда, мамá, сказалъ молодой человѣкъ. Я хочу съ вами побесѣдовать. Идти въ школу сегодня уже поздно, хотя сердце мое горѣло желаніемъ обнять Сильвію, прежде чѣмъ я лягу спать. Но нашъ обѣдъ длится всегда такъ долго.

Онъ червнулъ спичкой, зажегъ высокія свѣчи въ массивныхъ старинныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ, пододвинулъ матери покойное кресло и усѣлся напротивъ нее.

— Теперь, мамá, произнесъ онъ, я пообѣдалъ и отдохнулъ, повинуюсь вашему приказанію; расскажите мнѣ про Сильвію.

— Эдмондъ, пролепетала миссисъ Стендентъ, глядя на него

съ невыразимой нѣжностью: мнѣ нужно сказать тебѣ кое-что; ты почувствуешь себя весьма несчастнымъ, хотя совсѣмъ напрасно; съ этимъ бы ты и примирился, если бы былъ благо-разумнымъ и посмотрѣлъ на это дѣло такъ, какъ я... Ты очень счастливо отдѣлался.

— Чтѣ вы хотите сказать? закричалъ Эдмондъ, у котораго сердце сильнѣе забилося. — Я васъ не понимаю.

— Сильвія Керью вышла замужъ.

— Вышла замужъ? повторилъ Эдмондъ, глядя на нее въ неописанномъ изумленіи, и затѣмъ расхохотался: смѣхъ его звучалъ гораздо рѣзче, чѣмъ обыкновенно. Полноте, мамá, вы, конечно, шутите. Или вы испытываете меня... Вы хотите узнать, какъ бы я принялъ утрату ея, еслибы она была возможна. Но это невозможно, если только смерть не разлучить насъ.

Затѣмъ съ отчаяннымъ взглядомъ закричалъ:

— Она не умерла, нѣтъ? Вы только-что сказали, что ей хорошо, но быть можетъ вы играли словами. Мертвымъ тоже хорошо. Ради Бога, говорите, громко закричалъ онъ: Сильвія умерла?

— Нѣтъ, она здорова, какъ я тебѣ уже сказала раньше и, по мнѣнію свѣта, очень счастлива. Она вышла замужъ за сэра Обри Перриама.

— Матушка, вы съ ума меня сведете! Чьи это выдумки? Кто такъ лжетъ? Вышла замужъ за сэра Обри? Да она его въ глаза не видывала. Она мнѣ сама сказала это наканунѣ школьнаго праздника.

— Правда, но на школьномъ праздникѣ онъ увидѣлъ ее и влюбился. Они обвѣнчались пять недѣль спустя послѣ твоего отъѣзда. Свадьба была совсѣмъ скромная. Никто, за исключеніемъ викарія и заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, ничего о ней не зналъ, пока она не совершилась. Двѣ цѣлыхъ недѣли добрые люди ахали и дивились. Они вернулись въ Плэсъ двѣ недѣли тому назадъ. Я видѣла лэди Перриамъ; она ѣхала въ своемъ экипажѣ.

— Лэди Перриамъ! закричалъ Эдмондъ съ дикимъ смѣхомъ: какъ это хорошо звучитъ, не правда ли? Я полагаю, что она изъ-за этого и вышла замужъ за человѣка, который могъ бы быть ея дѣдомъ. Лэди Перриамъ! Нѣтъ, это отецъ принудилъ ее выйти за него замужъ. Я не вѣрю въ то, чтобы она была низкой женщиной. Я знаю, она любила меня. Я чувствовалъ, какъ билось ея сердце у моей груди въ минуту нашего разставанья... оно билось такъ сильно и оно казалось такимъ правдивымъ. Я знаю, что она любила меня!

— Быть можетъ, она и любила тебя эгоистическою любовью, но, какъ видишь, знатность и богатство предпочла тебѣ.

— Она поступила такъ не по своей волѣ. Ее вынудили къ этому.

— Она отказалась отъ тебя по собственной волѣ, всего какую-нибудь недѣлю спустя послѣ твоего отъѣзда, отвѣчала миссисъ Стендентъ.

И затѣмъ рассказала ему исторію своего перваго и единственнаго визита къ Сильвіи Керью.

— Эсэиръ была при этомъ все время; Эсэиръ все слышала, сказала она въ заключеніе.

— О, я вовсе не сомнѣваюсь въ истинѣ вашихъ словъ, возразилъ Эдмондъ устало. Она вышла замужъ—этого довольно. Что за дѣло, какимъ путемъ она дошла до этой низости! Достаточно знать, что она лгала мнѣ; что, когда она глядѣла мнѣ въ лицо глазами, омраченными слезами—своими милыми глазами—и клялась мнѣ быть вѣрною до послѣдняго издыханія, она была способна измѣнить мнѣ; красивый домъ, экипажъ, знатное имя могли оторвать ее отъ меня. Еслибы даже отецъ убѣждалъ ее, грозилъ ей, мучилъ ее, то будь она честной женщиной, она перенесла бы самую злую пытку, она умерла бы въ мукахъ скорби, чѣмъ измѣнить мнѣ. Борьба продлилась бы не очень долго. Она знала, что я вернусь. Немного мужества, немного постоянства, и я бы былъ около нея и отстоялъ бы ее передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Сильный мужчина уступилъ всепобѣждающей силѣ страсти, и впервые, со смерти отца, Эдмондъ Стендентъ залился горькими слезами.

Мать бросилась къ нему, стала возлѣ него на колѣни, обняла его, стараясь утѣшить его своими ласками.

— Эдмондъ, рыдала она: это не моя вина—ты не возненавидишь меня за горе, посѣтившее тебя. Повѣрь мнѣ, я отнюдь не вліяла на эту живую, дурную дѣвушку. Я отправилась къ ней, собираясь прижать ее къ своему сердцу... я общалась смягчиться со временемъ, если она окажется доброй женой... я старалась примириться съ нею, а она уже готовилась измѣнить тебѣ въ эту самую минуту. Она ухватила за первый попавшійся предлогъ, чтобы отвернуться отъ тебя. Она низкая, расчетливая тварь, нестоющая, чтобы о ней думали.

— Тссъ! матушка, возразилъ молодой человѣкъ съ торжественнымъ почти спокойствіемъ.

Онъ подавилъ малодушныя слезы и выносилъ мучительную боль своего сердца, какъ мученикъ.

— Тссъ! не будемъ говорить о ней, не будемъ бранить ее. Пусть имя ея отнынѣ не произносится нами. Пусть оно умретъ и забудется, какъ не забываются имена другихъ любимыхъ, утраченныхъ существъ. О тѣхъ мы иногда вспоминаемъ. Мы никогда не будемъ вспоминать о ней.

Мать его, благоразумная даже въ своей любви, поцѣловала его въ холодный лобъ... покрытый потомъ, отъ происходившей въ немъ внутренней борьбы... и оставила его наединѣ съ его горемъ. Въ какой бы формѣ ни выразилась въ немъ страсть, будетъ ли то гнѣвъ или отчаяніе, но всего лучше было представить ему одному совладать съ нею.

ГЛАВА XXXI.

„Не расцвѣль и отцвѣль въ утрѣ пасмурныхъ дней!“

Семейство Деканова дома не видало больше Эдмонда Стендена въ этотъ вечеръ. Онъ пробылъ съ часъ въ кабинетѣ, а затѣмъ пошелъ въ Гедингемъ. Какое-то странное влеченіе мысли и сердца побуждало его идти взглянуть на мѣста, бывшія свидѣтелями его утраченного счастья... тѣмный дворъ старинной церкви, гдѣ онъ прогуливался съ своей милой въ лѣтніе вечера, которые невозвратно прошли... раскидистый старый вязъ, которому они такъ часто повѣряли свою тайну... садовую изгородь, у которой онъ дожидался иногда въ сумерки, чтобы Сильвія пришла позвать ему руку, сказать нѣсколько словъ и обѣщать свиданіе на-завтра.

Луна взошла на небѣ и вся окрестность сіяла той торжественной красотой, какую сообщать можетъ только лунный свѣтъ. Линія моря на горизонтѣ, виднѣвшаяся одинокому пѣшеходу съ вершины холма, сверкала серебристой бѣлизной. Эдмондъ прошелъ черезъ маленькую рощу, прилегавшую къ луку, на которомъ онъ и Сильвія такъ часто сходились подъ старымъ орѣшникомъ.

Прошедшее вѣчно! говорить Шиллеръ. Эдмондъ чувствовалъ, что прошлому счастью суждено окрашивать всю его будущую жизнь, что онъ никогда не позабудетъ о немъ, что сожалѣніе о немъ вѣчно будетъ жить въ его душѣ и отравлять всѣ возможные радости. Онъ пробылъ нѣсколько времени подъ раскидистымъ орѣшникомъ. Рано расцвѣтало, рано отцвѣтало это старое дерево, какъ и его собственные надежды. «Бѣдные листья, бѣдные мечты!»

сказалъ онъ самому себѣ: «кто бы повѣрилъ весной, что вы расцвѣтаете лишь затѣмъ, чтобы увянуть».

Было десять часовъ вечера, когда Эдмондъ пришелъ въ селеніе, и весь почти Гедингемъ уже спалъ. Только и слышался, что ропотъ ручейка, протекавшаго по деревенской улицѣ. Въ окнахъ ректорскаго дома виднѣлся свѣтъ, да еще въ школьномъ домѣ освѣщены были два рѣшетчатыхъ окна, на которыя онъ такъ часто заглядывался во время оно. Онъ перешелъ черезъ кладбище и остановился у могилы Де-Боссини. Здѣсь они разстались, появившись другъ другу въ вѣчной вѣрности. Здѣсь онъ оставилъ ее, убитую горемъ.

«Богатство легко утѣшаетъ», сказалъ онъ самому себѣ горько.

Онъ отворилъ калитку, отдѣлявшую кладбище отъ школьнаго сада и вошелъ въ него. Ему хотѣлось видѣть Джемса Керью... упрекнуть его въ томъ, что онъ принудилъ свою дочь къ такому неровному браку, высказать ему нелестное мнѣніе объ его поступкѣ.

Онъ постучался въ низкую дверь и ее быстро отворили; но не Джемсъ Керью. Лицо, отворившее дверь, былъ молодой человѣкъ съ желтыми волосами и въ очкахъ.

— Дома м-ръ Керью? спросилъ Эдмондъ, стараясь придумать, кто этотъ незнакомецъ.

— М-ръ Керью уѣхалъ изъ Гедингема шесть недѣль тому назадъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ. Онъ отказался отъ мѣста, по причинѣ разстроеннаго здоровья, а также потому, что его дочь вышла замужъ за сэра Обри Перриама.

— Вамъ извѣстно, куда уѣхалъ м-ръ Керью?

— Нѣтъ, сэръ. Я полагаю, что онъ уѣхалъ за-границу, на югъ, чтобы провести тамъ зиму.

Это было курьезно. Эдмондъ воображалъ, что отецъ Сильвін не уѣдетъ изъ Гедингема, потому что пожелаетъ воспользоваться цѣной продажи дочери, хотя, конечно, было глупо ожидать, что онъ останется приходскимъ учителемъ и станетъ трудиться изъ-за куска хлѣба. Сдѣла его была бы слишкомъ невыгодна, еслибы положеніе его нисколько не улучшилось. Онъ, безъ сомнѣнія, уѣхалъ, чтобы наслаждаться жизнью вдали отъ театра его безсвѣтнаго поступка.

Эдмондъ оставилъ школьный домъ. Онъ показался ему не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде... точно тѣнь того мѣста, какое онъ знавалъ раньше. Садъ былъ усыпанъ опавшими листьями... георгины и другіе поблекшіе цвѣты говорили объ осени и смерти... благоуханіе лѣта исчезло, цвѣты безъ запаха холодно красова-

лись на клумбахъ, гдѣ нѣкогда сіяли розы и душистый горошекъ, левкои и резеда!

«Удастся ли мнѣ забыть ее?» подумалъ Эдмондъ, возвращаясь домой, чтобы начать будничную трудовую жизнь, утратившую все тѣ, чѣмъ она скрашивалась.

Онъ былъ счастливъ, пока не встрѣчалъ Сильвіи Берью, но теперь счастье безъ нея казалось невозможнымъ.

На другой день миссисъ Стенденъ и Эсмиръ были пріятно изумлены поведеніемъ Эдмонда. Онъ воображали, что горечь его великаго горя омрачить, отравить ему жизнь на долгіе годы. Онъ со страхомъ и трепетомъ ожидали, что какая-нибудь серьезная болѣзнь, какая-нибудь опасная горячка будетъ результатомъ его внезапнаго и горькаго разочарованія. У нихъ отлегло отъ сердца, когда онъ увидѣли, что по наружности онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ прежде; немного серьезнѣе и молчаливѣе, чѣмъ прежде, но такой же мужественный, бодрый и внимательный въ другіе. Словомъ, Эдмондъ Стенденъ не носился съ своей тоской и не выставлялъ ее на показъ другимъ.

Совсѣмъ тѣмъ въ глубинѣ души онъ сознавалъ, что счастье жизни его навѣки закатилось. Надежды и мечты, скрашивавшія жизнь, поблекли навсегда. Онъ старался овладѣть своимъ горемъ и сдерживать его, но горе было не слабѣе оттого, что онъ переносилъ его мужественно.

У него былъ длинный и серьезный разговоръ съ матерью на другой день по возвращеніи. Они прохаживались по широкой аллеѣ, озаренной осеннимъ мягкимъ свѣтомъ, и толковали о разныхъ разностяхъ, но только не о Сильвіи.

— Я думаю, что опять уѣду на континентъ, матушка, и пространствую годъ или два, говорилъ Эдмондъ; я желалъ бы осмотрѣть многія страны средней Европы... Румынію, Венгрію, Польшу. Быть можетъ, я пробуду въ отсутствіи года три.

— Хорошо, Эдмондъ, отвѣчала мать, твердымъ, хотя и ласковымъ тономъ. Если для твоего благополучія тебѣ необходимо уѣхать, то я не стану тебя удерживать. Но я становлюсь стара и надѣюсь, что на старости лѣтъ найду въ тебѣ друга и товарища. Мнѣ тяжело, что ты собираешься уѣхать отъ меня какъ разъ тогда, когда общество твое мнѣ всего необходимѣе. Развѣ ты думаешь, что тебѣ легче будетъ пережить горе въ чужихъ краяхъ... что ты глубже скоронишь печаль въ чужой землѣ?

— Вы правы. Деревья и холмы, прѣты и каждый поворотъ дороги напоминаютъ мнѣ о... о томъ, что было. Но они не будутъ воспоминанія. Это послѣднее никогда не засыпаетъ. Я буду

такъ же несчастливъ и въ Германіи. Если мой отъѣздъ огорчить васъ, то я, пожалуй, останусь.

— Огорчить меня, Эдмондъ! Но что же у меня въ жизни осталось, кромѣ тебя? Бѣдная Элленъ и дѣти... и Эсмеръ. Онѣ, вонечно, очень дороги для меня, но всегда занимали лишь второстепенное мѣсто въ моемъ сердцѣ. Тебѣ, Эдмондъ, отдала я все свое сердце.

— И однако собирались лишить меня наслѣдства.

— Это было отчаяннымъ средствомъ, чтобы спасти тебя отъ рокового поступка. Провидѣніе вмѣшалось въ это дѣло. Я больше никогда не буду грозить тѣмъ, что лишу тебя наслѣдства.

— Еслибы вы знали, какъ мало я цѣню деньги, то поняли бы, какъ нецѣлесообразна была ваша угроза. Судьба была на вашей сторонѣ, мамъ, но я постоялъ бы за себя передъ цѣлымъ свѣтомъ. Теперь я еще меньше думаю о деньгахъ, но чувствую, что не могу вести праздную жизнь. Вѣлое, полусонное существованіе деревенскаго сквайра создано не для меня. Я совсѣмъ стоскуюсь. Если вы не хотите отпустить меня за-границу, то я долженъ подыскать себѣ какое-нибудь занятіе.

— Мой дорогой Эдмондъ, я желаю только, чтобы ты былъ счастливъ.

— Вѣрю, мамъ, отвѣчалъ сынъ, нѣжно; но чтобы быть счастливымъ, я долженъ быть занятъ. Усиленный трудъ наилучшее лекарство для моей болѣзни. Я съѣзжу завтра утромъ въ Монегемптонъ, повидаясь съ Сандерсомъ, управляющимъ банкомъ, и попрошу его дать мнѣ занятія въ банкѣ. Мнѣ кажется, что я унаслѣдовалъ коммерческія способности моего отца.

— Милый Эдмондъ, тебѣ нѣтъ никакого резона трудиться. У тебя будетъ отличное состояніе.

— Я желаю занятія, а не денегъ. Если бы я родился гениемъ, то уѣхалъ бы въ Лондонъ и сталъ бы добиваться адвокатской карьеры. Но я чувствую, что не въ силахъ буду тянуть лямку въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, ожидая перваго успѣха. Я охотиѣ засяду въ монегемптонскій банкъ и стану пересчитывать грязныя фермерскія ассигнаціи. Я буду чувствовать, что занятъ.

— Ахъ, Эдмондъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду того дня, когда жизнь предстанетъ передъ тобой въ новомъ свѣтѣ; когда возможно станетъ осуществленіе надежды, которую я нѣкогда питала.

— Какой надежды?

— Надежды видѣть тебя женатымъ на милой и хорошей женщинѣ.

— Довольно. Оставимъ это. Я никогда не женюсь.

— Никогда—длинное слово, Эдмондъ.

— Но жизнь не долга. Вы знаете, что говорить мой любимый поэтъ:—«Краткость нашей жизни не позволяетъ намъ лелѣть отдаленныхъ надеждъ». Каковъ я сегодня, такимъ буду и завтра.

— Если бы я вѣрила въ это, то чувствовала бы себя несчастной. Но я вѣрю въ милосердіе Божіе. Мой милый сынъ не всегда будетъ несчастнымъ. Листья опали вонъ съ того дерева, Эдмондъ, но весна принесетъ съ собой новыя почки.

— Сердце человѣческое не одарено такой же счастливой способностью пускать новыя ростки.

— Милый Эдмондъ, тебѣ естественно такъ думать. Да! возьми себѣ занятія въ банкѣ; трудись, сколько хочешь, но только останься со мной. Жизнь слишкомъ коротка для того, чтобы разлучаться мать съ сыномъ. Я буду надѣяться на Провидѣніе и ждать, чтобы сердце твое снова расцвѣло.

— Врядъ ли...

— Кто можетъ поручиться за свое сердце? Только Богъ и время, отвѣчала мать торжественно.

Этотъ разговоръ нѣсколько утѣшилъ Эдмонда. Онъ поѣхалъ въ Монегемптонъ, и такъ какъ капризъ, а не нужда, заставлялъ его искать работы, то онъ былъ принятъ управляющимъ съ распростертыми объятіями. М-ръ Сандерсъ радъ былъ оказать услугу представителю основателей банка. Онъ предложилъ Эдмонду для начала мѣсто съ ста-пятидесятью фунтами жалованья въ годъ.

— Нелѣпо толковать съ вами о вознагражденіи, замѣтилъ м-ръ Сандерсъ величественно, но сто-пятьдесять фунтовъ въ годъ послужатъ вамъ на покупку лишней охотничьей лошади или на перчатки.

— Вы очень добры, отвѣчалъ Эдмондъ, но мнѣ не нужно ни охотничьихъ лошадей, ни перчатокъ. Мнѣ нужны трудъ и независимость.

«Курьёзное дѣло! — подумалъ управляющій, когда удалился проситель.—Должно быть онъ опять повздорилъ со старухой. Говорили, что мать и сынъ поссорились изъ-за хорошенькой дочки школьнаго учителя, на которой женился этотъ сумасшедшій сэръ Обри Перриамъ. Но какая кошка пробѣжала между ними теперь, желалъ бы я знать?»

Управляющій удивился, когда миссисъ Стенденъ пріѣхала за сыномъ въ банкъ въ первый же день, какъ онъ поступилъ въ него. Еще сильнѣе удивился онъ, замѣтя, съ какой любовью мать глядѣла на сына.

«Она пріѣхала увести домой изъ школы своего маленькаго мальчика,—сказать м-ръ Сандерсъ самому себѣ,—значить, они не повздорили между собой, и малый въ самомъ дѣлѣ намѣренъ трудиться.»

ГЛАВА XXXII.

Горько, какъ полынь!

Лэди Перриамъ была замужемъ уже три мѣсяца. Два изъ нихъ она провела въ Перриамъ-Плэсъ, и ей казалось, что она уже сто лѣтъ, какъ замужемъ за сэромъ Обри. «Лэди Перриамъ! Сильвія, лэди Перриамъ!» твердила она зачастую сама себѣ, какъ-бы дивясь. Такъ мало разницы было между лэди Перриамъ и Сильвіей Керью. Такое же недовольство, такія же неудовлетворенныя стремленія грызли сердце Сильвіи среди безмятежнаго величія Перриамъ-Плэса, какъ и въ смиренномъ школьномъ домѣ. Честолюбіе ея было удовлетворено превыше самыхъ безумныхъ мечтаній,—но это удовлетвореніе принесло ей такъ мало счастья.

Нѣкоторое время новизна придавала прелесть и интересъ окружающему. Она воображала, что для ея довольства, мало того, для ея счастья достаточно будетъ сдѣлаться ховяйкой Перриамъ-Плэса, имѣть возможность говорить: «мой домъ», «моя уборная», «мой будуаръ», «мои сады», «мои слуги»; принимать почтительныя услуги окружающихъ, имѣть экипажъ въ своемъ распоряженіи и слышать, какъ ее величаютъ «милэди». Пріятно было также не убирать комнатъ, не готовить обѣда, не мыть посуды послѣ каждой ѣды, словомъ: не знать будничныхъ, ежедневныхъ заботъ и трудовъ. Это было лицевой стороною медали. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ днемъ обратная сторона давала себя чувствовать все больнѣе. Новизна скоро притупилась. Большіе, пустыя покои приглядѣлись и стали казаться мрачными; это не все: временами, когда ей случалось долго просидѣть одной въ гостиной, ей становилось жутко, словно отъ присутствія какихъ-то привидѣній, гнѣздившихся по угламъ величественнаго салона. Она почти боялась оглянуться, чтобы не увидѣть чего-нибудь сверхъ-естественнаго. По временамъ она нервозно взглядывала на одно изъ семи высокихъ оконъ, какъ-бы опасаясь увидѣть въ немъ чужое лицо... лицо существа не изъ здѣшняго міра. Быть можетъ, близкое сосѣдство мертвецовъ Перриамской фамиліи, покоившихся на маленькомъ кладбищѣ, внизу итальянскаго сада, играло какую-нибудь роль въ этихъ фантазіяхъ!

Величественное уединеніе Перріамъ-Плэса могло представляться со стороны идеальнымъ дѣвическимъ глазамъ Сильвіи Керью, Вотъ жизнь, которой она испросила бы у доброй волшебницы. если бы таковая предложила ей избрать себѣ жребій! Но вѣдь многіе и многіе изъ насъ худо бы выбрали, если бы имъ позволили самимъ устроить свою судьбу!

Эта величественная жизнь, протекавшая съ церемонной пышностью, показалась очень скучной молодой женѣ сэра Обри Перріама. Какъ ни было пріятно освободиться отъ черной работы, но дни тянулись безконечно и праздно безъ этой черной работы. Сильвія мечтала пополнить свое образованіе. Она собиралась читать латинскихъ поэтовъ съ помощью грамматики и лексикона; она готовилась усовершенствоваться въ нѣмецкомъ языкѣ. Къ несчастію, такіа задачи легко забываются, когда нѣтъ руководителя въ занятіяхъ и сочувствія къ нимъ. Сильвія ревностно занималась нѣмецкимъ языкомъ во время краткаго ухаживанія Эдмонда Стендена, чтобы читать книги, которыми онъ восхищался и говорить съ нимъ на этомъ суровомъ нарѣчій, которому по силѣ и выразительности врядъ ли найдешь равное среди другихъ, болѣе мелодичныхъ. Эдмондъ читалъ ей иногда въ сумерки баллады Шиллера, и чтобы угодить ему своими успѣхами, она трудилась усердно и трудъ казался пріятнымъ. Теперь, она зѣвала надъ этими стихами, какъ надъ самой скучной вещью въ мірѣ. Точно такъ и оды Горация, казавшіяся полными интереса и поэзіи, когда ихъ декламировалъ и объяснял Эдмондъ, теперь представлялись лишь длиннымъ рядомъ существительныхъ и прилагательныхъ, творительныхъ падежей и дѣепричастій, въ которыхъ можно было безнадежно заблудиться.

Она пробовала-было искать помощи у Мордредъ, но когда ей случалось обращаться къ нему, онъ расплывался въ неопредѣленной болтовнѣ и старался привлечь вниманіе Сильвіи къ каталогамъ. Онъ могъ повторять лишь то, что читалъ. Такимъ образомъ, занявшись систематически въ теченіи какого-нибудь мѣсяца, лэди Перріамъ пришла въ уныніе и стала обращаться къ книгамъ лишь урывками.

Сэръ Обри не поощрялъ ее заниматься. Онъ держался стариннаго воззрѣнія, что молодая женщина должна умѣть готовить пуддинги и занимать гостей въ гостиной. Если она стремится пріобрѣсти различные таланты, то пускай рисуетъ цвѣты и бабочекъ по бархату, или ландшафты карандашами, къ ущербу своего зрѣнія и для украшенія альбомовъ своихъ друзей. Затѣмъ, она могла разнообразить свои дневныя занятія шитьемъ въ там-

бурь или выпивать по канѣ разныхъ Исааковъ или Авраамовъ, какъ это дѣлывала покойная лэди Перріамъ, работу которой можно было видѣть и по сіе время въ комнатѣ Болингброка. «Синіе чулки» внушали сѣру Обри священный ужасъ.

— Вспомни про лэди Мэри Уортли, говаривалъ онъ, стараясь отвлечь Сильвію отъ занятія латинскими поэтами; она была очень умна, но врядъ ли респектабельна и даже, если вѣрить скандалѣзной хроникѣ того времени, не особенно опрятна.

Музыка вокальная, какъ и инструментальная, нисколько не интересовала сѣра Обри. Онъ купилъ небольшое фортепіано по просьбѣ Сильвіи и позволилъ поставить его въ одинъ изъ угловъ салона, гдѣ про себя считалъ его неумѣстнымъ. Онъ каждый вечеръ, своимъ ровнымъ, вѣжливымъ тономъ, просилъ Сильвію спѣть ему что-нибудь; но пока она пѣла, онъ читалъ газету и никогда почти не слушалъ ея пѣнія. Это не мѣшало ему съ неизмѣнной вѣжливостью благодарить ее, когда она вставала изъ-за фортепіано.

Однообразіе жизни въ Перріамъ-Плэсъ превосходило все, что можно было ожидать отъ жизни въ монастырѣ. Эти святилища подвергаются вторженіямъ путешественниковъ, инспекціи архіереевъ, перемѣнамъ въ администраціи; наконецъ, тамъ бываютъ праздники, посты, словомъ, безконечное разнообразіе, сравнительно съ жизнью въ Перріамѣ, которая катилась ровно и безмятежно, какъ вода въ каналѣ. Отлично вымуштрованная прислуга каждый день подавала обѣдъ неизмѣнно въ одномъ и томъ же порядкѣ. Та же скука царила извѣстнаго дня въ день въ величественномъ зданіи. Нескончаемый *tic-tac* часовъ во вкусѣ Людовика XIV... часовъ, лакированный футляръ которыхъ испещренъ былъ гербами Перріамовъ... какъ-будто напоминалъ о вѣчности. «Вѣчно одно и то же, вѣчно одно и то же!» вѣщала этотъ торжественный «глаголъ временъ» утомленнымъ ушамъ Сильвіи. *Semper idem, semper idem!*

Сѣръ Обри никогда не былъ съ нею неласковъ; но съ другой стороны онъ оказался далеко не тѣмъ снисходительнымъ мужемъ, какъ она ожидала. Онъ отнюдь не былъ ея рабомъ, но напротивъ того, ждалъ и требовалъ отъ нея вѣчнаго повиновенія. Онъ былъ скорѣе добрымъ отцемъ, чѣмъ баловнемъ-мужемъ. Онъ не бросалъ денегъ на ея прихоти и даже рѣдко исполнялъ ея просьбы... хотя всегда отказывалъ въ нихъ весьма любезно.

Разъ она рѣшилась-было сказать, что они могли бы вести болѣе оживленную жизнь, что Перріамъ-Плэсъ былъ бы еще

пріятіе, если бы въ немъ бывали по временамъ гости. Сэръ Обри поднялъ брови въ неопisanномъ удивленіи.

— Развѣ ты не счастлива, душа моя? спросилъ онъ.

Сильвія вздохнула и отвѣчала, что она вполнѣ счастлива.

— Если такъ, то къ чему мы станемъ рисковать своимъ счастіемъ, вводя въ свою жизнь посторонній элементъ? Ты не приучена видѣть домъ свой биткомъ набитымъ посѣтителями, и я также. Такъ какъ мы оба счастливы, то будемъ стараться обереечь это счастье и не станемъ мѣнять образа жизни.

Такъ вѣщала гласъ старости и мудрости, но непокорное сердце молодости возмутилось противъ этого благоразумнаго рѣшенія. Слезы досады навернулись на глазахъ у Сильвіи.

— Я знаю, что ты жила какъ отшельникъ, когда былъ холостымъ, отвѣчала она. Объ этомъ достаточно судили и радили. Но я думала, что когда ты женишься, то переѣмнишь образъ жизни... что ты станешь принимать сосѣдей, какъ и другіе богатые люди, и наслаждаться жизнью.

— Я надѣюсь, что мысль о томъ, чтобы принимать сосѣдей, не была единственнымъ мотивомъ, побудившимъ тебя выйти за меня замужъ, возразилъ сэръ Обри съ тѣмъ видомъ оскорбленнаго достоинства, которымъ онъ вооружался по временамъ, какъ броней. Что касается наслажденія жизнью, то я веду такую жизнь, какая мнѣ по вкусу, а это, по моему мнѣнію, высшее наслажденіе, доступное человѣку.

Сильвія пожала плечами и покорилась. Она была вынуждена покориться; мало того: она открыла, что жизнь замужней женщины требуетъ непрерывной покорности. Сэръ Обри былъ добрымъ, но не снисходительнымъ мужемъ. Восторгъ, побудившій его ухаживать за дочерью сельскаго учителя, нѣсколько охладѣлъ теперь, когда она сдѣлалась его женой... его собственностью до конца его дней. Не то, чтобы онъ разочаровался въ Сильвіи или охладѣлъ къ ней. Онъ былъ очень доволенъ своей судьбой и въ высшей степени доволенъ своей красивой молодой женой; но намѣревался жить, какъ ему угодно, и рѣшилъ, что и она подчинится этому образу жизни и не станетъ искать постороннихъ развлеченій и увеселеній, которыя только могутъ досаждать ему и стоить денегъ.

Перріамскій медовый мѣсяцъ протекъ крайне незамысловато. Антресоль въ Фобуръ-Сентъ-Оноре не былъ дворцомъ, въ которомъ, какъ Сильвія предполагала, долженъ жить даже въ чужихъ краяхъ такой великій человѣкъ, какъ сэръ Обри. Сэръ Обри возилъ свою молодую жену смотрѣть на все то, что обыкновенно

привлекаетъ вниманіе иностранцевъ: Лувръ, Люксанбургъ, большія старинныя церкви, гдѣ Сильвія во всё глаза глядѣла на статуи, отель де-Клюни, Мавзолей Наполеона, версальскіе фонтаны и длинную террасу въ Сентъ-Жерменѣ. Все это сэръ Обри показалъ ей; но какъ ни казалось оно удивительнымъ и прекраснымъ сельской красавицѣ, но надъ всёмъ этимъ носилось какое-то темное облако. Безчисленныя церкви утомили ее прежде, чѣмъ она осмотрѣла половину ихъ. Обширные дворцы съ нескончаемыми картинными галлереями дѣйствовали, въ концѣ-концовъ, снотворно. Сэръ Обри, не взирая на все его желаніе быть добрымъ, занимательнымъ, поучительнымъ, всегда уводилъ ее отъ тѣхъ самыхъ вещей, которыя наиболѣе интересовали ее. Онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто. Нигдѣ не случалось имъ замѣшкаться, засидѣться. Густой Сентъ-Жерменскій лѣсъ не сманилъ ихъ провести день подъ его прохладной сѣнью. А между тѣмъ, Сильвія казалось, что она непременно бы провела тамъ денёкъ съ Эдмондомъ, еслибы вышла за него замужъ.

Сэръ Обри повезъ свою жену въ *Théâtre Français*, гдѣ давали *Les femmes savantes* Мольера, но призналъ всё другіе театры неприличными.

Жара стояла удушливая почти во все время медоваго мѣсяца Сильвіи, и большія, длинныя улицы удивительнаго города полны были густымъ, горячимъ паромъ, вѣщавшимъ о тифѣ и холерѣ. Сэръ Обри рано вставалъ и рано ложился спать, и вечеръ, единственное время, когда Парижъ бываетъ сносенъ лѣтомъ, было временемъ заточенія для Сильвіи. Она играла въ шахматы съ своимъ мужемъ въ душномъ маленькомъ салонѣ при свѣтѣ двухъ свѣчей, между тѣмъ какъ городъ полонъ былъ звуковъ людскихъ голосовъ и музыки и залитъ былъ свѣтомъ, тамъ, на бульварахъ, гдѣ дулъ свѣжій ночной вѣтерокъ. Сильвія вернулась въ Англію подъ впечатлѣніемъ, что Парижъ великолѣпный, но не веселый городъ.

Они возвратились въ Перриамъ-Плэсъ, и Сильвіи представлены были ея слуги и подчиненные. Въ эту минуту торжества ей казалось вполнѣ достаточной радостью быть хозяйкой въ Перриамѣ и командовать въ немъ. Какъ ни удивилась прислуга странной женитьбѣ своего барина, но на лицахъ нельзя было того прочесть. Она привѣтствовала дочь Джемса Керью такъ же почтительно, какъ привѣтствовала бы всякую другую леди.

Тѣ перемены и улучшенія, о которыхъ съ такимъ удовольствіемъ мечтала Сильвія до своего замужства, не были еще осуществлены. Весьма скоро послѣ свадьбы леди Перриамъ убѣди-

лась, какъ мало власти имѣла она надъ своимъ мужемъ, и какой ничтожной свободой могла пользоваться, и, что всего хуже, какими ничтожными деньгами могла располагать. Она знала, что доходы ея мужа вдесятеро превышали его расходы, а между тѣмъ это богатство не доставляло ей ни славы, ни удовольствія.

Онъ пришелъ въ неописанное удивленіе, когда она впервые попросила у него денегъ.

— На что тебѣ понадобятся деньги, душа моя? спросилъ онъ, точно они находились на необитаемомъ островѣ, гдѣ деньги не могли имѣть ровно никакого значенія.

— Мнѣ нужны деньги, чтобы истратить ихъ, отвѣчала Сильвія по-дѣтски.

Она не забыла несчастной женщины въ Бель-Алле, въ Феттеръ-Лэнѣ. Нѣжность сердечная не была слабостью Сильвіи, но ей совѣстно было думать, что она живетъ среди всего этого великолѣпія и комфорта, между тѣмъ какъ мать ея, по всей вѣроятности, умираетъ съ голоду.

— Какъ! истратить деньги, ради удовольствія ихъ истратить? возразилъ сэръ Обри, точно благоразумный папаша—одинъ изъ образцовыхъ родителей Маріи Эджевортъ, на примѣръ—читающій нравоученіе своей маленькой дочкѣ.—Милая Сильвія, вѣдь это дѣтскій резонъ.

— Но я вовсе не это хотѣла сказать. Конечно, мнѣ нужны деньги, иначе я бы не просила ихъ у тебя. Я думала, что ты назначишь мнѣ карманныя деньги...

— Я думалъ объ этомъ, отвѣчалъ сэръ Обри, точно дѣло шло о какомъ-нибудь весьма глубокомысленномъ предметѣ: и намѣренъ это сдѣлать... со временемъ. Но, право, расходы твои должны быть совсѣмъ ничтожны. У тебя еще цѣлы платья, которыя ты сшила къ нашей свадьбѣ.

— Платья уже сносились, сказала Сильвія. Я носила ихъ все время, какъ мы были въ Парижѣ.

— Всего мѣсяцъ! вскричалъ сэръ Обри.—Я ношу этотъ сюртукъ уже полтора года.

— Значитъ, тебѣ пора заказать себѣ новый! закричала Сильвія съ досадой.—Но я буду ходить въ поношенныхъ платьяхъ, если тебѣ угодно. Что за дѣло: вѣдь я никого не вижу, кромѣ тебя и Мордредъ.

— Надѣюсь, что тебѣ слѣдуетъ такъ же хорошо одѣваться, чтобы понравиться мнѣ, какъ бы ты одѣвалась, чтобы восхитить постороннихъ, возразилъ сэръ Обри съ оскорбленнымъ видомъ.

— Я не могу хорошо одѣваться безъ денегъ, отвѣчала Сильвія.

Женскія платья не то, что мужскіе сюртуки. Они не могутъ вѣчно носиться.

— Когда такъ, весьма жаль, что женщины не выберутъ болѣе прочныхъ матерій. Ни сукно, изъ котораго шили себѣ будничныя платья наши бабушки, ни парча, которую онѣ берегли для парадныхъ случаевъ, не снашивались въ три мѣсяца. Кресла въ нашей спальнѣ обиты матеріей изъ платьевъ моей бабушки. Но не твоя вина, что мы живемъ въ суетную эпоху, и я не могу сердиться на тебя за то, что ты слѣдуешь модамъ своего времени. Я дамъ тебѣ двадцать фунтовъ, и пока ты ихъ истратишь, рѣшу вопросъ о карманныхъ деньгахъ. Ну, полно, моя радость, я не желаю видѣть слезъ на этихъ хорошенькихъ глазкахъ.

Сэръ Обри выдалъ чекъ, воображая, что поступаетъ необыкновенно щедро.

Сильвія послала половину этихъ денегъ миссисъ Карфордъ, въ формѣ десятифунтовой бумажки. На оставшіеся десять фунтовъ она купила темное шелковое платье: такъ какъ она говорила, что нуждается въ новомъ платьѣ, то ей нужно было показать сэру Обри, что она его купила.

Вскорѣ послѣ того, баронетъ любезно объявилъ своей женѣ, что рѣшилъ назначить ей для ея личныхъ расходовъ двѣсти фунтовъ въ годъ, которые будутъ ей уплачиваться по четвертимъ, и это онъ, очевидно, считалъ весьма щедрымъ подаркомъ. Сильвія горячо поблагодарила его, и въ самомъ дѣлѣ она рада была возможности располагать хотя каковою-нибудь суммой безконтрольно. Всѣ ея мечты о новой мебели для библіотеки и о томъ, чтобы замѣнить полинялыя занавѣсы въ салонѣ—новыми изъ желтаго атласа, разсѣялись. Она убѣдилась, что въ сэрѣ Обри обрѣла новаго господина. Зависимость отъ него была покойнѣе, чѣмъ зависимость отъ отца, но тѣмъ не менѣе это все же была зависимость.

ГЛАВА XXXIII.

„...Глазки такіе же точно, что счастье сгубили мое...“

Время убиваетъ прелесть всѣхъ земныхъ благъ. Величественная желтая коляска, которою такъ гордилась вначалѣ леди Перріамъ, мало-по-малу сдѣлалась почти несносной, такъ прискучили Сильвіи ея одинокія прогулки. Сэръ Обри предпочиталъ обѣзжать свои фермы верхомъ на Сплинтерѣ, и такимъ образомъ желтая коляска предоставлена была въ исключительное

распоряженіе Сильвіи. Она стала походить на тюрьму, поставленную на колеса.

Какъ ни были красивы окрестности Перріама, но Сильвіи скоро прискучили красоты природы. Не прошло и мѣсяца, какъ она уже знала мѣстоположеніе Перріама наизусть: склоны холмовъ, съ которыхъ она глядѣла на отдаленное море, дороги, обнесенныя изгородами, по которымъ катилась почтенная коляска, патриархальныя долины, гдѣ идиллическіе коттеджи казались обителями мира и довольства.

Леди Перріамъ глядѣла на эти сельскіе домики съ страннымъ чувствомъ. Она не была счастлива, когда жила въ коттеджѣ, а между тѣмъ теперь, когда она обитала во дворцѣ, ей казалось, что въ этихъ скромныхъ жилищахъ скрывалось счастье. Она была очень одинока. Общество ея мужа не доставляло ей удовольствія; паркъ и сады Перріамъ-Плэса представлялись настоящей пустыней ея утомленнымъ глазамъ. День за днемъ шагала она по итальянской террасѣ, и глядя на мирное кладбище, разстилавшееся подъ мраморной балюстрадой, завидовала тѣмъ изъ Перріамовъ, которые уже успокоились отъ скуки жизни.

Тѣ немногія семейства, съ которыми сэръ Обри удостоивалъ вести вялое знакомство, отдали церемонные визиты новой хозяйкѣ Перріамъ-Плэса и не мало удивились развязной и граціозной манерѣ, съ какою ихъ принимала леди Перріамъ. Она нисколько не смущалась величіемъ этихъ деревенскихъ магнатовъ. Но и другіе, кромѣ нихъ, посѣтили ее. Миссисъ Тойнби и ея разряженные въ пухъ и прахъ дочки прежде другихъ явились съ визитомъ къ Сильвіи. Жена фабриканта пріѣхала съ намѣреніемъ патронизировать леди Перріамъ, но вскорѣ убѣдилась по ледяному пріему, оказанному ей Сильвіей, что покровительственный тонъ съ нею отнюдь не у мѣста.

— Мы всегда говорили, что вы сдѣлаете хорошую партію, душа моя, говорила миссисъ Тойнби, готовая приписать себѣ честь возвышенія Сильвіи. — Вы всегда держали себя выше своего положенія.

— Мой отецъ былъ джентльменомъ прежде, чѣмъ сталъ приходскимъ школьнымъ учителемъ, отвѣчала холодно леди Перріамъ. — Я никогда не претендовала на что-нибудь высшее, чѣмъ положеніе дочери джентльмена.

— Разумѣется, нѣтъ, моя радость; но вѣдь вы знаете, что въ обществѣ существуютъ различныя ступени; каждый видѣлъ, что вы и м-ръ Керью стоите выше своей ступени, но, однако, благородные люди не могли водиться съ вами на равной ногѣ,

хотя бы и желали этого. Я, напримѣръ, сочла бы себя счастливой, еслибы могла пригласить васъ на свои вечера—вы были бы ихъ украшеніемъ—но вѣдь боишься, что знакомые осудятъ, если мало-мальски нарушишь приличія.

— Да, миссисъ Тойнби! Нѣтъ сомнѣнія, что особы въ нашемъ положеніи должны быть щепетильны. Торговое сословіе исполнено узкихъ предразсудковъ; но лица въ положеніи сэра Обри стоятъ выше всего этого. Ихъ положеніе не зависитъ отъ чужихъ мнѣній, или одобреній. Мой экипажъ уже съ полчаса какъ дожидается меня, миссисъ Тойнби, прибавила лэди Перриамъ, позвонивъ въ колокольчикъ;—вы позволите мнѣ проститься съ вами.

И великолѣпная миссисъ Тойнби, богатѣйшая женщина въ Гедингемскомъ приходѣ, вынуждена была перенести это оскорбленіе отъ дочери сельскаго учителя.

— Видана ли подобная дерзость! закричала оскорбленная матрона, расправляя свои шелковыя одежды и усаживаясь въ богатѣйшее ландо, только-что вышедшее изъ мастерской каретника и снабженное всѣми новѣйшими усовершенствованіями.

— Разумѣется, нѣтъ, ма! Но вы могли бы избавить насъ отъ этого униженія, еслибы послушались моего совѣта, возразила сердито Джуліана Тойнби.

— Дрянь! вскричала Эдита, вторая сестра, подразумевая лэди Перриамъ.

— Обойтись съ нами такимъ образомъ, когда я собиралась быть ея другомъ чисто изъ одного состраданія, продолжала миссисъ Тойнби. Ну, развѣ она смыслить что-нибудь въ томъ, какъ давать обѣды или, вообще, какъ слѣдуетъ вести себя въ ея положеніи. Ей необходимъ умный и опытный другъ, который бы научилъ ее, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ. Мои обѣды славятся въ цѣломъ графствѣ, и я готова была бы взять на себя трудъ научить ее всему, если бы она умѣла быть благодарной.

— Но благодарность не въ ея характерѣ, возразила Джуліана; что же касается того, чтобы посѣщать Перриамъ, то нога моя въ немъ не будетъ, хотя бы она присылала намъ каждую недѣлю пригласительные билеты. Къ тому же всякій знаетъ, что сэръ Обри скупъ, и я не думаю, чтобы ей когда-нибудь пришлось давать вечера.

И такимъ образомъ эти лэди уѣхали домой, всю дорогу бесѣдуя о Сильвіи, очень разсерженныя и раскраснѣвшіяся, и съ этихъ поръ въ семействѣ Тойнби порѣшили считать Сильвію, лэди Перриамъ, въ числѣ умершихъ.

Наступилъ день, когда Сильвіи довелось увидѣть Эдмонда Стендена впервые послѣ ихъ печальной разлуки у могилы Де-Боссини. Она услышала про его возвращеніе вскорѣ послѣ того, какъ онъ пріѣхалъ; услышала о немъ изъ устъ м-ра Бэна, который довольно безопасно возвѣстилъ объ этомъ фактѣ, что не помѣшало ему наблюдать за дѣйствіемъ, какое произвела эта новость на Сильвію. Яркій, лихорадочный румянецъ вспыхнулъ на нѣжныхъ щечкахъ, но погасъ прежде, чѣмъ сэръ Обри успѣлъ его замѣтить.

— М-ръ Стенденъ поступилъ въ бантъ, сказалъ управляющій, желая продлить бесѣду. Это возбуждаетъ сплетни; никто не ожидалъ, чтобы молодой Стенденъ сталъ трудиться. У него хорошее состояніе, или, по крайней мѣрѣ, у него будетъ хорошее состояніе по смерти матери, потому что теперь онъ, сколько мнѣ извѣстно, вполне зависитъ отъ нея.

— Меня не интересуютъ ни м-ръ Стенденъ, ни его дѣла, возразилъ баронетъ съ достоинствомъ, — а потому м-ръ Бэнъ не прибавилъ больше ни слова.

Нѣсколько воскресеній сряду послѣ пріѣзда въ Плэсъ Сильвія съ мужемъ присутствовали при обѣдѣ въ своей домово́й церкви. Но въ одинъ прекрасный, солнечный день, въ началѣ декабря, сэръ Обри предложилъ отправиться въ Гедингемскую церковь.

— Мнѣ лучше нравятся проповѣди Ванкорта, чѣмъ Смольмана, замѣтилъ баронетъ. — Почему бы намъ не съѣздить въ Гедингемъ?

У Сильвіи судорожно сжалось горло, что помѣшало ей отвѣтить да или нѣтъ на это предложеніе. Итакъ, она снова увидитъ его... его! Эдмонда Стендена! которому нѣкогда клялась въ вѣчной любви. Она боялась встрѣтиться съ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей хотѣлось увидѣться съ нимъ, взглянуть на незабвенное лицо, хотя бы на одну минуту.

Церковь казалась свѣтлой и веселой въ это зимнее утро, озаренное декабрьскимъ солнцемъ. У сэра Обри была большая семейная скамейка, недалеко отъ алтаря, въ самой аристократической части церкви; эта скамейка была великолѣпно отдѣлана пунцовымъ бархатомъ и снабжена роскошными молитвенниками, переплетенными въ красный сафьянъ и украшенными Перриамскимъ гербомъ.

Эта скамейка возвышалась надъ всѣми остальными и изъ нея Сильвіи отлично было видно семейство Дебанова дома, занимавшее переднюю скамейку посрединѣ церкви. Они всѣ были въ

церкви: миссисъ Стендентъ, щедрая на видъ вдова изъ Демерары, съ маленькой шестилѣтней дѣвочкой, Эсэиръ Рочдаль и Эдмондъ. Всѣ были одѣты въ трауръ и казались невеселы.

Глаза Эдмонда ни разу не остановились на Сильвіи, однако она чувствовала, что онъ замѣтилъ ея присутствіе. Эти черные глаза почти не отрывались отъ молитвенника. Сильвія помнила, что въ былое время онъ не былъ обыкновенно такимъ внимательнымъ въ церковной службѣ.

Сэръ Обри и его жена вышли изъ церкви черезъ маленькую боковую дверь; въ числѣ ихъ привилегій было входить и выходить черезъ эту дверь; но на кладбищѣ сэра Обри задержалъ сосѣдъ-землевладелецъ, и пока они стояли на узенькой дорожкѣ возлѣ незабвеннаго памятника де-Боссини, Эдмондъ и Эсэиръ Рочдаль прошли мимо. Молодой человекъ на одну минуту взглянулъ на Сильвію. Но что это былъ за взглядъ! Такое оскорбительное презрѣніе не часто поймашь въ мимолетномъ взорѣ, въ складкѣ губъ. Смертельно блѣдный, но твердый, прошелъ возлѣ нея ея отверженный женихъ, и Сильвія почувствовала въ сердцѣ самую сильную боль, какую только могла ощущать.

«Я надѣюсь, что никогда больше не увижу его», думала она въ то время, какъ желтая коляска увозила ее обратно въ Перриамъ; «развѣ тогда лишь, когда стану свободна и мнѣ можно будетъ попытаться вернуть его любовь. Я знаю, что я могла бы вернуть ее, если бы была свободна, хотя онъ и презираетъ меня въ настоящую минуту.»

И она поглядѣла на сэра Обри и принялась разсчитывать, какъ долго могъ прожить человекъ его лѣтъ... пять, десять... пятнадцать лѣтъ... можетъ быть двадцать. Нѣтъ, такое безмятежное существованіе, какъ сэра Обри, могло продлиться еще полвѣка.

Желала ли она его смерти? Неужели такая мрачная и преступная мысль нашла доступъ въ ея сердце? Почти-что такъ! Она не формулировала яснаго желанія, но разсчитывала, сколько оставалось жить на свѣтѣ ея мужу, и мечтала о томъ, что могло случиться послѣ того, какъ онъ успокоится съ остальными Перриамами на фамильномъ кладбищѣ, обнесенномъ старой, сѣрой стѣной.

Какую изумительную пережѣну внести въ ея жизнь смерть сэра Обри. У ней будетъ пять тысячъ фунтовъ въ годъ дохода, которыя она можетъ тратить, какъ ей вздумается, вмѣсто жалкихъ двухсотъ фунтовъ въ годъ, выдаваемыхъ по четвертямъ.

И она будетъ свободна... свободна вернуть любовь Эдмонда Стендена, если бы онъ нашелъ въ себѣ силы позабыть ее.

«Я не думаю, чтобы онъ могъ долго на меня сердиться», думала она: «или чтобы онъ могъ изгнать меня изъ своего сердца. Онъ не позабудетъ тѣхъ счастливыхъ лѣтнихъ вечеровъ. Прошлое сразу нахлынетъ на него, а съ нимъ вмѣстѣ и любовь.

Одно только опасеніе терзало Сильвію, когда мысли ея принимали это направленіе. Что, если Эдмондъ женится на Эсэри Рочдэлъ? Она чувствовала, что Эсэри любитъ его. Она давно увѣрилась въ этомъ, а въ Гедингемѣ, гдѣ люди знали или воображали, что знаютъ секретнѣйшія желанія своихъ сосѣдей, считалось рѣшеннымъ дѣломъ, что миссисъ Стенденъ желаетъ, чтобы они обвѣнчались. Весьма естественно, что она постарается теперь сблизить ихъ.

«Сестра его станетъ ей помогать, безъ сомнѣнія», подумала Сильвія: «и эти двѣ женщины такъ надобѣдятъ ему, что онъ женится на этой маленькой чернушѣ».

Она припомнила привлекательную мягкость Эсэри, ея вроткіе, черные глаза съ ихъ задумчивымъ, ласковымъ взглядомъ; нельзя было думать, чтобы мужчина могъ вѣчно оставаться равнодушнымъ къ такой дѣвушѣ.

Мысль о возможности такого событія прибавила новую горечь къ горькимъ сожалѣніямъ лэди Перриамъ. Даже скука ея жизни стала еще нестерпимѣе. Она съ удовольствіемъ задерживала время отъ времени Мэри Питеръ въ своей уборной на часокъ-другой, и слушала ея болтовню, когда эта молодая особа приносила ей новое платье и сплетничала при этой okazji про гедингемскихъ жителей и немножко про обитателей Деканова дома.

Сэру Обри случилось однажды прервать эту дружескую бесѣду, и когда Мэри Питеръ удалилась, запуганная ледяной вѣжливостью баронета, этотъ послѣдній не безъ строгости упрекнулъ жену за ея фамиллярное обращеніе съ деревенской портнихой.

— Я не была съ ней фамиллярна, оправдывалась Сильвія. Я слушала ея болтовню. Вотъ и все.

— Душа моя, дозволить болтать особѣ этого сорта—значить быть съ ней фамиллярной. Это можетъ заставить ее думать, что ты интересуешься ея разговоромъ, чего не можетъ быть!

— Она рассказываетъ про людей, которыхъ я знавала, пока была не замужемъ, настаивала Сильвія.

— Но съ которыми у тебя нѣтъ больше ничего общаго и которыми ты должна была перестать интересоваться, выйдя замужъ. Прошу, чтобы я не видалъ больше этой молодой особы!

— Она шьетъ мои платья, защищалась Сильвія; я не могу обойтись безъ нея.

— Неужели ты такой ребенокъ, что воображаешь, что къ твоимъ услугамъ только одна портниха? Ты можешь заказывать свои платья миссисъ Боузеръ изъ Монъгемптона, весьма приличной особѣ.

Сильвія вздохнула и покорилась. Такимъ образомъ, Мэри Питеръ, болтавшая про Эдмонда, напоминая о вещахъ, которыя были вмѣстѣ и сладки и горьки, была изгнана изъ Перриамъ-Плэса. Какъ ни мало участія принимала Сильвія въ этомъ скромномъ другѣ, но она почувствовала себя еще болѣе одинокой, когда прекратились ея случайныя посѣщенія. Отецъ ея былъ все еще въ отсутствіи, наслаждаясь полуденнымъ солнцемъ, на берегахъ Средиземнаго моря, и съ трудомъ существуя на свой скудный доходъ въ пансіонѣ третьяго разряда. При всей скудности дохода, ему нравились берега Средиземнаго моря больше, чѣмъ селеніе Гедингемъ, и онъ не располагалъ скоро вернуться къ англійской патриархальной жизни. Время отъ времени онъ писалъ дочери, не забывая всякій разъ намекнуть, что малѣйшая прибавка къ его содержанію съ ея стороны будетъ для него весьма кстати.

Сэръ Обри далъ парадный обѣдъ тѣмъ деревенскимъ сосѣдямъ, которые сдѣлали визитъ его женѣ, обѣдъ, отличавшійся торжественнымъ величіемъ, но почти такой же мрачный, какъ готъ похоронный банкетъ, который задалъ своимъ друзьямъ римскій деспотъ Домиціанъ: стѣны были обтянуты чернымъ и эмблемы смерти воспроизведены съ такою живостью, что многіе изъ гостей любезнаго цезаря попадали въ обморокъ и умерли взаправду, сраженные ужасомъ при этой могильной шуткѣ. Послѣ этого параднаго обѣда въ Перриамъ не было больше никакихъ собраній, но сэръ Обри возилъ свою молодую жену на три или четыре пиршества такого же сорта, которыя друзья задавали въ честь его. Этимъ ограничилось знакомство Сильвіи съ избраннымъ обществомъ; но вскорѣ случилось событіе, которому суждено было навѣки исключить сэра Обри изъ общества.

ГЛАВА XXXIV.

„...Краса души, сокрытая отъ глазъ красой наружною — всегда дороже...“

Сильвія была уже шесть мѣсяцевъ замужемъ. Февраль, несноснѣйшій изъ зимнихъ, холодныхъ мѣсяцевъ, былъ на исходѣ. Сѣверо-восточный вѣтеръ стучалъ въ окна Перриамъ-Плэса. Обнаженные деревья въ большой аллеѣ качали своими обнаженными

вѣтвями, какъ-бы съ отчаяніемъ, точно хотѣли сказать: «да когда же это наступитъ теплая погода? Когда будемъ мы цвѣсти?» Одни только кедры стояли въ мрачномъ покоѣ и не поддавались сѣверо-восточному бунтовщику.

Скучно тянулась эта зима для лэди Перриамъ. Послѣ нѣсколькихъ обѣдовъ, данныхъ въ честь ея въ различныхъ Маноръ-Гоузахъ, Грэнджахъ и Тоуэрахъ, въ Перриамъ-Плэсѣ не было больше никакихъ увеселеній. Даже ея уединенныя прогулки въ желтой коляскѣ должны были прекратиться изъ-за худой погоды, и ей ничего не оставалось, какъ расхаживать по пустымъ, безполезнымъ покоямъ большого, стараго дома, размышляя о томъ, какъ все могло бы быть иначе при другомъ хозяинѣ.

«Еслибы судьба наградила меня съ Эдмондомъ такимъ домомъ, и при этомъ дала бы богатство сэра Обри, въ какой бы чудесный видъ мы привели домъ. Мы наполнили бы эти скучные корридоры веселымъ народомъ, а эта столовая со сводами засверкала бы огнями, свѣтлыми очами, драгоценными украшениями и великолѣпными нарядами. Каждый день приносилъ бы съ собою новое развлеченіе.»

Вотъ на какую тему фантазировала Сильвія, когда шагала по продолговатой концертной залѣ, — которой незнакомы были звуки музыки, — въ пасмурные дни, когда на покрытомъ тучами небѣ не пробивалось ни единого солнечнаго луча, а въ жизни ея не мелькало никакой надежды.

Она ожидала, что воспользуется всѣми радостями жизни, будучи женой сэра Обри. Вскруживъ голову баронета, казалось, такъ легко повелѣвать имъ. Она надѣялась найти раба, а нашла господина, болѣе строгаго, чѣмъ ея отецъ, потому что подъ командой этого послѣдняго она могла поступать, какъ ей угодно, лишь бы всѣ желанія его были исполнены и обѣдъ хорошо приготовленъ. Подъ командой сэра Обри, она ни въ чемъ ровно не имѣла свободы.

Онъ не былъ грубъ съ нею, и это только ухудшало ея положеніе. У ней не было поводовъ жаловаться. Противъ этой мягкой тиранніи почти невозможно было бунтоваться. Онъ запрещалъ одно, совѣтовалъ другое, но при этомъ сохранялъ неизмѣнную вѣжливость и мягкость. Онъ обставилъ ея жизнь такими тѣсными рамами, что бѣлая въ вѣтвѣ пользовалась такой же свободой, какъ она. Друзей или знакомыхъ у ней вовсе не было, потому что деревенскіе сосѣди, желавшіе съ ней сблизиться, отступились, не получая никакого поощренія.

Суровая зима отозвалась на слабомъ здоровьи сэра Обри.

Онъ часто хворалъ, и статный джентльменъ, казавшійся образцомъ старомодной любезности въ тотъ памятный лѣтній вечеръ, на огородѣ м-ра Гоплинга, оказывался безпкойнымъ, капризнымъ, раздражительнымъ, когда страдалъ гриппомъ или катарромъ. Въ эти времена сэръ Обри предпочиталъ услуги Жана Гаплена услугамъ своей молодой жены, однако требовалъ, чтобы Сильвія проводила болъшую часть своего времени у его постели и читала ему политическія статьи и иностранныя корреспонденція въ «*Times*». Она исполняла свои обязанности довольно любезно; но скука тѣмъ не менѣе царилъ въ ея душѣ.

Но если общество сэра Обри бывало по временамъ почти нестерпимымъ бременемъ для нетерпливой молодости, то еще труднѣе было переносить тупость Мордредъ Перріама. Онъ былъ еще болѣе несносный собесѣдникъ, чѣмъ его братъ, въ томъ отношеніи, что былъ гораздо говорливѣе. Онъ любилъ разговаривать, и главнымъ лишеніемъ въ его жизни до сихъ поръ былъ недостатокъ въ собесѣдникахъ. Онъ нашелъ въ Сильвіи внимательнаго собесѣдника. Она не желала быть невѣжливой съ своимъ деверемъ, а тотъ обрадовался случаю, найдя давно желаннаго слушателя. Онъ былъ какъ разъ настолько смущенъ, чтобы понять, что она умна, и сказалъ себѣ, что его разговоры будутъ полезны для ея образованія.

— Вы не похожи на всѣхъ остальныхъ молодыхъ женщинъ, душа моя, сказалъ онъ, когда Сильвія призналась ему въ своемъ желаніи учиться латинскому языку и познакомиться съ классическими писателями. Вы способны интересоваться великими вещами.

День за днемъ, вечеръ за вечеромъ трещалъ онъ все также глупо и также скучно, не освѣщая никакими умными или дѣльными замѣчаніями страницы, которыя прочиталъ и съ наслажденіемъ пересказывалъ. Онъ постоянно находилъ въ своихъ ежедневныхъ трудахъ такія вещи, которыя, по его мнѣнію, могли заинтересовать ее, но всегда оказывалось, что то были самыя скучныя отрывки изъ тупоумной размазни какихъ-нибудь третьестепенныхъ философовъ... какія-нибудь нравственныя общія мѣста, облеченныя въ реторическую трескотню.

Когда нездоровье удерживало баронета въ его спальнѣ, что случалось довольно часто въ эту тоскливую зиму, Мордредъ Перріамъ и Сильвія обѣдали *en tête-à-tête* въ мрачной столовой. Смирный буквоѣдъ измѣнялъ даже своему любезному огороду ради удовольствія пользоваться обществомъ Сильвіи и прохаживался рядомъ съ нею по итальянскому саду, ни на минуту не пере-

ставая изрекать свои пошлости. Въ иные моменты лэди Перриамъ бывала настолько зла, что желала, чтобы онъ успокоился отъ разговоровъ среди остальныхъ членовъ своего рода, въ мирной обители, разстилавшейся подъ террасой. .

Здоровье Мордредъ было немногимъ лучше, чѣмъ здоровье его брата, но такъ какъ онъ былъ второстепеннымъ лицомъ въ домѣ, то никто не обращалъ особеннаго вниманія на его болѣзни. Онъ жаловался по временамъ, что у него болитъ грудь, или голова, но это никого не смущало.

— Я знаю, что умру внезапно, когда наступитъ мой часъ, сказалъ онъ однажды лэди Перриамъ. Это можетъ случиться черезъ много лѣтъ...

— О, конечно, отвѣчала Сильвія, съ невольнымъ вздохомъ.

— Но это можетъ наступить гораздо скорѣе, чѣмъ думаютъ: какъ бы то ни было, а я убѣжденъ, что умру своропостижно. Много можно назвать случаевъ, когда люди предчувствовали, какого рода смертію имъ суждено умереть. У меня тоже есть предчувствіе. Такіе спазмы, какъ у меня, даромъ не проходятъ. Быть можетъ, сердце у меня не въ порядкѣ, а быть можетъ, спинной мозгъ. Когда подумаешь, какія сложныя функціи выпадаютъ на долю спинного мозга, то врядъ ли удивишься тому, что онъ такъ часто разстраивается. Когда вспомнишь, что сердце есть сложный нагнетательный насосъ, дѣйствующій безостановочно и недопускающій починки, то не будешь дивиться тому, что такой хитрый аппаратъ можетъ приходить въ разстройство. Я получилъ предостереженіе съ обѣихъ сторонъ и готовъ на худшее.

— Чистѣйшая фантазія, м-ръ Перриамъ, я такъ думаю, возразила Сильвія съ безматежностью, истекающей отъ равнодушія.

— Нѣтъ, душа моя, это не фантазія. Но я приготовился къ худшему. Я составилъ свое завѣщаніе.

— Въ самомъ дѣлѣ, пробормотала Сильвія, слегка заинтересованная.

Ей пришло въ голову, что, пожалуй, Мордредъ намѣренъ наградить ея терпѣливое вниманіе, завѣщая ей свое небольшое состояніе.

— Да. Я завѣщаю свою библіотеку—около пяти тысячъ томовъ дѣльной и поучительной литературы—техническому училищу въ Монегемптонѣ. Я завѣщаю также свое имѣніе, приносящее теперь двѣсти фунтовъ въ годъ, но могущее съ теченіемъ времени давать больше, тому же самому заведенію и поручу его въ завѣдываніе двухъ душеприказчиковъ. Они построятъ флигель для

помѣщенія библіотеки и станутъ пополнять ее время отъ времени, по мѣрѣ увеличенія доходовъ, приобрѣтеніемъ книгъ того же самаго характера. Кромѣ того, они будутъ нанимать библіотекаря съ жалованьемъ въ пятьдесятъ фунтовъ въ годъ.

Мордредъ привелъ буквальный текстъ изъ своего завѣщанія — документа, который онъ сохранялъ у себя и по временамъ съ наслажденіемъ перечитывалъ.

— Мнѣ приходило въ голову, прибавилъ онъ любезно, что такое мѣсто было бы подѣ-стать человѣку съ такимъ трудолюбивымъ характеромъ, какъ вашъ батюшка.

Рождество ничѣмъ не отличалось въ Перриамѣ отъ остальныхъ временъ года. Розданы были обычныя милостыни бѣднымъ, но это совершалось черезъ руки экономки, такъ что благословенія благотѣлствуемыхъ не достигали ушей сэра Обри. Рождество казалось лишнимъ воскреснымъ днемъ въ недѣлѣ — вотъ и все.

Теперь прошло два мѣсяца послѣ Рождества, и сэръ Обри хворалъ все это время болѣе или менѣе. Монкгемптонскій врачъ, лечившій его, объявилъ, что нѣтъ причины беспокоиться: суровая погода производитъ свое дѣйствіе, сэръ Обри немного расклеился и т. д., но съ наступленіемъ весны онъ, конечно, поправится. Лэди Перриамъ не должна беспокоиться.

Такъ говорилъ м-ръ Стимпсонъ — врачъ, пожилой человѣкъ, пользовавшійся большою славой въ Монкгемптонѣ, — самой лэди Перриамъ, успокоительнымъ и конфиденціальнымъ тономъ.

— Значить, нѣтъ никакой опасности? спросила лэди Перриамъ озабоченно.

— Ровно никакой; временное разстройство, вотъ и все.

— Мнѣ пріятно это слышать, замѣтила Сильвія почти механически. Пороку мнѣ казалось, что сэръ Обри очень серьезно боленъ. Онъ повторяетъ иногда вещи по два, по три раза сряду, и какъ будто не помнитъ, что говорить.

М-ръ Стимпсонъ нахмурился при этомъ извѣстіи, но вскорѣ опять развеселился. Докторъ обязанъ быть всегда веселымъ. Онъ долженъ составлять пріятный контрастъ съ тоскливостью болѣзненныхъ одровъ и неизлечимыхъ болѣзней.

Сильвія просидѣла нѣсколько времени одна, по уходѣ доктора, погруженная въ глубокое раздумье. Временами, въ разгаръ болѣзни сэра Обри, сквозь мракъ комнаты больного, появлялась далеко-далеко на горизонтѣ звѣзда недоброй надежды. Чтѣ, если вонецъ былъ ближе, чѣмъ она ожидала? Чтѣ, если мужу ея суждено умереть въ непродолжительномъ времени, и она станетъ свободной, и ей можно будетъ выдти замужъ за Эдмонда Стендена?

Но въ ея юной жизни смерть была до сихъ поръ незнакомымъ явленіемъ. Она не могла думать о ней такъ спокойно, какъ тѣ, которые привыкли къ ея роковымъ посѣщеніямъ. Она съ дрожью думала о темной безднѣ, о таинственной, непроницаемой могилѣ, которая лежала между ней и свободой.

Сэръ Обри былъ тираномъ, но безсознательнымъ. Онъ никогда не былъ съ нею неласковъ намѣренно. Онъ старался размѣрить ея молодую жизнь сообразно съ своимъ скучнымъ существованіемъ; онъ давилъ всѣ стремленія молодости, стремящейся къ развлеченію; онъ сдѣлалъ жизнь Сильвіи ей въ тягость, но онъ былъ добръ по-своему. Ей казалось почти невозможнымъ желать его смерти.

«Я не желаю ему смерти,—говорила она самой себѣ, когда этотъ возможный исходъ представлялся ей, какъ надежда,—но если онъ умретъ, я верну свою любовь... свою первую и единственную любовь. Я заставлю его простить меня, хотя я и много виновата передъ нимъ. Я снова заставлю его увѣрять въ меня, хотя и обманула его довѣріе. Я знаю, что въ моей власти снова привлечь его къ себѣ.

ГЛАВА XXXV.

Разбить параличомъ.

Въ первыхъ числахъ марта сэръ Обри оставилъ свою комнату. Докторъ рѣшилъ, что онъ настолько здоровъ, что можетъ проводить нѣсколько часовъ въ гостиной и даже прокатиться въ желтой коляскѣ въ солнечный день, когда не будетъ вѣтра.

Онъ былъ очень радъ воспользоваться этимъ позволеніемъ и поспѣшно снялъ костюмъ больного, одѣлся съ обычной тщательностью и появился въ салонѣ съ тѣмъ изящнымъ и аристократическимъ видомъ, который придавалъ ему сходство съ портретомъ Вандейка въ современномъ костюмѣ.

Онъ вѣжливо поблагодарилъ Сильвію за вниманіе, которое она оказывала ему во время его болѣзни, и былъ добрѣе съ ней, чѣмъ обыкновенно, не критиковалъ ея поведеніе въ мелочахъ и не читалъ ей нравоученій.

— Душа моя, сказалъ онъ, я ничего не дарилъ тебѣ послѣ того, какъ надѣлъ на твою руку бриллиантовое кольцо моей матери. Оно принадлежало, какъ тебѣ извѣстно, моей бабушкѣ, и скорѣе дорого по воспоминаніямъ, связаннымъ съ нимъ, чѣмъ по жеманьямъ, которые хотя и чистой воды, но не велики.

Сильвія вздохнула съ сожалѣніемъ. Она когда-то воображала, что брильянтовое кольцо лишь предвозвѣстникъ цѣлаго града подарковъ, болѣе роскошныхъ, чѣмъ золотой дождь, сошедшій на Данаю.

— Я не дарилъ тебѣ драгоцѣнностей, Сильвія, частію потому, что не люблю, когда женщина увѣшана украшениями, но еще больше потому, что не желалъ быть связаннымъ въ твоемъ умѣ съ богатыми дарами. Когда я умру, ты будешь богата... настолько богата, чтобы выдти замужъ за какого-нибудь авантюриста, если только ты будешь такъ безразсудна, чтобы выдти замужъ вторично.

Тутъ сэръ Обри открылъ овальный сафьянный футляръ, въ которомъ покоилось на черномъ бархатѣ ожерелье изъ брильянтовъ, величиною съ крупный горохъ. Серебряная отдѣлка была такъ тонка, что едва примѣтна. Ожерелье казалось цѣпью изъ ярекой росы.

Глаза Сильвіи засверкали, она перевела духъ отъ удивленія и восторга.

— Какая прелесть! вскричала она.

— Оно твое, моя радость, возразилъ баронетъ своимъ спокойнымъ тономъ. Я купилъ это ожерелье для дочери герцога, но смерть похитила мою невѣсту—теперь я дарю его своей вѣрной и доброй женѣ.

Лэди Перриамъ, которую не легко было тронуть, прослезилась.

— Помоги мнѣ, Боже, быть тебѣ вѣрной дѣломъ и мыслью, закричала она пылко. Но я недостойна твоей доброты.

— Ты была моей терпѣливой сидѣлкой, моимъ вѣрнымъ собесѣдникомъ, отвѣчалъ сэръ Обри ласково. Осуши свои слезы, душа моя. Не стоить плакать изъ-за брильянтоваго ожерелья.

— Я очень горжусь твоимъ подаркомъ; я и представить себѣ не могла такого великолѣпія. Но меня трогаетъ твоя доброта, сказала Сильвія.

Она вспомнила, какимъ низкимъ считала она его за то, что онъ назначилъ ей ничтожную сумму на карманные расходы; какъ она объясняла скупостью ихъ скучный образъ жизни; и вотъ, вдругъ, онъ бросаетъ ей подарокъ въ нѣсколько тысячъ фунтовъ, такъ же безпечно, какъ если бы то былъ пучокъ цвѣтовъ.

«Когда-то придется мнѣ надѣть эти брильянты?» вопрошала она самоё себя—или, лучше сказать, судьбу—застегивая ожерелье передъ зеркаломъ въ своей уборной. Быть можетъ, если сэръ Обри вздумаетъ, то повезетъ меня въ Лондонъ этотъ годъ и

покажетъ мнѣ свѣтъ. Тяжко быть богатой, имѣть драгоценности и титулъ, и молодость, и красоту, и быть между тѣмъ за-живо схороненной въ Перріамъ-Плэсъ.

На слѣдующій день выпало самое ясное утро въ году, но сэръ Обри протестовалъ противъ желтой коляски, когда м-ръ Стимпсонъ, все еще навѣщавшій его, предложилъ ему прокататься.

— Я терпѣть не могу ѣзды въ экипажѣ, сказалъ онъ. Я лучше погуляю немного въ саду съ лэди Перріамъ.

— Хорошо, отвѣчалъ докторъ, желавшій угодить такому выгодному пациенту. Быть можетъ, это будетъ еще лучше, чѣмъ катанье. Но только вы отнюдь не должны утомлять себя. Пройдитесь взадъ и впередъ по этой дивной террасѣ, опираясь на руку лэди Перріамъ.

Было около трехъ часовъ пополудни, когда сэръ Обри съ женой отправился гулять. Стояло ясное, тихое, совсѣмъ весеннее время; лишь легкій западный вѣтерокъ колыхалъ хвойныя деревья; небо было голубое и по немъ пробѣгали легкія, бѣлыя облачка, а солнце мягкимъ свѣтомъ заливало весь ландшафтъ. Только-что прошелъ дождь и луга зеленѣли, какъ изумрудъ возлѣ темныхъ вспаханныхъ полей, между тѣмъ какъ первая зелень появлялась тамъ-и-сямъ на живыхъ изгородахъ, обращенныхъ къ югу.

— Красивый видъ, душа моя, замѣтилъ сэръ Обри, наблюдая за разнообразіемъ красокъ. Я видалъ многое въ свою жизнь, но ничего не находилъ краше Перріама.

— Перріамъ очень красивъ, возразила Сильвія, кротоко, но со временемъ ты дашь мнѣ поглядѣть на бѣлый свѣтъ; не-правда ли?

— Да, моя радость, мы поватаемся немножко, когда силы мои окрѣпнутъ. Я желаю, чтобы ты была счастлива. Тебѣ пришлось провести довольно скучную зиму: но, къ счастью, ты не привыкла къ обществу.

— Нѣтъ, отвѣчала Сильвія; быть можетъ, потому самому оно и интересуется меня больше, чѣмъ другихъ.

— Правда, неизвѣстное всегда привлекательно. Помнишь, что говоритъ Попе: «Человѣкъ никогда не доволенъ настоящимъ».

— Я ненавижу Попе, возразила Сильвія нетерпѣливо, на что сэръ Обри прочиталъ ей краткую нотацію о неблагоприятіи ненавидѣть поэта, философія котораго такъ же разумна, какъ стихъ блестящъ.

Усилие, повидимому, истощило его, потому что онъ остановился, сдѣлавъ одинъ туръ по террасѣ.

— Я не такъ силенъ, какъ вообразилъ сегодня утромъ, проговорилъ онъ: я чувствую, что усталъ, хотя и опирался на твою руку. Я пойду домой послѣ этой прогулки.

Они постояли немножко на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ сэръ Обри попросилъ Сильвію быть его женой. Сэръ Обри задумчиво глядѣлъ на маленькое, зеленое кладбище. Казалось, духъ мира и тишины носился надъ всей сценой. Сѣрая старая церковная колокольня отчетливо вырѣзалась на ясномъ небѣ. Смерть облеклась въ самую привлекательную форму въ этой спокойной долині.

Какъ ни тепло было на дворѣ, однако больного пробрала дрожь.

— Я пойду въ комнаты, сказалъ онъ: я еще не достаточно силенъ для прогулокъ.

Они пошли домой; сэръ Обри довольно сильно опирался на руку Сильвіи и разъ или два вздохнулъ, точно ему было очень трудно идти. Больной улегся на кушеткѣ у камина въ салонѣ, и Сильвія подала ему его книгу, одинъ томъ «*Spectator*», листы котораго онъ разсѣянно переворачивалъ, слабо улыбаясь знакомымъ мѣстамъ. Она привела все въ порядокъ на маленькомъ столикѣ, на которомъ лежало двѣ-три книги, газета, и стоялъ стаканъ съ водой, разбавленный хересомъ, и готовилась занять свое мѣсто на другомъ концѣ камина, гдѣ обыкновенно сидѣла, стараясь убить время вышиваніемъ. Сэръ Обри былъ противъ романовъ и вообще противъ современной легкой литературы; это любимое женское развлеченіе было воспрещено леди Перриамъ.

Но баронетъ пригласилъ жену воспользоваться хорошей погодой.

— Прогулай еще, моя душа, сказалъ онъ ласково: ты придешь ко мнѣ, когда устанешь ходить по террасѣ. Я всегда радъ, когда ты со мной, но ты слишкомъ засидѣлась въ комнатахъ.

Сильвія повиновалась. Ей очень надоѣлъ этотъ громадный салонъ съ его однообразнымъ великолѣпіемъ... креслами и столами, вѣчно выстроенными въ неизмѣнномъ порядкѣ, съ его отсутствіемъ разнообразія, жизни и движенія. Она рада была побыть наединѣ съ своими мыслями, которыя въ послѣднее время приняли направление, смущавшее ее. Разстроенное здоровье сэра Обри подавало поводъ къ различнымъ соображеніямъ безпокойнаго свойства. Она знала, какъ много преступнаго было въ этихъ сообра-

женіяхъ, въ этихъ мечтахъ о возможномъ будущемъ, но тѣмъ не менѣе не въ силахъ была управлять своими мыслями; она оставляла имъ бродить на свободѣ, и образъ, чаще всего наполнявшій ея душу, былъ образъ того, кого главнѣйшій долгъ ея жизни повелѣвалъ ей забыть.

Она прохаживалась взадъ и впередъ около часа, и уже собиралась вернуться на свой постъ у камина и къ своимъ обязанностямъ спящихъ, какъ вдругъ услышала вдали на аллеѣ, убитой пескомъ, шаги, твердые, легкіе и быстрые... шаги, напомнившіе ей шаги Эдмонда Стендена. Она знала, что эти шаги не могли быть его шагами; присутствіе м-ра Стендена въ здѣшнихъ мѣстахъ было вещью немислимой; со всѣмъ тѣмъ сердце ея сильно забилося—такъ слабо было это неповоротливое сердце.

Она пошла на другой конецъ террасы и увидѣла хорошо знакомую фигуру м-ра Бэна, стряпчаго. Онъ находился около мѣсяца въ отсутствіи, на югѣ Франціи, съ своей больной женой, которой доктора предписали жить на берегахъ Средиземнаго моря, какъ единственное средство для нея пережить суровую зиму. Какъ ни затруднительно было для Шадрака Бэна бросать дѣла, онъ исполнилъ свой супружескій долгъ, проводилъ свою жену въ Каннъ, гдѣ и оставался съ ней, пока здоровье ея сравнительно не поправилось. Монегемптонъ разсыпался въ похвалахъ его супружеской доблести, хотя нѣкоторые изъ его кліентовъ ворчали себѣ подъ-нось на то, что лишились своего хитроумнаго совѣтника.

Для Сильвіи было не малымъ облегченіемъ временное отсутствіе пронизательнаго взгляда этихъ зоркихъ глазъ. Съ перваго начала своего знакомства съ Шадракомъ Бэномъ, Сильвія почувствовала, что передъ ней человѣкъ, который привыкъ заглядывать глубже въ людей и не судить по внѣшности, и что ей слѣдуетъ остерегаться, какъ бы не выдать ему своихъ сокровенныхъ мыслей. Онъ всегда былъ съ нею вѣжливъ, мало того: выказывалъ глубочайшее почтеніе въ словахъ и поступкахъ. Несмотря на то, зная его лишь какъ хорошаго дѣльца и довѣреннаго агента сэра Обри, она чувствовала неопредѣленный страхъ къ нему. Словомъ, ей казалось, что онъ отлично понимаетъ ее.

Онъ подошелъ къ ней съ обычной, серьезной вѣжливостью,—не церемонной, но почтительной.

— Добраго утра, лэди Перриамъ. Я только-что видѣлся съ сэромъ Обри. Онъ былъ такъ добръ, что пригласилъ меня обѣдать... и такъ какъ роса падаетъ, то поручилъ попросить васъ вернуться домой.

— Никакой росы еще нѣтъ, отвѣчала Сильвія, нѣсколько нетерпѣливо.

Сэръ Обри сердилъ ее, когда приказывалъ ей что-нибудь черезъ этого несноснаго м-ра Бэна.

— Я еще погуляю немного.

— Могу я быть вашимъ собесѣдникомъ? спросилъ м-ръ Бэнъ.

— Я ничего противъ этого не имѣю, возразила Сильвія холодно.

Она много бы дала, чтобы удалить навсегда м-ра Бэна изъ Перріама.... но, не взирая на его почтительность, сознавала, что это таковой человѣкъ, который можетъ заставить ее дорого поплатиться за малѣйшую невѣжливость.

— Ваше позволеніе звучитъ, какъ отказъ, сказалъ агентъ, однако я позволю себѣ остаться. Сэръ Обри должно быть былъ очень боленъ, когда я находился во Франціи.

— Не сильнѣе, чѣмъ вообще этой зимою.

— Въ самомъ дѣлѣ? Однако, я нашелъ въ немъ замѣтную переменъ. Я не знаю, какъ объяснить это, но она поразила меня съ перваго же взгляда, и я очень огорчился, увидя переменъ.

— Развѣ вы полагаете, что онъ опасно боленъ? спросила Сильвія, поворачиваясь къ нему съ быстрымъ и оживленнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, лэди Перріамъ. Я не думаю, чтобы вы рисковали въ скоромъ времени сдѣлаться вдовой, отвѣчалъ м-ръ Бэнъ съ невозмутимой серьезностью.

— Вы право пугаете меня, говоря о переменѣ, замѣченной вами въ сэрѣ Обри. Я сама не вижу въ немъ никакой перемены... и м-ръ Стимпсонъ говоритъ, что здоровье его улучшается съ каждымъ днемъ... что теплая погода совсѣмъ поставитъ его на ноги.

— Радъ слышать, что м-ръ Стимпсонъ говоритъ такія успокоительныя вещи. Перемена, такъ непріятно поразившая меня, заключается болѣе въ манерахъ, чѣмъ въ наружности сэра Обри... у него не тотъ тонъ... голосъ сталъ слабѣе... какая-то нерѣшительность во всемъ, что онъ говоритъ. Я говорилъ съ нимъ около часа о дѣлахъ, и мнѣ было удобно наблюдать за нимъ. Словомъ, онъ не тотъ человѣкъ, какимъ я его оставилъ мѣсяцъ тому назадъ.

Сильвія молчала. Она припоминала, что сама находила, что память измѣняется сэру Обри... что у него явилась какая-то дѣтская привычка повторять слова. Неужели смерть наложила свою печать на него и медленно убивала его способности? Сэръ Обри

вовсе не былъ старикомъ. Еще не наступила та пора, когда память должна была измѣнить ему.

— Вернемтесь домой, проговорила лэди Перриамъ. — Разъ сэръ Обри заберетъ себѣ въ голову, что на дворѣ роса, то не успокоится, пока не увидитъ меня въ комнатахъ.

— Вы должны гордиться такою заботливостью съ его стороны, замѣтилъ м-ръ Бэнъ.

— Да, это очень любезно, но немного скучно, отвѣчала Сильвія, которая была откровеннѣе въ бездѣлицахъ съ м-ромъ Бэнномъ, чѣмъ съ другими людьми, потому что внутренно была убѣждена, что онъ насмѣхоу видитъ всѣ маленькія хитрости.

Она пошла въ салонъ, прежде чѣмъ идти одѣваться наверхъ къ обѣду, — какъ и подобаетъ заботливой женѣ, — чтобы поглядѣть, не нужны ли ей услуги мужу. Хотя въ итальянскомъ саду было свѣтло, по здѣсь въ салонѣ царствовалъ полу-мракъ. Пустыя драпировки пропускали мало свѣта, а огонь въ каминѣ еле теплился и бросалъ самый слабый отблескъ.

Лэди Перриамъ остановилась въ дверяхъ комнаты и заглянула въ нее; м-ръ Бэнъ стоялъ позади нея. Сэръ Обри сидѣлъ, свѣсивъ руку съ ручки креселъ, голова его покоилась на подушкѣ, открытая книга валялась у его ногъ. Онъ, должно быть, заснулъ.

— Я не стану тревожить его, сказала Сильвія. — М-ръ Стивенсъ говоритъ, что отдыхъ всего важнѣе.

— Я полагаю, что надо подложить дровъ въ каминъ, а не то онъ сейчасъ потухнетъ, замѣтилъ м-ръ Бэнъ.

Онъ тихонько подошелъ къ камину, а Сильвія осталась у двери и ждала: проснется сэръ Обри или нѣтъ.

М-ръ Бэнъ сталъ на колѣни передъ каминомъ и осторожно подложилъ полѣна два въ золу. Сухое дерево немедленно загорѣлось и затрещало. Высокій и широкій бронзовый экранъ предохранялъ больного отъ искръ.

Сэръ Обри не шевелился. Агентъ, все еще стоя на колѣняхъ, оглянулся на своего кліента. Сухое полѣно вдругъ вспыхнуло яркимъ пламенемъ, озарившемъ всю комнату и лицо сэра Обри. Одинъ быстрый, изумленный взглядъ — и агентъ былъ уже на ногахъ и повисъ на ручкѣ колокольчика, проведеннаго въ отдаленныя людскія; колокольчикъ рѣзко прозвенѣлъ на весь домъ. Агентъ наклонился надъ безжизненной фигурой, развязалъ галстухъ, поднялъ голову, все это довольно спокойно, между тѣмъ какъ лэди Перриамъ съ невыразимымъ ужасомъ на блѣдномъ

лицѣ глядѣла на все это. Она подбѣжала къ камину, пока м-ръ Бэнь звонилъ.

— Какъ вы полагаете, онъ умеръ? спросила она страшнымъ шопотомъ.

— Нѣтъ, я слышу, какъ бьется его сердце. Пошлите нарочнаго къ м-ру Стимпсону на лучшей лошади, продолжалъ м-ръ Бэнь, обращаясь къ слугѣ, явившемуся на звонъ колокольчика. — Если м-ра Стимпсона нѣтъ дома, то пошлите за м-ромъ Кэрдросомъ... если и того нѣтъ дома, пусть позоветъ м-ра Бейфильда. Пусть скачетъ во весь опоръ, не теряя ни минуты. Пошлите другого нарочнаго—Джона Бетса, онъ толковый малый—къ д-ру Тапсалу въ Гедингемъ. Сара Обри, боюсь, схватила параличъ. Пришлите сюда Гаплэна.

Гаплэнь, камердинеръ, услышалъ рѣзкій звонокъ колокольчика и очутился возлѣ своего господина, прежде чѣмъ другой слуга успѣлъ выйти изъ комнаты. Времени не теряли. М-ръ Бэнь и камердинеръ положили сара Обри на диванъ, въ самой покойной позѣ, и послѣ этого оставалось только дожидаться медицинской помощи. Перриамъ-Плэсъ находился на полъ-пути между Монкегемптономъ и Гедингемомъ. Въ обѣ стороны нарочнымъ приходилось сдѣлать три мили, за докторомъ столько же.

— Нельзя надѣяться, чтобы кто-нибудь изъ нихъ пріѣхалъ раньше часа, сказалъ м-ръ Бэнь, сохранявшій все время удивительное присутствіе духа.

Лэди Перриамъ сидѣла, какъ статуя, и была бѣла, какъ мраморъ. Только въ глазахъ ея виднѣлась жизнь, и они безпокойно перебѣгали съ неподвижной фигуры мужа къ встревоженнымъ лицамъ камердинера и агента.

— Есть опасность? спросила она, постоянно думая о той одной, послѣдней и страшной опасности..... смерти. Она желала, чтобы мужъ ея умеръ, но это желаніе было смутно. Ее пугало кажущееся осуществленіе этого смутнаго желанія. Есть что-то особенно ужасное въ преступномъ желаніи, за которымъ внезапно слѣдуетъ осуществленіе. Кажется, какъ будто самъ сатана вмѣшался въ дѣло.

— Первый припадокъ рѣдко бываетъ смертеленъ, отвѣчалъ м-ръ Бэнь, такъ спокойно, какъ будто онъ былъ давно практикующимъ врачомъ.—Есть всѣ основанія надѣяться, что сэръ Обри поправится черезъ нѣсколько дней. Но, конечно, его состояніе довольно опасно, пока это продолжается.

— Довольно опасно! повторила лэди Перриамъ.—Оно ужасно. Какъ вы думаете, онъ ничего не чувствуетъ?

— Не знаю. Онъ какъ будто спитъ. Я боюсь, что эта рука отнялась. Она виситъ такъ безжизненно.

— И такъ холодна, прибавилъ камердинеръ, стоя на коленяхъ у дивана и стараясь отогрѣть безпомощную руку.

Мучительный часъ ожиданія протекъ; Сильвія сидѣла молча и неподвижно, между тѣмъ какъ м-ръ Бэнъ и камердинеръ прибѣгали къ различнымъ мѣрамъ, опасаясь однако, какъ бы не сдѣлать чего-нибудь лишняго.

Стукъ часовъ, стоявшихъ на каминѣ, какъ-то страшно раздавался среди этой тишины. Зола тихо падала сквозъ рѣшетку въ каминѣ. Слышно было тяжелое дыханіе сэра Обри.

Наконецъ, послѣ получасового ожиданія, показавшагося безконечно долгимъ тремъ сторожамъ больного, ихъ поразили слабые, едва внятные звуки. Они исходили изъ блѣдныхъ устъ сэра Обри, мучительно старавшагося говорить.

Когда ему удалось, наконецъ, произнести нѣсколько словъ, послѣ всѣхъ усилій, голосъ его звучалъ глухо. Такъ долженъ былъ говорить Лазарь, когда вышелъ изъ гробницы по повелѣнію Христа. Сильвіи эти странные звуки показались голосомъ воскресшаго мертвеца.

— Я спалъ? спросилъ сэръ Обри едва внятно, не взирая на всѣ свои усилія, точно ребенокъ, старающійся подражать словамъ, которыя онъ слышитъ.

— Да, сэръ Обри.

— Долго.

— Нѣсколько времени.

Тусклые, сѣрые глаза удивленно поглядѣли вокругъ.

— Какъ, уже стемнѣло? Почему не зажигаютъ лампы?

— Мы думали, что сумерки пріятнѣе для васъ, сэръ Обри.

— Пріятнѣе для меня! Я не больной.... не хочу быть больше больнымъ, бормоталъ баронетъ съ тѣми же усиліями и тою же невнятностью.

Они употребили всѣ средства, чтобы помѣшать ему много говорить и волноваться; но, стараясь приподняться, онъ открылъ, что одна сторона его тѣла отнялась.

— Что это такое? спросилъ онъ, явственнѣе, чѣмъ говорилъ до сихъ поръ, точно страхъ придавъ силы его голосу.

— Я не могу двигаться; у меня отнялась половина тѣла. Что это значитъ?

Ни агентъ, ни камердинеръ не отвѣчали на этотъ тревожный вопросъ. Они глядѣли другъ на друга съ смущеніемъ. Камерди-

неръ пробормоталъ какія-то усвокоительныя слова на своемъ обычномъ языкѣ.

— Я знаю, что это значить, проговорилъ сэръ Обри: это параличъ, единственная болѣзнь, которой я опасался съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ видѣлъ, какъ возили моего дѣдушку вокругъ Перріама въ креслѣ на колесахъ, и какъ голова свѣшивалась у него на бокъ; я былъ тогда еще маленькимъ мальчикомъ. И все-таки я не вѣрилъ, чтобы параличъ разбилъ меня. Я думалъ, что Мордредъ можетъ его опасаться; онъ всегда былъ слабымъ, болѣзненнымъ созданіемъ. Я никогда не думалъ, что параличъ грозитъ мнѣ самому.

ГЛАВА XXXVI.

Лэди Перріамъ приглашаетъ сидѣлку.

М-ръ Стимпсонъ прибылъ безъ малаго черезъ часъ, спустя послѣ того, какъ нарочный уѣхалъ за нимъ. Нарочный засталъ его дома, и старикъ докторъ тотчасъ же поскакалъ въ Перріамъ такъ скоро, какъ только позволяла хорошая лошадь и легкій кабриолетъ. Онъ изслѣдовалъ больного, приказалъ уложить его въ постель и велѣлъ тотчасъ телеграфировать къ одному знаменитому лондонскому врачу.

— Подождемъ, что скажетъ завтра Кроу? сказалъ онъ конфиденціально м-ру Бэну, когда тотъ помогъ ему перенести сэра Обри и уложить его на огромной кровати, по величинѣ и мрачному характеру напоминавшей катафалкъ. — Болѣзнь серьезная и необходимо пригласить хорошую сидѣлку, прибавилъ онъ громче.

Лэди Перріамъ, м-ръ Бэнъ и докторъ находились въ уборной, расположенной возлѣ спальни сэра Обри.

— Развѣ я не могу ухаживать за мужемъ? спросила Сильвія. Онъ любитъ, чтобы я была возлѣ него.

— Какъ собесѣдница, нѣтъ сомнѣнія; но если вы возьметесь ходить за нимъ при его теперешнемъ состояніи, то это можетъ вредно отразиться на вашемъ собственномъ здоровьѣ. Мы должны пригласить какую-нибудь особу, на которую можно положиться и которая бы находилась безсмѣнно при сэрѣ Обри. Его камердинеръ, конечно, можетъ быть весьма полезенъ, но женскій уходъ тоже необходимъ. Я знаю, каковы обыкновенные слуги: имъ скоро надоѣдаетъ ухаживать за больнымъ.

Странное выраженіе промелькнуло въ лицѣ лэди Перріамъ. До сихъ поръ оно было холодно и безжизненно, какъ мраморъ.

— Я думаю, что знаю въ Лондонѣ одну госпожу, которая будетъ полезна во всѣхъ отношеніяхъ, сказала она поспѣшно.

— Она опытная сидѣлка?

— О, да, она очень опытна. Я напишу ей и приглашу ее пріѣхать сюда.

— Лучше было бы телеграфировать, отвѣчалъ м-ръ Стимпсонъ. Я могу отвезти телеграмму, если вы будете такъ добры ее написать.

— Нѣтъ, я лучше напишу ей. Ей понадобятся деньги на проѣздъ. Я могу вложить банковый билетъ въ письмо.

— Не благоразумнѣе ли будетъ пригласить кого-нибудь изъ Монегемптона? замѣтилъ м-ръ Бэнъ.

— Я никого не знаю въ Монегемптонѣ, а знаю эту особу въ Лондонѣ, отвѣчала лэди Перриамъ, глядя на доктора, а не на м-ра Бэна. Если у моего мужа должна быть сидѣлка, то я желаю, чтобы она была выбрана мною, а не вѣмъ-нибудь другимъ.

Это была первая стычка съ м-ромъ Бэнномъ, и какъ она ни казалась ничтожна, но Сильвія чувствовала, что она не безъ значенія. У ней было внутреннее убѣжденіе, что Шадракъ Бэнъ желалъ быть хозяиномъ въ ея домѣ, стремился въ своей самонадѣянности управлять ею. Безпомощное состояніе сэра Обри отдавало все хозяйство нѣкоторымъ образомъ въ руки агента. Теперь, слѣдовательно, было время ей заявить о своей власти.

— Я напишу этой особѣ, м-ръ Стимпсонъ, прибавила она, все не глядя на м-ра Бэна, но чувствуя, что его холодные, сѣрые глаза наблюдаютъ за нею. Мы можемъ считать дѣло рѣшеннымъ.

— Очень хорошо, лэди Перриамъ, мы ужъ какъ-нибудь обойдемся до ея пріѣзда. Вы увѣрены, что она опытная женщина?

— Совершенно увѣрена. Неужели вы полагаете, что я пригласила бы ее, еслибы было иначе?

— Разумѣется, нѣтъ, лэди Перриамъ. Но только, въ счастію, вы такъ еще мало видали больныхъ. Кстати, какъ фамилія этой женщины?

— Карф... Картеръ, отвѣчала лэди Перриамъ.

М-ръ Бэнъ замѣтилъ замѣшательство лэди Перриамъ и увидѣлъ, какъ яркое красное пятно загорѣлось на ея щекахъ, которыя, минуто спустя, снова поблѣднѣли.

За дверью послышались медленные шаркающіе шаги, дверь отворилась, и Мордредъ Перриамъ вошелъ въ комнату, держа въ рукъ старомодный серебряный подсвѣчникъ, въ которомъ свѣча до-

горѣла до самаго кружочка. Одной изъ привычекъ вѣчно разсѣяннаго буквоѣда было оставлять свои свѣчи догорать до кружочка и разъ шесть въ день зажигать каминъ, который все потухалъ, потому что онъ за нимъ не глядѣлъ. Привычка сдѣлала его независимымъ отъ прислуги, и онъ самъ топилъ свой каминъ и имѣлъ всегда въ запасъ свѣчи, которыя самъ также вставлялъ въ подсвѣчники. Никто не причинялъ меньше хлопотъ въ хозяйствѣ, какъ этотъ безобидный м-ръ Перриамъ.

Когда онъ вошелъ въ полу-темную комнату, съ лицомъ освѣщеннымъ горящей свѣчей, то одна и та же мысль зародилась у Сильвіи и у м-ра Бэна. Они оба были поражены разительнымъ сходствомъ, которое представляло лицо сэра Обри, измененное болѣзью, съ лицомъ его младшаго брата. Эта грустная переменна, благодаря которой лицо старшаго брата казалось постарѣло на десять лѣтъ, дѣлала обоихъ братьевъ столь похожими другъ на друга,—точно они были близнецы. Мордредъ съ минуту глядѣлъ на всѣхъ трехъ съ безпомощнымъ волненіемъ, прежде чѣмъ заговорилъ.

— Ужъ не случилось ли чего-нибудь? спросилъ онъ наконецъ. Что случилось? Восемь часовъ, а колоколъ еще не призывалъ къ обѣду.

— Вамъ лучше отобѣдать въ валеѣ комнатъ сегодня вечеромъ, м-ръ Перриамъ, отвѣчалъ Шадракъ Бэнтъ; вашъ братъ очень боленъ.

— Развѣ ему хуже, чѣмъ было поутру?

— Гораздо хуже, вмѣшался м-ръ Стимпсонъ, и затѣмъ сообщилъ Мордреду про параличъ.

— Отчего за мной не прислали? спросилъ Мордредъ жалобно.

— Вы бы не принесли никакой пользы, возразилъ м-ръ Бэнтъ съ своимъ практическимъ видомъ. Не волнуйтесь, м-ръ Перриамъ. Сэръ Обри, надѣюсь, поправится дня черезъ два-три.

— Онъ тамъ? спросилъ Мордредъ, указывая на открытую дверь въ спальную.

— Да, но вамъ лучше не беспокоить его, рѣшилъ докторъ.

— Гапленъ находится при немъ, и онъ задремалъ въ настоящую минуту. Спокойствіе первое дѣло... совершенное спокойствіе. Никто не долженъ входить въ комнату, кромѣ лэди Перриамъ.

— Очень хорошо; я сдѣлаю такъ, какъ лучше, хотя бы мнѣ очень хотѣлось его видѣть, отвѣчалъ м-ръ Перриамъ покорно, но грустно. Но, пожалуйста, не держите меня вдали отъ него, безъ крайней необходимости. Я очень люблю брата; я не могу не любить его, потому что это мой единственный другъ.

М-ръ Стимпсонъ сказалъ что-то, успокоительное.

— Могу я посидѣть здѣсь часокъ-другой? освѣдомился м-ръ Перриамъ; я не буду шумѣть, не промолвлю ни слова и, поѣтому, не думаю, чтобы я могъ обезпечить моего бѣднаго брата. Мнѣ было бы пріятно находиться по близости отъ него.

— Я ничего противъ этого не имѣю, отвѣчалъ м-ръ Стимпсонъ, если только люди Перриамъ... прибавилъ онъ неопредѣленно, взглядывая на Сильвію.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы м-ръ Перриамъ оставался здѣсь, промолвила она равнодушно.

Она считала Мордредъ Перриамъ за какую-то живую мебель, несносную по временамъ, но врядъ-ли заслуживающую вниманія. Кому какое дѣло: находился онъ въ этой комнатѣ или въ другой. Мордредъ остался поѣтому, усялся въ кресло возлѣ камина, потирая свои старыя, морщинистыя руки, вздрагивая по временамъ и испуская тихіе вздохи. М-ръ Стимпсонъ уѣхалъ, съ цѣлью телеграфировать лондонскому врачу тотчасъ, какъ прибудетъ въ Монтегемптонъ, и общалъ также пріѣхать на другой день въ Перриамъ Плэсъ въ восемь часовъ утра. М-ръ Бэнъ проводилъ доктора по лѣстницѣ, но объявилъ о своемъ намѣреніи остаться въ Перриамѣ до поздняго часа.

— У меня нѣтъ паціентовъ, которые бы дожидались меня, сказалъ онъ; поѣтому я останусь, какъ можно дольше, чтобы по-смотрѣть, какъ будетъ себя чувствовать сэръ Обри. Вы можете мимоходомъ постучаться въ мою дверь и сообщить моимъ дочерямъ о томъ, что случилось. Онѣ могутъ встревожиться, если я очень запоздаю.

М-ръ Стимпсонъ общалъ оказать эту любезность сосѣду.

М-ръ Бэнъ отправился въ столовую, гдѣ былъ накрытъ столъ для небольшой семьи сэра Обри. Три прибора красовались съ обычной торжественностью, далеко другъ отъ друга, на необъятной скатерти. М-ръ Бэнъ позвонилъ съ видомъ человѣка, чувствовавшего себя совсѣмъ дома въ этой просторной комнатѣ.

— Дайте мнѣ пообѣдать, сказалъ онъ буфетчику. Да пошлите приборъ въ уборную лэди Перриамъ. Она, полагаю, больше не сойдетъ внизъ сегодня вечеромъ.

Лэди Перриамъ не чувствовала аппетита. Она велѣла слугѣ подать себѣ чаю и унести обѣденный приборъ прочь.

Она писала письмо, когда горничная вошла въ комнату. Уборная сэра Обри прилежала съ одной стороны къ спальній, а съ другой сообщалась съ узкимъ корридоромъ, который велъ въ покои Мордредъ. Уборная лэди Перриамъ была узкая комната,

обшита дубовыми панелями, расположенная по другую сторону спальни. Эта комната въ былые дни служила моленной для одной лэди Перриамъ католическаго вѣроисповѣданія и якобитскихъ мнѣній. То былъ узенькій покой съ небольшимъ каминомъ въ одномъ изъ угловъ. Темно-зеленые занавѣсы изъ дамъ висѣли на окнѣ. Умывальникъ и туалетъ изъ темнаго краснаго дерева были малы и неудобны; высокій, узкій шкафъ занималъ уголъ стѣны, и вмѣстѣ съ письменнымъ столомъ и двумя просторными креслами дополнялъ убранство комнаты. Освѣщенная двумя свѣчами, уборная лэди Перриамъ имѣла нѣсколько мрачный видъ. Можно было вообразить себя въ одной изъ тюремныхъ келій Тоуэра... хотя бы въ той, напримѣръ, въ которой былъ казнень сэръ Томасъ Овербѣри... и такой же веселой на видъ. Сильвія была совсѣмъ поглощена этимъ письмомъ,—настолько поглощена, что какъ будто не замѣтила прихода горничной, которая принесла хорошенькій серебряный сервизъ, хотя послѣдняя, быть можетъ, изъ участія къ своей госпожѣ, а быть можетъ, и просто изъ любопытства, провозилась нѣсколько минутъ въ комнатѣ, поправила огонь въ каминѣ и тяжелые занавѣсы на окнѣ.

Вотъ письмо:

„Перриамъ-Пласъ, близъ Монкгемптона.

15-го марта.

«Милая миссисъ Карфордъ,

«Я нашла возможность доставить вамъ хотя временное убижище, если вы можете выполнить тѣ обязанности, какія будутъ на васъ возложены на томъ постѣ, какой я могу вамъ предложить. Въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба вамъ, быть можетъ, приходилось исправлять обязанности сидѣлки. Если это такъ, и если вы сознаете себя способной ухаживать за пожилымъ джентльменомъ, котораго только-что разбилъ параличъ, то я приглашаю васъ въ сидѣлки къ моему мужу сэру Обри Перриаму. Но само собой разумѣется, что если вы прїѣдете сюда, то не станете рассказывать о вашей прошлой жизни кому бы то ни было изъ членовъ этого дома, и будете хранить строгое молчаніе о томъ, что вамъ извѣстно о моемъ отцѣ. Я дѣлаю вамъ это предложеніе чисто изъ жалости къ вашему горькому положенію, и надѣюсь, что вы не заставите меня раскаяваться въ оказанномъ вамъ довѣріи.

«Я прилагаю билетъ въ десять фунтовъ, чтобы вы могли купить себѣ приличный костюмъ и заплатить за проѣздъ. Прощу

васъ купить готовое платье и пріѣхать съ первымъ поѣздомъ, на какой вы можете поспѣть по полученіи этого письма.

«На всѣ разспросы о томъ: опытная ли вы сидѣлка, вы должны отвѣчать, что вполне опытная въ этомъ дѣлѣ; но вы не обязаны вдаваться въ какія-либо подробности. По пріѣздѣ сюда вы спросите лэди Перриамъ и назоветесь миссисъ Картеръ, такъ какъ полагаю, что вамъ врядъ ли было бы пріятно называть себя тѣмъ именемъ, которое принадлежало вамъ въ лучшіе дни.

«Преданная вамъ,

«Сильвія Перриамъ, рожденная Керью».

Подписавъ и запечатавъ это письмо, лэди Перриамъ поглядела на часы. Оставалось ровно столько времени, чтобы грумъ успѣлъ отвезти письмо на монегемптонскую почту, которая не отходила раньше половины десятаго. Теперь было четверть девятаго. Она позвонила и отдала горничной письмо съ приказаніемъ немедленно отправить его въ Монегемптонъ. Горничная унесла письмо. Тогда Сильвія придвинула свое кресло къ камину и усѣлась, глядя въ огонь и размышляя о томъ, что сдѣлала.

«Желала бы я знать, благоразумно ли я поступила? спрашивала она самое себя. Конечно, женщина, которая такъ много выстрадала, какъ это бѣдное созданіе, должна была набраться ума-разума. Дать ей пристанище—будетъ доброе дѣло, и можетъ наступить день, когда я буду нуждаться въ преданномъ человѣкѣ».

Сильвія почти не думала о своемъ мужѣ, пока писала письмо. Теперь она встала, отворила дверь, которая вела въ спальную баронета, и заглянула въ нее.

Сэръ Обри лежалъ и дремалъ; блѣдное лицо его то озарялось пламенемъ камина, то оставалось во мракѣ. Гапленъ сидѣлъ на покойномъ креслѣ возлѣ кровати и читалъ газету при свѣтѣ лампы съ абажуромъ, отъ которой больного отдѣлялъ тяжелый пологъ кровати. У камина виднѣлась скорчившаяся фигура Мордредъ Перриама. Онъ прокрался въ комнату сэра Обри безъ шума, точно собака, и ему позволили въ ней остаться незамѣченнымъ.

ГЛАВА XXXVII.

Мнѣніе д-ра Кроу.

Д-ръ Кроу, лондонскій врачъ, прибылъ въ Перріамъ подъ-вечеръ слѣдующаго дня. Онъ былъ великій знатокъ въ болѣзняхъ патриціевъ и приобрѣлъ право лечить аристократію поземельную и коммерческую, духовную и юридическую; если же болѣзнь оказывалась неизлечимой, то помогаль прилично перешагнуть изъ здѣшней жизни въ невѣдомый, загробный міръ. Онъ былъ плечистый господинъ, съ умнымъ лицомъ, большимъ лбомъ, широкимъ, съ крупными чертами, лицомъ и черными глазами, блескъ которыхъ не потухъ ни отъ лѣтъ, ни отъ ученыхъ трудовъ и занятій.

Онъ пріѣхалъ за двѣсти миль, чтобы поглядѣть на сэра Перріама; но четверть часа, проведенныхъ въ комнатѣ больного и десять минутъ, посвященныхъ на консультацію съ м-ромъ Стимпсономъ — вотъ все время, какое онъ могъ удѣлить въ данномъ случаѣ. Чтò было имъ высказано въ эти десять минутъ, о томъ зналъ одинъ м-ръ Стимпсонъ. Но когда онъ вышелъ изъ уборной, гдѣ происходила эта краткая конференція, лэди Перріамъ появилась изъ темнаго корридора и пересѣкла дорогу великому врачу.

Д-ръ Кроу съ удивленіемъ увидѣлъ появленіе такого прелестнаго созданія въ этомъ мрачномъ, старомъ домѣ, ненарушимая тишина котораго казалась почти могильной для посторонняго человѣка.

— Есть ли какая-нибудь надежда? спросила Сильвія, оживленно.

Докторъ отвѣчалъ уклончиво, въ тѣхъ неопредѣленныхъ, мягкихъ выраженіяхъ, которыя ничего не поясняютъ встревоженному уму:

— Я не теряю надежды на то, что жизнь вашего батюшки...

— Супруга, шепнулъ м-ръ Симпсонъ врачу.

Д-ръ Кроу опять поглядѣлъ удивленно, но продолжалъ, не смущаясь:

— Что жизнь вашего супруга будетъ спасена, можетъ быть, на многіе годы.

— Но можетъ ли онъ поправиться?

— Я не вижу причины, почему бы его физическому здоровью не улучшиться при заботливомъ уходѣ, возразилъ докторъ Кроу.

— Но возвратятся ли ему его умственные способности? спросила

сила Сильвіа, съ усиливающейся тревогой. Станетъ ли онъ такимъ, какимъ былъ въ началѣ зимы, какимъ былъ еще вчера утромъ?

— Увы! сударыня, боюсь, что нѣтъ! отвѣчалъ докторъ Кроу тономъ глубочайшаго соболѣзнованія.

Долгая привычка научила его говорить о каждомъ изъ своихъ пациентовъ такъ, какъ еслибы онъ былъ товарищемъ его дѣтства, близкимъ другомъ его молодости или дорогимъ и возлюбленнымъ братомъ. Тонъ былъ трогателенъ, хотя и формаленъ. Неутѣшныя вдовы рыдали на плечѣ д-ра Кроу, забывая, что онъ вовсе не былъ близкимъ пріятелемъ ихъ покойниковъ. Несчастныя матери сжимали его дружескую руку. И если докторъ нѣсколько преувеличивалъ испытываемое имъ сожалѣніе, то имѣлъ по крайней мѣрѣ нѣжное сердце и сострадалъ всѣмъ несчастнымъ.

— Какъ! вскричала Сильвіа: неужели онъ проживетъ долгіе годы, доживетъ до глубокой старости, оставаясь все въ одномъ и томъ же положеніи... утративъ память... повторяя одни и тѣ же слова безсознательно, и подчасъ не признавая самыхъ близкихъ лицъ! Неужели онъ всегда останется такимъ?

— «Всегда» это не то слово, дорогая лэди Перриамъ, отвѣчалъ докторъ. Можетъ наступить легкое улучшеніе. Мы будемъ на это надѣяться. Лекарства, прописанныя мною, могутъ произвести лучшее дѣйствіе на отуманенный мозгъ, чѣмъ я самъ рассчитываю. Судьба наша въ рукахъ Провидѣнія. Но я не скрою отъ васъ, что сэръ Артуръ...

— Обри, подсказалъ м-ръ Стимпсонъ.

— Я не стану отрицать, что мозгъ сэра Обри сильно потрясенъ, и я мало надѣюсь, чтобы онъ вполне поправился. Нѣкоторое улучшеніе можетъ воспослѣдовать, но я боюсь, что извѣстная забывчивость, такъ-сказать, дѣтство останется навсегда, и къ этому мы должны быть готовы, дорогая лэди Перриамъ. Я общалъ м-ру Стимпсону снова побывать черезъ мѣсяцъ, когда мнѣ можно будетъ сказать свое мнѣніе съ большей увѣренностью. Пока мы вполне согласились насчетъ способа леченія. И какъ ни тяжело для васъ видѣть, что умственные способности вашего супруга ослабли, но вы можете утѣшать себя мыслью, что онъ съ вами. Вы могли его совсѣмъ лишиться, и подумайте, насколько это было бы горестнѣе.

Сильвіа молчала. Докторъ Кроу нѣжно пожалъ ея руку и удалился въ сопровожденіи почтеннаго м-ра Стимпсона.

— Какая прелестная молодая женщина, сказалъ врачъ, спускаясь съ широкой дубовой лѣстницы, покрытой ковромъ. И какая молодая! Я думаю ей не больше двадцати лѣтъ.

— Нѣтъ еще двадцати, полагаю, отвѣчалъ м-ръ Стимпсонъ.

— Она, кажется, очень любить этого бѣднаго, стараго джентльмена.

— Она должна любить его, возразилъ м-ръ Стимпсонъ, который вмѣстѣ со всѣмъ графствомъ не одобрялъ женитьбы сэра Обри. Она была не болѣе какъ дочь приходскаго учителя. Впрочемъ, прибавилъ онъ, вспомнивъ про свои обязанности относительно своего пациента, я полагаю, что она очень милая особа и, какъ вы замѣтили, очень любить сэра Обри.

— Это пріятно видѣть, замѣтилъ д-ръ Кроу... благодарю, дорогой мой сэръ; вы очень добры, прибавилъ онъ любезно въ отвѣтъ на аккуратно сложенный банковый билетъ, который м-ръ Стимпсонъ осторожно вложилъ ему въ руку.

Желтая коляска была послана навстрѣчу д-ру Кроу на Гедингемскую станцію и теперь дожидалась съ тѣмъ, чтобы отвезти его обратно на станцію. Не успѣвъ отъѣхать этотъ пышный экипажъ съ его важнымъ сѣдовомъ, какъ на широкой аллеѣ, усыпанной пескомъ и ведущей къ Перриамъ-Плэсу, показался болѣе скромный экипажъ, плохенькій извозничій кабриолетъ.

М-ръ Стимпсонъ стоялъ у дверей, глядя на отъѣзд великаго врача. Теперь онъ остался дожидаться пріѣзда новаго гостя.

«Должно быть, это сидѣлка», сказалъ онъ самому себѣ.

Медикъ былъ правъ. Худая, блѣдная женщина вышла изъ кабриолета и застѣнчиво оглядѣлась вокругъ, какъ бы ища къ кому обратиться. Она увидѣла м-ра Стимпсона, но колебалась заговорить съ нимъ, не зная, слуга онъ или джентльменъ, и можетъ ли она въ послѣднемъ случаѣ обратиться къ нему.

Она была скромно, но прилично одѣта въ сѣрое мериновое платье, черную шаль и шляпку. Но какъ ни простъ былъ нарядъ, а незнакомка носила его съ такимъ изяществомъ, можно сказать граціей, что имѣла видъ лэди.

«Настоящая дама», подумалъ м-ръ Стимпсонъ, замѣчая каждую подробность своимъ зоркимъ глазомъ.

Онъ пошелъ навстрѣчу къ незнакомкѣ въ ту минуту, какъ извозникъ вынималъ изъ кабриолета багажъ, и вывести ее изъ очевиднаго замѣшательства.

— Вы та сидѣлка, за которой посылала лэди Перриамъ, полагаю? спросилъ онъ.

— Да, сэръ. Могу я видѣть лэди Перриамъ.

— Вы сейчасъ увидите ее. Но прежде я желалъ бы переговорить съ вами насчетъ ухода за больнымъ. Я домашній докторъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, сэръ.

— О! вамъ лучше сначала закусить и немного отдохнуть. Я могу подождать съ полчаса.

— Нѣтъ, сэръ, я не желаю, чтобы вы брали на себя этотъ трудъ. Я готова тотчасъ же выслушать ваши наставленія.

— Прекрасно. Я не прочь уѣхать домой обѣдать. Войдите сюда на минуту.

М-ръ Стимпсонъ провелъ незнакомцу въ столовую, гдѣ буфетчикъ и его помощникъ только-что накрыли столъ на два прибора. Обычное мѣсто сэра Обри было пусто.

Здѣсь свѣчи были зажжены и пылалъ каминъ, и при ихъ свѣтѣ медикъ внимательно оглядѣлъ наружность сидѣлки.

Гдѣ видалъ онъ лицо, напоминавшее ея лицо? Онъ не могъ сказать. Но въ этомъ изможденномъ лицѣ было нѣчто необыкновенно ему знакомое.

— Я надѣюсь, что вы достаточно опытны въ этомъ дѣлѣ, спросилъ м-ръ Стимпсонъ.

— Я много ходила за больными, сэръ.

— Не были ли вы сидѣлкой въ больницѣ?

— Нѣтъ, сэръ.

— Есть у васъ какая-нибудь рекомендація?

— Нѣтъ, сэръ.

— Это жалъ. Вы пріѣхали сюда безъ рекомендаціи, а цестъ, который вамъ предстоитъ занять, весьма важенъ.

— Лэди Перриамъ знаетъ меня, сэръ. Я полагаю, что этого достаточно. Я пріѣхала сюда по приглашенію лэди Перриамъ.

— Этого достаточно съ нравственной стороны; но хорошее мнѣніе лэди Перриамъ не можетъ служить аттестаціей ловкости. Она сама слишкомъ неопытна, чтобы судить, способны ли вы выполнить возлагаемыя на васъ обязанности.

— Если вы найдете меня неспособной, сэръ, то можете отказать мнѣ, отвѣтила женщина тономъ, въ которомъ еротость звучала какой-то спокойной твердостью...

Эта женщина, очевидно, «сумѣетъ найтись» во всякихъ обстоятельствахъ, перенести всѣ удары судьбы.

— Само собой разумѣется, возразилъ м-ръ Стимпсонъ, но я не желаю бы подвергать своего пациента неудобствамъ ухода неопытной сидѣлки. Ухаживали ли вы когда-нибудь за больнымъ, разбитымъ параличемъ?

— Да, сэръ. Я около шести мѣсяцевъ ходила за старымъ джентльменомъ, страдавшимъ этимъ недугомъ.

Это была правда. Даже горькая школа несчастія не приучила миссисъ Карфордъ лгать.

— Вы можете, полагаю, достать мнѣ рекомендацію отъ друзей этого больного?

— Если лэди Перриамъ потребуетъ этой рекомендаціи, сэръ, то я могу представить ее, отвѣчала женщина съ достоинствомъ.

— Прекрасно, произнесъ м-ръ Стимпсонъ: значить, мы можемъ испробовать васъ. Мнѣ нравится ваша наружность. Вы, повидимому, знавали лучшіе дни.

Сидѣлка пропустила это замѣчаніе безъ отвѣта. Она не похвалилась прошлымъ благосостояніемъ.

— Какъ васъ зовутъ, встать.

— Картеръ, сэръ. Миссисъ Картеръ.

— Хорошо. Я м-ръ Стимпсонъ изъ Монегемптона, домашній докторъ сэра Обри за послѣднія двадцать лѣтъ. Теперь выслушайте мои инструкціи.

М-ръ Стимпсонъ отдалъ свои приказанія коротко и ясно и остался доволенъ понятливостью, съ какою миссисъ Картеръ выслушала эти приказанія.

— Право, я думаю, что мы сойдемся, сказалъ онъ привѣтливо: теперь я поѣду домой, и вамъ также надо поѣсть.

— Я бы желала сначала повидаться съ лэди Перриамъ, м-ръ Стимпсонъ.

— Вы однако упрямая женщина? Развѣ вы никогда не ѣдите? Хорошо, вы увидите вашу хозяйку. Джемсъ, пошлите горничную лэди Перриамъ спросить: желаетъ ли ея госпожа видѣть миссисъ Картеръ.

Сильвія попала на такую высоту, что стала недоступна для простыхъ смертныхъ безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ церемоній.

М-ръ Стимпсонъ уѣхалъ въ своемъ старомодномъ кабриолетѣ, — памятникъ былой эпохи, когда признакомъ респектабельности считалось держать кабриолетъ. Миссисъ Картеръ дожидалась въ сѣняхъ, пока слуга вернется съ отвѣтомъ лэди Перриамъ.

Просто одѣтая служанка сошла внизъ; она была за-одно — главной служанкой въ домѣ и горничной лэди Перриамъ, которой не разрѣшена была роскошь имѣть горничную исключительно къ ея услугамъ.

— Милэди желаетъ васъ видѣть, сказала она, и миссисъ Картеръ послѣдовала за ней по темной, старинной лѣстницѣ, вдоль широкой галлерей, которая вела въ уборную лэди Перриамъ.

Здѣсь пылающій каминъ и зажженные свѣчи дѣлали комнату почти веселой. Лэди Перриамъ сидѣла передъ огнемъ въ своемъ

сѣромъ шелковомъ, блестящемъ платьѣ; золотисто-каштановые волосы собраны были короной надъ блѣднымъ лбомъ; прелестные каріе глаза глядѣли задумчиво. Эта картина заставила забиться сердце миссисъ Картеръ. Комната показалась великолѣпной на ея глаза, привыкшіе за послѣдніе годы созерцать бѣдную и даже нищенскую обстановку.

Сильвія приняла незнакомку, какъ подобало лэди Перриамъ принять низшее и зависимое лицо. Она не встала съ кресла, чтобы поздороваться съ пришедшей, но окинула ее зоркимъ взглядомъ, желая убѣдиться, приличная ли внѣшность у ея *protégée*.

— Я рада, что вы пріѣхали не теряя времени, миссисъ Картеръ, сказала она съ официальной привѣтливостью, не допускавшей фамильярности, и надѣюсь, что вамъ здѣсь будетъ хорошо.

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, лэди Перриамъ, отвѣчала миссисъ Картеръ дрожащимъ нѣсколько голосомъ, не взирая на ея усилія придать ему твердость. Я уже счастлива тѣмъ, что буду по близости отъ васъ.

— Помимо этого счастья, которое не можетъ имѣть большого значенія между людьми, которые такъ мало знаютъ другъ друга, какъ мы съ вами, вы найдете, надѣюсь, комфортабельное убѣжище.

Миссисъ Картеръ все еще стояла. Ни словомъ, ни движеніемъ лэди Перриамъ не пригласила ее сѣсть.

— Комфортъ, какой я могу найти въ здѣшнемъ домѣ, не привыченъ для меня, и я съумѣю оцѣнить его, какъ слѣдуетъ, отвѣчала она спокойно.

Ей удалось, наконецъ, совладать съ своимъ голосомъ, но слезы заблестали на потухшихъ глазахъ... слезы, которыя она поспѣшно отерла и которыхъ лэди Перриамъ какъ будто не примѣтила.

— И вы сумѣете, надѣюсь хранить свои тайны, равно какъ и чужія. Вы умолчите о томъ, что вамъ извѣстно о прошлой жизни моего отца.

— Я не стану вовсе говорить о вашемъ отцѣ, лэди Перриамъ.

— Я буду считать это торжественнымъ обѣщаніемъ съ вашей стороны.

— Смотрите на это, какъ на обѣщаніе... я не нарушу его.

— Очень хорошо, я довѣряюсь вашей чести. А теперь скажите мнѣ, хорошо ли я сдѣлала, пригласивъ васъ, думая, что вы должны умѣть ходить за больными.

— Вы не ошиблись. Стараясь заработать кусокъ хлѣба, я бывала и сидѣлкой. Въ числѣ моихъ больныхъ былъ одинъ разбитый параличемъ.

— Вотъ это удачно. Значить, я поступаю не дурно, поручая

вамъ ухоть за моимъ мужемъ. Помните, что вы должны утешать нашему доктору, м-ру Стимпсону, такъ же, какъ и мнѣ.

— Я употреблю всѣ усилія, лэди Перриамъ.

— Вы займете комнату въ этомъ этажѣ, рядомъ съ сѣромъ Обри. Она уже приготовлена для васъ. Вы будете тамъ обѣдать однѣ и вамъ не будетъ случаевъ сталкиваться съ остальной прислугой. Вамъ не придется просиживать ночей, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда сэръ Обри почувствуетъ себя хуже, чѣмъ въ настоящее время, но вы должны быть готовы явиться на зовъ его камердинера во всякій часъ дня и ночи.

— Понимаю, милэди. Я не боюсь ни труда, ни бессонницы по ночамъ. Я сплю очень мало.

— Я очень рада, что у васъ есть главное качество хорошей сидѣлки. Теперь можете идти въ свою комнату... Постойте, я прикажу подать вамъ закусить, прибавила лэди Перриамъ, берясь за ручку колокольчика.

— Одну минуту, милэди! произнесла миссисъ Картеръ, оставивъ ее. Я хочу поблагодарить васъ за то, что вы вспомнили въ своей добротѣ о такомъ падшемъ... несчастномъ созданіи... и доставили ему пристанище. Я не рѣшаюсь поблагодарить васъ за подарки, присланные вами мнѣ, потому что боялась, какъ бы мое письмо не скомпрометтировало васъ. Но я была тронута вашей добротой. А что вы, не смотря на высокое положеніе, не смотря на перемѣну въ судьбѣ, которая бы могла вскружить и болѣе старую голову, чѣмъ ваша, не смотря на все это,—вспомнили про мою нищету... это хватаетъ меня за самое сердце. Ахъ! лэди Перриамъ! вы никогда не узнаете, какъ глубоко я благодарна вамъ.

Глаза Сильвіи... эти столь непривычные къ слезамъ глаза, отуманились въ то время, какъ женщина говорила все это. Она опустила рѣсницы, какъ бы желая скрыть набѣжавшія слезы.

— Вамъ не зачѣмъ благодарить меня, проговорила она послѣ минутнаго молчанія. Я рада была оказать вамъ услугу. Я жалѣю, что обстоятельства моей жизни не позволяютъ мнѣ устроить вашу судьбу независимо отъ существующихъ условій. Не смотря на мое высокое положеніе, я далеко не вольна въ своихъ поступкахъ.

— Я вполне понимаю это, милэди. Только отверженные и паріи бываютъ безусловно свободны, отвѣчала миссисъ Картеръ горько.

Для нея свобода—значила одиночество и голодъ.

— Я рада услужить вамъ, повторила Сильвія, и надѣюсь,

что если мнѣ когда-нибудь понадобится ваша помощь, то я найду въ васъ друга.

— Да, на жизнь и на смерть! отвѣчала та выразительно.

— Это значить—друга, который не остановится передъ жертвами, не такъ ли? спросила Сильвія, задумчиво глядя въ огонь.

— Друга, который не поморщится, если отъ него потребуютъ неприятой для него услуги. Я хотѣла сказать преданнаго друга. Вы, конечно, не потребуете отъ меня ничего худого.

— Не считайте меня лучше, чѣмъ я есть. Я не хочу прикидываться безупречной.

— Никто не безупреченъ въ здѣшнемъ мірѣ, лэди Перриамъ; но я надѣюсь и вѣрю, что вы добры и чисты, насколько это свойственно человѣку.

Сильвія вздохнула съ усталымъ видомъ и помолчала прежде, чѣмъ отвѣтить на послѣднія слова миссисъ Картеръ.

— Я завишу отъ обстоятельствъ, проговорила она, наконецъ. Женщины слишкомъ слабы, чтобы бороться съ судьбой. Я отчасти фаталистка, миссисъ Картеръ.

— Опасное ученіе, лэди Перриамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Очень жаль. Однако, послушайте, вы еще ничего не ѣли и не пили послѣ вашего путешествія, не правда ли?

— Нѣтъ; я гораздо больше желала увидѣть и поблагодарить васъ, чѣмъ ѣсть и пить.

Сильвія позвонила, и пришла горничная.

— Распорядитесь, чтобы миссисъ Картеръ, сидѣлецъ сэра Обри, принесли обѣдъ или чай, или что она захочетъ, въ ея комнату, сказала лэди Перриамъ. Вы помните о томъ, что я вамъ приказывала сегодня утромъ?

— Да, милэди: комната готова, и я подала туда чай и холодное мясо для миссисъ Картеръ.

— Принесите миссисъ Картеръ вина или чего ей угодно.

— Благодарю васъ, лэди Перриамъ; но я никогда не пью ни вина, ни пива.

— Вы, быть можетъ, членъ общества трезвости?

— Я не давала никакихъ обѣтовъ, но для сидѣлки необходимо, чтобы голова ея была всегда свѣжа. Я ничего не буду пить, кромѣ чая и кофе, пока буду находиться у васъ въ услуженіи.

— Дѣлайте, какъ знаете. Доброй ночи.

— Доброй ночи, милэди.

— Вы вступите въ должность тотчасъ, какъ отобѣдаете.

— Слушаю, милэди; м-ръ Стимпсонъ разскалъ мнѣ, что я должна дѣлать.

Лэди Перриамъ вѣжливо кивнула головой, и новая сидѣлка удалилась.

Марта провела миссисъ Картеръ по той же галлерей и ввела ее въ хорошо убранную спальную. Огонь весело горѣлъ въ каминѣ и къ нему придвинутъ былъ круглый столъ, покрытый безукоризненной чистоты голландской скатертью, на которомъ стояли чайный приборъ и блюда съ мясомъ. Этотъ комфортъ сильно поразилъ миссисъ Картеръ. Когда служанка оставила ее наединѣ, она сидѣла нѣсколько времени, оглядывая все кругомъ съ удивленіемъ. Такой комфортъ представлялся ей сномъ.

«Неужели я въ самомъ дѣлѣ буду жить въ этомъ домѣ? думала она, не смѣя вѣрить своему благополучію: буду жить съ моей дочерью и видѣть ее каждый день, и совсѣмъ тѣмъ никогда не посмѣю прижать ее къ своему сердцу, никогда не посмѣю сказать: «дита мое, я твоя мать!»

ГЛАВА XXXVIII.

Наслѣдникъ Перриама.

Недѣли и мѣсяцы проходили, а здоровье сэра Обри Перриама не улучшалось и не ухудшалось. Когда его разбилъ параличъ, онъ казался въ цвѣтѣ лѣтъ. Теперь онъ сталъ безпомощнымъ и совсѣмъ старымъ на видъ человѣкомъ. Умъ его, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ясно понимавшій тотъ ограниченный кругъ понятій, которыя ему были доступны, теперь сталъ смутенъ и тупъ. Сэръ Обри не былъ безумнымъ: у него не проявлялось дикихъ фантазій, странныхъ представлений. Отуманенный мозгъ не рисовалъ ему фантастическихъ видѣній. Онъ не вѣлъ таинственныхъ переговоровъ съ невидимыми собесѣдниками, не призывалъ тѣней изъ міра призраковъ. Онъ сталъ только безтолковымъ старикомъ, безпамятнымъ, безучастнымъ во всему, кромѣ нѣкоторыхъ мелочей своего однообразнаго существованія.

Онъ, отличавшійся нѣкогда вѣжливостью и спокойствіемъ манеръ, сталъ теперь раздражительнымъ и капризнымъ, себялюбивымъ и требовательнымъ. Не сознавая непомѣрности своихъ требованій, онъ держалъ свою молодую жену вѣчной плѣнницей въ его спальнѣ и лишалъ ее всякаго сношенія съ внѣшнимъ міромъ, кромѣ тѣхъ часовъ, когда она медленно прохаживалась

взадъ и впередъ по террасѣ, возлѣ кресла, въ которомъ его возили, надъ тѣмъ мирнымъ убѣжищемъ, гдѣ его ожидалъ фамилійный склепъ.

Лишь при помощи великой дипломатіи удавалось лэди Перріамъ урваться на свободу; но съ теченіемъ времени она научилась управлять своимъ больнымъ мужемъ и дѣлать видъ, что исполняетъ его желанія, не исполняя ихъ въ дѣйствительности, избѣгать всѣхъ случаевъ раздражить его и вмѣстѣ съ тѣмъ поступать по-своему. Миссисъ Картеръ была крайне полезна ей при этомъ; она умѣла устранять затрудненія и успокаивать баронета, когда онъ сердился..... словомъ, была неоцѣненной служой для лэди Перріамъ.

Сидѣлка мало сообщалась съ остальной прислугой; рѣдко выходила изъ комнаты больного или изъ своей, развѣ только на прогулку, сопровождая сэра Обри; никогда не разговаривала съ остальной прислугой, и была вѣжлива, строго избѣгая фамиллярности.

Результатъ этого неизмѣннаго и безупречнаго поведенія легко себѣ представить. Никто изъ слугъ въ Перріамъ-Плэсъ не любилъ миссисъ Картеръ. Ее считали гордой, хитрой, себѣ-на-умѣ, — особой, которая подъ внѣшнимъ смиреніемъ скрываетъ хитрѣйшіе и опаснѣйшіе замыслы. Слуги замѣтили, что лэди Перріамъ внимательнѣе относилась къ миссисъ Картеръ, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ домочадцамъ, и ворчали на это предпочтеніе.

— Я служу въ этомъ домѣ чуть ли не съ самаго дѣтства вотъ уже скоро сорокъ лѣтъ, говаривала миссисъ Спейсеръ, экономка, и никогда не удостоивалась предпочтенія. Я присѣдаю сэру Обри и теперь, при встрѣчѣ съ нимъ, такъ же смиренно, какъ присѣдала въ то время, когда дѣвчонкой поступила сюда въ судомойки. И вотъ, вдругъ является эта миссисъ Картеръ и ей отводятъ комнату наверху; подають обѣдать въ ея комнату и прислуживають люди, которые, полагаю, ничѣмъ не хуже ея.

— Я полагаю, что она знавала лучшіе дни, миссисъ Спейсеръ, замѣтила Мэри Дау, главная служанка: это видно по ея взглядамъ и манерамъ. Руки у ней бѣлы, какъ творогъ, и малы, какъ у лэди, и она говоритъ такъ тихо; я видѣла также, какъ она пишетъ: точно молодая лэди, вышедшая изъ пансіона.

— Должно быть, она васъ обошла своимъ смиренствомъ, отвѣчала экономка.

— Нѣтъ, она мнѣ не по душѣ: такая молчаливая и должно быть гордая, иначе она не держалась бы поодаль отъ всѣхъ; но она всегда вѣжлива.

— Слишкомъ вѣжлива! пробормотала миссисъ Спейсеръ.

— Она похожа на лэди Перриамъ. Ее сразу не разберешь.

— Знаете ли, продолжала Мэри Дау: мнѣ также иногда казалось, что она похожа лицомъ на лэди Перриамъ; разумѣется, у ней нѣтъ ея молодости и свѣжести.

— Бездѣлица! вскричала миссисъ Спейсеръ. — Ну, сходства мало между этимъ жалкимъ, отцвѣтшимъ созданиемъ и лэди Перриамъ.

Замѣчаніе Мэри Дау было опровергнуто большинствомъ голосовъ. Никто не находилъ сходства между сдѣлкой и ея госпожой.

Сэръ Обри уже четыре мѣсяца какъ пребывалъ въ своемъ безпомощномъ, жалкомъ состояніи, и снова наступило лѣто, и хлѣба зазолотились на плодородныхъ поляхъ между Гедингемомъ и Перриамъ-Плэсомъ, когда случилось такое событіе, которое значительно увеличило значеніе Сильвіи и сдѣлало будущее свѣтлымъ и легкимъ для ея честолюбія.

Величайшее желаніе баронета исполнилось, когда онъ утратилъ возможность наслаждаться этимъ давно-желаннымъ счастьемъ. Его молодая жена родила ему сына!

Весело заливались колокола въ Гедингемѣ и Монегемптонѣ, и среди ихъ серебристыхъ переливовъ раздавался однообразный звукъ колокола перриамской церкви, въ вечеръ, когда родился ребенокъ... чудный июльскій вечеръ, когда весь роскошный ландшафтъ и отдаленный океанъ были залиты золотистымъ свѣтомъ.

Эдмондъ Стенденъ услышалъ этотъ веселый звонъ, куря свою послѣ-обѣденную сигару и прохаживаясь по саду съ Эсэирью и матерью... услышалъ и удивился этому непривычному звону.

— Чтѣ значить этотъ звонъ? сказала Эсэирь. Не можетъ быть, чтобы это звонарь вздумалъ упражняться; въ тому же, не только наши, но и монегемптонскіе колокола расходились. Не дерутся ли гдѣ англичане и не выиграли ли сраженія, Эдмондъ? Вы знаете, что я почти не читаю газетъ.

— Нѣтъ, Эсси, Англія держится почетнаго нейтралитета въ настоящее время. Этотъ радостный звонъ возвѣщаетъ не побѣду. Какая-нибудь жертва гименею, полагаю.

— Еслибы это означало свадьбу, то звонили бы сегодня утромъ, возразила Эсси, все еще дивившаяся этому непривычному звону.

Старіеъ садовникъ, подрѣзывавшій ближайшій розовый кустъ, дотронулся до шпалы и рѣшился обратиться къ молодой лэди.

— Прошу извинить, миссъ: я встрѣтилъ Джима Бекера, помощника садовника въ Плэсѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что у лэди Перриамъ родился сынъ сегодня вечеромъ. Можетъ быть по этому случаю и звонятъ.

— Нѣтъ сомнѣнія, Джильсъ, отвѣчала Эсэиръ, нервно взглянувъ на Эдмонда.

Щеки его, покрывшіяся здоровымъ загаромъ отъ безпрестанныхъ поѣздокъ изъ Деканова дома въ банкъ и обратно и отъ частой охоты съ собаками, поблѣднѣли при звукѣ этого слишкомъ хорошо памятнаго имени.

Ея сынъ! Однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и радостныхъ грезъ въ его краткую эпоху любви и надежды была мечта о томъ днѣ, когда первенецъ Сильвіи будетъ лежать на его непривычныхъ рукахъ... сынъ Сильвіи и его!

— Бѣдный сэръ Обри, произнесла миссисъ Стенденъ, какъ бы читая мысли сына на его омрачившемся лицѣ. Мало радости доставить ему рожденіе сына.

Колокола продолжали весело звонить, и каждый звукъ ихъ горестно отдавался въ сердцѣ Эдмонда. Онъ оставилъ трехъ лэди прохаживаться посреди клумбъ съ цвѣтами и ушелъ гулять одинъ, какъ было у него въ обычаѣ, когда накинавшія воспоминанія и сожалѣнія становились слишкомъ мучительны, чтобы можно было сохранять улыбающійся видъ и безмятежно бесѣдовать съ домашними, которые это именно и цѣнили въ немъ. «Онъ удивительно какъ переносилъ свое горе», толковали между собой съ радостной благодарностью женщины, любившія его. Онъ раздвѣлялъ ихъ небольшие развлечения, былъ лучшимъ изъ сыновей, снисходительнѣйшимъ дядей, преданнѣйшимъ братомъ. Эдмондъ Стенденъ переносилъ свое горе съ такимъ мужествомъ, что женщины радостно вѣрили въ его исцѣленіе. Борьба, думали онѣ, была сильна, но кратка, и онъ разомъ вырвалъ Сильвію Керью изъ своего сердца. Еслибы смерть сэра Обри сдѣлала бы ее свободной завтра, то она врядъ ли бы вернула любовь Эдмонда. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ ее, чтобы снова попасть въ ея сѣти.

Горе, какъ и ревность, ищутъ пищи для своего удовлетворенія. Сознавая, что рожденіе наслѣдника сэра Обри служить для него источникомъ величайшей горечи, Эдмондъ Стенденъ почувствовалъ желаніе направить свои шаги къ Перриамъ-Плэсу, какъ бы затѣмъ, чтобы выпить чашу горечи до дна. Онъ пошелъ черезъ знакомыя поля—поля, засѣянные бобами, гдѣ душистые цвѣты казались жилищемъ эльфовъ и фей, черезъ клеверныя поля, казавшіяся темно-пурпурными при заходящемъ

солнцѣ, черезъ луга и рощи, и словно притягиваемый однообразнымъ звукомъ колокола, добрался до кладбища въ котловинѣ, съ его поросшей плющемъ стѣной.

Колоколь умолялъ въ тотъ моментъ, какъ Эдмондъ вышелъ на узкую тропинку, которая вела къ воротамъ кладбища. Сельскіе жители любятъ кладбища: эти послѣднія служатъ обыкновенно мѣстомъ для прогулки влюбленныхъ, для игръ дѣтей, мирнымъ убѣжищемъ для пожилыхъ людей, желающихъ размыслить о превратностяхъ земного существованія и о томъ, что сулитъ загробная жизнь.

Эдмондъ прошелъ на кладбище, перешагнувъ черезъ низкую ограду и усѣлся на ней. Съ этого пункта онъ могъ видѣть итальянскій садъ и южный фасадъ Перриамъ-Плэса, освѣщенные окна котораго тускло блестѣли въ лѣтнемъ сумракѣ. Онъ закурилъ сигару. Какъ бы ни велико было горе курильщика, онъ машинально ищетъ утѣшенія въ сигарѣ. Эдмондъ сидѣлъ и курилъ, задумчиво глядя на слабо освѣщенные окна.

«Желалъ бы я знать, счастлива ли она, размышлялъ онъ. У ней теперь новый источникъ счастья: материнскія радости, которыя должны быть очень сильны. Съ сегодняшняго дня для нея начинается новая жизнь, въ которой ея собственная личность должна отступить на задній планъ. Она будетъ жить невинными радостями своего дитяти, болѣть его горестями и раздѣлять его желанія, и такимъ образомъ будетъ дальше, чѣмъ когда-либо, отъ меня. До сихъ поръ, въ сердцѣ ея могло жить сожалѣніе о минувшемъ; отнынѣ я буду ничтожнѣйшимъ атомомъ въ мірѣ въ сравненіи съ этимъ новорожденнымъ крошечкой».

Онъ съ глубокимъ состраданіемъ думалъ о несчастномъ мужѣ и отцѣ, разстроенный мозгъ котораго не могъ обнять доставшееся на его долю счастье. Подробности о безпомощномъ состояніи, въ какомъ находился сэръ Обри, были хорошо извѣстны въ окрестяхъ. М-ръ Стипсонъ, докторъ, прикидывался сдержаннымъ, но пожиманіемъ плечъ, наморщиваніемъ бровей и конфиденціальными сообщеніями близкимъ друзьямъ выдавалъ, въ какомъ положеніи находится дѣло. У слугъ тоже были языки, которыми они хорошо умѣли пользоваться.

Между тѣмъ какъ Эдмондъ Стенденъ сидѣлъ, глядя на окна и курилъ, человѣкъ, тоже съ сигарой во рту, прошелъ быстрыми шагами вдоль итальянской террасы и остановился, прислонившись къ каменной балюстрадѣ, сложивъ руки на груди, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Эдмондъ. Въ этомъ новомъ пришельцѣ м-ръ Стенденъ узналъ м-ра Бэна, страп-

чаго, съ которымъ ему приходилось имѣть частыя дѣловыя сношенія. М-ръ Бэнъ, конечно, узнаетъ его. Поэтому лучше было подойти къ нему, чтобы въ его умѣ не заронились подозрѣнія на счетъ его пребыванія въ этомъ мѣстѣ.

— Прекрасный вечеръ для прогулки, м-ръ Бэнъ, сказали онъ весело.

— Господи помилуй! да никакъ это вы, м-ръ Стенденъ? вскричалъ агентъ, — никакъ не ожидалъ увидѣть васъ такъ далеко отъ Деканова дома въ послѣобѣденное время.

— Это потому, что вы не знаете моихъ привычекъ. Я ничего такъ не люблю, какъ вечернюю прогулку, въ обществѣ своей сигары.

— У васъ мизантропическое направленіе ума, м-ръ Стенденъ.

— Не знаю, мизантропія ли это... но порою пріятно побыть наединѣ съ своими мыслями, вмѣсто того, чтобы разговаривать.

— И вы выбрали это пріятное мѣсто для своихъ вечернихъ размышленій, возразилъ м-ръ Бэнъ. — Должно быть, это кладбище, расположенное подъ самой террасой, съ ея балюстрадой и античными вазами и статуями и т. д. именно такое мѣсто, которое поэты и тому подобный народъ зовутъ романтическимъ?

— Я думаю, что не надо быть ни поэтомъ, ни живописцемъ, чтобы восхищаться этимъ стариннымъ кладбищемъ.

— Будто бы? спросилъ м-ръ Бэнъ съ недовѣрчивымъ видомъ. — Я, знаете, какъ дѣловой человѣкъ, не могу взять этого въ толкъ. Будь я владѣльцемъ этого дома, я бы не желалъ имѣть кладбище такъ близко отъ моего колодца. Мнѣ бы казалось, что все, что я ни ѣмъ и ни пью, отзывается прахомъ моихъ предковъ. Слышали ли вы колокольный звонъ?

— Мудрено было бы не слышать его, отвѣчалъ Эдмондъ съ притворной безпечностью.

— Сегодня великій день для Перриама, сказали м-ръ Бэнъ, выпуская дымъ.

— Вы считаете рожденіе наслѣдника великимъ преимуществомъ?

— Да, въ настоящемъ случаѣ, разумѣется. Помѣстье перешло бы къ дальнему родственнику, еслибы сэръ Обри умеръ бездѣтнымъ. И я знаю, что онъ страстно желалъ имѣть наслѣдника.

— Очень ли онъ доволенъ, что желаніе его исполнилось?

— Настолько, насколько онъ вообще, бѣднякъ, можетъ быть довольнымъ.

— Изъ вашего тона я заключаю, что голова его не въ порядѣ.

М-ръ Бэнъ вздохнулъ и покачалъ головой съ меланхолическимъ видомъ.

— Это предметъ, о которомъ я не люблю распространяться, возразилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Къ счастью, прибавилъ онъ, зорко взглядывая въ лицо молодому человѣку, которое едва было видно въ сумеркахъ,—не взирая на умственное разстройство сэра Обри, его физическое здоровье замѣчательно хорошо. Я, право, не удивлюсь, если онъ переживетъ насъ съ вами.

— Даже будучи лѣтъ на двадцать старше насъ, замѣтилъ Эдмондъ.

— Да, но мы быстро стареемъ... утомляемъ нашъ умъ и наше тѣло до крайности. А онъ живетъ точно дитя... не мыслить, не трудится... спитъ такъ же безмятежно, какъ младенецъ въ колыбели, и такъ безпамятенъ, что не знаетъ никакихъ заботъ. Я не вижу причины, почему ему не дожить до девяноста лѣтъ.

Эдмондъ Стенденъ ничего не спросилъ про лэди Перриамъ. Онъ не зналъ, насколько опасно было ея положеніе, и превратилась ли теперь всякая опасность. Развѣ она не умерла для него? Развѣ смерть могла болѣе разлучить ихъ, чѣмъ ея измѣна?

И совсѣмъ тѣмъ онъ дорого бы далъ въ эту минуту, чтобы узнать, какъ ея здоровье. Только изъ боязни скомпрометтировать ее, не спросилъ онъ объ этомъ м-ра Бэна.

Онъ поговорилъ еще о постороннихъ вещахъ, докуривъ свою сигару и пожелавъ агенту доброй ночи. Шадракъ Бэнъ, прислонившись къ баллюстрадѣ и сложивъ руки на груди, наблюдалъ за удаляющейся фигурой, пока она не скрылась изъ глазъ.

— Это подтверждаетъ мое мнѣніе, говорилъ онъ самому себѣ;— я такъ и думалъ, что между этими двумя дѣло было посерьезнѣе простого ухаживанья. М-ръ Стенденъ былъ сильно задѣтъ, хотя и прикидывается спокойнымъ. Но она не такъ-то ловко притворяется. Стоить упомянуть его имя, и она вспыхнетъ, какъ макъ цвѣтъ, а затѣмъ поблѣднѣетъ, какъ смерть. Постарайтесь излечиться какъ можно скорѣе отъ этой фантазіи, лэди Перриамъ: если когда-нибудь вамъ случится овдовѣть, то врядъ ли вы найдете выгоднымъ выйти замужъ за Эдмонда Стендена.

А. Э.

СМЕРТЬ СОЛОВЬЯ

Изъ Сырокомли.

Въ шумной улицѣ, подъ крышей душнаго жилья,
Злая руки посадили въ клетку соловья.
Но свободной пѣсни жажда такъ сильна, сильна,
Что и здѣсь, въ темницѣ, давить грудь его она.
Ахъ, въ стѣнахъ темницы этой, тѣнь густыхъ вѣтвей
Благодатно не лелѣетъ головы твоей;
Ахъ, тутъ нѣтъ подруги милой, для которой пѣть
Такъ отрадно, что не жалко съ пѣснью умереть!
Ахъ, вспорхнуть въ лазурный воздухъ тутъ не можешь ты—
Сторожать тебя сурово толстые пруты!
Здѣсь не тихій шелестъ вѣтра слухъ ласкаетъ твой—
День и ночь гремятъ колёса камни мостовой;
Не роса съ зеленыхъ листьевъ свѣжесть утра льетъ—
Вскачь летящая коляска пылью обдаетъ...
Гдѣ ты, воля, чтó, какъ воздухъ, для пѣвца нужна?
Гдѣ ты, свѣжесть, гдѣ ты, благодать, гдѣ ты, тишина?..
И голову клонить узникъ и, томясь тоской,
Задышается отъ знойной пыли городской.
Но—ужь если кто однажды соловьемъ рождёнъ,
Какъ ни мучь его, безъ пѣсни жить не можетъ онъ!
И подъ уличные крики, топотъ лошадей,
Пѣсню звонкую защёлкать узникъ-соловей.
И, какъ-будто въ бой вступая съ шумомъ городскимъ,
Мыслить: «я его осилю голосомъ своимъ»!
Гармонической волною, вольной чередой,
Изъ тюрьмы несутся звуки пѣсни молодой...

Вспомнилъ онъ свою свободу, свой зеленый лѣсъ,
 Ароматъ цвѣтовъ весеннихъ, синеву небесъ;
 Вспомнилъ прелесть лунной ночи и, въ тѣни вѣтвей,
 Шопотъ, ласки, поцѣлуи съ милою своей;
 Вспомнилъ, какъ въ лѣсу, бывало, чуть блеснетъ заря,
 Онъ проснется и, надъ всѣми птицами царя,
 Милліономъ трелей крупныхъ, чистыхъ какъ жемчугъ,
 Будить царство, безмятежно спящее вокругъ,—
 Вспомнилъ все—и громче, громче свищетъ сынъ лѣсовъ,
 Точно въ хоръ волшебный слѣлись сотни голосовъ.
 «О, осилю я, осилю шумъ вашъ, наконецъ!»
 Распалѣнный состязаньемъ, думаетъ пѣвецъ...
 А на улицѣ, какъ будто бѣднаго дразня,
 Все сильнѣе говоръ, крики, топотъ, стукотня,
 Всѣ бѣгутъ, снуютъ, хлопчутъ,—только иногда
 Остановится прохожій и промолвить: «Да!
 Мастерски поетъ!» И, слыша похвалы людей,
 Заливается звончѣе въ клѣткѣ соловей.
 Чтѣ тебѣ, мой бѣдный узникъ, въ похвалахъ людскихъ?
 Вѣдь талантъ твой прославляютъ только руки ихъ;
 Но въ глазахъ стеклянныхъ вызвать онъ не можетъ слѣзъ,
 Сердце черствое закрыто для блаженныхъ грѣзъ!
 Соловью какое дѣло? Изъ груди своей
 Звуки всѣ, какіе только шевелятся въ ней,
 Исторгаетъ онъ,—и поетъ, и болитъ она,
 Безпредѣльнымъ напряженьемъ вся истощена.
 Но пѣвецъ не слышитъ боли: въ гордомъ забытіи
 Погрузился весь онъ въ звуки чудные свои,
 Опьянѣлъ отъ вдохновенья, и тѣмъ жгуче, злѣй
 Боль въ груди, тѣмъ громче, громче свищетъ соловей;
 И, слабѣя, надрываясь, силы наконецъ
 Сокрушили; струны въ горлѣ лопнули; пѣвецъ
 Заметался въ агоніи, и въ послѣдній разъ
 Разразился дивной трелью и—навѣкъ утасъ.
 А на улицѣ, къ страданью холодно-тупа,
 Продолжаетъ суетиться и снова толпа,
 И скрипятъ, гремятъ колѣса все шумнѣй, шумнѣй,
 Точно рады, что загубленъ ими соловей...

ПЕТРЪ ВЕЙНБЕРГЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюня, 1874.

Вопросъ о продленіи срока службы мировыхъ судей.—Дѣло о подлогѣ.—Дѣло о мнимыхъ чудесахъ.—Дѣло о бритьѣ бороды.—Общія собранія общества Привислянской дороги.—Новыя предположенія о желѣзныхъ дорогахъ.—Образованіе акціонерныхъ обществъ.—Система государственной постройки.

Изъ всѣхъ нашихъ внутреннихъ реформъ, организація новыхъ судебныхъ установленій, какъ извѣстно, наиболѣе подвергалась, послѣ введенія, различнымъ слухамъ объ измѣненіяхъ, предположеніямъ о перемѣнахъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, слухи о какихъ-либо новыхъ предположеніяхъ и измѣненіяхъ по судебной части какъ будто утихли. Но вотъ снова возникаетъ слухъ о предположеніи измѣнить срокъ службы мировыхъ судей. Предположеніе это, само по себѣ, не имѣетъ того характера, какой носили на себѣ разные слухи о предстоявшихъ будто бы перемѣнахъ по судебной части, ходившіе прежде. Трехлѣтній срокъ, на который мировые судьи избираются обществомъ, не представляетъ собою завѣтной основы этого учрежденія. При обсужденіи относящейся сюда статьи закона было заявлено мнѣніе, что трехлѣтній срокъ можетъ оказаться слишкомъ краткимъ, и министру юстиціи было предоставлено, въ такомъ случаѣ, внести свое соображеніе объ этомъ предметѣ законодательнымъ порядкомъ еще до истеченія перваго трехлѣтія. Итакъ, нынѣшнее предположеніе, которое влонится къ продленію срока службы мировыхъ судей, не составляетъ шага назадъ отъ взгляда законодателя при самомъ учрежденіи мирового института. Въ основаніе такой мѣры приводится даже соображеніе либеральнаго свойства: желаніе придать судьямъ большую самостоятельность.

Но мировой судья имѣетъ двоякій характеръ: прежде всего, конечно, онъ — судья, но, кромѣ того, онъ — выборный отъ об-

щества. Возможно-большая независимость отъ постороннихъ вліяній—важнѣйшее качество въ судѣ, и обезпеченіе за нимъ его положенія на продолжительное время представляетъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ сдѣлать его самостоятельнымъ. Но, съ другой стороны, первое качество выборнаго—соотвѣтствовать желаніямъ избирателей, имѣть за собою ихъ одобреніе, и частое переизбраніе есть вѣрнѣйшее средство къ соблюденію этого условія. Независимость мирового судьи, если понимать ее въ смыслѣ независимости отъ избирателей, совершенно измѣнила бы значеніе этого учрежденія. Мировой судья не есть только хорошій человѣкъ, указанный обществомъ для исполненія судейскихъ обязанностей; онъ есть именно избираемый обществомъ судья, представитель и органъ общественнаго самосуда въ мелкихъ дѣлахъ, касающихся обыденной жизни. Чѣмъ ближе къ обществу онъ стоитъ, чѣмъ непрерывнѣе связь между нимъ и обществомъ, тѣмъ лучше онъ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Съ этой цѣлью, отъ мирового судьи не требуется и юридическаго образованія, но требуется (посредствомъ ценза) солидарность съ мѣстнымъ обществомъ. Если бы законъ цѣнилъ въ мировомъ судѣ юридическую опытность и познанія болѣе, чѣмъ солидарность его съ обществомъ и зависимость его отъ общества, то законъ могъ сдѣлать мировыхъ судей въ видѣ несмѣняемыхъ юристовъ, избираемыхъ первоначально земствомъ. Но законъ этого не сдѣлалъ, потому что избраніе лица несмѣняемаго, вообще говоря не имѣетъ смысла. Въ состояніи ли само общество такъ вѣрно оцѣнить юридическія знанія и свойства того или другого лица, чтобы представить въ его руки судъ надъ собою пожизненно? Итакъ, въ лицѣ мирового судьи законъ дорожитъ никакъ не менѣе его характеромъ лица выборнаго, чѣмъ опытнаго юриста. Стало быть, при взвѣшиваніи аргументовъ „за“ и „противъ“ предполагаемаго нынѣ продленія срока службы мировыхъ судей, мы должны тѣмъ доводамъ, которые истекаютъ изъ заботливости о сохраненіи мировому судѣ характера выборнаго отъ общества, придавать никакъ не менѣе значенія, чѣмъ тѣмъ, которые вызываются стремленіемъ обезпечить за мировымъ судьей собственно качества хорошаго юриста.

Въ пользу предполагаемой мѣры приводятся доводы преимущественно практическаго свойства; единственный приводимый здѣсь теоретическій аргументъ — желаніе придать судѣ независимость—представляетъ просто игру словъ: посредствомъ продленія срока своей службы мировой судья не станетъ независимѣе отъ такихъ внѣшнихъ вліяній, которыя представляются силою и деньгами; онъ станетъ только независимѣе отъ избирателей; но эта аргументація сводилась бы къ тому, что мировые судьи не должны быть выбор-

ные; независимость выборнаго отъ избирателей есть абсурдъ. Тѣ, кто думаетъ продленіемъ срока обезпечить мировыхъ судей отъ вліянія „мѣстныхъ партій“, сознательно или несознательно стремятся къ отнятію у мирового суда выборнаго, общественнаго характера. Партіи вездѣ могутъ быть, партіи различныхъ принциповъ, интересовъ, личностей; но если допускать общественное самоуправленіе, то основной мыслью должно принять, что большинство избирателей сумѣетъ понять и охранить дѣйствительные интересы общества. Если же думать иначе, тогда слѣдуетъ быть противникомъ общественнаго самоуправления въ общности и избранія мировыхъ судей обществомъ—въ частности.

Съ практической точки зрѣнія въ пользу продленія срока службы мировыхъ судей приводятся еще иныя соображенія. Говорятъ: трехлѣтній срокъ слишкомъ кратокъ для пріобрѣтенія судьей опытности и для условій его личнаго, домашняго положенія. Годъ, два проходятъ, говорятъ, лишь на то, чтобы судья сколько-нибудь осмотрѣлся въ своемъ дѣлѣ, умѣлъ за него браться, проходить на ученіе; и тутъ, только онъ чему-нибудь научился, черезъ годъ и смѣна. Такъ разсуждали прежде французскіе генералы противъ краткосрочности солдатской службы: два года нужно солдату на то, чтобы прошла тоска по родинѣ, еще два года на порядочную выучку; и только-что солдатъ сталъ дѣлаться настоящимъ солдатомъ, его черезъ годъ и отпускаютъ;—этого, по ихъ мнѣнію, нельзя было допустить. Впослѣдствіи опытъ показалъ, что для усердія, свѣжести духа и бодрости тѣла, молодые солдаты лучше старыхъ.

Но вѣдь хорошіе мировые судьи и не смѣняются непременно по истеченіи перваго трехлѣтія, какъ увольняются хорошіе солдаты. Переизбраніе не означаетъ еще смѣны, и ничто не препятствуетъ обществу избирать судью, которымъ оно довольно, сколько угодно разъ, хотя бы и въ теченіи всей его жизни. Продлить срокъ, значитъ только требовать, чтобы общество принуждено было терпѣть подольше судей неудовлетворительныхъ въ ожиданіи, что опытность ихъ исправитъ. Другое практическое возраженіе болѣе вѣско: говорятъ, человѣкъ, принимающій на себя должность мирового судьи, долженъ устроить извѣстнымъ образомъ свои домашнія дѣла, напр., поселиться въ городѣ съ семействомъ, обзавестись квартирою, отказаться отъ иной профессіи, которая общала бы ему большую обезпеченность въ будущемъ, и что на три года устроиваться не стоить; что у насъ, на безлюдьѣ, человѣку образованному и извѣстному обществу по своей нравственной благонадежности, притомъ же не совершенно лишенному иныхъ средствъ къ существованію, должна быть иная цѣна, чѣмъ жалованье мирового судьи всего на три года; что боль-

шинство мировыхъ судей тяготится именно этой неопредѣленностью своей профессіи и стараются, при какихъ-либо связяхъ, перейти на безсмѣнные судебныя должности; что, при необезпеченности положенія мирового судьи, лица, принимающія эту должность, смотрятъ на нее, только какъ на переходную ступень, какъ на мѣсто, которое они принимаютъ за неимѣніемъ лучшаго и въ ожиданіи лучшаго, подобно тому, какъ воспитанники духовныхъ семинарій принимаютъ мѣста сельскихъ учителей. Въ этомъ возраженіи есть основаніе вполне реальное; тѣмъ не менѣе, мы не можемъ принять его въ основаніе для рѣшенія вопроса. Для того, чтобы устранить это возраженіе, для того, чтобы сдѣлать званіе мирового судьи болѣе обезпеченной профессіею, пришлось бы уже не продлить службу мировыхъ судей годомъ или двумя, но по меньшей мѣрѣ удвоить, и пожалуй, утроить ея срокъ и даже сдѣлать ее пожизненною. Но, вступивъ на этотъ путь, мы тотчасъ измѣнили бы характеръ самаго учрежденія, и тогда уже не было бы повода не требовать отъ лицъ, назначаемыхъ въ эту должность, юридическихъ познаній, а стало быть, нужно просто назначать судей отъ правительства. Неопредѣленность, необезпеченность личнаго положенія мирового судьи, избираемаго обществомъ, въ одинаковой степени присуща всѣмъ выборнымъ лицамъ; насколько они не увѣрены, что имъ удалось упрочить за собой сочувствіе большинства избирателей, настолько личное ихъ положеніе, въ дѣйствительности, остается не обезпеченнымъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что выборныя должности, требующія труда, могутъ быть принимаемы только людьми, неимѣющими въ виду ничего лучшаго и въ ожиданіи другого мѣста, лучшаго съ профессиональной точки зрѣнія? Вѣдь служеніе по выборамъ не есть профессія и не должна быть ею.

Мы склонны думать, что большинство судебныхъ мѣстъ и лицъ, мнѣнія которыхъ были затребованы по настоящему вопросу и которыя склонялись въ пользу продленія срока и даже введенія безсмѣнности службы мировыхъ судей, взглянули на дѣло именно съ своей профессиональной точки зрѣнія. Мировые съѣзды, состоящіе изъ мировыхъ судей, естественно приняли во вниманіе интересъ имъ ближайшій—интересъ самой профессіи. Но вотъ это-то обстоятельство и лишаетъ значенія тотъ фактъ, что большинство учреждений судебного вѣдомства высказалось противъ удержанія трехлѣтняго срока. Мировые съѣзды въ настоящемъ случаѣ являются борцами pro domo sua, и потому ихъ мнѣніе значенія имѣть не можетъ. Что касается общихъ судебныхъ установленій, состоящихъ изъ членовъ безсмѣнныхъ, то они хотя и не прямо заинтересованы въ дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе могутъ быть предубѣждены въ силу той несмѣна-

мости, которою сами, по справедливости, такъ дорожатъ. Но главное—они совершенно чужды земству, и на основаніи ихъ голоса нельзя касаться интересовъ земства, не спросивъ его мнѣнія, какъ стороны, которая и близко стоитъ къ дѣлу, и не имѣетъ къ нему профессиональнаго отношенія. Мировые судьи—органы общественнаго самосуда; представительство общества—земскія учрежденія; избираетъ и содержитъ мировыхъ судей земство; лишеніе земства права въ установленный нынѣ срокъ избирать тѣхъ же лицъ вновь или избирать другихъ, есть нѣкоторое ограниченіе земскаго контроля и во всякомъ случаѣ прикосновеніе къ важному интересу земства. Какъ же дѣлать его, не спрося мнѣнія земства; какъ рѣшать дѣло безъ хозяина и на основаніи постороннихъ взглядовъ; какъ продлить сроки довѣренностей, безъ прямого согласія довѣрителя, то есть земства. Конечно, еслибы такой законъ былъ изданъ и безъ вытребованія мнѣній земства, то онъ все-таки будетъ закономъ, подлежащимъ всеобщему уваженію. Но вѣдь такимъ же образомъ можно было бы, напримѣръ, ввести посредствомъ закона какое-либо существенное ограниченіе правъ, однажды дарованныхъ земству. Не можетъ быть сомнѣнія, что правительство имѣло бы полное право сдѣлать это, но несомнѣнно также, что не желательно какое-либо ограниченіе правъ, однажды дарованныхъ, безъ предварительнаго выслушанія мнѣнія тѣхъ, кому права эти дарованы. Здѣсь мы встрѣчаемся уже съ принципомъ общаго свойства, и съ этой точки зрѣнія трехлѣтній срокъ службы мировыхъ судей, не особенно важный при самомъ его опредѣленіи (можно было остановиться и на двухлѣтнемъ и на четырехлѣтнемъ срокѣ), получаетъ особое значеніе потому именно, что онъ есть срокъ существующій, составная часть земской привилегіи, которой измѣненіе безъ спроса земства, хотя и могло бы быть вполне законно, но не можетъ быть желательно.

Итакъ, намъ кажется, что предположеніе о продленіи срока службы мировыхъ судей необходимо было бы передать прежде всего на обсужденіе земства, и не рѣшать вопросъ на основаніи мнѣній, постороннихъ ему или профессионально въ немъ заинтересованныхъ судебныхъ установленій. Затѣмъ, когда вопросъ поступилъ бы на обсужденіе земства, то трехлѣтній срокъ утратилъ бы свое нынѣшнее особое значеніе. Но и тогда наиболѣе вѣскіе аргументы ратовали бы въ пользу сохраненія этого срока. Какъ мы уже замѣтили, изъ приведенныхъ выше доводовъ противъ трехлѣтняго срока имѣютъ реальное значеніе только тѣ, которые исходятъ изъ чисто-профессиональной точки зрѣнія. Приданіе выборному лицу болѣе самостоятельности отъ избирателей есть такая же логическая несообразность, какъ избраніе французскимъ національнымъ собраніемъ безусловно

на 7 лѣтъ власти, которую оно можетъ законно отмѣнить всякій день. Что же касается доводовъ профессиональнаго свойства, то мы уже указывали, что служба по выборамъ вообще не есть профессія и что законъ, учреждая мировыхъ судей, не хотѣлъ создать въ нихъ юристовъ по профессіи, но разумѣлъ должность мирового судьи, какъ общественную обязанность, несомую, по избранію общества, мѣстными обывателями, заслужившими общее уваженіе. Денежное вознагражденіе присвоено лицамъ, занимающимъ эту должность, за требуемый ею усиленный трудъ, но оно ничего не измѣняетъ въ характерѣ самого учрежденія.

Коснувшись судебной области, останемся въ ней еще на нѣсколькихъ минутахъ, чтобы занести въ нашу хронику нѣсколько фактовъ, касающихся отношеній новаго суда къ обществу. Въ прошломъ апрѣлѣ въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената разсматривалось дѣло по жалобѣ г. Тереховича на бывшаго оберъ-прокурора 1-го департамента сената, представляющее значительный интересъ. Тереховичъ, какъ усматривается изъ этой новой его жалобы, сперва подавалъ жалобу въ 1-й департаментъ сената и министру юстиціи на подлоги, будто бы допущенные докладчикомъ, служащимъ при этомъ департаментѣ, въ дѣлѣ его, Тереховича, производившемся тамъ же. По этой первой жалобѣ сенатъ пояснилъ, что въ случаѣ, если обвиненіе, взведенное имъ на докладчика, окажется неосновательнымъ, онъ, Тереховичъ, будетъ подлежать законной отвѣтственности. Нынѣ Тереховичъ жалуется, что дѣлу о виновности или невинности докладчика не было дано ходу, и, поэтому, неосновательность его обвиненія доказана не была, а между тѣмъ, оберъ-прокуроръ 1-го департамента прямо приступилъ къ преслѣдованію его, обвинителя; что онъ, вслѣдствіе того, находился въ предварительномъ заключеніи 9½ мѣсяцевъ и, наконецъ, по рѣшенію окружнаго суда, обвиненіе его самого, т.-е. Тереховича, признано было возбужденнымъ неправильно. Что же касается докладчика, то его дѣло, по словамъ Тереховича, и доселѣ не разсматривается. Вслѣдствіе того, въ нынѣшней своей жалобѣ Тереховичъ просилъ уголовный кассационный департаментъ разъяснить ему слѣдующіе поставленные имъ вопросы: „1) должно ли преступленіе должностнаго лица остаться не разслѣдованнымъ; 2) должно ли частное лицо, потерпѣвшее отъ подлога, оставаться безъ удовлетворенія, и 3) должно ли преступленіе остаться безъ исправленія причиненнаго имъ вреда?“

При разсмотрѣніи этой (второй) жалобы Тереховича въ уголовномъ департаментѣ, товарищъ оберъ-прокурора указалъ собственно на тотъ фактъ, что власть сената по уголовному кассационному де-

партаменту распространяется только на новыя судебныя учрежденія, образованныя на основаніи уставовъ 20-го ноября 1864 года, а 1-й департаментъ сената къ числу тѣхъ учрежденій не относится, и, поэтому, предлагалъ признать жалобу Тереховича не подлежащую обсужденію сената. Жалоба и была оставлена безъ разсмотрѣнія, а просителю указанъ былъ иной порядокъ возбужденія дѣла.

Въ этомъ дѣлѣ есть двѣ стороны, изъ которыхъ насъ занимаетъ только одна: во-первыхъ, Тереховичъ жалуется на чиновника 1-го департамента сената; во-вторыхъ, прокуроръ этого департамента преслѣдуетъ судебнымъ порядкомъ самого Тереховича, обвинявшаго чиновника. Жалобу на чиновника мы оставимъ въ сторонѣ; мы не имѣемъ права составлять себѣ мнѣнія объ этомъ предметѣ на основаніи одной жалобы Тереховича; не знаемъ, былъ или не былъ данъ ходъ взведенному имъ на чиновника обвиненію; наконецъ, возбужденіе частными лицами отвѣтственности должностныхъ лицъ администраціи есть вопросъ, не имѣющій ничего общаго съ отношеніями *нового суда* къ обществу. Но вотъ гдѣ такое отношеніе является: новый судъ, въ лицѣ окружнаго суда, призналъ обвиненіе противъ Тереховича возбужденнымъ неправильно; между тѣмъ онъ 9½ мѣсяцовъ просидѣлъ въ заключеніи по такому обвиненію. Основательно или неосновательно было это обвиненіе—другой вопросъ; этого нельзя было знать до приговора суда; но какимъ образомъ могло быть сдѣлано распоряженіе о предварительномъ заключеніи человѣка по такому обвиненію, которое было возбуждено неправильно? Какимъ образомъ потребовалось 9½ мѣсяцовъ на производство столь простаго дѣла, которое могло быть приготовлено къ сужденію и рѣшено въ недѣлю, между тѣмъ какъ человѣкъ сидѣлъ все это время въ заключеніи? Лишеніе свободы есть мѣра крайне тяжкая, и общество заинтересовано въ томъ, чтобы предварительное заключеніе было именно не чѣмъ инымъ, какъ только средствомъ къ пресѣченію обвиненному способовъ укрыться отъ суда; никому и въ мыслъ не должно приходить, чтобы когда-либо такая мѣра, какъ предварительное заключеніе, могла, намѣренно или случайно, обращаться въ мѣру наказанія, употребленнаго судебными органами за неуваженіе къ кому-либо изъ нихъ, ихъ подчиненныхъ или ихъ товарищей. Вотъ почему мы и коснулись этого дѣла. Медленность дѣлопроизводства въ здѣшнемъ окружномъ судѣ возбуждаетъ немало жалобъ въ публикѣ, и мы не видимъ причины не заявлять о томъ въ печати. Но эта медленность, когда съ нею связано предварительное заключеніе по обвиненію, которое чрезъ 9½ мѣсяцовъ оказывается и возбужденнымъ-то неправильно, является уже требующею разъясненія. Чѣмъ болѣе мы дорожимъ формами

новаго суда, тѣмъ заботливѣе мы должны охранять ихъ отъ нареканій за упущенія лицъ.

Другіе два судебные факта, о которыхъ мы хотимъ упомянуть, принадлежать къ совсѣмъ иной категоріи. Въ воронежскомъ окружномъ судѣ производилось весьма любопытное дѣло о „мнимыхъ чудесахъ“. Въ усманскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи, въ селѣ Новочеркутинѣ живутъ близъ церкви нѣсколько „черничекъ“, которыхъ народъ признаетъ монахинями. У одной изъ этихъ черничекъ, Грачевой, была икона, съ которою и стали происходить мнимыя чудеса, а именно: появленіе капель пота, истеченіе благовоннаго елѣя, переходъ самой иконы на другое мѣсто,—однимъ словомъ, всѣ тѣ явленія, которыя признаются чудесными народомъ. Сверхъ того, въ кельѣ Грачевой еще слышались голоса, которые она приписывала святымъ. Изъ отчета о дѣлѣ, какой былъ напечатанъ, не видно, чтобы эти мнимыя чудеса производились Грачевой съ корыстной цѣлью, и въ самомъ приговорѣ суда о ней она не была признана виновною въ вымогательствѣ денегъ посредствомъ обмана—единственнымъ дѣйствіемъ, за которое по законамъ, существующимъ гдѣ-либо въ остальной Европѣ, виновная могла бы подлежать судебной карѣ. Нѣтъ, судъ призналъ Грачеву виновной только „въ распространеніи съ умысломъ ложныхъ чудесъ“, за чтó и приговорилъ ее къ заключенію въ смиренномъ домѣ на три мѣсяца. Судъ постановилъ рѣшеніе по закону, но мы о законѣ-то и говоримъ. Это одинъ изъ тѣхъ законовъ прежняго времени, подвергающихъ гражданъ свѣтскимъ карамъ по чисто-религіознымъ поводамъ. Считаемъ долгомъ по временамъ возвращаться къ указанію на необходимость пересмотра подобныхъ законовъ, которые продолжаютъ рѣзко отдѣлять Россію отъ всей западной Европы. Пока законъ существуетъ, судъ, конечно, долженъ примѣнять его. Но какой цѣли достигаетъ подобный законъ? Нельзя, конечно, ожидать, чтобы приговоръ свѣтскаго суда, признавшій чудеса ложными и осудившій Грачеву на заключеніе, удовлетворилъ тѣхъ, кто чудесамъ этимъ давалъ вѣру. Образованнаго же общества онъ также удовлетворить не можетъ. Все дѣло въ настоящемъ случаѣ сводилось, значить, къ рѣшенію воронежскимъ окружнымъ судомъ вопроса о томъ, ложны ли были чудеса, или нѣтъ. Компетентность свѣтскаго суда въ рѣшеніи религіознаго вопроса можетъ быть признаваема или не признаваема, смотря по убѣжденію каждаго читателя. Но, вѣдь, законъ, полагая наказаніе за распространеніе ложныхъ чудесъ, тѣмъ самымъ допускаетъ, что чудеса могли оказаться и истинными, если бы ихъ призналъ таковыми судъ. Спрашивается, въ какомъ положеніи нашелся бы судъ, еслибы онъ не могъ составить себѣ положительнаго убѣжденія о ложности чудесъ, и еще

спрашивается, было ли бы достаточно рѣшенія свѣтскаго суда для того, чтобы удостовѣрить истинность чудесныхъ явленій? Если же нѣтъ, если истинность чуда могла бы быть признана только удостовѣреніемъ высшей духовной власти, то какимъ же образомъ ложность ихъ могла быть достаточно удостовѣрена свѣтскимъ судомъ?

Ясно, что изъ затруднительнаго положенія, въ какое безпрестанно становятся наши новые суды по вопросамъ религіозныхъ убѣжденій, выходъ одинъ — пересмотръ всѣхъ прежнихъ законовъ, призывающихъ свѣтское вмѣшательство и свѣтскія кары въ область религіозныхъ убѣжденій. Другой примѣръ, доказывающій то же самое, представился недавно въ военно-морскомъ судѣ при петербургскомъ портѣ. Матросъ Карташевъ, раскольникъ безпоповщинской секты, судился за неповиновеніе своему командиру: получивъ приказаніе обрить бороду, онъ прямо отказался исполнить это приказаніе. Судъ, въ виду факта преступленія, приговорилъ Карташева къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ военно-исправительныя роты на годъ; но принявъ во вниманіе, что отказъ Карташева исходилъ не изъ неподчиненности, а изъ религіознаго убѣжденія, постановилъ ходатайствовать предъ верховной властью о полномъ помилованіи Карташева. Итакъ, судъ только чрезвычайнымъ путемъ можетъ выйти изъ затрудненія, и прибѣгаетъ къ этому пути по справедливости. Въ старину, когда были установлены свѣтскія кары за отпаденіе отъ вѣры, самая принадлежность Карташева къ расколу не облегчила бы его участи, но скорѣе подвергла бы усугубленію кары. Итакъ, по сознанію самихъ судовъ, прежнее отношеніе свѣтскаго закона къ религіознымъ вопросамъ уже непримѣнимо въ настоящее время; стало быть, тѣ законы должны быть отмѣнены, иначе понятія самихъ судовъ о справедливости будутъ безпрестанно приходить въ столкновеніе съ буквою закона — положеніе дѣлъ крайне-нераціональное и неудобное. Въ апрѣлѣ, въ „Голосъ“ было сообщено изъ Иванова-Вознесенска, что на первыхъ дняхъ пасхи былъ неожиданно арестованъ въ этомъ городѣ и вывезенъ оттуда „коренной мѣстный гражданинъ О. С. Уткинъ“, и что молва приписывала это тому обстоятельству, что г. Уткинъ принадлежитъ къ сектѣ „бѣгуновъ“. Въ то же время въ „Кіевлянинъ“ было сообщено, что „представители извѣстной на юго-западѣ Россіи секты штундистовъ обратились будто бы въ Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, съ цѣлью добиться заступничества въ пользу одного изъ главнѣйшихъ приверженцовъ этой секты, Григорія Балабана, находящагося въ настоящее время въ тюремномъ заключеніи“. Пусть обращеніе штундистовъ къ Соединеннымъ Штатамъ и оказалось бы только слухомъ, но сообщенные факты относительно Уткина и Балабана опровергнуты не были. Евро-

пейская печать, и въ особенности англійская, которая въ настоящее время все ближе и ближе знакомится съ русскими дѣлами, найдетъ затруднительнымъ согласить подобные факты съ мнѣніемъ о русской вѣротерпимости.

Отмѣна законовъ, изданныхъ въ давнее, совершенно иное время, представляется совершенной необходимостью, съ какой стороны ни взглянуть на этотъ вопросъ. Отмѣна ихъ необходима для прекращенія тѣхъ отдѣльныхъ мѣръ религіознаго преслѣдованія, какія всегда могутъ проявляться, даже вопреки намѣреніямъ высшаго правительства, пока подобные законы существуютъ. Отмѣна ихъ необходима, наконецъ, хотя бы для того, чтобы устранить изъ нашего законодательства очевидное самопротиворѣчіе. Такъ, законы, о которыхъ мы говоримъ, совершенно противорѣчатъ статьѣ 97 Св. зак. уст. о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, въ которой сказано: „одна господствующая церковь имѣетъ право *убѣждать* непринадлежащихъ къ ней подданныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ; но сія вѣра порождается благодатію Господнею, поученіемъ, кротостію и болѣе всего добрыми примѣрами. Почему, господствующая церковь не дозволяетъ себѣ ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ при обращеніи послѣдователей иныхъ исповѣданій и всѣхъ къ православію, и тѣмъ изъ нихъ, кои приступить къ нему не желаютъ, отнюдь ничѣмъ не угрожаетъ, поступая по образцу проповѣди апостольской“. Значеніе понудительныхъ средствъ, очевидно, остается то же самое, къ кому бы они ни примѣнились, къ родившимся ли въ иновѣрїи иновѣрцамъ или къ иновѣрцамъ, которые сами перешли въ иновѣріе. Средствомъ дѣйствія вѣры, по ученію православной церкви, изложенному въ приведенной статьѣ закона, представляется все-таки только одна сила — сила убѣжденія. Но могутъ ли свѣтскіе законы идти далѣе требованій и ученія самой церкви, и могутъ ли оставаться рядомъ, въ одномъ сводѣ, — и тѣ законы, которые угрожаютъ въ дѣлахъ религіозной совѣсти свѣтскими кѣрами, и тотъ, выше приведенный законъ, который съ такой христіанской гуманностью провозглашаетъ свѣтлое начало истинной вѣротерпимости?

Дальнѣйшій ходъ образованія новыхъ желѣзнодорожныхъ „обществъ“, составившихся по подпискамъ на оренбургскую, фастовскую, уральскую и привислянскую дороги, вполне соответствовалъ характеру подписки, при которой все дѣло было захвачено въ нѣсколько рукъ. Въ первыхъ общихъ собраніяхъ трехъ дорогъ, при выборѣ правленій и предоставленіи имъ начертанія плана дѣйствій, проявилось полное единогласіе, такъ какъ распорядители здѣсь, владея почти всею подпиской, сами себя избирали и сами себя уполно-

мочивали. Нѣсколько иначе обставлено было дѣло въ общихъ собраніяхъ привислянской дороги. Но отступленіе это совсѣмъ не означало, что привислянская дорога попала въ руки не концессионеровъ, а дѣйствительнаго общества самостоятельныхъ акціонеровъ. Напротивъ, исключительное зрѣлище въ собраніяхъ привислянской дороги представило, такъ-сказать, двойную иллюстрацію невыгодъ, сопряженныхъ съ подпискою, какъ она была произведена. Дѣло въ томъ, что несмотря на громадность капитала, внесеннаго г. Кроненбергомъ при подпискѣ на акціи этой дороги, ему не удалось захватить ее всю въ свои руки, такъ что въ общемъ собраніи онъ располагалъ только простымъ большинствомъ голосовъ, но не большинствомъ трехъ четвертей, какое требуется уставомъ для нѣкоторыхъ постановленій. Главнымъ конкурентомъ г. Кроненберга при подпискѣ былъ г. Блюхъ, поддерживаемый здѣшнимъ международнымъ банкомъ. Само собою разумѣется, что при подпискѣ, какъ она производилась по всѣмъ четыремъ дорогамъ, тѣ лица, которымъ не удалось взять дѣло, то-есть главнымъ образомъ постройку, въ свои руки, а между тѣмъ пришлось уплатить банкамъ по 2% со многихъ миллионѣвъ, занятыхъ для внесенія залога, должны были въслѣдствіи вступить въ соглашеніе съ побѣдителями, уступая имъ свои квитанціи — если тѣмъ онѣ были нужны для пріобрѣтенія большинства въ $\frac{3}{4}$ — по возможности по такой цѣнѣ, чтобы вознаградить себя за эту потерю. Но представимъ себѣ, что лицамъ, ставшимъ хозяевами дороги, не доставало до такого большинства въ $\frac{3}{4}$ всего какихъ-нибудь двухъ десятковъ голосовъ изъ слишкомъ тысячи. Если бы дѣло стояло только за возвращеніемъ побѣдителями побѣжденнымъ банковской преміи, уплаченной на эти 20 голосовъ, то не могло бы быть и вопроса; на подписной миллионъ приходилось бы заплатить 20 т., на $1\frac{1}{2}$ милл. — 30 т. р. — такія суммы брошены были бы побѣдителями безъ всякаго колебанія. Но, вѣдь, побѣжденные вносили залогъ не 1 милл., а 11 и болѣе миллионѣвъ, и сами уплатили банковую премію съ этой суммы. Стало быть, для вознагражденія своей потери имъ приходилось навязывать побѣдителямъ всю свою потерю, т.-е. требовать сотенъ тысячъ рублей отступного. Они не могли продавать 20 голосовъ, но желали, или продать сотни голосовъ, или не продавать пока ничего, но пользоваться отсутствіемъ у счастливыхъ соперниковъ большинства въ $\frac{3}{4}$ голосовъ и пользоваться своимъ меньшинствомъ для того, чтобы тормазить всѣ дѣйствія общества, въ надеждѣ принудить тѣмъ концессионеровъ дороги вступить-таки съ ними въ соглашеніе, чтобы отъ нихъ отдѣлаться, а именно уплатить имъ всю или почти всю ихъ потерю.

Такъ и было обставлено дѣло въ обществѣ привислянской дороги. Результаты голосованій показали, что на 82 акціонера, предъявив-

шихъ 41,205 акцій, съ правомъ на 1372 голоса, хозяева дороги располагали 1002 голосами, то-есть абсолютнымъ большинствомъ, но не 1026 голосами, т.-е. не тѣмъ числомъ, какое представляло бы большинство въ $\frac{3}{4}$. Въ меньшинствѣ, составившемъ оппозицію, было 367 голосовъ; изъ нихъ всего 24 голоса требовались бы хозяевамъ для полнаго распоряженія дѣлами; но этихъ 24 голоса они, по-видимому, не могли приобрести иначе, какъ приобрести всѣ 367 голосовъ оппозиціи, т.-е. уплативъ банковую премію съ представляемаго ими до развѣстки громаднaго капитала. Понятно, что хозяева предпочли бороться посредствомъ простого большинства, въ надеждѣ, что ходъ самаго дѣла, сила вещей, и поддержка министерства приведутъ-таки къ тому, что общество конституируется, и дѣло, естественно, останется въ рукахъ большинства. Меньшинство же, держась своего плана дѣйствій, занялось систематической оппозиціею, стараясь притомъ прикрываться, какъ то, къ сожалѣнію, вошло въ наши современные нравы, всѣми благонамѣренными, либеральными предложениями: защищая принципъ правъ меньшинства, необходимость строгаго контроля со стороны общаго собранія, выработку основъ для плана дѣйствій въ самомъ общемъ собраніи, предоставленіе членамъ общества цѣлаго мѣсяца для разсмотрѣнія плана дѣйствій, составленнаго правленіемъ, до созыва новаго общаго собранія, необходимость предварительнаго рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, и отсрочка до того времени избранія правленія. Всѣ эти принципы могутъ быть весьма либеральны. Но дѣло-то было совсѣмъ не въ нихъ, а въ томъ, чтобы взять побольше отступнаго. И вотъ, такимъ образомъ, тотъ фактъ, что въ привислянскихъ общихъ собраніяхъ явилась оппозиція и раздавались краснорѣчивые возгласы объ общественномъ контролѣ и вредѣ единодержавія въ акціонерномъ дѣлѣ—чего не было въ мирныхъ, „семейныхъ“ собраніяхъ другихъ дорогъ,—этотъ самый фактъ, говоримъ мы, не только не представлялъ ничего утѣшительнаго, но еще рѣзче выставлялъ собою всѣ невыгоды того порядка образованія компаній, при которомъ формы становятся призрачными, права—безправіемъ, убѣдительныя рѣчи—фальшивыми словозверженіями, и вся общественная обстановка дѣла—мало привлекательной комедіею биржевиновь.

Какъ одна, такъ и другая сторона навербовали ораторовъ, привезенъ былъ одинъ адвокатъ изъ Варшавы, другіе добыты были здѣсь. Впрочемъ, отъ ораторовъ требовалось одно качество—говорить гладко; убѣдительность никому не была нужна, такъ какъ нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, надѣяться убѣдить людей аргументаціею, чтобы они взяли или дали отступнаго, какъ можно меньше или какъ можно больше. Первое общее собраніе, происходившее 28-го апрѣля, не

привело ни къ чему; на второмъ собраніи, 12-го мая, представители меньшинства предлагали прочесть составленные ими записки о главныхъ основаніяхъ для выработки техническаго плана. Большинство, которое хотѣло просто поручить составленіе плана правленію, не желало слушать этихъ записокъ и, несмотря на кажущуюся нелиберальность такого взгляда, было совершенно право, потому что выслушивать записки о предиріятіи, составленные людьми, которые желаютъ изъ него выдти, но только не даромъ, было совершенно бесполезно. На этомъ собраніи состоялось, однако, избраніе членовъ правленія; выбраны были: г. Кроненбергъ, графъ Замоискій, гг. Арцымовичъ и Рудницкій; меньшинство въ 368 голосовъ воздержалось отъ участія въ выборахъ. Вопросъ о порученіи правленію выработать планъ дѣйствій остался опять не рѣшеннымъ; на него отвѣчали утвердительно 1002 голоса, и отрицательно 367; такимъ образомъ, необходимаго большинства трехъ четвертей не составилось, и для рѣшенія этого вопроса будетъ созвано новое общее собраніе (третье по числу, но считающееся вторымъ). Впрочемъ, собраніе 12-го мая единогласно приняло постановленіе, чтобы планъ дѣйствій былъ представленъ акціонерамъ на разсмотрѣніе въ правленіи не позже, какъ за три недѣли до созыва общаго собранія, которому будетъ подлежать утвержденіе этого плана. Для объясненія этихъ результатовъ слѣдуетъ упомянуть, что на основаніи устава всѣ вопросы въ общемъ собраніи рѣшаются большинствомъ не менѣе $\frac{3}{4}$ голосовъ присутствующихъ (а присутствующіе въ первыхъ двухъ собраніяхъ должны представлять не менѣе половины всего нарицательнаго акціонернаго капитала), кромѣ выборовъ, для законности которыхъ достаточно простого большинства. Вотъ почему меньшинству не было возможности провести въ правленіе кого-либо изъ своихъ членовъ, и оставалось только воздержаться отъ голосованія. Общій результатъ собранія 12-го мая былъ, впрочемъ, все-таки благоприятенъ той сторонѣ, которая взяла верхъ при подпискѣ и составила большинство въ собраніи. Дѣло въ томъ, что по уставу для рѣшенія такихъ вопросовъ, по которымъ въ первомъ собраніи не состоялось большинство $\frac{3}{4}$ голосовъ, созывается новое собраніе, и въ этомъ собраніи тѣ вопросы рѣшаются уже простымъ большинствомъ. Стало быть, можно было ожидать, что въ слѣдующемъ собраніи большинство около 1000 голосовъ поручитъ выработку плана дѣйствій правленію (кажто, впрочемъ, предполагается и уставомъ); тогда оппозиція потеряетъ главное свое орудіе для взятія достаточнаго отступнаго. Впрочемъ, не извѣстно еще, какія препятствія будутъ изобрѣтены вновь оппозиціею, чтобы удержать за собой тормазъ, отъ котораго надо было бы откупиться хотя бы дорогой цѣной. Несмотря на либеральность

тѣхъ принциповъ, къ которымъ она взывала, уже въ собраніи 28-го апрѣля было дано ея доказательство, что, въ случаѣ нужды, она не остановится даже и предъ очевидной несообразностью: собраніе это сочтено было несостоявшимся, потому что оппозиція отвѣчала отрицательно на вопросъ: признаетъ ли собраніе права акціонеровъ по выданнымъ имъ временнымъ свидѣтельствамъ на участіе въ общемъ собраніи? Поэтому, можно ожидать, что не въ слѣдующемъ собраніи, но въ томъ, которое будетъ создано впослѣдствіи для утвержденія плана дѣйствій, составленнаго правленіемъ, меньшинство не захочетъ подчиниться одержанной надъ нимъ побѣдѣ, и станетъ отвергать во что бы то ни стало всякія организаціонныя предложенія правленія. Какъ бы то ни было, ходъ дѣла въ собраніяхъ привилегіанской дороги, если отличался отъ хода дѣла въ собраніяхъ прочихъ трехъ дорогъ, то никакъ не въ смыслѣ дѣйствительности общественнаго контроля, но въ смыслѣ двойного злоупотребленія формами акціонернаго общества въ видахъ спекуляціи нѣсколькихъ лицъ, изъ которыхъ одни захватили дѣло, а другіе домогались отступного въ ущербъ дѣлу.

Устраненіе правилъ 30-го марта 1873 г., предоставленіе акціямъ новыхъ желѣзно-дорожныхъ компаній гарантіи безусловной, а разверстки ихъ между подписчиками полному усмотрѣнію министерства финансовъ, привели къ тому неизбежному и заранѣе предсказанному въ самыхъ правительственныхъ сферахъ результату, что акціонерныя компаніи образовались мнимыя, что четыре новыя дороги попали въ руки нѣсколькихъ извѣстныхъ крупныхъ предпринимателей. Такому конечному результату и сопровождавшей его спекулятивной игрѣ немало содѣйствовали и нѣкоторые условія открытія подписки: она была объявлена на всѣ четыре дороги въ одно время, съ короткимъ промежуткомъ: объявленіе о ней сдѣлано было всего за нѣсколько дней до времени, назначеннаго для подписки. Самая подписка была открыта не въ нѣсколькихъ пунктахъ и въ разныхъ банковыхъ учрежденіяхъ безразлично, за коммиссіонную плату—какъ предполагалось сперва—но была сосредоточена только въ двухъ пунктахъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, и притомъ только въ одномъ учрежденіи—государственномъ банкѣ и московской его конторѣ; залогъ при подпискѣ требовался наличными деньгами, а не государственными процентными бумагами; допущена была подписка по довѣренностямъ, съ переводомъ, затѣмъ, подписочныхъ квитанцій на другія имена; наконецъ, количеству акцій, на какое могло подписываться одно лицо, не было положено предѣла, такъ что одно лицо могло подписываться на количество акцій даже бѣльшее того, какое предъявлялось къ подпискѣ. Совокупность этихъ условій въ связи съ перемѣною

уставовъ не могли имѣть иного послѣдствія, какъ полную неудачу видовъ правительства, выразившихся въ правилахъ 30-го марта, на образованіе дѣйствительныхъ, серьезныхъ акціонерныхъ обществъ съ цѣлью предоставленія имъ постройки желѣзныхъ дорогъ.

Но четыре, разобранныя нынѣ прежними концессіонерами, линіи далеко не представляютъ собою всей новой сѣти, предполагаемой къ постройкѣ въ ближайшее время. Въ маѣ и іюнѣ 1873 года, министерствомъ путей сообщенія внесено было въ комитетъ министровъ представленіе о 14-ти желѣзныхъ дорогахъ, съ заключеніемъ о строительной цѣнѣ 10-ти изъ нихъ; къ осени того же года внесены были уже и проекты уставовъ 8-ми изъ этихъ дорогъ, съ техническими условіями и расцѣночными вѣдомостями. Изъ этихъ 8-ми уставовъ комитетомъ министровъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1873 г. были рассмотрѣны уставы тѣхъ 4-хъ дорогъ, на которыя нынѣ произведена была подписка, послѣ изданія для нихъ уставовъ сперва 18-го ноября 1873 г., потомъ 22-го февраля 1874 г. Въ какомъ положеніи нынѣ находится дѣло остальныхъ дорогъ, включенныхъ въ представленіе прошлаго года, — нельзя сказать съ опредѣлительностью.

Полнаго предположенія о „сѣти желѣзныхъ дорогъ, разрѣшаемыхъ къ постройкѣ“, предположенія въ видѣ полной правительственной программы дальнѣйшаго развитія желѣзно-дорожнаго строительства въ настоящее время, повидимому, не имѣется (послѣдняя изъ нихъ была утверждена въ 1870 г., и въ главныхъ чертахъ уже приведена или приводится въ исполненіе), и самый комитетъ желѣзныхъ дорогъ, который обсуждалъ эти сѣти, въ началѣ 1874 года былъ упраздненъ, а обязанности его переданы комитету министровъ. Извѣстно однако, что въ настоящее время преимущественное вниманіе правительства обратилось на постройку такъ-называемыхъ „стратегическихъ“ дорогъ, т.-е. дорогъ, предназначаемыхъ прежде всего съ военной цѣлью, полезныхъ съ военной точки зрѣнія. По слухамъ, въ 1874 году министерство путей сообщенія въ новомъ представленіи комитету министровъ занялось именно проектомъ такихъ военныхъ дорогъ, составило имъ программу, которая теперь и получаетъ какъ-бы значеніе прежнихъ „сѣтей“. Въ эту программу, по слухамъ, включено 13 новыхъ дорогъ, протяженіемъ въ около 5½ тысячъ верстъ. Эти линіи слѣдующія: 1) брянско-брестская, съ 3-мя вѣтвями; 2) витебско-гомельская; 3) бологовско-рижская; 4) керче-симферопольская; 5) одесско-перекопская (эти двѣ линіи, примыкающія къ севастопольской дорогѣ, могутъ быть принимаемы за одну керче-одесскую дорогу); 6) одесско-новоселицкую (къ австрійской границѣ); 7) козловско-казанская, съ вѣтвью на Муромъ; 8) алексѣевско-чул-

ковская (соединеніе рязско-моршанской дороги съ нижегородскою; 9) три соединительныхъ пути между дорогами грязе-царицынской, воронежско-ростовскою и курско-азовскою; 10) ржевско-вяземская, и 11) соединеніе нашей желѣзно-дорожной сѣти съ Галацомъ. Такова, сколько извѣстно, проектированная сѣть дорогъ полезныхъ съ военной точки зрѣнія. Означаетъ ли это, что вниманіе правительства отнынѣ преимущественно остановится на постройкѣ такихъ, стратегическихъ дорогъ — еще неизвѣстно. Сѣть эта должна еще разсматриваться въ комитетѣ министровъ, но въ ближайшее время, по слухамъ, будетъ приступлено къ постройкѣ двухъ дорогъ: донецкой и мелитопольской.

Какая же система будетъ принята при постройкѣ этихъ дорогъ? Правила 30-го марта 1873 г. не отмѣнены формальнымъ образомъ, но вполне устранены извѣстнымъ образомъ ихъ примѣненія на первый же разъ. Теперь трудно ожидать, чтобы даже и строгое ихъ соблюденіе въ уставахъ новыхъ дорогъ, въ случаѣ предоставленія таковыхъ акціонернымъ обществамъ, могло привести къ цѣли, то есть къ образованію серьезныхъ акціонерныхъ обществъ для ихъ постройки. Пусть были бы устранены и безусловная гарантія, и выпускъ акцій по нарицательной цѣнѣ и другія условія, способствовавшія игрѣ и захвату концессионерами послѣднихъ подписокъ, но впечатлѣніе, произведенное этимъ результатомъ на публику, изгладится не скоро; и если прежде можно было ожидать, что при введеніи новыхъ правилъ лица изъ публики станутъ подписываться на желѣзно-дорожныя акціи (при низкой цѣнѣ выпуска, конечно), иначе, чѣмъ съ цѣлью перепродажи ихъ крупнымъ промышленникамъ, то теперь этого уже ожидать нельзя. Да и трудно себѣ представить, чтобы послѣ дарованія акціямъ четырехъ линій безусловной гарантіи, можно было реализовать нынѣ акціи новыхъ дорогъ безъ этого условія; во всякомъ случаѣ ихъ пришлось бы уже выпускать не по 86% цѣнности, какъ предполагалось сперва министерствомъ путей сообщенія, а быть можетъ по 75%, и ниже. Но еслибы, такимъ образомъ, для самой реализаціи акцій терялась $\frac{1}{4}$ представляемаго ими капитала, то какой же смыслъ имѣло бы затѣмъ и самое образованіе акціонерныхъ обществъ для постройки желѣзныхъ дорогъ? Когда у насъ ссылаются на примѣръ нѣкоторыхъ странъ Запада въ доказательство, что посредствомъ частныхъ компаній желѣзныя дороги строятся дешевле, чѣмъ при непосредственной государственной постройкѣ, то при этомъ нерѣдко упускаютъ изъ виду существенное различіе нашего *частнаго* желѣзно-дорожнаго строительства отъ иностраннаго. Особенность нашего порядка постройки желѣзныхъ дорогъ при посредствѣ частныхъ предпринимателей представляется тѣмъ, что главную тя-

гость расходовъ несетъ на себѣ все-таки правительство: оно даетъ частнымъ предпринимателямъ или обществамъ $\frac{3}{4}$ капитала для постройки, и остальную $\frac{1}{4}$ гарантируетъ; иногда даже и эта $\frac{1}{4}$, представляемая капиталомъ акцій, не вполне реализуется, принимается правительствомъ на себя, или вызываетъ себѣ въ помощь новыя денежные ссуды со стороны государства, которыя и остаются на обществахъ долгомъ на неопредѣленное время.

Если сложить всѣ пожертвованія правительства на постройку желѣзныхъ дорогъ посредствомъ частныхъ обществъ, какъ-то: расходъ по реализаціи займовъ, уплату гарантій и неизбежную со временемъ потерю на неоплатныхъ долгахъ нѣкоторыхъ обществъ, то это представить такой громадный капиталъ, который никакъ не можетъ уравниваться сравнительной дешевизной постройки, тѣмъ болѣе, что и самая эта относительная дешевизна представляетъ еще фактъ довольно сомнительнаго свойства. Примѣръ николаевской дороги, первой большой дороги, построенной въ Россіи, который обыкновенно приводится въ доказательство дороговизны государственной постройки, не годится для сравненія уже потому именно, что это былъ первый примѣръ; государство позволило себѣ на ней такую роскошь постройки, какая немыслима нынѣ: монументальность станціонныхъ зданій и мостовъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, которые можно было обойти, съ небольшою прибавкою на удлинненіе рельсоваго пути, разведеніе садовъ при станціяхъ и т. п. Московско-курская казенная дорога обошлась не дороже частныхъ — Петербурго-варшавской и нижегородской, строившихся въ томъ же періодѣ времени. Въ послѣдніе годы правительственная постройка финляндской и ливенской дорогъ обошлась гораздо дешевле современныхъ частныхъ построекъ. Правда, ливенская дорога — узкоколейная, но за то она снабжена такимъ подвижнымъ составомъ, который значительно, чѣмъ требующійся на частныхъ ширококолейныхъ. Самое удешевленіе цѣны частныхъ построекъ, обыкновенно приписываемое одной конкуренціи между предпринимателями, въ значительной степени зависѣло прямо отъ производства, по распоряженію министерства путей сообщенія посредствомъ его инженеровъ, предварительныхъ изысканій по предположеннымъ къ постройкѣ линіямъ, на основаніи каковыхъ изысканій строительная ихъ стоимость и была опредѣляема уже самимъ министерствомъ, между тѣмъ какъ въ прежнее время строительная стоимость опредѣлялась просто на основаніи исчисленій самихъ концессіонеровъ. Кромѣ всего этого, надо же принимать въ расчетъ и сравнительное достоинство самой постройки. Полезно ли удешевленіе постройки, если оно достигается во вредъ ея прочности, и можно ли постройку по сравнительно низкой цѣнѣ

признавать дешевою, если она неудовлетворительна и достигнута посредством непрочности работъ, которыя потребуютъ потомъ преувеличеннаго ремонта, и насчетъ подвижнаго состава, недостаточность котораго стѣснить затѣмъ движеніе? Недостаточность подвижнаго состава, которая прямо входитъ въ расчетъ предпринимателей, спекулировавшихъ на самую постройку, а не на эксплуатацію, составляетъ явленіе болѣе или менѣе общее всѣмъ частнымъ дорогамъ, и производитъ то, что у насъ доселѣ продолжается невиданное въ Европѣ явленіе — существуетъ обозная перевозка въ отдаленные пункты, настоящая караванная торговля, рядомъ съ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ тѣхъ же пунктовъ. Иначе и быть не можетъ, когда товарные грузы, по недостаточности подвижнаго состава, залеживаются на станціяхъ неопредѣленное время, нерѣдко предаваясь порчѣ или ставя отправителей въ невозможность исполнить срочныя обязательства. Явленіе это столь повсемѣстно, что оно даже вызывало общія предписанія и правила со стороны министерства путей сообщенія. Но никакими предписаніями нельзя заставить людей, которымъ всевозможное сбереженіе на подвижномъ составѣ составляетъ прямую выгоду, отказаться отъ такой выгоды. Не говоримъ уже о соображеніяхъ иного рода: объ опасности, какою дурно-построенныя дороги угрожаютъ человѣческой жизни, и объ обязанности государства охранять ее. Можно ли признавать дешевою постройку при такихъ условіяхъ, которыя прямо уменьшаютъ пользу и увеличиваютъ опасность желѣзнодорожнаго сообщенія? Между тѣмъ, если вопросъ о сравнительной дешевизнѣ постройки государствомъ или частными лицами еще не вполне ясенъ, то одно ясно до очевидности, а именно тотъ фактъ, что дороги, построенныя непосредственно государствомъ, построены гораздо лучше частныхъ.

Да и возможно ли ожидать, чтобы частныя дороги строились вполне удовлетворительно, когда спекуляція на нихъ вся именно и рассчитана на барышъ, извлекаемый изъ самой постройки? Возьмемъ четыре сданныя по послѣднимъ подпискамъ линіи. Въ какихъ финансовыхъ условіяхъ приняли ихъ предприниматели для постройки? Они, во-первыхъ, теряли при подпискѣ *à la pari* около 4% со всего капитала акцій, которыя достались въ ихъ руки, такъ какъ брали бумаги хотя и съ присвоеннымъ имъ безусловно доходомъ въ 5%, но брали ихъ по такой цѣнѣ, которая была на 4% выше правительственныхъ же 5% бумагъ. Но это еще не важно въ сравненіи съ той коммиссіей, какую предприниматели должны были заплатить банкамъ, чтобы добыть для подписки баснословные наличные капиталы. Съ громадныхъ капиталовъ, внесенныхъ ими въ государственный банкъ въ видѣ 10% залоговъ изъ суммы въ 25, въ 40 и даже въ 174 ра-

за превышавшей подписной капиталъ, они платили банкамъ по 2% и по 3%. Они платили еще премію мелкимъ промышленникамъ, скупая недостававшее имъ число акцій, а крупнымъ промышленникамъ платили отступныя. Кто же nibудь наконецъ долженъ полатиться за эти непроизводительные расходы! За нихъ, очевидно, должна полатиться—*постройка*. Она должна не только полатиться за нихъ, она должна вознаградить ихъ, и никакія мѣропріятія не могутъ устранить этого, потому что того требуетъ сила вещей. Намъ могутъ возразить, что правительству все-таки принадлежитъ надзоръ за правильностью постройки, что построенныя дороги будутъ свидѣтельствоваться инженерами. Странное противорѣчіе — не полагаться на инженеровъ для самаго производства постройки, нарочно прибѣгать къ посредству коммерсантовъ, которымъ дороги эти будутъ строить тѣ же самые инженеры, но такъ, чтобы постройка вознаградила предпринимателей за всѣ ихъ предварительные расходы и дала имъ же достаточный барышъ; обставлятъ въдобавокъ дѣло такими формами, чтобы предварительные расходы, подлежащіе возвращенію предпринимателямъ изъ постройки, были по возможности велики,—и потомъ, въ концѣ-концовъ, все-таки ставить все дѣло въ зависимость отъ добросовѣстности и усердія къ общественнымъ интересамъ тѣхъ же инженеровъ, которымъ какъ бы боялись прямо поручить постройку; основывать на ихъ свидѣтельствovanіи всю надежду на прочность дорогъ и утѣшать себя мыслию, что если инженеры, которымъ не рѣшаются поручить постройку—произвели свидѣтельствованіе дороги, то ужъ она будетъ хороша.

Отъ насъ далека мысль допускать предположеніе сколько-нибудь невыгодное для инженеровъ путей сообщенія. Но если, предупреждая возможное возраженіе, мы и допустили бы на минуту — какъ того требуетъ ходъ аргументаціи,—что казенные строители могутъ изыскать для себя недозволенный барышъ изъ постройки, то все-таки слишкомъ очевидно, что барышъ этотъ, при величайшихъ злоупотребленіяхъ, все же не могъ бы составить и малой части доли того колоссальнаго барыша, на какой рассчитываетъ и какой принужденъ извлекать изъ постройки концессіонеръ. Пусть возможны злоупотребленія, пусть ихъ не всегда можно замѣтить; но милліоны рублей не могутъ перейти въ чьи-либо карманы недозволеннымъ образомъ, не бывъ замѣченны. Другое дѣло, когда дорога сдана концессіонеру, подъ видомъ общества, въ полное распоряженіе. Онъ прямо и беретъ дорогу для барыша, и она дается ему для барыша, какъ всякій подрядъ или откупъ. А такъ какъ въ конечномъ результатѣ приходится все-таки полагаться на свидѣтельствованіе дороги инженерами, то не рациональнѣе ли прямо строить дорогу отъ пра-

вительства чрезъ нихъ. Для понимающихъ дѣло ясно, что строгое, точное свидѣтельствованіе строймой и построенной концессіонеромъ дороги гораздо менѣе удобоисполнимо, чѣмъ честное, точное производство постройки. Уже одно затруднительное соображеніе, что же дѣлать съ произведенною постройкою, если на ней и замѣчаются, положимъ, какія-нибудь второстепенныя отступленія отъ проекта и техническихъ правилъ — приводитъ къ необходимости дѣлать уступки, потому что иначе концессіонеръ вопіетъ о разореніи, и вопіетъ не предъ лицомъ наблюдающихъ или свидѣтельствующихъ инженеровъ, которыхъ онъ иногда и знать не хочетъ, но гораздо выше.

Государство даетъ для постройки большую часть капитала, а остальную часть гарантируетъ; оно же воспитываетъ инженеровъ и потомъ на нихъ полагается для удостовѣренія въ прочности самой постройки. Итакъ, всѣ финансовыя и умственные средства для постройки желѣзныхъ дорогъ даются государствомъ. Но вмѣсто того, чтобы, соотвѣтственно этимъ условіямъ, производить и постройку и эксплуатацію дорогъ прямо отъ государства, какъ то съ песомѣннымъ успѣхомъ дѣлается въ Бельгій, а отчасти и въ Германіи, мы беремъ примѣръ съ такихъ странъ, гдѣ всѣ средства на постройку давала частная предпримчивость; мы вводимъ въ дѣло, подъ личиною акціонерныхъ обществъ, нѣсколькихъ посредниковъ-концессіонеровъ постоянно тѣхъ же, которые и строятъ дороги на государственныя деньги, посредствомъ государственныхъ инженеровъ, но строятъ хуже, а барыши берутъ себѣ и составляютъ себѣ колоссальныя состоянія. Кому отъ этого бываетъ польза, кромѣ самихъ концессіонеровъ—трудно понять. Замѣчательно во всякомъ случаѣ, что даже крупнымъ капиталистамъ крайне трудно попадать въ образовавшійся тѣсный кружокъ концессіонеровъ. Новые члены допускаются въ него рѣдко и какъ бы въ видѣ изыятій. Смотрящимъ со стороны тутъ можетъ представиться какое-то франкмасонство, и можетъ приходить мысль о какихъ-либо тайныхъ обрядахъ, совершаемыхъ при такомъ посвященіи. Однимъ словомъ, призывъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ для распоряженія средствами, которыя выдаетъ государство на удовлетвореніе собственныхъ своихъ потребностей, есть само по себѣ явленіе мало благопріятное общественной нравственности.

Желѣзнодорожное строительство есть дѣло, котораго всѣ техническія условія у насъ въ настоящее время окончательно выяснились. Въ чьихъ бы рукахъ ни оставалась постройка, въ рукахъ ли правительства или концессіонеровъ, на дѣлѣ руководство работами всегда предоставляется инженерамъ путей сообщенія, а производство работъ—мелкимъ подрядчикамъ, которые набираютъ рабочихъ. Въ каждой мѣстности извѣстны всѣмъ и самыя лица, занимающіяся этими

подрядами. Въ настоящее время правительству нѣтъ уже никакой нужды ставить между собой и мелкими подрядчиками — оптовыхъ подрядчиковъ, концессионеровъ. Оно можетъ прямо сдавать отъ себя земляныя и плотничьи работы по участкамъ, съ торговъ, а руководство ими поручать своимъ инженерамъ. Замѣтимъ, что въ послѣднее время сами концессионеры начинаютъ устранять мелкихъ подрядчиковъ и поручать веденіе работъ инженерамъ же хозяйственнымъ способомъ. Такимъ образомъ, частная промышленность въ производствѣ желѣзнодорожныхъ работъ начинаетъ уже сводиться исключительно къ одному отчисленію концессионерами въ свой портфель барышей отъ постройки, такъ какъ имъ уже и подрядчиковъ-то пріискивать не приходится.

Итакъ, всѣ существенныя соображенія говорятъ самымъ убѣдительнымъ образомъ въ пользу принятія, наконецъ, государственной системы постройки желѣзныхъ дорогъ. Сколько извѣстно, и министерство путей сообщенія склонялось еще съ прошлаго года въ пользу этой мысли, а теперь, послѣ поразительныхъ результатовъ послѣднихъ подписокъ, оно, конечно, могло только утвердиться въ ней. Все это даетъ намъ полное основаніе надѣяться, что къ первымъ же линіямъ, которыя предполагается осуществить въ ближайшемъ времени, а именно къ дорогамъ донецкой и мелитопольской, будетъ примѣнена система государственной постройки, съ устраненіемъ міража акціонерныхъ компаній и грустной реальности захвата дѣла концессионерами. Мы нисколько не скрываемъ отъ себя и тѣхъ невыгодныхъ сторонъ, какія можетъ имѣть государственная постройка, какъ всякая система дѣйствій вообще. Но эти невыгоды кажутся намъ удобоустранимыми и вовсе не безусловно связанными съ государственной постройкою, тогда какъ дурныя стороны концессионерства вытекаютъ изъ самой его сущности, а потому и не могутъ быть устраняемы. Государственныя постройки иногда обходились дорого оттого, что производились неоднократныя измѣненія въ деталяхъ постройки: начиналось одно, потомъ это оставлялось, и дѣлалось то же, но инымъ образомъ, въ другомъ мѣстѣ. Это можетъ быть устраняемо болѣе строгимъ наблюденіемъ, а иногда и смѣною лицъ, производящихъ постройки. Сверхъ того, позволено перенять у концессионеровъ систему премій за окончаніе работъ къ извѣстному сроку и процентовъ въ пользу строителей со сбереженія при постройкѣ. Затѣмъ, дороговизна зависѣла иногда оттого, что всякій мелкій подрядчикъ считаетъ необходимымъ взять за тѣ же работы съ казны дороже, чѣмъ онъ беретъ съ концессионера. Но это зависитъ уже не отъ государственной системы постройки, а отъ особыхъ свойствъ нашихъ бюрократическихъ приѣмовъ вообще. Съ концессионеромъ или его агентомъ подрядчикъ при двухъ-трехъ свидѣ-

ніяхъ поканчивають дѣло, а за государствомъ, при нашихъ порядкахъ, при нѣсколькихъ инстанціяхъ и отсылкѣ контрактовъ на утвержденіе въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, теряется пропасть времени. Между тѣмъ, подрядчикъ не можетъ содержать рабочихъ безъ дѣла въ ожиданіи разрѣшенія, а нанимать ихъ въ такое или иное время— для него далеко не все равно; вѣдь, барышъ мелкаго подрядчика, особенно при земляныхъ работахъ, главнымъ образомъ и представляется разницею въ цѣнахъ на рабочихъ. Понятно поэтому, что, входя въ условія съ государствомъ онъ накидываетъ значительный процентъ просто за ожиданіе разныхъ представленій и разрѣшеній. Между тѣмъ, если не предполагается новыхъ отступленій отъ техническихъ условий, совершенно непонятно, для чего требуется эта длинная процедура разрѣшеній на мелкіе подряды, когда оптовому подрядчику сдаютъ же все сплошь и безъ всякаго вмѣшательства въ его отношенія къ подрядчикамъ. Упростить формы сношеній, предоставить болѣе власти строителямъ, имѣть къ избраннымъ лицамъ болѣе довѣрія въ подробностяхъ, но за то строже слѣдить за общимъ ходомъ, общей успѣшностью производимой ими постройки—вотъ что настоятельно указывается интересами дѣла, если у насъ государство возьметъ когда-нибудь на себя постройку желѣзныхъ дорогъ; тогда и нынѣшняя нажива концессіонеровъ начнетъ обращаться на улучшение самаго дѣла. До тѣхъ же поръ неизбѣжно придется изъ каждаго рубля, назначаемаго на желѣзную дорогу, тратить чуть не 50 копѣекъ на предварительныя расходы да на наживу частныхъ лицъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е іюня, 1874.

Виды на упроченіе мира.—Пренія въ палатѣ лордовъ.—Учредительные проекты Брокъ.—Министерскій кризисъ.—Новый кабинетъ Макъ-Магона.—Новое министерство въ Испаніи.—Окончаніе сессіи прусскаго сейма.—Бисмаркъ и Арнимъ.

Поѣздка Государя Императора въ Лондонъ для посѣщенія августѣйшей его Дочери, и восторженный приѣмъ, оказанный русскому монарху англійскимъ народомъ, были поняты общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ странъ Европы въ смыслѣ событія, въ высшей степени благоприятнаго для общаго мира. Радуюсь, наравнѣ съ иностранцами, всему, что можетъ служить къ упроченію добрыхъ отношеній между великими державами, мы съ отраднымъ чувствомъ могли убѣдиться изъ заявленій по этому случаю иностранной печати, какою высокая цѣна придается въ настоящее время всѣмъ союзу съ Россією.

Въ англійской палатѣ лордовъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ прошломъ мѣсяцѣ имѣлъ случай дать нѣкоторые объясненія относительно видовъ на сохраненіе мира. Въ палатѣ лордовъ, еще до приѣзда нашего государя въ Англію, были затронуты вопросы, какъ о видахъ на продолжительность мира въ Европѣ, такъ и объ отношеніяхъ Англіи и Россіи по среднеазіатскимъ дѣламъ. Въ засѣданіи 4-го мая графъ Россель спросилъ министерство, не находитъ ли оно возможнымъ сообщить парламенту содержаніе сношеній между Англією, Германією, Россією, Австрією и Францією по вопросу о поддержаніи мира въ Европѣ. Онъ указалъ на поводы, внушившіе ему такой вопросъ: на господствующее во Франціи желаніе получить вознагражденіе за понесенныя ею потери, на недавнюю рѣчь фельдмаршала Мольтке, сказавшаго, что Германіи придется еще оборонять въ теченіе полвѣка то, что было приобретено ею въ нѣсколько мѣ-

сяцевъ; наконецъ на всеобщую неувѣренность въ продолжительности мира. Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, лордъ Россель спрашивалъ правительство, намѣрено ли оно принять всѣ мѣры къ поддержанію мира, необходимаго для интересовъ Англіи, и къ охраненію тѣхъ международныхъ трактатовъ, въ заключеніи которыхъ она приняла участіе. Статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, графъ Дѣрби, призналъ, что между Франціею и Германіею существуютъ враждебныя чувства, которыя могутъ со-временемъ привести къ войнѣ; по словамъ его, нельзя поручиться, что такая война не возникнетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, но собственно въ настоящее время нѣтъ причины опасаться войны. Еслибы война возникла, то Англія, по объясненію министра, разумѣется, не вступитъ въ нее, но употребитъ всѣ рациональныя усилія къ поддержанію мира. Что касается поддержанія трактатовъ, то лордъ Дѣрби допускаетъ, что какой-либо трактатъ можетъ казаться одной изъ участвующихъ въ немъ сторонъ несомнѣннымъ съ измѣнившимися обстоятельствами; но въ такомъ случаѣ эта сторона должна заявить о томъ другой сторонѣ, и въ случаѣ, если эта сторона продолжаетъ считать его обязательнымъ, то и первая обязана исполнить его. Что касается обнародованія дипломатической переписки, о которой говорилъ лордъ Россель, то графъ Дѣрби замѣтилъ, что это было бы неудобно не потому, чтобы интересы Великобританіи требовали сохраненія ея въ тайнѣ, но потому, что это было пеловко по отношенію къ другимъ правительствамъ. Правда, изъ этого объясненія мы не можемъ вывести ничего, подтверждающаго надежду на сохраненіе мира; но объясненіе это не могло не имѣть особаго значенія. Трудно предполагать, чтобы самъ лордъ Россель, бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ и премьеромъ, поставилъ свой вопросъ именно въ настоящее время безъ причины. И вотъ, изъ словъ нынѣшняго министра мы узнаемъ впервые, что въ послѣднее время происходилъ, а быть можетъ происходить и доселѣ, обмѣнъ мнѣній между великими державами по вопросу, имѣющему связь съ общимъ интересомъ поддержанія мира. Доселѣ въ печати ничего не упоминалось о подобныхъ переговорахъ. Быть можетъ, въ нѣкоторой связи съ ходомъ ихъ были и такіе въ сущности второстепенные факты, что князь Бисмаркъ неожиданно отсрочилъ свой отъѣздъ изъ Берлина до возвращенія туда императора, хотя было извѣстно, что канцлеръ собирался уѣхать въ Варцину, и также, что въ числѣ членовъ прежняго французскаго кабинета, вошедшихъ въ составъ новаго кабинета, находился и министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Деказъ, несмотря на то, что отказался самъ составить кабинетъ, и замѣтно расходится именно съ тѣми двумя изъ его прежнихъ товарищей, которые остались министрами, т.-е. съ гг. де-Фурту

и Манемъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что и въ Берлинѣ, и въ Версалѣ потребовалось дальнѣйшее присутствіе министровъ, начавшихъ переговоры. Каковъ же ближайшій поводъ этихъ переговоровъ? Лондонскій корреспондентъ „Кельнской газеты,“ состоящей въ связяхъ съ берлинскимъ Pressbureau, объясняетъ самый запросъ Росселя и отвѣтъ на него Дѣрби желаніемъ англійскаго правительства дать понять Франціи, чтобы она не рассчитывала, на случай будущей войны, „направить свои войска на Берлинъ чрезъ Бельгію, вмѣсто того, чтобы двинуть ихъ къ Вогезамъ, о которыхъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, французскій натискъ тотчасъ бы сломился“. Если мы примемъ такое объясненіе, то все-таки должны будемъ спросить себя: чтó же могло побудить британскихъ государственныхъ людей сдѣлать такое вразумленіе Франціи именно въ настоящее время? Но, рядомъ съ этимъ мы должны еще поставить слѣдующіе факты. Берлинскія офиціозныя газеты въ послѣднее время вообще намекали, будто Франція имѣетъ въ виду нарушить нейтралитетъ Бельгіи; французскія газеты положительно опровергали такое обвиненіе, и ему въ самомъ дѣлѣ трудно повѣрить, такъ какъ непонятно, зачѣмъ Франція стала бы выказывать нынѣ такіе виды, еслибы даже и имѣла ихъ. Затѣмъ, одна телеграмма изъ Лондона въ нашихъ газетахъ объясняла, что въ Лондонѣ считаютъ указанныя прусскія офиціозныя статьи написанными съ цѣлю „оправдать усилія, дѣлаемыя въ настоящее время прусскою дипломатіею для возбужденія отиѣны трактата 1867 года, которымъ нейтралитетъ Люксембурга былъ отданъ подъ покровительство великихъ державъ“. Извѣстно, что Люксембургъ до 1866 года принадлежалъ къ Германскому союзу и Пруссія содержала въ немъ гарнизонъ. Это положеніе вещей фактически продолжало существовать до Лондонскаго трактата 11-го мая 1867 года, которымъ великое герцогство объявлено было странною нейтральною, и нейтральность его была поставлена подъ поручительство великихъ державъ, подобно нейтральности Бельгіи. Изъ усиленныхъ стараній, употребленныхъ въ прошломъ году, чтобы захватить желѣзныя дороги Люксембурга въ руки германской компаніи видно, что берлинскій кабинетъ даетъ большую цѣну обладанію этимъ путемъ изъ Франціи въ Германію „или наоборотъ“. Извѣстно также, что дѣятельность германской дипломатіи, говоря вообще, нисколько не ослабѣла за послѣднее время. Такъ, чтобы указать еще на одинъ примѣръ, замѣчательно то единогласіе и та настойчивость, съ какою съ одной стороны „Times“ (обнародовавшій нѣкогда записку Бенедетти о присоединеніи Бельгіи), съ другой—„Шпенерова газета“ (слышущая какъ газета, читаемая императоромъ Вильгельмомъ), „Аугсбургская всеобщая газета“ и вѣнская „Neue Freie Presse,“ находящіяся

въ распоряженіи берлинскаго вліянія, совѣтуютъ теперь Италіи сократить ея армію и ея вооруженія, въ видахъ „благоразумной экономіи“. Если сблизить всѣ эти факты, то позволительно допустить догадку о возбужденныхъ германскимъ правительствомъ переговорахъ относительно нейтралитета Люксембурга. Но излишне было бы вдаваться въ предположенія болѣе опредѣленнаго свойства, такъ какъ пересмотръ трактата 1867 года можетъ означать и дополненіе его какимъ-либо новымъ ручательствомъ, и измѣненіе какого-либо одного изъ его условій, и, наконецъ, полную его отмѣну, со включеніемъ Люксембурга, обратно, въ составъ германской имперіи и съ допущеніемъ въ великое герцогство вновь прусскаго гарнизона, — что уже едва ли бы соотвѣтствовало видамъ прочихъ державъ. Какъ бы то ни было, если допустить въ общемъ смыслѣ толкованіе, данное намъ телеграммою изъ Лондона, то заявленіе лордовъ Росселя и Дѣрби въ верхней палатѣ относительно обязательности трактатовъ могутъ столько же примѣняться къ предполагаемымъ требованіямъ берлинскаго кабинета относительно Люксембурга, сколько и къ опасеніямъ его относительно Бельгіи.

Болѣе непосредственно касались интересовъ Россіи пренія, возбужденныя въ палатѣ лордовъ 8-го мая — также до пріѣзда нашего Государя въ Виндзоръ — о положеніи, занимаемомъ Англіею въ среднеазиатскихъ дѣлахъ. Лордъ Нэпиръ, бывшій британскій посланникъ въ Петербургѣ, сдѣлалъ министру иностранныхъ дѣлъ запросъ: „выполни ли усвоиваетъ себя (whether H. M. Government fully adepthed) нынѣшнее правительство заключенія, высказанныя графомъ Грэнвиллемъ въ его депешѣ къ лорду Августу Лофтусу, отъ 17-го октября 1872 г., относительно территорій и предѣловъ Афганистана; и намѣрено ли правительство оказать нравственную и матеріальную поддержку (support) Англіи афганистанскому эмиру въ случаѣ нападенія на его владѣнія, невызваннаго виною съ его стороны (unprovoked)“. Полагая переписку, происходившую въ концѣ 1872 года, по этому вопросу достаточно извѣстною, въ общемъ ея результатѣ, нашимъ читателямъ, мы ограничимся передачею сущности происходившихъ нынѣ преній. Лордъ Нэпиръ старался главнымъ образомъ доказать, что, установивъ предѣлы нейтральнаго пояса между русскими и англійскими владѣніями въ Азій, Англія тѣмъ самымъ обязалась помогать Афганистану въ случаѣ нападенія на него Россіи. „Полагаю, что такое опредѣленіе границъ не было простымъ опредѣленіемъ географическаго факта“, сказалъ лордъ Нэпиръ: „это могла бы сдѣлать и коммиссія отъ Географическаго общества. Опредѣленіе этихъ границъ было сдѣлано съ цѣлью созданія (was intended to be) политическаго факта и установленія политическихъ результатовъ (consequence)“. Вопросъ

былъ поставленъ лордомъ Нэпиромъ весьма ясно, но и весьма неловко. Въ интересахъ британской политики, очевидно, было бы вовсе не трогать его, предоставляя англійскому правительству полную свободу дѣйствій. Отвѣчать на запросъ „нѣтъ“, значило какъ бы ослабить смыслъ предшествовавшихъ заявленій британской дипломатіи, отъ которыхъ она не отступалась. Отвѣчать „да“, было совершенно несообразно ни съ интересами нынѣшняго мирнаго положенія, ни даже съ интересами Англіи, въ томъ—надѣмся, невѣроятномъ—случаѣ, еслибы между ею и Россією возникла война въ Азій. Дѣло въ томъ, что, однажды принявъ на себя предъ лицомъ англійскаго народа обязательство защищать Афганистанъ оружіемъ, британское правительство принуждено было бы, въ случаѣ войны, начать ее съ нами на границѣ *нашего* района съ Афганистаномъ, то-есть, имѣя на своей сторонѣ всѣ невыгоды дальняго похода и отдаленности отъ центра британскихъ военныхъ силъ въ Индіи. Между тѣмъ, при отсутствіи подобнаго обязательства, Англія, даже рѣшившись на войну съ Россією, можетъ предоставить всѣ эти невыгоды намъ, ожидая, когда наши войска совершатъ дальній трудный походъ, одолѣютъ воинственные племена той страны, удалятся на такъ-сказать безконечное разстояніе отъ базиса своего снабженія, и уже затѣмъ двинутъ свои свѣжія войска на русскихъ, на *своей* границѣ съ Афганистаномъ, вблизи центра своихъ силъ. Но затѣмъ мы разсуждаемъ о шансахъ войны въ то время, когда она становится особенно невѣроятною? Затѣмъ, чтобы подтвердить созданную новѣйшими событіями надежду на долговременность нашихъ добрыхъ отношеній съ Англією. Надо было объяснить, что интересъ самой Англіи противится тому, чтобы она стала охранять съ оружіемъ въ рукахъ границу Афганистана съ нашими районами, еслибы тамъ когда-либо и произошло случайное столкновеніе. Отвѣтъ, данный лордомъ Дёрби на запросъ Нэпира, былъ вполне удовлетворителенъ для интересовъ обѣихъ странъ и совершенно основателенъ самъ по себѣ. Онъ объявилъ, что опредѣленіемъ границъ нейтральнаго пояса англійское правительство вовсе не обязалось „защищать Афганистанъ противъ чьего-бы то ни было нападенія (against all comers)“. „Дать гарантію Англіи — независимому иностранному народу“, — продолжалъ онъ, — „было бы, какъ мнѣ кажется, принять на себя величайшую отвѣтственность, какую только можетъ нести англійское правительство“. Затѣмъ онъ изложилъ взглядъ британскаго правительства на это дѣло въ слѣдующихъ словахъ: „все, что я могу сказать, это — что по нашему убѣжденію поддерживать цѣлость и территоріальную независимость Афганистана есть и должно быть важной цѣлью англійской политики, и что всякое нарушеніе (interference) національной

независимости Афганистана было бы принято правительствомъ ея величества какъ весьма серьезное дѣло (would be regarded as a very grave matter), требующее серьезнаго и старательнаго обсужденія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, лордъ Дѣрби признавалъ, что „весьма много зависѣло бы отъ точныхъ обстоятельствъ случая (nature of the case), отъ настроенія самого афганскаго населенія, и, наконецъ, отъ поведенія эмира, какъ по отношенію къ его подданнымъ, такъ и по отношенію къ другимъ государствамъ“. Объясненія эти служатъ къ чести талантливаго британскаго министра, съ ловкостью и въ то же время съ откровенностью вышедшаго изъ того затруднительнаго положенія, въ какое онъ былъ поставленъ запросомъ о войнѣ въ то самое время, когда, очевидно, укрѣпляются основанія для мира. Объясненія эти, оставляя въ силѣ тотъ результатъ, какой имѣли переговоры между русскимъ и британскимъ правительствами по средне-азіатскому вопросу, вполне удовлетворительны, и обнадеживаютъ насъ еще болѣе, что дружбѣ Англіи съ Россіею ничто не препятствуетъ укрѣпиться на долгое время

Правленіе, которое существуетъ нынѣ во Франціи, есть безспорно парламентское правленіе; можно называть его даже „архи-парламентскимъ“, такъ какъ права національнаго собранія ничѣмъ не ограничены и, внѣ его воли, не существуетъ никакой юридической силы; нѣтъ даже конституціи. Исполнительная власть, какъ и учредительная, совершенно находится въ рукахъ собранія; а его полномочія не имѣютъ ни срока, ни границъ. Но что такое парламентское правленіе, когда оно лишено своей жизненной основы, когда оно не представляетъ собою народной воли, когда парламентъ пересталъ быть представительствомъ народа? Оно есть та же узурпація, хотя и совершившаяся безъ нарушенія внѣшнихъ формъ законности. Но узурпація, воплощенная въ цѣломъ парламентѣ, всегда будетъ бесплодною. Пожизненный протекторъ, президентъ, совершившій государственный переворотъ, даже какіе-нибудь триумвиры, если будутъ жить согласнѣ Октавія, Антонія и Лепида, могутъ все-таки создать нѣчто сколько-нибудь прочное. Но семьсотъ слишкомъ узурпаторовъ ничего создать не могутъ. Власть и сила нынѣшняго французскаго собранія безпредѣльны въ теоріи; онѣ почти ничтожны въ дѣйствительности. Пока собраніе оставяло дѣйствовать Тьера, былъ толкъ въ дѣлахъ, былъ смыслъ въ общемъ направленіи политики. Но собраніе, 24 мая прошлаго года, свергло Тьера, открыто провозглашая, что оно не хочетъ подчиняться его диктаторству, и стало управлять само, создавая правительство изъ среды своего большинства. Это примѣненіе парламентскаго принципа было бы вполне вѣрно и могло быть плодотворно, еслибы собраніе имѣло добросовѣстность возобно-

вить свой составъ обращеніемъ къ избирателямъ, еслибы оно являлось истиннымъ представительствомъ страны. Нѣтъ спору, что мнѣніе страны было бы законнѣе, какъ принципъ правленія, чѣмъ мнѣніе Тьера. Но собраніе этого не сдѣлало; оно воспользовалось случайной неопредѣленностью своихъ правъ; переставъ быть истиннымъ представительствомъ народа, оно хотѣло быть полновластнымъ парламентомъ. Это была узурпація, и узурпація семисотъ человекъ произвела одно—полное безсиліе. Исторія года отъ низложенія Тьера и до настоящаго времени представляетъ картину безсилія во всѣхъ сферахъ: безсиліе создать монархію или упрочить республику, безсиліе опредѣлить положеніе исполнительной власти и обставить ее какими-либо учредительными законами. Кабинетъ, образовавшійся въ прошломъ мѣсяцѣ, самымъ своимъ составомъ обнаруживаетъ полное безсиліе парламента, не представляющаго націи, управлять судьбами народа. Одинъ узурпаторъ можетъ править успѣшно долгое время, какъ то показали Наполеонъ III, даже если онъ сломалъ всѣ формы законности. Семьсотъ узурпаторовъ править не могутъ, хотя они и не вызвали общей къ себѣ ненависти посягательствомъ на законныя формы.

Сессія національнаго собранія возобновилась 12-го мая; Бюффе снова избранъ былъ президентомъ, причемъ меньшинство воздержалось. Министерство Брولли внесло проекты учредительныхъ законовъ: объ учрежденіи верхней палаты (Grand Conseil), измѣненіи избирательнаго закона, организаціи общиннаго управленія; сверхъ того, внесены были предложенія министра финансовъ о новыхъ налогахъ для покрытія дефицита въ бюджетѣ 1874 г. и бюджетѣ на 1875 г. Правительство желало, чтобы дѣла эти разсматривались въ слѣдующемъ порядкѣ: выслушавъ объясненія правительства къ закону о верхней палатѣ, собраніе должно было передать его на обсужденіе комиссіи тридцати, а предложенія министра финансовъ Маня въ бюджетную комиссію. Затѣмъ, прежде всего, по мнѣнію правительства, слѣдовало приступить къ преніямъ по избирательному закону, поставивъ его впереди общиннаго закона и прочихъ дѣлъ; далѣе, къ выслушанію докладовъ бюджетной комиссіи по предложеніямъ Маня и бюджету на 1875 г.; наконецъ, къ обсужденію общиннаго закона—все это съ тѣмъ, чтобы дать комиссіи тридцати достаточно времени для разсмотрѣнія проекта закона о верхней палатѣ. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній законъ, учредительный по преимуществу, такъ какъ имъ опредѣлялись и права исполнительной власти по отношенію къ обѣимъ палатамъ, поступилъ бы на разсмотрѣніе собранія уже только послѣ осеннихъ вакацій, и, стало быть, до того времени, примѣрно до ноября, былъ бы отсроченъ и министерскій кри-

зись, неизбежный при новомъ опредѣленіи правъ исполнительной власти.

Такова была программа дѣйствій, начертанная министерствомъ Броули, и глава его приступилъ къ ея исполненію, прочтя въ засѣданіи 15-го мая объяснительную записку къ учредительнымъ законамъ. Въ этой запискѣ семилѣтіе власти маршала Макъ-Магона представлялось какъ продолженіе перемирія между партіями, заключеннаго на семь лѣтъ; положеніе президента опредѣлялось въ смыслѣ положенія конституціоннаго монарха, только назначеннаго на семилѣтній срокъ и съ оставленіемъ за каждой партіей ея „законныхъ надеждъ“ и ея „добросовѣстныхъ убѣжденій“. Проектъ учрежденія „большого совѣта“ предполагалъ составить верхнюю палату изъ членовъ, избираемыхъ департаментами, членовъ по праву, и членовъ, назначаемыхъ правительствомъ. Выборные члены этой палаты избирались бы особымъ, привилегированнымъ сословіемъ избирателей, составленнымъ въ каждомъ департаментѣ изъ наличныхъ и бывшихъ его депутатовъ, членовъ генеральнаго департаментскаго совѣта, членовъ окружныхъ совѣтовъ, президентовъ и членовъ судовъ, епископовъ, настоятелей приходскихъ церквей и членовъ епархіальныхъ капитуловъ, президентовъ протестантскихъ и еврейскихъ консисторій, членовъ торговой палаты, старшинъ сословій адвокатовъ и нотариусовъ, декановъ и факультетскихъ профессоровъ, генераловъ и штабъ-офицеровъ, чиновниковъ, прослужившихъ не менѣе 20-ти лѣтъ въ одной отрасли управленія, лицъ, имѣющихъ знаки почетнаго легіона выше кавалерской степени, и въ сенсѣмъ департаментѣ еще членовъ высшихъ мѣстъ центральной администраціи и кассационнаго суда, членовъ института и другихъ ученыхъ учреждений; затѣмъ—изъ лицъ, платящихъ въ департаментѣ наивысшія цифры поземельной подати, въ числѣ, равномъ $\frac{2}{3}$ всего этого избирательнаго сословія въ департаментѣ, и изъ лицъ, обложенныхъ наивысшимъ размѣромъ патентной пошлины, въ числѣ $\frac{1}{3}$ всего состава того же избирательнаго сословія. Это особое, привилегированное избирательное сословіе избирало бы членовъ „большого совѣта“, по одному отъ cadaго департамента, имѣющаго менѣе 300 т. душъ населенія, по два—при населеніи до 600 т. д., по три—при высшей цифрѣ населенія. Для того, чтобы быть избраннымъ, требовалось только быть не моложе 35-ти лѣтъ и пользоваться правами. Правительству (т.-е. исполнительной власти) предоставлялось назначать въ верхнюю палату до 150 членовъ, но съ тѣмъ, чтобы они принадлежали къ одной изъ высшихъ іерархическихъ ступеней политики, администраціи, трехъ церквей и арміи, подробно исчисленныхъ въ проектѣ. Впрочемъ, правительству предо-

ставлялось 10-хъ изъ числа 150-ти назначаемыхъ имъ членовъ брать внѣ этихъ категорій, но изъ числа гражданъ, оказавшихъ „великія заслуги государству“. Выборные члены „большого совѣта“ оставались бы въ этомъ званіи по 7-ми лѣтъ; назначаемые правительствомъ члены должны были быть безсмѣнны. Членами по праву должны были быть всѣ кардиналы, маршалы, адмиралы, предсѣдатели кассаціоннаго суда и контрольной палаты; члены верхней палаты не должны были получать жалованья. „Большой совѣтъ“ и палата представителей, соединяясь, составляли бы конгрессъ. Относительно палаты представителей была оговорка, что способъ ея избранія будетъ опредѣленъ особымъ закономъ. „Большому совѣту“ предоставлялось утверждать внѣшніе трактаты, заключаемые президентомъ республики. Каждой изъ обѣихъ палатъ предоставлялась законодательная инициатива, обѣимъ вмѣстѣ законодательная власть, съ тѣмъ однако, чтобы законы финансоваго свойства поступали сперва въ палату представителей. Принадлежащее президенту право пріостановленія (*veto suspensif*) т.-е., требованія, чтобы законъ, прошедшій обѣ палаты, былъ подвергнутъ новому обсужденію, установленное закономъ 13-го марта 1873 г., оговаривалось и сохранялось. Президенту предоставлялось отерывать и закрывать сессіи палатъ. Относительно полномочій президента (которому въ текстѣ проекта закона приданъ былъ дважды полный титулъ президента республики), этимъ проектомъ подтверждались только постановленія закона 20-го ноября 1873 г. (избраніе маршала Макъ-Магона на 7 лѣтъ) съ тѣми же правами. „Большой совѣтъ“ могъ быть обращаемъ въ судъ, для сужденія надъ президентомъ республики или министерствомъ. Министры объявлялись отвѣтственными, каждый лично за свои дѣйствія, и всѣ солидарно за общую политику правительства. Отвѣтственность президента могла быть возбуждена только въ случаяхъ измѣны или попытокъ узурпаціи или лихоимства. Постановлялось, что „только въ этихъ случаяхъ онъ можетъ быть лишенъ правъ, предоставленныхъ ему закономъ 20 ноября 1873 г.“ Стало быть, проектъ формальнымъ образомъ подтверждалъ, что собраніе не будетъ имѣть права смѣнить президента до 7-лѣтняго срока. При наступленіи этого срока и при открытіи вакансіи на должность президента, какимъ бы то ни было образомъ, мѣсто его долженъ былъ заступить по праву президентъ „большого совѣта“, но только на время, а именно — до принятія обѣими палатами, соединившимися въ конгрессъ, рѣшенія о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ открытія этой вакансіи. Президенту предоставлялось право, съ согласія „большого совѣта“, распускать палату представителей до срока ея полномочій; въ такихъ случаяхъ, новые выборы предполагалось производить чрезъ шесть

мѣсяцевъ, а въ промежуткѣ президентъ долженъ былъ управлять при помощи одной верхней палаты. Какъ ни несогласны были многіе изъ предположенныхъ постановленій этого закона со складомъ и нравами французскаго общества, учрежденіе верхней палаты, съ правомъ распушенія палаты депутатовъ, могло имѣть большую цѣну, еслибы предоставляло исходъ изъ нынѣшняго положенія дѣлъ, когда національное собраніе не назначаетъ срока своей власти. Но и этой хорошей стороны проектъ Брольи не имѣлъ. Вторая статья его начиналась словами: „послѣ того, какъ нынѣшнее собраніе разоидется (*après la séparation de l'Assemblée actuelle*), законодательная власть будетъ принадлежать двумъ палатамъ“ и т. д. Предпоследняя его статья гласила: „къ выборамъ въ „большой совѣтъ“ будетъ приступлено за три мѣсяца до наступленія срока, какой будетъ положенъ нынѣшнимъ собраніемъ для своего распушенія. „Большой совѣтъ“ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей въ тотъ самый день, когда собраніе разоидется“. Такимъ образомъ, не для того, чтобы найти исходъ изъ нынѣшняго положенія герцога Брольи предлагалъ учрежденіе верхней палаты, но для того, чтобы создать консервативный оплотъ противъ будущей представительной палаты, на случай, еслибы выборы имѣли радикальный характеръ.

Въ объяснительной запискѣ (*exposé des motifs*), которую Брольи прочелъ въ засѣданіи 15-го мая, говорилось, что опасно ставить главу исполнительной власти одного лицомъ къ лицу съ однимъ собраніемъ, вышедшимъ изъ общихъ выборовъ; что выборы, какъ бы ни были обозначены новыя ихъ условія (въ силу разныхъ ограниченій общаго избирательства, предложенныхъ въ новомъ избирательномъ законѣ), во Франціи все-таки будутъ имѣть всегда весьма широкое основаніе, а всеобщая подача голосовъ, представляя одну только численность населенія и предоставляя всѣмъ избирателямъ, независимо отъ личныхъ заслугъ, ума и капитала, принадлежащихъ каждому изъ нихъ, совершенно равное участіе, создаетъ такую политическую массу, которая слишкомъ способна увлекаться; поэтому предположено образовать во второй палатѣ представительство всѣхъ силъ, выдающихся изъ общей толпы, представительство принципа авторитета, и такое представительство, по увѣренію герцога Брольи, не составило бы олигархіи или привилегированной касты, потому что членами его были бы только люди, лично возвысившіеся надъ толпой (*fils de leurs oeuvres, parvenus de l'intelligence et du travail*). Правда, въ сословіе это допускались и землевладѣльцы и богатые торговцы (то-есть платящіе высшій размѣръ поземельной подати и патентной пошлины), но это предполагалось въ силу той истины, что „собственность, какъ опора труда и общественнаго богатства,

подвергающаяся столькимъ угрозамъ во всѣхъ общественныхъ переломкахъ, должна имѣть спеціальныхъ представителей въ томъ собраніи, которое призвано служить главной опорой консервативнымъ интересамъ". Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключался весь смыслъ проекта герцога Брольи. Не довѣряя народному избирательству, даже и при тѣхъ ограниченіяхъ, какимъ онъ хотѣлъ подвергнуть его въ новомъ избирательномъ законѣ, герцогъ Брольи хотѣлъ создать искусственный оплотъ консервативнымъ интересамъ. По предположенію записки, число членовъ въ верхней палатѣ должно было нѣсколько превышать цифру 300, а именно: 150 по назначенію, отъ 2 до 3-хъ выборныхъ на департаментъ и небольшое число по праву. Относительно названія, придуманнаго имъ для верхней палаты, герцогъ Брольи выражался такъ: „она, если вы найдете это приличнымъ, будетъ называться „большой совѣтъ“ (Grand Conseil). Названіе „сенатъ“, было предложено; оно употребительно въ Америкѣ, но во Франціи оно напоминало бы правленіе, несходное съ тѣмъ, какое мы желаемъ установить“.

Въ этомъ проектѣ подраздѣленіе и атрибуціи властей были до нѣкоторой степени заимствованы изъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ; самое избраніе выборныхъ членовъ въ верхнюю палату „отъ департаментовъ“ было подражаніемъ избранію сенаторовъ штатами. Но французскій департаментъ не представляетъ никакого сходства съ американскимъ штатомъ, такъ какъ дѣленіе на департаменты имѣетъ только бюрократическое, административное значеніе; нисколько не американскій, но уже чисто-бюрократическій характеръ представляло назначеніе половины членовъ верхней палаты правительствомъ, а также и составъ категорій какъ избирателей, такъ и лицъ, подлежащихъ назначенію отъ правительства. Избирательное словесіе, придуманное герцогомъ Брольи для верхней палаты, состояло бы наполовину изъ лицъ, стоящихъ и стоявшихъ на разныхъ ступеняхъ администраціи, изъ высшаго чиновничества; наполовину изъ землевладѣльцевъ ($\frac{2}{3}$) и капиталистовъ ($\frac{1}{3}$). А такъ какъ, даже въ средѣ богатыхъ землевладѣльцевъ, дворянство, принадлежащее къ легитимистской партіи, далеко не составляетъ большинства, а большинство будетъ скорѣе на сторонѣ орлеанистовъ, которые рассчитываютъ и на сочувствіе большинства капиталистовъ, то вотъ въ этомъ существенномъ пунктѣ проекта Брольи и проглядывала весьма явно „орлеанистская интрига“, о которой и не замедлили вострубить органы легитимизма и бонапартизма. Что касается республиканцевъ, то они, разумѣется, должны были возстать противъ проекта Брольи по самой его сущности; сверхъ того, и республиканцы и бонапартисты должны были возстать противъ предложенныхъ правительствомъ ограниченій все-

общаго избирательства,—ограниченій, посредствомъ которыхъ замышлялось поколебать въ самомъ основаніи и опору республиканцевъ, и надежды имперіалистовъ. Бонапартисты немедленно отвернулись отъ правительства, а легитимисты получили отъ графа Шамбора предписаніе ни въ какомъ случаѣ не вступать въ соглашеніе съ „интригою“. Орлеанистская интрига герцога Брольи была, въ самомъ дѣлѣ, явную. Непонятно только, какимъ практическимъ путемъ онъ думалъ осуществить на дѣлѣ то, къ чему законъ теоретически создалъ бы средства. Съ тѣхъ поръ, какъ графъ Парижскій отрекся отъ своихъ правъ, орлеанисты продолжаютъ быть партіею вопреки своему претенденту, и герцогу Брольи пришло, повидимому, въ мысль нынѣшнюю „республику безъ республиканцевъ“ замѣнить „орлеанизмомъ безъ Орлеана“. Правда, предполагаютъ, что онъ имѣлъ въ виду назначеніе герцога Омальскаго въ должность президента верхней палаты, а стало быть, современемъ, и республики; но эта комбинація—весьма неясная; для достиженія его цѣли необходимо было бы дожидаться смерти Маеъ-Магона, смерти графа Шамбора, и затѣмъ готовности герцога Омальскаго, ставшаго президентомъ, уступить свое мѣсто „законному монарху“, то-есть графу Парижскому; все это очень сложно и неопредѣленно. Но каковы бы ни были расчеты „орлеанизма безъ Орлеановъ“, соперники и противники орлеанистской партіи—крайняя правая, группа „призыва къ народу“ (бонапартисты) и вся лѣвая должны были соединиться противъ плана герцога Брольи, хотя это угрожало новымъ министерскимъ кризисомъ и трудностью замѣнить министерство, при безсиліи большинства создать что-либо. Но вѣдь это безсиліе тѣмъ и проявляется, что какъ только одна изъ монархическихъ группъ начинаетъ дѣйствовать въ свою пользу, прочія группы соединяются противъ нея и съ лѣвой стороны. Такъ было и теперь.

Въ засѣданіи 16-го мая, Батбі, президентъ и докладчикъ конституціонной комиссіи, предложилъ поставить на первую очередь—согласно желанію правительства—избирательный законъ. На это депутатъ Тері возразилъ, что прежде слѣдуетъ рассмотреть муниципальный законъ (т.-е. объ устройствѣ общиннаго управленія); онъ замѣтилъ, что вскорѣ наступаетъ срокъ для переизбрания трети генеральныхъ департаментскихъ совѣтовъ; если къ тому времени новый законъ не будетъ готовъ, то придется продолжить полномочія членовъ генеральныхъ совѣтовъ особымъ закономъ, какъ уже продолжены были особымъ закономъ полномочія членовъ муниципальных совѣтовъ. Другой депутатъ Родó предложилъ примирить оба требованія, установивъ одинъ общій избирательный законъ, какъ для политическихъ, такъ и для муниципальных выборовъ. Но герцогъ

Брольи самъ поднялъ вопросъ прямо о поставленіи первымъ на очереди проекта избирательнаго закона. „Быть можетъ“, сказалъ онъ, „предложеніе г. Родѣ и имѣетъ хорошія стороны, но не оно подлежитъ теперь обсужденію; обсуждаемый вопросъ заключается въ томъ, которому изъ двухъ законовъ: избирательному или муниципальному должно быть дано первенство въ обсужденіи; не комиссія, но министерство настаиваетъ на томъ, чтобы сперва разсмотрѣнъ былъ политическій избирательный законъ“. Такимъ образомъ, бой между партіями завязался, повидному, на неважномъ вопросѣ парламентскаго дѣлопроизводства. Ораторомъ „интранзитентовъ“ правой стороны явился Люсьенъ Брѣнь. Онъ требовалъ, чтобы сперва былъ разсмотрѣнъ законъ муниципальный, хотя признавалъ необходимость новаго политическаго избирательнаго закона, и совѣтовалъ не придавать вопросу объ очередномъ порядкѣ преувеличенное значеніе. Но Брольи, какъ бы опасаясь, чтобы большинство не попало въ эту ловушку, еще разъ ясно высказалъ свое требованіе: „я долженъ настаивать на мнѣніи министерства и прошу васъ не упускать изъ виду значеніе и результатъ того голосованія, которое должно произойти теперь“. Значеніе—т.-е. побѣда или пораженіе министерства; результатъ—т.-е. укрѣпленіе министерства или выходъ его въ отставку. Тогда, послѣ двукратнаго голосованія посредствомъ вставанія, не давашаго яснаго результата, приступлено было къ открытой подачѣ голосовъ посредствомъ билетовъ. Подавшихъ голоса было 698; изъ нихъ за предложеніе министерства оказалось 317, противъ министерства—381. Правительство Брольи, составившееся вслѣдствіе низложенія Тьера большинствомъ 14 голосовъ, было ниспровергнуто большинствомъ въ 64 голоса. Послѣ подачи голосовъ, взошелъ на трибуну графъ Рампонъ, и объявилъ отъ имени лѣваго центра, что партія эта, вотируя противъ министерства, нисколько не имѣла намѣренія выразить тѣмъ недовѣріе къ маршалу Макъ-Магону. Легитимисты и бонапартисты подали голоса противъ кабинета Брольи вмѣстѣ съ тремя фракціями республиканской партіи. Результатъ вызвалъ въ Парижѣ живую радость: всѣмъ надобно министерство путаницы (*imbroglio*), а „Кельнская газета“ привела по этому поводу существующую будто бы въ Италіи поговорку: „ove c'è un Broglio, c'è un imbroglio“ (фамилія Брольо, какъ извѣстно, доселѣ имѣетъ представителей въ Италіи, откуда одна изъ отраслей ея переселилась во Францію).

Образованіе новаго кабинета маршалъ Макъ-Магонъ поручалъ поочередно г. Бюффѣ, герцогу Деказу, Дюфору, г. де-Гуляру. Бюффѣ, президентъ собранія, отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что самое избраніе его въ президенты, на нынѣшній разъ, послѣдовало незна-

чительнымъ большинствомъ голосовъ; герцогъ Деказъ, единственный сколько-нибудь популярный изъ товарищей герцога Брольи, отказался образовать новый кабинетъ именно потому, что въ прежнемъ министерствѣ не разъ расходился съ послѣднимъ во мнѣніяхъ и не хотѣлъ подать видъ, будто онъ участвовалъ въ ниспроверженіи прежняго кабинета. Дюфюръ, бывший вице-президентъ совѣта при Тьерѣ, соглашался составить кабинетъ только въ случаѣ, если весь правый центръ обяжется поддерживать тѣ учредительные законы, которые были представлены имъ, Дюфоромъ, въ прошломъ году; это было равносильно отказу. Г. де-Гуляръ, взявшись за составленіе министерства, сталъ хлопотать о соединеніи центровъ. Одно время само министерство Брольи показывало видъ, что намѣрено искать поддержки у лѣваго центра, чтобы обуздать легитимистовъ и бонапартистовъ посредствомъ союза умѣренныхъ партій. Теперь, послѣ пораженія Брольи легитимистами и бонапартистами, этотъ планъ возникъ вновь. Въ министерскую комбинацію Гуляра предполагалось включить герцога д'Одиффрѣ-Пакьѣ, и кого-нибудь изъ лѣвой стороны, напримѣръ, Ваддингтона и Бодѣ. Но когда потребовалось согласиться насчетъ самаго значенія септенната, комбинація эта тотчасъ оказалась невозможною. Возникъ вопросъ о „безличномъ“ или „личномъ“ септеннатѣ. Безличный септеннатъ (*septennat impersonnel*) означалъ бы, что нынѣшняя организація исполнительной власти есть учрежденіе, и что, въ случаѣ смерти или отставки Макъ-Магона, учрежденіе это останется до семилѣтняго срока, такъ что Макъ-Магону будетъ данъ преемникъ. Лѣвая сторона смотрѣла на септеннатъ такимъ образомъ, и герцогъ Пакьѣ, въ собраніи представителей праваго центра и умѣренной правой, предложилъ остановиться на этомъ толкованіи септенната и принять его за программу новаго министерства. Но де-Кердрель, отъ имени умѣренной правой, отвергъ такую программу, объясняя, что она равносильна установленію республики; онъ доказывалъ, согласно со взглядомъ фракцій правой стороны, что власть вручена на 7 лѣтъ только лично маршалу Макъ-Магону и что септеннатъ есть только порученіе, данное собраніемъ на опредѣленное время, а не учрежденіе республиканскаго свойства. Наконецъ, маршалъ Макъ-Магонъ, убѣдившись, что большинство, которое поддерживало бы опредѣленную программу, представляемую политическимъ министерствомъ, составиться не можетъ, назначилъ министерство, по своему усмотрѣнію, изъ слѣдующихъ лицъ: военный министръ и вице-президентъ совѣта—генераль де-Сиссѣ; министръ юстиціи—Тальянъ, министръ иностранныхъ дѣлъ—герцогъ Деказъ; министръ внутреннихъ дѣлъ—де-Фуртү; министръ финансовъ—Манъ; морской министръ—контръ-адмиралъ Маркизъ де-Монтаньякъ; министръ просвѣщенія,

исповѣданій и изящныхъ искусствъ — Виконтъ де-Кюмонъ; министр публичныхъ работъ — Калльбъ; министр земледѣлія и торговли — Гриваръ. Декреты о назначеніи этого министерства были подписаны 22-го мая. Новое министерство, лишенное политическаго характера, получило тотчасъ названіе „дѣлового“ и переходнаго. Глава его генералъ де-Сиссѣ былъ военнымъ министромъ Тьера; изъ прежняго министерства Брольи остались въ новомъ только: Деказь, Манъ и де-Фурту, но всѣ они представляютъ различныя партіи, и новый кабинетъ по своему составу не будетъ въ силахъ даже и вносить въ собраніе какія-либо учредительныя предположенія. Полное безсиліе партій большинства въ дѣлѣ созиданія не помѣшало, однако, тому же большинству вновь выступить согласно противъ лѣвой стороны. По смыслу рѣшенія 16-го мая, первенство очереди не было дано избирательному закону; въ засѣданіи же 30-го марта правая сторона требовала, чтобы, согласно съ тѣмъ рѣшеніемъ, первымъ на очереди изъ учредительныхъ законовъ былъ поставленъ законъ муниципальный. Лѣвая сторона вѣздала противъ этого, но противъ нея тотчасъ образовалась коалиція фракцій правой стороны и одержала побѣду. Такимъ образомъ, собственно въ парламентской стратегіи, побѣда въ майскомъ походѣ оказалась рѣшительно на сторонѣ группы 53-хъ легитимистовъ, которая на этомъ вопросѣ нанесла поражение сперва орлеанистскимъ планамъ Брольи, а потомъ республиканскимъ стремленіямъ лѣвой стороны. Новый кабинетъ, согласно своему характеру, въ преніяхъ 30-го мая вовсе не высказалъ своего мнѣнія. Но дѣйствительный результатъ всей этой безплодной борьбы, въ мнѣніи страны, представился, во-первыхъ, еще болѣе широкимъ уваженіемъ къ безсильному національному собранію, во-вторыхъ, усиленіемъ шансовъ бонапартистской партіи. На остальныхъ выборахъ въ департаментъ Ньевры, который считался окончательно отверженнымъ къ республикѣ, такъ какъ избиралъ доселѣ республиканцевъ и даже радикала, одержалъ побѣду бывший шталмейстеръ двора Наполеона IV г. де-Бургоэнь. Онъ открыто заявлялъ себя сторонникомъ имперіи и вѣдѣлъ кліентомъ Макъ-Магона, и одержалъ побѣду надъ республиканскимъ депутатомъ; кандидатъ же легитимистовъ получилъ незначительное число голосовъ. Замѣчательно, что побѣда была одержана Бургоэнемъ именно въ сельскихъ округахъ; въ городѣ Ньеврѣ большинство голосовъ по прежнему оказалось республиканскимъ. Но крестьяне, по всей вѣроятности, разсуждали такъ: мы избирали приверженцевъ республики, но республикѣ не дадутъ установиться партіи; изберемъ же приверженца имперіи; имперія, какова бы она ни была, все-таки представляетъ спокойствіе, а между тѣмъ не противорѣчитъ національному чувству. Урокъ, поданный въ такую

минуту выборами въ Ньеврѣ, произвелъ большое впечатлѣніе, потому что его нельзя было истолковать иначе, какъ сейчасъ изложено. Но само собою разумѣется, что онъ не остановилъ той безплодной борьбы между партіями, которая со дня на день увеличиваетъ шансы бонапартизма.

За нѣсколько дней до измѣненія французскаго министерства, произошелъ новый министерскій кризисъ въ Испаніи. Маршалъ Серрано, по освобожденіи Бильбао, предоставивъ главное начальство надъ сѣверной арміею Кончѣ, возвратился въ Мадридъ. Министерскій кризисъ, отсроченный до рѣшенія дѣлъ при Бильбао, возникъ теперь снова, уже по желанію Серрано, которому военный успѣхъ придавъ силы, и еще болѣе по желанію Сагасты, который хотѣлъ воспользоваться этимъ успѣхомъ для образованія „однороднаго“ министерства въ консервативномъ духѣ. Президентство въ совѣтѣ было предоставлено военному министру Савалѣ, который сохранилъ свой постъ; Сагаста взялъ себѣ портфель внутреннихъ дѣлъ, а министерство иностранныхъ дѣлъ было передано Ульоѣ; министромъ финансовъ былъ назначенъ Камачо, юстиціи—Алонзо Мартинесъ, публичныхъ работъ—Кольменаресъ, колоній—Ромеро Ортисъ, морскимъ—Родригесъ Аріасъ. Это министерство представляетъ собою консервативный союзъ, составившій оппозицію при послѣднемъ министерствѣ короля Амедея, т.-е., при радикальномъ кабинетѣ Сориллы. Прогрессистъ Сагаста, личный соперникъ Сориллы, произвелъ въ прогрессистской партіи расколъ, сблизивъ часть ея съ уніонистами, то-есть, тѣми консерваторами, которые отчасти альфонсисты, отчасти клерикалы, но не хотятъ донъ-Карлоса. Выходъ въ отставку министровъ Гарсія-Руиса и Мартоса имѣетъ смыслъ прямо неблагоприятный упроченію республики. На какой программѣ дѣйствій остановится новое министерство—сказать опредѣлительно нельзя; но духъ его—монархистскій и скорѣе всего можно предположить, что оно возобновитъ поиски за кандидатами на престолъ и будетъ вести переговоры съ разными кандидатами, прикрывая все это тайною, и остановится въ концѣ на такомъ выборѣ, который будетъ представлять наиболѣе выгодъ маршалу Серрано и Сагастѣ. Быть можетъ, самъ Серрано не прочь отъ кандидатуры; во всякомъ случаѣ, слухи о кандидатурахъ уже возникли вновь, и называютъ сестру королевы Изабеллы, герцогиню Монпансѣ, а также — принца Фридриха-Карла прусскаго.

Замѣчательно, что Серрано, который своей властью обязанъ былъ прямо мадридскому генералъ-губернатору, генералу Павіа, автору государственнаго переворота 3-го января, не только отстранилъ отъ себя всякое вліяніе этого генерала, но даже не далъ ему ни участія,

ни голоса, при составленіи новаго управленія. Павія сложилъ съ себя должность генераль-капитана Новой Кастильи, и въ письмѣ, которымъ увѣдомлялъ Серрано о такомъ своемъ „непоколебимомъ рѣшеніи“, прямо высказалъ президенту, что образованіе однороднаго министерства, представляющаго одну партію, противно той цѣли, съ которой былъ сдѣланъ переворотъ 3-го января, и тому уговору, въ силу котораго власть перешла въ руки маршала Серрано. „При переговорахъ, происходившихъ въ то время“—писалъ Павія 13-го мая,—„съ герцогомъ де-ла-Торре (Серрано), нынѣ президентомъ исполнительной власти и г. Прахедесъ-Матео-Сагастою, нынѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ, первымъ моимъ требованіемъ было, чтобы мнѣ объяснили, есть ли такой человекъ или такая партія, которые были бы сами по себѣ достаточно сильны, чтобы подавить кантонализмъ и карлизмъ, то-есть единственныя партіи, дѣйствовавшія оружіемъ, и возвратить несчастной странѣ спокойствіе. Мнѣ отвѣчали, самымъ рѣшительнымъ образомъ, что такого человека и такой партіи въ Испаніи нѣтъ. Тогда, и единственно подъ вліяніемъ такого очевиднаго и всѣми признаннаго факта, я рѣшился дѣйствовать и объявилъ начальникамъ, офицерамъ и солдатамъ мадридскаго гарнизона, что спасу страну и отдамъ власть въ руки не одного человека или одной партіи, но въ руки самой страны, представляемой всѣми подраздѣленіями общей партіи друзей порядка. Я не предпринялъ бы такого дѣла для того, чтобы отдать страну подъ диктаторство одной изъ этихъ фракцій, и страна, которая одобрила мое дѣйствіе, не потерпѣла бы его. Нынѣ, когда назначеніемъ однороднаго министерства этотъ уговоръ и спасительная мысль акта 3-го января прямо нарушены и преданы забвенію, чувство чести заставляетъ меня отказаться отъ должности. Я поступилъ бы такъ,—все равно, какой бы составъ ни получило новое министерство,—какъ только бы оно образовалось изъ людей одной партіи вопреки уговору, такъ какъ и въ настоящее время обстоятельства остаются прежнія, потому что кантонализмъ продолжаетъ угрожать намъ, а карлизмъ еще ведетъ съ нами открытую войну“. Каково бы ни было истинное побужденіе, заставившее генерала Павію написать это письмо, главный его интересъ имѣетъ чисто-историческое свойство; оно объясняетъ, что при насиліи, совершенномъ надъ кортесами, и произшедшемъ паденіи правительства Кастиелара, Павія былъ только орудіемъ военной и монархистской партіи, которой главою былъ уже тогда Серрано, а внушителемъ Сагаста.

На мѣсто Павіи, мадридскимъ генераль-губернаторомъ былъ назначенъ генераль дель-Рей, приверженецъ Сагасты, и бывший военнымъ министромъ въ его кабинетѣ, въ 1872 году. Сходство между поло-

женіемъ Испаніи и положеніемъ Франціи—не въ чести послѣдней—все увеличивается. Сагаста очень похожъ на Брولли, не говоря уже о сходствѣ въ положеніи обоихъ маршаловъ-президентовъ. Недостаетъ только, чтобы Макъ-Магонъ поручилъ генералу Ладмирбъ сдѣлать то, что Серрано поручилъ Павіи въ январѣ. По странному, но нелишнему значенію, стеченію обстоятельствъ президентъ французской республики, какъ бы въ подражаніе президенту республики испанской, сдѣлалъ главою своего кабинета — военного министра. Между тѣмъ, военныя операціи на сѣверѣ ведутся Кончею съ прежней медлительностью. Онъ выступилъ изъ Бильбао, оставивъ тамъ генерала Моралеса-Ріуса, съ 14-ю батальонами, но доселѣ не одержалъ никакого новаго успѣха.

Прусскій сеймъ, возобновившій свои засѣданія по закрытіи, 26-го апрѣля, имперскаго сейма, рассмотрѣвъ и утвердивъ законы объ управленіи епархіями, въ которыхъ остаются вакантными епископскія мѣста, и о дополненіи Фалькова закона 11-го мая 1873 года о прекращеніи содержанія духовнымъ лицамъ въ случаѣ послушанія правительству, а также утвердивъ бюджетъ и законъ о новомъ займѣ въ 5 милл. 600 т. талеровъ на расширеніе государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, былъ закрытъ 21-го мая вице-президентомъ министерства, министромъ финансовъ Кампгаузенемъ, который прочелъ тронную рѣчь. Новые два закона по отношенію къ католическому духовенству прошли въ маѣ, въ обѣихъ палатахъ, съ нѣкоторыми измѣненіями; важнѣйшее изъ нихъ состояло въ томъ, что изъ перваго закона, съ согласія правительства, исключена была та статья, которая предоставляла министру духовныхъ дѣлъ, по его усмотрѣнію, лишать содержанія нѣкоторыхъ изъ членовъ капитуловъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда капитулъ не изберетъ такого капитулярнаго викарія (намѣстника епископа), который бы согласился принести присягу законамъ. Другое измѣненіе, введенное во второй законъ, заключалось въ томъ, что чрезвычайныя права, предоставляемыя имъ патронамъ церквей и приходскимъ общинамъ по замѣщенію священническихъ мѣстъ, въ случаѣ неимѣнія въ епархіи епископа, были еще нѣсколько распространены. Исключеніе упомянутой выше статьи въ первомъ законѣ послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе рѣчи Маллинекротта (который чрезъ двѣ недѣли послѣ того умеръ, какъ утверждала „Germania“, отъ истощенія непосильнымъ трудомъ), а сверхъ того и потому, что сами національные либералы догадались, какое некрасивое положеніе создалъ бы законъ тѣмъ послушнымъ правительству членамъ капитуловъ, которымъ министръ сохранилъ бы производство содержанія, отнявъ его у ихъ товарищей. Оба эти измѣненія были введены въ палатѣ депутатовъ. При третьемъ чте-

ниъ законовъ въ ней, 9-го мая, они были приняты большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ голосовъ клерикаловъ и поляковъ. Въ верхней палатѣ оба закона были окончательно приняты чрезъ нѣсколько дней, безъ измѣненій, въ томъ видѣ, какъ они вышли изъ палаты депутатовъ; большинство въ верхней палатѣ оказалось 81 противъ 46-ти.

Въ началѣ мая, союзный совѣтъ принялъ имперскій законъ о печати, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ утвержденъ имперскимъ сеймомъ, по соглашенію съ правительствомъ; 7 мая законъ этотъ былъ окончательно утвержденъ императоромъ. Изъ дѣлъ, обратившихъ на себя общее вниманіе Германіи въ маѣ, слѣдуетъ еще упомянуть о выходѣ въ отставку германскаго посла въ Константинополь, графа Арнима. Графъ Арнимъ, бывшій со времени войны германскимъ посломъ во Франціи, издавна расходился въ убѣжденіяхъ съ Бисмаркомъ; въ недавнее время онъ былъ переведенъ въ Константинополь, но еще не принялся за дѣла тамошняго посольства, которыя продолжали отправлять резидентъ Эйхманъ. Между тѣмъ, въ одной газетѣ появились извлеченія изъ донесеній графа Арнима берлинскому кабинету, относящіяся ко времени ватиканскаго собора, когда Арнимъ былъ прусскимъ посланникомъ въ Римѣ. Изъ этой переписки было видно, что Арнимъ совѣтовалъ въ то время употребить все вліяніе державъ, чтобы поддержать германскихъ епископовъ, сопротивлявшихся провозглашенію догмата о непогрѣшимости. Въ отвѣтъ на эту публикацію, Бисмаркъ офиціознымъ образомъ обнародовалъ свои инструкціи Арниму, объяснявшія, почему правительство не приняло его мысли; но, кромѣ того, обнародовано было еще и одно донесеніе Арнима, въ которомъ тотъ безъ особеннаго уваженія отозвался о нынѣшнемъ вождѣ „старо-католичества“ Деллингерѣ, одномъ изъ главныхъ противниковъ догмата непогрѣшимости на соборѣ. Обнародованіе этого донесенія Арнимъ принялъ за намѣреніе компрометировать его въ глазахъ тѣхъ людей, которыхъ онъ тогда поддерживалъ. Въ сущности это едва ли не былъ маневръ, чтобы вызвать Арнима на какой-нибудь рѣзкій шагъ; маневръ этотъ удался: графъ Арнимъ въ письмѣ къ Деллингеру, преданномъ печати, заявлялъ полное свое уваженіе къ этому богослову и, упомянувъ о тогдашнихъ своихъ донесеніяхъ, сказалъ, что онъ предвидѣлъ, какой хаосъ внослѣдствіи долженъ былъ выдти изъ положенія принятаго правительствомъ, разумѣя подъ этимъ нынѣшнее положеніе церковныхъ дѣлъ въ Германіи. Такое осужденіе политики правительства, произнесенное однимъ изъ его представителей за-границею, могло имѣть одинъ результатъ: Арнимъ подалъ въ отставку, и сперва былъ уволенъ отъ должности посла въ Константинополь, а затѣмъ и вовсе отъ службы.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 мая, 1874.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОСЛѢДНЕЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ КАМПАНИИ.

Однажды въ Альпахъ я былъ свидѣтелемъ великолѣпнаго и удивительнаго явленія природы. Это случилось въ душный августовскій день послѣ полудня. Я шелъ вверхъ по долинѣ Анза. Ручей (ручей поутру, когда притекаетъ мало воды изъ ледниковъ, и рѣка послѣ полудня, когда притокъ воды наибольшій) вытекаетъ изъ большого ледника *Масиднада* на южномъ склонѣ Монтъ-Розы, и течетъ почти прямо съ запада на востокъ, такъ что путешественникъ, идущій вверхъ по теченію, видитъ предъ собою на западѣ амфитеатръ цѣпи Монтъ-Розы, которая ниспадаетъ почти отвѣсною крутизною на итальянскую сторону. Всѣ знатоки Швейцаріи согласны между собою въ томъ, что самый величественный видъ изъ долины на Швейцарію, есть именно видъ *Масиднада* въ упомянутой цѣпи. Но въ тотъ день нельзя было увидѣть его, потому что его закрывали густыя облака; черезъ края ихъ солнечные лучи стремились въ долину и ослѣпляли меня. Нѣсколько разъ край облаковъ разрывался, и тогда на одно мгновеніе открывалась панорама, которая, вслѣдствіе преломленія лучей, какъ-бы носилась прямо надъ моею головою, и казалась гораздо отдаленнѣе луны. Въ отдаленіи была церковь; длинными рядами крестьяне и крестьянки сходили внизъ по узкимъ, крутымъ тропинкамъ, и—даже старики и старухи—съ тою граціозною легкостью, которая такъ трудно пріобрѣтается жителями равнинъ. Наконецъ, я достигъ цѣпи своего путешествія и въ гостинницѣ, въ которой намѣренъ былъ ночевать, сѣлъ на скамью, чтобы спокойно и безъ помѣхи со стороны солнца осмотрѣть тихую, зеленую долину. Горная цѣпь все еще была покрыта стѣною облаковъ. Затѣмъ она разомъ начала разрываться; по прошествіи нѣсколькихъ минутъ всѣ облака исчезли какъ-бы по волшебству, и на темной синевѣ неба обрисовался гребень горъ, исполинскія снѣжныя вершины которыхъ казались прозрачными отъ освѣщенія заходящаго за ними солнца.

Эта картина невольно припоминается мнѣ, когда я представляю себѣ теперь, подъ какими впечатлѣніями писалъ я вамъ четыре и особенно два мѣсяца тому назадъ. Все гуще и гуще собирались облака на горизонтѣ внутренней политики Пруссіи, и въ послѣднихъ

числахъ марта положеніе въ самомъ дѣлѣ стало такимъ критическимъ, что на ближайшее будущее можно было смотрѣть не иначе, какъ съ опасеніемъ. За два дня до отсылки моего послѣдняго письма императоръ, принимая поздравленія отъ генераловъ въ день своего рожденія, далъ имъ такой отвѣтъ, который заключалъ въ себѣ косвенное порицаніе поведенія рейхстага, или, если хотите, предостереженіе ему, такъ что изъ этого ясно можно было видѣть, что кризисъ былъ на-готовѣ. Слѣдующіе дни прошли въ подавляющей духотѣ (политической атмосферы), и единственный успокоительный симптомъ состоялъ въ томъ, что императоръ былъ очень любезенъ съ президентомъ рейхстага г. О. Форкенбекомъ. На обѣдѣ во дворцѣ на другой день императоръ выразилъ ему сожалѣніе, что не видѣлъ его во время предыдущаго дня (когда во дворцѣ былъ вечеръ, на который былъ приглашенъ и почтенный президентъ, но онъ, можетъ быть, просто пропустилъ его, а можетъ быть, императоръ не замѣтилъ его). Этотъ незначительный фактъ былъ однако слишкомъ мало извѣстенъ, и на него слишкомъ мало обращали вниманія, такъ что онъ не могъ измѣнить общаго настроенія. О намѣреніяхъ національно-либеральной партіи ничего нельзя было узнать, потому что Ласкеръ, обыкновенно очень говорливый, превосходилъ въ это время Молтке по своей молчаливости, между тѣмъ какъ рѣшеніе было въ его рукахъ, такъ какъ, еслибы правительство отстаивало военный законъ безъ измѣненія, то во всякомъ случаѣ большая часть національно-либеральной партіи, вѣроятно, уступила бы ему изъ-за своего отвращенія къ столкновеніямъ; но если бы только 12 человекъ изъ этой партіи, считающей въ своихъ рядахъ 150 сочленовъ, не были согласны на уступку, большинство было бы несомнѣнно противъ правительства; а Ласкеръ стоялъ на томъ, что онъ не „пожертвуетъ“ правомъ бюджета, и за нимъ послѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, 20 членовъ. 28 марта, рейхстагъ разошелся на очень короткое время по случаю пасхи, и на слѣдующій день (29/17 марта) г. Форкенбекъ посѣтилъ князя Бисмарка; вслѣдствіе этого посѣщенія онъ въ тотъ же вечеръ имѣлъ интимное совѣщаніе съ нѣкоторыми членами національно-либеральной партіи. Сперва говорили, что это было формальное собраніе, но потомъ этотъ слухъ былъ опровергнутъ. Можно считать достовернымъ, что въ эти дни состоялся компромиссъ.

Прежде чѣмъ я перейду къ дальнѣйшей исторіи этого соглашенія, мнѣ кажется, будетъ уместно остановиться нѣкоторое время на двухъ главныхъ личностяхъ этого событія, г. Форкенбекѣ, теперешнемъ президентѣ рейхстага, г. фонъ-Бенигсенѣ, президентѣ палаты депутатовъ и въ то же время весьма вліятельномъ членѣ національно-либеральной партіи рейхстага.

Оба они принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій современной Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ продуктъ 25-лѣтней парламентской жизни Германіи, показывая, какіе значительные успѣхи сдѣлала эта жизнь. Я слѣдилъ за общественною жизнью Пруссіи со времени національнаго собранія въ 1848 году; соединенный ландтагъ 1847 года совсѣмъ не зналъ публичности совѣщаній, и даже свѣдѣнія о его дѣлахъ просматривались сперва секретарями, которые имѣли право *исправлять* ихъ и выбрасывать изъ нихъ „нѣкоторыя оскорбительныя выраженія“, и ничто не приводитъ меня въ такое изумленіе, какъ необыкновенное развитіе у насъ парламентскихъ талантовъ. Если прочитать теперь рѣчи, которыя говорились въ 1848 году, то какими мелкими и фразистыми кажутся они, и съ какимъ усердіемъ подражали они чужимъ образцамъ! Я думаю, что въ числѣ тогдашнихъ рѣчей нельзя найти ни одной, которую бы можно было признать образцовою, тогда какъ теперь во время каждой сессіи можно найти рѣчи превосходныя, какъ по основательности содержанія, такъ и по совершенству формы. Еще болѣе возрасла парламентская привычка вообще и болѣе всего политическій смыслъ, представляющій настоящую основу всякой конституціонной жизни.

Въ 1848 году либеральная партія была въ значительномъ большинствѣ. Когда народъ долгое время остается въ политической опекѣ, между тѣмъ какъ въ немъ уже давно развилось чувство самостоятельности, и когда наконецъ эти узы разрываются, то всегда бываетъ такъ, что является цѣлый рядъ правовыхъ требованій; либералы въ этомъ случаѣ преобладаютъ, а консерваторы представляютъ препятствія по мѣрѣ своихъ силъ, не разбирая частныхъ. Настоящаго политическаго смысла въ такое время не бываетъ. Это всегда—отчаянная борьба, въ которой побѣждаетъ сильнѣйшій. При восходящемъ движеніи сильнѣе всего бываетъ парламентъ, а въ немъ—либеральная партія; при нисходящемъ движеніи—наоборотъ: сильнѣе правительство и консервативная партія парламента. Когда начнется послѣднее, то парламенты начинаютъ обыкновенно жаловаться на нарушеніе своихъ священныхъ правъ и погружаются все болѣе и болѣе въ формализмъ, громоздить рѣшеніе на рѣшеніе, выводить слѣдствіе изъ слѣдствія и, наконецъ, лишаются всего, потому что забываютъ тотъ простой фактъ, что за каждымъ рѣшеніемъ, чтобы оно имѣло какое-нибудь значеніе, должна стоять сила.

Силу эту не представляетъ только армія, какъ одни деньги не составляютъ богатства націи. Она не заключается также въ настроеніи народа и въ общественномъ мнѣніи, которое, какъ извѣстно, очень перемѣчиво, и часто измѣняется неожиданно быстро;

она можетъ имѣть другія основы,—и сила германскаго рейхстага въ противовѣсъ правительству заключается въ томъ, что послѣднее не можетъ существовать безъ поддержки рейхстага, и что, слѣдовательно, оно имѣетъ всѣ причины беречь его.

Годы реакціи 1849—1858 были неблагоприятны для развитія политическаго смысла. Ультра-консервативная партія проповѣдывала въ это время неистовую реакцію, опустѣвшая партія либераловъ должна была принять чисто-оборонительное положеніе, и единственное, что она могла дѣлать, это — замедлять отчасти рѣшенія. То была постоянная борьба, на заднемъ планѣ которой была мысль о воззваніи къ простой силѣ, что и случилось однажды во время внутренняго столкновенія. Только послѣ 1866 года настало время, когда обѣ партіи — либералы съ большинствомъ въ парламентѣ и правительство—оставили эту мысль о силѣ. Этимъ въ первый разъ дана была почва для настоящей политической жизни въ парламентѣ, потому что это условіе такъ же необходимо, какъ извѣстная форма земной поверхности необходима для существованія извѣстныхъ видовъ животныхъ или растений. Настало время, когда уже не желали уничтоженія противниковъ, но когда старались на почвѣ общихъ интересовъ найти болѣе выгоды для интересовъ частныхъ. Уже не было болѣе необходимости въ томъ, чтобы побѣждалъ сильнѣйшій: могъ побѣждать и болѣе умный.

Съ этою эпохою совпадаетъ дѣятельность обоихъ вышеназванныхъ лицъ. Г. фонъ-Форкенбеку теперь 54 года. Онъ родился 21-го октября 1821 года въ Мюнстерѣ, изучалъ права и въ 1847 году сдалъ свой государственный экзаменъ. Революція очень скоро охватила молодого человѣка, и онъ началъ свое политическое поприще президентомъ демократическо-революціоннаго общества въ Бреславлѣ. Названіе этого общества было не совсѣмъ логично, но этимъ противорѣчіемъ въ названіи должны были выразиться два направленія, соединить которыя очень трудно; Форкенбекъ однако и въ позднѣйшіе годы былъ склоненъ къ такому соединенію,—имѣя рѣшительно либеральный образъ мыслей (съ демократическимъ оттѣнкомъ) и склонность къ конституціонной формѣ правленія.

Максъ фонъ-Форкенбекъ къ счастью не былъ такъ далеко увлеченъ потокомъ революціи, какъ многіе его друзья и сверстники. Несмотря на то, правительство не простило ему политической роли, которую онъ игралъ, и въ 1849 году, послѣ того, какъ онъ стоялъ во главѣ либеральныхъ депутатовъ въ Нижней-Силезіи, онъ долженъ былъ перейти въ восточную Пруссію, и взялъ должности адвоката и нотариуса, поселившись въ небольшомъ городѣ Морунгенѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ восточная Пруссія была вообще мѣстомъ

ссылки, куда правительство отправляло наиболѣе непріятныхъ ему юристовъ, и для жителя прекрасной прирейнской страны, привыкшаго къ берлинской жизни, полной ума и удовольствій, само собою разумѣется, была чувствительнымъ наказаніемъ жизнь въ маленькомъ пограничномъ городкѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Для сильныхъ натуръ—а въ числу такихъ несомнѣнно принадлежитъ г. фонъ-Форкенбекъ—одиночество, тишина и общество, ограниченное весьма немногими лицами, въ высшей степени полезны. Еще важнѣе то, что въ небольшомъ городѣ, среди сельскаго населенія образованный человѣкъ дѣйствительно можетъ узнать условія народной жизни. Настоящая сила государства находится въ провинціяхъ, а не въ большихъ городахъ, которые, благодаря постоянно возрастающей свободѣ сношеній, увеличиваются колоссально, но въ которыхъ осѣдлый элементъ все болѣе и болѣе исчезаетъ, въ которыхъ все болѣе и болѣе пропадаетъ чувство общности, придававшее такую гордость и такую силу средневѣковымъ бюргерствамъ. Большіе города въ настоящее время только постоянные лагеря для правленія, промышленности, науки, искусства, удовольствій, куда ежедневно притекають массы народа, снова уходящія изъ нихъ. Я думаю, что изъ сотни человѣкъ взрослыхъ берлинцевъ ни одинъ не живетъ въ домѣ своихъ родителей, и у кого же изъ нихъ можетъ быть благоговѣніе къ городу, въ которомъ нѣтъ ни одного особенно дорогого дома. Берлинское самоуправленіе до сихъ поръ еще только пустой звукъ. Собраніе городского правленія (*Stadtverordneten Versammlung*) съ каждымъ днемъ дѣлается все бесполезнѣе и бесполезнѣе. Расходы возрастаютъ колоссально, а между тѣмъ все-таки есть множество вещей, требующихъ улучшенія. Поэтому, уже нѣсколько времени поговариваютъ весьма серьезно о томъ, чтобы Берлинъ, который въ административномъ отношеніи принадлежитъ теперь къ потсдамскому округу бранденбургской провинціи, возвысить на степень особой провинціи и тогда вполне децентрализовать городское управленіе. Навѣрное и для большихъ городовъ найдены будутъ новыя формы, но въ настоящее время внутренняя жизнь ихъ никакъ не можетъ быть названа органическою, и хотя моральное вліяніе этихъ городовъ отрицать нельзя, такъ какъ они ускоряютъ ходъ интеллектуальной и политической жизни націи, однако въ противоположность имъ консервативный духъ провинцій имѣетъ большую важность для государства.

Изъ всѣхъ условій, дѣйствующихъ въ провинціи особеннымъ образомъ, очень важно слѣдующее: въ большихъ городахъ люди ближе скучены между собою, но въ сущности они гораздо далѣе другъ отъ друга, чѣмъ живущіе въ провинціи. Изъ послѣднихъ каждый нахо-

дѣтъ въ томъ городѣ, гдѣ живетъ, свой кружокъ и кромѣ того единомышленниковъ и въ другихъ городахъ; хотя онъ съ ними и рѣже сходится, чѣмъ въ большихъ городахъ (хотя и здѣсь тѣснота помѣщеній и, происходящій вслѣдствіе дороговизны, недостатокъ гостепріимства, а также и далекія разстоянія чрезвычайно затрудняютъ личное сообщеніе), но за то такіа свиданія гораздо живѣе и оставляютъ впечатлѣніе на болѣе долгое время.

Въ Морунгенѣ (городеѣ, имѣющемъ менѣе 4000 жителей) г. Форкенбекъ былъ членомъ городского управленія; впослѣдствіи онъ поступилъ въ окружное управленіе и приобрѣлъ такую популярность и уваженіе, что при выборахъ въ ноябрѣ 1858 года былъ выбранъ депутатомъ отъ избирательнаго округа — прусско-голландъ-морунгенскаго въ палату депутатовъ. Выборы эти произошли вслѣдъ за призваніемъ стараго либеральнаго гогенцоллернскаго министерства, а при большомъ участіи народа были совершенно въ его духѣ. Даже демократы при этихъ выборахъ совсѣмъ не представили своихъ кандидатовъ, но выбирали лицъ, поддерживаемыхъ правительствомъ. Къ числу этихъ лицъ принадлежалъ и г. Форкенбекъ. Доброе согласіе между правительствомъ и образовавшимся при выборахъ въ ноябрѣ 1858 года ландтагомъ не было продолжительно. Постепенно отдѣлялась крайняя лѣвая, состоявшая главнымъ образомъ изъ депутатовъ восточной Пруссіи и получившая, поэтому, шуточное прозвище „молодой Литвы“. Она дала начало теперешней прогрессивной партіи, существованіе которой начинается съ 1861 года; при выборахъ осенью этого года партія эта сдѣлалась такъ сильна, что въ соединеніи съ ультрамонтанами и поляками имѣла большинство. Г. Форкенбекъ оставался вѣренъ этой партіи до 1866 года, и при быстро слѣдующихъ одно за другимъ распушеніяхъ былъ постоянно избираемъ и прошелъ всѣ фазы столкновенія. Онъ отличался не какъ ораторъ, а болѣе какъ прилежный работникъ въ комиссіяхъ, приобрѣлъ личное уваженіе своими знаніями, прилежаніемъ, проникательностью и своимъ спокойнымъ, безстрастнымъ темпераментомъ.

Въ началѣ 1866 года столкновеніе между прусскимъ правительствомъ и ландтагомъ было еще въ полномъ разгарѣ. Въ январѣ верховный трибуналъ сдѣлалъ нелѣпое постановленіе, по которому депутаты должны были подвергаться отвѣтственности за произносимыя ими рѣчи. Было сдѣлано предложеніе признать поведеніе верховнаго судилища (Gerichtshofes) нарушающимъ конституцію, и г. Форкенбекъ былъ докладчикомъ въ знаменитомъ засѣданіи 9-го февраля 1866 г. Его рѣчь не принадлежитъ къ числу слабыхъ, но вполне соотвѣтствуетъ духу того времени и господствовавшему настроенію. Между

тѣмъ ненависть въ правительственныхъ кружкахъ обратилась на одну личность президента ландтага (недавно умершаго въ глубокой старости) оберъ-бюргермейстера города Прейсслау, Грабова, который еще въ 1848 году былъ президентомъ національнаго собранія, потомъ нѣсколько времени жилъ въ уединеніи, а во время борьбы сдѣлался опять президентомъ ландтага, и считалъ своею обязанностью провозглашать съ особенной торжественностью постановленіе большинства ландтага относительно поведенія правительства. Онъ въ особенности отличался этимъ въ упомянутую сессію 1866 года, и когда, по окончаніи войны, собрался вновь избранный ландтагъ, съ которымъ правительство хотѣло заключить миръ, то оказалось, что правительство (принимая это слово въ личномъ смыслѣ) во вторичномъ выборѣ Грабова увидѣло противодѣйствіе своему мирному настроенію. Большинство считало себя обязаннымъ выбрать опять прежняго президента, но Грабовъ отказался, не желая, чтобы изъ-за него выходили столкновенія, и тогда г. Форкенбекъ, 10-го августа, былъ выбранъ президентомъ палаты депутатовъ. Въ этомъ положеніи онъ вполне могъ показать свой талантъ. Никогда такъ превосходно не были ведены пренія въ ландтагѣ: при запутаннѣйшей постановкѣ вопросовъ, причемъ иногда нагромождались одна на другую дюжины поправокъ, замѣтить незначительную ошибку, никѣмъ незамѣчаемую, и вывести собраніе на надлежащій путь, такъ чтобы заключеніе было ясно для всѣхъ,—это было для новаго президента просто игрою. При этомъ онъ всегда остается спокоенъ, вполне безпристрастенъ, чего нельзя сказать про его предшественника, и въ надлежащей степени строгъ, когда нужно предохранить парламентскій порядокъ отъ всякихъ нарушеній. Но, кромѣ этой дѣятельности, онъ считаетъ цѣлью своего officialнаго положенія еще и то, чтобы быть довѣреннымъ лицомъ палаты и посредникомъ между нею и правительствомъ, когда представляются какія-либо парламентскія затрудненія, которыя снова грозятъ уничтожить съ такимъ трудомъ приобрѣтенное согласіе. Въ осеннюю сессію 1866 года прогрессивная партія была еще сильна и вначалѣ почти непримирима. Послѣ блестящей побѣды надъ Австріею, король и министерство желали примиренія и требовали утвержденія того, что было сдѣлано во время внутренняго столкновенія. Еще разъ снова вспыхнула вся злоба прежней долгой борьбы въ старой прогрессивной партіи. Огненными чертами рисовала она господствующую систему.—„Что мы видимъ?“ воскликнулъ депутатъ Шульце въ засѣданіи 3-го сентября 1866 года, во время котораго законъ объ утвержденіи стоялъ на очереди въ палатѣ депутатовъ: „что же мы видимъ? Полнѣйшее сохраненіе прежней системы правленія безъ малѣйшей перемѣны; со

времени великихъ событій, которыя привели насъ въ такой восторгъ, не было измѣнено ни юты въ этой системѣ: правленіе чиновниковъ, преслѣдованіе учителей, имѣющихъ собственныя политическія убѣжденія, преслѣдованіе прессы, свободы общинъ въ выборѣ своихъ чиновниковъ, духовное воспитаніе, преслѣдованіе парламентской свободы слова,—все осталось по старому въ полномъ развитіи. Намъ говорятъ о забвеніи; но для того, чтобы забыть что-нибудь, необходимо, чтобы вещи, подлежащія забвенію, не опутывали насъ каждое мгновеніе! Прошедшее вполне забудется только тогда, когда будетъ серьезное намѣреніе начать новую эпоху, а для этого необходимо не продолжать всѣхъ этихъ несправедливостей, не дѣлать ихъ хроническимъ состояніемъ нашего государственнаго управленія“.

Такъ говорилъ предводитель прогрессивной партіи, и она еще разъ впала въ заблужденіе, также какъ заблуждалась много разъ въ прежнее время. Самымъ пылкимъ изъ ея ораторовъ отвѣчалъ тогда графъ Эйленбургъ, министръ внутреннихъ дѣлъ; онъ между прочимъ сказалъ: „вы требуете фактическихъ гарантій; я говорю, что фактическія гарантіи должны быть вызваны тѣмъ, что вы покажете желаніе работать съ нами на общей почвѣ. Если вы согласитесь на утвержденіе, то правительство будетъ нравственно вынуждено склониться къ вамъ въ большей степени, чѣмъ было до сихъ поръ. Невозможно, чтобы правительство стало удаляться или могло удаляться отъ людей, обращающихся къ нему и выражающихъ желаніе вмѣстѣ содѣйствовать благимъ начинаніямъ. Ни одна мѣра съ нашей стороны не можетъ заключать въ себѣ такихъ гарантій, какъ необходимость моральной связи между вашею готовностью и нашими распоряженіями“. Мѣсто это бросилось мнѣ въ глаза, когда я просматривалъ стенографическіе отчеты тогдашней сессіи, и теперь, по прошествіи 8-ми лѣтъ, можно навѣрное сказать, что тогдашнее сужденіе министра (подобное же высказано и графомъ Бисмаркомъ) не было уверткой. Цѣлый рядъ либеральнѣйшихъ законовъ изданъ въ эти послѣднія 8 лѣтъ, и германскій народъ можетъ теперь съ гордостью причислить себя къ числу болѣе свободныхъ. Согласіе на утвержденіе разорвало связь, соединявшую до тѣхъ поръ оппозицію. Множество членовъ ея, вскорѣ послѣ принятія закона объ утвержденіи (законъ объ утвержденіи постановленъ 3-го сентября; большинствомъ 230 голосовъ противъ 75), высказали объясненіе, въ которомъ они оправдывали свое поведеніе относительно принятія этого закона и искали основаній для новаго преобразованія партій. Они признали необходимымъ предоставить правительству полную самостоятельность относительно представленія націи во внѣшней политикѣ; хотя они и признавали необходимымъ бдительно

охранять конституціонныя права народа и стремиться къ либеральнымъ преобразованіямъ, но выразили намѣреніе не переносить оппозиціи въ область германской политики. Даже въ тѣхъ, которые стремились къ этому новому образованію партій, замѣтно было горькое и болѣзненное самоотреченіе. Такъ, напримѣръ, въ одномъ объясненіи со стороны этихъ лицъ говорилось: „Какъ ни трудно намъ признаться, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что либеральная партія проиграла свою первую битву за преобладаніе и совершила неудачно свой первый походъ за парламентскую систему“. На самомъ дѣлѣ вовсе не было такъ худо, но эти слова служатъ выраженіемъ тогдашняго настроенія. Сперва отъ оппозиціи отдѣлилось около 20 членовъ, которые дали себѣ названіе націоналовъ, и образовали ядро національно-либеральной партіи, которая потомъ въ германскомъ рейхстагѣ увеличилась болѣе, чѣмъ до 150 человекъ. Къ этой партіи тогда вскорѣ присоединились и Форкенбекъ, какъ потомъ присоединились къ ней,—къ сожалѣнію, такъ рано умершій Твестенъ, Ласкеръ, Гнейсъ, корифеи парламентской жизни. Форкенбекъ до 1873 года былъ постоянно президентомъ палаты депутатовъ, но въ послѣднее время часто сталъ говорить, что онъ не можетъ долѣе жертвовать своими финансовыми обстоятельствами парламентской дѣятельности (онъ былъ адвокатомъ въ Эльбингѣ и во время его продолжительнаго отсутствія, разумѣется, страдали его занятія и доходы). Тогда онъ былъ избранъ оберъ-бюргермейстеромъ въ Бреславлѣ и, чтобы не отвлекаться чересчуръ своими парламентскими работами, сложилъ свои полномочія, но былъ сдѣланъ представителемъ города въ палатѣ господъ. Онъ былъ также членомъ рейхстага. Когда, при началѣ новаго законодательнаго періода, г. Симсонъ, который до того былъ постоянно президентомъ рейхстага, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неприяностей, случившихся съ нимъ въ предыдущую сессію, отказался отъ выборовъ въ президенты, то взоры всѣхъ обратились на Форкенбека, и онъ былъ избранъ почти единогласно, и также превосходно исполнялъ свои обязанности, такъ что даже ультрамонтаны, которымъ онъ наиболѣе долженъ былъ враждебенъ, признали его безпристрастіе.

Форкенбекъ коренастъ и широкоплечъ, какъ всѣ его земляки, съ пріятными нерѣзкими чертами лица, и отличается безустанностью въ работѣ. Во время 6-часового засѣданія въ рейхстагѣ онъ, повидимому, нисколько не устаетъ и только время отъ времени вынюхиваетъ щепотъ табаку. Простой въ своихъ манерахъ, прямодушный и обходительный, безъ малѣйшихъ признаковъ педантизма—онъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы въ будущемъ играть еще болѣе значительную роль во внутреннихъ дѣлахъ.

Его конкуррентъ по президентскому креслу и его сотрудникъ въ компромиссѣ, Рудольфъ фонъ-Бенигсенъ, въ настоящее время окруженный директоръ (Landes-Director) въ Ганноверѣ (такъ называется выбранный сословіями шефъ провинціального самоуправления этой провинціи), человекъ лѣтъ 50-ти, высокій, съ маленькимъ тупымъ носомъ, окрашеннымъ на концѣ, также какъ и щеки его, мѣднокраснымъ цвѣтомъ,—вѣрный признакъ того, что владѣлецъ ихъ усердный поклонникъ Бахуса,—съ плѣшивою головою, очень близорукой и—если это стоить упоминовенія—съ тонкими выхолещенными руками. Политическую жизнь началъ онъ въ 1855 году, когда городъ Аурихъ выбралъ его во вторую ганноверскую палату. Такъ какъ онъ находился тогда на государственной службѣ по судебному вѣдомству, то, по тогдашней ганноверской конституціи, на поступленіе его въ палату необходимо было дозволеніе министра юстиціи, который не далъ его; тогда Бенигсенъ подалъ въ отставку, и посвятилъ себя сельскому хозяйству, занимаясь имъ въ своемъ родовомъ имѣніи, Бенигсенъ.—Выбранный вторично во время выборовъ 1857 года, онъ сталъ во главѣ очень небольшой оппозиціонной партіи, и три сессіи сряду боролся противъ господствовавшей тогда реакціонной системы съ неустанною рѣзкостью и блестящимъ краснорѣчіемъ. Въ 1859 году, когда Франція и Австрія послѣ итальянской войны приняли угрожающее положеніе относительно Германіи, когда разрозненная Германія подвергалась опасности, Бенигсенъ старался найти соединительный пунктъ для всѣхъ патріотовъ и въ своемъ объясненіи указалъ на необходимость германскаго парламента, центральной силы Германіи, и высказалъ, что гегемонія въ Германіи должна принадлежать Пруссіи,—что для ганноверца того времени было немалымъ мужествомъ. На основаніи этой программы создалось національное общество, отъ котораго Пруссія вначалѣ сторонилась. Бенигсенъ съ жаромъ дѣйствовалъ въ этомъ обществѣ, и въ то же время помогъ осуществить свободномыслящую въ духовномъ отношеніи конституцію и предводительствовалъ въ палатѣ либеральной партіей, которая между тѣмъ пріобрѣла большинство. Предъ объявленіемъ войны онъ съ своими политическими единомышленниками старался сохранить нейтралитетъ Ганновера и вмѣстѣ съ тѣмъ королевскій тронъ, но напрасно. Георгъ V не былъ убѣжденъ ими. Когда катастрофа совершилась, то послѣ присоединенія Бенигсенъ основалъ національно-либеральную партію въ Ганноверѣ, благодаря которой такъ быстро совершилось сліяніе его съ Пруссіей. Выбранный тотчасъ же въ учрежденный рейхстагъ, онъ скоро пріобрѣлъ большое вліяніе и злѣйшую ненависть прогрессивной партіи, которая не безосновательно видѣла въ немъ самый враждебный для себя элементъ національно-

либеральной партіи. Это справедливо, потому что въ извѣстной степени онъ опредѣляетъ политическую роль этой партіи. Какъ ораторъ, онъ нѣсколько сухъ, но его рѣчи отличаются полнѣйшею правильностью, прекраснымъ стилемъ и замѣчательною ясностью. Онъ выступаетъ только при исключительныхъ обстоятельствахъ; такъ, напр., въ 1867 году во время Люсембургскаго вопроса, возбужденнаго имъ посредствомъ извѣстнаго запроса союзному канцлеру, и, наконецъ, въ новѣйшее время опять по поводу военнаго закона. Гдѣ бы онъ ни принималъ участіе, вездѣ одерживалъ побѣду.

Эти два лица собственно и сдѣлали компромиссъ съ княземъ Бисмаркомъ. Первая мысль о немъ явилась у князя Бисмарка, потому что въ дружескихъ разговорахъ съ разными членами рейхстага, самые пикантные изъ которыхъ сдѣлались извѣстными чрезъ всѣ газеты; онъ упрекалъ національно-либеральную партію и другія въ томъ, что онѣ не предложили ему сдѣлки и не утвердили закона на нѣсколько лѣтъ. Я пропускаю частности, которыя уже достаточно извѣстны, и только коснусь еще одного пункта. Много спорили о томъ, дѣйствительно ли правительство принесло жертву, на которую оно согласилось въ компромиссѣ. Я думаю — нѣтъ, и, какъ доказательство этого, могу привести событіе, которое не проникло въ публику. Вечеромъ 10 апрѣля зданіе рейхстага имѣло видъ, необычный для этого времени. Въ немъ стоялъ такой же сильный шумъ, какъ и въ остальные дни. Большая часть фракцій имѣли собранія, въ которыхъ должно было обсуждаться положеніе военнаго закона. Въ нихъ явились тѣ члены, которымъ князь Бисмаркъ сдѣлалъ свои сообщенія. Въ собраніи консерваторовъ, въ которомъ присутствовалъ также Мольтке, всѣ были внѣ себя, потому что извѣстія изъ разныхъ мѣстностей возбудили въ нихъ надежду, что или подъ этимъ гнетомъ большинство приметъ законъ, или что, въ случаѣ распушенія рейхстага, новые выборы дадутъ болѣе консервативное собраніе. Жаловались на то, что правительство въ одно мгновеніе отдало то, на что имѣло за себя всѣ благопріятные шансы, что оно, переговариваясь съ либералами, совсѣмъ не спросило консерваторовъ. Мольтке выразился, что онъ во всемъ согласенъ съ тѣмъ, что одобрено королемъ. Горячія головы могли бы предложить, вмѣсто предварительнаго постановленія на семь лѣтъ, сдѣлать такое же на четырежды семь лѣтъ; но они скоро замѣтили бы, что такое постановленіе — не говоря уже о томъ, возможно ли вообще удержать его, — можетъ только обременить правительство. Вотъ *punctum saliens*. Въ самомъ дѣлѣ, семь лѣтъ будущаго — это цѣлая вѣчность въ политикѣ, и нельзя поручиться за то, что чрезъ семь лѣтъ не понадобятся новыя права военнаго закона.

Это обстоятельство вообще должно обсуждаютъ въ двоякомъ отношеніи. Если бы военный законъ былъ принятъ въ той формѣ, въ какой онъ былъ предложенъ сначала, то было бы все равно, что и теперь, когда онъ принятъ на семь лѣтъ; состояніе, бывшее до сихъ поръ—что рейхстагъ ни во что не выѣшивается, если правительство довольствуется ассигнованными ему суммами—прекращается. Рейхстагъ всегда стоитъ скорѣе за штатъ (бюджетъ), какъ это всегда было въ Пруссіи (съ 1850 по 1866 годъ, когда управленіе прусскою арміею перешло въ управленіе арміею сѣверо-германскаго союза). Всѣ пункты военнаго управленія будутъ такимъ образомъ подробнѣйшимъ образомъ обсуждаться въ рейхстагѣ ежегодно на каждый слѣдующій годъ, и правительству каждый годъ предстоитъ довольно трудная борьба. Съ другой стороны впадаютъ въ заблужденіе тѣ, которые думаютъ, что правительство первоначально имѣло особенный интересъ отстоять законъ. Большинство рейхстага готово на утвержденіе всякой мѣры на ограниченный періодъ времени. Наконецъ, самый законъ также не представляетъ абсолютной гарантіи для правительства, потому что бюджетъ можетъ быть такъ сокращенъ, что ему будетъ невозможно содержать отъ 401 до 569.000 человекъ. Центръ тяжести всего событія заключается скорѣе въ томъ, чтобы не довести первоначальную разницу мнѣній вмѣстѣ съ тѣмъ до столкновенія личностей и принциповъ. Конституціонныя собранія очень часто бываютъ склонны, какъ выражаются на парламентскомъ жаргонѣ, „давать уроки“ правительству, вслѣдствіе которыхъ правительства часто даже падаютъ. Французская исторія богата подобными примѣрами, и чтобы указать на нихъ, не нужно заходить далѣе 16-го мая, когда часть правой стороны не желала ничего болѣе, какъ только дать урокъ герцогу Брולי, и между тѣмъ это повело къ паденію министерства, которое будетъ сопровождаться значительными послѣдствіями. Человѣкъ вообще существо, ищущее господства; изъ-за него бьются отдѣльныя лица, партіи, касты, сословія. За всѣми фразами, посредствомъ которыхъ ведется борьба со стороны корифеевъ оппозиціи, скрывается желаніе дать князю Бисмарку почувствовать могущество парламента, и даже болѣе—сдѣлать его всемогущимъ. Люди, обыкновенно мало размышляющіе, думаютъ, что они вполне разрѣшили вопросъ, представляя его какъ борьбу изъ-за права бюджета, и это право представляютъ чѣмъ-то *абсолютнымъ*. Т.-е., по ихъ мнѣнію, рейхстагъ имѣетъ право вполне отвергнуть бюджетъ, и тогда государственная машина остановится. Это понятіе о правѣ бюджета (это выраженіе въ нѣмецкомъ языкѣ гораздо неопредѣленнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было переводѣ) нигдѣ не приводится въ исполненіе. Профессоръ Гнейстъ, который страхнулъ та-

кой слой формализма съ политическихъ понятій и доходить всегда до корня вещей, далъ надлежащее освѣщеніе и этому предмету. Съ 1848 по 1861 годъ въ Пруссіи военный бюджетъ обсуждался ежегодно. Когда палата депутатовъ въ 1849—50 году въ первый разъ приступила къ этой задачѣ, то она начала входить во всѣ частности каждой рубрики бюджета, но когда коммиссія перешла къ рубрикамъ о жалованьѣ, продовольствіи и одеждѣ войскъ, то сейчасъ же замѣтила, что въ основаніе должны быть положены опредѣленные условія:—пусть правительство представляетъ таблицу наличнаго состава войскъ и специальный бюджетъ продовольствія. Эта таблица и показанный въ ней наличный составъ арміи служатъ основаніемъ для обсужденія бюджета, и первая бюджетная коммиссія начала словами: „мы разсуждаемъ объ арміи въ 130.000 человекъ и 26.000 лошадей“.—Такое же точно обозначеніе общаго количества войскъ принималось въ основаніе отъ 1849 по 1861 годъ. Въ 1858 году, съ согласія ландтага, армія значительно усилена введеніемъ трехлѣтняго срока службы. Въ каждое изъ этихъ 12-ти лѣтъ были жалобы на трудность содержанія войска и много разъ высказывалось желаніе сдѣлать сбереженія посредствомъ сокращенія срока службы, но ни разу не сдѣлано постановленія ни объ уменьшеніи наличной арміи, ни о сокращеніи срока службы. Теперешняя спорная теорія бюджетнаго права возникла главнымъ образомъ во время столкновенія. Съ тѣхъ поръ, какъ правительство полагало, что оно не связано никакимъ законнымъ постановленіемъ относительно организаціи арміи, съ другой стороны возникло новое положеніе,—что народные представители могутъ каждый годъ опредѣлять число и силу войскъ. Разъ появившись, эта новая мысль пошла въ ходъ. Если право народныхъ представителей признано основнымъ, то, поэтому, оно является неограниченнымъ, абсолютнымъ правомъ, не требующимъ и не выносящимъ никакого ограниченія и конституціи. О правѣ бюджета получается, поэтому, такое же представленіе, какъ о свободѣ печати, свободѣ сходовъ, церкви, школъ. Какъ только эта теорія сдѣлалась главнымъ пунктомъ спора о конституціи, то неизбежнымъ слѣдствіемъ этого явилось то, что новое положеніе сдѣлалось вопросомъ жизни для его защитниковъ. Для нихъ всѣ другія права, всѣ статьи конституціи обратились въ ничто передъ правомъ бюджета.

Защитники этого права и имѣютъ намѣреніе употреблять его, какъ средство для уничтоженія существующихъ основныхъ положеній закона. Они увѣряютъ, напротивъ, какъ въ особенности высказывалъ Ласкеръ во время дебатовъ, что будутъ примѣнять его съ умѣренностью, принимая въ расчетъ практическія потребности, но

на практикѣ тогда каждое постановленіе можно соединить съ такими условіями, при помощи которыхъ можно достигнуть какихъ угодно цѣлей. Такимъ образомъ, абсолютное право бюджета, бюджетный абсолютизмъ, какъ выразился Гнейстъ, вызвалъ бы непреодолимое раздраженіе, какъ постоянно готовое средство добиваться осуществленія всевозможныхъ желаній въ общественныхъ дѣлахъ. Опасность бюджетнаго права, состоящая въ томъ, что ежегодно мѣняющееся большинство можетъ лишать всякой силы конституцію и законы, будетъ сообщать пристрастіе и самимъ законамъ, и, какъ всякій абсолютизмъ, оскорбляется даже мыслию о подчиненіи чему-либо иному, кромѣ себя.

Въ военномъ вопросѣ желанія, которыя хотятъ осуществить посредствомъ права бюджета, извѣстны: уменьшеніе срока службы и ограниченіе того, что называется военною роскошью. Что касается перваго, то большинство націй желаетъ ограничить срокъ службы двумя годами, тогда какъ другіе думаютъ, что достаточно полутора лѣтъ, или одного года, или даже шести мѣсяцевъ. Во время преній о военномъ законѣ демократы-соціалисты сдѣлали даже предложеніе, чтобы сила арміи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ году была не менѣе 540.000 человѣкъ, а въ остальные 10 мѣсяцевъ состояла бы всего изъ 18.000 человѣкъ, что для французовъ было бы отличнымъ средствомъ опять захватить Мецъ и Страсбургъ. Что касается военной роскоши, то желанія въ этомъ отношеніи безчисленны. Одни хотятъ уничтожить гвардію, другіе кirasровъ, третьи половину кавалеріи, четвертые музыку и т. д. Въ томъ и другомъ отношеніи дурно то, что нѣтъ никакого постояннаго пункта, далѣе котораго нельзя было бы пойти. Пусть будетъ закономъ постановленъ шестимѣсячный срокъ службы, и еслибы это посредствомъ особеннаго сщѣпленія обстоятельствъ не привело къ тому, что Германія грозила бы опасность со стороны сосѣднихъ государствъ, то нашлось бы немало людей, которые считали бы шестимѣсячный срокъ службы совсѣмъ непомернымъ и считали бы достаточнымъ трехмѣсячный срокъ. Впрочемъ, даже лучшіе военные авторитеты въ принципѣ не противъ сокращенія срока службы; они полагаютъ только, что для этого необходимы извѣстныя предварительныя условія, именно—лучшее воспитаніе юношества, затѣмъ многочисленный и интеллигентный корпусъ сержантовъ и унтеръ-офицеровъ и т. д. Съ теченіемъ времени, безъ сомнѣнія, срокъ службы будетъ сокращенъ, какъ постоянно сокращается во всѣхъ европейскихъ государствахъ, съ тѣхъ поръ, какъ признава необходимаю обязательность всеобщей воинской повинности, которая требуетъ болѣе краткаго срока службы. Но наступило бы

полнѣйшее разстройство государства, еслибы парламентъ, подъ фирмою контроля надъ финансовымъ управленіемъ государства, могъ измѣнять конституцію.—Въ послѣдней заключаются опредѣленные постановленія относительно арміи: въ статьѣ 57 говорится: „для каждаго германскаго подданнаго обязательна военная служба“; въ статьѣ 59: „каждый, обязанный военною службою, служить 3 года подъ знаменами“; въ статьѣ 60: „численность арміи въ мирное время опредѣляется путемъ обнародованія государственныхъ законовъ“, и т. д. Законъ ни въ какомъ случаѣ не стѣсняетъ свободы, и въ каждомъ учебникѣ естественнаго права говорится въ первыхъ же строкахъ, что люди, соединяющіеся для образованія государства, должны жертвовать частью своей личной свободы. Такое стѣсненіе со стороны законовъ чувствуютъ всегда тѣ, у которыхъ въ данное время въ рукахъ сила, и они хотятъ выдти изъ-подъ такого стѣсненія. Въ десятилѣтіе реакціи, съ 1849 по 1858 годъ, сила была въ рукахъ реакціонеровъ, и они чувствовали себя обиженными со стороны закона и особенно со стороны конституціи, и хотѣли бы устранить ее; теперь сила въ рукахъ либеральной партіи. Очень рѣдки и сравнительно кратки бывають періоды въ жизни государствъ, когда борющіеся партіи исполнены одинаковымъ уваженіемъ къ закону не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Самый блестящій и продолжительный примѣръ этого представляетъ Англія.

Заключеніе компромисса было дѣломъ чисто политическимъ, которымъ рейхстагъ положилъ основаніе своему будущему могуществу и господству.

Въ началѣ этого письма я представилъ въ картинѣ дѣйствіе заключенія компромисса 14 апрѣля. Оно наступило вдругъ, но постоянно усиливается до сихъ поръ, и даже прогрессивная партія и ея органы признають безспорно большой прогрессъ въ этомъ отношеніи. Можно, конечно, указать много недостатковъ въ законѣ о печати, о гражданскомъ бракѣ и въ другихъ, уже постановленныхъ законахъ, но все-таки нельзя отрицать, что все это такіе прогрессивные законы, которые еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ представлялись только въ далекомъ будущемъ; они даютъ возможность дальнѣйшаго прогресса и въ то же время довольно умѣренны, такъ что устраняють всякую опасность реакціи.

Было бы несправедливо не признать, вмѣстѣ съ политическою предусмотрительностью большинства, отрицательной заслуги тѣхъ, которые дали единство большинству,—ультрамонтанамъ. Съ большими надеждами выступила эта партія послѣ послѣднихъ выборовъ—и въ рейхстагѣ, и въ ландтагѣ, они такъ усилились что имъ не

доставало только союзника, чтобы приобрести большинство. Поэтому, они сперва стремились раздѣлить противостоящее имъ большинство. Центръ сперва завалилъ рейхстагъ своими предложеніями и запросами. Предложенія самаго либеральнаго характера должны были привлечь къ центру прогрессивную партію, на которую они впоследствии наиболѣе рассчитывали. Предложеніе о столовыхъ деньгахъ депутатамъ, о введеніи примыхъ выборовъ въ прусскій ландтагъ были очень пригодны для привлеченія прогрессивной партіи, но эти либералы имѣли непреодолимое отвращеніе отъ соединенія съ почтителями силлабуса о папской непогрѣшимости. Но настоящій рѣшительный моментъ былъ все-таки военный законъ; но здѣсь ультрамонтаны сами вырыли для себя яму. Они совершенно вѣрно рассчитывали на столкновеніе между большинствомъ рейхстага и правительствомъ, и приготовились на этотъ случай предложить ему свои услуги, само собою разумѣется, требуя взамѣнъ измѣненія политической системы правительства въ церковныхъ дѣлахъ. Человѣкъ, годный для такого переворота, былъ фельдмаршалъ Мантейфель, который еще и до сихъ поръ смотритъ на церковныя дѣла съ точки зрѣнія партіи „Крестовой газеты“, и, слѣдовательно, думаетъ одинаково съ гг. ф. Зепортомъ или Клейстомъ-Ретцовъ, который въ засѣданіи рейхстага, когда вопросъ относительно церковнаго управленія стоялъ на очереди, пожалъ лавры, сказавши, что ему, *протестанту*, нельзя безъ сердечной боли видѣть, сколько бѣдствій принесъ и еще болѣе принесетъ въ будущее время майскій законъ въ Пруссіи. „Въ средніе вѣка“, — такъ восклицалъ этотъ протестантъ, — „было, можетъ быть, самымъ тяжелымъ наказаніемъ для страны, когда папа издавалъ для нея интердиктъ. Мы теперь повергаемъ страну въ подобное же положеніе безъ папскихъ буллъ. До тѣхъ поръ, пока это будетъ продолжаться, мы не будемъ имѣть ни одного епископа, и будемъ сидѣть, какъ въ темницѣ или жить, какъ изгнанники изъ отечества“. Господамъ подобнаго сорта, само собою разумѣется, было бы чрезвычайно пріятно, рука объ руку съ ультрамонтами, хорошенько зажать ротъ либераламъ. Но правительство не могло не видѣть, что подобная система переменъ навѣрное повергла бы его въ хаотическое состояніе, и поэтому нельзя рѣшить, дѣйствительно ли думали о г. Мантейфель. Вѣрно одно изъ двухъ: или что Мантейфель былъ готовъ, или что Бисмаркъ, въ тѣ дни, когда онъ наиболѣе былъ раздраженъ противъ либераловъ, имѣлъ въ виду рекомендовать королю Мантейфеля, какъ своего преемника. Но какъ бы то ни было, вообще дѣло не зашло такъ далеко, чтобы необходимо было призвать г. Мантейфеля какъ спасителя. Во время сильныхъ преній о военномъ законѣ по-

терпѣли горькое пораженіе самыя значительныя личности центра.— Три генерала этой партіи—Виндгорстъ, Маллинекротъ и Рейхеншпергеръ, и роли распредѣлены были между ними очень хорошо. Рейхеншпергеровъ собственно два: они—братья, почти однихъ лѣтъ; но въ послѣднюю сессію дѣйствовали главнымъ образомъ старшій, Августъ. Оба брата принимаютъ участіе въ общественной жизни Германіи съ тѣхъ поръ, какъ она существуетъ, и принадлежали сперва къ либеральной оппозиціи, но потомъ мало-по-малу перешли въ ультрамонтаны и теперь вполне отдались центру. Но они все-таки принадлежатъ къ числу самыхъ мягкихъ и миролюбивыхъ членовъ и лично пользуются любовью. Эти лица принадлежатъ, слѣдовательно, къ числу наиболѣе спокойныхъ. Имъ было непріятно столкновение. Они хотятъ соединить гармонически патріотизмъ съ своими религиозными убѣжденіями. Младшій Рейхеншпергеръ въ особенности хорошо играетъ эту роль, такъ какъ онъ обладаетъ особеннымъ родомъ декламации, которая производитъ комическое впечатлѣніе.

Второй генералъ, г. Ф. Маллинекротъ — фанатикъ партіи. Онъ говоритъ непріятныя вещи самымъ рѣзкимъ и ѣдкимъ тономъ. Онъ родился въ 1821 году въ Минденѣ и сдѣлалъ обыкновенную карьеру чиновника. Онъ всегда былъ лицемеръ, мраченъ, и никогда не имѣлъ настоящихъ друзей. Онъ вышелъ въ отставку изъ государственной службы въ 1872 году, когда его занятія по должности оказались несовмѣстными съ его парламентскою дѣятельностью. Онъ искусный ораторъ, постоянно готовый къ борьбѣ. Наиболѣе дѣятельный членъ партіи — прежній ганноверскій министръ Виндгорстъ, который на этотъ разъ говорилъ даже чаще Ласкера, говорливость котораго сдѣлалась уже предметомъ остротъ. Онъ говорилъ 78 разъ, тогда какъ Ласкеръ только 64 раза. Виндгорстъ—одна изъ самыхъ маленькихъ фигуръ въ рейхстагѣ, и когда онъ носитъ на груди большую звѣзду, то скорѣе можно сказать, что звѣзда его носитъ. Въ парламентскихъ собраніяхъ вообще не въ обычаѣ носить ордена, точно также какъ и употреблять титулы, за исключеніемъ титула доктора, который употребляется во всѣхъ безъ исключенія официальныхъ обозначеній и который особенно строго удерживаютъ президенты. Принцъ Вильгельмъ баденскій, присутствующій въ рейхстагѣ, не называется тамъ „королевскимъ высочествомъ“, а просто: „г. принцъ баденскій“, точно также какъ говорятъ: „князь такой-то“. Правильнѣе всего было бы, какъ дѣлается въ Англіи, совсѣмъ отбросить имена и называть только избирательный округъ, напр., г. депутатъ отъ Мезеритца и т. д., но этотъ обычай никогда не привьется въ Германіи, несмотря на усилія нѣкоторыхъ англомановъ.

Но обратимся къ Виндгорсту. Онъ діалектикъ и интриганъ пар-

тин. Что касается послѣдняго свойства, то о немъ я говорилъ при случаяхъ прежде. Какъ діалектикъ, или еще лучше — какъ софистъ, онъ можетъ защищать всякую вещь и всякое положеніе, какъ бы дурно оно ни было. Съ безпримѣрнымъ цинизмомъ *сегодня* онъ защищаетъ политическую свободу и смѣется надъ демократами, которые не хотятъ быть его единомышленниками; *завтра* — онъ боецъ за самыя ретроградныя идеи, жалуется на то, что либерализмъ губитъ общество и государство, и представляетъ государству себя и свою партію, какъ истинныхъ защитниковъ порядка. Онъ переливается разными цвѣтами и сверкаетъ на всѣ стороны, и парламентъ мало-по-малу такъ привыкъ къ этимъ канатнымъ прыжкамъ и фиглярствамъ, что не обращаетъ на нихъ вниманія. Съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, не имѣющимъ совѣсти, справиться трудно. Всякіе аргументы отскакиваютъ отъ него, потому что онъ не желаетъ быть убѣжденнымъ. Онъ всегда бьетъ на то, чтобы имѣть послѣднее слово. При этомъ Виндгорстъ употребляетъ всѣ мелкія средства, чтобы казаться сноснымъ, — онъ галантный человѣкъ: президента нужно опять избирать единогласно, и если только одинъ голосъ протестуетъ, то необходимо сдѣлать выборъ билетами, что беретъ цѣлый часъ времени у парламента; Виндгорстъ предлагаетъ тоже выборъ общимъ голосомъ. Вообще, при заключеніи, неблагопріятномъ для партіи ультрамонтановъ, онъ какъ-нибудь постарается замедлить его на день. Виндгорсту пріятно угодить парламенту, — но, само собою разумѣется, только въ томъ случаѣ, если онъ уже нисколько не можетъ измѣнить хода дѣла. Наконецъ, — и это большая сила въ парламентѣ — онъ умѣетъ заставить себя слушать. Его слушаютъ охотно, потому что онъ умѣетъ острить, золь, остроуменъ и умѣетъ оживить всякое преніе. Особенную дѣятельность проявляетъ онъ, когда хочетъ помѣшать кому-либо. Междометія, которыми онъ ставитъ втупикъ ораторовъ, выработаны у него въ настоящую систему, и я, къ сожалѣнію, не могу представить примѣровъ этого, такъ какъ пришлось бы перепечатать цѣлыя пренія. Противъ него, такъ-называемыя, академическія рѣчи невозможны, такъ какъ ораторъ если не первымъ, то вторымъ, а если это не помогаетъ, то третьимъ междометіемъ вынужденъ будетъ отвѣчать; но въ теченіи долгой парламентской жизни, по счастью, привыкають къ этому и не обращаютъ на это вниманія. Вначалѣ, въ 1848 году, прерывы считались неприличными, и президентъ много разъ обращался къ собранію съ просьбою не прерывать оратора. Въ настоящее время иная рѣчь дѣлается просто разговоромъ. Этому, какъ и всему другому, нужно научиться не только въ одно повольтіе, но въ цѣлый рядъ повольтій. Внимательный наблюдатель замѣтитъ этотъ законъ повсюду, и новичекъ, всту-

нающій въ парламентъ въ настоящее время, входитъ въ него съ новыми свойствами, чѣмъ двадцать-пять лѣтъ тому назадъ.

Цинизмъ ультрамонтанской партіи, полнѣйшее равнодушіе къ правдѣ, безсовѣстность, съ какою она всегда готова на любую перемѣну, обѣщающую ей выгоды, — все это могло бы повліять развращающимъ образомъ на парламентъ, если бы ее не бичевали по заслугамъ. Идутъ, напр., въ рейхстагъ пренія по поводу военнаго закона и такъ-называемаго закона о епископахъ. Въ первомъ случаѣ Виндгорстъ высказалъ негодованіе относительно того, что компромиссъ былъ заключенъ тайно и помимо парламента. Но Виндгорстъ менѣе всѣхъ другихъ имѣетъ право порицать это, такъ какъ онъ въ теченіи всей своей политической жизни не только не ограничивался невинными сдѣлками, но даже постоянно велъ интриги и про него съ полнымъ правомъ можно сказать:

Quis tulerit Gracchos de seditione querentes!

Бенигсенъ отвѣчалъ на это своему земляку; я не знаю, какое впечатлѣніе могутъ произвести его слова въ печати и притомъ еще въ переводѣ, но въ рейхстагѣ дѣйствіе ихъ было таково, какъ будто бы ораторъ медленно запуская своему противнику въ тѣло иглу, и также медленно вынималъ ее, повторивши эту интересную операцію.

„Я очень хорошо понимаю“ — сказалъ Бенигсенъ — „скорбь депутата Виндгорста о томъ, что подобное объясненіе удалось (т.-е. компромиссъ въ военномъ вопросѣ) въ смыслѣ, противномъ понятію и положенію, его самого и его друзей; но мнѣ непонятно въ самомъ дѣлѣ такое простое пониманіе политическихъ отношеній въ такомъ старомъ, опытномъ и практическомъ политикѣ, какое простительно новичку, но какаго отъ опытнаго политика никакъ нельзя ожидать (*Омъхъ*). Когда женировался депутатъ Виндгорстъ и его политическіе друзья обезпечить въ своихъ кружкахъ въ общемъ видѣ и въ частностяхъ будущее официальное положеніе тѣхъ вещей, которыя должны были обсуждаться здѣсь въ рейхстагѣ; когда стѣснялся онъ и его друзья совѣщаться и съ другими партіями, если они находили для этого какую-либо почву; когда, наконецъ, онъ и его друзья затруднялись вступить въ предварительные переговоры съ правительствомъ, если ихъ положеніе было таково, что вообще могъ быть результатъ отъ такихъ переговоровъ?

„Въ этомъ отношеніи я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю начало моей политической дѣятельности въ королевствѣ ганноверскомъ, съ удовольствіемъ вспоминаю о томъ, какую чисто практическую и положительную оцѣнку давалъ депутатъ Виндгорстъ этой сторонѣ политическихъ вопросовъ, былъ ли онъ въ оппозиціи или импониро-

валъ мнѣ въ составѣ правительства (*Смѣхъ*); и я, хотя и въ слабѣйшей степени, старался на томъ же полѣ дѣятельности со временемъ сдѣлать хотя что-нибудь въ томъ же родѣ, въ которомъ тогда г. Виндгорстъ былъ въ моихъ глазахъ недосягаемымъ образцомъ, — онъ, когда я вступилъ новичкомъ въ ганноверскую палату, имѣлъ цѣлые годы дѣятельности позади себя (*Смѣхъ*). Онъ сумѣлъ, начиная съ перваго мгновенія, когда, носясь съ партією, къ которой онъ принадлежалъ и теперь и которой онъ держится съ такою послѣдовательностью — это я вынужденъ положительно напомнить моему — едва ли я могу сказать теперь — другу (*Смѣхъ*. Виндгорстъ восклицаетъ: „Напротивъ!“)—моему земляку — съ перваго мгновенія, когда онъ вскорѣ послѣ движеній 1848 года находился во главѣ, при тогдашнихъ условіяхъ ганноверскаго королевства, не очень большой толпы, — онъ сумѣлъ въ этомъ положеніи посредствомъ переговоровъ съ правительствомъ уже тогда приобрѣсть такое значительное вліяніе, что все, принятое тогдашнимъ правительствомъ, оставалось основнымъ и руководящимъ вплоть до 1866 года. Было ли это полезно для страны и династіи, — вопросъ этотъ я предоставляю на разрѣшеніе самому г. Виндгорсту“.

Вотъ что называется положить палецъ на рану, потому что Виндгорстъ всегда былъ злымъ демономъ ганноверской династіи. Въ 1851 году онъ вступилъ въ партікулярное (ганноверское) министерство Шеле, и побуждалъ короля ниспровергнуть конституцію; онъ настоялъ на учрежденіи католическаго епископства въ Оснабрюкѣ и способствовалъ тому, что многія безусловно преданныя ему католическія личности привлечены были ко двору. Съ 1852 по 1862 годъ онъ жилъ опять частнымъ человѣкомъ, занимаясь главнымъ образомъ работами по государственному праву для княжескихъ домовъ; въ 1862 году вступилъ во враждебное конституціи министерство графа Платена, и своимъ вліяніемъ побудилъ Ганноверъ къ тѣсному сліянію съ Австрією, чѣмъ и положилъ основаніе катастрофѣ 1866 года. Вся его политическая жизнь была упорною и непримиримою борьбою противъ либерализма и національнаго чувства, противъ сліянія и единства Германіи. Слова Бенигсена и были потому такъ ѣдки, что все это извѣстно. Поэтому Бенигсенъ и отнесся такъ высокомерно къ предложенной ему Виндгорстомъ дружбѣ восклицаніемъ: „Напротивъ!“, оставивши это восклицаніе безъ всякаго вниманія и назвавши Виндгорста просто „землякомъ“. Еще хуже сошелъ Виндгорсту законъ о епископахъ. Онъ выразился, что соединенныя правительства предлагаютъ такія мѣры, какія нигдѣ не предлагались со времени якобинцевъ. Тогда уполномоченный союзнаго совѣта въ Любекѣ, министр-президентъ ганзейскихъ городовъ, докторъ Крюгеръ, просилъ

слова и сообщилъ совѣтъ неизвѣстные факты, что въ Церковной Области до ея присоединенія къ итальянскому королевству существовали внутреннія и вѣшнія ссылки; обѣ мѣры принадлежать къ числу домашнихъ, которыя папское правительство употребляло почти ежедневно, чтобы избавляться отъ непріятныхъ для него лицъ. Внутреннія ссылки дѣлались часто изъ-за самыхъ незначительныхъ причинъ. Такъ, одинъ молодой итальянскій поэтъ изъ-за стиховъ, направившихся папѣ, сосланъ былъ на четыре года въ деревню. Высылки производились отчасти изъ-за причинъ религіозныхъ, отчасти изъ политическихъ. Въ первомъ случаѣ, напримѣръ, за смѣшанные браки, которые въ глазахъ церкви суть не что иное, какъ конкубинатъ, который не можетъ быть терпимъ въ государствахъ, мужчина, живущій въ смѣшанномъ бракѣ, подлежалъ высылкѣ, а его жена заключалась въ монастырь. Въ большинствѣ случаевъ высылки производились изъ-за политическихъ причинъ, и число такихъ случаевъ съ 1859 года доходитъ до 15.000. Эти сообщенія произвели необычайное впечатлѣніе. Недовольный этимъ д-ръ Крюгеръ, вообще человѣкъ очень рѣзкій, обратился прямо къ Виндгорсту, и сказалъ ему, что человѣкъ, подобный ему, принимавшій такое вліятельное участіе въ политикѣ своего государства почти до самой катастрофы, участіе, по внутренней необходимости приведшее это государство къ паденію, долженъ былъ бы остерегаться давать совѣты правительству или, по крайней мѣрѣ, предлагать свои рецепты. Вліяніе этихъ рѣзкихъ словъ было поразительное, и Виндгорстъ до сихъ поръ еще не можетъ приобрѣсть свой прежній юморъ. Вообще можно сказать, что съ того дня ультрамонтаны изъ наступательнаго положенія отѣснены въ оборонительное. Появляется все большее и большее число признаковъ того, что клиръ не желаетъ болѣе продолжать борьбу. Большая часть епископовъ вовсе не имѣетъ охоты слѣдовать примѣру графа Ледоховскаго, и въ Силезіи уже вошло въ обыкновеніе, что епископъ, не желая войти въ столкновеніе ни съ правительствомъ, ни съ Римомъ, не опредѣляетъ болѣе капеллановъ, но они приходятъ самовольно.

Повѣрьте, что довольно вѣроятно скорое исчезновеніе всякой церковной борьбы.

Нужно только, чтобы въ Римѣ поняли, что нѣтъ никакой надежды на побѣду, и дали повелѣніе прекратить всѣ непріятности, и тогда завтра же не будетъ и замѣтно, что было такое столкновеніе. Церковь въ такомъ же блестящемъ положеніи какъ и прежде, потому что государство требуетъ отъ духовенства сущей бездѣлицы, главнымъ образомъ только того, чтобы духовныя лица получали также

національное образованіе. Это совсѣмъ не исключаетъ того, чтобы они получали свѣдѣнія, требуемыя церковью; но они должны только выполнять тѣ требованія, которыя предъявляетъ имъ государство, и получать въ монастыряхъ и аббатствахъ не исключительно римское, враждебное нѣмецкой націи воспитаніе. Эта перемѣна можетъ совершиться въ одинъ день, если курія увидитъ, какія непріятныя потери терпитъ она ежедневно оттого, что вся ея система была до сихъ поръ направлена на подавленіе свободы.

Мнѣ невозможно теперь сообщить о всѣхъ законахъ, постановленныхъ во время двойной парламентской сессіи, продолжавшейся почти безъ перерывовъ съ 12-го ноября.

Какъ результаты дѣятельности рейхстага, можно привести законъ о государственной арміи, законъ о государственныхъ бумажныхъ деньгахъ, законъ о печати; какъ результаты засѣданій ландтага — законъ объ обязательности гражданскаго брака, законъ объ управленіи церковными имуществами, законъ объ управленіи евангелической церковью, законъ объ отчужденіи поземельной собственности (экспроприація) — предметъ, который обсуждался въ законодательномъ порядкѣ уже нѣсколько лѣтъ и относительно котораго не могли придти къ соглашенію, законъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ почти во всѣхъ частяхъ имперіи, и множество мелкихъ законовъ. Въ обзорѣ, который дѣлается президентомъ по окончаніи каждой сессіи, было сказано, что со включеніемъ бюджета, обсужденіе котораго продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, прусскій ландтагъ обсудилъ и принялъ 51 проектъ законовъ. Важный результатъ сессіи представляетъ также то обстоятельство, что старая ультра-реакціонная оппозиція въ палатѣ господъ сдѣлалась совершенно безсильною. Изъ церковныхъ законовъ два имѣютъ положительный характеръ: законъ объ управленіи церковными имуществами и законъ объ управленіи евангелической церковью. Въ обоихъ законахъ участіе общинъ въ церковныхъ дѣлахъ возведено въ принципъ, и такимъ образомъ сдѣланъ хотя и не бросающійся въ глаза, но въ высшей степени значительный успѣхъ. Никто еще не въ состояніи теперь сдѣлать обзора всего матеріала этой сессіи — онъ представитъ 7—8 толстыхъ фоліантовъ. Лѣтомъ, я, можетъ быть, рассмотрю подробнѣе тотъ или другой предметъ, а теперь ограничусь передачею общаго впечатлѣнія.

Я долженъ еще сказать хотя два слова о дѣлѣ графа Арнима. Вы, конечно, хорошо знаете всѣ обстоятельства. Въ „*Wiener Presse*“ были напечатаны двѣ ноты графа Арнима изъ времени ватиканскаго конгресса, которыя показывали пророческій духъ графа. Затѣмъ опу-

бликованы были, разумѣется, по повелѣнію свыше, въ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ нѣкоторые другіе отрывки, которые показывали, что въ другое время графъ имѣлъ другія мнѣнія, и раздраженный графъ началъ печатную полемику съ своимъ начальникомъ, канцлеромъ. Что это не позволительная вещь, съ этимъ согласна даже либеральная пресса, потому что безъ дисциплины невозможна администрація, а тѣмъ болѣе дипломатія. Графъ Арнимъ тотчасъ же нашелъ союзниковъ въ ультрамонтанахъ и всѣхъ противникахъ Бисмарка. Это второй случай во время его дипломатической карьеры, такъ какъ онъ съ радостью привѣтствовалъ паденіе Тьера (говорятъ даже, что онъ интриговалъ противъ него), и побѣда коалиціи считалась выгодною для консервативнаго порядка, тогда какъ князь Бисмаркъ видѣлъ въ этомъ кризисѣ подготовку для реставраціи Генриха V-го, которая ему представляется самою опасною комбинаціею, потому что она тотчасъ вызоветъ господство клерикальной партіи во Франціи, и тогда война неизбежна. Дѣйствія графа Арнима были переданы императору и онъ рѣшилъ отставку его, которая уже и совершилась. Такимъ образомъ, это дѣло кончилось также побѣдою князя Бисмарка. Князь Гогенлое, новый посолъ во Франціи, представилъ вчера свои кредитивныя грамоты. Онъ дружественно былъ принятъ французскою прессою, и его личная любезность, вѣроятно, доставитъ ему лучшее положеніе въ парижскомъ обществѣ, чѣмъ положеніе графа Арнима, который вообще считается крутымъ человекомъ. /

Здѣсь однако не думаютъ, что кризисъ во Франціи кончился, и есть много признаковъ того, что бонапартизмъ имѣетъ болѣе шансовъ, чѣмъ приписываютъ ему французскіе политики. Будущее покажетъ, вѣрна ли моя догадка.

К.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ

ПО ПОВОДУ „ЗАМѢЧАНІЙ“ И ВОПРОСОВЪ ПРОФЕССОРА СЪЧЕНОВА.

IV *).

Итогъ заключительный нашего спора съ проф. Съченовымъ можетъ быть выведенъ каждымъ съ своей точки зрѣнія. Но мы должны, по возможности, облегчить читателю таковой трудъ, и потому я считаю обязанностью сгруппировать основныя мысли, около которыхъ вертится наше разногласіе съ проф. Съченовымъ, съ ихъ важнѣйшими аргументами и выводами.

Главный пунктъ нашего психологическаго спора есть различіе тѣла и души, матеріальнаго и духовнаго начала. Съ этимъ различіемъ неразрывно связанъ вопросъ о самопроизвольности или волѣ, которая противопоставляется роковому, машинообразному происхожденію явленія изъ данныхъ условій.

Споръ нашъ самъ по себѣ не новый. Онъ давно ведется. Новыми, при каждомъ его возобновленіи, бывають только способы, приемы изслѣдованія, которые, съ успѣхами знанія, становятся все точнѣе и точнѣе.

Единственно возможная въ наше время почва для разрѣшенія этого спора есть, конечно, научная. Наблюденія, опытъ и строгіе изъ нихъ выводы — вотъ путь, которымъ люди только и могутъ теперь убѣдиться въ правильности или неправильности того или другого взгляда или мысли.

Проф. Съченковъ и я одинаково признаемъ научный путь и научные приемы единственно-возможными средствами для рѣшенія психологическихъ вопросовъ. Приведуть ли эти средства къ ихъ рѣшенію—это другое дѣло; можетъ быть и не приведуть. Но мы оба согласны въ томъ, что никакихъ другихъ путей нѣтъ. Значить, только на наблюденіе и опытъ мы и можемъ ссылаться.

Какія же средства для наблюденія и опытовъ находятся въ распоряженіи людей? Ихъ, по моему мнѣнію, два: съ одной стороны—органы чувствъ, съ другой—психическое зрѣніе, или, какъ его при-

*) См. выше: мар. 411; апр. 863; май, 406 стр.

нато называть, сознание. Через органы внѣшнихъ чувствъ, — осязание, обоняніе, вкусъ, слухъ и зрѣніе, — мы приходимъ въ соприкосновение съ тѣмъ, что насъ окружаетъ и получаемъ впечатлѣнія извнѣ. Кромѣ того, мы получаемъ впечатлѣнія и помимо этихъ органовъ непосредственно отъ нашего тѣла. Сюда принадлежатъ мускульныя и такъ-называемыя органическія ощущенія. Второй способъ наблюденія, именно сознание или внутреннее зрѣніе доставляетъ намъ впечатлѣнія фактовъ и явленій, недоступныхъ органамъ чувствъ и не принадлежащихъ къ разряду тѣхъ, которые считаются непосредственными впечатлѣніями тѣла. Проф. Сѣченовъ отвергаетъ этотъ способъ. Вотъ въ чемъ мы съ нимъ существенно, кореннымъ образомъ расходимся.

Я признаю сознание, психическое зрѣніе, за особое средство или способъ наблюденія потому, что оно, и только оно одно, даетъ возможность знать то, чего нельзя знать никакими другими средствами или способами. Почему, напр., я знаю свою мысль, свои намѣренія? Почему я знаю впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ, когда эти предметы уже перестали дѣйствовать на мои органы чувствъ? Почему я знаю непосредственныя впечатлѣнія моего тѣла, когда оно уже перестало производить во мнѣ такія впечатлѣнія? Только потому, что вижу эти впечатлѣнія особеннымъ, внутреннимъ образомъ. Мысли и соображенія, которыя я теперь излагаю на бумагѣ, я ихъ вижу и знаю, хоть этотъ способъ ихъ разсматриванія я не могу сравнить ни съ какимъ другимъ способомъ узнаванія предметовъ. Пока что-нибудь изъ окружающаго или мое тѣло производить во мнѣ впечатлѣніе, я отношу это впечатлѣніе къ внѣшнему толчку или возбужденію; въ немъ причина, отчего я получилъ впечатлѣніе. Но когда ни окружающее, ни мое тѣло не дѣйствуютъ на меня, а между тѣмъ я вижу впечатлѣнія, прежде ими на меня произведенныя, психическимъ образомъ, точно также, какъ вижу свои мысли, соображенія, ощущенія, — я имѣю дѣло съ тѣмъ что происходитъ и находится въ моей душѣ, а не внѣ меня. Многое изъ того, что я такимъ образомъ знаю, безспорно произошло прежде, вслѣдствіе внѣшнихъ впечатлѣній; таковы представленія о внѣшнихъ предметахъ; но когда я мысленно обращаюсь съ такими предметами, они составляютъ уже нѣчто особое отъ толчка, вслѣдствіе котораго произошли, потому что толчокъ уже прошелъ, а они остались. Въ силу этой способности видѣть внутреннимъ образомъ, психически, я могу знать и говорить о вчерашней погодѣ или встрѣчѣ, о прошлогодней болѣзни, о мысли, которая меня занимала три года тому назадъ. Проф. Сѣченовъ говоритъ, что это репродукція, воспроизведеніе прежнихъ впечатлѣній, представленій, мыслей и т. д. Репродукція безспорно

входить въ актъ внутренняго зрѣнія, иначе мы не могли бы видѣть психически; но одна репродукція еще не объясняетъ, почему же мы видимъ въ себѣ воспроизведенный образъ. Кромѣ того, я считаю сознание особымъ способомъ наблюденія и потому еще, что впечатлѣнія и ощущенія возможны и безъ участія сознания, т.-е. безъ психическаго зрѣнія. Все, что дѣлается или происходитъ, какъ говорится, безотчетно, не проходитъ чрезъ сознание. Безотчетно или безсознательно выучивается ребенокъ ходить, говорить, брать предметы руками. Такимъ же образомъ безотчетно выучиваются и дѣйствуютъ животныя, поражая насъ часто тонкостью и сложностью своихъ соображеній. Всякое рутинное знаніе относится тоже сюда. Простой работникъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о законахъ природы, часто гораздо искуснѣе ученаго инженера или архитектора исполняетъ весьма сложную и хитрую работу. Онъ не въ состояніи объяснить, какъ онъ до этого дошелъ, а дошелъ онъ между тѣмъ вѣрно. Отчего это? Оттого, что онъ дѣйствовалъ рутинно, безсознательно, не отдавая себѣ отчета.

При помощи внутренняго психическаго зрѣнія или сознания намъ дѣлаются доступными факты и явленія, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ никакого представленія или понятія, помощью тѣхъ средствъ, которыми узнаемъ окружающіе внѣшніе предметы и различныя состоянія нашего тѣла. Я могу ощущать, даже совершать умственныя операціи и не сознавая этого; но знать всѣ такія свои отправленія и вдобавокъ знать, что они мнѣ извѣстны, я никакъ не могу иначе, какъ чрезъ сознание или чрезъ психическое зрѣніе.

При всемъ желаніи и при всѣхъ усиліяхъ, проф. Сѣченовъ не въ состояніи вычеркнуть этотъ способъ наблюденія изъ числа средствъ, которыми получается знаніе предметовъ, не подлежащихъ чувствамъ. Но еслибъ это ему удалось, наука не только ничего бы не выиграла, а перестала бы существовать, и намъ не о чемъ было бы спорить.

Въ способности наблюдать и при помощи внѣшнихъ впечатлѣній (въ томъ числѣ отъ собственнаго тѣла) и безъ ихъ помощи, психическимъ зрѣніемъ, которому внѣшній міръ непосредственно недоступенъ, лежитъ главная и исторически первая причина различенія духа отъ матеріи, души отъ тѣла. Внѣшній предметъ, дѣйствительно существующій внѣ насъ, и представленія о томъ же предметѣ въ насъ, когда предметъ на самомъ дѣлѣ уже не существуетъ или по крайней мѣрѣ недоступенъ органамъ чувствъ—вотъ два способа существованія, различіе которыхъ должно было представиться тѣмъ рѣзче, чѣмъ менѣе люди были въ состояніи отдать себѣ отчетъ, въ чемъ именно оно состоитъ. Взгляды и представленія дѣтей, вѣрованія первобытныхъ народовъ даютъ наглядное понятіе о ихъ неумѣньи

распознавать внѣшнее впечатлѣніе отъ представленія, знаніе, добытое подъ вліяніемъ окружающаго міра, отъ наблюденія психическихъ явленій. Это показываетъ, что реальность, дѣйствительность и тѣхъ и другихъ казалась имъ совершенно одинаковой. Естественно, что подмѣтивъ, наконецъ, ихъ разницу, люди стали смотрѣть на нихъ, какъ на два одинаково дѣйствительныхъ, хотя и противоположныхъ другъ другу способа существованія.

Успѣхи наблюденій и знанія мало-по-малу кореннымъ образомъ измѣнили эту точку зрѣнія. Оказалось, что мы собственно не знаемъ и знать не можемъ, каковы внѣшніе предметы и явленія сами по себѣ. То что мы считаемъ за внѣшніе предметы и явленія, не болѣе какъ получаемыя нами отъ нихъ впечатлѣнія. Оказалось, что мы знаемъ внѣшний міръ только чрезъ эти впечатлѣнія, а не прямо, непосредственно, и что впечатлѣнія суть факты и явленія, происходящія въ насъ, а не внѣ насъ. Итакъ, наши наблюденія и знаніе внѣшняго міра ограничиваются наблюденіемъ и знаніемъ полученныхъ извнѣ впечатлѣній. Дѣйствительность и несомѣнность нашего знанія внѣшняго міра покоится на томъ, что внѣшніе предметы и явленія, какъ мы удостоверяемся изъ опыта, всегда производятъ въ насъ одни и тѣ же впечатлѣнія, что послѣднія находятся съ первыми въ постоянномъ, правильномъ соотвѣтствіи. Также существенно измѣнился и первобытный взглядъ на факты и явленія, доступные одному психическому зрѣнію. Мы знаемъ теперь, что они происходятъ не вообще, гдѣ-то и какъ-то, а именно въ головномъ мозгу; что отъ его цѣлости и нормальнаго состоянія существенно зависятъ какъ самые факты и явленія, которые мы наблюдаемъ психическимъ зрѣніемъ, такъ и самый характеръ и достоинство этихъ наблюденій. Выходитъ, что и къ психическимъ явленіямъ, къ фактамъ, подлежащимъ органамъ чувствъ, мы относимся точно такъ же, какъ и къ окружающимъ насъ предметамъ. Факты эти тоже извѣстны намъ по впечатлѣніямъ, которыя мы отъ нихъ получаемъ; впечатлѣнія ихъ мы точно также принимаемъ за самые факты и явленія, и это такая же ошибка, какъ и та, будто мы наблюдаемъ непосредственно внѣшніе предметы. Знаніе наше психическихъ фактовъ и явленій, подобно знанію внѣшняго міра, основано на томъ, что эти факты постоянно производятъ на насъ одни и тѣ же впечатлѣнія, что тѣ и другіе находятся между собою въ постоянномъ правильномъ соотвѣтствіи.

Такимъ образомъ, и знаніе окружающаго внѣшняго міра и знаніе міра внутренняго, психическаго сводится, въ концѣ-концовъ, къ знанію впечатлѣній, получаемыхъ извнѣ (въ томъ числѣ и отъ нашего тѣла) или отъ того, что совершается въ головномъ мозгу. Тѣ и другія впечатлѣнія суть отраженіе въ насъ матеріальныхъ фактовъ и

событій и, слѣдовательно, имѣють соматическое основаніе, хотя мы его и не знаемъ, потому что оно извѣстно намъ только по впечатлѣніямъ. Противъ этихъ выводовъ я не жду возраженій отъ проф. Сѣченова. Онъ, конечно, согласится также и съ тѣмъ, что мы ничего не знаемъ и не можемъ знать по существу, а знаемъ и можемъ знать только какъ явленіе, т.-е. въ видѣ производимаго на насъ впечатлѣнія. Но далѣе? Далѣе идти некуда. Здѣсь граница, за которую мы переступить не можемъ. Куда ни обратимся, что ни будемъ наблюдать, вездѣ и во всемъ мы неизбѣжно встрѣчаемся съ тѣмъ же различіемъ лица, которое наблюдаетъ и впечатлѣнія, которое имъ получается отъ предмета наблюденія и за которымъ стоитъ фактъ, намъ недоступный. Но это доказываетъ, что мы на самомъ дѣлѣ наблюдаемъ и знаемъ только свои собственные состоянія, измѣняющіяся подъ вліяніемъ матеріальныхъ фактовъ. Далѣе этого наши наблюденія и наше знаніе не хватаютъ; оттого-то, замѣчу мимоходомъ, они такъ трудны и такъ медленно подвигаются впередъ; оттого такъ необходима ихъ безпрестанная повѣрка; оттого, наконецъ, они такъ ограниченны и несовершенны. Непосредственнаго знанія нѣтъ и быть не можетъ. Знаніе, которое мы считаемъ за такое, есть только кажущееся. Прослѣдивъ, какъ оно возникло, мы тотчасъ же убѣждаемся, что оно—сложный результатъ продолжительныхъ и притомъ много разъ повторенныхъ наблюденій.

Но для нашей цѣли гораздо важнѣе другой выводъ. Изслѣдуя способы наблюденія чего бы то ни было, мы неудержимо и безпрестанно, вездѣ и во всемъ, встрѣчаемся съ я, которое проф. Сѣченовъ считаетъ за невинную грамматическую форму, облеченную въ психическую реальность людьми, додумавшимися до чортиковъ. Психическая ли или соматическая реальность лежитъ въ основаніи этой грамматической формы, для насъ, въ настоящемъ рядѣ мыслей, совершенно все равно. Важно для насъ то, что психическое или соматическое я способно только наблюдать и изучать свои собственные состоянія, по которымъ оно и составляетъ себѣ представленія объ окружающемъ мірѣ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ можно и должно, съ научной точки зрѣнія, различать душу отъ тѣла, психическій міръ отъ матеріальнаго. Всякое другое различіе лежитъ внѣ научнаго знанія. Если проф. Сѣченовъ взглянулъ на дѣло какъ-нибудь иначе, то это недоразумѣніе, которое должно быть устранено изъ нашего спора.

Другой выводъ изъ сказаннаго, не менѣе важный для разъясненія нашего разногласія съ проф. Сѣченовымъ, состоитъ въ томъ, что неизвѣстное я—психическое или соматическое—оказываетъ своеобразную реакцію на виѣшнія вліянія,—реакцію, которая замѣчается и во

всей организованной и даже неорганизованной природѣ. Если мы знаемъ не самые предметы, а наши собственные состоянія, произведенныя дѣйствіемъ на насъ этихъ предметовъ, то впечатлѣнія, результаты этого дѣйствія, будутъ произведеніемъ двухъ факторовъ: того, который производитъ впечатлѣніе, и того, который его получаетъ или воспринимаетъ. Слѣдовательно, наше участіе въ произведеніи полученнаго впечатлѣнія по крайней мѣрѣ такое же, какъ и дѣйствующаго на насъ предмета. Такое явленіе, какъ сказано, есть общее у всѣхъ такъ-называемыхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ. Но затѣмъ мы встрѣчаемъ въ человѣкѣ, въ сравненіи съ остальной природой, новые факты. Прежде всего новымъ является сознание, о которомъ я подробно говорилъ выше; кроме того, характеристиченъ въ психической жизни человѣка тотъ фактъ, что результатъ сознанія, понятіе или представленіе, можетъ не соответствовать полученному впечатлѣнію. Проф. Сѣченовъ предостерегаетъ противъ голоса сознанія, противъ ошибокъ, происходящихъ отъ смѣшенія логическаго съ истиннымъ, противъ иллюзій и фикцій. Что умъ часто ошибается, что выводы наши требуютъ строгой провѣрки, это извѣстно всякому. Но какъ объяснить ошибки и иллюзій съ точки зрѣнія проф. Сѣченова? Если акты мышленія совершаются, по образцу соматическихъ процессовъ, съ машинообразною правильностью, если умственные процессы и ихъ результаты такіе же роковые, какъ чисто соматическіе, то какимъ образомъ они могутъ расходиться съ реальною дѣйствительностью? Мнѣ скажутъ, что причиной этого — тотъ придатокъ, который мы вносимъ отъ себя при образованіи впечатлѣній, вслѣдствіе участія, которое мы въ немъ принимаемъ. Но если то, что мы отъ себя вносимъ, сложилось въ насъ роковымъ образомъ, то какъ можетъ этотъ придатокъ противорѣчить реальною дѣйствительности, которая есть лишь условіе происхожденія этого придатка? Съ точки зрѣнія проф. Сѣченова объяснить это явленіе невозможно. Природа никогда не ошибается; у нея нѣтъ ни иллюзій, ни фикцій. Ошибки, иллюзій и фикцій, различіе между дѣйствительностью и знаніемъ, логикой и истиной начинаются съ сознаніемъ. Это показываетъ, что процессы соматическіе и процессы мышленія управляются не одними и тѣми же законами. Дѣйствуя они по однимъ и тѣмъ же законамъ, знаніе доставалось бы людямъ безъ малѣйшихъ усилій. Но мы съ неимовернымъ трудомъ приближаемъ наши понятія и представленія къ дѣйствительности, да и то результатомъ трудовъ является лишь возможное соответствіе нашихъ представленій и понятій съ дѣйствительными фактами, т.-е. внутреннихъ нашихъ состояній съ реальною дѣйствительностью. Различіе ихъ не можетъ

быть упразднено. „Знать“ и „быть“ никогда не совпадутъ, никогда не будутъ значить одно и то же.

Такимъ образомъ, съ какой стороны мы ни подойдемъ къ сознанию, оно отовсюду представляется намъ такимъ фактомъ, котораго нѣтъ возможности свести къ извѣстнымъ намъ соматическимъ явлениямъ и законамъ. Ссылаюсь, въ подтвержденіе этого вывода, на изслѣдованія Горвича, который въ предпрошломъ году началъ издавать свои психологическіе анализы, основанные на данныхъ физиологии ¹⁾. Горвичъ посвятилъ сознанию особый отдѣлъ своей книги, гдѣ подробно разбираетъ всѣ сдѣланныя по этому предмету изслѣдованія, мнѣнія и взгляды, и въ заключеніе говоритъ (стр. 264): „Теперь мы окончили подробный обзоръ, отъ котораго ожидаемъ болѣе глубокаго пониманія того, въ чемъ заключается сущность сознания. Какія большія и длинныя приготовленія! А результатъ? Къ сожалѣнію, результатъ не очень значителенъ. Всюду мы находили только отношенія къ другимъ душевнымъ дѣятельностямъ, и нигдѣ не могли проникнуть въ самую сущность. Но это не удивить никого, кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе объ ограниченности человѣческихъ познаній“. Авторъ признаетъ, что знаніе „безспорно принадлежитъ къ важнѣйшимъ основнымъ предметамъ психологій“ (стр. 264); нѣсколько выше (стр. 260) онъ замѣчаетъ, что „какъ бы мы ни опредѣлили сознание—какъ знаніе или какъ различіе—все же нельзя устранить вопроса о томъ, кто знаетъ, кто различаетъ. Но въ той мѣрѣ, какъ это указаніе кажется необходимымъ и дѣйствительно таково на самомъ дѣлѣ, въ той же мѣрѣ трудна, темна и исполнена противорѣчій область, куда оно насъ ведетъ. Наша важнѣйшая опора, физиологія, оставляетъ насъ здѣсь совершенно безпомощными“.

Къ этимъ словамъ, въ которыхъ слышится дѣйствительный изслѣдователь и ученый, а не философъ, храбро отрицающій то, чего не понимаетъ, можно прибавить еще слѣдующее. Представимъ себѣ, что сознание или психическое зрѣніе и самое я окажутся сложнымъ результатомъ дѣятельности извѣстныхъ аппаратовъ въ мозгу. Спрашивается: упразднится ли чрезъ это вѣковѣчное различіе тѣла и души, психическаго и матеріальнаго? Я позволяю себѣ утверждать, что нѣтъ; я думаю, что свойства матеріи, какъ мы привыкли ихъ опредѣлять по предметамъ и явлениямъ неорганизованнаго матеріальнаго міра, останутся даже и въ такомъ случаѣ непримѣнны къ явлениямъ, которыя мы называемъ психическими. Если же мы скажемъ, что явленіе неорганизованной и организованной природы (въ

¹⁾ *Adolf Horwicz. Psychologische Analysen, auf physiologischer Grundlage. Ein Versuch zur Neubegründung der Seelenlehre. Часть 1. Halle, 1872.*

томъ числѣ и психическія) суть явленія одной и той же матеріальной природы, то, во избѣжаніе игры словъ, спутывающей понятія, я попрошу точнымъ образомъ опредѣлить термины. Если подъ матеріальнымъ, соматическимъ разумѣть то, что мы теперь подъ этимъ разумѣемъ, да сверхъ того еще весь міръ психическихъ явленій, то надобно въ такомъ случаѣ строго держаться этой новой терминологіи и не употреблять слова „матеріальный“ въ специфическомъ значеніи того, что имѣетъ свойства лишь неорганизованной природы. Если же мы условимся употреблять это слово въ послѣднемъ смыслѣ, тогда не слѣдуетъ вовсе называть психическія явленія соматическими. Обыкновенно же, недоразумѣнія вертятся на безпрестанномъ смѣшеніи терминовъ и перетасовкѣ понятій, отчего споры выходятъ безтолковые и безрезультатные. Что всѣ явленія, въ томъ числѣ и психическія, представляютъ одну непрерывающуюся, соменную цѣпь, съ этимъ я готовъ согласиться, и о названіяхъ спорить не буду, если только мои противники не станутъ, какъ дѣлаютъ теперь, произвольно переносить, подъ этимъ предлогомъ, свойства и законы одного рода явленій на другія и навязывать послѣднимъ то, что исключительно принадлежитъ первымъ.

Перехожу теперь къ другому, коренному спорному пункту, — къ самопроизвольности или волѣ. По этому предмету разногласіе между мною и проф. Сѣченовымъ вовсе не въ томъ, есть ли воля особая способность души, особая безусловная метафизическая сила, имѣющая свои источники внѣ тѣла. Такая постановка вопроса — не научная, и я никогда не ставилъ его такимъ образомъ. Положительная наука имѣетъ дѣло не съ произвольными построениями, а съ явлениями.

Родъ человѣческій, съ тѣхъ поръ какъ себя помнить, упорно убѣжденъ, что при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе широко или узко очерченныхъ предѣлахъ, люди имѣютъ личный починъ и свободный выборъ. То и другое проф. Сѣченое отрицаетъ, доказывая, что каждое наше дѣйствіе, каждый шагъ, роковымъ образомъ опредѣляются окружающими условіями и привычками. Онъ отрицаетъ власть человѣка надъ своими мыслями и чувствами, и потому дѣйствія, совершаемыя по внутреннимъ мотивамъ, имѣютъ въ его глазахъ тоже машинообразный, роковой характеръ. Такимъ образомъ, личная инициатива и свободный выборъ исключаются имъ безусловно, какъ иллюзіи, происхожденіе которыхъ онъ старается объяснить, но, какъ читатели видѣли, не особенно удачно.

Надобно сознаться, что спорить въ защиту самопроизвольности чрезвычайно трудно, гораздо труднѣе, чѣмъ отстаивать сознаніе. Последнее — несомнѣнный, очевидный психическій фактъ, о которомъ стоить только напомнить. Даже тѣ, которые, подобно проф. Сѣ-

чену, и желали бы вычеркнуть этот фактъ изъ числа психическихъ, вынуждены подъ конецъ, волей-неволей, къ нему обращаться и на него ссылаться. Акты самопроизвольности — совсѣмъ другое дѣло. Они не имѣютъ очевидныхъ, наглядныхъ признаковъ, по которымъ ихъ можно было бы отличить отъ актовъ непріозвольныхъ. Придумайте какой угодно примѣръ самопроизвольнаго дѣйствія, и вамъ возразятъ: чѣмъ доказать, что мотивъ, роковымъ образомъ вынудившій поступокъ, не ускользнулъ отъ вниманія? Сумасшедшій, обезумѣвшій отъ вина или страсти, тоже убѣжденъ, что дѣйствуетъ совершенно свободно и самопроизвольно, однако на самомъ дѣлѣ это не такъ. Самопроизвольнымъ дѣйствіе только кажется, потому что мотивъ, его вызвавшій, скрытъ отъ сознанія, но онъ не премѣнно есть и его не можетъ не быть.

Противъ этого аргумента нельзя спорить, потому что отсутствіе никому неизвѣстнаго мотива невозможно доказать.

Но если отъ отрицающихъ самопроизвольность потребовать доказательствъ, почему они считаютъ тотъ или другой поступокъ роковымъ, вынужденнымъ, то и они, въ свою очередь, будутъ поставлены точно въ такое же затруднительное положеніе, какъ и поборники свободной воли, и по той же самой причинѣ. Незвѣстнаго нельзя ни доказывать, ни опровергать. Защитники самопроизвольности не могутъ доказать, что въ данномъ случаѣ поступокъ не вызванъ неизвѣстнымъ побужденіемъ; но и ихъ противники тоже не могутъ доказать, что поступокъ былъ роковымъ послѣдствіемъ роковаго мотива.

Это показываетъ, что анализомъ поступковъ нельзя придти къ рѣшенію вопроса о свободной волѣ, а надо обратиться къ чему-нибудь другому. Съ этимъ въ сущности согласенъ и проф. Стѣновъ, который, съ своей точки зрѣнія, признаетъ, что поступки, называемые самопроизвольными, не премѣнно бываютъ сознательные. Значитъ, вопросъ о свободной волѣ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о сознаніи, и потому весьма естественно, что отрицающее сознаніе, какъ фактъ, не подходящій подъ законы соматическихъ явленій, не признаютъ и свободной воли. Вся аргументація противъ самопроизвольности дѣйствій сводится, въ окончательномъ выводѣ, къ ссылкѣ на общій законъ всѣхъ соматическихъ явленій, по которому нѣтъ и не можетъ быть явленій, которыя не происходили бы роковымъ образомъ изъ данныхъ условій. Свободная воля, актъ которой не есть роковое послѣдствіе данныхъ соматическихъ условій, противорѣчитъ этому закону, и потому отвергается, какъ невозможная. Но почему, на какомъ основаніи, законъ явленій одного порядка принимается за мѣрку явленій другого порядка, — на это противники самопроизвольности отвѣчаютъ гипотезой, что всѣ явленія управляются въ сущ-

ности одними и тѣми же законами. Неубѣдительность этой аргументаціи очевидна. Нельзя доказывать что-нибудь гипотезой, которая сама еще требуетъ доказательствъ.

Въ „Задачахъ Психологін“ я подробно изложилъ, въ чемъ именно заключается характеристическій, отличительный признакъ свободной воли. Вѣшной своей стороной актъ воли ничѣмъ не отличается отъ произвольнаго дѣйствія. Психическая сторона поступка, мотивъ и умыселъ, въ дѣйствіяхъ произвольныхъ и произвольныхъ, тоже можетъ быть совершенно одинакова. По своему содержанію, и тотъ и другой не выходятъ изъ предѣловъ нашего знанія и опытности; наконецъ, расположеніе къ свободной дѣятельности парализуется или возбуждается нашимъ соматическимъ состояніемъ, а это несомнѣнно доказываетъ, что и акту воли, подобно сознанію, соответствуетъ какой-нибудь соматическій фактъ, съ которымъ она находится въ тѣснѣйшей, неразрывной связи, или, по крайней мѣрѣ, что способность къ самопроизвольной дѣятельности зависитъ отъ соматическихъ условій. Слѣдовательно, характеристическая особенность свободной воли заключается не въ необыкновенности ея мотивовъ и замысловъ, не въ употребляемыхъ ею средствахъ или способахъ достиженія цѣлей, не въ метафизической независимости отъ матеріальныхъ условій,—а только въ томъ, какимъ образомъ возникаетъ мотивъ дѣйствія и умыселъ. Поборники свободной воли видятъ характеристическую особенность свободной воли только въ выборѣ и удержаніи цѣли, въ вызовѣ и настойчивомъ храненіи мотива. Можетъ ли человекъ, помимо всякаго отъ него независимаго побужденія, поставить себѣ мотивъ и цѣль поступка или дѣятельности, или нѣтъ? Если можетъ, то на чемъ основана такая возможность?

Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, что вопросъ о самопроизвольности, поставленный такимъ образомъ, принадлежитъ къ числу метафизическихъ и не есть предметъ положительной науки. Но такое возраженіе не серьезно. Положительная наука вводитъ въ свои соображенія волнообразныя сотрясенія ээира для объясненія свѣтовыхъ явленій, движенія атомовъ и молекулъ для объясненія явленій механическихъ и химическихъ, хотя ээиръ, атомы, молекулы не подлежатъ органамъ чувствъ и мы ровно ничего о нихъ не знаемъ. Необходимость опредѣлить законы явленій, подлежащихъ точному изслѣдованію, заставила предположить существованіе фактовъ, которыхъ мы не можемъ изучать. Точно такимъ же образомъ мы можемъ придти къ предположенію самопроизвольности и свободы, изслѣдуя явленія, которыя намъ доступны. Разсуждая послѣдовательно, должно или отнести ээиръ, атомы, молекулы къ области метафизики,—конечно, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ее Аристотель,—или

же признать, что самопроизвольность и свобода дѣйствій могутъ быть предметами положительныхъ научныхъ изслѣдованій.

Я утверждаю, что изученіе психическихъ явленій въ связи съ соматическими не приводитъ къ выводу, будто всѣ психическія явленія совершаются роковымъ образомъ, какъ неизбежный результатъ данныхъ условий; что человѣкъ способенъ, помимо всякихъ побужденій, поставить себѣ мотивъ поступка и дѣйствовать въ силу такого мотива.

Доводы мои въ пользу этого взгляда основаны на несостоятельности аргументовъ моихъ противниковъ. Проф. Сѣченовъ ставитъ въ основаніе своей теоріи ту мысль, что *все* явленія, которыя обыкновенно принято называть психическими, т.-е. проходящія чрезъ сознание, представляютъ аналогическія явленія съ средними членами нервныхъ рефлексовъ, а именно, подобно какъ въ рефлексахъ, роковымъ образомъ вызываются возбужденіемъ чувствующей поверхности и оканчиваются точно также роковымъ образомъ двигательными отправленіями, для которыхъ регуляторами служатъ представленія. По этой теоріи выходитъ, что возбужденія органовъ чувствъ, дѣйствуя соматически, отражаются въ сознаніи соотвѣтствующими представленіями. Это соматическое дѣйствіе переходитъ затѣмъ въ поступокъ, который тоже сопровождается сознаніемъ, но не оно играетъ въ немъ дѣятельную роль: послѣдняя всецѣло принадлежитъ соматическимъ условіямъ; сознание же, или представленіе только направляютъ ходъ дѣйствія. Рядомъ съ этимъ, проф. Сѣченовъ допускаетъ цѣлесообразность двигательныхъ отправленій не только въ такъ-называемыхъ психическихъ явленіяхъ, но даже и въ нервныхъ рефлексахъ. Онъ допускаетъ также, какъ мы видѣли, самообольщенія, ошибки сознанія, противорѣчія между логическимъ и истиннымъ.

Но, во-первыхъ, между внѣшними возбужденіями и двигательными отправленіями роковая связь существуетъ только въ чисто-нервныхъ рефлексахъ, а въ такъ-называемыхъ дѣятельностяхъ низшихъ органовъ чувствъ ея у человѣка нѣтъ. Во-вторыхъ, между роковымъ ходомъ психическихъ дѣятельностей съ одной стороны, и цѣлесообразностью дѣйствій и возможностью ошибокъ и иллюзій съ другой есть вопіющее, непобѣдимое противорѣчіе.

Что касается до отсутствія роковой связи между возбужденіемъ органовъ чувствъ и двигательными отправленіями, то въ подтвержденіе своей мысли я ссылаюсь на Бэна и на самого проф. Сѣченова.

Бэнъ говоритъ: „Если мы станемъ наблюдать движенія младенца, то въ теченіи многихъ мѣсяцевъ не увидимъ ничего, что бы походило на повиновеніе движущихся членовъ въ виду цѣли, которая представляется уму. У младенца можетъ быть достаточно интелли-

генціи, чтобъ возымѣть желаніе; но это еще не дѣлаетъ его способнымъ выполнять самыя простыя движенія для достиженія желанной цѣли. Когда онъ хочетъ схватить что-нибудь рукою, напримѣръ, ложку, онъ дѣлаетъ движенія самыя неловкія, очевидно потому, что въ этомъ возрастѣ члены не умѣютъ дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи. Этому надо выучиться; это для человѣка одно изъ завоеваній, требующихъ наибольшихъ и самыхъ трудныхъ усилій. Надо сперва выучиться простымъ движеніямъ, при помощи которыхъ мы, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, будемъ въ состояніи выучиться движеніямъ болѣе сложнымъ; но вначалѣ мы должны сами воспитать себя. Пока младенецъ сдѣлается способнымъ собственнымъ движеніемъ поднести руку къ предмету, который находится передъ глазами и схватить его,—а это онъ не въ состояніи сдѣлать въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ своего существованія,—всѣ его усилія направить руку бывають неудачны, и пока онъ самъ не выучится двигать свое тѣло, подобно тому какъ двигаются другіе предметы, онъ еще не способенъ получить воспитаніе“¹⁾).

То же самое, почти тѣми же словами, говоритъ и проф. Сѣченъ. Къ этому надо прибавить, что и представленія, результатъ дѣйствія на насъ внѣшнихъ импульсовъ, вырабатываются въ человѣкѣ, подобно цѣлесообразнымъ движеніямъ, постепенно, длиннымъ рядомъ опытовъ и упражненій, начало которыхъ бываетъ также неудачно, какъ и первая попытка цѣлесообразныхъ двигательныхъ отправленій.

Эти наблюденія показываютъ, что въ явленіяхъ, въ которыхъ замѣшана психическая сторона, именно сознаніе, между соматическимъ импульсомъ, получаемымъ человѣкомъ извнѣ, и его движеніями, нѣтъ роковой связи, похожей на ту, какая несомнѣнна въ нервныхъ рефлексѣхъ. Импульсъ можетъ только вызвать психическую дѣятельность; она, въ свою очередь, можетъ сдѣлаться (но можетъ и не сдѣлаться) причиною поступковъ; но въ томъ и другомъ случаѣ, между нею и поступкомъ, точно также, какъ между нею и внѣшнимъ импульсомъ, нѣтъ необходимой роковой связи. Когда по мнѣ будетъ сдѣланъ выстрѣлъ, или когда я прочту книгу или увижу картину, никто изъ коротко меня знающихъ, и даже я самъ, не въ состояніи предсказать, какъ на меня, въ данную минуту, подействуетъ то, другое или третье. Точно также невозможно опредѣлить заранее, вызовутъ ли меня эти импульсы на какое-нибудь дѣйствіе, и если вызовутъ, то на какое именно.

¹⁾ *Alex. Bain. Les sens et l'intelligence, въ переводѣ М. Е. Cazelles, стр. 369 и 370 (Paris, 1874).*

Противъ этого могутъ возразить, что приведенные факты ни мало не опровергаютъ роковой связи, съ одной стороны, между внѣшнимъ импульсомъ и произведеннымъ имъ на насъ дѣйствіемъ, а съ другой, между этимъ дѣйствіемъ и отраженными движеніями. Мы скажемъ, что способъ принатія внѣшняго импульса и отраженная дѣятельность, которую онъ вызываетъ (хотя бы она состояла въ воздержаніи отъ поступка), безъ сомнѣнія, опредѣляется психическими состояніями; а такъ какъ они бываютъ различны не только у разныхъ людей, но и у одного и того же человѣка въ различныя минуты, то, разумѣется, и дѣйствіе внѣшнихъ импульсовъ и отраженные движенія могутъ быть очень разнообразны у разныхъ людей и у одного и того же человѣка въ разное время. Изъ этого слѣдуетъ, что въ концѣ-концовъ между импульсомъ и отраженнымъ движеніемъ есть роковая связь, исключаящая всякую самопроизвольность.

Въ томъ рядѣ мыслей, который насъ теперь занимаетъ, я не считаю нужнымъ доказывать, что не всякій поступокъ есть результатъ внѣшняго импульса. Объ этомъ рѣчь еще впереди. Допустимъ, что дѣйствіе импульса есть роковое и что отраженная дѣятельность (или, что то же, бездѣйствіе) есть роковое послѣдствіе дѣйствія внѣшняго импульса. Спрашивается: можно ли считать связь между импульсомъ и отраженнымъ движеніемъ роковою? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, стоить только сравнить съ этимъ сложнымъ актомъ чистый нервный рефлексъ. Въ послѣднемъ извѣстное возбужденіе чувствующей поверхности непосредственно вызываетъ извѣстное отраженное движеніе. Формула даннаго нервного рефлекса всегда одна и та же; за извѣстнымъ началомъ его непременно слѣдуетъ опредѣленный конецъ. Такъ-называемый средній членъ, намъ вовсе неизвѣстный, не заявляетъ себя ничѣмъ въ рефлективномъ актѣ. Во всѣхъ сознательныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ средній членъ, напротивъ, играетъ огромную роль. Отъ него зависитъ результатъ дѣйствія внѣшняго импульса, отъ его состояній зависитъ характеръ двигательныхъ отправленій. Переменяемъ средній членъ или возьмемъ этотъ же самый членъ, но въ другой моментъ—дѣйствіе импульса и двигательныя отправленія будутъ иныя. Стало быть, этимъ такъ-называемымъ среднимъ членомъ существенно опредѣляется характеръ мнимаго рефлекса, и безъ него нѣтъ возможности связать между собою импульсъ и поступки и дать ихъ взаимнымъ отношеніямъ какую-нибудь опредѣленную формулу. Если прибавить къ этому, что нѣтъ, какъ мы видѣли, данной роковой связи ни между внѣшними импульсами и представленіями, ни понятіями, ни между ними и внѣшними дѣйствіями, и что какъ представленія и понятія, такъ и цѣлесообразныя движенія вырабатываются лишь постепенно опытомъ, упражне-

нiями и привычкой, то и окажется, что внутреннiя состоянiя чело-вѣка, которыми опредѣляются и дѣйствiя внѣшнихъ импульсовъ и поступки, представляютъ самостоятельную или, пожалуй, своеобразную среду, которой жизнь и дѣятельность играютъ существенную и громадную роль, преломляя и перерабатывая въ себѣ внѣшнiе импульсы и налагая свою печать на все то, въ чемъ выражается эта жизнь и эта дѣятельность.

Такой выводъ, устраниая непосредственную связь между внѣшними импульсами и поступками, не доказываетъ однако, что психическая дѣятельность, происходящая въ промежуткѣ между ними, не совершается роковымъ образомъ. И въ машинѣ, скажутъ мнѣ, шестерня, колесо или блокъ, передающiе движенiе, являются посредствующими органами. Отъ ихъ устройства, величины, положенiя существенно зависятъ направленiе, скорость и самое свойство движенiя; а между тѣмъ они движутся не произвольно, а роковымъ образомъ, по неизмѣннымъ законамъ. Казалось бы, то же самое можно было бы заключить и о психическихъ движенiяхъ.

Допустимъ на минуту, что это такъ. Предположимъ, что вся наша психическая дѣятельность не больше, какъ промежуточное звено между внѣшнимъ импульсомъ и двигательными отправленiями, звено, дѣйствующее роковымъ образомъ. О самопроизвольности его, въ такомъ случаѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Но допустивъ такой взглядъ, мы тотчасъ же наталкиваемся на явленiя, которыхъ, съ этой точки зрѣнiя, ни понять, ни объяснить невозможно.

Откуда, напримѣръ, могло взяться понятiе о дѣйствiяхъ цѣлесообразныхъ и несоотвѣтствующихъ цѣли? Какъ могутъ происходить ошибки, возникать заблужденiя, иллюзiи? Гдѣ искать объясненiя различiя между истинной логической и реальной? Роковое дѣйствiе исключаетъ понятiе о цѣли, истина и ложь не могутъ имѣть ничего общаго съ машинообразнымъ ходомъ мысли. Если процессъ мышленiя совершается механически, роковымъ образомъ, то какъ можетъ произойти ошибка или заблужденiе? Проф. Сѣченовъ, допуская цѣлесообразность даже въ безсознательныхъ явленiяхъ и ратуя противъ смѣшенiя истины логической съ реальной, очевидно, не замѣтилъ, какую серьезную уступку онъ сдѣлалъ своимъ противникамъ. Гдѣ ходъ событiй роковой—какая тутъ можетъ быть цѣль, предполагающая возможность выбора и направленiя дѣйствiя? Точно также мысль, развивающаяся роковымъ образомъ, не можетъ ни ошибаться, ни сходиться или расходиться съ истиной, потому что истина ложь, ошибка, безъ выбора путей и направленiя мышленiя, безъ возможности поправиться, сбившись съ прямой дороги, невообразима. Оттого-то послѣдовательные мыслители, принявъ однажды,

что всё явленія въ мірѣ совершаются роковымъ образомъ, маш-образно, отвергають вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлесообразность и истину. И они совершенно правы, гораздо правѣе проф. Сѣченова. Цѣ-истина, ложь, ошибка—представленія и понятія, возникшія изъ отношеній индивидуальнаго личнаго существованія къ окружающему міру. Изъ этихъ же отношеній зарождается самопроизвольность и свободная воля, какъ главное и важнѣйшее условіе и выраженіе индивидуальности. Личный починъ, выборъ между безчисленными окружающими вліяніями и возможностями, изъ которыхъ каждая стремится подчинить индивидуальность себѣ, есть ея единственное орудіе, единственный оплотъ и средство защиты противъ внѣшняго напора, происходящаго въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Я еще возвращусь къ этому предмету, а теперь попрошу читателя пристальнѣе взглянуть въ дальнѣйшія несообразности и противорѣчія, которыя вытекають изъ взгляда проф. Сѣченова, признающаго роковой ходъ психическихъ явленій.

Проф. Сѣченовъ говоритъ, что ребенокъ уже въ очень раннемъ возрастѣ выучивается отдѣлять себя въ сознаніи отъ всего окружающаго, а потомъ отдѣляетъ уже и самого себя отъ своихъ дѣйствій. Такія операціи постепеннаго выдѣленія въ сознаніи себя не останавливаются на этомъ, какъ, повидимому, думаетъ проф. Сѣченовъ, но продолжаютъ далѣе. За дѣйствіями мы отдѣляемъ себя отъ своихъ ощущеній, представлений, понятій, мыслей и, наконецъ, то неопредѣленное, неизвѣстное, что остается за всѣми этими выдѣленіями, отдѣляемъ еще отъ него самого и получаемъ въ результатѣ я, которое сознаетъ само себя. Допустимъ на минуту, что всѣ эти выдѣленія фиктивны, что они—рядъ иллюзій, что это, по выраженію проф. Сѣченова, операціи надъ бѣдною человѣческой природою, совершаемыя, къ счастью, только на бумагѣ. Но онъ, конечно, не станетъ отрицать, что абстракціи въ родѣ этого ряда выдѣленій себя и я, въ худшемъ случаѣ, имѣють вліяніе на наши мысли и представленія, а мысли и представленія, какъ и онъ думаетъ, опредѣляютъ поступки, матеріальное дѣйствіе. Изъ этого слѣдуетъ, что операція выдѣленія своего я—какое бы оно ни было, не можетъ оставаться безъ дѣйствія на наши поступки.

Вообще, если мы разъ признаемъ, что дѣйствіе, поступокъ регулируются представленіями, то необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что поступки находятся въ зависимости отъ того, что совершается въ сознаніи. Но отсюда слѣдуетъ, что всѣ операціи и продукты мышленія—сравненіе, расчлененіе и выведенныя изъ нихъ умозаключенія, не могутъ оставаться безъ вліянія на наши дѣйствія. Вслѣдствіе этого и логическая истина, въ противоположность

реальной, и ошибки и иллюзии должны тоже отражаться въ поступкахъ, которые ими регулируются; а между тѣмъ поступки, дѣйствія считаются роковыми. Какъ же согласить одно съ другимъ?

Наконецъ, принявъ теорію проф. Сѣченова, нѣтъ никакой возможности понять роль и значеніе сознанія; оно, съ своими ошибками, логическими истинами и иллюзіями, является чѣмъ-то совершенно излишнимъ и ненужнымъ. Мало того: оно только путаетъ, безъ всякой надобности, естественный роковой ходъ вещей, такъ что прекратись оно сегодня, съ нимъ, правда, исчезла бы наука, знаніе, но за то исчезли бы бесполезныя и даже вредныя осложненія реальной дѣйствительности, ведущія только къ иллюзіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, по теоріи проф. Сѣченова, психическимъ актамъ отвѣчаютъ матеріальные процессы, которые происходятъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ нервной системы. Эти процессы и составляютъ реальность, которая отражается въ сознаніи, какъ въ зеркалѣ, въ видѣ представленій и понятій. Принявъ эту точку зрѣнія, мы получимъ въ дѣйствительности рядъ соматическихъ, нервныхъ явленій, вызываемыхъ роковымъ образомъ внѣшнимъ импульсомъ и такимъ же роковымъ образомъ переходящихъ въ двигательныя отправленія. Къ чему же тутъ примѣнивается еще сознаніе? Неужели для того только, чтобъ прибавить нѣсколько ошибокъ и иллюзій, безъ которыхъ можно было бы легко обойтись, и которыя, вдобавокъ, при машинообразномъ ходѣ психическихъ явленій, остаются совершенно непонятными?

Итакъ, не обиденная психологія, не метафизика или философія стараго закала, а неисходныя противорѣчія, которыя мы встрѣчаемъ, отрицая сознаніе и волю, невозможность объяснить многія явленія законами соматической жизни, заставляютъ отвергнуть теорію проф. Сѣченова и искать другой.

Гипотеза, которая имѣетъ претензію разрѣшить всѣ сомнѣнія, согласить всѣ противорѣчія и дать ключъ къ объясненію непонятныхъ явленій, должна признавать, что сознаніе, съ вытекающими изъ него самодѣятельностью и свободой, есть новое условіе существованія, которое также не поддается объясненію съ точки зрѣнія естествознанія вообще и фізіологіи въ особенности, какъ и органическая жизнь. Сознаніе съ его необходимыми послѣдствіями и есть источникъ специфически такъ-называемыхъ психическихъ явленій.

Съ научной точки зрѣнія невозможно противопоставлять другъ другу міръ психическій и міръ матеріальный, тѣмъ болѣе, что мы знаемъ одни лишь явленія, а существо ихъ намъ совершенно недоступно. По той же причинѣ, наука не допускаетъ совершеннаго выдѣленія человѣка изъ остальной природы, не даетъ средствъ провести между нимъ и ею непереступаемыя грани. Соматическое и пси-

хическое, человѣкъ и природа, такъ тѣсно между собою связаны, такъ глубоко проникаютъ другъ друга, что нельзя не признать ихъ различными явленіями одного и того же, по существу намъ неизвѣстнаго, которое, начиная отъ низшихъ явленій неорганизованной природы и оканчивая сознаниемъ и свободнымъ починомъ человѣка, обнаруживается непрерывнымъ рядомъ тѣсно между собою связанных и въ то же время весьма различныхъ звеньевъ. Если оторвать крайнія оконечности этого ряда, и сравнить ихъ непосредственно между собою, то между ними не будетъ, повидимому, ничего общаго. Только въ общей связи, при помощи посредствующихъ и переходныхъ ступеней, наука приходитъ къ выводу, что онѣ составляютъ лишь части одного цѣлаго. Такимъ образомъ, различіе между теорією проф. Сѣченова и моимъ взглядомъ вертится вовсе не на противоположеніи соматическаго психическому, души тѣлу, реализма метафизикѣ, а единственно и исключительно на различіи пріемовъ и метода изслѣдованія явленій. Проф. Сѣченковъ думаетъ, что если въ неорганизованной природѣ исключительно господствуетъ законъ рокового возникновенія явленій изъ данныхъ условій, то тотъ же самый законъ долженъ, также исключительно, управлять и всѣми прочими явленіями, въ томъ числѣ и психическими. Я утверждаю, что такой выводъ совершенно произволенъ, не имѣетъ научнаго основанія. Если изслѣдованію доступно не существо вещей, а одни явленія, то изъ отсутствія инициативы и свободного почина въ неорганизованномъ мірѣ мы не вправе заключать объ отсутствіи ихъ и въ организованныхъ и въ психическихъ явленіяхъ.

Проф. Сѣченковъ признаетъ, что когда ребенокъ выучивается смотреть, слушать, осязать, ходить и управлять движеніями рукъ, онъ становится въ болѣе свободное и самостоятельное общеніе съ вѣшнимъ міромъ. Но этотъ фактъ не единичный и не исключительный въ природѣ. Въ такомъ же, болѣе свободномъ и самостоятельномъ общеніи съ окружающимъ находится и животное, которое не прикрѣплено неподвижно къ какой-нибудь точкѣ земного шара, а ползаетъ, ходитъ или бѣгаетъ по землѣ, летаетъ въ воздухѣ, плаваетъ въ водѣ. Опустимся ниже, возьмемъ организмъ, прикрѣпленный къ землѣ, — и въ немъ мы уже замѣчаемъ извѣстную, хотя, конечно, меньшую долю свободного и самостоятельнаго общенія съ окружающимъ міромъ. Оно обнаруживается въ томъ, что такой организмъ своеобразно воспринимаетъ вѣшніе импульсы и выражаетъ ихъ въ своеобразныхъ отпавленіяхъ. Опустимся еще ниже, въ міръ неорганизованныхъ предметовъ, — и здѣсь мы тоже замѣтимъ намеки, но уже очень слабые, на свободное и самостоятельное общеніе съ окружающимъ, въ своеобразныхъ реакціяхъ, которыя эти предметы обнару-

живають. Напротивъ, подымаясь по лѣстницѣ существъ вверхъ къ человѣку, мы увидимъ, что чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ свободнѣе и самостоятельнѣе дѣлается общеніе живыхъ существъ съ окружающей средой. Свобода и самостоятельность, едва замѣтныя на низшихъ ступеняхъ природы, достигаютъ высшей своей точки въ человѣкѣ. Сознаніе и самопроизвольность выражаютъ и вмѣстѣ опредѣляютъ эту высшую точку. Въ нихъ природа возвышается сама надъ собой и обращается на самой себя. Пассивная реакція, характеризующая неорганизованные предметы, замѣняется исподволь активной дѣятельностью. Соматическихъ условій, при которыхъ сознаніе зарождается, мы не знаемъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что они существуютъ; это доказывается зависимостью сознанія отъ состояній тѣла. Очень вѣроятно, что сознаніе есть результатъ своего рода взаимодѣйствія тѣхъ или другихъ частицъ головного мозга; также вѣроятно, что оно, какъ процессъ, не имѣетъ соотвѣтствующаго ему соматическаго субстрата, подобно тому, какъ его не имѣетъ, по признанію проф. Сѣченова, и умозаключеніе. Наконецъ и я, постепенно выдѣляемое, при помощи сознанія, изъ соматической природы человѣка, есть, повидимому, точно также результатъ процесса, которому, какъ и всякому умозаключенію, не соотвѣтствуетъ никакая соматическая реальность. Но не въ этомъ существенная сторона вопроса. Разъяснятся ли матеріальныя условія сознанія и самосознанія, или нѣтъ,—для насъ важенъ тотъ фактъ, что въ сознаніи, въ я, природа освобождается отъ себя самой и имѣетъ орудіе для дѣйствія на самой себя.

Такой взглядъ есть, конечно, гипотеза, и я далекъ отъ мысли выдавать его за доказанную научную истину. Но мы вынуждены къ ней прибѣгнуть, чтобъ объяснить несомнѣнныя явленія, которыя безъ нея пришлось бы, по примѣру проф. Сѣченова, считать за иллюзіи, ошибки и нелѣпости.

Вѣроятность ея поддерживается тѣмъ, что по мѣрѣ появленія болѣе-самостоятельнаго и свободнаго общенія съ окружающимъ міромъ въ организмахъ появляется и нѣкоторая доля самодѣятельности. На это явленіе указываютъ Бэнъ и самъ проф. Сѣченовъ. Послѣдній, какъ я уже сказалъ выше, говоритъ о человѣкѣ, что въ теченіи цѣлыхъ недѣль тѣло новорожденнаго представляетъ родъ инертной массы, и если въ ней замѣчаются во временахъ движенія, то они имѣютъ характеръ какъ-бы случайный и угадать ихъ источникъ нѣтъ возможности. Это же явленіе подробно разсмотрѣно и объяснено Бюкомъ. Онъ признаетъ, что существуютъ движенія и дѣйствія независимо отъ возбужденій, производимыхъ органами чувствъ, и которыя предшествуютъ этимъ возбужденіямъ. Такія движенія и дѣй-

ствія, по его мнѣнію, происходятъ вслѣдствіе самопроизвольной дѣятельности нервныхъ центровъ, въ которыхъ накопившаяся нервная сила ищетъ разрядиться въ дѣйствіи (*Les sens et l'intelligence*, стр. 49—53). Самый фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, безспорно, чисто соматическій, и имъ нельзя, какъ думаетъ Бэнъ, объяснить волю. Но онъ указываетъ на постепенное сосредоточеніе жизни и дѣятельности къ одному центру, по мѣрѣ того какъ мы поднимаемся къ человеку. На соотвѣтствующее тому постепенное измѣненіе въ самомъ строеніи нервной системы указываетъ Тэнъ. „Республика нервныхъ центровъ,—говоритъ онъ,—равныхъ между собою и почти независимыхъ другъ отъ друга въ низшихъ животныхъ, по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ къ высшимъ, мало-по-малу превращается въ монархію центровъ, неравныхъ между собою въ развитіи, тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ и подчиненныхъ главному центру. Но это болѣе совершенное строеніе и сосредоточеніе не упраздняютъ первоначальной множественности существа, устроеннаго такимъ образомъ. По мѣрѣ того, какъ оно возвышается въ ряду существъ, оно болѣе и болѣе удаляется отъ того состоянія, когда представляло собою сумму, и болѣе приближается къ тому, когда станетъ индивидуальностью. Вотъ и все“ ¹⁾. Къ тому же заключенію приводитъ и слѣдующее соображеніе. Головной мозгъ, состоящій изъ безчисленнаго множества клѣточекъ, соединенныхъ волокнами или фибрами, представляетъ вполнѣ организованный центръ для самопроизвольныхъ движеній, о которыхъ говоритъ Бэнъ. Движенія эти обусловливаются взаимодѣйствіемъ нервныхъ клѣточекъ. Если сознание, подобно представленіямъ и понятіямъ, и есть лишь результатъ такого взаимодѣйствія, то оно, во всякомъ случаѣ, производитъ новыя комбинаціи, которыя остаются и сохраняются въ головномъ мозгу и въ свою очередь служатъ источникомъ новыхъ сочетаній; послѣднія тоже оставляютъ по себѣ свой слѣдъ и т. д. Такимъ образомъ, нервныя движенія и процессы, происходящіе въ головномъ мозгу, уже сами по себѣ могутъ, безъ всякихъ вѣншихъ возбужденій, быть источникомъ новыхъ явленій и безпрестанно обновляющихся комбинацій, которыя отражаются въ сознаніи новыми представленіями и понятіями.

Всѣ эти наблюденія, конечно, относятся къ соматическимъ явленіямъ. Но они показываютъ, что въ самой матеріальной природѣ есть стремленіе создать индивидуальность, выработать въ ней самостоятельное, свободное общеніе съ окружающимъ міромъ, и надѣлать ее самодѣятельностью. Сознаніе и самосознаніе есть только высшее, самое полное выраженіе этого стремленія, его заключительный актъ.

¹⁾ *H. Taine. De l'intelligence*, т. I-й, стр. 398 и 394 (2-е изд. Paris. 1870).

По мѣрѣ того какъ развитіе къ нему приближается, исключительное господство соматическаго закона, замѣчаемое на низшихъ ступеняхъ природы, постепенно ослабѣваетъ. Бэнъ говоритъ: „всѣ естественныя пожеланія могутъ быть извращены и стать источникомъ ошибочныхъ указаній относительно потребностей организма. Они даже способны возбуждаться искусственно и не кстати присутствіемъ вещей, которыя ихъ подстрекаютъ и удовлетворяютъ. Говорятъ,—но мы не знаемъ на какомъ основаніи,—что въ низшихъ животныхъ естественныя пожеланія рѣдко ошибаются; въ человѣкѣ такая ошибка—дѣло очень обыкновенное. Мы способны желать тепла, когда намъ было бы полезно, чтобъ было свѣжо; мы ѣдимъ и пьемъ гораздо больше, чѣмъ сколько нужно; мы поддаемся тому, что насъ возбуждаетъ къ дѣятельности, когда намъ слѣдовало бы искать покоя, или мы предаемся покою до того, что теряемъ силы. Желаніе сна до того невѣрно, что до сихъ поръ не могли опредѣлить сколько сна нужно организму. Сложность человѣческаго организма и различныя волнующія его наклонности, быть можетъ, причиною всѣхъ этихъ комбинацій и ошибокъ, которыя заставляютъ насъ прибѣгать къ опытамъ, къ наукѣ, къ волѣ, возвышающейся надъ естественнымъ пожеланіемъ, чтобъ имѣть руководство въ нашихъ обыденныхъ дѣйствіяхъ“ ¹⁾).

Я утверждаю, что гипотеза, выставляющая сознаніе и самодѣятельность, какъ новое условіе существованія, не представляетъ ничего ненаучнаго, и что въ наше время одни предрасудки и рутина мѣшаютъ дать ей въ наукѣ право гражданства на ряду съ другими гипотезами. Говорю: въ наше время, потому что возраженія противъ такой гипотезы, казавшіяся прежде неопровержимыми, теперь мало-по-малу устранены. Возраженія эти коренились въ дуалистическихъ воззрѣніяхъ и мѣстѣ съ послѣдними утратили свою силу. Дуализмъ, разорвавъ весь міръ явленій на двѣ половины, рѣзко отдѣлилъ пассивную сторону природы отъ активной. Пока онѣ оставались разобщенными, соматическій законъ рокового дѣйствія данныхъ условій и психическій законъ самодѣятельности и свободы раздѣлялись непреходимой бездною. Еще недавно монополія положительнаго, точнаго знанія присвоивалась только математикѣ и естествовѣдѣнію, въ области которыхъ соматическій законъ рокового дѣйствія данныхъ условій царить полновластно. Только эти отрасли знанія и считались науками въ строгомъ смыслѣ слова. Законъ самопроизвольности и свободы отброшенъ въ область философіи, метафизики и вмѣстѣ съ ними отнесенъ къ фантазіямъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ проф. Сѣченовъ. Но время дуализма прошло безвозвратно. Точное положитель-

¹⁾ Les sens et l'intelligence, стр. 207 и 208.

ное знаніе охватило теперь весь міръ явленій, и на нашихъ глазахъ постепенно связываетъ разрозненные явленія въ непрерывный рядъ звеньевъ, тѣсно между собою связанныхъ и составляющихъ вмѣстѣ одно неразрывное цѣлое. Если законъ, управляющій явленіями на одной окончности этого цѣлага, признается наукою, то нѣтъ причины не признать другого, заявляющаго себя явленіями въ другой окончности того же цѣлага.

Въ „Задачахъ Психологін“ я старался показать, что самодѣятельность и свободный выборъ, вращаясь въ данныхъ условіяхъ, ограничиваясь лишь перестановкой и новыми сочетаніями даннаго матеріала, не имѣя, слѣдовательно, безусловнаго характера и значенія, вовсе не противорѣчатъ закону рокового происхожденія явленій изъ данныхъ условій. И то и другое не болѣе какъ два различныхъ способа существованія, не исключającychъ другъ друга, напротивъ, дополняющихъ и объясняющихъ себя взаимно. Безъ со-вмѣстнаго дѣйствія обоихъ законовъ мы не имѣли бы ни о томъ, ни о другомъ никакого понятія.

К. Кавелинъ.

ЗАМѢТКА

по поводу статьи П. В. Анненкова о Пушкинѣ.

Въ январской книгѣ „В. Е.“ (стр. 37 и слѣд.) авторъ статьи: „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“—касается, между прочимъ, отношеній поэта къ майору В. Θ. Раевскому, руководясь „Воспоминаніями“ И. П. Липранди, и дѣлаетъ на основаніи того заключеніе о характерѣ Пушкина. Каждая черта изъ жизни нашего поэта такъ драгоцѣнна, что мы считаемъ необходимымъ дополнить сообщаемыя біографомъ свѣдѣнія по собственному, позднѣйшему разсказу Раевского, запомнивашаго живо и во всѣхъ подробностяхъ памятный для него день. Вотъ слова Раевского:

„1822 года, 5-го февраля, въ 9 часовъ пополудни кто-то постучался у моихъ дверей. Арнаутъ, который стоялъ въ безмолвіи передо мною, вышелъ встрѣтить или узнать кто пришелъ. Я курилъ трубку, лежа на диванѣ.

— Здравствуй, душа моя! сказала Пушкинъ весьма торопливо и измѣнившимся голосомъ.

— Здравствуй, что новаго?

— Новости есть, но дурныя; вотъ почему я прибѣжалъ къ тебѣ.

— Добраго я ничего ожидать не могу послѣ безчеловѣчныхъ пытокъ С. ¹⁾; но что такое?

— Вотъ что, продолжалъ Пушкинъ: С. сейчасъ уѣхалъ отъ генерала (Инзова); дѣло шло о тебѣ. Я не охотникъ подслушивать, но слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь, согрѣшилъ—приложилъ ухо. С. утверждалъ, что тебя надо непременно арестовать; нашъ Инзушко—ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ—отстаивалъ тебя горячо. Долго еще продолжался разговоръ; я многого не дослышалъ; но изъ послѣднихъ словъ С—ва ясно уразумѣлъ, что ему приказано: ничего нельзя отереть, пока ты не арестованъ.

— Спасибо, сказала я Пушкину; я этого почти ожидаю; но арестовать штабъ-офицера по однимъ подозрѣнiямъ отзывается турецкою расправой; впрочемъ, что будетъ, то будетъ. Пойдемъ къ Линранди,—только ни слова о моемъ дѣлѣ“.

Раевскiй никогда не замѣчалъ, чтобы Пушкинъ, имѣя возможность побывать у него, уклонялся отъ свиданья; но въ то же время не говорилъ, дѣйствительно, чтобы Пушкинъ посѣщалъ его подъ арестомъ въ Тирасполѣ. О началѣ знакомства съ Пушкинымъ Раевскiй выражался въ томъ смыслѣ, что Пушкинъ самъ искалъ его знакомства, и давалъ понять, что между ними установились отношенiя весьма близкiя.

Д.

¹⁾ Эти слова относятся, вѣроятно, къ слѣдствию, которое производилъ С. надъ важными лицами одной роты.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Общее собраніе 21-го апрѣля 1874 г.

По открытіи собранія, секретарь Общества прочелъ слѣдующій отчетъ: „Мм. гг. Съ начала нынѣшняго года по настоящее число комитетомъ Общества оказаны слѣдующія пособія: извѣстному писателю, лишенному, вслѣдствіе тяжелой болѣзни, возможности существовать собственнымъ трудомъ и не имѣющему никакихъ средствъ къ жизни, назначена пенсія въ 300 р. Въ ссуду выдано: двумъ лицамъ по 400 р., одному 300 р. и одному 150 р. На воспитаніе дѣтей недавно умершаго писателя отпущено 200 р. За обученіе въ частной гимназій сына покойнаго писателя выдано 100 руб. изъ пожертвованной на этотъ предметъ А. А. Краевскимъ суммы. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, въ харьковскій университетъ выслано 120 р., для выдачи изъ нихъ пособій достойнѣйшимъ студентамъ. Четыремъ студентамъ 1-го курса с.-петербургскаго университета (Высоцкому, Шимановскому, Вахомскому и Повало-Швейковскому) выдано, въ счетъ учрежденныхъ Обществомъ стипендій, по 62 р. 50 к. Женѣ писателя, вынужденнаго лечь въ больницу, назначено выдавать, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, по 30 р. въ мѣсяць. Двадцати девяти лицамъ или семействамъ назначены единовременныя пособія: въ томъ числѣ одному—250 руб., тремъ по 200 р., одному—125 р., шестерымъ по 100 р., одному—90 р., одному—75 р., пятерымъ по 50 р., тремъ по 40 р., двумъ по 30 р., пятерымъ по 20 р. и одному—10 р. Пособіе въ 10 р. выдано писателю, просившему именно эту сумму для переѣзда на родину. На похороны писателя и малолѣтнаго сына другого писателя выдано по 25 р. По просьбѣ вдовы писателя, комитетъ хлопоталъ о предоставленіи ей должности въ одномъ учебномъ заведеніи, но должность эта оказалась занятой, и потому комитетъ предложилъ просительницѣ указать другое мѣсто, которое она желала бы занять. Отвѣта на это предложеніе еще не получено. Согласно желанію сотрудника одной газеты, сдѣлано было сношеніе съ редакціею этой газеты объ удовлетвореніи просителя за его статьи. Редакція обѣщала исполнить требованіе просителя. По просьбѣ одной дамы, живущей въ Москвѣ, комитетъ обращался въ редакцію одной изъ петербургскихъ газетъ о возвращеніи просительницѣ ея рукописи, но послѣдней въ редакціи не оказалось, о чемъ просительница и увѣдомлена. Возбужденная въ прошломъ году переписка о прінсканіи занятій вдовѣ писателя прекращена по желанію самой просительницы, оставившей Петербургъ. Точно также прекращена и переписка по возникшему въ прошломъ году дѣлу о назначеніи пенсіи одному писателю изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, проситель не имѣетъ права на пенсію изъ казны. Ходатайства 21 лица были отклонены, потому что просители не удов-

летворяли обусловленнымъ § 5 устава требованіямъ или же просили о выдачѣ имъ ссуды, не представляя ручательства въ вѣрности возвращенія просимыхъ ими суммъ. Одна просьба о содѣйствіи въ продажѣ изданной просителемъ книги отклонена потому, что комитетъ не считалъ возможнымъ и нужнымъ входить въ переговоры по этому предмету съ книгопродавцами, такъ какъ просителю ничто не мѣшало обратиться съ своими предложеніями непосредственно въ книжные магазины. Заявленію одного лица, по вопросу объ улучшеніи быта писателей, комитетъ не нашелъ возможнымъ дать какое-либо движеніе, такъ какъ въ заявленіи этому не было указано никакихъ существенныхъ мѣръ къ дѣйствительному улучшенію быта писателей. Одна просьба осталась не разрѣшенною за недоставленіемъ просителемъ свѣдѣній о его литературныхъ трудахъ. Ходатайство комитета, основанное на постановленіи общаго собранія членовъ Общества 2-го февраля, объ учрежденіи второй стипендіи имени Е. П. Ковалевскаго, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: стипендія учреждена на указанныхъ общимъ собраніемъ основаніяхъ, и комитетъ вошелъ въ сношеніе съ родственниками покойнаго предсѣдателя Общества объ указаніи лица, которому могла бы быть предоставлена эта стипендія. Согласно указанію И. Т. Лисенкова, пожертвованный имъ еще въ 1860 г. капиталъ въ 1,000 р. комитетъ положилъ считать неприкосновеннымъ, такъ какъ, жертвуя эту сумму, г. Лисенковъ выразилъ желаніе, чтобъ на расходы Общества употреблять только проценты съ нея. Хотя въ прежніе годы расходы на пересылку принадлежащихъ Обществу суммъ по почтѣ и покрывались изъ собственныхъ средствъ казначеевъ Общества, но въ виду увеличившейся пересылки суммъ, комитетъ призналъ болѣе правильнымъ расходы эти отнести на счетъ суммъ Общества. Наконецъ, въ Великомъ посту были устроены литературное чтеніе и концертъ въ пользу Общества, доставившіе: первое 538 р., а второй—3,067 р. 40 к., а всего 3,605 р. 40 к. Сумма эта, благодаря лицамъ, принявшимъ участіе въ концертѣ и чтеніи и привлечшимъ своими талантами публику, послужитъ значительнымъ подспорьемъ для Общества въ текущемъ году; но рассчитывать на подобные, случайные, доходы на будущее время нельзя, и потому Обществу необходимо позаботиться присканіемъ способовъ къ постоянному увеличенію его средствъ. Къ числу такихъ способовъ относится привлеченіе въ составъ Общества возможно большаго числа лицъ, сочувствующихъ его дѣятельности и безпомощному положенію многихъ писателей и ихъ семействъ. Помощь въ этомъ дѣлѣ могли бы настоящие члены Общества: распространяя между своими знакомыми свѣдѣнія о нашемъ Обществѣ, о его дѣйствіяхъ и о цѣляхъ, къ которымъ оно стремится, они могли бы привлекать въ составъ Общества все большее и большее число лицъ и, доставляя, такимъ образомъ, Обществу болѣе источники доходовъ, они не только дали бы ему возможность усилить размѣры выдаваемыхъ имъ пособій и чаще являться на помощь нуждающимся, но и устранили бы нерѣдко дѣлаемые упреки въ томъ, что будто бы по уставу и на самомъ дѣлѣ дѣятельность членовъ Общества представляется чисто пассивною. Во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній по этому предмету, остается только указать, что

предложенія объ избраніи желающихъ вступить въ члены Общества ¹⁾, согласно § 16 устава, должны быть обращаемы въ комитетъ, съ точнымъ означеніемъ имени, отчества, фамиліи, мѣста жительства и даже званій предлагаемаго лица“.

Затѣмъ казначей доложилъ свѣдѣнія о состояніи кассы Общества. Изъ отчета этого видно, что къ 1-му января 1874 г. въ кассѣ было 58,072 р. 28 к. Съ 1-го января по 21-е апрѣля поступило на приходъ 12,361 р. 69 к.; въ томъ числѣ: отъ членовъ Императорской фамиліи 1,750 руб.; изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 1,000 р.; пожертвованій 489 р. 70 к.; членскихъ взносовъ 3,947 р.; процентныхъ денегъ отъ редакцій 246 р. 69 к.; выручки отъ концерта и чтенія 3,605 р. 40 к.; процентъ съ капитала 1,122 р. 90 к. и возвратъ ссуды 200 р. Израсходовано: на пенсіи 1,592 р.; на воспитаніе 1,327 р. 50 к.; на пособия 2,460 р.; на погребеніе 50 р.; на почтовые расходы 74 р. 66 к.; за храненіе процентныхъ бумагъ 2 р. 85 к.; на ссуды 1,550 руб.; а всего 7,057 р. 1 к. Къ 21-му апрѣля въ кассѣ было 63,376 р. 96 к.; въ томъ числѣ неприкосновеннаго капитала И. Т. Лисенкова и Б. И. Утина по 1,000 р. и Н. М. Василевскаго 300 р. По стипендіи Е. П. Ковалевскаго къ 21-му апрѣля въ кассѣ было 8,345 р. 65 к.

Въ заключеніе нижеслѣдующія лица выбраны въ члены Общества: Александръ Николаевичъ Ераковъ, Леопольдъ Ауэръ, Эдуардъ Францовичъ Направникъ, Яковъ Петровичъ Полонскій, Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, Василій Семеновичъ Коврайскій, графъ Павелъ Юліевичъ Сюзоръ, Константинъ Андреевичъ Бухъ, Евгений Ивановичъ Гасабовъ, Николай Андреевичъ Вейтцель, Генрихъ Рафаиловичъ Ремберовичъ, Патрикій Васильевичъ Мартыновъ, Николай Александровичъ Гернгросъ, Григорій Захарьевичъ Елисѣевъ, князь Николай Дмитріевичъ Чавчавадзе, Иванъ Кондратьевичъ Грумъ-Гржимайло, Иванъ Александровичъ Слѣпушкинъ, Михаилъ Павловичъ Сырейшиковъ, Яковъ Оедуловичъ Березинъ-Ширяевъ, Алексій Александровичъ Толстопятовъ, Михаилъ Ивановичъ Кононовъ, Иванъ Николаевичъ Полкановъ, Владиміръ Андреевичъ Шландеръ, Василій Васильевичъ Сергѣевъ, Николай Александровичъ Демертъ, Николай Константиновичъ Михайловскій, Александръ Михайловичъ Скабичевскій, Сергій Николаевичъ Кривенко, князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій.

По окончаніи занятій В. Д. Спасовичъ прочелъ составленную имъ статью, подъ заглавіемъ: „Вопросъ о такъ-называемой литературной собственности“.

Засѣданіе комитета 21-го апрѣля 1874 г.

- 1) Выдано тремъ нуждающимся литераторамъ по 50 р. и одному, для переѣзда съ семействомъ на родину, 100 р.
- 2) Отклонена, за силою § 5 устава, просьба одного студента.

¹⁾ Предложенія эти могутъ быть присылаемы и по почтѣ, на имя секретаря Общества, Г. К. Рѣпинскаго (С.-Петербургъ, Эртелевъ переулокъ, д. № 1, кв. № 4). На основаніи § 2 устава, членами Общества могутъ быть не только литераторы и ученые, но и другія лица, сочувствующія отечественной литературѣ и просвѣщенію.

Засѣданіе комитета 6-го мая 1874 г.

- 1) Отклонены ходатайства 4-хъ лицъ о пособіи и о ссудѣ.
- 2) Выдано 75 р. больному писателю.
- 3) Выдано 39 руб. 50 коп. на похороны писателя.
- 4) Выдано 100 р. семейству писателя, находящемуся въ крайности.
- 5) Выслано 50 р. писателю, лишившемуся должности.
- 6) Выдано 50 р. на воспитаніе сына профессора.
- 7) Выдано 100 р. больному писателю на поѣзду въ теплый климатъ.
- 8) Изъявлена глубочайшая благодарность Общества Ѳ. П. Корнилову и В. А. Манассеину за содѣйствіе ихъ комитету, и А. Г. Рубинштейну, пожертвовавшему 900 р., вырученные отъ концерта, данаго въ Москвѣ, и положено: сумму эту, согласно желанію г. Рубинштейна, обратить на предстоящія выдачи пособій въ Москвѣ.

Отчетъ казначея за апрѣль.

Къ 1-му апрѣля въ кассѣ было 62,597 руб. 36 коп. Поступило 2,784 руб. 60 коп.; въ томъ числѣ годовые взносы 81 лица 2,035 р.; отъ Е. И. В. Государыни Цесаревны 50 р., $\frac{1}{10}$ съ капитала 699 руб. 60 коп. Израсходовано: на пенсіи 387 рублей, на единовременныя пособія 865 рублей, въ счетъ продолжительнаго пособія 30 р., на стипендіи и воспитаніе 240 р., на похороны 25 р., Государственному Банку за отдѣлку чековъ 50 коп., на ссуду 400 р., а всего 1,947 руб. 50 коп. Къ 1-му мая въ кассѣ было 63,434 руб. 46 коп.

II. Отъ Бердянской Уездной Управы.

Въ Бердянскомъ уѣздѣ имѣются вакансіи учителей сельскихъ начальныхъ школъ, содержимыхъ земствомъ. Жалованья учитель получаетъ *триста* руб. въ годъ и для помѣщенія квартиру при школѣ. Квартира отапливается и освѣщается на счетъ общества, а жалованье учитель получаетъ изъ Уездной Земской Управы, которое и высылается по земской почтѣ ежемѣсячно. Кромѣ жалованья, учителямъ, за успѣхи по преподаванію, выдаются награды до 50 р., а при особыхъ успѣхахъ и усердіи къ дѣлу увеличивается окладъ жалованья.

Лица, желающія получить учительское мѣсто на означенныхъ выше условіяхъ, должны заявить о томъ Земской Управѣ съ приложеніемъ копій документовъ о званіи своемъ, о правѣ на преподаваніе въ начальныхъ школахъ, а также и удостовѣреніе о прежней своей дѣятельности.

Отъ Редакціи.—Редакція «Вѣстника Европы» почтительнѣе проситъ желающихъ сообщить А. Н. Пыпину какія-нибудь документы или извѣстія, касающіяся жизни и дѣятельности Бѣлинскаго, обращаться въ редакцію журнала.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

МАЙ—ИЮНЬ 1874.

Книга пятая.—Май.

	стр.
Джонъ Стюартъ Милль и его школа.—Статья первая.—ЮР. А. РОССЕЯ . . .	5
Изъ моей записной книги. — На югѣ Италіи. — Окончаніе. — ФР. ШПИЛЬ-ГАГЕНА . . .	34
Передъ судомъ.—Изъ Гете.—Н. В. ГЕРВЕЛЯ	85
Поиски клипера „Измурдъ“ за Н. Н. Милухой-Мамленъ.—I-II.—А. Р. . .	86
Считая пьеса.—Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.—Д. Д. МИНАЕВА	119
Дилеттантизмъ въ поэзиі.—Полное собраніе сочиненій Н. Ѳ. Щербини. —	
—ИНЪ	282
Клѣ жилазо, пока горячо. — Новый англійскій романъ м-съ Вреддонъ.—XXII-XXVIII.—А. Ѳ.	251
Хроника.—Письмо объ „Университетскихъ письмахъ“. — Статьи г. Любимова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.—X.	314
Внутреннее Овозраженіе. — Правила о выдачѣ желѣзно-дорожныхъ концессій.—Новыя четыре дороги.—Уставы 18-го ноября.—Уставы 22-го февраля.—Безусловная гарантія.—Подписки и ея результаты.—Переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ и проектъ очистки города въ Петербургѣ.—Проектъ городского налога въ Москвѣ.—Отчетъ Общества помощи при кораблекрушеніяхъ	840
Иностранное Овозраженіе.—Военный законъ въ германскомъ сеймѣ.—Парламентаризмъ и правительство. — Национальные либералы и прогрессисты.—Законы о епископахъ и о печати. — Окончаніе сессіи. — Министерскій кризисъ въ Испаніи.—Освобожденіе Вильбао	368
Корреспонденція изъ Парижа.—Свѣтлѣнать и монархисты.—Н.	380
Корреспонденція изъ Лондона.—Первые дни новаго министерства.—В. . . .	392
Психологическая критика. — Письма въ Редацію по поводу „Замѣчаній“ и вопросовъ проф. Съенцова.—III.—К. Д. КАВЕЛИНА	406
Литературная Замѣтка — Петръ Могилъ предъ судомъ исследователей нашего времени.—Н. И. КОСТОМАРОВА	429
Классическіе шесты.—Ученое открытіе г. Георгіевскаго. — III.	441
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II. Общество вспоможенія студентамъ С.-Петербургскаго Университета	444
Библиографическій Листокъ.	

Книга шестая.—Іюнь.

Вопросъ о такъ-называемой литературной собственности.—В. Д. СПАСОВИЧА.	СТР. 449
Джонъ Стюартъ Милль и его школа. — Статьи вторая и третья. — ЮР. А. РОССЕЛЯ	473
Галилей.—Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Фр. Понсара.—Н. І. ПУШКАРЕВА .	513
В. Г. Балинский.—Опытъ біографіи.—Ш. Кружовъ Станкевича; „Телескопъ“.—А. Н. ПЫПИНА	573
Наслѣдство Ильи Петровича Растеряева. — Психологическіе очерки. — І. В. Д. С—х—ъ	626
Поиски клипера «Измурудъ» за Н. Н. Мнелихой-Малюжицъ.—Ш. В. — Окончаніе.—А. Р.	673
Куй живизо, пока горячо. — Новый англійскій романъ м-съ Вреддонъ. — XXIX-XXXVIII.—А. Э.	721
Смерть соловья.—Изъ Сырокомли.—П. И. ВЕЙНБЕРГА	771
Хроника.—Внутреннее Овозраженіе. — Вопросъ о продленіи срока службы мировыхъ судей. — Дѣло о подлогѣ. — Дѣло о минимыхъ чудесахъ. — Дѣло о бритвѣ бороды. — Общія собранія общества Привислянскіи дороги. — Новыя предположенія о желѣзныхъ дорогахъ.—Образованіе акціонерныхъ обществъ.—Система государственной постройки	773
Иностранное Овозраженіе. — Видъ на упроченіе мира. — Пренія въ палатѣ лордовъ.—Учредительные проекты Брозли.—Министерскій кризисъ.—Новый кабинетъ Маъ-Магона.—Новое министерство въ Испаніи. — Окончаніе сессіи прусскаго сейма.—Бисмаркъ и Арнимъ.	796
Корреспонденція изъ Берлина. — Результаты послѣдней парламентской кампаніи.—К.	814
Психологическая критика.—Письма въ Редацію по поводу „Замѣчаній“ и вопросовъ профессора Съченова.—IV.—Окончаніе.—К. Д. КАВЕЛИНА .	837
Замѣтка.—По поводу статьи П. В. Анненкова о Пушкинѣ.—Л.	857
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: Общее собраніе 21-го апрѣля и засѣданіе Комитета.—II. Отъ Бердянской Уѣздной Управы: вывозъ сельскихъ учителей.	859
Библиографическій Листокъ.	

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Θ. БАЗУНОВА

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ маѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

АПСУНЪ, К. Подъ тропиками: Странствованіе по Венецуэгѣ, на Ориноко, въ Британской Гвианѣ и на Амазонкѣ съ 1845 по 1868 годъ. Спб. 1874 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.

СКАЗАНІЕ МАССЫ И ГЕРКМАНА о смутномъ времени въ Россіи. Изданіе Археологической Коммиссіи, съ приложеніемъ портрета Массы, плана Москвы (1606 г.) и дворца Лже-Дмитрія 1-го. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

РЕЙНВОТЪ, П. Банковое счетоводство. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

МЭНЪ, Г. Деревенскія общины на Востока и Западѣ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

ЛЕОНАРДЪ, П. Эскизы изъ жизни Европы за послѣднія 20 лѣтъ. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

КЛЮШНИКОВЪ, В. Большіе корабли. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

САМАРОВЪ, Г. Послѣднее прощаніе легионовъ. Спб. 1874 г. Ц. 80 к., перес. за 1 ф.

ШЕВЧЕНКО, Т. Кобзарь, въ переводѣ Чмырева. М. 1874 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

ЖИЖИЛЕНКО, А. Учебникъ родовспомогательнаго искусства для сельскихъ повивальныхъ бабокъ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

МАНАСЕИНОЙ, М. О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

БРАНДТЪ, Э. Руководство зоологін. Часть 2-я. Спб. 1874 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 3 ф.

МУРАШКО, И. Механическій отдѣлъ Вѣнской всемірной выставки 1873 г. Спб. 1874 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

ТЕККЕРЕЙ, В. Исторія Пенденниса, его приключеній и бѣдствій, его друзей и величайшаго врага. Спб. 1874 г. 2 тома. Ц. 4 р., перес. за 4 ф.

БАЙРОНЪ, Л. Сочиненія въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакцію Н. Гербеля. Т. 2-й. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

МИХАЙЛОВЪ, А. Экономическіе палліативы. Спб. 1874 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

РЕЙНОЛЬДСЪ, Тайны Лондонскаго двора. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ЛАБУЛЭ, Э. Парижъ въ Америкѣ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.

ОСМАНЪ-ВЕЙ. Турки и ихъ женщины. Султанъ и его гаремъ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ОСМАНЪ-ВЕЙ. Покореніе міра евреями. Спб. 1874 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

ДРОЗЪ, Г. Разказы и очерки. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ПЕТРОВСКИЙ, Н. Сборникъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

АЛЕКСАНДРОВЪ, Н. Волга. Этнографическіе разказы для дѣтей. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ЗАЩУКЪ, Г. Малокалиберная скорострѣльная винтовка со скользящимъ затворомъ. Спб. 1874 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

ТРУДЫ КОММИССІИ по преобразованію волостныхъ судовъ. 7 томовъ. Ц. 24 р., отдѣльно каждый по 4 р., перес. за 4 ф.

АННЕНКОВЪ, М. Отношенія Англіо-Индійскихъ владѣній къ сѣверо-западнымъ соседямъ, съ картою. Спб. 1874 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ. Спб. 1874 г. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Вѣстникъ Европы.—Іюль, 1874.

BULLETIN

de la librairie de CARL RICKER (A. Münx).

Perspective de Newsky, № 14.

AVIGDOR, Das Wohlsein der Menschen in Grossstädten. 2 r. 50 k.

ARMINIUS, Die Grossstädte und ihre Wohnungsnoth. 2 r. 80 k.

ARNDTS, Gesammelte civilistische Schriften. 3 Bände. 16 r. 50 k.

BAGEHOT, Lombardstreet. Der Weltmarkt des Geldes. 1 r. 50 k.

BASTIAN, Expedition an die Loango-Küste I. Band. 5 r.

BEER, Leopold II, Franz II und Catharina. Ihre Correspondenzen nebst einer Einleitung zur Geschichte der Politik Leopolds II. 2 r. 40 k.

BLÄTTER für Kostümkunde. 1 Lfr. 2 r. 25 k.

CLEMENT, Les musiciens célèbres. 4 r. 20 k.

ENDERES, Die Frauenarbeit und nationale weibliche Hausindustrie auf der Wiener Weltausstellung. 1 r. 20 k.

FINKELNBURG, Öffentliche Gesundheitspflege in England. 2 r.

FORTLAGE, Vier psychologische Vorträge. 1 r. 50 k.

KAISER WILHELM'S Gedenkbuch. 3 r. 50 k.

GOTTSCHALL, Der neue Plutarch. Biographien hervorragender Charaktere der Geschichte, Literatur und Kunst. I. Theil. 3 r.

GRABBE, Christ. Dietr., Sämmtliche Werke und handschriftlicher Nachlass. Erste kritische Gesamtausgabe herg. von Oskar Blumenthal. 4 r. 50 k.

HARTSEN, Grundzüge der Psychologie. 2 r.

HELFFT, Heilquellen-Diätetik. III. Aufl. 1 r. 50 k.

HELLWALD, Culturgeschichte J. Lfr. à 60 k.

HOLAIN, Sammlung der Oesterreichischen Handelsgesetze. 6 r.

JACOBSTHAL, Grammatik der Ornamente 1. und 2. Lfr. Folio. 9 r.

JOLLY, Die Sprachwissenschaft. 5 r.

ITALIEN. Eine Wanderung von den Alpen bis zum Aetna. Schilderungen mit Bildern 1. Lfr. Folio. 1 r.

KER, On the road to Khiva. 6 r. 60 k.

LEONHARDT, Grundzüge der Geognosie und Geologie. 3 r. 80 k.

LOHLEIN, Die Operationen des Korps des Generals von Werder. 3 r. 50 k.

NEUE Mittheilungen aus Goethe's handschriftlichem Nachlass. 2 Bände. 7 r. 50 k.

MORACHE, Traité d'hygiène militaire. 6 r. 40 k.

NOHL, Beethoven-Liszt-Wagner. Ein Bild der Kunstbewegung unseres Jahrhunderts. 3 r.

OSENBRÜGGEN, Die Schweizer. Daheim und in der Fremde. geb. 3 r.

PETERMANN, Küste der Vereinigten Staaten. 4 r.

RASCH, Tyroler Reisebuch. 2 r. 75 k.

REUMONT, Lorenzo de' Medici il Magnifico. 2 Bde. 12 r.

ROBIN, Leçons sur les humeurs. 7 r. 20 k.

SCHULTZE, Geschichte der Philosophie der Renaissance. 3 r.

SMITH, Thesaurus syriacus. 3 Bände. 31 r. 50 k.

STAHL, Das deutsche Handwerk. I. 4 r.

TEIRICH, Eingelegte Marmor-Ornamente 1. Lfr. 4 r. 50 k.

VOIGT, Fundament aldogmatik. 7 r.

WILLEMS, Droit publicque romain. 3 r. 60 k.

WULFF, Architektonische Harmonielehre. 6 r.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

А. И. МАМОНТОВА и К^о.

(Москва, Леонтьевскій пер., № 8)

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается (изданіе Н. И.
Мамонтова):

„КОБЗАРЬ“

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

(Поэмы: Марьяна, Неофиты, Гайдамаки, Бняжна, Невольникъ, Москалева Криница и мелкія стихотворенія) въ переводѣ Н. А. Чмырева, съ портретомъ автора.

Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммисіонеровъ Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества

І. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9,
(на углу Невскаго проспекта).

П. ЮРГЕНСОНА,

Москва, Петровка, № 6,
(на углу Кузнецкаго моста).

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ:

Дуэты для фортепіано и скрипки: Бетховенъ, Всѣ 10 сонатъ (2 р.); Всѣ сонаты, сочиненныя съ віолончелью, перефранжированныя для фортепіано и скрипки (1 р. 50 к.); Всѣ вариации (75 к.); Концертъ и два романса (75 к.). Веберъ, Всѣ сонаты (60 к.). Гайднъ, Всѣ сонаты (1 р. 25 к.). Моцартъ, Всѣ 18 сонатъ (2 р. 25 к.); 25 сонатинъ (2 р. 80 к.). Шубертъ, Сонаты и рондо (90 к.); Сборникъ избранныхъ увертюръ: Бетховена, Беллини, Буальде, Вебера, Моцарта, Россини и др. 6 томовъ, въ каждомъ отъ 6 до 8 уверт. (по 75 к. за томъ).

Дуэты для фортепіано съ віолончелью: Всѣ 6 сонатъ (1 р. 50 к.); Всѣ вариации (50 к.).

Тріо для фортепіано, скрипки и віолончели: Бетховена 11 тріо (3 р. 25 к.). Гайднъ, Всѣ 31 тріо (8 р.); 6 избранныхъ тріо (1 р. 25 к.). Гуммель, Всѣ тріо, 2 тома (по 1 р.). Моцартъ, Всѣ 9 тріо (2 р. 25 к.). Шубертъ, Всѣ тріо (1 р. 50 к.).

Квартеты для фортепіано, скрипки, альта и віолончели: Бетховенъ, Всѣ квартеты (1 р. 75 к.). Моцартъ, Всѣ квартеты (2 р.).

Квартеты для двухъ скрипокъ, альта и віолончели: Бетховенъ, Всѣ 17 квартетовъ (5 р. 60 к.); То же въ партитурѣ (4 р. 55 к.). Гайднъ, Всѣ 83 квартета (12 р.); 20 избранныхъ квартетовъ (2 р. 25 к.). Моцартъ, Всѣ 27 квартетовъ (5 р. 25 к.). Шубертъ, 4 квартета (1 р. 75 к.).

Квинтеты: Бетховенъ: 4 квинтета для 2-хъ скрипокъ, 2-хъ альтовъ и віолончели (1 р. 50 к.); Квинтетъ ор. 16 для фортепіано, гобоя, кларнета, валторны и бассона (60 к.). Моцартъ, 10 квинтетовъ для 2-хъ скрипокъ, 2-хъ альтовъ и віолончели (3 р.). Шубертъ, „Форель“, квинтетъ для фортепіано, скрипки, альта, віолончели и контрабаса (1 р.). Бетховенъ, ор. 20 септета (75 к.).

Для одного фортепіано: Салонная музыка: Jungmann, Le mal du pays (20 к.); Sérénade mauresque (30 к.); Sérénade espagnole (30 к.); La chapelle de la forêt. Idylle (30 к.); Rêve d'une jeune fille (35 к.); Souvenir de Spa (30 к.); Sympathie (30 к.); Гитарная серенада (30 к.). Kalkbrenner, Le rêve. Fantaisie (60 к.); Le fou. Scène dramatique (60 к.). Metterer, L'argentine. Fantaisie-Mazurka (35 к.); Gâteaux-Mazurka (20 к.); Oiseaux légers. Mélodie allemande (35 к.); Chant du Lido. Réverie (35 к.); „Si vous n'avez rien à me dire“. Romance favorite transcrite (30 к.); Non torno. Romance favorite de Mattei (30 к.); Mignon. Fantaisie (45 к.). Kuhlé, Rose d'hiver (30 к.); Feu follet (30 к.); Polka brillante (30 к.); Valse de Venzano (35 к.); Graziella. Morceau de salon (20 к.). Kullak, Kinderleben. Scènes d'enfance. 24 petites pièces. 2 тетради (по 85 к.).

За пересылку прилагается особо и взымается съ общаго вѣса посылки. Каталогъ дешевыхъ изданій высылается бесплатно. Требованія Гг. инородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были издаваемы и объявлены.

ПАРОВАЯ И СКОРОПЕЧАТНАЯ ТИПОГРАФІЯ

М. М. Стасюлевича.

Въ книжномъ складѣ типографіи находятся:

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ, съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, составилъ Андрей Филоненъ. Ч. IV. Изд. второе, исправленное и дополненное. Спб. 1873. Стр. 877. Ц. 1 р. 60 к.

Всѣ четыре части Русской Христоматіи одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для гимназій и прогимназій, а Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ — для духовныхъ семинарій.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. М. М. Не-
стомарева. Первый отдѣлъ: Господство Дома св. Владимира: X—XVI сто-
лѣтія. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ одинъ большой томъ около 50 печат.
листовъ. Отдѣльный выпускъ 1 р. 25 к.; весь томъ 3 р. 75 к.—Второй отдѣлъ:
Господство Дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II: XVII и
первая половина XVIII вѣка. Выпускъ четвертый: цари Михаилъ и Алексѣй. Ц.
1 р. 25 к. Выпускъ пятый: Царь Ѳеодоръ и царевна Софья. Ц. 1 р. 50 к.

Шестой выпускъ *вторую* отдѣла вскорѣ поступить въ печать.

АЛЕКСѢЙ СЛОВОДИНЪ. Семейная исторія, въ пяти частяхъ. П. Альминского.
Спб. 1873. Стр. 457. Ц. 2 р. 50 к.

ФРАНЦЪ ФОНЪ-ЗИКИНГЕНЪ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.
Сочиненіе Фердинанда Лассала. Перев. А. и С. Крыль. Спб. 1873. Стр. 259.
Ц. 1 р. 50 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ. Чтеніе для на-
чальныхъ училищъ. Состав. П. В. (Петръ Вейнвергъ). Спб. 1873. Ц. 20 к.

РОБИНЗОНЪ КРУЗЕ, А. Аммонской. Новая переработка темы де-Фос. Съ 10-ю
карт. и 35-ю полтипажами. Изд. В. Лесевича. Спб. 1874. Ц. 2 р.

ИСТОРІЯ БУСОЧКА ХЛѢБА. Описаніе жизни человѣка и животныхъ въ
письмахъ. Соч. Масе. Перев. А. Голосачева. Спб. 1874. Ц. 1 р. 50 к.

Гг. Книгопродавцы обращаются въ контору типографіи, въ
Спб., на В. О., 2-я линія, д. № 7: открыта отъ 10-ти ч.
до 1 ч. утра и отъ 3-хъ до 6-ти вечера.

— 75 КОПѢКЪ — КАЖДАЯ КНИГА —

ВО ВСѢХЪ МАГАЗИНАХЪ С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ ПРОДАЕТСЯ

ВТОРАЯ КНИГА

ОБЩЕДОСТУПНАГО ИЗДАНІЯ

„РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА“

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ: Портретъ, Біографія, Бѣлинскій о поэзіи Лермонтова. — **Первый отдѣлъ:** Демонъ. — Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. — Дума. — Три пальмы. — Мцыри. — Сказка для дѣтей, и мелкія стихотворенія, всего числомъ 40. — **Второй отдѣлъ:** I. Герой нашего времени: Максимъ Максимычъ; Тамань; Фаталистъ. — II. Два отрывка изъ начатой повѣсти.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ: А. С. Пушкинъ. — Портретъ, Біографія, Бѣлинскій и Гоголь о Пушкинѣ. — **Первый отдѣлъ:** Мѣдный всадникъ. — Полтава. — Борисъ Годуновъ. — Русалка. — Евгений Онѣгинъ (глава вторая и шестая). — Братья Разбойники. — Галубъ. — **Второй отдѣлъ:** Пѣсни, Сказки и пр., всего 26. — **Третій отдѣлъ:** Арапъ Петра Великаго. — Лѣтчикъ села Горохина. — Дубровскій.

Содержаніе третьей книги составятъ избранныя сочиненія Н. В. Гоголя.

Главный складъ изданія „Русской Библіотеки“ помѣщается въ типографіи М. Стасюлевича, въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, 2-я линія, д. № 7.

Книгопродавцы пользуются уступкой 10 коп. съ продажной цѣны экземпляра первой книги — 75 копѣекъ въ бумажнѣ, и 1 рубль въ англійскомъ переплетѣ. Иногородные прилагаютъ за пересылку 25 копѣекъ на экземпляръ. Уступка книгопродавцамъ отъ второй книги и слѣдующихъ — 20%.

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Городскимъ и иногороднымъ — „Коммисіонеръ торговыхъ и промышленныхъ объявленій“ А. Тарочешникова, № 3. — 2) Иногороднымъ — Прейсъ-курантъ свѣжихъ кахтинскихъ чаевъ О. А. Корещенко.

Русская Библиотека. Томъ второй: *М. Ю. Лермонтовъ*, Спб. 1874. Стр. LXXI и 243. Ц. каждого тома „Р. Б.“ 75 коп. въ бумажекъ, и 1 рубль въ англ. пер.

За избранными сочинениями Пушкина, видѣнными въ маргѣ, послѣдовалъ второй томъ съ избранными сочинениями Лермонтова, въ стихахъ и въ прозѣ. Три капитальныя произведенія: „Демонъ“, „Письма про Калашникова“ и „Сказка о дѣтѣхъ“ помѣщены цѣлкомъ; изъ „Мцыри“ изведена въ извлеченіи исповѣдь умирающаго. Великія стихотворенія составляютъ около сорока умеровъ. Въ отдѣлѣ прозы помѣщены цѣлкомъ три разсказа изъ „Герои нашего времени“ и два превосходные отрывка изъ повѣсти, къ сожалѣнію неоконченной Лермонтовымъ. Въ началѣ книги читатели найдутъ портретъ Лермонтова, биограрическій очеркъ, А. Н. Пыпина, и извлеченіе изъ критики поэзіи Лермонтова у Ушинскаго. Цѣна книжекъ „Р. Б.“ сама указываетъ на цѣль изданія: подѣлиться богатствами нашей литературы съ тѣми, кто осужденъ по неостатку средствъ питать свой умъ и удовлетворять вкусъ книжною фабрикаціей иногда весьма омнительнаго свойства. При назначенной же цѣнѣ, наши народныя писатели могутъ пахотиться теперь въ рукахъ почти каждаго, и слѣдѣть дѣйствительно народными. Небогатія средства наши городскія и сельскія училища современно получаютъ также возможность за весьма небольшую сумму, въ 7 или 8 рублей, имѣть избранныя сочиненія 10-ти или 12-ти лучшихъ русскихъ писателей, т.-е. почти весь цѣлкъ современной литературы. Третій, слѣдующій томъ, будетъ занятъ Н. В. Гоголемъ, и уже поступилъ въ печать.

Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. *Н. Костомарова*. Второй отдѣлъ: выпускъ V-ый. Спб. 1874. Стр. 221—536. Ц. 1 р. 50 к.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы извѣдали о началѣ второго тома „Русской Исторіи“, а вотъ же предъ нами и его продолженіе—второй выпускъ, весьма объемистый и въ высшей степени интересный по своему содержанію. Предъ нами сначала проходятъ такіе замѣчательныя личности и дѣятели эпохи Алексѣя Михайловича, какъ Хмельницкій съ своими преемниками, Стенька Разинъ съ сподвижками земледельцами; далѣе, подвижники мысли и слова, Галатовскій, Радзивиловскій, Лазарь Барановичъ, Славинскій, Симеонъ Полоцкій и Юрій Кривжаничъ. Съ особеннымъ интересомъ читается статья, посвященная послѣднему лицу, весьма характерно выразившему умственныя и нравственныя стремленія того вѣка. Новый выпускъ, кончая правленіемъ царя Ѳеодора и царицы Софьи, доводитъ русскую исторію до знаменитой эпохи Петра Великаго.

Парижъ въ Америкѣ. Д-ра Рене Лефевръ, парижанинъ. *Эд. Лабуге*. Ст. 27-го франц. изд. Спб. 1874. Стр. 361. Ц. 1 р. 75 к.

Имя Эд. Лабуге, члена Академіи, пользуется уже давно почетною извѣстностью, какъ ученаго юриста и имѣетъ знатную американскую исторію. Въ эпоху втораго имперіи онъ былъ въ рядахъ оппозиціи, которую выражалъ или на кафедрѣ сравнительнаго законодательства въ Collège de France, или въ своихъ сатирическихъ этюдахъ; между послѣдними первое мѣсто занимаетъ его извѣстное „Paris en Amérique“. Это—дѣла и мнѣній весьма умная сатира вообще на европейскія мнѣнія и пороки вещей, и въ особен-

ности заключена въ послѣднемъ посвященіи автора: „Какъ прекрасенъ будетъ тотъ день, когда спадутъ со всѣхъ маски, и сумасшедшіе окажутся мудрецами, а мудрецы—сумасшедшими“. Рене Лефевръ, отъ имени котораго авторъ издалъ свой сатирическій мемуаръ, былъ объявленъ мудростью элохи имперіи, олицетворенной въ фигурѣ Оліверуса, сумасшедшимъ за одну мысль оправданія сѣверо-американскаго порядка вещей. О блестящемъ успѣхѣ этой сатиры можно судить по огромному числу ея изданій въ оригиналѣ.

Эскизы изъ жизни Европы за послѣдніе(я) 20 лѣтъ. *П. Леонарда*. Ч. I. Спб. 1874. Стр. 728. Ц. 2 р.

Лучшую критику для своего весьма объемистаго труда, который служить только началомъ копца, авторъ найдетъ въ вышеупомянутой сатирѣ Лабуге: г. Леонардъ стоитъ на точкѣ зрѣнія „мудреца“ Оліверуса и находитъ, наприм., что въ Америкѣ, подъ именемъ „великой республики“ скрывается „грандіозная и великая анархія“. Но главный недостатокъ труда г. Леонарда состоитъ въ слѣдующемъ: онъ общается въ заглавіи дать намъ „эскизы изъ жизни Европы“, а на дѣлѣ читатель остается, на пространствахъ 700 страницъ, при эскизахъ изъ процесса авторскаго мышленія, развивающагося изъ самого себя и возвращающагося опять къ своему творцу. Вообще, это опять философія исторіи, начертанной успліями голой мысли додумываться до чего-нибудь, безъ особыхъ къ тому средствъ; авторъ, правда, говоритъ, что „за послѣдніе(я) семь-восемь лѣтъ, мы были свидѣтелями громаднѣхъ событий въ Европѣ“, но изъ его труда видно, что „мы были свидѣтелями“ громаднѣхъ событий при помощи не болѣе, какъ газетныхъ извѣстій, а слѣдов., волею-неволею, оказались осужденными на множество праздныхъ мыслей, общихъ мѣстъ и т. п.; и вотъ почему авторъ, развертывая предъ нашими глазами картины европейской жизни, мысли, политики, прошедшей, настоящей и будущей, долженъ иногда дѣлать такіе предложенія своему терпѣливому читателю: „перенеситесь (!) углубитесь мысленно въ эти дальніе, дальніе міры (!) и вы, кромѣ вѣчности и безпредѣльности, ничего болѣе не увидите“. Едва ли подѣлать условіемъ кто-нибудь рѣшится не только перенестись въ дальніе міры, но даже и просто сдвинуться съ мѣста.

Антропологическія изслѣдованія и ихъ приложенія къ мужскому населенію Россіи. *В. Я. Буяковскаго*. Спб. 1874.

При затруднительности краткосрочныхъ народныхъ переписей, предлагаемый нашимъ академикомъ теоретическій способъ приблизительнаго вычисленія народонаселенія въ каждомъ данную эпоху представляетъ чрезвычайную важность, особенно въ наше время, при введеніи всеобщей воинской повинности. Обращалъ все вниманіе читателей на этотъ почтенный трудъ, приведенъ изъ него добитые авторомъ результаты для современнаго православнаго населенія Россіи: съ 1862 г. населеніе одного мужскаго пола увеличилось между православными болѣе чѣмъ на 2 1/2 мил., и достигаетъ теперь почти 35 мил. 200 тысячъ. Для вопроса воинской повинности мы получаемъ отсюда слѣдующія любопытныя данныя, добытыя однимъ путемъ антропологическаго изслѣдованія: въ настоящее время модныхъ людей, подлежащихъ призыву (т.-е. 20-ти-лѣтнихъ) всѣхъ исповѣданій, и ла всѣми исповѣданіями,—700,000 человекъ; а сила ополченія Россіи всѣхъ возрастовъ отъ 21 года до 40 лѣтъ превышаетъ цифру

ОБЪ ИЗДАНИИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1874-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ть КНИЖЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) *Безъ доставки* на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) *Съ доставкой* по городской почтѣ 16 руб.

II.—Въ Москвѣ: 1) Съ пересылкою *черезъ книжный магазинъ Н. Г. Соловьева* 16 р.—2) Съ пересылкою *черезъ Газетную Экспедицію* 17 руб.

III.—Въ губерніи: Съ пересылкою *черезъ Газетную Экспедицію* 17 руб.

IV.—Заграницею: За пересылку *черезъ Иностранную Экспедицію* въ вышеупомянутой цѣлѣ (17 р.) предлагается: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 р. — въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія Княжества; с) 4 р. — во Францію и Дакію; д) 5 р. — въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; е) 6 р. — въ Швейцарію; ф) 7 р. — въ Италію и Японію; г) 8 р. въ Америку.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

А) Отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. О. Бабунова, въ Спб. Невск. пр. 30.

В) Иногородные и иностранные высылаютъ по *почтѣ* исключительно въ Редакцію (Галернал, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того *почтового учрежденія*, его губерніи и уѣзда, гдѣ допущена выдача газетъ и журналовъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается

„ГОДЪ“

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

за 1872—73 гг.

Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“.

Спб. 1873. Стр. 552. Съ приложеніями документовъ и Каталогами книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1873 г.

Редакція «Вѣстника Европы», подъ названіемъ «ГОДА», сдѣлавъ опытъ особаго изданія, въ формѣ историко-политическаго обзрѣнія, какъ издаются давно подобныя обзрѣнія въ западныхъ литературахъ, пользуясь отчасти при этомъ, какъ матеріаломъ, ежемѣсячными обзрѣніями журнала, привлеченными въ новомъ изданіи и значительно дополненными. Отдѣлъ Россіи вмѣстилъ въ себѣ главнѣйшіе вопросы нашей внутренней политики и внѣшнихъ отношеній; остальная Европа, съ Соединенными-Штатами, составляетъ общую историческую картину за годъ. Обзрѣніе доводится до октября 1873 года.

Цѣна ТРИ рубля.

Для подписчиковъ „Вѣстника Европы“—ДВА рубля, съ пересылкою въ губерніи.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галернал, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Невск. просп., 30.

AUG 30 1962

